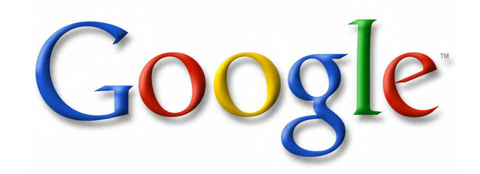


РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

СТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1878

[девятый годъ].

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ТОМЪ XXII.
1878.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВѢЕВ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
ѲЕОФАН ПРОКОПОВ · ДК. ДОЛГОРУКОВ · МЕНШИКОВ · ШЕРЕМЕТЕВ
КАНТЕМИР
ВОЛЫНСКІЙ
ЛОМОНОСОВ · ЯК. ШАХОВСК · БЕСТУЖЕВ · РЮМ · ИВ. ШУВАЛОВ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
НОВИКОВ · ДАШКОВА · ОРЛОВЫ · ПОТЕМКИН · РУМЯНЦОВ · СУВОРОВ · БЕЗБОРОДКО
БЛУДОВ · ПАСКЕВИЧ · ВОРОНЦОВ · ЛЕРМОНТОВ · ГОГОЛЬ · М. ГЛИНКА · ЖУКОВСК
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.
Состав. А. Шарлеманъ.
рис. К. Брожъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. МАЙ. 1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ**, снимокъ съ портрета, исполненнаго въ 1841 г. съ натуры, въ Римѣ, знаменитымъ художникомъ **А. А. Ивановымъ**. Снимокъ хромолитографически отпечатанъ въ Парижѣ, у Лемерсье, подъ наблюденіемъ Академика **Л. А. Сѣрякова**. Подлинникъ принадлежитъ **М. Х. Рейтерну**.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая.

Архивъ князя Воронцова. Книга XII. Москва. 1877 г. стр. 486. Ц. 3 р.

Частная переписка лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія государственными дѣлами въ Россіи, печатающаяся отъ времени до времени въ Архивѣ Воронцова, имѣетъ большой интересъ, какъ по важности вопросовъ, которыхъ она нерѣдко касается, такъ и по своему интимному характеру, дополняя такимъ образомъ офиціальныя данныя весьма цѣнными подробностями. Бо́льшая часть настоящаго тома занята письмами графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ за время 1770—1807 гг., которымъ предпослана небольшая біографія Завадовскаго, заимствованная изъ рукописнаго Словаря русскихъ достопамятныхъ людей, составленнаго статсъ-секретаремъ А. В. Казадаевымъ. За перепискою Завадовскаго помѣщены письма княгини Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; письма Д. П. Трощинскаго къ гр. А. Н. Воронцову, 1785—1805 гг.; письма А. Р. Радищева къ гр. А. Р. Воронцову (1785—1799 гг.); бумаги, относящіяся до разлученія герцога Виртембергскаго съ его супругою; записка о сенатѣ и государственномъ устройствѣ 1801 г. и письмо гр. А. Р. Воронцова къ кн. Адаму Чарторижскому о русской политикѣ (января 1805 г.). Относясь къ одному и тому же періоду времени, эти матеріалы служатъ необходимымъ дополненіемъ другъ другу. Такимъ образомъ, предъ нами проходятъ, хотя въ легкихъ, но нерѣдко мѣткихъ очеркахъ событія и лица второй половины цар. Екатерины II, цар. Павла I и начала цар. Александра I. Приведемъ нѣкоторыя частности изъ этой переписки. Вотъ интересное признаніе Завадовскаго, только что подвергшагося удаленію отъ Екатерины: «Не вѣрь такъ скоро, что я уже покоенъ... Сердце не покорно разсужденію, чувства онаго вѣчны и превѣчны. Бываютъ минуты разума, но пуще меня отягощающія... Въ милостяхъ я приму участіе признаніемъ. Полезны онѣ будутъ для моихъ домашнихъ; но душевнаго удовольствія не произведутъ во мнѣ и сокровища всея вселенныя, хотя бы оныя мнѣ теперь даны. Безуміемъ, слѣпотою или чѣмъ хочешь называй мое состояніе, я не стану спорить; однакожъ оно мило и сіе на вѣки... Къ маленькому столу я былъ сегодня приглашенъ. Болѣ нигдѣ не бывалъ и не пойду... Тяжело всякое свиданіе» (16). Въ другомъ письмѣ находимъ свѣдѣнія о мотовствѣ А. Г. Бобринскаго за границею и о томъ, какихъ средствъ стоила уплата его долговъ, вслѣдствіе чего онъ былъ отданъ подъ опеку Завадовскому (58). О Потемкинѣ послѣдній даетъ такой отзывъ: «Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство... Все стоячее онъ валитъ и лежачее подымаетъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу, но сіе надобно исполнять бы другимъ... Достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами; но и величайшій мужъ Іулій Цезарь былъ in omnia praeceps» (61—62). Говоря далѣе о безпрерывныхъ перемѣнахъ въ войскахъ, о страшныхъ издержкахъ, о недостаткѣ порядка въ цѣломъ, Завадовскій замѣчаетъ: «Но сія машина требуетъ умственной силы... Судьба еще отдаляетъ время вступить Россіи на степень величія. Ты пожелаешь узнать многія причины. Удовольствуйся одною: несчастье въ избраніи людей... Интрига и вѣнецъ совершаются при дворѣ препокойно. Измѣна не менѣе награждается, какъ и сердечная привязанность... Малѣйшій лучъ смысла въ фаворитѣ кажется горящимъ солнцемъ» (62—63). Но особенно суровы приговоры автора писемъ надъ новымъ восходящимъ солнцемъ—Зубовымъ, захватившимъ въ свои руки управленіе почти всѣми дѣлами. «Одинъ только Питтъ въ его лѣты былъ полный министръ» (75 и 102). О Россіи въ концѣ царствованія Екатерины онъ говоритъ: «Ни одно государство такъ скоро въ долги не ринулось, нигдѣ такъ скоро не возобладала роскошь и не внесла въ нравы гибельныхъ пороковъ, какъ у насъ. Расширяй свое воображеніе отъ сихъ пунктовъ. Сколько ни дашь воли, не превзойдешь мѣру» (69). Онъ оспариваетъ мнѣніе гр. Воронцова о раздѣлѣ Польши: «Поступокъ со стороны нравственной, если не апробуешь, въ томъ я не спорю. Но и тутъ скажу: гдѣ же есть нравственность въ политикѣ? Правда,

КОНСТАНТИНЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЧЕВКИНЪ

Главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями

съ 15-го октября 1855 по 11-е октября 1862 г.

I[1]).

Время назначенія. — Предмѣстникъ. — Подготовка Константина Владиміровича. — Положеніе, въ какомъ онъ засталъ главное управленіе. — Обширность круга предметовъ вѣдомства. — Долги. — Старые порядки. — Вступительная рѣчь Константина Владиміровича

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, подписаннымъ въ Николаевѣ 15-го октября 1855 года, Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи сенатора. назначенъ исправляющимъ должность Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, при чемъ оставленъ въ званіи сенатора и членомъ военнаго совѣта и совѣта корпуса горныхъ инженеровъ.

Предмѣстникомъ Константина Владиміровича былъ извѣстный графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, пользовавшійся долгое время особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ покойнаго государя Николая Павловича. Графъ Клейнмихель управлялъ вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій сряду слишкомъ 13 лѣтъ [2]). До какой степени графъ Петръ Андреевичъ

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX, помѣщенъ портретъ К. В. Чевкина, исполненный геліографически въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и въ томъ-же томѣ напечатанъ (стр. 1—22) очеркъ жизни и службы Константина Владиміровича до поступленія его на постъ начальника штаба Горнаго корпуса, т. е. до 1834 г. Время управленія его горнымъ вѣдомствомъ и служба съ 1834 по 1855-й годъ будутъ изложены въ особой монографіи. Ред.

[2]) Со 2-го августа 1842 г. по 15-е октября 1855 г.

былъ дѣятельнымъ администраторомъ, можно судить по нижеслѣдующимъ краткимъ, но самымъ достовѣрнымъ даннымъ.

Съ конца 1842 по октябрь 1855 г. (время управленія графомъ Клейнмихелемъ вѣдомствомъ путей сообщенія), между прочимъ, преобразованы до основанія всѣ центральныя учрежденія главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій; учреждены: департаментъ желѣзныхъ дорогъ, аудиторіатъ главнаго управленія, комитетъ начертанія общаго плана водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній въ имперіи, комитетъ для начертанія основныхъ кондицій къ учрежденію частныхъ компаній сооруженія желѣзныхъ дорогъ; преобразованы окружныя правленія съ подвѣдомственными имъ мѣстами; организованы губернскія дорожныя и строительныя коммисіи; сформированы военнорабочія роты и 33 арестантскія роты гражданскаго вѣдомства; издано новое урочное положеніе для строительныхъ работъ; устроено Верхневолжское водохранилище; перестроены и увеличены на Вышневолоцкой системѣ Осугское и Заводское водохранилища; сооружена Мстинская плотина; углубленъ Тихвинскій каналъ; сооружены Бѣлозерскій и Онежскій каналы, а также Обводный каналъ въ Москвѣ; учреждена Днѣпровско-Бугская водная система; расчищались днѣпровскіе пороги; приступлено къ улучшенію Либавскаго, Виндавскаго и Рижскаго портовъ; построены мосты: Николаевскій черезъ рѣку Неву, въ С.-Петербургѣ, и Николаевскій же мостъ, въ Кіевѣ, черезъ рѣку Днѣпръ; издана гидрографическая карта Россіи и начато изданіе судоходнаго дорожника Европейской Россіи и обзора внутренняго судоходства имперіи.

Изъ существующихъ нынѣ 9,412 верстъ шоссе выстроено ихъ при графѣ Клейнмихелѣ 4,186 верстъ; сверъ того строилось 1,319, проектировано имъ 2,225 верстъ и дѣлались изысканія на 4,702 верстахъ, а на отстроенныхъ шоссе возведено 185 каменныхъ станціонныхъ домовъ; затѣмъ, первыя 6,832 версты проводовъ электромагнитнаго телеграфа проложены въ тотъ же періодъ времени.

Не смотря на господствовавшее долгое время въ Россіи, даже между лучшими инженерами путей сообщенія, предубѣжденіе о невозможности строить въ Россіи желѣзныя дороги, при графѣ Клейнмихелѣ сооружена казенными средствами Николаевская же-

лѣзная дорога исключительно русскими инженерами [1]), и отстроенъ участокъ Варшавской дороги отъ С.-Петербурга до Гатчины.

Что касается частныхъ желѣзныхъ дорогъ, то при графѣ Клейнмихелѣ строилась одна лишь Петергофская. Нерѣдко случалось слышать въ публикѣ укоръ, дѣлаемый графу Клейнмихелю, что онъ будто тормазилъ дѣло развитія въ Россіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сохранившіеся официальные документы однако этого не показываютъ. Съ 1845 по 1855 г. графомъ Клейнмихелемъ былъ данъ ходъ двадцати предположеніямъ о постройкѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи желѣзныхъ дорогъ на частные капиталы разныхъ товариществъ, въ томъ числѣ и акціонерныхъ компаній. Изъ этихъ предложеній шесть были окончательно одобрены высшимъ правительствомъ, и если не осуществились, кромѣ впрочемъ одной Петергофской, то лишь потому, что предприниматели, не смотря на правительственную гарантію въ 4, $4^1/_4$ и 5% строительнаго капитала, не могли его собрать, чему, собственно, въ послѣднее время не малымъ препятствіемъ служила Крымская кампанія [2]).

Не менѣе уступчиво было тогдашнее главное управленіе и относительно предложеній иностранцевъ: Фульда, Опенгейма, Сандерса, Котмана и др., вызывавшихся строить южную линію отъ Москвы къ Одессѣ и вообще къ Черному морю, но предприниматели эти сами уклонились отъ представленія подробныхъ проектовъ и расчетовъ, а главное—залоговъ.

Вступая въ управленіе новою отраслью государственной администраціи, Константинъ Владиміровичъ являлся человѣкомъ вовсе не чуждымъ новой своей дѣятельности.

Не говоря объ обширномъ образованіи новаго Главноуправляющаго вообще, хорошемъ знаніи имъ, по предшествовавшей дѣятельности, Россіи, широкомъ знакомствѣ съ математикою,

[1]) Изъ иностранныхъ инженеровъ участвовалъ только одинъ — американецъ, но не въ качествѣ строителя, а лишь совѣщательнаго инженера.

[2]) Разрѣшенія были даны: въ 1845 г. статскому совѣтнику Нарышкину на постройку линіи отъ С.-Петербурга къ Кронштадту; въ 1847 г. либавскому купечеству отъ Либавы до Юрбурга, и ст. сов. Вонлярлярскому отъ Москвы до Нижняго-Новгорода; въ 1852 г. князю Кочубею отъ Харькова до Θеодосіи, и въ 1853 г. рижскому купечеству отъ Риги до Динабурга.

отчасти съ горною частью, и особенной любви его къ изученію финансовыхъ вопросовъ, необходимо упомянуть, что Константинъ Владиміровичъ обладалъ и практическими знаніями по одному изъ главныхъ предметовъ предстоявшей ему дѣятельности, а именно, по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ. Константинъ Владиміровичъ, еще бывъ начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, съ начала 1841 г. состоялъ дѣятельнымъ членомъ комитета, учрежденнаго для предварительнаго составленія проекта желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Москвы [1]). Въ томъ же году онъ былъ дѣятельнымъ членомъ и другаго комитета, образованнаго для разсмотрѣнія предположеній иностранныхъ банкировъ къ составленію на построеніе желѣзной дороги капитала. Съ 1-го февраля 1842 г. мы видимъ Константина Владиміровича членомъ комитета и строительной коммисіи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги.

По случаю присоединенія, въ концѣ 1842 г., управленія по устройству С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги къ главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій, и за упраздненіемъ строительной коммисіи съ учрежденіемъ спеціальнаго департамента желѣзныхъ дорогъ, Константинъ Владиміровичъ вошелъ въ составъ особой при семъ департаментѣ коммисіи для расмотрѣнія проектовъ и смѣтъ для Николаевской желѣзной дороги по части технической.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и того довольно выдающагося обстоятельства, что, при осмотрѣ, съ 21 по 30 октября 1845 г., его высочествомъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ Николаевской желѣзной дороги, начальникъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ Константинъ Владиміровичъ принималъ, какъ удостовѣряютъ современники, весьма дѣятельное, хотя и не официальное участіе.

Главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, развившееся изъ учрежденнаго въ 1809 г. управленія путями

---

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ мы вовсе не касаемся воззрѣній Константина Владиміровича на желѣзныя дороги, заявленныхъ имъ въ періодъ времени съ 1841—1855 годъ, такъ какъ не обладаемъ всѣми для того необходимыми матеріалами. Безъ сомнѣнія, будущій составитель очерка историческаго развитія хода желѣзнодорожнаго въ Россіи дѣла обратится къ этимъ матеріаламъ и заявленіямъ Константина Владиміровича. Н. С.

сообщенія, достигло къ началу пятидесятыхъ годовъ самой высшей степени усложненія. Ни въ одинъ изъ періодовъ и даже моментовъ своего существованія главное управленіе не обнимало столько отраслей администраціи и вообще предметовъ вѣдомства, какъ въ эпоху вступленія въ должность Главноуправляющаго генерала Чевкина. Главное управленіе завѣдывало тогда желѣзными дорогами, государственными и губернскими шоссе, всѣми скотопрогонными вдоль сихъ послѣднихъ дорогами, всѣми внутренними водами, строительною частью въ портахъ, всею губернскою строительною и дорожною частями [1]), арестантскими ротами, публичными зданіями, телеграфами, корпусомъ собственно инженеровъ путей сообщенія, строительнымъ отрядомъ, военно-рабочими ротами гражданскаго вѣдомства и гардкоутнымъ экипажемъ или командою.

Такая обширная дѣятельность главнаго управленія усложнялась еще болѣе не вполнѣ правильнымъ устройствомъ финансовой его части, что уже ясно изъ того, что къ ноябрю мѣсяцу 1855 года долги главнаго управленія разнымъ подрядчикамъ и вообще контрагентамъ доходили до $10^1/_2$ милліоновъ руб. Не меньшимъ тормазомъ служили: доставшаяся намъ отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ наслѣдіе большая рутина въ дѣлѣ администраціи вообще, и въ частности отъ того развивавшіеся безплодные переписка и формализмъ.

Въ какой мѣрѣ, вступая въ должность, Константинъ Владиміровичъ сознавалъ вышеприведенные недостатки, теперь судить весьма трудно. Мы знаемъ однако, что въ своей profession de foi, изложенной въ приказѣ по вѣдомству отъ 24-го октября за № 1-мъ, генералъ Чевкинъ избралъ нѣсколько иную точку зрѣнія.

Немедленно по назначеніи на должность, Константинъ Владиміровичъ собралъ всѣхъ начальствующихъ по вѣдомству лицъ въ конференцъ-залу института инженеровъ путей сообщенія [2]), гдѣ и произнесъ свою вступительную рѣчь.

Смыслъ этой рѣчи, въ значительно смягченномъ видѣ, какъ

---

[1]) Не задолго до передачи строительной и дорожной частей въ вѣденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно въ 1862 г., дорожныя коммисіи завѣдывали 176,000 верстъ почтовыхъ, торговыхъ и военныхъ дорогъ.

[2]) Въ домѣ Главноуправляющаго еще жилъ гр. Клейнмихель. Н. С.

удостовѣряютъ ближайшіе современники, вошелъ въ упомянутый выше приказъ за № 1-мъ.

Вотъ что сказано въ приказѣ отъ 24-го октября 1855 г.:

«Государю Императору благоугодно было поручить мнѣ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ глубокомъ сознаніи всей важности такого назначенія, столь несоразмѣрнаго моимъ слабымъ заслугамъ,—обращаюсь прежде всего къ моимъ новымъ подчиненнымъ, чтобы просить ихъ искренняго, усерднаго содѣйствія. При этомъ лишь условіи, при увѣренности въ ихъ стараніи, опытности, прямотѣ,—могу я надѣяться, что мы общими усиліями достигнемъ высокой цѣли общаго нашего служебнаго призванія.

«Пути сообщенія составляютъ вездѣ коренную потребность жизни государственной и частной; но въ Россіи, при значительности ея протяженій и суровости климата, потребность эта ощутительнѣе, а среди нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ, она выражается еще разительнѣе, по тѣсной связи ея съ обороною предѣловъ Имперіи, столь нуждающихся въ частыхъ и удобныхъ сношеніяхъ съ внутренними областями. Поэтому, болѣе, чѣмъ когда либо, мы всѣ обязаны усугубить стараніе ко всемѣрному улучшенію, умноженію, упрощенію сихъ сношеній.

«Удобство и дешевизна путей сообщенія—вотъ прямая цѣль управленія оныхъ. Призываю всѣхъ чиновъ сего управленія, отъ старшихъ до младшихъ, сохранять постоянно въ виду, при всѣхъ служебныхъ дѣйствіяхъ, эту главную цѣль, и стремиться непрестанно къ достиженію оной На этой стезѣ каждый найдетъ въ новомъ начальникѣ всегда признательнаго ревнителя его стараній.

«Публичныя зданія тоже составляютъ важную отрасль нашего управленія, особенно по значительности издержекъ; прочность и удешевленіе, съ удаленіемъ всякой въ зданіи роскоши, вотъ цѣль, которую поручаю ближайшему, постоянному вниманію чиновъ сего управленія.

«Съ полученіемъ сего приказа, предлагаю всѣмъ гг. частнымъ начальникамъ обращаться впредь ко мнѣ въ установленномъ порядкѣ».

По разсказамъ лицъ, присутствовавшихъ въ залѣ института, Константинъ Владиміровичъ вошелъ не спокойно, угрюмо, и объявилъ, что каждый долженъ быть честенъ; но вѣдомство путей сообщенія не таково. Его обвиняетъ народный голосъ. т. е. народная совѣсть. Слова эти произвели, какъ разсказываютъ, на слушателей потрясающее впечатлѣніе, какъ укоръ, обращенный ко всему рѣшительно вѣдомству, а не къ нѣкоторымъ лишь лицамъ.

II.

Перемѣны въ личномъ составѣ.—Учебныя заведенія.—Подготовка инженеровъ за границею.—Внутренній распорядокъ.—Финансовыя мѣры.—Разныя человѣколюбивыя мѣры Константина Владиміровича.

Въ теченіе перваго мѣсяца годовое содержаніе Константина Владиміровича, по званію Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, ограничивалось, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, 10-ми тысячами рублей съ сотнями. 23-го ноября 1855 года Константинъ Владиміровичъ личнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ себѣ, по примѣру графовъ Толя и Клейнмихеля, добавочный окладъ изъ суммъ главнаго управленія въ 7 т. руб. Послѣднее обстоятельство едва-ли не было въ связи съ намѣреніемъ Константина Владиміровича не переѣзжать въ казенное помѣщеніе, на Фонтанкѣ у Обуховскаго моста—бывшій домъ князя Юсупова. По словамъ нѣкоторыхъ сослуживцевъ, Константинъ Владиміровичъ находилъ казенное помѣщеніе слишкомъ для себя роскошнымъ. Впрочемъ, черезъ одиннадцать мѣсяцевъ Константинъ Владиміровичъ перебрался въ казенный домъ [1]), гдѣ и оставался все время завѣдыванія главнымъ управленіемъ путей сообщенія.

Прохожденіе службы Константина Владиміровича въ званіи Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями было, въ отношеніи наградъ и повышеній, самое блестящее.

Утвержденіе въ должности послѣдовало 1-го января 1856 г., а 15-го апрѣля того-же года Константинъ Владиміровичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. 26-го августа произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Орденъ св. Александра Невскаго Константинъ Владиміровичъ получилъ 27-го мая 1857 г.; алмазные на сей орденъ знаки—8-го сентября 1859 г. и орденъ св. Андрея Первозваннаго 23-го апрѣля 1861 г.

Личный составъ высшихъ чиновъ главнаго управленія подвергся на первое время самому незначительному измѣненію, а

---

[1]) Лица, близко знавшія генерала Чевкина, объясняютъ перемѣну его намѣренія усмотрѣнною имъ, во время съѣзда посланниковъ на коронацію, невозможностью принимать министру посѣтителей въ маленькой частной квартирѣ, едва-ли не изъ четырехъ комнатъ. Н. С.

именно: въ январѣ 1856 г. бывшаго директора канцеляріи д. ст. сов. Мицкевича замѣнилъ членъ совѣта и аудиторіата главнаго управленія д. ст. сов. Заика, пользовавшійся до самой своей кончины (1860 г.) особымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Чевкина. Заику, послѣ его смерти, замѣнилъ, не менѣе почтенная личность, д. ст. сов. Боричевскій, весьма опытный и образованный чиновникъ, а нынѣ тайный совѣтникъ и одинъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ членовъ совѣта министерства, извѣстный между прочимъ своею литературною дѣятельностію по литовской исторіи.

Въ концѣ 1856 г. послѣдовало назначеніе директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ инженеръ-генералъ-маіора Латраверса, котораго въ 1858 г. замѣнилъ инженеръ-генералъ-маіоръ Языковъ. Въ 1859 г. инженеръ-генералъ-маіоры Богдановичъ и Палибинъ получили въ завѣдываніе, первый—департаментъ искусственныхъ дѣлъ, а второй—департаментъ проектовъ и смѣтъ

Въ этотъ-же промежутокъ времени инженеръ-полковники Липинъ и Марченко сдѣланы были вице-директорами департаментовъ желѣзныхъ дорогъ и искусственныхъ дѣлъ. Не говоря о назначеніяхъ на новыя должности, какъ-то: начальника телеграфнаго управленія, равно на новую же должность главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, собственно перемѣны главныхъ дѣятелей главнаго управленія ограничивались лишь указанными случаями.

Здѣсь до очевидности проглядываютъ двѣ весьма существенныя черты характера Константина Владиміровича: крайняя осмотрительность и нелюбовь быстрыхъ и крутыхъ перемѣнъ

Убѣжденіе въ важности значенія личнаго состава въ дѣлѣ администраціи тѣмъ не менѣе было вполнѣ присуще Константину Владиміровичу. Задачу улучшенія личнаго состава Константинъ Владиміровичъ сознавалъ вполнѣ и съ широкой точки зрѣнія. Улучшенія личнаго состава онъ желалъ достичь на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, и хотя медленнымъ, но прочнымъ путемъ. Строительное училище и институтъ инженеровъ путей сообщенія, эти два главные разсадника для дѣятелей прежняго главнаго управленія, всѣ семь лѣтъ управленія генерала Чевкина вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій обращали на себя особенное его вниманіе.

За время управленія Константина Владиміровича, оба заведенія постепенно были преобразованы, и преобразованы весьма существенно.

Первымъ мѣропріятіемъ, а именно еще въ 1856 г., было испрошеніе, въ значеніи общей постоянной мѣры, разрѣшенія допускать держать выпускные экзамены въ обоихъ заведеніяхъ всѣмъ желающимъ—непосредственно, не поступая въ сіи заведенія.

Затѣмъ, въ строительномъ собственно училищѣ, въ 1857 г., значительно поднятъ уровень образованія съ установленіемъ пріема въ оное молодыхъ людей отъ 16—19-ти-лѣтняго возраста, окончившихъ курсъ ученія въ гимназіяхъ. Въ 1859 году разрѣшенъ пріемъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія во всѣ классы общаго образованія отъ 14—19-ти-лѣтняго возраста.

Въ 1861 г. срокъ обязательной службы питомцевъ института и училища сокращенъ съ 10-ти лѣтъ на 6. Въ строительномъ училищѣ допущены своекоштные и губернскіе экстерны и казенные стипендіаты, отчего заведеніе обратилось въ полуоткрытое. Воспитанникамъ же института разрѣшено жить внѣ заведенія, а живущимъ въ институтѣ дозволены отлучки отъ 3-хъ часовъ пополудни до 10-ти часовъ вечера. Наконецъ, въ 1862 г. генералъ Чевкинъ исходатайствовалъ отмѣну фронтоваго ученья и обученія ружейнымъ пріемамъ въ институтѣ.

Не вдаваясь здѣсь въ оцѣнку педагогической стороны дѣла, нельзя не остановить вниманія на томъ, что всѣ приведенныя мѣры очевидно были направлены генераломъ Чевкинымъ къ расширенію и упроченію образованія въ обоихъ заведеніяхъ, въ видахъ подготовленія необходимыхъ для вѣдомства дѣятелей.

Въ тѣхъ же видахъ генералъ Чевкинъ почти ежегодно командировалъ за границу съ ученою цѣлію лучшихъ питомцевъ института. Достаточно указать на такія командировки бывшихъ потомъ профессорами въ институтѣ гг. Энрольда, Глушинскаго и Салова, а также, для практическихъ потребностей собственно главнаго управленія, инженеровъ Панаева, Гейдателя, Серебрякова, Журавскаго, Заики (два послѣдніе были посланы въ Англію и Америку), Грека, Клокоцкаго и Замятина. При послѣднихъ командировкахъ поручалось изучать за границею состояніе желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ и водяныхъ

сообщеній, портовъ, ихъ администрацій, топку паровозовъ торфомъ и т. п. частныя усовершенствованія.

Не только не вводя, но даже и не проектируя никакихъ общихъ или коренныхъ реформъ главнаго управленія, за единственнымъ впрочемъ исключеніемъ организаціи Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, Константинъ Владиміровичъ оставилъ слѣды своей дѣятельности рѣшительно по каждой отрасли ввѣреннаго ему управленія. Ни одна изъ отраслей не была лишена какихъ либо частныхъ, отдѣльныхъ улучшеній или усовершенствованій, хотя и не въ одинакихъ размѣрахъ.

Нѣкоторое лишь особенное предрасположеніе Константина Владиміровича принадлежало телеграфному вѣдомству, преобразованному имъ въ самостоятельное управленіе.

Наименѣе слѣдовъ дѣятельности бывшаго Главноуправляющаго замѣчается по отношенію къ арестантскимъ ротамъ и губернскимъ строительнымъ и дорожнымъ коммисіямъ.

Относительно внутренняго устройства главнаго управленія и порядка производства дѣлъ генералъ Чевкинъ не предпринималъ, какъ выше сказано, никакихъ радикальныхъ реформъ; къ частнымъ же его распоряженіямъ и испрошеннымъ имъ мѣропріятіямъ относятся: сокращеніе переписки, упрощеніе и сокращеніе текста казенныхъ телеграммъ; дозволеніе принимать лицъ всѣхъ свободныхъ сословій на службу по главному управленію: писарями, кондукторами, фельдшерами, граверами и словорѣзами; упраздненіе двухъ округовъ путей сообщенія [1]); увеличеніе до двойнаго размѣра оклада квартирныхъ денегъ инженерамъ путей сообщенія, усиленіе столовыхъ денегъ чинамъ округовъ, прямое увеличеніе содержанія оберъ-офицеровъ инженеровъ путей сообщенія по сравненію съ чинами военнаго вѣдомства, и косвенное— штабъ-офицеровъ и генераловъ того же корпуса установленіемъ шести-процентнаго за нихъ взноса въ эмеритуру изъ суммъ государственнаго казначейства; испрошеніе ежегоднаго отпуска 5 т. р. для пособій на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ чиновъ главнаго управленія, и установленіе правилъ храненія и уничтоженія архивныхъ

---

[1]) Саратовскаго и Екатеринославскаго

дѣлъ. Какъ на наиболѣе выдающіяся распоряженія въ этомъ отдѣлѣ дѣятельности генерала Чевкина, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ указать на образованіе эмеритальной кассы инженеровъ путей сообщенія и чиновъ строительнаго отряда и военно-рабочихъ ротъ, а также на постройку двухъ домовъ, одного для помѣщенія главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, и другаго для телеграфнаго управленія и телеграфной станціи въ С.-Петербургѣ и для состоящей при ней сигнальной школы.

Для постройки, на Фонтанкѣ у Обухова моста, дома для помѣщенія учрежденій главнаго управленія, въ 1858 г. былъ купленъ за 115 т. частный домъ князя Дондукова-Корсакова; постройка же и отдѣлка новаго дома была окончена въ октябрѣ 1862 г., и стоили 355 т. р.

Всѣ эти вполнѣ полезныя распоряженія и мѣропріятія не требуютъ никакихъ объясненій; что касается предположеній Константина Владиміровича, однако не осуществившихся, о сужденіи всѣхъ имѣвшихъ обмундированіе военнаго покроя гражданскихъ чиновъ ввѣреннаго ему вѣдомства за преступленія по должности военнымъ судомъ, наравнѣ съ инженерами и прочими военными чинами сего вѣдомства, то предположенія эти, заявленныя имъ въ 1862 г., наканунѣ почти судебной реформы 1864 года, представляются весьма странными, такъ какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что генералъ Чевкинъ внимательно слѣдилъ за проектомъ судебной реформы и всегда сочувственно относился къ началамъ, въ основу оной положеннымъ.

Финансовое положеніе главнаго управленія Чевкинъ засталъ въ весьма незавидномъ положеніи. Хотя главное управленіе и распоряжалось многими и притомъ значительными спеціальными капиталами, переведенными съ введеніемъ новой смѣтной системы въ рессурсы государственнаго казначейства, что̀, въ свою очередь, обошлось не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны Константина Владиміровича,—главное управленіе имѣло въ 1855 г., какъ выше показано, до 10½ мил. р. долговъ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ и преимущественно подрядчикамъ по постройкѣ и ремонту Николаевской желѣзной дороги.

Обстоятельствомъ этимъ генералъ Чевкинъ былъ крайне озабоченъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ должность Главноуправляющаго, и 10-го уже ноября 1855 г., руководимый

опасеніями, что подобное явленіе окончательно свяжетъ ему руки по отношенію къ дальнѣйшимъ хозяйственнымъ операціямъ, а главнымъ образомъ усматривая въ допущенномъ порядкѣ удовлетворенія кредиторовъ казны полное нарушеніе какъ ихъ частныхъ правъ, такъ вообще служебнаго порядка, и вообще подрывъ довѣрія къ правительству, Константинъ Владиміровичъ, по разсмотрѣніи дѣла о долгахъ главнаго управленія въ особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа (въ послѣдствіи князя) А. Ѳ. Орлова, достигъ разрѣшенія отпуска изъ казны въ теченіе 1856 г. потребной на покрытіе долговъ суммы.

Въ вопросѣ о непередачѣ въ казну спеціальныхъ капиталовъ главнаго управленія Константинъ Владиміровичъ достигъ весьма малаго, а именно: разсмотрѣнія этого вопроса въ особой высшей контрольной коммисіи; но капиталы тѣмъ не менѣе были отобраны, во всемъ согласно съ проектированною покойнымъ статсъ-секретаремъ А. В. Татариновымъ системою.

Не менѣе озабочивала генерала Чевкина неурядица въ дѣлахъ расходованія строительными и дорожными коммисіями суммъ земскаго сбора. Цѣлый рядъ распоряженій былъ направленъ Константиномъ Владиміровичемъ къ устройству финансовой части губернской строительной и дорожной администраціи, этого тогда еще не початаго угла, но за всѣ семь лѣтъ управленія не было достигнуто, кажется, никакихъ осязательныхъ послѣдствій, кромѣ, впрочемъ, нѣкоторыхъ попытокъ къ децентрализаціи.

Къ частнымъ отдѣльнымъ попыткамъ улучшенія хозяйственно-финансовой части главнаго управленія въ періодъ времени съ 1856 по 1862 годъ относятся: введеніе, по примѣру военнаго министерства, разсылки къ публичнымъ торгамъ секретныхъ цѣнъ, при непревышеніи которыхъ предоставлялось мѣстнымъ начальникамъ утверждать торги на всякую сумму; предоставленіе Главноуправляющему заключать подряды на сроки долѣе 4-хъ лѣтъ, и дозволеніе выдавать подрядчикамъ платежныя свидѣтельства впредь до выдачи окончательныхъ квитанцій.

Особенное обращаютъ на себя вниманіе тѣ частныя мѣры, въ которыхъ ясно выражается какъ чувство человѣколюбія генерала Чевкина, такъ и полное отрѣшеніе отъ всего того, что основано на рутинѣ и лишено прочнаго логическаго основанія.

Такимъ образомъ, почину Константина Владиміровича принадлежитъ: отмѣна бритья въ арестантскихъ ротахъ полголовы тѣмъ собственно арестантамъ, которые были помѣщены на краткіе сроки и подлежали обращенію въ ихъ первоначальныя общества; дозволеніе недостаточнымъ жителямъ нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ возводить деревянныя надворныя строенія, гдѣ оныя были воспрещаемы, а равно крыть крыши камышомъ и соломою; отмѣна закона о нечетномъ числѣ оконъ въ фасадахъ зданій, а также объ обязательныхъ фасадахъ для частныхъ построекъ при шоссе; отмѣна обязательной постройки въ селеніяхъ колодцевъ только съ валомъ и колесомъ; разрѣшеніе сельскимъ прихожанамъ избирать въ строители храмовъ вольнопрактикующихъ техниковъ; воспрещеніе строительнымъ и дорожнымъ коммисіямъ требовать отъ владѣльцевъ документовъ на право владѣнія застраиваемыми участками; отмѣна распоряженія о переселеніи жителей Галернаго въ С.-Петербургѣ селенія, и, наконецъ, правила 1861 г. о наймѣ рабочихъ на большія казенныя и общественныя сооруженія.

Справедливость однако требуетъ, рядомъ съ приведенными вполнѣ гуманными распоряженіями, упомянуть и о нѣкоторыхъ, какъ мы смѣемъ думать, ошибкахъ генерала Чевкина, составляющихъ если не противорѣчіе съ высказаннымъ, то во всякомъ случаѣ исключенія, вызванныя какими либо случайными посторонними обстоятельствами.

Случаевъ такихъ за время 1856—1862 г. не много, но они довольно знаменательны.

Въ 1860 г. 10-е или 11-е декабря пришлось въ воскресный день. Кто-то изъ высокопоставленныхъ лицъ обратилъ вниманіе Константина Владиміровича, что въ этотъ праздничный день наводился въ Петербургѣ одинъ изъ городскихъ мостовъ, бывшихъ тогда въ вѣденіи І-го округа путей сообщенія. Константинъ Владиміровичъ въ тотъ же день и немедленно объявилъ выговоръ мѣстному начальнику отдѣленія и замѣчаніе начальнику округа, безъ должнаго соображенія о степени вины этихъ лицъ и практиковавшагося до того порядка, основаннаго на сознаніи, что невозстановленіе черезъ рѣку правильнаго сообщенія между частями столицы составляетъ стѣсненіе слишкомъ вѣское въ сравненіи съ отягощеніемъ работою въ праздничный

день нѣсколькихъ обязательно служащихъ рабочихъ изъ мостовой команды.

Еще ранѣе этого, а именно въ 1858 году, престарѣлый рядовой военно-рабочей роты № 10-й, Абрамъ Векслеръ, подалъ словесную просьбу, **помимо команды**, объ освобожденіи его отъ работъ на дорогахъ, по слабости здоровья;—въ поступкѣ этомъ Константинъ Владиміровичъ видѣлъ почему-то особенно тяжкое преступленіе, потому что счелъ нужнымъ испросить разрѣшеніе высшаго начальства о преданіи Векслера военному суду. Распоряженіе это нѣсколько странно. Если правила военной дисциплины требовали военнаго суда, то никто не мѣшалъ примѣнить его въ общемъ порядкѣ, безъ всякихъ чрезвычайныхъ докладовъ и донесеній; если же, наоборотъ, тогдашніе законы сего не требовали, то едва ли проступокъ требовалъ чрезвычайнаго порядка суда.

Третій случай, вызвавшій притомъ сильный укоръ со стороны сослуживцевъ Константина Владиміровича, пользовавшихся однако полнымъ его расположеніемъ и уваженіемъ, касается двухъ воспитанниковъ строительнаго училища, которые за бывшій въ 1860 г. въ семъ училищѣ безпорядокъ, были исключены и сосланы на службу въ строительныя коммисіи на два года въ званіи чертежниковъ.

По разсказамъ вполнѣ достовѣрнаго лица и очевидца, случай этотъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ строительномъ училищѣ тогда были большія строгости. Воспитанники высшаго курса (но не выпускнаго), выведенные изъ терпѣнія барабаномъ и наказаніями, написали директору почтительное прошеніе, чтобы ихъ немного облегчили и не такъ строго наказывали. На прошеніи первымъ подписался воспитанникъ Р...., по показанію начальства, чрезвычайно кроткая и боязливая личность. Выстроившись въ классѣ, воспитанники послали просить директора. Первымъ стоялъ Р..., и когда директоръ, прочитавъ, приказалъ идти къ занятіямъ, воспитанники поклонились и ушли. Въ этомъ состоялъ весь, такъ названный тогда, бунтъ.

Константинъ Владиміровичъ принялъ дѣло горячо. Училищное начальство рѣшило наказать Р...., хотя допускало предположеніе, что прошеніе было всунуто въ руки Р.... товарищами на-

сильно. Кромѣ Р...., рѣшено было наказать и другаго: перваго воспитанника слѣдующаго низшаго класса Б...., отличавшагося, по словамъ того же начальства, необыкновенными способностями, и поэтому только заподозрѣннаго въ подговорѣ высшаго класса. Константинъ Владимiровичъ, къ удивленiю всѣхъ, одобрилъ такой судъ, и оба воспитанника высланы были чертежниками на два года въ губернскiя строительныя коммисiи, съ чинами коллежскаго регистатора, безъ права выхода въ отставку.

Черезъ нѣкоторое время Р...., въ оборванной свиткѣ, съ мѣшкомъ на плечахъ, въ которомъ были рубаха и старые сапоги, явился къ директору канцелярiи Главноуправляющаго путями сообщенiя г. Боричевскому. На вопросъ отчего онъ ушелъ, онъ отвѣчалъ такъ, что не оставалось сомнѣнiя въ его болѣзненно-душевномъ настроенiи.

Директоръ канцелярiи доложилъ Константину Владимiровичу объ этомъ случаѣ. Константинъ Владимiровичъ, подъ влiянiемъ донесенiя мѣстнаго губернатора, что Р.... бѣжалъ, тотчасъ объявилъ, что Р.... нужно предать суду.

На это директоръ канцелярiи отвѣтилъ:

— «Позвольте его представить, и сами изволите увидѣть, что для Р.... все равно какому бы суду его ни предавали, и что-бы съ нимъ ни дѣлали».

У Константина Владимiровича выступили слезы; онъ приказалъ успокоить Р...., дать ему денегъ и разспросить, чего бы онъ хотѣлъ. Р.... пожелалъ окончить курсъ въ строительномъ училищѣ, но прежде отдохнуть у отца, человѣка совершенно бѣднаго.

Константинъ Владимiровичъ испросилъ у Государя Императора прощенiе и Р.... и Б.... Обоимъ далъ денегъ: Р.... для поѣздки къ отцу и леченiя, а Б... для проѣзда въ С.-Петербургъ. Затѣмъ Р.... и Б.... (первый по своемъ выздоровленiи) зачислены были въ департаментъ проектовъ и смѣтъ чертежниками, безъ обязательства ходить на службу, чтобъ они, получая жалованье, могли окончить курсъ въ училищѣ. Оба кончили курсъ блистательно.

III.

Телеграфы.—Шоссе.—Водяные пути.—Губернская строительная и дорожная части.—Арестантскія роты.—Постройка памятниковъ.

До 1852 г. было лишь два оптическихъ телеграфа: одинъ отъ С.-Петербурга до Варшавы, другой отъ С.-Петербурга до Кронштадта. Къ концу 1855 г. генералъ Чевкинъ засталъ около 5,000 верстъ электромагнитнаго телеграфа.

Въ послѣднемъ году завѣдыванія главнымъ управленіемъ Константиномъ Владиміровичемъ, т. е. въ 1862 г., было уже 22,765 верстъ однѣхъ телеграфныхъ линій, не принимая въ расчетъ числа верстъ проводовъ. Устройство версты обходилось отъ 102 до 150 руб. Ремонтъ сначала былъ подрядный, обходившійся по 66 руб. 50 к. съ версты линіи. Константинъ Владиміровичъ замѣнилъ ремонтъ подрядный хозяйственнымъ, чѣмъ понизилъ расходъ до 26 руб. 30 к. съ версты.

Телеграфная администрація въ 1858 г. была выдѣлена изъ I-го округа путей сообщенія и возведена въ самостоятельное управленіе. Въ 1859 г. на службу по телеграфному вѣдомству допущены иностранцы и неимѣющіе правъ на государственную службу. Въ 1861 г. телеграфные офицеры переименованы въ офицеровъ телеграфнаго корпуса.

До какой степени Константинъ Владиміровичъ былъ осторожнымъ новаторомъ, можетъ служить исторія съ проведеніемъ телеграфа изъ Европы въ Америку черезъ Сибирь. Генералъ Чевкинъ, много положившій своего вполнѣ производительнаго труда и неутомимыхъ работъ на улучшеніе имъ излюбленной телеграфной части, тѣмъ не менѣе, повидимому, не вѣрилъ въ возможность осуществленія американской линіи черезъ Сибирь.

Съ 1858 по 1861 г. было до семи предложеній устроить эту линію. Просили объ этомъ не только англичанинъ Кембель и французъ Лежекъ де-Либессаръ, но и русскіе, какъ, напримѣръ, капитанъ Романовъ и маіоръ Колчинъ. Всѣ эти ходатайства были постоянно отклоняемы Константиномъ Владиміровичемъ не только какъ неудобныя предложенія, но какъ предложенія, основанныя на несбыточной мысли. Сбыточность однако, японской линіи, черезъ Сибирь, въ настоящее время перешла въ несомнѣнную дѣйствительность.

Въ концѣ 1855 г., Константинъ Владиміровичъ принялъ въ завѣдываніе отъ своего предмѣстника 5,487 [1]) верстъ шоссе. Къ нимъ за семь лѣтъ управленія Константина Владиміровича прибавилось около 1,800 верстъ.

За періодъ времени управленія Константина Владиміровича возникали предположенія о проведеніи шоссе между Ярославлемъ и Костромою, отъ Перми черезъ Екатеринбургъ и Верхотурье до Богословскихъ заводовъ, между Харьковомъ и Полтавою и отъ Полтавы до Одессы. Ходатайства эти, очевидно въ виду господствовавшей горячки въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, были отклонены генераломъ Чевкинымъ; причемъ Ярославско-Костромское шоссе на столько близко было къ осуществленію, что приступъ къ устройству былъ даже назначенъ на 1857 годъ.

Къ описываемому періоду относится весьма знаменательное разрѣшеніе устроить два частныхъ шоссе съ правомъ взиманія шоссейнаго сбора: отставному генералъ-маіору Мальцеву отъ Брянска до Александровскаго завода, и коллежскому секретарю Краммеру отъ Нарвы до Кульгской пристани.

Заботы Константина Владиміровича о шоссе, свойственно его характеру, касались не только довершенія сѣти ихъ, предначертанной его предмѣстникомъ, но и самаго процесса ихъ постройки и ремонта. Упрощеніе и удешевленіе верстовыхъ столбовъ, уменьшеніе объѣздовъ при перестройкѣ шоссейнаго полотна, храненіе въ округахъ образцоваго каменнаго матеріала, правила установки штабелей щебня—все это установлено и введено при Константинѣ Владиміровичѣ.

Касаясь шоссе, построенныхъ при генералѣ Чевкинѣ, нельзя не упомянуть объ оригинальномъ процессѣ, который пришлось разрѣшить Константину Владиміровичу.

Еще при графѣ П. А. Клейнмихелѣ вытегорскій 1-й гильдіи купецъ Гладинъ, въ апрѣлѣ 1851 г., принялъ на себя по контракту сооруженіе Кіево-Брестскаго шоссе за 5.399,480 р. Смѣты оказались неправильно составленными по отношенію главнымъ образомъ способа полученія камня и разстоянія его подвозки. По смѣтамъ подвозка камня была расчитана на 21½ версту,

---

[1]) Здѣсь не приняты въ расчетъ до 2 т. верстъ шоссе въ Царствѣ Польскомъ. Н. С.

на дѣлѣ же пришлось добывать камень за 300 верстъ и выламывать его изъ скалъ. Мѣстное начальство, вслѣдствіе этого, израсходовало за счетъ Гладину дополнительную сумму сверхъ контракта. Совѣтъ главнаго управленія, разсматривавшій дѣйствія мѣстнаго начальства, призналъ права подрядчика. Константинъ Владиміровичъ отвергъ права подрядчика, но призналъ его заслуживающимъ милость, почему и испросилъ разрѣшеніе о вознагражденіи его въ суммѣ 846 т. р., причемъ имѣлъ въ виду подвергнуть виновныхъ отвѣтственности, отъ которой однако они были избавлены на основаніи всемилостивѣйшихъ манифестовъ 1855 и 1856 гг. Въ мотивахъ предложеннаго способа окончанія дѣла Константинъ Владиміровичъ указывалъ: на трудность подряда, невозможность его выполненія за выговоренную сумму безъ убытковъ, примѣрныя усердіе и добросовѣстность подрядчика; вообще дѣло это было разсмотрѣно Константиномъ Владиміровичемъ, какъ онъ самъ выразился, съ нравственной стороны и со стороны справедливости, но внѣ формы закона. Совѣту главнаго управленія генералъ Чевкинъ поставилъ на видъ оставленіе безъ послѣдствій распоряженія мѣстнаго начальства о самовольномъ израсходованіи дополнительной суммы сверхъ контракта.

По части водяныхъ сообщеній наиболѣе выдающимися представляются: приступъ въ 1861 г. къ работамъ по устройству Новоладожскаго канала, и въ 1862 году—къ углубленію Свирскаго; работы по устройству Либавскаго порта и улучшенію Перновскаго, Таганрогскаго и Бердянскаго; расчистка Волжскихъ гирлъ и Днѣпра между Кіевомъ и Кременчугомъ, и производство изысканій по улучшенію фарватера Западной Двины.

Работы по устройству Новоладожскаго канала были сданы на 5 лѣтъ подрядчику Гладину за 4.600,000 р., а по углубленію 13-ти верстъ Свирскаго канала—на 4 года и тому же подрядчику за сумму 526 т. р. Расходы на прорытіе Новоладожскаго канала были отнесены на четверть-процентный дополнительный сборъ съ грузовъ, установленный для Староладожскаго канала въ 1859 г.

Къ работамъ по устройству Либавскаго порта приступлено въ 1860 г. Первоначальный проектъ былъ расчитанъ въ 2 мил. руб., но въ послѣдствіи значительно сокращенъ, потому что Глав-

ное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, разстроившись въ денежномъ отношеніи, начало уклоняться отъ постройки линіи отъ Динабурга до Либавы.

При Константинѣ Владиміровичѣ упраздненъ бывшій на Волгѣ гардкоутный экипажъ, нѣкогда сформированный для защиты каравановъ отъ грабителей, и потерявшій съ теченіемъ времени всякое практическое значеніе.

Часть денежныхъ средствъ, употреблявшихся на содержаніе этого экипажа, предназначена была Константиномъ Владиміровичемъ для снабженія судоходнаго начальства легкими пароходами для разъѣздовъ по Волгѣ и для надзора за судоходствомъ. Лѣтомъ 1857 г., генералъ Чевкинъ лично осмотрѣлъ всю Маріинскую систему, и преподалъ частныя правила для осадки судовъ и для порядка ихъ слѣдованія по системѣ.

Предположеніе о соединеніи правильнымъ и удобнымъ водянымъ путемъ г. Повѣнца съ Бѣлымъ моремъ не встрѣтило сочувствія со стороны Константина Владиміровича, по причинѣ еще малаго развитія Бѣломорскаго края.

Ни губернская строительная и дорожная части, ни бытъ арестантскихъ ротъ въ теченіе времени между 1855—1863 гг. не подверглись рѣшительно никакому преобразованію. Нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ Владиміровичъ, который ко всѣмъ своимъ обязанностямъ относился весьма внимательно и добросовѣстно, сознавалъ вполнѣ все неустройство указанныхъ частей.—тѣмъ не менѣе вся дѣятельность его по дѣламъ, до сихъ частей относящимся, не выходила изъ круга рѣшенія текущихъ дѣлъ, и заключалась: въ разсмотрѣніи фасадовъ зданій, въ утвержденіи проектовъ и смѣтъ, и преслѣдованіи черезъ аудиторіатъ возмутительныхъ беззаконныхъ дѣйствій начальниковъ арестантскихъ ротъ въ отношеніи арестантовъ ввѣренныхъ имъ ротъ.

Нѣкоторое исключеніе составляютъ: разрѣшеніе мѣстнымъ окружнымъ правленіямъ утверждать своею властію фасады частныхъ зданій при шоссе; изданіе 14-ти дополнительныхъ образцовыхъ фасадовъ на частныя постройки въ уѣздныхъ городахъ; установленіе единообразнаго порядка представленія строительными коммисіями предположеній о новыхъ постройкахъ и ремонтныхъ работахъ, съ возложеніемъ на нихъ отвѣтственности за производство

неразрѣшенныхъ работъ. Сюда же относятся: испрошеніе разрѣшенія частнымъ лицамъ строить на свой счетъ зданія для присутственныхъ мѣстъ, тюремъ и другихъ казенныхъ помѣщеній съ платежомъ имъ наемной платы въ теченіи 30-ти-лѣтняго срока; инструкція дежурному въ арестантскихъ ротахъ офицеру, и сравненіе, въ 1860 г., содержанія офицеровъ сихъ ротъ съ окладами офицеровъ военнаго вѣдомства.

По строительной части современники даже укоряли генерала Чевкина за несоблюденіе стараго стиля при возобновленіи стѣнъ и церквей, и, кажется, были нѣсколько правы, такъ какъ отсутствіе особенной приверженности къ охраненію старины уже видно изъ того, что когда отстраивался въ Новгородѣ памятникъ тысячелѣтія Россіи, то Константинъ Владиміровичъ предлагалъ уничтожить часть древней Волховской стѣны, чтобы открыть видъ на памятникъ. Таковое предположеніе Его Императорское Величество изволилъ лично и категорически отклонить.

Несравненно болѣе широкая дѣятельность Константина Владиміровича проглядываетъ по отдѣлу постройки памятниковъ.

За его время проектированы и отстроены: памятникъ императора Николая I-го, заложенный 14-го декабря 1856 г. и открытый въ іюнѣ 1859 г., и памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ, проектированный въ 1859 г. и открытый въ августѣ 1862 г. Проектированы памятники Петру Великому въ Воронежѣ, въ Кронштадтѣ, въ Полтавѣ и на берегу озера Крупина.

IV.

Желѣзныя дороги. — Образованіе Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Первая главная сѣть желѣзныхъ дорогъ. — Неудачи съ Главнымъ обществомъ.

Послѣ телеграфовъ, самая видная дѣятельность Константина Владиміровича принадлежитъ желѣзнымъ дорогамъ.

Со вступленіемъ генерала Чевкина въ управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій начинается на дѣлѣ [1]) новый фазисъ желѣзнодорожной дѣятельности въ Россіи—періодъ постройки главныхъ линій государственныхъ желѣзнодорожныхъ путей, путемъ частной предпріимчивости, сначала чрезъ ино-

[1]) Принципъ постройки частныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ выше изложено, былъ принятъ еще до Константина Владиміровича.

странцевъ, а затѣмъ уже при помощи отечественныхъ капиталистовъ. До Константина Владиміровича существовала лишь частная дорога Царскосельская, отстроена правительственная дорога — Николаевская, и приступлено къ постройкѣ Варшавской, всего около 650 верстъ; къ концу 1862 г. было уже открыто ихъ до 2,000 верстъ.

«Осуществленіе мысли о проложеніи первой главной сѣти желѣзныхъ дорогъ, успѣшнымъ началомъ своимъ», какъ было сказано въ Высочайшей грамотѣ 27-го мая 1857 г. на пожалованіе Константина Владиміровича орденомъ св. Александра Невскаго, — «много обязано дѣятельному и просвѣщенному участію Константина Владиміровича въ семъ важномъ дѣлѣ».

Мысль объ образованіи Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ мы слышали отъ сослуживцевъ Константина Владиміровича, принадлежитъ преимущественно ему же.

Тотчасъ по вступленіи генерала Чевкина въ должность Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, явилась масса предложеній на постройку частными компаніями желѣзныхъ дорогъ. Намъ извѣстно такихъ предложеній до 20-ти, изъ которыхъ четыре касались не отдѣльныхъ какихъ либо линій, но цѣлыхъ сѣтей.

Изъ этихъ предложеній большинство не было принято; исключеніе составляли малыя линіи въ родѣ Волго-Донской, Грушевской, линіи отъ Москвы до Сергіевской лавры, линій Риго-Митавской и Московско-Рязанской. По разсмотрѣніи главнымъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ предположеній генерала Чевкина, 5-го января 1857 г., состоялся Высочайшій указъ о сооруженіи первой сѣти желѣзныхъ дорогъ и образованіи Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ русскихъ. Выработкою условій образованія означеннаго общества занимался самъ Константинъ Владиміровичъ въ продолженіе почти всего 1856 г., не посвящая въ эту работу никого изъ своихъ сослуживцевъ.

Условія эти, окончательно принятыя высшимъ правительствомъ, заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

Общество обязалось въ теченіе 10-ти лѣтъ построить и содержать 85 лѣтъ сѣть въ 4 т. верстъ. Правительство гарантировало 5% со строительнаго капитала. Четырехтысячную сѣть составляли линіи: отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы; отъ Москвы до Нижняго-Новгорода; отъ Москвы че-

резъ Курскъ и низовья Днѣпра до Θеодосіи, и отъ Курска или Орла черезъ Динабургъ до Либавскаго порта. Строительный капиталъ былъ исчисленъ въ 275.000,000 рублей.

Въ составъ общества вошли извѣстные иностранные капиталисты и частью русскіе.

Дѣла означеннаго общества пошли однако далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, который всѣми ожидался; общество, расходуя безконтрольно строительный капиталъ, стало нуждаться въ деньгахъ, а потому стало видимо уклоняться отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей, и, между прочимъ, отказывалось дать опредѣлительный отвѣтъ о времени постройки Либавской линіи, а также настаивало на измѣненіи Θеодосійской линіи.

Въ 1861 г. пришлось совершенно измѣнить уставъ Главнаго общества, сложивъ съ него обязательство о постройкѣ Либавской и Θеодосійской линій, ограничить дѣятельность лишь Варшавскою и Нижегородскою дорогами, причемъ не обошлось и безъ денежныхъ пособій. 3-го ноября 1861 г. изданъ былъ новый уставъ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующій по настоящее время.

Дарованныя льготы очень скоро оказались недостаточными, и въ сентябрѣ 1862 г. пришлось ихъ оказывать вновь.

Такія неудачи съ Главнымъ обществомъ безпокоили и огорчали почтеннаго Константина Владиміровича. Въ сношеніи съ Главнымъ обществомъ, по поводу домогательствъ о веденіи Θеодосійской линіи на Коломну, въ явный ущербъ Саратовской дорогѣ, замѣчается даже нѣкоторая рѣзкость со стороны Константина Владиміровича, а въ 1860 г. онъ былъ вынужденъ какъ-бы жаловаться на самовольство сего общества за снесеніе въ Москвѣ домовъ по такому направленію, которое имъ не было даже разрѣшено. Не подлежитъ сомнѣнію, что натянутыя отношенія къ Главному обществу, вызывавшія въ генералѣ Чевкинѣ безпокойство и раздраженіе, разстраивали и безъ того ослабѣвавшее здоровье Главноуправлявшаго, который уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года вынужденъ былъ, по болѣзни, оставить свой столь важный постъ [1]).

[1]) По словамъ лицъ, близко знавшихъ Константина Владиміровича Чевкина, онъ, еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 года, чувствуя себя совершенно разстроеннымъ, ходатайствовалъ о его увольненіи отъ должности Главноуправляющаго путей сообщенія и публичныхъ зданій. Н. С.

По словамъ современниковъ и сослуживцевъ Константина Владиміровича, и было чему огорчаться Главноуправляющему относительно дѣйствій созданнаго имъ, при помощи Колиньона, тогдашняго Главнаго общества. Иностранцы сулили Россіи металломъ 275 милліоновъ руб. за 5 процентовъ ежегодной гарантіи и сѣть въ 4,000 верстъ. На дѣлѣ же вышло иное. Подписавшіеся на акціи банкиры денегъ не внесли, а приступили къ перепродажѣ акцій въ частныя руки самыми искусственными мѣрами; началась искусственная биржевая игра, даровая раздача акцій съ единственною цѣлію предоставить нароставшую на нихъ премію. Собравъ только небольшую часть денегъ, общество начало съ того, что, взявъ нѣсколько нашихъ хорошихъ инженеровъ и архитекторовъ, наводнило Россію цѣлою массою проходимцевъ изъ-за границы. Иностранцы эти начали распоряжаться какъ въ завоеванной землѣ съ неслыханною смѣлостью [1]), не признавая надъ собою никакого начальства.

Одинъ изъ стоявшихъ во главѣ общества иностранцевъ разъ позволилъ себѣ писать Константину Владиміровичу Чевкину, по дѣламъ общества, карандашомъ на лоскуткѣ бумажки. Константинъ Владиміровичъ, возвративъ лоскутокъ, сообщилъ этому иностранцу, что отъ совѣта общества, на основаніи устава, должно поступить офиціальное донесеніе.

Заправлявшіе дѣломъ иностранцы, видя настоянія Чевкина, чтобы главное общество не выходило изъ рамокъ устава стали злословить Главноуправляющаго, распространяя вездѣ слухи, что онъ угнетаетъ общество и стремится разорить его. Дали ему даже прозваніе insipide barbare. Про акціонеровъ же французы не иначе отзывались, какъ les actionnaires sont des pigeons à plumer.

Константинъ Владиміровичъ все зналъ, но ничего не могъ сдѣлать. Оппозиція противъ него росла, и даже добросовѣстные люди, высокостоящіе, не могли понять, что Чевкинъ не разоряетъ общества, а хочетъ, чтобъ общественныхъ денегъ не расхищали: такъ много наслушалась публика о чудовищности Константина Владиміровича.

---

[1]) Одинъ Chef de section, безмолвно подписывавшій всѣ бумаги, оказался парижскимъ поваромъ, обладателемъ красивой жены, оказавшей ему протекцію, но оставшейся въ Парижѣ. Н. С.

Ходъ дѣла по эксплоатаціи Николаевской дороги, наоборотъ, шелъ весьма успѣшно, доходы быстро возрастали, ремонтъ подвижнаго состава особенными заботами Главноуправляющаго былъ удешевленъ, а ремонтъ самой дороги сталъ болѣе чѣмъ на 50% дешевле. До 1854 г. ремонтъ дороги стоилъ 1.600,000 руб., съ 1854 г. онъ обходился въ 1.050,000 руб., а съ 1859 г. при производствѣ хозяйственнымъ образомъ—до 730,240 руб.

Стремленіе генерала Чевкина устранять всѣ безполезныя, стѣснительныя для частныхъ лицъ мѣры отозвалось и на желѣзныхъ дорогахъ. При немъ допущено куреніе табака въ особыхъ вагонахъ и окончательно отмѣнено требованіе паспортовъ и видовъ отъ пассажировъ, путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ внутри имперіи; наконецъ, дозволена въ С.-Петербургѣ постройка первой конно-желѣзной дороги.

V.

Характеръ и личныя качества Константина Владиміровича.—Оставленіе Константиномъ Владиміровичемъ поста Главноуправляющаго. — Высочайшія грамоты. — Приказы Константина Владиміровича съ выраженіемъ благодарности чинамъ вѣдомства. — Увольнительный Высочайшій рескриптъ. — Прощальный приказъ Константина Владиміровича. — Реформы въ главномъ управленіи, послѣдовавшія по увольненіи Константина Владиміровича — Общее заключеніе.

О характерѣ и личныхъ качествахъ Константина Владиміровича мы получили отъ нѣкоторыхъ изъ его, по вѣдомству путей сообщенія, сослуживцевъ, близко къ нему стоявшихъ, слѣдующія сообщенія.

Съ самаго начала вступленія Константина Владиміровича въ вѣдомство путей сообщенія и публичныхъ зданій, общій отзывъ о немъ чиновъ центральныхъ учрежденій былъ самый восторженный; выставлялись его необыкновенный умъ, образованіе, быстрота въ пониманіи дѣла, правильность взгляда и чрезвычайно вѣжливое и привѣтливое обращеніе.

Первое личное соприкосновеніе съ Константиномъ Владиміровичемъ лица, сообщившаго намъ вышеприведенный отзывъ чиновъ центральныхъ учрежденій главнаго управленія, послѣдовало въ декабрѣ 1856 года по случаю предположенія о переводѣ того

лица на службу изъ округа въ одинъ изъ департаментовъ, на должность начальника отдѣленія.

Свиданіе это, по словамъ разсказщика, остается неизгладимымъ въ его воспоминаніяхъ.

«Константинъ Владиміровичъ въ это время,—говоритъ онъ,—жилъ уже въ казенномъ домѣ. При входѣ въ кабинетъ, я чувствовалъ весьма понятное смущеніе и отъ новости, для провинціала, объясненія съ министромъ, и отъ неизвѣстности, чѣмъ кончится это объясненіе. Выйдя изъ кабинета, я былъ уже въ такомъ хорошемъ настроеніи, которое въ послѣдствіи всегда испытывалъ при свиданіи съ генераломъ Чевкинымъ».

Принявъ являющагося съ свойственною ему привѣтливостью, Константинъ Владиміровичъ вошелъ въ самое подробное объясненіе о его службѣ и семейныхъ обстоятельствахъ, которыя въ то время не позволяли тотчасъ же занять предложенную ему должность. При этомъ, обративъ вниманіе, что кандидатъ на должность начальника счетнаго отдѣленія не служилъ по счетной части, Константинъ Владиміровичъ спросилъ его: не увлекается ли онъ желаніемъ служить въ столицѣ, и потому не берется ли за дѣятельность ему неизвѣстную, прибавивъ къ тому, что если онъ не чувствуетъ особаго желанія занять должность начальника указаннаго отдѣленія, то онъ, Константинъ Владиміровичъ, предоставитъ ему другую, соотвѣтствующую. Когда являющійся объяснилъ, что счетная часть вѣдомства путей сообщенія ему весьма хорошо извѣстна, то Константинъ Владиміровичъ тутъ же выразилъ свое окончательное согласіе и очень сердечно далъ позволеніе, и по назначеніи въ новую должность, не вступать въ ея отправленіе до приведенія въ порядокъ семейныхъ дѣлъ.

Вообще Константинъ Владиміровичъ относился къ замѣщенію зависѣвшихъ отъ него должностей весьма внимательно, и на обязанности начальниковъ отдѣленій департаментовъ смотрѣлъ какъ на весьма серьезныя. Однажды, выслушавъ просьбу одного изъ начальниковъ отдѣленій, желавшаго быть чиновникомъ особыхъ порученій, Константинъ Владиміровичъ сказалъ просителю, что хорошими начальниками отдѣленій онъ очень дорожитъ и такихъ трудно найти, а въ чиновники особыхъ порученій онъ можетъ брать съ улицы любаго. Просившійся, конечно, остался на своемъ мѣстѣ.

Въ мартѣ 1857 года, разскащикъ вступилъ въ новую должность, а 7-го апрѣля имѣлъ у Главноуправляющаго первый докладъ. Доклады происходили въ дни, для каждаго учрежденія назначенные. Для департамента, въ которомъ служилъ разскащикъ, докладнымъ днемъ былъ понедѣльникъ, а временемъ—7 часовъ вечера. Дѣла докладывались начальниками отдѣленій въ присутствіи директора и вице-директора. Доклады совершались всегда съ неизмѣнною аккуратностью, и какъ бы долго ни продолжались, Константинъ Владиміровичъ постоянно былъ внимателенъ и никогда не откладывалъ разрѣшенія дѣла за усталостью или по другимъ подобнымъ причинамъ. Выдержавъ доклады трехъ начальниковъ отдѣленій, онъ и при четвертомъ, достававшемся обыкновенно на долю разскащика, былъ такимъ же внимательнымъ, какъ и при первомъ. Константинъ Владиміровичъ превосходно зналъ финансовую часть не только вѣдомства путей сообщенія, но общую государственную, такъ что разрѣшеніе разныхъ вопросовъ не встрѣчало затрудненія, и при этомъ приходилось многому научиться отъ Константина Владиміровича. Онъ хорошо былъ знакомъ съ законами и примѣнялъ ихъ правильно; но въ дѣлахъ по претензіямъ къ казнѣ былъ болѣе склоненъ къ отказамъ, отзываясь, что въ такихъ спорахъ разсмотрѣніе дѣла въ сенатѣ—самая лучшая мѣра. При докладахъ Константинъ Владиміровичъ требовалъ правильнаго, яснаго и немногословнаго изложенія.

Разъ, при докладѣ одного довольно сложнаго дѣла, разскащикъ составилъ, для своего собственнаго облегченія, графическое изложеніе обстоятельствъ и цифръ, и, начавъ докладъ, положилъ передъ собою это изложеніе. Увидавъ его, Константинъ Владиміровичъ взялъ къ себѣ и по немъ слѣдилъ за словеснымъ докладомъ. Съ тѣхъ поръ онъ часто самъ спрашивалъ подобныя графики. Почти при всякомъ докладѣ, онъ съ карандашомъ въ рукахъ отмѣчалъ свои соображенія и расчеты. Вообще живо высказывались въ немъ расположеніе къ цифирной работѣ и хорошее знаніе математики.

Доклады совершались, какъ выше сказано, съ неизмѣнною аккуратностью, и разскащику извѣстны только два случая отступленія отъ заведеннаго порядка. Однажды, когда, по обыкновенію, явились докладчики въ 7 часовъ вечера, они не нашли

Константина Владимiровича, который куда-то уѣхалъ и не оставилъ директору никакого приказанiя. Всѣ остались ждать до 12-ти часовъ, когда Константинъ Владимiровичъ возвратился. Вышедши къ чиновникамъ, онъ разсыпался въ самыхъ любезныхъ извиненiяхъ, и объяснилъ, что былъ у одной изъ особъ Высочайшей фамилiи, и совершенно непредвидѣнно удержанъ, а дать знать, чтобъ его не ждали, было неудобно.

Другой случай—еще болѣе знаменательный, рисующiй всю деликатность и вниманiе Константина Владимiровича къ подчиненнымъ. Разъ какъ-то, въ одинъ осеннiй понедѣльникъ, къ вечеру, вода въ Невѣ и каналахъ такъ возвысилась, что грозила выдти изъ береговъ. Узнавъ отъ директора департамента, что позднее окончанiе доклада можетъ лишить разсказщика возможности попасть на квартиру, Константинъ Владимiровичъ тотчасъ же согласился принять его докладъ первымъ, и объ этомъ самъ любезно объявилъ ему.

При докладахъ Константинъ Владимiровичъ былъ вообще ровенъ и спокоенъ; требовалъ въ отвѣтахъ полнѣйшей правды, но незнанiе какого-либо обстоятельства, при прямомъ въ томъ сознанiи, никогда ни возбуждало въ немъ неудовольствiя и имѣло послѣдствiемъ только приказанiе доложить особо требуемое имъ свѣдѣнiе или разъясненiе. Нерѣдко вопросы задавались имъ по совершенно извѣстнымъ ему предметамъ лишь для удостовѣренiя въ знанiи дѣла и правдивости докладчика.

Разсказщику извѣстны по департаменту, въ которомъ онъ служилъ, только два случая высказаннаго Константиномъ Владимiровичемъ неудовольствiя.

Однажды разсказщикъ по одному какому-то дѣлу счелъ нужнымъ возразить противъ резолюцiи, уже написанной Константиномъ Владимiровичемъ и, по обыкновенiю, громко имъ прочитанной. На возраженiе послѣдовалъ довольно рѣзкiй отвѣтъ: «яйца курицу не учатъ». Но вслѣдъ за этимъ, въ обращенiи Константина Владимiровича, при дальнѣйшемъ ходѣ доклада, высказывалась особая привѣтливость, какъ бы въ смягченiе даннаго урока. Другой случай былъ съ другимъ начальникомъ отдѣленiя, съ которымъ Константинъ Владимiровичъ поступилъ несравненно круче. Начальникъ отдѣленiя затруднился въ изложенiи обстоятельствъ дѣла, и Константинъ Владимiровичъ выслалъ его изъ

кабинета, приказавъ изучить дѣло и придти вновь, по окончаніи доклада прочими начальниками отдѣленій.

При всегда вѣжливомъ обращеніи съ подчиненными, Константинъ Владиміровичъ былъ очень внимателенъ къ ихъ нуждамъ, и оказывалъ нуждающимся щедрыя пособія на счетъ казенныхъ суммъ.

Въ дни докладовъ того департамента, въ которомъ служилъ разсказчикъ, у Константина Владиміровича по вечерамъ собирались его близкіе знакомые на половинѣ жены, и, не смотря на это, онъ выслушивалъ докладъ до конца, ни разу не выходя къ гостямъ, хотя отъ жены и присылались напоминанія черезъ камердинера, который, войдя въ кабинетъ, громко докладывалъ: «10 часовъ, 11 часовъ»; но отвѣтомъ было или молчаніе, или короткое «хорошо».

Изъ подчиненныхъ Константина Владиміровича въ домашній его кругъ приглашались весьма немногіе.

Вліятельныхъ любимцевъ не было. Ходили слухи объ одномъ лицѣ, теперь уже умершемъ, которое будто бы имѣло нѣкоторое на него вліяніе и пользовалось этимъ для своихъ интересовъ, но разсказчикъ полагаетъ, что слухъ этотъ основывался лишь на бо́льшемъ кругѣ дѣятельности этого лица, вслѣдствіе чего оно было въ болѣе частыхъ сношеніяхъ съ Константиномъ Владиміровичемъ чѣмъ другіе, и по уму и качествамъ своимъ возбуждало подозрѣнія, поведшія къ упомянутымъ слухамъ. Разсказчику, по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ ни одинъ фактъ, который бы оправдывалъ эти слухи.

Когда въ главномъ управленіи болѣе освоились съ дѣйствіями и направленіемъ Константина Владиміровича, то стали появляться съ разныхъ сторонъ укоры въ консерватизмѣ и излишнемъ углубленіи въ подробности при разсмотрѣніи дѣлъ, чрезъ что́ будто бы тратилось много времени при разрѣшеніи существеннѣйшихъ сторонъ дѣла.

«Консерватизмъ Константина Владиміровича,—замѣчаетъ разсказчикъ,—былъ слишкомъ замѣтенъ. Этотъ консерватизмъ по главному управленію выразился особенно въ томъ, что, въ теченіе семи-лѣтняго управленія вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, онъ оставилъ всѣ учрежденія этого вѣдомства въ томъ же видѣ, какъ принялъ ихъ отъ графа Клейнмихеля, сдѣлавъ только такія, очень незначительныя измѣненія, которыя вовсе

не нарушали прежней системы, несмотря на то, что эта система отжила свой вѣкъ и требовала существенныхъ перемѣнъ». «Былъ-ли консерватизмъ присущъ характеру Константина Владиміровича,—продолжаетъ разскащикъ,—или же онъ являлся только послѣдствіемъ врожденной осмотрительности, не допускавшей нововведеній безъ вполнѣ изученныхъ и основательныхъ поводовъ и притомъ на твердыхъ началахъ, можно будетъ положительно сказать лишь въ то время, когда раскроется весь кругъ дѣятельности покойнаго Константина Владиміровича—во всѣхъ подробностяхъ. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе преобразованій по отношенію къ главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій отнюдь не было послѣдствіемъ незнанія потребностей этого вѣдомства или недостатка твердости и рѣшительности со стороны Константина Владиміровича. Скорѣе надо полагать, что онъ желалъ избавить значительно отягощенное послѣ Восточной войны государственное казначейство отъ новыхъ расходовъ».

Упрекъ Константину Владиміровичу въ мелочности, по мнѣнію разскащика, крайне неоснователенъ. Изученіе подробностей въ дѣлахъ было тѣмъ качествомъ, которое при замѣчательной памяти избавляло его отъ неправильныхъ рѣшеній, неизбѣжныхъ при той разрозненности однородныхъ дѣлъ по разнымъ учрежденіямъ, какая существовала въ органахъ главнаго управленія [1]), и той розни между начальниками этихъ органовъ, какая побуждала ихъ или вмѣшиваться въ такія стороны дѣла, которыхъ разсмотрѣніе къ нимъ не относилось, или же давать заключенія, основанныя на одностороннемъ взглядѣ, лишь бы устранить отъ участія другія учрежденія. Разскащикъ полагаетъ, что упрекъ могъ исходить отъ тѣхъ именно лицъ, которымъ тщательный просмотръ дѣлъ Константина Владиміровича могъ не нравиться или вслѣдствіе особыхъ ихъ цѣлей, или вслѣдствіе необходимости самимъ заниматься тщательнѣйшимъ изученіемъ дѣлъ во всѣхъ

[1]) Прибавимъ отъ себя, что разрозненность дѣлъ была поразительная: одно и то же дѣло весьма часто переходило три департамента: хозяйственный, искусственныхъ дѣлъ и проектовъ и смѣтъ. Главноуправляющему, какъ о томъ въ 1864 г. оффиціально заявилъ государственному совѣту инженеръ-генералъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ, приводилось по три, по четыре раза разрѣшать по докладамъ разныхъ департаментовъ въ сущности одинъ и тотъ же вопросъ, одно и то же дѣло. Н. С.

ихъ подробностяхъ, дабы не явиться предъ Главноуправляющимъ въ невыгодномъ свѣтѣ.

Константинъ Владиміровичъ, оставивъ, къ сожалѣнію значительнаго большинства его сослуживцевъ, въ концѣ 1862 г., вѣдомство путей сообщенія, не перемѣнилъ къ нимъ прежнихъ своихъ теплыхъ отношеній, и постоянно приходилъ имъ на помощь, и былъ горячимъ за нихъ ходатаемъ. «Жаль, что прахъ Константина Владиміровича,—заканчиваетъ свой разсказъ обязательно сообщившій намъ вышеприведенныя свѣдѣнія,—лежитъ не въ русской землѣ; иначе на могилу его являлось бы не мало людей, тепло о немъ вспоминающихъ, подобно тому, какъ самъ покойникъ любилъ посѣщать могилу чтимаго имъ фельдмаршала графа Дибича».

По словамъ другаго сослуживца Константина Владиміровича въ вѣдомствѣ путей сообщенія, обязательно сообщившаго намъ замѣтки о его личныхъ качествахъ и характерѣ, знавшіе Константина Владиміровича въ молодости его говорили, что онъ отличался тогда необыкновенною живостью характера и быстротою въ дѣйствіяхъ. Легко повѣрить этому: и въ преклонныхъ лѣтахъ значительно еще оставались въ немъ слѣды и проявленія сказанныхъ свойствъ, особенно же во время управленія его вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій (1855—1862 гг.). При вступленіи въ управленіе это, ему было уже за 50 лѣтъ. Утомленный предшествовавшею дѣятельностію и трудами, знаменовавшими всю его посвященную работѣ жизнь, онъ, однакожъ, съ замѣчательною энергіей весь отдался горячему исполненію сложныхъ обязанностей по новому, важному его назначенію, несмотря на слабость здоровья и преждевременную старческую хилость, которая нерѣдко въ немъ обнаруживалась, постоянно побѣждаемая неутомимостію въ занятіяхъ буквально незнавшею отдохновенія.

Быстро, такъ сказать—сразу, понялъ и охватилъ онъ кругъ дѣлъ порученнаго ему обширнаго управленія, въ которомъ тогда, кромѣ шоссе, водяныхъ путей, желѣзныхъ дорогъ, сосредоточивалась и вся гражданская строительная и дорожная части въ губерніяхъ. Многому указалъ онъ новое направленіе.

При его предмѣстникѣ, графѣ П. А. Клейнмихелѣ, ни одна, самая ничтожная и пустая входящая бумага не обходилась безъ

письменнаго доклада, сопровождаемаго справками, законами и заключеніемъ. Это строго соблюдалось даже и въ отношеніи такихъ бумагъ, которыя просто слѣдовало принять къ свѣдѣнію или пріобщить къ дѣлу, чего отнюдь не дозволялось безъ предварительнаго разрѣшенія Главноуправлявшаго. Константинъ Владиміровичъ, врагъ всякой излишней работы, немедленно отмѣнилъ эту систему: ему докладывали лично, на словахъ, начальники отдѣленій, въ присутствіи директоровъ. Согласно указанію его, изготовлялась исходящая; въ наиболѣе важныхъ случаяхъ онъ подсказывалъ изложеніе ея.

Докладывать ему требовалось толково. Если онъ бывалъ недоволенъ неумѣлостью, неловкостью докладчика, то не воздерживался выразить это маленькою колкостью, по свойственной ему нѣкоторой язвительности и насмѣшливости, довольно, впрочемъ, добродушныхъ. Были у него любимые докладчики. Иногда и имъ доставалось, справедливо или по недоразумѣнію. Замѣтивъ ихъ смущеніе, онъ, по окончаніи доклада, тихо клалъ руку на плечо подвергнувшемуся замѣчанію и мягко говорилъ: «мой другъ, я не хотѣлъ васъ огорчить!»

Разъ онъ сдѣлалъ письменный выговоръ одному начальнику отдѣленія. Оказалось, что Константинъ Владиміровичъ былъ не правъ,—и онъ поспѣшилъ письменно же извиниться.

Вообще снисходительный, онъ тщательно избѣгалъ суровыхъ карательныхъ мѣръ. По строительнымъ и дорожнымъ коммисіямъ нерѣдко поступали крупныя жалобы на членовъ или другихъ чиновниковъ учрежденій этихъ. Константинъ Владиміровичъ отписывался, ограничивался предложеніемъ «внушенія» или строгаго замѣчанія и только въ крайнихъ случаяхъ соглашался на увольненіе отъ службы, по прошенію обвиняемаго, чтобы это не имѣло невыгодныхъ для него послѣдствій.

Неоднократно замышлялъ онъ преобразованіе вѣдомства путей сообщенія; составлялись разные проекты, но Константинъ Владиміровичъ не давалъ окончательнаго одобренія, и такъ и вышелъ изъ вѣдомства, не тронувъ ничего прежняго; его останавливало опасеніе жертвъ, т. е. «заштатныхъ». Онъ былъ въ душѣ консерваторъ и неохотникъ до реформъ, не вызываемыхъ дѣйствительною или настоятельною потребностію.

Константинъ Владиміровичъ обладалъ умомъ обширнымъ, жи-

вымъ и проницательнымъ, познаніями разносторонними, быстрымъ и свѣтлымъ соображеніемъ, остроуміемъ нѣсколько ядовитымъ, даромъ слова, искусно и вѣско владѣлъ перомъ, хотя въ редакцію его изрѣдка вторгались старинные или не совсѣмъ правильные обороты. Въ подчиненныхъ онъ цѣнилъ хорошую редакцію и грамотное, послѣдовательное изложеніе. Неудачность послѣдняго раздражала его. Трудолюбіе его не имѣло предѣловъ. Случалось, что онъ продолжалъ работать больной, съ видимымъ упадкомъ силъ.

Онъ вставалъ въ 8 часовъ утра и неотлагательно принимался за работу, вплоть до обѣда, самаго умѣреннаго, съ рюмкой малаги, разведенною водой. Послѣ обѣда дремалъ нѣсколько минутъ—и снова къ занятіямъ, до глубокаго вечера.

Константинъ Владиміровичъ не зналъ никакихъ развлеченій и, пожалуй, страстей, по крайней мѣрѣ въ солидныхъ лѣтахъ, при которыхъ немногіе освобождаются отъ слабостей и увлеченій, присущихъ раннему возрасту. Женившись въ молодости, онъ до послѣднихъ дней сохранилъ трогательную нѣжность къ достойной супругѣ своей. Вмѣстѣ оплакивали они безвременную потерю единственнаго сына, къ сожалѣнію, мало утѣшавшаго ихъ при жизни своей. Константинъ Владиміровичъ умеръ за границей, и тамъ, вблизи могилы мужа, осталась скорбная вдова его.

Что сказать о внутреннихъ качествахъ покойнаго государственнаго дѣятеля? Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя трудно поддаются точному опредѣленію. Въ тайники души такихъ людей едва-ли проникаютъ успѣшно и самые близкіе ихъ друзья, долго ихъ знавшіе. Откровенность, открытость характера и убѣжденій не проглядывали въ немъ. Несомнѣнно только, что онъ былъ строго-честный, безкорыстный, правдивый человѣкъ, никому не сдѣлавшій зла. По болѣзненному организму своему, иногда нѣсколько капризный и ворчливый, Константинъ Владиміровичъ не обнаруживалъ особенной мягкости; но не былъ нечувствителенъ къ положенію бѣдныхъ и страждущихъ, которымъ, будучи не богатъ, онъ постоянно и немало помогалъ, при своей бережливости и крайне скромномъ, уединенномъ родѣ жизни. Присоединяя ко всему этому его религіозность, нельзя не придти къ заключенію, что онъ, кромѣ всѣхъ другихъ достоинствъ, былъ и человѣкъ добрый.

Кажущаяся сухость и серьезность его происходили отъ не-

прерывныхъ трудовъ, и, быть можетъ, оттого, что едва ли онъ былъ счастливъ, хотя и достигъ высшихъ почестей. Какими особенными радостями надѣлялось его однообразное существованіе? Удовлетворенное честолюбіе притупляется лѣтами и недугами. Неудавшаяся карьера, заблужденія сына и, наконецъ, ранняя его кончина, были постоянно нывшею болячкою угасавшаго на чужбинѣ старика.

Вѣдомство путей сообщенія сохранило о немъ благодарныя воспоминанія, грустно разставалось съ нимъ. Доселѣ въ вѣдомствѣ этомъ осталось много его почитателей. Онъ не былъ щедрымъ раздавателемъ наградъ и ходатайствовалъ лишь о тѣхъ, кто дѣйствительно того заслуживалъ. Чуждый пристрастія, онъ не имѣлъ фаворитовъ и въ назначеніяхъ на должности соблюдалъ строгую справедливость.

Извѣстно, что, черезъ годъ послѣ оставленія имъ вѣдомства путей сообщенія, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи въ государственномъ совѣтѣ. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ, къ которому онъ очень благоволилъ, сдѣлалъ слѣдующую надпись къ портрету Константина Владиміровича:

Безсмѣнный труженикъ и безкорыстный жрецъ
На пользу строгую общественнаго дѣла,
Охотно бросившій Юсуповскій дворецъ,
Какъ немощь внѣшняя духъ сильный одолѣла!
Но года не прошло и вновь въ Совѣтѣ онъ,
Совѣта истый мужъ и опытный и здравый,
Вновь царской милостью и вѣрой облеченъ,
Затѣмъ, что судъ его всегда былъ честный, правый.
Умѣлъ достоинство въ другихъ онъ отличить,
Талантъ и трудъ во что-нибудь да ставилъ,
И помнимъ мы его, онъ кротко нами правилъ,
Невольно заставлялъ любить его и чтить.
Съ душевной прямотой слагая разумъ тонкій,
Краснорѣчиво онъ и мѣтко говорилъ,
Лилася рѣчь его и голосъ твердо-звонкій
Сочувствіе враговъ нерѣдко находилъ....
Не хилый старичокъ предъ вами вдругъ являлся,
Когда одушевленъ онъ свѣтлой мыслью былъ:
Блестѣлъ взоръ у него, лобъ блѣдный загорался,
Изъ груди немощной звукъ мощный выходилъ...
  Секретарей, дѣльцовъ ему не нужно было:
Министръ и секретарь—онъ самъ былъ свой дѣлецъ;
Въ перѣ его была и красота и сила,
И дѣлу каждому онъ въ мигъ давалъ конецъ!

При случайной потомъ встрѣчѣ съ авторомъ этой надписи, онъ сказалъ: «Благодарю, я вашъ должникъ за стихи.—Попали!» выражая послѣднимъ словомъ, что портретъ вѣренъ.

По полученіи всемилостивѣйшихъ наградъ, Константинъ Владиміровичъ имѣлъ обыкновеніе отдавать особые приказы по вѣдомству, въ которыхъ обращался къ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ съ выраженіемъ имъ признательности.

27-го мая 1857 года Константинъ Владиміровичъ удостоился пожалованія орденомъ св. Александра Невскаго при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

«Обращая особенное вниманіе на устройство и распространеніе въ государствѣ Нашемъ путей сообщенія, значеніе и потребность которыхъ съ каждымъ днемъ становятся ощутительнѣе, съ удовольствіемъ видѣли Мы, что всѣ намѣренія и предначертанія Наши по сей части приводятся вами въ исполненіе съ примѣрнымъ усердіемъ и знаніемъ дѣла. Самое осуществленіе мысли о проложеніи по пространству Россіи первой главной сѣти желѣзныхъ дорогъ, успѣшнымъ началомъ своимъ, много обязано дѣятельности и просвѣщенному участію вашему въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ справедливое воздаяніе столь полезной службы вашей и трудовъ, вами понесенныхъ, а равно въ ознаменованіе Нашего къ вамъ благоволенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ» и т. д.

Объявляя содержаніе Высочайшей грамоты въ приказѣ отъ 27-го же мая 1857 г. за № 102, Константинъ Владиміровичъ обратился къ чинамъ вѣдомства съ слѣдующими словами:

«Государю Императору благоугодно было пожаловать мнѣ орденъ св. Александра Невскаго при грамотѣ, въ копіи у сего прилагаемой.

«Сему новому знаку Высочайшаго вниманія къ слабымъ трудамъ моимъ обязанъ я главнѣе [1]) особому благоснисхожденію Всемилостивѣйшаго Государя нашего къ посильнымъ стараніямъ нашимъ, а затѣмъ усердному содѣйствію моихъ подчиненныхъ, дозволившему мнѣ осуществить хотя часть высокихъ и благихъ предначертаній царскихъ.

«Среди глубокой вѣрноподданнѣйшей благодарности моей къ милостямъ Государевымъ, долгомъ считаю также благодарить за ихъ искреннее и усердное содѣйствіе моихъ почтенныхъ сослуживцевъ и въ особенности гг. начальниковъ департаментовъ, округовъ и прочихъ отдѣльныхъ частей ввѣреннаго мнѣ главнаго управленія».

---

[1]) Выраженіе это Константинъ Владиміровичъ любилъ весьма часто употреблять.

23-го апрѣля 1861 г. Константинъ Владиміровичъ удостоился новой Высочайшей грамоты на орденъ св. Андрея Первозваннаго, въ которой было сказано:

«Всегда отлично-усердная, ревностная и полезная служба ваша обращала на себя особое наше вниманіе. Избранные Нами въ 1855 г. къ занятію должности Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, вы съ пламеннымъ усердіемъ приступили къ развитію дѣйствій этой важной части государственнаго управленія. Въ ваше завѣдываніе его, приступлено къ построенію многихъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и начато сооруженіе многихъ огромныхъ работъ, необходимыхъ для усиленія судоходства и сообщенія, и для развитія черезъ то промышленныхъ силъ России. Независимо отъ дѣятельныхъ трудовъ вашихъ по управленію, вамъ ввѣренному, вы по особой Нашей къ вамъ довѣренности были призваны Нами къ участію въ трудахъ и по другимъ предметамъ государственнаго благоустройства. Всѣ такія порученія Наши вы всегда исполняли съ пламеннымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностію. Приступивъ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ, Мы назначили васъ членомъ учрежденнаго для сего Главнаго Комитета. Искренне сочувствуя этому дѣлу, вы принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вообще трудахъ сего комитета, какъ предварительныхъ, такъ и окончательныхъ. Когда на разсмотрѣніе комитета поступали проекты, составленные особо учрежденными для сего редакціонными коммисіями, вашимъ участіемъ какъ въ главномъ комитетѣ, такъ и въ государственномъ совѣтѣ, при разсмотрѣніи всѣхъ работъ по крестьянскому дѣлу, вы много содѣйствовали окончанію онаго соотвѣтственно Нашимъ видамъ и желаніямъ. Въ изъявленіе Нашей къ вамъ признательности за такіе достохвальные и полезные для Отечества труды ваши, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. апостола Андрея Первозваннаго, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію».

Въ приказѣ по вѣдомству, состоявшемся по случаю такой чрезвычайной Царской милости, отъ 23-го апрѣля 1861 г. № 51, говорится:

«Повергнувъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества всю вѣрноподданническую благодарность и преданность мою за столь высокій знакъ Царскаго благоволенія, я считаю долгомъ обратиться съ искреннею признательностію и ко всѣмъ моимъ сотрудникамъ и сослуживцамъ, усердное содѣйствіе коихъ дало мнѣ возможность удостоиться, с в ы ш е [1]) слабыхъ моихъ заслугъ, милостей Государевыхъ».

---

[1]) Одно изъ любимыхъ выраженій Константина Владиміровича.

Выше было сказано, что въ концѣ 1862 г. Константинъ Владиміровичъ, вслѣдствіе окончательно разстроеннаго здоровья, просилъ Государя Императора объ освобожденіи его отъ поста Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями.

Его Императорское Величество, Всемилостивѣйше соизволивъ на таковое прошеніе генерала Чевкина, изволилъ почтить его, 11-го октября 1862 г., слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ.

«Константинъ Владиміровичъ! Долговременная дѣятельность на различныхъ поприщахъ службы государственной, и въ особенности непрерывные въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ труды, понесенные вами по управленію вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, разстроивъ здоровье ваше, вынуждаютъ васъ сложить съ себя бремя настоящихъ вашихъ обязанностей. Съ искреннимъ сожалѣніемъ снисходя на просьбу вашу, Я уволилъ васъ отъ должности Главноуправляющаго путями сообщенія, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи моего генералъ-адъютанта. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ душевную мою признательность за всю вашу полезную дѣятельность и неусыпные труды, какъ по бывшему въ вѣденіи вашемъ управленію, такъ и по другимъ многосложнымъ и важнымъ занятіямъ, особеннымъ Моимъ довѣріемъ на васъ возлагавшимся. Желаю, чтобы отдохновеніе отъ усиленныхъ трудовъ возстановило ваше здоровье и дало вамъ возможность продолжать еще надолго приносить пользу отечеству участіемъ въ занятіяхъ высшаго государственнаго управленія. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Гатчино, 11-го октября 1862 г.».

Приказомъ по вѣдомству того же числа, Константинъ Владиміровичъ простился съ чинами онаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Государь Императоръ, снисходя на всеподданнѣйшую просьбу мою, Всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе мое, по разстроенному здоровью, отъ должности Главноуправляющаго, удостоивъ меня при этомъ рескриптомъ, въ копіи здѣсь прилагаемымъ, и поручить изволилъ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій инженеръ-ген.-лейт. Мельникову.

«Объявляя о сей Высочайшей волѣ по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій, считаю долгомъ искренне благодарить всѣхъ чиновъ онаго за оказанное мнѣ, въ теченіе общаго служенія нашего, усердное содѣйствіе.

«Вынужденный истощеніемъ силъ оставить управленіе, которому въ продолженіе семи лѣтъ я посвятилъ съ живѣйшимъ участіемъ всѣ старанія мои, я оставляю это многотрудное поприще съ искреннимъ сожалѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ утѣшительною для будущности его надеждою, видя

столь важную для государственной жизни часть порученною такому достойному преемнику.

«Еще разъ благодарю всѣхъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ и въ особенности главнѣйшихъ изъ нихъ: гг. начальниковъ отдѣльныхъ частей и округовъ».

18-го октября того же 1862 г. Всемилостивѣйше предоставлено генералъ-адъютанту Чевкину носить мундиръ корпуса инженеровъ путей сообщенія и числиться по сему корпусу.

Окончивъ изложеніе фактической стороны семилѣтней дѣятельности Константина Владиміровича въ званіи Главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, для полноты очерка совершенно необходимо указать какая судьба постигла ввѣренное ему вѣдомство, а равнымъ образомъ—сдѣлать общій краткій выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ.

Относительно дальнѣйшей судьбы главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій можно смѣло выразиться, что, почти вслѣдъ за уходомъ изъ него генерала Чевкина, его постигъ цѣлый потокъ преобразованій, до сихъ поръ не установившихся. Достаточно указать, что телеграфное управленіе отдѣлено въ 1865 году и вошло въ составъ бывшаго министерства почтъ и телеграфовъ; губернская строительная и дорожная части и арестантскія роты отошли къ министерству внутреннихъ дѣлъ; корпусъ инженеровъ путей сообщенія преобразованъ въ гражданское учрежденіе; военно-рабочія роты, отъ прекращенія ихъ комплектованія нижними воинскими чинами, сами собою упразднились; главное управленіе въ 1864 г. преобразовано въ министерство путей сообщенія съ полною внутреннею реорганизаціею и съ соединеніемъ технической части съ хозяйственною; часть шоссе сданы въ ремонтъ земствамъ; судоходныя расправы упразднены; введены директоры отъ правительства въ правленія обществъ желѣзныхъ дорогъ; усиленъ контроль за послѣдними. Однимъ словомъ, все рѣшительно подверглось измѣненіямъ въ самое короткое время, за исключеніемъ только совѣта министерства, департамента желѣзныхъ дорогъ, мѣстныхъ округовъ (образованныхъ еще при гр. Клейнмихелѣ) и мѣстныхъ инспекцій за желѣзными дорогами.

Произнести полное безпристрастное заключеніе о дѣятель-

ности Константина Владимировича, по управленію вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, въ настоящее время крайне трудно.

Для этого необходимы многія данныя, которыя еще не выработаны съ надлежащею полнотою. Кромѣ того, прошло такъ мало времени, что принятыя имъ нѣкоторыя общія мѣры не могли вполнѣ выясниться въ своихъ послѣдствіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, можно смѣло придти къ такому частному заключенію: генералъ-адъютантъ Чевкинъ, при всей своей замѣчательной служебной добросовѣстности, высокой и безукоризненной нравственности, широкомъ умѣ, блестящемъ образованіи и глубокой опытности,—въ дѣлѣ завѣдыванія государственными путями и сооруженіями не былъ новаторомъ, но весьма гуманнымъ консерваторомъ и далеко не чуждымъ всякимъ частнымъ мѣропріятіямъ, соотвѣтствующимъ современному прогрессу.

При искренней и теплой добротѣ, онъ, однако, былъ въ служебномъ отношеніи нѣсколько формалистомъ.

При крайней строгости къ самому себѣ, онъ не былъ достаточно настойчивъ въ отношеніи къ другимъ, и тамъ, гдѣ ему предстояло—какъ въ борьбѣ съ бывшимъ Главнымъ обществомъ — дѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ, онъ видимо нѣкоторое время колебался.

Тѣмъ не менѣе, Константинъ Владиміровичъ оставилъ по себѣ въ вѣдомствѣ путей сообщенія самую лучшую память. О немъ каждый сослуживецъ вспоминаетъ какъ о начальникѣ добромъ, умномъ и просвѣщенномъ.

Н. Н. Селифонтовъ.

28-го іюля 1877 г. Село Семеновское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1782 ГОДУ.

Письма Пикара къ князю А. Б. Куракину.

[Переводъ съ французскаго].

XIII [1]).

С.-Петербургъ, 4-го января 1782 г.

Производствомъ, состоявшимся въ новый годъ при дворѣ, пять капитановъ гвардіи были произведены въ полковники, два изъ Преображенскаго полка, г-нъ Арсеньевъ и князь Волконскій; одинъ изъ Семеновскаго полка, графъ Левъ Разумовскій; одинъ изъ Измайловскаго полка, г-нъ (Thakgaroff) и князь Шаховской изъ Конной-гвардіи. Кромѣ того нѣсколько офицеровъ вышли въ отставку изъ этихъ полковъ съ повышеніемъ изъ маіоровъ въ подполковники [1]). Я думаю, ваше сіятельство, что безполезно сообщать вамъ объ остальныхъ производствахъ по гвардіи, бывшихъ въ тотъ же самый день, такъ какъ они не касались никого изъ вашихъ знакомыхъ.

Четырнадцать пажей и столько же ренть-(камеръ) пажей были произведены въ капитаны (?) арміи [2]).

Лица, исправлявшія должности оберъ-прокуроровъ сената, исключая князя Гагарина, утверждены въ этой должности съ

---

[1]) Первыя XII писемъ Пикара къ кн. А. Б. Куракину напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г. (изданіе третье), стр. 128—152. Пикаръ былъ гувернеромъ князя Александра Борисовича Куракина и, по воспитаніи его, оставался въ его домѣ въ качествѣ его друга. Въ бытность кн. Куракина за границей въ 1781—1782 гг., Пикаръ сообщалъ ему изъ Петербурга обо всѣхъ государственныхъ, придворныхъ и общественныхъ новостяхъ. Здѣсь помѣщается переводъ съ французскихъ подлинниковъ, весьма обязательно сообщенныхъ, въ числѣ прочихъ историческихъ матеріаловъ, барономъ М. Н. Сердобинымъ.

Примѣчанія къ письмамъ Пикара составилъ и сообщилъ «Русской Старинѣ» Петръ Николаевичъ Петровъ.

чиномъ генералъ-маіоровъ по гражданскому вѣдомству. Это гг. Балашевъ, Беклемишевъ, Клокачевъ и Щербачевъ. Въ тотъ же день императрица возвратилась послѣ обѣдни въ Тронную залу, гдѣ собрался весь сенатъ, чтобы поздравить ее съ новымъ годомъ и принести ей благодарность отъ общества за новыя учрежденія, дарованныя ею въ прошломъ году ради благоденствія и славы имперіи. Маршалъ князь Голицынъ, въ качествѣ сенатора (первоприсутствующаго), произнесъ обычную рѣчь. Затѣмъ, собраніе удалилось въ томъ же порядкѣ, въ какомъ вошло. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій (Vesmenski) замыкалъ шествіе, сопровождаемый оберъ-прокурорами [3]). Чиновники департамента приходовъ и расходовъ казны получили указъ, по которому жалованье имъ будетъ отнынѣ назначаться не по чину, а по должности, что̀ на цѣлую треть увеличиваетъ содержаніе каждаго.

Генералъ Бауръ, директоръ водяныхъ сообщеній имперіи, получилъ приказаніе отъ императрицы немедленно очистить невскіе пороги.

Только что вышелъ указъ о распространеніи существующей почтовой таксы на всѣ заграничныя письма и посылки, не исключая писемъ и посылокъ министровъ и даже Ея И. В—ва.

Князь Иванъ Барятинскій (Baratinski) собирается на дняхъ уѣхать, чтобы снова вступить въ должность уполномоченнаго министра Ея И. В—ва при Версальскомъ дворѣ.

Я узналъ сегодня, что медаль, которую г-нъ Ашъ (Asch) велѣлъ вычеканить въ Москвѣ съ цѣлью оставить потомству свое изображеніе, была уничтожена по распоряженію правительства. Публика и особенно доктора находятъ, что это распоряженіе дѣлаетъ болѣе чести великодушію судей, чѣмъ ихъ правосудію: по крайней мѣрѣ ожидали уничтоженіе оригинала [4]).

[1]) Января 1-го 1782 г. было большое производство («СПБ. Вѣдомости», №№ 3 и 4) въ разные чины по полкамъ. По Преображенскому полку полковниками въ армію изъ капитановъ Николай Арсеньевъ и князь Александръ Волконскій; по Семеновскому—одинъ, графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій; по Измайловскому—никого; по Конной-гвардіи князь Алексѣй Шаховской; слѣдовательно, не пять полковниковъ новыхъ прибыло, какъ говоритъ Пикаръ, а четыре всего. Въ Измайловскомъ полку изъ капитанъ-поручиковъ только въ капитаны произведенъ князь Петръ Черкасскій,—усерднымъ французомъ черезчуръ повышенный въ своемъ донесеніи. Мало того, умолчаны другіе, въ одинъ чинъ съ нимъ пожалованные: Петръ и Михаилъ Новосильцевы, князь Θедоръ Гагаринъ, Николай Сумароковъ и графъ Илья Головинъ.

[2]) 1-го января 1782 г. Ея И. В—во изволила пожаловать изъ пажей въ армейскіе полки: Сергѣя Новосильцева и Алексѣя Жолобова въ капита-

ны, Никиту Веригина, Александра Бахметова, Николая Фливерка, Алексѣя Олсуфьева, Бориса Беклешова, Отто Сакена, Ивана Лаврова, Степана Майкова, Сергѣя Волкова и Николая Мусина-Пушкина—въ поручики.

Въ тотъ же день, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано, что обѣдню въ Большой церкви служилъ духовникъ соборомъ и передъ окончаніемъ службы проповѣдь говорилъ синода членъ, Троицкой Сергіевой пустыни архимандритъ Іоасафъ.

«Послѣ литургіи съ обѣихъ здѣшнихъ крѣпостей производилась пушечная пальба и въ то время въ церкви приносили поздравленія Ея Императорскому Величеству синода члены и прочее знатное духовенство, а первенствующій синода членъ преосвященный Гавріилъ, арх. Новгородскій и С.-Петербургскій, говорилъ краткую привѣтственную рѣчь и послѣ оной всѣ духовныя особы жалованы къ рукѣ».

[3]) (Камеръ-фурьерскій журналъ 1-го января 1782 г.): «По возвращеніи изъ церкви приносили-жъ поздравленія Ея И. В—ву при входѣ въ комнату, гдѣ постъ кавалергардовъ—чужестранные министры, а въ аудіенцъ-залѣ сенаторы и изъ нихъ 1-го департамента сенаторъ генералъ-фельдмаршалъ князь А. И. Голицынъ говорилъ отъ лица сенаторовъ краткую привѣтственную рѣчь. По прибытіи въ кавалерскую комнату приносили-жъ поздравленія совѣта члены, знатный генералитетъ и придворные кавалеры, и какъ первые, такъ и послѣдніе жалованы къ рукѣ. Потомъ Ея И. В—во изволила отсутствовать въ комнату, гдѣ вещи бриллiантовыя и, по продолженіи нѣсколько времени въ разговорахъ, благоволила въ той комнатѣ сѣсть играть въ шахматы, съ знатнымъ генералитетомъ въ четырехъ персонахъ.

«Въ то же время передъ дворцомъ чинено поздравленіе гвардіи полковъ и другихъ воинскихъ командъ полковою музыкою и барабаннымъ боемъ.

«Обѣдало съ императрицею 25 персонъ. Столъ сервированъ золоченымъ сервизомъ съ перемѣною. Форшнейдеръ находился камеръ-юнкеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ».

[4]) Медаль Аша между тѣмъ существуетъ, и не считаются экземпляры ея униками.

XIV.

С.-Петербургъ, 12-го января 1782 г.

Прошлое воскресенье праздновали въ Эрмитажѣ свадьбу кавалера де-Фромандьера (chevalier de Fromandière) aide-major кадетскаго корпуса, съ дѣвицею Звѣревою, воспитанницей Смольнаго, гдѣ она оставалась нѣсколько времени за неимѣніемъ средствъ [1]). Участіе, принимаемое, по видимому, Ея И. В—мъ въ судьбѣ этой дѣвицы, будетъ, безъ сомнѣнія, способствовать къ повышенію г-на де Фромандьера, достоинства и способности котораго всѣми признаны [2]).

Нѣмецкій театръ, не имѣющій возможности покрывать необходимыя издержки, по причинѣ незначительности сбора, долженъ былъ бы прекратить свои представленія, если бы не великодушное участіе Ея И. В—ва, которая удостоила принять его подъ свое покровительство.

Въ силу этого, она назначила генерала Баура директоромъ этого театра съ приказаніемъ пополнять деньгами изъ ея собственной шкатулки тѣ убытки, которые могутъ произойти отъ недостаточности сбора; это новое назначеніе г-на Баура заставляетъ предполагать публику, что управленіе всѣми театрами, можетъ быть, будетъ возложено на него, тѣмъ болѣе, что всѣ лица придворнаго театра недовольны настоящимъ директоромъ, г-номъ Бибиковымъ. Лучшіе изъ артистовъ, какъ г-жа Бона-Фани (Bona-Fani), Канчіани съ женою (Canciani) и Лефевръ (Lefevre), уже подали въ отставку. Они, разумѣется, не останутся на службѣ при дворѣ, развѣ если ихъ требованія (которыя, какъ вы знаете, ваше сіятельство, у подобныхъ артистовъ не могутъ быть незначительными) будутъ исполнены.

Въ понедѣльникъ третьяго сего мѣсяца его сіятельство вашъ братъ далъ балъ и ужинъ; все, что есть самаго блестящаго между дѣвицами и кавалерами столицы, получило приглашеніе. На другой день князь Өедоръ Николаевичъ Голицынъ тоже далъ балъ и ужинъ въ домѣ своего дяди камергера.

Въ четвергъ [3]) на адмиралтейскомъ каналѣ совершилось освященіе знаменъ. Въ тотъ же день всѣ дамы были приглашены въ Эрмитажъ, гдѣ былъ данъ нѣмецкій спектакль [4]).

[1]) 1782 г. января 9-го. Воспитанница Общества благородныхъ дѣвицъ Звѣрева вѣнчана при дворѣ съ капитаномъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса Петромъ Нелидовымъ.

[2]) Здѣсь явная ошибка Пикара. Официальное свидѣтельство не оставляетъ сомнѣнія, что описыватель перепуталъ и соединилъ въ одно два разныя дѣла. Во всякомъ случаѣ, Звѣрева выходила замужъ 9-го января 1782 года, въ воскресенье, не за Фромандьера, а за капитанъ-поручика кадетскаго Шляхетскаго корпуса Петра Нелидова. Свадьба была при Дворѣ и потомъ приказано было, «чтобы быть же въ Эрмитажѣ нѣмецкой комедіи и балу».

[3]) Это—церковная церемонія 6-го января 1782 года. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ она описана такъ: «По прибытіи духовной процессіи (въ которой на этотъ разъ участвовали съ Гавріиломъ—Иннокентій Псковскій и Серафимъ, митрополитъ Греческій) на іордань, сдѣланную на адмиралтейскомъ каналѣ, чинено водоосвященіе, и при погруженіи креста производилась съ адмиралтейской крѣпости пушечная пальба, а потомъ принесенныя отъ полковъ штандарты и знамена окропляемы были святою водою».

«Въ сей день у литургіи Ея И. В—во изволила быть въ длинномъ гвардейскомъ мундирѣ».

[4]) Вечеромъ 6-го января, въ Эрмитажѣ для приглашенныхъ по повѣсткѣ, въ 5 часовъ, обоего пола особъ, данъ былъ не нѣмецкій спектакль въ Эрмитажѣ, а комнатный концертъ; послѣ же него былъ вечерній столъ.

Театръ былъ 7-го января и на Большомъ придворномъ театрѣ дана бы-

ла въ этотъ день русская комедія съ балетомъ. Государыня посылала вмѣсто себя великаго князя Константина Павловича, а сама не выходила. Въ этотъ день, обѣдая въ 4-хъ персонахъ, Е. И. В—во пригласила къ своему столу (въ число этихъ 4-хъ) генералъ-маіора Самойлова.

XV.

С.-Петербургъ, 22-го января 1782 года.

Въ среду, 14-го текущаго мѣсяца, г-жа Талызина (Talesin), урожденная княжна Лобанова [1]), умерла отъ водяной и антонова огня, распространившагося по всему тѣлу. Князь Дмитрій Лобановъ (Dimitri Labanoff), ея братъ, нѣжно любившій ее, былъ этимъ до того огорченъ, что самъ захворалъ. Онъ былъ въ сильной лихорадкѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, но въ ту минуту, когда я имѣю честь писать вамъ, ваше сіятельство, онъ чувствуетъ себя гораздо лучше.

Ея И. В—мъ былъ произнесенъ окончательный приговоръ кавалеру де-ла-Тессоньеръ, обвиненному въ убійствѣ двухъ офицеровъ при возвращеніи его домой, въ восемь часовъ вечера, въ день св. Александра, что было доказано свидѣтельствомъ его жены и многихъ другихъ лицъ.

Онъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ отдаленный отъ столицы монастырь, на покаяніе; затѣмъ другіе шесть мѣсяцевъ— къ тюремному заключенію; по истеченіи же этого года, онъ будетъ сосланъ на границы Сибири, чтобъ всю жизнь служить гарнизоннымъ прапорщикомъ съ жалованьемъ, опредѣленнымъ этому чину.

Уже восемь дней какъ продолжается оттепель, чтò необыкновенно для этого времени года. Туманъ, покрывающій городъ и его окрестности, такъ заразилъ воздухъ, что почти всѣ жители больны: это что-то въ родѣ эпидемическаго насморка, который иногда переходитъ въ горячку. Ея императорское величество чувствовала себя нехорошо въ продолженіе трехъ дней, и въ одну эту недѣлю придворная аптека снабдила лекарствомъ 502-хъ человѣкъ. Князь вашъ братъ уже шесть дней не выходитъ изъ комнаты, и еслибъ онъ не принялъ должныхъ предосторожностей, то опасно бы заболѣлъ; изъ его прислуги въ настоящее время 13 человѣкъ не въ состояніи нести службу.

Нѣтъ ни одного семейства, избавленнаго отъ гриппа, какъ называютъ эту нелѣпую эпидемію. Болѣзненное состояніе, въ которомъ я самъ нахожусь уже цѣлую недѣлю, было причиной того, что я замедлилъ писать вамъ, ваше сіятельство. Болѣзнь обнаруживается сухимъ кашлемъ съ болью въ груди, сопровождаемой

лихорадкою. Я страдаю въ настоящее время и тѣмъ и другимъ. Всѣмъ частнымъ лицамъ предписано полиціей окуривать дома уксусомъ, нѣсколько разъ въ день, и доктора, сами большею частью больные, тоже приказали держать въ комнатахъ лукъ, чеснокъ и деготь. Такъ какъ гриппъ, распространившійся въ Кронштадтѣ, еще болѣе опаснаго свойства, то всякое сообщеніе этой гавани со столицей прекращено. Впрочемъ, бо̀льшая часть захворавшихъ этимъ насморкомъ выздоравливаетъ въ два или три дня, и только необходимъ 24-хъ часовой морозъ, чтобъ уничтожить это повѣтріе.

Увѣряютъ, что г. Самойловъ (Samoïloff) [2]), племянникъ князя Потемкина (Potemkin), скоро женится на дѣвицѣ Закревской (Sagrewski).

[1]) Прасковья Ивановна, супруга Лукьяна Ивановича Талызина.

[2]) См. примѣчаніе 4-е къ XIV-му письму о его приглашеніи въ интимный кружокъ ея величества.

XVI.

С.-Петербургъ, 29-го января 1782 года.

Князь Путятинъ (Poutathin), камеръ-юнкеръ, женился третьяго дня, 27-го января, на графинѣ Сиверсъ (Siwerst). Свадьба была въ домѣ г. Бецкаго (Bestki) [1]).

Эпидемическій насморкъ, отъ котораго городъ еще не освободился, появился и въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но. благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ, болѣзнь эта не будетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій; замѣтили только, что въ Кронштадтѣ горячки болѣе обыкновенны чѣмъ здѣсь.

Графъ Скавронскій (Scawronski) выигралъ наконецъ процессъ, длившійся столько лѣтъ между его семействомъ и семействомъ графа Воронцова (Woronsoff) изъ-за значительнаго имѣнія въ Лифляндіи. Онъ былъ окончательно рѣшенъ ея императорскимъ величествомъ. Чтобъ ускорить рѣшеніе, правительствующій сенатъ сдѣлалъ докладъ императрицѣ о томъ—долженъ ли онъ основывать свое рѣшеніе на законахъ Россіи или же на законахъ Лифляндіи? Ея императорское величество выбрала послѣдніе, такъ какъ они рѣшали въ пользу графа Скавронскаго (Scawronski). Этотъ вельможа обладаетъ кромѣ того въ настоящее время двѣнадцатью тысячами крестьянъ. Графъ Панинъ подвергся общей болѣзни; теперь онъ совершенно выздоро-

вѣлъ. Маленькіе великіе князья были тоже больны два или три дня, но, въ настоящую минуту, они пользуются превосходнымъ здоровьемъ.

[1]) 27-го января свадьба Путятина не могла быть потому, что этотъ день приходился въ четвергъ—на пятницу не вѣнчаютъ.

XVII.

С.-Петербургъ, 29-го января 1782 г.

Князь, съ искренною благодарностію я только-что получилъ письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Я чрезвычайно доволенъ, что угождаю вашему сіятельству посылаемыми вамъ листками, но я никакъ не думалъ заслужить тѣмъ столь лестнаго отъ васъ отзыва. Повѣрьте, что я сдѣлаю все, что только будетъ отъ меня зависѣть, чтобы болѣе и болѣе пріобрѣсти ваше одобреніе, но общественныя новости доставляютъ мнѣ такіе пустые матеріалы, что я не былъ-бы въ состояніи продолжать высылку оныхъ аккуратно каждую недѣлю, если-бы не содѣйствіе князя вашего брата, который такъ любезно сообщаетъ мнѣ все, что, по его мнѣнію, для васъ интересно. Я предвижу, что лѣтомъ мнѣ еще менѣе придется вамъ писать, когда дворъ будетъ въ Царскомъ Селѣ, а бóльшая часть вельможъ на дачахъ. Я уже имѣлъ честь вамъ замѣтить, что по части русской и иностранной литературы ничего новаго не появилось; впрочемъ, если-бы я и зналъ мѣстный языкъ, то и это бы мнѣ ни къ чему не послужило. Ученые нашей академіи занимаются лишь сочиненіями по части физики, естественной исторіи и географіи разныхъ областей Имперіи, и только-что они ихъ приведутъ къ концу, тотчасъ принимаются за чтеніе ихъ, а за печатаніе не раньше, какъ когда наберется столько, сколько нужно для составленія новаго тома или толстаго словаря; отдѣльныя же статьи, печатаемыя вслѣдъ за ихъ сочиненіемъ, разборъ или содержаніе коихъ интересны только по новизнѣ, не появляются. Что касается до новостей политическихъ, то я, князь, не имѣю возможности передать вамъ что-либо вамъ еще незнакомаго, ибо вы все приближаетесь къ средоточію ихъ [1]), между тѣмъ какъ мы находимся отъ него вдали.

[1]) Пикаръ полагалъ, какъ прежде рѣшено было, что изъ Вѣны графъ и графиня Сѣверные, въ половинѣ января, должны направиться черезъ Германію на Парижъ, но высокіе путешественники долго прожили въ столицѣ Австріи и Парижъ посѣтили послѣ Венеціи.

XVIII.

С.-Петербургъ, 6-го февраля 1782 г.

Въ среду текущаго мѣсяца, 2-го числа, послѣ придворнаго концерта, ея императорское величество получила извѣстіе о внезапной кончинѣ князя Василія Михайловича Долгорукаго (Крымскаго), московскаго генералъ-губернатора. Иностранцы и соотечественники одинаково сожалѣютъ о смерти этого вельможи, пріобрѣвшаго искренностью, любовью къ народу и безкорыстіемъ любовь всѣхъ гражданъ. Маршалъ графъ Захарій Чернышевъ (Sachar de Czernicheff) назначенъ на его мѣсто.

3-го числа ея императорское величество сдѣлала честь графу Строганову (Strogonoff), пріѣхавъ обѣдать къ нему [1]. 4-го былъ маскарадъ при дворѣ [2]. Чрезмѣрный холодъ всей этой недѣли и болѣзнь, которой всѣ подверглись и которая еще продолжается, сдѣлали масляницу довольно скучной.

Графъ Скавронскій подарилъ своей супругѣ три тысячи душъ.

Ея величество издала приказъ, чтобъ впредь представляемыя министру бумаги по коллегіи иностранныхъ дѣлъ были-бы подписаны не однимъ вице-канцлеромъ, но всѣми членами коллегіи, какъ это дѣлается во всѣхъ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ Имперіи.

На послѣднемъ придворномъ маскарадѣ было много публики; многія знатныя особы были костюмированы, между прочимъ графъ Чернышевъ съ своей дочерью; княгиня Голицына (Galitzin), рожденная Олсуфьева [3], съ женой вице-канцлера были одѣты въ мужскія платья.

Г-жа Мятлева (Miatlew) [4], мать камеръ-юнкера, умерла вслѣдствіе гриппа, сопровождаемаго летаргіей, продолжавшеюся три дня и окончившеюся апоплексическимъ ударомъ.

Лефевръ (Lefevre) и Канчіани (Canziani) оставили придворный театръ и собираются ѣхать въ Италію.

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано: «3-го февраля, въ четвергъ, предъ полуднемъ, въ исходѣ 12-го часа, Ея И. В—во, въ сопровожденіи дежурныхъ фрейлинъ и кавалеровъ, изволила шествіе имѣть въ экипажахъ въ домъ его сіятельства графа А. С. Строганова, гдѣ изволила кушать обѣденное кушанье, а послѣ стола изволила скоро отсутствовать во дворецъ».

[2]) «Въ маскарадѣ 4-го февраля государыня не была; столъ на 40 кувертовъ былъ для придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Маскарадъ продолжался до исхода 2-го часа по полуночи. Масокъ дворянскихъ было 2,100 и купеческихъ 200».

[3]) Марья Адамовна, супруга шталмейстера, князя Николая Алексѣевича Голицына.

[4]) Вдова адмирала Василія Алексѣевича Мятлева.

XIX.

С.-Петербургъ, 14-го февраля 1782 г.

Смерть князя Долгорукаго, московскаго генералъ-губернатора, причинила большое горе жителямъ этого города. Купечество особенно доказало свою привязанность и благодарность этому уважаемому губернатору: какъ только разнесся слухъ о его смерти, всѣ лавки были закрыты и народъ толпой отправился въ церкви. Лица, которымъ были поручены необходимыя для похоронъ закупки, принуждали купцовъ взять деньги за товаръ, но тѣ тутъ-же раздавали ихъ бѣднымъ, говоря имъ: „помяните нашего добраго губернатора и молитесь за него Богу". Розданная такимъ образомъ сумма превышала десять тысячъ рублей. Княгиня Долгорукова, найдя вскорѣ по смерти своего супруга пять тысячъ рублей въ его шкатулкѣ, отдала ихъ одному довѣренному лицу съ приказаніемъ употребить ихъ на освобожденіе бѣдныхъ заключенныхъ въ тюрьму за долги. Похороны были очень пышны. Родственники покойнаго не хотѣли допустить, чтобъ его везли въ церковь, по обычаю, на погребальныхъ дрогахъ, но несли его на рукахъ. Стеченіе народа, его сопровождавшаго, слезы и молитвы, которыми онъ выражалъ свою скорбь, наконецъ, рыданія семейства покойнаго—все это представляло самое трогательное зрѣлище, какое только можно себѣ представить. Солдаты, казалось, оплакивали своего друга, бѣдные своего отца, а купцы—самаго усерднаго защитника ихъ свободы и привиллегій: до такой степени искренность, человѣколюбіе и безкорыстіе этого добродѣтельнаго патріота пріобрѣли себѣ любовь гражданъ всѣхъ сословій!

Народъ не льститъ и не обманываетъ, и глубокая, ничѣмъ не сдержанная печаль, обнаруженная имъ при этомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, затмѣваетъ собой всѣ надгробныя рѣчи, произнесенныя въ честь побѣдителя Крыма.

Императрица велѣла обнародовать указъ о назначеніи графа Захара Чернышева московскимъ губернаторомъ. Отдавъ должную честь памяти князя Долгорукова и упомянувъ о важныхъ услугахъ, которыя онъ оказалъ государству, императрица совѣтуетъ преемникамъ его подражать ему.

Посылаю вамъ, ваше сіятельство, московскую газету со статьей объ этомъ происшествіи; я не велѣлъ ее переводить, потому что, говорятъ, она такъ хорошо написана, что стоитъ, чтобъ вы прочли ее въ подлинникѣ. Прилагаю при этомъ стихи г. Нелединскаго (Ne-

ledinski), вашего двоюроднаго брата, поэтическій талантъ котораго всѣми признанъ. Напечатаны они по приказанію графа Панина (Panin).

Мѣсто могилевскаго генералъ-губернатора, занимаемое до сихъ поръ графомъ Захаромъ (Чернышевымъ), передано г. Пассеку (Passeck), бывшему нѣкогда губернаторомъ, но потомъ назначенному въ сенатъ. Ея императорское величество пожаловала ему 5,000 руб. на его путешествіе. Кромѣ того, онъ получилъ старшинство въ чинѣ генералъ-лейтенанта со времени повышенія его въ званіе камергера (Chambellan). Вслѣдствіе этого только одинъ егермейстеръ князь Голицынъ (Galitzin) считается генералъ-лейтенантомъ старше его.

Г. Мятлевъ, камеръ-юнкеръ, назначается въ ассигнаціонный банкъ съ 1,500 рублей жалованья. Это мѣсто было прежде занято г. Ушаковымъ [1]).

[1]) Камеръ-юнкеръ Петръ Васильевичъ Мятлевъ назначенъ на мѣсто умершаго совѣтника «правленія банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій», Мирона Ушакова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уволенъ другой совѣтникъ, д. ст. с. Петръ Кириловъ, съ пенсіею, а на его мѣсто переведенъ изъ ассигнаціоннаго банка директоръ Карлъ Иберкампфъ.

XX.

С.-Петербургъ, 23-го февраля 1782 г.

Всѣ губернаторы, имѣющіе обыкновеніе пріѣзжать сюда на новый годъ, простились съ ея императорскимъ величествомъ и уѣхали въ управляемыя ими губерніи, исключая князя Репнина (Repnin), оставшагося для исправленія должности генералъ-адъютанта. Г. Кашкинъ (Cachkin), генералъ-губернаторъ Сибири, получилъ отъ ея императорскаго величества награду въ двадцать тысячъ рублей и Александровскую ленту, но послѣднее еще не вполнѣ достовѣрно; лишь только я получу вѣрныя свѣдѣнія, я не замедлю сообщить ихъ вамъ, ваше сіятельство. Генералъ-губернаторъ Кречетниковъ (Crichitnikoff) получилъ тоже награду въ 10,000 рублей. Это уже третья съ тѣхъ поръ, какъ онъ губернаторомъ Калуги и Тулы.

Г. Щербининъ (Scherbinin) отозванъ отъ губернаторства и принужденъ былъ подать въ отставку, которую онъ и получилъ, но совсѣмъ не оскорбительнымъ образомъ. Императрица милостиво пожаловала ему значительную пожизненную пенсію.

Г. Миллеръ [1]) (Müller), начальникъ архива бывшей иностранной коллегіи въ Москвѣ, подалъ въ отставку и получилъ ее съ наградой въ 2,000 рублей. Онъ обязался послѣ смерти передать въ казну свою

библіотеку, которая, какъ говорятъ, очень интересна и богата восточными рукописями всякаго рода.

Татарскій ханъ прислалъ сюда посланника благодарить императрицу за ея милостивое покровительство ему и его подданнымъ [2]). Ему дана была первая аудіенція 20-го числа текущаго мѣсяца; ея императорское величество приняла его на тронѣ публично, и всѣ лица первыхъ пяти классовъ присутствовали при этомъ. Я выпускаю здѣсь подробное описаніе этой церемоніи, предполагая послать вамъ, ваше сіятельство, на слѣдующей недѣлѣ газету, въ которой вся церемонія будетъ описана.

16-го этого мѣсяца вице-канцлеръ далъ тоже свою публичную аудіенцію этому посланнику. Онъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ, въ присутствіи двухъ членовъ иностранной коллегіи, гг. Безбородко (Besbarotkoff) и Бакунина (Bakounin). Приготовленъ былъ обѣдъ на 50 персонъ и всѣ иностранные министры присутствовали на немъ. Въ самый день аудіенціи императрицы, посланникъ былъ приглашенъ ко двору. Ея императорское величество предложила ему сыграть партію въ шахматы съ Михаиломъ Потемкинымъ (Potemkin), затѣмъ полковникъ Бибиковъ (Bibikoff) предложилъ ему вторую партію, но онъ вѣжливо отказался, говоря: „какъ могу я внимательно слѣдить за игрой? Здѣсь столько прекрасныхъ женщинъ, которыми можно любоваться". Этотъ отвѣтъ, хотя и въ переводѣ, и многіе другіе въ этомъ родѣ пріобрѣли посланнику репутацію самаго остроумнаго и любезнаго татарина, подобнаго которому давно уже не было при здѣшнемъ дворѣ.

У насъ была такая нездоровая и сырая зима, что умерло безчисленное множество людей всѣхъ сословій. Гибельныя послѣдствія гриппа еще не прекратились, и слабогрудные, которыхъ щадитъ холодный климатъ, болѣе всего пострадали. Г. Ступишинъ (Stoupichen), выборгскій генералъ-губернаторъ, пріѣхавшій сюда по дѣламъ губерніи, умеръ на другой день своего пріѣзда отъ апоплексическаго удара, послѣ трехдневнаго легкаго нездоровья. Онъ даже не имѣлъ чести быть представленнымъ императрицѣ. Князь Мелиховъ (Melichkoff), бывшій капитанъ гвардейскаго Семеновскаго полка, заболѣлъ на прошлой недѣлѣ тѣмъ же недугомъ, которымъ страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но онъ не перенесъ его и умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ послѣ шестидесяти (?) апоплексическихъ ударовъ, повторявшихся одинъ за другимъ въ продолженіе однихъ сутокъ.

Г. Беклемишевъ (Beclemicheff), оберъ-прокуроръ перваго департамента с.-петербургскаго сената, умеръ тоже 19-го числа текущаго мѣсяца; онъ оставилъ своихъ дѣтей въ нищетѣ: его имѣнія еле достаточно для удовлетворенія его кредиторовъ, которые имъ и завладѣли.

Невозможно было бы опредѣлить вамъ, ваше сіятельство, число лицъ, умершихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ въ среднемъ сословіи; вѣрно только то, что никто не помнитъ болѣе нездоровой зимы.

Всеобщее горе, причиняемое этой эпидеміей, послужило источникомъ благоденствія и торжества для членовъ медицинскаго факультета и они изъявляютъ даже своимъ больнымъ свое удовольствіе, говоря, что не было еще зимы болѣе удобной для наблюденій и прогресса медицины! Только докторъ Ашъ (Ach) не могъ ничего наблюдать, и общество было лишено помощи этого новѣйшаго Гиппократа, спасителя Москвы. Презрѣніе, съ которымъ правительство отнеслось къ его медали, такъ огорчило его, что онъ впалъ въ неизлечимое сумасшествіе. Да ниспошлетъ Богъ то же самое на всѣхъ его собратовъ!

[1]) Исторіографъ, Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, † 11-го октября 1783 г.

[2]) 20-го февраля въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано: «Въ воскресенье, съ котораго началась 3-я недѣля Великаго поста, посланникъ хана Шаимъ Гирея, второй Дефтердаръ Темиръ-Ага, имѣлъ у императрицы публичную аудіенцію. Въ половинѣ 11-го часа изъ дома оберъ-церемоніймейстера Матвѣя Ѳедоровича Кашталинскаго поѣхалъ въ домъ посланника (въ 13-й линіи на Васил. остр., по набережной Невы) назначенный препровождать его во дворецъ совѣтникъ канцеляріи Ея И. В—ва Иванъ Варѳоломѣевичъ Страховъ, въ дворцовомъ экипажѣ. Темиръ-Ага встрѣтилъ его у лѣстницы и «давъ ему правую руку, шелъ съ нимъ въ покои», гдѣ они сѣли, Страховъ съ правой, а посланникъ съ лѣвой руки, и черезъ переводчика привѣтствовали другъ друга, при чемъ Страхову подали кофе. Затѣмъ началось шествіе, открываемое 6-ю лейбъ-гусарами съ унтеръ-офицеромъ, верхомъ, съ саблями на-голо. За ними ѣхали 4 конюха, передъ 4-хъ мѣстною каретою, въ которой сидѣли 3 крымскихъ чиновника съ дорожнымъ приставомъ, капитаномъ Веселитскимъ. По сторонамъ кареты шли по одному придворному лакею и два лакея стояли на запяткахъ. Во второй каретѣ, цугомъ, сидѣлъ посланникъ, имѣя съ лѣвой стороны Страхова. Противъ посланника сидѣлъ первый изъ свиты его, Балчи-паша, Хаджи-Али-ага, держа въ рукахъ ханскую грамоту, а подлѣ него—переводчикъ кол. асс. Муратовъ. Съ бока кареты ѣхалъ конюшенный оберъ-офицеръ де-Польтрò. По сторонамъ кареты шли по одному же придворному лакею, а на запяткахъ стояли два гайдука. За лакеями шли поодаль 14 человѣкъ служителей посланника, а за ними по одному съ каждой стороны дорожному сержанту, и ѣхали четверо, по два въ рядъ, изъ посланничьей свиты, въ замкѣ—опять лейбъ-гусары. По въѣздѣ на большой дворъ Зимняго дворца, гвардейскій караулъ отдалъ честь посланнику, вступившему по парадной лѣстницѣ въ переднюю, гдѣ встрѣтилъ его отъ департамента церемоніальныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ Сейдлеръ и повелъ въ «камеру ожиданія», черезъ галлерею и статсъ-дамскую, гдѣ встрѣтилъ церемоніймейстеръ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ «камерѣ ожиданія» до позыва на аудіенцію потчивали посланника «конфектами, кофеемъ и разными сорбетами». Послѣ литургіи оберъ-церемоніймейстеръ доложилъ императрицѣ о прибытіи посланника, и ея величество вышла въ аудіенцъ-залу и сѣла

на тронъ, подъ балдахиномъ, въ кресла, за которыми встали: И. И. Шуваловъ (оберъ-камергеръ) и оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. На нижней ступени трона, по правую сторону, сталъ вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, а нѣсколько поодаль отъ трона—дамы, по правую сторону, а по лѣвую—члены совѣта, учрежденнаго при дворѣ, придворные кавалеры, особы 5-ти классовъ и иностранные министры. Посланника вели подъ руки, подъ правую Пушкинъ, подъ лѣвую—Страховъ. Увидя императрицу, Темиръ-Ага поклонился; придя на средину комнаты, отдалъ второй поклонъ, а подойдя къ трону—третій. Затѣмъ, отдавъ Балчи-пашѣ грамоту, говорилъ рѣчь, переводъ которой прочелъ послѣ него Аркадій Ивановичъ Терской. Затѣмъ поднесъ посланникъ грамоту; не доходя одинъ шагъ до трона, ее изъ рукъ его принялъ вице-канцлеръ и положилъ на столикъ съ регаліями, по правую сторону трона. Потомъ посланникъ сталъ отступать задомъ, не оборачиваясь и дѣлая три поклона, и приведенъ въ «камеру ожиданія»; а обѣдалъ въ боковыхъ отъ галлереи двухъ комнатахъ. Государыня же, удалившись въ свои апартаменты, обѣдала въ бриліантовой съ Репнинымъ, Нарышкинымъ, Шуваловымъ, Строгановымъ и Ланскимъ. Столъ посланника былъ передъ тканнымъ портретомъ Петра I. Съ Темиръ-Агою обѣдали: гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Пушкинъ, Страховъ и Муратовъ; а въ голубой комнатѣ 6 человѣкъ остальныхъ изъ свиты посланника. Посланникъ послѣ обѣда отвезенъ домой въ половинѣ 2-го часа, прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи Страхова.

„5-го апрѣля возили его въ оперу, смотрѣть комическую италіанскую оперу съ балетомъ.

„Крымскій посланникъ приглашенъ былъ ко двору на куртагъ и на вечеръ 10-го апрѣля“.

XXI.

С.-Петербургъ, 5-го марта 1789 г.

Несчастное положеніе, въ которомъ г. Беклемишевъ (Beklemechoff) оставилъ свое семейство, возбудило состраданіе ея императорскаго величества; она милостиво послала вдовѣ 2,000 рублей на издержки похоронъ. На другой день его смерти, прислано было отъ частнаго лица г-жѣ Беклемишевой 500 рублей ассигн.; думаютъ, что они были присланы г. Кашкинымъ (Kachkin), только что получившимъ награду въ 20,000 рублей. Соболѣзнованіе жителей Москвы о смерти князя Долгорукова высказывается ежедневно различными чертами благотворительности, могущими утѣшить семейство въ его потерѣ. Кромѣ различныхъ подаяній бѣднымъ, купечество пожертвовало еще значительную сумму всѣмъ московскимъ церквамъ, для поминовенія покойнаго губернатора. Дворянство тоже сложилось и собрало значительную сумму на сооруженіе памятника въ церкви, гдѣ онъ погребенъ. Осуществленіе этого предпріятія поручено графу Петру Панину (Panin). Графъ Андрей Шуваловъ (Schouvaloff) былъ выбранъ 3-го числа сего

мѣсяца предводителемъ петербургскаго дворянства (и будетъ въ одномъ присутствіи съ вашимъ братомъ). Онъ замѣщаетъ г. Беклемишева. Онъ былъ выбранъ большинствомъ голосовъ; г. Елагинъ (Ielaguin) получилъ четыре голоса, князь Потемкинъ—восемь, а Шуваловъ—десять. Совѣтникъ банка г. Кириловъ (Kiriloff) получилъ отставку съ оставленіемъ ему содержанія по жизнь. Лопухинъ (Lapoukin), орловскій губернаторъ, тоже получилъ отставку и замѣненъ г. Неплюевымъ, бывшимъ вице-губернаторомъ того же города. Капитанъ гвардіи Синявинъ (Sinawin) [1]), братъ графини Воронцовой, удалившійся изъ службы, хотѣлъ зарѣзаться нѣсколько дней тому назадъ, въ припадкѣ меланхоліи, но былъ спасенъ своими слугами чрезъ минуту послѣ нанесеннаго себѣ удара, который, говорятъ, не былъ опасенъ.

Петербургская губернія увеличилась на восемь уѣздовъ: Гдовъ, Луга, Ладога, Олонецъ, Каргополь, Поданскъ[2]), Вытегра и Петрозаводскъ.

[1]) Братъ графини Воронцовой (Екатерины Алексѣевны, супруги Семена Романовича Воронцова)—Иванъ Алексѣевичъ Сенявинъ, былъ не капитанъ гвардіи, а капитанъ (1-го ранга) бригадирскаго ранга, пожалованный въ этотъ чинъ при увольненіи отъ должности совѣтника счетной экспедиціи государственной адмиралтействъ-коллегіи, указомъ 1-го января 1782 г., съ пенсіею.

[2]) Лодейное Поле?

XXII.

С.-Петербургъ, 11-го марта 1782 г.

. . . .

. . . .

Императрица отдала приказаніе безпрерывно работать при постройкѣ двухъ зданій, которыя должны служить украшеніемъ городу; это: придворныя конюшни, поставленныя на мѣстѣ прежнихъ, и биржа противъ Эрмитажа, по другую сторону Невы. Постройка этого послѣдняго зданія, которое будетъ стоить, говорятъ, болѣе 500 т. руб., поручится архитектору Гваренги [1]) (Guarenghy). На слѣдующее лѣто начнутъ постройку каменнаго Семіоновскаго моста; это начало давно предположеннаго проекта перестроить такимъ образомъ всѣ деревянные мосты черезъ каналы города.

Г. Фонъ-Визинъ написалъ новую комедію въ пяти актахъ, подъ заглавіемъ „Недоросль". Читая его въ нѣкоторыхъ частныхъ обществахъ, онъ имѣлъ громадный успѣхъ, и знатоки увѣряютъ, что онъ будетъ имѣть такой же успѣхъ и въ публикѣ; въ маѣ мѣсяцѣ ее поставятъ на сценѣ Большаго придворнаго театра.

Князь Орловъ пріѣхалъ вчера изъ Москвы. Въ слѣдующій понедѣльникъ выпускъ въ кадетскомъ корпусѣ. Я вамъ опишу, ваше сіятельство, съ слѣдующей почтой церемонію, которая будетъ по этому случаю.

[1]) Это, какъ извѣстно — не состоялось. Зданіе биржи построилъ, при Александрѣ I—Тома́ де-Томонъ (Th. de Tomon), французскій эмигрантъ, инженеръ, вступившій въ русскую службу съ чиномъ маіора. Онъ былъ строителемъ искуснымъ и занималъ каѳедру профессора строительнаго искусства и перспективы въ Имп. академіи художествъ.

XXIII.

С.-Петербургъ, 18-го марта 1782 г.

Воспитанники послѣдняго класса кадетскаго корпуса вышли вчера, около четырехъ часовъ пополудни, съ церемоніями, предписанными уставомъ этого заведенія. Семь учениковъ были награждены золотой медалью цѣною въ 100 рублей, именно: гг. Болотниковъ (Bolotnikoff), Арсеньевъ (Arsenieff), Свѣчинъ (Suechin), Ушаковъ (Ouchakoff), Толстой (Tolstoi), Куличкинъ (Koulitchkin) и Соловово (Solowovo); послѣдній назначенъ въ гражданскую службу. Слабое здоровье отвлекало его отъ военнаго поприща; онъ посвятилъ себя изученію языковъ и юриспруденціи, которую знаетъ основательно. На медали, данной этимъ семи ученикамъ перваго класса, съ одной стороны—изображеніе императрицы въ образѣ Минервы, а съ другой—добродѣтель, вѣнчающая заслуги съ надписью: „достигшему". Во второмъ классѣ роздано шесть медалей, цѣной въ 60 рублей, съ надписью: „приближающемуся". Шесть учениковъ третьяго класса тоже были награждены медалями, цѣной въ 40 рублей, съ надписью: „достигающему". Изъ прочихъ трехъ классовъ тоже шестеро изъ каждаго получили серебряныя медали.

Г. Фонъ-Визинъ, бывшій членъ почтоваго департамента, вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и съ пенсіею въ 1,250 рублей. Г. Воронцовъ (Voronzoff) [1]), членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, тоже вышелъ въ отставку съ сохраненіемъ содержанія по жизнь.

Полковникъ Протасовъ, смоленскій вице-губернаторъ, произведенъ въ статскіе совѣтники, но остается въ прежней должности.

Недавно сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобъ паспорты лицамъ, отъѣзжающимъ за границу изъ Петербурга, были выдаваемы не изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а изъ губернскаго правленія.

Будущимъ лѣтомъ, кромѣ тѣхъ двухъ зданій, о которыхъ я уже имѣлъ честь вамъ писать, ваше сіятельство, начнутъ еще строить

общественную больницу, на Фонтанкѣ около Обухова моста. Это зданіе, говорятъ, будетъ стоить болѣе 200 тысячъ рублей и будетъ окончено черезъ три года; постройка его тоже поручена архитектору Гваренги [2]).

Оберъ-секретарь сената Чернышевъ умеръ въ воскресенье 13-го этого мѣсяца. Г. Кулемакинъ (Koulemakin), смоленскій губернаторъ, вышелъ въ отставку и на его мѣсто назначенъ г-нъ Платонъ Храповицкій (Chapowizki).

[1]) Графъ Александръ Романовичъ.

[2]) Гваренги (Guarenghi)—строителю Царскосельской Колоннады, дворцоваго театра съ аркою, Большаго театра, ассигнаціоннаго банка и пр. Ум. въ 1817 году.

XXIV.

С.-Петербургъ, 2-го апрѣля 1782 г.

Многіе офицеры хотятъ проситься въ Прагу, чтобы присутствовать на царскомъ смотрѣ, въ окрестностяхъ этого города. Праздникъ Пасхи прошелъ съ обыкновенными церемоніями, безъ всякихъ производствъ какъ по гражданскому, такъ и по военному вѣдомствамъ. Въ среду [1]) данъ былъ при дворѣ публичный балъ, на которомъ танцовали и маленькіе великіе князья.

Въ настоящее время дѣлаютъ приготовленія къ имѣющей быть черезъ недѣлю свадьбѣ голландскаго посланника барона Вассенара (Wassenaer), съ княжной Трубецкой.

Генералъ Браницкій (Braniski) уѣхалъ на прошлой недѣлѣ съ своей супругой въ Москву, откуда онъ отправится въ Польшу.

Г. Кампануччи (Campanoucci), первый музыкантъ придворнаго театра, умеръ въ прошлую субботу (26-го марта), производя химическіе опыты, которыми онъ въ послѣдніе мѣсяцы ревностно занимался. Такъ какъ онъ не имѣлъ достаточно предосторожности, чтобы надѣть на себя маску, то ртутные пары обдали его голову и задушили его.

Г. Пезибль (Paisible), другой музыкантъ, весьма извѣстный по своей талантливой игрѣ на скрипкѣ, застрѣлился третьяго дня (30-го марта) вечеромъ, около семи часовъ. Онъ цѣлый день занимался перепиской билетовъ па концертъ, который долженъ былъ дать сегодня. Чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе отъ сосѣдей и слуги, онъ оставилъ на столѣ незапечатанную записку, на имя своего друга г. совѣтника Крока (Crock), въ которой проситъ отдать ему послѣдній долгъ и не дозволить тѣло его перенести въ полицію, прибавляя

что несчастія, преслѣдовавшія его, были ему не подъ силу и что онъ не могъ ихъ болѣе переносить. Не знаютъ еще какія причины довели этого артиста до такого отчаяннаго поступка, потому что онъ пользовался большой извѣстностію по своему таланту и получалъ значительныя деньги за свои концерты.

Завтра г. маркизъ де-Веракъ (de-Verac) даетъ большой балъ и ужинъ въ домѣ Воронцова, по случаю рожденія наслѣднаго принца (Dauphin); думаютъ, что ея императорское величество удостоитъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Будетъ иллюминація и фейерверкъ [2]).

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано совсѣмъ не то: «30-го марта, въ среду на Святой недѣлѣ, по полудни въ 4-мъ часу, Ея И. В—во, бывъ въ Эрмитажѣ, благоволила изъ онаго возымѣть высочайшее шествіе въ одной, съ главной конюшни, каретѣ, въ Аничковской домъ, пригласивъ къ свитѣ камеръ-юнгферу Марью Савишну Перекусихину и генералъ-маіора и кавалера А. Д. Ланскаго, да за ея-жъ величествомъ въ дежурной каретѣ слѣдовалъ его высокопревосходительство И. И. Бецкой.

«Бывъ ея величество въ Аничковскомъ домѣ, потомъ обратно прибыть изволила во дворецъ, куда потомъ пріѣздъ имѣли знатныя россійскія обоего пола и придворныя особы на концертъ, а между тѣмъ въ апартаменты ея императорскаго величества прибытіе имѣть изволили ихъ императорскія высочества великіе князья.

«Въ началѣ 7-го часа, ея величество обще съ ихъ высочествы изъ внутреннихъ своихъ покоевъ изволила выходъ имѣть въ аудіенцъ-залу, гдѣ въ присутствіи ея императорскаго величества начатъ былъ концертъ и продолжался до 8-ми часовъ вечера.

«Послѣ концерта во внутренніе покои приглашены были совѣта члены и протчія знатныя особы, съ которыми ея императорское величество до половины 10-го часа благоволила играть въ карты».

Балъ въ Эрмитажѣ былъ не въ среду, а въ пятницу—1-го апрѣля. Приглашались по повѣсткамъ особы, имѣвшія пріѣздъ ко двору. Послѣ вечерни, въ 7-мъ часу, въ Эрмитажъ шествовать изволила ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами великими князьями, а по прибытіи ихъ открытъ былъ балъ и продолжался до 11-го часу вечера. Во время бала, въ половинѣ 10-го часа, «для вышеписанныхъ персонъ былъ вечерній армитажный столъ. Великіе князья ушли въ началѣ 11-го часа, а ея императорское величество благоволила отбыть въ 3/4 11-го часа».

[2]) Маскарадъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ описанъ такъ: «3-го апрѣля 1782 г. ввечеру, въ 3/4 8-го часа, Ея И. В—во изволила воспріять высочайшее шествіе съ дежурными фрейлинами и кавалерами въ маскерадномъ платьѣ въ канцлерскій домъ, въ маскерадъ, который былъ отъ французскаго посланника по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени французской королевы принцемъ [1]).

«Ея величество, по прибытіи въ канцлерскій домъ, встрѣчена у кареты, какъ самимъ французскимъ посланникомъ, такъ и прочими господами чуже-

[1]) Извѣстнымъ своими несчастіями и все еще загадочною кончиною, дофиномъ (Людовикомъ XVII).

странными министрами, при чемъ Ея И. В—во пожаловала оныхъ къ рукѣ. Потомъ, въ препровожденіи ихъ, изволила шествовать черезъ большое парадное крыльцо въ покои, а потомъ черезъ большое зало въ пріуготовленную для высочайшаго Ея И. В—ва пребыванія богатоубранную камеру и, при продолженіи въ залѣ бальной музыки, изволила присутствовать, забавляясь въ карты съ россійскими знатными особами и чужестранными министрами.

«Передъ тѣмъ приготовлены были для бывшихъ въ маскерадѣ знатныхъ обоего пола персонъ и знатнаго дворянства, въ галлереѣ и, особо, въ двухъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ для вечерняго кушанья, столы. А сверхъ оныхъ приготовленъ же былъ столъ на 15 кувертовъ, для Ея И. В—ва съ бо̀льшимъ противу прочихъ великолѣпіемъ, точію Ея И. В—во за онымъ присутствовать не соизволила.

«Государыня уѣхала въ 11 часовъ; оставивъ въ маскерадѣ свиту, уѣхала съ однимъ только генералъ-адъютантомъ» (А. Д. Ланскимъ).

XXV.

С.-Петербургъ, 8-го апрѣля 1782 г.

Г. Кокъ (Cock) только что пріѣхалъ изъ Вѣны, поступилъ на службу въ экспедицію иностранныхъ дѣлъ и произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Г. Мальцевъ (Maltzoff), совѣтникъ посольства въ Берлинѣ, тоже произведенъ въ коллежскіе совѣтники съ удержаніемъ своего мѣста. Г. Лизакевичъ (Lisakevitz), совѣтникъ посольства въ Лондонѣ, получилъ тотъ же чинъ.

По отъѣздѣ ея императорскаго величества въ Царское Село [1]) на будущей недѣлѣ, приступятъ къ передѣлкѣ фасада Зимняго дворца. Графъ Скавронскій (Scowronski), который, незадолго до своей женитьбы, купилъ домъ г. Толстаго, перепродаетъ его казнѣ за 50,000 рублей; говорятъ, что этотъ домъ предназначенъ для принца Виртембергскаго, брата великой княгини, по пріѣздѣ его въ столицу.

Императрица подарила Львову [2]) (Lwoff), члену почтоваго департамента, перстень въ 2,000 рублей за сдѣланныя имъ очень красивыя модели кораблей и другія небольшія работы для великихъ князей.

Г-жа Загряжская (Sagriajski), рожденная княжна Черкасская (Cherkaski) [3]) умерла въ Москвѣ 28-го марта мѣсяца отъ изнурительной болѣзни, которая мучила ее много лѣтъ.

[1]) Отъѣздъ состоялся 12-го апрѣля.

[2]) Николаю Александровичу.

[3]) Княгиня Екатерина Михайловна Черкасская была за генералъ-маіоромъ Борисомъ Михайловичемъ Загряжскимъ.

XXVI.

С.-Петербургъ, 15-го апрѣля 1782 г.

Третьяго дня императрица съ обычной своей свитой уѣхала въ Царское Село [1]). Фрейлины, выбранныя Ея В—мъ и обязанныя сопровождать ее на дачу, слѣдующія: дѣвицы Протасова [2]), Шкурина старшая [3]), Мордвинова [4]) и графиня Бутурлина [5]). Ея И. В—во пожаловала перстень, украшенный ея портретомъ, старухѣ Румянцевой, супругѣ фельдмаршала, въ день ея рожденія [6]).

10-го сего мѣсяца въ квартирѣ г-на Гойра-Вануа (Hoyer Vanois), превосходнаго художника по миніатюрной живописи, была сдѣлана покража, въ то время, какъ онъ долженъ былъ по дѣламъ выйти изъ дому; у него украли 1,700 руб. серебромъ, его вещи и нѣсколько богатыхъ платьевъ, присланныхъ ему лицами, съ которыхъ онъ снималъ портреты.

Герцогъ Сэнтъ Николай (Duc de St. Nicolas), неаполитанскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ, издалъ переводъ въ стихахъ на италіанскомъ языкѣ поэмы г-на Хераскова „Россіяда". Знатоки, въ одинаковой степени усвоившіе себѣ оба языка, увѣряютъ, что этотъ переводъ отличается какъ изяществомъ, такъ и точностью. Ея В—во поручила камергеру Шувалову купить для этого посланника лучшія русскія книги разнаго рода и подарить ихъ ему отъ ея имени.

Недавно на русскомъ театрѣ давали новую русскую оперу подъ названіемъ: „Вознагражденный хлѣбопашецъ" г-на Аблесимова, автора знаменитой оперы „Мельникъ"; эта опера не имѣла большаго успѣха и полагаютъ, что она выдержитъ не болѣе двухъ или трехъ представленій.

Герцогъ Виртембергскій, братъ великой княгини, назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндію съ содержаніемъ въ шестнадцать тысячъ рублей.

[1]) Въ Царское Село императрица уѣхала не 13-го, а 12-го апрѣля, во вторникъ, безъ пушечной пальбы, утромъ. Прибыла въ Царское Село во 2-мъ часу пополудни. У крыльца встрѣтили государыню: графъ Николай Орловъ (гофмаршалъ) и Кашкинъ «главный смотритель Села Царскаго», за-просто.

[2]) Анна Степановна; при коронованіи Александра I—графиня.

[3]) Марья Васильевна Шкурина.

[4]) Елисавета Семеновна Мордвинова, дочь адмирала, бывшая потомъ за Рагозинскимъ и Перскимъ и ум. въ 1842 году.

[5]) Графиня Елисавета Петровна, вышедшая потомъ за Адр. Петр. Дивова.

[6]) Пикаръ ошибается. Жена фельдмаршала, рожденная княжна Голицына (Екатерина Михайловна), не была уже въ живыхъ (умерла 1779 г.). Мать фельдмаршала, Марья Андреевна, урожд. графиня Матвѣева, родилась 4-го апрѣля 1698 г., и жила еще до 4-го мая 1788 г. Ей Екатерина II подарила въ день рожденія перстень.

XXVII.

С.-Петербургъ, 8-го мая 1782 г.

Члены петербургскаго магистрата собрались въ прошлую середу въ большой губернской залѣ (salle de gouvernement) для выслушанія новаго полицейскаго уложенія. Оно состоитъ изъ 274 статей. Польза вообще всѣхъ этихъ статей несомнѣнна, но изъ нихъ особенное вниманіе обратила на себя статья, касающаяся назначенія новыхъ инспекторовъ, которые будутъ жить въ каждомъ губернскомъ городѣ для того, чтобы помогать губернаторамъ въ отправленіи ихъ должности, а особенно наблюдать за безопасностью торговли и за общественнымъ спокойствіемъ; другая статья, чрезвычайно подробная, касается азартныхъ игръ, запрещенныхъ не только въ общественныхъ мѣстахъ, но и въ домахъ частныхъ лицъ, какого-бы чина или званія они ни были.

Г-нъ Фредериксъ (Fredericks), сынъ бывшаго придворнаго банкира и адъютантъ князя Потемкина, произведенъ въ офицеры гвардіи [1]), также какъ и князь Долгорукій, сынъ князя Михаила, который служитъ въ коллегіи финансовъ.

Г-нъ Турчаниновъ (Tourchaninoff), владѣлецъ рудниковъ въ Екатеринбургѣ, получилъ адресъ отъ дворянства, какъ награду за его труды и за тѣ выгоды, принесенныя имъ государству по горной части, которою онъ занимается съ большимъ успѣхомъ.

Г-нъ Жуковъ, предсѣдатель петербургскаго магистрата, вышелъ въ отставку съ сохраненіемъ содержанія. Императрица пожаловала ему при этомъ сумму въ три тысячи руб. Г-нъ Глѣбовскій (Glebovsky), петербургскій вице-губернаторъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ по причинѣ слабаго здоровья, не позволяющаго ему предаваться какому бы то ни было занятію.

Императрица приказала перевести печатный отчетъ прихода Св. Сульпиція (St. Sulpice) въ Парижѣ касательно устройства богадѣльни и вспомоществованія бѣднымъ этого прихода. Г-ну Козодавлеву (Kosodawleff), совѣтнику гражданскихъ дѣлъ, былъ порученъ этотъ переводъ.

Въ прошлый четвергъ (12-го мая) былъ балъ у г-на Демидова по случаю свадьбы дѣвицы Олсуфьевой съ г-мъ Кондоиди (Condoïdi): всѣ англичане и англичанки, живущіе въ Петербургѣ, также какъ и бо́льшая часть дворянства, были на этомъ балу.

[1]) Баронъ Андрей Ивановичъ (р. 1760 г.), въ послѣдствіи бригадиръ, женатый (съ 5-го октября 1781 г.) на старшей дочери генералъ-аншефа, баронессѣ Марьѣ Ивановнѣ Меллеръ-Закомельской. Онъ служилъ по артиллеріи.

XXVIII.

С.-Петербургъ, 19-го мая 1782 г.

Въ Троицынъ день (четвергъ, 15-го мая) императрица была у обѣдни въ церкви Лѣтняго дворца и обѣдала съ офицерами Конногвардіи и офицерами Измайловскаго полка [1]). Въ слѣдующій понедѣльникъ Ея В—во присутствовала при посвященіи нижегородскаго епископа [2]); публика, собравшаяся на эту церемонію, была очень блестящая и многочисленная.

Литовскій маршалъ Мнишекъ (Mnichok) пріѣхалъ на-дняхъ въ Петербургъ съ своей супругой, племянницей польскаго короля; 14-го сего мѣсяца они удостоились чести быть представленными Ея В—ву. Императрица милостиво дозволила маршалу присутствовать при большихъ выходахъ въ ея покояхъ.

Прошлый вторникъ (17-го мая), въ два часа по полудни, произошелъ пожаръ въ бойнѣ, находящейся близь большаго рынка [3]); не смотря на скорую помощь полиціи, всѣ деревянныя лавки сгорѣли, но, къ счастью, купцы успѣли спасти свои вещи; только нѣсколько магазиновъ мучныхъ, желѣзныхъ и стеклянныхъ товаровъ сгорѣли; весь убытокъ простирается до суммы въ 200,000 руб.; бо̀льшею частью эти лавки были однако такъ ветхи, что правительство уже имѣло намѣреніе ихъ перестроить; гвардейскіе офицеры и солдаты выказали при этомъ случаѣ все ихъ мужество и патріотическое рвеніе и еслибы не ихъ неустрашимость, съ которой они подвергали себя опасности, срубая сосѣднія съ каменными лавками строенія, то послѣднія, вѣроятно, тоже сгорѣли бы. Ея В—во тоже присутствовала на пожарѣ и выказала при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ самымъ трогательнымъ образомъ свою чувствительность и любовь къ своему народу. Князья Репнинъ, Потемкинъ и Орловъ оставались тамъ до часу по полуночи; къ этому времени огонь прекратилъ свою силу и городъ былъ внѣ опасности.

Г-нъ Дурасовъ (Douraskoff), предсѣдатель московской городской управы (collège des magistrats), вышелъ въ отставку и Ея В—во даровала ему пожизненную пенсію.

На прошлой недѣлѣ умеръ надворный совѣтникъ Артемьевъ, бывшій членъ экспедиціи финансовъ. Оба сына графа Андрея Шувалова поступили вахмистрами въ Конную-гвардію.

Князь Потемкинъ уѣзжаетъ 22-го сего мѣсяца въ Москву и въ свои помѣстья, гдѣ онъ останется до 5-го іюня.

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ объ угощеніи гвардейцевъ записано: «Ея И. В—во у литургіи и за обѣденнымъ столомъ изволила быть въ гвардейскомъ длинномъ мундирѣ, а по полудни—въ сюртукѣ и шляпѣ».

[2]) Въ Духовъ день (16-го мая 1782 г.) рукополагали новаго іерарха три архіерея: Платонъ московскій, Иннокентій псковскій и греческій митрополитъ Парфеній. Евангеліе держалъ Платонъ, а читалъ Троицко-Сергіевской пустыни архимандритъ Іоасафъ.

[3]) Пожаръ былъ не 17-го, а 16-го мая. Подъ этимъ числомъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записано: «Въ Духовъ же день, въ половинѣ 7-го часа, государыня (обѣдавшая съ Ланскимъ у Бецкаго), по прибытіи въ Лѣтній домъ, ѣздила на пожаръ. Горѣлъ, съ двухъ часовъ по полудни, Морской рынокъ, на Садовой, къ каменному Гостинному двору. Ея величество остановилась противъ дома Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ), у каменныхъ рядовъ (т. е. у Гостиннаго двора). Воротясь съ пожара, Ея В—во уѣхала въ Царское Село, вечеромъ».

XXIX.

С.-Петербургъ, 28-го мая 1782 г.

Такъ какъ Петербургская губернія увеличилась нѣсколькими уѣздами, то императрица сдѣлала распоряженіе о размежеваніи и раздѣлѣ послѣднихъ по указу, данному государственному совѣту 19-го сего мѣсяца. Московскій губернаторъ, маршалъ Чернышевъ, пріѣхавшій сюда на нѣкоторое время по дѣламъ своей губерніи, уѣхалъ обратно 24-го числа. Баронесса Местмахеръ (Mestmachker), супруга русскаго министра при дворѣ Любекскаго епископа, возвращается къ своему супругу послѣ довольно продолжительнаго пребыванія здѣсь. Г-нъ Жуковъ, предсѣдатель петербургскаго магистрата, умеръ на прошлой недѣлѣ.

Мы не увидимъ здѣсь новую комедію г-на Фонъ-Визина, подъ названіемъ „Недоросль“, на что мы прежде надѣялись, потому что актеры не знаютъ своихъ ролей и не въ состояніи съиграть ее въ назначенное время. Авторъ уѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней въ Москву и, говорятъ, поставитъ свою комедію на московскомъ театрѣ; при настоящемъ недостаткѣ въ удовольствіяхъ и театрахъ это дѣйствительно лишеніе для публики, которая уже давно отдаетъ должную справедливость превосходному таланту г-на Фонъ-Визина; нѣсколько просвѣщенныхъ особъ, прослушавшія чтеніе этой комедіи, увѣряютъ, что это лучшая изъ русскихъ театральныхъ піесъ въ комическомъ родѣ; дѣйствіе ведено умно и искусно и развязка весьма удачная.

Г-нъ Фонъ-Визинъ особенно отличается своимъ слогомъ и обла-

даетъ какъ богатымъ воображеніемъ, такъ и большимъ знаніемъ сердца и природы, и картины его всегда разнообразны, живы и поучительны.

Князь Репнинъ взялъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ и скоро уѣзжаетъ, чтобы посѣтить свои губерніи.

Постройки въ городѣ Софіи (ville de Sophie) быстро подвигаются; уже одна красивая церковь окончена [1]), равно какъ и нѣсколько каменныхъ домовъ.

[1]) «Соборъ. Онъ и протчія зданія въ Софіи сооружалъ И. Ег. Старовъ, ум. въ 1808 г.» (Строитель Троицкаго собора въ Александро-Невской лаврѣ и Таврическаго дворца).

XXX.

С.-Петербургъ, 5-го іюня 1782 г.

Здѣшній вице-губернаторъ, г-нъ Глѣбовскій, вышелъ въ отставку по причинѣ своего слабаго здоровья. Ея В—во дозволила ему сохранить содержаніе до окончательнаго его выздоровленія, а въ послѣдствіи онъ получитъ мѣсто по какому нибудь другому вѣдомству. Бригадиръ Мавринъ (Mawrin) назначенъ на его мѣсто вице-губернаторомъ и кромѣ того ему порученъ надзоръ надъ всѣми хлѣбными магазинами; онъ, говорятъ, человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ и заслужившій общее уваженіе своею честностью и своими способностями [1]). Рижскій губернаторъ г-нъ Браунъ (Brown) пріѣхалъ въ Петербургъ 27-го числа прошлаго мѣсяца по дѣламъ своей губерніи и черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ обратно. Работы на каналѣ [2]) Фонтанки продолжаются весьма дѣятельно; онъ уже доведенъ до дома Шереметева. Постройка новаго каменнаго моста, который назовется Симеоновскимъ, тоже быстро подвигается; онъ будетъ оконченъ въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ.

Говорятъ, что свадьба нейтральнаго посланника [3]) назначена въ первое воскресенье іюля мѣсяца; однако, ваше сіятельство, послѣ того, какъ столько разъ ошибались по этому поводу, я не думаю, чтобы можно было сказать что-нибудь навѣрное. Какъ кажется, баронъ В., какъ и его соотечественники, въ политикѣ и любви отличается непостижимою холодностью и медленностью. Чтобы не давать вамъ, ваше сіятельство, сомнительныхъ извѣстій объ этомъ бракѣ, я разскажу вамъ о немъ лишь только тогда, когда онъ дѣйствительно осуществится.

[1]) Мавринъ въ послѣдствіи не оправдалъ довѣренности государыни и запутался въ счетахъ.

[2]) Т. е. по канализированію въ смыслѣ углубленія нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстъ и обдѣлкѣ, ровнымъ профилемъ данной ширины, излучинъ этой рѣки.

[3]) Вмѣсто нидерландскаго (neerlandais), Вассенара, посла генеральныхъ штатовъ Голландскихъ при дворѣ Екатерины II.

XXXI.

С.-Петербургъ, 20-го іюня 1782 г.

Графъ Семенъ Воронцовъ назначенъ уполномоченнымъ министромъ здѣшняго двора при Венеціанской республикѣ. Императрица была недавно восприемницей его сына [1]) и пожаловала ему табакерку, украшенную бриллiантами.

Ея И. В—во отдала приказаніе генералъ-губернаторамъ провинцій послать по два коммисара въ ихъ губерніи для опредѣленія границъ, какъ это было сдѣлано въ Петербургской губерніи.

Недѣлю тому назадъ пріѣхалъ сюда графъ Бюффонъ (Buffon), офицеръ французской гвардіи и сынъ знаменитаго натуралиста. На другой день послѣ своего пріѣзда онъ имѣлъ честь поднести императрицѣ въ Царскомъ Селѣ [2]) бюстъ своего отца, сдѣланный г-мъ Удономъ (Oudon). Ея величество приняла его очень милостиво [3]); онъ останется здѣсь два или три мѣсяца, а послѣ отправляется въ Вѣну.

Въ будущую субботу изъ Кронштадтскаго рейда выйдетъ русскій флотъ, назначенный для охраненія торговли въ Балтійскомъ морѣ и въ океанѣ. Графъ Брюсъ прибылъ сюда 18-го сего мѣсяца; онъ оставилъ свою супругу въ Парижѣ; ея слабое здоровье не дозволяетъ ей переносить утомительное путешествіе.

[1]) Графа (въ послѣдствіи князя) Михаила Семеновича, род. 18-го мая 1782 г.

[2]) По камеръ-фурьерскому журналу,—14-го іюня.

[3]) Бюстъ этотъ долгое время украшалъ царскосельскую Колоннаду и нынѣ находится въ садикѣ близъ нея.

XXXII.

С.-Петербургъ, 9-го іюля 1782 г.

Ея И. В—во издала указъ, по которому всѣмъ русскимъ и иностраннымъ купцамъ дозволяется открывать особые магазины во всѣхъ кварталахъ столицы [1]); главная цѣль этого распоряженія та, чтобы предупредить огромные убытки, которые можетъ причинить торговлѣ другой пожаръ, если всѣ лавки будутъ находиться въ одномъ мѣстѣ.

Графъ Орловъ уѣхалъ на воды въ Царицынъ (Saritzin). Вчера утромъ адмиралъ Грейгъ (Greigh) отправился на военномъ кораблѣ въ Кронштадтъ для опыта надъ новымъ пушечнымъ лафетомъ его изобрѣтенія. Къ несчастью, одинъ изъ нихъ разорвало и десять человѣкъ были убиты осколками. Г. адмиралъ, къ счастью для него, былъ предохраненъ однимъ солдатомъ, стоявшимъ въ ту минуту передъ нимъ и убитымъ осколками.

6-го сего мѣсяца императрица уѣзжаетъ изъ Петербурга въ Царское Село.

[1]) Указъ 2-го іюля 1782 г. П. С. З., т. XXI, № 15,462. Это постановленіе Павломъ I уничтожено, съ строгимъ запрещеніемъ имѣть лавки подъ домами, въ тѣхъ видахъ, будто интересы покупателей могутъ страдать внѣ рыночной продажи.

XXXIII.

С.-Петербургъ, 20-го іюля 1782 г.

Ея И. В—во издала распоряженіе, по которому офицеры городской полиціи обязаны носить мундиръ, подобный губернскому мундиру (uniforme du gouvernement), за исключеніемъ серебряныхъ эполетъ, на которыхъ будетъ вышитъ гербъ города.

Непрерывно работаютъ надъ постройкой новаго общественнаго зданія для тюремъ [1]), подъ надзоромъ вице-губернатора Маврина.

Изданъ указъ, по которому владѣльцамъ различныхъ оружейныхъ заводовъ въ имперіи дозволено отсылать ихъ произведенія за границу. Это дозволеніе касается не только шпагъ и ружей, но и пушекъ, бомбъ, пороха и т. д.; пошлина съ этихъ произведеній очень умѣренная.

При дворѣ трауръ по случаю кончины вдовствующей шведской королевы, сестры прусскаго короля [2]),

[1]) Литовскаго замка. [2]) Мать Густава III, сестра Фридриха II Вел.

XXXIV.

С.-Петербургъ, 10-го августа 1782 г.

25-го сего мѣсяца государственный совѣтъ издалъ три указа: по первому—всѣ подданные имперіи, обложенные доселѣ особою поголовною податью, будутъ платить лишь незначительную подать, какая наложена на государственныхъ крестьянъ [1]); по второму—всѣмъ подданнымъ Ея В—ва, имѣющимъ рудники въ ихъ помѣстьяхъ, дозволено ихъ разрабатывать въ свою пользу и отъ своего имени, безъ особой на то привиллегіи, съ платою лишь пошлины, опредѣленной совѣтомъ; по третьему — управленіе оружейными заводами переносится изъ артиллерійскаго департамента въ финансовую камеру (chambre de finances) въ Тулу; въ то же время устроены два новыхъ завода, одинъ въ Брянскѣ, Орловской губерніи, другой въ Олонцѣ, Петербургской губерніи.

7-го сего мѣсяца было открытіе памятника Петра Великаго. Утромъ этого дня весь дворъ въ торжественномъ одѣяніи присутствовалъ у обѣдни въ Лѣтнемъ дворцѣ; послѣ обѣдни Ея И. В—во отправилась въ половинѣ перваго въ Зимній дворецъ, гдѣ она обѣдала съ особами своей свиты; въ три часа всѣ гвардейскіе и пѣхотные полки, находящіеся въ Петербургской губерніи въ числѣ семи тысячъ человѣкъ, собрались, подъ начальствомъ маршала князя Голицына [2]), вокругъ памятника; такъ какъ они не могли всѣ помѣститься на площади [3]), то они расположились шпалерами до самаго дома графа Брюсса въ Милліонной. Государыня отправилась въ яликѣ изъ Зимняго дворца въ сенатъ въ пять часовъ по полудни, и когда она вышла на балконъ, то декораціи, окружающія памятникъ, рушились; Ея В—во низко поклонилась памятнику; въ ту же минуту былъ данъ залпъ изъ всѣхъ пушекъ крѣпости и адмиралтейства, а войска [4]), находящіяся при оружіи, съ своей стороны, дали три залпа. До ухода своего съ балкона, Ея В—во пожаловала г. Бецкому (Bestky) золотую табакерку, украшенную брилліантами, и по золотой медали каждому сенатору [5]). Въ тотъ же вечеръ она уѣхала въ Царское Село, а весь городъ былъ иллюминованъ.

Графъ Головинъ (Golovin), мальтійскій кавалеръ, внукъ графа Головина, нѣкогда голландскаго посланника, поступаетъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ [6]). Князь Дашковъ, сынъ княгини Екатерины, поступаетъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ. Генералъ Бауръ опасно боленъ.

[1]) Такъ понялъ, со словъ разскащиковъ, Пикаръ изданіе сенатскихъ указовъ 14-го (25-го новаго стиля) іюля. Первый изъ нихъ — о причисленіи двухрублевой подати съ крестьянъ, не знающихъ своихъ помѣщиковъ, къ общимъ доходамъ. А второй — «О собираніи въ Вятскомъ намѣстничествѣ оброка съ занятой рудниками экономической земли — не желѣзомъ, а деньгами» (№ 15,469 П. С. З., т. XXI).

[2]) Александра Михайловича, р. 1718 и ум. 11-го октября 1783 г.

[3]) Исаакіевская площадь, за валами, окружавшими адмиралтейскую крѣпость, была на одну треть уже теперешняго пространства ея, занятаго Александровскимъ садомъ.

[4]) Въ коллекціи Имп. акад. худ. есть современный рисунокъ, представляющій этотъ моментъ торжества. См. снимокъ въ «Всем. Илл.» 1877 г. № 47.

[5]) Бецкій получилъ золотую, сенаторы серебр. медали.

[6]) Не Головинъ — а Головкинъ, гр. Юрій Александровичъ.

XXXV.

С.-Петербургъ, 20-го августа 1782 г.

Баронъ Ребиндеръ (Rebeinder), придворный шталмейстеръ, вышелъ въ отставку съ сохраненіемъ содержанія; на его мѣсто тотчасъ же былъ назначенъ Михаилъ Потемкинъ.

По случаю открытія памятника Петра Великаго, ея величество издала манифестъ, по которому она даруетъ прощеніе и свободу всѣмъ преступникамъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ; убійцы и судьи, наказанные за взяточничество, не подошли подъ манифестъ. Гражданское управленіе Московской губерніи будетъ переобразовано по образцу другихъ губерній, и по этому случаю, 3-го числа будущаго октября, въ древней столицѣ Россіи будетъ общее собраніе высшихъ правительственныхъ лицъ и дворянства. Мѣсто, занятое прежде лавками, сгорѣвшими при послѣднемъ пожарѣ, назначено для постройки новаго банка [1]). Надзоръ надъ постройкой этого общественнаго зданія будетъ порученъ графу Андрею Шувалову.

[1]) Государственнаго, на Большой Садовой улицѣ, строеннаго Гваренги по указу 8-го августа 1782 года.

XXXVI.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1782 г.

Князь Потемкинъ уѣхалъ въ прошлый вторникъ въ Херсонъ съ полковниками Бальменомъ и Львовымъ. Вчера два маіора поступили въ Преображенскій полкъ: князь Меншиковъ и Волковъ.

Г-жа Бибикова [1]), рожденная Твердышева (Tverdichoff), дочь богатаго негоціанта, умерла въ прошломъ мѣсяцѣ въ Москвѣ, также какъ и княжна Черкасская, рожденная Левшина [2]).

Баронъ Мальтицъ (Maltiz), капитанъ гвардіи [3]), издалъ въ русскомъ переводѣ „Страсть къ стихотворству“ (Metromanie); она уже нѣсколько разъ была исполнена съ большимъ успѣхомъ на придворномъ театрѣ. Посылаю вамъ, ваше сіятельство, печатный экземпляръ стихотворенія г. камергера Домашнева по случаю открытія памятника Петра Великаго; говорятъ еще о другомъ стихотвореніи, написанномъ на тотъ же предметъ, и которое, судя по слухамъ, очень хорошо; я непремину, ваше сіятельство, сообщить его вамъ, лишь только его достану.

[1]) Татьяна Яковлевна, бывшая за Гаврилою Ильичомъ Бибиковымъ.

[2]) Александра Петровна Левшина вышла за князя Петра Александровича Черкасскаго. Портретъ ея въ ростъ, писанный Левицкимъ, въ годъ выпуска изъ Смольнаго (1776 г.) былъ на портретной выставкѣ 1870 г. и находится въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ.

[3]) Петръ Өедоровичъ; потомъ директоръ академіи художествъ и посолъ въ Карлсруэ (ум. 1826 г.).

Примѣчаніе. Французскіе подлинники писемъ Пикара, оканчивающіеся XXXVI-мъ письмомъ къ кн. А. Б. Куракину, сообщены барономъ М. Н. Сердобинымъ. Всѣ примѣчанія къ письмамъ составилъ П. Н. Петровъ.

КНЯЗЬ КСАВЕРІЙ ДРУЦКОЙ-ЛЮБЕЦКІЙ

1777—1846.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.

V [1]).

17-го ноября 1830 года вспыхнулъ въ Варшавѣ мятежъ. Я не стану описывать подробностей этого печальнаго событія, недавно еще изложенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ въ историческомъ очеркѣ Е. П. Карновича („Русская Старина“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 19—40 и 237—264). Въ первое время великій князь былъ въ опасности попасть въ плѣнъ, но вскорѣ во дворецъ къ нему подоспѣли находящіеся въ Варшавѣ полки императорской гвардіи и, въ главѣ ихъ, цесаревичъ, удалясь изъ города, расположился бивуаками въ нѣсколькихъ верстахъ, на Бѣлянахъ. Въ самомъ началѣ, возстаніе-вспышка, затѣянная воспитанниками юнкерской школы, которой никто изъ порядочныхъ людей не сочувствовалъ, — не имѣло ничего серьезнаго. Оно сдѣлалось грознымъ тогда только, когда, вслѣдствіе отсутствія войскъ, толпа разбила арсеналъ и вооружилась. Любецкій, узнавъ о распоряженіи цесаревича, тотчасъ отправился къ нему и умолялъ возвратиться въ городъ, гдѣ находившимися при немъ войсками мятежъ былъ-бы немедленно подавленъ. Но Константинъ Павловичъ не согласился и сказалъ:

— „Les polonais n'ont pas voulu de moi—je ne veux pas les connaitre“.

Несчастная фраза, одна изъ тѣхъ, которыя такъ часто „заѣдаютъ“ насъ: она стоила — десятимѣсячной междоусобной войны и жизни многихъ тысячъ одноплеменныхъ подданныхъ одного монарха.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 625—648.

Затѣмъ Любецкій, ссылаясь на то, что былъ нѣкогда суворовскимъ офицеромъ, упрашивалъ дать ему два полка и головою отвѣчалъ, что укротитъ возмущеніе ранѣе, чѣмъ оно распространится на провинціи и проникнетъ въ польскую армію. Константинъ Павловичъ и въ этомъ отказалъ и вскорѣ съ своими полками удалился въ предѣлы Имперіи. Тогда уже потеряна была всякая надежда для оставшагося вѣрнымъ населенія и послѣдовало то, что всѣмъ извѣстно [1]).

Вскорѣ возстаніе, оставленное самому себѣ, перешло въ полный революціонный терроризмъ. Въ Варшавѣ коноводы и вооруженная толпа убивали кого нашли изъ приближенныхъ къ цесаревичу военныхъ, гражданскихъ чиновъ и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ преданности Россійскому правительству [2]). Однакожъ наиболѣе ненавистные мятежникамъ: Новосильцевъ, шефъ жандармовъ генералъ Рожнецкій, генералъ-адъютантъ графъ Красинскій, успѣли спастись бѣгствомъ и прибыть въ Петербургъ. Любецкій, слывшій любимцемъ императора, находился въ большой опасности, но, пренебрегая ею, счелъ своимъ долгомъ оставаться до времени на мѣстѣ [3]). Онъ даже вошелъ въ составъ временнаго правительства, образовавшагося наскоро, для обузданія безпорядка и прекращенія кровопролитія. Любецкій кромѣ того имѣлъ въ этомъ цѣлію спасти отъ расхищенія хранившуюся въ кассѣ значительную сумму (до тридцати милліоновъ злотыхъ). Въ послѣднемъ онъ не успѣлъ: деньги сдѣлались добычею революціонной арміи. Затѣмъ, при первой возможности, выѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

По пути онъ остановился въ Нарвѣ, откуда отправилъ къ министру статсъ-секретарю Царства депешу, извѣщая о своемъ намѣреніи прибыть въ столицу.

---

[1]) Смотри мои «Воспоминанія», «Русская Старина» изд. 1874 года, томъ XI, стр. 690 и слѣд.

[2]) Варшавскія смуты 1830 года, отъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи событій этого рода, отличались одной замѣчательной особенностью: разъяренная чернь, убивая на улицахъ и врываясь въ дома ненавистныхъ ей личностей, не думала о грабежѣ.

[3]) Вотъ еще характеристическая черта: однажды, въ самый разгаръ террора, Любецкій безбоязненно шелъ по улицѣ. Его остановилъ какой-то отчаянный революціонеръ, угрожая пистолетомъ и называя измѣнникомъ отечества. Князь, преспокойно взявъ сумасброда за руку, сказалъ: «Позвольте, м. г., вы говорите, что я измѣнникъ, а я утверждаю, что это не правда. Извольте доказывать ваше обвиненіе, а я буду оправдываться. Не выслушавъ меня, вы рискуете убить невиннаго, а это было бы и несправедливо, и неразумно». — «Вотъ еще, стану я васъ слушать! да кто васъ переспоритъ? Убирайтесь къ чорту!» — воскликнулъ нападавшій и побѣжалъ далѣе съ своимъ пистолетомъ. Этой сценѣ на улицѣ было много свидѣтелей. О. П.

По докладу объ этомъ графа Грабовскаго, государь велѣлъ спросить князя: въ какомъ характерѣ онъ прибываетъ? и объявить, что если ѣдетъ какъ делегатъ отъ мятежническаго правительства, то не будетъ принятъ. Любецкій отвѣчалъ, что онъ желаетъ представиться государю какъ министръ и тайный совѣтникъ его величества. Послѣ этого былъ ему разрѣшенъ пріѣздъ въ столицу, куда онъ и прибылъ 11-го декабря 1830 года.

Объ этомъ фазисѣ карьеры князя Любецкаго, въ послужномъ его спискѣ значится слѣдующее: „Во время бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа, князь Друцкой-Любецкій, сохраняя вѣрноподданническія къ Е. И. В—ву чувства, когда не былъ въ состояніи, по долгу службы и присяги, противодѣйствовать злоумышленіямъ мятежниковъ, то вмѣстѣ съ другими, пребывшими вѣрными его величеству, членами правительства, вышелъ изъ состава онаго и, прибывъ 11-го числа декабря 1830 г. въ С.-Петербургъ, исполнялъ здѣсь высочайшія порученія".

По прибытіи въ Петербургъ, князь, чрезъ графа Грабовскаго, испрашивалъ приватной аудіенціи. На докладъ объ этомъ государь отозвался, что нужно повременить и что день пріема будетъ назначенъ. Изъ того, что притомъ было сказано министру статсъ-секретарю, можно было заключить, что царь недоволенъ Любецкимъ и что ставитъ ему въ вину участіе въ мятежническомъ правительствѣ, не высказываясь однакоже рѣшительно и не требуя объясненія.

Въ ожиданіи пріема или возможности объясниться, Любецкій занялъ квартиру въ домѣ бывшемъ Чаплина (на углу Невскаго проспекта и Большой Морской). Я тамъ часто бывалъ у него. Онъ вполнѣ сознавалъ, что состоитъ въ немилости, но сносилъ это со спокойнымъ духомъ, видя тутъ одно недоразумѣніе. По его убѣжденію, участіе во временномъ правительствѣ было исполненіемъ долга и службы, и человѣколюбія. Мнѣ князь сказалъ, что ему пріятно видѣть меня у себя, но что я рискую быть записаннымъ, такъ какъ наемный лакей, впускающій посѣтителей, ведетъ имъ поименный списокъ. Я отвѣчалъ, что это покажетъ только „кому о томъ вѣдать надлежитъ", что я имѣю честь бывать у Любецкаго. Разъ онъ показалъ мнѣ только что полученный нумеръ „Revue des deux mondes"; тамъ, въ статьѣ о польскомъ возстаніи, между прочимъ говорилось: „Lubecki, ce favori de l'Empereur Nicolas". Князь смѣясь сказалъ: „и французскіе публицисты увѣрены, что о всемъ имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія! И вотъ какъ пишется исторія!"

Его часто посѣщали прибывшіе изъ Варшавы генералы графъ Красинскій и Рожнецкій; но изъ прежнихъ хорошихъ знакомыхъ,

мѣстныхъ сановниковъ, не бывалъ никто; ихъ относило въ сторону отъ дома Чаплина вѣявшимъ изъ Зимняго дворца сиверкомъ опалы.

Не смотря на то, что выше, изъ словъ послужнаго списка, приведено, я не замѣтилъ, чтобы князь занимался какими нибудь царскими порученіями. Ихъ, вѣроятно, и не было, они только ожидались, а между тѣмъ фраза эта была благовидпымъ предлогомъ для того, чтобы держать бывшаго министра въ бездѣйствіи. Во всемъ этомъ чувствовалось вліяніе Новосильцева, по уничтоженіи въ Варшавѣ, переселившееся въ Петербургъ, а, къ сожалѣнію, для противодѣйствія этому вліянію, Константина Павловича уже не было; онъ умеръ въ 1831 году, холерою, въ Витебскѣ.

Проходили мѣсяцы безъ всякой вѣсти изъ дворца, и Грабовскому государь не напоминалъ о Любецкомъ.

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ князя была неутомимая дѣятельность, и ею только можетъ объясниться громадность и разнообразіе полезныхъ результатовъ, достигнутыхъ имъ въ управленіи финансами Царства. Онъ не могъ ни одного дня оставаться безъ дѣла. Одинъ знаменитый мыслитель написалъ, что въ человѣческой природѣ есть одна, всѣмъ общая стихія: это лѣнь. Она составляетъ основу, на которой зиждутся всѣ индивидуальные характеры, и различія однихъ отъ другихъ зависятъ лишь отъ бо̀льшаго или меньшаго количества въ нихъ лѣни. Она же вѣчно будетъ препятствовать осуществленію фурьеризма, сенсимонизма и всякихъ подобныхъ мечтаній. Когда это писалъ, авторъ не зналъ Любецкаго; въ послѣдствіи, изучивши его, сознался, что въ установленномъ имъ общемъ законѣ нужно допустить одно исключеніе.

Находясь какъ бы во временномъ остракизмѣ, князь, для удовлетворенія своей органической потребности, долженъ былъ выдумывать себѣ серьезныя занятія. До того мало понимающій въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ, живя въ домѣ Чаплина, прошелъ полный курсъ науки объ этомъ предметѣ, по сочиненіямъ Тэра и другихъ специалистовъ. Но и этого было недостаточно для наполненія продолжительнаго досуга. Тогда я предложилъ князю учить его англійскому языку, увѣряя, что въ какихъ нибудь четыре, пять недѣль, при помощи другихъ языковъ, онъ будетъ свободно читать прозу. Князь согласился, но занятія наши при самомъ началѣ прекратились по особому обстоятельству.

Между тѣмъ изданъ былъ высочайшій манифестъ къ полякамъ. Онъ былъ писанъ не въ польскомъ статсъ-секретаріатѣ и при составленіи его не спрашивали мнѣнія ни Любецкаго, ни пріѣхав-

шихъ изъ Варшавы генераловъ. Въ немъ повелѣвалось польской арміи положить оружіе и всему народу покориться безусловно, положась на царское великодушіе. Сущность этого акта, конечно, не могла быть иная, но тонъ его былъ слишкомъ абсолютный и, къ несчастію, онъ вышелъ въ такое время, когда мятежъ, распространившійся быстро по всему Царству, проникнулъ и въ литовскія провинціи, и когда польская армія имѣла уже кое-какіе успѣхи. Поэтому предводители мятежа, при тогдашнемъ неразумномъ настроеніи, возмечтали, что для прекращенія кровопролитія будутъ имъ предложены мирныя условія, что по крайней мѣрѣ потребуются объясненія о причинахъ возстанія. Въ такихъ обстоятельствахъ, естественно, манифестъ произвелъ послѣдствія противоположныя цѣли, для которой былъ изданъ. Такой исходъ предвидѣли всѣ, кому положеніе было извѣстно.

Около этого времени назначенъ, наконецъ, былъ Любецкому пріемъ у государя. Вотъ какъ князь разсказалъ мнѣ подробности этого достопамятнаго свиданія:

„Я просилъ приватной аудіенціи, имѣя много интимнаго доложить при свиданіи наединѣ. Поэтому, приближаясь къ Зимнему дворцу, я непріятно былъ удивленъ, когда замѣтилъ стоявшую у главнаго подъѣзда группу посольскихъ слугъ и экипажей. Меня ввели въ большую залу, гдѣ я увидѣлъ ожидавшаго меня императора окруженнымъ всѣми находившимися въ Петербургѣ иностранными послами.

„Это меня весьма огорчило, но дѣлать было нечего, надо было принять положеніе и стараться только выйти изъ него съ честью. Государь, увидѣвъ меня, сказалъ:

— „Prince Lubecki, vous avez demandé une audience, en qualité de mon conseiller intime?“

— Oui, Sire.

— „Cela veut-il dire, que vous avez un conseil à me donner?“

— Précisement, Sire, je crois de mon devoir de le faire.

— „Parlez. Je veux que les représentants des puissances amies vous entendent“ [1]).

„Къ подобному положенію я не былъ приготовленъ, но нужно было, во что бы то ни стало, импровизовать какой нибудь совѣтъ. Чувство

---

[1]) — «Князь Любецкій, вы просили аудіенціи по званію моего тайнаго совѣтника?»

— Такъ точно, В. И. В—во.

— «Значитъ ли это, что вы имѣете дать мнѣ совѣтъ?»

— Такъ точно, В. И. В—во, я считаю это моимъ долгомъ.

— «Говорите. Я желаю, чтобы васъ слышали представители дружественныхъ государствъ».

досады отъ такого пріема подшепнуло мнѣ то, чего, при другой обстановкѣ, я бы, можетъ быть, не сказалъ, или сказалъ бы въ иной формѣ. Я заговорилъ:

— Sire, le manifeste dé V. M. J. adressé dernièrement à l'armée et à la nation polonaises, a pour but de mettre fin à une guerre fratricide. Ce but ne saurait être atteint par cette voie. Pour qui connait le caractère national des insurgés, le ton de cet acte et les conditions qu'il impose, ne pourraient que pousser l'aveugle exaltation des polonais à une résistance désesperée.

— „Alors, que me conseillez vous?"

— J'ose penser, que l'impression, produite par le manifeste, pourrait être attenuée par une proclamation plus conciliatrice, laissant pressentir la possibilité d'une issue de la soumission, moins humiliante pour l'orgueil national.

— „Comme une telle concession n'est pas possible, ce serait donc selon vous une guerre à mort?"

— Malheureusement, Sire, ce sera une guerre à mort [1]).

„Тутъ Николай Павловичъ сдѣлалъ знакъ, что аудіенція окончилась; я откланялся, посланники тоже хотѣли уйти, но государь ихъ удержалъ".

Такъ императоръ торжественно, предъ лицомъ всѣхъ дружественныхъ дворовъ заявилъ, что въ отношеніи польскаго возстанія не намѣренъ допустить ни малѣйшей уступки.

---

[1]) — Послѣдній манифестъ В. И. В—ва къ арміи и къ народу польскому имѣетъ цѣлью прекратить братоубійственную войну. Цѣль эта такимъ путемъ достигнута не будетъ. Для того, кто знаетъ народный характеръ мятежниковъ, тонъ этого акта и налагаемыя имъ условія могутъ лишь побудить слѣпую экзальтацію поляковъ къ отчаянному сопротивленію.

— «Затѣмъ, что же вы мнѣ совѣтуете?»

— Я смѣю думать, что произведенное манифестомъ впечатлѣніе могло бы быть умѣрено изданіемъ прокламаціи въ духѣ болѣе примирительномъ, которая позволяла бы предчувствовать условія покорности менѣе унизительныя для народной гордости.

— «Какъ подобная уступка невозможна, то, по вашему, это будетъ война на смерть?»

— Къ несчастію, такъ, это будетъ война на смерть.

VI.

Князь Любецкій въ Варшаву уже не возвращался; на его мѣсто опредѣленъ былъ тогда другой министръ, а князь назначенъ членомъ государственнаго совѣта, высочайшимъ указомъ 14-го февраля 1832 года. Онъ притомъ оставленъ былъ завѣдывающимъ дѣлами по ликвидаціямъ съ иностранными державами [1]). Князь и генералы графъ Красинскій и Рожнецкій были назначены къ засѣданію въ учрежденномъ тогда же департаментѣ по дѣламъ Царства Польскаго (упраздненномъ въ 1861 году).

Вслѣдствіе мятежа 1830 года признано было, что дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ законы требуютъ кореннаго измѣненія, въ смыслѣ болѣе вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ спокойствія и введенія болѣе строгой общественной дисциплины. За нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія князя Любецкаго въ государственный совѣтъ, высочайше поручено ему было разсмотрѣть законы Царства и представить свои по нимъ соображенія о требуемыхъ измѣненіяхъ и нововведеніяхъ. Этотъ важный и обширный трудъ былъ оконченъ Любецкимъ въ 1833 году къ полному удовольствію государя. (Рескриптъ 16-го октября 1833 года).

Въ томъ-же году, въ сентябрѣ, высочайше учреждена была, подъ главнымъ начальствомъ Сперанскаго и подъ предсѣдательствомъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго Туркула, „коммисія для ревизіи и составленія законовъ этого Царства" (въ послѣдствіи переименованная въ кодификаціонную).

Весьма полезнымъ подготовленіемъ къ ея работамъ послужилъ совѣстливый трудъ Любецкаго [2]).

Какъ министерство финансовъ было поприщемъ для практическаго

---

[1]) По этому званію состояли при немъ французъ Буке (Bouquet) для французскихъ редакцій и А. П. Дмитріевъ (въ послѣдствіи сенаторъ варшавскихъ департаментовъ). Послѣдній былъ нѣкогда чиновникомъ губернскаго правленія въ Гроднѣ. Князь, въ бытность тамъ губернаторомъ, взялъ его къ себѣ для русской корреспонденціи, болѣе же для того, чтобы упражняться съ нимъ въ русскомъ разговорѣ. Дмитріевъ пріобрѣлъ довѣріе князя, сдѣлался его мажоръ-домомъ, ѣздилъ съ нимъ въ Берлинъ и Вѣну, продолжалъ состоять при немъ въ Петербургѣ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Буке, сопутствовалъ князю въ Парижъ.

[2]) Коммисія эта просуществовала съ исхода 1833 г. по половину 1861 года. При графѣ Блудовѣ поручались ей работы и по Имперіи, въ томъ числѣ составленіе уложенія уголовныхъ законовъ. Я прослужилъ въ этой коммисіи съ самаго учрежденія ея по день упраздненія. О. П.

примѣненія спеціальности князя, такъ въ государственномъ совѣтѣ открылось ему обширное поле дѣятельности въ области умозрѣній и отвлеченностей.

На этой новой аренѣ Любецкій сразу занялъ выдающееся мѣсто и имѣлъ большіе успѣхи. Это объяснитъ слѣдующій анализъ умственнаго организма князя и логической процедуры, которой онъ слѣдовалъ постоянно.

Нужно начать съ того, что основаніемъ всего служила правота, доведенная до идеала и имѣющая свой собственный характеръ. Есть не мало честныхъ, прямодушныхъ людей, но качество это, обыкновенно лишь отрицательнаго свойства, ограничивается неспособностью дѣйствовать противъ совѣсти, словомъ—кривить душой. Правота же Любецкаго имѣла въ себѣ еще силу активную, производительную. Не удовлетворяясь сферой пассивной честности, она обнимала собою всю область абсолютной правды, такъ что все неправдивое было для него равнозначущимъ нечестному. Въ этомъ отношеніи онъ былъ одаренъ чрезвычайно тонкимъ чутьемъ и эта счастливая особенность давала ему родъ интеллектуальнаго ясновидѣнія. Онъ предусматривалъ, прежде всякаго умственнаго процесса, конечную логически-роковую развязку всякой задачи.

Въ обстоятельствахъ, когда рѣшеніе и мѣропріятія по нимъ зависѣли отъ самого князя (какъ это было въ завѣдываніи ввѣренными ему частями), Любецкій не колебаясь приводилъ свои вдохновенія въ дѣйствіе, и послѣдствія всегда ихъ оправдывали. Всю цѣпь вступленій и выводовъ, ведущую къ искомому выводу, которую князь заранѣе уже обнялъ и въ цѣломъ, и въ отдѣльныхъ звѣньяхъ, нужно было развернуть предъ глазами участвующихъ въ преніяхъ, гдѣ отстаивались противныя мнѣнія. Тогда Любецкій, заявивъ свой тезисъ, установивъ общія, безспорныя начала, управляющія вопросомъ, начиналъ математическій процессъ. Съ строгою послѣдовательностью, шагъ за шагомъ, онъ поступалъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и доходилъ наконецъ до того, предсказаннаго въ тезисѣ, „что требовалось доказать". Притомъ-же, на случай еслибы общіе a priori выводы оказались безуспѣшными, у него былъ всегда въ резервѣ неотразимый доводъ a posteriori,—то, что въ древней схоластикѣ называлось „argumentum crucis". Такъ вооруженный, Любецкій стремился уже прямо къ своему идеалу, къ пресвятой истинѣ, не стѣсняясь никакими уваженіями. Горе тѣмъ мелкимъ самолюбіямъ, тѣмъ частнымъ интересамъ, которые нашлись на линіи этого шествія, съ тѣмъ чтобы остановить его или заставить своротить въ сторону. Онъ ихъ растаптывалъ безпощадно, мечомъ неумолимой логики разсѣкая встрѣчаемые гор-

діевы узлы и узелки, и въ конечномъ результатѣ одерживалъ блистательную побѣду. Ему рѣдко приходилось прибѣгать къ послѣднему, рѣшительному аргументу.

Таковые пріемы Любецкій практиковалъ постоянно и въ трактаціяхъ съ уполномоченными иностранныхъ государствъ, на сеймахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства и, наконецъ, принесъ ихъ съ собою и въ государственный совѣтъ Имперіи.

Многіе находили ихъ слишкомъ рѣзкими и абсолютными. Это было не совсѣмъ справедливо. Правда, Любецкій заявлялъ свои мнѣнія прямо, въ сухой формѣ математическихъ тезисовъ, аргументацій своихъ не облекалъ въ смягчающія утонченности; ему было некогда, онъ поскорѣе добирался до самой сути дѣла, обнажая истину изъ затемняющихъ ее покрововъ (вѣдь и древніе представляли ее нагою). Но рѣчь его была чужда всякой личности, въ ней всегда слышался тонъ хорошаго общества.

Для образца приведу одинъ примѣръ; онъ дастъ общее понятіе объ усвоенныхъ княземъ методѣ и аргументаціи.

Въ одинъ изъ начальныхъ 1830-хъ годовъ, въ Виленской губерніи поймана была шайка разбойниковъ, долгое время совершавшая страшныя преступленія, въ родѣ историческихъ французскихъ нагрѣвателей (chauffeurs). Уголовная палата, по принятому ею для такихъ злодѣевъ обычаю, приговорила атамана шайки къ наказанію кнутомъ 101 ударомъ. Онъ былъ католикъ, а это происходило въ самое то время, когда принимались мѣры къ возсоединенію уніатовъ къ православной церкви. Когда приступлено было къ исполненію приговора, осужденный, на площади уже, запротестовалъ противъ такого исполненія, заявивъ всенародно, что онъ принимаетъ православіе. Экзекуція была остановлена и объ этомъ казусѣ прокуроръ представилъ по порядку.

Трудно повѣрить, но въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ случай этотъ вызвалъ разногласіе; такимъ путемъ дошелъ онъ до государственнаго совѣта. Мнѣнія и тамъ раздѣлились; нашлись голоса за отмѣну наказанія—въ интересѣ распространенія православія. Любецкій представлялъ, что обращеніе разбойника, въ виду предстоявшей ему казни, нельзя признать искреннимъ; что если даже и допустить внезапное наитіе, то нѣтъ закона, который по такой причинѣ освобождалъ-бы преступника отъ наказанія, что и для церкви, къ которой онъ желаетъ присоединиться, пріобрѣтеніе подобнаго субъекта не можетъ быть ни лестнымъ, ни полезнымъ, и т. п. По этимъ соображеніямъ князь находилъ, что приговоръ палаты долженъ быть приведенъ въ исполненіе безъ измѣненія. Но какъ доводы его не имѣли полнаго успѣха и

прежніе голоса въ пользу отмѣны наказанія не умолкали, то князь прибѣгнулъ къ своему запасному аргументу. Онъ сказалъ: „въ заключеніе, я долженъ замѣтить, что если просьба атамана разбойниковъ будетъ уважена, то этимъ установится весьма вредный прецедентъ. Для иновѣрцевъ, рѣшившихся перемѣнить вѣру, онъ будетъ поощреніемъ къ преступнымъ дѣяніямъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ имѣть важное преимущество предъ православными. Одинъ изъ послѣднихъ, совершившій преступленіе, долженъ будетъ подвергнуться наказанію неуклонно, тогда какъ преступникъ - иновѣрецъ будетъ имѣть возможность, перемѣнивъ вѣру, остаться не наказаннымъ".

Такое наглядное сопоставленіе положеній подѣйствовало наконецъ. Единогласно рѣшено приговоръ палаты привести въ исполненіе, а за остановленіе его сдѣлать кому слѣдуетъ выговоръ.

Подобное предыдущему случалось нерѣдко. Сила Любецкаго состояла сколько въ высшей интеллигенціи, опытности и обширныхъ познаніяхъ, столько, а, можетъ, еще и болѣе, въ признанной всѣми правотѣ его; когда онъ говорилъ, то всѣ были увѣрены въ искренности его словъ, въ чистотѣ намѣреній, въ отсутствіи всякаго духа партій. Поэтому ему часто удавалось разрозненныя мнѣнія приводить къ единогласію. Но вскорѣ, и именно по назначеніи предсѣдателемъ государственнаго совѣта Н. Н. Новосильцева, противъ князя сформировались враждебныя партіи, завербованныя предсѣдателемъ и министромъ финансовъ, графомъ Канкринымъ. Первый съ давняго времени былъ заклятымъ врагомъ Любецкаго, а послѣдній видѣлъ въ немъ опаснаго для себя соперника и встрѣчалъ на всякомъ шагу строгаго критика своихъ дѣйствій. Каждый изъ нихъ, по своему положенію, имѣлъ немало сторонниковъ. Имѣлъ ихъ и Любецкій; это были люди добросовѣстные, которые, какъ и онъ, искали только правды, и поэтому, естественно, они составляли очень немногочисленное меньшинство. Любецкому случалось даже оставаться одинокимъ съ своимъ мнѣніемъ.

Государь, не потребовавъ отъ князя объясненія по его поведенію въ Варшавѣ въ исходѣ 1830 года, продолжалъ нежаловать его, но отдавалъ ему справедливость. Мнѣнія Любецкаго по положеніямъ государственнаго совѣта были такъ разумны и такъ убѣдительны, что Николай Павловичъ почти всегда утверждалъ то положеніе, на сторонѣ котораго былъ голосъ князя. Въ одномъ очень важномъ дѣлѣ, гдѣ онъ остался одинъ съ своимъ заключеніемъ, государь, на протоколѣ совѣта, подъ фамиліей Любецкаго, подписалъ: „и я".

Все это страшно раздражило недоброжелателей и, какъ положеніе члена государственнаго совѣта и ни застраховано отъ служебныхъ

невзгодъ, они таки ухитрились нанести Любецкому довольно чувствительный ударъ. Это будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ самыхъ оживленныхъ словопреніяхъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, о которыхъ было упомянуто, Любецкій сохранялъ ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе. Оно немало способствовало его побѣдамъ; ему нельзя было сказать, какъ Минерва сказала Юпитеру: „Отецъ, ты сердишься, то ты неправъ". Но это безстрастіе доводило противниковъ до смѣшнаго изступленія. Такъ, Канкринъ, съ которымъ князю, по его спеціальности, чаще всего приходилось спорить, не разъ, бывъ Любецкимъ пойманъ и заключенъ въ безъисходную дилемму, вскакивалъ съ своего мѣста и въ безсильномъ озлобленіи оставлялъ засѣданіе.

И въ самомъ дѣлѣ, съ этимъ министромъ князь Любецкій былъ въ постоянномъ антагонизмѣ. По настоянію князя (если не ошибаюсь), смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, до того никѣмъ не контролированныя, начали быть вносимы въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, и Любецкій критически разбиралъ какъ эти смѣты, такъ и другіе отчеты. Онъ указывалъ на разные въ нихъ недостатки и невѣрности. Такъ, напримѣръ, въ „видахъ торговли" замѣчена имъ была повторявшаяся каждый годъ ариѳметическая ошибка (если это была ошибка), гдѣ одна и та же цѣнность фигурировала вдвойнѣ, въ двухъ отдѣлахъ, подъ различными наименованіями. Однакожъ, когда дѣло шло объ установленіи постояннаго внутренняго курса для прекращенія развившагося въ страшныхъ размѣрахъ ажіо и объ опредѣленіи денежной единицы, Любецкій имѣлъ неуспѣхъ; онъ предлагалъ опредѣлить стоимость серебрянаго рубля въ 3 руб. 50 коп. на ассигнаціи, но принято было мнѣніе Канкрина, чтобы эту монету считать въ 3 руб. 60 коп.

Почти въ это же время выдуманы были графомъ Канкринымъ такъ называемые „депозитные билеты". Они были прекраснаго зеленаго цвѣта, малаго формата, выдавались изъ бывшаго ассигнаціоннаго банка въ замѣнъ серебряныхъ и золотыхъ рублей, не приносили процентовъ, а имѣли то преимущество предъ ассигнаціями, что внесенныя деньги могли быть по нимъ во всякое время вытребованы обратно въ наличности. Въ Петербургѣ, а вѣроятно, и въ другихъ городахъ, распущенъ былъ слухъ, что скоро серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ цѣнность, а будутъ приниматься однѣ „депозитки" и мелкая монета. Не смотря на нелѣпость слуха, большинство повѣрило ему вполнѣ и петербургскіе старожилы помнятъ, какъ, въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, на Большой Садовой не было

проѣзда за осаждавшею банкъ толпой, съ мѣшками рублей, для полученія за нихъ благодатныхъ бумажекъ цвѣта надежды.

Я спрашивалъ князя Любецкаго, что онъ думаетъ объ этой, непонятной для меня операціи?

— „Да,—отвѣчалъ онъ съ улыбкою,—дѣло довольно странное. Вмѣсто тяжелыхъ рублей, которыхъ нельзя много носить съ собою, министръ даетъ легонькія бумажки, такъ что тысячи рублей удобно укладываются въ карманѣ. Для этого учреждается цѣлое отдѣленіе банка, съ большимъ числомъ чиновниковъ. Такая заботливость о здравіи и удобствѣ публики, стоящая казнѣ немалаго расхода, какъ-то не естественна. Это покуда загадка, а разгадку узнаемъ тогда, когда бо́льшая часть звонкой монеты, находящейся въ частныхъ рукахъ, выловлена будетъ на эту удочку".

И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія депозитныхъ билетовъ, издано было постановленіе, которымъ объявлялось всенародно, что все находящееся въ обращеніи количество какъ этихъ билетовъ, такъ и ассигнацій, соединяется въ одинъ общій государственный долгъ, обезпеченный находящимися въ наличности фондомъ звонкой монеты, и за этотъ долгъ выпускаются новыя ассигнаціи, на которыя могутъ быть вымѣнены изъемлемые изъ обращенія депозитные билеты и старыя ассигнаціи. Это и была предсказанная Любецкимъ разгадка заботливости графа Канкрина объ удобствѣ публики. Банкиры удивлялись его знанію почвы, говорили, что подобная операція могла удачно совершиться только въ Россіи.

До того еще, въ одинъ изъ 1830-хъ годовъ, графъ Канкринъ, находя, что старыя ассигнаціи, по своей отдѣлкѣ, не соотвѣтствуютъ требованіямъ современнаго искусства, представилъ государственному совѣту образцы новыхъ ассигнацій всѣхъ достоинствъ, составленные художникомъ, нарочно для этого выписаннымъ. Совѣтъ, одобривъ образцы, предоставилъ министру поднести ихъ на высочайшее утвержденіе; князь Любецкій заявилъ, что онъ находитъ отдѣлку удовлетворительною, но что, въ предупрежденіе заграничной поддѣлки и дабы при случаѣ имѣть право преслѣдовать ее, необходимо, по примѣру польскаго банка и нѣкоторыхъ иностранныхъ, на лицевой сторонѣ напечатать надписи на четырехъ европейскихъ языкахъ, означающія, что бумажки эти суть кредитные билеты россійской государственной казны. Извѣстный по своему упрямству, Канкринъ на это не согласился, находя, что ассигнаціи сдѣланы слишкомъ искусно, чтобы опасаться поддѣлки. Предложеніе Любецкаго не было принято и новыя ассигнаціи были выпущены съ однимъ русскимъ текстомъ.

Опасеніе Любецкаго не замедлило оправдаться.

Одинъ чиновникъ нашего посольства въ Лондонѣ, проходя по одной изъ главныхъ улицъ, подъ вывѣской литографа замѣтилъ выставку разныхъ произведеній его мастерской, а между ними красовалась очень вѣрно воспроизведенная русская 25-ти рублевая ассигнація (одно уже то, что литографъ выставилъ ее безбоязненно, доказывало основательность требованія Любецкаго). Чиновникъ зашелъ къ художнику и тотъ, на вопросъ: какая это гравюра? отозвался незнаніемъ что̀ она изображаетъ и прибавилъ, что много подобныхъ сдѣлалъ по заказу одного господина̀ и отпустилъ ему. Не подозрѣвая тутъ ничего дурнаго, литографъ показалъ и визитную его карточку. Узнавъ такимъ образомъ фамилію и адресъ заказщика, посольство немедленно начало уголовный противъ него процессъ. Онъ явился въ судъ и защищался самъ. На обвиненіе адвокатомъ посольства въ поддѣлкѣ, онъ даже обидѣлся и сказалъ, что ему понравился рисунокъ доставшейся случайно бумажки, онъ заказалъ по ней большое количество копій и намѣренъ употребить ихъ на обои для своего кабинета. Когда ему возразили, что въ текстѣ объяснено значеніе бумажки, онъ отвѣчалъ, что если строки, которыя онъ принялъ за принадлежность рисунка, составляютъ текстъ, то это писано какими-то странными буквами и на такомъ языкѣ, котораго онъ не знаетъ и знать не обязанъ. Судъ оправдалъ его.

Около этого времени, не смотря на изящную отдѣлку, которую графъ Канкринъ считалъ неподражаемою, Россія была засыпана фальшивыми ассигнаціями, не менѣе изящно фабрикуемыми въ чужихъ краяхъ. Виленскій генералъ-губернаторъ, ген. Назимовъ, разсказывалъ мнѣ, что на прусской границѣ контрабандисты продавали 10-ти рублевыя бумажки на вѣсъ, по очень сходной цѣнѣ—50 рублей за фунтъ.

VII.

Я не стану исчислять всѣхъ замѣчательныхъ случаевъ, гдѣ князь Любецкій отличился въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта: это составило бы цѣлый томъ. Нерѣдко, послѣ продолжительныхъ преній, одно простое сдѣланное имъ замѣчаніе давало его мнѣнію перевѣсъ надъ противнымъ, хотя иногда и единогласно заявленнымъ. Я знаю нѣсколько тому примѣровъ. Но минуя частныя дѣла, участіе Любецкаго въ совѣщаніяхъ много способствовало къ уясненію важныхъ общихъ вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ установило принципы общей примѣнимости.

Любецкій со Сперанскимъ были очень хороши: въ совѣтѣ они почти всегда голосовали одинаково, но особенной дружбы между ними не было. Князь много интересовался законодательными работами послѣдняго и когда сводъ законовъ было уже готовъ въ печати, но еще не изданъ въ свѣтъ, то получилъ отъ Сперанскаго одинъ экземпляръ. Любецкій прочиталъ всѣ томы отъ доски до доски. Это имѣло свою цѣль, какъ сейчасъ увидимъ.

По разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ и одобреніи государемъ „свода законовъ", оставалось рѣшить: имѣетъ ли онъ быть сразу введенъ въ дѣйствіе, или же, не слѣдуетъ-ли предварительно потребовать отъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ заключеній, какъ по содержанію самыхъ законоположеній, такъ и по вопросу о своевременности облеченія его немедленно въ обязательную силу?

Такая дилемма предоставлена была обсужденію общаго собранія государственнаго совѣта и на засѣданіи его (19-го янв. 1833 г.) присутствовалъ императоръ Николай. Заявлены были различныя мнѣнія; не мало голосовъ было въ пользу того, чтобы, прежде всего, собраны были мнѣнія надлежащихъ властей; другіе предлагали вводить сводъ постепенно, отдѣлами, въ видѣ опыта. Давъ этимъ мнѣніямъ высказаться, всталъ съ своего мѣста Любецкій. Въ собраніи воцарилась глубокая тишина; всѣ интересовались узнать его сужденіе объ этомъ важномъ предметѣ.

Князь, по обыкновенію, сразу и рѣшительно заявилъ свое мнѣніе. высказавшись безусловно за непосредственное введеніе свода въ дѣйствіе; затѣмъ сказалъ: „Россія слишкомъ долго страдаетъ отъ безпорядка, царствующаго въ ея законодательствѣ; то, что носитъ это имя, есть лишь нестройная масса несмѣтнаго числа отдѣльныхъ постановленій, не приведенныхъ ни въ какую систему, которая установляла бы взаимную ихъ между собою связь и опредѣляла бы есте-

ственныя однихъ къ другимъ соотношенія. Въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ, такое состояніе почти равнозначуще отсутствію всякаго закона. Благую мысль Екатерины Великой, положившей начало къ выходу изъ такого положенія, суждено было осуществить только настоящему славному царствованію. По указаніямъ самого державнаго дѣятеля, достойнымъ ихъ исполнителемъ, изъ хаоса разрозненныхъ элементовъ создано стройное цѣлое, вызвано къ практической жизни зрѣло обдуманною системою. Я подробно изучилъ монументальное сочиненіе свода и нахожу, что оно удовлетворяетъ своему назначенію. И теперь, когда мы дожили до момента, что вѣковое дѣло счастливо окончено, можемъ-ли не пожелать воспользоваться какъ можно скорѣе благодѣяніемъ даруемаго намъ полнаго, яснаго закона? Всякія отсрочки и предварительные опыты не имѣли бы раціональной цѣли; ни то, ни другое для свода не нужно, такъ какъ онъ не есть новый законъ. Онъ составленъ изъ существующихъ законоположеній, и въ немъ сохранены основныя начала и духъ русскаго законодательства. Онъ не кодексъ и не пандекта, а — то, что въ наукѣ называется „дигеста".

„По всему этому, я думаю, что намъ остается лишь принести его императорскому величеству всеподданнѣйшее поздравленіе съ сочетаніемъ великаго историческаго дѣла съ его августѣйшемъ именемъ, душевную отъ имени всего народа признательность и усерднѣйшую просьбу о повелѣніи ввести сводъ законовъ имперіи въ фактическое исполненіе безъ малѣйшаго отлагательства. Всякій день промедленія былъ бы днемъ, потеряннымъ безвозвратно" [1]).

Рѣчь эта окончательно рѣшила вопросъ. Замѣтивъ, что заключеніе Любецкаго совпадаетъ съ желаніемъ государя, собраніе общимъ возгласомъ (par acclamation) заявило свое съ нимъ согласіе и повторило выраженную имъ всеподданнѣйшую просьбу. Императоръ, видимо довольный, изволилъ исполнить эту просьбу своего совѣта, повелѣвъ считать сводъ дѣйствующимъ закономъ. За симъ послѣдовала извѣстная умилительная сцена, когда его величество, съ чувствомъ благодаря Сперанскаго, надѣлъ на него снятую съ себя звѣзду ордена св. Андрея.

Сперанскій возымѣлъ глубокую благодарность къ Любецкому, бывъ ему обязанъ благопріятнымъ рѣшеніемъ жизненнаго для него, какъ составителя свода, вопроса. Съ тѣхъ поръ между двумя знаменитыми государственными мужами завязалась тѣсная дружба.

---

[1]) Я старался воспроизвести съ возможною точностью импровизацію князя Любецкаго, какъ была имъ разсказана. О. П.

VIII.

Теперь мнѣ предстоитъ разсказъ объ одномъ знаменательномъ эпизодѣ, чтобы не сказать—подвигѣ, изъ дѣятельности Любецкаго, имѣвшемъ важныя послѣдствія для общей пользы, для самого же его—не совсѣмъ благопріятныя, какъ это и бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ.

Князь подверженъ былъ припадкамъ подагры и каждый годъ ѣздилъ лечиться въ Ахенъ. Разъ, когда онъ въ Петербургѣ лежалъ нѣсколько недѣль одержимый этой мучительной болѣзнію, государственный совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ важнаго предмета. Въ послѣдствіи стало извѣстнымъ, что это время было избрано предсѣдателемъ, графомъ Новосильцевымъ, съ цѣлью избавиться на этотъ разъ отъ присутствія Любецкаго.

Разсматривалось прошеніе нѣкоего полковника Шипова, о предоставленіи ему на 10 лѣтъ исключительнаго права завести на Волгѣ пароходы, главнѣйше для буксированія слѣдующихъ снизу каравановъ съ хлѣбомъ и другими произведеніями. Въ просьбѣ, составленной, довольно искусно, такъ что она могла бы служить образцомъ затемняющей истину фразеологіи, предпріятіе представлялось какъ дѣло общественной, даже государственной пользы, ожидаемой отъ ускоренія доставки по назначенію, и для внутренняго потребленія, и для отпуска за границу, произведеній низовыхъ губерній, столь медленно слѣдующихъ противъ теченія, посредствомъ тяги. Г. Шиповъ изображенъ былъ благодѣтелемъ отечества, чуть-ли не заслуживающимъ при жизни еще монумента. Но дѣло было милліонное и „благодѣтель отечества" былъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, подставнымъ лицомъ негласной компаніи тонкихъ спекулянтовъ. Какъ бы то ни было, совѣтъ, вѣроятно, увлекшись краснорѣчіемъ прошенія, положилъ по существу (en principe) удовлетворить домогательство Шипова и это положеніе было высочайше утверждено. Оставалось совѣту составить „кондиціи", на которыхъ выдается привиллегія. Все дѣло велось необыкновенно спѣшно „tambour battant"; кондиціи были готовы и протоколъ, заключающій ихъ, уже подписывался, когда, оправясь отъ болѣзни, внезапно явился въ засѣданіе Любецкій; и ему также подали его къ подписанію. Изъ протокола князь, впервые узнавъ о дѣлѣ Шипова, отказался отъ подписанія и энергично запротестовалъ противъ самаго существа дѣла.

Завязался жаркій споръ, Любецкій сказалъ:

— „Волга—это артерія, которая въ настоящее время доставляетъ

заработки сельскому люду 18-ти губерній, можно сказать—кормить его. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы на этой рѣкѣ появилось пароходство, да оно, безъ сомнѣнія, и будетъ въ скоромъ времени заведено капиталистами. Это будетъ естественный и потому полезный прогрессъ. Тогда, между теперешними заработками населенія и тѣми пользами, которыя должны для него открыться съ ускореніемъ навигаціи, установится справедливое равновѣсіе, на подобіе того, что мы видимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ отъ введенія машинъ рабочій классъ сначала, не на долго, пострадалъ. Но право на такой прогрессъ отдавать одному частному лицу, съ устраненіемъ конкурренціи, было-бы учреждать монополію, равно вредную и для рабочаго люда, и для промышленности вообще. Прецедентъ Бердовской привиллегіи, на который въ этомъ случаѣ ссылаются; къ нему примѣнимъ быть не можетъ, ибо шотландецъ Бэрдъ былъ первый, который ввелъ въ Россіи пароходство, теперь же оно не новость и сдѣлалось общимъ достояніемъ предпріимчивости. Я всею силою протестую противъ состоявшагося въ мое отсутствіе положенія совѣта по этому предмету".

Затѣмъ князю пришлось еще отвѣчать на наивныя возраженія и доказывать, какая огромная разница существуетъ между привиллегіями (brevets), даваемыми на такія изобрѣтенія или нововведенія какъ дагерротипъ, физіонотипъ, и т. п., и монополіей на пользованіе такимъ путемъ сообщенія, какъ Волга, тѣмъ болѣе, что тутъ и нововведенія нѣтъ.

Предсѣдатель, съ примѣрнымъ терпѣніемъ и, повременамъ, съ улыбкой удовольствія, выслушивалъ споръ; по видимому, онъ давалъ Любецкому высказываться съ компрометирующей оппозиціей, а потомъ думалъ уничтожить его однимъ словомъ. Не тутъ-то было. Новосильцевъ не довольно изучилъ Любецкаго, если воображалъ, что онъ способенъ компрометироваться. Когда князь кончилъ, повторяя протестацію противъ положенія совѣта, предсѣдатель съ важностью сказалъ:

— „Я долженъ напомнить вамъ, князь, что постановленіе, противъ котораго вы изволите говорить, высочайше утверждено". Потомъ, видя, что этими словами князь нисколько не смутился, Новосильцевъ прибавилъ: „Впрочемъ, быть можетъ, вы имѣете особое полномочіе заявлять несогласіе съ монаршей волей?" Онъ думалъ поставить этимъ Любецкаго въ безъисходное положеніе, — но вотъ сюрпризъ: князь, спокойно отвѣчая на вопросъ, выговорилъ только: „да, имѣю".

Это магическое слово поразило всѣхъ какъ бы каталепсіей. На Новосильцева страшно было смотрѣть; косые глаза широко раскрылись и стали неподвижны, съ выраженіемъ ужаса; лицо, обыкновенно

багровое, приняло синеватый цвѣтъ. Любецкій сказалъ: „Сегодня же я отправляю къ его величеству, въ Москву, всеподданнѣйшее представленіе съ изложеніемъ высказанныхъ здѣсь соображеній противъ даваемой г. Шипову монополіи. Тѣхъ изъ гг. членовъ, которые, быть можетъ, убѣдились моими словами въ необходимости такого представленія и пожелаютъ подписать его вмѣстѣ со мною, я буду имѣть честь ждать у себя до 7-ми часовъ вечера". Всѣ промолчали; тогда князь, обратясь къ исправляющему должность статсъ-секретаря, сказалъ: „въ сегодняшнемъ протоколѣ, которало я не подписалъ, прошу записать мой протестъ съ его мотивами".

Возвратясь домой, князь послалъ за мною, желая показать, какъ будетъ составленъ докладъ. Онъ самъ написалъ его вчернѣ по французски, прочиталъ мнѣ и г. Буке, который по черновой на томъ же языкѣ составилъ докладъ кратко и убѣдительно, въ формѣ письма. Въ немъ упоминалось о дозволеніи Любецкому не стѣсняться въ даваемыхъ государю совѣтахъ, хоть бы и противъ заявленнаго высочайшаго мнѣнія. Оно дано ему было разъ навсегда въ Варшавѣ, по одному случаю, гдѣ Любецкій предостерегъ Николая Павловича вò-время, когда хотѣли ввести его величество въ заблужденіе, въ чемъ въ послѣдствіи и самъ государь убѣдился [1]).

Я также былъ у князя, когда фельдъегерь, прибывшій изъ Москвы чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія письма, привезъ отвѣтъ. На письмѣ князя, рукою государя была написана благодарность ему и прибавлено, что рѣшеніе по дѣлу онъ найдетъ на протоколѣ государственнаго совѣта. Тамъ было написано: „Согласенъ съ мнѣніемъ князя Любецкаго".

Такъ рушился прекрасный планъ эксплоатаціи Волги, а съ нимъ канули въ нее и ожидаемые спекулянтами милліоны.

Могъ-ли Любецкій ожидать, что совершенный имъ въ этомъ случаѣ истинный подвигъ на пользу общую принесъ для него горькіе плоды чувствительныхъ непріятностей? Такъ, однакожъ, случилось.

Новосильцевъ былъ главнымъ покровителемъ Шиповскаго дѣла. Послѣ неожиданнаго исхода этой хитрой затѣи, ожесточеніе противъ Любецкаго достигло въ немъ апогея и, какъ всякая необузданная страсть, помрачающая разсудокъ, внушило ему, не смотря на его необыкновенный умъ, самый нелѣпый шагъ. Пока государь оставался въ

---

[1]) Въ 1845 году, въ одномъ важномъ и очень деликатномъ дѣлѣ, я, по желанію князя, писалъ всеподданнѣйшій отъ него докладъ, гдѣ также нужно было сослаться на данное ему дозволеніе на безусловную предъ царемъ откровенность и гдѣ Любецкій оказалъ необыкновенное гражданское мужество. Представленіе это имѣло полный успѣхъ.

Москвѣ, предсѣдатель государственнаго совѣта сочинилъ родъ всеподданнѣйшаго адреса отъ членовъ совѣта, гдѣ изъяснялось, что, по такимъ-то важнымъ причинамъ (онѣ остались неизвѣстными), они не могутъ продолжать служить съ княземъ Любецкимъ и просятъ государя устранить его отъ засѣданій. Новосильцевъ успѣлъ собрать нѣсколько подписей; адресъ, однакожъ, не состоялся: болѣе хладнокровные смекнули, что подавать его было бы не безъ риска. Могло случиться, что нежеланіе ихъ служить съ Любецкимъ будетъ удовлетворено такимъ образомъ, что дозволится имъ самимъ оставить ненавистнаго сослуживца. Вслѣдствіе такого опасенія, открытая война была оставлена, а за то усилились тайные подкопы, имѣющіе ту же цѣль: удаленіе Любецкаго изъ государственнаго совѣта, и она была, наконецъ, достигнута—хотя только на время.

За Любецкимъ, какъ уже сказано, оставалось званіе императорскаго уполномоченнаго по ликвидаціямъ съ иностранными державами. Онъ, какъ тоже сказано, окончилъ съ большимъ успѣхомъ съ правительствами Австріи, Пруссіи и Саксоніи расчеты по кампаніи 1813—14—15 годовъ. Оставалась еще Франція. Державы, составлявшія Священный союзъ, положившія конецъ хищничеству Наполеона I, насчитывали на нее большія суммы за военныя издержки кампаніи, которая избавила Францію отъ узурпатора и возвратила тронъ законному монарху. На долю Россіи приходилась значительная часть этого начета.

Вотъ этимъ-то предлогомъ и воспользовались враги Любецкаго, чтобы удалить его изъ Петербурга, успѣвъ поселить убѣжденіе въ необходимости окончить расчеты съ Франціею, не смотря на то, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ не предвидѣлось къ этому возможности.

Въ исходѣ іюня 1834 года, дано было Любецкому высочайшее порученіе отправиться въ Парижъ и истребовать отъ французскаго правительства сумму, какая по расчету будетъ причитаться въ пользу Россіи. Въ помощь по этому дѣлу прикомандированъ былъ къ нему состоящій по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ послѣдствіи членъ государственнаго совѣта, Тенгоборскій.

Любецкій вполнѣ сознавалъ, что государь въ этомъ случаѣ введенъ въ заблужденіе и что данное ему порученіе есть не что иное, какъ успѣхъ разыгравшихся противъ него интригъ тѣхъ, которымъ мѣшало присутствованіе его въ государственномъ совѣтѣ. По этому случаю князь мнѣ говорилъ:

— „Не трудно предсказать, что моя парижская экспедиція потерпитъ полнѣйшее фіаско. Результаты ликвидаціи, полученные мною въ

трактаціяхъ съ нѣмецкими государствами, зависѣли непосредственно отъ ихъ правительствъ. Правительство же Франціи, при существующей тамъ конституціи, само не властно удовлетворить требованіе Россіи. Оно должно будетъ внести его на рѣшеніе парламента. Не подлежитъ сомнѣнію, что имъ будетъ безусловно отвергнуто домогательство вознагражденія за возстановленіе во Франціи той именно династіи, которую она, чрезъ пятнадцать лѣтъ, изгнала навсегда. Интрига очень хорошо все это знаетъ, но она мѣтитъ дальше, думаетъ погубить меня окончательно. Въ Парижѣ теперь, подъ предводительствомъ Чарторижскаго, сосредоточена польская эмиграція. Мои доброжелатели расчитываютъ на одно изъ двухъ: или, увлекшись старою дружбою съ Чарторижскимъ, я скомпрометируюсь предъ моимъ правительствомъ, или же не захочу имѣть ничего общаго съ эмигрантами, а тогда эмиграціонный трибуналъ, считающій меня фаворитомъ императора Николая, какъ это гласитъ и „Revue des deux mondes", приговоритъ меня къ смерти, и кто нибудь изъ сбировъ этого Vehme Gericht—исполнитъ на мнѣ приговоръ".

Такими грустными предвѣщаніями сопровождались сборы князя въ предстоявшій вояжъ. Но семья его и не подозрѣвала его черныхъ мыслей; въ средѣ ея онъ всегда являлся съ видомъ полнаго спокойствія, даже веселости. Меня эта наружность никогда не обманывала; въ моихъ наблюденіяхъ, я давно замѣтилъ у князя физіологическіе признаки нервной чувствительности и пришелъ къ заключенію, что пресловутое хладнокровіе его, такъ много способствующее діалектическимъ побѣдамъ,—только наружный симптомъ, выработанный необыкновенною силой воли, покорившей своей власти вымогательства природнаго темперамента.

Я замѣтилъ князю, что, пользуясь царскимъ дозволеніемъ, онъ могъ бы все то, что̀ мнѣ разсказалъ, объяснить государю и безуспѣшная и опасная поѣздка, вѣроятно, была бы отмѣнена. Князь рѣшительно отвергъ это. Онъ возразилъ, что предлогъ выдуманъ искусно, онъ благовидный и подходитъ къ атрибутамъ его званія уполномоченнаго; ему же не слѣдуетъ отклонять исполненіе порученія, не исчерпавъ на мѣстѣ всѣхъ шансовъ успѣха. Личныя же опасности могутъ быть отвращены принятыми предосторожностями.

Въ Парижъ сопутствовали Любецкому Буке и Дмитріевъ. Онъ пробылъ тамъ съ 2-го іюля 1834 по 18-е марта 1837 года. И, разумѣется, переговоры и разныя дипломатическія мытарства, длившіяся безъ малаго три года, не привели ни къ какому вещественному результату; только въ моральномъ отношеніи Любецкій достигъ полнаго успѣха. Людовикъ-Филиппъ и его министры претензію Россіи

признали справедливою и дали князю письменное въ томъ удостовѣреніе. Но палата депутатовъ отказала въ кредитѣ, испрашиваемомъ на уплату этого долга. По возвращеніи изъ Парижа, Любецкому, въ рескриптѣ 18-го мая 1837 года, „за особенное усердіе" въ стараніи объ исполненіи порученія, выражено монаршее „благоволеніе и признательность".

О своемъ пребываніи въ Парижѣ князь разсказывалъ мнѣ слѣдующее: кромѣ короля и нѣкоторыхъ министровъ, преимущественно Гизо и Тьера, онъ ни у кого не бывалъ. По обыкновенію, какъ въ Варшавѣ и Петербургѣ, ѣздилъ каждый день къ ранней обѣднѣ. По городской почтѣ и другими путями получалъ множество писемъ безъимянныхъ или подписанныхъ изображеніями висѣлицы, кинжала, топора, пистолета. Во всѣхъ угрожали ему смертью отъ имени эмиграціи. Хотя этимъ страхамъ князь не вполнѣ вѣрилъ, но какъ отъ сумасбродовъ можно было всего опасаться, то принималъ мѣры предосторожности самъ, не обращаясь за этимъ къ власти. Для здоровья ему нужно было много ходить, то для этого выѣзжалъ далеко за городъ, въ самомъ же городѣ ходилъ только днемъ, по главнымъ улицамъ, всегда въ сопровожденіи Дмитріева и камердинера, вооруженныхъ палками, называемыми головоломками (casse-tête). Послѣдній еще велъ на цѣпи огромнаго датскаго кобеля [1]). Въ этихъ прогулкахъ нерѣдко случалось встрѣчать знакомыя личности эмигрантовъ изъ Варшавы, но, вѣроятно благодаря такой обстановкѣ, они къ князю не подходили.

Возвратясь изъ Парижской экспедиціи, которую можно было считать благовиднымъ остракизмомъ, князь Любецкій сталъ продолжать дѣйствовать съ прежней энергіей въ кругѣ своего служебнаго положенія. Враги съ крайнею досадой увидѣли, что ихъ расчетъ не удался; желѣзный князь возвратился невредимъ и еще, къ его прежнимъ,

---

[1]) Подаренный мною князю въ Петербургѣ, Султанъ отличался необыкновеннымъ ростомъ и рѣдкою у собакъ этой породы смышленностью. Въ Парижѣ онъ доказалъ свой тонкій инстинктъ уличивъ вора, укравшаго у князя всѣ ордена. Умный и до того со всѣми ласковый, песъ вдругъ возненавидѣлъ хорошо ему знакомаго лакея г. Тенгоборскаго и сталъ преслѣдовать его съ такимъ ожесточеніемъ, что это обратило вниманіе княжескаго камердинера Казиміра, который не могъ себѣ простить своей оплошности и хотѣлъ уже обратиться къ сыскной полиціи. Строго допрошенный имъ, лакей сознался и возвратилъ украденное. Къ счастью, онъ не успѣлъ ничего продать, а то въ Парижѣ не легко было-бы купить русскія орденскія звѣзды, особенно-же пряжку ордена Св. Анны 4-й степени, которою князь Любецкій очень дорожилъ, какъ памятью своего участія въ суворовской кампаніи, и которую всегда надѣвалъ при другихъ орденахъ. О. П.

прибавилась новая, хотя только въ нравственномъ отношеніи важная, заслуга.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія князя, послѣдовала кончина предсѣдателя государственнаго совѣта, графа Н. Н. Новосильцева. Это создало новое положеніе вещей и въ немъ вышло наружу дѣло, которое, въ ожиданіи этого событія, удерживалось въ тѣни. При этомъ случаѣ характеръ князя явился въ новомъ свѣтѣ, но новомъ только для тѣхъ, которые недовольно близко его знали. Разсказомъ объ этомъ, для дополненія его характеристики, мы заключимъ разсказы изъ замѣчательнѣйшихъ фазисовъ жизни князя Любецкаго.

Въ 1819 или 1820 году, сенатору Новосильцеву, занимавшему въ Царствѣ Польскомъ, какъ уже сказано, постъ императорскаго коммисара, пожаловано было въ 12-ти-лѣтнее владѣніе большое казенное имѣніе въ Гродненской губерніи, „Слонимская экономія", состоящее изъ многихъ фермъ и другихъ доходныхъ статей. По истеченіи упомянутаго срока, пожалованіе продолжено было еще на другое 12-ти-лѣтіе. Одной аренды, въ которую отдавались разнымъ лицамъ фермы, имѣніе это приносило 125,000 руб. ассиг. чистаго дохода.

Новосильцевъ каждый годъ проживалъ по нѣсколько мѣсяцевъ на отдыхѣ въ городѣ Слонимѣ, и тамъ я, въ 1820 году, имѣлъ случай близко познакомиться съ нимъ, служивши, по возвращеніи изъ университета, письмоводителемъ при уѣздномъ предводителѣ, моемъ родственникѣ, Броньскомъ, у котораго „сенаторъ" (какъ всѣ Новосильцева называли) бывалъ каждый вечеръ. Любопытныя подробности этого соприкосновенія молодаго эксъ-студента съ знаменитымъ государственнымъ мужемъ разсказаны мною въ другомъ мѣстѣ [1]).

Къ Слонимской экономіи принадлежали обширныя лѣсныя дачи, состоявшія въ значительной части изъ цѣннаго, товарнаго, корабельнаго и даже мачтоваго лѣса. Казнѣ цѣнность эта была хорошо извѣстна, и въ высочайшемъ пожалованіи Новосильцеву экономіи было именно говорено, что временный владѣлецъ можетъ пользоваться только дровянымъ лѣсомъ, а строевымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія казенной палаты, подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣснаго начальства, въ количествѣ, исчисленнымъ съ точностью для необходимыхъ построекъ въ деревняхъ и фермахъ; выдѣлка же товарнаго лѣса воспрещалась безусловно.

Когда Новосильцевъ былъ уже въ Петербургѣ предсѣдателемъ

---

[1]) «Калейдоскопъ Воспоминаній Ципринуса», см. «Русскій Архивъ» 1872 года, столбецъ 1768.

государственнаго совѣта, случилось, что окружный начальникъ жандарской части въ западныхъ, юго-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, генералъ Дребушъ, проѣзжалъ чрезъ Слонимъ въ началѣ весны, когда еще рѣки не очистились отъ льда. На берегахъ рѣки Щары и Огинскаго канала лежало, приготовленное для сплава за границу, такое громадное количество товарнаго лѣса, что это поразило генерала. Онъ полюбопытствовалъ узнать—чей это лѣсъ, и жидки по секрету разсказали, что это лѣсъ изъ казенныхъ дачъ Слонимской экономіи и что онъ не въ первый уже годъ управляющимъ экономіею сплавляется за границу.

Дребушъ донесъ о томъ кому слѣдовало; спрошенный Новосильцевъ отозвался незнаніемъ и сказалъ, что если и было что нибудь подобное, то это дѣлалось безъ его вѣдома, повѣреннымъ Кукольникомъ. Дѣло оставалось темнымъ; назначена была слѣдственная коммисія; ей Кукольникъ представилъ квитанціи, удостовѣрявшія, что деньги за сплавляемый лѣсъ отсылались въ кассу Новосильцева, но объяснилъ, что самый лѣсъ не казенный, а купленный у помѣщиковъ Боржимовскаго, Броньскаго и Герубовича, на что и представилъ заключенные съ ними контракты. Коммисія удовлетворилась этимъ безъ повѣрки такихъ показаній. Дребушъ повторилъ свое донесеніе и назначено было вторичное слѣдствіе, но и оно имѣло тотъ же исходъ, что̀ и первое. Только по третьему уже представленію неугомоннаго жандармскаго генерала, гдѣ онъ положительно утверждалъ, что видѣнный имъ лѣсъ—казенный, присланъ былъ на мѣсто статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Онъ началъ съ того, что вызвалъ упомянутыхъ помѣщиковъ и оказалось, что никто изъ нихъ повѣренному „сенатора“ лѣса не продавалъ. Такимъ образомъ вполнѣ подтвердилось донесеніе генерала Дребуша.

Однакожъ, при жизни Новосильцева дѣло оставалось безъ движенія; по смерти же его министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, далъ ему ходъ и, по собраннымъ даннымъ, требовалъ громадной суммы въ вознагражденіе казны за порубку цѣннаго лѣса. Дѣло дошло до государственнаго совѣта и тамъ послѣдовалъ тотъ замѣчательный случай, о которомъ въ свое время говорилъ весь Петербургъ. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Всѣмъ была извѣстна, продолжавшаяся десятки лѣтъ, непримиримая вражда между умершимъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и княземъ Любецкимъ. Поэтому всѣ были увѣрены, что послѣдній выкажетъ эту вражду при представившемся случаѣ. Графъ Киселевъ думалъ найти въ немъ сильную поддержку своего иска. Такое было общее убѣжденіе, когда, по выслушаніи доклада и до-

полнительныхъ объясненій министра, Любецкій всталъ съ своего мѣста. Но вмѣсто того, чтобы привести подробности, усиливающія обвиненіе, по ближайшей извѣстности князю мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ попросилъ позволенія сдѣлать министру нѣкоторые вопросы. Вслѣдствіе этого, завязался между ними слѣдующій разговоръ:

Князь Любецкій. Покойный, какъ изъ дѣла видно, отговаривался тѣмъ, что рубка казеннаго лѣса производилась безъ его вѣдома, его повѣреннымъ.

Графъ Киселевъ. Допустимъ, что это такъ. Но и по смыслу закона, и по самому существу вещей, довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствія своего повѣреннаго и за убытки, причиненные этими дѣйствіями третьей сторонѣ. Слѣдовательно, казна должна получить вознагражденіе изъ оставшагося послѣ графа Новосильцева имущества.

Князь. Ваше сіятельство настаиваете на сформированномъ вами общемъ положеніи?

Графъ. Конечно, настаиваю.

Князь. И всѣ въ этомъ съ вами согласны. Но изъ этого же положенія вытекаетъ, что если имѣніе графа Новосильцева, какъ довѣрителя лица, сдѣлавшаго порубки, должно за нихъ отвѣчать, то и надлежащая правительственная власть, какъ повѣрительница мѣстныхъ лѣсныхъ чиновниковъ, допустившихъ эти порубки, должна за нихъ принять на себя часть отвѣтственности. А затѣмъ, какъ наслѣдникамъ покойника служитъ право искать съ его довѣреннаго убытковъ, причиненныхъ слѣдующимъ казнѣ вознагражденіемъ, точно также и казна имѣетъ право взыскать причитающуюся часть вознагражденія со своихъ повѣренныхъ, своихъ же чиновниковъ.

Сказавши это, князь сѣлъ среди знаковъ общаго удивленія; графъ Киселевъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе того, что вытекало изъ собственныхъ его же словъ. Въ это засѣданіе дѣло не было рѣшено; окончательный исходъ его мнѣ неизвѣстенъ, я также не знаю воспользовался-ли министръ совѣтомъ князя касательно лѣсныхъ чиновниковъ.

IX.

Князь Любецкій, какъ уже сказано, подверженъ былъ припадкамъ подагры. Вообще, медики не берутся лечить эту болѣзнь радикально, а лишь предписываютъ употребленіе извѣстныхъ минеральныхъ водъ, облегчающихъ припадки и дѣлающихъ ихъ менѣе частыми. Для этого князь ѣздилъ каждый годъ въ Ахенъ. Но вернувшись изъ Парижа, привезъ съ собой какія-то пилюли, которыя, принимаемыя въ самомъ припадкѣ, успокаивали его до того, что больной могъ ходить и выѣзжать. Не внимая запрещеніямъ своего доктора, извѣстнаго Мяновскаго, князь употреблялъ это средство каждый разъ, когда, бывъ одержимъ подагрой, желалъ присутствовать при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ какого нибудь важнаго дѣла. Это положило начало болѣзни другаго уже рода, которая развилась въ исходѣ марта 1846 года и оказалась неизлечимой. Князь пролежалъ бо̀льшую часть апрѣля, и 19-го числа этого мѣсяца былъ уже при смерти. Когда началась агонія, въ комнатѣ больнаго были: докторъ, священникъ доминиканецъ, съ дарами для причащенія, членъ государственнаго совѣта Ганъ, князь Ириней Огинскій и я. Больной былъ уже безъ языка и поэтому не могъ быть причащенъ. Сестра, теща князя, графиня Спиціонъ, жена его и дочери были въ неописанномъ горѣ; такой оборотъ болѣзни былъ нежиданный и не могли быть вызваны въ Петербургъ два сына князя, находившіеся въ Гродненской губерніи. Докторъ, потерявшій всякую надежду, удалилъ изъ комнаты простившуюся съ умиравшимъ семью, а самъ, засѣвши въ уголъ, горько плакалъ. Всѣ мы въ глубокой горести ждали уже послѣдней минуты..... Только вдругъ, Мяновскій, какъ бы озаренный вдохновеніемъ, вскакиваетъ и кричитъ: „скорѣе ванну и льду!“ Когда подали требуемое, мы взяли князя на руки и посадили въ ванну, а докторъ сталъ обливать его съ головы до ногъ водою со льдомъ. Больной сразу страшно кричалъ, потомъ, какъ бы въ обморокѣ, затихъ. Его положили въ постель, укутали въ теплыя одѣяла и онъ скоро спокойнымъ сномъ уснулъ. Былъ десятый часъ вечера; всѣ оставались цѣлую ночь и—о, радость! съ разсвѣтомъ больной, проснувшись, заговорилъ. Священникъ, пользуясь минутой, сдѣлалъ намъ знакъ; мы удалились, пошли къ дамамъ сообщить радостную вѣсть, а между тѣмъ князь исповѣдался и принялъ св. Тайны. Послали эстафету за сыновьями; они чрезъ нѣсколько дней пріѣхали, а съ ними и племянникъ князя, Францискъ Пусловскій.

Послѣ этого кризиса, князь Любецкій жилъ еще двадцать два дня,

не вставая уже съ постели, но оставаясь въ полномъ умѣ и памяти и говоря свободно. Еще разъ исповѣдывался и причащался, продиктовалъ и подписалъ духовное завѣщаніе и 11-го (23-го) мая 1846 года, ночью, тихо скончался, окруженный всею семьей и близкими, преданными ему лицами. Тѣло его, для отправленія въ имѣніе, въ фамильную гробницу, было набальзамировано докторомъ Ру (Roux); Пусловскій и я помогали доктору въ этой трудной операціи, которую я тогда въ первый разъ видѣлъ. Потомъ, тѣло было выставлено на цѣлую недѣлю въ особой комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, превращенной въ „горящую капеллу“ (chapelle ardente), и тамъ всѣ петербургскіе знакомые прощались съ знаменитымъ покойникомъ. Между ними, изъ дамъ отличались глубокимъ горемъ княгиня Бѣлосельская и графиня Нессельроде, съ которыми князь былъ очень друженъ. Къ нимъ недоставало еще уѣхавшей до того въ Парижъ страстной пріятельницы покойнаго, супруги Анатолія Демидова, князя Санъ-Донато (княгини Матильды Бонапарте); она всѣмъ и даже супругѣ Любецкаго признавалась, что влюблена въ него (qu'elle l'aime d'amour).

Этой грустной картиной заканчиваемъ настоящій очеркъ. Найдутся, вѣроятно, такіе, изъ не знавшихъ князя Любецкаго, которые скажутъ, что очеркъ этотъ, съ начала до конца, не что иное какъ панегирикъ. Я охотно признаю это опредѣленіе справедливымъ, потому что, кто бы ни писалъ о Любецкомъ правду, всегда выйдетъ то же самое. Но вызываю всѣхъ и каждаго уличить меня въ лицепріятіи, въ преувеличеніи. А сколько тутъ еще недосказаннаго........

О. А. Пржецлавскій.

Марьинъ-хуторъ.
Сентябрь 1877 года.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

XXXIV [1]).

ВЪ РИМѢ ВЪ 1845 Г.

Въ 1845 году графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой сильно заболѣлъ ревматизмомъ; когда онъ сталъ поправляться, то чувствовалъ себя до того ослабѣвшимъ отъ лекарствъ, что медики совѣтовали ему ѣхать за границу, и въ продолженіе шести недѣль пользоваться грязями и водами Франценсбада; потомъ путешествовать по Европѣ.

Графъ получилъ отпускъ на годъ. Вмѣстѣ съ отпускомъ ему дано было порученіе отъ правительства относительно Папскаго мозаическаго заведенія и находившихся въ Римѣ пенсіонеровъ нашей академіи художествъ, о которыхъ ихъ начальникъ, генералъ-маіоръ Киль, до того дурно отозвался министру двора, князю Петру Михайловичу Волконскому [2]), находившемуся въ то время въ Римѣ, по болѣзни, что тотъ не только что не хотѣлъ, но даже и опасался ихъ видѣть.

Графъ отправился за границу вмѣстѣ съ своей супругою. Окончивши курсъ леченія на водахъ, они объѣхали Германію, Францію, Швейцарію и осенью прибыли въ Римъ.

Въ продолженіе этого путешествія, графъ постоянно велъ „путевыя записки“, которыя составили двѣнадцать книгъ; каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ до 200 листовъ исписанной имъ бумаги. Въ этихъ интересныхъ Запискахъ, графъ, кромѣ ежедневныхъ событій жизни своей, говоритъ, какъ просвѣщенный художникъ, вполнѣ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670; томъ XVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682; томъ XIX, стр. 431—474; томъ XX, стр. 277—300. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 205—236.

[2]) Въ 1829 году академія художествъ была перечислена изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство Императорскаго двора.

обладающій своимъ предметомъ, о примѣчательныхъ зданіяхъ, картинахъ, статуяхъ, съ ихъ исторіей и цивилизаціей того періода времени, къ которому они принадлежатъ. Протекшіе вѣка возстановляются передъ нимъ по аркѣ, колоннѣ, разбитому барельефу.

Эти „путевыя записки", сами по себѣ имѣющія большое историко-художественное значеніе, такъ ярко очерчиваютъ дѣйствія графа Ѳ. П. Толстаго по отношенію его къ академіи художествъ, что, коснувшись, въ предъидущихъ главахъ моихъ Воспоминаній, жизни и дѣятельности нашего знаменитаго художника-медальера, я нашла не лишнимъ подѣлиться съ читателями „Русской Старины" наиболѣе характеристическими изъ нихъ отрывками, дорисовывающими его личность. Сокративши въ „путевыхъ запискахъ" графа многія изъ его описаній, занимающихъ десятки листовъ, я въ то же время пополнила нѣкоторыя изъ нихъ слышанными мною отъ графа разсказами изъ жизни его въ Италіи. Разговоры же замѣчательныхъ лицъ сохранены у меня въ точности,—какъ переданы графомъ въ его „путевыхъ запискахъ".

Въ Римѣ графъ узналъ отъ художника Росси, что учениковъ нашей академіи можно видѣть, каждый день, въ ресторацiи Лепри, гдѣ какъ они, такъ и иностранные художники, постоянно обѣдаютъ, за отдѣльными столами, по націямъ. Графъ тотчасъ-же отправился къ Лепри; не заставши тамъ пенсіонеровъ, оставилъ записку къ Рамазанову, въ которой извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ. Онъ особенно любилъ Рамазанова за умъ и талантливость, и нерѣдко журилъ за пылкость и вѣтренность.

Вечеромъ пришли къ Ѳедору Петровичу пенсіонеры Михаилъ Эльсонъ и Кракау, а на утро и Рамазановъ.

Въ этотъ пріѣздъ графъ и графиня пробыли въ Римѣ только нѣсколько дней; не смотря на это, видѣлись со всѣми пенсіонерами и осмотрѣли нѣкоторыя примѣчательныя мѣста; они спѣшили побывать въ Неаполѣ до прибытія въ Римъ императора Николая Павловича, котораго туда ожидали изъ Палермо.

Художники Рамазановъ, Эльсонъ, Скотти, Солнцевъ и Макрицкій [1]) проводили ихъ въ контору дилижансовъ.

За заставою Рима графа увлекаютъ картины развалинъ, зубчатая линія акведуковъ, пропадающая въ опаловой дали, пустыня, съ синѣющими горами на горизонтѣ; съ бурыми полями, на которыхъ

---

[1]) Макрицкаго графъ нашелъ въ крайности, не смотря на скромную жизнь и неутомимое трудолюбіе. Въ распоряженіи графа находилась небольшая сумма для вспомоществованія нуждающимся художникамъ, по его усмотрѣнію. Изъ этой суммы графъ выдалъ Макрицкому 1,000 франковъ.

встрѣчаются то стадо барановъ съ пастухомъ въ бараньей шкурѣ, мѣхомъ наружу, то вьючный оселъ со звонкомъ на шеѣ, поселянка въ яркомъ нарядѣ, съ кувшиномъ на головѣ, двухколесная крестьянская телѣжка, и—на всемъ какая-то широкая дума, какая-то величественная печаль. Гр. Ѳ. П. миновалъ окрестности Рима, съ ихъ водопроводами и пустынныя окрестности Понтинскихъ болотъ съ ихъ изнурительными лихорадками; въ Альбано и Велетри графъ былъ пораженъ граціей и красотою жителей. Дикая, унылая полоса прекращается за Террачиной; за Террачиной шумитъ Средиземное море и высится одинокая скала; тамъ въ народѣ ходятъ легенды о знаменитомъ кондотьерѣ, жившемъ на ея вершинѣ, и слухи, что Цампы и Фрадьяволы, съ своими поэтическими драмами и печальными концами, еще не перевелись въ этихъ мѣстахъ. Какъ бы въ подтвержденіе истины этихъ слуховъ, ночью, не доѣзжая Террачины, графъ былъ разбуженъ шумомъ, происходившимъ около ихъ дилижанса. Онъ взглянулъ въ окно, и увидалъ человѣкъ двадцать мужчинъ, вооруженныхъ ружьями, пистолетами и палками, окружившихъ ихъ экипажъ. На нѣкоторыхъ были накинуты короткіе плащи, а на головахъ надѣты остроконечныя шляпы, съ широкими полями. Ночь была ясная, при свѣтѣ луны можно было видѣть какъ эти люди съ угрожающими жестами громко говорили съ кондукторомъ. Главный изъ нихъ стоялъ впереди, облокотясь на ружье; онъ иногда грозилъ кулакомъ и повелительно говорилъ „Sortate". Кондукторъ, не выходя съ своего мѣста, возражалъ ему словами: „Signori conti russo", и по видимому, объяснялъ, что, обобравши ихъ, получатъ не много, а если что случится съ дилижансомъ, то розыски будутъ строгіе, тѣмъ болѣе, что, въ настоящее время, въ Италіи находится русскій императоръ, и его ждутъ изъ Палермо въ Неаполь и Римъ. Послѣ этихъ толковъ, говорившій съ кондукторомъ махнулъ рукою, въ минуту стоявшіе на землѣ почталіоны вскочили на лошадей и гнали ихъ, безъ отдыха, около получаса. Въ 11 часовъ ночи они прибыли въ Террачину.

За Террачиною ихъ встрѣтила смѣющаяся природа, игривые, оживленные взоры женщинъ, подвижные, шутливые, подобострастные пріемы простаго народа; въ Неаполѣ—улицы, кипящія народомъ, звуки разныхъ инструментовъ, шутки, пѣсни, пляска, цвѣты, раскрытыя окна, растворенные балконы, упоительный воздухъ.....

„Тутъ-то бы, кажется, и развиваться человѣчеству", замѣтилъ одинъ извѣстный русскій писатель, говоря о Неаполѣ, такъ нѣтъ, судьба этому краю выпала самая жалкая. Неаполь лишенъ даже тѣхъ блестящихъ воспоминаній, которыми себя утѣшали другіе города Италіи, во времена невзгодъ. Неаполь имѣлъ эпохи роскоши, богатства, но эпохи славы

не имѣлъ. Старый Римъ бѣжалъ умирать въ его объятія и, разлагаясь въ его упоительномъ воздухѣ, онъ заразилъ, онъ развратилъ весь этотъ берегъ.

Въ Неаполѣ графъ увидался съ пенсіонерами: Михайловымъ и Орловымъ; послѣдній при нихъ уѣхалъ въ Палермо—снимать портретъ великой княгини Ольги Николаевны, сюрпризомъ государю. Въ Палермо находились наши художники Воробьевъ и Серебряковъ, къ которымъ императоръ былъ очень милостиво расположенъ, въ особенности къ Воробьеву.

Съ Михайловымъ графъ и графиня осмотрѣли Неаполь, его окрестности, Помпею, Геркуланумъ, лазоревый гротъ и всходили на Везувій. Въ выступившихъ изъ-подъ земли городахъ, графъ весь проникался ихъ жизнію, утекшею въ вѣчность. Тамъ все говорило понятнымъ ему языкомъ.

Ночью нашъ путешественникъ гр. Ѳ. П. восхищался рдѣющимъ дымомъ Везувія; днемъ—темно-синимъ заливомъ Средиземнаго моря, съ разсыпанными по немъ островами, съ обнимающей его горой, застроенной домами.

Графъ снялъ нѣсколько видовъ Неаполя и его окрестностей—карандашомъ, сепіей и водяными красками, съ самыхъ живописныхъ точекъ зрѣнія; нѣкоторые изъ нихъ приложены къ его „путевымъ запискамъ".

На сколько Неаполь произвелъ на графа поэтическое, свѣтлое впечатлѣніе, на столько правительство и народъ—противоположное. Онъ съ негодованіемъ разсказываетъ, какъ въ Неаполѣ, ожидая императора Николая Павловича, къ пріѣзду его чистили, красили, поправляли школы, казармы и прочія общественныя мѣста, до того запущенныя, что для приведенія ихъ въ порядокъ,—замѣчаетъ онъ,—сверхъ поправокъ, надобно другое правительство, другое правленіе и другой народъ. Чтобы скрыть отъ нашего государя нищенство и бѣдность народа, правительство предписало полиціи забрать всѣхъ нищенствующихъ въ городѣ и запереть въ отдаленномъ, скрытомъ зданіи; тамъ они, биткомъ набитые, полуголодные, валялись вмѣстѣ—мущины, женщины и дѣти. Бѣдняки взбунтовались, и, чтобы освободиться, стали ломать двери и окна. Полиція взяла свои мѣры и ихъ усмирили. „Жаль,—добавляетъ графъ,—что неаполитанскому правительству не пришло въ голову болѣе глубокомысленное средство: чтобы скрыть отъ высокаго посѣтителя народную нищету—„перетопить бы всѣхъ бѣдняковъ", и кончаетъ восклицаніями: „какъ грустно, что въ такомъ волшебномъ краѣ, въ такомъ восхитительномъ климатѣ—такое безпутное правительство и такой жалкій народъ!"

— „И какъ было не образоваться подобному народу,—говаривалъ мнѣ Саша о народѣ Неаполя, — это помѣсь всѣхъ рабствъ, низшій слой всего побитаго, осадокъ десяти народностей, перепутавшихся, выродившихся“.

Изъ „путевыхъ записокъ“ графа Ѳ. П. видно, что императоръ своимъ посѣщеніемъ всполошилъ весь Неаполь. „Король уже въ городѣ,—пишетъ графъ,—я его еще не видалъ, и никакой охоты нѣтъ видѣть. Неаполь принялъ видъ военнаго города; по улицамъ то и дѣло проходятъ полки съ барабаннымъ боемъ и музыкой. Къ пріѣзду государя собрано до 25,000 войска для маневровъ“.

29-го ноября 1845 г. Толстые возвратились въ Римъ. Отдохнувши, они отправились посмотрѣть пріисканную имъ квартиру, а оттуда обѣдать къ Лепри, гдѣ спросили себѣ отдѣльную комнату. Когда они кончали обѣдъ, къ нимъ вошло около 25-ти человѣкъ русскихъ художниковъ, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, и поздравили графа и графиню съ пріѣздомъ. Графъ, въ свою очередь, спросилъ шампанскаго и поблагодарилъ ихъ. Когда графиня уѣхала отъ Лепри, художники попросили графа въ комнату, извѣстную подъ названіемъ: „комната русскихъ художниковъ“. Тамъ собрались всѣ наличные пенсіонеры академіи времени вице-президентства графа. Онъ любилъ ихъ какъ отецъ; въ домѣ его они приняты были какъ дѣти. Усѣвшись кругомъ стола, въ изліяніяхъ радости свиданія и взаимныхъ чувствъ, въ воспоминаніяхъ прошедшаго и разсказахъ житья-бытья настоящаго—забывали, что они на чужбинѣ. Время текло незамѣтно въ оживленной, задушевной бесѣдѣ, среди разговоровъ, шутокъ и пѣсенъ. Временами вырывались трогательныя выраженія привязанности и уваженія къ графу. Когда разыгрались чувства, кровь юношей зажглась—зазвенѣли рюмки, зашипѣло, заискрилось звѣздочками клико со звѣздочкой, и пошли тосты и желанія, пили даже въ честь медальерныхъ и скульптурныхъ произведеній графа.

„Этотъ импровизированный пріемъ,—записано у Ѳедора Петровича,—сдѣланный для меня нашими пенсіонерами, доставилъ мнѣ столько счастія, сколько никакія почести, никакія награды доставить не могутъ. Этотъ вечеръ я никогда не забуду“. Ораторами выраженія чувствъ были Рамазановъ и Іорданъ. Послѣ тостовъ, смѣхъ, пѣсни, разговоры стали еще горячѣе. Пѣсни пѣлись, большею частію, народныя русскія и италіанскія. Пирушка кончилась далеко за полночь. Молодые люди на рукахъ донесли графа до кареты, хотѣли было нести до квартиры, но графъ кое-какъ уговорилъ ихъ оставить его ѣхать въ экипажѣ. Они согласились, но толпа отправилась провожать его. Такъ какъ въ каретѣ не помѣщалось больше четы-

рехъ человѣкъ, то одни засѣли съ кучеромъ, другіе на лошадей, кто на запятки, кто на имперіалъ, которымъ не удалось нигдѣ пристроиться—тѣ шли пѣшкомъ и, почти всѣ, съ горѣвшими факелами въ рукахъ и съ криками „ура!" Сидя въ каретѣ, графъ думалъ: „будь это въ Петербургѣ, не доѣхать бы мнѣ до дома, а здѣсь никто не обращаетъ и вниманія".

Пенсіонеры проводили графа не только-что до его квартиры, но даже и до его комнаты, гдѣ онъ простился съ ними совсѣмъ растроганный.

На слѣдующій день графъ Ө. П. посѣтилъ князя П. М. Волконскаго, который принялъ его чрезвычайно привѣтливо, говорилъ, что познакомился съ нашими пенсіонерами, посѣщаетъ ихъ мастерскія и принимаетъ ихъ у себя; хвалилъ картину Иванова и добавилъ: „да когда же она кончится?" При этомъ пожаловался, что наши воспитанники вообще, сравнительно съ другими художниками, сдѣлали очень мало. На это графъ сказалъ, что пансіонеры наши пріѣзжаютъ въ Италію учиться и на короткое время, поэтому и работы ихъ нельзя сравнивать съ работами художниковъ, живущими въ Римѣ по десяти—двадцати лѣтъ, какъ Тенерани, Біенъ-Эме и другіе, и что, если они сдѣлаютъ по одной хорошей картинѣ или статуѣ, то и достаточно.

Между прочими разговорами, князь сказалъ, что не можетъ понять—съ чего составилось дурное мнѣніе о нашихъ пенсіонерахъ, между тѣмъ, какъ онъ, узнавши ихъ, нашелъ очень милыми и благовоспитанными.

Графъ объяснилъ ему, что виною этого ихъ директоръ, генералъ Киль, человѣкъ недоброжелательный и не понимающій ни своего значенія, ни молодыхъ людей, надъ которыми поставленъ начальникомъ [1]). Сверхъ всего — ненавидящій все русское. Онъ не познакомился ни съ однимъ изъ пенсіонеровъ, не былъ ни въ одной студіи и трактовалъ ихъ какъ школьниковъ. Такія безтактныя, возмутительныя отношенія возбудили въ воспитанникахъ справедливое негодованіе, которое и выражалось при всякомъ удобномъ случаѣ. Это Киля раздражало—изъ мести онъ не только что распространялъ о нихъ дурную славу, но, желая уронить ихъ, къ пріѣзду государя затѣялъ выставку изъ оборышей, оставшихся у нихъ отъ посланныхъ ими работъ въ академію. Неоконченныя же ихъ работы и этюды готовилъ выставить въ большой залѣ palazzo Farnesi, превосходно расписанной. Сверхъ того письменно разослалъ предложенія италіанскимъ и ино-

---

[1]) Киль былъ лишенъ мѣста начальника пенсіонеровъ и вскорѣ уѣхалъ изъ Рима. Секретарь его забралъ у банкира 70,000 казенныхъ денегъ, да всю серебряную посуду своего дяди и бѣжалъ неизвѣстно куда,—полагали, что въ Америку; его нигдѣ не отыскали.

страннымъ художникамъ—выставить свои работы въ локалѣ обыкновенныхъ выставокъ, гдѣ свѣтъ и стѣны приспособлены. „Все это,—говорилъ графъ,—не показываетъ-ли явное желаніе вредить?"

Князь Волконскій согласился съ доводами графа и хотѣлъ переговорить съ Килемъ, но Киль уже водворилъ двуглаваго орла на palazzo Farnesi, съ надписью: „выставка русскихъ пенсіонеровъ", и приставилъ къ дверямъ швейцара съ русскою кокардой. Онъ понималъ какое впечатлѣніе должны были произвести работы воспитанниковъ, сопоставленныя съ прославленными мастерами.

1-го декабря, въ 4 часа утра, пріѣхалъ въ Римъ императоръ Николай Павловичъ, остановился въ домѣ русскаго посланника Бутенева, гдѣ, переодѣвшись, поѣхалъ съ визитомъ къ папѣ; отъ папы посѣтилъ принца Ольденбургскаго, а отъ него пріѣхалъ въ Ватиканъ, прямо въ церковь святаго Петра, куда тотчасъ отправился и графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, предварительно сказавъ пенсіонерамъ, чтобы и они тамъ находились. Въ церкви графъ узналъ, что государь уже тамъ, и находится у гроба св. Петра, передъ которымъ, говорили, онъ положилъ три земные поклона. Графъ взялъ на себя право представить императору пенсіонеровъ академіи. Поставивши ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ сторонѣ, самъ сталъ противъ лѣстницы, по которой государь долженъ былъ выходить въ церковь. Вошедъ наверхъ, государь тотчасъ увидалъ графа, остановился, и, протянувъ обѣ руки впередъ, сказалъ:

— „Какъ! и ты здѣсь, Толстой, какими судьбами, никакъ не ожидалъ тебя видѣть", потомъ подошелъ къ графу и крѣпко пожалъ ему руку, говоря: „какъ я радъ, что съ тобой здѣсь встрѣтился".

Графъ попросилъ у государя позволенія представить ему нашихъ пенсіонеровъ. Государь подошелъ къ нимъ, и ласково привѣтствуя, сказалъ,—„а, это наши? радъ васъ видѣть" и обратясь къ графу смѣясь замѣтилъ: „надѣюсь, не лѣнятся?" Графъ отвѣчалъ, что всѣ трудятся прилежно. „Хорошо,—сказалъ государь,—увидимъ и опредѣлимъ", потомъ взявши, графа черезъ плечо, пошелъ съ нимъ осматривать церковь, говоря: „я радъ, очень радъ, что тебя вижу; у меня тебѣ будетъ много работы".

Съ другой стороны государя шелъ приставленный къ нему папою ученый антикварій Висконти. Дорогой государь повторялъ графу, какъ онъ радъ, что видитъ его въ Римѣ, и спрашивалъ: былъ ли онъ въ Парижѣ? На утвердительный отвѣтъ сказалъ:

— „Тебѣ надобно видѣть еще многое, поѣзжай въ Палермо и непремѣнно осмотри тамъ все, особливо Monte-Reale: тамъ пропасть прекраснаго".

Затѣмъ разсказалъ графу, что онъ былъ въ монастырѣ св. Мартына, видѣлъ Эспоньолетто, съ котораго копируетъ Михайловъ, и что эту картину онъ находитъ лучше всего видѣннаго имъ тамъ, и добавилъ:

— „Тебѣ, Толстой, много будетъ работы у меня".

Ходя по церкви и разсматривая капеллы, императоръ заказывалъ копіи съ образовъ и вещей, которыя ему нравились; со всѣмъ этимъ обращался къ мнѣнію графа и былъ къ нему безконечно милостивъ и привѣтливъ.

Въ свитѣ государя находился и Киль, но онъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Заказы, сдѣланные въ базиликѣ св. Петра, были слѣдующіе:

а) Въ капеллѣ della-Pietá скопировать фризы, орнаменты находящіеся на лицевой сторонѣ престола. б) Скопировать мозаикой мозаичный образъ св. Петра, помѣщенный налѣво отъ престола, надъ малымъ алтаремъ, только безъ ангеловъ наверху и съ славянской надписью, а не съ латинской. в) Въ первой капеллѣ, съ лѣвой стороны отъ входа въ церковь, скопировать картину крещенія. г) Во второй капеллѣ, съ той же стороны, списать запрестольный образъ. д) Образъ распятія св. Петра. е) и ж) Два грудныхъ овальныхъ образа съ колоссальными головами Петра и Павла.

Осмотрѣвши все внутри базилики, государь раскланялся со всѣми и уѣхалъ съ посланникомъ въ его коляскѣ. Когда онъ вышелъ изъ церкви, какой-то несчастный италіанецъ хотѣлъ подать ему просьбу, но бѣдняка удержали, не смотря на его сопротивленіе, и утащили куда-то; за то внизу лѣстницы, когда царь сѣлъ въ коляску, двое другихъ бѣдняковъ успѣли подать свои просьбы, которыя онъ принялъ и передалъ посланнику.

Государь осматривалъ церковь въ партикулярномъ сюртукѣ и выходя надѣлъ сѣроватый плащъ.

Графъ изъ церкви поѣхалъ къ П. Н. Жеребцовой; зная ея участіе въ нашихъ пенсіонерахъ, онъ разсказалъ ей о своей встрѣчѣ съ государемъ. Отъ нея-же узналъ, что государь былъ у папы въ полной казацкой формѣ и въ лентѣ, и когда входилъ въ комнату, въ которой должно было происходить ихъ свиданіе, то папа вышелъ изъ своего кабинета и они сошлись по серединѣ комнаты; государь подошелъ къ папѣ, чтобы поцѣловать его руку, но тотъ не допустилъ — они обнялись и поцѣловались. Папа спросилъ государя черезъ переводчика, что, вѣроятно, онъ усталъ отъ дороги? Государь отвѣчалъ:

— „Нисколько".

Затѣмъ папа выразилъ сожалѣніе, что его величество ѣхалъ въ ночь и не видалъ прелестныхъ видовъ, находящихся по этой дорогѣ.

Это замѣчаніе папы осталось безъ отвѣта. Кардиналъ, служившій переводчикомъ, не передалъ царю словъ папы, а простоялъ молча, опустя глаза въ землю. Папа пригласилъ государя къ себѣ въ кабинетъ, куда за ними изъ нашихъ вошелъ только одинъ посланникъ Бутеневъ. Въ кабинетѣ присутствовало шесть кардиналовъ, кромѣ кардинала главнаго начальника Ватикана, а у дверей стоялъ маркизъ или герцогъ [1]), начальникъ папской гвардіи.

Въ воскресенье государь слушалъ обѣдню въ посольской церкви; съ нимъ были князь Волконскій, графъ Орловъ, В. Ѳ. Адлербергъ и посланникъ. Какъ государь, такъ и вся свита его, были въ мундирахъ. Графъ Толстой также находился въ церкви. Къ нему подошла Софья Петровна Апраксина и, когда съ нимъ разговаривала, вошелъ государь; подойдя къ Апраксиной, онъ взялъ ее за руку, спросилъ о здоровьѣ и поздоровался съ нѣкоторыми изъ другихъ дамъ; болѣе всѣхъ говорилъ съ княгиней Трубецкой и ея дочерью, Столыпиной. Послѣ обѣдни со всѣми раскланялся и пошелъ въ свои покои, пригласивши туда и дамъ. Графу сказано было, чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ въ Ватиканъ и дожидался царя на крыльцѣ Ватикана, куда онъ, переодѣвшись, прибудетъ. На площади, на лѣстницѣ базилики, въ самой церкви и на крыльцѣ было такое огромное стеченіе народа, что, когда пріѣхалъ государь, то трудно было до него добраться. Гвардія въ своихъ костюмахъ, вполнѣ гармонировавшихъ со стариннымъ зданіемъ церкви, и карабинеры, не привыкшіе распоряжаться большимъ стеченіемъ публики, не могли удержать напора толпы. Проводникомъ при царѣ былъ тотъ же Висконти; онъ повелъ государя прямо на крышу базилики. Кромѣ свиты, за императоромъ пошли князь Волконскій, его сынъ, посланникъ, графъ А. Ѳ. Орловъ, секретарь посольства, графъ Ѳ. П. Толстой и съ нимъ три пенсіонера—Ивановъ, Моллеръ и Сверчковъ; графъ хотѣлъ провести и другихъ туда-же, но кромѣ этихъ трехъ вблизи никого изъ воспитанниковъ не оказалось. Передъ входомъ на крышу, царя встрѣтилъ кардиналъ начальникъ Ватикана и сопровождалъ его во все время осмотра. Съ государемъ вошло на крышу до 20-ти человѣкъ. Съ крыши онъ любовался открывшимися видами, и со всѣми замѣчаніями обращался къ графу, Ѳ. П., который долженъ былъ находиться постоянно подлѣ него. По удобнымъ каменнымъ лѣстницамъ они вошли на галлерею, съ которой ихъ повели, по внутренней лѣстницѣ, на самый верхъ купола въ стоящій на немъ фонарикъ, внутри котораго идетъ также кругомъ галлерея. Графъ Ѳ. П. послѣдовалъ за царемъ на эту галлерею, такую узенькую, что два человѣка едва мо-

[1]) Въ рукописи фамиліи не обозначено.

гутъ разойтиться на ней. Съ этой высоты ничего нельзя было различить внизу,—виднѣлись только движущіяся точки. На верхъ фонарика за царемъ вошли: графъ, посланникъ и одинъ изъ адъютантовъ. Государь съ Висконти поднялся въ яблоко, написалъ тамъ свое имя, и тотчасъ же возвратился; графъ едва успѣлъ взглянуть во внутрь огромнаго шара и прочесть его подпись. Возвратясь, государь сказалъ, что, подписываясь подъ начертанными тамъ именами, онъ случайно подписался подъ именемъ наслѣдника цесаревича. Въ галлереѣ купола государь увидалъ Моллера, который носитъ огромные усы и бакенбарды, и спросилъ:

— „Что это за усачъ?"

Графъ отвѣчалъ: это нашъ художникъ Моллеръ.

Тогда царь подошелъ къ Моллеру и, между прочимъ, сказалъ:

— „А ты худо сдѣлалъ, что бросилъ батальную живопись; я ее люблю, и она очень нужна: у насъ есть довольно того, что можно передать потомству — подвиги на Кавказѣ и много другаго, а съ тѣхъ поръ какъ не стало нашего Зауервейда, некому этого поручить; Коцебу не можетъ, а другому нельзя, надобно быть военному, чтобы умѣть писать эти сюжеты".

Сошедъ на кровлю, государь много шутилъ надъ тѣми, которые были не въ состояніи подняться выше. На крышѣ онъ сказалъ графу:

— „Я всегда бранюсь съ нашими молодыми архитекторами, что они худо кладутъ кирпичи, не связываютъ ихъ плотно, и оставляютъ слишкомъ большіе швы; вотъ тебѣ доказательство, что я правъ: посмотри какъ здѣсь положенъ кирпичъ".

Графъ отвѣчалъ, что твердость этихъ зданій зависитъ не отъ кирпичей и не отъ кладки, а отъ здѣшняго цемента и климата; что съ здѣшнимъ цементомъ и плашмя поставленный кирпичъ къ кирпичу, высохнувши, будутъ крѣпко держаться.

Государь съ этимъ не согласился.

На крышѣ начальникъ Ватикана пригласилъ государя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ домикъ или, скорѣе, бесѣдку, временно устроенную, къ приготовленному тамъ завтраку. Домикъ этотъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій. Въ одномъ, за столомъ, довольно роскошно убраннымъ, завтракалъ государь съ начальникомъ Ватикана, Висконти и двумя приглашенными учеными. Въ другомъ отдѣленіи, за столомъ, также роскошно убраннымъ, сидѣли кн. Волконскій, принцъ Ольденбургскій, графъ Орловъ, посланникъ, графъ Ѳ. П. Толстой, В. Ѳ. Адлербергъ, и остальные.

Завтракъ состоялъ изъ бульона въ чашкахъ, съ маленькими пирожками, маіонеза изъ рыбы, превосходно приготовленнаго, и множе-

ства всякаго рода сладкихъ пирожныхъ, фруктовъ, конфектъ, вареній, разныхъ винъ и шампанскаго.

Съ крыши они отправились въ античныя галлереи Ватикана—въ эти пышныя палаты, украшенныя картинами и статуями геніальныхъ художниковъ, куда люди со всего міра стекаются на поклоненіе изящнымъ произведеніямъ, передъ которыми останавливаются съ благоговѣніемъ и отъ которыхъ отходятъ тронутыми, восхищенными. Государь обошелъ всѣ галлереи и былъ въ восхищеніи отъ находившихся тамъ картинъ и статуй; онъ поручилъ графу заказать съ нѣкоторыхъ статуй формы для нашей академіи, и скопировать нѣсколько картинъ, именно:

а) Въ коридорѣ Chiaramonti сформовать статую подъ №655. б) La salle des animaux, статую подъ № 115. Въ Gallerie des statues, сформовать статуи слѣдующихъ номеровъ: в) № 268. г) № 325. д) № 361. е) Нимфу съ вазой № 405. ж) Флору № 410. з) Нилъ № 119, въ musée Chiaramonti Brecia nova — колоссальную фигуру, съ 16-ю маленькими дѣтьми. и) Въ cabinet des masques сформовать Фавна en rouge antique, № 433. і) Діану Lucifera № 431. к) La Venus pudique № 427; настоящее ея названіе Danzatrice. л) Въ залѣ музъ срисовать мозаичный полъ съ медузиной головою въ срединѣ. м) Въ Rotonda della tuzza, сформовать статую подъ № 348—14. № 550. н) Въ Salla della croce greca скопировать мозаичный полъ. о) Сформовать статую подъ № 574. п) Сформовать статую подъ № 610. р) Въ Gallerie des candelabres сформовать статую подъ № 111. с) Сформовать статую ребенка съ лебедемъ, № 248 [1]). т) Сформовать барельефъ, представляющій маленькаго фавна съ кубкомъ въ рукахъ, изъ котораго онъ пьетъ, № 117. у) Сформовать статую подъ № 117. ф) Въ musée etrusque, пріобрѣсти одинъ экземпляръ машинки, посредствомъ которой можно разсматривать плоскія, небольшія вазы и блюда со всѣхъ сторонъ, для примѣра, чтобы таковыя же завести въ Петербургѣ. х) Въ musée Egyptien сформовать статую Нила Rigio antique—почти повтореніе знаменитой группы Нила [2]).

Осмотрѣвши все, государь откланялся и уѣхалъ съ посланникомъ.

Когда они были еще на крышѣ, Орловъ сказалъ графу Ѳ. П., что государь приглашаетъ его къ своему обѣду. Въ пять часовъ Ѳедоръ Петровичъ отправился во дворецъ; тамъ уже находились князь П. М. Волконскій, графъ Орловъ, Адлербергъ и нѣкоторые изъ свиты.

---

[1]) Въ Таврическомъ дворцѣ есть копія съ этой мраморной статуи.

[2]) Почти всѣ упомянутыя художеств. копіи находятся въ Императорской Академіи художествъ и частію въ Эрмитажѣ, тамъ же находятся произведенія тѣхъ иностранныхъ скульпторовъ, у которыхъ работа куплена императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1845 г.

Когда вошелъ въ залу государь, графъ подалъ ему небольшой „путеводитель по Риму", сдѣланный для него нашими архитекторами, съ видами церквей и особенно примѣчательныхъ памятниковъ, съ яснымъ краткимъ текстомъ. Государь принялъ благосклонно, благодарилъ, внимательно разсмотрѣлъ и сказалъ:

— „Подарокъ этотъ очень милъ, я его передамъ женѣ".

— Для ея величества они готовятъ другой,—сказалъ графъ.

— „Нѣтъ"—возразилъ государь,—я отдамъ ей этотъ".

Вскорѣ пріѣхалъ неаполитанскій посланникъ; императоръ былъ съ нимъ чрезвычайно ласковъ и внимателенъ. За столомъ посадилъ его на первое мѣсто, самъ сѣлъ по лѣвую сторону, подлѣ него князь П. М. Волконскій, затѣмъ графъ Орловъ и другіе; по правую руку посланника сидѣлъ В. Ѳ. Адлербергъ, подлѣ него графъ Толстой, возлѣ Толстаго флигель-адъютантъ Астафьевъ, далѣе князь Ливенъ, нѣкоторые изъ свиты его величества и докторъ Енохинъ, сопровождавшій государя въ его путешествіи. Тутъ-же находился и Киль. Всѣ были въ сюртукахъ.

За столомъ императоръ больше всѣхъ говорилъ съ посланникомъ,—разсказывалъ какъ онъ пріятно провелъ время въ Палермо и Неаполѣ и какъ доволенъ пріемомъ ихъ короля; упоминалъ о прелестныхъ видахъ Неаполя и его окрестностей; о Помпеѣ и Геркуланумѣ, объ устроенныхъ для него маневрахъ похваливъ ихъ; восхищался Ватиканомъ и хвалилъ его, разумѣется, искреннѣе нежели маневры. Когда посланникъ замѣтилъ, что, вѣроятно, его величество утомился отъ прогулки въ Ватиканѣ—государь отвѣчалъ:

— „Совсѣмъ нѣтъ, я готовъ сейчасъ же повторить этотъ походъ, только немного клонитъ ко сну".

Послѣ обѣда, напившись кофе, посидѣвши въ гостиной и поговоривши съ полчаса, государь раскланялся и ушелъ во внутренніе покои. Всѣ разошлись по домамъ.

3-го декабря 1845 г., въ 9 часовъ утра, графъ Ѳ. П. отправился во дворецъ посланника, гдѣ остановился императоръ, чтобы сопровождать его въ Palazzo Farnese, гдѣ Киль сдѣлалъ выставку изъ оборышей картинъ и этюдовъ нашихъ пенсіонеровъ. Въ 10 часовъ утра, государь выѣхалъ въ коляскѣ съ Висконти; графъ Ѳ. П. поѣхалъ за нимъ, ожидая большаго нагоняя за эту выставку, но государь, осматривая ее, не сказалъ ничего, только отнесся недурно о картинѣ Раева, изображавшей Римъ [1]); говорилъ, что она ему нравится больше другихъ ра-

---

[1]) Картина Раева «Римъ» нынѣ находится въ превосходномъ собраніи картинъ русской школы Николая Дмитріевича Быкова.

ботъ его, которыя онъ видалъ прежде, да остановился на картинахъ Орлова, состоявшихъ изъ небольшихъ поясныхъ фигуръ, и спросилъ про одну обнаженную женскую фигуру:

— „Они такъ съ голыхъ и пишутъ ихъ?"

Остальное осмотрѣлъ молча.

Изъ Palazzo Farnese поѣхали опять въ Ватиканъ смотрѣть Рафаэлевы ложи и его комнаты. Государь очень сожалѣлъ, что ложи почти совсѣмъ пропали. Кто-то заговорилъ, что теперь онѣ находятся въ Петербургѣ [1]). На это государь сказалъ:

— „Лучше если-бы онѣ остались здѣсь".

Въ комнатахъ Рафаэля онъ отмѣтилъ списать нѣкоторыя фигуры потолка, а въ картинной галлереѣ—стоящія тамъ три картины Рафаэля.

— „Когда Бруни окончитъ работы Исаакіевской церкви,—сказалъ государь,—тогда пусть скопируетъ мнѣ ихъ".

Въ другихъ залахъ его величества также повелѣлъ скопировать нѣкоторыя картины и опять всѣмъ восхищался, особенно-же работою Микель-Анжело, въ Сикстинской капеллѣ. Когда государь выходилъ изъ Сикстинской капеллы, какой-то художникъ съ картиной въ рукѣ остановилъ его и предложилъ ее купить. Государь замѣтилъ ему, что его картина не окончена. „Ежели вашему величеству угодно купить, то я ее кончу". Государь серьезно посмотрѣлъ на него и молча отошелъ прочь.

Императору показывали все, что только стоило видѣть въ Ватиканѣ, водили по заламъ, которыя никогда никому не открывали, даже и по билетамъ. Проходили залу ковровъ, галлерею географическихъ картъ, сводъ которой украшенъ съ такимъ вкусомъ, что государь велѣлъ срисовать его нашимъ архитекторамъ; кромѣ того, любовался собраніемъ этрусскихъ вазъ и египетскихъ древностей. Изъ залы географическихъ картъ перешли въ библіотеку—одну изъ значительнѣйшихъ въ свѣтѣ. Кромѣ книгъ и рукописей, въ ней видѣли старинные образа, съ греческими и славянскими надписями.

Изъ библіотеки снова обошли всѣ капеллы церкви св. Петра. Графъ Ѳ. П. Толстой не могъ отлучиться ни на минуту отъ государя, который постоянно обращался къ нему съ вопросами и распоряженіями. Когда они подошли къ бронзовому балдахину надъ главнымъ алтаремъ, государь сказалъ Толстому:

---

[1]) «Благодаря Великой Екатеринѣ,—говоритъ графъ Ѳ. П.,—у насъ тоже будутъ существовать ложи Рафаэля. Она приказала ихъ скопировать для Эрмитажа. Еще часть Рафаэлевыхъ ложъ превосходно скопирована масляными красками, по заказу графа Александра Сергѣевича Строганова».

— „Я нахожу, что эта вещь здѣсь неумѣстна и вредитъ величію церкви, также какъ и стекло надъ алтаремъ, съ прозрачнымъ изображеніемъ св. Духа. Оно неприлично такой базиликѣ, какъ базилика св. Петра".

„Его величество былъ совершенно правъ", замѣчаетъ Толстой.

Когда графъ Ѳ. П. сказалъ государю, что этотъ бронзовый балдахинъ одной величины съ Зимнимъ дворцомъ, то онъ не хотѣлъ вѣрить. Висконти подтвердилъ слова Ѳедора Петровича.

Изъ Ватикана всѣ отправились во дворецъ Цезарей—государь долго разсматривалъ со вниманіемъ богатые, величественные остатки дворцовъ римскихъ императоровъ.

Вторичные заказы, сдѣланные императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ музеумѣ Ватикана были слѣдующіе:

а) Въ галлереѣ картинъ Madona di Foligno: „когда Бруни кончитъ работы, пусть ее скопируетъ". (Она уже была скопированная въ академіи). б) St incarnazione della Madona di Raphaelo et del Fattore. в) L'incarnazione della Madona di Julio Romano di Raphaello et del Fattore. г) Salla della Bigo.—„Снять рисунокъ съ этой залы". д) Библіотека Ватикана и комната di papiris.—„Снять рисунокъ съ залы papiris и съ фресковъ Рафаэля Менгса". е) Въ библіотекѣ и комнатѣ pandecti di Justiniani—снять рисунокъ плафона и ж) скопировать два фреска en ogives. з) Въ библіотекѣ, въ sacristie, въ капеллѣ les Beneficiate скопировать картину Тиціана, и) въ капеллѣ Св. Николая, срисовать архитектурнымъ образомъ стѣну съ частію плафона, гдѣ находится мозаичный образъ св. Николая, тотъ самый, что наканунѣ велѣно сдѣлать мозаикою. і) Въ церкви Св. Петра, въ sacristie, скопировать l'Esperence de Guido. к) Въ мозаичной мастерской Микель-Анжело Барбери купленъ мозаичный круглый столъ, на немъ на черномъ фонѣ изображенъ амуръ, котораго везутъ тигры, кругомъ гирлянда изъ плюща. Заплачено 1,000 скуди. л) Куплена за 1,200 скуди, Жана Беллини, Божія Матерь со Спасителемъ. м) Заказаны два мозаичные стола. Одинъ въ воспоминаніе путешествія по Италіи вообще, — съ медальономъ императрицы, н) другой, въ воспоминаніе Сициліи и Неаполя, съ медальономъ ея высочества Ольги Николаевны.

Рисунки обоихъ столовъ графъ видѣлъ у князя П. М. Волконскаго.

Изъ дворца Цезарей государь поѣхалъ къ себѣ. Графу Толстому сказали, что онъ будетъ еще что-то осматривать, поэтому графъ остался въ пріемной комнатѣ, которой императору надобно было проходить. Киль находился тутъ-же. Вскорѣ государь вошелъ и мимоходомъ сказалъ Килю очень серьезно:

— „L'éxposition est mauvaise, c'est une horreur!"

Съ этими словами вышелъ, и поѣхалъ одинъ прогуляться.

4-го декабря, въ 10 часовъ утра, императоръ поѣхалъ съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ въ мастерскую художника Иванова (живописца). Студія Иванова была обширна, хороша и съ прекраснымъ освѣщеніемъ. Онъ писалъ тогда свою огромную картину, изображающую Іоанна Крестителя въ пустынѣ, проповѣдующаго толпѣ народа „жизнь новую"; фигуры, на первомъ планѣ, въ ростъ человѣческій. Іоаннъ и окружающая его группа фигуръ, въ томъ числѣ двѣ совсѣмъ обнаженныя, подвигались къ окончанію; многое было въ подмалевкахъ, остальное еще въ контурахъ. „Вся картина очень умно и хорошо скомпанована,— говоритъ „въ путевыхъ запискахъ" графъ,—рисунокъ въ картинѣ превосходный, особенно въ фигурѣ Іоанна. Пейзажъ, прекрасный, былъ уже много подвинутъ впередъ. По стѣнамъ мастерской было развѣшано множество этюдовъ—съ изображеніями: деревьевъ, кустарниковъ, камней, снятыхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, для пейзажа его картины, также и этюды головъ. Государь былъ очень доволенъ картиною Иванова, разсматривалъ его этюды, и обошелся съ нимъ очень милостиво. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что тутъ слишкомъ много надѣлано этюдовъ, то государь сказалъ:

— „Иначе и нельзя, чтобы написать хорошо картину".

Выходя изъ мастерской, государь сказалъ Иванову:

— „Оканчивай,—картина будетъ славная".

Отъ Иванова они поѣхали въ студію художника Ставассера. Государь пришелъ въ восхищеніе отъ вылѣпленной Ставассеромъ статуи Нимфы съ сатиромъ, и спросилъ его:

— „Неужели у тебя натурщица такъ хороша и граціозна?"

Разсматривая долго эту статую, онъ обратился къ стоявшему тутъ флигель-адъютанту Васильчикову, и, закрывъ ему рукою глаза, проговорилъ:

— „Тебѣ не надобно на нее смотрѣть, это опасно".

Затѣмъ императоръ разсматривалъ и хвалилъ Русалку, которую тогда Ставассеръ рубилъ въ мраморѣ, также и эскизы, и всѣмъ остался доволенъ. Уходя, онъ еще остановился противъ Нимфы, долго любовался ею и, обратясь къ Ставассеру, сказалъ:

— „Прекрасно! сдѣлай мнѣ ее изъ мрамора, только прошу не залѣниться, а работы у меня будетъ много".

Прежде нежели заѣхать къ Ставассеру, императоръ посѣтилъ выставку иностранныхъ художниковъ. На эту выставку, изъ работъ трехсотъ художниковъ разныхъ націй, жившихъ въ то время въ Римѣ, выбрано было только сто лучшихъ картинъ. Киль это затѣялъ съ намѣреніемъ поставить произведенія иностранныхъ художниковъ въ парал-

лель съ работами нашихъ пенсіонеровъ, и тѣмъ уронить послѣднихъ въ глазахъ царя. Онъ зналъ, что лучшія произведенія пенсіонеровъ отосланы были въ Петербургъ, оставались обормши, не оконченныя работы и этюды. Государь выбралъ себѣ нѣсколько картинъ и акварелей. „Выборъ ихъ былъ не совсѣмъ удаченъ",—замѣчаетъ графъ.

Отъ Ставассера проѣхали въ мастерскую Климченко; Государь остался доволенъ вылѣпленнымъ имъ изъ глины и отлитымъ въ гипсѣ Нарцисомъ, котораго онъ рубилъ въ мраморѣ.

— „Теперь судить о Нарцисѣ много еще нельзя,—сказалъ государь,—оканчивай, должно быть, будетъ хороша".

Видѣли у Климченко еще эскизъ небольшой статуи—вакханки съ кистью винограда.

„Наши четыре скульптора,—пишетъ графъ,—Ставассеръ, Рамазановъ, Климченко и Ивановъ, хотя и не успѣли еще сдѣлать многаго, но съ тѣмъ немногимъ, что у нихъ есть, они могутъ смѣло выступить на арену художествъ".

По пути отъ Климченки, проѣзжая мимо Капитолія, остановились и любовались этимъ величественнымъ зданіемъ; потомъ, объѣхавши кругомъ Forom-Romano, выбрались за городъ, гдѣ осмотрѣли церковь St Paulo, строившуюся каторжными въ цѣпяхъ; одинъ изъ нихъ, опустясь на колѣни, подалъ прошеніе государю; этого несчастнаго мгновенно схватили и онъ исчезъ. Прошеніе государь принялъ и передалъ гр. В. Ѳ. Адлербергу. Каждый выѣздъ царя подавали ему просьбы, даже бросали въ коляску.—Просьбы эти, по его повелѣнію, принимались генералами и флигель-адъютантами свиты его величества. Не разъ случалось принимать просьбы и графу Ѳ. П. Толстому и передавать дежурному флигель-адъютанту или графу Адлербергу. Свита его величества, пріѣхавшая съ нимъ изъ Палермо, состояла изъ генералъ-адъютантовъ: графа Орлова, графа Адлерберга, генералъ-маіора Ливена, флигель-адъютантовъ: Баранова, князя Меншикова и Васильчикова, и д. ст. с. доктора Енохина.

Затѣмъ заѣхали они въ церковь St Giovani Laterano и осмотрѣли находящійся въ Латеран. дворцѣ музеумъ; далѣе, осмотрѣли базилику Maria Maggori. Проѣзжая Колизей, императоръ и всѣ бывшіе съ нимъ вышли изъ коляски—взглянуть на эти великолѣпныя развалины Въ базиликѣ Колизея царя встрѣтилъ кардиналъ (имя его графъ позабылъ) со всѣми священниками; показалъ ему церковь и все, что тамъ есть примѣчательнаго. Императоръ поручилъ графу Ѳ. П. Толстому сдѣлать нѣкоторые заказы.

Изъ Колизея государь хотѣлъ посѣтить мастерскія иностранныхъ художниковъ, а у Рамазанова быть послѣ обѣда. Это сообщилъ графу

князь Петръ Михайловичъ Волконскій и при этомъ попросилъ устроить такъ, чтобы у Рамазанова находилась и модель, съ которой онъ лѣпитъ свою статую (находившаяся у него натурщица считалась лучшею въ Римѣ). Волконскій еще съ утра говорилъ, что государю хочется видѣть какъ работаютъ скульпторы съ модели, о чемъ графъ тогда же сообщилъ Рамазанову. Услыхавши, что государь располагаетъ быть въ студіи Рамазанова вечеромъ, графъ очень встревожился, и говорилъ, что, какъ ни освѣти мастерскую, все не будетъ возможности видѣть красоту модели, стало быть, и оцѣнить работы художника. Такъ какъ мастерская Рамазанова была не далеко, то графъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не отлучался изъ студіи и не отпускалъ натурщицу, а самъ попросилъ князя Волконскаго доложить государю, что лучше ѣхать днемъ въ студію Рамазанова.

— „Какъ же это сдѣлать,—отвѣчалъ князь,—государю хочется видѣть и модель?

Графъ Ѳ. П. Толстой сказалъ, что модель будетъ тамъ, но что при свѣтѣ огня нельзя хорошо осмотрѣть ни скульптурнаго произведенія, ни вѣрно сличить его съ моделью.

— „Ну дѣлай, какъ знаешь,—сказалъ Петръ Михайловичъ графу,—а я говорить государю не буду; я усталъ и ѣду домой“, и тотчасъ же уѣхалъ.

Графъ адресовался къ Адлербергу, потомъ къ Бутеневу, просилъ ихъ доложить царю о его предложеніи ѣхать къ Рамазанову и объяснилъ—почему онъ этого желаетъ. Оба они отвѣчали, что не смѣютъ докладывать объ этомъ государю, такъ какъ онъ усталъ и самъ назначилъ ѣхать къ иностраннымъ скульпторамъ. Отказъ ихъ взбѣсилъ графа Ѳ. П. и онъ отвѣчалъ:

— „Если вы не смѣете, то я смѣю“, и пошелъ къ государю, шедшему впереди съ Висконти къ своей коляскѣ. Графъ догналъ его, остановилъ за руку, попросилъ прощенія въ этой дерзости и объяснилъ причину, побудившую его остановить его величество.

— „Ваше величество,—сказалъ онъ,—Рамазановъ одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ пенсіонеровъ; вы не были еще въ его мастерской, а такъ какъ при свѣтѣ лампъ скульптурная работа много теряетъ, особливо въ глинѣ, то лучше теперь, при дневномъ свѣтѣ—пожаловать въ его студію“.

— „Хорошо,—отвѣчалъ государь,—все это такъ, да не далеко ли его мастерская, я очень усталъ“.

— Очень близко,—отвѣтилъ графъ.

— „Ну, такъ пойдемъ къ нему“,—сказалъ государь.

Подъѣхавши къ мастерской, императоръ сказалъ, чтобы кромѣ его

и графа никого не впускать въ студію,—вся свита осталась за дверями. Когда они вошли въ комнату, Рамазановъ заперъ дверь на замокъ. Прежде всего государь обратилъ полное вниманіе на работу Рамазанова, и ни малѣйшаго—на натурщицу, стоявшую въ позѣ нимфы, которая ловитъ у себя на плечѣ бабочку. Разсматривая работу художника, государь очень хвалилъ и мысль, и позу, и отдѣлку. Фигуру нашелъ граціозной, голову прелестной, потомъ сталъ сравнивать работу съ оригиналомъ и нашелъ, что натура не такъ хороша, какъ ее представилъ скульпторъ; „ты ее украсилъ и облагородилъ,—замѣтилъ онъ,— слѣды ногъ, кажется, надобно сдѣлать помелѣе".

Натурщицу государь нашелъ хорошо сложенной, только немного толстоватой и недостаточно рослой. „Что и дѣйствительно было такъ,—сказано въ Запискахъ графа; личико же у нея,—говоритъ онъ,— было прекрасно, глаза большіе, черные, взоръ выразительный, черты лица правильныя, но Рамазановъ въ своей статуѣ сдѣлалъ голову въ другомъ родѣ: онъ далъ ей красоту болѣе нѣжную и болѣе античную и для самой фигуры бралъ не чисто натуру, а смотря по красотѣ и правильности формъ частей тѣла. Государь, подойдя къ натурщицѣ и посмотрѣвши на нее, велѣлъ Рамазанову передать ей, что онъ находитъ ее прекрасной, потомъ, снова сравнивши статую съ натурою, пошелъ разсматривать эскизы; онъ обратилъ особенное вниманіе на группу нимфы и сатира, просящаго у нея поцѣлуя, похвалилъ эту группу и замѣтилъ: „она у тебя ужъ слишкомъ выразительна, ты ее смягчи, а то мнѣ нельзя будетъ поставить въ моихъ комнатахъ", и приказалъ произвести ее въ мраморѣ; подойдя опять къ натурщицѣ, которая во все время продолжала стоять въ позѣ статуи, изображающей нимфу, ловящую у себя на плечѣ бабочку, приказалъ Рамазанову повторить ей, что находитъ ее прекрасной, приказалъ ей выдать 30 скудій и заказалъ ему произвести ее въ мраморѣ; затѣмъ, низко поклонившись модели, пошелъ къ дверямъ мастерской, повелѣвъ, прежде нежели отворять дверь, подать ей закрыться, что Рамазановъ тотчасъ и исполнилъ.

Изъ мастерской Рамазанова государь проѣхалъ въ студію скульптора Вольфа—не слишкомъ талантливаго художника; не смотря на это, сдѣлалъ у него нѣкоторые заказы.

Отъ Вольфа проѣхали къ довольно даровитому скульптору Тенерани; государю понравилась у него сдѣланная имъ женская фигура, держащая въ подолѣ платья цвѣты. Сдѣлавши и здѣсь нѣсколько заказовъ, отправились къ скульптору Bien-aimé; у него обратила на себя вниманіе императора чрезвычайно граціозная фигура, изобра-

жающая амура, который стоитъ на одномъ колѣнѣ, и поитъ двухъ голубковъ изъ небольшой чаши.

Послѣ этого они посѣтили студію нашего пенсіонера, скульптора Иванова; государь остался очень доволенъ его мраморною статуей „Ломоносова въ молодости", находилъ, что въ юномъ лицѣ статуи много сходства съ портретомъ Ломоносова въ старости. Онъ изображенъ, въ русской рубашкѣ, сидящимъ съ книгою въ рукѣ. Про начатую Ивановымъ и еще не совсѣмъ приведенную въ порядокъ статую простаго молодаго человѣка, замахнувшагося правою рукою, чтобы убить камнемъ змѣю, государь сказалъ: „теперь нельзя многаго сказать о ней, она неокончена, а, кажется, будетъ хорошая вещь; оканчивай съ Богомъ и присылай".

Отъ Иванова государь заѣхалъ въ другую студію Тенерани, а оттуда отправился къ себѣ.

На выставкѣ иностранныхъ художниковъ государемъ куплено было:

а) Скульптурная группа, изображающая благодарность — Bensoni de Begram. — б) Картина масляными красками, представляющая костюмъ Сори—работы Зекера. — в) Акварель—сцена изъ простонароднаго быта—Генриха. — г) Акварель—видъ озера Комо, взятый съ Villa Sommariva, швейцарца Sal-Corrodi, лучшаго акварелиста того времени. — д) Молодая дѣвушка изъ Соренто — Лемана. — е) Процессія дѣтей—Теодора Веллеръ, изъ Бадена. — ж) Зима—италіанскій костюмъ римлянина — Пиццоле. — з) Весна—его же.— и) Акведукъ въ окрестностяхъ Рима—Гмелина.—і) Видъ Палермо—Кателя, велѣно сдѣлать въ большемъ видѣ. — к) Tableaux de genre—Валласа.

Въ мастерской Иванова—окончить его большую картину: явленіе Спасителя въ пустынѣ, во время проповѣди тамъ Іоанна Крестителя.

Въ студіи Климченко—окончить въ мраморѣ начатую имъ вырубать статую Нарциса.

У скульптора Ставассера—сдѣлать въ мраморѣ вылѣпленную имъ статую Нимфы съ Сатиромъ, снимающимъ съ нея сандаліи.

Въ студіи Рамазанова—сдѣлать въ мраморѣ вылѣпленную имъ Нимфу, ловящую бабочку у себя на плечѣ; вылѣпить и произвесть въ мраморѣ, по сдѣланному имъ заказу, группу Нимфы и Сатира, просящаго у нея поцѣлуя.

У скульптора Bien-aimé — куплена мраморная статуя Іоанна Крестителя, заказаны въ мраморѣ: Телемакъ, Діана, танцующая вакханка, Амуръ, стоящій на одномъ колѣнѣ и поящій двухъ голубей изъ чаши.

У скульптора Тенерани—Венера, у которой Амуръ вынимаетъ занозу.

Въ мастерской иностраннаго художника Вольфа — двѣ амазонки и статуя Діаны въ покоѣ.

Въ мастерской иностраннаго скульптора Ингофа—группа младенца Моисея съ матерью, опускающей его въ корзинкѣ въ Нилъ.

Вечеромъ въ 8 часовъ приготовили для государя освѣщеніе въ галлереѣ статуй въ Ватиканѣ.

На вопросъ, сдѣланный императору еще съ утра начальникомъ Ватикана, монсиньеромъ Люциди — допускать-ли въ Ватиканъ во время его тамъ присутствія постороннихъ, императоръ отвѣчалъ:

— „Я бы желалъ, чтобы только русскихъ".

Графъ вмѣстѣ съ графинею, вечеромъ, поѣхали въ Ватиканъ. Государь приказалъ привести туда всѣхъ нашихъ пенсіонеровъ; нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали вмѣстѣ съ графомъ. Толпа была такъ велика, что они только при помощи директора скульптурнаго музеума Ватикана, Фабриса, и монсиньера Люциди, добрались до первыхъ галлерей, гдѣ должны были дожидаться прибытія государя. При караульномъ офицерѣ графъ оставилъ художника Монигетти, чтобы онъ указывалъ ему нашихъ пенсіонеровъ и художниковъ, которые будутъ подходить, и пропускалъ бы ихъ. Вмѣстѣ съ графомъ и графинею прошелъ, съ большимъ трудомъ, нашъ канцлеръ гр. Нессельроде съ своимъ семействомъ. Въ галлереѣ набралось довольно дамъ и мужчинъ, изъ которыхъ иные были во фракахъ. Вскорѣ прибылъ и государь, съ своею свитой; по обѣ стороны шли, съ факелами, люди, назначенные освѣщать галлерею, одѣтые въ средневѣковой костюмъ — малиновыя полукуртки съ откинутыми назадъ длинными рукавами. Всѣ коррилоры галлерей освѣщались высокими восковыми свѣчами. Когда пришли въ галлерею античныхъ статуй, то каждую статую стали освѣщать порознь, приготовленными свѣтильниками изъ нѣсколькихъ восковыхъ свѣчей, съ полированными сзади жестяными ревербераии. Графъ Ѳ. П. находилъ это освѣщеніе неудовлетворительнымъ и говорилъ, что газомъ было бы много лучше; сверхъ того, дѣйствію освѣщенія сильно мѣшала набившаяся толпа посѣтителей. Комната египетскаго музеума, въ глубинѣ которой стоитъ вырубленая изъ красноватаго порфира статуя Изиды, освѣщена была эффектнѣе всѣхъ остальныхъ комнатъ. Налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, стали разъѣзжаться. Государь уѣхалъ первый, за нимъ и остальные.

5-го декабря архитекторы и граверы положили свои работы въ кабинетъ его величества, для разсмотрѣнія ихъ.

По утру государь, въ казачьемъ мундирѣ, ѣздилъ прощаться съ папой.

Въ этотъ день графъ Θ. П. отправился въ пріемную императора, гдѣ находились и наши архитекторы. Вернувшись отъ папы, императоръ переодѣлся въ сюртукъ, призвалъ архитекторовъ къ себѣ въ кабинетъ, расхвалилъ ихъ дѣйствительно превосходныя работы, и высказалъ имъ столько привѣтствій, что они были внѣ себя отъ радости. Выразивши имъ свое удовольствіе, что они не теряли времени и употребили его съ пользою прекрасно, и похваливъ ихъ, государь сказалъ:

— „Молодцы, вы и скульпторы меня очень порадовали".

Переговоривши съ архитекторами, императоръ поѣхалъ въ Пантеонъ, въ сопровожденіи Висконти, графа Θ. П. и двухъ нашихъ молодыхъ архитекторовъ, Резанова и Бенуа. Пантеонъ государю чрезвычайно понравился, не смотря на то, что это величественное древнее зданіе испорчено фанатиками-папами. Обратясь къ графу Θ. П., государь сказалъ:

— Не правда-ли, что что̀ ни дѣлай съ зданіемъ, построеннымъ въ хорошихъ пропорціяхъ, оно всегда останется прекраснымъ?"

Отъ Пантеона проѣхали къ термамъ Каракалы. Осматривая огромныя развалины его дворца и бань, государь снова началъ говорить о прочности строеній, и что у насъ не умѣютъ класть кирпичи, что спайка очень толста, и что онъ всегда бранится за это съ нашими архитекторами; спросилъ графа Θ. П.—нѣтъ-ли съ нимъ кого нибудь изъ нашихъ молодыхъ архитекторовъ. Графъ вызвалъ Н. А. Бенуа, смѣлаго, образованнаго молодаго человѣка, отлично знавшаго свое дѣло, какъ и прочіе наши молодые архитекторы. Бенуа свободно, основательно, прекрасно сталъ опровергать обвиненія государя, на стѣнахъ развалинъ доказалъ какъ наружность обманчива, и что кладка въ нихъ не систематическая, а совершенно произвольная, но что превосходная матерія связки и климатъ даютъ эту крѣпость зданіямъ. Потомъ подвелъ государя къ одной развалившейся аркѣ, бо̀льшая половина которой висѣла на воздухѣ, и показалъ, что въ этомъ сводѣ нѣтъ никакой кладки, ни камней, ни кирпичей, а они просто приставлены другъ къ другу, смазаны дивною здѣшнею смазкою, называемою pozzolano, въ доказательство ея крѣпости взобрался на висящій на воздухѣ конецъ арки, сталъ на немъ прыгать, и ни одинъ камень не отвалился отъ свода. Съ своей стороны, Резановъ такъ дѣльно и хорошо объяснялъ все царю, что онъ остановился спорить, и сталъ внимательно слушать его доказательства. Потомъ замѣтилъ, что у насъ валятся зданія, потому что архитекторы сдѣлались подрядчиками. „Я хотѣлъ было сказать государю,—говоритъ въ своихъ Запискахъ графъ Θ. П.,—что у насъ валятся тѣ

дома и церкви, которые строились и строятся инженерами путей сообщенія, но побоялся этимъ повредить хорошему расположенію государя къ нашимъ академическимъ архитекторамъ и промолчалъ, только сильно сталъ защищать нашихъ академиковъ-архитекторовъ отъ стачки съ подрядчиками, въ особенности же молодыхъ художниковъ".

Императоръ говорилъ съ Резановымъ и Бенуа очень долго и милостиво, внимательно ихъ выслушивалъ. Они объясняли ему всѣ подробности этихъ развалинъ со временъ Каракалы, по остаткамъ, представляли какое расположеніе было этихъ термъ и бань, и что частію соотвѣтственно вкусу духа времени, частію по образцу другихъ зданій того же историческаго періода, можно было довольно вѣрно опредѣлить самые фасады этихъ зданій. Объясняя постройку термъ Каракалы, они говорили и вообще о древнихъ остаткахъ Рима такъ основательно и хорошо, что показали себя не только знающими свое дѣло, но и вполнѣ образованными людьми. Нѣкоторые изъ молодыхъ флигель-адъютантовъ обступили юныхъ художниковъ съ вопросами; они отвѣчали умно и дѣльно, не только о термахъ, въ которыхъ находились, но и о древнемъ состояніи самой Римской имперіи, ея столицѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи, примѣчательныхъ памятниками исторіи, археологіи и искусствъ.

Графъ Ѳ. П. Толстой слушалъ ихъ съ восторгомъ.

Выходя изъ термъ, государь, по видимому, еще занятый заступничествомъ графа за нашихъ архитекторовъ, обратясь къ нему, сказалъ:

— „А всетаки я скажу, что наши архитекторы входятъ въ стачки съ подрядчиками".

Сказавши это, онъ сѣлъ въ коляску, и всѣ, кромѣ молодыхъ архитекторовъ, отправились къ весьма плохому скульптору Фабрису, по милости папы—директору скульптурнаго музеума Ватикана. Они оба были изъ одной деревни, учились вмѣстѣ въ одной школѣ и остались пріятелями. По заказу папы, Фабрисъ работалъ колоссальную статую Милона Кротонскаго, назначенную быть поставленной на горѣ Пинчіо, надъ аркадами величественной лѣстницы, спускающейся въ piazzo di popoli; но статуя эта такъ плоха,—говорилъ графъ,—что едва ли ее тамъ помѣстятъ.

Послѣ студіи Фабриса, осмотрѣли студію скульптора Финелли, у котораго видѣли нѣсколько хорошихъ работъ.

Отъ Финелли проѣхали въ монастырь и церковь St. Maria dii angele, построенную извѣстнымъ Буанароти на остаткахъ термъ Діоклитіана. Государь любовался, кромѣ живописи въ церкви, обширнымъ четырехугольнымъ дворомъ въ стѣнахъ строеній, по которымъ идутъ галлереи

изъ продолговатыхъ арокъ различныхъ прекрасныхъ формъ; тутъ находится монастырскій огородъ, съ фонтаномъ посреди параллелограмнаго бассейна изъ бѣлаго мрамора, по угламъ котораго растутъ четыре огромные кипарисa, посаженные Микель-Анжелюмъ.

Изъ монастыря проѣхали въ виллу Albano — прекрасную дачу, богатую древними произведеніями въ мраморѣ. Тамъ государю понравилась ваза изъ бѣлаго мрамора на трехъ ножкахъ, украшенная барельефомъ; онъ велѣлъ кому нибудь изъ нашихъ молодыхъ художниковъ снять съ нея вѣрный рисунокъ.

Изъ Альбано, по площади Monte cavallo, въѣхали во дворъ папскаго лѣтняго дворца, Квиринала, куда никто не имѣетъ права въѣзжать въ экипажѣ, кромѣ папы, а ихъ въѣхало за государемъ больше пяти колясокъ. Шагомъ объѣхавши кругомъ двора, государь уѣхалъ къ себѣ; графъ-же Ѳедоръ Петровичъ Толстой отправился прокатиться на monte Pincio. Спустя не много времени, пріѣхалъ туда и государь, въ коляскѣ, съ посланникомъ; проѣхавъ palazzo Borgese, они исчезли изъ вида.

Государь каждый день дѣлалъ эту прогулку передъ обѣдомъ.

5-го декабря, въ часъ ночи, императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Рима. Наши художники пришли къ крыльцу посланникова дома, чтобы поклониться государю и пожелать ему счастливаго пути, но имъ сказали, что онъ желаетъ уѣхать тайно, и они удалились

Повсюду, гдѣ графъ Толстой сопровождалъ государя по Риму, кромѣ экипажей съ его свитой, онъ замѣчалъ слѣдующую за ними коляску, съ четырьмя одними и тѣми лицами, италіанскаго типа, никому изъ сопровождавшихъ царя неизвѣстными. Вездѣ, гдѣ останавливался государь, останавливались и они; тотчасъ выскакивали изъ коляски, и, не вдалекѣ отъ него, помѣщались передъ толпившимся народомъ. Гдѣ бы ни былъ царь—и они были тутъ же. Поступки эти возбудили въ графѣ любопытство, и онъ узналъ, что это были, переодѣтые въ штатское платье, лучшіе и надежнѣйшіе офицеры изъ карабинеровъ, назначенные отъ правительства повсюду слѣдовать за царемъ и охранять его, а такъ какъ правительству всегда было заранѣе извѣстно, когда, куда и въ какое время государь поѣдетъ, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ какой день государь долженъ былъ быть, тамъ, между столпившимся народомъ, размѣщены были переодѣтые въ разные костюмы карабинеры, которые, въ случаѣ надобности, должны были исполнять приказанія сопровождавшихъ государя офицеровъ.

Былъ слухъ, что правительство замѣтило злостныя намѣренія, что самъ папа боялся за царя; говорили даже, будто бы открытъ

какой-то заговоръ, и что государь, узнавши объ этомъ, былъ очень огорченъ.

Какъ по дорогѣ изъ Неаполя въ Римъ, такъ и изъ Рима во Флоренцію и Болонью, во время проѣзда императора по этимъ мѣстамъ, по всѣмъ дорогамъ были размѣщены карабинеры.

Графъ говоритъ въ Запискахъ: „Я не вѣрю, чтобы у италіанцевъ могло быть что нибудь противъ нашего царя, а что въ Италіи не совсѣмъ спокойно, то это вѣрно".

Спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ императора изъ Рима, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой отправилъ въ Петербургъ президенту академіи, герцогу Лейхтенбергскому, опроверженіе ложныхъ доносовъ Киля на пенсіонеровъ и письмо къ конференцъ-секретарю В. И. Григоровичу, въ которомъ сообщалъ ему о пріѣздѣ въ Римъ государя и какъ онъ представлялъ ему воспитанниковъ академіи.

Письмо это, какъ значительный матеріалъ для біографіи графа Ѳедора Петровича Толстаго и для исторіи академіи художествъ, дружески передано было мнѣ Николаемъ Дмитріевичемъ Быковымъ, для пополненія моихъ воспоминаній о графѣ Толстомъ. Оно напечатано въ „Русской Старинѣ" изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 347—356 [1]).

Т. П. Пассекъ.

---

[1]) Просимъ исправить вкравшіеся въ немъ погрѣшности: на стр. 349—Теонъ, читай: «Пантеонъ»; — Salereno — читай: Санъ-Джовали Латерано; Palazzo de Coşari — дворецъ цезарей; Tanerani — читай: Тенерани; Fincli — Финелли; — стр. 352—Илимченъ—читай: Климченко.

СТРАДАНІЯ ПАСТОРА ЗЕЙДЕРА,

состоявшія въ его заточеніи, произнесеніи надъ нимъ приговора и ссылкѣ въ Сибирь,

имъ самимъ описанныя.

1800 г.

Переводъ съ нѣмецкой рукописи—автора.

Род. 1771 † 1834.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 461—490, напечатанъ переводъ нѣмецкаго письма Зейдера о его осужденіи и ссылкѣ въ Сибирь въ 1800 г.—письма, написаннаго имъ въ сентябрѣ 1800 г. изъ Сибири въ Казань, къ одному изъ своихъ знакомыхъ, и напечатаннаго въ Лейпцигѣ въ 1803 году. Предлагаемый нынѣ, также въ переводѣ съ нѣмецкаго, разсказъ принадлежитъ тому же Зейдеру и сохранился въ рукописи, у его престарѣлой дочери, живущей въ г. Гатчинѣ, и ею сообщенъ ред. «Русской Старины» для напечатанія на страницахъ этого изданія. Исполняемъ желаніе М. Ѳ. Зубахиной (рожд. Зейдеръ) тѣмъ охотнѣе, что хотя сущность разсказа, въ виду помянутаго письма, извѣстна читателямъ, но въ немъ много новыхъ хотя и мелкихъ, подробностей, а также лирическихъ отступленій—характеризующихъ какъ злополучнаго пастора Зейдера, такъ и то время, въ которое онъ безъ малѣйшей вины, по лживому доносу, вынесъ столь страшныя муки. Ред.

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.
Voltaire.

Нижеслѣдующія строки написаны мною по просьбѣ нѣкоторыхъ друзей, оставшихся въ Европѣ; строго придерживаясь правды, я съумѣлъ однако лишь въ слабомъ свѣтѣ изобразить тѣ безчисленныя, незаслуженныя страданія, какія мнѣ пришлось вынести. Лишь позднѣе мнѣ удалось собрать въ одно цѣлое отдѣльныя замѣтки, набросанныя въ немногихъ словахъ, такъ какъ жизнь среди преступниковъ, бряцаніе моихъ тяжелыхъ цѣпей, привлеченіе къ позорному столбу и всѣ ужасныя страданія—до того омрачили мои способности, что я часто не могъ дать себѣ отчета, дѣйствительно ли я тотъ самый человѣкъ, который нѣкогда былъ служителемъ алтаря и съ высоты каѳе-

дры 5,000-мъ слушателей проповѣдывалъ догматы любви и примиренія? Тотъ ли человѣкъ, религія котораго допускаетъ одну только любовь и милосердіе? Могли ли когда нибудь заслужить прощенія тѣ проступки, въ которыхъ меня обвиняли? Могло ли что нибудь загладить ихъ даже въ томъ случаѣ, если бы невинность моя была признана! Я былъ заклейменъ! я терпѣлъ невыразимыя мученія и без ъ вины страдалъ какъ сынъ, мужъ, отецъ, наставникъ и гражданинъ. Я думалъ, что въ снѣговыхъ степяхъ Сибири, мѣстѣ моей ссылки, мнѣ придется лишиться не только моихъ умственныхъ способностей, но что частыя слезы лишатъ меня и зрѣнія. О, вы, сильные духомъ, герои разума и вѣры, свѣтилы міра сего и руководители народа, которые, сидя на мягкихъ креслахъ, апостольскимъ гласомъ возвѣщаютъ гражданамъ рѣшеніе ихъ судьбы и учатъ съ покорностью переносить ея удары,—какъ бы смолкли ваши прекрасныя рѣчи, какъ бы вашъ спокойный взглядъ на дѣло уступилъ мѣсто ужасу, если бы вамъ пришлось на моемъ мѣстѣ и въ моемъ положеніи примѣнить къ дѣлу свою хваленую систему. Не подумайте, чтобы тѣ жалобы и слезы, которыя я передаю здѣсь читателю подъ вліяніемъ тяжкихъ воспоминаній, были признакомъ малодушія и слабости—о, нѣтъ! Мнѣ было тогда (въ 1800 г.) всего 29 лѣтъ[1]) и воспоминаніе о женѣ, матери, о моемъ ребенкѣ, о всемъ томъ, что составляло мое счастіе, наконецъ, воспоминаніе о моемъ дорогомъ приходѣ — все давало мнѣ чувствовать всю прелесть и всю цѣну только что начавшейся жизни человѣка и проповѣдника! Вы же, трактующіе въ своихъ статьяхъ a priori о необходимости презирать смерть въ несчастіи, называя неизвѣстныя вамъ страданія и горе—неизбѣжнымъ зломъ,—попробуйте подвергнуть себя той пыткѣ, какую перенесъ я; откажитесь навсегда отъ всѣхъ радостей и утѣхъ, какими вы дорожили какъ люди, мужья, отцы и духовники,—сдѣлайте все это, выстрадайте все то, что я выстрадалъ, и тогда напишите a posteriori трактатъ „о величіи души въ несчастіи".

О, Лифляндія! вторая мнѣ родина, какъ счастливо провелъ я восемь лѣтъ на твоей землѣ; ты замѣнила мнѣ мои родныя поля на берегу Прегеля. Среди твоихъ луговъ разцвѣла моя жизнь; проходя ее объ руку съ моей дорогой супругою, я предвкусилъ неземное блаженство.—Съ твоей земли, о, Лифляндія! я былъ изгнанъ безвозвратно, какъ преступникъ. И Ты, всевѣдущій Боже! отъ котораго не укроится то, что я пишу, Ты взвѣсилъ каждое мое слово, Ты будешь судить меня по моимъ дѣламъ. Ты нелицепріятный судья! передъ

---

[1]) Изъ этого видно, что Зейдеръ родился въ 1771 г., а не въ 1766 г., какъ это показано въ «Русской Старинѣ» (т. XXI, стр. 467, 490 и въ подписи подъ силуэтомъ Зейдера) на основаніи записки, сообщенной его племянницей и какъ напечатано въ брошюрѣ 1803 г. Ред.

Тобою, Господи, я грѣшникъ и заслуживаю наказанія, но я невиненъ предъ свѣтомъ! и, вѣрно, Ты современемъ обнаружишь мою невинность. Страданія мои тяжки, невыразимо тяжки, но Ты, ниспославшій ихъ, поможешь мнѣ и вынести ихъ. Ты хочешь испытать меня, о Боже мой! Но почему же Ты, милосердый Боже, избралъ для этого такое испытаніе, которое совершенно угнетаетъ меня, какъ человѣка и священника, передъ лицомъ всего свѣта? О великій, всесовершенный Боже, прости, прости ничтожнаго червя, пресмыкающагося передъ Тобою, за этотъ вопросъ; я не буду роптать, но стану съ покорностью ожидать моего освобожденія, того часа, когда я соединюсь съ Тобой! Тогда Ты откроешь мнѣ, почему Ты такъ направилъ меня. Сжалься надъ моею женою, моею матерью и ребенкомъ! Прими сиротъ подъ свое покровительство, и дай насущный хлѣбъ семьѣ несчастнаго изгнанника. Ежели намъ не суждено свидѣться на землѣ, то соедини насъ тамъ, гдѣ нѣтъ страданія и разлуки, гдѣ всякое горе переходитъ въ блаженство, и гдѣ мы рука объ руку будемъ славословить Тебя, всемилостиваго Бога, избавившаго насъ отъ всякаго зла и принявшаго насъ въ свое Небесное Царство! [1])

I.

Вскорѣ по полученіи мною мѣста священнослужителя въ Ранденѣ, въ началѣ 1792 г., я принялъ къ себѣ въ домъ пансіонерами нѣсколько мальчиковъ. Преподавая имъ нѣмецкій языкъ, я при каждомъ урокѣ прочитывалъ нѣкоторые отрывки изъ сочиненій нашихъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, и съ этою цѣлью выписалъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ сочиненій и въ томъ числѣ нѣкоторые популярные романы. Въ короткое время у меня составилась маленькая библіотека, обратившая вскорѣ вниманіе сосѣдей, которые просили одолжить то ту, то другую книгу. Мало по малу все было перечитано и многіе изъ знакомыхъ приступили ко мнѣ съ просьбою—устроить болѣе полную библіотеку, предлагая свое участіе въ издержкахъ и увѣряя меня, что сосѣдніе помѣщики не преминутъ присоединиться къ нашему кружку. Дѣло это устроилось весьма успѣшно; купивъ на деньги, собравшіяся отъ членскихъ взносовъ, новѣйшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ литературы, я имѣлъ удовольствіе содѣйствовать такимъ путемъ развитію вкуса и познаній моихъ подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ я этой библіотекой; но всему бываетъ конецъ; уже въ послѣдніе два года все труднѣе становилось пополнять ее новыми произ-

---

[1]) Эта молитва написана мною въ то время, когда я былъ уже за Ураломъ, на азіатской почвѣ т. е. въ Сибири. Зейдеръ.

веденіями. Введеніе въ Россіи при императорѣ Павлѣ цензуры, стѣснившей значительно литературу, было могильнымъ звономъ для сѣверной музы. Особенно враждебно относился къ литературѣ рижскій цензоръ Туманскій; онъ старался подавить всякое проявленіе человѣческаго ума и ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна свѣтлая мысль не проникла въ массу публики. При подобныхъ обстоятельствахъ всякій держалъ себя какъ можно осторожнѣе и я, съ своей стороны, пересталъ принимать новыхъ подписчиковъ и не возобновлялъ прежнихъ абониментовъ. Поэтому съ каждою почтою я получалъ посылки съ книгами, которыя возвращались мнѣ подписчиками. Одна изъ подобныхъ посылокъ была доставлена мнѣ въ довольно растрепанномъ видѣ и, по осмотрѣ, оказалось, что въ ней недоставало первой части „Вѣстника любви" [1]) Лафонтена, которая, судя по описи, должна была находиться тутъ же. Я обратился къ подписчику, приславшему мнѣ эти книги, письменно съ вопросомъ, не задержалъ ли онъ первой части этого сочиненія по ошибкѣ, и получилъ отъ него торжественное увѣреніе въ томъ, что онъ возвратилъ мнѣ это сочиненіе въ цѣлости. Поэтому, не оставалось сомнѣнія, что посылка была дорогою вскрыта и что, такимъ образомъ, исчезла вышеупомянутая книга. Надобно сказать, что въ то время всякій любитель чтенія дорожилъ тѣми произведеніями, какія ему удалось пріобрѣсти, и мнѣ было чрезвычайно обидно имѣть неполное сочиненіе Лафонтена, тѣмъ болѣе, что я не могъ достать его вновь въ книжныхъ магазинахъ, такъ какъ цензоръ Туманскій именно около этого времени объявилъ многія изъ лучшихъ произведеній запрещенными. Вслѣдствіе этого, я прибѣгнулъ къ наилучшему средству возвратить утраченную вещь—къ гласности, и напечаталъ въ «Дерптскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе о томъ, „что изъ посылки съ книгами, высланной мнѣ изъ имѣнія А.—въ Ранденскій пасторатъ, дорогою затерялась первая часть „Вѣстника любви" Лафонтена, и такъ какъ я имѣю всѣ слѣдующія части, то прошу того, кому въ руки попадется эта книга, возвратить мнѣ ее". Вскорѣ книга была прислана, но объявленіе, напечатанное мною въ газетѣ, было источникомъ моего несчастія. Газета попалась въ руки Туманскому; онъ объявилъ это сочиненіе Лафонтена запрещеннымъ и рѣшилъ принять относительно меня тѣ мѣры, которыя читателямъ моимъ я вслѣдъ за симъ сообщу.

Послѣ всего разсказаннаго мною, прошло уже столько времени, что я почти забылъ о случившемся, какъ однажды (24-го мая), въ то время, какъ я спокойно наслаждался въ моемъ саду утреннею про-

[1]) Gerold der Liebe.

хладой и благоуханіемъ фруктовыхъ деревъ, къ моему дому подъѣхалъ засѣдатель дерптскаго суда, Ренненкампфъ, мой хорошій знакомый и помѣщикъ трехъ моихъ слугъ; поэтому посѣщеніе его сначала нисколько меня не удивило, но онъ не замедлилъ объяснить мнѣ цѣль своего пріѣзда, и показалъ предписаніе генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи къ дерптскому суду, въ которомъ говорилось, что такъ какъ рижская цензура узнала изъ объявленія, помѣщеннаго въ «Дерптскихъ Вѣдомостяхъ», что пасторъ Зейдеръ изъ Рандена имѣетъ не только подозрительныя, но и запрещенныя книги, которыя онъ раздаетъ для чтенія, то цензура довела объ этомъ до свѣдѣнія его превосходительства, прося его повелѣть суду описать и опечатать библіотеку пастора Зейдера, представивъ опись ея въ рижскую цензуру. Согласно съ этимъ дерптскому суду было предложено исполнить требованіе рижской цензуры. Я смутился нѣсколько при чтеніи этого предписанія, однако не упалъ духомъ и, пройдя съ г. Ренненкампфомъ въ библіотеку, попросилъ его исполнить свою обязанность. Мой добрый знакомый спросилъ меня съ участіемъ: не нужно ли мнѣ что нибудь прибрать? но я отвѣчалъ ему, что такъ какъ мнѣ извѣстно, у меня нѣтъ ни одной запрещенной или вредной книги, то, слѣдовательно, мнѣ нечего прятать, и просилъ его поэтому переписать все безъ исключенія. Мы сѣли за столъ; послѣ обѣда нужно было составить протоколъ всей процедуры, и когда все это было кончено, Ренненкампфъ приступилъ къ опечатанію библіотеки. Только что онъ принялся протягивать веревки, которыя намѣревался припечатать къ полкамъ, какъ вошелъ совершенно неожиданно цензоръ Туманскій съ своимъ секретаремъ; его сопровождалъ окружной исправникъ Брюммеръ. Они объявили, что пріѣхали осмотрѣть мою библіотеку, на что г. Ренненкампфъ возразилъ, что это уже исполнено и передалъ имъ опись книгъ, спросивъ не имѣютъ ли они другаго предписанія? Отвѣта не воспослѣдовало, но секретарь принялся составлять новую опись. Тѣмъ временемъ г. Туманскій сѣлъ за поданную ему закуску, а я, совершенно спокойный, отправился въ комнату къ кандидату, жившему у насъ; у него я засталъ г. Брюммера, но онъ тотчасъ же вышелъ. Г. Юнгманъ (такъ звали кандидата) отвелъ меня въ сторону и, схвативъ меня за руку, сказалъ:

—„Другъ мой, не пугайтесь, но я имѣю къ вамъ порученіе отъ г. Брюммера".

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я съ испугомъ.

— „Вы должны отправиться въ Петербургъ".

Я испугался еще болѣе, но тотчасъ же постарался принять спокойный видъ, такъ какъ въ комнату снова вошелъ Брюммеръ. Онъ показалъ

мнѣ предписаніе объ отправленіи моемъ въ Петербургъ, переданное ему г. Туманскимъ. Предписаніе это было прислано цензору Туманскому его превосходительствомъ генер.-прокуроромъ отъ имени его величества, и въ немъ повелѣвалось ему отправиться въ Ранденъ, описать и опечатать тамошнюю библіотеку и препроводить ее въ Петербургъ одновременно съ владѣльцемъ книгъ. И такъ, оказалось, что Туманскій, кромѣ донесенія лифляндскому генералъ-губернатору, послалъ также рапортъ въ Петербургъ. — Я былъ сильно встревоженъ; но, сознавая свою правоту, полагалъ, что мнѣ нечего бояться, и обдумывалъ только какъ бы осторожнѣе сообщить это извѣстіе женѣ.—Я пошелъ къ ней и разсказалъ ей все случившееся. Вся въ слезахъ, она упала почти безъ чувствъ ко мнѣ на руки; я опасался припадка, что́ въ ея положеніи легко могло случиться, такъ какъ она надѣялась скоро вторично сдѣлаться матерью; однако, такъ какъ, не смотря на весьма доброе сердце, жена моя обладаетъ довольно твердымъ характеромъ, то она скоро успокоилась, сама пошла къ Туманскому и, взявъ его за руку, съ мольбою въ глазахъ сказала: „господинъ совѣтникъ, не сдѣлайте моего мужа несчастнымъ!“

Онъ увѣрялъ ее самымъ искреннимъ образомъ, что ей нечего бояться, что все это одна формальность и что я вернусь домой не позже какъ черезъ двѣ недѣли. Такъ какъ Брюммеръ, со своей стороны, подтвердилъ его увѣренія, то жена моя успокоилась, и принялась укладывать все нужное въ дорогу. Надобно сказать, что я самъ былъ совершенно спокоенъ на счетъ будущаго, да и могло ли быть иначе, когда совѣсть моя была чиста? Я призвалъ кистера и сдѣлалъ нужныя распоряженія касательно отправленія богослуженія въ мое отсутствіе. Между тѣмъ секретарь окончилъ опись моей библіотеки. (Всѣ мои научныя и богослужебныя книги также были описаны). Время подходило къ ужину, но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, цензоръ прочелъ опись книгъ и объявилъ запрещенными слѣдующія изъ нихъ. „Вѣстникъ любви“ Лафонтена, „О назначеніи человѣка“ Шпальдинга, „О вѣчномъ мирѣ“ Шпальдинга, и воскресныя проповѣди Ибергаста въ Ригѣ. На мой вопросъ—гдѣ и когда проповѣди эти были запрещены, цензоръ ничего мнѣ не отвѣчалъ, а на мое увѣреніе, что, по моему собственному взгляду, я не нашелъ въ нихъ ничего вреднаго, онъ возразилъ, что теперь не время разсуждать. Книги мои были связаны и уложены на телѣгу. Поужинавъ, всѣ поѣхали обратно въ Дерптъ, и я послѣдовалъ за ними на другой день, въ моей собственной каретѣ и въ сопровожденіи моей доброй жены. Проѣзжая мимо своихъ полей, я окинулъ радостнымъ взоромъ колыхаемый вѣтромъ, зеленѣвшій посѣвъ, не подозрѣвая, что мнѣ не

суждено было увидать его вновь!—По дорогѣ въ Дерптъ, жена, подъ наплывомъ горестныхъ чувствъ, съ нѣжностью прижала меня къ своей груди и, обнявъ меня, увѣряла въ своей любви; горячія слезы струились по ея молодымъ щекамъ, глаза ея съ упованіемъ обратились къ небу, она сказала мнѣ: „Папочка, не будемъ грустить, я увѣрена, что милосердый Богъ возвратитъ тебя ко мнѣ; вѣдь ты невиненъ, а Богъ—справедливый судья, я буду молиться за тебя; мы должны разстаться, но прошу тебя, не прими этихъ слезъ за признакъ женскаго малодушія: я должна выплакаться, излить всю накипѣвшую горесть, чтобы лучше владѣть собою въ минуту нашей разлуки!"—Она зарыдала еще сильнѣе и я плакалъ вмѣстѣ съ нею. Но вскорѣ она взяла меня за руку, повторяя слова утѣшенія: „не будемъ грустить, я помолюсь за тебя". Такъ говорила моя жена, бывшая для меня отрадой въ счастливые дни моей жизни, а теперь, въ минуту горя, запечатлѣвшая тихій поцѣлуй на моей поникшей головѣ.

Въ Дерптѣ мы остановились на почтовой станціи, гдѣ застали нѣсколькихъ членовъ суда; всѣ единогласно увѣряли, что опасаться нечего, и что они надѣются скоро увидѣться со мною. Между тѣмъ прибылъ фельдъегерь, присланный за мною, и торопилъ отъѣздомъ. Туманскій написалъ рапортъ, который онъ долженъ былъ представить въ Петербургъ.—Жена моя въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ снова просила его не дѣлать меня несчастнымъ. Относясь къ ней повидимому весьма доброжелательно, онъ увѣрялъ ее, что рапортъ его написанъ въ самомъ благопріятномъ для меня тонѣ, и что когда я буду оправданъ, въ чемъ онъ ни мало не сомнѣвается, я вѣроятно получу отъ императора вознагражденіе. Съ женою я могъ теперь говорить только въ присутствіи Туманскаго. Она обратилась къ фельдъегерю и со слезами на глазахъ, гладя его по щекамъ, просила беречь меня дорогою и позволить написать ей съ первой станціи. Дружески кивнувъ головою, онъ обѣщалъ все то, что намѣревался не сдержать. Одинъ изъ членовъ суда изготовилъ мнѣ и моему слугѣ паспортъ до Петербурга; я взялъ экстра-почту и на мѣстѣ заплатилъ деньги за себя и своихъ спутниковъ. Судя по всему этому, можно было предположить, что я совершаю эту поѣздку какъ человѣкъ вполнѣ свободный; однако я былъ уже въ неволѣ, ибо какъ только Туманскій передалъ меня фельдъегерю, этотъ послѣдній смотрѣлъ уже на меня какъ на арестанта и говорилъ со мною не иначе какъ повелительнымъ тономъ. Туманскій на скорую руку велѣлъ еще изготовить обѣдъ и просилъ насъ раздѣлить съ нимъ трапезу; но обоимъ намъ, отъ душевной тревоги, не шелъ кусокъ въ горло!

Увольте меня, добрѣйшіе читатели, отъ описанія минуты прощанья

съ моей любимою супругой; перо мое не въ силахъ передать того чувства, которое переполнило наши сердца. Прошло еще двѣ минуты, безмолвныя и въ то же время многорѣчивыя, только двѣ минуты— ничтожный промежутокъ времени, но цѣлая вѣчность по своему значенію—и мы разстались.... на вѣки!

Не желая обратить на себя вниманія въ маленькомъ городкѣ, я попросилъ моихъ спутниковъ послать мою карету къ городскимъ воротамъ, и пройти со мною по городу пѣшкомъ. Туманскій поддержалъ мою просьбу и не только былъ такъ добръ, что исполнилъ ее, но самъ сѣлъ въ карету съ моимъ слугою. Я попросилъ г. Ренненкампфа пройтись со мною, но секретарь ценсора, не довѣряя намъ, самъ пошелъ съ нами. Мы дошли скоро до того мѣста, гдѣ остановилась моя карета. Тутъ я съ грустью простился съ благороднымъ Ренненкампфомъ, и далъ ему еще нѣкоторыя порученія къ женѣ. Тяжело было у меня на сердцѣ, когда я садился въ карету рядомъ съ моимъ спутникомъ. Онъ перекрестился, пробормоталъ нѣсколько словъ и велѣлъ трогать.

II.

И такъ, я ѣду въ Петербургъ. Мои читатели знаютъ теперь какимъ образомъ я былъ арестованъ и вызванъ въ столицу. Г. Коцебу разсказываетъ въ своемъ: „Достопамятнѣйшемъ году" его жизни, что арестъ мой происходилъ при гораздо болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Но онъ разсказываетъ объ этомъ по слухамъ, которые обыкновенно бываютъ преувеличены, и поэтому легко могъ ошибиться. На второй станціи отъ Дерпта, въ Тармѣ, я попросилъ у моего провожатаго позволенія написать женѣ. Онъ согласился. Я перевелъ, какъ умѣлъ, мое письмо фельдъегерю, и отдалъ его станціонному смотрителю, обѣщавшему доставить его по адресу.

Провожатый мой спѣшилъ ѣхать и не далъ мнѣ отдохнуть ночь, въ чемъ я сильно нуждался. Вообще онъ обращался теперь со мною очень грубо и невѣжливо, и не отходилъ отъ меня ни на шагъ. Я долженъ былъ платить за все то, что онъ пожиралъ (я самъ почти ничего не ѣлъ).

На слѣдующій день, рано утромъ, мы прибыли въ Ямбургъ. Тутъ фельдъегерь дозволилъ мнѣ уснуть часа два; самъ же онъ такъ сладко спалъ въ каретѣ, что самые сильные толчки не могли разбудить его; при этомъ голова его не разъ ударялась о мою щеку и плечи. Въ ночь на Духовъ день, мы прибыли въ Стрѣльну,—послѣднюю станцію передъ Петербургомъ. Тутъ провожатый мой хотѣлъ переждать до слѣдующаго дня. Утомленный, онъ бросился на стоявшую въ комнатѣ пустую кровать, и не прошло нѣсколькихъ ми-

нуть, какъ онъ спалъ глубокимъ сномъ. Я не могъ послѣдовать его примѣру, но сталъ взадъ и впередъ ходить по комнатѣ. Невольно въ головѣ моей промелькнула мысль о побѣгѣ; но я негодовалъ за это на себя, и поспѣшилъ подавить въ себѣ эту безумную мысль.

Солнце взошло. Лѣса и луга огласились пѣніемъ птицъ; утро было прекрасное и я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Красоты окружающей меня природы и величіе праздника наполнили сердце мое благоговѣніемъ и оно излилось въ жаркой молитвѣ Творцу вселенной. Всѣ еще спали когда я вернулся; я разбудилъ моего слугу и велѣлъ подать себѣ кофе; желая раздѣлить его съ моимъ спутникомъ, я будилъ и его, но, не смотря на энергическія старанія, мнѣ не удалось вырвать его изъ объятій Морфея. Теперь я въ свою очередь сталъ торопить отъѣздомъ. Лишь только пробило шесть, мы пустились въ путь и поѣхали весьма быстро. Дорога отъ Стрѣльны до Петербурга застроена прекрасными дачами, въ которыхъ вельможи проводятъ лѣто, и я съ удивленіемъ слѣдилъ взоромъ за красивыми зданіями и парками, мелькавшими передо мною. Мы были уже въ двухъ верстахъ отъ столицы, какъ вдругъ заднее колесо нашего экипажа сломалось. Дурное предзнаменованіе,—подумалось мнѣ въ ту минуту. какъ я почувствовалъ сильный ударъ въ голову. Между тѣмъ какъ мой спутникъ хлопоталъ о починкѣ кареты, я прохаживался взадъ и впередъ по зеленой муравѣ, любуясь великолѣпными созданіями природы и искусства. Починка экипажа стоила мнѣ три рубля и задержала насъ на два часа.

Тоска и уныніе снова овладѣли мною, когда карета съ грохотомъ въѣхала въ городскія ворота и остановилась у гауптвахты. Мой фельдъегерь вышелъ изъ кареты и направился въ дежурную комнату, гдѣ онъ оставался очень долго. Съ нимъ вмѣстѣ появились два казака, сопровождавшіе нашу карету далѣе — верхомъ. Одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ насъ у перваго моста и мой спутникъ объяснилъ, что онъ поѣхалъ къ коменданту крѣпости; другой же продолжалъ ѣхать у нашего экипажа. Этотъ военный конвой такъ встревожилъ меня, что я просилъ фельдъегеря дозволить мнѣ выйти изъ кареты и пройтись пѣшкомъ. Онъ разрѣшилъ это. Мы подъѣхали къ дому генералъ-прокурора Обольяннова; тутъ казакъ оставилъ насъ. Мы съ фельдъегеремъ прошли наверхъ, а слуга мой остался во дворѣ при каретѣ. Около часу я пробылъ въ передней, гдѣ находились подчиненные, къ числу коихъ принадлежалъ и мой фельдъегерь. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы развозить предписанія генералъ-прокурора и такимъ образомъ они являются въ разныхъ концахъ имперіи, то вѣстниками радости, то горя. Наконецъ, меня провели въ отдѣленіе тайной канцеляріи и помѣстили на время въ длинной, узкой

комнатѣ, къ дверямъ которой былъ приставленъ часовой. Мое новое помѣщеніе выглядѣло пусто и непривѣтливо; не прошло часу какъ меня схватила лихорадка; утомленіе отъ непривычной быстрой ѣзды и сильное нравственное потрясеніе грозило разразиться болѣзнію. Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ, наконецъ, сильная рвота до того истомила меня, что я былъ вынужденъ лечь; каково-же было мое положеніе, когда я убѣдился, что кровать не только была въ высшей степени грязна, но что на ней кишѣли еще миріады отвратительнѣйшихъ насѣкомыхъ. Я не въ состояніи былъ лежать и, трясясь отъ холода, добрелъ до стула. Въ это время въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ изъ служившихъ въ канцеляріи; они выразили мнѣ свое сожалѣніе по поводу моей болѣзни, и обѣщали исполнить мою просьбу — прислать ко мнѣ слугу и лекарство, захваченное мною изъ дома; но оказалось, что они и не подумали сдержать своего слова. Наконецъ, явился секретарь тайной экспедиціи, тайный совѣтникъ Макаровъ [1]), человѣкъ весьма добрый и привѣтливый. Съ перваго взгляда я почувствовалъ къ нему большое довѣріе. Онъ сѣлъ возлѣ меня и ласково сообщилъ причину моего ареста, и предложилъ нѣсколько вопросовъ, касательно обвиненія, взведеннаго на меня цензурою. Я отвѣчалъ на всѣ его вопросы очень коротко, но опредѣленно. Тогда онъ сказалъ:

— „Будьте совершенно спокойны на счетъ исхода этого дѣла: оно въ хорошихъ рукахъ; мы пересмотримъ ваши книги и если въ числѣ ихъ найдутся запрещенныя, то васъ спросятъ, пріобрѣтены-ли онѣ вами до или послѣ запрещенія, не провезены-ли въ Россію тайнымъ образомъ и вообще, было-ли вамъ извѣстно о запрещеніи, наложенномъ на эти книги. Если по всѣмъ этимъ пунктамъ вы можете дать удовлетворительныя объясненія, то наказаніе, котораго вы можете ожидать, будетъ состоять въ томъ, что книги эти будутъ у васъ отобраны и ихъ предадутъ огню“.

Я совершенно успокоился, и если бы не мое болѣзненное состояніе, то подобныя увѣренія могли бы даже обрадовать меня. Г. Макаровъ, по моей просьбѣ, разрѣшилъ мнѣ принять лекарства. Взгля-

---

[1]) Александръ Семеновичъ Макаровъ, былъ тайн. сов., сенаторъ въ 4-мъ департ. сената, кавалеръ (съ 29-го мая 1799 г.) орд. Св. Анны 1-й ст., и, подъ начальствомъ ген.-прокурора Обольянинова, глав. лицемъ въ тайной экспедиціи.

При императорѣ Александрѣ I Макаровъ былъ членомъ ком. учр. 15-го сент. 1801 г. (въ день коронаціи государя) для пересмотра прежнихъ уголов. дѣлъ.

Тайная экспедиція при Павлѣ находилась въ вѣдѣніи ген.-прокурора и состояла въ 1801 г. изъ двухъ членовъ: Макарова (о которомъ выше) и дѣйств. ст. сов. Егора Борисовича Фукса (бывшаго правителя канцеляріи Суворова и автора исторіи Росс.-австр. компаніи 1799 г.). При нихъ былъ одинъ секретарь и два чиновника для посылокъ. (С.-Петербургскій адресъ-календарь, напечатанный въ янв. 1801 г. при имп. академіи наукъ, стр. 131). Кн. А. Л.

нувъ въ окно, выходившее во дворъ, я увидѣлъ какъ сняли съ кареты и унесли ящикъ съ книгами. Въ это же время принесли депеши, присланныя Туманскимъ по моему дѣлу, съ фельдъегеремъ. Прочитавъ ихъ, г. Макаровъ велѣлъ или, скорѣе, попросилъ меня (ибо всѣ слова его дышали кротостью и лаской) написать объясненіе по поводу взведеннаго на меня рижскою цензурою обвиненія касательно запрещенныхъ книгъ. Хотя я и ожидалъ подобнаго запроса, но меня чрезвычайно удивило, что онъ былъ сдѣланъ мнѣ именно теперь. Мнѣ приходилось оправдываться противъ обвиненія, которое, по самой сущности своей, не было мнѣ даже извѣстно; я долженъ былъ защищаться, когда мнѣ не было представлено никакихъ уликъ моего проступка. Это возмущало меня; поэтому я въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ объяснилъ г. Макарову, что я рѣшительно не знаю какъ писать объясненіе, когда мнѣ не сообщено никакихъ данныхъ о моемъ мнимомъ проступкѣ; поэтому я желаю, чтобы на допросѣ были изложены мнѣ обвинительные пункты, подкрѣпленные доказательствами, и чтобы тогда уже было выслушано мое оправданіе. На это г. Макаровъ отвѣчалъ, что отъ меня требовалось не оправданіе во взведенномъ на меня обвиненіи, но только разъясненіе фактовъ, подавшихъ поводъ къ этому обвиненію. Я не совсѣмъ понялъ этотъ отвѣтъ [1]), однако обѣщалъ исполнить его приказаніе, но такъ какъ я былъ слишкомъ слабъ, чтобы самому писать, то я попросилъ позволенія продиктовать кому нибудь. Онъ разрѣшилъ это и тотчасъ же прислалъ ко мнѣ писаря-нѣмца. Это былъ кроткій молодой человѣкъ, принявшійся за свое дѣло съ горячимъ участіемъ и сочувствіемъ, которое высказалось въ его просьбѣ не пропустить ничего, что могло бы послужить къ моему оправданію и доказать мою невинность. Я не могу теперь припомнить слово въ слово даннаго мною объясненія, но въ главныхъ чертахъ содержаніе его было слѣдующее:

„Когда, по приказанію его императорскаго величества, я былъ при-

---

[1]) Такъ какъ г. Макаровъ очень хорошо говорилъ по нѣмецки, то очевидно, что я не могъ не понять его по незнанію русскаго языка. Вообще объясненіе (по французски—exposé), которое требовалось отъ лицъ, попавшихъ въ руки тайной экспедиціи, было чрезвычайно неопредѣленное и становилось ловушкою для этихъ несчастныхъ, приводя ихъ скорѣе къ погибели, нежели къ помилованію. Нерѣдко случалось, что человѣкъ, попавшій въ руки тайной экспедиціи по одному только подозрѣнію, обвинялся на основаніи этого объясненія, написаннаго имъ самимъ, тогда какъ самые факты нимало не обличали его; въ такомъ случаѣ въ объясненіи находили слова, которыми онъ будто бы самъ признавалъ себя виновнымъ, и несчастный становился жертвою немилосердаго суда. Впрочемъ, все, что г. Макаровъ ни говорилъ и ни предпринималъ, все это дѣлалось по приказанію оберъ-прокурора Обольянинова, завѣдывавшаго тайною экспедиціей. Его же самого я не видалъ во все продолженіе моего слѣдствія. **Зейдеръ.**

везенъ въ Петербургъ къ его превосходительству, г. оберъ-прокурору Обольянинову, то тутъ я узналъ, что рижская цензура донесла ему, будто я содержалъ кабинетъ для чтенія и выдавалъ подписчикамъ запрещенныя книги, объ чемъ цензура будто-бы узнала изъ объявленія, помѣщеннаго мною въ „Дерптскихъ Вѣдомостяхъ". Господиномъ оберъ-прокуроромъ приказано мнѣ написать объясненіе по поводу этого обвиненія; не зная въ частности обвинительныхъ пунктовъ, я могу передъ Богомъ и по совѣсти привести въ свое оправданіе слѣдующее:

„Купивъ нѣсколько дѣльныхъ книгъ, я основалъ въ своемъ пасторатѣ маленькую библіотеку для чтенія, частью съ тѣмъ, чтобы способствовать развитію моихъ пансіонеровъ, состоявшихъ изъ дѣтей сосѣднихъ помѣщиковъ, частію для того, чтобы доходомъ съ нея улучшить свое матеріальное положеніе. Къ моему удовольствію, число подписчиковъ росло съ каждымъ годомъ; но когда введеніе цензуры въ 1798 г. нѣсколько стѣснило печать, то я рѣшилъ закрыть библіотеку и съ этихъ поръ считалъ книги моей личной собственностью. Такъ какъ нѣкоторые изъ подписчиковъ затеряли мнѣ кое-какія книги, то я помѣстилъ въ „Дерптскихъ Вѣдомостяхъ" объявленіе, прося тѣхъ, у кого находятся эти книги, возвратить ихъ мнѣ. Это объявленіе подало рижской цензурѣ поводъ обвинить меня во владѣніи запрещенныхъ книгъ. Но подобное обвиненіе ложно и несправедливо по слѣдующей причинѣ:

„Во первыхъ, сколько мнѣ извѣстно, списокъ запрещенныхъ книгъ никогда не былъ опубликованъ въ Лифляндіи, или сообщенъ по приказанію начальства владѣльцамъ библіотекъ. Поэтому никто не знаетъ какая книга запрещена, какая нѣтъ; слѣдовательно, меня нельзя обвинять въ нарушеніи закона, такъ какъ законъ этотъ мнѣ неизвѣстенъ, и я даже не знаю, что онъ существуетъ.

„Во вторыхъ, я не провозилъ въ Россію ни одной книги тайкомъ, а покупалъ всѣ изданія въ книжныхъ магазинахъ, поэтому меня нельзя заподозрить въ томъ, будто я умышленно пріобрѣталъ запрещенныя книги.

„Въ третьихъ, въ Лифляндіи начальство никогда не запрещало частнымъ лицамъ имѣть библіотеки; это очевидно изъ того, что тамъ и до сихъ поръ таковыя существуютъ, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи я не совершилъ никакого проступка.

„Къ этому нужно прибавить, что, по личнымъ моимъ взглядамъ на дѣло, я самъ старался пріобрѣтать для моей библіотеки только хорошія и полезныя сочиненія. Поэтому, я, какъ священнослужитель, для котораго истина священна прежде всего, утверждаю, что въ моей библіотекѣ завѣдомо не было ни одной вредной или предосудительной книги; все вышесказанное я подтверждаю клятвенно и пред-

ставляю на судъ. С.-Петербургъ, 28-го мая 1800 года. Фридрихъ Зейдеръ, пасторъ г. Рандена въ Лифляндіи".

Когда объясненіе это было закончено, то писарь унесъ его, чтобы дать перевести на русскій языкъ. Въ скоромъ времени г. Макаровъ пришелъ ко мнѣ съ этимъ переводомъ, сличилъ его съ оригиналомъ и сказалъ: „хорошо, очень хорошо; вы высказали все, что было нужно; благопріятный результатъ дѣла несомнѣненъ. Я тотчасъ-же съ курьеромъ пошлю ваше объясненіе его императорскому величеству въ Павловскъ". Успокоивъ меня еще разъ, г. Макаровъ удалился.

Я остался одинъ, и въ такомъ одиночествѣ прошелъ долгій, томительный часъ. Было три часа пополудни. Вблизи меня, кромѣ часоваго, не было живой души; всѣ чиновники уже разошлись изъ канцеляріи. Я думалъ, что проведу здѣсь цѣлый день, какъ вдругъ снова вошелъ въ мою комнату г. Макаровъ и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Ну-съ, господинъ пасторъ, не падайте духомъ, ваше дѣло навѣрно окончится хорошо". Онъ долго говорилъ въ этомъ тонѣ и наконецъ присовокупилъ: „Вы не можете долѣе оставаться здѣсь, это помѣщеніе слишкомъ неудобно; я прикажу проводить васъ на другую квартиру, гдѣ вамъ будетъ покойнѣе и удобнѣе, и гдѣ я навѣщу васъ сегодня же". Съ этими словами онъ вручилъ офицеру, бывшему тутъ-же, какое-то письмо и приказалъ ему сопровождать меня. Я поблагодарилъ его за вниманіе, полагая, что меня помѣстятъ въ какомъ нибудь частномъ домѣ до тѣхъ поръ, покуда дѣло мое не будетъ рѣшено. Прощаясь со мною, г. Макаровъ казался тронутымъ; тою-же ласкою и добротою, какой дышали всѣ его слова, былъ проникнутъ и его прощальный привѣтъ. Спустившись съ лѣстницы, меня провели черезъ улицу къ Мойкѣ, каналу, впадающему въ Неву. Тутъ была приготовлена шлюпка; на набережной стоялъ слуга съ моимъ сундукомъ. Не прошло двухъ минутъ, какъ я со всѣмъ моимъ имуществомъ былъ уже въ шлюпкѣ; офицеръ сѣлъ возлѣ меня и гребцы отчалили. Громкій говоръ человѣческихъ голосовъ на берегу, роскошные дома, мелькавшіе мимо меня, и тихое журчанье волнъ— все это отвлекало мое вниманіе, не давая мнѣ вдумываться въ настоящее печальное положеніе. Я хотѣлъ подѣлиться впечатлѣніемъ съ моимъ спутникомъ и предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, но онъ молчалъ, упорно смотря впередъ.

III.

Мы плыли довольно долго, нигдѣ не останавливаясь, какъ вдругъ я былъ пораженъ развернувшейся передъ нами широкою водною полосой. Наша шлюпка плыла по Невѣ. Мѣстность была мнѣ незнакома, поэтому я все еще не зналъ куда мы направлялись. Гребцы держали прямо къ какой-то высокой башнѣ; когда мы подошли къ ней ближе, я замѣтилъ, что ее окружало нѣсколько высокихъ зданій, и, казалось, всѣ они были обнесены укрѣпленіями, такъ какъ я уже издали ясно могъ различить стѣну, усаженную пушками. Въ головѣ моей промелькнула мрачная картина, но въ эту самую минуту раздалась команда рулеваго, весла были приняты и шлюпка причалила. Офицеръ поднялся со мною по лѣстницѣ, подножіе которой омывалось волнами Невы. Наверху встрѣтилъ насъ другой офицеръ, по видимому, высокаго чина. Мой провожатый передалъ ему письмо г. Макарова; прочитавъ его, офицеръ приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Мы прошли по подъемному мосту черезъ большія стѣнныя ворота на большую площадку, со всѣхъ сторонъ окруженную укрѣпленіями. Тутъ мой спутникъ пріостановился на нѣсколько секундъ, какъ-бы желая дать мнѣ время ознакомиться со всѣмъ окружающимъ. Этого мгновенія было достаточно, чтобы дать мнѣ вздохнуть свободнѣе и придти въ себя. Гдѣ ты находишься? съ ужасомъ задалъ я себѣ вопросъ, и все давало мнѣ страшный отвѣтъ: „въ крѣпости". Жгучее чувство, котораго я не въ состояніи описать, подобно молніи потрясло всѣ мои нервы и задержало біеніе сердца; я стоялъ какъ окаменѣлый. Офицеръ предложилъ идти далѣе и провелъ меня по длинному корридору въ комнату, предназначенную мнѣ въ жилище; тутъ только замѣтилъ я, что за мною слѣдовалъ и слуга съ моимъ сундукомъ. Комнатка, имѣвшая шесть шаговъ въ окружности, была довольно чистенькая и свѣтлая; окно выходило на площадку, откуда постоянно доносился стукъ отъ производившейся тамъ плотничьей работы; оно было задѣлано рѣшеткой и, кромѣ того, стекла замазаны бѣлой краской, такъ что на дворъ ничего не было видно. Въ комнатѣ стояла кровать съ матрасомъ, одѣяломъ и подушкою, столъ и два стула. Такъ выглядѣло мое новое жилище; къ нему былъ приставленъ строгій караулъ: въ комнатѣ стоялъ солдатъ, впрочемъ, безъ оружія; за дверьми двое другихъ, съ обнаженными саблями, и еще двое въ концѣ длиннаго корридора, также съ оружіемъ въ рукахъ. Ко мнѣ вошелъ офицеръ, которому я былъ переданъ (онъ былъ въ чинѣ маіора и наблюдалъ за государственными преступниками); его

сопровождалъ вахмистръ, который, по его приказанію, отобралъ у меня всѣ сколько нибудь опасныя вещи; обыскъ этотъ онъ произвелъ весьма тщательно и не только забралъ мой маленькій ножъ, печатку, карандашъ, лорнетку и все, что было у меня въ карманѣ, но снялъ еще пряжки съ моихъ брюкъ—словомъ, ограбилъ меня до послѣдней возможности, при чемъ мнѣ пришлось раздѣться до бѣлья. Въ заключеніе самъ маіоръ потребовалъ мой бумажникъ и часы. Когда все такимъ образомъ было у меня отобрано, дѣло дошло до моихъ вещей. Чтобы произвести необходимый обыскъ моего сундука, маіоръ потребовалъ отъ него ключъ; но такъ какъ я возсталъ противъ этого и попросилъ позволить мнѣ самому отпереть сундукъ и вынуть все, что потребуютъ, то маіоръ былъ настолько любезенъ—изъявилъ на это свое согласіе и оставилъ ключъ въ моихъ рукахъ. Я самъ вынулъ изъ сундука всѣ вещи, и вахмистръ, по приказанію маіора, взялъ мои бритвы, ножницы, гребенки и все, что у меня было изъ письменныхъ принадлежностей. Всѣ эти вещи, включая и мой бумажникъ, были связаны вмѣстѣ и отданы вахмистеру. Затѣмъ былъ осмотрѣнъ мой слуга, но при немъ не нашли ничего, кромѣ складнаго ножа, который также былъ отобранъ и присоединенъ къ моимъ вещамъ. Маіоръ объяснилъ мнѣ, что мой бумажникъ, съ находившимися въ немъ деньгами (за путевыми расходами ихъ оставалось еще 35 руб.), будетъ находиться у него на сохраненіи. Онъ потребовалъ и остальныя мои деньги, коихъ оказалось около трехъ рублей серебряной монетой, и присовокупилъ, чтобы я обращался къ нему всякій разъ какъ мнѣ что нибудь понадобится во время моего пребыванія здѣсь, обѣщая покупать самъ все необходимое и при моемъ освобожденіи представить мнѣ въ этомъ счетъ. Его слова были для меня закономъ—я подчинился имъ безъ ропота. Наконецъ, отъ меня отдѣлили и моего слугу, обѣщая однако допускать его ко мнѣ всякій разъ какъ мнѣ понадобятся его услуги.

Затѣмъ всѣ удалились, исключая солдата, стоявшаго въ моей комнатѣ на часахъ и который смѣнялся каждые два часа. Оставшись одинъ, я, не помня себя, бросился на кровать, и долго лежалъ какъ бы въ забытьи; первыя минуты прошли въ какомъ-то неопредѣленномъ, почти безсознательномъ состояніи; наконецъ, глубокій вздохъ, вырвавшійся изъ моей стѣсненной груди, вызвалъ меня изъ безпамятства. Я сталъ обдумывать все случившееся со мною въ послѣднія минуты, и сознаніе это до того возмутило меня, что я вскочилъ съ постели, проникнутый отвагою и какою-то геройскою рѣшимостью, характеризующею обыкновенно людей невинныхъ. Во мнѣ пробудились новыя силы и новая энергія; какъ желалъ я, чтобы въ эту минуту

вошли мои судьи и выслушали меня. Я сказалъ-бы имъ всего десять словъ; три вопроса и три отвѣта рѣшили-бы мою участь и отворили-бы двери моей темницы. Все это и еще многія другія мысли, внушенныя сознаніемъ моей невинности, приходили мнѣ въ голову, въ то время, какъ я шагалъ взадъ и впередъ по своей каморкѣ. Но увы! всѣ мои мысли и вся эта необычайная энергія не были плодомъ спокойнаго мышленія человѣка, здороваго тѣломъ и душою, который можетъ спокойно обсуждать человѣческіе поступки и приходить къ логичнымъ заключеніямъ; я былъ въ возбужденномъ состояніи, вызванномъ сильною душевною тревогою; разгоряченная кровь, взволнованная еще болѣе того пыткою, какую мнѣ пришлось выносить цѣлый день, прилила къ головѣ, переполнила мозговые сосуды, и прервала ходъ моихъ мыслей—измученный и дрожа въ лихорадкѣ, я опустился на кровать и забылся въ болѣзненной дремотѣ.

Я лежалъ еще въ этомъ безчувственномъ состояніи, когда часы на башнѣ пробили шесть. Съ послѣднимъ ударомъ во мнѣ блеснула мысль, которая нѣсколько оживила меня; я припомнилъ обѣщаніе г. Макарова посѣтить меня сегодня въ моемъ новомъ помѣщеніи; это радостное для меня воспоминаніе нѣсколько успокоило меня. Съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ сталъ я ожидать его прихода; первыя четверть часа прошли въ надеждѣ, во вторыя я началъ сомнѣваться; наконецъ, прошло полчаса и въ комнатку вошелъ г. Макаровъ. Съ приходомъ его мнѣ сдѣлалось такъ хорошо, какъ будто передо мною явился ангелъ—вѣстникъ мира Онъ сѣлъ возлѣ моей кровати, съ которой я не имѣлъ силъ подняться, и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами, въ которыхъ высказывалось его благородное, доброе сердце:

— „Не тревожьтесь, г. пасторъ, тѣмъ, что я препроводилъ васъ сюда; конечно, пребываніе въ этомъ мѣстѣ тяжко для васъ, но вѣдь одно только названіе „крѣпость“ звучитъ такъ страшно. Покуда ваше дѣло не будетъ рѣшено, вы всячески находитесь подъ арестомъ, и такъ какъ до того времени при васъ долженъ быть караулъ, то для васъ лучше находиться здѣсь, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ въ городѣ, гдѣ ваша личность и вашъ арестъ болѣе обратили бы вниманіе общества. Эти стѣны, какъ бы онѣ ни казались вамъ страшны, не могутъ ухудшить вашего положенія; но, отдѣляя васъ отъ взоровъ толпы, онѣ дадутъ вамъ собраться съ духомъ, чтобы съ твердостью и терпѣніемъ ожидать рѣшенія вашего дѣла“.

Я спросилъ его—былъ ли я переведенъ сюда по повелѣнію императора? При утвердительномъ отвѣтѣ, дрожь пробѣжала у меня по всему тѣлу; онъ замѣтилъ это и, тронутый, сказалъ мнѣ: „Не тревожь-

тесь, надѣйтесь на все хорошее. Ваше дѣло, безъ сомнѣнія, окончится благополучно; вы обвиняетесь въ уголовномъ преступленіи и волей неволей должны терпѣть заключеніе. Завтра уже можетъ быть получена изъ Павловска резолюція по поводу даннаго вами письменнаго объясненія. Вмѣстѣ съ нею, безъ сомнѣнія, будетъ полученъ и приказъ о вашемъ освобожденіи, о чемъ я немедленно сообщу вамъ".

Я излилъ передъ нимъ мои жалобы по поводу настоящаго моего горестнаго положенія, которое я терпѣлъ безъ вины, и говорилъ такъ убѣдительно и горячо, что, по его собственному признанію, каждое мое слово трогало его до глубины души; въ особенности я высказалъ желаніе быть вызваннымъ къ допросу, чтобы имѣть случай оправдаться, и спросилъ его: будетъ ли назначена коммисія для изслѣдованія дѣла? Но г. Макаровъ, по опыту зная ходъ судебныхъ процессовъ, отвѣчалъ мнѣ крайне неопредѣленно; краснорѣчивѣе говорило его многознаменательное молчаніе. Впрочемъ, онъ разрѣшилъ мнѣ прогуливаться въ саду, разведенномъ внутри крѣпости, и дозволилъ писать женѣ. Я отъ души благодарилъ его за его доброту, но объявилъ, что воспользуюсь послѣднимъ позволеніемъ лишь тогда, когда буду имѣть возможность писать ей, какъ человѣкъ свободный.

Г. Макаровъ обратился къ вышеупомянутому маіору, который во все время нашей бесѣды находился въ моей комнатѣ, и говорилъ ему что-то тономъ, не допускавшимъ, по видимому, возраженія. Ихъ разговоръ, насколько я могъ понять, касался меня, и очевидно распоряженія г. Макарова клонились въ мою пользу, такъ какъ съ этой минуты до моего отъѣзда изъ крѣпости маіоръ былъ со мною чрезвычайно предупредителенъ и любезенъ. Г. Макаровъ удалился; прощаніе съ нимъ потрясло меня и его послѣднія слова долго еще звучали въ моемъ сердцѣ. Съ достоинствомъ и съ неподдѣльнымъ чувствомъ незабвенный этотъ человѣкъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „Будьте здоровы, г. пасторъ, и насколько возможно постарайтесь быть покойны.—Да подкрѣпитъ васъ Господь; вы служитель церкви и знаете, что̀ можетъ доставить человѣку лучшее утѣшеніе; поэтому въ несчастіи вы сами найдете лучшее утѣшеніе. Не падайте духомъ и уповайте на Бога, который не оставляетъ правыхъ своею помощью". При этихъ словахъ на глазахъ достойнаго человѣка показались слезы и на кроткихъ чертахъ его мужественнаго, красиваго лица отразилось горе; вздохнувъ, онъ отвелъ съ меня взоръ, исполненный печали, и удалился.

Подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ мною тяжкихъ минутъ, я, оставшись одинъ, бросился на колѣни и облегчилъ свое стѣсненное сердце въ жаркой молитвѣ и въ цѣломъ потокѣ слезъ. Что бы ни говорили

философы и стоики о твердости духа въ несчастіи и о презрѣніи къ страданію и горю, я же утверждаю, что слезы доставляютъ большое облегченіе невинному страдальцу, а молитва дала мнѣ силу и крѣпость спокойнѣе обдумать свое положеніе и надѣяться на будущее.

Облегченный и успокоенный, я захотѣлъ воспользоваться большей свободою. Но была ли на это возможность? О, да! я имѣлъ право пользоваться свободнымъ воздухомъ и теперь именно мнѣ захотѣлось насладиться имъ. Дѣло было къ вечеру и въ моей одинокой комнаткѣ начинало смеркаться; поэтому я рѣшилъ совершить вечернюю прогулку по саду и сообщилъ объ этомъ часовому. Прошло съ полчаса, покуда о моей просьбѣ донесли маіору и его разрѣшеніе было передано сначала вахмистру, а затѣмъ моему часовому. Наконецъ меня выпустили и хотя за мною шагалъ солдатъ съ обнаженною саблею, слѣдившій за каждымъ моимъ шагомъ, тѣмъ не менѣе прогулка по крѣпостному саду доставила мнѣ огромное наслажденіе. Садъ былъ небольшой и разбитъ по весьма простому плану, однако нѣсколько площадокъ, засаженныхъ фруктовыми деревьями, образовали небольшія аллеи, а къ восточной стѣнѣ прилегала хорошенькая бесѣдка съ дерновою скамьей. Читатель легко пойметъ, что я здѣсь думалъ и чувствовалъ. Вечеръ былъ такъ же прекрасенъ, какъ и утро этого дня; всѣ предметы, какъ бы въ праздничномъ одѣяніи, были подернуты нѣжнымъ розоватымъ отблескомъ. Теплое дуновеніе чистаго, свѣжаго воздуха укрѣпило мои нервы и вознесло мои мысли къ Создателю вселенной, въ чьихъ рукахъ была моя судьба! Солнце садилось, но увы! до меня не достигъ ни одинъ его прощальный лучъ! Высокая стѣна ограничивала поле зрѣнія, мѣшая мнѣ любоваться природою; тѣмъ не менѣе, я долго еще просидѣлъ въ этомъ зеленомъ убѣжищѣ. Красноватымъ отблескомъ горѣлъ уже позолоченный шпицъ крѣпостной церкви въ лучахъ заходящаго солнца; съ башни раздался мѣрный, гармоничный звонъ колоколовъ: пробило девять и на крестѣ потухла послѣдняя сверкавшая искра. Нерѣдко теперь, когда лучи заходящаго солнца заглядываютъ ко мнѣ въ окно, въ моемъ воображеніи живо рисуется воспоминаніе тѣхъ одинокихъ, безмолвныхъ вечернихъ прогулокъ, и слезы мои платятъ имъ невольную дань. Прохаживаясь, поникнувъ головою, между цвѣтами и зеленѣющими фруктовыми деревьями, я думалъ о томъ, какъ спокойно и радостно провелъ я праздникъ Троицы въ прошломъ году; какъ вечеромъ въ этотъ великій праздникъ я сидѣлъ въ своемъ саду, окруженный моею юною женой, моимъ прелестнымъ ребенкомъ и близкими друзьями; какъ расторопные слуги, подъ надзоромъ хозяйки дома, накрывали въ саду къ ужину, и какъ мы, наконецъ, принялись за сельскую трапезу, и дружески

бесѣдовали до тѣхъ поръ, покуда луна не взошла на небѣ; подавленный этими мыслями и воспоминаніями счастливаго прошлаго, и отдѣленный отъ остальнаго міра крѣпкими стѣнами, я возвелъ руки къ тому же лазоревому небу и, удрученный горемъ—не могъ молиться! О, простите меня, дорогіе мои читатели, за то, что я вызываю въ своей памяти эти печальныя картины—простите меня и отнеситесь съ сочувствіемъ къ разсказу о пережитомъ мною тяжкомъ испытаніи.

Наконецъ, когда очертанія окружающихъ предметовъ начали меркнуть, я оставилъ садъ и еще съ добрый часъ расхаживалъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Тщетно призывалъ я на помощь сонъ; читать было нечего, вступить въ разговоръ съ часовымъ также не удалось, такъ какъ на всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ лаконически: не знаю. Около полуночи, измученный, я бросился на постель; отяжелѣвшія вѣки мои сомкнулись и безмолвная ночь окружила своимъ теннымъ покровомъ ложе невиннаго страдальца!

Рано утромъ меня навѣстилъ маіоръ и весьма любезно освѣдомился о моемъ здоровьѣ. Чувствуя себя чрезвычайно слабымъ, я просилъ прислать мнѣ доктора, что̀ онъ обѣщалъ исполнить, спросивъ въ то же время—не нуждаюсь ли я еще въ чемъ нибудь? Я попросилъ чаю, который былъ тотчасъ же присланъ. Въ 12 часовъ вахмистръ принесъ мнѣ обѣдъ, состоявшій изъ миски щей, въ которыхъ плавали мелко нарѣзанные куски маса, и тарелки крутой гречневой каши. Къ этому прилагался кусокъ чернаго хлѣба и деревянная ложка. Вахмистръ всталъ у стола съ ножомъ въ рукахъ, объяснивъ, что будетъ рѣзать мнѣ хлѣбъ, такъ какъ мнѣ нельзя дать ножа въ руки. Я отказался отъ его услугъ, частью потому, что это оскорбляло мое человѣческое достоинство, частью потому, что не чувствовалъ ни малѣйшаго аппетита, и, взглянувъ на поданныя кушанья, окончательно потерялъ всякую охоту къ ѣдѣ, при одной мысли о томъ, какъ они были приготовлены. Поэтому я велѣлъ все унести, что̀ было исполнено безъ возраженія, и просилъ позвать ко мнѣ маіора. Когда онъ пришелъ, то я объявилъ ему, что не буду пользоваться крѣпостнымъ столомъ, а просилъ ежедневно покупать на мои деньги французскій хлѣбъ, немного сыра и бутылку вина для моего подкрѣпленія. Это было исполнено и я питался такимъ образомъ все время моего пребыванія въ крѣпости. Послѣ обѣда онъ привелъ ко мнѣ доктора; это былъ нѣмецъ, по фамиліи Гассе (Hasse). Врачъ не можетъ не быть филантропомъ,—подумалъ я, и попытался описать ему мое тяжкое положеніе въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, стараясь возбудить его участіе; но онъ отнесся ко мнѣ чрезвычайно холодно и равнодушно, былъ весьма сдержанъ и неразговорчивъ и отдѣлался

общими замѣчаніями о моей болѣзни; а когда я заговорилъ съ нимъ о моемъ несчастномъ дѣлѣ, то онъ только пожалъ плечами и сказалъ наставительнымъ тономъ: „Вамъ лучше всего знать, на что вы можете расчитывать; императоръ милостивъ".—„И, безъ сомнѣнія, справедливъ",—добавилъ я. Онъ промолчалъ, приказавъ въ это время часовому открыть верхнюю часть окна, чтобы впустить въ комнату свѣжаго воздуха. Обѣщая прислать мнѣ лекарства, докторъ холодно и сухо простился со мною. Я объяснилъ его нечувствительное обращеніе со мною тѣмъ, что, можетъ быть, онъ не могъ обращаться со мною иначе въ присутствіи маіора, можетъ быть—считалъ меня дѣйствительно за преступника. Лекарство, которое мнѣ вскорѣ принесли, произвело свое дѣйствіе: на другой день мнѣ стало замѣтно лучше; здоровье и силы возвращались мало по малу. Я нуждался въ отдыхѣ и силахъ, для того чтобы перенести готовившуюся мнѣ тяжкую судьбу. Впрочемъ, время, проведенное мною въ крѣпости, было чѣмъ-то среднимъ между жизнью и смертью. Маіоръ навѣщалъ меня ежедневно и за стаканомъ вина разсказывалъ мнѣ исторію своей семьи, въ которой я ничего не могъ понять. Мы всегда гуляли вмѣстѣ по саду и я имѣлъ счастіе тронуть его до слезъ своимъ разсказомъ о моей счастливой жизни въ Лифляндіи. Вообще нужно отдать справедливость, что онъ былъ человѣкъ весьма добродушный и привѣтливый и принималъ искреннее участіе въ моемъ положеніи.

Въ другое время я призывалъ моего слугу и съ нимъ мы бесѣдовали какъ товарищи по несчастію, утѣшали другъ друга мечтами о скоромъ освобожденіи и всегда разставались съ надеждою увидѣться слѣдующій разъ на свободѣ. Увы! день моего освобожденія, тотъ день, въ который я надѣялся быть возвращеннымъ обществу, былъ вычеркнутъ изъ ряда текущаго времени.

Вмѣсто него приближался страшный, роковой день моей гибели; въ этотъ день были презрѣны самыя священныя основы человѣческаго общества: невинность человѣка, правосудіе монарха и сила закона. Что же оставалось мнѣ въ утѣшеніе, на что я могъ надѣяться? Тщетно геній невинности и правосудія простиралъ мнѣ свои спасительныя объятія, тщетно взывалъ къ милосердію голосъ любви и дружбы—жребій былъ брошенъ, и надо мною виталъ грозный лозунгъ—смерть и погибель.

IV.

Я приближаюсь теперь къ самымъ тяжкимъ минутамъ моей жизни; я долженъ буду коснуться такихъ фактовъ, которые остаются необъясненными въ книгѣ человѣческихъ судебъ, и такихъ сценъ и событій, описаніе коихъ невольно заставляетъ содрогнуться отъ ужаса. Съ чего начать мнѣ описаніе этихъ мрачныхъ, безпримѣрныхъ сценъ, и чѣмъ ихъ закончить? Хватитъ ли мнѣ силъ разсказать все то, что я выстрадалъ? съумѣю ли я передать бумагѣ страшныя картины, вызванныя во мнѣ воспоминаніемъ прошлаго? Мои страданія извинятъ меня передъ вами, читатель, въ томъ, что я на минуту оставляю перо, чтобы приготовиться къ этому тяжелому труду. Соберитесь и вы съ духомъ, чтобы разсказъ о моихъ невѣроятныхъ страданіяхъ не произвелъ на васъ слишкомъ тяжелаго впечатлѣнія.

На пятый день моего пребыванія въ крѣпости, въ мою комнату вошелъ вышеупомянутый маіоръ, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, и пригласилъ меня слѣдовать за этимъ послѣднимъ. Въ то же время онъ передалъ ему всѣ вещи, отобранныя у меня въ крѣпости, а равно и оставшіяся деньги, представивъ мнѣ предварительно подробный счетъ всего истраченнаго. Не медля ни минуты, я собрался въ путь, не зная и не спрашивая даже куда поведетъ меня чиновникъ. Сердце у меня сильно билось; слава Богу,—думалось мнѣ,—ты скоро выслушаешь свой оправдательный приговоръ и будешь возвращенъ любимой супругѣ и твоему ребенку. Увы! приближался, напротивъ, самый роковой часъ моей жизни! — Чиновникъ просилъ поспѣшить; я заторопился и черезъ десять минутъ былъ готовъ слѣдовать за нимъ. Ко мнѣ ввели моего слугу, и между тѣмъ какъ двое солдатъ выносили мой сундукъ, и я хотѣлъ проститься съ маіоромъ, онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня съ выраженіемъ искренняго состраданія и такъ сильно прижалъ меня къ своей груди, что мнѣ даже сдѣлалось больно. Отъ полноты чувства онъ не могъ вымолвить ни слова на прощанье; казалось, будто этотъ человѣкъ предугадывалъ мою горькую участь, или, можетъ быть, онъ даже зналъ объ ней; такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ я въ послѣдствіи его трогательное прощанье. Меня снова посадили въ шлюпку, ожидавшую на томъ мѣстѣ, гдѣ я былъ высаженъ пять дней тому назадъ; но этотъ разъ мы плыли по Невѣ недолго. На набережной ожидала насъ кибитка, въ которую я усѣлся, по приглашенію чиновника; на меня набросили цыновку, такъ что я былъ весь покрытъ ею, и мой спутникъ сѣлъ рядомъ со мною. На мой вопросъ—куда мы ѣдемъ, онъ отвѣчалъ: въ

юстицъ-коллегію. Минутъ десять спустя, кибитка остановилась у высокаго зданія. Чиновникъ велѣлъ мнѣ выйти и мы поднялись на крыльцо; нѣсколько минутъ мнѣ пришлось прождать въ сѣняхъ, а затѣмъ меня провели въ нижній этажъ. Тутъ встрѣтилъ меня прокуроръ юстицъ-коллегіи, г. Фриціусъ (Friccius), человѣкъ весьма привѣтливый, который тревожнымъ и смущеннымъ голосомъ спросилъ меня—имѣю ли я съ собою облаченіе? На мой отвѣтъ, что оно лежитъ въ моемъ сундукѣ, онъ возразилъ: „оставьте его, вотъ мантія и воротникъ, надѣньте ихъ". Онъ самъ помогъ мнѣ облачиться и при этомъ замѣтно дрожалъ. Тутъ только я началъ подозрѣвать что-то страшное: холодная дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ членамъ, я услыхалъ за дверьми бряцанье цѣпей и задрожалъ еще сильнѣе. „Вы находитесь здѣсь передъ императорской юстицъ-коллегіей", сказалъ мнѣ прокуроръ и съ этими словами поднялся въ залу засѣданія, откуда онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Двери растворились и тотчасъ я вошелъ въ залу. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ; двое изъ нихъ, занимая первыя мѣста, имѣли орденскія ленты, а напротивъ нихъ сидѣли два священника. Глаза мои подернулись влажнымъ туманомъ, скрывшимъ отъ меня всѣ прочіе предметы; въ комнатѣ царствовала страшная тишина. Сдѣлавъ еще два шага, я остановился у одной колонны, недалеко отъ дверей. Наконецъ, на средину комнаты выступилъ секретарь и развернулъ какую-то бумагу. Его порывистыя движенія обличали происходившую въ немъ внутреннюю борьбу. Онъ началъ читать, а я со вниманіемъ слѣдилъ за его словами, напрягая всѣ свои усилія къ тому, чтобы услышать свой оправдательный приговоръ. Но Боже! что́ же я услыхалъ? Изреченіе . . .! Прочтите слѣдующія слова, и не забывайте, читатель, что всѣ мы одинаково люди.

— „Такъ какъ до свѣдѣнія его императорскаго величества дошло", гласилъ ужасный приговоръ, „что пасторъ Зейдеръ изъ Рандена въ Лифляндіи имѣетъ и раздаетъ для чтенія запрещенныя книги, то онъ высочайше повелѣть соизволилъ опечатать книги пастора Зейдера и препроводить ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ С.-Петербургъ къ генералъ-прокорору; когда это было исполнено и пасторъ Зейдеръ далъ письменное объясненіе дѣла, то его императорское величество повелѣлъ юстицъ-коллегіи: такъ какъ пасторъ Зейдеръ поступалъ противъ высочайшаго распоряженія [1]), то судить его какъ преступника и

---

[1]) Распоряженіе это, какъ я уже говорилъ выше, ни разу не было опубликовано въ Лифляндіи. Зейдеръ.

нарушителя закона, приговорить къ тѣлесному наказанію, и сослать въ Нерчинскъ на каторжную работу.—Согласно съ этимъ, юстицъ-коллегія постановила: по повелѣнію его императорскаго величества, приговорить пастора Зейдера къ тѣлесному наказанію 20-ю ударами кнута и сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ, предварительно лишивъ его духовнаго сана присутствующимъ здѣсь пробстомъ Рейнботомъ."

Секретарь еще не докончилъ чтенія, какъ сильныя судороги заставили меня прислониться къ стѣнѣ; но я еще не потерялъ сознанія, когда священники встали, и пробстъ Рейнботъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „Симъ лишаю васъ вашей должности и духовнаго сана, и разрѣшаю васъ отъ данной вами присяги и связанныхъ съ нею обязанностей священнослужителя".

При этихъ словахъ я окончательно лишился сознанія и безъ чувствъ грохнулся на полъ. Это безсознательное состояніе продолжалось, вѣроятно, недолго, ибо когда меня подняли, то я былъ уже въ совершенной памяти. „Боже мой,—воскликнулъ я,—какая несправедливость! я невиненъ! я не преступникъ, я не нарушалъ закона. Богъ да будетъ мнѣ судья. Какія у меня были запрещенныя книги? Неужели я не имѣю права ничего сказать въ свою защиту?"

— „Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ прокуроръ, дрожа и поблѣднѣвъ какъ полотно,—ваши слова напрасны: это воля императора, это воля императора".

— Какой жестокій приговоръ,—воскликнулъ я, поднявъ руки къ небу,—какая вопіющая несправедливость! Ты отмстишь за меня, всевышній Судья!

Произнося эти полусознательныя слова, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и мнѣ снова сдѣлалсся дурно. По знаку прокурора, одинъ изъ служителей сорвалъ съ меня мантію и воротникъ — отличительные знаки духовнаго сана. Меня вывели изъ залы засѣданія въ нижній этажъ; я надѣялся, что тутъ по крайней мѣрѣ мнѣ дадутъ отдохнуть и хотѣлъ присѣсть на стулъ, но мнѣ велѣли идти дальше и въ сѣняхъ, гдѣ я былъ переданъ въ руки сыщиковъ, меня повалили на каменную плиту, позади которой возвышался столбъ. Заложивъ руки за спину, меня привязали къ нему веревками такъ крѣпко, что кровь застыла у меня въ жилахъ и я громко вскрикнулъ отъ боли, и снова началъ жаловаться; но страданія, вынесенныя мною въ тѣ минуты, совершенно изгладили изъ памяти всѣ мои слова, которыя, какъ видно, были способны тронуть самыя закоренѣлыя сердца. Тюремщикъ, простой солдатъ, профессія котораго убиваетъ въ немъ

всякое чувство сострадания, и который считалъ меня, вѣроятно, за преступника, подошелъ ко мнѣ съ цѣпями и остановился передо мною какъ вкопанный. Не смотря на мое нервное состояніе, я замѣтилъ, что онъ отиралъ слезы и такъ долго медлилъ своимъ дѣломъ, что прокуроръ долженъ былъ напомнить ему исполнить свою обязанность. Вздохнувъ, онъ наложилъ на меня цѣпи. Когда я былъ окованъ, меня отвязали отъ столба; я не могъ двинуться съ мѣста, мнѣ помогли встать. При первыхъ шагахъ, сдѣланныхъ мною въ оковахъ, во мнѣ снова проснулось со всею силою чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства.

Проникнутый сознаніемъ своей невинности, я смѣло возвысилъ голосъ, такъ что стѣны задрожали отъ моихъ возгласовъ, и, собравъ послѣднія силы, упорно боролся съ сыщиками, которые заставляли меня молчать. Слова: несправедливость, жестокость, уголовный судъ, невинность, месть, жена и ребенокъ, которыя я произносилъ чаще всего, переполошили всѣхъ судей; прокуроръ выбѣжалъ изъ залы засѣданія. „Бога ради, не кричите, несчастный", сказалъ онъ; „васъ поведутъ теперь къ военному губернатору; можетъ быть, вы будете еще помилованы". При этомъ онъ возвратилъ мнѣ вещи, отобранныя у меня въ крѣпости; въ числѣ ихъ былъ и мой бумажникъ, но въ немъ не оказалось счетовъ, бумагъ и пр. Полицейскій чиновникъ спустился со мною къ кибиткѣ; глухо и мрачно звенѣли мои цѣпи о каменную мостовую. О Боже, я былъ окованъ! Какое тяжкое сознаніе для невиннаго, честнаго человѣка! Внизу, у кибитки ожидалъ мой слуга; увидавъ меня, онъ громко вскрикнулъ; меня разлучили съ нимъ, и посадили одного въ кибитку, укрывъ по прежнему. Чиновникъ повезъ меня къ генералъ-губернатору, графу Палену; я надѣялся лично переговорить съ нимъ, но его не было дома; адъютантъ его сообщилъ мнѣ, что онъ поѣхалъ въ Павловскъ, къ императору. Услыхавъ это, я сталъ жаловаться и плакать, такъ какъ это извѣстіе отнимало у меня послѣдній лучъ надежды. Замѣтивъ, что я былъ чрезвычайно утомленъ, адъютантъ велѣлъ подать мнѣ стулъ. Немного спустя, явился другой офицеръ, принявшій рапортъ отъ моего провожатаго. Прочитавъ его, онъ велѣлъ отвести меня въ маленькую, темную комнатку, и приставилъ ко мнѣ солдата съ обнаженною саблею. Въ домѣ генералъ-губернатора я пробылъ около двухъ часовъ; казалось, меня задерживали тутъ съ умысломъ, желая дождаться его возвращенія; но какъ онъ долго не пріѣзжалъ, то меня отправили, наконецъ, подъ конвоемъ двухъ солдатъ, къ полиціймейстеру; такъ какъ мнѣ пришлось идти теперь пѣшкомъ, а грязь была страшная, ибо нѣсколько дней стояла дурная погода, то мнѣ стало такъ

тяжело тащить за собою цѣпи по грязи, что я чуть не упалъ. Замѣтивъ это, одинъ изъ солдатъ былъ настолько сострадателенъ, что постарался облегчить меня, и съ этой цѣлью вынулъ изъ кармана платокъ, чтобы связать имъ мои цѣпи; но я предупредилъ его, подавъ ему мой собственный платокъ, который былъ больше и крѣпче; одинъ конецъ его солдатъ привязалъ къ срединѣ цѣпи, а другой далъ мнѣ въ руки, что чрезвычайно облегчило меня. Подобный поступокъ со стороны простаго русскаго солдата, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ похвалы; услуга, оказанная имъ въ моемъ тогдашнемъ положеніи, была для меня такъ важна и дорога, что я охотно прижалъ бы его за это къ своей груди, но, къ сожалѣнію, могъ выразить свою благодарность только дружескимъ пожатіемъ руки. Да вознаградитъ его Господь на томъ свѣтѣ!

Въ домѣ оберъ-полицiймейстера я пробылъ около часа, и время это было для меня драгоцѣннымъ, такъ какъ я успѣлъ, по крайней мѣрѣ, немного отдохнуть и успокоиться. По моему дѣлу здѣсь было написано и разослано съ вѣстовыми нѣсколько бумагъ.

Меня окружили чиновники, въ числѣ коихъ было и нѣсколько нѣмцевъ; ихъ ласковое, гуманное обращеніе ободрило меня, и я сталъ разсказывать о моемъ печальномъ дѣлѣ и только что выслушанномъ страшномъ приговорѣ. Они нашли все это невѣроятнымъ, полагали, что я ослышался, утверждали, что мое дѣло не могло имѣть такого исхода, такъ какъ это былъ бы неслыханный случай и императоръ навѣрно не допустилъ бы произнести такой приговоръ. Я принялъ эти добрыя слова не болѣе какъ за желаніе успокоить и ободрить меня. Самого оберъ-полицiймейстера,—нѣмца и уроженца Лифляндіи,—мнѣ не удалось видѣть, хотя я горячо желалъ переговорить съ нимъ.

Въ послѣдствіи я узналъ, что какъ онъ, такъ и графъ Паленъ, употребили въ этотъ день всѣ свои усилія, чтобы спасти меня, но все оказалось напрасно; и такъ, они не могли меня видѣть, а можетъ быть, и не желали этого, во избѣжаніе тяжелаго впечатлѣнія отъ свиданія со мною.

Изъ квартиры полицiймейстера меня повели въ полицію, и помѣстили тутъ въ отдѣльномъ зданіи, гдѣ содержались самые гнусные преступники—поддонки человѣческаго общества. Я невольно отступилъ нѣсколько шаговъ при видѣ этого ужаснаго общества, но—дѣлать нечего, пришлось остаться въ ихъ средѣ. Тутъ было 14 человѣкъ, большею частью убійцъ и уличныхъ воровъ, всѣ приговоренные къ кнуту и наложенію клейма. Деревянная скамья и нѣсколько табуретокъ были уже заняты этими чудовищами; поэтому, не имѣя силъ долѣе держаться на ногахъ, я окутался въ свой плащъ и растянулся на голомъ гли-

немъ полу, ожидая каждую минуту новой напасти. Нервы мои были страшно раздражены. Постоянное бряцаніе цѣпей, зараженный воздухъ, присутствіе вокругъ меня злодѣевъ, и жгучее физическое страданіе, усилившееся еще болѣе отъ лежанія на сырой, холодной землѣ, подѣйствовали на меня такъ сильно, что я поминутно ожидалъ смерти, молилъ Бога принять мою грѣшную душу, просилъ Его принять подъ Свою защиту мою бѣдную жену, мою мать и ребенка, и наконецъ совершенно лишился чувствъ.

Еще не разсвѣло, когда сознаніе возвратилось ко мнѣ; неумолкавшее бряцанье цѣпей не дало мнѣ забыться ни на минуту, и только одна мысль, что Спаситель нашъ терпѣлъ подобное же униженіе, проливала цѣлительный бальзамъ въ мою душу и смиряла бушевавшія во мнѣ тревожныя чувства. — Мнѣ страшно хотѣлось побесѣдовать съ духовникомъ, но я не зналъ къ кому обратиться съ этою просьбою. Вдругъ, кто-то растолкалъ меня; открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою солдата, который велѣлъ мнѣ встать и слѣдовать за нимъ, и повелъ меня обратно черезъ полицейскій дворъ, въ контору. Тутъ за столомъ сидѣлъ офицеръ, которому подчиненные его представляли рапорты; онъ обратился ко мнѣ по французски; въ короткихъ словахъ я описалъ ему мое несчастное дѣло и мой приговоръ. По видимому, онъ сильно сомнѣвался въ истинѣ моего разсказа. Я же слишкомъ хорошо понялъ теперь въ чемъ дѣло и хотя не зналъ когда именно приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе, но съ каждой минутой видѣлъ приближеніе неизбѣжной, неминуемой смерти. Я передалъ офицеру (это былъ лейтенантъ Геблеръ, сынъ достойнаго генерала Геблера) свое желаніе увидѣть духовника, и когда онъ разрѣшилъ мнѣ написать одному изъ пасторовъ, то я набросалъ пастору Вольфу, изъ церкви св. Петра, нѣсколько строкъ, внушенныхъ мнѣ горемъ и ожиданіемъ близкой смерти. Г. Геблеръ послалъ мою записку, но духовникъ не явился. Наконецъ, меня повели далѣе, по длинному корридору со сводомъ. Такъ какъ я былъ утомленъ до изнеможенія и еле двигался, то двое солдатъ подхватили меня подъ руки и повели или, скорѣе, потащили меня. Въ концѣ корридора находилась отдѣльная комната, куда меня и ввели. Хотя совершенно пустая и сырая, она все же была для меня спокойнымъ убѣжищемъ отъ шума и толкотни съ другими заключенными; ко мнѣ приставили двухъ солдатъ съ обнаженными саблями; но они тотчасъ же дали мнѣ понять, что смотрятъ на свою обязанность какъ на докучливую формальность, дружески заговорили со мною, стараясь развеселить и ободрить меня. Немного погодя, явилось нѣсколько ихъ товарищей, но они не были вооружены и, какъ видно, пришли только ради компаніи. Странствованія мои на

этотъ день, казалось, окончились, такъ какъ начинало смеркаться; въ комнатѣ было очень холодно, такъ что я сильно прозябъ; солдаты также не могли согрѣться и затопили печь. До крайности измученный, я бросился на кровать, которую солдаты пододвинули ближе къ огню, и благодѣтельная теплота его разлилась по моимъ членамъ. Съ каждымъ мгновеніемъ силы все болѣе и болѣе оставляли меня, я лежалъ недвижимо, но тѣмъ сильнѣе билось мое наболѣвшее сердце. Я не произносилъ ни одной жалобы, но слезы мои текли безостановочно. Страшная жажда мучила меня; солдаты, сжалившись, подали мнѣ кружку воды; я приподнялся, чтобы напиться, но въ ту самую минуту, когда губы мои коснулись кружки, я нечаянно взглянулъ на свои цѣпи: этотъ ужасный видъ совершенно сразилъ меня, я упалъ на подушку и заплакалъ еще сильнѣе; наконецъ, успокоившись, я могъ утолить свою жажду. Время было къ полуночи; нѣкоторые солдаты уже храпѣли, другіе тихо бесѣдовали, поддерживая въ то же время огонь въ печи; я же предался мыслямъ и почувствовалъ всю глубину своего несчастія, подумавъ, что милліоны людей засыпаютъ въ эту минуту сладкимъ сномъ, тогда какъ я, какъ преступникъ, безъ помощи валяюсь на жесткомъ ложѣ мрачной темницы. Всякій, кто по опыту знаетъ весь ужасъ ночной тишины въ стѣнахъ тюрьмы, или можетъ живо представить ее себѣ въ воображеніи, и въ то же время вмѣстѣ со мною перенесется мыслію въ мое счастливое, спокойное прошлое, смѣнившееся зловѣщимъ будущимъ,—тотъ при самомъ слабомъ воображеніи легко пойметъ какія чувства я долженъ былъ испытать, не имѣя въ то же время возможности ни съ кѣмъ подѣлиться ими. Въ моемъ умѣ промелькнули образы всѣхъ святыхъ поборниковъ христіанской вѣры; они добровольно и съ радостью терпѣли мученическую смерть за своего Искупителя, за что имъ обѣщано было небесное царствіе, и они знали навѣрно, что получатъ за свои мученія награду на томъ свѣтѣ.—А я, несчастный! Вѣра моя была еще не столь крѣпка, я не могъ, подобно св. Стефану, видѣть разверстое небо—ибо, нужно сознаться, я страшно негодовалъ, такъ какъ рана была еще слишкомъ свѣжа; я былъ возмущенъ противъ всего человѣчества, которое допустило страдать не только меня (быть можетъ, въ глазахъ Всевышняго я это и заслуживалъ), но и ни въ чемъ неповинныхъ дорогую жену, мою мать и ребенка.—Я былъ до того взволнованъ, что не могъ собраться съ мыслями; я зналъ, что наказаніе, къ которому меня присудили, замѣняло въ Россіи смертную казнь, и думалъ, что не перенесу его. Къ этому присоединялось еще сознаніе всего позора и стыда, связаннаго съ этимъ наказаніемъ, и мысль о томъ, что человѣкъ, перенесшій его, считается навсегда отверженнымъ обществомъ

и выбывшимъ изъ числа гражданъ. Еще ужаснѣе было для меня предположеніе, что—въ случаѣ если я не умру подъ кнутомъ палача, я буду осужденъ на всю остальную жизнь на самую тяжкую работу, въ неволѣ, подъ властью жестокихъ надсмотрщиковъ и вдали отъ близкихъ мнѣ людей. Эти страшныя картины заставляли меня трепетать. Кто такое ты теперь? задавалъ я себѣ вопросъ. „Увы, несчастнѣйшій изъ смертныхъ", отвѣчалъ я изъ глубины души. Съ трепетомъ вспоминалъ я о завтрашнемъ днѣ, который могъ быть послѣднимъ въ моей жизни. Ужасная то была, мучительная ночь! Страданія мои увеличивались физическою болью и безъисходнымъ будущимъ. Однако, не взирая на всѣ муки, я сознаюсь, у меня было одно желаніе, одна мольба къ Богу—желаніе пережить наказаніе, не умереть подъ рукою палача. Я молилъ объ этомъ не изъ боязни смерти, которая въ эти минуты была бы для меня утѣшеніемъ и по благости Создателя открыла бы мнѣ двери въ иную, лучшую жизнь,—о нѣтъ, я скажу не стыдясь, что меня привязывало къ жизни желаніе гдѣ бы то ни было еще разъ свидѣться на землѣ съ тѣми людьми, съ которыми я былъ связанъ самыми священными узами—съ моей женою, матерью и ребенкомъ. Желаніе это, подкрѣпляемое надеждою на благое Провидѣніе, не покидало меня во время моего испытанія. Да, желаніе это, соединенное съ вѣрою и сознаніемъ моей невинности, поддерживало меня и помогло не падать духомъ даже въ тѣ минуты, когда мнѣ нечего уже было ожидать.

Эти грустныя воспоминанія прервали нить моего разсказа, къ которому я теперь возвращаюсь.

Около полуночи, ко мнѣ вошелъ офицеръ, о которомъ я уже упоминалъ, и сообщилъ о приходѣ пастора Рейнбота, прося меня въ то же время слѣдовать за нимъ. Меня снова повели по длинному корридору, еле освѣщенному нѣсколькими мерцающими лампами; дрожа всѣмъ тѣломъ, вошелъ я въ комнату. Боже! что пережилъ я тутъ въ нѣсколько минутъ. Какая таинственная, мрачная ночная сцена! Съ минуту я ожидалъ, затаивъ дыханіе; пробстъ Рейнботъ стоялъ лицомъ къ окну и, казалось, молился. Офицеръ, пришедшій со мною, сталъ поникнувъ головою у стола, на которомъ горѣла свѣча, озаряя комнату блѣднымъ, мерцающимъ свѣтомъ. У открытыхъ дверей два полицейскихъ съ саблями наголо оберегали выходъ; вокругъ царствовала могильная тишина. Бряцанье цѣпей, раздавшееся при моемъ движеніи, прервало страшную тишину; пробстъ Рейнботъ при этомъ обернулся, и заговорилъ со мною по латыни, такъ какъ офицеръ, котораго онъ хорошо зналъ, былъ нѣмецъ. Слова его пролили цѣлительный бальзамъ въ мою душу; перо не въ силахъ передать нашего разго-

вора, но читатель, конечно, и безъ того пойметъ какихъ предметовъ онъ касался. Вслѣдствіе моей крайней слабости, я говорилъ мало, да и пробстъ Рейнботъ былъ чрезвычайно взволнованъ и, по видимому, утомленъ. Главная цѣль его посѣщенія была предложить мнѣ, согласно моему желанію, Св. Причастіе, но мы оба сознавали, что настоящая минута не соотвѣтствовала тому настроенію духа, какое необходимо для столь торжественнаго обряда. Поэтому, я обратился къ нему за совѣтомъ и мы рѣшили сообща, что я приму Св. Причастіе изъ его рукъ въ воскресенье (это свиданіе происходило въ ночь съ пятницы на субботу). „Тогда, — прибавилъ онъ, — вы, можетъ быть, будете болѣе тверды духомъ, а до того, — присовокупилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, звучавшимъ мольбою, — до того пройдетъ еще одинъ день“.

Однако онъ обѣщалъ посѣтить меня еще разъ; тронутый его добротою, я съ искреннею благодарностью принялъ это обѣщаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ его благословеніе; съ умиленіемъ выслушавъ его послѣднія слова, сказанныя мнѣ въ утѣшеніе, я проводилъ его со слезами.

Эта ночная сцена, которой никакое перо не въ силахъ передать, чрезвычайно разстроила меня. Я пробылъ еще нѣсколько минутъ въ дежурной комнатѣ; на лицѣ офицера отпечатлѣлось подавленное горе и отъ волненія онъ не могъ произнести ни слова. Внезапно лучъ надежды озарилъ мое печальное положеніе; торжественное обѣщаніе пробста Рейнбота придало моимъ мыслямъ иной оборотъ. „Судя по его обѣщанію дать мнѣ Св. Причастіе въ воскресенье (заключилъ я), можно полагать, что страшный приговоръ не приведется въ исполненіе ранѣе какъ дня черезъ два или три“. Эта отсрочка преисполнила меня надеждою, которая въ словахъ Рейнбота находила себѣ новую пищу. Обманчивая надежда! ты являешься несчастному вѣчной поддержкой! Онъ довѣрчиво полагается на тебя, но увы! опора эта ускользаетъ изъ его рукъ какъ хрупкая соломинка изъ рукъ утопающаго.

Хорошо, ежели Рейнботъ не обсчитается, хорошо ежели меня не обманетъ моя безумная мечта!

Меня снова отвели въ арестантскую. Едва успѣлъ я прилечь, какъ почувствовалъ сильную боль въ груди и животѣ; вскорѣ спазмы до того усилились, что я нѣсколько разъ невольно вскрикнулъ, и когда, на вопросъ солдатъ, я объяснилъ имъ причину, то одинъ изъ нихъ пошелъ за дежурнымъ врачомъ. Онъ не замедлилъ придти, и, замѣтивъ мои судорожныя подергиванія, съ перваго слова спросилъ: не принялъ-ли я яда? Получивъ отъ меня отрицательный отвѣтъ, онъ прописалъ мнѣ селитру въ растворѣ спирта. Мало по малу спазмы утихли

и, наконецъ, совсѣмъ исчезли; по всему тѣлу разлилось пріятное чувство отдыха. Во мнѣ и вокругъ меня все стихло. Это благодать Бога! подумалъ я. Наконецъ, природа взяла свое, и я задремалъ.

V.

Наступавшій день предвѣщалъ мнѣ новыя мученія. Боже! какое пробужденіе! Я чувствовалъ себя безгранично несчастнымъ! но душа моя, какъ будто подкрѣпленная какою-то невидимою силою, поддерживала во мнѣ бодрость; я рѣшилъ съ твердостью встрѣтить все, что меня ожидало. Въ 6 часовъ утра тотъ-же офицеръ прислалъ мнѣ чашку чая съ сухаремъ. Это подкрѣпило мои силы, такъ какъ наканунѣ я ничего не ѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что офицеръ, присланный отъ губернатора, желаетъ видѣть меня. Съ помощью двухъ гренадеръ я приподнялся съ кровати и вышелъ изъ комнаты; на срединѣ корридора насъ остановили; эта задержка, по видимому, сильно удивила моихъ провожатыхъ; какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ другой солдатъ и снялъ мои цѣпи. Радостное чувство пробѣжало при этомъ по всему моему существу, однако я былъ далеко отъ того, чтобы принять снятіе оковъ за знакъ помилованія. Меня ввели въ ту же комнату, гдѣ я бесѣдовалъ прошлую ночь съ Рейнботомъ. Нѣсколько офицеровъ, бывшихъ тутъ, составляли безмолвную группу; никто изъ нихъ не произносилъ ни слова; въ комнатѣ царствовала страшная тишина; такъ прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, по знаку одного изъ офицеровъ, ко мнѣ подошелъ солдатъ; приказавъ слѣдовать за нимъ, онъ повелъ меня во дворъ полиціи. Боже мой! какая ужасная картина представилась моимъ взорамъ. На дворѣ стояла цѣпь солдатъ; раздалась команда и цѣпь разступилась, чтобы принять меня. Два человѣка, похожіе на палачей, схватили меня и ввели въ средину цѣпи. Я замѣтилъ, что у одного изъ нихъ была въ рукахъ толстая связка, и такъ, не было сомнѣнія: меня готовились вести на мѣсто казни, на вѣрную смерть; насталъ мой послѣдній часъ, настало свершеніе позорнаго приговора! Боже! пріими мою грѣшную душу! Цѣпь сомкнулась за мною; я осмотрѣлся кругомъ и замѣтилъ, что всѣ лѣстницы и галлереи были усѣяны народомъ.

Въ отвѣтъ на мой скорбящій взглядъ изъ тысячи устъ вырвался возгласъ сожалѣнія и участія. „Рейнботъ! Рейнботъ!“ проговорилъ я, „твой благочестивый планъ разстроенъ; въ сей жизни мнѣ не придется приступить къ Таинству, къ которому изъ любви ко мнѣ ты желалъ пріобщить меня; насъ раздѣляетъ земная власть, намъ не суждено болѣе увидѣться“!

Шествіе двинулось, и за нами на улицу устремилась толпа народу. Тутъ цѣпь солдатъ была окружена отрядомъ кавалеріи, и вся масса тронулась медленнымъ шагомъ. Твердою поступью шагалъ я въ срединѣ цѣпи; рядомъ со мною шли оба палача; я чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы идти безъ поддержки и съ неудовольствіемъ отклонилъ ихъ предложеніе помочь мнѣ. Я былъ сравнительно спокоенъ и, окутавшись плащомъ и надвинувъ шляпу на глаза, не смотрѣлъ по сторонамъ, составляя въ то же время предметъ общаго вниманія. Какъ ни старался я сосредоточиться, однако молиться не могъ, но всевѣдущему Богу извѣстны мои тогдашнія чувства и онъ оцѣнитъ ихъ безпристрастно!

Мысли мои были заняты тѣми святыми людьми, которые страдали безъ вины и умирали мученическою смертью, и съ особеннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ я образъ Того, Кто невинно пострадалъ за все человѣчество; вдругъ нить этихъ мыслей была прервана однимъ изъ палачей, который нагло потребовалъ у меня денегъ. Я не имѣлъ въ карманѣ довольно мелкой монеты, чтобы удовлетворить его, а доставать изъ кошелька бумажку значило бы обратить на себя вниманіе окружающихъ; поэтому я снялъ часы и, отдавая ихъ какъ можно осторожнѣе, кое-какъ высказалъ ему по русски что-то въ родѣ просьбы обойтись со мною почеловѣчнѣе! „Ну! ну!" пробурчалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. Миновавъ какую-то церковь, мы только что завернули за мостъ, и мысли мои снова вознеслись къ небу, какъ вдругъ во весь опоръ прискакалъ офицеръ, крича: „Назадъ!" Солдаты были видимо изумлены; они вопросительно переглянулись и съ глухимъ, подавленнымъ возгласомъ, выражавшимъ недоумѣніе, повернули обратно. Весьма естественно, я задалъ себѣ вопросъ: что̀ бы это могло значить? старался объяснить столь неожиданное возвращеніе въ свою пользу, и даже осмѣлился питать тайную надежду о помилованіи. Вѣроятно, всякій въ моемъ положеніи точно такъ же объяснилъ бы себѣ этотъ фактъ. Но увы! отрадная мечта вскорѣ смѣнилась грозною дѣйствительностью. Меня повели назадъ лишь съ тѣмъ, чтобы долѣе помучить.

Тотъ-же самый офицеръ подскакалъ снова и торопливо спросилъ меня: причащался ли я? „Нѣтъ",—отвѣчалъ я, но онъ ускакалъ, не выслушавъ моего отвѣта. А! подумалъ я, тебя позабыли приготовить къ смерти,—и незнакомое мнѣ дотолѣ чувство тревоги охватило все мое существо. И такъ, я зналъ для чего меня вернули, я зналъ, что мнѣ придется еще разъ пройти этотъ путь. Страшный переходъ отъ страха къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ и отъ надежды снова къ отчаянію!

По приводѣ въ полицію, меня ввели въ маленькую комнатку, куда че-

резъ нѣсколько минутъ явился пробстъ Рейнботъ. „Не помилованъ?" воскликнулъ я, увидѣвъ его. „Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ,—всѣ старанія были употреблены, къ тому, чтобы спасти васъ, но,—прибавилъ онъ, взведя глаза къ небу,—все, все было напрасно! Я пришелъ, по приказанію начальства, съ тѣмъ, чтобы дать вамъ Св. Причастіе". Я принялъ его съ благоговѣніемъ, а Рейнботъ, совершая обрядъ, былъ видимо тронутъ и руки его дрожали. Онъ заговорилъ со мною о толпѣ, собравшейся взглянуть на меня; слова его были единственны, неоцѣнимы; онъ говорилъ подъ впечатлѣніемъ минуты! При прощаніи слова его заглушились громкимъ рыданіемъ: „я буду молиться за васъ", едва могъ онъ выговорить, обнимая меня; наконецъ, благословивъ меня, онъ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку и рыдая долженъ былъ уступить мѣсто вошедшимъ часовымъ.

Солдаты снова образовали цѣпь, чтобы вторично вести меня на мѣсто казни. Замѣтивъ, что въ числѣ присутствовавшихъ офицеровъ нѣкоторые говорили по нѣмецки, я спросилъ ихъ: перенесу ли я наказаніе? „Я думаю—перенесете", отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. „Палачу хотѣли что-то дать", сказалъ другой.—„Я уже отдалъ ему свои часы", возразилъ я. „Этого не слѣдовало дѣлать,—вмѣшался третій, высшій чиномъ,—это совершенно лишнее, васъ и такъ пощадятъ". Слова его успокоили меня и я хладнокровно пошелъ второй разъ къ мѣсту казни.

Шествіе двинулось по тѣмъ же улицамъ. Когда поровнялись съ мѣстомъ, отъ котораго насъ вернули, то мною овладѣло такое уныніе и страхъ, что я чуть не упалъ, невольно замедливъ шагъ; но грубое „ступай" и толчокъ, полученный отъ палача, заставили меня идти скорѣе. Наконецъ, мы достигли большой, пустой площади, гдѣ второй ожидавшій насъ отрядъ солдатъ образовалъ тройную цѣпь, въ которую меня ввели. Въ срединѣ возвышался позорный столбъ: одинъ видъ его заставилъ меня содрогнуться. Никакія слова не въ состояніи передать моего тогдашняго состоянія; однако я все еще сохранялъ присутствіе духа.

Офицеръ, разъѣзжавшій внутри цѣпи верхомъ и командовавшій, по видимому, отрядомъ, подозвалъ къ себѣ палача и сказалъ ему что-то тихо, но съ весьма многозначительнымъ видомъ. „Слушаю", возразилъ тотъ, и принялся развязывать орудіе казни. Между тѣмъ я выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и, возведя руки къ небу, громкимъ голосомъ произнесъ: „всевѣдущій, небесный Судія! Тебѣ извѣстно, что я невиненъ! Я умираю смертью праведнаго! Сжалься надъ моею женою и моимъ ребенкомъ. Благослови императора и прости моихъ доносчиковъ!" Меня хотѣли раздѣть, но я самъ снялъ съ себя

одежду, и черезъ нѣсколько минутъ меня повели къ позорному столбу, къ которому привязали за руки и за ноги; я перенесъ это довольно хладнокровно; когда же палачъ набросилъ мнѣ ремень на шею, чтобы привязать голову и выгнуть спину, то онъ затянулъ его такъ крѣпко, что я вскрикнулъ отъ боли. Окончивъ всѣ приготовленія и обнаживъ мою спину для полученія смертельныхъ ударовъ, палачъ приблизился ко мнѣ. Я ожидалъ смерти съ первымъ ударомъ; мнѣ казалось, что душа моя покидала уже свою бренную оболочку. Еще разъ вспомнилъ я о своей женѣ и дитяти; влажный туманъ подернулъ мои глаза. „Я умираю невиннымъ! Боже! въ твои руки предаю духъ!" воскликнулъ я и лишился сознанія. Вдругъ въ воздухѣ что-то просвистѣло; то былъ звукъ кнута, страшнѣйшаго изъ всѣхъ бичей. Не касаясь моего тѣла, удары его слегка задѣвали только поясъ моихъ брюкъ......

Приговоръ былъ исполненъ; меня отвязали; я одѣлся самъ и почувствовалъ, что существую еще среди людей. Въ ту минуту, когда я выходилъ изъ цѣпи, одинъ изъ офицеровъ спросилъ палача, куда онъ дѣвалъ часы? Смущенный, онъ вынулъ ихъ изъ-за пазухи и подалъ офицеру.

„Возьмите свои часы", сказалъ мнѣ послѣдній.

„Пусть они остаются у него,—возразилъ я,—я не приму ихъ изъ его рукъ".

Нервы мои были страшно потрясены предъидущею сценой; однако натура моя была выносливая, а сознаніе, что я спасенъ, пробудило во мнѣ новыя силы. Меня вели на самую позорную казнь, а я возвращаюсь съ лобнаго мѣста живой, здоровый, не ощущая физической боли; но испытываю то, чего не понимаетъ ни одинъ человѣкъ изъ толпы, глазѣвшей на меня; я понимаю теперь, что̀ чувствуетъ человѣкъ, помилованный на мѣстѣ казни. Мнѣ было хорошо и въ то же время тяжко. Хорошо потому, что со мною обошлись такъ, какъ, вѣроятно, ни съ однимъ изъ осужденныхъ; тяжко же потому, что во мнѣ возникло сомнѣніе, не есть ли это еще новый, утонченный видъ казни: возбудить сначала самую блестящую надежду, а затѣмъ наказать еще страшнѣе. Таковъ могъ быть одинъ изъ принциповъ тайной инквизиціи.

VI.

Чѣмъ ближе подходилъ я къ полиціи, тѣмъ люднѣе становились улицы. Когда показалось, наконецъ, самое зданіе, то я увидѣлъ передъ нимъ толпу народа, привлеченную любопытствомъ взглянуть на священника, возвращающагося съ позорной казни. Подойдя ближе, я замѣтилъ стоявшаго нѣсколько поодаль молодаго человѣка; вглядываясь въ меня пристально, онъ стоялъ съ минуту неподвижно и вдругъ, ударивъ себя рукою по лбу, шатаясь прислонился къ стѣнѣ. Теперь только я узналъ въ немъ брата моей жены, служившаго въ Петербургѣ аптекаремъ. „Братъ!“ воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ въ ту минуту, какъ я входилъ въ ворота. Я потерялъ его изъ вида, такъ какъ долженъ былъ спѣшить въ полицію; тамъ меня помѣстили въ отдѣльную комнату, куда однако вскорѣ явилось нѣсколько офицеровъ и знатныхъ особъ; всѣ они, по видимому, ожидали увидать человѣка полуживаго, и высказывали свое удивленіе при видѣ меня здоровымъ и бодрымъ. Я не задумался объяснять имъ настоящую причину моего здоровья; они посовѣтовали мнѣ молчать объ этомъ, и представиться скорѣе нѣсколько больнымъ, чтò могло быть для меня полезнымъ въ настоящемъ моемъ положеніи. При этомъ они дѣлали всевозможныя предположенія, стараясь объяснить себѣ это странное снисхожденіе. Я слушалъ ихъ молча, въ душѣ благодаря Бога за то, что не чувствовалъ никакой физической боли. Между тѣмъ я испыталъ здѣсь первое изъ тѣхъ оскорбленій, какія приходится выносить несчастнымъ осужденнымъ. Одинъ изъ посѣтителей, блѣдный, худощавый, съ ввалившимися глазами, сѣлъ возлѣ меня и съ видомъ ненависти произнесъ: „не тотъ ли это Зейдеръ, который написалъ оду къ императрицѣ?“ (Онъ говорилъ о стихотвореніи, написанномъ мною по случаю мира, заключеннаго императрицею Екатериною съ турками). „Да, я писалъ ее!“ возразилъ я. „Какъ жаль,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—что человѣкъ талантливый палъ такъ низко!“ За этими словами послѣдовалъ цѣлый потокъ ругательствъ: онъ называлъ меня якобинцемъ, революціонеромъ, человѣкомъ, который своимъ проступкомъ оскорбилъ духовный санъ и заслуживаетъ еще разъ наказаніе кнутомъ и т. д. Я слушалъ его очень терпѣливо и пожелалъ узнать его фамилію. „Баронъ фонъ-Унгернъ-Стернбергъ“, отвѣчалъ онъ. Каково было мое изумленіе, когда я узналъ въ немъ человѣка, написавшаго мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ письмо въ самыхъ льстивыхъ

выраженіяхъ по поводу моей оды [1]). Онъ былъ въ то время адъютантомъ при генералѣ графѣ Салтыковѣ. Такъ какъ каждая минута была для меня дорога, то я попросилъ его избавить меня отъ лишнихъ упрековъ; наконецъ, онъ смолкъ и ушелъ. Вслѣдъ за тѣмъ вошелъ мой шуринъ; свиданіе съ нимъ сильно взволновало меня. „Несчастный! воскликнулъ онъ, рыдая,—бѣдная, несчастная моя сестра!“ Долго, въ порывѣ горести, мы стояли обнявшись; затѣмъ я разсказалъ ему все случившееся; онъ ничего не слыхалъ, не зналъ даже о томъ, что я въ Петербургѣ, и только, идя по дѣлу, случайно попалъ на ту улицу, гдѣ разыгрывалась страшная катастрофа. Онъ сидѣлъ еще у меня, когда внесли мой сундукъ и въ то же время объявили мнѣ, что на другой день я буду отправленъ въ Нерчинскъ. Хотя я ожидалъ этого извѣстія, но оно чрезвычайно поразило меня. „И такъ, нѣтъ болѣе надежды на спасеніе“,—воскликнулъ я, упавъ снова въ объятія моего шурина. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось воспользоваться послѣдними минутами, чтобы письменно проститься съ женою; поэтому я попросилъ у одного изъ присутствовавшихъ офицеровъ разрѣшенія написать ей. Онъ не только разрѣшилъ мнѣ это, но велѣлъ тотчасъ принести бумаги и чернилъ [2]). Шуринъ мой ушелъ, обѣщая возвратиться черезъ нѣсколько времени. Полицейскій чиновникъ и другіе бывшіе тутъ офицеры также удалились. Я не могу передать вамъ, читатели и читательницы, того чувства, которое волновало меня въ эту минуту, но вы уже знаете кѣмъ я былъ теперь и что̀ именно и кому я долженъ былъ сообщить. Я передамъ вамъ все то, что я написалъ въ ту минуту, рукою, дрожавшею отъ волненія. Прочтите мое письмо, проронивъ слезу состраданія въ память несчастнаго страдальца.

VII.

Письмо къ женѣ.

Дорогая моя и искренно любимая супруга. Въ книгѣ судебъ было начертано мое несчастіе. Мужайся, моя дорогая, и постарайся успокоиться. Я не вернусь болѣе въ Ранденъ, но не покидаю надежды еще разъ обнять тебя и нашего милаго Карла. Судьба моя рѣшена, и я переношу съ твердостью и покорностью волю Того, безъ чьей воли ни одинъ волосъ не упадетъ съ нашей головы.

---

[1]) Вотъ заглавіе оды, о которой здѣсь упоминается: «Ode bey der glorreichen Wiederherstellungsfeyer des Friedens zwischen dem russischen Reiche und der Ottomanischen Pforde. S. I. 1793. fol». Ред.

[2]) Дозволеніе государственному преступнику писать было исключеніемъ изъ общаго правила, и надобно думать, было дано мнѣ по высочайшему разрѣшенію. Зейдера.

Меня отправляютъ въ ссылку въ Нерчинскъ; извѣстіе это поразитъ тебя, но, дорогая моя, ты уже выказывала свое мужество и твердость въ тѣхъ маленькихъ непріятностяхъ, которыя посѣщали насъ; собери же все свое мужество и теперь, чтобы стойко перенести это великое несчастіе, и выкажи свое геройство, какъ истинная христіанка. Пути Провидѣнія неисповѣдимы. Это успокаиваетъ меня и я стойко встрѣчу и перенесу это большое горе. Да, у меня хватитъ на это силъ, такъ какъ я невиненъ, я не совершилъ никакого преступленія, совѣсть моя чиста и безупречна. Если бы я зналъ, что буду имѣть счастіе на землѣ увидать тебя и нашего Карла, то я не жаловался бы на судьбу.

Какъ, ты хочешь слѣдовать за мною въ ссылку? Напиши моей матери, что я умеръ, пусть оставитъ она эту землю съ упованіемъ увидать меня тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе разлуки. Дорогая жена, мать моего ребенка, ты страдаешь, страдаешь невыразимо; но я невиноватъ твоему страданію, не я поставилъ тебя въ это ужасное положеніе. Тебѣ, моя Людвига, не придется жаловаться на своего друга и, еще болѣе, сѣтовать на Бога. Горячая молитва и покорность Его волѣ, твердое упованіе на Того, который безъ вины страдалъ и умеръ за всѣхъ насъ,—одна только эта вѣра, Людвига; одна она спасла меня отъ отчаянія. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, я уже много, много выстрадалъ, и даже въ самыя тяжкія минуты я думалъ о тебѣ, просилъ Бога поддержать твою вѣру и спасти отъ отчаянія.

Теперь ты знаешь все; и ты также безконечно несчастна, и твоя жизнь отравлена; никогда уже во всю жизнь не будетъ для тебя счастливой минуты. Прошлое будетъ напоминать тебѣ одни страданія, и будущее—мрачно какъ могила. Для тебя было бы лучше въ эту минуту умереть вмѣстѣ со мною. Ты желаешь этого, я знаю—также какъ и для меня было бы единственнымъ счастіемъ въ жизни умереть на твоихъ рукахъ. И однако ты должна жить, во имя нашей любви, нашихъ дѣтей, нашихъ обязанностей, какъ родителей. Не потому, чтобы я считалъ жизнь за счастіе—для насъ она грустна,—но потому, что это долгъ, потому, что Богъ послалъ тебѣ дѣтей, и тамъ, въ великую, торжественную минуту, потребуетъ у тебя отвѣта за нихъ, потому что Онъ запрещаетъ намъ покидать то мѣсто, гдѣ мы по Его волѣ можемъ дѣлать добро. И такъ, ты будешь жить, Людвига, ты употребишь всѣ старанія, чтобы сохранить себя для своихъ дѣтей. Береги себя и свое здоровье, не забывай что то, что ты носишь подъ сердцемъ, также мое; что всѣ твои мысли, чувства, помыслы—все мое!

Какъ скоро, если я умру ранѣе тебя, встрѣтимся на томъ свѣтѣ,—что за блаженная минута, когда, исполнивъ свой долгъ и перенеся всѣ испытанія, ты, преображенная и освободившись отъ тлѣнной оболочки—упадешь въ мои объятія! Прощай, моя дорогая жена; еще разъ, будь христіанкой, будь мужественна и тверда. Сохрани для меня, Людвига, то, что у меня еще не

отнято и что я цѣню болѣе своей жизни, сохрани себя! Поклонись всѣмъ нашимъ роднымъ и друзьямъ; благодарю ихъ за ихъ дружбу ко мнѣ. Постарайся все имущество обратить въ деньги, изъ оставшихся книгъ привези мнѣ библію и псалмы, а также всѣ дипломы и документы, касающіеся моего духовнаго сана, и мои университетскіе аттестаты; прочія книги поможетъ тебѣ продать пасторъ Гроссенбахъ.

Не безпокойся обо мнѣ, я здоровъ и почерпаю утѣшеніе въ религіи, которая мнѣ до сихъ поръ еще не измѣняла. Пріѣхавши въ Петербургъ, обратись прямо къ пробсту Рейнботу; этотъ благородный человѣкъ поможетъ тебѣ во всемъ совѣтомъ. Онъ же скажетъ тебѣ какъ проѣхать въ Сибирь самымъ краткимъ и безопаснымъ путемъ.

Людвига, я прощаюсь теперь съ тобою, и не знаю—удастся ли намъ еще свидѣться здѣсь! Благодарю тебя за тѣ счастливыя минуты, которыя ты доставила мнѣ въ теченіе нашего пятилѣтняго супружества, благодарю за безупречное исполненіе твоихъ обязанностей матери и жены, за постоянную заботливость о моемъ довольствѣ и счастьи. Я не могу вознаградить тебя за все это, но ты примешь свою награду на небѣ изъ рукъ праведнаго Бога. Если умру раньше тебя, то не оплакивай меня: тогда я уже буду счастливъ. Поцѣлуй нашего Карла отъ имени его отца. И я бы не хотѣлъ разстаться съ этимъ письмомъ, хотя оно меня чрезвычайно утомило, и однако, однако—прощай, моя дорогая жена. Поторопись выѣхать ко мнѣ. Твой образъ не покидаетъ меня. Да благословитъ тебя Богъ—мужайся и не падай духомъ. Да благословитъ и охранитъ тебя Господь, да ниспошлетъ Онъ тебѣ успокоеніе! Аминь.

Письмо это, которое, какъ и прочія мои письма къ женѣ, я сохранилъ, я не разъ перечитывалъ вмѣстѣ съ нею послѣ моего освобожденія; оно совершенно ясно передаетъ мое тогдашнее настроеніе духа и поэтому я счелъ необходимымъ сообщить читателямъ точную копію съ него.

VIII.

Окончивъ письмо, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія моего шурина, какъ вдругъ почувствовалъ сильную боль въ правомъ боку; сначала я не обратилъ на нее особеннаго вниманія, но когда боль усилилась, то я попросилъ сходить за докторомъ. Онъ явился черезъ полчаса, призналъ мой недугъ за припадокъ паралича и тотчасъ донесъ объ этомъ начальству. Вслѣдъ за тѣмъ меня приказано было перевести въ лазаретъ при полиціи. Слабость моя увеличивалась такъ быстро, что меня туда уже перенесли; положили на кровать и пустили мнѣ кровь. Врачъ, русскій, по фамиліи Ремезовъ, объяснялся со мною по латыни. Вскорѣ пришелъ мой шуринъ, сообщившій мнѣ,

что моя исторія возбудила много толковъ въ Петербургѣ, что во многихъ домахъ обо мнѣ проливали слезы. Полагая, что меня отправятъ изъ города на слѣдующій день, я вручилъ ему письмо къ женѣ, прося передать его пробсту Рейнботу, и словесно передалъ ему свое послѣднее прощаніе женѣ и ребенку. Шуринъ въ это время многозначительно молчалъ, и, казалось, что-то обдумывалъ. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „Успокойся, неизвѣстно еще что̀ будетъ впереди; докторъ объявилъ губернатору, что отправка сопряжена для тебя съ опасностью жизни [1]); можетъ быть, пройдетъ еще много времени, покуда тебя отправятъ“.

Это извѣстіе успокоило меня, и въ моей головѣ зародился планъ, который я не могъ однако тотчасъ сообщить моему шурину, такъ какъ разговоръ чрезвычайно утомлялъ меня; замѣтивъ это, онъ ушелъ, обѣщая навѣстить меня на слѣдующій день.

Я считалъ свою болѣзнь за нервную горячку; съ каждою минутой мнѣ становилось хуже, такъ что я невольно думалъ о смерти. Настала ночь; вокругъ царствовала страшная тишина, прерываемая только отъ времени до времени стонами и вздохами другихъ больныхъ. Голова моя была какъ въ огнѣ, глаза горѣли, такъ что я не могъ сомкнуть ихъ на минуту. Я думалъ, что придется умереть тутъ одному, безъ всякой помощи, но ошибся; еще не разсвѣтало, какъ меня посѣтилъ врачъ, принесшій мнѣ радостное извѣстіе, что, по его настоянію, меня не отправятъ по крайней мѣрѣ ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли. Я поблагодарилъ его за его вниманіе и доброту, хотя онъ и отклонялъ всякую благодарность. Шуринъ навѣстилъ меня по утру первый; я сообщилъ ему мой планъ, касавшійся свиданія моего съ женою до отъѣзда. Надѣясь пробыть здѣсь еще нѣкоторое время, я просилъ моего шурина тотчасъ же отправиться въ Лифляндію, и передать ей, что я очень боленъ и передъ смертью желаю повидать ее и поговорить съ нею. Впрочемъ, я просилъ его умолчать о страшномъ результатѣ моего дѣла. Шуринъ одобрилъ мой планъ и отправился сдѣлать необходимыя приготовленія къ отъѣзду.

Увы! мнѣ уже не суждено было увидѣть въ Петербургѣ ни его, ни моей жены. Во время его отсутствія меня ежедневно навѣщали лица всѣхъ сословій, и въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ священниковъ. Докторъ посылалъ каждый день генералъ-губернатору отчетъ о моемъ здоровьѣ, въ которомъ всегда значилось, что я еще очень

---

[1]) Подобное заявленіе также можно считать выдающимся исключеніемъ изъ правила, такъ какъ извѣстно, что всѣ осужденные по одному разряду со мною высылаются, хотя бы полуживые, тотчасъ послѣ наказанія. **Зейдеръ.**

плохъ. Этотъ достойный человѣкъ зналъ, что я ожидаю жену, и хотѣлъ меня задержать въ Петербургѣ. Однако, мнѣ пришлось оставить его ранѣе, нежели я предполагалъ. Я замѣтно поправлялся, но, по причинѣ моей слабости, не могъ еще вставать съ постели. Около полуночи, на одиннадцатый день моей болѣзни, едва я успѣлъ задремать, какъ въ комнатѣ послышался шумъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что передо мною стоитъ человѣкъ со свѣчою.

— „Вы меня не узнаете? Я докторъ, навѣщавшій васъ въ крѣпости, и присланъ освидѣтельствовать васъ".

Пощупавъ мнѣ пульсъ и посмотрѣвъ языкъ, онъ сказалъ: „вы еще очень слабы, я пришлю вамъ завтра лекарства".

Докторъ этотъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Гассе. На слѣдующее утро къ моей постели подошелъ офицеръ: „Je viens, Monsieur,—началъ онъ вѣжливымъ тономъ,—„par ordre de Monsieur le Gouverneur, pour vous dire, que vous vous prépariez à me suivre chez Son Excellence".

— „Vous voyez mon état, Monsieur, je ne suis pas en état de vous suivre chez Son Excellence",—возразилъ я.

— „L'empereur vous a pardonné",—торопливо проговорилъ онъ.

— „Ne trompez pas un malheureux par de vaines paroles,—сказалъ я,—c'est en vain que vous me feriez d'espérances".

Онъ далъ мнѣ честное слово, что императоръ помиловалъ меня, и тотчасъ удалился. Черезъ полчаса вошли два гренадера, подняли меня съ кровати и вынесли въ очень грязную, маленькую комнатку, куда былъ принесенъ и мой сундукъ. Я болѣе не сомнѣвался, что меня сегодня отправятъ; торопливая суетня окружающихъ подтверждала мои подозрѣнія. „А,—подумалъ я,—вотъ лекарство, которое обѣщалъ тебѣ докторъ!"

Жена моего шурина, часто навѣщавшая меня во время его отсутствія, снабжая меня съѣстными припасами и деньгами, и теперь пришла навѣстить меня; увы! добрая женщина не знала, что видитъ меня послѣдній разъ. Мой сундукъ и матрасъ вынесли на дворъ; у крыльца стояла не крытая кибитка, а простая телѣга, на которую и помѣстили мое добро. Съ помощью солдатъ я усѣлся на телѣгу. Моя невѣстка, которую многіе (какъ я въ послѣдствіи узналъ) считали за мою жену, подошла ко мнѣ еще разъ, обняла меня и поцѣловала, омочивъ мое лицо слезами. Въ толпѣ также многіе плакали, ломали руки и вздыхали. Окутавшись въ плащъ, я улегся на моемъ новомъ ложѣ, которое тронулось съ мѣста, сопровождаемое толпою. Ахъ! подумалъ я, это твоя погребальная процессія; такъ провожаютъ человѣка, погребеннаго заживо!

Телѣга, окруженная толпою, проѣхала нѣсколько улицъ, нѣсколько

пустынныхъ площадей, наконецъ, миновала городскія ворота—и Петербургъ остался позади. Я приподнялся, чтобы еще разъ взглянуть на городъ; „прощай, дорогая жена, прощай, милое дитя", воскликнулъ я, и подавленный горемъ, въ изнеможеніи опустился на сидѣнье.

И такъ, я оставилъ мѣсто моего страданія и горя. Петербургъ лежалъ позади меня, впереди развертывалась мрачная, нескончаемая перспектива новыхъ страданій и лишеній. У меня отняли кусокъ хлѣба, честь, жену, ребенка, здоровье и свободу; болѣе терять мнѣ было нечего. Представьте себя, читатель, на минуту въ моемъ положеніи, и вы поймете весь его ужасъ. Но мнѣ еще оставили жизнь, а съ нею соединялась надежда, которую никто не былъ въ силахъ похитить у меня; о! мои враги не подозрѣвали, что во мнѣ осталось еще самое дорогое, самое святое чувство, поддерживавшее во мнѣ искру той жизни, которую они старались уничтожить. Эту надежду поддерживала во мнѣ любовь къ семьѣ, любовь къ жизни, и она-то ободряла меня во все время ссылки, нерѣдко въ сладкихъ сновидѣніяхъ перенося меня въ прошлое, въ кругъ семьи, къ честному труду. О святая вѣра, любовь и надежда! Вы замѣнили все то, что я, по видимому, утратилъ на землѣ! Не покидайте меня въ жизни до того дня, когда я предстану предъ лицомъ Господа и узрю Его во всей Его благости! Тогда я возблагодарю Его за то, что Онъ въ такомъ тяжкомъ испытаніи утвердилъ мою вѣру, и подкрѣплялъ меня надеждою По безконечной Его милости, я прощаю съ любовью моимъ врагамъ и доносчикамъ, вспоминая слова Искупителя: Боже, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ! Зейдеръ.

Сообщ. М. Ѳ. Зубахина, дочь пастора Зейдера.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ Запискамъ Зейдера приводимъ извлеченную, по нашей просьбѣ, Г. И. Студенкинымъ справку изъ журналовъ С.-Петербургскаго губернскаго правленія за 1800-й годъ,—о времени ссылки Зейдера въ Нерчинскъ:

«С.-Петербургская полицейская экспедиція представила къ губернатору—лишеннаго, по опредѣленію государственной юстицъ-коллегіи, бывшаго пастора Зейдера сего званія и достоинства и наказаннаго кнутомъ 20-ю ударами, за законно-преступные поступки, для отсылки въ Нерчинскъ, въ работу. Хотя Зейдеръ, по донесенію губернскаго доктора Ремезова, одержимъ конвульсіями и обмороками, но губернское правленіе, уважая важность преступленія Зейдера, а также и дабы исполнена была Высочайшая конфирмація, — постановила: отправить Зейдера по назначенію». (Журналы губ. правл. 5-го и 12-го іюня 1800 г.).

ПОРТРЕТЫ ГОГОЛЯ И РИСУНКИ КЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ.

I.

«...Завѣщаю.... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, еслибы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудился, въ Римѣ, надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего—труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ-бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого-бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую нибудь общественную пользу (хотя-бы даже одниимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить) и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется извѣстностью, завели у себя какой нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ-же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: гравированъ Іорданомъ. Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло».....

Таковъ послѣдній пунктъ извѣстнаго „завѣщанія“ Гоголя, написаннаго въ 1845 г. и появившагося въ печати въ знаменитой „Перепискѣ съ друзьями“, изданной въ 1847 г. [1]), а ровно десять лѣтъ спустя, при изданіи его сочиненій, явился и портретъ, гравированный Ѳ. Іорданомъ.

Какіе же портреты Гоголя были извѣстны публикѣ—до того времени и послѣ?

Всѣ они, не смотря на многочисленность свою и разнообразіе, сводятся только къ четыремъ типамъ, или, лучше сказать, представляютъ болѣе или менѣе удачное воспроизведеніе четырехъ оригинальныхъ портретовъ, писанныхъ съ Гоголя [2]). Два изъ нихъ сдѣланы почти въ одно и то же время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ двумя извѣстными нашими художниками: А. А. Ивановымъ и Ѳ. А. Моллеромъ, въ Римѣ, въ 1841 г., т. е. въ лучшую пору литературной дѣятельности Гоголя, заканчивавшаго тогда І-й томъ „Мертвыхъ Душъ“. Третій оригиналъ набросанъ карандашомъ студентомъ Э. А. Мамоновымъ, одиннадцать лѣтъ спустя, въ Москвѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины Гоголя. Что касается до четвертаго оригинала, съ котораго была издана въ 1844 г. литографія, то кѣмъ и когда онъ писанъ—мы сказать не можемъ, за полнымъ отсутствіемъ всякихъ о томъ указаній. Въ дополненіе мы упомянемъ ниже о двухъ-трехъ особыхъ листкахъ, не подходящихъ подъ указанные типы.

I. По отзыву лицъ, близко знавшихъ Гоголя, наиболѣе удачный и схожій портретъ его принадлежитъ кисти А. А. Иванова [3]), который писалъ его съ Гоголя въ Римѣ, въ 1841 г., для В. А. Жуковскаго. Портретъ этотъ былъ переданъ Гоголемъ Жуковскому, при свиданіи съ нимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ сентябрѣ 1841 года. Съ тѣхъ поръ онъ хранился у Жуковскаго до самой его кончины, а потомъ перешелъ къ его сыну и, наконецъ, къ М. Х. Рейтерну, у котораго и находится въ настоящее время. Съ этого-то портрета приложена къ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 года самая точная копія, въ натуральную величину подлинника, который такимъ

---

[1]) По изд. Кулиша, 1857 г., т. III-й, стр. 334—335. П. Е.

[2]) Всѣ обозрѣваемые въ этой статьѣ портреты Гоголя—именно политипажи, гравюры и литографіи—находятся въ обширномъ «собраніи портретовъ русскихъ людей», принадлежащемъ П. А. Ефремову, всегда обязательно предоставляющій замѣчательныя свои собранія книгъ и портретовъ на пользованіе тѣхъ, кому встрѣтится въ этомъ надобность. Ред.

[3]) Знаменитый художникъ, которому принадлежитъ «Явленіе Іисуса Христа народу», Александръ Андреевичъ Ивановъ умеръ въ С.-Петербургѣ, 3-го іюля 1858-го года. П. Е.

образомъ въ первый разъ дѣлается извѣстнымъ публикѣ, потому что многочисленныя съ него литографіи нисколько его не передавали и притомъ, какъ увидимъ, были сдѣланы не съ самаго подлинника, а съ рисунка, снятаго съ него неизвѣстно кѣмъ. Правда, послѣ смерти Жуковскаго хранившійся у него портретъ Гоголя былъ нѣсколько времени у Ал. Ѳед. Отто, который и сдѣлалъ съ него двѣнадцать фотографій, обязательно передавъ одну изъ нихъ въ нашу коллекцію портретовъ русскихъ людей, но уже самое количество снимковъ указываетъ на то, что изданіе это было только для немногихъ. Сдѣланная же самимъ Ивановымъ копія съ портрета Гоголя хранилась у художника до его кончины и въ послѣдствіи поступила въ Московскій музей; но съ нея не было издано ни литографій, ни гравюръ, ни фотографій [1]).

Съ этого портрета были изданы слѣдующія литографіи:

Первый появившійся въ публикѣ портретъ былъ приложенъ къ одиннадцатой кн. „Москвитянина“ 1843 г. Онъ былъ рисованъ на камнѣ П. Зеньковымъ и отпечатанъ въ литографіи Кирстена, но до того несхожъ съ подлинникомъ Иванова, что (какъ мы сказали выше) нельзя допустить, чтобъ онъ былъ сдѣланъ прямо съ него. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разсказъ Н. В. Берга, хотя нѣсколько легендарный, о происхожденіи указываемой литографіи. „Исторія этого портрета,—говоритъ г. Бергъ,—можетъ быть разсказана какъ черта Гоголевскаго характера. М. П. Погодинъ постоянно просилъ своего пріятеля о портретѣ; тотъ обѣщалъ. Проходили однако же дни, мѣсяцы, годы—портрета не было. Однажды, послѣ отъѣзда Гоголя изъ Москвы—отъѣзда, какъ всѣ его отъѣзды, внезапнаго, таинственнаго, безъ всякихъ проводовъ, нашли въ нумерѣ, гдѣ онъ жилъ, какъ бы забытый портретъ. Общій голосъ присудилъ отдать его Погодину, какъ виновнику того, что портретъ такъ или иначе явился. Почему бы не отдать руками? Почему портретъ не конченъ? Почему это только эскизъ, набросанный кое-какъ, когда торопятъ, гроятъ уйти, не сидятъ спокойно?“ Подчеркнутыя нами строки прямо указываютъ, что оставленный Гоголемъ оригиналъ, вѣроятно, былъ сдѣланъ съ подлинника, хранившагося у Жуковскаго, наскоро, можетъ быть даже, самимъ Гоголемъ, изрядно рисовавшимъ еще въ школѣ. Портретъ Ивановымъ вполнѣ оконченъ и нисколько не походитъ на эскизъ, между тѣмъ какъ въ литографіи чего-то недостаетъ, глаза поставлены

---

[1]) Въ январѣ 1878 г. поступилъ въ Императорскую публичную библіотеку отъ г. Боткина портретъ Гоголя, сдѣланный А. А. Ивановымъ, позднѣе, передъ поѣздкою Гоголя въ Іерусалимъ. П. И.

какъ-то бокомъ, уменьшены и до половины закрыты опухшими вѣками; кромѣ того, раздута правая щека; прическа приплюснута, выраженія въ лицѣ никакого.

Съ этой литографіи сдѣлана была копія нашимъ почтеннымъ художникомъ Кирилломъ Антоновичемъ Горбуновымъ, другомъ В. Г. Бѣлинскаго, нарисовавшимъ и отлитографировавшимъ въ 1843—1845 г. лучшіе портреты: самого Бѣлинскаго, А. В. Кольцова, Т. Н. Грановскаго, А. И. Герцена, его отца—И. А. Яковлева, Е. Ѳ. Корша, П. В. Анненкова и др. [1]).—„Ни одинъ изъ существующихъ портретовъ Гоголя не передаетъ его какъ надо", говоритъ Н. В. Бергъ. „Лучшій—это литографія Горбунова съ портрета Иванова, въ халатѣ. Она случайно вышла лучше оригинала". Къ послѣднимъ словамъ мы сдѣлаемъ однако поправку: оригиналомъ г. Бергъ, конечно, считаетъ рисунокъ, принадлежавшій Погодину, о которомъ говорено выше, а никакъ не подлинникъ Иванова, по видимому, оставшійся вовсе ему неизвѣстнымъ.

Съ этихъ же литографій было сдѣлано еще четыре копіи, появившіяся уже по смерти Гоголя. Всѣ онѣ очень плохи, не исключая даже сдѣланной г. Тиммомъ, въ которой кромѣ того исчезла даже эспаньолка. Портретъ, сдѣланный Тиммомъ, помѣщенъ въ № 8-мъ „Художественнаго Листка" 1852 г. Вторую копію рисовалъ на камнѣ М. Барышевъ, печаталъ Дарленгъ; она издана отдѣльно. Третья копія, тоже явившаяся отдѣльно, не имѣетъ подписей рисовальщика и литографа, и дурна до невѣроятія. Наконецъ, четвертая, совсѣмъ плохая, также не имѣетъ подписей, и была приложена къ книгѣ: „Въ память столѣтія русскаго театра" (Спб. 1856 г.).

II. Второй оригиналъ писанъ съ Гоголя въ Римѣ-же, лѣтомъ 1841 г., Ѳ. А. Моллеромъ. П. В. Анненковъ, жившій въ то время рядомъ съ Гоголемъ, разсказываетъ, между прочимъ, что въ концѣ лѣта, передъ выѣздомъ его изъ Рима, Гоголь не принималъ участія въ устраивавшихся загородныхъ поѣздкахъ. „Извѣстный нашъ художникъ Ѳ. А. Моллеръ, оканчивавшій свою „Русалку", писалъ въ это же время портретъ Гоголя. По возвращеніи моемъ изъ Субіако, я разъ засталъ въ его мастерской Н. В. за сеансомъ. Вѣроятно, сеансы эти и были причиной, помѣшавшей Гоголю принять участіе въ нашей прогулкѣ. Показывая мнѣ свой портретъ, Н. В. замѣтилъ: „писать съ меня весьма трудно; у меня по днямъ бываютъ различныя

---

[1]) Имъ-же написанъ портретъ М. Ю. Лермонтова, незадолго до смерти его, въ послѣдній пріѣздъ съ Кавказа. П. Е.

лица, да иногда и на одномъ днѣ нѣсколько совершенно различныхъ выраженій", что̀ подтвердилъ и Ѳ. А. Моллеръ. Портретъ извѣстенъ: это мастерская вещь, но саркастическая улыбка, кажется намъ, взята Гоголемъ только для сеанса. Она искусственна и никогда не составляла главной принадлежности его лица" („Библ. для чтенія" 1857, № 11). Объ этомъ же портретѣ есть замѣтка и у Н. В. Берга. Задавши вопросъ: почему портретъ Гоголя рисовалъ Ивановъ—живописецъ вовсе не портретный, Бергъ продолжаетъ: „О портретѣ работы Моллера (опять таки не портретиста) слышалъ я, что онъ заказанъ былъ Гоголемъ для отсылки въ Малороссію, къ матери, послѣ убѣдительныхъ просьбъ цѣлаго семейства. Гоголь, по видимому, думалъ тогда, какъ бы сняться покрасивѣе: надѣлъ сюртукъ, въ какомъ его никогда не видали ни прежде, ни послѣ; растянулъ по жилету невѣроятную бисерную цѣпочку; сѣлъ прямо, можетъ быть, для того, чтобы спрятать отъ потомковъ, сколь возможно болѣе, свой длинный носъ, который, впрочемъ, былъ не особенно длиненъ".

Этотъ общеизвѣстный портретъ прилагается теперь къ изданіямъ сочиненій Гоголя, но при жизни его ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи не являлся. То обстоятельство, что именно съ этого оригинала была сдѣлана гравюра Ѳ. И. Іорданомъ, который упомянутъ въ приведенной выше выпискѣ изъ „завѣщанія" Гоголя, могло бы, по видимому, служить ручательствомъ за исключительное сходство этого портрета, но, съ другой стороны, можно равномѣрно предположить, что оригиналъ Иванова не былъ извѣстенъ ни Іордану, ни Кулишу, приложившему эту гравюру къ изданію сочиненій Гоголя 1858 г., а можетъ быть, и былъ извѣстенъ, но Кулишъ самъ нашелъ Моллеровскій портретъ лучшимъ [1]).

Нерѣшеннымъ, за недостаткомъ данныхъ, остается вопросъ: кто прежде писалъ съ Гоголя: Ивановъ или Моллеръ? Мы думаемъ, что прежде писалъ Моллеръ, потому что иначе г. Анненковъ не оставилъ бы безъ упоминанія, что съ Гоголя уже былъ писанъ портретъ въ томъ же самомъ году Ивановымъ. Напротивъ, неоднократно упоминая о встрѣчахъ у Гоголя съ Ивановымъ и Іорданомъ, г. Анненковъ ни однимъ словомъ не проговаривается о портретѣ. Лѣтомъ Моллеръ написалъ портретъ, а осенью Гоголь собирался на поѣздку изъ Рима,

---

[1]) Не могу удержаться, чтобъ не разсказать кстати курьезнаго факта, характеризующаго личные вкусы. К. С. Сербиновичъ, редактировавшій послѣднее изданіе сочиненій Жуковскаго, пересматривалъ у г. Мюнстера и въ моей коллекціи портреты Жуковскаго; при этомъ онъ отбрасывалъ всѣ, на которыхъ Жуковскій былъ безъ звѣзды, и дѣлалъ выборъ только изъ звѣздоносныхъ. П. Е.

и между прочимъ во Франкфуртъ, къ Жуковскому, которому былъ уже обѣщанъ портретъ. Не желая, можетъ быть, утруждать Моллера просьбою о второмъ портретѣ, а себя продолжительными сеансами, онъ, вѣроятно, обратился къ Иванову за маленькимъ портретомъ. Зная притомъ характеръ Гоголя, можно предположить, что тайна двухъ портретовъ такъ и оставалась при немъ, и этимъ, кажется, можно объяснить умолчаніе въ „завѣщаніи“ имени художника, писавшаго тотъ портретъ, который долженъ былъ награвировать Іорданъ.

Мы уже сказали, что г. Іорданъ именно съ оригинала Моллера сдѣлалъ свою гравюру для изданія г. Кулиша въ 1857 г. Вторая гравюра, нѣсколько уменьшенная противъ первой, была сдѣлана г. Іорданомъ для изданія сочиненій Гоголя, напечатаннаго его родственниками въ 1864 г. Къ слѣдующимъ изданіямъ сочиненій прилагалась уже геліогравюра (по способу Скамони), сдѣланная со второй гравюры. Знаемъ мы еще третью гравюру, уменьшенную съ первой и очень неудачную. Она сдѣлана L. Sichling'омъ, въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., и приложена къ контрфакціи сочиненій Гоголя, изданной въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., въ 4-хъ томахъ. (Это дословная перепечатка изданія г. Кулиша, съ исключеніемъ писемъ, составляющихъ 5-й и 6-й томы петербургскаго изданія).

Болѣе гравированныхъ портретовъ Гоголя ни съ какого оригинала сдѣлано не было, исключая маленькой профили [1]), о которой будетъ сказано ниже.

Съ Моллеровскаго портрета мы знаемъ три литографіи и пять политипажей: лучшая литографія приложена къ изданію „Лицей кн. Безбородко“ (Спб. 1859); она рисована на камнѣ П. Борелемъ и печатана В. Дарленгомъ; вторая помѣщена въ извѣстномъ изданіи г. Мюнстера, печатана въ его литографіи, и хотя тоже рисована Борелемъ, но гораздо хуже предыдущей; наконецъ, третья, крайне плохая и несхожая, издана отдѣльно; она рисована на камнѣ М. Барышевымъ и печатана въ литографіи Прохорова. Всѣ три въ большой полулистъ. Изъ политипажей довольно сносный помѣщенъ въ „Варшавскомъ иллюстрированномъ календарѣ“ (Kalendarz illustr.) 1870 г., на стр. 109; болѣе неудовлетворительный находится въ „Нивѣ“ 1870 г., № 3, стр. 37, и совсѣмъ несхожій, представляющій какого-то плачущаго мастероваго вмѣсто Гоголя, явился при 3-мъ томѣ „Русской Библіотеки“ (Спб. 1874); дѣланъ онъ въ Берлинѣ въ ксилографическомъ заведеніи „O. Ebel“. Наконецъ, очень недурной политипажъ нахо-

---

[1]) Этотъ и лейпцигскій портретъ не указаны въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго. П. Е.

дится въ „Исторіи русской литературы“ П. Н. Полеваго (2-е изд. Спб. 1874 г.) и хорошій политипажъ помѣщенъ во «Всемірной Иллюстраціи» № 458, изд. 1877-го года.

III. Третій оригиналъ когда и кѣмъ дѣланъ съ Гоголя—неизвѣстно. Гоголь изображенъ полуразвалившимся на готическомъ креслѣ. Голова немного повернутая вправо, опирается на лѣвую руку, которой кисть запущена въ волосы, а локоть лежитъ на ручкѣ кресла; правая рука свѣсилась съ другой ручки и видна до половины. Одѣтъ онъ, по видимому, въ сѣрый сюртукъ или пальто съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ; жилетка однобортная, застегнутая до половины пятью пуговицами, а верхняя часть держится сверху одною, какъ вóротъ русской рубашки; ни галстуха, ни сорочки не видно. Лицо типомъ своимъ нѣсколько напоминаетъ Моллеровскій, но сильно раздуто въ нижней половинѣ и снабжено до невѣроятности толстыми губами.

Литографія эта была приложена къ „Молодику“ на 1844 г., вышедшему въ Петербургѣ, и печатана у Поля; ни художника, ни рисовальщика на камнѣ—не означено.

Этотъ портретъ, Москвитянинскій и Горбуновскій—были единственные, появившіеся при жизни Гоголя. Съ этой литографіи сдѣланъ былъ политипажъ, приложенный къ книгѣ: „Nordisches Novellenbuch von Robert Lippert“ (t. II, 1846, Leipzig), и двѣ литографіи, появившіяся въ продажѣ вскорѣ послѣ смерти Гоголя: одна рисована П. Борелемъ и отпечатана у А. Мюнстера, другая рисована Н. Зенгеромъ, но гдѣ отпечатана—неизвѣстно; это, кажется, самый отвратительный листокъ и по рисовкѣ, и по литографированью. Во всѣхъ трехъ копіяхъ кресло, находящееся въ литографіи, приложенной къ „Молодику“, уничтожено и лѣвая рука опущена внизъ, причемъ почти изъ поколѣннаго портрета сдѣланъ грудной.

IV. Четвертый оригиналъ сдѣланъ съ Гоголя 22-го февраля 1852 г., нѣсколько часовъ спустя послѣ его кончины. Онъ набросанъ карандашомъ Э. А. Мамоновымъ и вскорѣ появился въ литографіи. Стóя подлѣ гроба Гоголя, я видѣлъ и рисуемый портретъ, и потому могу ручаться за поразительное сходство. Голова въ профиль на лѣво, въ лавровомъ вѣнкѣ; гроба вовсе не видно. Эта прекрасная литографія, къ сожалѣнію, не встрѣчается теперь, потому что въ свое время разошлась очень быстро. На ней помѣты рисовальщика и литографа вовсе нѣтъ.

Кромѣ нея тогда-же появились двѣ литографіи, изображающія Гоголя въ гробѣ. Онѣ—одна хуже другой: первую рисовалъ съ натуры П. Зеньковъ, на камнѣ Пашенный, а печаталъ В. Дар-

ленгъ; она въ большой листъ и въ ней особенно тщательно выдѣланъ только гробъ, сходства-же мало; притомъ, художникъ нарисовалъ Гоголя безъ вѣнка, но вѣнокъ во время рисовки снятъ съ головы не былъ, поэтому лобъ нарисованъ „по соображенію", отчего онъ и явился вовсе не Гоголевскимъ: маленькій и необыкновенно крутой. Вторая литографія имѣетъ подписи: „dess. d'après nature par Theod. Andreef le 23 Fevrier 1852 à Moscou. Собственность издателя". Гоголь, нисколько не похожій, изображенъ въ такомъ преогромномъ гробѣ, что можно-бы по бокамъ уложить еще двоихъ или троихъ; справа горитъ свѣча; сверху, въ облакахъ, Сатурнъ ломаетъ косу о книгу, на которой написано: „Сочиненія Гоголя"; вокругъ разбросано еще 8 книгъ съ надписями разныхъ отдѣльныхъ сочиненій Гоголя: Мертвыя Души, Женитьба и пр. Отъ книгъ по обоимъ бокамъ рисунка спускаются розовыя гирлянды.

Кстати укажемъ, что въ то же время былъ изданъ г. Солоницынымъ большой литографированный листъ, изображающій сожженіе 2-го тома Мертвыхъ Душъ. Гоголь сидитъ передъ печью съ кочергою, весь зеленый и костлявый; передъ нимъ на колѣнахъ слуга, умоляющій не жечь рукописи, а сзади преогромный скелетъ съ косою—смерть. Эта курьезная литографія крайне рѣдка.

V. Вскорѣ послѣ похоронъ Гоголя появился его литографированный портретъ, въ профиль налѣво, съ помѣтой: „Э. Мамоновъ. 1852 г. марта 5-го". Портретъ этотъ сдѣланъ Мамоновымъ съ его же рисунка мертваго Гоголя. Н. В. Бергъ замѣчаетъ: „Гоголевская мина вообще схвачена вѣрнѣе всего въ очеркѣ Э. А. Мамонова, сдѣланомъ наизусть. Но этотъ очеркъ страдаетъ недостатками, свойственными произведеніямъ такого рода: многое невѣрно; носъ длиннѣе чѣмъ былъ у Гоголя.... волосы не совсѣмъ такъ. За то галстухъ повязанъ точь въ точь какъ повязывалъ его Гоголь". Замѣчаніе о длинѣ носа тѣмъ и объясняется, что профиль живаго сдѣлана съ профили покойника, когда носъ, осунувшись, удлинняется; волосы у покойника тоже были отчасти закрыты вѣнкомъ.

Совершенно схожая съ предыдущей литографія, имѣющая помѣту: „Э. Мамоновъ. 1852 г. 22-го марта", была приложена къ „Московскому Сборнику" 1852 г., и съ того же оригинала менѣе удачное воспроизведеніе находится при книгѣ П. А. Кулиша: „Записки о жизни Гоголя" (Спб. 1857). Наконецъ, та же профиль, повернутая вправо, помѣщена въ изданномъ Н. Н. Полевымъ альбомѣ портретовъ русскихъ писателей (М. 1860 г.), съ помѣтою: „литографія В. Бахмана".

VI. Маленькая профиль Гого́ля, влѣво, въ дюймъ величиною, награвирована вмѣстѣ съ другими писателями на одномъ изъ листковъ при изданіи М. О. Вольфа: „Русскіе люди“ (Спб. 1866, т. 2). Она непохожа на Мамоновскую и ни на какія другія, почему и означаемъ ее особо.

VII. Въ прежней „Иллюстраціи“ также были помѣщены два портрета Гоголя: одинъ, сдѣланный съ молодаго Гоголя, въ лицейскомъ мундирѣ, профиль влѣво, поясной („Илл.“ 1858 г.) и другой съ Иванова или Моллера, трудно рѣшить—маленькій, въ кружочкѣ съ другими писателями, болѣе похожій на черное пятно („Илл.“ 1861 г. № 155).

VIII. Для полноты замѣтимъ, что, на другой день послѣ смерти Гоголя, была снята съ него маска Н. А. Рамазановымъ и вскорѣ появилась въ продажѣ вмѣстѣ съ маленькими, четверти въ полторы, гипсовыми бюстиками, которые также приписывались Рамазанову. Съ такого бюстика есть политипажъ, помѣщаемый на объявленіи и въ самомъ изданіи А. Н. Галяшкина картинъ къ „Вечерамъ на хуторѣ“, (Москва, 1874—1877 гг.); а изображеніе, сдѣланное съ маски, есть въ „Нивѣ“ изд. 1870 г., № 3.

Мы слышали также о небольшомъ рисункѣ, сдѣланномъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, гдѣ изображены во весь ростъ (конечно, въ маленькомъ видѣ) всѣ наши художники, бывшіе въ то время въ Римѣ какъ-то: Моллеръ, Ставассеръ, Штернбергъ и др., а посреди ихъ и Гоголь. Видѣть этого рисунка намъ не случалось.

Видъ могилы Гоголя, какою она была вскорѣ послѣ погребенія, помѣщенъ въ „Художественномъ Листкѣ“ 1853 г., а изображеніе памятника (на кладбищѣ московскаго Данилова монастыря) находится „въ Иллюстраціи“ 1862 г., № 203. Памятникъ представляетъ массивную усѣченную пирамиду изъ чернаго мрамора; на верхней сторонѣ написано: „Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19-го марта 1809 года; скончался 21-го февраля 1852 г.“; слѣва: „мужъ разумный престолъ чувствія (прит., гл. 12, ст. 23)“, „правда возвышаетъ языкъ (прит., гл. 13, стр. 34)“; справа: „истиннымъ же уста исполнитъ смѣха, устнѣ же ихъ исповѣданія (Іова, гл. 8, ст. 21)“ и въ ногахъ: „горькимъ словомъ моимъ посмѣюся (Іова, гл. 20, ст. 8)“.

II.

Независимо отъ обзора портретовъ Гоголя, считаемъ необходимымъ указать здѣсь какія изъ произведеній Гоголя были иллюстрированы нашими художниками.

Въ 1846—1847 гг. Агинъ и Бернадскій начали издавать прекрасные политипажи къ 1-му тому „Мертвыхъ Душъ". Ихъ должно было выйти 100 рисунковъ, въ 25-ти выпускахъ, по 4 въ каждомъ, но вышло только 72 (18 выпусковъ) и изданіе пріостановлено по независившимъ отъ художниковъ обстоятельствамъ. Затѣмъ, изъ числа невышедшихъ рисунковъ, два (Капитанъ Копѣйкинъ съ англичанкою и онъ же съ швейцаромъ) были помѣщены въ „Иллюстрированномъ альманахѣ" на 1848 г., тоже не вышедшемъ, и одинъ (Капитанъ Копѣйкинъ въ коммисіи)—въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ" на 1849 г. Такъ что всѣхъ рисунковъ было сдѣлано 75.

Иллюстраціи къ 2-му тому „Мертвыхъ Душъ" П. Боклевскаго помѣщались въ „Пчелѣ" 1875 г., но это скорѣе каррикатуры, а не типы.

Къ „Ревизору" — изображеніе послѣдней сцены было помѣщено въ „Репертуарѣ" 1840 г., а въ 1863 г. отдѣльно издано въ Москвѣ 5 большихъ литографій въ особомъ альбомѣ, подъ заглавіемъ: „Бюрократическій катихизисъ, пять сценъ изъ Ревизора. Эскизы Боклевскаго". Эти листы нельзя назвать и каррикатурами, до того они неудачны и грубо-балаганны. Съ нихъ сдѣланы политипажи, съ небольшими измѣненіями, явившіеся также въ видѣ альбома изъ пяти листовъ, подъ заглавіемъ: „Сцены изъ Ревизора."—Кромѣ этого у насъ есть листъ, помѣченный № 2-мъ, съ подписью: „Осипъ, слуга Хлестакова". Но полнаго изданія видѣть намъ не случалось. Оно вышло въ Москвѣ, изъ литографіи В. Бахмана.

Къ „Носу" у насъ есть двѣ большія литографіи, изображающія: „№ 1-й: Цырюльникъ Иванъ Яковлевъ находитъ носъ въ печеномъ хлѣбѣ" и „№ 2-й: Угрозы квартальнаго надзирателя Ивану Яковлеву". Онѣ рисованы и изданы въ апрѣлѣ 1863 г., въ Москвѣ, Э. Мелье, а печатаны въ литографіи А. Ерина. Несравненно лучше и умнѣе предыдущаго изданія. Было ли продолженіе—не знаемъ.

Къ „Тарасу Бульбѣ" изданы А. А. Ильинымъ 6 прекрасныхъ хромолитографій съ рисунковъ, сдѣланныхъ академикомъ Павломъ Соколовымъ въ 1861—1867 гг. [1]).

[1]) Эти шесть хромолитографій продаются, въ видѣ альбома, за 30 руб., но въ него не вошелъ седьмой и весьма эффектно исполненный рисунокъ «Казнь Остапа Бульбы въ Варшавѣ». Остапъ изображенъ на эшафотѣ, въ рубищѣ, въ

Въ альбомѣ: „Художественная Складчина“ (Спб. 1875) помѣщенъ eau forte Крамского съ его этюда изъ картины „Майская ночь“.

Къ „Вію“ сдѣлано нѣсколько рисунковъ М. О. Микѣшинымъ и три изъ нихъ хотя уже давно явились въ геліогравюрѣ по способу Скамони, но въ продажу не поступали, такъ что намъ удалось встрѣтить только два листа въ обширной художественной коллекціи К. С. Веселовскаго. Именно: 1) Панночка, сотникъ и Хома Брутъ, рисовано г. Микѣшинымъ „декабря 10-го 1872 г.“ и 2) Хома Брутъ съ вѣдьмою на плечахъ, рисов. „12-го марта 1869 г.“. Къ „Пчелѣ“ прошлаго года г. Микѣшинъ изъ рисунковъ своихъ къ „Віо“ приложилъ при № 40 большую литографію въ нѣсколько тоновъ, тоже изображающую вѣдьму на Хомѣ Брутѣ, но иначе, чѣмъ въ упомянутой геліогравюрѣ; а при № 50 приложенъ совсѣмъ новый рисунокъ: „Базаръ“. Продолженіе этихъ иллюстрацій обѣщано художникомъ для приложеній „Пчелы“ нынѣшняго года.

Наконецъ, мы должны указать на превосходное изданіе, А. Н. Галяшкина, картинъ къ „Вечерамъ на хуторѣ“. Эти прекрасныя большія хромолитографіи, рисованныя лучшими нашими художниками: И. Н. Крамскимъ, В. Е. Маковскимъ, К. А. Трутовскимъ, И. М. Прянишниковымъ и др., выходятъ съ 1874 г. выпусками отъ двухъ до семи картинъ, и продаются у Фельтена по крайне недорогой, сравнительно съ ихъ достоинствомъ, цѣнѣ.

Въ заключеніе изложенныхъ здѣсь подробностей, разскажу кстати о „собраніи портретовъ“ М. П. Погодина, перваго издателя перваго портрета Гоголя.

М. Н. Лонгиновъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ изъ Орла, пересматривая у меня коллекцію русскихъ портретовъ, разговорился о собраніи Погодина и передалъ такой курьезъ, который пересказываю его словами.

„Однажды мы съ М. А. Языковымъ были у Погодина и осматривали его коллекцію портретовъ, писанныхъ масляными красками. Уже давно носились слухи, что Погодинъ завелъ какого-то дешеваго живописца, который ему пишетъ масляными красками портреты съ ли-

---

цѣпяхъ, подлѣ колеса, которымъ размозжатъ его члены; подлѣ него ксендзъ съ крестомъ; тутъ же одинъ изъ плѣнныхъ казаковъ, ожидающій казни; у колеса палачъ, а вокругъ помоста толпы народа—зрителей. Рисунокъ этотъ не былъ отпечатанъ и въ подлинникѣ пріобрѣтенъ нами, въ 1874 г., отъ академика П. Соколова, вмѣстѣ съ прочими его превосходными рисунками къ повѣсти Тарасъ Бульба. Ред.

тографій, гравюръ, карандашныхъ рисунковъ и пр., и расчитывается даже не поштучно, а по аршинамъ исписаннаго холста. Тутъ мы отчасти въ этомъ убѣдились. Погодинъ подвелъ насъ къ портрету черноволосаго кудряваго мальчика, и спросилъ: „а видали-ли вы такой портретъ Батюшкова?“ Языковъ усомнился и замѣтилъ, что у Батюшкова были свѣтлые волосы. „Да вѣдь это онъ мальчикомъ“, замѣтилъ Погодинъ, а мы ему возразили, что бѣлокурые мальчики дѣлаются въ послѣдствіи черноволосыми, но обратнаго перехода мы что-то не знаемъ. Пріѣхавъ съ Языковымъ домой, я нашелъ у себя какую-то гравюрку безъ подписи, съ изображеніемъ господина въ кафтанѣ. Мы попросили третье лицо надписать на оборотѣ: „Кураторъ Московскаго университета Ададуровъ“ и послали по городской почтѣ Погодину съ адресомъ, писаннымъ тѣмъ же лицомъ. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ годъ или два, я былъ опять у Погодина и онъ мнѣ показалъ съ торжествомъ портретъ Ададурова, писанный масляными красками. Портретъ былъ съ нашего оригинала; я расхохотался и началъ увѣрять Погодина, что мы надъ нимъ пошутили. Онъ ничего не хотѣлъ слушать и только сердился“.

Не знаю—для шутки или совершенную правду передалъ мнѣ Лонгиновъ, но если дѣйствительно были таковы условія составленія „собранія“ Погодина, то на него полагаться не очень можно и, въ видахъ предупрежденія будущихъ недоразумѣній съ Погодинскими портретами, мы рѣшились передать разсказъ Лонгинова, тѣмъ болѣе, что Мих. Ал. Языковъ, живущій теперь, кажется, въ Новгородѣ, не откажется припомнить и сообщить: такъ-ли было это, или Лонгиновъ упомянулъ о немъ въ своемъ разсказѣ безъ всякаго основанія.

П. А. Ефремовъ.

Іоаннъ Грозный,

отзывъ современника-иностранца [1]).

1576 г.

Около 1576-го года московскій князь вступилъ въ 48-й годъ своего возраста. Онъ такъ преданъ благочестію и богослуженію, что для того, чтобы удобнѣе предаваться молитвѣ и постамъ, которые онъ очень строго соблюдаетъ, часто живетъ въ монастыряхъ и тѣло изнуряетъ великимъ воздержаніемъ. Бо́льшую часть своихъ доходовъ онъ истрачиваетъ на построеніе св. храмовъ и отыскиваетъ мастеровъ съ какимъ только можетъ прилежаніемъ.

Онъ очень высокаго роста. Тѣло имѣетъ полное силы и довольно толстое, большіе глаза, которыми онъ постоянно вращаетъ и все наблюдаетъ самымъ тщательнымъ образомъ. Борода у него русая, довольно длинная и густая; но волосы на головѣ онъ, какъ бо́льшая часть русскихъ, брѣетъ бритвой.

Онъ такъ склоненъ къ гнѣву, что въ гнѣвѣ испускаетъ пѣну на подобіе коня и приходитъ какъ-бы въ безуміе; въ такомъ состояніи онъ бѣсится также и на встрѣчныхъ. Если кто провинится немного потяжелѣе, того онъ уничтожаетъ съ корнемъ и истребляетъ со всѣмъ семействомъ, рабами и всѣмъ, что одарено живою душою. Такъ какъ это случается очень часто, то многія мѣста своихъ владѣній онъ превратилъ въ пустыню.

Когда онъ сидитъ за столомъ, то по правую его руку обыкновенно садится старшій сынъ. Самъ онъ съ грубыми манерами; именно: опирается локтями на столъ, и такъ какъ не употребляетъ никакихъ тарелокъ, то ѣстъ пищу взявъ ее руками; иногда полусъѣденное опять кладетъ въ чашку. Прежде чѣмъ пить или что нибудь съѣсть изъ предложенной пищи, онъ обыкновенно знаменуетъ себя большимъ крестомъ и взираетъ на повѣшенные образа Дѣвы Маріи и св. Николая. Кравчій, подавая ему питье, употребляемое имъ въ изобиліи, часть выливаетъ въ другой стаканъ и вкушаетъ его для пробы. Сынъ

---

[1]) Отрывокъ изъ сочиненія Даніила Принца фонъ-Бухау «Moscoviae ortus et progressus». Даніилъ Принцъ родился во Львовѣ, 14-го сентября 1546 года; былъ два раза въ Москвѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника: въ первый разъ, вмѣстѣ съ Кобенцелемъ, въ 1576 году, а во второй разъ, одинъ, въ 1578 году. Умеръ Принцъ въ Бреславлѣ, въ 1608 году.

во время питья встаетъ и желаетъ отцу здоровья. Если онъ кому нибудь своими руками подастъ что-либо изъ пищи или питья — это знакъ великой милости.

Сначала онъ взялъ за себя замужъ сестру одного своего боярина Никиты Романовича, который теперь у него играетъ важную роль, такъ однако, что часто былъ поставляемъ въ величайшую опасность за жизнь. Отъ нея онъ имѣетъ двухъ сыновей: Іоанна и Θеодора; они на русскомъ языкѣ называются: Ivan и Phedur. Послѣ ея смерти онъ взялъ дочь князя Черкесскаго, съ которою жилъ только нѣсколько лѣтъ. Въ третій бракъ онъ вступилъ съ одной боярыней, которая умерла, когда выпила какое-то питье, пересланное ей матерью чрезъ придворнаго (съ помощью этого питья она, можетъ быть, хотѣла пріобрѣсть себѣ плодородіе); за это и мать и придворнаго онъ казнилъ. Четвертую, сестру своего придворнаго Колтовскаго, не знаю по какой причинѣ, онъ заключилъ въ монастырь, убивши брата со всѣмъ семействомъ. Теперь у него новая супруга—дочь какого-то боярина, одаренная, какъ говорятъ, прекраснѣйшей наружностью; однако большинство постоянно отрицаетъ то, что она пятая.

Намѣреваясь вступить въ бракъ, онъ созываетъ къ себѣ изъ всѣхъ владѣній боярскихъ дочерей и сначала ихъ осматриваетъ всѣхъ, но, спустя нѣсколько дней, половину отсылаетъ; скоро потомъ число ихъ опять уменьшаетъ, пока, наконецъ, не останется одна та, которую предъ прочими онъ считаетъ достойною супружества съ собою. Празднуя же свадьбу, онъ созываетъ только родственниковъ невѣсты и нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ, въ присутствіи которыхъ невѣста соединяется съ нимъ митрополитомъ, по обычаю церковному. По окончаніи этого, между призванными къ этому торжеству разбрасываютъ драгоцѣннѣйшіе собольи мѣха, къ которымъ иногда бываютъ привязаны золотыя монеты. Оба сына, старшій двадцати лѣтъ отъ роду, а меньшой восемнадцати, еще безбородые, вступили въ супружество съ дочерьми какихъ-то бояръ. Отецъ, когда выслушиваетъ пословъ, помѣщаетъ старшаго на правой сторонѣ и поручаетъ ему посохъ, который предъ этими временами онъ употреблялъ вмѣсто скипетра. У него (т. е. у царевича Ивана) благородное лицо; но мнѣ кажется, что онъ не будетъ подражать храбрости отца въ военныхъ подвигахъ; но доблести, въ которыхъ нуждаются императоры для счастливаго управленія, имъ достаются свыше.

Московиты, наученные многими примѣрами, такъ боятся своего князя, что, позванные имъ, они не спокойно приходятъ, но прибѣгаютъ съ сколь возможно большою скоростію, и во всемъ, что бы на нихъ ни налагалось, оказываютъ ему послушаніе и повинуются безъ

всякой отговорки, съ великою душевною готовностію. Если ты кому нибудь желаешь здоровья, то онъ говоритъ: „дай Богъ, чтобы великій государь нашъ былъ здравъ, и потомъ мы, его подданные". Если ты спросишь у кого нибудь о чьихъ либо владѣніяхъ, то онъ отвѣчаетъ: „великаго князя и его"; обыкновенно говоритъ, что онъ не знаетъ, что̀ должно думать о своемъ князѣ: „Богъ и не Богъ; человѣкъ и больше человѣка". Если кто при дворѣ его дружественно сносится съ пріятелемъ, того тотчасъ схватываютъ, особенно если возбудится какое-либо подозрѣніе, и палками доводятъ до того, что онъ бываетъ принужденъ признаться въ этихъ рѣчахъ. И такъ они живутъ въ самомъ крайнемъ рабствѣ, больше котораго едва-ли можетъ быть; это бремя они потому легче переносятъ, что̀ совершенно не знаютъ, какое устройство другихъ царствъ и государствъ: они держатся въ своей странѣ заключенные какъ бы въ клѣткѣ, и никогда не смѣютъ ни выйти, ни послать дѣтей своихъ, на что многіе, какъ мы слышали, очень жаловались. И такъ, довольствуясь однимъ только туземнымъ языкомъ, они, какъ весьма часто бываетъ, не знаютъ всѣхъ другихъ; а такъ какъ у нихъ очень достаточно природныхъ способностей къ изученію всякихъ наукъ, то, еслибы къ этому прибавить образованіе, они были бы не ниже другихъ народовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ монархъ отъ начала своего правленія собралъ большія сокровища; этому дѣлу онъ предался тотчасъ съ первыхъ лѣтъ. Въ каждую недѣлю онъ взыскиваетъ со всѣхъ людей своей страны по нѣскольку монетъ; но церковнослужители въ счетъ не ставятся. Кромѣ того, всѣ деревенскіе жители, не исключая и тѣхъ, которые находятся во власти бояръ, платятъ ему съ полей опредѣленныя деньги, которыя въ каждой области собираютъ назначенные для того сборщики и вносятъ въ казну. Онъ беретъ также довольно большія пошлины съ вывозимыхъ изъ Московіи товаровъ. Изъ болѣе отдаленныхъ областей: Перми, Сибири, Устюжны, гдѣ родится дерево кедръ, ему привозятъ въ большомъ количествѣ драгоцѣнные мѣха, годные для подбивки одеждъ повелителей; эти мѣха онъ продаетъ чрезъ купцовъ въ разныя стороны и сгребаетъ серебро съ великою жадностію.

Маленькія животныя, отъ которыхъ мы шкуры называемъ собольими, питаются кедровыми орѣхами. Эти области населяютъ люди дикіе и даже совершенные варвары. Занимаясь одной только охотой, они добываютъ дикихъ звѣрей посредствомъ метательныхъ копій, и въ этомъ искусствѣ такъ опытны, что очень рѣдко не попадаютъ въ самый носъ звѣрька; содравши шкуры, они сшиваютъ ихъ и продаютъ воеводамъ великаго князя. Не зная никакого земледѣлія,

они питаются однимъ только мясомъ дикихъ звѣрей и вмѣсто лошадей употребляютъ оленей, которыхъ запрягаютъ въ телѣги, и собакъ, на которыхъ они ѣздятъ верхомъ; это мы узнали отъ многихъ достойныхъ вѣры.

И такъ, этими и очень многими другими способами царь ежегодно собираетъ большую сумму денегъ, и хотя ведетъ постоянныя войны, однако дѣлаетъ небольшія издержки, потому что всѣ такъ называемые бояре принуждены находиться въ военной службѣ на свой счетъ; какъ только средства ихъ истощатся, бояръ отпускаютъ домой снова заниматься хозяйствомъ, а на мѣсто ихъ назначаютъ другихъ, новыхъ.

Тѣмъ, которые вели себя на войнѣ мужественно, великій князь оказываетъ свою милость, которая у нихъ называется особеннымъ именемъ Zalowaniae, или назначаетъ извѣстную часть полей, или увеличиваетъ годовое содержаніе. Татары, помощью которыхъ онъ очень часто пользуется въ войнахъ благодаря отличному мнѣнію, составленному о нихъ, живутъ почти довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для нихъ неограничена. Однако очень многимъ, особенно начальникамъ, положено, кромѣ того, жалованье. Нѣмецкихъ солдатъ онъ предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ и потому, если выходитъ на войну, особенно много заботится объ ихъ наборѣ и не щадитъ никакихъ издержекъ.

Святѣйшій императоръ Максимиліанъ, вслѣдствіе многихъ побужденій, особенно по настоянію пословъ Московскаго государя, далъ ему слѣдующій титулъ: „Свѣтлѣйшему и могущественному государю, царю Іоанну Васильевичу, повелителю всей Руси, великому князю Владимірскому, Московскому, Новгородскому, государю Псковскому, Смоленскому и Тверскому, царю Казанскому и Астраханскому, единственному другу и брату нашему“.

А вотъ слѣдующій титулъ онъ самъ обыкновенно употребляетъ въ своихъ грамотахъ, посылаемыхъ къ иностраннымъ государямъ; этотъ титулъ всѣ его подданные должны держать въ памяти самымъ тщательнымъ образомъ, какъ ежедневныя молитвы: „Божіею милостію, государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій, великій князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Булгарскій, Новгорода Нижняго, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всей земли Сибирской и сѣверной, отъ начала наслѣдственный государь Ливоніи и многихъ другихъ странъ“. Къ этому титулу онъ часто прибавляетъ названіе монарха, что на

русскомъ языкѣ, который въ сложеніяхъ очень счастливъ, весьма удачно переводится словомъ Samoderzetz, такъ сказать, который одинъ держитъ управленіе. Девизомъ великаго князя Іоанна Васильевича было: „Я никому не подвластенъ, какъ только Христу, Сыну Божію“.

Ив. Тихомировъ.

Ревель.
1-го декабря 1875 года.

Императоръ Павелъ и старообрядцы

25-го ноября 1800 г.

25-го ноября 1800 года былъ для меня день достопримѣчательный. Это было воскресеніе. Я смотрѣлъ на разводъ предъ Зимнимъ дворцомъ, въ присутствіи государя императора Павла Петровича бывшій. Народу было множество, между коими, увидѣвъ большую толпу знакомыхъ прихожанъ „Миловской“ церкви, въ томъ числѣ и самого Ивана Ивановича Милова со священникомъ и прочими крылошанами, я присоединился къ нимъ и сталъ у Комендантскаго подъѣзда. Тутъ услышалъ я, что государь изволилъ быть у Милова въ домѣ и церкви 20-го ноября и въ сей день пригласилъ его со всѣми прихожанами въ придворную церковь. Хотя я и не былъ изъ числа прихожанъ Милова и не зналъ цѣли царева приглашенія, но, видя множество знакомыхъ, рѣшился идти съ ними. Разводъ конченъ у дворца; государь изволилъ пройти мимо насъ на Комендантскій подъѣздъ и вслѣдъ за нимъ г. оберъ-полиціймейстеръ и прочіе полицейскіе чиновники стали приглашать простой народъ въ придворную церковь.

Миловъ съ прихожанами своими пошелъ впередъ — я за нимъ. Вошли въ церковь и заняли мѣста по лѣвую сторону отъ лѣваго клироса до самыхъ дверей—почти цѣлую половину церкви. Правая сторона была свободна; кое-гдѣ стояли придворные чины. Вскорѣ послышалось въ предцерковныхъ покояхъ движеніе—и государь императоръ со всею царскою фамиліею и вельможами изволилъ войти въ церковь и стать по правую сторону, на царское мѣсто. Началась литургія, которую служилъ царскій духовникъ,—и мы, смиренные прихожане Милова, стоя у лѣваго клироса, положа шляпы и шапки на полъ, вынули изъ кармановъ чотки — кто только имѣлъ — творили крестное знаменіе и поклоны по обычаю Миловской церкви, и благоговѣйно посматривали на государя императора и на все насъ окру-

жающее. По окончаніи литургіи и молебна—ибо въ сей день праздновали тезоименитство Екатерины Павловны — его величество изволилъ подходить ко кресту и привѣтствовать Милова, близко тутъ стоявшаго, и потомъ тѣмъ же порядкомъ во внутренніе покои возвратиться. Народъ медленно выходилъ изъ церкви, а Миловъ съ избранными прихожанами отведенъ въ особый покой по правую сторону церкви, изъ котораго нѣсколько человѣкъ, казавшихся сомнительными, т. е. не русскаго покроя—обракованы и выпровождены вонъ. Потомъ, минутъ черезъ 5 или 10, приказано было перейти въ государеву опочивальну, на дворцовую площадь, подлѣ Фонарика находящуюся. Любопытство влекло меня: я одѣтъ былъ въ шинели, Миловъ меня не зналъ; я боялся, что меня обракуютъ, и потому старался быть назади и отъ зоркихъ взоровъ его укрываться. Но когда достигнули до дверей опочивальной, тогда я уже смѣлѣе входилъ въ оную. Насъ было отъ 30-ти до 35-ти человѣкъ. Войдя въ спальную, сотворили мы предъ иконою три обычные поклона и кланялись государю въ землю, который былъ только съ графомъ Кутайсовымъ.

Въ опочивальной были маленькая односпальная кровать съ однимъ тюфякомъ, одинъ письменный столикъ, и въ углу божница, въ которой за стеклами стояли нѣсколько разныхъ образовъ за стеклами-же и крестовъ со св. мощами. Государь, поздоровавшись, изволилъ спрашивать Милова и священника, радомъ стоявшаго:

— „Каково понравилось вамъ служеніе литургіи, какую разность находите между старой и нынѣшней службой, можете ли служить вмѣстѣ, т. е. миловской священникъ съ придворными?“

Миловъ съ прочими почтительно отвѣтствовали, что служеніе весьма хорошо, что разность извѣстна въ старыхъ и новыхъ книгахъ и что, безъ соглашенія разностей, служить вмѣстѣ одинаково не могутъ.

На сіе государь замѣтилъ почти сими словами: „я знаю, что есть разность въ произношеніи словъ; напримѣръ, въ старыхъ книгахъ написано въ возгласѣ: и во вѣки вѣкомъ, а въ новыхъ: и во вѣки вѣковъ, но это, по смыслу ихъ, все равно. Также въ старыхъ книгахъ написано говорить аллилуія дважды, а въ новыхъ трижды — и это не составляетъ никакой важности. Вамъ извѣстно, что и въ самыхъ старыхъ книгахъ разныхъ выходовъ есть разности, а потому церковь соборомъ опредѣлила всѣ книги пересмотрѣть, исправить и ввести единообразіе. Для чего же отъ нея отдѣляться и на столь много разныхъ толковъ?“

— „Ваше величество,—нѣкоторые возразили,—мы не столько удалены отъ соединенія, какъ называемая безпоповщина, которая ни священства, ни св. причастія, ни прочихъ таинствъ не имѣетъ“.

— „Такъ, вотъ видите и сознаетесь сами, что въ васъ единства нѣтъ, и потому-то я постараюсь соединить всѣхъ; а между тѣмъ предлагаю вамъ отслужить обѣдню въ слѣдующее воскресеніе по вашимъ старинньмъ книгамъ, а чтобъ согласны были въ служеніи, я назначаю вамъ протодіакона, котораго угодно; возьмите его, согласитесь во всемъ, спойтесь и приходите всѣ. Согласны ли на это?"

Мы всѣ поклонились и назначили протодіакона Ивана Александровича.

Между тѣмъ разговоръ продолжался и государь спрашивалъ: „гдѣ находятся молебные домы безпоповщины?"

О нихъ сказали, что Федосѣева согласія въ домѣ купца Косцова, въ домѣ Пешневскаго, на Охтенскомъ и Волковскомъ кладбищахъ, и поморянъ—на Моховой улицѣ. Потомъ выхваляли свое смиреніе, тихую и простую жизнь и указывали на добродѣтельныхъ сѣдыхъ старичковъ, между которыми на лицо тутъ былъ Степанъ Ивановичъ Барка, низенькій, плотненькій, кушакомъ подпоясанный—и словомъ и дѣломъ простенькій, которому уже 80 лѣтъ.

Государь внимательно посмотрѣлъ на него, протяжно произнесъ: „восемьдесятъ лѣтъ!"—и Барка удостовѣрительно повторилъ:

— „Да, батюшка ваше величество, бездѣлки не хватаетъ",—и повалился въ ноги.

Государь засмѣялся, а за нимъ графъ Кутайсовъ, и всѣ мы предстоящіе не могли удержаться отъ смѣха. Въ то же время государь изволилъ обращаться съ вопросами къ священнику:

— „Кто ты, откуда, гдѣ обучался, кѣмъ поставленъ?"

На что священникъ отвѣчалъ, что онъ поставленъ въ Новѣгородѣ, былъ тамъ при архіереѣ, имѣлъ счастіе видѣть государя императора во время проѣзда его въ Москву на коронацію.

Потомъ государь, окончивъ съ нимъ разговоръ, сказалъ ему: „благослови же меня",—и онъ благословилъ его по миловски.

Наконецъ, когда государь изволилъ сказать: „идите съ Богомъ", Миловъ сталъ откланиваться и подошелъ къ рукѣ; тогда государь указалъ на иконы, подошелъ къ божницѣ, отворилъ рамку и сказалъ: „не угодно-ли приложиться къ св. мощамъ и иконамъ?" — и тутъ же указалъ на образъ, который поднесла дочь Милова, въ вышеупомянутомъ государевомъ посѣщеніи его.

Тогда всѣ мы, сотворивъ трикратное поклоненіе, прикладывались къ иконамъ и потомъ цѣловали руку государя, тутъ же стоявшаго, и послѣ того одинъ за другимъ медленно выходили и возвращались въ домы свои.

Сіе событіе произвело въ городѣ разные толки. Миловщина, раду-

ясь такому неслыханному происшествію, надѣялась на монаршее благоволеніе, готовилась къ предназначенному общему служенію во дворцѣ и надѣялась получить свободу и новой блескъ для своей церкви. Напротивъ того, безпоповщина погружена была въ ужасное безпокойство и опасенія. Содержатели часовенъ или моленныхъ—Косцовъ, Пешневской и прочіе—взяты были подъ стражу, которымъ объявлено было, чтобъ они соединились съ миловщиною и составили единое общество или церковь подъ названіемъ благословенной - единовѣрческой. А какъ они ни на что не соглашались, а просили оставить ихъ такъ, какъ они долгое время были, то Пешневскаго велѣно обрить и отдать въ фурманщики, а Косцова посадить въ с.-петербургскую крѣпость, въ которой и просидѣлъ до восшествія на престолъ благополучно нынѣ (писано въ 1802—1820-хъ гг.) царствующаго государя императора Александра Павловича. Онъ воцарился и всѣ темницы и крѣпости отверзлись—и узники возвратились въ домы свои.

Примѣчаніе составителя разсказа: Церковь Милова находится въ домѣ Милова у Воскресенскаго моста, надъ коей позволено поставить деревянный осмиконечный крестъ и звонить въ колокола. Государь Павелъ Петровичъ зналъ издавна Милова лично.

Сообщ. И. Н. Лапотниковъ (изъ бумагъ его дѣда).

Чортъ въ городѣ Курмышѣ

1813—1814 гг.

Пріѣхавъ въ г. Курмышъ, Симбирской губерніи, въ 1867 году, на службу, при знакомствѣ съ бытомъ городскихъ жителей, я неоднократно слышалъ, какъ подтвержденіе неразвитости ихъ, что у нихъ производилось слѣдствіе о чортѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Заинтересованный неоднократнымъ указаніемъ на слѣдствіе о чортѣ, я обратился къ разспросамъ и къ разбиравшемуся тогда архиву присутственныхъ мѣстъ. Въ самомъ городѣ отыскалъ престарѣлую внучку Раздьяконовой, въ домѣ которой жилъ сказанный чортъ. Отъ нея узналъ слѣдующее: въ кельѣ, на дворѣ бывшаго дома діакона Прокопьевской церкви, а нынѣ мѣщанки Ядровой, что противъ дома городской думы, у старухи Раздьяконовой жило, въ 1813 г., невидимое существо, которое говорило самымъ тоненькимъ голосомъ, такъ, какъ будто голосъ слышался изъ-за стѣны кельи. Онъ особенно любилъ старушку, жившую вмѣстѣ съ хозяйкой, и называлъ ее „Баушка черный платочекъ", а не любилъ и мучилъ дворовую дѣвку Анастасію,

данную хозяйкѣ кельи въ услуженіе дальними родственниками—помѣщиками и благодѣтелями ея. Невидимое существо про себя говорило, что онъ сынъ богатаго московскаго купца, умершаго еще въ дѣтствѣ его, и что у него жива только мать, которая его прокляла за то, что онъ очень любилъ дѣвушекъ и гулялъ по трактирамъ. Когда невидимое существо стало очень мучить Анастасію, то приходилъ въ келью производить дознаніе бывшій тогда городничій Иванъ Ивановичъ Субочевъ.

Въ архивѣ присутственныхъ мѣстъ особыхъ дѣлъ по этому слѣдствію не отыскано, хотя, по описямъ 1813 и 1814 гг. курмышскаго уѣзднаго суда, таковое дѣло и значилось, но противъ него была сдѣлана отмѣтка, что оно взято губернаторскимъ чиновникомъ. Въ докладномъ же регистрѣ курмышскаго городническаго правленія на октябрь мѣсяцъ 1813 года и журналѣ курмышскаго уѣзднаго суда 1814 года, найдены доклады, опросы и постановленія по сказанному слѣдствію, которыя здѣсь привожу въ дословныхъ выпискахъ.

Докладной регистръ Курмышскаго городническія правленія на октябрь—1813 г.

Матерія бумаги: № 71. Окт. 20. Запросъ дворовой дѣвкѣ Настасьи Сергѣевой, коимъ показала, что въ домѣ вдовы Прасковьи Ѳедоровой Раздьяконовой, въ теченіи сего мѣсяца дней съ шесть со двора въ стѣну и въ самой избѣ неизвѣстно отъ кого стукъ и бросаніе камнями происходило, и 14-го числа октября вечеромъ, во время бытности въ домѣ Раздьяконовой, какимъ образомъ упалъ съ потолка кирпичъ—не видала, но отъ стука онаго, лежавши на полатяхъ, проснулась.

Резолюція: Какъ изъ онаго допроса видно, что дворовая дѣвка Сергѣева учинила въ кинутіи съ полатей кирпичомъ, а также и въ разномъ стукѣ, запирательство и сообщниковъ въ намѣреніи причинить зло вдовѣ Раздьяконовой никого не открываетъ, то къ уличенію отобранныхъ отъ показаній посланныхъ отъ меня полицейскихъ служителей для раскрытія, какимъ образомъ происходилъ стукъ на дворѣ и отъ находящихся когда брошенъ былъ съ полатей кирпичъ во время бытности моей для развѣдыванія, а также и отъ понятыхъ стороннихъ людей, которые при мнѣ и уѣздномъ стряпчемъ находились въ избѣ, отобрать показаніе.

Матерія: № 72. Окт. 20. Показаніе полицейскихъ служителей Свѣшникова, Лукьянова и Чамалина, коимъ удостовѣряютъ, что сего мѣсяца 11, 12 и 13-го чиселъ для присмотру около дому вдовы Раздьяконовой въ секретныхъ мѣстахъ съ 8-го до 1-го часу ночи находились и точно стукъ и бросаніе камнями слышали.

Резолюція: Означенное показаніе полицейскихъ служителей пріобщить къ дѣлу.

— № 73. Окт. 21. Показаніе города Курмыша жителей Михаила Полякова съ товарищами, всего 12 человѣкъ, коимъ удостовѣряютъ, что по бытности ихъ въ домѣ Прасковьи Раздьяконовой 15-го числа сего мѣсяца съ г. городничимъ

и стряпчимъ, съ 8-го до 1-го часу ночи никакого стука и бросанія камнями не происходило.

Резол.: Оныя показанія пріобщить къ дѣлу.

— № 74. Окт. 22. Показаніе мѣщанина Максима Малюгина, коимъ показалъ, что въ домѣ вдовы Прасковьи Раздьяконовой 12, 13 и 14-го чиселъ бросаніе камней происходило.

Резол.: Учинить тоже.

— № 75. Окт. 22. Показаніе вдовы Прасковьи Раздьяконовой, коимъ удостовѣряетъ, что г. городничему о происходящемъ въ домѣ ея неизвѣстно отъ чего стукѣ, бросаніи камней, чулокъ и лаптей, а также и о дѣвкѣ Настасьи Сергѣевой, что находится въ болѣзни, сказывала.

Резол.: Оное показаніе пріобщить къ дѣлу и, сдѣлавъ особое постановленіе, сообразя все дѣло по порядку, отослать въ разсмотрѣніе и съ подозрѣвающейся дѣвкой въ уѣздный судъ, приполнивъ, буде нужно, отъ священника Троицкой церкви показаніе, то бы уѣздный судъ чрезъ кого слѣдуетъ истребовалъ. Самое дѣло отмѣтить рѣшеннымъ.

Журналъ Курмышскаго уѣзднаго суда 1814 года, февраля 28-го дня, въ субботу.

„Слушали выписку, учиненную о бывшемъ въ домѣ вдовы экономической крестьянской жены Прасковьи Раздьяконовой, жительствующей на дворѣ Покровской церкви діакона Евграфа Петрова, ночью, часу съ 8-го до 1-го, стукѣ съ улицы и внутри самой избы, бросаніе камнями, чулками и лаптями нѣсколько ночей. Приказали: Хотя живущая въ одной избѣ съ вдовою Прасковьею Раздьяконовой дѣвка Настасья Сергѣева, находящаяся въ услуженіи, по вѣрющему письму, у саратовскаго мѣщанина Половинкина, и подозрѣвалась въ чиненіи въ той избѣ, равно и снаружи оной, стукѣ и метаніи камнями и прочимъ, но обстоятельства и открываютъ, что все оное производимо было кѣмъ либо съ намѣреніемъ, дабы бросаніемъ камней, полѣньевъ и произведеніемъ стука навести на живущихъ въ тѣхъ домахъ страхъ, дабы чрезъ оный отдалить отъ домовъ своихъ и, воспользуясь, тѣмъ временемъ, произвести воровство, каковаго содержанія на счетъ дѣвки Настасьи Сергѣевой отнести никакъ не можно, поелику, какъ существо дѣла сего доказываетъ, что, когда тотъ стукъ происходилъ, дѣвка Сергѣева находилась въ избѣ, слѣдовательно, и чинено оное было неизвѣстными людьми, въ подтвержденіе чего служитъ и то, когда происходилъ стукъ у дьякона въ избу, то сѣнная дверь заложена была съ надворья цѣпью и, какъ видно, съ выдумкою, дабы отнять случай произвести гвалтъ; относительно того, что, во время бытности городничаго въ домѣ Раздьяконовой, сверху потолка упалъ кирпичъ, по

удостовѣренію бывшихъ тутъ, кѣмъ оный брошенъ не запримѣчено, въ каковое время дѣвка Сергѣева лежала по болѣзни на полатяхъ, то и сіе дѣйствіе къ ней причесть, равно и то, какъ унтеръ-офицеръ Притковъ показываетъ, что, въ бытность его въ томъ домѣ, неизвѣстно кѣмъ брошенъ въ него стаканъ съ водою и стоящіе на брусу горшки— весьма сомнительно; а непосредственно все сіе относится къ хитрымъ предпріятіямъ злонамѣренныхъ людей, къ нерасторопности и слабости полицейскаго надзора. Но однакожъ за тѣмъ за всѣмъ дѣвку Сергѣеву на будущее время оставить въ сильномъ подозрѣніи, а случай сей, на основаніи воинскаго устава процессовъ 2-й части 5-й главы, 9-й и 10-й статьи, предать суду Божію, а во обстоятельствахъ онаго сочинить особое постановленіе".

Какъ видно изъ журнала уѣзднаго суда, дворовая дѣвка Сергѣева была въ ненавистной для крѣпостныхъ кабалѣ, почти у равной себѣ, по происхожденію, Раздьяконовой и, очень можетъ быть, прибѣгла къ обыкновенному средству, не только въ началѣ текущаго столѣтія, но и въ концѣ его первой половины, чтобы избавиться отъ неимовѣрнаго труда кабальныхъ, при скудной пищѣ и совершенной наготѣ, проглядывавшей между висящими на нихъ лохмотьями. Въ Курмышскомъ и прилежащихъ уѣздахъ: Алатырскомъ и Ардатовскомъ Симбирской губерніи, между крѣпостными крестьянами сильно были распространены падучія болѣзни, кликуши и юродствующіе, которыхъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ можно было встрѣтить въ каждомъ селеніи по нѣскольку лицъ. Положеніе 19-го февраля 1861 года бо̀льшую часть ихъ излечило. Сергѣева же такъ искусно вела свое дѣло, что возбудила слѣдствіе о чортѣ, живущее въ памяти у курмышанъ до сихъ поръ съ значительными преувеличеніями.

Кстати здѣсь привести другой замѣчательный случай средства избавленія себя отъ труда помощію юродства. Въ 1850-хъ годахъ въ Алатырскомъ уѣздѣ бѣгалъ здоровый, красивый дворовый человѣкъ, извѣстный подъ именемъ „Дяди домой". Онъ бѣгалъ всегда босой и съ палкою, поднятою къ верху, съ привязаннымъ пукомъ разноцвѣтныхъ лентъ, говоря встрѣчнымъ „дядя, домой", и затѣмъ, кромѣ избранныхъ изъ женскаго пола, никому ничего не говорилъ. Вмѣстѣ съ барскими дѣтьми обучался разнымъ наукамъ и языкамъ, но когда они были отданы въ какое-то высшее учебное заведеніе, онъ сдѣлался „Дядей домой" и до того велъ свои дѣла искусно, что когда епархіальный архіерей гдѣ-либо его встрѣчалъ, то обыкновенно сажалъ съ собой въ карету; про барынь же и монахинь нечего было и говорить—одна у другой перебивала... Но и „Дядя домой" пропалъ по-

слѣ произведеннаго о немъ слѣдствія по случаю заведенія имъ въ разныхъ глухихъ мѣстахъ дѣвичьихъ пріютовъ, на средства, щедро даваемыя поклонницами его.

Сообщ. **М. Куроптевъ.**

21-го мая 1874 г.
Г. Слободской, Вятской губ.

В. А. Жуковскій—Н. И. Гнѣдичу.

I.

Любезный Николай! Скажи Колосовой, что піеса ея у меня. Я обѣщалъ Милорадовичу найти переводчика, но до сихъ поръ не было возможности. Увѣрь ее, что переводъ будетъ, но только желалъ бы я знать, къ которому времени рѣшительно желаетъ она имѣть его: спроси и увѣдомь. Есть-ли никто не возьметъ переводить, то переведу самъ, ибо желаю, чтобъ эта піеса была сыграна хорошо; а есть-ли она будетъ переведена дурно, то ее и играть нельзя. Обнадежь Колосову; только это—то есть мое намѣреніе переводить—должно остаться между нами: не хочу въѣзжать на сцену въ пустомъ переводѣ посредственной комедіи.

До сихъ поръ помѣшали мнѣ приняться за дѣло мои грамматическія хлопоты. Черезъ недѣлю примусь и въ недѣлю кончу; и такъ (есть-ли чего неожиданнаго не случится), черезъ двѣ недѣли все получишь. Но все пришли мнѣ ultimatum Колосовой. Ты же будешь хранителемъ тайны—къ тебѣ пришлю переводъ; велишь переписать, а оригиналъ мнѣ возвратишь. Прости, Николай! Твой Василій.

Ради Бога! увѣдомь меня о Батюшковѣ. Начали-ли думать объ немъ Муравьевы? Никитѣ непростительно, и я этого изъяснить не умѣю.

II.

Любезнѣйшій Николай! Прочитавъ твое письмо, я увѣрился, что ты не умѣешь читать по русски. Въ моемъ письмѣ я именно просилъ тебя, чтобы мое намѣреніе переводить «Валерію» осталось между нами, чтобы никто не зналъ объ немъ, кромѣ тебя и Колосовой. А ты, по щучьему велѣнью, да не по моему прошенью, обратившись въ какую-то колокольню, вдругъ разбубенчилъ объ немъ и даже прозвучалъ во услышаніе Медеи [1]). Признаюсь, это досадно. Вотъ исторія этого перевода. Милорадовичъ просилъ меня найти хорошаго переводчика для Колосовой. Я бы и нашелъ кого нибудь, но въ то самое время, когда меня просилъ Милорадовичъ о комедіи, я просилъ

---

[1]) Семенова.

его о избавленіи одного бѣдняка отъ ссылки, и чтобъ дать вѣсу моей просьбѣ, обѣщалъ ему угодить переводомъ. Ему нельзя было исполнить моей просьбы, а я далъ слово и долженъ его сдержать,—тутъ нѣтъ Парижа. Я же и теперь ожидаю отъ него другой услуги, не мнѣ личной, но весьма для другаго важной. И такъ, переведу піесу,—съ завтрашняго дня примусь за нее. Надѣюсь, что поспѣетъ въ недѣлю. Половину вчернѣ пришлю прежде: могутъ начать разучивать, ибо надѣюсь, что ценсурѣ здѣсь нохлебать будетъ нечего. Тебя-же прошу продолжать быть колоколомъ и разбубенить противное тому, что̀ ты уже соблаговолилъ разбубенить: именно, что перевожу не я, а другой. 'кажи только Колосовой тайну, но—за тайну. Имени на афишкѣ не будетъ. Однимъ словомъ, не хочу выѣзжать въ публику на „Валеріи".

Что ты пишешь о Батюшковѣ, меня грустно радуетъ. По крайней мѣрѣ рѣшились помѣстить его на покойную квартиру, доступную Миллеру. Ихъ медлительность сердила меня и мучала. Радуетъ меня душевно то, что онъ меня помнитъ и желаетъ. Теперь не ѣду къ нему для того, что минутное посѣщеніе не можетъ ему быть въ пользу. Но возвратясь, буду подлѣ каремъ Миллера.

Прости! Увѣдомь, что̀ сдѣлаешь по моей просьбѣ. Жуковскій.

На оборотѣ: «Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Доставить немедленно».

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Купецъ Грудцынъ объ употребленіи чаю и сахару

1688 г.

Въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ картонахъ Малиновскаго, именно въ седьмомъ, есть выписка изъ подлиннаго письма къ холмогорскому архіепископу Аѳанасію отъ гостя Василья Грудцына, фамилія котораго очень ясно напоминаетъ намъ то купеческое семейство, о которомъ разсказываетъ извѣстная повѣсть конца XVII вѣка, которая носитъ названіе «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», который былъ купеческимъ сыномъ и котораго отецъ посылалъ по торговымъ дѣламъ. Самое мѣсто дѣйствія въ повѣсти — Русь сѣверная. Письмо это Василья Грудцына было послано при отправленіи въ мѣшечкѣ китайской травы съ наставленіемъ, какъ ее варить. Письмо писано въ 1688 году: «Послалъ я къ тебѣ въ мѣшечкѣ фунтъ травы китайскаго чаю, изволь, государь, приказать варить ее въ водѣ кипячей и пить съ сахаромъ во здравіе». На нашъ взглядъ, въ этомъ документѣ не столько интересно извѣстіе о степени распространенности и умѣньѣ приготовленія у насъ чая во второй половинѣ XVII вѣка, сколько указаніе на

фамилію Грудцыныхъ. Наша литература отъ XVII вѣка имѣетъ всего только двѣ свои повѣсти. До сихъ поръ она не знаетъ авторовъ этихъ повѣстей. Тѣмъ болѣе хотя-бы и мелкія, важны всякія указанія, которыя касались бы содержанія этихъ повѣстей, послѣ которыхъ мы встрѣчаемся съ русскою повѣстью уже столѣтіе спустя, когда Карамзинъ издалъ свою „Бѣдную Лизу" и др. Какъ ни бѣдна наша повѣсть XVII вѣка, но она близко стояла къ дѣйствительной жизни, изъ которой и брала для себя матеріалы.

Сообщ. **Ив. Некрасовъ.**

Владиміръ Ивановичъ Даль

автобіографическая его записка.

1841 г.

Воспитанъ будучи въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, я съ 1819 года служилъ во флотѣ, въ продолженіе семи лѣтъ. Въ Николаевѣ написалъ я не пасквиль, а шесть или восемь стишковъ, относившихся до тамошнихъ городскихъ вѣстей; но тутъ не было ни одного имени, никто не былъ названъ и стихи ни въ какомъ смыслѣ не касались правительства. Около того же времени явился пасквиль на нѣкоторыя лица въ городѣ [1]), пасквиль, который я по сію пору еще не читалъ. Главный мѣстный начальникъ [2]) предалъ меня военному суду, требуя моего сознанія въ сочиненіи и распространеніи этого пасквиля, тогда какъ я увидалъ его въ первый разъ на столѣ военнаго суда. Дѣло тянулось слишкомъ годъ; не было никакой возможности изобличить меня въ дѣлѣ, вовсе для меня чуждомъ, и—не смотря ни на что, я былъ наконецъ обвиненъ, безъ всякихъ доказательствъ, и приговоренъ къ лишенію чиновъ. Прибѣгая къ единственному пути спасенія, предоставленному въ такомъ случаѣ закономъ, я подалъ на высочайшее государя императора имя просьбу, съ объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Вслѣдствіе просьбы этой, не смотря на силу главнаго мѣстнаго начальника и мое предъ нимъ ничтожество, генералъ-аудиторіатъ меня защитилъ: мнѣ возвращенъ былъ чинъ лейтенанта, со старшинствомъ противу товарищей, а самъ я переведенъ въ Балтійскій флотъ.

---

[1]) Этотъ второй пасквиль написанъ былъ на жившую въ домѣ адмирала Алексѣя Самуиловича Грейга, близкую къ нему личность.

В. Д.

[2]) Главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота и въ Николаевѣ былъ тотъ-же Грейгъ.

Не хочу оправдываться въ проступкѣ своемъ, но смѣю думать, что я пострадалъ за него довольно, и что это для молодаго человѣка, едва только оставившаго корпусъ, есть достойная наказанія и забвенія шалость.

Между тѣмъ я почувствовалъ, что причиною шалости этой есть бездѣйствіе мое, скука, недостатокъ занятій; я почувствовалъ необходимость въ основательномъ ученіи, въ образованіи, дабы быть на свѣтѣ полезнымъ человѣкомъ. Я вышелъ въ отставку, вступилъ въ Дерптскій университетъ студентомъ и, черезъ три года, удостоенъ былъ диплома доктора медицины.

Въ продолженіе Турецкой и Польской кампаній, я служилъ врачомъ при арміи, завѣдывалъ, между прочимъ, и чумнымъ отдѣленіемъ, а въ продолженіе Польской войны имѣлъ случай и счастіе показать свой образъ мыслей не на словахъ, а на дѣлѣ. Завѣдуя постройкой моста черезъ Вислу, я уничтожилъ его, при внезапномъ нападеніи, не только въ глазахъ, но въ рукахъ у непріятеля. Объ этомъ случаѣ я осмѣлился упомянуть здѣсь не изъ самохвальства, а въ доказательство, что я не думалъ о жизни своей, гдѣ долгъ службы этого требовалъ.

Прибывъ въ Петербургъ, я издалъ, въ 1832 году, пять народныхъ сказокъ [1]), при чемъ имѣлъ въ виду исключительно обработку языка нашего въ народномъ духѣ. Сказки эти навлекли на себя неудовольстіе правительства и были запрещены [2]). Но статсъ-секретарь Мордвиновъ объявилъ мнѣ въ то же время, высочайшимъ государя императора именемъ, что „случай этотъ не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій и вліянія на будущность мою, и что хорошая служба моя во время возстанія въ Польшѣ его императорскому величеству извѣстна". Графъ А. Х. Бенкендорфъ, возвратившись изъ поѣздки своей въ Ревель, потребовалъ меня къ себѣ, удостоилъ нѣсколькихъ привѣтливыхъ, ободрительныхъ словъ въ томъ же смыслѣ, и присовокупилъ:

— „Я жалѣю объ этомъ; при мнѣ бы этого съ вами не случилось".

Если сочинителя обвиняютъ въ чемъ либо, основываясь на сочиненіяхъ его, то ему позволено оправдываться тѣмъ-же: своими сочи-

---

[1]) Эти сказки, подъ названіемъ: «Русскія сказки казака Владиміра Луганскаго», напечатаны были въ 1832 году книгопродавцемъ Смирдинымъ, который купилъ ихъ у Даля за 3,000 руб. асс. и половину этихъ денегъ заплатилъ сочинителю.

[2]) Даль былъ арестованъ при III-мъ отдѣленіи 27-го октября 1832 года; но какъ въ бумагахъ его не найдено ничего сомнительнаго, то онъ и былъ освобожденъ въ тотъ же день. Всѣ экземпляры, оставшіеся у книгопродавцевъ въ Петербургѣ и Москвѣ, истребованы въ III-е отдѣленіе и уничтожены.

неніями. Самыя сказки мои, бывшія причиной стольких для меня бѣдствій, доказываютъ по крайней мѣрѣ, что я, по внутреннему убѣжденію, ненавижу гибельнаго стремленія нынѣшняго Запада. Это, кажется, въ особенности видно въ сказкѣ пятой, гдѣ лжемудрымъ сужденіямъ и умствованіямъ нынѣшняго вѣку противопоставлены рѣзкіе, грубые отвѣты здраваго смысла, въ лицѣ русскаго солдата и матроса. Если угодно обратить вниманіе на „Памятную книжку для императорскихъ казачьихъ войскъ“, написанную мною по порученію оренбургскаго военнаго губернатора и удостоенную высочайшаго одобренія; если угодно взглянуть на „Солдатскіе досуги“, написанные мною по собственному побужденію,—то, можетъ быть, согласятся, что тотъ, кто написалъ двѣ книжки эти, долженъ быть глубоко проникнутъ истиною изложенныхъ началъ безотвѣтнаго повиновенія и преданности Богомъ данному государю: иначе этотъ простой, народный языкъ едва-ли былъ бы столь убѣдительнымъ и яснымъ.

Послѣднія восемь лѣтъ, съ 1833 года, я служилъ при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ [1]). Облагодѣтельствованный имъ во все время это, свыше всякой мѣры и заслуги, я, не выходя изъ предѣловъ скромности, смѣю думать, что милость и довѣріе такого лица не могли пасть на человѣка вовсе недостойнаго, неблагомыслящаго.

Несправедливыя, незаслуженныя подозрѣнія по дѣлу, которое привыкли мы съизмала считать главнымъ и важнѣйшимъ послѣ истинъ спасительной вѣры, должны убивать человѣка духовно, отравлять всѣ минуты жизни его. Вотъ мое положеніе! Счастливый семьянинъ, обезпеченный милостію министра внутреннихъ дѣлъ [2]) въ домашнихъ нуждахъ моихъ, я долженъ съ безмолвною покорностію выслушивать оскорбительныя для вѣрнаго гражданина и подданнаго обвиненія, долженъ молча отдать лучшую часть моего добраго имени, моей чести!

Чувства и помышленія наши скрыты; человѣку не дано средствъ разоблачать ихъ передъ судьями и свидѣтелями, для убѣжденія въ нравственной чистотѣ своей и непорочности; но человѣку дана покорность въ несчастіи, терпѣніе и непоколебимая вѣра въ будущность.

Владиміръ Даль.

Ноябрь 1841 года.

Примѣчаніе. Записка эта—оправдательный документъ въ виду новаго обвиненія въ политической неблагонадежности, которое обрушилось на знаменитаго нашего писателя въ 1841-мъ году. Къ документу этому, поданному, если не ошибаюсь, гр. А. Х. Бенкендорфу—было приложено, вслѣдъ за симъ помѣщаемое, свидѣтельство генерала Ридигера о подвигѣ Даля въ 1831 г.

---

1) Генералъ-адъютантъ Василій Алексѣевичъ (въ послѣдствіи графъ) Перовскій.

2) Левъ Алексѣевичъ (въ послѣдствіи графъ) Перовскій.

СВИДѢТЕЛЬСТВО О В. ДАЛѢ.

Въ теченіе кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году, когда главная наша армія двинулась отъ Остроленки къ Плоцку, для перехода тамъ черезъ Вислу, я предпринялъ со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ войскъ, занимавшимъ Люблинское воеводство, переправиться на верхней Вислѣ и дѣйствовать противъ мятежниковъ съ противоположной стороны. Но для устройства переправы не было при корпусѣ ни инженерныхъ офицеровъ, ни команды мастеровыхъ, ни запаса матеріаловъ, и даже всѣ суда и лодки, кои находились по теченію Вислы и могли служить для сообщеній, были истреблены, а обстоятельства требовали свершить переправу съ возможною поспѣшностію, дабы извлечь изъ предпріятія ожидаемую пользу.

При таковомъ положеніи дѣлъ, зная особенную ревность по службѣ и способности доктора медицины Даля, служившаго во флотѣ лейтенантомъ и находившагося съ 1829 года подъ моимъ начальствомъ при войскахъ медикомъ, я поручилъ, 1-го іюля, ему, совмѣстно съ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба Семякинымъ, составить проектъ моста, и, пока будутъ собраны матеріалы, обучить набранныхъ изъ полковъ людей мостовымъ работамъ.

Докторъ Даль, пріискавъ около м. Ванволицы небольшое озеро, построилъ наономъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, 12 большихъ и малыхъ лодокъ и паромъ на бочкахъ, необходимые для перваго десанта и употребленія при наведеніи моста; обучилъ гребцовъ, и показалъ способы закидывать якоря и вязать плоты. Когда нужное количество матеріаловъ было собрано, и мѣсто для постройки моста обозначено при м. Юзефовѣ, то лодки и паромъ сухимъ путемъ перевезены туда и спущены на Вислу. При чемъ докторъ Даль управлялъ лично, 17-го іюля, своею флотиліею, при первомъ десантѣ войскъ на лѣвый берегъ и переправѣ 4-хъ орудій. Постройка моста, при неусыпныхъ трудахъ Даля и Семякина, произведена столь успѣшно, что 25-го числа іюля корпусъ перешелъ Вислу съ артиллеріею и всѣми тягостями. Съ движеніемъ моимъ къ рѣкѣ Пилицѣ, обстоятельства потребовали учредить прямое сообщеніе съ Люблинскимъ воеводствомъ, и для сей цѣли мостъ, наведенный у Юзефова, снятъ, спущенъ внизъ по Вислѣ и 15-го августа наведенъ вновь близь Казимиржа.

Послѣ сего Даль, оставаясь при мостѣ для наблюденія за исправнымъ содержаніемъ онаго, и вмѣстѣ исполняя должность медика при войскахъ, занимавшихъ мостовое укрѣпленіе, имѣлъ случай оказать еще важнѣйшую услугу. Генералъ мятежниковъ Раморино, не принявъ заключеннаго послѣ штурма Варшавы перемирія, бросился съ 22-хъ тысячнымъ корпусомъ изъ Подляскаго воеводства въ южную Польшу, дабы, утвердясь въ лѣсахъ, покрывающихъ

оную, и прислонясь къ Галиціи, продолжать борьбу. Командовавшій въ нашихъ мостовыхъ укрѣпленіяхъ генералъ-маіоръ Слатвинскій, получивъ извѣстіе о движеніи Раморино и повелѣніе разобрать мостъ, дабы не перепустить его на лѣвый берегъ Вислы, едва успѣлъ свезти орудія съ укрѣпленій праваго берега и вывелъ бóльшую часть гарнизона оныхъ на лѣвый берегъ,— какъ отряженный отъ Раморино, достигшаго уже съ корпусомъ м. Ополье, генералъ Завадскій, отрѣзавъ эскадронъ нашъ, содержавшій разъѣзды, внезапно, на разсвѣтѣ съ 1-го на 2-е число сентября, подошелъ къ обезоруженнымъ укрѣпленіямъ и занялъ оныя. Положеніе было весьма критическое: укрѣпленія праваго берега владѣли укрѣпленіями лѣваго берега и были построены собственно для усиленія послѣднихъ, въ предположеніи нападенія значительныхъ силъ съ лѣвой стороны Вислы и отраженія партизанскихъ покушеній съ правой. Даже толпа польскихъ офицеровъ, на лошадяхъ, слѣдуя за отступившею изъ редута частію гарнизона, доскакала до средины моста, и орудія непріятельскія были поставлены на мѣста. Въ сію минуту Даль, находясь на мосту съ нѣсколькими рабочими, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній и пропустивъ только гарнизонъ нашъ, перерубилъ въ мгновеніе ока нѣсколько канатовъ якорныхъ предъ глазами изумленныхъ офицеровъ, кои, видя угрожавшую имъ опасность, бросились вспять, и мостъ быстрымъ теченіемъ воды унесло, такъ что половина онаго пристала къ правому, а половина къ лѣвому берегу. Завадскій, простоявъ около 18-ти часовъ въ занятыхъ имъ укрѣпленіяхъ, и не находя способовъ навести разрушенный мостъ, коимъ полагалъ овладѣть внезапно, принужденъ отступить и присоединиться къ корпусу Раморино, который былъ тѣснимъ генераломъ барономъ Розеномъ, и который, послѣ неудачнаго его покушенія переправиться на судахъ черезъ Вислу у м. Завихвоста, вогнанъ въ Галицію.

Не излишнимъ считаю еще присовокупить, что мостъ, построенный докторомъ Далемъ, на широтѣ Вислы въ 185 саженъ, въ теченіи 25-ти дней съ составленія проекта онаго, при отличной прочности — такъ что артиллерія и тяжести безъ всякаго опасенія переходили оный въ обыкновенномъ своемъ маршевомъ порядкѣ,—стоилъ казнѣ, съ уплатою за всѣ матеріалы по вольнымъ цѣнамъ и наградными деньгами рабочимъ, не свыше 30 т. руб. ассигнаціями.—(Подписалъ): 4-го генваря 1832 года. Г. Варшава. Командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Ридигеръ.

Письмо Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, къ Варсанофію епископу Архангельскому 1742 г.

Этотъ интересный памятникъ сохранился въ бумагахъ настоятеля собора въ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи, протоіерея Андрея Сергіева, нынѣ умершаго. Документъ этотъ представляетъ собою не подлинникъ письма Новгородскаго архіепископа Амвросія, а копію съ него; основываясь на способѣ письма и свойствѣ бумаги, на которой писана эта копія, нужно думать, что она снята съ подлинника во второй половинѣ XVIII и уже никакъ не позже начала настоящаго столѣтія. Хотя подлинникъ письма архіепископа Амвросія остается и по сіе время неизвѣстнымъ, во всякомъ случаѣ подлинность настоящаго памятника не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Преосвященнѣйшій Варсанофій, епископъ Архангельскій и Холмогорскій, мой любезнѣйшій о Христѣ братъ!

Сколько я прежде твердую полагалъ надежду на ваше преосвященство о добропорядочномъ строительствѣ паствы вашей и въ такой надеждѣ всякое возможное по силѣ моей прилагалъ на пользу вашу стараніе, которое, уповаю, еще и до нынѣ помнится вашему преосвященству, столько нынѣ, напротивъ того, примѣчаю, что оная надежда моя была весьма обманна и стараніе во всемъ суетное и напрасное! Ибо я надѣялся, что ваше преосвященство, яко бывшій членомъ св. синода и вѣдающій все нынѣшнее состояніе паствы, паче прочихъ созидать ея будсте, наипаче же разсуждать то можно было отсюду: что когда еще у насъ, присутствуя архимандритомъ, столько являлись смиреннымъ и кроткимъ, то кольми паче принявши на себя омофоръ, который всегда лежитъ на плѣчахъ въ показаніе того, какъ-то пастырю надлежитъ радѣть искренно о овцахъ, себѣ врученныхъ, и взыскивать заблуждающихъ и всежъ то дѣлать не свирѣпствомъ, не жестокостію. и гнѣвомъ безмѣрнымъ, ибо то есть погубленіе и расточеніе больше, нежели исправленіе и собраніе овцамъ, но снисхожденіемъ и кротостію. До нынѣ вижу, что въ самомъ дѣлѣ созиданіе паствы вашей не лучше разоренія другихъ, которыхъ вы прежде сами хулили, а смиреніе вашего преосвященства чуть ли не такое было, каково нѣкотораго папы, который для того, нагнувшись, со всякимъ смиреніемъ ходилъ, чтобы только сыскать ключи Петровы и получить престолъ папежскій, а какъ то сыскалъ, то уже такъ сталъ бодро ходить, что прежняго и помянуть предъ нимъ было не прилично; ибо и ваше преосвященство только что получили характеръ архіерейскій и прибыли въ епархію свою, ниже слѣда прежде

смиренныхъ и кроткихъ поступковъ въ себѣ оставили, пошли иною дорогою жестокости безмѣрной къ разоренію церкви Христовой слѣдующею, отъ чего многіе, оставивъ церкви, бѣжать отъ васъ рады бы, и такой изрядный вашего преосвященства поступокъ одинъ видимъ, и въ священнослужителяхъ Архангельскаго собора, людяхъ подлинно, по всѣхъ свидѣтельству, честныхъ и достойныхъ, которыхъ ваше преосвященство, сковавши въ желѣза, волочили по разнымъ мѣстамъ, и толико штрафами денежными невѣдомо за что, развѣ только для вѣчной вашей памяти, съ крайнимъ ихъ разореніемъ, отягчевали. И напослѣдокъ еще, что всего болѣе, не только на судѣ Божіемъ отвѣту, но и на судѣ человѣческомъ не меньше наказанію подлежащее: въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова, совершая литургію, ваше преосвященство приказали оныхъ же соборянъ, не жалѣя общей всего духовенства чести, на поруганіе народу, нѣсколько часовъ на льду босыхъ мучить тирански! и какъ сіе не ужасно передъ Богомъ, приносили вы безкровную жертву тогда, когда руки почти омочены были въ крови, когда слезы и воздыханія бѣдныхъ безвинномучимыхъ пробивали самое небо! Это ли должность пастырская?.... Есть ли это строительство церкви Христовой? Посмотрите, ваше преосвященство, въ посланіе апостола Петра и увидите, что онъ не только тиранства и съ церковію Христовою немилосердаго обходительства не учитъ пастырей, а сказываетъ онъ: пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею, и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно. Ни яко обладающе причту, но образъ бывайте стаду (1 посл. Петра, 5 гл., 2 и 3 ст.). Такожде и апостолъ Павелъ не токмо мучительски съ подчиненными поступать запрещаетъ, но и промышлять повелѣваетъ о своихъ, глаголетъ въ своемъ посланіи къ Тимоѳею: аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горше есть (1 посл., 5 гл., 8 ст.). Каковыя всѣ истиннаго пастыря свойства имѣть въ себѣ и ваше преосвященство при поставленіи своемъ клятвенно присягою обязались предъ Богомъ и церковію; когда-жъ нынѣ противъ клятвы своей дѣлаете несумнѣнно, надобно опасаться, чтобъ не постигло когда нибудь то, чѣмъ вы клялись на своемъ обѣщаніи. При томъ же что надлежитъ и до суда человѣческаго,—какъ не судится сіе и тутъ. Сколько бы предъ вами какой священникъ не виноватъ былъ, но видалъ ли ваше преосвященство гдѣ, чтобъ его такъ тирански наказывали, поставивши босаго на льду чрезъ нѣсколько часовъ! Должно прежде быть наказаніе: цѣпь, плеть и проч., которыми можно, по мѣрѣ вины, наказывать, да милостиво, кротко и не въ публикѣ; а ваше преосвященство не только что новымъ симъ мученіемъ мучили съ безчестіемъ всего духовенства, но и мучили въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова, въ который подъ запрещеніемъ никакихъ судовъ производить не должно. И подлинно сего, кажется, и самому

простому мужичку сдѣлать было мерзко, не только архіерейскому лицу, когда и сама церковь о семъ довольно научаетъ. Однако еще сіе можно приписать Божію милосердію, что таковый поступокъ вашего преосвященства прежде прочихъ мнѣ единому извѣстенъ сталъ, о которомъ какъ скоро я извѣстился, такъ отъ братскаго о вашемъ преосвященствѣ сожалѣнія сіе въ предостереженіе пишу къ вамъ. Впрочемъ же, если далѣе не будетъ исправленія, и донесется высшимъ и воспослѣдуетъ что противное, я вашему преосвященству ни въ чемъ не помощникъ, я и такъ жалѣю уже, что, по простосердечію моему, столько помогалъ, что не малое совѣсти моей отягченіе дѣлаетъ. Но наконецъ всего, я молю милосерднаго Бога и желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ лучше слышать объ исправленіи вашего преосвященства, нежели о упрямомъ и самовольномъ, такомъ же обхожденіи, и въ таковомъ моемъ желаніи пребываю вашего преосвященства доброжелательный братъ, смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій.

Москва,—іюля 19-го дня 1742 года.

Примѣч. Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія настоящаго памятника.—Время царствованія Елисаветы Петровны было временемъ самаго сильнаго преобладанія лицъ малороссійскаго происхожденія надъ великоруссами въ церковной іерархіи, такъ что бо̀льшая часть архіерейскихъ каѳедръ не только въ малорусскихъ, но и великорусскихъ епархіяхъ была занята ими; большинство членовъ св. синода въ это время составляли также малоруссы. Варсанофій, епископъ Архангельскій и Холмогорскій, былъ изъ числа немногихъ архіереевъ, великоруссовъ по происхожденію. До посвященія своего во епископа Архангельскаго онъ былъ архимандритомъ Соловецкаго монастыря, и съ 1732 по 1734 годъ и потомъ вторично съ 1737 по 1740 годъ состоялъ членомъ св. синода [1]). Находясь въ званіи синодальнаго члена, Варсанофій держалъ себя такъ умно, что, не смотря на вѣковую непріязнь между великоруссами и малоруссами, снискалъ покровительство тогдашняго перваго члена св. синода, архіепископа Новгородскаго Амвросія, происходившаго изъ малоруссовъ. 13-го іюля 1740 года, Варсанофій былъ хиротонисанъ въ епископа Архангельскаго и Холмогорскаго и уволенъ на свою каѳедру. По пріѣздѣ въ епархію, Варсанофій не счелъ нужнымъ болѣе скрывать свои истинныя чувства и тотчасъ же высказалъ свое нерасположеніе къ архіереямъ-малоруссамъ; но, къ сожалѣнію, свое личное неудовольствіе онъ перенесъ и на учрежденія, обязанныя своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ въ это время почти исключительно архіереямъ - малоруссамъ. Такъ, напримѣръ, обративъ свое вниманіе на большую и хорошо устроенную однимъ изъ его предшественниковъ [2]) школу, онъ сталъ говорить: «чего ради

[1]) «Исторія Рос. Іерархіи» Амвросія, ч. 6-я, полов. 2-я, стр. 877.
[2]) См. «Странникъ», 1860 годъ, томъ III, стр. 111 и 120.

такая не по здѣшней епархіи школа построена? да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи черкасишки, ни къ чему негодницы» [1]). Съ духовенствомъ своей епархіи преосвященный Варсанофій, какъ видно изъ представленнаго памятника, обращался жестоко и произвольно. Сковавъ неизвѣстно за что въ желѣза священнослужителей архангельскаго городскаго собора, онъ волочилъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, отягчалъ ихъ денежными штрафами и, наконецъ, 17-го апрѣля 1742 года, въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова [2]), который совпалъ съ празднованіемъ преподобному Зосимѣ, Соловецкому чудотворцу, заставилъ простоять нѣсколько часовъ босыхъ на снѣгу противъ алтаря той церкви, въ которой онъ совершалъ литургію, за то, что они не отслужили наканунѣ всенощной. Слухъ объ этихъ жестокостяхъ преп. Варсанофія дошелъ до свѣдѣнія архіепископа Амвросія, и онъ пишетъ къ нему увѣщательное письмо. Но, вѣроятно, увѣщанія Амвросія не достигли своей цѣли, такъ какъ жестокости преподобнаго Варсанофія не прекращались и послѣ этого. Такъ, однажды, пріѣхавъ въ Никольскій Корельскій монастырь и подгулявши, онъ неизвѣстно за что жестоко прибилъ своими руками соборнаго ключаря и велѣлъ водить его вокругъ монастыря на цѣпи въ жестокій морозъ; онъ же ставилъ въ священники людей моложе двадцати лѣтъ, волочилъ ставленниками и бралъ съ нихъ взятки [3]). Слухъ о всѣхъ этихъ поступкахъ преподобнаго Варсанофія дошелъ наконецъ до свѣдѣнія св. синода и о немъ возникло дѣло [4]); къ сожалѣнію, не извѣстно, чѣмъ оно кончилось. Варсанофій скончался на архангельской каѳедрѣ, 8-го ноября 1759 г., въ званіи архіепископа, и погребенъ въ холмогорскомъ соборѣ [5]).

Сооб. **Василій Талицкій.**

Хвалебная пѣснь мировому посреднику.

1873 г.

Радуйся—при общей потерѣ ничего не теряющій,
Радуйся, братьевъ своихъ обижающій,
Радуйся, ничего не понимающій
И за то полторы тысячи получающій!

Радуйся—«Положенія» не понимающій,
Глубокомысленно его объясняющій,
Радуйся, свое сословіе принижающій,
Радуйся, другое сословіе надувающій
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій миротворче!

---

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», томъ XXII, стр. 272.
[2]) Въ ист. Соловьева сказано «на свѣтлой недѣлѣ». Тамъ же.
[3]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», XXII томъ, 273 стр.
[4]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», томъ XXII, 344 стр. 228 примѣчаніе.
[5]) «Истор. Рос. Іер.» Амвросія, ч. 1, стр. 195.

Радуйся—всегда дома пребывающій,
Радуйся, безъ прогоновъ разъѣзжающій,
Радуйся, волость въ своемъ домѣ помѣщающій,
Радуйся, волостными дровами свой домъ отопляющій
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій сребролюбче!

Радуйся—патріотомъ себя величающій
И за то полторы тысячи получающій...
Радуйся, другихъ противъ враговъ возбуждающій,
А самъ себя отъ нихъ охраняющій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!

Радуйся—сребра и злата алкающій,
Радуйся, по волостямъ оброкъ собирающій,
Радуйся, оброка половину прибирающій...
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!

Радуйся—десятскими свой хлѣбъ убирающій,
Радуйся, безкорыстіемъ на словахъ щеголяющій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!
Радуйся—умникомъ себя почитающій,
Радуйся, Посредниче—безстыдниче,
Радуйся, Посредниче, великій скверносотворче!..

Примѣчаніе. Этотъ шутливый привѣтъ записанъ мною въ селѣ Глубокомъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. По словамъ лица, сообщившаго мнѣ эту шутку, она ходила тогда по рукамъ въ окрестныхъ селахъ Полтавской губерніи—и ее списывали, какъ весьма любопытную... Не прибавитъ ли она нѣсколько черточекъ для исторіи нашего мироваго института въ послѣдніе годы его существованія, т. е. къ исторіи той эпохи, когда правительство, признавъ, что мировые посредники, за выбытіемъ изъ ихъ среды множества честныхъ и энергическихъ дѣятелей, которымъ такъ много обязано своими успѣхами крестьянская реформа,—рѣшилось замѣнить оставшихся посредниковъ — людей, въ большинствѣ, лѣнивыхъ—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Кстати замѣчу, по поводу приведеннаго выше стихотворенія, что вообще пародіи въ этой формѣ—явленіе довольно обыкновенное въ нашей рукописной обличительной литературѣ. Я, напримѣръ, хорошо знаю, что существовалъ подобный же привѣтъ архіепископу Смарагду Крыжановскому († 1863 г.), написанный еще въ бытность его, кажется, на Орловской каѳедрѣ....

Левъ Маціевичъ.

Г. Кишеневъ.

Жанъ Вуаль.

Жанъ Вуаль, иначе Віоль и Віолье (Voille, Voile, Viol, Violier)—живописецъ миньятюръ и акварелистъ. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Онъ былъ въ Россіи уже въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія и пріобрѣлъ своими портретами такое громкое имя у петербургской знати, что около 1784 г. получилъ отъ вел. князя Павла Петровича титулъ придворнаго живописца

Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Въ 1795 г. онъ переселился въ Парижъ, на время или на постоянное жительство — не извѣстно. Историки живописи относятъ время его смерти къ 1796 году; но есть поводъ полагать, что онъ находился въ живыхъ и послѣ этого года.

Изъ завѣдомыхъ работъ его сохранились въ Россіи портреты: 1) Имп. Екатерины II, гравир. Мансфельдомъ (въ 60-хъ годахъ XVIII ст.); 2) И. П. Елагина, гравир. Д. Герасимовымъ, въ 1773 г., и Мейеромъ; 3) Имп. Павла Петровича: а) въ молодомъ возрастѣ, грав. А. Родигомъ въ 1773 г., Лебо въ 1782 г. и Патомъ, б) изображеннаго въ 1789 г., гравиров. Клауберомъ въ 1797 г., и Бекеромъ въ томъ же 1797 г., а также А. Смитомъ и А. Березниковымъ; 4) Неизвѣстнаго мужчины, писан. въ 1778 г. (наход. въ Павловскомъ дворцѣ); 5) барона Николаи (писан. въ 1785 г.), гравир. Гуттенбергомъ въ 1787 г.; 6) Имп. Маріи Θедоровны (пис. въ 1789—1792 г. (наход. въ Павловскомъ дворцѣ); 7) кн. А. Б. Куракина, грав. Дж. Валькеромъ въ 1796—1798 гг. Въ Парижскомъ салонѣ 1795 г. Вуаль выставлялъ портреты разныхъ лицъ своей работы.

Сообщ. А. И. Сомовъ.

Портреты княгини Жаннеты Ловичъ.

Къ XX-му тому «Русской Старины» изд. 1877 г. приложенъ портретъ княгини Ловичъ, исполненный съ подлиннаго живописнаго портрета, принадлежащаго графу Е. А. Салліасу. До сихъ поръ русское общество знало портреты кн. Ловичъ по слѣдующимъ изданіямъ: гравированный портретъ при «Невскомъ Альманахѣ» на 1832 г.; тотъ же портретъ въ 16-ю д. л. при альманахѣ «Талія» на 1833 г. съ подписью: «Княгиня Жанета Антоновна Ловичъ» «съ миніатюрнаго портрета Ея Свѣтлости»;—литографія, изданная въ Варшавѣ—портретъ того типа, какой изданъ нами,—кн. Ловичъ съ накинутымъ на голову вуалемъ—подпись «Xiężna Łowicka» (въ большую 4 д. листа), наконецъ, портретъ заграничнаго изданія, литографія, изображающій кн. Ловичъ гораздо болѣе ранняго періода, чѣмъ предъидущіе, но едвали не фантастическій,—подпись: «La Princesse de Lowic».

Экземпляры всѣхъ четырехъ портретовъ имѣются въ обширномъ собраніи портретовъ П. А. Ефремова.

Въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго (Спб. 1872 г., см. стр. 79) упоминаются четыре типа гравированныхъ портретовъ княгини Ловичъ; два изъ нихъ гравированы въ Варшавѣ у L. Letronne, одинъ въ Москвѣ, въ 1827 году.

можно бы, не компрометируя торжественныхъ словъ, то же сдѣлать завоеваніемъ по случаю чинимаго сопротивленія отъ польскихъ войскъ. Но весь планъ дѣланъ и исполняемъ былъ въ секретѣ Зубовымъ и Марковымъ. За то не пеняй на всѣхъ» (73). Въ перепискѣ встрѣчается еще нѣсколько замѣчаній по этому вопросу и между прочимъ объясняются причины неудовольствія на распоряженія Суворова въ Варшавѣ (123, 130, 132, 139, 142; ср. также сообщеніе Трощинскаго, стр. 382). Не менѣе интересны письма Завадовскаго, относящіяся къ началу цар. Александра I и касающіяся первыхъ преобразованій императора, какъ вопросъ о сенатѣ (Завадовскій предлагалъ помѣстить особые департаменты сената въ провинціяхъ, 293), о состояніи финансовъ, о вольныхъ хлѣбопашцахъ (286, 273), учрежденію которыхъ Завадовскій не сочувствовалъ, о министерствахъ (272), объ университетахъ и гимназіяхъ (294) и т. п. Завадовскій выражалъ негодованіе, когда иностранныя дѣла становились тайною для непремѣннаго совѣта (303). Заслуживаютъ вниманія и мысли Завадовскаго о трудахъ по русской исторіи и о значеніи этой послѣдней, какъ отраженіе мнѣній того времени. «Ежели не всѣ,—пишетъ онъ,—то однако же многіе пробѣжалъ я наши исторіи и лѣтописцы. Хаосъ, не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоятъ одни имена и числы, а прочее все завалено грубымъ слоемъ... Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны, а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва видѣнъ Россъ. Всю полосу до цар. Іоанна Васильевича должно откинуть in loca immaginaria, каковы полагались—прежде чѣмъ знали физику, за предѣлами земной сферы. Потому исторія наша всегда будетъ скучна, ежели черпать оную хочемъ глубже, а не отъ временъ Петра В... Голикова записки я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не розсказни, онъ лутчій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ Цареградской, Польской и Шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно... Когда ты занимаешься Плутархомъ (Завадовскій воспитался на классикахъ), то сравни умъ и силу его изреченій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, исторія та только пріятна и полезна, которую или философы или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигнули до того: то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною» (255). Онъ сомнѣвается и въ пользѣ сочиненія Штриттера, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ. «Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелочей... Посему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ: написалъ премного, чтобъ не читали. Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра В.... Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобъ наши всѣ матеріалы на времена до Петра В. вмѣстить въ оную. Но еще не перевелись и не такъ скоро прейдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторіей» (259). Не слышатся ли въ этихъ приговорахъ мнѣнія писателей XVIII вѣка, такъ скептически относившихся къ средневѣковымъ сказаніямъ, а съ другой стороны—не напоминаютъ ли они и признаній Карамзина о необходимости сократить, по возможности, описаніе событій древнѣйшаго періода или, по крайней мѣрѣ, раскрасить и разцвѣтить ихъ, хотя принадлежавшій уже къ положительной школѣ Карамзинъ и руководствовался другими основаніями.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.— Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина“ **1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.**
„Русская Старина“ **1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.**

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. ІЮНЬ. **1878 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня.

Архивъ князя Воронцова. Книга XII. Москва, 1877 г. 486 стр. Цѣна 3 р.

Кромѣ указанныхъ въ библіогр. листкѣ «Рус. Стар.» 1878 г. № 5—статей Арх. Воронцова ч. XII-я—любопытна также слѣдующая записка Трощинскаго объ исторіи съ трагедіею Княжнина: «На сихъ дняхъ кн. Кат. Ром. (Дашкова) имѣла нѣкоторую непріятность, по причинѣ напечатанной въ Академіи трагедіи Ва[illegible]димъ Новгородскій, соч. умершаг[illegible] Княжнина... Дѣйствительно, тутъ ест[illegible] такіе ужасные монологи, которыхъ нигдѣ бы не потерпѣли въ самодержавномъ государствѣ. Много было о семъ розысканій и наконецъ нашлось, что сынъ Княжнина, изъ числа повѣсъ и негодяевъ, найдя между запечатанными отцовскими бумагами сію трагедію, укралъ ее и продалъ, какъ говорятъ, книгопродавцу; но какъ уже она очутилась въ академической типографіи—не знаю»... (381). Изъ прочихъ бумагъ назовемъ письма Радищева къ гр. А. Р. Воронцову, дополняющія изданную уже въ V-мъ томѣ Архива серію его писемъ къ тому же Воронцову, и знакомящія насъ съ дѣятельностью Радищева на службѣ въ петербургской таможнѣ, отличавшеюся вполнѣ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, и съ жизнію его въ Сибири и въ деревнѣ послѣ ссылки. Не смотря на эту опалу, отношенія его къ гр. А. Р. Воронцову нисколько не нарушались (стр. 411—446, переписка съ 1782—1799 гг.). Записка неизвѣстнаго о сенатѣ (1801 г.) принадлежитъ къ началу цар. Александра I, когда былъ поднятъ вопросъ объ извлеченіи этого учрежденія изъ того униженнаго состоянія, въ какое онъ былъ повергнутъ въ предшествовавшія царствованія, такими учрежденіями, какъ кабинеты, тайные совѣты, конференціи и т. п., въ которыхъ главными дѣятелями являлись нерѣдко «близкіе люди» или фавориты. «Сенатъ, возстановленный на коренномъ его положеніи,—читаемъ въ этой запискѣ,—будетъ конечно не токмо хранилище законовъ, но и, такъ сказать, во многихъ случаяхъ, родъ власти посредствующей между государемъ и народомъ и нѣкоторымъ образомъ ступенію многимъ облегченіямъ и смягченіямъ суровости правленія древняго, кои, сколько мнѣ извѣстно, у самого императора весьма на сердцѣ лежатъ». Коснувшись далѣе государственнаго устройства Россіи, авторъ записки продолжаетъ: «Обезпеченіе личной безопасности и преграда отъ суровости, происход[illegible]а отъ злоупотребленія влас[illegible]днако вмѣститься и съ [illegible]ніемъ [illegible]чной власти монарху. [illegible]лёніе [illegible]сти, мѣсту присвоенной, [illegible] intermediaire, т. е. власть посред[illegible]вующая между государемъ и подданными, было бы первой шагъ, да и большой, къ сему великому предмету. А сверхъ того, нѣкоторыя узаконенія, сдѣлавъ ихъ коренными, заимствовать изъ существующихъ въ Англіи, на коихъ, можно сказать, основано благополучіе земли, какъ-то la grande charte и habeas corpus, коими личная безопасность каждаго толь ограждена была-бъ. Изъ сихъ двухъ славныхъ узаконеній можно бы на первый случай много заимствовать, соглашая однако же оныя съ нравами и настоящимъ нашимъ состояніемъ. Если сіи двѣ базисы будутъ приняты, корень уже большой насажденъ будетъ нашему благополучію» (456—462). Другія записки по этому вопросу были уже напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1864, т. I.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Томъ XXI. Спб. 1877 г. 490 стр. Ц. 3 р.

Этотъ томъ Сборника вышелъ ко дню столѣтняго юбилея импер. Александра I, а матеріалы для него были собраны и редактированы недавно скончавшимся, весьма дѣятельнымъ писателемъ въ области русской исторіи, А. Н. Поповымъ. Всѣ документы, помѣщенные въ этомъ томѣ, относятся къ цар. Александра I и преимущественно къ исторіи внѣшней политики Россіи за время 1809—1812 годовъ. Это—донесенія изъ Франціи А. И. Чернышева и кн. А. Б. Куракина императору Александру I и канцлеру гр. Н. П. Румянцеву и письма гр. П. А. Шувалова импер. Александру, трактующія о дѣлахъ, предшествовавшихъ разрыву съ Франціею, но весьма часто касающіяся и русской политики относительно Турціи,

Гоголь

ЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ ИЗД. 1878 г.

йямъ и смягченіямъ
древняго, кои, сколь
самого императора
жатъ». Коснувши
наго устройства
продолжаетъ: «
пасности и
исход
влас

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КАРАМЗИНЪ

† 16-го мая 1854 года.

Въ 1854 году я служилъ поручикомъ въ 4-мъ эскадронѣ Александрійскаго гусарскаго полка. Послѣ Четатскаго боя, 24-го декабря 1853 года, нашъ полкъ не имѣлъ болѣе горячихъ дѣлъ; затѣмъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, окончилась, наконецъ, дорого стоившая государству, трехмѣсячная, неопредѣленная осада крѣпости Калафата (въ Малой Валахіи); всѣ приготовленія для штурма этой, сильно укрѣпленной турками, крѣпости были сожжены и уничтожены. Тридцати-тысячный отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Липранди, 13-го апрѣля отступилъ въ г. Краіову (главный городъ Малой Валахіи).

Нѣсколько дней передъ тѣмъ въ высочайшихъ приказахъ отдано было, что состоявшій въ отставкѣ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подполковникъ Карамзинъ опредѣляется на службу въ Александрійскій гусарскій полкъ подполковникомъ, а три дня спустя послѣдовало производство его въ полковники.

Большинство этого полка состояло въ то время изъ офицеровъ польскаго происхожденія; быстрое производство Карамзина въ полковники возбудило много толковъ между ними; люди мелочные, съ узкими понятіями, всѣ они, не зная его лично, отзывались уже объ немъ враждебно, выражаясь, по тогдашнему обычаю, что «пришлецъ всѣмъ сѣлъ на шею»; особенно недовольны этимъ были старые офицеры полка. Карамзинъ не заставилъ себя долго ждать и вскорѣ прибылъ въ полкъ, расположенный лагеремъ подъ г. Краіовымъ. Командиръ 2-го дивизіона (3-й и 4-й эскадроны),

подполковникъ Сухотинъ, подавшій рапортъ о болѣзни и прошеніе объ увольненіи въ отставку, сдалъ свой дивизіонъ Карамзину; въ составъ этого дивизіона, какъ-то случайно, входили одни только русскіе офицеры. Предмѣстникъ Карамзина, Александръ Николаевичъ Сухотинъ, вполнѣ русскій человѣкъ, былъ добрый и справедливый начальникъ и въ то же время отличный товарищъ. Они вскорѣ сошлись. Карамзину стало ясно, что въ полку преобладаетъ польскій элементъ, что полковой командиръ этому потворствуетъ, и зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни, такъ что помочь горю трудно. Въ полку Карамзина приняли сухо; даже самъ полковой командиръ, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Алопеусъ, встрѣтилъ его не особенно привѣтливо и, не сближаясь съ нимъ, все время держалъ себя по отношенію его какъ-то скрытно и поодаль. Карамзинъ полюбилъ свой дивизіонъ; солдаты любили и уважали Сухотина безпредѣльно, но, сожалѣя, что онъ ихъ оставляетъ, они покорились необходимости и, видя, что Карамзинъ также добрый и обходительный начальникъ, были вполнѣ преданы ему. Сухотинъ представилъ меня Карамзину отдѣльно отъ другихъ офицеровъ, какъ своего друга; поэтому я пользовался особеннымъ съ его стороны вниманіемъ и расположеніемъ до послѣднихъ дней его жизни.

Въ концѣ апрѣля 1854 г., отрядъ нашъ получилъ приказаніе отступить къ г. Слатину, за рѣчку Ольту; по всему было видно, что намъ вскорѣ придется совсѣмъ покинуть Дунайскія княжества. Иностранныя газеты немилосердно ругали насъ, предсказывая нашу погибель.

Отступленіе это не могло нравиться Карамзину, какъ человѣку, пріѣхавшему съ единственною цѣлью испытать военное счастье; бездѣйствіе отряда, однообразная аванпостная служба, видимо тяготили его. Вся служебная дѣятельность наша состояла въ томъ, что, по заведенной очереди, одинъ изъ дивизіоновъ Александрійскаго или Ахтырскаго полковъ, съ казаками, отправлялся на полсутки версты за три отъ г. Слатина по направленію къ городамъ Краіову и Каракалу, и отъ извѣстнаго пункта, образуя такимъ образомъ наблюдательный постъ, разставлялъ свои ведеты и посылалъ разъѣзды для наблюденія за движеніями турокъ, которые слѣдомъ за нами заняли вышеупомянутые оставленные нами города. Къ ночи, дивизіонъ передвигался ближе къ

г. Слатину, чтобы въ темное ночное время нечаяннымъ нападеніемъ не быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ своихъ силъ.

День ото дня я все болѣе и болѣе сближался съ Карамзинымъ; видя, что многіе изъ офицеровъ, и въ особенности поляки, какъ будто отдаляются отъ него, и не считая нужнымъ заискивать въ нихъ и навязываться своимъ товариществомъ, онъ проводилъ время въ обществѣ офицеровъ своего дивизіона, а между тѣмъ на подобную замкнутость съ его стороны въ полку смотрѣли не совсѣмъ дружелюбно. Случалось мнѣ по цѣлымъ ночамъ просиживать въ его палаткѣ, и я со вниманіемъ слушалъ интересные разсказы про заграничную жизнь и Кавказъ—гдѣ онъ прежде служилъ. Проницательный умъ его и свѣтлый взглядъ на вещи были мнѣ по душѣ. Мы вспоминали про нашу родину, матушку Россію: что-то будетъ съ нею, чѣмъ-то все это кончится? переносились мысленно и къ близкимъ нашему сердцу... Интересуясь подробностями женитьбы моей на прекрасной молодой дѣвушкѣ, которую я спустя четыре мѣсяца послѣ свадьбы долженъ былъ покинуть, отправляясь въ отдаленную страну съ полною неизвѣстностью о будущемъ, томясь болѣе года въ мучительной разлукѣ, Карамзинъ соболѣзновалъ мнѣ и глубоко сочувствовалъ моему тяжкому горю.

Бывало, въ прекрасную теплую ночь пойдемъ бродить по берегу Ольты, отдѣлявшей насъ отъ позицій, занятыхъ турками. Всюду тишина; лагерь уснулъ; огни въ палаткахъ погашены. Только мѣрные шаги часовыхъ, храпъ спящихъ въ коновязяхъ лошадей, да по временамъ отдаленный, глухой грохотъ орудій подъ Силистріею—нарушали безмолвное спокойствіе природы. Въ эти минуты Карамзинъ говорилъ иногда со вздохомъ: «почему меня тамъ нѣтъ, тамъ теперь болѣе опасности, но за то болѣе и жизни!»

Однажды, помнится мнѣ, въ одну изъ такихъ ночей, незадолго до его смерти, я пришелъ къ нему въ палатку. Поговоривъ немного, онъ сказалъ мнѣ, показывая на стоявшіе вокругъ экипажи съ его имуществомъ:—«Я могу много потерять, могу даже всего лишиться, такъ какъ случайностей войны предвидѣть невозможно, но вотъ эту завѣтную, драгоцѣнную для меня вещь у меня отнимутъ только съ жизнію».

Тутъ показалъ онъ мнѣ висѣвшій у него на груди, на золо-

той цѣпочкѣ, медаліонъ съ портретомъ жены его, Авроры Карловны, бывшей прежде замужемъ за богачомъ Демидовымъ, рожденной графини Шернвальдъ. Хотя слова эти запечатлѣлись у меня въ памяти, но въ то время я не придалъ имъ особеннаго значенія и никакъ не могъ предположить, что это было предчувствіе, такъ странно оправдавшееся въ послѣдствіи на дѣлѣ.

Между тѣмъ, турки все болѣе и болѣе начали тѣснить насъ их отряды высылались на фуражировку почти въ виду нашемъ; поэтому, отъ начальника главнаго отряда, генерала Липранди, послѣдовало приказаніе, чтобы 9-го мая была произведена усиленная рекогносцировка къ городамъ Каракалу и Краіову, подъ командою командира Ахтырскаго гусарскаго полка, генералъ-маіора Салькова. Въ составъ этого отряда входили слѣдующія части войскъ: четыре конныхъ орудія легкой № 10-й батареи при штабсъ-капитанѣ Шемякинѣ, сотня донскихъ казаковъ № 38-й полка при капитанѣ генеральнаго штаба Кибека, два дивизіона (четыре эскадрона) Ахтырскаго гусарскаго полка— каждый съ своимъ дивизіонеромъ, и второй дивизіонъ (два эскадрона) Александрійскаго гусарскаго полка съ его дивизіонеромъ, полковникомъ Карамзинымъ.

Такимъ образомъ, 9-го мая, въ 5 часовъ утра, отрядъ этотъ двинулся по направленію къ г. Каракалу; отошедши верстъ двадцать, мы вошли въ небольшую валахскую деревню, въ которой происходила какая-то суматоха и крестьяне, казалось, были въ напряженномъ состояніи. Они бросились къ намъ съ непокрытыми головами и, низко кланяясь, горько жаловались, что не болѣе какъ съ часъ тому назадъ турки, шедшіе изъ г. Каракала въ числѣ около шестисотъ всадниковъ, забрали у нихъ силою фуражъ и провіантъ и, не заплатя денегъ, потянулись по дорогѣ къ г. Краіову; крестьяне присовокупили къ этому, что такъ какъ турки и лошади ихъ были чрезвычайно тощи и изнурены, то мы легко можемъ ихъ догнать, разбить, взять въ плѣнъ и возвратить ограбленный у нихъ фуражъ, въ которомъ они крайне нуждаются сами, какъ люди бѣдные. Дѣйствительно, на влажной землѣ ясно обозначались слѣды турецкихъ подковъ. Лицо Карамзина прояснилось; подскакавъ ко мнѣ, онъ сказалъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— «Ну, Павелъ Өедоровичъ, вспомните какъ вы дѣйствовали въ бою подъ с. Четати; приготовьтесь-ка, у насъ будетъ дѣло».

Мы всѣ приободрились въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ будетъ данъ сигналъ: «наступать! рысью!» Изъ деревни мы вышли шагомъ по слѣдамъ скрывшихся турокъ, какъ вдругъ трубачъ, ѣхавшій около генерала Салькова, въ головѣ колонны, громко протрубилъ сигналъ: «стой!» Отрядъ остановился какъ вкопанный; мы молча переглянулись. Прискакавшій отъ генерала Салькова ординарецъ отдалъ приказаніе одну половину лошадей немедленно размундштучить, ослабить подпруги и кормить, а затѣмъ, по исполненіи этого, поступить такъ же и съ другою половиною. На извѣстныхъ разстояніяхъ для предосторожности были разставлены сторожевые посты. Карамзинъ измѣнился въ лицѣ; онъ не могъ скрыть своего явнагѳ неудовольствія; не владѣя собою, онъ громко роптал, порицая двусмысленныя дѣйствія генерала Салькова. Солдаты втораго дивизіона, вторя своему начальнику, ворчали и, по обыкновенію своему, называли распоряженія подобнаго рода—измѣной. На привалѣ, какъ всегда бываетъ, начали закусывать; фургонъ Карамзина былъ переполненъ всевозможными яствами; однако онъ не пригласилъ къ себѣ никого изъ постороннихъ офицеровъ, самъ ни къ кому не присоединялся и былъ окруженъ только офицерами своего дивизіона. Мы лежали на землѣ, нѣсколько поодаль отъ генерала Салькова, окруженнаго также офицерами Ахтырскаго полка; казаки и капитанъ Кибека примкнули къ нимъ; артиллеристы расположились нѣсколько въ сторонѣ, составляя отдѣльную группу.

— «Для чего же я сюда пріѣхалъ,—продолжалъ Карамзинъ,— неужели лишь для того, чтобы быть свидѣтелемъ подобныхъ возмутительныхъ распоряженій; по моему мнѣнію, это болѣе нежели благоразумная осторожность, это просто трусость со стороны Салькова. Если онъ не надѣется на своихъ ахтырцевъ, такъ пускай бы отрядилъ меня одного съ моимъ дивизіономъ; я вполнѣ убѣжденъ, что со своими молодцами я разбилъ бы на-голову эту черномазую дрянь».

Дивизіонъ, услыхавъ его слова, въ полголоса, но съ энергіей буркнулъ: «Рады стараться, ваше высокоблагородіе!»

Генералъ Сальковъ, находясь не вдалекѣ, не могъ не видѣть и не слышать происходившаго.

Послѣ двухчасоваго отдыха, отрядъ тронулся, измѣнивъ первоначальное направленіе, именно, вмѣсто города Каракала, мы пошли къ г. Краіову по слѣдамъ ушедшихъ туда турокъ, и къ вечеру были у деревни Покатиловой, расположенной на полпути отъ г. Слатина въ Краіовъ; по ту сторону, за рѣкою, виднѣлись турецкіе аванпосты. Ночь прошла спокойно; едва стала заниматься заря, какъ отдано было приказаніе: «мундштучить, садиться!» Все это дѣлалось безъ малѣйшаго шума, таинственно; даже говорили шопотомъ. Турки также не дремали; замѣтивъ волненіе въ нашемъ станѣ, они выстроились на возвышенности въ боевыя колонны и, какъ видно, ожидали нашего нападенія. Тутъ была ихъ регулярная кавалерія безъ артиллеріи, приблизительно до шестисотъ всадниковъ. На рысяхъ пошли мы въ деревню; дойдя до ея половины, переправились черезъ широкій мостъ; артиллерія снялась съ передковъ, два раза ударила въ непріятельскія колонны. Видя, что снаряды не долетаютъ до нихъ, турки стояли неподвижно; тотчасъ былъ данъ сигналъ: «прекратить огонь и отступать!» Отрядъ повернулъ налѣво кругомъ и своимъ путемъ обратно направился къ городу Слатину.

Карамзинъ былъ внѣ себя отъ досады, почему мы не атаковали турокъ. Отойдя верстъ пять, мы натянулись на обозъ. состоявшій изъ двадцати одной каруццы (телѣги), нагруженныхъ солью и конвоируемыхъ турками въ ихъ главный отрядъ къ г. Краіову. Завидѣвъ насъ, турки разбѣжались, оставивъ при подводахъ однихъ погонщиковъ—валаховъ. Нашъ дивизіонъ былъ въ аріергардѣ: генералъ Сальковъ прислалъ Карамзину своего ординарца съ приказаніемъ: «не допускать обозъ этотъ въ турецкій лагерь, а повернуть его непремѣнно, подъ надежнымъ прикрытіемъ, въ нашъ главный отрядъ, въ городъ Слатинъ, такъ какъ у насъ сталъ обнаруживаться крайній недостатокъ въ соли».

Карамзинъ замѣтилъ, что никому изъ офицеровъ его дивизіона не хотѣлось возиться съ этимъ обозомъ и покидать своихъ; по деликатности своей, онъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Желая пособить ему, я подъѣхалъ и сказалъ:

— Полковникъ, поручите обозъ этотъ мнѣ; къ ночи онъ будетъ доставленъ въ нашъ отрядъ.

— «Хорошо, очень вамъ благодаренъ, Вистенгофъ»,—весело отвѣтилъ мнѣ Андрей Николаевичъ.

Выбравъ изъ своего отряда четырехъ гусаръ понадежнѣе, остался. Жаръ палилъ; грустно было оставаться почти одном среди безлюдной степи, въ сомнительной мѣстности. Рискуя еж минутно быть атакованными турками, мы съ напряженнымъ вни манiемъ озирались вокругъ, что чрезвычайно утомляло насъ. Вол тянулись медленно; наконецъ, поздно вечеромъ, кое-какъ дот щились мы до своего лагеря. Войдя въ палатку Андрея Ник лаевича, я засталъ его въ постелѣ; Василiй, камердинеръ ег подавалъ ему какое-то лекарство, такъ какъ по возвращенiи из рекогносцировки у него обнаружились признаки лихорадки.

— «Я подалъ Алонеусу рапортъ о болѣзни,—сказалъ онъ,— намѣренъ нѣсколько дней никуда не выходить; вы, Павелъ Θедо ровичъ, навѣщайте меня чаще и, по обыкновенiю, обѣдайте,—н обращайте вниманiя на то, что я буду ѣсть одинъ только супъ»

Потомъ онъ приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться съ донесе нiемъ къ князю Васильчикову (полковнику и флигель-адъютант состоявшему при генералѣ Липранди) о захватѣ обоза съ турец кою солью. При прощаньи, разсмѣявшись, онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы одинъ сегодня съ побѣдою, у васъ и трофеи на лицо»

У князя Васильчикова я засталъ генерала Салькова, ко торый, между прочимъ, поручилъ мнѣ передать Андрею Никола вичу, что сѣтованiя его о томъ, что, какъ вчера передъ прива ломъ, такъ и сегодня подъ деревней Покатиловой, онъ не всту пилъ въ бой съ турками, были съ его стороны совершенно не основательны. Онъ не имѣлъ положительныхъ свѣдѣнiй о чи сленности непрiятеля; полагаться же на донесенiя коварныхъ ва лаховъ считалъ крайне опрометчивымъ. Легко могло случиться что насъ заманивали въ западню и мы могли бы наткнуться н отрядъ, гораздо сильнѣйшiй противъ того, какой былъ въ ег распоряженiи, а, въ случаѣ неудачи, вся отвѣтственность пала б на него одного, какъ старшаго, которому ввѣренъ былъ отряд съ предписанiемъ дѣйствовать по данной инструкцiи. Я распро щался и отправился къ себѣ; захваченная соль была распредѣ лена по полкамъ всего отряда. Это было въ ночь на 10-е мая

До 16-го мая отрядъ нашъ былъ въ полномъ бездѣйствiи жизнь шла своимъ чередомъ: музыка гремѣла; трубачи играли лошади въ коновязяхъ фыркали, дневальные гусары по временам громко покрикивали на нихъ, кашевары то и дѣло суетилис

около котловъ, офицеры, въ странныхъ костюмахъ, шмыгали изъ палатки въ палатку, пѣли, играли въ карты и пили молдаванское вино изъ туземныхъ баклагъ..... Такая однообразная, несложная жизнь велась изо дня въ день.

Разговоръ генерала Салькова со мною о Карамзинѣ я, согласно порученію его, передалъ своевременно Андрею Николаевичу, который все это время былъ какъ-то не веселъ, иногда хандрилъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и изъ палатки своей не выходилъ.

Если-бы опытный наблюдатель попристальнѣе всмотрѣлся въ лицо командира перваго дивизіона нашего полка, подполковника Д...., то отъ его взоровъ не укрылось бы то неподдѣльное самодовольствіе, которое охватило его съ того дня, когда Карамзинъ подалъ рапортъ о своей болѣзни. Графъ Алопеусъ рапортовался больнымъ еще раньше; поэтому подполковникъ Дика, какъ старшій штабъ-офицеръ, приказомъ по полку былъ назначенъ командующимъ полкомъ.

Имѣя въ виду, что съ полуночи на 16-е мая дивизіону нашему, по заведенной очереди, слѣдуетъ отправиться на аванпосты, я заснулъ въ своей палаткѣ ранѣе обыкновеннаго, чтобы къ тому времени быть совершенно готовымъ и затѣмъ уже не спать цѣлую ночь. Около десяти часовъ вечера меня разбудилъ лошадиный топотъ проѣхавшихъ около самой моей палатки двухъ всадниковъ. Всадники эти остановились у палатки Карамзина.

— Карамзинъ спитъ?—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

По голосу я сейчасъ узналъ князя Васильчикова.

— «Нѣтъ!—откликнулся Андрей Николаевичъ,—слѣзай съ лошади и войди».

Мнѣ слышно было какъ онъ шаркнулъ спичкой и палатка его мгновенно освѣтилась. Васильчиковъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее держать своему казаку.

— Здравствуй, Андрей Николаевичъ; что, ты все еще нездоровъ?—сказалъ Васильчиковъ, войдя въ палатку.

— «У меня лихорадка; и хотя говорятъ, что будто бы при этой болѣзни въ сумерки вредно спать, но я не вытерпѣлъ и заснулъ»,—отвѣчалъ Карамзинъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—продолжалъ Васильчиковъ,—я къ тебѣ пріѣхалъ отъ Липранди. Завтра назначается рекогносци-

ревка въ томъ самомъ размѣрѣ, какая была 9-го мая. Сальковъ уже разъ ходилъ; Алопеусъ боленъ, ты—также; не знаемъ кому и поручить отрядъ. Между прочимъ Павелъ Петровичъ (Липранди) убѣдилъ меня ѣхать къ тебѣ и упросить тебя принять начальство надъ этимъ отрядомъ; ты не такъ боленъ, какъ тебѣ это представляется, ты просто-на-просто хандришь, капризничаешь; прогуляйся, можетъ быть, тебѣ и удастся что нибудь сдѣлать.

Карамзинъ нѣсколько минутъ молчалъ, видимо размышляя; потомъ онъ вдругъ отвѣтилъ рѣшительнымъ тономъ: «Да, пожалуй, о болѣзни моей выведутъ еще какія нибудь невыгодныя для меня заключенія! Хорошо, я согласенъ; съ удовольствіемъ принимаю начальство надъ отрядомъ. Василій! Василій! давай мнѣ одѣваться!» Василій вошелъ. «Прикажи писарю тотчасъ написать рапортъ о моемъ выздоровленіи; приготовься самъ и все необходимое въ дорогу дня на три; къ пяти часамъ утра, чтобы у тебя все было готово. Я отправляюсь сейчасъ къ Алопеусу для нѣкоторыхъ съ нимъ переговоровъ».

— Вотъ такъ отлично; узнаю тебя. До свиданья! прощай! Сейчасъ получишь предписаніе и инструкцію. Не мѣшаю тебѣ собираться и дѣлать свои распоряженія,—сказалъ Васильчиковъ, выходя изъ палатки, и, сѣвъ на коня, ускакалъ.

Палатка моя отстояла отъ Карамзинской шагахъ въ десяти, такъ что при ночной тишинѣ я не могъ не слышать этого разговора.

— «Павелъ Ѳедоровичъ!—крикнулъ онъ мнѣ,—если вы не спите, то приходите сейчасъ ко мнѣ».

Я наскоро одѣлся и вошелъ къ нему; мы сѣли.

— «Передъ этимъ я долго спалъ,—началъ онъ,—во снѣ видѣлъ своего отца. Скажите пожалуйста,—вдругъ торопливо спросилъ онъ,—читали-ли вы когда нибудь сочиненія моего батюшки?»

Я посмотрѣлъ выразительно на него и обидѣвшись сказалъ: «я не только читалъ ихъ, но училъ наизусть съ самаго моего дѣтства до зрѣлыхъ лѣтъ; кто же изъ русскихъ не былъ тронутъ въ то время, читая и перечитывая по нѣсколько разъ: «Бѣдную Лизу», «Островъ Борнгольмъ» и проч. Вашъ знаменитый батюшка, Николай Михайловичъ, какъ исторіографъ, остался безсмертнымъ въ русской литературѣ!»

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, задумался и молчалъ; потомъ, какъ будто вспомнивъ что-то, сказалъ:

— «Завтра непремѣнно будетъ дѣло; вы знаете, мнѣ поручаютъ отрядъ для производства рекогносцировки по направленію къ городу Каракалу. Сейчасъ иду къ Алопеусу, просить его о назначеніи на аванпосты, вмѣсто моего дивизіона, какой-нибудь другой, по его усмотрѣнію! Я хочу, чтобы мои молодцы были въ дѣлѣ со мной; васъ и корнета Булатова назначаю состоять при мнѣ въ качествѣ ординарцевъ; корнетъ Ознобишинъ будетъ за отряднаго адъютанта».

Явился писарь; Карамзинъ подписалъ рапортъ о своемъ выздоровленіи и отправилъ его сейчасъ въ канцелярію.

Между тѣмъ приближалась полночь; второй дивизіонъ, выстроившись, былъ совершенно готовъ къ выступленію на свой постъ. Я сѣлъ на коня и сталъ передъ своимъ взводомъ. Выйдя изъ своей палатки, Карамзинъ подошелъ къ дивизіону и сказалъ:

— «Погодите, господа, отправляться, я сейчасъ къ вамъ вернусь; вполнѣ увѣренъ, что графъ уважитъ мою просьбу и согласится вмѣсто васъ отправить на аванпосты какой-нибудь другой дивизіонъ; мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы были со мною».

Мы всѣ съ восторгомъ изъявили свое согласіе; солдаты, услыхавъ его слова, на сколько позволяли ночное время и лагерныя правила, дружно въ полголоса пробормотали:

— «Желаемъ! желаемъ идти съ вашимъ высокоблагородіемъ!»

Въ палаткахъ слышенъ былъ глухой ропотъ проснувшихся офицеровъ другихъ дивизіоновъ; они ворчали:

— «Развѣ мы обязаны за васъ томиться на аванпостахъ? Кому очередь—тотъ и долженъ идти, а не выбирать себѣ службу по произволу».

Мы сдѣлали видъ, что возраженія эти принимаемъ за шутку, и отвѣтили имъ:

— «Спите себѣ спокойно, не ваше дѣло; утро вечера мудренѣе; таскаться по такой жарѣ сутокъ трое—тоже не медъ! То ли дѣло на аванпостахъ! Вы съиграетесь, а мы вернемся да съ выигравшаго жжонку потребуемъ».

Вскорѣ послѣ того возвратился Карамзинъ; онъ объявилъ намъ, что графъ не согласился перемѣнить дивизіонъ, на томъ основаніи, что лошади наши будто бы тощѣе другихъ эскадроновъ; нашъ дивизіонъ ходилъ 9-го мая съ генераломъ Сальковымъ слиш-

комъ далеко, другіе же эскадроны отдыхали. Кромѣ того, Алонеусъ замѣтилъ, что второму дивизіону и прежде всегда какъ-то больше другихъ выпадало на долю нести тяжесть военнаго времени, и поэтому съ его стороны было бы даже недобросовѣстно и несправедливо особенно налегать на этотъ дивизіонъ, тогда какъ эскадроны всего полка должны быть для него одинаково дороги. Къ этому примѣшивалась и хозяйственная часть, лежащая на отвѣтственности полковаго штаба. Противъ такихъ доводовъ возражать было трудно.

Пожалѣвъ, что съ нимъ не будетъ его дивизіона, Карамзинъ простился съ нами—до свиданья на аванпостахъ, черезъ которые пролегалъ завтра путь его отряду. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины нашего дивизіона были крайне недовольны отказомъ полковаго командира на просьбу ихъ начальника; затѣмъ дивизіонъ отправился своимъ порядкомъ на свой постъ для смѣны Ахтырскаго.

Было три часа по полуночи; я полудремалъ, лежа на землѣ около своего коня; поводья были у меня въ рукахъ. Прислушиваюсь, всматриваюсь и вижу, что кто-то скачетъ изъ Слатина прямо на насъ; послѣ оклика и всѣхъ формальностей, человѣка этого допустили до меня. Оказывается Егоръ, мой слуга; въ рукѣ у него записка, подъ мышкой узелокъ.

— Отъ кого?—спрашиваю я.

— Отъ подполковника Сухотина,—отвѣчаетъ Егоръ.

Сламываю печать и читаю слѣдующее:

«Павелъ! Два часа ночи, а мы съ Андреемъ Николаевичемъ еще не спимъ, да врядъ-ли и будемъ спать. Онъ поручилъ мнѣ написать и тотчасъ дать знать тебѣ, чтобы къ пяти часамъ утра ты былъ совершенно готовъ, то есть, чтобы твой Мальчикъ (моя верховая лошадь) былъ накормленъ, напоенъ и замундштученъ. Мы долго толковали и онъ порѣшилъ, что, при его отношеніяхъ къ полку, около него непремѣнно долженъ находиться благонадежный и близкій къ нему человѣкъ; поэтому-то онъ и назначаетъ тебя ординарцемъ при себѣ. Какъ только отрядъ будетъ приближаться къ вамъ, ты и подъѣзжай къ нему; такъ какъ вы отправляетесь, можетъ, быть дня на три, то посылаю тебѣ полотенце и мыло; этихъ необходимыхъ вещей, я знаю, ты не взялъ съ собою. Твой А. Сухотинъ».

Я былъ чрезвычайно доволенъ такимъ назначеніемъ; отправившись показать записку своему эскадронному командиру, маіору Торвиге, я засталъ его спящимъ крѣпкимъ сномъ, прислонясь спиною къ дереву. Разбудить его стоило большаго труда, а между тѣмъ я обязанъ былъ сообщить ему содержаніе этой записки. Наконецъ, онъ пробормоталъ сквозь сонъ: «съ Богомъ! хорошо!» и опять захрапѣлъ. Положа записку около него, я отошелъ къ своей лошади.

16-го мая, въ пять часовъ утра, Карамзинъ съ ввѣреннымъ ему войскомъ [1]) подходилъ къ намъ. Нашъ дивизіонъ, за исключеніемъ разставленной впереди цѣпи ведетовъ, для встрѣчи начальника своего выстроился въ должномъ порядкѣ. Я поскакалъ къ нему; подъѣзжаю, осаживаю коня, берусь подъ козырекъ.

— «Можете себѣ представить,—обратился ко мнѣ Карамзинъ,—графъ Алопеусъ не согласился васъ отпустить со мною, на томъ основаніи, что во второмъ дивизіонѣ и безъ того мало офицеровъ, поэтому оставшимся будетъ тяжело нести аванпостную службу и другія обязанности, предоставляя мнѣ право изъ шести эскадроновъ, при мнѣ находящихся, выбрать любаго офицера себѣ въ ординарцы, по моему усмотрѣнію. Кого-же я выберу, когда я хорошо почти никого не знаю? Не судьба вамъ, Павелъ Ѳедоровичъ, быть вмѣстѣ со мною!» Онъ выразительно посмотрѣлъ на меня, смущеннаго его словами. Крѣпко пожавъ мнѣ руку: «До свиданья, прощайте!» сказалъ онъ. «Если возвращусь съ успѣхомъ, то будемъ праздновать какъ слѣдуетъ»,—прибавилъ онъ. Подъѣхавъ къ своему дивизіону и поздоровавшись съ нимъ, Карамзинъ громко сказалъ:

— «Знаю, что вы искренно рвались идти со мною, но не сѣтуйте, ребята, и не ропщите, что это не исполнилось. Ваша священная обязанность безпрекословно повиноваться высшему начальству, надъ вами поставленному, и исполнять точно всѣ его приказанія; это есть главное основаніе воинской доблести. Бла-

---

[1]) Четыре конныхъ орудія легкой № 10-й батареи при штабсъ-капитанѣ Малиновскомъ, одна сотня казаковъ Донскаго № 38-й полка при поручикѣ генеральнаго штаба Черняевѣ, и три дивизіона Александрійскаго гусарскаго полка (шесть эскадроновъ), имѣя по восьми рядовъ во взводѣ. Первымъ дивизіономъ командовалъ подполковникъ Дика; третьимъ подполковникъ Банѣтышъ и четвертымъ маіоръ Раздеришинъ.

годарю васъ, братцы, отъ всей души за ваше усердіе ко мнѣ; въ короткое время моего командованія, я искренно полюбилъ васъ, какъ честныхъ воиновъ, настоящихъ молодцовъ! Если Богъ поможетъ возвратиться съ побѣдою, то вы хотя и не были со мною, не участвовали въ бою, но, какъ близкіе мнѣ, не останетесь безъ вознагражденія! До свиданья, господа!» — обратился онъ ко всѣмъ намъ.

— «Прощайте, братцы!»—крикнулъ еще разъ гусарамъ, отскакивая отъ фронта. Солдаты громко, единодушно и задушевно напутствовали его.

Отрядъ тронулся безмолвно; все дальше и дальше уходилъ онъ, оставляя за собою цѣлый столбъ густой пыли, сквозь которую какъ огненныя искры блестѣло въ отдаленіи ярко вычищенное оружіе гусаръ.

Трудно не вѣрить въ предчувствіе! Помню я, что въ ту минуту, когда отрядъ совершенно скрылся изъ глазъ, точно свинцовая гиря начала давить мнѣ грудь, на меня напала тоска, уныніе, какая-то необъяснимая скорбь! Случалось и прежде разставаться со своими на короткое время, но ничего подобнаго я ни разу не испытывалъ. Въ полдень, по обыкновенію, насъ смѣнилъ Ахтырскій дивизіонъ.

Въ лагерѣ та же грусть: палатки пусты, коновязи безъ лошадей, праздные деньщики, развалившись на землѣ отъ нечего дѣлать, мурлычатъ себѣ подъ носъ непривлекательныя пѣсни; вокругъ все тихо, мертво. Я пошелъ къ Сухотину; онъ былъ не въ духѣ; поругавъ Алопеуса, онъ сказалъ:

— «Садись и слушай, что̀ я тебѣ буду разсказывать. По уходѣ твоемъ на аванпосты, Андрей Николаевичъ пригласилъ къ себѣ троихъ нашихъ дивизіонеровъ и всѣхъ шестерыхъ эскадронныхъ командировъ на совѣщаніе; оно шло какъ-то вяло, апатично и кончилось ничѣмъ; ссылаясь на предстоящій ранній походъ, они просились хотя немного передъ тѣмъ отдохнуть. Мы остались вдвоемъ; тогда ему пришла мысль увѣдомить тебя, что онъ беретъ тебя съ собою, на что̀ утромъ, при отходѣ отряда, Алопеусъ не согласился, какъ тебѣ уже извѣстно. Андрею Николаевичу что-то не спалось всю ночь; въ четыре часа приказано было сѣдлать, а около пяти отрядъ былъ уже собранъ и построенъ въ ожиданіи прибытія къ нему Карамзина. По обык-

новенію, какъ тебѣ извѣстно, до прибытія старшаго начальника, стоятъ всегда всѣ «вольно»; солдаты въ это время тянутъ изъ коротенькихъ люлекъ свой любимый тютюнъ, хохочатъ, болтая разный вздоръ. Офицеры также, собравшись въ кружокъ передъ фронтомъ, курятъ сигары, папиросы, смѣются, острятъ, болтаютъ о картахъ, трунятъ надъ проигравшимися, вспоминаютъ попойки, критикуютъ пѣхоту и прочее. Солдаты чутко прислушиваются къ разсужденіямъ своихъ начальниковъ, сочувствуютъ имъ, и, дѣлая нерѣдко очень удачныя заключенія, подчасъ вѣрно опредѣляютъ нравственныя качества и умственныя способности говорившаго. Такъ было и тутъ. Д... началъ:

— «Посмотримъ, что̀-то сдѣлаетъ сегодня нашъ петербургскій франтъ? Чортъ знаетъ, что̀ творитъ Липранди! Можно ли поручать столь серьезное дѣло человѣку новому въ полку, только что поступившему вновь на службу изъ довольно продолжительной отставки, небывалому еще въ дѣлахъ!»

Онъ говорилъ это самоувѣренно, по обыкновенію подбоченясь, куря папироску, и видимо недовольный тѣмъ, что наканунѣ Карамзинъ подалъ рапортъ о своемъ выздоровленіи, отнявъ такимъ образомъ у него первенство. Говорившаго окружали офицеры, слушая рѣчь его со вниманіемъ.

— «Да, для васъ, Кузьма Егоровичъ, это просто обида; вы съ юнкерскаго чина служите въ нашемъ полку; всѣ солдаты васъ знаютъ и уважаютъ; они привыкли уже къ вамъ. А это чортъ знаетъ что̀ такое! Безъ году недѣля въ полку, а уже, смотрите, полковникъ! За что произвели? спросите! чѣмъ отличился? Развѣ тѣмъ, что сѣлъ всѣмъ на шею—вотъ это такъ! Служи тутъ послѣ того!»—басилъ, куря изъ своей трубки Жукова табакъ, подполковникъ Б....шъ, вѣчно озлобленный тѣмъ, что, служа что-то давно въ чинѣ подполковника, никакъ не могъ попасть въ полковники.

— «Да я бы на вашемъ мѣстѣ, Кузьма Егоровичъ, сказался больнымъ, но не сталъ бы подчиняться Богъ знаетъ кому»,— возразилъ командиръ седьмаго эскадрона, штабъ-ротмистръ П.......кій.

— «Разумѣется»,—отозвался поручикъ Х.......скій, куря гаванскую сигару и выправляя воротничокъ своей накрахмаленной батистовой рубашки.

— «Это не только для всѣхъ насъ, но и для простыхъ солдатъ обидно!» показывая на фронтъ, закричали юноши.

«Солдаты одобрительно что-то буркнули. Болѣе благоразумные офицеры, слыша столь неумѣстные разговоры передъ фронтомъ, отошли въ сторону и стали поодаль отъ группы злорадствовавшихъ; но послѣднихъ было большинство.

«Карамзинъ вышелъ изъ палатки, раздалась команда: «садись! равняйся! смирно!»

«Андрей Николаевичъ сѣлъ на коня, подскакалъ къ фронту и поздоровался съ нимъ. Солдаты, наущенные предъидущими разговорами своихъ ближайшихъ начальниковъ, отвѣтили вяло, негромогласно: «Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!» Проѣхавъ вдоль фронта, Карамзинъ возвратился на средину всего отряда, попросивъ подъѣхать къ себѣ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

— «Господа! для васъ я лицо еще новое,—началъ этотъ благородный человѣкъ;—мы не имѣли времени хорошенько узнать другъ друга; Богъ дастъ, время сблизитъ насъ тѣснѣе. Въ настоящую, быть можетъ, серьезную по ея послѣдствіямъ, минуту, забывъ мелочные расчеты самолюбія, будемъ имѣть въ виду одну общую цѣль! Зададимся мыслію выполнить свято задачу, на насъ возложенную, будемъ дѣйствовать по братски для достиженія успѣшнаго результата. Если кто нибудь изъ васъ, господа, во время предстоящей, можетъ быть, небезопасной рекогносцировки, найдетъ нужнымъ дать мнѣ благоразумный совѣтъ, то я съ удовольствіемъ приму его какъ отъ истиннаго товарища».

— «Полковникъ! Вы нашъ отрядный начальникъ теперь, мы должны безпрекословно исполнять всѣ ваши приказанія и распоряженія»,—отозвался подполковникъ Дика.

«Прочіе офицеры молчали; затѣмъ Карамзинъ попросилъ всѣхъ стать на свои мѣста и, обратившись къ гусарамъ, сказалъ имъ:

— «Еще изстари полкъ вашъ получилъ названіе безсмертныхъ, храбрыхъ гусаръ. Въ эту минуту я счастливъ, что командую вами! Вполнѣ увѣренъ, что если придется сразиться съ врагомъ, то вы, подобно вашимъ предкамъ, ударите на него дружно, смѣло, покажете себя истинными молодцами! Не правда-ли, братцы?»

— «Рады стараться!» отвѣчали громко гусары, повеселѣвъ въ лицѣ.

«Подъѣхавъ къ казакамъ, онъ сказалъ: «казаки всегда составляли доблестное войско, всегда были молодцами! ваша исторія полна блестящихъ подвиговъ неустрашимости противъ враговъ. Вы таковыми и теперь себя покажете!» Казаки благодарили восторженно.

«Артиллеристовъ привѣтствовалъ онъ слѣдующими словами:

— «До этого времени вся служба моя была въ артиллеріи; безпримѣрная храбрость и самоотверженность этого войска извѣстны каждому, мнѣ же въ особенности. Развитостью вы стоите выше другихъ; на васъ, братцы, я вполнѣ надѣюсь!»

— «Рады стараться! постараемся, ваше высокоблагородіе!» громко крикнули добрые артиллеристы.

«Отрядъ тронулся въ путь».

Сухотинъ кончилъ свой разсказъ.

— «Что ты скажешь?» спросилъ онъ меня.

— Скверно,—отвѣтилъ я.

Возвратившись съ аванпостовъ, товарищи мои всѣ заснули; мнѣ не спалось, сонъ бѣжалъ меня; скучно; я пошелъ бродить по лагерю, зашелъ въ палатку Карамзина, чтобы взять что нибудь почитать (съ нимъ была библіотека). Тутъ все напоминало мнѣ недавнее его присутствіе: недопитый стаканъ чаю стоялъ на его складномъ столѣ, въ пепельницѣ лежала только что недокуренная сигара, тутъ же открытая книга «Revue des deux Mondes», на постелѣ валялся халатъ, въ углу брошены туфли. При видѣ всего этого, мнѣ сдѣлалось какъ-то тяжело на душѣ; хотѣлъ читать—не читается, книга валится изъ рукъ, мысли въ какомъ-то разбродѣ. Пошелъ было къ себѣ полежать—не лежится, не спится; вскочилъ и отправился бродить по берегу рѣки Ольты, на тѣ самыя мѣста, гдѣ мы хаживали съ Андреемъ Николаевичемъ. Погода была тихая, жаркая; обойдя извилистый берегъ рѣки, я взглянулъ на городъ Слатинъ. День былъ праздничный; всюду кишѣлъ народъ; пестрыя толпы красивыхъ молдаванокъ наполняли улицы; онѣ хохочутъ и болтаютъ, кокетничая съ пѣхотными офицерами. Крестьяне и солдаты, съ коротокими трубочками во рту, толпятся около шинковъ, шумятъ, кричатъ; повсюду гамъ и говоръ. Такъ прошелъ весь день.

Было уже восемь часовъ вечера; съ берега видно далеко; думаю, вотъ и наши, можетъ быть, скоро вернутся, не найдя

турокъ; но нѣтъ, этого быть не можетъ; я хотѣлъ было уже идти къ себѣ, вдругъ смотрю, на горизонтѣ едва обрисовался черный, густой столбъ пыли; я остановился; пыль эта клубилась, все росла и быстро приближалась; послѣдніе лучи догоравшаго солнца, ударяя на блестящее оружіе скачущаго всадника, вдругъ ярко освѣтили гусара Ахтырскаго полка. Ясно было, что посланный скакалъ отъ наблюдательнаго поста съ какимъ нибудь важнымъ извѣстіемъ; вдали виднѣлась еще бо̀льшая масса пыли. Сердце у меня такъ и замерло! Что-то недоброе случилось, подумалъ я. Предчувствіе не обмануло меня; не успѣлъ я дойти до палатки Сухотина, какъ внизу, въ штабѣ главнаго отряда, ударили тревогу; мгновенно во всѣхъ полкахъ отряда ее подхватили, и вотъ повсюду барабаны затрещали, гусарскіе сигналисты пронзительно затрубили. «Сѣдлай! мундштучь! садись! становись къ расчету!» кричали вахмистры. Все суетилось, торопилось; сумятица была общая. Спрашиваю—что̀ случилось? никто ничего не знаетъ. Наши люди сами по себѣ, безъ приказанія, начали укладываться и запрягать лошадей. Вдругъ слышу, въ сторонѣ деньщики между собою говорятъ, будто турки ворвутся сейчасъ въ нашъ лагерь, подобно тому, какъ они это сдѣлали въ с. Четати. Все можетъ быть, подумалъ я.

Сѣвши на коней, мы спустились внизъ въ штабъ главнаго отряда, который весь, въ полномъ составѣ, былъ въ сборѣ. Такъ какъ ночью предполагалось куда-то идти, то дивизіонъ нашъ получилъ приказаніе находиться въ авангардѣ отряда. Тутъ мы узнали, что нашъ полкъ разбитъ турками на-голову; на мой вопросъ: гдѣ Карамзинъ?—«убитъ!» отвѣчаютъ мнѣ.

Нѣтъ, думаю, этого быть не можетъ; я не вѣрилъ своимъ ушамъ; если онъ убитъ, значитъ всѣхъ убили.

Наконецъ, мимо насъ стали проходить возвращавшіеся, утомленные александрійцы; они шли группами, на большомъ разстояніи одна отъ другой. Группы эти состояли изъ тридцати, тридцатипяти и сорока человѣкъ людей, скученныхъ изъ разныхъ эскадроновъ, что̀ изобличала нумерація на ихъ киверахъ. Люди видимо были раздражены постигшею ихъ неудачею и потому на вопросы наши отвѣчали неохотно и пасмурно. Наконецъ, отъ прибывающихъ офицеровъ этого злосчастнаго отряда мы положительно узнали, что турки отбили у насъ наши четыре орудія;

прислуга почти вся, а артиллерійскія лошади совершенно всѣ перебиты. Нашего полка убиты: полковникъ Карамзинъ, поручики Винкъ и Брошневскій; юнкера: князь Голицынъ и фонъ-Ганъ; нѣкоторые офицеры ранены. Гусаровъ нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными двадцать человѣкъ; у казаковъ убито и ранено нѣсколько человѣкъ. Хорошо, что была ночь: она насъ избавила отъ сардоническихъ взглядовъ офицеровъ другихъ полковъ, сгруппировавшихся изъ любопытства около насъ и возвращавшихся нашихъ товарищей. Ясно было, что пораженіе полное; «вотъ, подумалъ я, и Александрійскій безсмертный полкъ! одинъ погромъ—и слава твоя потухла».

Было десять часовъ вечера; отрядъ тронулся, подъ начальствомъ самого генерала Липранди по направленію къ Каракалу. Группы александрійцевъ, собранныхъ изъ разныхъ эскадроновъ, не переставали попадаться намъ на встрѣчу; мы краснѣли; намъ слышно было, какъ офицеры другихъ полковъ и въ особенности пѣхотные подтрунивали надъ нами. Отошедши верстъ пять, приказано было остановиться; между генералами видимо происходило какое-то совѣщаніе; оно продолжалось не долго; насъ немедленно повернули налѣво кругомъ и отвели обратно въ Слатинъ, на прежнія позиціи. Куда мы шли, зачѣмъ вернулись—это оставалось для насъ тайной.

Мы возвратились въ лагерь около полуночи; трудно было намъ, какъ отъ офицеровъ своего полка, такъ и отъ артиллеристовъ, узнать подробности несчастнаго дѣла этого, а также о плачевной кончинѣ злополучнаго Карамзина и прочихъ нашихъ товарищей. Всѣ были въ переполохѣ, утомлены, осовѣвши; всякій занятъ былъ самимъ собою; многіе были слегка ранены, оцарапаны; иные, познакомившись съ силою турецкихъ фухтелей, лежали съ черными пятнами на спинѣ и стонали; другіе ворчали объ утратѣ своихъ часовъ и полуимперіаловъ и немилосердно все зло и вину взваливали на мертваго Карамзина.

На другой день весь отрядъ (исключая бывшихъ вчера въ дѣлѣ), опять подъ командою генерала Липранди, отправился подъ городъ Каракалъ, но, не найдя тамъ никого, возвратился обратно къ Слатинъ. На слѣдующій день, когда первыя впечатлѣнія неудачи миновались, когда всѣ болѣе или менѣе по-

успокоились, вотъ свѣдѣнія, какія сообщили мнѣ офицеры, бывшіе въ дѣлѣ 16-го мая 1854-го года:

Отрядъ Карамзина, отойдя отъ своего наблюдательнаго поста верстъ на двадцать впередъ, остановился и въ виду небольшой валахской деревни сдѣлалъ двухъ-часовой привалъ; по обыкновенію, одна часть, размундштучивъ лошадей, кормила ихъ, а потомъ и другая; солдаты поѣли сухарей. Ведеты были выставлены по направленіямъ къ Краіову и Каракалу и къ этимъ двумъ турецкимъ пунктамъ высылались разъѣзды.

И здѣсь, какъ при выступленіи изъ Слатина, многіе офицеры дозволили себѣ, въ виду нижнихъ чиновъ, употреблять неумѣстныя выраженія, подрывающія довѣріе и ослабляющія власть всякаго отдѣльнаго начальника, и при томъ еще въ виду непріятеля, съ которымъ легко могло быть дѣло. Предполагаютъ также, будто предатели-валахи имѣли время и возможность сообщить въ Каракалъ о численности нашего отряда.

Начальникъ Каракала, городскіе и сельскіе обыватели еще въ прошломъ, 1853 году, во время стоянки у нихъ нашего полка, когда мы шли впередъ какъ завоеватели и покровители, относились къ намъ враждебно и дѣйствовали предательски.

На привалѣ Карамзинъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ на закуску, но многіе отказались отъ нея и, отдѣлившись, образовали особую группу, громко смѣялись, шумѣли и кричали на польскомъ нарѣчіи; Карамзина видимо коробило это; онъ ничего не ѣлъ и не пилъ и, сверхъ обыкновенія, не дотронулся даже до чая, который онъ очень любилъ, такъ что камердинеръ его Василій крайне этому удивился. Молча лежалъ онъ на землѣ, курилъ сигару и сосредоточенно о чемъ-то думалъ; подъ конецъ всталъ и просилъ офицеровъ, чтобы они кушали и пили для подкрѣпленія силъ, добавя: «Богъ знаетъ гдѣ и когда намъ придется сегодня ужинать». Роскошно накормивъ своихъ ординарцевъ, унтеръ-офицеровъ и вѣстовыхъ, онъ приказалъ играть подъемъ; отрядъ двинулся далѣе по направленію къ Каракалу. Отойдя верстъ семь, они подошли къ небольшому, узкому мосту, перекинутому черезъ мелководную рѣку Тизлуй. Карамзинъ скомандовалъ «стой!» На-скоро было сдѣлано совѣщаніе и тутъже порѣшили перейти этотъ мостъ, на томъ основаніи, что въ

случаѣ отступленія легко можно было переправиться вбродъ. Поручикъ генеральнаго штаба Черняевъ[1]) былъ противъ этого, но Карамзинъ, увлекшись большинствомъ голосовъ, не послушалъ Михаила Григорьевича. Перешли мостъ «съ права по три», такъ какъ онъ былъ узокъ и безъ перилъ, и отошли еще версты три впередъ. Черняевъ, ѣхавшій съ казаками въ авангардѣ, вдругъ остановилъ ихъ, самъ вернулся назадъ къ отряду и доложилъ Карамзину, что въ верстѣ отсюда предстоитъ еще переправа черезъ другой, такой-же узкій мостъ, перекинутый надъ топкимъ болотомъ. Карамзинъ задумался; видя неудобство оставаться въ бездѣйствіи между двумя мостами, онъ сказалъ Черняеву: «На основаніи данной мнѣ инструкціи, я дѣйствую самостоятельно; не думаю, чтобы съ такимъ извѣстнымъ своею храбростью полкомъ намъ пришлось отступать; не допускаю этой мысли; съ этими молодцами надобно идти всегда впередъ!»

Всѣ молчали. Черняевъ замѣтилъ Карамзину, что это громадный рискъ съ его стороны, вернулся къ казакамъ и пошелъ съ ними впередъ. Вслѣдъ за казаками весь отрядъ съ артиллеріей перешелъ и другой мостъ, вступивъ на необозримую, ровную поляну; вдали, на горизонтѣ виднѣлись высокія башни Каракала. Пройдя еще съ версту, наши увидали, что отъ Черняева несется казакъ; подлетѣвъ къ Карамзину, онъ докладываетъ, что на обширной равнинѣ этой, впереди ихъ, стоятъ четыре колонны непріятельскихъ всадниковъ, каждая примѣрно въ пятьсотъ человѣкъ, двѣ колонны регулярной кавалеріи и двѣ башибузуковъ; держатся они болѣе къ сторонѣ города; артиллеріи у нихъ не видно. Карамзинъ тотчасъ навелъ на указанное мѣсто свою подзорную трубу и, посмотрѣвъ внимательно, нашелъ, что стоятъ только двѣ колонны, а остальныя двѣ массы, по его мнѣнію, суть два забора, находящіеся вблизи самаго города; вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ дать сигналъ «рысью». Отрядъ двинулся на рысяхъ; пройдя этимъ аллюромъ три версты, онъ подошелъ къ непріятелю на такое разстояніе, что артиллерія видимо могла уже дѣйствовать; тогда Карамзинъ приказалъ дать сигналъ «огонь». Молодецки артиллеристы снялись съ передковъ, орудія грянули, турки зашатались! но торжество это продолжалось не

[1]) Михаилъ Григорьевичъ, въ настоящее время генералъ-маіоръ, бывшій главнокомандующій сербской арміей въ 1876 году.

долго; артиллерія, по неизвѣстной причинѣ, вдругъ безъ приказанія прекратила огонь [1]). Карамзинъ поблѣднѣлъ какъ полотно, но скрылъ свой ужасъ и не потерялся. Гусары видимо оробѣли, турки ободрились; тогда Карамзинъ приказалъ ударить сигналъ «къ атакѣ». Начать долженъ былъ восьмой эскадронъ, на который Карамзинъ надѣялся болѣе другихъ; молодецки бросился эскадронъ на правый флангъ непріятеля, врубился въ средину турокъ и началъ ихъ косить своими саблями; къ несчастію, въ самую жаркую минуту, командиръ эскадрона, поручикъ Винкъ, увидѣлъ, что старшій вахмистръ его, окруженный пятью турками, непремѣнно будетъ изрубленъ, бросился съ однимъ гусаромъ къ нему на помощь. Храбрый Винкъ тутъже былъ изрубленъ, а вахмистръ спасенъ. Это обстоятельство нравственно сильно подѣйствовало на солдатъ; увидя себя безъ начальника, который имѣлъ на нихъ большое вліяніе, они вдругъ сами собою, безъ приказанія, бросились назадъ. Данъ былъ сигналъ идти въ атаку пятому эскадрону; командиръ эскадрона, маіоръ Красовскій, рванулся впередъ; оглянувшись, онъ увидѣлъ возлѣ себя одного только своего юнкера фонъ-Гана: эскадронъ на полдорогѣ до непріятеля повернулъ назадъ. Турки на мѣстѣ изрубили Гана, а Красовскій, съ раздробленною рукой ускакалъ назадъ. Данъ былъ сигналъ къ «общей атакѣ». Эскадроны не тронулись съ мѣста; офицеры и люди растерялись, мялись, жались одинъ къ другому, не слушая ни трубача, ни словесной команды Карамзина. Суматоха была общая; образовалось безначаліе!

Между тѣмъ турки, видя все происходившее у насъ и понявъ, въ чемъ дѣло—начали заскакивать намъ въ тылъ, торопясь завладѣть тѣмъ самымъ мостикомъ, который сзади насъ перекинутъ былъ черезъ топкое болото, дабы преградить намъ путь къ отступленію. Тотчасъ весь отрядъ, понявъ этотъ маневръ, увидѣлъ себя въ безвыходномъ, ужасномъ положеніи. Минута была тяжелая! Въ это самое мгновеніе, въ серединѣ разстроеннаго фронта всѣхъ трехъ родовъ оружія, кто-то скомандовалъ громкимъ голосомъ: «налѣво кругомъ! маршъ, маршъ!» Всѣ броси-

---

[1]) Есть подозрѣніе, что зарядовъ, по оплошности, взято было въ крайне ограниченномъ числѣ и ихъ не хватило. П. В.

[illegible] само-
[illegible] себя.
[illegible] вы?
[illegible] бы-
[illegible]
[illegible] придали.
[illegible]
[illegible] отъ
[illegible]
[illegible] по стремени [illegible] на спину;
[illegible] Баранзинъ [illegible] не могъ [illegible] на нее.
[illegible] во время [illegible] она упала поперекъ [illegible]
[illegible] Баранзинъ
[illegible] при немъ.
[illegible]
[illegible] Баранзину.
Баранзинъ [illegible] на нее, но она была слишкомъ мала для его [illegible] роста [illegible] не [illegible] трогалась съ мѣста. Баранзинъ [illegible] въ это время [illegible] увидалъ это. [illegible] прекрасаго [illegible] «Ваше высокоблагородіе, садитесь скорѣе какъ нибудь».
«Благодарю тебя мой другъ, благодарю, спасибо тебѣ, мнѣ те-

перь ужъ болѣе ничего не нужно», печально отвѣтилъ ему Карамзинъ. Въ это мгновеніе наскочили турки, убили артиллериста, взяли лошадь и окружили Карамзина. Ихъ было человѣкъ двадцать; они сорвали съ него золотые часы, начали шарить по карманамъ, вынули всѣ находившіеся при немъ полуимперіалы, сняли киверъ, серебряную лядунку, кушакъ, саблю, пистолетъ, раздѣли его до-гола, оставивъ только на немъ канаусовую рубашку; затѣмъ били его плашмя саблями по голымъ ляжкамъ и ногамъ, погоняя идти проворнѣе въ плѣнъ. Страдалецъ повиновался; въ это самое время, одинъ изъ башибузуковъ, подмѣтивъ золотую цѣпочку, болтавшуюся у него подъ рубашкой, разодралъ ее и сорвалъ съ груди тотъ самый медаліонъ, который нѣсколько дней тому назадъ онъ показывалъ мнѣ въ своей палаткѣ, въ минуту откровенности. Карамзинъ поблѣднѣлъ какъ смерть; на лицѣ его изобразилось горькое отчаяніе; взведя глаза къ небу, опрометью выхватилъ онъ саблю изъ ноженъ злодѣя, ударилъ его со всего розмаха по головѣ и грабитель упалъ на мѣстѣ бездыханный. Другой бросился къ нему—Карамзинъ перешибъ ему руку; тогда остальные турки, освирѣпѣвъ, бросились разомъ на него, закололи его пиками и саблями, нанеся восемнадцать смертельныхъ ранъ, и, бросивъ трупъ, сѣли на лошадей и ускакали. Послѣднее обстоятельство разсказывалъ намъ раненый гусаръ 1-го эскадрона, сидѣвшій все время притаившись подъ мостомъ и видѣвшій все происходившее; онъ кое-какъ дотащился къ ночи на другой день къ намъ въ отрядъ. Краіовскіе купцы, слышавшіе объ этой катастрофѣ отъ тѣхъ самыхъ турокъ, которые убили Карамзина, добавляютъ, что паша (Чайковскій) былъ очень недоволенъ ими, почему они не доставили Карамзина въ плѣнъ живымъ, зная напередъ, какой громадный выкупъ можно было бы получить за него; тѣ разсказали ему подробности дѣла, оправдываясь невозможностью выполнить его желаніе.

Три дня спустя послѣ этого, графъ Алопеусъ подалъ рапортъ о своемъ выздоровленіи и вступилъ въ командованіе полкомъ. Бывъ дежурнымъ по полку, я явился къ нему съ вечернимъ рапортомъ; между прочими разговорами онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы должны быть всегда мнѣ благодарны, Вистенгофъ, за то, что я не допустилъ васъ 16-го мая идти съ Карамзинымъ. Врядъ-ли вернулись бы вы! У васъ дома молодая жена, мнѣ

жалко было васъ. Я очень недоволенъ Карамзинымъ, онъ помрачилъ безсмертную славу полка».

— «Трудно опредѣлить, ваше сіятельство, что было бы со мною, еслибы я тамъ находился. Благодарю васъ за сочувствіе къ моему другу, къ моей женѣ. Андрей Николаевичъ теперь покойникъ; не будемъ тревожить прахъ этого злополучнаго человѣка; жизнь его имѣла несравненно болѣе шансовъ, нежели моя; онъ слишкомъ дорого поплатился за свою увѣренность въ безсмертную славу нашего полка»,—отвѣтилъ я, раскланялся и ушелъ.

Спустя семь дней послѣ погрома нашего полка, рано утромъ, каруцца, запряженная двумя волами, со скрипомъ въѣхала въ нашъ лагерь; на ней лежали обезображенные, черные какъ сапогъ, три трупа: Карамзина, Брашневскаго и князя Голицына. Правая рука Андрея Николаевича висѣла на одной только жилкѣ; привозъ въ нашъ лагерь этихъ труповъ такъ грустно напоминалъ про 16-е мая, что всѣ какъ-то невольно говорили шопотомъ; у многихъ было тяжело на сердцѣ, хотя и отъ совершенно разныхъ причинъ.

Преданный Карамзину второй дивизіонъ, въ полномъ составѣ, со слезами опустилъ гробъ его въ холодную могилу. Такъ печально окончилъ жизнь, въ цвѣтущихъ еще годахъ, благородный, умный, образованный Андрей Николаевичъ, одинъ изъ сыновей знаменитаго нашего писателя Николая Михайловича Карамзина.

Симферополь. **Павелъ Ѳед. Вистенгофъ.**

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ

1854—1856

доктора А. А. Генрици.

(Окончаніе).

XV [1]).

Въ 2 часа по полуночи 5-го августа 1855 г. мы прибыли на позицію между Мекензіею и Инкерманскими высотами.

Я просилъ штабъ-лекарей тотчасъ вывѣрить списки раненымъ офицерамъ и къ полудню доставить перевязочныя свидѣтельства,— и кстати, потому что списки, залитые кровью, въ послѣдствіи ссохлись, покоробились и посклеивались, такъ что изъ нихъ трудно было что нибудь вычитать.

Послѣ полудня 5-го августа, я получилъ приказаніе отъ ген.-шт.-доктора—со всѣми медиками, работавшими на дивизіонномъ фербандѣ, отправиться тотчасъ на главный перевязочный пунктъ и тамъ поступить въ распоряженіе главнаго хирурга Рудинскаго. Хорошо, что мы успѣли до того времени вторично осмотрѣть 588 легко-раненыхъ, оставленныхъ нами во фронтѣ, а то изъ нихъ много оказалось-бы въ послѣдствіи трудныхъ. Мудрено было понять, вышло ли это приказаніе вслѣдствіе особаго довѣрія къ медикамъ моего фербанда, или оно было просто продолженіемъ предпринятаго гоненія, которое было удачно на меня направлено неизвѣстнымъ лицомъ? Послѣднее показалось мнѣ довольно вѣроятнымъ, когда я, явившись со своею группою къ главному хирургу, засталъ на главномъ пунктѣ медиковъ больше, чѣмъ сколько было нужно, и между ними очень много отличныхъ хирурговъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 301—334; 427—470. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 79—96; 573—608.

Назначеніе насъ на главный пунктъ показалось намъ пріятнымъ только потому, что мы могли скоро успокоиться касательно послѣдствій сценъ, выдержанныхъ нами вчерашняго числа. Тамъ былъ уже общеизвѣстенъ тотъ отвѣтъ, данный посланному княземъ доктору Эйхвальду, что если бы раненые всѣхъ дивизій прибывали на главный перевязочный пунктъ такъ тщательно осмотрѣнными и съ такими хорошими повязками, какъ съ пункта 12-й дивизіи, то не приходилось бы главному пункту сызнова заниматься пересмотромъ всѣхъ раненыхъ, и первое время можно бы исключительно заняться производствомъ послѣдовательныхъ и безотлагательныхъ операцій. Главный хирургъ Рудинскій отчетливо и ловко оперировалъ; но немало онъ заслуживаетъ признательности и тѣмъ, что, съ пользою употребляя трудъ прочихъ хирурговъ, онъ имъ неотступно помогалъ совѣтами и руководилъ ихъ занятіями съ полнымъ самоотверженіемъ, внушая имъ необходимую самоувѣренность и нисколько не умаляя ихъ заслугъ. Строгая діагностика и правильная классификація при размѣщеніи раненыхъ по отдѣльнымъ категоріямъ способствовали порядку, тишинѣ и успѣшному леченію, а его ровное и братское обращеніе съ медиками привлекало послѣднихъ къ труду подъ его руководствомъ. Раскинутый же главный перевязочный пунктъ въ госпитальныхъ шатрахъ и солдатскихъ палаткахъ представлялъ всѣ условія благоустроеннаго и образцоваго полеваго госпиталя, а сестры милосердія Крестовоздвиженской общины, привыкшія работать на Севастопольскихъ пунктахъ, не только несли скорый и нѣжный уходъ за ранеными, утѣшали, ободряли и держали строгій порядокъ въ хозяйствѣ, но присутствовали и много помогали хирургамъ при производствѣ послѣдними трудныхъ кровавыхъ операцій.

8-го числа августа приказано было медикамъ 12-й дивизіи возвратиться къ своимъ частямъ, что было очень и кстати, потому что фельдшера часто затруднялись въ леченіи оставленныхъ нами на позиціяхъ раненыхъ и у многихъ изъ нихъ раны воспалились и осложнились рожею, такъ что, первые дни по прибытіи, намъ пришлось не мало трудиться, пока удалось привести ихъ въ лучшій видъ.

Тутъ мы узнали про особеннаго рода кровавую сцену, разыгравшуюся 7-го августа: утромъ, когда раненые собрались у одного околодка, никто и не думалъ считать опаснымъ то обстоятельство, что, прирученный и съ подрѣзанными крыльями, рослый орелъ расхаживалъ по площадкѣ, на которой сидѣли они, дожидаясь каждый своей очереди для перевязки. То былъ крымскій орелъ, принадлежавшій командиру Украинскаго пѣхотнаго полка, Бельгарду, и содержавшійся на его кухнѣ подачками мяса; но 4-го августа полковникъ

Бельгардъ былъ убитъ; кухня его опустѣла и некому было помнить про голодавшую птицу. Случилось же такъ, что къ околодку сталъ подходить музыкантъ, бывшій въ сраженіи носильщикомъ и раненый ружейною пулею въ ручную кисть. Съ запухшей руки онъ снялъ повязку, и, подпирая здоровою выставленную впередъ больную руку, осторожно ступалъ, избѣгая при ходьбѣ толчковъ и сотрясенія,— какъ вдругъ набѣжалъ голодный орелъ и, вѣроятно, принявъ торчавшую руку за подачку, клюнулъ въ нее и, освирѣпѣвъ, сталъ бить крыльями. По счастью, сзади шелъ солдатъ съ ружьемъ и, пользуясь тѣмъ, что орелъ, собираясь вторично клюнуть, поставилъ шею дугой, онъ мѣткимъ ударомъ ружья по изогнутой шеѣ убилъ его.

Тяжело намъ было держаться на нашей позиціи послѣ 4-го августа; ежеминутно кого нибудь не досчитывались; съ трудомъ встрѣчался офицерскій погонъ, а еще труднѣе штабъ-офицерскій.

Квартиры убитыхъ офицеровъ, въ шалашахъ, были отданы въ пользу раненыхъ, оставшихся во фронтѣ; почему медики имѣли всякую возможность удержать послѣднихъ на этомъ главномъ перевязочномъ пунктѣ, не смотря на нѣкоторыя осложненія ранъ.

Вскорѣ производилась на той же позиціи продажа съ аукціона всего имущества, оставшагося послѣ павшихъ 4-го августа офицеровъ. Эта процедура навѣяла на многихъ нестерпимую грусть, а тутъ еще пошли порученія купить за безцѣнокъ то одну вещицу, то другую, какъ-бы на память, послѣ храбрецовъ.

По несчастью, получилъ и я порученіе купить коляску послѣ полковника Бельгарда, но денегъ на то отъ поручившаго не получилъ, а у меня таковыхъ не оказалось, и такимъ образомъ я былъ поставленъ въ фальшивое положеніе самаго неуслужливаго человѣка.

Дня черезъ три меня позвали къ ген.-шт.-доктору. Вѣжливый, но сухой пріемъ не обѣщалъ мнѣ много хорошаго. Послѣ опроса о приблизительномъ числѣ перевязывавшихся на моихъ фербандахъ раненыхъ въ теченіе всей Севастопольской обороны, онъ послалъ меня въ свою канцелярію, приказавъ мнѣ тамъ свести счеты по расходу перевязочнаго матеріала и затѣмъ возвратиться къ нему обратно. Это меня крайне озадачило, такъ какъ я счетовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ. Въ канцеляріи мнѣ объяснили, что такъ какъ я бо̀льшую часть обороны завѣдывалъ передовыми перевязочными пунктами, то и имѣлъ самый большой расходъ припасамъ и что, соотвѣтственно тому, мнѣ слѣдуетъ выдать квитанцію въ полученіи громаднаго количества ветоши, корпіи, холста и бинтовъ, а также лигатурнаго шелка и проч. Я возражалъ, что во всѣхъ сраженіяхъ я управлялся запасами тѣхъ частей войскъ, съ которыми ходилъ въ сраженія, и

что войска все необходимое получали сами отъ коммисаріата, не безъ своевременной выдачи квитанцій. Найдя однако въ своихъ замѣткахъ запись о полученіи 20-ти фунтовъ изгнившей ветоши, неизвѣстно кѣмъ и откуда доставленной, я выдалъ въ томъ квитанцію и тотчасъ возвратился къ ген.-шт.-доктору, объясняя, что, вѣроятно, припасы получалъ кто-либо другой вмѣсто меня.

— „Такъ вы нѣсколько тысячъ раненыхъ перевязывали воздухомъ, что ли?! Да что съ вами говорить, вы и свидѣтельства въ ранахъ повыдавали даже тѣмъ офицерамъ, которые васъ и не думали о томъ просить“.

— Это вѣрно, ваше п—во, я совершенно вывелъ соблюдавшійся прежде обычай выпрашиванія свидѣтельствъ, а выдаю ихъ самъ, по тѣмъ записямъ, которыя составляются медиками на самомъ мѣстѣ подачи раненому первоначальной помощи,—объяснилъ я.

— „Знаю, знаю, вы все дѣлаете по своему, прощайте!“

Вотъ каково было положеніе медиковъ! Ежечасно приходилось самому догадываться, чего одно начальство требуетъ сегодня, да чего еще потребуетъ завтра другое.

Счастье еще, что начальство въ 12-й дивизіи, особенно генералъ Мартинау и командиръ Азовскаго пѣхотнаго полка, безпощадно преслѣдовало безпорядки въ продовольствіи солдатъ и тѣмъ немало предотвращало болѣзни и излишнія нападки на медиковъ въ ея войскахъ, а то бы самая жизнь для нихъ стала безвыходнымъ бѣдствіемъ и не удалось бы завершить пользованіе легко-раненыхъ, оставленныхъ нами во фронтѣ.

Зелень для частей дивизіи закупалась въ Бахчисараѣ; наличные на позиціяхъ медики о всякомъ упущеніи по продовольствію солдатъ обязаны были сообщать прямо мнѣ, либо, минуя меня, докладывать начальнику дивизіи, не входя предварительно ни въ какія объясненія по этому предмету съ другими лицами. Такая строгость была необходима, потому что послѣ 4-го августа у насъ составъ офицеровъ потерпѣлъ значительную перемѣну черезъ пополненіе убывшихъ новыми, изъ другихъ войскъ, а вмѣстѣ съ этимъ генералъ Мартинау, сдѣлавшись доступнымъ для заявленій своихъ медиковъ, малымъ числомъ заболѣваній ясно доказалъ, на сколько своевременныя и нестѣсняемыя заявленія ихъ связаны были съ благосостояніемъ войскъ. Остается мнѣ пожалѣть объ одномъ, что, за неимѣніемъ подъ рукою документовъ, не могу этого факта доказать теперь числовыми данными.

Вѣрно только то, что время командованія 12-ю дивизіею генераломъ Мартинау останется у меня въ памяти, какъ время благоденствія ея войскъ. На больныхъ рѣдко приходилось замѣчать тифозную реакцію, просторъ въ околодкахъ и лазаретахъ дѣлалъ возможнымъ

своевременные переводы трудныхъ въ лазареты, а хроническихъ и трудно-раненыхъ—въ госпиталь. При такомъ улучшенiи въ здоровьѣ солдатъ, много перевозочныхъ средствъ осталось свободными для срочнаго доставленiя сухарей изъ магазиновъ и для отвозки худыхъ на перемѣну хорошими. Послѣднему обстоятельству мы были обязаны исчезновенiемъ кишечныхъ катарровъ, которыми прежде солдаты страдали сотнями. Ген. Мартинау самъ провѣрялъ доклады о хорошемъ и худомъ продовольствiи, безъ всякихъ отлагательствъ; за то и солдаты, видя столько участiя къ ихъ быту, часто вставляли имя его въ свои пѣсни, и, конечно, это повторялось бы еще чаще, если бы фамилiя его лучше риѳмовала съ русскими словами. Несмотря на нѣкоторую дальность рѣки Бельбека, отправляемы были большiя партiи туда, для мытья солдатскаго бѣлья и для купанiй. Цѣны на всѣ припасы у маркитантовъ повѣрялись гевальдигеромъ, а за ихъ качествомъ слѣдили медики и самъ генералъ Мартинау.

Между тѣмъ извѣстно было, что непрiятель готовится къ штурму. Да и долженъ онъ былъ спѣшить штурмомъ, какъ по большимъ потерямъ въ его армiяхъ отъ ранъ и болѣзней, такъ еще болѣе изъ опасенiя сентябрьскихъ бурь для своего флота, безъ участiя котораго и самый штурмъ дѣлался несбыточнымъ. Сильною канонадою непрiятель каждый день причинялъ убытокъ и въ нашихъ войскахъ; почему съ блокадныхъ позицiй часто цѣлые полки ходили на Южную сторону города въ подкрѣпленiе гарнизона, а 27-го августа, съ разсвѣтомъ, вся 12-я дивизiя перешла въ городъ, къ бастiонамъ, для отбитiя штурма. Послѣ занятiя Малахова кургана французами, Азовскому полку пришлось на Корабельной слободкѣ удерживать вторженiе непрiятеля въ самый городъ, а ночью на 28-е число—прикрывать переправу нашей армiи съ Южной стороны города, частiю черезъ мостъ, частiю же на пароходахъ, на Сѣверную.

Во время штурма, начальнику 12-й дивизiи, генер. Мартинау, оторвало руку выше локтя. Послѣ вылущенiя остатка изъ плечеваго сустава профессоромъ Гюббенетомъ, онъ былъ черезъ нѣсколько дней отнесенъ въ дер. Дуванкой, гдѣ до этого времени все еще оставались лазареты 12-й дивизiи. Прочiе раненые отъ частей той дивизiи поступали на городскiе перевязочные пункты, а получившiе незначительныя поврежденiя остались во фронтѣ и пользовались въ своихъ околодкахъ.

Послѣ удачной переправы нашихъ войскъ черезъ бухту, войска эти заняли позицiи, соотвѣтствующiя военнымъ обстоятельствамъ того времени, закрывая выходы непрiятелю на Мекензiю и со стороны Байдарской долины.

XVI.

28-го августа 1855 года генералу Хрущову поручена была 16-я дивизія, черезъ нѣсколько дней — 12-я пѣхотная дивизія и другія войска на Сѣверной сторонѣ Севастополя, а 27-го сентября Хрущовъ съ 12-ю дивизіею перешелъ на промежуточную позицію между Инкерманомъ и Мекензіевою горою; позже занялъ позицію на р. Качѣ, а затѣмъ 12-я дивизія поступила въ составъ Евпаторійскаго отряда. Такимъ образомъ, къ 20-му октября 1855 года, на долю 12-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею и дружинами Курскаго ополченія, выпала стоянка въ окрестностяхъ Евпаторіи. Генералъ Хрущовъ съ дивизіоннымъ штабомъ помѣстился въ усадьбѣ Тулатъ, лежащей при источникѣ Тобе-Чокракъ въ 35-ти верстахъ отъ Евпаторіи, и имѣющей нѣсколько саклей и барскій дворъ; егерская, 2-я бригада размѣщена была при томъ же источникѣ, но двумя верстами южнѣе и нѣсколько къ востоку отъ Тулата, у деревни Илесъ или Лезъ, имѣвшей 8 дворовъ, мечеть и почтовую обывательскую станцію. Въ деревнѣ помѣщались только лазареты, самые же полки и дружины—въ нарочно для нихъ выстроенныхъ, деревянныхъ баракахъ. Верстахъ въ 25-ти—30-ти болѣе къ сѣверу, въ окрестностяхъ почтовой станціи Трехабламы, по деревнямъ Сабанча, Сая и проч., расположенъ былъ Азовскій пѣхотный полкъ со своею дружиною; эта стоянка была на одной почти высотѣ съ солянымъ озеромъ Кизилъ-Яръ и верстахъ въ 6-ти—10-ти отъ послѣдняго, прямо на востокъ; на половинѣ же дороги къ этой стоянкѣ, въ деревняхъ Камбаръ, Кодырбали, Кучукъ-Токсаба и другихъ, были разставлены: Днѣпровскій пѣхотный полкъ, его дружина и часть артиллеріи. 2-я бригада квартировала въ гористой мѣстности, а 1-я въ степной, открытой для вѣтровъ и имѣющей съ западной стороны Сакское и Гнилое озера, изъ коихъ первое окружено болотами. Въ такихъ-то невыгодныхъ условіяхъ находилась 1-я бригада, занимая на одну или двѣ роты одну изъ менѣе разворенныхъ деревень. На такихъ тѣсныхъ квартирахъ не маловажную подмогу доставляли госпитальный шатеръ и солдатская палатка. Первый, подбитый сукномъ и снабженный поломъ, осенью и даже въ крымскую, слабую зиму, доставлялъ немалую защиту; солдатская же палатка, только сдвоенная, менѣе пропускала холодъ. Кромѣ помѣщенія части больныхъ во всякую, болѣе теплую погоду, шатры и палатки особенную пользу доставляли лазаретамъ тѣмъ, что они дѣлали возможнымъ частое перемѣщеніе больныхъ и очищеніе постоянныхъ лазаретныхъ избъ и саклей. Послѣ того какъ былъ раненъ генералъ Мартинау, генералъ

Хрущовъ короткое время командовалъ 12-ю дивизіею. Это былъ знаменательный періодъ напряженныхъ усилій къ улучшенію быта солдатъ и офицеровъ. Хрущовъ входилъ самъ во все; вся его обстановка была трудовая, а его адъютантъ выдѣлялся своею скромностію и равною для всѣхъ предупредительностію. „Каковъ попъ—таковъ приходъ», повторяли всѣ,—и дѣйствительно генералъ Хрущовъ умѣлъ каждому внушить долгъ службы, никогда не выходя изъ предѣловъ строгой вѣжливости.

Послѣ него, около 21-го октября, принялъ дивизію князь Химшѣевъ, крайне строгій къ себѣ, а съ другой стороны, крайне добрый, снисходительный до слабости,—для другихъ.

Къ этому же времени всѣ части дивизіи измѣнились по нѣсколько разъ въ своемъ составѣ, а съ убывшими ушла и добрая закваска Липранди и Семякинскій закалъ.

12-я пѣхотная дивизія, вступая въ Княжества въ 1853 г., имѣла отборно-хорошій составъ добросовѣстныхъ и почтенныхъ офицеровъ; почему солдатское хозяйство, сравнительно, процвѣтало, а больныхъ бывало меньше чѣмъ въ другихъ войскахъ. Такъ какъ въ Княжествахъ составъ офицеровъ мало потерпѣлъ перемѣнъ, то и дивизія эта вступила въ Крымъ, въ слѣдующемъ, 1854 году, въ полныхъ силахъ и мужественно боролась съ врагомъ и съ природою и легко переносила всѣ лишенія военнаго времени.

Но на бѣду, начиная съ 13-го октября 1854 г., стали нашихъ офицеровъ, какъ образцовыхъ, разбирать по чужимъ отрядамъ, что̀, при частой ихъ убыли отъ ранъ, становилось ощутительнымъ, тѣмъ болѣе, что поступавшіе на ихъ мѣсто другіе, изъ чужихъ войскъ, не всегда легко свыкались съ нашими добрыми порядками. Это менѣе относится къ тѣмъ, которые поступали изъ резервовъ и запасовъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыхъ служебный катехизисъ сложился въ гарнизонныхъ баталіонахъ. Гарнизонные офицеры отличались тогда эгоистическимъ взглядомъ на службу, жесткимъ и безотчетнымъ обращеніемъ съ солдатомъ, равнодушіемъ къ быту послѣдняго,—и если кто изъ нихъ получалъ отдѣльную часть, то бюрократическими уловками прибиралъ все и вся къ рукамъ: онъ самъ дѣлался дѣйствительнымъ казначеемъ своей части, за адъютанта самъ строчилъ такъ называемыя „интересныя“ бумаги, вмѣшивался въ леченіе, понуждая и назначая выздоравливающихъ въ лазаретѣ на выписку,—и все это обыкновенно кончалось недѣятельностію подчиненныхъ ему офицеровъ, взрывомъ эпидеміи и безконечной перепиской.

Какъ муха паука, такъ каждая отдѣльная часть войскъ опасалась тогда получить отца-командира изъ внутренней стражи.

Къ тому же времени, недостатокъ въ офицерахъ высшаго ранга вообще до того былъ ощутителенъ, что, вмѣсто павшихъ въ битвахъ и выбывшихъ за ранами полковыхъ командировъ, назначались тоже раненые; такъ, въ Днѣпровскомъ, вмѣсто раненаго Гриббе, принялъ полкъ израненный подполковникъ Радомскій; въ Одесскомъ, вмѣсто умершаго отъ ранъ Скюдери,—раненый подполковникъ Сарачинскій; въ Украинскомъ мѣсто убитаго Бельгарда занялъ раненый подполковникъ Эльвингъ [1]). Составъ строевыхъ офицеровъ и медиковъ, а тѣмъ болѣе солдатъ, до того измѣнился, что съ трудомъ приходилось встрѣтить такихъ, которыхъ мы знавали въ Княжествахъ. Одни только полковые штабы, т. е. адъютанты, квартермистры и казначеи (съ непремѣннымъ причтомъ пріемщиковъ, сортировщиковъ, цейхвахтеровъ и писарей), уцѣлѣли въ томъ первоначальномъ составѣ, въ какомъ они въ 1853 г. вступили съ войсками въ Княжества, а въ 1854 году — въ Крымъ.

Всякій знаетъ, какое прежде, въ бо́льшей части войскъ, значеніе для полка и для каждаго офицера имѣлъ этотъ вредный тріумвиратъ (адъютантъ, квартермистръ и казначей), нагально дѣйствовавшій въ свою пользу и во вредъ всему полку, всегда подрывавшій полезное значеніе и контроль баталіонныхъ командировъ, заставлявшій ротныхъ—плясать по своей дудкѣ, а нерѣдко опредѣлявшій и по своему произволу измѣнявшій положеніе самого полковаго командира. Всегдашними усиліями штаба было перетянуть штабъ-лекаря на свою сторону, либо-же разсорить его съ командиромъ полка, если штабъ-лекарь въ основаніе своей дѣятельности не полагалъ штабныхъ принциповъ, т. е., чтобы содержаніе солдатъ всегда находить отличнымъ, а въ случаѣ увеличивавшихся болѣзней, послѣднія приписывать вредному вліянію климата, непогоды, исключительному положенію войскъ, мѣстности, либо другой случайности. Кто подобныхъ уловокъ не употреблялъ, тотъ не могъ ладить со штабомъ, или же надо было прибѣгать къ самой тонкой политикѣ, чтобы исподоволь и по одиночкѣ провести то одного, то другаго изъ штабныхъ, слагая всю вину свершившагося изобличенія на случай, или на собственную невольную ошибку, — и такимъ образомъ охранять интересы полка, положеніе своего командира и себя отъ неминуемой отвѣтственности. Дѣло въ томъ, что если весь штабъ и ближайшее начальство окончательно попадались, то ловкими изворотами отвѣтственность возлагалась на одного штабъ-лекаря, который, будучи понуждаемъ такимъ безвыход-

---

[1]) Въ одномъ только Азовскомъ полку, вмѣсто раненаго Крюднера, назначенъ былъ баронъ Виллебрандъ, совершенно здоровый.

нымъ положеніемъ, какъ болѣе другихъ знакомый съ перомъ, брался за него и, переплетая правду неправдой, а русскія слова украшая латинскими и греческими, производилъ такую путаницу въ своихъ объясненіяхъ, реляціяхъ и оправданіяхъ, что дѣло о безпорядкахъ становилось неприступнымъ для суда, а еще болѣе для судей.

Счастье для полка и для командира, если ему удавалось дѣйствительно находить въ своемъ штабъ-лекарѣ добросовѣстнаго сотрудника и если онъ самъ былъ доступенъ для его заявленій; тогда кагалъ становился почти безсильнымъ, тѣмъ болѣе, что баталіонные командиры, не имѣвшіе въ своихъ рукахъ никакого имущества, но, по своему положенію, непосредственно отвѣчавшіе за благосостояніе частей, безсильные противъ штаба и противъ его сдѣлокъ съ ротными,—всегда охотно примыкали къ сторонѣ добросовѣстнаго штабъ-лекаря. Отъ такихъ, или другихъ комбинацій дѣйствующихъ въ полку лицъ зависѣло благостояніе, или бѣдствіе полка. Не легко было новымъ командирамъ избѣжать господства уцѣлѣвшихъ штабовъ, завладѣвшихъ всякою канцелярскою тайною и изощрившихся во все боевое трехлѣтіе въ счетахъ и формальныхъ уловкахъ. Не легко было и штабъ-лекарю совмѣщать долгъ службы съ уживчивостью со штабными!

Вообще содержаніе медиковъ въ войскахъ, начиная съ баталіоннаго лекаря, получавшаго, за различными вычетами, далеко не сполна 250 руб. въ годъ, было таково, что, не имѣя никакого семейства и пропитывая при себѣ одного необходимаго деньщика, они не могли вести самаго скуднаго, даже походнаго хозяйства. Если кто изъ нихъ былъ отличнымъ хозяиномъ, то могъ имѣть у себя не болѣе трехъ обѣдовъ въ недѣлю, остальныхъ же четырехъ онъ долженъ былъ искать въ чужихъ людяхъ.

О закупкѣ дорогихъ книгъ, необходимыхъ инструментовъ и приличной экипировкѣ—требуемой понятіями военнаго общества—не могло быть и рѣчи. Знали это сослуживцы и ближайшія начальства и пользовались такимъ безвыходнымъ положеніемъ медиковъ для своихъ служебныхъ видовъ и личныхъ интересовъ. Часто, напримѣръ, полковой командиръ, желавшій задержать при полковомъ штабѣ молодаго медика, дѣлалъ его своимъ нахлѣбникомъ и на содѣйствіе такого нахлѣбника сильно расчитывалъ въ служебныхъ спорахъ со своимъ штабъ-лекаремъ. Если же нахлѣбникъ недостаточно ловко интриговалъ противъ своего штабъ-лекаря, или же, въ критическомъ случаѣ, оказывался на столько добросовѣстнымъ, что подкрѣплялъ своимъ словомъ справедливыя его мнѣнія и требованія, то командиру стоило только отказать нахлѣбнику въ обѣдѣ, и ему, при невозможности содержаться своими средствами, приходилось, какъ милости, просить перевода въ одинъ изъ

дальнихъ баталіоновъ. Только самые младшіе медики, не отвѣчавшіе за благосостояніе лазаретовъ и частей, пользовались еще нѣкоторою репутаціею знающихъ медицину, и обратно, какъ только назначенный въ отдѣльный лазаретъ медикъ затрогивалъ хозяйственный, либо гигіеническій вопросъ и указывалъ на необходимыя улучшенія, требующія расхода, то онъ скоро попадалъ въ разрядъ „невѣждъ" и у него исподоволь переставали лечиться прежніе его паціенты, начиная съ причастныхъ къ затронутому вопросу по расходамъ. Положимъ, что отъ такого упадка довѣрія онъ матеріальнаго ущерба и не терпѣлъ, потому что военное общество выработало и установило очень странное убѣжденіе, что предлагать своему медику плату за леченіе офицера на квартирѣ значило его обезчестить, или другое: много дать никто не можетъ, а мало дать — стыдно; но всетаки такой упадокъ довѣрія вредно дѣйствовалъ на молодаго медика, дѣлая его малодушнымъ, недовѣрчивымъ къ своимъ знаніямъ и озлобляя противъ сослуживцевъ. Съ другой стороны, медикъ, снискавшій въ полку исключительное довѣріе офицеровъ, пользуя ихъ внѣ лазарета, а также и ихъ семейства, и не получая за то никакого опредѣленнаго вознагражденія, покрывая собственными деньгами путевые расходы, закупку книгъ, инструментовъ, и сопряженные съ практикою безпорядки въ хозяйствѣ, а равно дефицитъ въ платьѣ и пр., нищалъ и расходовалъ свои силы скорѣе другихъ своихъ сослуживцевъ, не имѣющихъ практики. Такимъ образомъ неимѣніе въ военномъ обществѣ хотя бы самой умѣренной таксы за медицинскіе визиты и операціи дѣлало то, что хорошіе и усердные медики съ бо́льшимъ трудомъ могли оставаться въ мѣстахъ, гдѣ пріобрѣли себѣ довѣріе, чѣмъ непользующіе медики, часто, по расчету, сами старавшіеся о распространеніи въ обществѣ того, будто бы, для нихъ невыгоднаго мнѣнія, что они отличные товарищи, большіе ученые и раціональные медики, но только въ результатахъ леченія крайне несчастливы. Въ послѣднемъ признаніи общество всегда видѣло какую-то геройскую откровенность, не хотѣло понять уловки практическаго спекулянта и, обзывая его „добрымъ малымъ" и „откровенною душою", не только терпѣло, но и любило его. Конецъ всѣмъ такимъ неурядицамъ можетъ положить одна только такса за медицинскіе визиты и операціи, производимыя военными медиками семействамъ военныхъ лицъ и имъ самимъ внѣ служебнаго круга, т. е. внѣ лазаретовъ и госпиталей. Одна только такса можетъ поспособствовать болѣе равномѣрному распредѣленію трудовъ между военными медиками, дать бо́льшую возможность существованія трудолюбивому и дѣльному, и выжить изъ общества нерадиваго, либо же несчастнаго въ леченіи, — что́ въ результатѣ выходитъ одно и то же.

При прежнихъ порядкахъ одна лишь посредственность могла благодушествовать и долго прозябать на одномъ мѣстѣ въ войскахъ, болѣе же любознательные, истинно добросовѣстные, дѣльные практики либо погибали прежде другихъ отъ нужды, болѣзней и непріятностей, либо при первой возможности оставляли войска въ ущербъ послѣднимъ.

Въ доказательство всему вышесказанному привожу слѣдующій фактъ.

Въ февралѣ 1854 года, въ деревнѣ Модловитой, у Калафата, въ одномъ пѣхотномъ полку составилась складчина, для покупки своему штабъ-лекарю экипажа. Когда командиръ полка ему объявилъ о готовящемся для него подаркѣ отъ общества офицеровъ, то тотъ уклонился принять таковой и о своемъ поступкѣ заявилъ на сходкѣ медиковъ у дивизіоннаго или отряднаго доктора. Мнѣнія раздѣлились: старики обвиняли новаго штабъ-лекаря въ строптивости, а молодые на-отрѣзъ выразили, что подарки отъ полка деморализируютъ медика и дѣлаютъ его пристрастнымъ, лишая его голоса противъ задарившихъ сослуживцевъ. Дѣло другое, если бы существовала такса; тогда тотъ же штабъ-лекарь, за причитающіяся ему съ общества деньги за визиты, могъ бы купить экипажъ на собственныя деньги.

Результатомъ преній было рѣшеніе—брать только такіе подарки, которыми бы можно было хвастать передъ судомъ, другими словами,—никакихъ подарковъ не брать.

Положеніе дивизіоннаго доктора въ дивизіонномъ штабѣ было почти то же, что́ штабъ-лекаря въ полковомъ. Какъ администраторъ, онъ лишался довѣрія въ леченіи, вслѣдствіе постояннаго столкновенія на служебной аренѣ съ своими паціентами, либо, не имѣя отъ практики прибыли, самъ себя охотно дискредитировалъ и, за неимѣніемъ административнаго регламента, велъ жизнь чиновника, не то почтоваго, не то юриста, собирая вѣдомости и свѣдѣнія, передавая ихъ въ высшія инстанціи и становясь посредникомъ — довольно пассивнымъ—въ постоянныхъ столкновеніяхъ между медиками и военными лицами. Его служба, какъ и служба дивизіоннаго аудитора, становилась не выносимою, если онъ не умѣлъ ладить со старшимъ адъютантомъ, и даже гевальдигеромъ и другими лицами, въ рукахъ которыхъ всякая правда получала различные цвѣта и оттѣнки, смотря по измѣненію личныхъ ихъ расчетовъ и отношеній къ виновникамъ дѣлаемаго ими, начальнику дивизіи, доклада. Тутъ суть дѣла насильно отодвигалась на задній планъ, а если и выяснялась, то въ безслѣдно пропадавшихъ оправданіяхъ и рѣдко—въ протестѣ. Положеніе дивизіоннаго доктора было нѣсколько лучше штабъ-лекарскаго только тѣмъ, что на мѣста дивизіонныхъ поступали, бо́льшею частію,

тѣ изъ штабъ-лекарей, которые уже исключительно съумѣли заискать расположеніе начальства, либо имѣли протекцію. Первые успѣли выработать себѣ особаго рода, служебную, т. е. чиновническую, совѣсть, а другіе ничего не знали и потому должны были держаться указанной имъ адъютантами рутины. Корпусные же доктора, не обязанные руководствоваться какимъ-либо принципомъ для оцѣнки познаній и дѣятельности подчиненныхъ имъ медиковъ, смотрѣли на зависящій отъ нихъ персоналъ какъ на людей невзыскательныхъ, которыхъ, частію по личному произволу, а бо́льшею частію по складу лично-служебныхъ угожденій разнымъ сослуживцамъ, можно было поощрять безъ заслугъ равно безнаказанно, какъ и преслѣдовать безвинно. Такимъ образомъ часто ни за нюхъ табаку попирались честь цѣлаго сословія, интересы науки и благоденствіе войскъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, всѣ прежнія войны всегда сопровождались громадною смертностію. Каждому понятно, что на совѣсти ген.-штабъ-доктора лежитъ возможное сбереженіе силъ и здоровья арміи, что отъ его научной подготовки, энергіи и своевременнаго и правдиваго заявленія главнокомандующему, и отъ послѣдующихъ мѣръ, зависѣло устраненіе всего вреднаго и снабженіе всѣмъ нужнымъ— арміи. Между тѣмъ, едва-ли можно было ожидать чего либо солиднаго отъ ген.-штабъ-доктора, когда этого званія достигали люди, воспитанные не у алтаря науки, а въ бюрократическихъ центрахъ и службою у канцелярскихъ тайнъ. Извѣстно, что возведеніе въ это званіе зависѣло отъ личнаго выбора главнокомандующаго, не посвященнаго въ научную оцѣнку врача,— и потому чаще выбирались въ это званіе люди нравящіеся, уживчивые, умѣвшіе сглаживать шероховатость медицинскихъ реляцій, либо люди, успѣвшіе въ теченіе прежней службы заискать милость личными заслугами передъ его лицомъ.

Оттого, бо́льшею частію, съ перемѣною главнокомандующихъ, мѣнялись и ген.-штабъ-доктора, а съ концомъ кампаній, послѣдніе, за самымъ малымъ исключеніемъ, попадались въ отвѣтственность, и если успѣвали оправдаться, то только при личномъ за нихъ заступничествѣ главнокомандующихъ. Это фактъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, незабвенную услугу оказали арміи Н. И. Пироговъ и В. В. Пеликанъ; первый—тѣмъ, что создалъ для арміи нѣсколько сотъ дѣльныхъ, съ истинною научною подготовкою, энергическихъ и съ непоколебимыми принципами честности, медиковъ и хирурговъ; а второй—тѣмъ, что самыми лучшими медиками сталъ снабжать такъ называемую глубокую армію, особенно пѣхоту, и что сталъ раздавать высшія мѣста исключительно по степени научной подготовки и практическихъ заслугъ. Къ со-

жалѣнію, Пеликанъ, щедро снабжая армейскую пѣхоту испытанными докторами, знавшими хорошо практическую медицину, хирургію, госпитальную администрацію и полевую службу, самъ, въ своемъ департаментѣ, остался при прежней обстановкѣ медиками чисто канцелярскаго пошиба, изъ-за себя лично опасавшимися всякой реформы, не знавшими ни трудностей, ни потребностей полевой и госпитальной службы, ни отношеній медиковъ къ военной средѣ, къ военнымъ и спеціальнымъ своимъ начальствамъ. Оттого отдѣльныя энергическія заявленія и донесенія образованныхъ медиковъ съ театра военныхъ дѣйствій, до прочтенія ихъ Пеликаномъ, часто перетолковывались на свой ладъ чиновничествомъ, которое клало на виновниковъ ихъ клеймо нарушителей порядка, безпокойныхъ выскочекъ, и затѣмъ все шло прежнимъ безпорядкомъ съ сохраненіемъ и съ возстановленіемъ прежняго монашескаго повиновенія въ средѣ медицинской іерархіи. Съ этой неутѣшительной картины должна начаться исповѣдь нашего сословія за всѣ безпорядки въ госпиталяхъ, конечно, несравненно болѣе чѣмъ въ околодкахъ и лазаретахъ ближе къ полю военныхъ дѣйствій. Во время трехлѣтней войны, рѣзко выразился, вредный для службы, антагонизмъ между полевыми и госпитальными медиками. Первые считали госпитальную службу безполезною и для себя унизительною, такъ какъ въ госпиталяхъ тогда властвовалъ коммисаріатскій катехизисъ и бюрократическій формализмъ, подавлявшіе дѣятельность медика. Значительная въ нихъ смертность и безпорядки приписывались алчности коммисаріата, апатіи мѣстныхъ властей и малодушію медиковъ, не умѣвшихъ съ достоинствомъ выступить на борьбу,—и обратно, госпитальные медики считали полевыхъ—неспособными для усидчиваго, серьезнаго научнаго труда и потому, будто бы, рѣшившимися переносить всѣ лишенія боевой жизни и безпредѣльную зависимость отъ военнаго регламента. Еще бо̀льшій разладъ въ сословіи произошелъ вслѣдствіе несоотвѣтственности ученой степени съ присвоенными медикамъ правами. На старшихъ мѣстахъ въ арміи, въ госпиталяхъ, и чиновниками въ департаментѣ были преимущественно лекаря, тогда какъ доктора бо̀льшею частію занимали младшія мѣста, и, гонимые начальниками изъ лекарей, съ большимъ трудомъ держались на младшихъ мѣстахъ, а тѣмъ съ бо̀льшими препятствіями достигали старшихъ. Послѣ войны этотъ антагонизмъ выразился сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ военное время. Одинъ корпусный докторъ, занявъ свое мѣсто въ 1856 г., въ теченіе перваго года умѣлъ очистить свой медицинскій персоналъ отъ докторовъ медицины—отъ выскочекъ и франтовъ, какъ онъ выражался. Среди такого разрыва въ сословіи нашемъ, одно только имя

генералъ-штабъ-доктора какъ-то ускользало отъ сословной критики; напротивъ, всѣ его полумѣры и недѣятельность оправдывались черезмѣрною сложностію отношеній къ полевымъ и мѣстнымъ военнымъ властямъ, къ множеству привиллегированныхъ лицъ, имѣвшихъ право инспектировать во всякое время госпитали и доносить о медицинской части по минутнымъ впечатлѣніямъ и расположенію духа, сложностью переписки и общимъ недостаткомъ въ медикахъ и въ медицинскихъ снабженіяхъ. Пріемъ же на службу иностранныхъ медиковъ и нашихъ вольно-практикующихъ окончательно довершилъ хаосъ: по незнанію языка и существующихъ положеній, по незнанію медицинской администраціи и средствъ нашихъ учрежденій, а также отношеній и быта солдатъ,—всѣ они могли быть терпимы только въ госпиталяхъ, гдѣ легче обходилась замѣна одного медика другимъ, или гдѣ слабѣйшій могъ трудиться подъ руководствомъ опытнѣйшаго; въ полевыя же войска если они и поступали, то, убѣдившись въ своей несостоятельности, скоро перепрашивались въ госпитали. Такимъ образомъ сами собою рѣшаются два положенія: 1) что на позиціяхъ и при войскахъ служба труднѣе, чѣмъ въ госпиталяхъ; въ доказательство этого, можно привести и тотъ фактъ, что не болѣе семи или восьми медиковъ можно насчитать такихъ, которые все трехлѣтіе пробыли на театрѣ военныхъ дѣйствій съ войсками; 2) что организація военныхъ медиковъ, заводимая въ дѣйствующихъ войскахъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій,—далеко не соотвѣтствуетъ цѣли, а комплектованіе полевыхъ медиковъ не служившими прежде въ войскахъ, новичками, вредно отзывается на дѣлѣ и вводитъ правительство въ безполезныя затраты.

XVII.

На занятой вблизи Евпаторіи мѣстности, 2-я бригада съ своими дружинами, помѣщаясь въ баракахъ, тамъ же имѣла свои околодки, а лазареты ея въ Илесѣ были устроены на самое малое число больныхъ, по неимѣнію домовъ. Лазареты же 1-й бригады занимали цѣлыя отдѣльныя деревни; именно Днѣпровскій полкъ, кажется, имѣлъ свой лазаретъ въ дер. Кордыбали, а Азовскій въ Саѣ, и кромѣ того при ротныхъ дворахъ дружинъ и полковъ были устраиваемы околодки, по мѣрѣ надобности. Всетаки всего мѣстъ въ лазаретахъ было болѣе чѣмъ на 300 человѣкъ, включительно съ дружинами и артиллеріею, которыя легкихъ больныхъ держали въ своихъ околодкахъ, а болѣе серьезныхъ отсылали въ лазаретъ ближайшаго полка. При околодкахъ вездѣ находились цирюльники втораго комплекта; только въ артиллерій-

скихъ околодкахъ были фельдшера, такъ какъ артиллерія имѣла отдѣльный ихъ штатъ, а своихъ лазаретовъ не содержала. При чрезмѣрномъ же накопленіи больныхъ въ лазаретахъ, хрониковъ, а изъ острыхъ, преимущественно, могущихъ безъ вреда переносить транспортировку, мы отправляли въ Симферопольскій военный госпиталь. Но по возможности мы избѣгали транспортировки, какъ по причинѣ 25-ти—40-а верстной дальности Симферополя отъ нашихъ позицій, такъ по причинѣ частой порчи дорогъ и вязкой грязи, поддерживавшейся и въ зиму частыми оттепелями. Еще того хуже было позднею осенью и весною, когда вся степь превращалась въ вязкую, тѣстообразную грязь, налипавшую глыбами на колесы арбы. Наши полуфурки колесами глубоко врѣзывались въ почву, лошади останавливались, воловъ нельзя было доставать, а верблюды, на которыхъ подобные транспорты обыкновенно возились, не переносятъ вязкой грязи: стряхивая съ гримасами налипающую на ногахъ землю, они пронзительно кричатъ, а при болѣе глубокой и липкой грязи, упрямятся и, не смотря ни на какія понужденія, отказываются идти.

Въ декабрѣ 1855 г., подробно осмотрѣвъ всѣ больничныя учрежденія и мѣстности, занятыя войсками 12-й дивизіи, я донесъ по начальству, что хотя въ это время въ Днѣпровскомъ пѣхотномъ полку и оказалось болѣе 100 человѣкъ больныхъ, но что, судя по характеру болѣзненныхъ случаевъ и по качеству занятой этимъ полкомъ мѣстности, нельзя въ немъ ожидать умноженія случаевъ заболѣванія. Полкъ довольно широко разставленъ въ деревняхъ, у хорошихъ источниковъ, сносныхъ и не очень глубокихъ колодезей, въ мѣстахъ сравнительно сухихъ и нѣсколько защищенныхъ отъ напора вѣтровъ, господствующихъ со стороны болотъ. Наоборотъ, хотя въ Азовскомъ пѣхотномъ полку и его дружинѣ я и нашелъ самое незначительное число легкихъ больныхъ, но такое благоденствіе не могло быть приписано качеству мѣстности, а скорѣе хорошему хозяйству, холодамъ и морозамъ, задерживавшимъ гніеніе въ болотахъ, а равно частымъ вѣтрамъ (восточнымъ), освѣжавшимъ нездоровую мѣстность. Послѣдняя, какъ черноземная и лежащая на одномъ уровнѣ съ болотами, у озеръ Гнилаго и Сакскаго, не обѣщала благополучной стоянки, если таковая продолжится до наступленія весны, ибо съ наступленіемъ болѣе теплаго времени и съ перемѣною преобладающаго направленія вѣтровъ на западное, отъ стороны болотъ и озеръ, съ началомъ гніенія органическихъ продуктовъ въ болотахъ, можетъ оказаться крайне гибельною. Такое мнѣніе подтверждалось разсказами туземцевъ, что, при переходѣ отъ лѣта къ осени, въ этихъ мѣстахъ сильно страдало и вымирало мѣстное населеніе,—и свѣдѣніями, что

разставленная прежде насъ дивизія гренадерскаго корпуса здѣсь же пострадала страшно отъ тифа и болотныхъ лихорадокъ. Слѣды свирѣпствовавшихъ болѣзней замѣтны были по сильно прорѣдѣвшему населенію и по совершенному упраздненію почтовой станціи Трехабламы, на которой нѣсколько комплектовъ ямщиковъ и лошадей подъ рядъ вымирало. Свою реляцію объ осмотрѣ мѣстностей я закончилъ тѣмъ, что полагалъ бы необходимымъ Азовскій пѣхотный полкъ перевести съ занятыхъ имъ деревень, — дальше отъ озеръ, въ глубь края, по направленію къ Карасубазару, и что съ такимъ передвиженіемъ полка считалъ бы полезнымъ поспѣшить до наступленія январьскихъ теплыхъ перерывовъ. Князь Химшѣевъ согласился просить главнокомандующаго о перемѣщеніи Азовскаго полка и его дружины верстъ на 60 къ востоку, въ окрестности Карасубазара. Подобныя же мнѣніе и предположеніе представилъ я и по спеціальному своему начальству; но ни разрѣшенія, ни отвѣта на такія наши заявленія не послѣдовало изъ главной квартиры, ни отъ корпуснаго штабъ-доктора, а какъ число заболѣвшихъ бывало ниже обыкновеннаго, то мы позабыли про свои сѣтованія на неудобства такого расквартированія, а тѣмъ болѣе теряли право возобновлять свои ходатайства.

XVIII.

Такъ, отдыхая на нашихъ стоянкахъ, мы дождались 1856 года. Деревянные бараки 2-й бригады, расположенные въ обширной лощинѣ, между деревнями Тулатомъ и Лезомъ, и примыкавшіе къ послѣднему, были высоки, просторны, свѣтлы и старательно отапливались солдатами, для которыхъ доставленіе со степей бурьяна въ топливо составляло развлеченіе. Январь былъ тепелъ, только въ февралѣ случились болѣе значительные морозы, смѣнившіеся съ 20-го февраля трехъ-дневною слякотью.

23-го февраля 1856 г. нѣсколько человѣкъ моихъ сослуживцевъ проводили вечеръ въ моей саклѣ, въ Тулатѣ. Въ это время погода была еще очень сырая: мокрый снѣгъ, большими хлопьями падая въ грязь, тотчасъ исчезалъ.—Вдругъ, въ $9^1/_2$ часовъ ровно, къ изумленію всѣхъ, ударила молнія, и до того сильная, что всѣ мы остались какъ вкопанные на своихъ мѣстахъ. Оправившись отъ испуга, одинъ изъ моихъ гостей набожно перекрестился; другіе повыбѣгали на дворъ, отыскивая мѣсто, куда ударила молнія, но пожара нигдѣ не оказалось, а

сильные, но глухіе, дальніе раскаты грома доказывали ясно, что если она и ударила, то гдѣ нибудь за три-девять полей отъ насъ [1]).

Послѣ удара молніи въ $9^1/_2$ час. вечера 23-го февраля, непосредственно за слякотью наступилъ морозъ и послѣ двухъ-дневной гололедицы выпалъ снѣгъ, и зима съ незначительными перерывами продержалась за половину марта. Только 22-го числа пошелъ впервые теплый дождь, за которымъ послѣдовало жаркое время и продолжалось до 9-го апрѣля, такъ что въ этотъ промежутокъ времени трава значительно поднялась, распустились весенніе цвѣты и мы бросили было зимнее платье; но ночью на 10-е апрѣля выпалъ довольно глубокій снѣгъ, послѣ котораго насталъ штиль, сильная оттепель и затѣмъ опять продолжалась, жарче прежняго, весна. Снѣгъ же не повредилъ ни травѣ, ни цвѣтамъ.

---

[1]) Какъ оказалось на другой день послѣ такого переполоха, въ тотъ же день и часъ, когда у насъ была молнія, въ аулѣ Карачъ,—мѣстѣ расположенія одной изъ ротъ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка,—часовые побросали ружья, завидѣвши пылавшіе на штыкахъ огни, и еще болѣе пришли въ недоумѣніе, когда на всѣхъ ружьяхъ, составленныхъ въ козлы у ротнаго двора, показались огненные языки, колыхавшіеся и вытягивавшіеся по вѣтру. Это явленіе продолжалось отъ одной до трехъ минутъ прежде чѣмъ разразилась молнія, какъ утверждали солдаты, гдѣ-то далеко, далеко и сильно, въ сторонѣ нашего Тулата, отстоявшаго отъ Карача верстъ на 15.

Еще пять дней спустя, во время моихъ объѣздовъ, штабъ-лекарь Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, Малютинъ, человѣкъ положительный и вполнѣ заслуживающій вѣры, разсказывалъ мнѣ, что того-же 23-го числа, въ десятомъ часу вечера, онъ шелъ къ больному офицеру. На дворѣ тогда была непроглядная темь. Чтобы не попасть въ одну изъ ямъ (для ячменя, картофеля и пр.), которыхъ въ крымскихъ аулахъ, послѣ ухода жителей, очень много осталось не зарытыми, онъ медленно подвигался, ощупывая дорогу шагъ за шагомъ желѣзною палкою, заостренною на концѣ,—какъ вдругъ ему показалось, что весь бобровый воротникъ у его пальто въ огнѣ; онъ остановился и сталъ ощупывать воротникъ,—нашелъ его холоднымъ, и тогда блескъ отъ него уже больше его не поражалъ; но чуть онъ отнималъ руку отъ воротника—съ него начинали сыпаться искры. Это послѣднее явленіе привело его въ такое замѣшательство, что онъ инстиктивно сталъ было отмахиваться желѣзною палкой; но чуть ее поднялъ, какъ увидѣлъ, что съ остраго ея конца показалось языкообразное бѣлое пламя. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ видно, что прежде удара молніи, заслышаннаго нами въ Тулатѣ, замѣчались сильныя электрическія явленія одновременно въ Карачѣ и Кордыбали; но каково было наше удивленіе, когда въ послѣдствіи мы узнали, что этимъ ударомъ дальней молніи отколотъ былъ значительный выступъ утеса на Чатырдагѣ и имъ засыпанъ входъ въ одну изъ пещеръ (Кизиль-коба), находящихся у подошвы его, и что по близости ея найденъ мертвымъ овчаръ, тогда какъ разстояніе до Чатырдага отъ насъ (Тулата) было еще гораздо больше, чѣмъ до Кордыбали (болѣе 50-ти верстъ). **А. Г.**

Когда мы только прибыли въ окрестности Евпаторіи, то въ занятыхъ нами деревняхъ мы не много встрѣчали мѣстныхъ жителей; бо̀льшею частію показывались одни мужчины, хозяева, безъ семействъ; присматривались ко всѣмъ нашимъ порядкамъ и исчезали. Только одни муллы въ обычные часы появлялись на минаретахъ и унылымъ голосомъ призывали единовѣрцевъ къ молитвѣ. Черезъ нѣсколько времени, окончательно убѣдившись, что ихъ жилища остаются въ порядкѣ, а встрѣчающіеся татары никѣмъ не преслѣдуются, стали они откуда-то приводить своихъ верблюдовъ, собирать для нихъ въ загради бурьянъ и, еще погодя, попривозили свои семейства въ арбахъ, и перевели въ незанятыя сакли и службы свои пожитки. Въ эту зиму мы ближе присмотрѣлись къ этому населенію, мирному и трудолюбивому.

Странною показалась намъ нелюбовь къ умываніямъ, встрѣчающаяся въ населеніи, которому кораномъ предписываются омовенія. Быть можетъ, что такая нечистоплотность и исключительное употребленіе бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій въ платьѣ и бѣльѣ, которыя татары носятъ бережливо и потому долго, способствуютъ частому на нихъ появленію крымской проказы.

Наши медики встрѣчали разныя формы проказы; ртутныя и іодистыя средства оказывали въ нихъ вредъ; чаще всего помогали наружное употребленіе азотно-кислаго серебра въ растворѣ, лѣтнія сѣрныя ванны, и даже холодноватыя изъ простой воды, рѣдко внутреннее употребленіе іодистаго желѣза, а чаще, при большомъ истощеніи, хининъ съ желѣзомъ, вино и питательная пища. Часто, излечиваясь одними наружными средствами, она изобличаетъ характеръ простой, красной, влажно-пузырчатой сыпи, экземы, легко принимающей хроническое теченіе и тогда теряющей первоначальный характеръ и оставляющей послѣ себя выпоты въ слоѣ кожи, оплотнѣвающіе сначала, а послѣ, отъ воспрепятствованнаго въ ней питанія и отъ раздражающаго содержанія, легко подвергающіеся изъязвленіямъ, но поверхностнымъ. Истощеніе тѣмъ болѣе дѣлается замѣтнымъ, чѣмъ бо̀льшія пространства кожи поражены плотными выпотами, оставшимися послѣ сыпи, и что если бо̀льшая часть тѣла покрыта такими оплотнѣніями, то больные безъ наружнаго леченія и безъ питательной діэты не выздоравливаютъ, а погибаютъ при явленіяхъ изнуренія.

Въ войскахъ нашихъ, при недостаткѣ бань и затрудненіяхъ въ мытьѣ бѣлья, на нашихъ временныхъ стоянкахъ, случаи экземы бывали чаще чѣмъ чесотки, но большею частію въ острой формѣ, и излечивались въ лазаретахъ прежде, чѣмъ дѣло доходило до изнуренія.

Намъ угрожала бѣда съ другой стороны. Насталъ Великій постъ и вызвалъ во многихъ солдатахъ желаніе поститься, хоть въ нѣко-

торые дни, а между тѣмъ доставка рыбы и хорошихъ маслъ была возможна только изъ Симферополя, Евпаторіи и Бахчисарая, — и то въ недостаточномъ количествѣ и посредственныхъ качествъ. Хлѣбъ у насъ рѣдко пекли, а бо́льшею частію продовольствовались сухарями, изъ бахчисарайскаго магазина и др. Такъ какъ бо́льшая часть сухарей была очень порченная, то въ облегченіе, будто бы, скорой выдачи и пріемки ихъ, между войсками и магазиномъ установился обычай, чтобы войска брали сухари по вѣсу, безъ предварительной ихъ сортировки при пріемкѣ въ самомъ магазинѣ, по-просту—безъ брака, и привозили на стоянки. Здѣсь, каждая часть изъ своей дачи отбирала лучшіе для потребленія сухари, а худые складывала въ особые мѣшки и отсылала обратно въ магазинъ, получая, взамѣнъ худыхъ, то же количество еще не сортированныхъ сухарей. Изъ этого выходили безконечные счеты и путаница, заставлявшіе солдатъ небрежно относиться къ сортировкѣ. Особенно отъ этого страдали дружины, не привыкшія тягаться съ магазиномъ.—Въ одно утро явился ко мнѣ штабълекарь Одесскаго егерскаго полка, Шиллеръ, объявляя, что въ дружинѣ, состоящей при томъ полку, въ послѣднюю ночь захворало коликою и катарромъ желудка 72 ополченца, отъ порченныхъ сухарей, которые командиръ дружины не согласился отослать въ магазинъ на перемѣну. Опросивъ дружину, осмотрѣвъ заболѣвшихъ и освидѣтельствовавши сухари, я запечаталъ 18 мѣшковъ зацвѣтшихъ, а лучше сказать—совсѣмъ перецвѣтшихъ и истлѣвшихъ сухарей, за два дня прежде отобранныхъ ополченцами для отсылки въ магазинъ, но оставшихся па мѣстѣ и потребляемыхъ ими по причинѣ отказа командира дружины въ лошадяхъ для отсылки. Пошелъ я самъ уговаривать и упрашивать несговорчиваго командира, чтобы онъ отослалъ гнилые сухари въ магазинъ. Онъ отказалъ въ моей просьбѣ, сначала за неимѣніемъ лошадей; но когда я ему указалъ на свободныхъ нѣсколько троекъ, составлявшихъ собственность не его, а ополченцевъ, то онъ на-отрѣзъ отказалъ, отговариваясь худою дорогою и невылазною грязью.

Съ такимъ неисправимымъ равнодушіемъ къ интересамъ своихъ подчиненныхъ и непониманіемъ прямаго своего долга нечего было дальше дѣлать, а потому я формально донесъ обо всемъ происшествіи начальнику 12-й пѣхотной дивизіи, князю Химшѣеву. Онъ, лично убѣдясь въ справедливости мною высказаннаго, тотчасъ отставилъ командира дружины, замѣнивши его офицеромъ изъ полка, и испрашивалъ распоряженія объ отсылкѣ виновнаго на родину, какъ безполезнаго. Такой крутой оборотъ дѣла оказался полезнымъ не для однѣхъ дружинъ: вообще сухари на нашихъ стоянкахъ стали лучше, но мое положеніе въ средѣ сослуживцевъ стало незавидно!

Между тѣмъ солнце стало припекать сильно, черноземистая почва степей съ глинистою подпочвою распустилась, стали чаще появляться случаи болотныхъ лихорадокъ и вообще число заболѣвающихъ увеличилось. Какъ на бѣду, дороги попортились до того, что, не смотря на переполненіе въ лазаретахъ, всякая транспортировка больныхъ въ госпиталь была невозможна и потому прекращена.

Въ половинѣ Великаго поста я получилъ семидневную вѣдомость изъ лазарета Азовскаго полка, изъ которой было видно, что, въ теченіе семи послѣднихъ сутокъ, въ тотъ лазаретъ и отъ одного только полка прибыло вновь заболѣвшихъ злокачественными лихорадками, перемежающимся тифомъ (возвратною горячкою) и кишечными катаррами—1,224 человѣка. До того же времени всѣхъ больныхъ было 36. Кто знаетъ положеніе въ арміи дивизіоннаго доктора, тотъ только можетъ понять ужасъ, какимъ меня обдала эта новость.

Отославъ донесеніе по своему начальству и прибавивъ, что я въ тотъ же часъ испрашиваю приказаніе отправиться въ раіонъ полка, пораженнаго такимъ бѣдствіемъ, я поспѣшилъ обо всемъ доложить князю Химшѣеву. Съ первыхъ словъ доклада рѣшено было мнѣ ѣхать въ тотъ полкъ, но какъ причины бѣдствія могли скрываться въ качествахъ мѣстности, въ неудачной администраціи и даже въ недосмотрѣ за правильнымъ содержаніемъ полка, то не легко мнѣ было составить планъ своимъ изслѣдованіямъ. При такомъ затрудненіи, крестя меня въ лицо, князь произнесъ:

— „Вотъ тебѣ моя инструкція; а чтобы ты не запинался въ дѣйствіяхъ, даю тебѣ carte blanche—все требовать и все дѣлать, что только нужно для успѣха, моимъ именемъ. Такъ вотъ и дѣйствуй, упираясь на то, что я такъ приказалъ: я тебѣ вѣрю; ну и поѣзжай съ Богомъ!"

Такая широкая инструкція измѣнила весь мой планъ дѣйствій. Вмѣсто лазарета, забравъ съ собою весь запасъ хины, я отправился по ротнымъ дворамъ; сколько на нихъ находилъ водки, все количество заправлялъ хининомъ, хиноидиномъ, или только хинною коркою, смотря по степени худокачественности мѣстности и по числу заболѣвавшихъ; строго осматривалъ содержимое въ котлахъ, квасоварни—заправляя и квасъ мятою и хинною коркою—цейхгаузы и другія учрежденія, записывая замѣченное въ путевую книжку; расширилъ вездѣ околодки, приставивъ къ нимъ цирюльниковъ и опытныхъ людей, понимавшихъ мои инструкціи. Во многихъ ротахъ сами офицеры охотно взялись, вмѣсто фельдшеровъ, выполнять всѣ пункты моихъ указаній. Равнымъ образомъ, черезъ вызвавшихся помогать мнѣ офицеровъ, я разослалъ отъ имени князя всѣмъ становымъ приказаніе немедленно выслать не менѣе 400 человѣкъ жителей въ степь, чтобы

зарыть на ней гніющіе трупы верблюдовъ, у дорогъ падшихъ лошадей и воловъ, а кругомъ деревень полусгнившіе и полувысохшіе трупы кошекъ и собакъ. Такъ какъ, во многихъ деревняхъ, чрезвычайно глубокіе колодези не имѣли хорошихъ веревокъ, канатовъ и бадей, то я черезъ тѣхъ же становыхъ требовалъ отъ жителей пополненія такого недостатка. Татарскія кладбища, отличающіяся мелкою копкою ямъ, имѣвшія много свѣжихъ, слегка засыпанныхъ могилъ и находившіяся на одномъ уровнѣ и близко къ деревнямъ, я потребовалъ окопать глубокимъ и узкимъ рвомъ и снабдить спускомъ, а вновь заготовляемыя могилы углублялись не менѣе $1^1/_2$ аршина. Прежнія отхожія ямы у ротныхъ дворовъ всѣ зарыть, а вырывать для этой цѣли новыя, подальше отъ жилыхъ помѣщеній и еще дальше отъ колодезей. Тѣ колодези, которые долго пребывали вблизи отхожихъ мѣстъ и находились съ ними на одномъ уровнѣ, или ниже, совсѣмъ закрыть, а вмѣсто нихъ вырыть новые. Ротнымъ командирамъ я рекомендовалъ потреблявшуюся въ питье воду отстаивать и къ ней прибавлять самое незначительное количество (60 капель на 2 ведра) соляной кислоты; къ мясу, выдаваемому людямъ порціями, возможно часто давать салатъ изъ сырой капусты, цикорія, хрѣна и варенаго картофеля, и возможно чаще, вмѣсто картофельнаго супа и плохихъ щей (по причинѣ худой капусты), давать гороховый супъ, какъ равно супъ изъ крапивы съ фасолемъ; послѣдній особенно рекомендовалъ страдающимъ катаррами желудка, а также давать супъ съ большимъ количествомъ гречневой крупы. Расположеннымъ къ поносамъ по возможности замѣнять ржаной хлѣбъ и сухари крутою гречневою кашею.

XIX.

Предварительно присмотрѣвшись къ хозяйству на всѣхъ ротныхъ дворахъ, я только на третій день направился въ полковой лазаретъ, въ деревню Саю, лежащую при хорошихъ колодезяхъ, въ 35-ти верстахъ отъ Евпаторіи и имѣющую около 20-ти дворовъ. Здѣсь я засталъ изъ медиковъ одного только штабъ-лекаря и при немъ трехъ фельдшеровъ, совершенно выбившихся изъ силъ. Штабъ-лекарь до того былъ озадаченъ бѣдствіемъ полка и своимъ одинокимъ положеніемъ, что не зналъ за что взяться; дать-же ему медиковъ въ помощь было не откуда. За послѣднюю ночь умерло 14 человѣкъ,—такова мѣра бывшей смертности! Прибыль заболѣвавшихъ, простиравшаяся болѣе ста человѣкъ въ сутки, за послѣднія сутки уменьшилась больше чѣмъ на половину, что̀ я приписалъ вліянію своихъ ревизій и инструкцій, оставленныхъ на ротныхъ дворахъ. Стѣсненію же на первыхъ порахъ было не легко помочь, потому что транспортировка больныхъ въ госпиталь ни на верблюдахъ, ни на лошадяхъ, даже на волахъ, изъ-за густой и вязкой грязи, была невозможна. Только правильными классификаціею и распредѣленіемъ больныхъ и выселеніемъ легкихъ и выздоравливающихъ въ особую деревню намъ удалось прекратить хаосъ и уменьшить стѣсненіе. Къ счастію, погода была теплая и вѣтеръ западный поослабъ. Только на слѣдующія сутки я побывалъ въ полковомъ штабѣ, въ деревнѣ Сабанчѣ, гдѣ немало удивились моимъ разсказамъ о громадномъ числѣ больныхъ въ лазаретѣ и ротахъ, при чемъ одинъ офицеръ, снявъ рапортичку съ крючка, хотѣлъ меня убѣдить въ противномъ, указывая на цифру 36 въ итогѣ болѣзней; но, къ несчастію, рапортичка оказалась сохранившеюся съ прошлой недѣли, когда въ полку еще все обстояло благополучно. Возвратясь съ командиромъ полка въ лазаретъ и испросивъ отъ него цѣлесообразныя распоряженія, я тамъ остался до конца эпидеміи и оттуда каждый день наѣзжалъ на ротные дворы, чтобы лично слѣдить за содержаніемъ и продовольствіемъ здоровыхъ и легкихъ лихорадочныхъ больныхъ. Такими средствами я предотвращалъ чрезмѣрную прибыль больныхъ въ лазаретъ и предупреждалъ новые случаи заболѣваній.

При успѣшномъ леченіи, съ ослабленіемъ западныхъ, со стороны болотъ, вѣтровъ, теченіе тифоидальныхъ формъ стало сокращаться, а вновь прибывавшіе заболѣвшіе ими скоро выздоравливали, подвергаясь фазамъ абортивнаго тифа. Въ теченіе первой недѣли выписалось болѣе 400, а прибыло въ лазаретъ не болѣе 60; въ послѣдующіе пять дней почти все количество отобранныхъ въ качествѣ выздоравли-

вающихъ и высланныхъ въ особую деревню возвратилось въ роты, а изъ лазарета выздоровѣло почти 200 человѣкъ и ушли для поправленія на мѣсто первыхъ. Такимъ передвиженіемъ больныхъ немало облегчался правильный уходъ за болѣе трудными и достигалось правильное очищеніе ихъ помѣщеній. Въ началѣ апрѣля погода была болѣе жаркая чѣмъ теплая; вѣтеръ былъ не частый и не сильный и преимущественно восточный, ночи не холодныя, только къ утру съ 3-хъ до 6-ти часовъ обыкновенно поднимался небольшой вѣтеръ, значительно освѣжавшій воздухъ. Грязи собственно не было уже видно, но черноземная почва, еще сырая и рыхлая, не выдерживала тяжести колесъ, рѣзалась ими какъ тѣсто ножомъ и, цѣлыми глыбами отрываясь отъ глинистой, еще мокрой подпочвы, налипала на нихъ. Верблюжье сѣно (Salsola kali, Salzpflanze), перекати-поле (cryngium campestre) и разные виды будяковъ, гонимые вѣтромъ по подсохшей поверхности степи, засѣдая въ колеса между спицами и смѣшиваясь съ налипшею вязкою глиною, образовывали плотный цементъ, съ трудомъ ссаживаемый лопатами. При такихъ обстоятельствахъ мы расчитывали, что, транспортируя больныхъ въ госпиталь, мы больше потеряемъ ихъ въ дорогѣ, чѣмъ на мѣстѣ, и потому поудержались отъ рискованной транспортировки. За то тѣмъ съ большею настойчивостію свободный обозъ былъ безпрерывно направляемъ въ магазины для своевременной доставки въ полкъ сухарей и для поспѣшнаго обмѣна худыхъ хорошими. Такая надоѣдливость магазину, конечно, была причиною солидныхъ жалобъ интендантства на 12-ю дивизію, и особенно на меня.

При такомъ общемъ содѣйствіи, къ 11-му апрѣля смертность въ лазаретѣ прекратилась, заболѣвающихъ не прибывало болѣе шести человѣкъ въ сутки и тѣ были одержимы сравнительно легкими формами болѣзней. Въ лазаретѣ оставалось не болѣе 108, а въ отдѣленіи выздоровѣвшихъ, но еще слабыхъ, менѣе 100.

Больныхъ можно было держать бо̀льшую часть дня съ открытыми дверями и окнами. Выздоравливающіе преимущественно оставались на открытомъ воздухѣ, подъ навѣсами, входя въ жилыя помѣщенія только на время сна, или для покоя, при усталости. Въ воду для питья тифознымъ и выздоравливающимъ отъ тифа примѣшивали немного соляной кислоты; выздоравливающимъ послѣ кишечныхъ и желудочныхъ катарровъ прибавляли въ воду дробныя количества двууглекислой соды. Такъ какъ фельдшера поправились, прислуга вся встала на ноги и штабъ-лекарь водворилъ полный порядокъ, то я, не предвидя новой прибыли больныхъ изъ ротъ, 12-го апрѣля отправился обратно въ дивизіонный штабъ, объѣзжая по пути ротные дворы того

же и смежнаго съ нимъ полка, и нигдѣ не объявляя, что уѣзжаю во свояси—въ штабъ.

Въ Страстную пятницу я подробно доложилъ обо всемъ мною найденномъ, о мѣрахъ, предпринятыхъ къ прекращенію эпидеміи, а равно объ оказавшемся результатѣ, и подалъ рапортъ о томъ же предметѣ князю Химшѣеву.

— «Ну и спасибо за доброе дѣло, а теперь совѣтую тебѣ денька съ три отдохнуть».

Съ такимъ напутствіемъ отъ своего начальника, я ушелъ въ свою саклю. Въ ночь на 15-е апрѣля 1856 г. весь дивизіонный штабъ, и я съ нимъ, отправились къ заутрени въ Илесъ, гдѣ была походная (драгунскаго полка) церковь. Раннимъ утромъ, похристосовавшись, мы уже расходились изъ церкви, когда завидѣли не вдалекѣ нѣмецкій шарабанъ, тянувшійся мимо насъ къ сторонѣ Тулата. Услыхавъ изъ шарабана свое имя, я предсталъ передъ исправлявшимъ должность корпуснаго штабъ-доктора Нечпоевскимъ, на первыхъ порахъ опросившимъ меня, зачѣмъ я здѣсь встрѣчаю праздникъ, когда за 30 верстъ два полка вымираютъ?

И не давъ мнѣ ничего отвѣтить въ оправданіе, именемъ главнокомандующаго приказалъ сдать должность дивизіоннаго доктора штабъ-лекарю Одесскаго полка, Шиллеру. Оказавъ ему должное гостепріимство, напрасно я прочитывалъ ему свои замѣтки о бывшей и уже мною прекращенной эпидеміи въ Азовскомъ полку, желая этимъ оправдать свое возвращеніе въ дивизіонный штабъ.

— «Да, да, все это прекрасно, но вы же теперь не здоровы, сдайте должность»,—отвѣтилъ г. Нечпоевскій.

Дѣйствительно, я страдалъ крымскою, каждодневною лихорадкою; но если она не помѣшала мнѣ прекратить эпидемію, то кому же нужно было, чтобы я сдалъ свою должность по минованіи выдержанныхъ трудовъ и заботъ и по прекращеніи лежавшей на мнѣ отвѣтственности?! Я поневолѣ задумался.

Оказалось въ послѣдствіи, что г. Нечпоевскій не могъ уже отмѣнить такого приговора, такъ какъ меня велѣно было смѣнить по чьему-то докладу главнокомандующему, генералъ-адъютанту Лидерсу. Докладъ былъ о томъ, что эпидемія вспыхнула въ двухъ, яко-бы, полкахъ 12-й дивизіи отъ того, что я, будто-бы, былъ еще слишкомъ молодъ и малоопытенъ для серьезныхъ обязанностей дивизіоннаго доктора; почему и былъ посланъ г. Нечпоевскій на слѣдствіе и вмѣстѣ для прекращенія эпидеміи. Хотя г. Нечпоевскій тутъ-же убѣдился, что уже нечего было прекращать и что слѣдствіе было не кстати и почти невозможно, но таковъ уже былъ смыслъ офиціальной жизни, что од-

нажды посланный на слѣдствіе долженъ былъ его производить по всѣмъ правиламъ строгаго формализма. Поэтому онъ мнѣ объявилъ, что на другое утро отправится со мною въ Азовскій полкъ. Я тотчасъ велѣлъ приготовить въ дорогу свою тройку въ легкой бричкѣ и заготовить провизіи и фуража на пять дней, такъ какъ въ степяхъ ничего не достанешь. Въ 2 часа пополудни, обоихъ насъ позвали къ обѣденному столу къ князю Химшѣеву. За послѣднимъ блюдомъ я получилъ пароксизмъ, почему былъ отведенъ въ свою саклю и уложенъ въ постель.

Часъ спустя возвратился отъ князя мой гость; на-скоро спросилъ, готовы ли лошади, и убѣдясь, что все готово къ отъѣзду, неопредѣленнымъ тономъ произнесъ:

— «Вы не поѣдете со мною».

Я объяснялъ, что къ шести часамъ у меня всегда кончался пароксизмъ, а потому я охотно бы въ 6 часовъ сопровождалъ его, но онъ коротко отвѣтилъ:

— «Не надо, вы сдайте скорѣе должность»,—и забравши со столика всѣ мои записи и реляціи о бывшей эпидеміи, сунулъ ихъ въ боковой карманъ сюртука и сталъ уходить.

— Какъ-же я вамъ донесу подробности всего дѣла, когда вы лишаете меня моихъ записей,—спросилъ я Нечпоевскаго.

— «Вамъ не надо доносить ни о чемъ и никуда. Вы будете мнѣ отвѣчать на запросы»,—отвѣтилъ онъ и направился къ дверямъ.

Поразмысливъ, я понялъ, что онъ считаетъ меня подъ формальнымъ слѣдствіемъ, а потому я взялъ отъ него свои записки, произнося: «Знаю, что́ значатъ запросы, но едва ли удастся вамъ бѣдствіе прошлое показать настоящимъ и отвѣтственность общую превратить въ мою личную». Я просилъ его ѣхать на парѣ, оставивъ мнѣ третью лошадь, на которой бы я могъ его догнать верхомъ, по минованіи пароксизма.

— «Не нужно догонять, сдайте должность Шиллеру»,—еще разъ повторилъ Нечпоевскій и уѣхалъ, забравъ всю тройку.

Я просилъ у князя Химшѣева заступничества передъ главнокомандующимъ, но онъ совѣтовалъ мнѣ самому въ немногихъ словахъ изобразить настоящее положеніе дѣла, адресуя рапортъ въ собственныя руки; часа два спустя, я послалъ съ нарочнымъ рапортъ главнокомандующему.

До часу ночи я покончилъ донесенія, но, не будучи въ состояніи тотчасъ уснуть, не тушилъ свѣчей. Въ два часа по полуночи вошелъ штабъ-лекарь Шиллеръ и подалъ мнѣ, полученное имъ отъ исправляющаго должность корпуснаго штабъ-доктора, съ Илеской почты, пред-

писаніе: принять Шиллеру отъ меня должность дивизіоннаго доктора, при чемъ было выражено то увѣреніе, что «со вступленіемъ его въ мою должность, безпорядки уйдутъ сами собою».

— Навѣрное уйдутъ, коли ихъ не было,—сказалъ я.—Получи отъ меня росписку въ томъ, что я задержалъ у себя поданное мнѣ тобою предписаніе, не сдавая должности—и затѣмъ оставимъ все по прежнему до полученія приговора отъ главнокомандующаго.

— «Значитъ, ты доносилъ главнокомандующему; а дальше что̀ ты намѣренъ дѣлать?» спросилъ меня Шиллеръ.

— Завтра пошлю подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ туда-же, и затѣмъ буду у моря ждать погоды, не смѣняясь.

— «Хорошо ты сдѣлалъ, потому что я уже отказался принять отъ тебя должность, не зная что̀ слѣдуетъ считать безпорядками при настоящемъ порядкѣ».

Я только къ вечеру на слѣдующій день, 17-го апрѣля, успѣлъ сдать на Илескую почту два конверта: одинъ въ собственныя руки главнокомандующаго, въ Бахчисарай, а другой директору департамента, Пеликану 1-му, въ Петербургъ, а четыре дня спустя генералъ-штабъ-доктору. Нечпоевскому я не посылалъ тогда донесенія, такъ какъ онъ отъ него отказался, и самъ изслѣдовалъ дѣло въ раіонѣ дивизіи.

Мой расчетъ въ такой разсрочкѣ донесеній состоялъ въ томъ, чтобы высшія инстанціи поставить въ извѣстность о свершившихся фактахъ прежде, чѣмъ кончится слѣдствіе и подана будетъ отъ Нечпоевскаго реляція.

Вскорѣ возвратился мой кучеръ, возившій Нечпоевскаго въ раіонъ 1-й бригады. Онъ не умѣлъ назвать аула, въ которомъ оставилъ своего сѣдока, не зналъ даже, было ли это въ раіонѣ Азовскаго, или Днѣпровскаго полка, и лишь жаловался на крайнюю безпутицу и лишенія, которымъ подвергался въ дорогѣ.

XX.

Отвѣта отъ главнокомандующаго на свой рапортъ и реляцію, ни худыхъ вѣстей изъ Азовскаго полка, я не получалъ. Офиціальная жизнь по прежнему стала развлекаться стонами степнаго филина по ночамъ, щебетаньемъ ласточекъ, по утрамъ кормившихъ подъ крышею и въ сѣняхъ сакли своихъ птенцовъ, да назойливымъ стрекотаньемъ скворцовъ, цѣлыми кучами засѣдавшихъ подъ черепицами моей сакли. Неожиданно является ко мнѣ дивизіонный докторъ какой-то кавалерійской дивизіи, Подгайный, знакомый мнѣ по слатинскому дѣлу, въ которомъ онъ участвовалъ съ рекогносцировавшимъ отрядомъ и былъ раненъ пикою башибузука въ крестецъ и копчикъ.

— «Ну, вотъ настало и мирное время,—произнесъ онъ,—да оно, право, не лучше военнаго. Тамъ мы воевали съ врагомъ, а теперь заѣдаемъ самихъ себя. Опять называй чахотку катарромъ; опять сажай истощеннаго страдальца на діэту... Скоро, пожалуй, придется воевать съ кроватною дощечкою, вѣчно падающею и ушибающею больныхъ въ голову, а тамъ пойдутъ хлопоты изъ-за вѣчно пропадающихъ скорбныхъ листовъ, да стирающихся съ дощечекъ надписей, а самъ, по очереди, поддѣлывайся къ штабнымъ и смотри въ оба, чтобы они не выбили тебя изъ милости начальства. Вѣдь у насъ все на личностяхъ, да на личныхъ услугахъ, за которыми исчезаютъ серьезные интересы войска. Пока еще начальнику приходилось расчитывать на силу и ловкость солдата, до тѣхъ поръ и нашъ братъ, медикъ, могъ коекакъ уплетаться со своею совѣстью; его хоть и морщась выслушивали, а всетаки брали въ толкъ его совѣты и выполняли его требованія; а теперь кому солдатъ нуженъ? Пошли опять въ ходъ спекуляціи, заводятся, по прежнему, темныя и негласныя экономіи, да ловкія операціи съ коммисаріатомъ.—Бѣда, бѣда! заключилъ онъ,—неужели насъ севастопольскій урокъ не вразумитъ?!»

На многое еще гость мой сѣтовалъ и, среди такихъ разсужденій, не дождавшись отъ меня нареканій на свое мѣсто, запустилъ словцо о томъ, не помѣняться ли намъ мѣстами?

— Да вы, вѣроятно, имѣли много непріятностей и спѣшите убѣжать отъ нихъ? Но это напрасно, да и плохой вашъ расчетъ, потому что всѣ штабы—на одну стать и вездѣ вы будете наталкиваться на разныя другія непріятности, но все въ томъ же родѣ, какъ и на настоящемъ вашемъ мѣстѣ,—возразилъ я. Частые переводы медиковъ, одного на мѣсто другаго, я положительно считаю вредными для

войска и окончательно разнуздывающими виновниковъ нашихъ непріятностей; а потому я держусь, крѣпко на крѣпко, того правила, чтобы стараться осиливать непріятности, не сходя съ мѣста, и препятствовать тѣмъ всякому помыслу о моемъ переводѣ, — иначе мы сами будемъ поддерживать моду охотиться на медиковъ, какъ на пушнаго звѣря, а своимъ малодушіемъ и сговорчивостью давая легкую возможность подбирать себѣ медиковъ по шерсти, потеряемъ добровольно всякую служебную самостоятельность и достоинство, и возбудимъ справедливое къ себѣ неуваженіе. Я стараюсь такъ вести служебное дѣло, чтобы мои враги были увѣрены, что черезъ годъ они должны будутъ мнѣ взглянуть въ глаза на томъ же моемъ служебномъ посту.

Уѣхалъ мой гость веселымъ, и, сколько знаю, довольно долго оставался на прежнемъ своемъ мѣстѣ.

Опять все пошло своимъ обычнымъ сельскимъ порядкомъ. Внезапно, среди такого мира и покоя, пришло извѣстіе, что намъ велѣно выступить со своей зимовки и направиться на Чонгарскій мостъ, въ Мелитопольскій уѣздъ. «Неужели пойдемъ въ Россію?» спрашивали солдаты, обзывая Крымъ татарщиной. Больныхъ было немного и отовсюду пришли донесенія, что дороги подсохли и сдача больныхъ въ Симферопольскій военный госпиталь не была затруднительною.

Послѣднюю ночь до выступленія, солдаты на радостяхъ мало спали; только и было толку, что о предстоящемъ походѣ.—Уже лазаретный пѣтухъ въ Украинскомъ егерскомъ полку, въ Илесѣ, пропѣлъ зорю; ему откликнулись два—три ротныхъ, уцѣлѣвшихъ на позиціяхъ у Севастополя, а генералъ-марша все еще не могли дождаться.

Каждая истекающая минута казалась часомъ. Наконецъ, у Илесскихъ бараковъ раздался ожидаемый генералъ-маршъ, щекотавшій наше ухо пріятнѣе всякой оперы; вскорѣ еще звучнѣе откликнулась солдатская пѣсня и мы, удаляясь изъ негостепріимнаго Крыма, невольно повторяли «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Отдохнувшія на зимовкѣ войска скоро и рѣзво свершали переходы: разговорамъ, прибауткамъ и солдатской морали конца не было. Сколько бывало смѣха, когда ротная повозка обгонитъ эшелонъ и изъ-подъ солдатской шинели, какъ изъ бесѣдки, сердито выглянетъ ротный пѣтухъ, привязанный мочалкой за ножку къ своему мѣсту, чтобы, отвыкши отъ походовъ, не вздумалъ слетѣть и не подвернулся бы подъ колесо; сколько привѣтствій ему приходилось выслушивать, — и по праву: то былъ пѣтухъ—староста, будившій солдатъ еще въ Модловитой, подъ Калафатомъ.

Припѣваючи и ко всему присматриваясь и радуясь своему походу, дошли мы до Мелитополя. Не смотря на такое хорошее настроеніе войскъ и веселый походъ, больныхъ у насъ набиралось не мало. Отъ окрестностей Евпаторіи и до Чонгарскаго моста мы мало встрѣчали деревень, а до самаго Мелитополя не было ни одного госпиталя. Между тѣмъ, въ жаркую и сухую погоду, часто встрѣчавшіяся лихорадки принимали серьезный характеръ, особенно когда мы стали проходить мимо гнилыхъ озеръ и Сиваша. Только за Чонгарскимъ мостомъ мнѣ удавалось, впереди войскъ и по пути ихъ слѣдованія, устраивать сводные лазареты въ немногихъ деревняхъ, и, такимъ образомъ, освобождать войска отъ непосильнаго обоза. Тогда временно исправлялъ должность корпуснаго командира генералъ Семякинъ, обогнавшій войска во время марша (слѣдуя въ Мелитополь), и его почину мы обязаны были устройствомъ временныхъ лазаретовъ для проходящихъ войскъ.

По прибытіи въ Мелитополь, 12-я дивизія получила приказаніе расположиться въ окрестныхъ къ городу селеніяхъ и деревняхъ, большею частію большихъ и русскихъ, либо въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

По причинѣ чрезмѣрнаго переполненія мелитопольскихъ госпиталей, запрещено было принимать въ нихъ больныхъ изъ нашей дивизіи, а потому мы устраивали сводные лазареты для смежно-квартирующихъ частей.

Особенную услугу при этомъ оказалъ штабъ-лекарь Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, Малютинъ, своею дальновидностію. Онъ на мѣстѣ озаботился о сохраненіи при лазаретномъ обозѣ возможнаго числа палатокъ, разставлялъ ихъ на ночлегахъ въ подспорье хатамъ, занимаемымъ подъ больныхъ своего полка. Ту же систему онъ пустилъ шире въ ходъ, прибывши на временную стоянку у Мелитополя; ему удалось разставить палатки въ небольшихъ, но густыхъ рощахъ и садахъ,—и больные, особенно съ тифозною реакціею, скоро у него поправлялись. Послѣ и прочіе штабъ-лекаря послѣдовали его примѣру. Въ теченіе трехъ недѣль, приблизительно, нашей стоянки въ этихъ мѣстахъ, случаи заболѣваній до того стали рѣдки, что со всѣми больными, доставленными къ намъ изъ прежнихъ, учрежденныхъ нами во время марша, попутныхъ и временныхъ лазаретовъ, во всей дивизіи съ артиллеріею не было и одной сотни. Это обстоятельство осталось для насъ очень памятно, потому что отъ него зависѣло скорое наше возвращеніе внутрь Россіи, чего всѣ желали.

Всѣ войска, оставлявшія Крымъ и слѣдовавшія этимъ трактомъ, задерживались у Мелитополя для окончательнаго поправленія и вмѣстѣ содержались подъ контролемъ, какъ бы въ карантинѣ. Строго

было запрещено имъ слѣдовать дальше, не очистившись совершенно отъ заразительныхъ болѣзней. Войска тщательно и поочередно осматривались медикомъ (помнится, статскимъ совѣтникомъ Раевымъ), присланнымъ изъ Петербурга, и разрѣшаемо было слѣдовать на зимовки, въ глубь края, только совершенно здоровымъ войскамъ. При окончательномъ осмотрѣ войскъ 12-й дивизіи и ея лазаретовъ, оказалось только 4 человѣка такихъ, которые уже укрѣплялись въ силахъ послѣ перенесенныхъ ими тифоидальныхъ болѣзней, такъ что она первая выступила изъ окрестностей Мелитополя, слѣдуя въ Воронежскую губернію. При выступленіи было сдано въ мелитопольскіе госпитали не болѣе 18-ти больныхъ отъ всей дивизіи.

Передъ выступленіемъ я отвезъ исправляющему должность корпуснаго штабъ-доктора Нечпоевскому вѣдомости за послѣднее время и лично передалъ деньги, причитавшіяся капитулу съ подчиненныхъ мнѣ медиковъ за полученные ими въ теченіе войны знаки отличій.

Эта осторожность была тогда необходима по причинѣ безпорядковъ, случавшихся на почтахъ.

Нечпоевскій объявилъ мнѣ тогда, что онъ уже сдаетъ должность корпуснаго штабъ-доктора другому, Неводовскому (дивизіонному доктору 11-й дивизіи), а самъ возвращается на прежнее свое мѣсто (дивизіоннымъ докторомъ въ 10-ю). Въ этотъ же день я передалъ ему свою реляцію о бывшей эпидеміи въ Азовскомъ пѣхотномъ полку, отъ полученія которой онъ отказался на Святой недѣлѣ, требуя отъ меня одних ъ отвѣтовъ на запросы. Кажется, что и тутъ она ему еще пригодилась.

Въ августѣ мѣсяцѣ вся 12-я дивизія съ ея артиллеріею уже благоденствовала на кантониръ-квартирахъ, въ Воронежской губерніи. Азовскій пѣхотный полкъ былъ расположенъ въ Бобровскомъ, Днѣпровскій въ Павловскомъ, Одесскій егерскій въ Бирюченскомъ, а Украинскій егерскій полкъ въ Острогожскомъ уѣздахъ; штабъ дивизіи былъ при послѣднемъ, въ городѣ Острогожскѣ.

На этомъ оканчиваю мои Записки о Восточной войнѣ 1853—1855 гг. и моемъ въ ней участіи въ званіи полковаго штабъ-лекаря, а затѣмъ дивизіоннаго доктора.

А. А. Генрици.

Примѣчаніе. Въ заключеніе интересныхъ и вполнѣ полезныхъ, въ извѣстномъ отношеніи, Записокъ А. А. Генрици, считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько данныхъ къ біографіи почтеннаго медика. Докторъ не-

дицины и хирургіи, тайный совѣтникъ Александръ Александровичъ Генрици,—нынѣ Финляндскій окружной военно-медицинскій инспекторъ и разныхъ ученыхъ обществъ (врачей и естествоиспытателей) дѣйствительный членъ, род. 1824 г. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи въ 1847 году,—А. А. Генрици выступилъ на трудную военно-медицинскую службу и прошелъ ее отъ самой первой, низшей, ступени до высокаго поста, который онъ занимаетъ нынѣ въ военно-медицинской іерархіи. Ученикъ Н. И. Пирогова, Генрици подъ его руководствомъ, уже будучи лекаремъ—усовершенствовался въ оперативной хирургіи, для чего двукратно былъ прикомандировываемъ ко 2-му военно-сухопутному с.-петербургскому госпиталю, въ 1851 и въ 1852 гг. Въ 1851 г. Генрици удостоенъ званія доктора медицины, а черезъ два года—«по публичному испытанію въ анатоміи и оперативной хирургіи, Генрици получилъ отъ военно-медицинскаго департамента свидѣтельство на самостоятельное управленіе хирургическими отдѣленіями въ госпиталяхъ и на преимущество передъ прочими врачами на занятіе высшихъ по военно-медицинской части мѣстъ».

Такимъ образомъ, во всеоруженіи теоретическихъ и практическихъ знаній въ области медицины и хирургіи—принялъ Генрици участіе въ Восточной войнѣ 1853—1856 гг., въ скромномъ званіи полковаго штабъ-лекаря Азовскаго пѣхотнаго полка, а затѣмъ—дивизіоннаго доктора.

Труды А. А. Генрици на поприщѣ многотрудной медицинской службы въ эпоху Восточной войны 1853—1856 гг. извѣстны изъ Записокъ, выше напечатанныхъ; добавимъ къ разсказанному лишь то, что Генрици (какъ это видно изъ его формуляра) имѣетъ отъ Н. И. Пирогова свидѣтельство въ томъ, что «по распоряженію главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, онъ, Генрици, былъ сто тридцать дней въ Севастополѣ для подаванія помощи раненымъ его отдѣленій, одновременно исполняя обязанность штабъ-лекаря въ Азовскомъ пѣхотномъ полку».

Опытный врачъ-севастополецъ—Генрици, въ 1872 году, принималъ участіе въ устройствѣ Севастопольскаго отдѣла, бывшаго на Политехнической выставкѣ въ Москвѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія сообщаемъ для того, чтобы вполнѣ разъяснить—до какой степени важно и интересно все то, что сохранилъ въ своихъ Запискахъ А. А. Генрици относительно состоянія военно-врачебной части русской

арміи двадцать лѣтъ тому назадъ, о положеніи въ то время русскихъ медиковъ, ихъ отношеніяхъ между собою, къ той средѣ, въ которой доводилось имъ служить, къ ихъ ближайшему и высшему начальству и проч. Указаніе на всѣ недостатки въ этой столь важной для арміи области, каковъ военно-медицинскій міръ,—вполнѣ выставляетъ значеніе тѣхъ улучшеній, которыя въ истекшее двадцатилѣтіе сдѣланы, и уясняетъ необходимость того, что еще недодѣлано и чего мы въ правѣ ждать въ возможно близкомъ будущемъ.

Ред.

КЪ ИСТОРІИ ЗАСЕЛЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА

1861—1863 гг.

Я пріѣхалъ на Кавказъ въ концѣ 1861 года, т. е. въ самый разгаръ той войны, которая, три года спустя, рѣшила окончательно участь этой страны. Восточный Кавказъ въ то время былъ уже покоренъ, и бывшій вождь его, Шамиль, мирно проживалъ въ Калугѣ. На западномъ—Магометъ-Аминь, поставленный въ ложное положеніе дѣйствіями шапсуговъ и абадзеховъ, вынужденъ былъ, при нашемъ содѣйствіи, переселиться въ Стамбулъ. Война шла съ неумолимою, безпощадною суровостью. Мы подвигались впередъ шагъ за шагомъ, но безповоротно и очищая отъ горцевъ, до послѣдняго человѣка, всякую землю, на которую разъ становилась нога солдата. Горскіе аулы были выжигаемы цѣлыми сотнями, едва лишь сходилъ снѣгъ, но прежде, чѣмъ деревья одѣвалися зеленью (въ февралѣ и мартѣ); посѣвы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Населеніе ауловъ, если удавалось захватить его врасплохъ, немедленно было уводимо подъ военнымъ конвоемъ въ ближайшія станицы и оттуда отправляемо къ берегамъ Чернаго моря и далѣе, въ Турцію. Сколько разъ приходилось въ опустѣвшихъ при нашемъ приближеніи хижинахъ заставать на столѣ теплую кашу съ воткнутою въ нее ложкою, починявшуюся одежду съ невыдернутою иголкою, какія-нибудь дѣтскія игрушки въ томъ видѣ, какъ онѣ были разложены на полу, около ребенка. Иногда—къ чести, впрочемъ, нашихъ солдатъ, очень рѣдко,—совершались жестокости, доходившія до звѣрства... Жестокости эти были тѣмъ возмутительнѣе, что были совершенно не въ духѣ доблестныхъ русскихъ солдатъ—обыкновенно столь добродушныхъ. . . . Таковъ былъ ха-

рактеръ войны. Цѣлыя племена, какъ бесленеевцевъ, были выселены облавою въ теченіе одного—двухъ дней. Аулы баракаевцевъ, абадзеховъ на Фюнфтѣ и Фарсѣ горѣли дня три, наполняя воздухъ гарью верстъ на тридцать, когда, въ февралѣ 1862 г., начались движенія наши для изгнанія этихъ горцевъ.... Понятно, что война, такъ веденная, быстро приводила къ рѣшительнымъ результатамъ. Русскіе жители передовыхъ, едва водворенныхъ станицъ успѣвали уже въ самый годъ поселенія заводить огороды, даже обрабатывать небольшія поля, если только позднее время года не препятствовало тому. Жизнь по станицамъ была шумная, иногда даже искренно веселая. Мирная пѣсня, а то и бурный казачокъ, наигрываемый на балалайкѣ, нерѣдко слышались тамъ, гдѣ еще годъ тому назадъ раздавались громъ выстрѣловъ и военные клики.

Переселеніе 1862 года шло чрезвычайно успѣшно. Но я, какъ сказано, пріѣхалъ на Кавказъ еще въ 1861-мъ, а въ этомъ году было два эпизода, доказывавшіе, что даже доблестные, самоотверженные казаки Кубанскаго войска шли не совсѣмъ охотно на передовыя линіи, гдѣ они становили лицомъ къ лицу съ непріятелемъ не однѣ свои дружины, испытанныя въ бою, а женъ и дѣтей, старцевъ и малолѣтнихъ, то есть все, что дорого мужу, отцу, брату, сыну и проч. Удивляться такой неохотѣ оставлять родину, конечно, нельзя; но вспомнить событія стоитъ уже потому, что каждая страница исторіи Кавказа намъ дорога, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ страницъ неохотно пишутся нашими исторіографами ex-officio. Я пробовалъ, въ свободное отъ службы время, на бивакахъ и въ лагеряхъ, а частью и въ Ставронолѣ, когда удавалось тамъ быть, записывать кое-что изъ видѣннаго и слышаннаго. Въ 1863 году я даже составилъ было общую историческую записку о колонизаціи западнаго Кавказа; но, давъ ее одному, интересовавшемуся дѣломъ, значительному лицу въ Петербургѣ, я не получилъ ея обратно, а требованій къ нему предъявлять не могъ. Остались въ моемъ портфелѣ кое-какіе разрозненные матеріалы бывшей работы. Изъ нихъ-то нѣкоторые рѣшаюсь нынѣ обнародовать, чтобы спасти отъ весьма возможнаго и даже вѣроятнаго забвенія. Пусть читатели не взыщутъ за сухость и безсвязность предлагаемаго: это вѣдь сырой матеріалъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, связь видна изъ самыхъ документовъ; для поясненія же сущности дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, достаточно напомнить, что весною 1861 г., при переселеніи за Кубань казаковъ хоперскихъ и черноморскихъ, обнару-

жена была ими нѣкоторая оппозиція, очень легальная по формѣ, но вооруженная, хотя не поведшая за собой пролитія крови. Всѣ участвовавшіе въ агитаціи были безусловно помилованы Государемъ Императоромъ въ томъ же 1861 году, при личномъ посѣщеніи Его Величествомъ западнаго Кавказа, и многіе изъ нихъ потомъ съ честью продолжали служить на конѣ и въ совѣтахъ. По весьма понятной причинѣ я опущу всѣ собственныя имена, замѣнивъ ихъ однѣми заглавными буквами.

М. И. Венюковъ.

I.

Выписка изъ отзыва главнокомандующаго Кавказскою арміею военному министру, отъ 2-го апрѣля 1861 г.

...... «Переселеніе казаковъ, особливо Кубанскаго войска, въ большихъ массахъ за Лабу и далѣе, по предгоріямъ обоихъ скатовъ Кавказа, можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ. Для полнаго окончанія этого важнаго предпріятія, нужно передвинуть большую массу казачьяго населенія изъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства, начиная переселеніе со станицъ, болѣе удаленныхъ отъ театра дѣйствій или пользующихся наименьшими хозяйственными удобствами.

«Для удовлетворенія этой потребности я призналъ нужнымъ принять на сѣверномъ Кавказѣ различныя системы, приспособленныя къ мѣстнымъ удобствамъ, именно: 1) въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ назначать переселенцевъ поочередно изъ округовъ, начиная съ Ейскаго. Войсковому начальству предоставлено опредѣлять число семействъ къ переселенію изъ каждой станицы, а станичному обществу—назначать самыя семейства по жребію или по общественному приговору. Изъ числа станицъ, отъ которыхъ требуются семейства на переселеніе, исключаются лежащія при морѣ и лиманахъ, гдѣ развито рыболовство, и ближайшія къ Кубани, чтобы не обезсилить пограничнаго населенія. 2) Въ шести бригадахъ, поступившихъ изъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, будутъ переселяться цѣлыми станицами первые полки, какъ болѣе удаленные отъ театра дѣйствій. Изъ этого будутъ исключены отставные казаки съ ихъ семействами, въ число коихъ однако же не войдутъ совершеннолѣтніе женатые сыновья. 3) Въ Терскомъ войскѣ переселеніе будетъ дѣлаться на прежнемъ основаніи. Какъ въ этомъ войскѣ не предполагается теперь увеличивать размѣры этого певеселенія, то настоящій отзывъ мой касается собственно Кубанскаго войска.

«Переселеніе цѣлыхъ станицъ или наибольшей ихъ части указало необходимость новой мѣры, которая при прежнемъ порядкѣ не имѣла мѣста. Когда изъ станицъ назначалось по нѣскольку семействъ переселенцевъ, эти послѣднія легко могли продавать усадьбы своимъ бывшимъ одностаничникамъ и переходили на новыя мѣста, не оставляя ничего на старыхъ. При переселеніи цѣлыхъ станицъ продажа усадьбъ сдѣлалась невозможною. По существующему положенію, ихъ имѣетъ право купить только лицо войсковаго сословія, а иногороднему могутъ быть проданы строенія на-сломъ. Эти строенія—или каменныя, или турлучныя: въ обоихъ случаяхъ они теряютъ при сломѣ всю свою цѣнность. Поэтому справедливость требуетъ вознаградить переселенцевъ, безъ чего даруемое имъ пособіе будетъ недостаточно для устройства на новыхъ мѣстахъ. По самой умѣренной цѣнѣ усадьбъ, въ нынѣшнемъ же году потребуется значительная сумма, которой нельзя отнести на государственное казначейство. Съ другой стороны, казаки, готовясь къ переселенію, прислали мнѣ станичные приговоры, въ которыхъ убѣдительно просятъ войти въ ихъ положеніе относительно покидаемыхъ усадьбъ.

«Сознавая справедливость просьбы казаковъ, основанной на ихъ опасеніи потерять дома, сады, мельницы, заведенныя многолѣтними трудами, и въ то же время находя необходимымъ по возможности облегчить положеніе казачьихъ семействъ, переселяющихся для общественной пользы, я долженъ былъ искать въ самомъ краѣ средствъ для удовлетворенія этой новой потребности. Предлагаемая мною мѣра потребуетъ измѣненія нѣкоторыхъ постановленій, общихъ всѣмъ казачьимъ войскамъ; но эти измѣненія согласны съ требованіями нашего времени и государственною пользою.

«Двѣ части, изъ которыхъ составилось нынѣшнее Кубанское казачье войско, до сихъ поръ весьма различны между собою и имѣютъ только то общее, что благосостояніе казаковъ, при всѣхъ богатствахъ края, не развивается. На это есть очень много причинъ и между ними главныя: замкнутость казачьяго сословія и пользованіе землею всѣмъ войскомъ, безъ права пріобрѣтать часть оной въ собственность. Онѣ отнимаютъ у казака естественное стремленіе къ улучшенію своего быта, къ настойчивому труду для своего потомства, мѣшаютъ гражданскому развитію края, наконецъ, дѣлаютъ то, что казачье войско имѣетъ видъ населенія неосѣдлаго и составляетъ рѣзкую аномалію между другими сословіями. Но замкнутость казачьяго сословія имѣетъ другую, болѣе важную сторону: она развиваетъ духъ отдѣльности въ государствѣ. Въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, состоящемъ изъ малороссіянъ и хранящемъ преданія Запорожской Сѣчи, эта отдѣльность принимаетъ видъ національности [1]) и вы-

---

[1]) Какъ вѣрно оцѣнили черноморцы опасность утратить эту «отдѣльность, близкую къ національности» при переселеніи за Кубань по плану кавказскихъ начальствъ, видно ниже. **М. В.**

ражается нерасположеніемъ къ иногородцамъ, которыхъ казаки недружелюбно называютъ москалями. Сліяніе бывшаго Черноморскаго войска съ Кавказскимъ можетъ дѣйствовать противъ этого, особенно вреднаго въ настоящее время, начала; но необходимо, чтобы сліяніе это было не только административное, а проникло въ самый бытъ казаковъ.

«Учрежденіе казачества на границѣ имперіи есть, конечно, государственная необходимость; но она должна быть терпима не какъ нормальное положеніе, а только въ мѣрѣ потребности и на то время, которое эта исключительная потребность будетъ существовать.

«Кубанское войско имѣетъ свое дворянство, сравненное въ правахъ съ дворянствомъ имперіи. Но главными изъ этихъ правъ оно не можетъ пользоваться, и потому здѣсь буква расходится со смысломъ закона. Дворянинъ Кубанскаго войска обязанъ служить 25 лѣтъ; онъ не можетъ выбирать мѣста и рода службы по своимъ наклонностямъ и способностямъ, а долженъ служить въ войскѣ; онъ обязанъ съ потомствомъ оставаться въ тѣсномъ кругу своего войска; онъ не имѣетъ права пріобрѣтать въ собственность землю, на которой трудится съ сознаніемъ, что послѣ его смерти эта земля достанется въ чужія руки, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать прочнаго для своего потомства.

«Отъ этого дворяне Кубанскаго войска занимаются въ хозяйствѣ болѣе скотоводствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ, и во всемъ краѣ нельзя найти ни одного порядочнаго дома или усадьбы изъ прочныхъ матеріаловъ. Все сдѣлано изъ турлука или землянаго кирпича, все носитъ на себѣ печать равнодушія и неувѣренности въ будущемъ; однимъ словомъ: казачьи войска ближе подходятъ къ эпохѣ первобытнаго человѣчества, чѣмъ къ условіямъ нынѣшняго быта благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ.

«Пользованіе землею всѣмъ войскомъ и замкнутость казачьяго сословія произвели то, что промышленность въ этомъ краѣ не существуетъ, а торговля, или, лучше сказать, мелочное торгашество, находится въ рукахъ нѣсколькихъ армянъ безъ капитала и безъ кредита [1]). Въ этомъ богатомъ и обшир-

---

[1]) Отсутствіе капиталовъ въ Черноморіи особенно ясно видно изъ отсутствія въ цѣломъ краѣ порядочныхъ дорогъ и строеній, не исключая даже гор. Екатеринодара. Еще въ 1863 году послѣдній не имѣлъ мощеныхъ улицъ, вслѣдствіе чего грязь послѣ дождей бывала невылазная. Почтовая станція находилась за городомъ, и содержатель ея не былъ обязанъ ввозить проѣзжающихъ въ городъ. Дамы, собиравшіяся куда-нибудь на вечеръ, должны бывали въ бальныхъ нарядахъ садиться въ кареты часовъ съ 4-хъ по полудни и ѣхать по нѣскольку часовъ сряду на волахъ, которые погрязали по брюхо; мужчины ѣздили верхами. Напротивъ, послѣ пяти—шести дней жары, густая пыль носилась въ воздухѣ, скрывая отъ обитателей одной стороны улицы дома, стоящіе на другой. Экономическая неразвитость Екатеринодара въ 1860-хъ годахъ видна еще и

номъ краѣ, на разстояніи 600 верстъ, находится одинъ только войсковой городъ, Екатеринодаръ, гдѣ иногородные торговцы и промышленники имѣютъ право жить временно, не устраивая на войсковой землѣ никакой недвижимой собственности. Къ этой печальной картинѣ нельзя не прибавить самую рѣзкую черту неразвитости края во всѣхъ отношеніяхъ. Черноморія вся состоитъ изъ богатѣйшаго чернозема; засухи тамъ почти неизвѣстны, но и при такихъ неисчерпаемыхъ богатствахъ почвы Черноморія даже въ урожайные годы не производитъ столько хлѣба, сколько его нужно для народнаго продовольствія [1]).

«Въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, подъ вліяніемъ особеннаго положенія объ отбываніи полевой службы, войсковое дворянство умножилось до такой степени, что сдѣлалось тягостію для края. Такимъ образомъ достигнулась цѣль совершенно противоположная той, которой должно было ожидать отъ сословія, по образованію, богатству и общественному уваженію назначеннаго идти впереди народа къ преуспѣянію. Замкнутость казачьяго сословія и недостатокъ на мѣстѣ средствъ къ образованію сдѣлали то, что войсковые дворяне очень мало отличаются отъ простыхъ казаковъ. Если нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе обширное хозяйство, то большею частію оно содержится при стѣсненіи простыхъ казаковъ въ пользованіи общею землею [2]). Отъ этого въ народѣ всегда поддерживается чувство нерасположенія къ дворянамъ.

«Все вышесказанное вполнѣ объясняетъ тотъ фактъ, что Черноморское войско менѣе развито и бѣднѣе Кавказскаго, имѣющаго вообще гораздо менѣе дворянъ и никогда не отчуждавшагося такъ отъ иногородныхъ. Эта неодинаковость можетъ сгладиться при составленіи новаго положенія для Кубанскаго войска; но улучшеніе будетъ незначительно, если не измѣнятся основныя постановленія, задерживающія развитіе казачьихъ сословій. Въ этихъ видахъ я полагалъ бы:

«1. Предоставить потомственнымъ дворянамъ Кубанскаго войска право оставлять по желанію казачье сословіе съ своимъ непосредственнымъ семействомъ.

изъ того, что на три мѣстныя ярмарки, по свидѣтельству атаманскаго отчета за 1862 г., привозилось товаровъ на 3.450,000 руб., а продавалось всего на 760,000 руб. — Не знаю, на сколько эти обстоятельства измѣнились теперь.

[1]) По отчету войсковаго атамана за 1862 г., «Средній урожай хлѣбовъ по Кубанской области былъ по $1^{2}/_{3}$ четверти на душу, чего, за отчисленіемъ сѣмянъ, было достаточно для народнаго продовольствія только потому, что масса взрослыхъ мущинъ, состоявшихъ на службѣ, получала довольствіе отъ казны».— Нынѣ, по умиротвореніи Кавказа, эти условія измѣнились, и, по отчету за 1870 годъ въ Кубанскомъ войскѣ собирается на душу по 3 четверти.

[2]) Объ этомъ см. нѣкоторыя подробности ниже, въ запискѣ полковника 3*,

М. В.

«2. Предоставить войсковому начальству ходатайствовать о назначеніи въ строевыя части войска офицеровъ регулярныхъ войскъ, безъ причисленія въ казачье сословіе, но не иначе, какъ на вакансіи.

«3. Предоставить потомственнымъ войсковымъ дворянамъ покупать участки войсковой земли въ потомственное владѣніе.

«4. Деньги, вырученныя за продажу земли, обращать въ войсковой капиталъ [1]).

«5. Для продажи назначить войсковыя земли, прилегающія къ гражданскому населенію, какъ, напримѣръ, сѣверную часть Эйскаго округа, или находящіяся между гражданскими землями, какъ раіоны полковъ 1-го Хоперскаго и 1-го Ставропольскаго.

«6. Право покупки земли въ этихъ участкахъ предоставить лицамъ всѣхъ другихъ сословій съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ увеличенія въ этихъ раіонахъ посторонняго населенія, передавать ихъ въ гражданское вѣдомство, сохраняя войску право на непроданныя земли.

«7. Изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи земель, удовлетворять казаковъ, переселяемыхъ на передовыя линіи, за усадьбы по справедливой оцѣнкѣ, если они не найдутъ для себя выгоднѣйшимъ сами продать эти усадьбы въ теченіе трехлѣтняго срока.

«Принятіе всѣхъ этихъ мѣръ въ совокупности будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія и отстранитъ всѣ затрудненія, неизбѣжно встрѣчающіяся при исполненіи такого важнаго предпріятія, какъ передвиженіе огромной массы казачьяго сословія и водвореніе его въ краѣ, обладаніе которымъ при всякомъ другомъ положеніи было бы ненадежно.

«Раіоны 1-го Ставропольскаго полка, въ которомъ находится губернскій городъ Ставрополь, 1-го Хоперскаго, прилегающаго къ окрестностямъ минеральныхъ водъ, и сѣверная полоса Эйскаго округа, смежная съ Екатеринославскою губерніею, составляютъ пространство превосходной земли, которой продажа не только покроетъ расходы на удовлетвореніе за усадьбы переселенцевъ, но и дастъ возможность покрыть нѣкоторые расходы по переселенію, падающіе нынѣ на государственное казначейство.

---

[1]) Это стремленіе увеличивать войсковые капиталы замѣтно съ давняго времени у нашей казачьей администраціи, не принадлежащей къ казачьему сословію, такъ какъ этими капиталами она же и распоряжается, по своему усмотрѣнію. У Черноморскаго войска, въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, было уже капитала болѣе 2.000,000 рублей. Изъ нихъ, мало знакомая съ состояніемъ и нуждами края, администрація дала, чуть-ли не въ томъ же 1861 г., полмилліона рублей одному афферисту на заведеніе кубанскаго пароходства, при чемъ еще обязалась предъ этимъ афферистомъ расчистить устья Кубани отъ мелей, а русло отъ наноснаго лѣса, т. е. задалась сизифовой работой. Полмилліона войсковыхъ суммъ, конечно, пропали даромъ, такъ какъ обезпечены они были акціями едва-ли не миссисипской компаніи. М. В.

«Сверхъ этой денежной выгоды не замедлитъ оказаться и другая: на казачьихъ земляхъ, сдѣлавшихся частною собственностью, явится трудолюбивое гражданское населеніе и оживитъ край, въ настоящее время мало производительный. Самое же казачье войско займетъ мѣсто, гдѣ оно только необходимо—на границѣ имперіи и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горцами.

«Имѣя въ виду, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, при окончательномъ умиротвореніи Кавказа, казачье сословіе потребуется за нынѣшними южными предѣлами имперіи,—предлагаемая мною въ настоящее время продажа остающихся позади земель въ гражданское вѣдомство можетъ быть распространяема по мѣрѣ надобности и всегда дастъ средства удовлетворить этой важной государственной потребности безъ отягощенія казны большими расходами. Если численность казачьяго населенія на Кавказѣ окажется наконецъ слишкомъ великою, то можно будетъ дозволить казакамъ, безпорочно выслужившимъ свой терминъ, покупать участки войсковой земли и оставлять казачье сословіе съ непосредственнымъ ихъ семействомъ. Эта мѣра будетъ въ высшей степени популярна между казаками и послужитъ въ одно время поощреніемъ ихъ трудной службы и могущественнымъ побужденіемъ къ развитію своего хозяйственнаго благосостоянія.

«Съ другой стороны, войсковые офицеры примутъ съ глубочайшей признательностію, какъ высокую милость, дозволеніе потомственнымъ дворянамъ оставлять казачье сословіе и покупать въ войскѣ земли. Поставленные нынѣ въ необходимость искать популярности между казаками выказываніемъ духа оппозиціи подъ предлогомъ національности и историческихъ воспоминаній, офицеры бывшаго Черноморскаго войска въ въ виду преимуществъ, даруемыхъ потомственному дворянству, сдѣлаются, для своихъ выгодъ, горячими поборниками всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ. Въ настоящее время, можно сказать, нѣтъ въ казачьихъ войскахъ потомственнаго дворянства; офицеры, какого-бы они ни были происхожденія, имѣютъ одинаковыя права. Потомственное дворянство пріобрѣтается службою, и, при обиліи здѣсь случаевъ къ отличіямъ военнымъ, преимущества, соединяемыя съ потомственнымъ дворянствомъ, сдѣлаются важнымъ побужденіемъ для служащихъ искать этихъ отличій для своихъ выгодъ и, особенно, чтобы устроить судьбу своего потомства.

«Дарованіе этого преимущества войсковому дворянству не составитъ какого-либо новаго сословнаго права, а только осуществитъ дѣйствительное уравненіе войсковаго дворянства съ тѣмъ-же сословіемъ въ имперіи.

«Выбытіе изъ войска нѣкоторыхъ потомственныхъ дворянъ не повлечетъ за собою недостатка офицеровъ для службы казачьей, а если бы оказались вакансіи, ихъ можно занимать офицерами регулярныхъ войскъ. При строгомъ выборѣ этихъ офицеровъ, они будутъ особенно полезны для

уменьшенія невыгодъ замкнутости, въ которой казачьи войска всегда останутся до нѣкоторой степени; сверхъ того, эти офицеры будутъ содѣйствовать полному сліянію двухъ разнородныхъ частей, изъ которыхъ составилось нынѣшнее Кубанское войско».

Далѣе князь Барятинскій увѣдомляетъ о нѣкоторыхъ принятыхъ имъ административныхъ мѣрахъ по колонизація 1861 г., и проситъ Высочайшаго утвержденія его соображеній.

II.

Отвѣтъ военнаго министра, отправленный, за отъѣздомъ князя Барятинскаго съ Кавказа, къ князю Орбеліани, 19-го мая 1861 г.

«Главнокомандующій Кавказскою арміею, въ видахъ окончательнаго занятія западнаго Кавказа и упроченія нашего въ томъ краѣ, призналъ необходимымъ заселить казаками Кубанскаго войска оба ската Кавказскаго хребта, передвинувъ туда казачье населеніе изъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства, начиная со станицъ, удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій и пользующихся наименьшими хозяйственными удобствами; и, вслѣдствіе того, сдѣлавъ начальное распоряженіе, дабы переселить въ настоящемъ году за Кубань 770 казачьихъ семействъ изъ Ейскаго округа, Хоперскій полкъ, за исключеніемъ только одной станицы, Калиновской, и одну станицу 1-го Ставропольскаго полка, Спицевскую,—отъ 2-го апрѣля сего года представилъ какъ объ этомъ, такъ и о другихъ предположеніяхъ своихъ, относящихся къ этому предмету, на Высочайшее утвержденіе.

«По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Государю Императору, Его Величество изволилъ найти, что предположенное генералъ-фельдмаршаломъ заселеніе казаками западнаго Кавказа для упроченія тамъ нашего владычества обѣщаетъ въ общихъ государственныхъ видахъ несомнѣнно-успѣшные результаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе этой важной мѣры переводомъ за Кубань цѣлыхъ станицъ представляетъ также и важныя неудобства, потому что переселеніе цѣлыми станицами для казаковъ можетъ быть крайне затруднительно, лишая ихъ возможности продать съ выгодою оставляемыя постройки и хозяйственныя заведенія, чего, конечно, не могло бы случиться при переселеніи станицъ частями, когда на пріобрѣтеніе оставленныхъ обзаведеній находились бы на мѣстѣ покупщики. При этомъ неудобствѣ, требованіе отъ казаковъ оставить родину и переселиться на мѣста малоизвѣстныя, невоздѣланныя, лицомъ къ лицу съ хищнымъ и ожесточеннымъ непріятелемъ, не могло не произвести на нихъ того непріятнаго впечатлѣнія и сѣтованія на принятую главнокомандующимъ мѣру, которыя обозначились въ пред-

ставленныхъ ему общественныхъ приговорахъ двухъ станицъ [1]), изъ коихъ предназначено выселить въ настоящемъ году бо̀льшую половину жителей.

«Имѣя это въ виду и признавая совершенно необходимымъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ со всею осмотрительностью, такъ какъ въ настоящее время всякое неосторожное дѣйствіе можетъ вызвать цѣлый рядъ волненій и безпорядковъ—чему былъ уже примѣръ по переселеніи въ 1792—1794 годахъ трехъ т. семействъ изъ войска Донскаго на Кавказскую линію,—Его Величество находитъ болѣе умѣстнымъ произвести переселеніе казаковъ за Кубань на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

«а) Объявить Кубанскому войску особымъ Высочайшимъ рескриптомъ, что, въ награду за постоянно доблестное служеніе онаго престолу и отечеству и за охраненіе имъ въ теченіе 70-ти лѣтъ дарованныхъ ему земель, предоставляются въ пользованіе войска освобождаемыя отъ горскихъ племенъ, въ предгорьяхъ западнаго Кавказа, новыя, богатыя дарами природы, земли, которыя и имѣютъ быть постепенно заселены казаками Кубанскаго войска.

«б) Заселеніе это производить, въ ежегодно потребномъ числѣ семействъ, преимущественно изъ охотниковъ; недостающее же затѣмъ число семействъ распредѣлить, по ближайшему усмотрѣнію главнокомандующаго Кавказскою арміею, на всѣ (удаленныя, впрочемъ, отъ Кубанской линіи) станицы войска.

(Эту, существующую уже въ войскѣ Донскомъ мѣру желаютъ сами кубанскіе казаки, какъ видно изъ общественныхъ приговоровъ двухъ станицъ).

«в) Предоставить станичнымъ обществамъ назначить подлежащія переселенію семейства по жребію или по общественнымъ приговорамъ, не подвергая впрочемъ переселенію отставныхъ казаковъ безъ ихъ собственнаго на то согласія.

«г) Переселяющимся за Кубань семействамъ, кромѣ тѣхъ пособій отъ казны и тѣхъ льготъ, которыя доселѣ были опредѣлены для переселенцевъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, впредь назначать еще изъ войсковыхъ суммъ: 1) вознагражденіе за усадьбы по оцѣнкѣ; 2) дополнительное пособіе 75—85 руб. с. изъ войсковыхъ или станичныхъ суммъ, и 3) кормовыя деньги во время пути.

«Обращаясь затѣмъ къ прочимъ предположеніямъ генералъ-фельдмаршала, кои вызваны послѣдствіями нынѣшняго замкнутаго положенія Кубанскаго войска и существующаго во всѣхъ казачьихъ войскахъ общиннаго способа владѣнія землями, Его Величество и съ своей стороны раздѣляетъ убѣж-

---

[1]) Судя по этому мѣсту отзыва военнаго министра, должно думать, что въ то время, т. е. 19-го мая 1861 г., еще ничего не было извѣстно въ Петербургѣ о безпорядкахъ между казаками, бывшихъ 5-го мая. Должно замѣтить, что въ то время уже существовали телеграфныя линіи не только въ Россіи, но и на Кавказѣ, но по какой-то, трудно-понятной причинѣ, до отъѣзда князя Барятинскаго изъ Тифлиса не успѣли соединить этотъ городъ со столицею. **М. В.**

деніе, что неблагопріятное вліяніе этого положенія на благосостояніе казачьяго быта въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, по исключительному характеру народонаселенія онаго, замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ войскахъ и что постепенное допущеніе въ это войско стороннихъ элементовъ, сближая казаковъ съ новыми людьми и свѣжими взглядами, дѣйствительно можетъ оживить нравственныя и матеріальныя силы Черноморскаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, давъ средства къ возвышенію народнаго образованія, водворить въ немъ торговлю и промышленность. Разрѣшеніе же казакамъ пріобрѣтать въ вѣчную собственность войсковую землю можетъ породить въ нихъ естественное стремленіе къ настойчивому труду, сколько для личныхъ выгодъ, столько и для благосостоянія своего потомства. Но, съ другой стороны, Его Величеству представляются и опасенія, что дозволеніе потомственнымъ дворянамъ Кубанскаго войска исключаться изъ казачьяго сословія можетъ послужить поводомъ и для дворянъ другихъ казачьихъ войскъ домогаться тѣхъ же правъ, чего никакъ нельзя допустить, ибо тогда легко дойдемъ мы или до крайняго недостатка въ казачьихъ войскахъ собственныхъ офицеровъ (стоющихъ для казны весьма дешево сравнительно съ регулярными), или въ казачьихъ войскахъ будутъ оставаться только бѣдные офицеры, а всѣ богатые уйдутъ изъ оныхъ. Но собственно изъ уваженія къ предстоящимъ для Кубанскаго войска, по видамъ государственнымъ (отнюдь не могущимъ идти въ примѣръ для прочихъ казаковъ), особеннымъ обстоятельствамъ, Его Величество изволитъ предполагать:

«а) Предоставить потомственнымъ дворянамъ, а также отставнымъ казакамъ Кубанскаго войска, право покупать въ полную частную собственность свободные участки земли войсковой, въ назначенныхъ для сего раіонахъ и по установляемой ежегодно оцѣнкѣ, съ дозволеніемъ при томъ исключаться изъ войсковаго сословія и селиться на купленныхъ земляхъ.

«б) Право на пріобрѣтеніе участковъ войсковой земли въ частную собственность предоставить также людямъ стороннихъ для войска званій.

«в) Разрѣшить лицамъ невойсковаго сословія селиться и пріобрѣтать въ собственность дома, сады, заводы и пр. въ Екатеринодарѣ и другихъ мѣстахъ, по усмотрѣнію войсковаго начальства, но безъ права пользованія поземельными надѣлами, кромѣ выгоновъ для скота, и съ платою за усадебную землю въ войско.

«г) Разрѣшить, за недостаткомъ своихъ, принимать на вакансіи офицеровъ регулярныхъ.

«д) Въ предупрежденіе же недостатка войсковыхъ офицеровъ, дозволять выписываться изъ войска только тѣмъ, кто, прослуживъ 22 года, купитъ не менѣе 200 десятинъ войсковой земли.

«е) Во вниманіе къ поголовности выселенія 1-го Хоперскаго и 1-го Ставропольскаго полковъ, коихъ раіоны явятъ печальную картину запустѣнія,

предоставить министерству государственныхъ имуществъ воспользоваться сими землями для водворенія гражданскихъ переселенцевъ.

«Кромѣ того, для вящщаго развитія среди казаковъ собственной охоты ихъ къ предположенному переселенію и во вниманіе къ государственной важности достиженія полнаго и скораго успѣха въ этомъ дѣлѣ, Его Императорское Величество изволитъ предполагать объявить казакамъ Кубанскаго войска, что каждое переселившееся добровольно за Кубань офицерское и казачье семейство, какъ составившееся изъ себя первыхъ основателей русскихъ поселеній на предгорьяхъ западнаго Кавказа, получитъ отъ монаршихъ щедротъ въ вѣчную и потомственную собственность, смежно съ предназначенными для станичныхъ юртовыхъ надѣловъ землями, опредѣленный участокъ, въ размѣрѣ, смотря по удобствамъ мѣстности, до 20 десятинъ на семейство».

Въ заключеніе предлагается главному начальству Кавказской арміи составить общій планъ переселенія на основаніи указанныхъ началъ.

III.

Выписки изъ объяснительной записки по вопросу о переселеніи на передовыя линіи.

«Въ исходѣ XVIII столѣтія, когда правительство обратило серьезное вниманіе на постепенное покореніе Кавказа, въ числѣ важныхъ мѣръ, къ тому способствовавшихъ, было предпринято значительное переселеніе на кавказскую линію «казачьихъ войскъ и полковъ». Такъ, въ 1777 году переселенъ Хоперскій казачій полкъ съ р. Хопра къ Ставрополю и его окрестностямъ; вслѣдъ затѣмъ съ Волги перешли волгскіе казаки къ Александрову, кр. Павловской, Екатеринограду и Моздоку. Другое казачье войско съ Волги было одновременно переселено на Аграхань и получило названіе Аграханскаго. Это войско въ послѣдствіи цѣликомъ было передвинуто на рѣку Терекъ и названо Моздокскимъ полкомъ. Въ 1792 году точно также поселено въ Черноморіи тамошнее казачье войско. Въ 1797 году съ Дона былъ переселенъ на Кубань нынѣшній 2-й Кубанскій казачій полкъ; въ началѣ нынѣшняго вѣка образовался 2-й Кавказскій казачій полкъ изъ Слободно-украинскихъ казаковъ. Наконецъ, въ 1826 и 1827 годахъ, Хоперскій и Волгскій полки были переселены—первый на верховья рѣкъ Кубани и Кумы, а второй на верховья Подкумка и Малки, въ окрестности Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Этимъ кончился долгій рядъ переселеній казаковъ цѣлыми казачьими обществами, въ полковомъ своемъ составѣ.

«Съ 1840 года, когда рѣшено было занять Лабинскую линію, возникла новая система переселенія казаковъ по жребію изъ всѣхъ ближайшихъ къ

этой линіи казачьихъ полковъ, какъ наиболѣе многолюдныхъ народонаселеніемъ, которымъ они еще были усилены въ значительной степени чрезъ обращеніе въ казачье сословіе 36-ти селеній гражданскаго вѣдомства нынѣшней Ставропольской губерніи. Эта жеребьевая система была примѣнена потомъ при всѣхъ постепенныхъ заселеніяхъ передовыхъ нашихъ линій до 1860 года включительно, безъ всякой перемѣны. Казаки назначаемы были на переселеніе по жребію и къ нимъ добавлялись: часть переселенцевъ съ Дона, изъ внутреннихъ губерній, преимущественно изъ Малороссіи, и женатые нижніе чины изъ кавказскихъ регулярныхъ войскъ»...

Сравнивая жеребьевую систему съ порядкомъ выселенія цѣлыми станицами, авторъ находитъ:

«1) Съ возведеніемъ новыхъ станицъ на передовыхъ линіяхъ (при жеребьевой системѣ) предѣлы Кубанскаго войска расширяются и могутъ дойти до такихъ размѣровъ, которые не соотвѣтствуютъ видамъ правительства и потребностямъ войны на Кавказѣ. Казачье населеніе по своему устройству чуждо тому развитію, которымъ такъ легко можетъ воспользоваться гражданское населеніе.

«2) Жеребьевая система держитъ все казачье населеніе въ страхѣ ежегоднаго переселенія и не позволяетъ никому изъ казаковъ заняться прочнымъ устройствомъ своего хозяйства, изъ боязни не сегодня—завтра переселиться на передовую линію.

«3) Ежегодно внутренніе полки Кубанскаго войска отбываютъ службу все далѣе и далѣе отъ своихъ станицъ и вводятъ казну и войско въ излишнія издержки на выдачу имъ усиленнаго содержанія по нахожденію на внѣшней службѣ, такъ какъ имъ уже не предстоитъ службы на кордонѣ вблизи своихъ станицъ, при чемъ они получаютъ обыкновенное содержаніе, несравненно менѣе усиленнаго.

«4) Съ каждымъ годомъ отъ жеребьевой системы уменьшается населеніе бригадъ линейнаго войска, между тѣмъ какъ эти бригады обязаны были до сихъ поръ выставлять по прежнему одинаковое число строевыхъ частей на службу; слѣдовательно, нѣтъ возможности предоставлять казакамъ льготнаго времени, опредѣленнаго положеніемъ, для поддержанія ихъ быта.

«5) Самое важное, что жеребьевая система, заключая въ себѣ условія медленности заселенія непріятельскаго края, откладываетъ окончаніе войны на Кавказѣ на неопредѣленное время и заставляетъ правительство нести значительные расходы на содержаніе регулярныхъ войскъ въ краѣ на многіе годы.

«Напротивъ, выселеніе цѣлыми станицами:

«1) Даетъ возможность окончить войну въ весьма короткій срокъ.

«2) Ограничиваетъ размѣры казачьяго населенія, которое остается въ томъ же числѣ, какъ теперь: ибо, съ занятіемъ непріятельскихъ земель,

земли, принадлежавшія переселеннымъ полкамъ, могутъ поступить въ гражданское вѣдомство.

«3) Падаетъ на извѣстную часть казаковъ, давая возможность остальнымъ свободно заниматься развитіемъ хозяйства, безъ боязни въ будущемъ бросить свою осѣдлость.

«Но всѣ эти преимущества переселенія цѣлыми станицами падаютъ передъ двумя важными неудобствами:

«1) Назначаемые къ нему казаки внутреннихъ станицъ, вдали отъ военныхъ тревогъ, значительно развили свое хозяйство и до того сроднились съ мѣстомъ жительства, что выселеніе оттуда естественно должно представляться имъ въ видѣ наказанія, ничѣмъ не заслуженнаго. Они и предки ихъ, въ трудное время, жили надеждами хотя нѣкогда достигнуть покоя; и вдругъ, когда этотъ покой, какъ награда за долгія лишенія, труды и потери, началъ достигаться,—ихъ выселяютъ, оставляя въ то же время прочихъ казаковъ на мѣстѣ.

«2) Переселенцы не имѣютъ возможности нажитыхъ ими угодьевъ продать за сколько нибудь сносную цѣну, а иногда должны просто бросать ихъ даромъ, чрезъ что несутъ еще раззорительную потерю».

IV.

Изъ записки о волненіяхъ хоперскихъ казаковъ въ 1861 году.

Волненія хоперцовъ выразились сначала сильнымъ неудовольствіемъ на командира полка, подполковника А—на, который не желалъ поддержать ихъ, а, напротивъ, заявилъ передъ начальствомъ, что «они будутъ очень рады выселиться изъ мѣстъ безводныхъ и пр. за Кубань всѣмъ полкомъ». Онъ это сдѣлалъ столько же изъ желанія подслужиться къ начальству, сколько и въ надеждѣ, что съ выселеніемъ на передовую линію онъ станетъ командиромъ отдѣльнаго полка, получающаго высокое фуражное (про?)довольствіе[1]. Недовольные имъ казаки припомнили при этомъ и другія многочисленныя его злоупотребленія. Они при томъ надѣялись, что ходатайство цѣлаго ихъ міра объ отмѣнѣ переселенія станицами будетъ уважено; но А—нъ не только отказался передать ихъ просьбу, а еще обругалъ ихъ и сказалъ, что «небольшая бѣда, если они и сожгутъ оставленныя ими усадьбы, что для усмиренія ихъ приведутъ баталіоны съ пушками и пр.».

Когда нежеланіе хоперцевъ идти на переселеніе стало извѣстнымъ, къ нимъ пріѣхалъ начальникъ штаба Кубанскаго войска, генералъ-маіоръ Ку-

---

[1]) Не безъ сожалѣнія я долженъ сказать, что послѣдній расчетъ былъ нечуждъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, начальствовавшимъ на передовыхъ, вновь заселяемыхъ линіяхъ. На моихъ глазахъ, казакамъ на этихъ линіяхъ выдавали овесъ, считая въ четверти не 8 четвериковъ, а только 6, и т. п. М. В.

саковъ и смѣнилъ А—на, разрѣшивъ въ то же время казакамъ отправить депутацію въ Ставрополь. Эта депутація хлопотала о безобидномъ вознагражденіи за усадьбы отъ казны и о дозволеніи просить князя Барятинскаго въ Тифлисѣ отмѣнить поголовное выселеніе.

Отправившіеся въ Тифлисъ депутаты получили отказъ. Тогда казаки сговорились вовсе не идти на переселеніе, а нѣкоторые даже присягнули на томъ [1]). Руководителями движенія были подполковникъ Е—въ, есаулы Ж—въ и Д—въ. По мысли перваго, казаки написали просьбу на Высочайшее имя и послали ее секретно съ тремя казаками въ Петербургъ. Просьба принята не была, а писавшій ее хорунжій Ч—въ потомъ, изъ опасенія уголовной отвѣтственности, зарѣзался.

5-го мая 1861 года, долженъ былъ выступить на переселеніе передовой эшелонъ—казаки станицы Сергіевской. При нихъ, подъ прикрытіемъ сводной сотни, назначено было слѣдовать полковому знамени. Узнавъ объ этомъ, весь полкъ собрался въ станицу Александровскую и знамени не далъ. Казаки говорили при томъ, что если ужъ имъ нужно переселяться всѣмъ, то пусть покажутъ царскій указъ. Находившіеся на мѣстѣ полковникъ Ал—нъ и подполковникъ Н—нъ не умѣли утишить волненіе, прятались за войска (резервный баталіонъ Крымскаго полка), а начальникъ этихъ войскъ, подполковникъ Р—въ, имѣлъ неосторожность отдать солдатамъ приказаніе заряжать ружья на улицѣ.

По полученіи объ этихъ событіяхъ извѣстія въ Ставрополѣ, гдѣ въ то время не было графа Евдокимова, начальникъ штаба его, генералъ-маіоръ З—въ, немедленно направилъ въ Александровку 6-й линейный баталіонъ, Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ и два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка. Такимъ образомъ, противу людей, готовившихся безропотно бросить родныя пепелища «лишь бы имъ былъ показанъ царскій указъ», направлена была цѣлая экспедиція.

Однако, до употребленія оружія не дошло. Нынѣшній помощникъ Главнокомандующаго Кавказскою арміей, князь Д. И. Святополкъ-Мирскій, бывшій тогда помощникомъ графа Евдокимова и находившійся предъ тѣмъ въ отпуску, едва прибылъ изъ послѣдняго, немедленно поѣхалъ изъ Ставрополя и, не дожидаясь графа Евдокимова, распустилъ войска, а казакамъ объявилъ, что въ этомъ году переселенія не будетъ, до особаго Высочайшаго повелѣнія.

Тогда все успокоилось.

Но тифлисскія начальства все еще не хотѣли уступить, тѣмъ болѣе, что не имѣли необходимаго авторитета, такъ какъ намѣстникъ, князь Барятинскій,

---

[1]) Приводившіе къ присягѣ два священника были потомъ единственными лицами, пострадавшими отъ волненія. М. В.

въ это время, по болѣзни, уѣхалъ съ Кавказа въ отпускъ. Заступившій временно его мѣсто князь Г. Д. Орбеліани еще 12-го мая просилъ графа Евдокимова «употребить всю закономъ предоставленную ему власть, чтобы воля генералъ-фельдмаршала была безпрекословно и немедленно исполнена».

По счастію, 24-го мая послѣдовало обнародованіе Высочайшей воли, которое въ самомъ зародышѣ уничтожило волненіе, такъ что въ слѣдующемъ, 1862 году, множество хоперцевъ, добровольно и по жребію, переселились за Кубань. Любопытно, что, готовясь отражать силу силою и устроивъ около Александровской станицы правильную аванпостную цѣпь противу окружавшихъ регулярныхъ войскъ, казаки нисколько не задерживали проѣзжающихъ офицеровъ, которые, по подорожнымъ, спокойно получали лошадей до слѣдующихъ станцій. Также и парламентеры изъ противнаго лагеря принимались ими съ почетомъ, слѣдовавшимъ по чину каждаго, хотя и съ принятіемъ нѣкоторыхъ военныхъ предосторожностей!

V.

Изъ дѣла о волненіяхъ 1861 года въ Черноморіи.

Черноморцы до 1861 года не знали иныхъ переселеній, какъ по охотѣ или по приговору обществъ. Внезапное усиленное переселеніе и извѣстіе, что часть ихъ земель будетъ продаваться лицамъ невойсковаго сословія, вызвали ихъ волненія.

Для убѣжденія ихъ покориться волѣ начальства, уполномоченъ былъ ихъ же войска генералъ-маіоръ К—ко [1]. Онъ успѣлъ убѣдить депутатовъ Ейскаго округа, что переселеніе за Кубань для нихъ же выгодно, потому что, вмѣсто 16-ти десятинъ земли, которыя имѣли казаки въ этомъ округѣ, на каждаго изъ нихъ будетъ приходиться за Кубанью по 30-ти десятинъ; да и почва тамъ превосходная, не степная, хорошо орошенная и съ лѣсами.

Но передъ депутатами Таманскаго и Екатеринодарскаго округовъ онъ не имѣлъ успѣха. Одинъ изъ нихъ, войсковой старшина К—скій, обращаясь къ собранію прочихъ, сказалъ такую рѣчь: «Посмотрите, вонъ у меня нѣтъ на головѣ волосъ; я ихъ потерялъ на службѣ, а потому выслушайте меня, и я вамъ вотъ что̀ скажу. Когда въ прудѣ прибудетъ много воды и она надавитъ на плотину, то явится дырочка и вода станетъ сочиться. Сначала она сочится, а потомъ и забурлитъ и, наконецъ, прорвавъ плотину, вся вытечетъ. Такъ будетъ и съ вами. Теперь берутъ изъ васъ на переселе-

---

[1]) Онъ потомъ былъ захваченъ горцами вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, гвардіи поручикомъ Іогансономъ, во время переѣзда по линіи, и умеръ въ плѣну прежде полученія затребованнаго горцами выкупа. М. В.

ніе немного (770 семей), на будущій годъ возьмутъ больше, а тамъ и усіхъ васъ поженуть къ бисову батькови за Кубань».—Черноморцы прямо говорили на этой сходкѣ, что К—ко «продалъ ихъ въ Ставрополѣ»; К—скій же, на третій день послѣ этого, при совѣщаніи съ графомъ Евдокимовымъ (тогдашнимъ атаманомъ Кубанскаго войска), прямо спросилъ его: «хиба вы, ваше сіятельство, хотите завоевать Закубанье нашими жинками та дѣтьми?»

Графъ Евдокимовъ прибылъ въ Екатеринодаръ на другой день послѣ сходки, на которой говорилось о бисовѣ батькѣ. Онъ принялъ сначала всѣхъ выборныхъ отъ станицъ; но потомъ предложилъ имъ назначить отъ себя лишь небольшое число депутатовъ для совѣщаній. Совѣщанія эти послѣдовали на другое утро, при чемъ черноморцы, опираясь на принесенную ими изъ церкви, на особой подушкѣ, грамоту Екатерины II о неизмѣняемости предѣловъ войсковой территоріи, развили подробно свои претензіи. Ораторъ ихъ, полковникъ Р—ль, напомнилъ о трудной службѣ и подвигахъ Черноморскаго войска и перечислилъ несправедливости, оказанныя казакамъ. «У насъ,—говорилъ онъ,— отнято дорогое намъ имя Черноморцевъ, мы не имѣемъ права сами выбирать атамана, насъ гонятъ съ земли, которая утверждена за нами грамотами», и проч. При этомъ онъ плакалъ.

Сущность депутатскихъ заявленій состояла въ слѣдующемъ: «Права наши—по грамотамъ, ко всѣмъ казачьимъ войскамъ непримѣнимымъ» (т. е. основаны на грамотахъ, которыхъ другіе казаки не имѣютъ, причемъ особенно разумѣлись войска линейное и Донское, дававшія и въ прежнее время переселенцевъ).

«Права нашихъ дворянъ равны во всемъ съ прочими имперіи» (слѣдовательно, мы имѣемъ право о нашихъ нуждахъ прямо писать Государю).

«Недвижимая собственность наша признана закономъ и передача ея между нами совершается крѣпостнымъ порядкомъ, а не насиліемъ».

«Осѣдлое процвѣтаніе нашего края такое, какого въ другихъ казачьихъ войскахъ нѣтъ» (Это уже самовосхваленіе, не совсѣмъ правильное).

«Прибавки земли выше положенія—мы не просимъ».

«Къ улучшенію нашего быта—сами достигаемъ».

«Казаки и дворяне наши довольны и счастливы на своей землѣ».

«Мы всѣ, способные, пойдемъ служить на всѣ отдаленныя границы, на защиту отечества; готовы охранять всякое новое заселеніе на всякой новой землѣ; но просимъ сохранить наши права неприкосновенными—всецѣло».

«Въ случаѣ какого-либо по всѣмъ этимъ предметамъ, со стороны ближайшаго начальства, затрудненія, просимъ, во имя закона, дозволить намъ самимъ просить о себѣ Государя Императора».

«Пока рѣшится вопросъ—просимъ пріостановить переселеніе».

«Охотникамъ же просимъ переселеніе допустить».

Вслѣдъ за этимъ была подана графу Евдокимову черноморскими дворянами слѣдующая записка:

«Вслѣдствіе личнаго совѣщанія вашего сіятельства съ довѣренными отъ сословія Черноморскаго—что нынѣ Кубанское—казачьяго войска, дворяне и казаки этого войска, сочувствуя правительственнымъ видамъ заселенія Закубанскаго края, изъявляютъ свою готовность на присоединеніе къ войсковой землѣ Закубанскихъ земель на нижеслѣдующемъ» (основаніи).

«1. Обозначить границы Закубанской земли, предполагаемой къ заселенію Черноморцами, собственно противъ границъ бывшаго Черноморскаго войска, и утвердить оную за войскомъ Черноморскимъ Высочайшею грамотою, на такихъ началахъ, какъ нынѣ владѣетъ это войско пожалованною ему землею съ 1792 года».

«2. Очистить предварительно эту землю военною силою отъ непріятеля и занять пограничною кордонною линіею, а затѣмъ уже заселеніе ея предоставить сословію войска Черноморскаго, по желанію, охотниками, исподволь, безъ всякихъ принужденій, каковы суть назначеніе и жребій, которые во всякомъ случаѣ раззорительны и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ ропотъ въ народѣ».

«3. Поселеніе начать съ Анапы тогда, когда земля эта будетъ предоставлена во владѣніе Черноморскому войску, на условіяхъ вышеизложенныхъ».

«4. Владѣемую Черноморскимъ — что нынѣ Кубанское—казачьимъ войскомъ землю изъять отъ предполагаемаго водворенія на ней собственниковъ-землевладѣльцевъ изъ людей, войсковому сословію не принадлежащихъ, и отъ продажи оной въ собственность иногороднымъ лицамъ, какъ неотъемлемую собственность общества Черноморскихъ казаковъ, пожалованную имъ Высочайшею грамотою въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Екатерины II, подтвержденной блаженной памяти Императорами Павломъ I и Александромъ I въ особыхъ грамотахъ, а Николаемъ I въ положеніи, дарованномъ войску Черноморскому 1-го іюля 1842 года, и нынѣ царствующимъ Императоромъ Александромъ II—введеніемъ того права войсковаго общества въ сводъ законовъ гражданскихъ, послѣдняго изданія 1857 года».

«5. Предположенную, въ числѣ распоряженій о переселеніи казаковъ въ Закубанскія земли, оцѣнку и продажу казачьихъ усадьбъ, состоящихъ на войсковой землѣ, а также разведенныхъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ и всѣхъ угодій—отмѣнить, вслѣдствіе вышеизложенныхъ правъ и такъ какъ оные указомъ правительствующаго сената, даннымъ войсковому правленію Черноморскаго казачьяго войска отъ 11-го сентября 1860 года, признаны недвижимою собственностью владѣльцевъ, и акты на переходъ этихъ заведеній, отъ одного владѣльца къ другому, должны быть совершаемы крѣпостнымъ порядкомъ, на общемъ законномъ основаніи».

«6. Отдѣлить шесть бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго

войска отъ войска Черноморскаго и возвратить черноморцамъ заслуженное предками, дорогое намъ наименованіе Черноморскаго войска, какъ потому, что на имя онаго существуютъ всѣ грамоты и регаліи, такъ и потому, что на водахъ Чернаго моря войско стяжало свою первоначальную славу и имя и къ берегу этого моря приселено. (А преимущественно по той важнѣйшей причинѣ, что въ присоединенныхъ къ намъ шести бригадахъ господствуютъ разныя секты вѣры, а мы всѣ православнаго исповѣданія)».

«7. Не выселять принужденно казаковъ Черноморскаго войска на иныя земли, такъ какъ ни въ грамотахъ, ни въ послѣдующихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, это не установлено для Черноморскаго казачьяго войска; а на владѣемую нынѣ этимъ войскомъ землю переселеніе, въ дозволенныхъ случаяхъ, иногороднымъ допускать не иначе, какъ съ согласія станичныхъ обществъ, къ коимъ желающіе будутъ проситься для присоединенія къ прежде зашедшимъ сюда по распоряженію правительства и причисленнымъ здѣсь ихъ семействамъ и родственникамъ».

«8. На сихъ уваженіяхъ и выраженныхъ прежде просьбахъ и отзывахъ станичныхъ обществъ Старо-Щербиновской, Копеловской и Шкуринской станицъ и дворянъ Ейскаго округа, представленныхъ бывшему начальнику штаба, генералъ-маіору Кусакову, и въ милостивомъ вниманіи къ прежнимъ заслугамъ Черноморскихъ казаковъ, а также къ настоящимъ его службамъ и тягостнымъ повинностямъ, отбываемымъ не по смѣтнымъ исчисленіямъ, а по обстоятельствамъ военнаго и тревожнаго положенія края, предположеніе о выселеніи изъ этого войска въ текущемъ 1861 году 770-ти семействъ на Закубанскую передовую линію отложить до Высочайшаго утвержденія за войскомъ Черноморскимъ смежныхъ съ онымъ Закубанскихъ земель, объясненныхъ выше въ первыхъ трехъ пунктахъ, и до совершенной очистки оныхъ земель отъ непріятеля.—Екатеринодаръ, 2-го мая 1861».

(Подписали К—скій, К—ко, З—ко, Д—ко, Р—ль, Ш—ко и проч., всего 93 лица, изъ которыхъ, кажется, восемь были за это арестованы и отправлены изъ Екатеринодара въ ставропольскій острогъ, гдѣ и просидѣли до объявленія Всемилостивѣйшаго прощенія всѣмъ участникамъ волненія, которое, впрочемъ, нигдѣ не перешло въ безпорядокъ или неповиновеніе, тѣмъ больше, что и переселеніе 770-ти семействъ было отложено).

VI.

О внутреннемъ состояніи Черноморья въ 1861 г.

Приведенная сейчасъ записка упрямыхъ и нѣсколько отсталыхъ потомковъ запорожцевъ вызвала критическую записку же одного изъ членовъ военной бюрократіи въ Ставрополѣ, полковника З—го, который, впрочемъ, представилъ ее отъ имени «одного штабъ-офицера бывшаго Черноморскаго войска». Въ этой послѣдней запискѣ мы находимъ слѣдующее:

«Надобно сказать, что подписавшіеся 93 горячіе партизана правъ казачества (какъ они воображаютъ) суть исключительно владѣльцы хуторовъ, стадъ и водяныхъ мельницъ. Они по большей части имѣютъ по два, но три хутора, перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству и благопріобрѣтенныхъ, число которыхъ готовы умножать на счетъ низшаго класса народа [1]). На хуторахъ своихъ они имѣютъ отъ 1,000 до 2,000 головъ рогатаго скота, не менѣе лошадей, и тысячъ по десяти овецъ. Почти всѣ участвовавшіе въ депутаціи чиновники имѣютъ водяныя мельницы, а иные и по двѣ. Предки ихъ, а нѣкоторые изъ нихъ и сами, заняли подъ хутора и мельницы лучшія мѣстности въ краѣ, съ баснословными пространствами земли и воды и, не останавливаясь на этомъ, готовы умножать свои хутора и поземельныя владѣнія, по мѣрѣ умноженія скотоводства, въ ущербъ казакамъ.

«Чтò терпятъ отъ этого права сильнаго вообще казаки и даже бѣдные дворяне, не имѣющіе хуторовъ,—считаю излишнимъ объяснять. Достаточно сказать, что казакъ, возвратившійся изъ службы, не находитъ мѣста, гдѣ бы могъ вспахать свою бѣдную ниву и затрудняется прокормить служиваго своего коня. Только изъ милости, снисходя на слезную просьбу казака, панъ позволитъ вспахать ниву на своей землѣ или накосить нѣсколько копенъ сѣна, и то не всякій. Чаще-же казакъ-общникъ зарабатываетъ себѣ у пана, какъ наемщикъ, кусокъ земли на одинъ разъ, хотя на владѣніе имъ имѣетъ равное право. Сколько жалобъ, споровъ, ссоръ и дракъ происходитъ изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, и всѣ они оканчиваются тѣмъ, что бѣднякъ, какъ не имѣлъ ничего, такъ и остается ни съ чѣмъ..... Обыкновенно хуторскій панъ съ открытіемъ весны уже на конѣ и съ оружіемъ въ рукахъ: налетаетъ, гонитъ и бьетъ все, что только приблизится къ владѣніямъ его. Подстрѣлить, изувѣчить или загнать въ болото

---

[1]) Фактъ совершенно вѣрный и ярко обнаружившійся въ 1873 году, когда, при отводѣ хуторянамъ-офицерамъ ихъ земель въ собственность, оказалось, что затѣмъ казакамъ-станичникамъ остается очень немного земли для общаго пользованія. Это обстоятельство, какъ извѣстно, и повело за собою волненія казаковъ въ станицѣ Полтавской. **М. В.**

нѣсколько головъ скота, лошадей или барановъ—дѣло самое обыкновенное. Самые снисходительные паны, понявшіе, конечно, по своему букву закона о потравахъ, загоняютъ въ базы (зáгороди) захваченный чужой скотъ и держатъ его взаперти, пока онъ не околѣетъ отъ голода и жажды. А пани-хуторянки, не владѣющія оружіемъ и слабыя по природѣ, поступаютъ иначе: онѣ приказываютъ совершать, а иногда и собственноручно совершаютъ операціи въ родѣ отрѣзыванія сосковъ у коровъ или распарыванія брюха, въ примѣръ и страхъ другимъ скотамъ и ихъ хозяевамъ».

Изобразивъ такимъ образомъ слабыя стороны черноморскаго дворянства, которому приписываетъ и непокорность, обнаруженную войскомъ въ дѣлѣ переселенія, авторъ предлагаетъ многія мѣры къ возстановленію правъ, нарушенныхъ дворянскимъ произволомъ, а главное—къ успѣшному достиженію колонизаціи Закубанья. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«1. Предписать межевой коммисіи, впредь до окончательнаго размежеванія земли, нынѣ же отвести пожизненные участки генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ,—собственно имѣющимъ хутора,—въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніемъ 1-го іюля 1842 года» [1]).

«2. Участки эти отвести при одномъ изъ хуторовъ, по выбору самихъ владѣльцевъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избранный хуторъ находился не ближе 4-хъ верстъ отъ ближайшей станицы (чтобы, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, освободить послѣднія отъ блокаднаго положенія, въ которомъ держатъ ихъ хутора). Затѣмъ поставить правиломъ, чтобы никто не имѣлъ болѣе одного хутора».....

«6. Можно бы пожелать, чтобы станичное право на землю было вполнѣ ограждено; но тогда казакамъ будетъ слишкомъ хорошо, чтобы они могли пожелать переселенія за Кубань; а потому станицы слѣдуетъ оставить при той пропорціи земли, какою онѣ нынѣ пользуются, а освобожденныя отъ хуторовъ земли предоставить нанимать желающимъ, въ томъ числѣ и иногороднымъ... Нанимать свою землю (какъ думаютъ черноморцы) и платить хотя бы самую ничтожную сумму — покажется очень тяжкимъ для черноморскихъ пановъ, особенно на первое время, съ непривычки. Казакамъ тоже будетъ очень просторно... и потому не надобно быть слишкомъ дальновиднымъ, чтобы предсказать, что къ слѣдующей веснѣ явится много охотниковъ селиться за Кубанью».

«7. Такъ какъ черноморцы боятся за спокойствіе семействъ своихъ за Кубанью и находятъ, что надобно очистить землю отъ горцевъ силою, то

---

[1]) Такимъ образомъ авторъ, какъ новый Лициній или Гракхъ, рѣшаетъ однимъ предписаніемъ вопросъ, у всѣхъ народовъ представлявшійся самымъ труднымъ къ рѣшенію. Конечно, на дѣлѣ онъ не рѣшенъ и понынѣ (1875).

М. В.

ничто не мѣшаетъ начальству, ради общей цѣли скорѣйшаго прекращенія войны на Кавказѣ и собственно въ интересахъ казаковъ, увеличивающихъ территорію новыми пріобрѣтеніями за Кубанью,—призвать къ оружію все Черноморское войско... И это очень возможно исполнить безъ разстройства (?) домашняго быта казаковъ, слѣдующимъ образомъ: всѣ полки, баталіоны и батареи призывать на службу въ дѣйствующіе отряды во второй половинѣ октября и распускать въ мартѣ. Казаку дорого время съ начала весны и до осени, а прочее неважно, и отсутствіе казаковъ изъ станицъ зимою не можетъ раззорить ихъ».... (А между тѣмъ будетъ чувствительнымъ наказаніемъ).

VII.

По представленіи этой записки въ Тифлисъ, послѣдовалъ, на имя графа Евдокимова, слѣдующій отвѣтъ генерала Карцова, начальника главнаго штаба Кавказской арміи:

«Милостивый государь, графъ Николай Ивановичъ. Князь Григорій Дмитріевичъ [1]), прочитавъ препровожденную вашимъ сіятельствомъ записку, составленную въ отвѣтъ на протестъ дворянъ Черноморскаго войска, поручилъ мнѣ покорнѣйше просить вашего увѣдомленія: не признаете ли вы полезнымъ нынѣ же обратить труды межевой коммисіи Кубанскаго войска на отмежеваніе дворянамъ бывшаго Черноморскаго войска, согласно основаніямъ, изложеннымъ въ запискѣ, поземельныхъ участковъ, въ количествѣ, опредѣленномъ войсковымъ положеніемъ, съ тѣмъ, чтобы отнятіемъ у дворянъ незаконно захваченныхъ ими пространствъ оградить права станичныхъ обществъ на войсковую землю».

Какой отвѣтъ послѣдовалъ на это письмо—я не знаю, но думаю, что со стороны такого умнаго и практическаго человѣка, какъ графъ Евдокимовъ, занятаго въ то время тяжелою борьбою съ внѣшнимъ врагомъ, не могло быть иного отвѣта, какъ отрицательный.

Спб. 1875 годъ.

М. И. Венюковъ.

---

[1]) Орбельяни, временно командовавшій на Кавказѣ послѣ отъѣзда оттуда, весною 1861 года, князя Барятинскаго, до весны 1863 года. **М. В.**

ГЕОРГІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НОВИЦКІЙ

Біографическій очеркъ.

1800—1877.

I.

20-го декабря 1877 года, на 77-мъ году отъ роду, скончался генералъ-отъ-артиллеріи Георгій Васильевичъ Новицкій.

Потомственный дворянинъ Кіевской губерніи, Новицкій окончилъ курсъ въ Кіевской гимназіи; въ 1819 г. прибылъ въ Петербургъ для опредѣленія въ какое нибудь военно-учебное заведеніе. Не имѣя въ столицѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и всего съ пятью рублями, онъ первый пріютъ нашелъ у какого-то монаха Александро-Невской лавры, съ именемъ котораго Новицкаго связывало воспоминаніе дѣтства, когда тотъ еще жилъ въ міру. Съ помощію, кажется, того же монаха, Новицкій скоро успѣлъ опредѣлиться въ Дворянскій полкъ, пріемъ куда въ ту пору былъ не труденъ, и откуда молодые люди выпускаемы были на службу только что грамотными. Новицкій о послѣднемъ мало думалъ: его всего болѣе утѣшала мысль, что онъ на казенномъ содержаніи и имѣетъ даровое помѣщеніе; но не прошло мѣсяца, какъ ему представился случай передать письмо, полученное изъ Малороссіи, адъютанту великаго князя Михаила Павловича А. А. Кавелину. Кавелинъ принялъ юношу любезно, освѣдомился о его положеніи, оказалъ ему участіе и доставилъ случай быть представленнымъ его высочеству.

— «Славный бомбардиръ!»—сказалъ Михаилъ Павловичъ, взглянувъ на юношу, и приказалъ Новицкаго зачислить лейбъ-гвардіи во 2-ю учебную роту 2-й артиллерійской бригады.

Это было 30-го декабря 1819 года—день опредѣленія Новицкаго въ службу.

Получивъ начальное образованіе въ Кіевской гимназіи, Новицкій не владѣлъ многими знаніями изъ наукъ математическаго и физическаго отдѣловъ, чтобъ выдержать экзаменъ въ ученомъ артиллерійскомъ комитетѣ на офицерскій чинъ. Надо было много имѣть характера, сильную волю и хорошія способности, чтобы, въ теченіе полгода, безъ пособія учителей и средствъ пріобрѣтать книги, изучая въ то же время строевую службу и воинскіе уставы,—успѣть подготовить себя до того, чтобъ уже въ 1820 г. выдержать экзаменъ на офицерскій чинъ.

Ожиданіе производства въ прапорщики совпало съ открытіемъ артиллерійскаго училища. Его высочествомъ поручено генералу Засядко составить училище изъ юнкеровъ, находившихся на службѣ въ артиллеріи петербургскаго гарнизона. Юнкера собраны, прибылъ Засядко и началъ ихъ вызывать по фамиліямъ. Когда Новицкій отозвался, Засядко спросилъ его: «Какой губерніи?»—Кіевской.—«Чи не з-нашихъ ли?»—добавилъ Засядко.—Да! я малороссъ,—отвѣтилъ Новицкій. «Не хотите ли остаться юнкеромъ и поступить въ артиллерійское училище?»—спросилъ Засядко.—Не желаю!—былъ отвѣтъ Новицкаго. — «Вы упрямы, но знайте, что я тоже хохолъ и тоже упрямъ; офицеромъ вы въ этомъ году не будете, вамъ полезно поучиться и понабраться разума». Сказавъ это, генералъ зачеркнулъ въ спискѣ отмѣтку противъ фамиліи Новицкаго о выдержаніи экзамена на офицерскій чинъ. Пробывъ три года въ артиллерійскомъ училищѣ, Новицкій убѣдился въ ничтожности прежнихъ своихъ познаній и съ благодарностію вспоминалъ Засядко въ теченіе всей своей жизни.

7-го февраля 1823 года, Новицкій, по выдержаніи экзамена юнкерскихъ классовъ, произведенъ прапорщикомъ въ 10-ю конно-артиллерійскую роту и оставленъ въ училищѣ еще на два года, для слушанія высшаго курса офицерскихъ классовъ.

Въ декабрѣ 1824 года Новицкій окончилъ курсъ училища, и, въ числѣ воспитанниковъ перваго выпуска, отправился на службу въ 6-ю конно-артиллерійскую роту, куда онъ былъ переведенъ изъ 10-й,—въ м. Вчерайше, Сквирскаго уѣзда Кіевской губерніи. Въ январѣ 1825 года, за успѣхи въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ произведенъ въ подпоручики. Обстоятельство это было причиною, что товарищи Новицкаго вознегодовали на него за то, что производствомъ въ подпоручики онъ сталъ выше многихъ прапорщиковъ. Награда чиномъ за науки была въ то время явленіемъ совсѣмъ новымъ, непривычнымъ, не мирившимся съ понятіями того времени, что только дѣйствительная служба (т. е. фронтовая) даетъ право на чинъ; не смотря на то, скромность и служебное рвеніе Новицкаго заставили товари-

щей уважать его и сблизиться съ нимъ. Квартируя со взводомъ въ деревнѣ, Георгій Васильевичъ весь отдался обученію солдатъ грамотѣ и строевой службѣ, а съ іюня мѣсяца принялъ участіе въ общемъ сборѣ 3-го пѣхотнаго корпуса при м. Лещинѣ.

Сборъ этотъ надолго оставилъ впечатлѣніе въ молодомъ офицерѣ двумя обстоятельствами: таинственностью бесѣдъ собиравшихся кружками штабъ и оберъ-офицеровъ, и открытыми спорами о томъ: какое правленіе лучше — монархическое-неограниченное, какъ у насъ, конституціонное—англійское и федеральное—Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, и исполненіемъ порученія, возложеннаго на него начальникомъ штаба 1-й арміи, генералъ-лейтенантомъ Толемъ.

На двухстороннемъ маневрѣ, подъ тѣмъ же м. Лещиномъ, Толь, командуя одною стороною, поставилъ маскированную батарею на высотѣ боевой линіи и, обратясь къ конно-артиллеристамъ, спросилъ: «Кто изъ васъ, гг., возьмется навести непріятельскую кавалерію на эту батарею?» Новицкій вызвался. «Ну, съ Богомъ!» Молодой человѣкъ лихо вынесся со взводомъ далеко передъ первую линію, открылъ огонь по непріятельской кавалеріи (непріятельскою стороною командовалъ генералъ-отъ-инфантеріи Ротъ) и держался на позиціи, пока кавалерія не перешла въ карьеръ. Орудія были на отвозахъ, взводъ успѣлъ отъѣхать въ интервалъ боевой линіи, а насѣвшая на него кавалерія попала подъ огонь маскированной батареи. «Славно, подпоручикъ Новицкій, молодцомъ исполнилъ мое порученіе!»—громко произнесъ Толь, и, обратясь къ начальнику артиллеріи 1-й арміи, князю Яшвилю, сказалъ: «Я его беру въ главную квартиру, отправьте его въ Могилевъ» (на Днѣпрѣ).

Свершилось грозное 14-е декабря 1825 г. Начались аресты во всѣхъ концахъ Россіи. Около того же времени, за обѣдомъ у главнокомандующаго гр. Сакена, начальникъ артиллеріи обратился къ Новицкому съ вопросомъ: «не посвященъ-ли и ты въ замыселъ твоихъ товарищей конно-артиллеристовъ?» Вопросъ этотъ озадачилъ Новицкаго; для всѣхъ было видно, что онъ ничего не зналъ. Видя это, Яшвиль добавилъ: «Чрезъ Могилевъ провезли арестованными бригаднаго, ротныхъ командировъ и всѣхъ субалтернъ-офицеровъ конной артиллеріи». Здѣсь только изумленному Новицкому уяснилась причина таинственности собраній и споровъ о формѣ государственныхъ учрежденій—въ сборѣ при м. Лещинѣ.

Въ другой разъ, лишь только встали отъ обѣда у кн. Яшвиля, въ столовую залу вошелъ жандармъ и громко спросилъ:—«Здѣсь ли подпоручикъ Новицкій». Названный по фамиліи смутился. Генералъ

Толь и князь Яшвиль подошли къ Новицкому и въ полголоса сказали: «Тебя мы предваряли нашими вопросами—зналъ ли ты, что происходило въ обществѣ офицеровъ въ сборѣ подъ Лещиномъ, тебѣ не угодно было предъ нами открыться чистосердечно, изволь же теперь отправляться, куда жандармъ повезетъ»; но замѣтивъ, что моментальное смущеніе уступило полному спокойствію, князь Яшвиль, смѣясь, сказалъ: «а что, струсилъ? Поѣзжай во Вчерайше, прими въ свое вѣденіе конно-артиллерійскую бригаду, тамъ нѣтъ ни одного офицера».

Новицкій уѣхалъ изъ Могилева и вскорѣ затѣмъ донесъ князю Яшвилю, что ротами (батареями) командуютъ фельдфебеля, въ ящикахъ денегъ не оказалось, содержать ротъ не на что. На его донесеніе послѣдовало распоряженіе: пополнить деньги экономіею отъ фуража, на который съ 1-го января 1826 года будетъ отпускаться по рублю за четверть овса и по 12 коп. за пудъ сѣна. Принялся молодой человѣкъ за хозяйство; въ распоряженіяхъ его принялъ горячее участіе и много ему помогалъ владѣлецъ м. Вчерайше, помѣщикъ Полянъ, всегда ходившій въ національномъ кунтушѣ, при саблѣ. Онъ приказалъ отпускать батареямъ овесъ по 80 коп. четверть, а сѣно и солому давать безденежно; съ наступленіемъ весны, по приказанію того же магната, бригадѣ безплатно отведены сѣнокосы. Составленною такимъ путемъ экономіею, Новицкій пополнилъ ящикъ, удѣлилъ значительную часть денегъ на покупку новаго ремонта и обезпечилъ семейство подполковника Фролова, своего начальника, увезеннаго арестованнымъ въ Петербургъ.

Иначе были оцѣнены труды и хозяйственныя распоряженія Новицкаго полковникомъ Самойловымъ, назначеннымъ командовать бригадою и 6-ю конною ротою, и прибывшимъ во Вчерайше для принятія этихъ частей [1]).

Самойловъ, осмотрѣвъ 6-ю роту, предъявилъ претензію къ подполковницѣ Фроловой, начетомъ разныхъ недостатковъ на 1,800 рублей. Громадность цифры изумила Новицкаго, онъ донесъ князю Яшвилю; во Вчерайше прибыли два полковника, Эйлеръ и Вальцъ, въ каче-

---

[1]) Самойловъ въ 1830-хъ годахъ командовалъ 5-ю артиллерійскою дивизіею въ 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ; умеръ въ припадкѣ гнѣва отъ разрыва сердца, въ 1838 году, въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ; былъ извѣстенъ жестокостію, употребленіемъ во фронтѣ непечатныхъ словъ, утонченностями тогдашней учебной выправки и служебнымъ педантизмомъ, да и 5-я артиллерійская дивизія въ тридцатыхъ годахъ имѣла назначеніе исправлять шалуновъ-артиллеристовъ, которыхъ в. князь Михаилъ Павловичъ высылалъ въ нее даже и изъ гвардіи. П. С.

ствѣ посредниковъ; но сколько они ни склоняли Самойлова къ умѣренности и состраданію, успѣли только понизить его претензію съ 1,800 р. на 1,600 рублей.

Три мѣсяца тянулась пріемка 6-й роты, а конца не было видно. Командиры конныхъ ротъ того времени щеголяли наборными хомутами и хорами музыки съ пѣхотною и бальною оркестровкою, кромѣ штатныхъ трубъ; въ музыканты обращались люди третьихъ дивизіоновъ, не имѣвшихъ лошадей. Самойловъ, ежедневно производя ученья батареямъ, не щадилъ наборной упряжи, не щадилъ также и инструментовъ, заставляя, по очереди, играть оркестры у своей квартиры то одной, то другой батареи. Новицкій, вслѣдствіе предписанія изъ Могилева окончить сдачу роты во что бы ни стало, въ первомъ собраніи посредниковъ предложилъ на ихъ рѣшеніе два вопроса: забраковавъ наборную упряжь, имѣлъ ли полковникъ Самойловъ право употреблять ее на ученьяхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а также пользоваться музыкальными инструментами, имъ же исключенными изъ описи, какъ ему ненужными? Посредники переглянулись, обмѣнялись улыбкою, произнесли справедливое «нѣтъ» и потребовали отъ Новицкаго счета стоимости наборной артиллерійской упряжи и музыкальнымъ инструментамъ. Счетъ на много превосходилъ сумму 1,600 рублей, а посредники, сдѣлавъ постановленіе, что трехъ-мѣсячное употребленіе упряжи и инструментовъ лишало ихъ своей прежней цѣнности, предложили Самойлову или уплатить полную стоимость вещей и принять ихъ отъ сдатчика въ свою пользу, или уплатить только стоимость испорченнаго и отъ вещей отказаться. Постановленіе свое посредники представили кн. Яшвилю, которой отвѣчалъ на него предписаніемъ Самойлову: «принять предложенныя условія и роту, другой же роты онъ не получитъ». Самойловъ выдалъ квитанцію подполковницѣ Фроловой; но сталъ гнать Новицкаго, оставшагося въ ротѣ старшимъ офицеромъ и, по обычаю того времени, занимавшагося строевымъ образованіемъ роты. Самойловъ присутствовалъ на всѣхъ ученьяхъ, производимыхъ Новицкимъ, искалъ случаевъ придираться и дѣлать ему выговоры, и, за неимѣніемъ повода, заставлялъ его измѣнять интонацію голоса въ командѣ по своей прихоти и требовалъ отъ него каждую команду повторить не менѣе пяти разъ. Вслѣдствіе этого, ученья сдѣлались для всѣхъ утомительны, а Новицкій всякой разъ терялъ голосъ. Положеніе его было невыносимо, онъ попросилъ кн. Яшвиля о переводѣ на Кавказъ и, 1826 года 16-го декабря, былъ назначенъ на службу въ кавказскую гренадерскую артиллерійскую бригаду.

Разставаясь съ Новицкимъ, Самойловъ заключилъ его въ свои

объятія и назвалъ поведеніе его, въ отношеніи семейства его предмѣстника, высоко-нравственнымъ и благороднымъ; Фроловъ же, много лѣтъ спустя, въ званіи уже генерала, встрѣтясь съ Новицкимъ, сказалъ ему, что письмо его къ нему, когда онъ былъ арестованъ въ Петропавловской крѣпости, благодѣтельно повліяло на его судьбу. Великій князь Михаилъ Павловичъ, прочитавъ это письмо, сказалъ: «если Новицкій такъ твердо и благородно ограждалъ интересы и семью подполковника Фролова, то послѣдній не можетъ быть въ числѣ обвиняемыхъ», и содѣйствовалъ его освобожденію.

II.

Въ Тифлисъ подпоручикъ Новицкій прибылъ 23-го марта 1827 года, и былъ радушно принятъ въ новой семьѣ артиллеристовъ; но замѣтилъ смущеніе офицеровъ и самъ былъ удивленъ разсказами объ удаленіи Ермолова съ Кавказа, къ которому онъ, еще въ артиллерійскомъ училищѣ, привязался душою и сердцемъ, восхищался его умомъ и заслугами въ отечественную войну и на Кавказѣ, и мечталъ о великой чести служить подъ его начальствомъ. Въ Тифлисѣ тогда много говорили, какъ Дибичъ, объявляя высочайшее повелѣніе Ермолову объ удаленіи его съ Кавказа, со слезами просилъ Алексѣя Петровича не отдавать прощальнаго приказа войскамъ, и что въ то время, когда Дибичъ утиралъ свои глаза, Ермоловъ ему сказалъ:

— «Не плачьте, Иванъ Ивановичъ, я васъ понимаю, ваши слезы—слезы крокодила».

Тогда же измѣненъ планъ войны съ персіянами, составленный Ермоловымъ, на другой, составленный при участіи Дибича, противъ котораго оскорбленный Алексѣй Петровичъ не желалъ возражать, хотя и не одобрялъ.

Новицкаго назначили въ 3-ю легкую гренадерскую роту (нынѣ батарея) подполковника Аристова, въ составъ авангарда А. Х. Бенкендорфа; батарейный командиръ и офицеры приняли его не совсѣмъ дружелюбно: они также не могли мириться съ тѣмъ, что онъ получилъ чинъ подпоручика за успѣхи въ наукахъ и обошелъ многихъ другихъ старшинствомъ по службѣ.

Войска начали походъ. Дибичъ осматривалъ ихъ на маршѣ. 5-го апрѣля дошла очередь до авангарда, сосредоточеннаго у Джигай-оглу. Пѣхота и кавалерія заняли свои мѣста на смотровомъ полѣ, артиллерія три часа дѣлала запряжку; лошади ремонта, только что приведенныя со степей, въ первый разъ видятъ упряжь и орудія. Каждаго степ-

наго аргамака подводили для запряжки къ орудію нѣсколько человѣкъ; лошади тряслись, били, но кое-какъ были запряжены и орудія одно за другимъ введены въ линію. Дибичъ со свитою подъѣхалъ къ авангарду, занялъ мѣсто въ сторонѣ дороги и приказалъ отряду проходить мимо него, повзводно вытягиваться на дорогу и продолжать маршъ. Пѣхота и кавалерія съ ихъ обозами прошли спокойно. Дошла очередь до роты, въ которой шестымъ взводомъ командовалъ Новицкій. 1-й взводъ, не смотря на команду: «шагомъ», понесся въ карьеръ, орудія и ящики разсѣялись въ разныя стороны, врѣзались въ пѣхоту и опрокидывались. Пѣхотѣ приказано было остановиться, составить ружья, поднимать пушки и ящики, ловить передки; прочіе взводы батареи были задержаны на все время пока первый взводъ приводился къ устройству. Новицкій, видѣвши эту картину и соображая, что то же послѣдуетъ и съ другими взводами, такъ какъ батареѣ во всю зиму не было сдѣлано ни одного ученья, приказалъ прислугѣ 6-го взвода спѣшиться, набросить на лошадей недоуздки и сдерживать ихъ подъ-уздцы и на недоуздкахъ, а самъ началъ командовать взводу, заставляя его дѣлать различныя движенія по полю. Почва была растворена, колеса глубоко врѣзывались въ землю, лошади утомились, пошли покойно; затѣмъ прислуга отведена прочь, управленіе лошадьми перешло къ ѣздовымъ. Пользуясь такимъ смиреніемъ лошадей, Новицкій здѣсь же, въ первый разъ, показалъ прислугѣ какъ дѣлать отъѣзды, подъѣзды, снимать и надѣвать на передки, что́, до того времени, въ батареѣ вовсе не было практиковано. Введя послѣ этого взводъ на мѣсто, онъ имѣлъ случай слышать разговоръ свиты Дибича и слова, сказанныя имъ Бенкендорфу:

— «Вотъ вамъ и чудесныя войска Алексѣя Петровича, всѣми расхваливаемыя! Какого успѣха можно ожидать отъ подобной артиллеріи!»

Подозвавъ прежде того начальника штаба авангарда, полковника Гурко, Дибичъ приказалъ поучить батарею снимать и надѣвать на передки. Гурко, продѣлавъ отъѣзды и подъѣзды съ пятью взводами, подъѣхалъ къ шестому. Новицкій, встрѣтя его, спросилъ: что угодно ему приказать? Дибичъ, услышавъ это и видя на Новицкомъ конно-артиллерійскую форму, обратился къ Бенкендорфу со словами:

— «Ручаюсь вамъ, что этотъ офицеръ не здѣшній»,—и подъѣхавъ къ Новицкому, сказалъ: «ну, покажите намъ какъ русскіе артиллеристы снимаютъ и надѣваютъ на передки».

Новицкій скомандовалъ и взводъ выполнилъ весьма удовлетворительно отъѣзды и подъѣзды со сниманіемъ и надѣваніемъ на передки.

— «Благодарю васъ, г. офицеръ», и—обратясь къ Бенкендорфу, про-

докладъ: «поручите этому офицеру вашу артиллерію и пока вы дойдете до Эчміадзина, онъ хоть сколько нибудь поставитъ ее на ногу».

Персидская и турецкая войны 1827—1829 гг. въ Азіи дали подпоручику Новицкому случай выдвинуться впередъ и составили ему репутацію офицера свѣдущаго, смѣтливаго, храбраго, способнаго и разумно-распорядительнаго. Не останавливаясь на этихъ войнахъ, скажемъ, что Новицкому, въ обѣ войны, пришлось, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, болѣе 50-ти разъ участвовать въ сраженіяхъ и быть въ огнѣ, часто отличаться на глазахъ высшихъ начальниковъ и удостоиться двѣнадцати наградъ: Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость», Анны 2-й ст. съ бантомъ (нынѣшніе мечи), Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, золотой шпаги, двухъ годовыхъ окладовъ жалованья, чиновъ поручичьяго и штабсъ-капитанскаго, и трехъ монаршихъ благоволеній.

Съ чина поручика на Новицкаго уже возлагались довольно важныя порученія. 1828 года, въ сентябрѣ, фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему привести въ оборонительное состояніе крѣпость Ардаганъ и устроить въ ней помѣщеніе для гарнизона и лазаретовъ. Порученіе было выполнено хорошо и Новицкій получилъ благодарность въ приказѣ войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Въ распоряженія графа Паскевича послѣ турецкой войны 1828—1829 годовъ, входили: переселеніе Дунайскаго казачьяго войска, составившагося изъ запорожцевъ, перешедшихъ въ Россію подъ начальствомъ Гладкова въ 1828 году изъ Турціи, на лѣвый берегъ Кубани, на земли въ треугольникѣ между крѣпостью Анапа, Ольгинскимъ укрѣпленіемъ на лѣвомъ берегу Кубани и Геленджикскою бухтою; открытіе связи восточнаго Черноморскаго побережья съ долиною Кубани посредствомъ военныхъ экспедицій и нѣсколькихъ переваловъ чрезъ Кавказскій хребетъ горъ, на всемъ его протяженіи отъ Анапы до верховьевъ Кубани, и покореніе черкесскихъ племенъ, населявшихъ сѣверные и южные склоны того же хребта.

Исполненію таковыхъ предположеній должны были предшествовать рекогносцировки страны, собраніе возможно полныхъ и точныхъ историческихъ, этнографическихъ, статистическихъ и топографическихъ данныхъ и подготовка всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя должны были лечь въ основаніе при построеніи общаго плана. Отъ исполнителя, кромѣ знаній, требовались: неутомимость, смѣлость, высокая добросовѣстность и значительная опытность. При кавказскомъ штабѣ было нѣсколько старыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, но Паскевичъ выбралъ поручика Новицкаго. Въ данной ему, по этому случаю, инструкціи требовалось: сдѣлать общее обозрѣніе края, населеннаго натухайцами,

бесленеевцами и проч., т. е. обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта на всемъ протяженіи отъ истоковъ Кубани до Анапы; собрать свѣдѣнія о народахъ и составить маршруты путямъ, пролегающимъ вдоль и поперегъ хребта; составить карту страны; избрать мѣста въ окрестностяхъ крѣпости Анапы для учрежденія станицъ, и указать способы защиты отъ горцевъ; сдѣлать заключенія о выгодахъ и неудобствахъ поселенія; сдѣлать выводъ о томъ—дѣйствительны ли были мѣры, употреблявшіяся, со времени устройства Кубанской линіи[1]), для усмиренія горцевъ, и какія произошли отъ того послѣдствія, чтобъ, соображаясь съ ними, пріискать вѣрнѣйшее средство для прочнаго умиротворенія края. Задача, какъ всякій, по содержанію приведенной программы, можетъ судить, была весьма не легкая.

Ранней весною 1830 года, Новицкій выѣхалъ въ крѣпость Анапу и тамъ приступилъ къ собиранію свѣдѣній о горцахъ. Еще въ бытность его въ Екатеринодарѣ, онъ узналъ отъ горцевъ, живущихъ въ Черноморіи, въ Гривиномъ аулѣ, что проѣхать чрезъ земли непокорныхъ горцевъ можно только подъ покровительствомъ немирныхъ черкесовъ, и при томъ такихъ, которые были бы открытыми врагами Россіи и пользовались народнымъ уваженіемъ мирныхъ и немирныхъ горцевъ. Тѣ же самые черкесы Гривина аула, переселившіеся въ Черноморію еще въ царствованіе Екатерины II, послѣ Бзіокской битвы въ 1793 году, указали ему, что единственныя личности, могшія провести его по землямъ непріязненныхъ горцевъ, были Аббаты и Шеретлуки, принадлежавшіе къ враждебнымъ племенамъ адиге и абадзе. Въ продолженіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1829 года, Новицкій готовился къ предстоящей поѣздкѣ. Ему было необходимо испросить разрѣшеніе у фельдмаршала и получить отъ него средства для этого путешествія. Фельдмаршалъ, на его секретное письмо, отвѣтилъ словомъ «спасибо»; но предвидя предстоявшую ему опасность, отказался отъ офиціальнаго разрѣшенія, предоставивъ исполненіе предпріятія на его волю. Тысяча рублей ассигнаціями и нѣсколько часовъ, съ азіатскимъ циферблатомъ, были Новицкому высланы для подарковъ тѣмъ лицамъ, которыя возьмутся провести его по указаннымъ имъ мѣстностямъ. Разспрашивая у мирныхъ горцевъ, пріѣзжавшихъ для торговли въ Анапу, о томъ, кто между ними самые знаменитые наѣздники и враги кавказской линіи, онъ узналъ, что это были тѣ же самыя личности, о

---

[1]) Кубанская линія устроена А. В. Суворовымъ въ 1778 году. Подробности устройства и вооруженія линіи можно видѣть въ «Историческомъ Обзорѣ дѣятельности гр. Румянцева-Задунайскаго, кн. Прозоровскаго, Суворова и Бринка въ 1775—1780 годы». Соч. П. Саковича, напечатаннаго въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 года, А. И. Кошелева. П. С.

которыхъ Новицкому говорили и черкесы Гривина аула, именно Аббаты-Бесленей и Убыхъ и Шеретлукъ-Пшемафъ.

— «Могу-ли увидѣть этихъ удальцовъ?—спросилъ Новицкій своихъ собесѣдниковъ,—дорого бы я заплатилъ, чтобъ видѣть этихъ головорѣзовъ!»

Черкесъ, къ которому онъ обратился съ этимъ вопросомъ, улыбнулся и сказалъ: «Не знаю; можно попробовать пригласить ихъ на свиданіе съ тобою; но такъ какъ головы Аббаты оцѣнены вашимъ начальствомъ кавказской линіи, то я не ручаюсь, чтобы они рѣшились пріѣхать въ крѣпость. Впрочемъ, попробую и дамъ тебѣ знать чрезъ недѣлю».

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Новицкій доброй вѣсточки. Спустя недѣлю, явился къ нему посланецъ съ извѣстіемъ, что Аббаты пріѣхали и ожидаютъ его въ двухъ верстахъ отъ Анапы; если онъ, Новицкій, желаетъ видѣть ихъ, то долженъ прибыть къ нимъ безъ конвоя. Чрезъ нѣсколько минутъ Новицкій былъ готовъ и, взявъ переводчика, съ проводникомъ, котораго прислали Аббаты, отправился къ мѣсту свиданія. При его приближеніи, Аббаты, лежавшіе на буркахъ въ полѣ, поднялись, а съ ними поднялось и до 500 вооруженныхъ черкесовъ. Соскочивъ съ лошади, Новицкій смѣло подошелъ къ Аббаты-Бесленею, какъ старѣйшему, и подалъ ему руку. Бесленей, взявъ ее, обратился къ своимъ спутникамъ со словами:

— «Богъ послалъ намъ кладъ, и мы, ничѣмъ не рискуя, получимъ за него хорошій выкупъ».

Не смущаясь загадочнымъ привѣтомъ Аббаты-Бесленея, Новицкій отвѣчалъ: «Я—свободный путешественникъ, безъ роду и племени—ничего не имѣю для своего выкупа, но, путешествуя для любопытства, хочу познакомиться съ бытомъ удалыхъ черкесовъ и съ ихъ лучшими наѣздниками».

Аббаты - Бесленей улыбнулся, приказалъ разостлать бурку и пригласилъ Новицкаго, по горскому обычаю, прилечь вмѣстѣ съ нимъ. Онъ удивлялся разспросамъ мнимаго путешественника,—разспросамъ, имѣвшимъ характеръ неограниченнаго любопытства, и принялъ его, дѣйствительно, за простаго путешественника. Бесленей очень обрадовался, когда Новицкій, окончивъ свои разспросы, попросилъ его принять отъ себя часы, въ знакъ дружбы или куначества, и удивился, когда Георгій Васильевичъ предложилъ прислать ему въ подарокъ вещи, нужныя для его семейства.

— «Если ты не вѣришь, Бесленей,—сказалъ Новицкій,—что въ крѣпости ты будешь безопасенъ, то пришли ко мнѣ своего посланца со спискомъ вещей, нужныхъ для женской половины».

Затѣмъ Новицкій распростился съ своими новыми знакомыми и сѣлъ на коня, чтобъ возвратиться въ крѣпость. Тогда Бесленей подошелъ къ нему, взялъ его руку и сказалъ:

— «Благодарю тебя за довѣріе ко мнѣ; ты повѣрилъ моему слову и пріѣхалъ безъ прикрытія, — такой поступокъ я цѣню очень высоко».—Съ этими словами, они разстались. (Разумѣется, бесѣда Новицкаго съ Бесленеемъ происходила при помощи переводчика).

Въ крѣпости Новицкій не долго ожидалъ посланца; тотъ явился на третій день. Угостивъ его чаемъ, Георгій Васильевичъ повелъ его въ бывшія въ то время въ Анапѣ армянскія лавки. Посланецъ набралъ множество бездѣлушекъ, за которыя Новицкій заплатилъ 50 рублей ассигнаціями, сказавъ, чтобы Бесленей всегда, безъ церемоній, обращался къ нему, если понадобится еще что нибудь изъ предметовъ, находившихся въ лавкѣ.

Изучивъ предварительно обычаи черкесовъ, Новицкій зналъ, что, передавая постепенно подарки Бесленею, дождется наконецъ того момента, когда благодарный черкесъ, въ свою очередь, пожелаетъ услужить ему. На это обстоятельство онъ возлагалъ всѣ свои надежды. И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ явился снова Бесленей, расположился съ своими оруженосцами въ двухъ верстахъ отъ Анапы, и далъ знать Новицкому о своемъ желаніи видѣться съ нимъ. Безъ отлагательства, Новицкій, съ однимъ переводчикомъ, отправился на свиданіе съ Аббаты, и по прежнему они улеглись на буркѣ, но на этотъ разъ въ отдаленіи отъ оруженосцевъ, такъ чтобъ бесѣда ихъ никѣмъ не была бы слышна. Бесленей началъ изъявлять Новицкому свою благодарность въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ и наконецъ сказалъ:

— «Ты непонятный для меня человѣкъ, но въ высшей степени гостепріимный! Обычай гостепріимства высоко цѣнится у насъ, и я, свято сохраняя его, спрашиваю тебя: чѣмъ могу услужить тебѣ за всѣ твои одолженія? Требуй отъ меня чего хочешь, я ни въ чемъ не откажу тебѣ!»

Съ тревожною душой, Новицкій отвѣчалъ:—«Я въ восторгѣ отъ разсказовъ твоихъ объ удальствѣ адиге и абадзе, и потому желалъ бы видѣть ихъ патріархальный бытъ. Прошу тебя, Бесленей, доставь мнѣ удовольствіе видѣть лично жилища ваши, обычаи ваши,—и потому проводи меня по вашимъ землямъ».

— «Ахъ! вижу теперь,—воскликнулъ Бесленей,—я старый дуракъ, обманутый тобою! Ты—русскій офицеръ, и слѣдовательно, лазутчикъ; но я далъ тебѣ слово исполнить твою просьбу и сдержу его. Только знаешь-ли, во что̀ мнѣ можетъ обойтись исполненіе твоей

просьбы?—Самое меньшее—жизни! Да, притомъ, Боже сохрани, если насъ поймаютъ! Тебя живаго разрѣжутъ на куски и выбросятъ на съѣденіе собакамъ. Но, повторяю, я далъ тебѣ слово, и оно будетъ для меня свято».

Предъ своимъ удаленіемъ, Аббаты сказалъ: «Твоими проводниками будутъ: мой братъ, Аббаты-Убыхъ, и Шеретлукъ-Пшемафъ».

Новицкій, съ своей стороны, сказалъ, что возьметъ съ собою одного только проводника. Затѣмъ они условились о днѣ выѣзда въ горы и разстались.

Чтобы обмануть горцевъ относительно этого дня, Новицкій, чрезъ довѣреннаго посланца, условился съ Аббаты предпринять путешествіе не изъ крѣпости Анапы, а изъ Бугаскаго карантина, существовавшаго въ то время на правомъ берегу Кубани, при ея устьѣ. Имѣя у себя бланки фельдмаршала за его подписью, Новицкій предложилъ коменданту, по своемъ удаленіи изъ Анапы въ Бугаскій карантинъ, прекратить сообщеніе крѣпости съ мирными черкесами на пятнадцать дней, а самъ, подъ прикрытіемъ отряда, пройдя сорокаверстное разстояніе отъ крѣпости до устья Кубани, расположился въ Бугаскомъ карантинѣ, съ цѣлію увѣрить жителей Анапы, что онъ, по выдержаніи опредѣленнаго карантиннаго срока, отправится оттуда въ Екатеринодаръ. Комендантъ и всѣ живущіе въ крѣпости повѣрили, что Новицкій уѣхалъ въ Екатеринодаръ, по своему назначенію.

Въ условленный день, Аббаты-Убыхъ, съ своими оруженосцами, ночью, прибылъ къ устью Кубани и условленнымъ свисткомъ далъ знать, что ожидаетъ Новицкаго. Во время пребыванія Новицкаго въ карантинѣ, днемъ и ночью онъ позволялъ себѣ гулять на лодкѣ по кубанскому лиману, который, какъ извѣстно, прилегаетъ къ Джеместейской косѣ; поэтому каратинной стражѣ и въ голову не могло придти, чтобы Новицкій, прогуливаясь по обыкновенію съ переводчикомъ на лодкѣ, не могъ возвратиться въ карантинъ, а между тѣмъ это случилось. Повторенный свистокъ Аббаты привлекъ Новицкаго, съ его проводникомъ, къ условленному мѣсту. Лодка была отодвинута отъ берега на произволъ стихіи, а онъ съ переводчикомъ, сѣвъ на приведенныхъ Аббаты верховыхъ лошадей, пустился въ путь. Надобно прибавить, что, приготовляясь къ поѣздкѣ въ горы, Новицкій заблаговременно, какъ бы въ угоду черкесамъ, выбрилъ голову, отпустилъ бороду и одѣлся по-черкесски. Одинъ изъ замѣчательныхъ горскихъ обычаевъ—при почетномъ гостѣ не бесѣдовать съ его прислугою—обезпечивалъ нѣкоторымъ образомъ его безопасность. Во время поѣздки Новицкій выдавалъ себя за прислугу Аббаты-Убыха и безотлучно на-

ходился при немъ. Если случалось быть въ обществѣ незнакомыхъ горцевъ и въ мѣстахъ, опасныхъ для самого Аббаты-Убыха, Новицкій называлъ себя его плѣнникомъ. Не зная хорошо языка горскихъ племенъ, онъ изучилъ выговоръ только необходимыхъ при встрѣчѣ съ горцами словъ. Новицкому предстояло большое затрудненіе выбраться изъ окрестностей Анапы, изъ которой онъ, подъ прикрытіемъ отряда, дѣлалъ экскурсіи по направленію Суджукъ-кале, и вообще по мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Шехурейкъ» (круглая земля); но, благодаря Аббаты-Убыху, они проскользнули чрезъ обѣ цѣпи, не безъ спора, впрочемъ, съ сторожевыми черкесами, лежавшими при пылавшихъ кострахъ. Ихъ путь лежалъ по направленію къ перевалу Пчеволезъ, не доѣзжая котораго они повернули по Баканскому или Атакумскому ущелью.

Первый отдыхъ Новицкаго былъ у колодца «Богаго», что въ переводѣ означаетъ «колодезь слезъ». Первый переѣздъ былъ громаденъ: болѣе восьмидесяти верстъ они сдѣлали въ продолженіе ночи, до восьми часовъ утра, по знакомымъ Новицкому мѣстностямъ, которыя были нанесены на карту еще во время его движенія изъ Анапы, подъ прикрытіемъ отряда. Къ полудню они прибыли на рѣчку Абинъ, въ аулъ Аббаты-Убыха, гдѣ Новицкій отдохнулъ, находясь подъ кровлею кунака, внѣ всякой опасности. Послѣ отдыха, въ день его пріѣзда и на другой день, Новицкій осмотрѣлъ: 1) Тоюпсукуе или «Семигорье», прилегающее къ Суджукъ-кальской бухтѣ; 2) перевалъ изъ Абина въ Дохъ, или сторону противоположную Суджукъ-кальской бухтѣ; перевалъ изъ Абина же къ Геленджикской бухтѣ. На третій день они пустились въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ, извѣстной подъ названіемъ «Гадеготляхъ», что въ переводѣ означаетъ «мертвое тѣло». Эта дорога, въ связи съ «колодцемъ слезъ», пробуждаетъ въ воображеніи черкесовъ цѣлую легенду о давнишней борьбѣ общества кабардей съ крымскими ханами; но здѣсь не мѣсто разсказывать легенду.

Не вдаваясь въ подробности каждодневныхъ переѣздовъ Новицкаго, описаніе которыхъ заняло бы много мѣста, скажу только, что его путь продолжался по предгорьямъ, болѣе и менѣе параллельнымъ главному хребту, и онъ совершилъ его въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ въ продолженіе тринадцати дней, осмотрѣвъ перевалы по рѣкамъ Убину и Псекупсу чрезъ главный хребетъ къ Черному морю. Эти двѣ линіи, вмѣстѣ съ Абинскою, входили въ его соображенія при изложеніи мѣръ къ покоренію горцевъ. При проѣздѣ Аббаты-Убыха до рѣки Лабы и до аула бесленеевскаго узденя и аталыка (воспитателя) Хозретокора-Адемія—Новицкій подвергался большой опасности въ двухъ мѣстахъ,

а именно на рѣкахъ Шепшѣ и Пшишѣ. На первой, въ то время, устраивалось наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска генералъ-маіоромъ Безкровнымъ—Шепское укрѣпленіе. Новицкому предстояло проѣхать между огромною толпою горцевъ, окружавшихъ это мѣсто и сражавшихся съ черноморцами. Аббаты-Убыхъ и Шеретлукъ-Пшемафъ, вынувъ изъ чехловъ ружья, начали стрѣлять по направленію къ Шепскому укрѣпленію; Новицкій, переводчикъ и остальные, по примѣру ихъ, также сдѣлали по нѣскольку выстрѣловъ въ томъ же направленіи, съ цѣлію устранить всякое подозрѣніе къ нашимъ проводникамъ. На рѣкѣ Пшишѣ случилось другое происшествіе, за которое Новицкій поплатился бы дорого, если бы не былъ смѣтливъ и рѣшителенъ его знаменитый проводникъ Аббаты-Убыхъ. Надобно замѣтить, что, при проѣздѣ по мѣстамъ, неопаснымъ для проводниковъ, они пользовались гостепріимствомъ горцевъ. Желая получить ночлегъ, они обыкновенно подъѣзжали къ саклѣ по выбору проводниковъ, вызывали хозяина или, за отсутствіемъ его, хозяйку, и просили пріюта. Встрѣчавшія ихъ лица, выслушавъ ихъ желаніе, тотчасъ возвращались и выводили прислужниковъ по числу пріѣхавшихъ гостей. Каждый изъ нихъ подходилъ къ стремени одного изъ гостей и принималъ отъ него лошадь, а они, отдавъ коней, слѣдовали за хозяиномъ въ кунакскіе пріюты. Гостепріимные хозяева, вымывъ у старшихъ ноги и вообще давъ имъ совершить «намазъ», умовеніе, занимаются бесѣдой съ своими гостями, разумѣется, со старшими, потому что, по ихъ обычаю, обращаться къ прислугѣ при старшихъ и разговаривать съ нею значило бы оскорбить этимъ почетнаго гостя, что считается преступленіемъ. Во время такого гостепріимства на рѣкѣ Пшишѣ, Новицкій, представляя изъ себя прислугу Аббаты, въ продолженіе намаза, дѣлаемаго Аббаты-Убыхомъ и Шеретлукомъ-Пшемафомъ, и въ продолженіе ихъ бесѣды и угощенія хозяиномъ, пріютился, по черкесскому обычаю, въ уголкѣ кунакской на корточкахъ и, изнуренный предшествовавшимъ путешествіемъ, вздремнулъ и выдвинулъ изъ-подъ себя ногу. Хотя она была обута въ чевякъ, но выпуклость изгиба большаго пальца свидѣтельствовала, что она испорчена сапогомъ. Замѣтивъ это, хозяинъ обратился къ почетному гостю со словами:

— «Убыхъ! твой служитель не черкесъ: у него нога испорчена сапогомъ».

Новицкій проснулся, услышавъ возвышенный голосъ Убыха: «Ну да, онъ не черкесъ: онъ мой плѣнникъ, а можетъ быть, и гость».

Потомъ, вынувъ изъ кармана коранъ, онъ продолжалъ: «Но при-

сягни на коранѣ, что ты никому не скажешь о своемъ замѣчаніи». Хозяинъ присягнулъ.

— «Если же,—продолжалъ Убыхъ,—ты меня обманешь, то ты знаешь Аббаты: прежде ты со всею семьею погибнешь, нежели коснешься моего плѣнника». Въ отвѣтъ на эти грозныя слова, минутъ чрезъ пять, хозяинъ привелъ стройнаго молодаго человѣка и сказалъ: «У меня одинъ сынъ—вотъ онъ на лицо предъ тобой; онъ присоединится къ вамъ въ путешествіе до назначеннаго тобою мѣста, и если-бы я вздумалъ измѣнить тебѣ, то разрѣшаю тебѣ убить его».

Съ ихъ выѣздомъ отъ поразившаго Новицкаго своимъ гостепріимствомъ черкеса, послѣдовалъ за ними и его сынъ. Онъ постоянно ѣхалъ впереди Убыха, какъ-бы представляя собою цѣль для оружія того человѣка, которому онъ былъ отданъ какъ заложникъ въ сохраненіи тайны.

Въ первыхъ числахъ іюля, Новицкій былъ на рѣкѣ Лабѣ, у гостепріимнаго Бесленеева аталыка Хозретокора-Адемія. Здѣсь Новицкій былъ представленъ этому почтенному старцу, какъ почетный гость,—какъ русскій офицеръ. Хозяинъ былъ, въ полномъ смыслѣ, мирнымъ горцемъ; онъ часто ѣздилъ въ Ставрополь къ командующему войсками и былъ тамъ принимаемъ съ уваженіемъ и почетомъ. Между Аббаты и Хозретокоромъ-Адеміемъ не существовало тайнъ, и потому Новицкій былъ принятъ и обласканъ, какъ нельзя болѣе. Обѣдъ, предложенный ему, состоялъ изъ множества блюдъ; а болѣе всего обрадовалъ Новицкаго чай, котораго онъ не видалъ въ продолженіе всего его странствованія. Здѣсь только Новицкій узналъ, что Бесленей, простившійся съ нимъ на рѣкѣ Абинѣ, слѣдовалъ за нимъ по Закубанью почти параллельно съ его путемъ. Ему сопутствовали нѣсколько наѣздниковъ, отличавшихся своимъ удальствомъ. Они всегда знали, когда и на какой рѣкѣ Новицкій находился и гдѣ имѣлъ ночлегъ, и это дѣлалось на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ какой нибудь опасности, ему угрожавшей, Бесленей съ своими удальцами могъ явиться на помощь.

День у Хозретокора-Адемія былъ проведенъ Новицкимъ съ пользой. Онъ успѣлъ привести въ порядокъ свои путевыя записки и соображалъ какое направленіе принять въ остальномъ путешествіи до истоковъ Кубани. По истокамъ рѣкъ Лабы, Урупа, Большаго и Малаго Зеленчуковъ нельзя было и думать подниматься, потому что протяженія по нимъ до главнаго хребта были громадны и населены обществами, незнакомыми его проводникамъ; а между тѣмъ Новицкаго безпокоило тревожное предчувствіе, какъ бы шапсуги не хватились за отсутствіе Аббаты и не открыли тайнаго предпріятія. Насталъ ве-

черъ, и всѣ, расположившись по роскошнымъ азіатскимъ диванамъ, придумывали: какъ лучше привести дѣло къ концу. Часовъ въ десять вечера, хозяинъ, замѣтивъ у всѣхъ наклонность ко сну, удалился, пожелавъ имъ добраго сна, и дверь за нимъ изнутри была заперта. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ послышался легкій стукъ въ дверь. Тотчасъ задвижка была отодвинута и вошелъ хозяинъ. Нельзя было не замѣтить тревоги въ его глазахъ; онъ сказалъ полушопотомъ:

— «Вставайте и одѣвайтесь! но не въ вашу одежду, а въ принесенную сюда моимъ сыномъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ кунакскую вошелъ старшій сынъ Хозретокора-Адемія и принесъ съ собою, по числу гостей, черкески, бурки, ноговицы и шапки совсѣмъ другаго цвѣта, нежели какой имѣла ихъ одежда. Хозяинъ продолжалъ:

— «Триста конныхъ шапсуговъ, часъ тому назадъ, прибыли въ мои аулы на изнуренныхъ лошадяхъ. Изъ ихъ разспросовъ я узналъ, что они ищутъ васъ, и, слѣдуя по вашей дорогѣ, знаютъ, какой масти ваши лошади и какого цвѣта ваша одежда. Я не могъ сказать, что вы у меня не были, и потому отвѣчалъ: «Лица, которыхъ вы ищите, были у меня; я ихъ накормилъ, напоилъ и вчерашній день, подъ вечеръ, проводилъ по направленію къ Темышбекской станицѣ. Видя усталость шапсуговъ и изнуреніе ихъ лошадей, я, по обычаю гостепріимства, также предложилъ имъ отдохнуть у себя, подкрѣпиться пищею, накормить лошадей, и, собравшись со свѣжими силами, раздѣлиться по направленію къ станицамъ, виднѣвшимся на правомъ берегу Кубани, увѣривъ ихъ, что они, безъ сомнѣнія, догонятъ васъ».

Невольно сгрустнулось Новицкому. «Неужели,—думалъ онъ,—не удастся мнѣ укрыться отъ преслѣдующей меня погони и исполнить данное мнѣ порученіе!»

Новицкій съ своими проводниками скоро одѣлись въ новыя, приготовленныя для нихъ платья. Старшій сынъ хозяина не захотѣлъ отстать отъ нихъ.

— «Я,—сказалъ онъ,—знаю всѣ пути отсюда къ Кубанской кордонной линіи, назначьте мнѣ станицу по вашему произволу, и я съумѣю проводить васъ туда безъ всякой опасности».

Поблагодаривъ искренно хозяина за его радушіе и готовность помочь имъ въ бѣдѣ, Новицкій съ своими проводниками, сѣвъ на приготовленныхъ имъ Адеміемъ новыхъ лошадей, совершенно другой масти, нежели какой были ихъ прежнія, въ потемкахъ, двинулись въ путь, гуськомъ по тропинкѣ, избранной ихъ новымъ проводни-

комъ. Эта тропинка, въ короткое время, привела ихъ къ ручью, русло котораго было плоско и наполнено мелкими камушками.

— «Мы не должны оставлять за собою «сакмы» (слѣдъ отъ лошадиныхъ копытъ),—сказалъ ихъ проводникъ,—«слѣдъ, оставленный нами на короткой тропинкѣ, будетъ изглаженъ по приказанію отца; теперь же, я проведу васъ версты двѣ по дну этого ручья, и сакма не будетъ открыта шапсугами».

Новицкій однако требовалъ держаться верховьевъ рѣкъ Урупа и Зеленчуковъ, и тѣхъ именно мѣстъ, которыя были покрыты лѣсомъ, чтобъ имъ, въ случаѣ опасности, легче можно было бы скрыться отъ шапсуговъ. Послѣдній ночлегъ Новицкаго и его проводниковъ состоялся на рѣчкѣ Маломъ Зеленчукѣ. Оттуда они проѣхали къ каменному мосту на верховьяхъ Кубани и направились прямо на Баталпашинскую станицу, куда и прибыли въ четыре часа по полудни.

При приближеніи Новицкаго съ его черкесами къ Кубани, замѣтно было движеніе казаковъ между вышками. Послѣ переправы черезъ рѣку, Новицкому представилось занимательное зрѣлище. Его проводники попросили у него позволеніе совершить намазъ. Маленькою бусолью, бывшей при немъ, Новицкій показалъ направленіе юга, къ которому они обыкновенно обращаются въ молитвахъ. Бросившись на свои бурки, черкесы начали усердно молиться, и молились съ полчаса. Окончивъ молитву, они, по очереди, подходили къ Новицкому и, прижимая его къ своей груди, говорили:—«До сихъ поръ, ты былъ намъ гость, а теперь мы твои гости!» Новицкій не могъ не замѣтить слезъ на глазахъ своихъ спутниковъ,—ихъ тяготило предчувствіе какого-то горя, которое скоро и сбылось.

Подъѣхавъ къ Кубани, Новицкій обратился къ казакамъ, собравшимся около него на берегу рѣки, и спросилъ хоперцевъ:

— «Дома ли полковой командиръ?»

— А тебѣ, что за дѣло? отвѣчали казаки.

— «Я—русскій офицеръ,—продолжалъ Новицкій.—Мнѣ надобно видѣть вашего полковаго командира».

— «Какой онъ офицеръ!—сказала одна изъ находившихся тутъ казачекъ,—вѣрно онъ бѣглый солдатъ, и привелъ черкесовъ, чтобъ высмотрѣть, какъ лучше напасть на нашу станицу. Что вы стоите, розиня ротъ? Бейте его, да и этихъ басурмановъ! Развѣ вы не видите, что на лицѣ этого самозванца-офицера шкура линяетъ!» И съ этими словами казачка бросила въ Новицкаго камень.

Одинъ изъ казаковъ, удержавъ бабъ отъ воинственныхъ подвиговъ, сказалъ: «Да что же вы, съ ума развѣ спятили! Вѣдь онъ хо-

четъ видѣться съ нашимъ полковымъ командиромъ! Онъ-то лучше насъ знаетъ, что̀ дѣлать съ этими господами».

Новицкому немного было стыдно, что казаки такъ нерадушно встрѣтили его гостей. Замѣчаніе же казачки относительно его лица было вполнѣ справедливо: отъ вѣтра, въ продолженіе тринадцатидневнаго странствованія, съ лица Новицкаго, въ самомъ дѣлѣ, сходила кожа; отсюда естественно ей было заключить, что онъ бѣглый солдатъ.

Пріѣхавъ къ полковому командиру, Конивальскому, Новицкій быстро вбѣжалъ въ его домъ, гдѣ засталъ гостей. Многіе изъ нихъ были ему коротко знакомы, но ни одинъ не узналъ его. Только полковникъ Конивальскій узналъ его по голосу, и все пошло своимъ чередомъ.

Лошади ихъ были приняты казаками, а имъ самимъ предложили нѣсколько комнатъ въ домѣ полковаго командира.

Разспросамъ не было конца; кромѣ фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, никто не зналъ о его пребываніи въ горахъ. Новицкій имѣлъ возможность успокоить нѣсколько своихъ проводниковъ, боявшихся оскорбленій отъ казаковъ, и самъ хозяинъ успокоилъ ихъ, обѣщаясь на-завтра сопровождать ихъ въ Пятигорскъ, гдѣ находился со своимъ штабомъ фельдмаршалъ.

6-го іюля они приблизились къ Кисловодску и прямо направились къ Нарзану. Толпа посѣтителей, окружавшая знаменитый колодезь, при ихъ приближеніи къ источнику, съ намѣреніемъ напиться богатырской воды, разбѣжалась въ стороны, принявъ ихъ за немирныхъ горцевъ. Но находившійся здѣсь одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, коротко Новицкому знакомый, узналъ его и, бросившись, началъ обнимать. Тогда отхлынувшая толпа начала опять сбираться къ колодцу и, услыхавъ—кто онъ, осыпала его ласками и разспросами.

Новицкій не могъ здѣсь долго оставаться, и потому, сѣвъ на лошадей, въ сопровожденіи полковника Конивальскаго, они пустились въ Пятигорскъ. Тамъ снова ожидала его сцена, поразившая его спутниковъ-горцевъ. Приблизившись къ гостинницѣ, въ которой квартировалъ фельдмаршалъ, Новицкій остановился у параднаго входа. Оставивъ на улицѣ своихъ спутниковъ и передавъ свою лошадь одному изъ казаковъ, состоявшихъ при Конивальскомъ, самъ быстро взошелъ по лѣстницѣ въ залу, между двухъ часовыхъ, стоявшихъ у наружныхъ дверей. Новицкаго встрѣтилъ дежурный адъютантъ, гвардіи капитанъ Дикъ, хорошо и коротко ему знакомый. Взглянувъ на Новицкаго, на его жалкій, оборванный костюмъ, и видя его въ полномъ вооруженіи, Дикъ вскрикнулъ въ ужасѣ:

— «Часовые! ко мнѣ! Какъ вы смѣли пустить этого оборванца? Вытолкайте его отсюда вонъ!»

Часовые, безъ церемоніи, вышвырнули его на улицу.

Хотя Новицкому было стыдно предъ своими спутниками, но дѣлать было нечего. Новицкій попросилъ Конивальскаго провести его къ начальнику штаба, и онъ исполнилъ его просьбу, сопутствуя имъ до квартиры полковника **Гасфорта**. Здѣсь окончились его испытанія; имъ дана была квартира и казаки для присмотра за лошадьми.

Едва они успѣли расположиться въ отведенной имъ комнатѣ, какъ явился къ Новицкому дежурный адъютантъ генералъ-фельдмаршала, такъ неласково выпроводившій его изъ залы.

— «Извини, любезный Новицкій,—сказалъ онъ ему,—за мое негостепріимство; фельдмаршалъ наказалъ меня за тебя и въ заключеніе сказалъ: «Пойди, сейчасъ найди этого черкеса Новицкаго и приведи сюда!»

Придя съ Дикомъ къ фельдмаршалу, Новицкій засталъ у него генераловъ **Эммануэля** и **Панкратьева**. Взглянувъ на Новицкаго, графъ Паскевичъ расхохотался и произнесъ:

— «Какъ тебя Богъ пронесъ?» Затѣмъ, обратясь къ генераламъ, сказалъ: «Знакомы ли вы съ этою личностію?» Они, пожимая плечами, отвѣчали отрицательно, хотя, на самомъ дѣлѣ, коротко знали Новицкаго въ офицерскомъ костюмѣ.

— «Вотъ это служба славная, молодецкая! спасибо тебѣ за нее, любезный Новицкій»,—продолжалъ фельдмаршалъ: «о твоемъ подвигѣ будетъ знать Государь Императоръ».

Генералы ахнули отъ удивленія и осыпали его ласками.

Слухъ о проѣздѣ Новицкаго по землямъ непокорныхъ горцевъ быстро разнесся по Пятигорску. Ему нельзя было показаться на улицу безъ того, чтобы тотчасъ же его не окружили посѣтители минеральныхъ водъ обоихъ половъ.

На другой день онъ представилъ фельдмаршалу своихъ проводниковъ. Графъ осыпалъ ихъ ласками и подарками. Аббаты-Бесленею, хотя и не находившемуся при Новицкомъ, но, какъ главнѣйшему дѣятелю въ проводѣ Новицкаго чрезъ жилища непріязненныхъ горцевъ, даны были: подпоручичій чинъ, золотая медаль на шею, 2,000 р. сер., соболья шуба, много парчи и бархату для его семейства. Аббаты-Убыху и Шеретлуку-Пшемафу даны были прапорщичьи чины, золотыя медали, деньги и подарки наравнѣ съ Бесленеемъ. Два лица изъ прислуги тоже были награждены приличными ихъ званію подарками.

На третій день, фельдмаршалъ пригласилъ Новицкаго, съ его

проводниками, къ обѣденному столу. Музыка, гремѣвшая во время обѣда, привела въ восторгъ его горцевъ, а ласки дамъ, присутствовавшихъ при столѣ, окончательно очаровали ихъ. Спустя нѣсколько дней, данъ былъ фельдмаршаломъ балъ собственно для горцевъ. Въ восторгѣ отъ такого гостепріимства и привѣта фельдмаршала, они, со всею откровенностію, сказали Новицкому: «За все то, что мы испытываемъ здѣсь, миримся со всѣми несчастіями, которыя угрожаютъ намъ по нашемъ возвратѣ въ собственные аулы».

Дней десять оставались горцы въ Пятигорскѣ, подъ кровомъ гостепріимныхъ посѣтителей минеральныхъ водъ. Наконецъ, они просили у фельдмаршала позволенія возвратиться домой. Новицкій сопутствовалъ имъ до самой Кубани, и тамъ, со слезами, простился съ ними. Горцы сказали:

— «Приготовься, Новицкій, принять насъ навсегда подъ покровительство сердаря (такъ они называли фельдмаршала): мы увѣрены, что намъ нельзя будетъ долѣе оставаться въ нашихъ родныхъ аулахъ; одного просимъ у Бога и пророка его, чтобы онъ помогъ спасти наши семейства... Наше бѣгство будетъ направлено на Екатеринодаръ».

Едва Новицкій успѣлъ привести въ порядокъ свои путевыя записки и составить маршруты для предстоящихъ экспедицій противъ тѣхъ горцевъ, чрезъ земли которыхъ онъ проѣхалъ, какъ былъ полученъ рапортъ наказнаго атамана Черноморскаго войска, генералъ-маіора Безкровнаго, что Аббаты-Бесленей и Убыхъ вплавь переправились черезъ Кубань и явились черезъ Екатеринодаръ, спасаясь отъ преслѣдованій шапсуговъ. Когда проводники возвратились въ свои аулы, то на другой день окружены были двумя тысячами всадниковъ. Аулы ихъ были сожжены, обезчещенныя семейства взяты въ плѣнъ; только Бесленей и Убыхъ, какъ лучшіе всадники между шапсугами, спаслись бѣгствомъ въ Черноморію. Фельдмаршалъ приказалъ Новицкому отправиться для принятія и упроченія быта бывшихъ его проводниковъ.

— «Никогда,—говорилъ Новицкій,—не забуду слезъ старика Бесленея, передававшаго мнѣ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ его семейству. Напрасны были мои утѣшенія въ томъ смыслѣ, что слабыхъ женщинъ каждый разбойникъ можетъ обидѣть... Послѣ изліянія скорби во всевозможныхъ выраженіяхъ, онъ наконецъ успокоился».

Прежде нежели прибылъ фельдмаршалъ въ Усть-Лабинскую станицу, гдѣ назначенъ былъ сборъ войскъ для экспедиціи, явился къ Новицкому въ Екатеринодаръ кисюкюйскій князь Болетокоръ-Джамбулетъ. Онъ былъ друженъ съ Аббаты, и, узнавъ объ ихъ несчастіи, рѣшился предаться, со всѣмъ своимъ народомъ, русскому

правительству. Прійдя къ Новицкому въ квартиру съ Аббаты-Убыхомъ и Бесленеемъ, Джамбулетъ сказалъ:

— «Твои проводники лучшіе мои друзья и наѣздники, и потому, если они рѣшились ѣсть свинину, то и я намѣренъ раздѣлить съ ними это блюдо; объ условіяхъ же перехода въ зависимость русскихъ я прошу тебя доставить мнѣ возможность говорить съ сердаремъ».

Передовой отрядъ нашъ былъ сосредоточенъ на Бѣлой рѣчкѣ, при урочищѣ Мескача или «Длинный лѣсъ». Отправился туда и Новицкій съ Аббаты и Джамбулетомъ. При отрядѣ находились генералы Эммануэль и Панкратьевъ. Новицкій передалъ имъ обоимъ о намѣреніи Джамбулета. Генералъ Эммануэль, какъ командующій войсками, отвѣчалъ:

— «Джамбулетъ, этотъ разбойникъ, сдѣлалъ много зла въ нашихъ границахъ: онъ взялъ въ плѣнъ цѣликомъ Есентукскую станицу, и потому, какъ только онъ явится къ намъ, я прикажу его повѣсить».

Напрасно генералъ Панкратьевъ уговаривалъ Эммануэля отмѣнить такое намѣреніе; онъ оставался непреклоненъ до того, что Панкратьевъ принужденъ былъ написать объ этомъ фельдмаршалу, въ Усть-Лабинскую станицу, и только полученное предписаніе остановило намѣреніе Эммануэля. По условію, Джамбулетъ долженъ былъ явиться на Бѣлую рѣчку, чтобы участвовать въ нашей экспедиціи противъ шапсуговъ. Отданы были приказанія по отряду, чтобы когда, въ назначенный день, прибудетъ въ «Длинный лѣсъ» отрядъ горцевъ, то цѣпь войскъ, стоявшая вокругъ русскаго отряда, не стрѣляла бы по немъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Новицкій назначеннаго часа; верховая лошадь была готова. Вдругъ раздались выстрѣлы, усилившіеся до батальнаго огня. Новицкій понялъ въ чемъ дѣло, вскочилъ на коня и помчался къ мѣсту происшествія. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что между нашими застрѣльщиками и разсыпавшимися горцами открыта самая частая перестрѣлка. Новицкій бросился съ бѣлымъ платкомъ на шапкѣ между сражавшимися, но въ разгарѣ перестрѣлки нѣсколько пуль попали въ голову его лошади и одна въ его руку. Лошадь рухнулась со всѣхъ ногъ, и Новицкій очутился подъ нею, стараясь высвободиться. Джамбулетъ первый подскакалъ къ нему съ своими узденями и высвободилъ его изъ-подъ лошади. Тревога эта подняла на ноги весь отрядъ. Генералъ Эммануэль и Панкратьевъ явились на мѣсто перестрѣлки и, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ донесли фельдмаршалу въ Усть-Лабу, куда Новицкій отправился въ экипажѣ, послѣ перевязки раненой руки, сопутствуемый Джамбулетомъ и нѣсколькими его узденями. Явившись

въ Усть-Лабу къ фельдмаршалу, Новицкій просилъ графа принять Джамбулета, не обезоруживая его предварительно, чтобъ этимъ способомъ, по черкесскому обычаю, оказать свое довѣріе. Фельдмаршалъ согласился; Джамбулетъ, обласканный имъ, далъ слово служить вѣрно русскому правительству. Бесѣда фельдмаршала съ Джамбулетомъ продолжалось болѣе получаса. Этотъ дикій горецъ, небольшаго роста, широкогрудый, съ оселедцемъ за ухомъ (отличительный признакъ почетнѣйшихъ гостей адиге), при прощаніи съ фельдмаршаломъ, сказалъ:

— «Извини меня, сердарь, если я велъ себя неприлично предъ высокимъ твоимъ званіемъ; но знай, сердарь, что я въ первый разъ въ жизни стою передъ старшимъ себя!»

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ всего, что изложено въ отчетной запискѣ [1]) Георгія Васильевича, по исполненному имъ порученію. Но ознакомить кратко съ тѣмъ, чтò Новицкимъ сдѣлано на протяженіи 500 верстъ по прямому направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, въ странѣ, населенной враждебными намъ дикарями, признаемъ своимъ долгомъ: Новицкимъ осмотрѣны земли натухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ, махашевъ, барахаевцевъ и бесленбеевцевъ; сняты маршруты нижней и верхней дорогъ, ведущихъ изъ Анапы въ Кабарду, а также маршруты и слѣдующихъ переваловъ черезъ главный Кавказскій хребетъ съ сѣверной покатости на южную, по направленіямъ рѣчекъ: Меснала и Цемезы въ Суджукъ-кале (нынѣ Новороссійскъ), по Убину и Атакогну въ Геленджикъ, по Афипсу, Убину и Схостоку до устьевъ рѣчки Чупсинъ, по Пикупсу до устьевъ рѣчки Джугба, по рѣчкѣ Пчега въ урочища Саше и Воордане.

Сдѣлавши всѣ эти маршруты, Новицкій не могъ, однако, снять послѣдніе два перевала изъ бассейна Кубани къ восточному берегу Чернаго моря, по рѣчкамъ Сгагваше и Лабѣ, потому что былъ узнанъ; горцы по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ разослали партіи для захвата его съ проводниками въ плѣнъ [2]). Опасность была велика,

---

[1]) Весьма желательно, чтобъ наслѣдники Георгія Васильевича Новицкаго напечатали оставшіяся послѣ него разныя свѣдѣнія и записки о Кавказѣ, составляющія богатый матеріалъ для исторіи края. Особенно же интересна отчетная записка, представленная Новицкимъ фельдмаршалу Паскевичу въ 1834 году, когда преемники его проектированный имъ планъ замиренія Кавказа осудили на забвеніе. П. С.

[2]) Командуя въ послѣдствіи времени полкомъ, дѣлая инспекторскіе смотры, Новицкій чуть не поплатился жизнію за путешествіе въ горахъ: черкесы, хорошо помня его фамилію, слѣдили за нимъ. Разъ, когда онъ инспектировалъ линейные баталіоны, они устроили засаду по пути его слѣдованія, но благо-

Новицкій миноваль ее только благодаря способности своей снискивать дружбу и привязанность горцевъ и благодаря своей собственной находчивости, подсказавшей ему не возвращаться назадъ по прежней дорогѣ, а пробираться къ верхней Кубани, гдѣ, у станицы Баталпашинской, онъ переправился на правую сторону рѣки, за линію, какъ это уже и было описано выше. Кромѣ маршрутовъ, топографическаго очерка края и статистики черкесскихъ племенъ, Новицкій представилъ фельдмаршалу карту, глазомѣрно снятую и по разсказамъ дополненную, съ показаніемъ границъ, составлявшихъ черкесское населеніе, и также историческое изслѣдованіе о нашихъ мѣропріятіяхъ къ приведенію закубанскихъ горцевъ въ покорность Россіи со времени устройства Кубанской линіи до 1830 года.

Трезвая критика и правдивый анализъ фактовъ, сдѣланные Новицкимъ, рисуютъ намъ картину нашихъ промаховъ, рутины, неустойчивости въ идеяхъ и цѣляхъ и—да не оскорбятся тѣни кавказскихъ дѣятелей до-тридцатыхъ годовъ,—поражающей близорукости во взглядахъ и несообразности дѣйствій съ политическою жизнію горцевъ.

Вотъ, между прочимъ, что̀ пришлось услышать отъ Новицкаго. Когда, въ 1792 г., самыя сильныя черкесскія общества—натухайцы, шапсуги, абадзехи, изгнавъ роды своихъ дворянъ-владѣльцевъ, сдѣлались демократическими республиками, начальники кавказской линіи не воспользовались этимъ политическимъ переворотомъ и послѣдовавшими за нимъ смутами, не взяли подъ свою защиту изгнанныхъ дворянъ, что̀ облегчило бы и ускорило подавленіе самыхъ обществъ. Вслѣдствіе этой ошибки, дворяне обратились искать покровительства и убѣжища у дворянъ черкесскихъ обществъ, жившихъ на лѣвой сторонѣ Кубани, выше Екатеринодара [1]). Эти же, въ свою очередь опасаясь тоже революціоннаго движенія, по необходимости искали опоры въ Россіи, и, увлекши свои народцы за собою, образовали область мирныхъ черкесовъ. Между тѣмъ, дворяне, изгнанные изъ своихъ земель, не успѣвъ возстановить себя въ прежнихъ правахъ, но

дарю любви солдатъ его полка, составлявшаго конвой въ опасныхъ мѣстахъ, Новицкій былъ спасенъ. Аудиторъ, ѣхавшій съ Новицкимъ, при этомъ съострилъ: «В—е пр—во, намъ, кажется, придется инспектировать не линейные баталіоны, а черкесъ».

¹) Выше Екатеринодара, до истока Кубани къ Кубанской линіи и лѣваго берега рѣки, соприкасались общества мирныхъ черкесъ подъ разными названіями: черчиней, жане, адаміи, гатюкай, темиргай, мохошъ, беслеией и ногайцы. Общества эти передались намъ въ 1792 году; дворяне дали обѣтъ на вѣрность Россіи, расчитывая, что если ихъ подданные, по примѣру Натухая, Шепсуга и др., задумаютъ ввести республику, то они съ помощью русскаго войска будутъ переселены въ наши предѣлы. П. С.

тяготясь зависимостью отъ покровительствовавшихъ имъ дворянъ мирныхъ черкесовъ, открыли сношеніе съ прежними своими подданными. Удальство, знаніе мѣстности, богатство и блескъ оружія, бо̀льшая развитость ума и, наконецъ, жажда къ обогащенію грабежами—помогли имъ снова овладѣть движеніями партій, руководить набѣгами и возбуждать горцевъ противъ Россіи. Параллельно сему, паши Анапы, наставляемые изъ Константинополя, приняли сторону дворянъ, и, для возстановленія ихъ власти надъ народомъ, высылали эмисаровъ и муллъ съ поученіями и проповѣдями, которые и проповѣдовали, что никакое общество не можетъ существовать безъ высшаго сословія дворянъ. Тѣ же анапскіе паши умнѣйшихъ изъ дворянъ отправляли въ Константинополь; тамъ, обласканные султаномъ и одаренные отъ него чалмами, дворяне возвращались домой съ видимыми доказательствами уваженія къ нимъ потомка пророка. Народъ, видя это, проникался религіознымъ энтузіазмомъ, а дворяне, ради личныхъ интересовъ, не упускали случаевъ доказывать Портѣ свою признательность въ ненависти и враждѣ къ Россіи. Ненависть дворянъ сообщалась народу и выразилась въ томъ фактѣ, что уже въ войны наши съ Турціею 1778—1791, 1806—1811 и 1828—1829 годовъ противъ насъ дѣйствовали ополченія горцевъ, вмѣстѣ съ турками, чего прежде не было.

Далѣе извѣстно, что по всему теченію Кубани отъ ея верховьевъ до Екатеринодара, гдѣ Кубанская линія соприкасалась къ мирнымъ черкесамъ, были устроены мѣновые дворы. Цѣль ихъ, безусловно благая—сблизить путемъ торговли дикарей съ русскими и показать немирнымъ черкесамъ, сколько они теряютъ отъ того, что находятся съ нами во враждебныхъ отношеніяхъ и не участвуютъ въ торговлѣ. Что̀ же на самомъ дѣлѣ происходило на мѣновыхъ дворахъ?—Смотрителя и переводчики взимали подати съ черкесовъ, выдавали не тѣ предметы, которые они требовали, оставляли предметы, привезенные черкесами, безъ всякаго вознагражденія, оттягивали плату за взятые предметы на годы и десятки лѣтъ, а потомъ вовсе отказывали въ ней, ссылаясь на 10-лѣтнюю давность. Продѣлки эти привели къ тому, что немирные черкесы находили болѣе удобнымъ пріобрѣтать необходимое оружіемъ и войною, чѣмъ обмѣномъ и торговлею. Совсѣмъ иначе дѣйствовала Порта: она открыла торжища—въ Анапѣ, Суджукъ-кале, Геленджикѣ и въ другихъ пунктахъ по восточному Черноморскому берегу до Сухумъ-кале; на турецкіе товары установила и опубликовала таксу между горцами. Умѣренность таксы, честность турецкихъ торговцевъ, хорошая выручка за плѣнныхъ, особенно плѣнницъ, привлекли къ торговлѣ не то̀лько ближайшія, но и отдаленныя провинціи—Чечню и Дагестанъ. Горцы, по мѣрѣ возрастающаго запроса

турокъ, учащали набѣги за линію, становились предпріимчивѣе и проникали далеко въ глубь пограничнаго русскаго населенія. Трактатъ Новицкаго о рѣкѣ Кубани, въ смыслѣ операціоннаго базиса, съ раздѣленіемъ его на двѣ части, замѣчательно точенъ и стратегически-неукоризненъ. Новицкому даже и возразить нечѣмъ на то, что наша кордонная линія могла долго держаться потому только, что горцы—невѣжды въ военномъ отношеніи, и дѣйствовали противъ насъ порознь, въ разбродъ. Нельзя также приговоръ Новицкаго нашей системѣ случайныхъ военныхъ экспедицій въ горы противъ черкесовъ не признать вѣрнымъ, и не отдать должнаго уваженія его гражданскому мужеству за смѣлость, съ которою онъ разоблачилъ тщету и безплодность военныхъ экспедицій на лѣвый берегъ Кубани, а также осудилъ произволъ начальниковъ линій въ употребленіи то той, то другой системы управленія. И точно, одинъ выдвигался за Кубань укрѣпленіями; другой начальникъ, его смѣнившій, отмѣнялъ все, что было сдѣлано его предшественникомъ, и обращался къ горцамъ съ кротостью и ласками, испрашивая пенсіоны усерднѣйшимъ изъ нихъ. Не успѣвали горцы свыкнуться съ гуманностью мѣръ, какъ наѣхавшій новый начальникъ линіи вводилъ строгость, кары и лишалъ пенсіоновъ, кто таковые получалъ. А какъ эта шаткость въ системѣ дѣйствій начальствующихъ лицъ на линіи освящалась именемъ правительства, то горцы, не видя конца измѣненіямъ и не уясняя себѣ цѣли, а слѣдовательно, и плана для достиженія согласія, потеряли довѣріе къ русскимъ до такой степени, что даже и послѣ Адріанопольскаго мира (1829) не вѣрили, что подпали подъ зависимость Россіи.

Фельдмаршалъ Паскевичъ не легко довѣрялся, рѣдко кого изъ оберъ-офицеровъ, служившихъ въ штабѣ, удостаивалъ вниманіемъ; не менѣе того, докладъ Новицкаго произвелъ на Паскевича сильное впечатлѣніе. Оказалось ли совпаденіе въ мысляхъ, или то, что главнокомандующій также задался идеею новаго плана для дѣйствій въ пространствѣ между Черноморіей и сѣверовосточнымъ побережьемъ Чернаго моря, но тѣмъ не менѣе Паскевичъ рѣшилъ лично обозрѣть мѣстность за Кубанью, повѣрить изслѣдованія Новицкаго и составить планъ для покоренія черкесъ, словомъ—приступить къ тому, что было исполнено 30 лѣтъ спустя. Весною 1830 года предпринимается экспедиція за Кубань подъ личнымъ начальствомъ самого Паскевича. Экспедиціонную колонну ведетъ Новицкій.

Экспедиція вполнѣ удалась и сопровождалась послѣдствіями, какихъ прежде не было: шапсуги и натухайцы разувѣрились въ недоступности своихъ жилищъ, черкесы (кабардинцы и нагайцы) пер-

вый разъ съ устройства линіи участвовали въ войнѣ противъ черкесовъ же подъ русскимъ знаменемъ; главнокомандующій удостовѣрился въ основательности оцѣнки, сдѣланной Новицкимъ, предшествовавшимъ дѣйствіямъ начальниковъ линій, осудилъ на забвеніе прежнюю войну и построилъ планъ покоренія помянутыхъ земель на слѣдующихъ началахъ: прекратить сношенія черкесовъ съ турками; возобновить и поддержать вражду между народомъ и дворянами немирныхъ черкесовъ; избрать и устроить новый операціонный базисъ для наступательныхъ дѣйствій въ пространствѣ между Черноморіею и берегомъ моря.

Новицкій въ экспедицію 1830 года былъ тяжело раненъ, въ локоть правой руки; раненымъ участвовалъ въ 10-ти перестрѣлкахъ съ горцами и оставался при отрядѣ до окончанія экспедиціи.

За рекогносцировку окрестностей Анапы и подготовленіе данныхъ къ поселенію Дунайскихъ казаковъ, Новицкому объявлена благодарность въ приказѣ войскамъ Кавказскаго корпуса, а за секретный объѣздъ земель натухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ, черчиней и другихъ черкесскихъ народовъ, составленіе карты края и маршрутовъ для экспедицій—произведенъ въ капитаны и переведенъ въ генеральный штабъ, 30-го октября 1830 года. Военной академіи въ ту пору не было; генеральный штабъ комплектовался случайно, переводомъ офицеровъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Выборъ, конечно, падалъ на лучшихъ по образованію, способностямъ и трудолюбію офицеровъ. Всѣ эти качества съ избыткомъ совмѣщались въ Новицкомъ; главнокомандующій зналъ его лично за отличнаго офицера уже въ 1829 году и приказалъ прикомандировать къ штабу Кавказскаго корпуса для несенія службы офицера генеральнаго штаба; недолго однако онъ оставался въ Тифлисѣ. Выполненіе плана должно было начаться съ 1831 года, почему, съ раннею весною того года, въ Черноморіи сосредоточено два отряда; одинъ посаженъ на суда въ Анапѣ и отвезенъ въ Геленджикскую бухту, а другой собранъ у Екатеринодара, переведенъ за Кубань въ Ольгинское укрѣпленіе. Геленджикскому отряду назначено строить фортъ, а Ольгинскому насыпать тетъ-депонъ, разработать дороги по р. Абину и Атакагау чрезъ главный хребетъ на 75 верстъ до Геленджика и по дорогѣ устроить промежуточное укрѣпленіе, а между нимъ и крайними укрѣпленными пунктами башни, одновременно съ возведеніемъ укрѣпленій и башенъ, должны были строить казармы и жилые дома. Въ теченіе зимы, въ Ростовѣ искупленъ лѣсъ и прочіе строительные матеріалы, наняты плотники и мастеровые, и все это раннею весною перевезено къ Геленджику и Ольгинскому тетъ-де-пону. Къ экспедиціи, по примѣру

1830 года, предписано привлечь ополченіе, собранное изъ всѣхъ мирныхъ черкесовъ, и пригласить къ участію съ нашими войсками дворянъ трехъ демократическихъ обществъ (натухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ) съ тѣмъ, что всѣ плѣнные, пріобрѣтенные ими при содѣйствіи нашихъ войскъ, будутъ обращены въ подданство ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ они владѣли подданными до 1792 года.

Дѣйствительно, весною одна бригада 20-й дивизіи начала постройку Геленджикскаго форта, а другая—Ольгинскаго тетъ-де-пона; работы кипѣли; участіе капитана Новицкаго въ трудахъ войскъ было живое и дѣятельное; но вдругъ графъ Паскевичъ отзывается въ Польшу; съ его отъѣздомъ и весь планъ рушится; а между тѣмъ онъ былъ глубоко задуманъ: укрѣпленною дорогою отъ Ольгинскаго тетъ-депона до Геленджика отрѣзывались натухайцы отъ шапсуговъ; дорога эта, протяженіемъ на 75 верстъ, принималась за операціонный базисъ вмѣсто Кубани; съ новаго базиса дѣйствовали бы три колонны: береговая или лѣвая отъ Геленджика, правая отъ Ольгинскаго тетъде-пона, средняя отъ возведеннаго на базисѣ укрѣпленія,—всѣ три въ направленіи къ Анапѣ; углубляясь въ земли натухайцевъ, колонны сближались, легко могли очищать мѣстность отъ ауловъ и истреблять хлѣба въ стороны на 15—20 верстъ. Если бы, при томъ, кто либо изъ натухайцевъ и не былъ замѣченъ, то одно уже впечатлѣніе страха побуждало бы скрытно прорываться чрезъ базисъ на юговостокъ, къ шапсугамъ. Можно утвердительно сказать, что тѣ же колонны, на обратномъ ихъ слѣдованіи отъ Анапы къ базису, не встрѣтили бы непріятеля; такимъ образомъ въ одну экспедицію натухайцы или покорились бы, или были изгнаны, земли ихъ дѣлались открытыми для колонизаціи; турецкія суда и торговля лишались притона въ двухъ важныхъ пунктахъ—Суджукъ-кале (Новороссійскъ) и Геленджикѣ; Анапа освобождалась отъ постоянной блокады горцевъ, гарнизонъ ея дѣлался свободнымъ для службы въ полѣ; освобождались также Таманскій округъ отъ нападенія горцевъ, а черноморскіе казаки отъ службы на нижней Кубанской линіи; новая колонизація свободно могла осаживаться на всей площади отъ Анапы до линіи Ольгино-Геленджикъ. Та же самая линія, какъ устроенный базисъ, могла служить основаніемъ къ покоренію шапсуговъ и для дальнѣйшаго очищенія земель на юго-востокъ по обѣимъ сторонамъ хребта, а, при надобности, база могла бы быть перенесена на р. Убинъ или Афипсъ, съ проложеніемъ, само собою, и дороги отъ Кубани чрезъ хребетъ до моря. Продолжая и далѣе переносить, такимъ образомъ, базу и открывать сообщенія Кубани съ моремъ, Имеретіею и Мингреліею, успѣли бы въ короткое время въ земляхъ по обоимъ скло-

намъ сѣверо-восточной части Кавказскаго хребта надежно упрочить владычество Россіи.

Останавливаю вниманіе читателя на послѣдствіяхъ экспедиціи за Кубань 1830 года, чтобъ видѣть, что Георгію Васильевичу Новицкому принадлежала въ ней значительная доля и участія и вѣчной доброй памяти. Его честный трудъ и полезное служеніе Россіи на Кавказѣ въ свое время оцѣнены по достоинству лично знавшимъ его и уважавшимъ княземъ Варшавскимъ. Инсуррекціонныя движенія въ населеніи по черноморскому побережью въ настоящую войну (1877) и затрудненія, встрѣченныя нашими войсками въ сообщеніяхъ чрезъ Кавказскій хребетъ, по непроложенію чрезъ него дорогъ, конечно не имѣли бы мѣста, инсуррекція не могла бы длиться, а турки свободно выбрасывать свои войска на берегъ и грабить побережные города,—еслибъ, по отбытіи съ Кавказа Паскевича, новое начальство продолжало выполненіе плана, въ которомъ Новицкому принадлежалъ весь трудъ подготовки данныхъ и мужество высказать истину, не смягчая ея и не страшась неудовольствія отъ сильныхъ лицъ той эпохи.

Велика была скорбь Новицкаго, когда онъ увидѣлъ, что, съ того же 1831 года, все приготовленное прежде съ потерею многихъ жизней, затратою издержекъ и затрудненіями начало рушиться; въ теченіе мѣсяца упразднены укрѣпленія на рр. Шепшѣ, Псенофѣ, Гсоге, Сагваше и Лабѣ; натухайцы, шапсуги и абадзехи, устрашенные экспедиціею 1830 года и приготовленіями къ экспедиціи 1831 года, ободрились, стали упорствовать въ сопротивленіи, и, объясняя послѣдовавшую перемѣну покровительствомъ Аллаха, сдѣлались дерзкими, отдались фанатизму, вняли пропагандѣ. Мирные черкесы и дворяне республиканскихъ народцевъ, въ видахъ возстановленія своей чести въ глазахъ их подчиненныхъ и снятія съ себя позора двуличія, предались отчаяннымъ набѣгамъ; они проникаютъ за линію, грабятъ русскія поселенія, увлекаютъ плѣнныхъ и угоняютъ скотъ. Въ противодѣйствіе хищничеству закубанцевъ, съ нашей стороны, въ тѣ же годы—1831, 1832 и 1833,—съ верхней линіи Кубани также участились экспедиціи съ цѣлію истребленія ауловъ, даже мирныхъ черкесовъ, замѣченныхъ въ общеніи съ немирными; таковы были экспедиціи Фролова, Засса, не всегда, правда, удачныя, но постоянно блистательныя по реляціямъ и доведшія раздраженіе горцевъ до maximum'а. Противоположно тому, со стороны Черноморіи, т. е. на нижней части кубанскаго базиса, въ тѣ же годы, всѣ дѣйствія ограничивались исключительно пассивною обороною линіи; только одинъ разъ, Вельяминовъ дозволилъ Новицкому съ небольшою партіею сдѣлать набѣгъ

на р. Абинъ для освобожденія семействъ его проводниковъ—Аббаты, повергнутыхъ съ отъѣздомъ Паскевича въ нищету.

Съ измѣненіемъ плана операцій съ нижней Кубани миновала надобность и въ Новицкомъ. Начальникъ Кавказской области, генералъ Вельяминовъ, откомандировалъ его въ Анапу, въ строительный комитетъ по водворенію переселенцевъ. Въ это время, вмѣсто Дунайскихъ казаковъ, около Анапы задумали селить казаковъ, высылаемыхъ изъ Малороссіи; проживая въ Анапѣ, капитанъ Новицкій и тутъ оказалъ великую услугу колонизаціи своимъ участіемъ и смѣлымъ протестомъ. Онъ представилъ по начальству рапортъ, въ которомъ выставилъ: что предположеніе Паскевича приготовить жилища для переселенцевъ и обезпечить ихъ отъ горцевъ—не исполнено, домовъ не выстроено, окрестности Анапы въ настоящемъ положеніи подвержены набѣгамъ, въ крѣпости нѣтъ прѣсной воды, продуктами она снабжается изъ Черноморіи,—вслѣдствіе чего переселеніе, при такихъ условіяхъ, малороссіянъ было бы равносильно поголовному ихъ истребленію. Въ письмѣ своемъ командиру войскъ Кавказскаго корпуса, барону Розену, онъ просилъ уважить его доводы и мольбу о спасеніи малороссіянъ отъ погибели, отмѣнивъ поселеніе ихъ въ окрестностяхъ Анапы. Настойчивость Новицкаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: вызваннымъ изъ Малороссіи 130-ти семействамъ приказано остаться въ Черноморіи, а высылка прочихъ казаковъ, по сношеніи съ княземъ Репнинымъ (харьковскій генералъ-губернаторъ), прекращена. Заготовленный для построекъ лѣсъ частію сгнилъ, а частію сожженъ натухайцами, которые, зная его назначеніе, безпрерывно покушались на истребленіе его огнемъ. Такъ завершилось выполненіе плана Паскевича въ цѣлости; въ отрывочномъ же видѣ, что̀ изъ него позаимствовано, то едва ли не было самымъ худшимъ: такова постройка фортовъ, по примѣру Гиленджика, по восточному берегу Чернаго моря. Форты эти между собою не имѣли береговаго сообщенія и сообщеній съ Кубанскою линіею; десять лѣтъ спустя, горцы истребили гарнизоны и овладѣли фортами, а еще 10 лѣтъ позже—мы и сами уничтожили береговую линію, въ 1853 году, при открытіи Восточной войны.

Вѣрный долгу, капитанъ Новицкій, по отъѣздѣ Паскевича, продолжалъ сношенія съ черкесами, отыскивалъ и рекомендовалъ преданныхъ горцевъ, хлопоталъ о вознагражденіи ихъ содержаніемъ, чинами, съ помощію однихъ привлекалъ другихъ на нашу сторону, устраивалъ среди немирныхъ русскую партію; преданные нашему дѣлу горцы служили ему шпіонами, лазутчиками, доставляли свѣдѣнія о поведеніи мирныхъ, о сношеніяхъ ихъ съ немирными, предваряли о приготовленіяхъ къ набѣгамъ, а иногда и сами, соединяясь

въ партіи человѣкъ по 300, дѣлали вторженія въ земли шапсуговъ и другихъ немирныхъ черкесовъ. Онъ же занимался собираніемъ свѣдѣній о черкесахъ, водворялъ, гдѣ нужно было, согласіе, и поднималъ духъ для совмѣстнаго дѣйствія съ нашими войсками въ экспедиціяхъ; по его же представленію, семейства горцевъ, преслѣдуемыя у себя за преданность и службу русскимъ, переселяемы были въ Черноморію.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Новицкій выручалъ изъ бѣды своихъ земляковъ-малороссовъ, онъ просилъ князя Варшавскаго перевести его къ себѣ на службу. При письмѣ Паскевичу приложена была записка съ изслѣдованіемъ отношеній закубанскихъ народовъ къ русскимъ; отношенія эти не болѣе 40-ка лѣтъ назадъ были если не вполнѣ дружественныя, то совершенно мирныя; въ объясненіи причинъ перерожденія ихъ во враждебныя, Новицкій, хотя и самъ малороссіянинъ, но запорожцевъ не щадитъ, обличая ихъ въ томъ, что они первые начали дѣлать вторженія въ земли сосѣдей, предавались хищничеству, грабежамъ и посѣяли сѣмена обмана, вражды, кровомщенія и ненависти. Въ другой запискѣ, Панкратьеву, Новицкій говоритъ, что построеніе Геленджика привело черкесовъ къ тому, что они сидятъ тихо, въ 1833 году даже вовсе не предпринимали сборовъ для вторженія къ намъ; лишенные пунктовъ мѣновой торговли съ Турціей и не мало теряя на томъ, они уже присылали депутатовъ съ просьбою принять ихъ въ подданство Россіи, а что̀ бы было, еслибъ планъ его свѣтлости приведенъ былъ въ исполненіе во всей его полнотѣ?

Въ 1832 году Новицкій, на вакансію, произведенъ въ подполковники, въ 1833 году назначенъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи въ Варшаву.

Въ 1834 году, октября 31-го дня, Георгій Васильевичъ назначенъ исправлять должность оберъ-квартимейстера 3-го пѣхотнаго корпуса, а въ слѣдующемъ году, съ производствомъ въ полковники, утвержденъ въ ней высочайшимъ приказомъ.

П. М. Саковичъ.

Г. Кіевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э.........ВА.

I.

Ссыльно-каторжные въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ.

Въ первой четверти текущаго столѣтія, Охотскъ, Камчатка— были географическими терминами, но страны—мало, или почти неизвѣстныя.—Пріѣхавъ въ Охотскъ въ 1818 году, очень натурально, я желалъ обогатить себя познаніемъ края, въ которомъ долженъ былъ служить, а слѣдовательно, и жить нѣсколько лѣтъ.— Знакомство съ физическимъ положеніемъ края я предоставилъ времени, главное—хотѣлось поймать центръ тяжести быта нравственнаго, а для этого я внимательно слушалъ разсказы старыхъ людей, не проронилъ малѣйшихъ подробностей, и, изъ множества разсказовъ о прошломъ, у меня составилось своеобразное понятіе о нравахъ жителей въ настоящее время.—Хотя я былъ морской офицеръ, но, по недостатку служащихъ, приходилось исполнять должности всѣхъ министерствъ безъ разбора. Когда нибудь разскажу вообще о жизни въ томъ краѣ, а теперь коснусь солеваренкаго завода.

20 верстъ отъ Охотска на югъ, на берегу моря, былъ солеваренный заводъ; соль вывариваласъ изъ морской воды, работали на заводѣ ссыльно-каторжные; то были сливки каторжныхъ, почти всѣ высланы изъ Нерчинска и изъ другихъ заводовъ, какъ неисправимые и учинившіе не одно убійство на заводахъ. Объ этихъ артистахъ я болѣе всего наслушался разсказовъ и старался изучать до тонкости въ чемъ состоитъ слабая сторона

этихъ отверженныхъ героевъ. Они—люди, а потому должны имѣть слабости. Мнѣ казалось, я сдѣлалъ вѣрный выводъ изъ тысячи разсказовъ.

Эти варнаки боготворятъ смѣлость. Эти лишенные свободы, вѣчно въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ—за лишеніе свободы по ихъ понятіямъ, готовы убить лишившаго.

Скоро пришлось мнѣ быть въ заводѣ, для какой-то ревизіи. Заводъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, насыпанномъ моремъ; близко моря стоятъ варницы, подалѣе домъ управляющаго; между варницами и казармой каторжныхъ—площадь, сажень 100; не далеко и въ линію съ казармами—караульный домъ; унтеръ-офицеръ и человѣкъ 50 матросовъ охраняютъ порядокъ. Далѣе отъ моря, за казармой, около 100 сажень, домиковъ 20, 30, въ которыхъ живутъ каторжные женатые. Сушня для соли, магазинъ, кузница, плотничная и, кажется,—все. Каторжныхъ всегда почти одинаковое число, не болѣе 250 человѣкъ. По другую сторону отъ моря, насыпной берегъ, что принято называть кошка, обмывался безконечными озерами прѣсной воды съ островами—похоже на бывшее русло большой рѣки.

Рано утромъ, я приказалъ приготовить лодку, выбрать трехъ варнаковъ, расковать и назначить въ гребцы: двое въ веслахъ, третій на рулѣ; отправились. Я былъ не плохой стрѣлокъ, разной птицы—великое множество, настрѣлялъ я почти половину лодки. Прогулка наша была молча, гребцы ловки и, видимо, имъ доставляла удовольствіе. Охота увлекла насъ очень далеко отъ завода; въ полдень, я приказалъ пристать къ песчаному островку, на которомъ росла одна ива. Конечно, въ гребцы я могъ взять матросовъ—а молодечество?! я тогда былъ моложе чѣмъ теперь. Чтобы продлить молодечество, я притворился уставшимъ, приказалъ гребцамъ брать птицы сколько хотятъ, развести костеръ и жарить, а самъ подъ ивой легъ спать, завернувшись въ шинель. Не нужно и увѣрять, что я и не думалъ спать. На островкѣ довольно было наноснаго лѣса: запылалъ большой костеръ; гребцы молча принялись щипать перья, жарили птицъ, какъ опытные—видно, были не новички въ бивачной жизни. Птицы жарились воткнутыя на палочки, а каторжники принялись за разговоры. Меня очень интересовалъ разговоръ такихъ субъектовъ, увѣренныхъ, что бесѣда ихъ безъ свидѣтелей. Разговоръ ихъ состоялъ изъ

разсказовъ смѣлаго мошенничества, ловкаго воровства, грабежа на глазахъ трусливой толпы и, съ особеннымъ увлеченіемъ, объ увертливости отъ полиціи и тонкомъ расчетѣ обмана послѣдней. Мои гребцы съѣли громадное количество, преимущественно, жирныхъ утокъ, огромный гусь оказался сырымъ. Ѣли и говорили: въ разсказахъ ихъ на половину лжи, хвастовства; смѣлость, ловкость заслуживали похвалу. Послѣ трапезы, разговоръ обратился ко мнѣ; одинъ говоритъ:

— Вишь ты, какъ спокойно спитъ, по лицу видно—честный.

Другой: Кабы не честный, не заснулъ бы, вѣдь мы варнаки.

Третій: Одно слово сказать—прѣсная душа!

Который-то прибавилъ: «На такого и въ лѣсу не поднялась бы рука».

Много похвалъ въ такомъ родѣ. Я потянулся, зѣвнулъ, проснулся. Получилъ благодарность, и поѣхали домой. Вздумалось мнѣ спросить:

— Не думаетъ ли кто бѣжать?

Молчатъ.

Я сказалъ, что спрашиваю по секрету. Рулевой отозвался, что если разговоръ по секрету, то почему не сказать правды. Гребецъ Андрюшка, потупивъ глаза, сказалъ тихо: «я хочу бѣжать».

— Когда?

— Завтра.

— Куда?

— Гулять.

— А что ты будешь ѣсть?

— Я еще зимой, когда рубилъ дрова, въ дупло спряталъ: хлѣба, крупы, соли.

— Ребята, вы знаете законъ: пріѣхавши, я долженъ васъ заковать.

— Знамо дѣло, сударь, ты закона не перемѣнишь; благодаримъ и за эту милость, что далъ намъ погулять.

— Андрюшка, а какъ же кандалы?

— Кандалы, сударь, царскіе, я ихъ повѣшу на дерево.

— Слушай, ребята, я ничего не слыхалъ и не говорилъ.

— Знамо дѣло, секретъ и долженъ быть секретомъ!

Пріѣхали, гребцовъ заковали.

Андрюшка—это былъ небольшаго роста, но могучаго сложенія; онъ былъ въ числѣ девяти бѣжавшихъ въ Китай, гдѣ они завоевали много деревень и будто разграбили городокъ; противъ нихъ было выслано войско и ихъ взяли въ плѣнъ. Я слышалъ, что китайское правительство признало ихъ за людей особой породы—безъ ноздрей; по требованію выдало въ Иркутскъ, гдѣ дали имъ по 101-му удару кнутомъ и сослали въ Охотскъ. Я засталъ только троихъ. Я могъ бы Андрюшку задержать, но онъ бѣжалъ бы послѣ; я промолчалъ. На другой день утромъ, получаю рапортъ: бѣжалъ Андрюшка. Я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе о поимкѣ; поимщики возвратились и принесли кандалы, но Андрюшки и слѣдъ простылъ.

Въ заводѣ было шесть поляковъ, съ которыми никто не знался. Татары, персіяне, нѣмцы и проч.—всѣ составляли одну массу, но всѣ презирали поляковъ. Имѣя частыя дѣла на заводѣ, я изъ поляковъ сдѣлалъ свою тайную полицію. Поляки мнѣ сказали, что сохраненный мною секретъ объ Андрюшкѣ заслужилъ мнѣ большое довѣріе отъ каторжныхъ: говорили, что я «честный человѣкъ» и что со мною можно «дѣло дѣлать, умѣю секретъ держать».

Въ чемъ состояла ихъ страстная любовь къ свободѣ? Они называли лишеніемъ свободы—если не было жалобы, а начальникъ взыскиваетъ. Напримѣръ: урочная работа кончена, до 9-ти часовъ вечера каторжные холостые могли ходить въ домики къ женатымъ. Каторжные тоже люди со страстями и, можетъ быть, сильнѣйшими, чѣмъ мы. У нихъ хранится до 30-ти игральныхъ картъ, кирпичъ и уголь дополняютъ стершіеся знаки; въ эти карты копѣекъ на 30 идетъ азартная игра съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ у насъ на тысячи; между ними есть шуллера, поймаютъ плутовство—драка. Къ грязнымъ, забитымъ и изуродованнымъ судьбою женщинамъ—есть пылающіе страстною любовію; бѣшенная ревность, зависть къ предпочтенію красавицы, порождаетъ частыя драки и часто партія на партію. Иногда я слышу крикъ, гвалтъ, ругательства; но жалобъ нѣтъ, я не замѣчаю. Въ подобномъ случаѣ, попробуй начальникъ, безъ жалобы къ нему, взыскивать за драку—берегись! за лишеніе свободной минуты можетъ поплатиться жизнію, и бывали такіе случаи.

Полиція мнѣ доноситъ, что мужъ поймалъ Левку; соста-

вились партіи за и противъ, драка была отличная и Левкѣ больно досталось. На другой день встрѣчаю Левку на работѣ—лица нѣтъ, весь синій, опухшій. Въ заводѣ законъ: каторжный не имѣетъ права подходить ближе шести шаговъ къ начальнику. Я уничтожилъ этотъ законъ. Встрѣтивъ Левку, караульному приказалъ отойти, спросилъ Левку:

— А что, каналья, досталось тебѣ вчера?

— Ничего, сударь, и имъ хорошо попало.

— Подѣломъ тебѣ!

— Что дѣлать, сударь, дѣло любовное.

— Ну, смотри, я ничего не знаю.

— Дай Богъ здоровья,—и пошелъ причитывать благодарности.

Если дошла до меня жалоба, то, по разборѣ дѣла, можно наказать жестоко и злобы нѣтъ; говорятъ: законъ затѣмъ его и поставилъ,—не доводи до жалобы!

Я говорилъ о казармѣ для холостыхъ, посреди завода. Казарма деревянная, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, у оконъ и дверей часовые съ отпущенными тесаками и съ заряженными ружьями. Говорятъ, въ казарму эту никогда и никто не входилъ. Заручившись довѣріемъ каторжныхъ, я рѣшился войти въ львиную яму; за мною вошли шесть ружейныхъ. Простой расчетъ, что ружейные защитить меня не могли: ударъ кандалами по головѣ — моментъ, а потому я скомандывалъ: ружейные вонъ! Большая комната, нары въ два этажа—полны народа. Я былъ въ форменномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, но безъ сабли. На возгласъ мой: «здорово, ребята!»—поднялся звонъ кандаловъ отъ пола до потолка. — Страшное собраніе лицъ свирѣпыхъ, искаженныхъ, не нужно быть Лафатеромъ, чтобы на каждомъ лицѣ прочесть: убійца! — Слѣзли со всѣхъ наръ и окружили меня. Я, какъ важный начальникъ, спрашивалъ—нѣтъ ли обидъ? притѣсненій? Потребовалъ пробу обѣда и подошелъ къ нарѣ; нара оказалась полуживая: и ползали и скакали разныя насѣкомыя. Одинъ ловкій варнакъ (бывшій камердинеръ) принесъ двѣ доски и, устраивая сидѣнье, сказалъ:

— «Необразованный народъ, каторжные—какъ есть каторжные! развѣ можно барину сѣсть на нашу нару?—извольте, сударь, присѣсть».

По одиночкѣ этихъ арестантовъ я всѣхъ видалъ, но въ об-

щей массѣ, безъ надзора, эта масса лицъ, исковерканныхъ страстями—дѣлаетъ сильное впечатлѣніе.

Я долженъ сказать, что, по управленію въ Охотскѣ, я былъ слѣдователемъ и я же былъ презусомъ военнаго суда—обвинялъ и назначалъ наказанія за проступки (гражданскаго суда тамъ не было). Къ справедливости варнаковъ должно отнести, я зналъ и даже самъ слышалъ ихъ мнѣніе о себѣ: «онъ невиноватъ, не онъ наказываетъ—законъ, а онъ обязанъ исполнить законъ честно». Говорилось это искренно, безъ малѣйшей злобы.

Передъ визитомъ моимъ въ казарму, за убійство въ этой же казармѣ однимъ каторжнымъ другаго, убійца, по моему приговору, былъ наказанъ кнутомъ. Убійца назывался Иванъ Медянцевъ; онъ былъ 44-хъ лѣтъ, вершковъ 10-ти роста, сухощавъ, очень правильно сложенъ, волосы рыжеватые, замѣчательно силенъ, гибокъ, держалъ себя прямо; хорошо грамотенъ; онъ, изъ ярославскихъ мѣщанъ, за убійство, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскіе рудники, тамъ учинилъ нѣсколько убійствъ и, какъ неисправимый, былъ присланъ въ Охотскъ на солеваренный заводъ. Разговаривая со многими, я увидалъ Медянцева съ библіею въ рукахъ; послѣ совершеннаго убійства, онъ всегда любилъ читать библію. Говоря съ Медянцевымъ, я уговаривалъ его не дѣлать убійствъ; кромѣ наказанія въ будущей жизни, я старался говорить его разуму, внушалъ, что преступленія, могущія быть исправимы, могутъ быть совершены по неразумію, по слабости человѣку свойственной, но, отнявъ жизнь, ни возвратить жизни, ни исправить преступленія — нельзя. Человѣкъ, какъ твореніе Бога — принадлежитъ Ему ;прощено быть ни здѣсь, ни тамъ не можетъ и проч. Медянцевъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ: «я и самъ не радъ, вы думаете—весело убить человѣка?» —Но ты убиваешь и давно ли убилъ!—«Бываетъ время, что человѣкъ не радъ и самъ себѣ, таково лихо дѣлается, что и на свѣтъ не глядѣлъ бы; на что ни поглядишь, все кажется краснымъ, точно кровь живая; такъ тоскливо, что радъ бы спрятаться куда нибудь; и безъ того человѣкъ самъ не свой, а тутъ еще досадитъ какой нибудь соплякъ и самъ не помнишь, какъ хватишь его кандалами по головѣ, а какъ увидишь, что убилъ—какъ кора какая вдругъ спадетъ съ тебя, тоски не стало, красное изъ глазъ прошло, жаль человѣка, да ничего не подѣлаешь».

Не отъ одного Медянцева я слышалъ въ разное время подобный разсказъ; если не забуду, разскажу, какъ, въ Иркутскѣ, облагодѣтельствованный мною ссыльный чуть не убилъ меня въ подобномъ состояніи. Медянцевъ играетъ нѣкоторую роль въ мою службу въ Охотскомъ краю, а потому разсказъ о немъ будетъ нѣкоторымъ очеркомъ тамошнихъ каторжныхъ.

Какъ Нерчинскъ, такъ и другіе заводы, неисправимыхъ каторжныхъ ссылали въ Охотскъ, такъ и въ Охотскѣ находились нетерпимые и неизлечимые убійцы; была принята мѣра — такихъ ссылать въ Камчатку, гдѣ снимали кандалы, не употребляли на работы и дозволяли жить какъ кому угодно. Я много видѣлъ подобныхъ субъектовъ; они дѣлались тихи, кротки, полюбили труды и жили никому не мѣшая. Каторжные говорили, что 75 верстъ далѣе Камчатки — адъ кромѣшный! Медянцевъ, не взирая на данное мнѣ слово — не убивать, года черезъ три, набросился и чуть не убилъ смотрителя завода. Разумѣется, наказали кнутомъ и назначили къ переселенію въ Камчатку, а до отправленія посадили на цѣпь въ караульномъ домѣ. Медянцевъ и тутъ не унялся; объявляетъ, что онъ желаетъ сообщить важный секретъ. Медянцевъ прижался къ стѣнѣ, смотритель неосторожно подошелъ; Медянцевъ рванулся на цѣпи, махнулъ рукою съ ножомъ и разрѣзалъ шинель смотрителя. Но на такую бездѣлицу не обратили вниманія.

Два брига отправлялись въ Петропавловскую гавань. 1820-го года; отчаянныхъ каторжныхъ набралось много; въ тотъ годъ, почему-то Иркутскъ прислалъ многихъ прямо въ Камчатку. Начальникъ въ Охотскѣ былъ нѣмецъ—предобрѣйшій, прелюбезный; самъ онъ ничего не дѣлалъ, а желалъ, чтобы были всѣ счастливы. Распредѣляя на оба брига каторжныхъ, самыхъ отчаянныхъ назначалъ ко мнѣ—предполагая, что я удивительный храбрецъ, а по правдѣ, командиръ другаго брига былъ уменъ — но весьма не изъ бойкихъ. Начальникъ и не замѣтилъ, какъ назначилъ на мой бригъ болѣе, чѣмъ было у меня команды. Благоразуміе требовало объяснить опасность отъ такого распоряженія—а молодечество, а слава слыть смѣлымъ, да и подумать показаться трусомъ— это нравственная смерть!—Прекрасная вещь молодость— все трынъ-трава! Не нужно бы и говорить, но я скажу, что ко мнѣ попался и Медянцевъ. Доходили до меня косвенные слухи,

что ссыльные шептали—заставить меня идти на теплые острова и проч. Разумѣется, я принялъ возможныя мѣры осторожности; команда у меня была лихая—тоже ссыльные съ другихъ судовъ матросы—грубіяны, драчуны, но это были самые энергическіе матросы: немного умѣнья—и были преданы безъ границъ. Объяснилъ командѣ, какіе будутъ у насъ гости, сдѣлалъ нѣсколько репетицій; у меня было шесть пушекъ.

Явились отчаянные варнаки въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ. Простое соображеніе, что ручные кандалы могутъ служить орудіемъ, а притомъ въ кандалахъ—невозможно работать, праздность и честныхъ людей не доводитъ до добра, а такихъ тревожныхъ, огненныхъ характеровъ—и подавно. Вышедъ изъ порта, верстахъ въ 10-ти, я сталъ на якорь. Пассажировъ моихъ вызвалъ наверхъ, во фронтъ, сказалъ имъ слѣдующій спичъ. Указывая на берегъ, сказалъ: «вы тамъ были виновны и тамъ очистили васъ законы, тамъ Государь, и мы тамъ всѣ повинуемся его законамъ; здѣсь—я государь и, пока вы здѣсь, должны повиноваться моимъ законамъ; когда человѣкъ знаетъ законы, то отъ него зависитъ, исполняя ихъ, не быть виноватымъ. Вотъ вамъ мои законы; кто-бы что ни сдѣлалъ ненамѣренно — Богъ проститъ! Кто же ослушается, оскорбитъ другаго съ намѣреніемъ, тотъ подвергается наказанію кошками (которыя висѣли на яхтѣ) и на двое сутокъ на ванты. За повторенное преступленіе—кошками, въ мѣшокъ и на двое сутокъ повѣсить подъ гальюнъ. Если тотъ же будетъ виновенъ въ третій разъ — кошками, въ мѣшокъ и за бортъ! Слышали? Поняли? Кто не понялъ, спроси меня». Всѣ отвѣчали: слышали, поняли.—«А такъ какъ вы въ моемъ государствѣ не виновны, приказалъ кузнецу расковать всѣхъ, а унтеръ-офицеру — раздѣлить на вахты съ матросами». Сталъ сниматься съ якоря, каторжные были поставлены вертѣть воротъ (шпиль), чтобы не запутался навивающійся на шпиль канатъ; одинъ варнакъ былъ посаженъ потравлять канатъ (камфорить). Я стою у шпиля и вижу, при обращеніи шпиля, Медянцевъ ногою ударилъ сидящаго. Зная нравы каторжныхъ, я молчалъ до жалобы. Медянцевъ обошелъ 4 раза кругомъ и всякій разъ ногой ударялъ по сидящему; наконецъ, обиженный сказалъ: «ваше бл—діе, Медянцевъ—все дерется». Жалоба, по понятію каторжныхъ, давала право дѣйствовать начальнику, какъ исполнителю законной власти. Власть

закона для каторжнаго—святиня! Каторжный всю жизнь нарушаетъ законъ сознательно, но попался, уличенъ—онъ покоряется законной карѣ безъ ропота. Получа жалобу, я скомандывалъ: «галъ шпиль! ссыльныхъ во фронтъ!» Судъ короткій, свидѣтели, да Медянцевъ и не отпирался, но оправдывался тѣмъ, что этотъ варнакъ нагрубилъ ему на берегу. Обвиненіе обставлено было такъ, что Медянцевъ долженъ былъ сознать себя виновнымъ, а затѣмъ послѣдовало условленное наказаніе—кошками и на ванты. Съ такимъ отчаяннымъ собраніемъ изъ преступниковъ избранныхъ преступниковъ — снисхожденіе не имѣло мѣста; неуклонная твердость только могла покорить эти буйныя головы. Исполнивъ наказаніе, я снялся съ якоря и пошелъ въ море. Мольбы Медянцева о прощеніи не должны быть услышаны. Часовъ черезъ шесть, Медянцевъ начинаетъ ревѣть: дѣло въ томъ, что въ легкой обуви стоять на тоненькихъ веревочкахъ (выбленки) очень больно; на приказаніе молчать, Медянцевъ продолжалъ кричать; для прекращенія, приказано: наполнить Медянцеву ротъ пенькой, а между зубовъ—палку, которая за концы привязывалась у затылка. Исполнилось двое сутокъ, Медянцевъ освобожденъ; на вопросъ Медянцеву: какое наказаніе слѣдуетъ за второе преступленіе? Медянцевъ долго увѣрялъ, что втораго преступленія не будетъ, но былъ вынужденъ сказать: «кошками, въ мѣшокъ и подъ гальюнъ». Я увѣрилъ его въ неприкосновенности безъ вины, но, исполнивъ первое наказаніе, будетъ исполнено и второе. Прошло съ недѣлю, ночью скрѣпчалъ вѣтеръ до шторма; я скомандовалъ: «пошелъ всѣ наверхъ». Вахтенный унтеръ-офицеръ пошелъ будить всѣхъ подвахтенныхъ, а въ томъ числѣ и Медянцева; съ словомъ «вставай, наверхъ», легонько толкнулъ, чтобъ разбудить. Медянцевъ схватилъ большой драекъ и бросилъ въ унтера, но промахнулся. Должно исполнить второе наказаніе. Изъ старыхъ парусовъ были огромные сухарные мѣшки; я тихонько приказалъ выбрать крѣпкіе и вложить одинъ мѣшокъ въ другой, наверху сдѣлать отверстіе. Въ 8 часовъ получаю рапортъ, выслушалъ жалобу на Медянцева. «Ссыльные наверхъ, во фронтъ! свидѣтели.» Медянцевъ сознаяъ себя виновнымъ. Наказаніе кошками и, никакія мольбы не остановили—въ мѣшокъ и подъ гальюнъ. Мѣшокъ качается отъ качки суда, волненіемъ бьетъ въ мѣшокъ. Медянцевъ не долго стоналъ. Чрезъ двое су-

токъ, Медянцева вытряхнули изъ мѣшка; когда онъ оправился, я опять съ вопросомъ: какое наказаніе за третье преступленіе? и когда сказалъ Медянцевъ, я твердо увѣрилъ его, что, исполнивъ два наказанія, исполню и третье. Можетъ послѣдовать вопросъ: исполнилъ-ли бы я?—Право, не знаю, но можетъ быть—исполнилъ бы. Мое положеніе съ этими отчаянными преступниками требовало самыхъ твердыхъ мѣръ, чтобы убить буйный духъ и страхомъ удержать порядокъ и повиновеніе. Послѣ втораго наказанія Медянцеву, я пробылъ въ морѣ недѣли три; ни одинъ каторжный не былъ наказанъ, поведеніе ихъ заслуживало похвалу; работали усердно, выучили названія снастей, парусовъ—почти сдѣлались матросами и имъ нравилась обязанность матроса; видимо щеголяли другъ передъ другомъ знаніемъ морской терминологіи. Медянцевъ сдѣлался душою команды, много зналъ сказокъ, зналъ наизусть комедію «Мельникъ», мало того, сдѣлался отличнымъ брамсельнымъ. Не одинъ разъ замѣчалъ я, что ссыльные затрогивали его насмѣшками, которыхъ онъ въ другое время не снесъ бы, а тутъ—либо не замѣчалъ, либо смѣялся: всякому своя жизнь дорога!

Сдалъ я каторжныхъ въ Петропавловской гавани, гдѣ они получили полную свободу. Я зимовалъ; встрѣчая Медянцева, всегда получалъ отъ него привѣтствіе—отца и благодѣтеля.

Чтобы ознакомить съ этими исключительными характерами, буду продолжать разсказъ объ Иванѣ Медянцевѣ.

Въ Страстную недѣлю поста Медянцевъ, поздно вечеромъ, явился въ квартиру купца Сахарова; показывая ножъ, просилъ рублей 300 денегъ. Сахаровъ былъ одинъ, сталъ искать свою шкатулку, приблизился къ окну: рама ординарная, затянутая пузыремъ; Сахаровъ съ шкатулкою быстро бросился въ окно, рама вылетѣла и купецъ скрылся въ темнотѣ.

Медянцевъ пришелъ на гауптвахту, бросилъ на столъ ножъ и смѣясь разсказалъ—какой трусъ Сахаровъ, а что онъ хотѣлъ пошутить. Медянцева въ кандалы. Въ Камчаткѣ нѣтъ тюрьмы, нѣтъ суда, нѣтъ палача и нѣтъ орудій для наказанія. Медянцева отправили въ Охотскъ—въ 12 лѣтъ это былъ единственный случай отправленія каторжнаго изъ Камчатки въ Охотскъ. Медянцевъ попалъ на бригъ къ Николаю Вуколовичу Головину; это былъ добраго и кроткаго характера человѣкъ. Медянцевъ скоро смѣ

тилъ и дѣлалъ грубости, не ладилъ со всѣми; командиръ приказалъ приковать его на палубѣ къ борту; лишь-только выходилъ командиръ на палубу, Медянцевъ тысячу говорилъ оскорбленій и говорилъ: «какой ты командиръ, ты баба, вотъ Разумъ (Эразмъ) Ивановичъ—настоящій отецъ, въ обиду не дастъ, а виноватъ, такъ позолота съ серегъ сойдетъ! Это сама правда на землѣ» и проч. Въ Охотскѣ, я же былъ презусомъ военнаго суда и 23 кнута было награжденія преступнику. Изъ незамѣтнаго мѣста, я хотѣлъ видѣть наказаніе, при которомъ распоряжался казацкій сотникъ; наказаніе производилось передъ гостиннымъ дворомъ. Послѣ наказанія, Медянцевъ обратился къ купцамъ и приказчикамъ, и сказалъ: «смотрѣть-то вы смотрите, а что-бы дать по пятинкѣ—подлецы, проучу я васъ!»—Я знаками показалъ сотнику, тотъ понялъ, повалилъ Медянцева и хорошо наказалъ его плетьми. Я обошелъ такъ, чтобы встрѣтить Медянцева,—громадный мужчина шелъ пошатываясь, глаза покрыты туманомъ, но, встрѣтя и вглядясь, узналъ меня, упалъ въ ноги, называлъ отцомъ, святымъ человѣкомъ и проч., просилъ поцѣловать руку; я отказалъ и позволилъ поцѣловать ногу и онъ разцѣловалъ обѣ мои ноги.

Разскажу и конецъ о Медянцевѣ.

Я остался зимовать въ Охотскѣ; бывши на заводѣ, я сказалъ Медянцеву: — «уймись! еще сдѣлаешь преступленіе, даю тебѣ слово, что приговорю тебя къ лишенію жизни; ты меня, Иванъ, знаешь, я никогда не измѣнялъ своего слова!»

— «Знаю, батюшка, ты и мухи не обидишь напрасно, но что скажешь, то сдѣлаешь; ты, отецъ—сама правда; буду жить смирно, надобно замолить старые грѣхи».

Какъ я говорилъ, хозяйственная часть завода до мѣстнаго управленія не касалась, завѣдывало заводскимъ хозяйствомъ горное вѣдомство. Часто управлялъ заводомъ какой нибудь штурманъ или кто нибудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ или содержатель при магазинахъ; эти господа, не понимая дѣла, не умѣли и воровать. Прислали смотрителя завода изъ Якутска—надворнаго совѣтника Гуляева; горное вѣдомство въ Иркутскѣ многаго не досчиталось на заводѣ, прислало для ревизіи завода (не помню мудренаго чина горнаго) Ивана Яковлевича Козлова.—Онъ изъ артиллеріи перешелъ въ горные; воспи-

таннилъ корпуса, товарищъ Рылѣева, Козловъ былъ очень хорошо образованный и пріятный человѣкъ, былъ недурной поэтъ—печатался. Мы скоро съ нимъ сошлись; пріѣзжая съ завода, онъ обыкновенно по недѣлѣ и болѣе жилъ у меня; за этимъ превосходнымъ человѣкомъ былъ недостатокъ: онъ боялся каторжныхъ; тѣ скоро смекнули и постоянно продѣлывали штуки — стращая его; напримѣръ, онъ на заводѣ жилъ въ караульномъ домѣ на офицерской половинѣ; ссыльные гдѣ-то добыли обломокъ ружейнаго дула, просверлили стѣну и вставили обломокъ дула; на моего Ивана Яковлевича сильно подѣйствовала эта глупая штука. Всякія штуки, будто заговоры противъ него, разные фальшивые доносы—видимо забавляли этихъ бѣшенныхъ людей: боящихся ихъ не только не уважали, а говоря между собой—презирали.

Козловъ много открылъ злоупотребленій на заводѣ. Одинъ разъ, зимою, долго живя у меня, была необходимость ему ѣхать на заводъ. Козловъ выпросилъ у меня отличныхъ моихъ собакъ, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру вернуться назадъ. Я согласился дать собакъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ ни слова не говорилъ: услышавъ чужой голосъ—не послушаютъ и вернутся съ дороги; одѣлъ его въ мою кухлянку, усадилъ и крикнулъ: ха! Собаки понеслись поворотомъ; моя передовая слушалась условныхъ ударовъ оштола о санки. До завода было 20 верстъ, съ небольшимъ часъ ѣзды. Едва ли прошелъ часъ, вижу, мой Иванъ Яковлевичъ мчится назадъ. Смотрю, Козловъ блѣденъ какъ стѣна! Не вдругъ добился я толку. Исторія вотъ какая: на половинѣ дороги стоитъ домикъ-караулка, въ которой живетъ вольнопропитанный; караулка—для обогрѣванія пѣшеходамъ во время пурги. Козловъ подъѣзжалъ къ этому домику, какъ изъ-за него выступилъ огромный мужчина и замахнулся дубиной. Собаки, по удивительному инстинкту, такъ быстро повернули назадъ, что человѣкъ промахнулся дубиной. По разсказу, я догадывался—ужъ не Медянцевъ ли намѣревался убить. Въ минуту собрался, взялъ съ собою Козлова и въ сумерки былъ на заводѣ. Моя тайная полиція—поляки разсказали мнѣ, что, часу въ 10-мъ утра, Медянцевъ былъ раскованъ, куда-то уходилъ, возвратился часа два назадъ и его опять заковали. Пріѣзжая въ заводъ, я всегда останавливался въ караульномъ домѣ, который раздѣлялся на двѣ половины; направо помѣщалась караульная команда, а налѣво—офицерская по-

ловина; послѣдняя раздѣлялась глухою перегородкою: въ меньшей помѣщался писарь, а бóльшая—для моего пріѣзда. Служебныя дѣла я всю жизнь дѣлалъ серьезно и сколь можно парадно. Козлову объявилъ, что при слѣдствіи быть никто не можетъ. Ивану Яковлевичу очень хотѣлось слышать и видѣть допросъ Медянцеву; онъ просилъ позволить ему поставить кровать по другую сторону перегородки, на которой онъ будетъ лежать смирно; сдѣлалъ щель въ перегородкѣ и улегся. Я приказалъ привести Медянцева. Въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, огромнаго роста, статный мужчина, одѣтъ былъ эффектно: въ черныхъ плисовыхъ широкихъ шараварахъ, въ суконной шитой въ обтяжку курткѣ, съ небольшой черной мерлушковой шапкой въ рукахъ. Ввели Медянцева шесть вооруженныхъ матросовъ. Первое, что я скомандовалъ: ружейные вонъ! Въ переднемъ углу стоялъ большой столъ, выкрашенный зеленой краской, простой стулъ— это мое присутствіе; на столѣ бумага, чернила, перья.

— Здравствуй, Медянцевъ.

— Здравствуйте, батюшка; по какому случаю изволили вспомнить о мнѣ, али по какому старому дѣлу?

— Подойди ко мнѣ, такъ узнаешь.

Послѣ обыкновенной формы — какъ зовутъ и проч., — Ты сегодня былъ раскованъ: по чьему приказанію, и куда ходилъ?

— Какъ, батюшка, и эта малость вамъ извѣстна? кандалы снималъ я самъ и ходилъ на свиданіе къ жонкѣ вольнопропитаннаго Бардадыма—верстъ за пять въ лѣсъ; грѣшное дѣло, давно знакомы,—и пошелъ врать.

Я серьезно все записывалъ. Далъ наговориться ему и сказалъ: «Я все знаю и хотѣлъ попробовать, имѣешь ли ты столько храбрости, чтобы сказать всю правду. Ложь нисколько тебѣ не поможетъ; помнишь-ли ты мои послѣднія слова? а ты знаешь, я на вѣтеръ не говорю. Говори или нѣтъ правду, я все знаю и повторю тебѣ, что ты будешь приговоренъ къ казни!»

— Я, батюшка, довольно тебя знаю, даромъ слова не проронишь; ну, а если я признаюсь?

— Ничего тебѣ не поможетъ!

— Такъ помилованія не будетъ?

— Не будетъ, Иванъ!—(слышу за перегородкой движеніе).

— Ну, такъ видно Богу угодно, довольно погрѣшилъ.—Пи-

ши, батюшка, я всю правду скажу: поутру позвалъ меня смотритель, далъ мнѣ большую чашку французской водки и сталъ уговаривать убить пріѣзжаго горнаго чиновника, который сегодня долженъ возвратиться изъ Охотска. Знаете, въ голову попало, я согласился; онъ далъ мнѣ еще чашку водки и обѣщалъ бутылку водки и 10 рублей. За заводомъ приказали снять кандалы, я взялъ дубину и пошелъ въ караулкѣ; недолго ждалъ, баринъ подъѣзжаетъ, я вышелъ и ловко замахнулся; собаки такъ быстро повернули, что я промахнулся. Вернулся въ заводъ, меня заковали. Вотъ вся правда, теперь ты, батюшка, перемѣни строгость на милость.

Медянцевъ подписалъ свое показаніе и спросилъ еще разъ: «чтожъ, батюшка, оставишь мнѣ жизнь замолить грѣхи?»

— Нѣтъ, Иванъ, ты переступилъ мѣру своими преступленіями, я тебѣ прежде сказалъ и теперь исполню (за перегородкой даже стукъ).

Пока я подписывалъ показаніе и дѣлалъ заключеніе, слышу, что-то капаетъ — это слезы Медянцева, крупныя какъ горохъ, капали въ шапку. Видно, всякому своя жизнь дорога! Позвалъ ружейныхъ и сдалъ Меданцева; онъ прощался со мною добродушно.

Пришелъ мой пріятель Козловъ; съ нимъ точно была лихорадка; онъ увѣрялъ меня, что проклялъ минуту, въ которую рѣшился лечь на кровать; съ нимъ дѣлалась дрожь, онъ каждую минуту ожидалъ, что Медянцевъ кандалами хватитъ меня по головѣ. Я увѣрилъ его, что кадета морскаго корпуса не легко ударить: еслибъ Медянцевъ сдѣлалъ только движеніе замаха, какъ лежалъ бы на полу. Слѣдовало сдѣлать допросъ старику смотрителю, но я избралъ другой путь; позвалъ унтеръ-офицера, приказалъ ему разбудить смотрителя и дать прочесть ему показаніе Медянцева, сказать, что посылаю ему секретно. Смотритель прочиталъ два раза, возвратилъ и приказалъ много благодарить меня. Это была уже полночь. Поутру докладываютъ, что смотритель умеръ. Нахожу, на столикѣ около кровати, большая чайная чашка съ остатками порошка на днѣ; небольшая банка, тоже съ остатками бѣлаго порошка; на кровати смотритель съ искаженнымъ немного лицомъ — уже холодный; въ банкѣ оказался мышьякъ. Вскрывать некому, одинъ лекарь въ Охотскѣ — не стоило без-

покоить, безъ церемоніи закопали самоубійцу. Я же былъ и презусомъ военнаго суда, приговорилъ Медянцева къ 35-ти ударамъ кнута, по высочайшему повелѣнію — на вѣчно въ ручные и ножные кандалы, въ мѣдные рудники, на вѣчно приковать къ тачкѣ. Приковать на вѣчно къ тачкѣ—это былъ первый приговоръ; его утвердили. Послѣ, я слышалъ, повторяли этотъ приговоръ.

Былъ я на заводѣ, Медянцевъ закованъ по высочайшему повелѣнію: тогда это понималось, что расковать Медянцева дозволялось только послѣ смерти. Видно, всѣ были сердиты на Медянцева, заковали его очень тѣсно, такъ что, при ходьбѣ, кандалы должны растирать ноги. Медянцевъ издалека поклонился мнѣ въ ноги и сказалъ:

— Видно, батюшка, и у тебя есть сердце, оставилъ мнѣ жизнь, буду молиться за тебя.

Онъ былъ убѣжденъ, что я лишу его жизни.

Въ іюнѣ, я шелъ изъ порта, вижу на рѣкѣ лодка съ человѣкомъ. На лодкѣ: «ало!—ало! Вернись». Это увозили Медянцева; увидавъ меня, не вылѣзъ, а выползъ изъ лодки къ ногамъ моимъ. У этого каторжнаго изъ каторжныхъ лились слезы; молитвы, привѣтствія, видна была непритворная радость, что онъ еще увидалъ меня, просилъ поцѣловать руку, но я позволилъ поцѣловать ногу. Унтеръ-офицеру далъ пять рублей для улучшенія пищи преступнику. Лодка отвалила и, пока я могъ слышать голосъ, я слышалъ молитвы и мое имя.

Въ началѣ, когда я молодечествовалъ съ каторжными на охотѣ и не помѣшалъ бѣжать Андрюшкѣ, пришла осень, стала рѣка, порошилъ снѣгъ; я былъ на гауптвахтѣ, осматривалъ порядокъ; я былъ на плацу, вижу—идетъ изъ-за рѣки человѣкъ, подошелъ и упалъ мнѣ въ ноги; это былъ Андрюшка, зима выгнала его изъ лѣса; Андрюшка, лежа у ногъ, говорилъ много благодарностей.

— Андрюшка, вѣдь тебя будутъ наказывать.

— Эхъ, батюшка, на то есть законъ, я противъ закона нейду; но за твое здоровье и въ лѣсу Бога молилъ, что ты такъ честно поступилъ и не помѣшалъ уйти.

Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. редакторъ Михаилъ Ивановичъ! Если годится—напечатайте, не годится—бросьте. Если годится и вы пожелаете продолженія, то напишите, я найду свободное время и могу разсказать вамъ нѣсколько эпизодовъ изъ быта каторжныхъ изъ каторжныхъ и моихъ столкновеній съ ними. Вѣдь въ томъ краю я прожилъ 12 лѣтъ—чего ни случалось! Я хотѣлъ подражать формою разсказа Ѳ. М. Достоевскому, но гдѣ нашему брату рядовому подражать столь даровитому генералу отъ литературы! при томъ же онъ былъ а я — каратель, — взгляды разные! Минуло 60 лѣтъ; взявшись за карандашъ, отразились въ памяти не только подробности тогдашней жизни, даже имена участниковъ происшествій. Читая, вы спросите—сколько же мнѣ теперь лѣтъ? — да, зажился-таки и вотъ дожилъ, что не могу писать перомъ — карандашомъ еще кой-какъ. Я давно вашъ подписчикъ, вы вѣрно и не подозрѣваете, что я сердитъ на васъ. Вы помѣщали «Записки Ивана Степановича Жиркевича» и остановились на самомъ любопытномъ для меня времени. Онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, я былъ тамъ на службѣ; я вполнѣ почиталъ этого честнѣйшаго человѣка, мы были очень дружны. Порокъ неисправимый губилъ Ивана Степановича—онъ былъ слишкомъ прямъ и чрезъ мѣру горячъ когда видѣлъ нечестное дѣло. Я имѣлъ возможность и отстаивалъ его, но всетаки онъ не могъ оставаться въ Симбирскѣ, но оставилъ съ честію, надѣлъ военный генералъ-маіора мундиръ и сдѣланъ губернаторомъ въ Витебскѣ, чему я былъ очень радъ. Нетерпѣливо ждалъ, что «Русская Старина» напечатаетъ, а я пополню то, что по скромности не разскажетъ Иванъ Степановичъ [1]). Вы обѣщали напечатать «Записки Михаила Бестужева», но, вѣроятно, не напечатали—по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ [2]). Миша Бестужевъ былъ корпусный мой товарищъ; гардемаринами, мы дрались на дуэли — на рапирахъ. Я всѣхъ видѣлъ въ Читѣ въ 1831-мъ году, видѣлъ ихъ.............
Хотите, я кой-что разскажу вамъ о Сперанскомъ въ Иркутскѣ 1818-го года? Съ Г. С. Батенковымъ я тогда былъ очень друженъ. Я былъ дѣйствующимъ лицомъ въ 1832-мъ году, когда архіепископъ бунтовалъ противъ генералъ-губернатора Лавинскаго. Но объ этомъ, кажется, рано еще говорить. Я былъ тогда начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ.......

Съ уваженіемъ и преданностію Э..... .....въ.

2-го февраля 1878 года.

---

[1]) Продолженіе Записокъ Ивана Степановича Жиркевича будетъ напечатано въ XXII-мъ и XXIII томахъ «Русской Старины», (№7, іюль и №9, сентябрь 1878 г).

[2]) Продолженіе Записокъ М. А. Бестужева будетъ напечатано въ «Русской Старинѣ» (Отрывки были помѣщены въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 258—279 и томъ II, стр. 231—250. Ред.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ВЕРЖБНѢ

20-го ноября ст. ст. 1830 г. [1]).

[Переводъ съ польскаго].

Послѣ ночи, проведенной подъ деревомъ, тѣсная комнатка въ маленькой корчмѣ была квартирою великаго князя и его супруги, князя, который два дня тому назадъ управлялъ Царствомъ и многими губерніями. Комнатка въ одно окно—въ ней стояла кровать, диванчикъ, стулъ, столикъ и скамейка,—тѣсна была до того, что въ ней едва можно было сдѣлать два шага. Четверо пріѣзжихъ, проѣхавъ, безъ всякихъ предъидущихъ уговоровъ и ручательствъ, аванпосты и стражи, очутились на дворѣ среди военныхъ различныхъ чиновъ; нѣсколько потолкавшись межъ нихъ, они были допущены къ великому князю и наполнили его комнатку. Нашли они великаго князя стоящимъ у кровати; на столикѣ были двѣ тарелки, такъ какъ это было обѣденное время, третій часъ. Княгиня Ловичъ сидѣла на диванчикѣ. Очутились они наединѣ съ великимъ княземъ и княгиней. Сначала сталъ говорить князь Любецкій, и говорилъ долго, объясняя, что дѣйствія административнаго совѣта не могли быть иного рода, такъ какъ онъ находился подъ напоромъ черни и не имѣлъ другихъ средствъ для удержанія порядка, кромѣ тѣхъ, какія предпринималъ. Еслибъ у нихъ было болѣе войска, то они были бы въ состояніи удержать порядокъ, теперь же онъ не предвидитъ, что̀ еще можетъ случиться; все же, что случилось, произошло единственно вслѣдствіе многочисленныхъ нарушеній законовъ и конституціи.

---

[1]) Въ дополненіе къ историческому очерку Е. П. Карновича о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, приводимъ нѣсколько подробностей о свиданіи цесаревича съ депутатами административнаго совѣта Царства Польскаго. Подробности эти заимствуемъ изъ разсказа одного изъ участниковъ этихъ переговоровъ.

На это великій князь, полный спокойствія, живо разсказывалъ, что не чернь напала на его Бельведерскую квартиру. Считая это нашествіе сдѣланнымъ съ цѣлью убійства, перечислялъ подробности, извѣстныя ему только одному, указывалъ въ какой степени участвовали въ этомъ военные. Упоминалъ о вѣрности своихъ слугъ русскихъ, изъ которыхъ одинъ грудью защищалъ двери его комнаты и погибъ, другой, желая скорѣе доставить помощь, выскочилъ окномъ съ третьяго этажа и сломалъ себѣ ноги. Упрекалъ административный совѣтъ въ томъ, что оскорбилъ его, назначивъ главнокомандующимъ Хлопицкаго.

На долгій этотъ разсказъ возражалъ Любецкій повтореніемъ увѣренія, что еслибъ у правительства было болѣе войска, то оно было бы болѣе сильно, а теперь едва можетъ защищаться отъ черни и горячихъ умовъ. Князь Чарторижскій извинялся, оправдывая вызванныя обстоятельствами дѣйствія правительства. Островскій напомнилъ великому князю о томъ замѣчаніи, которое онъ сдѣлалъ во время сейма: «что для народовъ опасенъ примѣръ, если ихъ правительства пріучаютъ пренебрегать данную присягу»; что нарушенія конституціи причиною революціи, цѣль же ея—соединеніе всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, а слѣдовательно, и губерній польскихъ съ Царствомъ, что̀ не теперь еще обѣщано.

На эти слова княгиня Ловичъ быстро поднялась съ диванчика и, подойдя къ князю Любецкому, патетически, торжественнымъ голосомъ стала его упрекать, что онъ, который до сихъ поръ имѣлъ довѣріе у царя, который былъ его ministre favorit, теперь его обманываетъ и оставляетъ; что исполненіе обязанностей должно быть единственною цѣлію дѣятельности, кто отъ этого удаляется—впутывается въ милліонъ невѣрныхъ цифръ; что его обязанностью было сохраненіе административнаго совѣта такимъ, какимъ его установилъ царь. Тогда бы князь былъ силенъ; избирая же лицъ популярныхъ—сдѣлалъ власть слабою и революціонною. Любецкій опровергалъ эти упреки тѣмъ, что административный совѣтъ, находясь въ величайшей опасности, принявъ лицъ популярныхъ въ народѣ, могъ бы охранить царскую власть и столицу спасти отъ разрушенія. Княгиня Ловичъ, не довольствуясь этимъ объясненіемъ, изливая свои чувства и говоря, что это дѣлаетъ какъ полька, привязанная къ своей странѣ и народу, стала еще болѣе укорять Любецкаго, что полагается на людей, которые именно ослабляютъ правительственную силу. Сильно растроганная, княгиня словомъ и жестами указывала на Лелевеля, какъ на виновника замѣшательства. На первые столь явные упреки, Лелевель сразу отвѣчалъ улыбкою; когда же нашелъ удобное время говорить,

началъ съ того, что замѣчаетъ, что его подозрѣваютъ въ какихъ-то замыслахъ съ цѣлью нарушенія спокойствія. Перебила его княгиня и говорила, что вовсе не заподозрѣваетъ его, и взявъ за руку Островскаго и Лелевеля, представляла имъ то, чему они подвергаютъ польскую страну. Изображая живыми красками грозную будущность, въ самыхъ ласковыхъ словахъ призывала ихъ усмирить все это замѣшательство, такъ какъ она убѣждена, что это въ ихъ власти. Князь Любецкій, поддерживая мнѣніе княгини, доказывалъ, что Островскій и Лелевель имѣютъ вліяніе на народъ; призваніе ихъ въ административный совѣтъ и ихъ поведеніе были единственнымъ средствомъ, обезпечивающимъ дѣятельность административнаго совѣта; но остановить революцію ни они, ни кто другой уже не въ состояніи.

Лелевель, обращая свою рѣчь къ великому князю, говорилъ, что несомнѣнно его императорское высочество умѣетъ отличить тѣ первыя ночныя происшествія, о которыхъ онъ такъ скорбитъ, отъ позднѣйшихъ, которыя являются народнымъ движеніемъ. Теперь затрогивается болѣе важный вопросъ, поднимающій великій и неугасающій огонь,— это требованіе законовъ и конституціи для поляковъ въ польскихъ губерніяхъ и соединеніе ихъ съ Царствомъ. Первый взрывъ былъ только побужденіемъ къ этому, а теперь выражается всеобщая народная воля. На это великій князь отвѣчалъ, что домогаться силою невозможно. Островскій повторялъ, что напрасно просили, представляли и даже горячо протестовали о нарушеніи конституціи и о ея распространеніи на остальную Польшу. Тому доказательствомъ служатъ всѣ сеймы и столь многочисленныя и безполезныя петиціи. Для уничтоженія насилія! только насиліе могло быть полезнымъ; подобные случаи произошли не только въ Польшѣ, но и во Франціи и Бельгіи. Не было это по мысли великому князю и его упрекъ Лелевель смягчилъ, сказавъ, что вѣдь и Польша насильственно была разорвана тремя державами. Далѣе онъ говорилъ, что императоръ Николай имѣетъ въ своемъ государствѣ много народовъ, но только двѣ націи, для которыхъ одинаково долженъ быть отцомъ. Возможно-ли, чтобъ польская нація, изъ-за какой нибудь политики, была столько времени угнетаема? Что же касается до дѣйствій его и административнаго совѣта, то Лелевель полагалъ, что его не слѣдуетъ порицать, такъ какъ все, что, въ эти дни замѣшательствъ и разстройства, выходило изъ предѣловъ законности, тó, ему кажется, всякій членъ совѣта старался навести на законный путь, давая соизволеніе царскимъ именемъ. Изъ такой дѣятельности совѣта и онъ не выдѣлялся, видя въ этомъ единственное средство сохранить связь между дѣйствіями націи и царемъ, и такимъ образомъ ясно, что совѣтъ старается спасти и страну и царя.

Великій князь, хвалясь тѣмъ, сколько онъ встрѣтилъ вѣрности и преданности въ войскѣ, вынулъ изъ кармана свой суточный приказъ, въ которомъ обѣщаетъ амнистію всѣмъ тѣмъ, которые бы сознались въ своихъ заблужденіяхъ. При этомъ обращалъ вниманіе на то, что съ своей стороны дѣлаетъ большое снисхожденіе, если всѣ эти насильственныя дѣйствія называетъ заблужденіями. На это Островскій сказалъ, что такою амнистіею никто не захочетъ воспользоваться, такъ какъ никто не сознается въ винѣ. Тогда великій князь спрашивалъ, что̀ могло бы всего скорѣе успокоить все волненіе? Островскій на это отвѣчалъ, что удаленіе россійскихъ войскъ изъ Варшавы и ихъ уходъ въ Россію могъ бы успокоить взволнованные умы. Тогда княгиня Ловичъ и великій князь проговорились, что это можетъ статься безъ труда, но явился затѣмъ вопросъ: «что̀ же тогда долженъ сдѣлать великій князь съ собою?» Любецкій полагалъ, что лучше всего сдѣлаетъ, если вернется въ Варшаву. Началась по этому поводу истая баллотировка. Любецкій подалъ голосъ за оставленіе; Чарторижскій хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, но великій князь перебилъ, требуя отвѣта—да или нѣтъ. Чарторижскій вотировалъ—остаться. Островскій полагалъ, что слѣдуетъ удалиться, Лелевель также. «И ты противъ него?»—сказала княгиня Лелевелю. На это онъ отвѣчалъ: «вѣроятно, княгиня помнитъ, какъ сама недавно говорила, что великій князь не можетъ оставить своего русскаго войска—какъ-же остался бы онъ одинъ? Близость къ столицѣ русскаго войска удерживаетъ опасеніе и безпокойство, да кромѣ того русское войско, признаваемое народомъ за иноземное и даже враждебное, можетъ ожидать нападенія и атаки».

Великій князь увѣрялъ, что никакихъ враждебныхъ дѣйствій не производилъ и не будетъ производить, поэтому охотно приступилъ къ конвенціи, которая съ нимъ была заключена и писана для напечатанія. Островскій присѣлъ у столика и редактировалъ на бумагѣ то, на что̀ согласились. Великій князь поручился, что не будетъ осаждать Варшавы, а еслибъ получилъ повелѣніе, то 48-ю часами раньше предупредитъ. Требовалъ подобнаго же ручательства съ польской стороны, но Островскій отвѣтилъ, что удержать вооруженный народъ никто не въ силахъ; можно удержать въ подчиненіи регулярное войско, а не взволнованную массу; а такъ какъ это условіе не возможно, то совѣтовалъ великому князю, для собственной безопасности, удалиться изъ окрестностей Варшавы. На это княгиня Ловичъ съ ироніей отвѣтила: «о! спасибо за эту заботливость». Обѣщалъ великій князь, что не дастъ никакихъ приказовъ Литовской арміи для враждебныхъ дѣйствій. Выразилъ желаніе, чтобы его генералы были выпущены изъ плѣна; депутація

обѣщала объ этомъ хлопотать. Съ своей стороны, великій князь обѣщалъ амнистію всѣмъ сознающимся въ своихъ заблужденіяхъ. Депутація единогласно выражала, что эта амнистія не имѣетъ никакого значенія. Великій князь повторялъ, что не можетъ быть большаго съ его стороны снисхожденія, если преступленія (crimes) называетъ заблужденіями. Лелевель поддерживалъ замѣчаніе, такъ какъ трудно, чтобы столь различныя заблужденія, которыя были преступленіями, были объявляемы другими. Великій князь нѣсколько разъ повторилъ, что его это радуетъ, что самъ Лелевель признаетъ, что были преступленія и злодѣянія. Лелевель повторилъ это свое мнѣніе, что дѣйствительно были грабежи и убійства, но кто же придетъ объявлять о такихъ заблужденіяхъ? Такимъ образомъ нужна не амнистія, а всеобщее забвеніе (oubli total). Послѣ долгихъ споровъ, когда едва не дошло до прекращенія переговоровъ, великій князь, наконецъ, согласился быть посредникомъ въ испрошеніи у царской милости (clémence du roi) оставленія всего въ забвеніи.

Казалось, было невозможнымъ провести послѣдній пунктъ, касающійся польскихъ губерній. Великій князь настаивалъ сильно на томъ, что не можетъ ни хлопотать объ этомъ, ни быть посредникомъ передъ царемъ. Островскій замѣтилъ, что это соединеніе не можетъ представлять при исполненіи затрудненій; при этомъ онъ ссылался на свой разговоръ съ великимъ княземъ во время сейма, отъ котораго онъ слыхалъ, что возвращеніе Польшѣ Литвы и Волыни было окончательно обѣщано императоромъ Александромъ и это пріостановлено единственно вслѣдствіе безчинства нѣсколькихъ депутатовъ; что же могло быть сдѣлано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то и теперь легко удастся исполнить. Великій князь, однако, не хотѣлъ и слушать объ этомъ; сталъ, заложивъ руки, у окна, и наступило долгое молчаніе.—Тогда Лелевель велъ разговоръ съ княгинею Ловичъ и перемежалъ его молчаніемъ. Княгиня повторяла: «терпѣнія, онъ на все согласится». Лелевель, видя, что молчаніе повторялось все чаще и чаще, не желая, чтобы весь трудъ не окончился ничѣмъ, предложилъ свое мнѣніе, что, такъ какъ въ разговорѣ съ великимъ княземъ вопросъ о польскихъ губерніяхъ былъ предметомъ переговоровъ, то, вѣроятно, великій князь этого не станетъ отрицать. «Конечно нѣтъ», отвѣтилъ князь. Затѣмъ Лелевель прибавилъ, что, вѣроятно, имъ будетъ позволено упомянуть объ этомъ печатно. На это великій князь согласился и даже обѣщалъ принять и представить царю имѣющее быть ему поданнымъ представленіе. И это было записано.

Лелевель въ этомъ разговорѣ подвергался особымъ укорамъ, по причинѣ предубѣжденія, съ какимъ къ нему относились великій князь

и княгиня Ловичъ. Какъ въ началѣ княгиня указывала на Лелевеля, какъ на главнаго виновника замѣшательства, такъ теперь великій князь, когда вспомнилъ о своемъ Брюлевскомъ дворцѣ и спросилъ, что̀ съ нимъ случилось, то сейчасъ же обратился съ вопросомъ къ Лелевелю, такъ какъ это ему должно быть лучше всего извѣстно. На его отвѣтъ, что не знаетъ, Любецкій разсказалъ о его судьбѣ и цѣлости. Спрашивалъ великій князь—тотъ ли это Лелевель, что былъ профессоромъ въ Вильнѣ?—Лелевель сказалъ, что тотъ же.—А здѣсь, въ Варшавѣ, студенты произвели безпорядки, такъ Лелевель виноватъ! Онъ же отвѣтилъ, что прежняя его дѣятельность отдѣлена отъ Варшавскаго университета и мѣстомъ и временемъ, и трудно соединить эти два событія; что онъ, замкнутый въ своей домашней жизни, почти не знаетъ варшавскихъ студентовъ; если же на столько счастливъ, что его имя гдѣ нибудь упоминается, то тому причиною болѣе судьба, чѣмъ его заслуги.—Распрашивалъ великій князь, гдѣ онъ провелъ ту первую ночь возмущенія.

— У одра больнаго и умирающаго отца, который въ ту именно ночь скончался на моихъ рукахъ,—отвѣтилъ Лелевель.

Это произвело нѣкоторое впечатлѣніе на великаго князя и онъ перестaлъ настаивать на этомъ, хотя подъ конецъ разговора еще разъ обратился къ Лелевелю съ словами:

— Въ Варшавѣ, кажется, образовался и клубъ?

— Да,—отвѣтилъ Лелевель,—и меня избралъ предсѣдателемъ.

При прощаніи ясно было, что княгиня Ловичъ оставила предубѣжденіе и нерасположенность, съ какою была къ Лелевелю въ началѣ, когда съ отвращеніемъ глядѣла на него.—Прощаясь холодно съ Островскимъ, съ выраженіемъ благорасположенія подала Лелевелю руку и пожала. Это произошло вслѣдствіе разговора съ нимъ, къ которому склонилъ ее Любецкій.

Разговоръ этотъ былъ веденъ на польскомъ языкѣ, подъ конецъ долгихъ переговоровъ и списыванія договора. Здѣсь Лелевель доказывалъ, что напрасны подозрѣнія, будто онъ враждебно настроенъ къ Россіи и самъ побудилъ къ безпорядкамъ; что онъ даже гордится своими литературными сношеніями съ русскими учеными и имѣетъ удовольствіе знать нѣкоторыхъ русскихъ. Разсматривая, среди своихъ мирныхъ занятій, отношенія польскаго и русскаго народа, онъ въ начавшемся возстаніи видитъ не возстаніе противъ царя или русскаго народа, который, если желаетъ, можетъ называться братнимъ народомъ польскаго, а только противъ русской политики, которая съ столь давнихъ временъ притѣсняетъ польскій народъ. Излагалъ ей

на сколько административный совѣтъ прилагалъ усилій, чтобы интересы народа удержать въ связи съ царемъ, надѣясь, что царь вникнетъ въ нужды и страданія (!) народа. Только быстрое удовлетвореніе ожиданій и требованій народа можетъ расположить умы, а такъ это движеніе можетъ охватить весь народъ, одинаково чувствующій; эти чувства, вѣроятно, княгиня, какъ полька, съумѣетъ оцѣнить. Говорилъ, что уже нарушены предѣлы терпѣнію. Императоръ Александръ или только ласкалъ или искренно обѣщалъ соединить польскія губерніи съ Царствомъ, но всетаки удерживалъ народъ въ надеждѣ и ожиданіи. Теперь же императоръ Николай, послѣ коронаціи, въ письмѣ, правда, частномъ, но публично обнародованномъ, отнялъ эти надежды. Княгиня увѣряла, что когда великій князь будетъ говорить съ императоромъ о губерніяхъ, то начнетъ съ напоминанія о томъ—какую непріятную сенсацію произвелъ этимъ въ польскомъ народѣ. Лелевель далѣе представлялъ, что, долго живя въ польскихъ губерніяхъ, ежегодно путешествуя въ Волынь, онъ видитъ ухудшеніе состоянія жителей; что особенно оно ухудшилось въ царствованіе императора Николая: нетерпимость народная, религіозная, ослабленіе въ администраціи матеріальныхъ и нравственныхъ силъ—угнетаетъ тѣ провинціи. Можетъ ли Польша, смотря на это угнетеніе земляковъ, оставаться нечувствительною? Ссылался при этомъ на чувства самой княгини. Она не отрицала этого и убѣждала, что судьба польскихъ губерній близка сердцу ея мужа и что онъ не разъ желалъ присоединить ихъ къ Царству. Лелевель говорилъ, что объ этомъ благорасположеніи великаго князя онъ отлично знаетъ отъ генерала Красинскаго и другихъ лицъ. Страннымъ, однако, стеченіемъ обстоятельствъ, великій князь высказывалъ эти свои желанія тогда, когда политика петербургскаго двора была этому противна и не желала; когда же желали соединить польскія губерніи съ Царствомъ Польскимъ, то этого великій князь не желалъ, сильно противился и препятствовалъ. Но какъ это было—мало кому извѣстно, и народъ, выведенный изъ терпѣнія, съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ домогаться о своемъ существованіи. Княгиня упомянула о препятствіяхъ. Лелевель соглашался, что есть большія затрудненія, но есть еще и бо̀льшія, которыхъ не умѣетъ оцѣнить, но онъ думаетъ, что императоръ могъ бы найти средства, которыя вывели бы изъ этого труднаго положенія. Пусть позволитъ, чтобы уполномоченные русскаго народа переговорили объ этомъ съ польскими уполномоченными, и навѣрно всѣ затрудненія удалитъ отъ себя и сдѣлается посредникомъ двухъ народовъ. Княгиня обѣщала, что эти замѣчанія передастъ своему мужу, и увѣряла, что великій князь

будетъ посредникомъ польскаго народа передъ братомъ — просила только терпѣнія.

Этимъ заканчивался (нашъ) отдѣльный разговоръ, и около восьми часовъ началось прощаніе и возвращеніе изъ Вержбны въ Варшаву, задерживаемое поляками, находящимися при великомъ князѣ, просящими, подходя къ каретѣ, чтобы имъ были присланы приказы перейти подъ команду Хлопицкаго.

Примѣчаніе. Какъ видно изъ настоящаго разсказа, никто изъ постороннихъ не участвовалъ въ переговорахъ; настоящій разсказъ составленъ однимъ изъ участниковъ. По составленіи разсказъ этотъ былъ прочитанъ авторомъ товарищамъ по делегаціи и ими исправленъ, слова же Лелевеля и Островскаго написаны ими самими. Это свиданіе происходило въ Вержбнѣ (а не въ Вержбѣ) близь Варшавы, принадлежащемъ къ одному изъ Варшавскихъ приходовъ (св. Александра). Переговоры велись, судя по польскимъ источникамъ, 20-го ноября ст. ст. (2-го декабря н. ст.)—послѣ полудня. С. П.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Представленные здѣсь документы принадлежатъ къ домашнему архиву фамиліи Селивановыхъ; они написаны на столбцахъ, скорописью разныхъ годовъ XVII столѣтія. Помянутый архивъ, хранившійся въ старинномъ кованномъ подголовкѣ, весьма обязательно предоставленъ въ наше распоряженіе Яковомъ Ивановичемъ Прибиль. Н. Г.

I.

Царю Государю I великому князю Өеодору алеξѣевичу всеа великия и малыя и бѣлыя россіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твои ромашка михайловъ сынъ Селивановъ. в' нынѣшнемъ Государь во ҁпа году, генваря въ к день, бѣжалъ отъ меня, холопа твоего, умысля воровски старинной мои крѣпосной детина, мелешка васильевъ, сынъ ивановъ, пократчи меня, холопа твоего, животы мои: подголовокъ и ларецъ и всякие крепости унесъ помѣсные і вотчинные и людские и всякие родословные крепосные писма и заемные кабалы, и низанье жемчужные и всякие ожерелья муские и женския и серьги с' каменьемъ из' жемчугомъ на пять сотъ рублевъ, кромѣ всякихъ крепосныхъ писемъ; а онъ, детина мой, мелешка, ходилъ у меня, холопа твоего, въ ключахъ, пожитки и всякие крѣпости у меня, холопа твоего, вѣдалъ; и онъ бы, тотъ мой бѣглой детина, ответъ далъ на воровстве в' татбе и в' разбое і въ измене, чтобъ мнѣ, холопу твоему, отъ ево побѣгу і воровства в' конецъ не погибнуть; милосердый Государь Царь і великиі князь Өеодоръ алеξѣевичь всеа великия и малыя и бѣлыя россіи самодержецъ, пожалуи меня, холопа своего, вели Государь челобитье мое записать, Царь Государь, смилуйся.

На оборотѣ: ҁпа, генваря. Таковая челобитная подписана в' разряде въ стрелецкомъ приказе, а на земскомъ дворѣ—въ холопьемъ приказе.

II.

О пожалованіи Матрены Романовны Леонтьевой, рожденной Селивановой, въ боярыни, мамки и проч.

Лѣта зрпв декабря въ з день в' неделю, по оуказу великаго Государя Царя и, великого князя алексѣя михаиловича всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержца и государыни благочестивыя царицы і великои княгини Наталиі кириловны, къ благовѣрному Государю Царевичю і великому князю Петру алексѣевичу всея великия и малыя и бѣлыя росиі взята вверхъ романова дочь михайлова Селиванова демидовская жена Левонтьева вдова матрена.

і тогожъ мѣсяца въ ѳ день пожаловалъ великиі Государь еѣ к' рукѣ.

А декабря аі день пожаловалъ великиі Государь к' великому государю Царевичю і великому князю Петру алеѯѣевичу всеа великия и малыя и бѣлыя россиі в' боярыни і в' мамки і в' казначѣи еѣ матрену романову дочь михаилова сына Селиванова демидовскую жену Левонтьева.

III.

Черная запись рядная напримѣръ.

(Столбецъ: длина 1 арш. 9 вершк., ширин. 3½ вершка).

Се азъ Іванъ Давыдовъ сынъ Гичинъ в' нынешнемъ въ рз году ѳевраля въ д день зъговорилъ я Іванъ дочь свою анну Івановъну за семеона Івановича Селиванова. Благословляю я Іванъ дочь свою анну и зятя своего семеона Івановича: образъ всемилостиваго Бога обложенъ серебромъ, окладъ золоченъ; образъ воскресения христова обложенъ серебромъ окладъ золоченъ; образъ умиления пресвятыя богородица обложенъ серебромъ окладъ золоченъ; окима и анны обложенъ серебромъ окладъ золоченъ; образъ иоанна предтечи обложенъ серебромъ окладъ золоченъ; крестъ золотои да крестъ серебрянои золоченъ; да яжъ Іванъ даю ларечной кузни ларецъ кованом, а в' немъ двѣ чепи чепь серебреная золочена, другая серебреная, серьги золотые и ззерны с' жемчужными, да серьгижъ серебреныя золочены в' станкахъ с' каменьи и з' зерны жемчужными, да десеть персней золотыхъ и серебреныхъ золоченыхъ с' каменьи и з' зерны жемчужными; белильница серебреная; суремница шитоя низана жемчугомъ перьло жемчужноя с' каменьи; кокошникъ объяриннои низанъ жемчугомъ с' каменьи стрелками серебреноми золочеными, да три кокошника камчатыя луданныя зъ чуланцами и з' золотными шитыя, ошивка серебреная шитоя, сѣтка золотная; треухъ соболей верьхъ низанъ жемчугомъ с' каменьи, да рукавъ соболей низанъ жемчугомъ пообъ-

яри с' каменьи, да зеркало одето бархатомъ алымъ наугольники серебреные; да яжъ Іванъ даю за дочерью своею приданова платья: шуба объяринная двоеличная мѣхъ куней, круживо золбное, отгонки бобровыя, да шуба камчатая луданная мѣхъ бѣлей черевей; кружево серебреноя отгонки бобровыя, да шуба женская камчатая луданная мѣхъ бѣлей черевей; кружево серебреное отгонки бобровыя, шуба васильковая камчатая луданная, мѣхъ бѣлей черевей отгонки бобровыя. да телогрѣя дымчатая камчатая луданная, кружево золотноя пуговицы серебреныя золочены, тѣлогрея жеркая жеркая (?) камчатоя луданная, кружево серебреноя, пуговицы серебреныя золочены, телогрѣя чевчетая, кувтерноя камчатая, кружево серебреное, пуговицы себреныя золочены, телогрѣя васильковоя камчатая луданная, пуговицы шолковыя; десеть сорочекъ мужскихъ и с' портами шитыхъ и с' кружевомъ; пятьнадцать сорочекъ женскихъ (рубковыхъ) и кисѣйныхъ и холстинныхъ с' кружевами, да дватцать полотенецъ шитыхъ и с' кружевами; шесть платовъ рубковыхъ с' кружевами золотными и серебреными; четыри скатерти шитыхъ и браныхъ; четыри простыни шитыхъ и с' кружевами; дватцать полотенъ; да с' темъ платьемъ и з' бельемъ четыри коробьи, да рукомойникъ; да лахань да тазъ медныя; да я же Іванъ даю к' ларцу дѣвку василиску архипову дочь; да постелю с' изголовьемъ: наволоки холстинныя шитыя с' кружевомъ, застенки камчатыя, да двѣ подушки, наволоки камчатыя, да одеяло блатноя цвѣтноя песцовое, грива камчатая; завесъ стамейнои алой з' бахрамой шелковою. Да яжъ Іванъ даю за дочерью своею анною в' приданое стариннаго своево человѣка Емелька микитина сына з' женою дунькою, да с' сыномъ ево степашкою емельяновымъ и женою ево с' палашкою. Да яжъ Іванъ даю за дочерью своею в' приданое зятю своему Симеону Івановичу, в' рясскомъ уѣздѣ в' пехлецкомъ стану, в' деревнѣ Гояхъ на рѣкѣ Лесной воронеже подъ толстымъ ольшкомъ вотчинной земли пятдесятъ четвертей; да на той вотчинѣ яжъ даю крестьянъ во дворѣ сенька зотовъ и з' дѣтьми да з' братомъ сидоркою во дворѣ Стенка Ѳоминъ з' женою и з' дѣтьми сыномъ сережкою да с' якушкою да и сленкою; во дворѣ гришка ларионовъ з' женою и з' двомя сыновьями и что у нево ныне детей есть да з' братьями с' титкою да с' якушкою; во дворѣ митка івановъ з' женою и з' детьми с' сыномъ с' ѳедоткою; да у невожъ братъ Ку́ска Івановъ з' женою; атѣхъ вотчинныхъ крестьянъ яжъ Іванъ даю съ ихъ крестьянскими животы и з' дворовымъ строеніемъ и с' хлебомъ стоячимъ и с' смолоченымъ и з' землею. Да яжъ Іванъ даю из' рязанскаго уѣзду около городного стану вотчиннаго крестьянина и с' селца Подвязье, матвиское воронцово тожъ, лазорку Іванова з' женою да з' братомъ с' ондрюшкою Івановымъ съ ево крестьянскими животы. На тужъ вышеписанную вотчинную землю и тово крестьянина Лазорку Іванова свесть ему, зятю моему Симеону Івановичю, в' нынешнемъ же въ ҂з или въ ҂п году. И яжъ Іванъ даю в' приданое за

дочерью своею анною в' рязскомъ же уѣздѣ въ пехлецкомъ стану по другую сторону лесного воронежа на гремучемъ рвавце дикого поля вотчинной земли пятнадцать четвертей и на ту вотчину и о крестьянехъ дать мнѣ, Івану, зятю своему Симеону Івановичю о справке челобитную за рукою и к' допросу стать в' нынешнемъ въ $\tilde{з}з$ году. и на вышеписанныхъ приданыхъ людей, даю я дочери своей аннѣ и зятю своему Симеону Івановичю и будетъ я Іванъ ему, зятю своему Симеону Івановичю на ту вотчину и о крестьянѣхъ о справке челобитной за рукою не дамъ и у допроса не стану в' нынешнемъ в' $\tilde{з}з$ году в' марте мѣсяцѣ, и ему зятю моему Симеону Івановичю взять на мнѣ Іванѣ денегъ пятсотъ рублевъ.

IV.

(Длина столбца 1 арш. 2 вершка, ширина $3^1/_2$ в.).

Се азъ Семенова жена Івановича Сунбулова вдова аѳинья семеоновна зговорила я аѳинья дочь свою дѣвицу анну семеновну, перьваго своего мужа семенову дочь семеновича арсенова, замужъ за Івана романовича селиванова. Азъ благословила дочь свою девицу анну Божиемъ милосердиемъ образъ пречистыя богородица Умиления обложенъ серебромъ позолоченъ, да образъ Спасовъ входъ въ иеросалимъ обложенъ серебромъ позолоченъ, да образъ пречистыя богородица умиления, да приданова: крестъ серебреной позолоченъ з' жемчуги, да чепь серебреная, да приданова платье ошивка низаная по отласу по червенатому юпка золотная, да серги серебреныя позолочены з' жемчуги; охабень таетянъ пуговицы серебреные позолочены, шуба дарагильная жолтая на бѣлкахъ пуговицы серебреныя, да ларецъ кованной со всякои ларечною кузнью, да четыри перстни серебреные золочены с' каменьи и з' жемчуги, да постеля изголовье с' подушки, да коверъ подъпостелю. всево тово приданова на пятдесятъ рублевъ; да на платьяхъ денегъ пятдесятъ рублевъ. Да за неѣжъ государева жалованья, что дано на ее жеребей после отца ее Семена Семеновича Арсенова, да ее родовое і выслужиые и купленыя вотчины в' резанскомъ уѣзде въ моржевскомъ стану деревня межи двуеропольскихъ верховъ, микитинской починокъ тожъ, да въ ростиславскомъ стану в' селцѣ секирине, да в' пустоши Буренкихъ, а тѣ вотчины у дочери моей дѣвицы анны со мною аѳиньею да з' детьми моими з' димитреемъ да с' тимоѳѣемъ семеновыми, детми Івановича Сунбулова, да з' дочерью моею з' девицею варварою семеновою, дочерью Семеновича Арсенова, вопчѣ по трети. А какъ я вдова аѳинья выдаю дочь свою девицу анну за Івана романовича Селиванова, мнѣ вдовѣ аѳиньѣ тѣ вотчины с' нимъ с' ываномъ романовичемъ разделить противъ повытно и по четвертямъ. жилое і пустое и крестьянское жилье, которые живутъ в' техъ вотчинахъ и бѣглых

крестьянъ, которые іс‘ тѣхъ вотчинъ выбегли. А у сей рядной записи сидѣли маѯимъ исаевичъ Сунбуловъ, да сава микиѳоровичь Кошелевъ, да василей зотиковичь Толстой, а рядную запись писалъ зарайскаго городу дьячекъ Сидорко Челцовъ лѣта ҂зро генваря въ кд.

Сообщ. **Н. В. Губерти.**

МОГИЛЕВЪ

1788—1789.

Зоричъ.—Пассекъ.—Кн. Г. А. Потемкинъ.

(Извлеченіе изъ переписки одного путешественника съ Барономъ-де-Бомарше, касательно Польши, Литвы, Бѣлоруссіи, Петербурга, Москвы, Крыма и пр. и пр., изданныя г. D... Nil admirari. Въ Гамбургѣ, 1807 г., въ двухъ томахъ [1]).

I.

Зоричъ.

Шкловъ (въ 28-ми верстахъ отъ Могилева)—мѣстечко, назначенное императрицею для жительства генерала Зорича, было лѣтъ двадцать тому назадъ ни болѣе ни менѣе какъ хорошенькою деревенькою; въ настоящее же время его именуютъ городомъ, какъ изъ любезности къ его владѣльцу, а равно и потому, что этотъ послѣдній задумалъ выстроить тамъ дворецъ; оранжереи къ нему уже окончены.

Я не прочь былъ взглянуть на того человѣка, котораго во время его силы звали красавцемъ Зоричемъ.

На мой взглядъ, онъ дѣйствительно заслуживалъ этого прозвища; то былъ писаный красавецъ, ростомъ въ пять футъ и шесть дюймовъ; я думаю, что ему уже около пятидесяти лѣтъ, но глаза его до сихъ поръ прекрасны, а манеры самыя изящныя. Генералъ удостоилъ меня разговоромъ и часто повторялъ, что прежде былъ настоящимъ дикаремъ . . . .

Имѣніе Шкловъ весьма обширное и, какъ слышно, приноситъ владѣльцу двѣсти тысячъ годоваго дохода (болѣе восьми сотъ тысячъ франковъ). Не смотря на такое состояніе, Зоричъ только что не нуждается.

Правда, онъ играетъ, проигрывая иногда большія суммы, но за то, въ свою

---

[1]) Это извлеченіе, на французскомъ языкѣ, сообщено «Русской Старинѣ» княземъ Н. Н. Туркестановымъ. Ред.

очередь, бываетъ и въ выигрышѣ, и вообще слыветъ хорошимъ игрокомъ. Расходы по его кадетскому корпусу не могутъ быть значительны въ такой мѣстности, гдѣ помѣщику не приходится почти ничего покупать; постройки его дворцовъ и зданій находятся еще въ проектѣ, точно такъ же, какъ и новые города въ Крыму.

II.

Пассекъ.

Я былъ представленъ въ Могилевѣ генералъ-губернатору . . . . . Это извѣстный Пассекъ (одинъ изъ участниковъ въ переворотѣ 1762 г.).

. . . .

Можетъ быть, я сильно заблуждаюсь, но мнѣ кажется, что безпристрастный судъ исторіи покажетъ намъ современемъ Петра III въ совершенно иномъ свѣтѣ. Тогда вспомнятъ, что бо́льшая часть проектовъ, исполненныхъ Екатериной Великою, были задуманы ея супругомъ. Между прочими нововведеніями, онъ призналъ свободу дворянства, которое до него не могло ступить за границу, а въ послѣдствіи не смѣло выѣхать туда безъ особаго разрѣшенія. Въ числѣ его нововведеній были также и мѣры, облегчавшія участь крѣпостныхъ.

Генералъ Пассекъ ростомъ пять футъ восемь дюймовъ, геркулесовскаго сложенія; лицо его можетъ быть чрезвычайно привѣтливо; взглядъ у него гордый и покуда онъ не заговоритъ, по выраженію лица можно думать, что онъ уменъ; ему лѣтъ около шестидесяти шести, однако онъ проводитъ ежедневно передъ зеркаломъ часа два, хотя весь его туалетъ состоитъ въ томъ, чтобы надѣть парикъ, завитой заранѣе.

Я былъ представленъ намѣстнику однажды вечеромъ, въ то именно время, когда онъ былъ занятъ своимъ туалетомъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «мы проводимъ всѣ вечера за картами у Марьи Сергѣевны, а кто не хочетъ играть, тотъ танцуетъ».

Марьѣ Сергѣевнѣ около пятидесяти лѣтъ, но на видъ ей не дамъ болѣе сорока.

Четыре или пять столовъ для виста были раскинуты по стѣнамъ большой залы, среди которой намѣстникъ металъ банкъ. Я не обратилъ вниманія, но меня увѣряли въ послѣдствіи, что денегъ, выручаемыхъ за карты, хватало на содержаніе дома Марьи Сергѣевны, а доходъ отъ банка покрывалъ расходы намѣстника.

Марья Сергѣевна—жена отъявленнаго игрока, маіора Салтыкова, который, проигравъ Пассеку все свое состояніе, поставилъ на карту жену и проигралъ и ее.

Говорятъ, будто эта потеря менѣе всего огорчила его, хотя Марья Сергѣевна была еще молода и хороша собою; Пассекъ, назначенный генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи, увезъ ее въ Могилевъ.

Пассекъ не получилъ отъ родителей никакого наслѣдства; онъ имѣетъ въ годъ до четырехъ тысячъ рублей (16,000 фр.) жалованья и долженъ содержать на это два дома, полныхъ прислуги, постоянно открытыхъ для гостей и гдѣ ведется большая игра, разорительная для всѣхъ—кромѣ его самого.

Молодой Петръ Петровичъ, сынъ намѣстника и Марьи Сергѣевны, которую онъ называетъ однако теткою, былъ со мною чрезвычайно любезенъ.

Этотъ ребенокъ такъ же ласковъ и льстивъ, какъ и его отецъ, красотою походитъ на тетку, а притворствомъ напоминаетъ обоихъ.

(18-го мая). Генералъ рѣшилъ черезъ три недѣли перевезти всѣхъ насъ въ Пиппенбергъ, довольно хорошенькій загородный домикъ, выстроенный имъ въ полумилѣ отсюда.

Осматривая покои Пиппенберга, я увидѣлъ портретъ Марья Сергѣевны, написанный десять лѣтъ тому назадъ Анжеликой Кауфманнъ. Портретъ этотъ поражаетъ своимъ сходствомъ и окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что эта женщина была первѣйшею красавицей. Это была единственная картина во всемъ домѣ.

Примѣчаніе. Напоминаемъ читателямъ, что Добрынинъ въ своихъ Запискахъ отвелъ нѣсколько весьма остроумно написанныхъ страницъ характеристикѣ Пассека и его сожительницы—Салтыковой. См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., томъ IV, стр. 139—140; 178—183; 208 и друг. Ред.

III.

Потемкинъ.

Второе событіе, о которомъ мнѣ остается поговорить съ вами, былъ пріѣздъ князя Потемкина въ Могилевъ; этотъ вельможа посѣтилъ Могилевъ проѣздомъ въ Петербургъ. Это событіе вызвало особую церемонію, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ день его пріѣзда, всѣ власти за нѣсколько часовъ собрались въ домѣ губернатора: городскія власти, члены суда, военные и духовенство, наполнивъ переднюю намѣстника, ожидали тутъ прибытія князя. Цѣлый день звонили въ колокола и жители города торжественно вышли на шкловскую дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать, предшествуемый городскими знаменами.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда увижу этого знаменитаго человѣка. Около семи часовъ вечера, передъ губернаторскимъ домомъ остановились его сани, отличавшіяся отъ прочихъ лишь тѣмъ, что были нѣсколько шире, и изъ нихъ вышелъ высокаго роста и чрезвычайно красивый человѣкъ съ однимъ глазомъ. Онъ былъ въ халатѣ, и его длинные, нерасчесанные волосы, висѣвшіе въ безпорядкѣ по лицу и плечамъ, доказывали, что человѣкъ этотъ менѣе всего заботится о своемъ туалетѣ. Маленькій безпорядокъ, происшедшій въ его одеждѣ при выходѣ изъ саней, доказалъ всѣмъ присутствующимъ, что онъ забылъ облачить ту часть одежды, которую считаютъ необходимой принадлежностью костюма; онъ обходился безъ нея во все время пребыванія въ Могилевѣ, и даже при пріемѣ дамъ. Будучи ростомъ въ пять футъ и десять дюймовъ, этотъ красивый брюнетъ имѣлъ тогда лѣтъ около пятидесяти. Лицо его само по себѣ довольно кроткое, но когда, сидя за столомъ, онъ смотритъ разсѣянно на окружающихъ, и, занятый въ то же время какою нибудь непріятной мыслію, склонитъ голову на руку, подперевъ ею нижнюю челюсть, и въ этой позѣ не перестаетъ смотрѣть своимъ единственнымъ глазомъ на все окружающее, тогда сжатая нижняя часть его лица придаетъ ему отвратительное, звѣрское выраженіе.

Войдя въ переднюю губернатора, гдѣ всѣ ожидали его, Потемкинъ остановился возлѣ намѣстника, принявшаго его по выходѣ изъ саней. Тогда ему были представлены всѣ сословія, и каждое привѣтствовало его рѣчью. Привѣтствія были такъ же длинны, какъ коротки были его отвѣты, ограничивавшіеся, впрочемъ, однимъ благосклоннымъ наклоненіемъ головы; тѣмъ не менѣе, церемонія эта длилась болѣе двухъ часовъ, а по окончаніи ея Потемкинъ вошелъ въ залу намѣстника, который всталъ возлѣ него, между тѣмъ какъ князь сѣлъ передъ столомъ, принявъ вышеописанную позу. Мы простояли вдоль стѣнъ залы еще болѣе друхъ часовъ. Князь все это время не открывалъ рта и не подымалъ головы, какъ съ тѣмъ, чтобы проглотить большой стаканъ кислыхъ щей, который ему подносили каждыя четверть часа. Мнѣ сказывали, что этотъ напитокъ, приготовляемый для него необыкновенно густымъ, служилъ ему питьемъ и пищею и онъ выпивалъ его въ день до пятнадцати бутылокъ.

На слѣдующее утро всѣ снова собрались въ большую губернаторскую залу, гдѣ намѣстникъ стоялъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ князь, сидя по вчерашнему передъ тѣмъ же столомъ, какъ это было видно всякій разъ какъ отворялась дверь, провелъ такъ нѣсколько часовъ, не подавая другихъ признаковъ жизни, какъ дергая время отъ время за звонокъ, при чемъ адъютантъ его, или, за отсутствіемъ послѣдняго, самъ намѣстникъ, входилъ за приказаніями. Около полудня насъ увѣдомили, что его свѣтлость скоро выйдетъ. Дѣйствительно, онъ показался, прошелся два или три раза по залѣ, осмотрѣлъ всѣхъ и каждаго и, не сказавъ ни слова, возвратился черезъ нѣсколько минутъ на свое мѣсто. Тогда начались представленія всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ къ нему

просьбы или желалъ сказать ему привѣтствіе. Въ числѣ ихъ было нѣсколько поэтовъ, которые поднесли ему стихи на различныхъ языкахъ.

Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ стихотвореніи и о томъ, что̀ было въ немъ особенно прекраснаго, я приведу здѣсь послѣднее четверостишіе.

Описавъ характеръ обыкновенныхъ воиновъ, жаждущихъ только грабежа и присвоенія непріятельскихъ владѣній, я говорю:

Mais conquérir par vos nobles travaux
L'ancien pays des hommes de génie,
Des législateurs, des héros—
C'est rentrer dans notre patrie.

Это хвалебное слово имѣло счастіе понравиться князю, который удостоилъ меня улыбкой и гораздо болѣе привѣтливымъ поклономъ, нежели моихъ собратьевъ, русскихъ, латинскихъ и греческихъ поэтовъ, говорившихъ прежде меня.

Къ величайшему моему удивленію, князь сѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ нами, и разговаривалъ довольно весело съ намѣстникомъ. Онъ былъ, по вчерашнему, въ халатѣ, и, какъ я полагаю, былъ и внизу одѣтъ точно такъ же какъ вчера.

Въ свитѣ князя находился одинъ врачъ—французъ, по имени Масси. Такъ какъ князь очень любилъ его, то онъ обѣдалъ съ нимъ почти каждый день.

Я представилъ г. Масси графинѣ Мелинъ, которой онъ, по видимому, понравился такъ же, какъ эта дама понравилась ему. Въ Могилевъ прибыли также гг. Ришелье, Ланжеру и Дама. Во время трехдневнаго пребыванія Потемкина въ Могилевѣ, были употреблены всѣ усилія, чтобы развлечь его; но человѣкъ, присутствующій на танцахъ въ халатѣ, по видимому, вовсе не сочувствуетъ подобнаго рода увеселеніямъ. Намѣстникъ желалъ, чтобы мы сыграли въ его присутствіи «Француза въ Лондонѣ». Потемкинъ далъ вытащить себя въ залу, гдѣ былъ устроенъ театръ; опасались одного: что князь не останется до конца представленія; однако, счастіе насмѣшить его свѣтлость было предоставлено мнѣ. Онъ не любилъ англичанъ и нашелъ каррикатуру милорда Гонзея весьма забавною. Князь посмѣялся и всѣ разошлись очень довольные.

Князь Потемкинъ имѣетъ двѣсти тысячъ душъ крестьянъ: этого слишкомъ достаточно для человѣка, который пьетъ только кислыя щи и не платитъ никому долговъ.

Передъ осадою Измаила (Очакова?), г. Масси, о которомъ я уже упоминалъ, съ жаромъ доказывалъ князю Потемкину, что полковая аптека находится въ самомъ жалкомъ положеніи, и что не было ни перевязокъ, ни корпіи, чтобы перевязать раненыхъ послѣ осады: «баста!—сказалъ князь,—раненыхъ болѣе не будетъ!»

Разсказы изъ прошлой жизни.

III [1]).

Гр. Ѳ. И. Толстой и П. А. Нащокинъ обмѣнялись, въ знакъ вѣчнаго союза, кольцами, съ которыми были похоронены, и дали другъ другу слово, что тотъ изъ нихъ, который почувствуетъ приближеніе смертнаго часа, вызоветъ другаго, чтобъ умереть у него на рукахъ. Первый на очереди стоялъ Толстой. Когда, по его настоятельному требованію, докторъ ему объявилъ, что его дни сочтены, онъ велѣлъ написать немедленно Нащокину, что умираетъ и ждетъ его.

Петръ Александровичъ жилъ тогда въ деревнѣ. Кто-то замѣтилъ вполголоса въ спальнѣ Толстаго, что его задержитъ, вѣроятно, плохое состояніе дорогъ, по которымъ не было рѣшительно проѣзда. Графъ Толстой услыхалъ эти слова и сказалъ:

— „Его ничто не задержитъ! Будь онъ на томъ краѣ свѣта, онъ пріѣдетъ, лишь бы не лежалъ, какъ я, на смертномъ одрѣ“.

Нащокинъ не замедлилъ, дѣйствительно, явиться въ Москву и не отходилъ отъ умирающаго до послѣдней минуты.

Мы познакомились съ Петромъ Александровичемъ Нащокинымъ за нѣсколько лѣтъ до его кончины. Онъ вспоминалъ всегда съ грустью о своемъ другѣ, и разсказывалъ о немъ охотно. „Такихъ людей ужъ нѣтъ,— говорилъ онъ разъ молодой женщинѣ. — Еслибъ онъ васъ полюбилъ и вамъ бы захотѣлось вставить въ браслетъ звѣзду съ неба, онъ бы ее досталъ. Для него не было невозможнаго, и все ему покорялось. Клянусь вамъ, что въ его присутствіи вы не испугались бы появленія льва. А теперь, что̀ за люди! Тряпье“.

Петръ Александровичъ отказался подъ старость отъ буйныхъ кутежей и старался помириться съ болѣе скромною долей. Иногда онъ выѣзжалъ на охоту, походившую весьма мало на прежнія, невозвратныя забавы, держалъ двухъ ручныхъ медвѣдей вмѣсто комнатныхъ собакъ, завелъ великолѣпный оркестръ, такъ какъ былъ музыкантъ въ душѣ, но видимо скучалъ среди мирной жизни и хозяйственныхъ занятій. Разъ, живши въ своемъ Серпуховскомъ имѣніи, онъ пошелъ посмотрѣть на постройку новой оранжереи, упалъ съ подмостокъ и переломилъ ногу. Въ Серпуховѣ былъ тогда искусный врачъ и операторъ, Кундасовъ; за нимъ послали немедленно. Осмотрѣвши больнаго, онъ рѣшилъ, что придется отнимать ногу, и прибавилъ: „Но я

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 538 и 546.

за это не возьмусь: мѣсяца два тому назадъ я самъ переломилъ руку, и она еще слаба. Надо отправить эстафетъ въ Москву и пригласить другаго медика" [1]).

На слѣдующій день онъ пріѣхалъ опять навѣстить Нащокина, который встрѣтилъ его словами:

— „Я не люблю затягивать дѣла: нечего ждать другаго хирурга. Отнимайте мнѣ ногу".

Кундасовъ сталъ отговариваться слабостію руки: „я васъ измучу", говорилъ онъ.

— „Не важность!—возразилъ Нащокинъ,—скучно ждать! отпилите, и дѣло съ концомъ".

Докторъ настаивалъ на своемъ отказѣ, но взглянувши на переломанную ногу, увидалъ, что можно опасаться гангрены, и поѣхалъ за инструментами.

Операція продолжалась болѣе получаса: нѣсколько разъ медикъ блѣднѣлъ и ронялъ инструментъ; тогда Нащокинъ подавалъ ему стаканъ воды, стоявшій на столѣ около кровати, и говорилъ:

— „Ну, пожалуйста, докторъ, живѣй, вѣдь мнѣ очень больно".

Люди съ таковымъ геройскимъ духомъ не перевелись на Руси: это доказываетъ война 1877—1878 гг. Таковые люди какъ Нащокинъ интересны для насъ какъ продукты протекшей эпохи. Они были далеко не безупречны, но обладали неустрашимостью и силой, которыя окружали ихъ извѣстнымъ призракомъ. Имъ было по колѣна море; они не пресмыкались ни передъ личностью, ни предъ общественнымъ мнѣніемъ и признавались иногда въ своихъ проступкахъ съ откровенностью не лишенною цинизма. Но Богъ знаетъ—уважительнѣе ли разыгрывать роль и рядиться въ небывалую добродѣтель. По крайней мѣрѣ, всѣ знали чего отъ нихъ можно ожидать и чего опасаться. Разъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій пригласилъ графа Толстаго метать банкъ, но графъ Ѳедоръ Ивановичъ отвѣчалъ ему:

—„Non, mon cher, je vous aime trop pour cela. Si nous jouions je me laisserais entrainer pas l'habitude de corriger la fortune" [2]).

Случилось также, что въ англійскомъ клубѣ завязался горячій споръ между такъ называемыми „Западниками" и однимъ изъ представителей славянскихъ теорій. Вдругъ къ нему подошелъ незнакомый старикъ, подалъ ему руку и сказалъ, называя его по имени:

---

[1]) Въ то время не было еще по этой линіи ни телеграфныхъ сообщеній, ни желѣзной дороги.

[2]) Нѣтъ, мой милый, я васъ слишкомъ для этого люблю. Еслибъ мы сѣли играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

— „Я васъ узналъ по тому, что̀ о васъ слышалъ, и по вашей пропагандѣ.

— „Но я не знаю съ кѣмъ имѣю честь говорить“,—замѣтилъ славянофилъ кланяясь.

— „Вѣроятно и вы обо мнѣ слыхали, - возразилъ незнакомецъ,—я:

«Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
«Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
«И крѣпко на руку не чистъ»....

IV.

Княгиня Александра Николаевна Волконская, статсъ-дама и гофмейстерина двора императрицы Маріи Ѳедоровны, была очень любима царскимъ семействомъ, при которомъ находилась въ продолженіи многихъ лѣтъ. Отецъ ея, Николай Васильевичъ Репнинъ, былъ послѣднимъ представителемъ своего рода, такъ какъ у него были однѣ дочери; но императоръ Александръ I-й, восшедши на престолъ, приказалъ старшему изъ сыновей княгини Волконской принять имя матери, „чтобъ не погибъ знаменитый родъ“. Съ тѣхъ поръ князь Николай Григорьевичъ Волконскій былъ переименованъ въ Репнина.

У княгини было еще два сына: Никита и Сергѣй. Послѣдній женился на Марьѣ Николаевнѣ Раевской и принялъ участіе въ заговорѣ 1825-го года. Въ то время, когда роковой вопросъ рѣшался на сенатской площади, мужъ и жена гостили у графини Браницкой, съ которой были очень дружны и въ родствѣ. Марья Николаевна родила у нея своего перваго ребенка, сына Николая. Мальчикъ былъ на второй недѣлѣ отъ рожденія, когда полиція явилась въ Бѣлую Церковь [1]) и арестовала князя Волконскаго. Княгиня была тѣмъ болѣе поражена, что ударъ разразился надъ ней совершенно неожиданно. Оправившись отъ родовъ, она поѣхала къ своимъ родителямъ, которые жили также въ Кіевской губерніи, и объявила имъ, что рѣшилась слѣдовать за мужемъ, если онъ будетъ приговоренъ къ ссылкѣ. Но отецъ ея, Николай Николаевичъ, и слышать о томъ не хотѣлъ; онъ называлъ сумасбродствомъ такое рѣшеніе, старался запугать дочь лишеніями, которыя ожидаютъ ее въ Сибири, и отказалъ ей на-отрѣзъ въ своемъ согласіи. Долго пытался онъ ее убѣдить, всѣ его доводы оказались безсильными. Наконецъ, она ему сказала: „Ничто не измѣнитъ моего рѣшенія: я поѣду съ мужемъ. Не откажите мнѣ въ послѣдней отрадѣ: въ вашемъ благословеніи“.

---

[1]) Имѣніе графини Браницкой, въ Кіевской губерніи.

Николай Николаевичъ Раевскій понялъ, что не сломить ея воли, и благословилъ ее на скорбный подвигъ. Простившись съ своими, она посвѣшила къ Репнинымъ, въ Полтавскую губ. Горемычная женщина дышала свободнѣе среди семейства мужа, гдѣ находила живой отголосокъ своимъ страданіямъ. Деверя своего, князя Николая Григорьевича, она застала въ тяжкой болѣзни и, при печальномъ настроеніи духа, состояніе его становилось все опаснѣе. Онъ ожидалъ съ трепетомъ извѣстій изъ Петербурга, но извѣстія были такъ безотрадны, что ихъ скрывали отъ него, по возможности. Его братъ содержался въ крѣпости, а мать до такой степени разнемоглась отъ горя, что не имѣла даже возможности навѣщать заключеннаго. Изо всѣхъ своихъ онъ видѣлся только съ сестрой [1]), которая писала, что онъ страдаетъ отъ лихорадки, плачетъ и тоскуетъ о семействѣ.

Лишь только князь Репнинъ немного оправился, всѣ поѣхали въ Петербургъ. Тамъ Марья Николаевна остановилась у свекрови, которая жила въ своемъ домѣ, на Мойкѣ [2]). Молодая женщина написала немедленно къ императору, умоляя его согласиться на ея ссылку, и ждала отвѣта съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, когда все семейство собралось у старой княгини, вошелъ флигель-адъютантъ, съ запечатаннымъ пакетомъ въ рукѣ. Этотъ пакетъ заключалъ собственноручную, писанную по французски, записку государя. Онъ давалъ свое согласіе на отъѣздъ, но напоминалъ женѣ ссыльнаго, что она должна потерять всѣ свои права и отказаться навсегда отъ возвращенія въ Россію. Марья Николаевна давно знала на что̀ идетъ, помирилась впередъ со всѣми пожертвованіями и приняла рѣшеніе императора какъ единственное счастіе, на которое могла расчитывать. Она стала хлопотать немедленно о приготовленіяхъ къ своему долгому пути. Съ ней ѣхали горничная и камердинеръ. Не рѣшаясь подвергнуть сына опасностямъ долгаго пути, она повѣрила его бабкѣ, княгинѣ Волконской. Наступилъ день отъѣзда: разставаніе съ ребенкомъ разбило сердце бѣдной матери; отслужили напутственный молебенъ, потомъ Александра Николаевна благословила съ горькими слезами невѣстку, и началась грустная сцена прощанья. Каждому хотѣлось обнять еще разъ добровольную изгнанницу, наконецъ, она усѣлась въ возокъ, стоявшій передъ крыльцомъ,—и бубенчики загремѣли.

Ссылка сына, отъѣздъ невѣстки, видъ осиротѣвшаго ребенка—все

---

[1]) Софья Григорьевна, рожденная Волконская; она вышла за князя Петра Михайловича Волконскаго.

[2]) Этотъ домъ у Пѣвческаго моста, на Мойкѣ, въ которомъ скончался Пушкинъ, принадлежитъ до сихъ поръ Волконскимъ.

наполняло тоской сердце старой княгини. Когда она узнала о приговорѣ, произнесенномъ надъ заговорщиками, то рѣшилась не покидать своей должности при дворѣ, чтобъ не раздражить императора, и надѣялась, оставаясь при немъ, улучить удобную минуту, чтобъ испросить прощеніе виновнаго. Она пріѣхала въ Москву для коронаціи и старалась, на сколько возможно, преодолѣть себя, чтобъ заниматься надлежащими распоряженіями и принимать участіе въ пиршествахъ. Цѣлый день она была на ногахъ, а вечеромъ падала утомленная на постель и проводила лихорадочныя ночи. Дружба императрицы Маріи Ѳедоровны служила единственной опорой ея надеждамъ и облегченіемъ ея горю. Лишь только гасли огни во дворцовыхъ залахъ и разъѣзжались съ кремлевскихъ площадей многочисленные экипажи, императрица замѣняла пенюаромъ свой нарядъ, и, въ сопровожденіи камеръ-лакея, который несъ свѣчу, проходила через длинные корридоры и стучалась въ дверь комнаты княгини. Государыня садилась на кровать больной и обѣ женщины проводили часть ночи въ задушевномъ разговорѣ, или плакали вмѣстѣ [1]). Но надеждамъ бѣдной княгини не суждено было осуществиться: она не дожила до той минуты, когда ея сынъ возвратился на родину.

Не дождался и Николай Николаевичъ возвращенія дочери. Онъ скончался въ 1829 году, въ своемъ кіевскомъ имѣніи, гдѣ жилъ съ женой и незамужними дочерьми. Убѣдившись въ опасномъ его состояніи, онѣ увѣдомили остальныхъ членовъ семейства. Старшій изъ сыновей умирающаго, Александръ Николаевичъ, былъ сосланъ въ Полтавскую губ. и не имѣлъ права изъ нея выѣхать безъ высочайшаго разрѣшенія. Но губернаторъ края, князь Репнинъ, позволилъ ему ѣхать немедленно къ отцу и взялъ на себя передъ императоромъ всю отвѣтственность за ослушаніе. Николай Николаевичъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, когда семейство собралось около него на послѣднее прощаніе. Наканунѣ своей кончины онъ вспомнилъ о ссыльной дочери, и сказалъ одному изъ своихъ друзей, указывая на ея портретъ, висѣвшій въ его комнатѣ:

— „Voilà la plus admirable femme que j'aie connue" [2]).

Эти слова, дошедшія до нея, послужили ей отрадой въ горѣ. Приводимъ здѣсь письмо, которое она написала къ свекрови послѣ смерти отца:

---

[1]) Императрица принимала самое живое участіе во всемъ, что относилось къ семейству ссыльнаго, и спрашивала часто о его ребенкѣ, котораго называла: l'enfant du malheur (дитя несчастія). Онъ умеръ на третьемъ году отъ рожденія.

[2]) Самая чудная женщина, которую я когда либо зналъ.

8-го декабря 1829 года.—Чита, острогъ.

Вы видѣли изъ предыдущаго моего письма, обожаемая маменька, что мнѣ извѣстна вся глубина моего несчастія. Тотъ, къ кому вы обратились съ письменною просьбой приготовить меня къ удару, предупредилъ ваше желаніе и оказался достойнымъ довѣрія лучшей изъ матерей. Онъ ангелъ-хранитель, дозволяющій мнѣ все возможное, чтобъ облегчить мое страшное положеніе. Мы сохранимъ ему вѣчную признательность [1]).

Сергѣй и я—мы у вашихъ ногъ. Онъ за мной ухаживаетъ, не отходитъ отъ меня и принялъ мое несчастіе почти такъ же горячо, какъ я сама. Милая маменька, поберегите ваше здоровье ради нашего счастія и спокойствія. Нельзя перенести двухъ разъ того, что я испытываю въ эту минуту.

Я получила письмо моей доброй сестры Репниной, но, къ душевному сожалѣнію, не могу отвѣчать ей сегодня. Ей я обязана первымъ облегченіемъ въ моемъ страданіи. Я столько упрекала себя за письма, которыми огорчала отсюда обожаемаго отца [2]), а наканунѣ своей смерти онъ говорилъ обо мнѣ съ похвалой и любовью, показывая мой портретъ доктору Фишеру. Не могу вамъ сказать какую отраду доставили мнѣ эти подробности. Благословляю добрую сестру, которая мнѣ ихъ сообщила, и обнимаю ее отъ глубины сердца. Цѣлую руки ея мужа и прошу его благословенія.

Сергѣй и я, мы здоровы, милая маменька; въ доказательство скажу вамъ, что онъ уже диктуетъ мнѣ письма къ постороннимъ лицамъ. Пока у меня останется хоть искра жизни, я не могу отказать въ услугахъ и помощи стольким несчастнымъ родителямъ [3]). Я катаюсь каждый день въ саняхъ; господинъ комендантъ этого требуетъ и присылаетъ мнѣ всегда свои сани.

Прежде нежели прощусь съ вами, обожаемая маменька, прибѣгну опять къ вамъ: во все это время мои люди такъ за мной ухаживали, они показали мнѣ столько усердія и такую привязанность, что я повторяю вамъ мою просьбу на счетъ Ефима. Прошу васъ также и объ Машѣ, моей горничной. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ одинъ изъ нихъ получилъ отпускную прежде другаго. Исполните мою просьбу, добрая маменька, и я это приму какъ личную для меня милость. Цѣлую ваши ручки за Сергѣя и за вашу покорную дочь, Марію Волконскую.

Это письмо относится ко времени, когда мужъ и жена жили уже подъ однимъ кровомъ; но долго дожидались они этого утѣшенія. По пріѣздѣ своемъ въ Сибирь, Марья Николаевна получила позволеніе являться лишь два раза на недѣли въ тюрьму, гдѣ содержался князь Сергѣй. Эти грустныя свиданія были стѣснены присутствіемъ дол-

---

[1]) Комендантъ крѣпости, Лепарскій, который оказывалъ всевозможное вниманіе ссыльнымъ. Редакція «Русской Старины» обладаетъ весьма интересными матеріалами къ біографіи этого благороднѣйшаго и вполнѣ достопамятнаго человѣка; біографія эта будетъ напечатана въ «Рус. Стар.». Ред.

[2]) Письма эти касались отъѣзда Марьи Николаевны въ Сибирь. Отправившись туда вопреки желанію своего отца, она и изъ Сибири должна была продолжать борьбу за свое тамъ пребываніе. Кн. М. С. В.

[3]) Вѣроятно, онъ диктовалъ ей письма къ семействамъ тѣхъ ссыльныхъ, которые не имѣли еще позволенія писать сами.

жностнаго лица, а какими лишеніями покупала ихъ женщина, привыкшая къ роскоши и изнѣженной жизни! Она наняла около острога избу, гдѣ поселилась съ Машей и Ефимомъ, о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ, и не видала никого кромѣ женъ заговорщиковъ, которыя послѣдовали также за своими мужьями. Первое время всѣ смотрѣли съ недовѣріемъ на ссыльныхъ и избѣгали ихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Марья Николаевна проситъ свекровь не замедлить высылкой денегъ. „Мы живемъ,—говоритъ она,—въ краю, гдѣ боятся до невѣроятности малѣйшихъ сношеній съ нами. Никто не рѣшается повѣрить мнѣ на кредитъ малѣйшей бездѣлушки, а мои товарищи не всегда располагаютъ лишними деньгами". Она страдала отъ климата, и благодаритъ княгиню Александру Николаевну за присылку теплаго платья ей и мужу. „Климатъ невыносимый,—говоритъ она,—отъ 30-ти градусовъ холода мы переходимъ къ 3-мъ тепла на солнцѣ, что порождаетъ лихорадки". Пища была плохая, помѣщеніе бѣдное и тѣсное. Главное занятіе княгини состояло въ перепискѣ, которую она вела дѣятельно съ семействомъ мужа, съ своимъ, и, наконецъ, съ посторонними лицами. Она писала за себя и за князя, который не получалъ еще права вступать съ кѣмъ бы то ни было въ переписку. Въ первое время своей ссылки, онъ не могъ даже получать ни денегъ, ни какой бы то ни было посылки. Но горькое положеніе стало мало-по-малу улучшаться. Сергѣй Николаевичъ былъ охотникъ до садоводства и ему отвели, на внутреннемъ дворѣ острога, клочокъ земли, на которомъ онъ разводилъ растенія и овощи. Родственники снабжали ссыльныхъ сѣменами, книгами, припасами для женскаго рукодѣлья, и, наконецъ, клавикорды были присланы Марьѣ Николаевнѣ. Мужъ и жена занимались вмѣстѣ чтеніемъ, вѣроятно, при свѣчахъ, такъ какъ тюрьма была темная; имъ позволяли также отворять иногда дверь, выходившую въ свѣтлый корридоръ. „Сегодня,—пишетъ Марья Николаевна, отъ 23-го февраля 1829 года,—у насъ было свиданіе, и мы провели время въ разборкѣ книгъ, присланныхъ сестрой Орловой" [1]). Изъ этого видно, что книги были не у нея на квартирѣ, а въ тюрьмѣ.

Но два свиданія въ недѣлю не удовлетворяли молодой женщины: она умоляетъ свекровь исходатайствовать для нея у Государя позволенія переселиться въ острогъ. „Вотъ новый годъ,—пишетъ она въ началѣ 1829 года,—грустно его встрѣчать, когда не ожидаешь ничего отъ времени. Наша судьба не измѣнится; единственное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлять тюрьму Сергѣя. Добрая ма-

---

[1]) Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Раевская, вдова Михаила Θедоровича Орлова, живетъ нынѣ (1878 г.) въ Петербургѣ.

менька, выпросите эту милость у императора и я благословлю, тѣхъ кому буду ей обязана, и мою судьбу".

Наконецъ, желанія и надежды ея сбылись: въ апрѣлѣ того же года она переселилась къ мужу. Тюрьма украсилась ея незатѣйливой мебелью, и приняла довольно уютный видъ, но отсутствіе деннаго свѣта наводило тоску [1]). Ссыльные просили и получили, къ неожиданной радости, позволеніе прорубить у себя окна (въ наружной стѣнѣ острога).

Сохранился до сихъ поръ рисунокъ, присланный Марьей Николаевной своей свекрови. Онъ изображаетъ тюрьму въ Петровскомъ острогѣ. Овальный столъ передъ диваномъ, комодъ, на которомъ разставленъ чайный сервизъ, нѣсколько креселъ, два большіе шкапа съ книгами, клавикорды и семейные портреты, развѣшанные на стѣнахъ, составляютъ все ея убранство. Но мужъ и жена, связанные испытанной привязанностію, находили въ ней свѣтлыя минуты, не смотря на всю горечь своего положенія. Приводимъ еще письмо, которое княгиня Александра Николаевна получила отъ свой невѣстки.

5-го іюля 1829 г.—Острогъ Чита.

Сегодня Сергіевъ день, милая маменька, и, съ тѣхъ поръ какъ мы женаты, я имѣю въ первый разъ счастіе провести его съ мужемъ. Въ первый годъ я была въ Одессѣ, а онъ въ лагерѣ; 1826-й годъ былъ преисполненъ страданіемъ для насъ, а съ тѣхъ поръ этотъ день не совпадалъ никогда съ нашими свиданіями. Но теперь мой добрый Сергѣй со мной, онъ окружаетъ меня, какъ и прежде, вниманіемъ и любовью. Вы подумаете о насъ, добрая маменька, и сквозь ваши слезы благословите насъ отъ глубины сердца.

Вы желаете намъ счастія въ будущемъ, но судьба наша не измѣнится и не можетъ измѣниться; я не обманываю себя на этотъ счетъ. Мой мужъ испиваетъ чашу страданія съ покорностію и твердостію, а я съумѣю все перенести возлѣ него. Будьте же спокойны на нашъ счетъ, обожаемая маменька; да не будутъ ваши драгоцѣнные дни омрачены нашей судьбой, какъ скоро она неизмѣнима. Здоровье вашего сына очень хорошо; онъ много занимается своимъ садикомъ, нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, словомъ—всѣмъ. Я ни во что не вмѣшиваюсь, и все для меня готово, словно чародѣйствомъ, какъ и въ былое время. Прощаюсь съ вами, цѣлуя ваши ручки милліонъ разъ. Передайте отъ меня много нѣжностей Репнинымъ. Прося вашего благословенія для Сергѣя и для меня, остаюсь ваша покорная дочь Марія Волконская.

Проживши нѣсколько лѣтъ въ острогахъ Читинскомъ, затѣмъ Петровскомъ, Волконскіе были переведены на поселеніе въ Иркутскъ. Тамъ они занимали довольно просторный домъ. С. Г. Волконскій развелъ за городомъ садъ съ огородомъ и ѣздилъ часто въ телѣжкѣ продавать свои овощи на рынокъ. Марья Николаевна родила въ Си-

---

[1]) Окно было надъ дверью и выходило въ полутемный корридоръ.

бири четырехъ дѣтей, но только двое остались въ живыхъ — дочь, вышедшая замужъ въ Сибири, и сынъ—Михаилъ, который воспитывался въ Иркутской гимназіи, и, вышедши изъ нея, пріѣхалъ въ Россію, гдѣ поступилъ на службу. Когда во время коронаціи нынѣ царствующаго Императора было даровано прощеніе декабристамъ, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій [1]) вызвался ѣхать курьеромъ въ Сибирь, и родители узнали отъ него, что срокъ ихъ ссылки кончился.

(Сообщено княжной Варварой Николаевной Репниной).

Сообщ. Т. Новосильцева.

Стихъ о раззореніи скитовъ.

Что на югѣ и на сѣверѣ,
На восточной на странѣ,
Протекала рѣка быстрая,
Рѣка быстрая—славной Керженецъ.
Какъ по той рѣкѣ по Керженцу
Много было скитожителей,
Много было скитожителей,
Къ правой вѣрѣ ревнителей.
Какъ цвѣла тутъ вѣра старая,
Вѣра старая—христіанская,
Не менѣе двухъ сотъ лѣтъ;
Изо всѣхъ странъ собирались,
Невозбранно жить поселялись;
Пустыня была всѣмъ прибѣжища (е),
А нынѣ нѣту намъ убѣжища.
Первой былъ по всѣмъ лѣсамъ
Славный скитъ Оленевской;
Не мѣстами онъ былъ славенъ,
Не приволіемъ былъ украшенъ:
Онъ славенъ былъ и украшенъ
Всѣмъ духовнымъ благолѣпіемъ:
У насъ были здѣсь моленны,
Подобны онѣ были раю,
Уряжены святыми иконами,
Украшенны духовнымъ пѣніемъ.
Служба была ежедневная,
Молитва къ Богу непрестанная;
У насъ былъ звонъ удивленный,
Удивленный, аки громъ гремѣлъ;
У насъ не было мѣстъ привольныхъ
А всѣмъ было изобильно;

[1]) Нынѣ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

У насъ было мѣсто блатное,
Но намъ вездѣ казалось раемъ:
Въ рощахъ птицы распѣвали,
Соловьи насъ утѣшали,
Примѣръ намъ подавали.

Но Господь насъ посѣщаетъ,
Въ послѣдніе дни все прекращаетъ:
Въ осмитысящномъ вѣку
Въ триста шездесятъ первомъ году (1853)
Послалъ на насъ Господь гнѣвъ свой,
Гнѣвъ ярости, судъ безъ милости:
Нашихъ ради прегрѣшеній
Прогнѣвался Царь небесный.
По Божію попущенію,
А по царскому повелѣнію,
Въ Нижній славной градъ,
Во Семеновскій бѣдной уѣздъ,
Въ Оленевской славной скитъ
Собирались, соѣзжались
Все къ намъ не милостивіи судіи;
Прочитали они намъ указъ
Отъ моленныхъ намъ былъ всѣмъ отказъ,
Всѣ часовни растворяли,
Храмы Божіи раззоряли,
Царскія двери снимали,
Всѣ святыя иконы обирали,
Какъ жиды Христа вязали,
Въ Нижной городъ отсылали.
Не успѣли они того окончить,
Начали и о насъ размышлять.

Въ томъ же году черезъ три мѣсяца
Еще грянула на насъ туча грозная—
Вторый вычьли намъ указъ:
Пачьпортницамъ отъ скита всѣмъ отказъ,
Высылаютъ бѣдныхъ—выгоняютъ,
По отечествамъ всѣхъ разсылаютъ,
Всѣхъ убогихъ и безродныхъ
Инокинь и схимницъ въ девяносто лѣтъ.
Но еще они намъ предлагали
И совѣтъ подавали:
«Вы своихъ мѣстъ не лишайтесь,
А къ церкви всѣ присовокупляйтесь,
Вамъ жить будетъ пространно,
И жить будетъ невозбранно».
Во единъ гласъ отвѣщали всѣ:
«Не пріемлемъ новой церкви,
Не нарушимъ свою вѣру;

Только мы ходимъ по воли,
Не желаемъ жить пространно
Для душевнаго спасенія».
Собиралась вси дѣвицы
И младыя крилошанки,
Вси плакали и рыдали,
Къ Богу руцѣ воздѣвали:
«Оле, оле, увы намъ грѣшнымъ,
Почто мы на свѣтъ родились!
Откуды пріиде на насъ такая
Неожиданная напасть;
Мы теперь должны будемъ
По чужимъ дворамъ скитаться,
Мы теперь будемъ подобны
Праотцу нашему Адаму:
Адамъ праотецъ изъ рая изгнанъ бысть
Плода ради вкушенія,
А мы изгнаны бысть
Своего ради прегрѣшенія!
Увы, прекрасный нашъ раю,
Прелюбезный и драгій скиту!
Знать намъ въ тебѣ не живати,
Святыя службы не стояти,
Такія радости не видати,
Духовныхъ пѣсенъ не пѣвати!
Воспріимемъ ревность многу,
Припадемъ ко всещедрому Богу:
Боже, жизнь нашу управи
Всемогущею рукою,
Чтобы въ морскихъ волнахъ не погрязнуть,
Чтобы въ мірѣ жить—не погибнуть.
Богомъ собранное стадо,
Духовныя и любезныя сестры!
Насталъ часъ разлученія,
Умолкнулъ гласъ духовнаго пѣнія,
Вездѣ слышимъ плачъ и рыданія,
Младыхъ со старыми разлученія:
Кто насъ старыхъ припокоитъ,
И кто насъ убогихъ пропитаетъ?
Не своей волей разлучаемся мы,
А по царскому повелѣнію,
А по Божію попущенію».

Примѣчаніе. Этотъ «Стихъ», писанный по уставному, случайно найденъ мною въ одной изъ старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ у раскольниковъ во время раззоренія нижегородскихъ скитовъ въ 1853 и слѣд. годахъ (см. «Историческій очеркъ единовѣрія» соч. М. С. Спб. 1867 г. стр. 178—181; «Нижегородка», Гацискаго, за 1876 г., стр. 35) и переданныхъ мѣстною консисторіею въ распоряженіе Нижегородской семинаріи въ качествѣ пособія при

преподаваніи миссіонерскихъ наукъ противъ раскола. Къ открытію въ февралѣ 1875 г. братства св. Креста въ Нижнемъ Новгородѣ—съ специальною цѣлію спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ—мнѣ поручено было составить подробную опись раскольническимъ книгамъ, хранившимся въ семинарской библіотекѣ, для передачи оныхъ въ библіотеку братства. Во время этихъ работъ и найденъ этотъ стихъ или плачъ раскольницъ о раззореніи скитовъ.

Сообщ. **Аполлонъ Можаровскій.**

Нижній Новгородъ.

В. К. Кюхельбекеръ.

1846 г.

По поводу поэмы: «Вѣчный Жидъ», одного изъ лучшихъ сочиненій В. К. Кюхельбекера, нельзя не вспомнить, что завѣтнѣйшимъ желаніемъ этого, въ свое время даровитаго и весьма образованнаго поэта и писателя—было видѣть свои сочиненія въ печати; другимъ желаніемъ его было избавленіе отъ ссылки... Но онъ не дожилъ до осуществленія ни того, ни другаго.... Ровно за два мѣсяца до своей кончины, именно 11-го іюня 1846 года, онъ писалъ В. А. Жуковскому изъ Тобольска письмо [1]), изъ котораго приводимъ слѣдующія строки:

« .... 20-го декабря прошлаго года, обратился съ письмомъ къ графу Орлову (при этомъ письмѣ было письмо и къ вамъ, съ полнымъ спискомъ моихъ сочиненій); писанное къ графу Орлову было таково, что, кажется, и камень отъ него-бы тронулся. Оно, вы отгадаете, заключало двѣ просьбы: во первыхъ, чтобы самъ графъ благоволилъ войти представленіемъ объ разрѣшеніи печатать мнѣ свои статьи, стихи и прозу, или, по крайней мѣрѣ, напечатать хоть третью часть «Ижорскаго», котораго двѣ первыя части еще въ 1835 году государь императоръ изволилъ приказать напечатать въ III-мъ отдѣленіи собственной своей канцеляріи. Вторая просьба состояла въ томъ, чтобы сдѣлалъ милость графъ Алексѣй Ѳедоровичъ и непремѣнно доставилъ вамъ, моему благородному другу, строки, гдѣ говорю къ душѣ, и къ душѣ Жуковскаго. Графъ отказалъ мнѣ въ первой просьбѣ; полагаю, онъ не исполнилъ и второй. Отказъ его заключается въ слѣдующихъ словахъ: «въ 1840 году графъ А. Х. Бенкендорфъ входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Кюхельбекеру печатать безыменно его сочиненія и переводы, и получилъ отвѣтъ, что еще не время. Вотъ почему графъ А. Ѳ. Орловъ не осмѣлился войти представленіемъ о томъ-же предметѣ». Но съ 1840 года прошло шесть лѣтъ: изъ сильнаго и бодраго мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкою и чахоточнымъ кашлемъ, старикомъ, слѣпцомъ, котораго насилу ноги носятъ [2]). Когда-же настанетъ это время? Мои дни сочтены: ужели пущу по міру мою добрую жену и милыхъ дѣтей? Говорю

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1872 г., стр. 1004—1009.

[2]) В. К. Кюхельбекеру было тогда лишь 49 лѣтъ. Онъ родился въ 1797 г.

съ поэтомъ и, сверхъ того, полу-умирающій пріобрѣтаетъ право говорить безъ большихъ церемоній: я чувствую, знаю, я убѣжденъ совершенно, точно такъ же какъ убѣжденъ въ своемъ существованіи, что Россія не десятками можетъ противоставить европейцамъ писателей, равныхъ мнѣ по воображенію, по творческой силѣ, по учености и разнообразію сочиненій. Простите мнѣ, добрѣйшій мой наставникъ и первый руководитель на поприщѣ поэзіи, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вмѣстѣ со мною погибнетъ, какъ звукъ пустой, какъ ничтожный отголосокъ!»....

Кюхельбекеръ.

Горновскій, Дашкова, Еропкинъ.

Замѣтка.

Г. Редакторъ! Въ вашемъ прекрасномъ изданіи были помѣщены въ 1876-мъ г. очень интересныя Записки Гарновскаго. Имѣя случай лично просматривать приходо-расходныя вѣдомости Гарновскаго, я убѣдился, что полковникъ Гарновскій писалъ свою фамилію не Гарновскій, а Горновскій; на всякой вѣдомости его подпись была слѣдующая: полковникъ Михайла Горновскій.

Равнымъ образомъ, княгиня Дашкова всегда писала сама свою фамилію: Дашкава, а Еропкинъ—Ерапкинъ.

Иванъ Морошкинъ.

ПОДАРОКЪ УЧЕНЫМЪ

на MDCCCXXXIV годъ.

Ergo, мотай себѣ на усъ,
Стр. 364.

ВЪ МОСКВѢ
Продается у Александра Сергѣевича Ширяева.

ПОДАРОКЪ УЧЕНЫМЪ

на 1834 годъ.

О

ЦАРѢ ГОРОХѢ;

КОГДА ЦАРСТВОВАЛЪ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ГОРОХЪ, ГДѢ ОНЪ ЦАРСТВОВАЛЪ, И КАКЪ ЦАРЬ ГОРОХЪ ПЕРЕШЕЛЪ, ВЪ ПРЕДАНІЯХЪ НАРОДОВЪ, ДО ОТДАЛЕННАГО ПОТОМСТВА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 22-го дня 1833 года.

Ординарный Профессоръ, Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снигиревъ.

«Царь Горохъ», остроумная шутка-сатира одного изъ воспитанниковъ Московскаго университета 1834 года,—составляетъ нынѣ довольно рѣдкую брошюру, въ 8-ю д., 35 стр. Воспроизводимъ ее здѣсь съ буквальною точностью, по экземплярамъ, сообщеннымъ намъ Д. Ѳ. Кобеко и Н. П. Дуровымъ, обширныя и превосходно составленныя библіотеки которыхъ (въ особенности библіотека Д. Ѳ. Кобеко) заключаютъ въ себѣ нѣсколько библіографическихъ рѣдкостей русской литературы.

Ученые споры о Царѣ Горохѣ—ловкая и мѣткая сатира на болѣе выдающихся профессоровъ Московскаго университета 1830-хъ годовъ, а также на русскихъ журналистовъ того времени. Подъ десятью буквами изъ греческаго алфавита—составитель брошюры выводитъ десять лицъ, при чемъ весьма ловко поддѣлывается подъ тонъ и слогъ рѣчи тѣхъ, на кого мѣтилъ. «Крайности теоретическаго увлеченія однихъ, искусственныя и чуждыя генію русскаго языка выраженія другихъ, педантизмъ и напыщенное реторическое краснорѣчіе третьихъ—все это не ушло отъ насмѣшливой наблюдательности автора» [1]).

Вотъ лица, скрытыя авторомъ брошюры подъ буквами:

А. —Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, издатель «Вѣстника Европы» и профессоръ Московскаго университета, извѣстный представитель скептической школы въ литературѣ разработки отечественной исторіи.

В. —Николай Ивановичъ Надеждинъ, издатель журнала «Телескопъ», профессоръ археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ.

Г. —Профессоръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Д. —Николай Алексѣевичъ Полевой, издатель журнала «Московскій Телеграфъ», составитель «Исторіи Русскаго народа». Нѣкоторыя его о себѣ и своемъ литературномъ значеніи выраженія почти цѣликомъ внесены въ рѣчь изъ предисловія къ его роману: «Клятва при гробѣ Господнемъ, русская быль XV вѣка». Москва, 1832 г. 4 части, см. ч. 1, стр. IX.

---

[1]) «Библіографическія Записки» изд. 1858 г.; въ этомъ, почти совершенно неизвѣстномъ въ русскомъ обществѣ изданіи (въ столь ничтожномъ количествѣ экземпляровъ оно расходилось и прекратилось въ 1862 г.) напечатано (стр. 17—22 и 187) нѣсколько отрывковъ изъ брошюры «О Царѣ Горохѣ».

Е. — Павловъ, профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ; въ область естествовѣдѣнія онъ вносилъ умозрѣнія Шеллинговой философіи.

Z. — Осипъ Ивановичъ Сенковскій, профессоръ С.-Петербургскаго университета, извѣстный также въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Баронъ Брамбеусъ». Въ рѣчи—приведенной авторомъ брошюры—намеки на «Фантастическое путешествіе барона Брамбеуса» и пр. потѣшныя повѣсти и статьи Осипа Ивановича Сенковскаго.

Н. — Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

Θ. — Θадѣй Венедиктовичъ Булгаринъ, а въ его товарищѣ, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей рѣчи, не трудно узнать Николая Ивановича Греча. «Косичкинъ»—это псевдонимъ А. С. Пушкина, которымъ онъ подписалъ свою остроумную полемическую статью: «Торжество дружбы или оправданный Александръ Анеимовичъ Орловъ» (Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. VII, стр. 87—94).

I. — Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

К. — Ушаковъ.

Раскрытіе лицъ, скрытыхъ подъ буквами, мы заимствуемъ изъ экземпляра брошюры «О Царѣ Горохѣ», принадлежащемъ Д. Θ. Кобеко: въ этомъ экземплярѣ почеркомъ 1830-хъ гг. написаны на поляхъ книги имена выведенныхъ авторомъ ученыхъ и писателей. Ред.

О ЦАРѢ ГОРОХѢ.

Чрезвычайное засѣданіе Философовъ, Историковъ Естетиковъ.

Царь Горохъ доселѣ живетъ въ присловіяхъ и сказкахъ. Его не льзя сравнить съ попомъ Иваномъ, котораго Русскіе полагаютъ въ Африкѣ и къ которому въ Азіи было множество миссій съ Запада. Объ немъ теперь толки нашихъ ученыхъ. Вотъ перечень засѣданія:

Секретарь (восходитъ на каѳедру и читаетъ). Знаменитые ГГ. Засѣдатели! Во имя Науки, которой совершенствованіе есть главнѣйшая и священнѣйшая наша обязанность; во имя Національной Славы, даруемой единственно за умственное творчество; во имя Исторіи, Философіи и Естетики, трехъ сестеръ, трехъ Музъ новѣйшаго Парнасса; по волѣ знаменитаго баккалавра, я избранъ предложить Историко-Философическо-Художественный вопросъ на разрѣшеніе ваше: Чтò такое Царь Горохъ? Гдѣ, когда и точно ли былъ Царь Горохъ? Реальное и Идеальное значеніе Царя Гороха. Знаменитые Засѣдатели отъ А до Ω должны подать свое мнѣніе. Перечень сихъ мнѣній мы завѣщаемъ потомству.

А. Сколь ни боязненно для меня начать рѣшеніе столь великаго вопроса, сколь ни откровенно сознаніе моего безсилія, но занятія и вызовъ окриляютъ меня въ семъ трудномъ дѣлѣ.

Народныя преданія — первый источникъ лѣтописца, камень преткновенія для критики—всегда облечены туманомъ аллегорій, сквозь который трудно провидѣть и проницательному взору историка. Воззрѣнія нашего времени, стремящіяся къ разрѣшенію неразгаданнаго, нерѣдко попускаютъ заблуждаться юному уму и предаютъ его мученіямъ мечтательности, нерѣдко самые очевидные анахронизмы принимаютъ за подлинные; нерѣдко самое нелѣпое облекается въ ткань достовѣрности; но при сихъ ошибочныхъ воззрѣніяхъ, принявшихъ договоры Игоря и Олега, Русскую Правду и Несторову Лѣтопись за факты (но объ этомъ послѣ), опытность слѣдуетъ вѣрной стезѣ: съ пламенникомъ критики она входитъ въ лавиринѳъ сказаній, циркулемъ точности измѣряетъ дедалы преданій и мѣрою сомнѣній пересыпаетъ груды баснословій. Надобно порыться, почитать, подумать: Правда ли? Есть ли въ другихъ странахъ Цари Горохи?—Сомнительно. Не вдадимся въ обманъ; прошедшее невѣрно, можетъ статься болѣе нежели самое будущее.

Царь Горохъ не то, что Дагоберъ (du temps du roi Dagobert) Французовъ. Горохъ не существуетъ ни въ фастахъ, ни въ комментаріяхъ, ни въ святцахъ. Царь Горохъ есть порожденіе грубой фантазіи, которая не поетизировала дѣйствительныя событія, но искажала оныя. Отсюда: куны, гривны, смердъ и проч.

Какъ ни сильно говоритъ народное преданіе, но Царь Горохъ стольже достовѣренъ, какъ и Царица—Чечевица. Однако можетъ быть и дѣйствительно былъ Царь Горохъ, по крайней мѣрѣ, невозможно отвергать совершенно. **Когда** онъ царствовалъ? Рѣшить еще труднѣе—горохъ давно извѣстенъ. **Гдѣ** онъ царствовалъ? — Если царствовалъ, то въ Англіи. Нашъ рубль есть рупій Востока, деньга тудаже смотритъ. Не однозначительно ли слово горохъ съ Англійскимъ грогъ, грокъ (grog), или съ Французскимъ gros, или съ Нѣмецкимъ groß? Въ такомъ случаѣ Царь Горохъ принадлежитъ къ позднимъ временамъ: ибо ни Серторій, ни Раумеръ не упоминаютъ о грогѣ (grog) въ своихъ твореніяхъ о среднихъ вѣкахъ.—Вотъ что могъ сказать я.

В. Щепетливость индивидуальности видоизмѣняется и видообразуется одинаково въ народѣ и въ народахъ. Тамъ она матерѣе, en gros, здѣсь дробнѣе. Индивидуальность націи, маска или личина, такъ сказать, народа, личина воздѣтая имъ для дѣйствованія на позорищѣ свѣта, подчинена условіямъ мѣста и времени; разовьемъ же сіи условія и начнемъ со времени.

Въ утробѣ матери младенецъ только сосетъ; нѣтъ никакого движенія, артикуляція нѣмотствуетъ, о душѣ и помину нѣтъ. Душа витаетъ передъ отверстіемъ и, въ самый моментъ рожденія, наполняетъ бренное тѣло и дѣлаетъ оное гуманизированнымъ. Етотъ моментъ жизни не знаменуется никакимъ явленіемъ; человѣкъ еще не человѣкъ, онъ сосетъ и не предъявляетъ никакихъ требованій, довольствуясь или лучше не понимая, не зная что̀ такое довольствіе, что̀ такое не довольствіе. Онъ развивается и ростетъ; члены дотолѣ недвижные, дѣлаются шалнерами, принужденно движущимися, вращающимися: о̀рганы формируются и младенецъ издаетъ артикулованные звуки—междометія. Пото̀мъ, когда внѣшній міръ скажется, скажется и человѣкъ, аукнется и душа. Тогда начнется другдружнее взаимнопроникновеніе духовнаго и вещественнаго, начнется дисгармоническій бой между младенцемъ и міромъ, который встрѣчаетъ всякаго новорожденнаго, какъ злая мачиха, сурово и враждебственно. Сіе взаимнопроникновеніе созидаетъ въ своемъ развитіи тотъ архитектонизмъ отношеній и подчиненностей, цѣлей и знаній, который заповѣданъ вѣденію міра, котораго интенситетъ и екстенситетъ можетъ быть метромъ человѣческаго знанія, человѣческаго преуспѣянія.

Первый моментъ сего быта, есть Пантеизмъ; вегикулъ, рычагъ сего момента, есть заскорузлое чувство витальности; здѣсь человѣкъ плотенъ, онъ возгнетаетъ костеръ восподнимающій душу горѣ всѣмъ существамъ духовнымъ и вещественнымъ, хлещетъ ощущеніями: сюда я причисляю Вишну, Кришну, Помону, Лотосъ, Изиду и проч. За симъ, какъ за предвозслѣдствіемъ, начинается другой моментъ Пантархическій; человѣкъ проглянулъ на свѣтъ Божій, вострепеталъ при первомъ воззрѣніи, апо-

ѳезировалъ все имъ видимое, воскурилъ ѳиміамъ всѣмъ тварямъ. Теперь онъ познакомился, обглядѣлся и, вмѣсто апоѳеоса, принялся за оцареніе; все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено надъ нимъ; онъ почитаетъ себя служкою всѣхъ бытій и бытодѣйствій: сюда отношу я нашего Царя Гороха.

Г. Съ робостію начинаю я, Милостивые Государи! мое мнѣніе. А. почтенный по своей опытности и по своему глубокопроницанію, сказалъ все, что только можно сказать о столь таинственномъ, высокомъ предметѣ, каковъ Царь Горохъ, символъ безусловной давности и шутки, совключеніе всѣхъ народныхъ своеземныхъ и своевременныхъ пословицъ и поговорокъ. Но я осмѣливаюсь взглянуть на ето съ высшей точки зрѣнія, оріентировать идею Царя Гороха, возсоздать въ нашемъ мышленіи постепенное развитіе сего факта, говорю факта: ибо и миѳъ есть фактъ, но идеальный, въ мірѣ умственномъ, въ Философіи.

Миѳическое сродно человѣческому духу. Видя и чувствуя явленія въ физическомъ мірѣ, человѣкъ ищетъ причины оныхъ въ природѣ, творитъ Демоновъ, Ѳебовъ, Юпитеровъ, Дріадъ, Нимфъ. Онъ олицетворяетъ силы природы: такова миѳологія Индусовъ, Египтянъ и первобытныхъ Грековъ. Но когда прейдетъ средостремительное направленіе, когда человѣчество приближится къ центробѣжному, когда кончится предлежательное бытіе и начнется подлежательное, тогда человѣчество проявляетъ идеи въ ὀбразахъ, отвлеченныя понятія дѣлаются Кадмами, Нумами, Тезеями, Зердустами, Гостомыслами. Одинъ индивидуалъ совключаетъ въ себѣ всѣ возможныя понятія, болѣе или менѣе относящіяся къ существу его. Сіе воззрѣніе, преимущественно господствующее въ Германіи, приноситъ благодѣтельные плоды въ фактическомъ и идеалистическомъ, историческомъ и философскомъ. И дѣйствительно: созданія фантазіи суть порожденія всѣхъ елементовъ дѣятельности духа и плὀти, есть сосредоточиваніе всѣхъ принадлежностей жизни, религіи, философіи и домашняго быта. Человѣкъ въ младенчествѣ Поетъ, Творецъ. Каждая сфера приноситъ, какъ дань, свою часть, свою природу. Все сіе про-

изводится безъ всякаго сознанія: ибо въ предлежательномъ направленіи сознаніе, то есть чувствованіе индивидуальнаго свойства, самочувствіе, Я, еще не является и заключено въ зародышѣ, какъ растеніе въ сѣмени, какъ животное въ утробѣ. Мышленіе отправляется одинаково съ физическимъ дѣйствіемъ. И тамъ и здѣсь законы жизни одни: все имѣетъ начало, средину и конецъ; все видоизмѣняется по формѣ умозаключенія. Силлогизмъ есть норма всякой жизни; такимъже силлогизмомъ руководствуется и юность народа, во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ.—Я упомянулъ прежде объ общихъ отправленіяхъ: теперь разовью отношенія. Отношеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть взаимное соображеніе данныхъ, есть сопоставленіе принадлежностей, преимуществъ и всѣхъ качествъ одного даннаго съ другимъ или другими. Но всякій народъ, по высшему предопредѣленію, выражаетъ собою какую-либо сторону истины: Грекъ изящную пластическую, Римлянинъ политическую древнюю. 5508 годъ, есть великій годъ въ лѣтописяхъ ума и воли и сердца человѣчества; тогда начался новый возрастъ для міра, возрастъ духовный; царство Діонисіевъ и Бахусовъ кончилось; Омиръ умолкъ и, на мѣсто Римской имперіи, явилось множество новыхъ, новыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ народы были наслѣдниками древности, особенно Германцы, овладѣвшіе землями непобѣдимыхъ прежде сыновъ капитоліи; они неминуемо должны были быть классическими, творили по маштабу Квинтиліановъ и Аристотелей... Должно ли упоминать, что ѳеоріи сихъ критиковъ нынѣ недостаточны и отвергнуты. Романтизмъ побѣдоносно развѣялъ свои знамена на священныхъ стѣнахъ вселеннаго города. Для насъ наступило иное время, иныя требованія: но до сего умственнаго пробужденія въ Германіи, въ Англіи, въ Франціи, въ Россіи царствовало безусловное подражаніе.

Не такъ было въ первые вѣки Россіи. Нужно ли говорить о направленіи первобытной жизни Россіи? Отдѣленная отъ Запада и Востока Словено-Русская гармоническая дѣятельность сосредоточилась въ себѣ, развилась и повилась своими пеленами, взросла подъ своимъ небомъ, на своей почвѣ, подъ тѣнію березъ, покрытыхъ хлопками снѣга, въ своихъ землянкахъ, гдѣ точка замерзанія и точка плавильнаго жара раздѣлены одною стѣною,

закопченою изнутри и заиндивавшею снаружи, подъ липами, которыя даютъ мочала и лыки, въ своихъ огородахъ, гдѣ горохъ, рѣпа, лукъ и проч. Жизнь была въ высшей степени оригинальная, совершенно самостоятельна, тогда какъ жизнь, вымыслъ, самая Миѳологія на Западѣ необходимо долженствовали быть классическими. У насъ, въ слѣдствіе закона разъединенія, Миѳологія была романтическая. Сіи два слóва знаменуютъ два полюса духовной жизни... Но возвращаюсь къ начатому. И такъ Миѳологія наша должна была выбирать свои баснословія изъ противуположной среды: тамъ — на Западѣ — Небо; у насъ — Земля. Тамъ—Еѳиръ; у насъ—Горохъ. Съ етой точки зрѣнія смотрю я на Царя Гороха, и, сознаваясь въ своемъ невѣденіи, не могу опереться ни на одно изъ моихъ сочиненій. Я все знаю, все постигъ, все ȍбнялъ, кругъ моихъ занятій такъ разнообразенъ и прерывистъ, что отъ Греческой и Русской Азбукъ, до высшей Философіи и Маѳематики, отъ опредѣленнаго Числá Алгебры, до Ораторскаго Числà Цицерона, постепенно составляли и составляютъ предметъ моихъ трудовъ...

Вотъ, что могъ я сказать о Царѣ Горохѣ.

Д. Терпимость, Ученые Мужи! всего важнѣе въ области Исторіи. Выслушивая старый скептицизмъ, вычурный пустозвонизмъ и безжизненный раціоцинизмъ, не льзя однакоже не признать какой-либо мысли во всякой безсмысленной рѣчи. Да позволятъ мнѣ сказать свое мнѣніе о Царѣ Горохѣ.

Было время, когда въ Литературѣ Русской господствовала аристократическая важность; профèссора смѣшивали съ ученымъ; кто безъ очковъ, тотъ неучъ, кто не желтякъ, тотъ неприлеженъ, кто не знаетъ Бургія, тотъ ничего не знаетъ. Канулъ въ вѣчность сей вѣкъ Схоластики и Перрюкизма. Знамена новаго поколѣнія водружены на твердомъ основаніи идеи чистаго, здраваго разума. Давно ли Карамзинская сентиментальность плакала на берегахъ Патріаршихъ прудовъ? — Нынѣ Патріаршіе пруды миѳъ вакхической радости. Давно ли Татищевы и Щербатовы, Ломоносовъ, Эминъ (поэтическій Эминъ, Эминъ-янычаръ!), Хил-

ковъ, Рычковъ, Карамзинъ и вся ихъ братія служили авторитетами?—Нынѣ ихъ забыли, затёрли, изгладили; мы имѣемъ и свою Исторію и свою Поэзію. Я не безъ умысла вычисляю историковъ, минувшихъ дней лѣтописцевъ, не безъ умысла, Милостивые Государи! Сей предметъ близокъ къ моему сердцу, открытому для всѣхъ впечатлѣній высокаго, прекраснаго и благаго, сей предметъ: мой—Я историкъ; съ гордымъ сознаніемъ говорю: Я историкъ! Я знаю Русь и меня знаетъ Русь! Давно ли Смотрицкіе, Добровскіе безжалостно рѣзали Славянскую грамоту? Нынѣ помыслы высокіе, мысли глубокія, ясныя, свѣтлыя носятся надъ роднымъ, колыбельнымъ языкомъ Матери-Россіи. Такъ, Милостивые Государи! прешелъ вѣкъ безусловнаго подражанія; пѣвецъ Багрима, великомощный полетъ Державина, величайшаго лирика, который не зналъ ни правописанія ни стихосложенія, сей полетъ очертилъ поэтическій Зодіакъ, котораго не разгадать ни Юмамъ, ни Гротефендамъ, ни Шамполіонамъ.

Національность есть типъ жизни народа, прототипъ всѣхъ созданій, мыслей и помысловъ; національность во всемъ отражается, никуда не заглядывая; національность вездѣ проявляется, нигдѣ не существуя опредѣленно. Чтò такое національность?—Великое дѣло!

Съ увѣрительностію могу сказать, что я былъ ревностнымъ поборникомъ національности, отсылаю къ моимъ созданіямъ, въ нихъ дышетъ народность Русская. И ктоже творецъ сихъ созданій? Я, нигдѣ и ничему не учившійся; Я, блуждавшій съ Плутархомъ по золотодонной Сибири и мечтавшій съ малыхъ ногтей быть великимъ; Я, который такъ увлекательно высказываю и которымъ должна гордиться Россія; Я, который перещелкалъ всѣхъ запоздалыхъ старцевъ и одинъ стою за нее на стражѣ противъ старовѣрства; Я—одинъ для нея на ловлѣ Европейскаго просвѣщенія. . . . Но кто былъ моимъ учителемъ? . . . Языкъ коснѣетъ предъ волею Всемогущаго.

Теорія новѣйшихъ мыслителей есть зданіе великаго объем а Шеллингъ, Кузень, Лерминье, Гегель, Бюше, Вико, Нибуръ, Мишле. . . . Вотъ мои наставники, друзья, однокорытники и то-

варищи!... Но я не признаю ихъ ига, я не безусловно принималъ ихъ ученіе. Шеллингъ замолкъ—а духъ развивается, Кузень занялся другимъ—а умъ не останавливается.... Въ нѣкоторомъ смыслѣ они отстали отъ нашего вѣка. Новое поколѣніе!... Да, Милостивые Государи! для вина новаго надобно и мѣхи новые. Основавшись на семъ пунктѣ, перехожу къ Царю Гороху.

Теорія названій народныхъ заключается въ стихіяхъ самой жизни народа. Сіи стихіи, многообразныя и обширныя, сосредоточиваются въ народной поэзіи. Поэзія есть радость души—вотъ почему народныя пѣсни суть радость, хотя въ нихъ нерѣдко печаль... Но печаль, Милостивые Государи! таже радость: въ великомъ, неземномъ возхищеніи, въ поэтическомъ восторгѣ душа ваша испытуетъ истинную радость, она уединяется и бесѣдуетъ съ собою, помыслы глубокіе обнимаютъ многодумную вашу душу—такъ и въ печали. Повторяю, что печаль и радость, въ высшемъ значеніи, въ абсолютномъ—одно и тоже.

Иногда народъ называетъ предметы силою свободноразумной воли: таковы названія аллегорическія, весь Олимпъ, недавно лишившійся всѣхъ Гораціанскихъ и Марціальскихъ прелестей; иногда онъ называетъ предметы творческою мощію фантазіи: таковы всѣ прочія именованія. Только сіи два способа имѣютъ силу: но они развиваются, подраздѣляются и исчезаютъ, сливаясь въ національное знаменованіе. Къ сему-то второму способу развитія именованій мы должны отнести и фантастическое проименованіе Царя Гороха, говорю должны: ибо мы вывели способы изъ центра всякаго мышленія...

Сей предметъ великъ и при одномъ созерцаніи обнимаетъ въ себѣ всю сферу фантасмагорій и народныхъ повѣрій, всю сущность національности... Предоставляемъ себѣ поговорить объ етомъ въ другое, болѣе свободное, время, которое развиваясь само, разовьетъ и помыслы глубокіе, свѣтлые, задушевные, научая человѣчество своими испытательными обломками.

Е, Милостивые Государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и на оборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ, я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

Природа есть соединеніе двухъ противуположныхъ силъ: сжимательной и расширительной, естественно предпологающихъ по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно соотвѣтствуетъ всѣмъ выводамъ, всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изреченіе: **Наука проста въ своихъ началахъ.**

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ Философіи и въ Поэзіи.

Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума; вездѣ Атомистическая и Динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говорить о царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ пущенный изъ ружья есть сила—предметъ Механики. . . . Положимъ, что горохъ, или Царь Горохъ, есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета Физики. Гдѣже мы найдемъ его?—Но ето не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣщеніе (substitutio) другаго факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть горохъ въ объективности или въ осуществленіи. И такъ Царь Горохъ есть понятіе Атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія Динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ — пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота

сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую; и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь **продолжается**. Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и расширяется, т. е. **продолжается**, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: Атомистическій Царь-Горохъ, по Динамической системѣ совершенно невозможенъ и долженъ пребразоваться въ Царь-Бобъ, или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начàла, такъ легки ясныя положенія Науки!

Z. Поэтизмъ, строгая ученость и сентиментальность. составляли попеременно господствующее направленіе нашего вѣка. Но какъ все ето смѣшно, какъ все ето странно покажется вамъ, Милостивые Государи! если вы взгляните глазами Восточной простоты! **Сія** Восточная простота ополчаетъ меня на оныя **вышепоименованныя** направленія нашего времени. Скажу откровенно: кто не знаетъ, не сможетъ знать или понять **сего**, тотъ **оное** осмѣиваетъ.

Но теперь Стернская пересмѣшка въ сторону, и я изложу свое мнѣніе классически и романтически, т. е. вверхъ головою, вверхъ ногами, т. е. по уму, по смыслу и по разумѣнію—по безсмыслію.

Въ **семъ** отношеніи, принявъ **сіи** точки за **оныя** категоріи, я найду слѣдующія соотвѣтствія:

1-е. Царь Горохъ по положительности, или по воззрѣнію вверхъ ногами—есть фантастическое наименованіе народа; по романтизму—есть то національное созданіе головъ, которыя, какъ головни въ печи, обманываютъ ваше зрѣніе, сливаясь въ радужные цвѣты; по умозрѣнію—есть то достояніе одного народа, по которому онъ различается отъ прочихъ.

2-е. По отрицательности, или по воззрѣнію вверхъ головою, Царь Горохъ—есть факиръ; по классицизму — есть титулярный горохъ, или titulärrath; по уму — есть Восточное иносказаніе. А соединивъ все сіе выйдетъ оная пестрота, которую мы находимъ въ глупыхъ путешествіяхъ, въ коихъ, ничего не понимая, все осмѣиваютъ.

Бо̀льшаго, Милостивые Государи, отъ меня не ждите: кто не знаетъ ничего, тотъ смѣется надъ всѣмъ. Иной забавенъ потому, что онъ глупъ. Къ такому роду забавныхъ или смѣшныхъ глупостей принадлежатъ переводы таинственнаго языка Египетскихъ жрецовъ или Египетскихъ факировъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ . . . глупымъ пересмѣшникамъ, глупымъ путешественникамъ. Къ сему роду безсмысленныхъ и тупыхъ остротъ принадлежатъ выраженія: Факиръ, не хочешь ли табачку? Я табаку не пью и кофею не нюхаю....

Послѣ мы пропутешествуемъ къ Царю Гороху — и вы посмѣетесь; а теперь сего объ ономъ предметѣ довольно. Можетъ быть, мы пояснимъ Царя Гороха изъ умозрительной Физики, которая потому для меня смѣшна, что я ее не понимаю, или изъ іероглифовъ, которые—кто понимаетъ? (потому что я, факиръ, ихъ не понимаю).

Н. Царь Горохъ — вотъ предметъ, нечего долго и широко растабарывать, есть-ли Царь Горохъ историческій фактъ, или поэтическій вымыслъ.—Какъ могу я произносить, скажутъ, рѣшительный приговоръ?—Господа! полно-те справляться съ метрическими книгами. Никто болѣе моего не уважаетъ святой истинны; да прильнетъ языкъ къ гортани, если скажу ложь!—Что такое великій человѣкъ? Тотъ, кто въ заскорузломъ чепанѣ придетъ и скажетъ: «Знай нашихъ!»—Что такое психологическое явленіе? — Ванька удавился, Ванька бросился съ каменнаго мо̀ста; Степанида Полуехтовна запарилась, подавилась. . . . Позавидуйте имъ!

Почему отвергать достовѣрность того или другаго, и проч., если что-либо есть въ лѣтописяхъ, если оно не есть хитрое сплетеніе того, кто мудрствуетъ лукаво, по счастливому выраженію поета? Что намъ говоритъ Исторія, Память Божія?—Вотъ мое средство, я всегда сравниваю: если есть подобное или сходное, то— по аналогіи, по индукціи—то можетъ быть допущено, то правдоподобно. Если напримѣръ въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣтъ слога изъ, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ изъ. — Такъ и съ Царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніемъ о Попѣ-Царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи должны быть наполнены о Царѣ Горохѣ. Нигдѣ не льзя узнать определенно: Когда и гдѣ царствовалъ попъ Иванъ? иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ—точно тоже должно полагать и о Царѣ Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: попъ Иванъ царствовалъ (къ чему выдумали бы лѣтописцы?), слѣдовательно и Царь Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ: доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о Царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно перевелъ, скомпилавалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ я безвозмездно тружусь, аки кощей. . . Иногда я плачу: такъ тяжка неблагонамѣреннаго обида! Кто помнитъ память изъискателей? Не я ли публикую, что такой-то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ, предисловіяхъ подъ именемъ N. N? . . . Да мнѣ ето, какъ къ стѣнѣ горохъ! Говоря о Царѣ Горохѣ я почитаю излишнимъ всякія личности. — Съ гордостію повторяю: Мы, Русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ всю Европу можемъ! и проч.—Вотъ чтó я могъ, ergo, мотай себѣ на усъ, и проч.

Ѳ. Милостивые Государи! мнѣ кажется подавать голосъ можетъ не всякій. Иной кричитъ и невольно заставляетъ повторить слова баснописца:

«Ай моська, знать она сильна,
«Коль лаетъ на слона!»

Говорить свое мнѣніе позволяется не косичкину, не самоучкѣ, но тому, который извѣстенъ своими твореніями и котораго творенія раскупаются: ибо раскупаютъ только достойное. Кто что ни говори, а цѣна денежная безразлична съ цѣною критики! Но мы видимъ, что раскупаютъ и дурныя, т. е. дешевыя (что дешево, то гнило) творенія, въ 25 рублей рукопись. Не такія творенія разумѣю я подъ именемъ хорошихъ: въ хорошихъ твореніяхъ должно различать фасонъ . . . Да, фасонъ есть тайна созданія. Я и Мой Товарищъ, давно соединенные узами дружбы на оболочкахъ и въ предисловіяхъ, въ изданіяхъ и критикахъ, въ барышахъ и накладахъ, Мы идемъ своею дорогою и не слушаемъ всѣхъ людскихъ бредней. . . .

Иной изъ нихъ просилъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Да и кто будетъ слушать всѣ ухищренія зависти, досады, злобы за то, что насъ всѣ читаютъ и хвалятъ? т. е. Я хвалю его, а Онъ хвалитъ меня. Журналистика великая наука! Въ ней правило: носи шинель по вѣтру! Гдѣ хорошо, тамъ и Мы. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ характерность. Въ Литтературѣ

Когда смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
Придется и осла взвалить себѣ на плечи.

И что за выгода? Кто васъ ругаетъ—и вы того ругайте: кричите упалъ, исписался, chute complète!

Я и Онъ, ибо Мы во всемъ нераздѣльны, издавна занимаемся отечественною Исторіею; ... а какъ Царь Горохъ, прекрасный предметъ для романа, относится по существу своему къ предметамъ Исторіи: то Мы, Я и Онъ, осмѣливаемся предложить покупающей или читающей публикѣ слѣдующее:

Царь Горохъ есть подлежащее безъ смысла: ибо не имѣетъ своего сказуемаго; Царь Горохъ не можетъ быть предметомъ романа: ибо неизвѣстно, кто онъ и когда онъ былъ, слѣдовательно драпировка невозможна; безъ драпировки нѣтъ созданія; костюмъ и околичное описаніе: вотъ вся сущность романа.

Занимаясь Исторіей, и преимущественно Русскою, Мы смѣемъ ласкать себя, что заслуживаемъ вниманіе публики; удостоенные ея довѣрія, выгоднаго и безцѣннаго, Мы думаемъ, что и въ семъ предметѣ не измѣнимъ оному.

Царь Горохъ дѣло нерѣшенное: Grammatici certant et ad huc sub judice lis est. Horat. (Смотри толкованія Іосифа Ежевскаго).

I. Я, Милостивые Государи! ничего не знаю о почтенномъ Царѣ Горохѣ:

Но горохъ ли онъ, иль бобъ,
Царь Горохъ, иль Иванъ попъ,
Иль Царица Чечевица,
Или горькая горчица —

мнѣ всѣ равно; если бы кто написалъ поему, драму, романъ о Царѣ Горохѣ, я бы обѣщалъ, а можетъ быть, и написалъ бы предисловіе. Писать предисловіе—дѣло нешуточное! Пиша предисловіе,

Я какъ бабка повиваю,
И на славу выпускаю!

А говорить о самомъ предметѣ—не мое дѣло. Я до сихъ поръ много, очень много писалъ—но ничего не написалъ. — И такъ не спрашивайте меня о Царѣ Горохѣ: напишите — и просите предисловія.

К. Велій предметъ—о Царѣ Горошѣ! Но матушка мадамъ публика не довольствуется одними восклицаніями, яко зело простымъ веществословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившей оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности и смотря на одну древнюю башню спросилъ съ нимъ бывшаго маршала: Когда она построена? Сей, не бѣ мужъ зело хитръ въ наукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ Русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ё знаетъ! Чай при Царѣ Горохѣ. Отвѣтъ переведенъ такъ. Mais qui le sait; le thé sous le roi Choros. Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы и раболѣпные клевреты прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатору, который переложилъ такъ отвѣтъ Русскаго антикварія: Mais qui le sait; je pense sous le Roi, dit le pois.... Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся. . . И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный. . . .

Симъ бью челомъ предъ вашимъ благорожденіемъ, Милостивые Государи!

Когда Аристократы умолкли—тогда крикъ, гамъ, безолаберщина, стукотня, бѣготня, тревога. . . Не разслушаешь начáла, средины, конца, приступа, доводовъ, слѣдствій: Царь Горохъ. . . Миѳъ тунеядства . . Созданіе фантазіи. . . Объективность магнетическаго екстенситета. . . Символъ. . . Наполеонъ Гомеопатіи. . . Протопитъ Руссицизма въ творчествѣ. . . Идеалъ огородниковъ. . . Универсалъ фенеановъ. . . Типъ народныхъ сказаній. . . Ґальваническое возсозданіе. . . Трансцендентализмъ природы и идеи хартіи. . . Типъ, прототипъ романизма и антитипъ классицизма. . . И все умолкло!

Секретарь составилъ протоколъ засѣданія. Все, въ силу публицитета, было напечатано на оберточной, какъ водится, бумагѣ; разослано по всѣмъ академіямъ; расхвалено въ журналахъ; и автографъ протокола положенъ въ архивъ.

Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашелъ протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочелъ его, улыбнулся и улыбнулся тою самодовольною улыбкой, какой умное потомство чтитъ бредни предковъ.

Прочтя, юноша написалъ, мѣлкими буквами, слѣдующія слова̀ Горація:

Credite posteri.

Швеціи и Пруссіи съ одной стороны, и отношеній Франціи къ Италіи, Англіи и Германіи—съ другой. Вопросъ о Польшѣ занимаетъ въ нихъ также не послѣднее мѣсто и подъ конецъ принимаетъ жгучій характеръ. Дополненіемъ къ этимъ донесеніямъ служатъ письма русскаго посланника при Стокгольмскомъ дворѣ, барона Сухтелена, къ импер. Александру I, касающіяся спеціально отношеній Швеціи къ Россіи и Франціи, предложенія которой ставили шведское правительство въ весьма двусмысленное положеніе къ сосѣдней державѣ. Заслуживаетъ также вниманія приложеніе къ донесеніямъ Чернышева Румянцеву, состоящее изъ донесенія Шампаньи, герцога Кадорскаго, Наполеону I (отъ 16-го нояб. 1810 г.); о крайнемъ возбужденіи умовъ въ Германіи противъ Франціи и стремленіи къ національному единству; и тайныя инструкціи графу Сенъ-Марсану (въ февр. 1811 г.) о наблюденіи за этимъ движеніемъ, въ заключеніе которыхъ говорится: «пока значительная часть войскъ будетъ занята въ Испаніи и Португаліи, его велич. желаетъ сохранить союзъ съ Россіею и поддержать миръ въ Германіи» (215). Этими матеріалами воспользовался Поповъ для своего соч. «Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ 1812 годомъ», напечатаннаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., продолженіемъ котораго служили его статьи въ «Рус. Архивѣ» и «Русской Старинѣ». Въ концѣ тома Сборника помѣщенъ «Отчетъ въ дѣлахъ 1810 года, представленный импер. Александру I» М. М. Сперанскимъ, 11-го февр. 1811 года, имѣющій характеръ оправданія отъ нареканій партіи, враждебной реформамъ (447—462). Знакомя обстоятельно съ внутреннимъ состояніемъ Россіи передъ отечественною войною и характеромъ произведенныхъ реформъ, Отчетъ этотъ оканчивается прекраснымъ пожеланіемъ, которому не пришлось однако осуществиться «Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе къ вамъ приближаться,—пишетъ Сперанскій, — я имѣлъ случай, можетъ быть, болѣе другихъ познать силу и пространство вашихъ мыслей и желаній не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства. Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ, никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе» (462). Подробныя извлеченія изъ этой записки были сдѣланы еще въ трудѣ гр. Корфа «Жизнь Сперанскаго» (I, 109—271). Самыя мысли этого Отчета, отчасти въ сокращеніи, другія въ болѣе полномъ развитіи ихъ, вошли и въ извѣстное письмо гр. Сперанскаго, писанное изъ Перми къ императору Александру въ январѣ 1813 года (см. «Друж. письма гр. Сперанскаго къ Масальскому» Спб. 1862, 32—52).

Городское самоуправленіе въ Россіи. Т. II. Городское самоуправленіе до 1870 г. И. Дитятина. Ярославль. 1877 г. 563 стр. Ц. 2 р. 50 к. и

Наше городское самоуправленіе. Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Демидовскаго лицея 30-го авг. 1876 г. И. Дитятинымъ. Ярославль. 1876 г. 51 стр. Ц. 50 к.

Первое изъ названныхъ сочиненій составляетъ продолженіе труда автора, вышедшаго еще въ 1875 г. и представляющаго общій очеркъ исторіи русскихъ городовъ и состоянія ихъ въ XVIII вѣкѣ до жалованной грамоты 1785 года. Второй томъ даетъ исторію городовъ въ Россіи отъ смерти импер. Екатерины II до указаннаго момента. Впрочемъ, въ этомъ томѣ, въ виду значительнаго его расширенія, авторъ не входитъ въ разсмотрѣніе сословныхъ учрежденій городовъ и цеховаго строя, а также не касается и городской полиціи, ограничиваясь такимъ образомъ изслѣдованіемъ городскаго общественнаго строя, т. е. общегородскихъ выборныхъ учрежденій и органовъ, ихъ организаціи и функцій.

В. И.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. ІЮЛЬ. **1878 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля.

Городское самоуправленіе въ Россіи. И. Дитятина. Ярославль. 1876 и 1877 гг. (см. библ. листокъ въ № 6 «Рус. Стар.» 1878 г.).

Авторъ держится сравнительнаго метода; такъ, во введеніи къ нему онъ представляетъ очеркъ развитія муниципальнаго устройства въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ настоящаго столѣтія (Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи). Независимо отъ печатныхъ источниковъ, автору удалось воспользоваться дѣлами министерства внутреннихъ дѣлъ и дѣлами ярославскаго архива; но при этомъ онъ же замѣчаетъ, что онъ не могъ воспользоваться дѣлами архива мин—ства внутр. дѣлъ, такъ какъ многое, значущееся въ каталогахъ, вовсе не могло быть разыскано, а также, что дѣла ярославскаго архива были предназначены уже къ истребленію и только немногія уцѣлѣли по какой-то случайности. Теперь, когда составляются спеціальныя коммиссіи для устройства центральныхъ и мѣстныхъ архивовъ, когда вопросъ этотъ неоднократно подымался и обсуждался на археологическихъ съѣздахъ, когда появилось даже учрежденіе съ цѣлью подготовки будущихъ дѣятелей по архивной части—слѣдовало бы обратить вниманіе на подобныя заявленія. А съ другой стороны, когда мы имѣемъ уже такія прекрасныя пособія для ознакомленія съ архивами, какъ описи архивовъ: синодальнаго, сенатскаго, государственнаго совѣта, мин. юстиціи, морскаго министерства, пора бы подумать о приведеніи въ порядокъ и описаніи и другихъ официіальныхъ архивовъ, въ числѣ которыхъ архивъ мин—ства внутр. дѣлъ долженъ занять подобающее мѣсто. Изслѣдованіе автора о русскихъ городахъ представляетъ слѣдующіе очерки: 1) Судьба городоваго положенія, изд. въ 1785 г., при имп. Павлѣ I. 2) Возстановленіе городоваго положенія 1785-го г. 3) Городовое положеніе 1785 г. въ настоящемъ столѣтіи. 4) Фактическое состояніе городскихъ учрежденій и общественный строй городской жизни. 5) Положеніе объ общественномъ управленіи С.-Петербурга (1846 г.), Москвы и Одессы и позднѣйшія измѣненія его. 6) Очеркъ общественнаго управленія Тифлиса (1840 и 1866 гг.).

Исторія городскаго устройства на основаніи положенія 1870 г. должна составить третью часть: но очеркъ этого положенія авторъ сдѣлалъ уже въ брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали выше. Чтобы судить объ основномъ взглядѣ автора на городское самоуправленіе, приведемъ здѣсь сдѣланное имъ заключеніе, съ которымъ нельзя не согласиться. Сославшись на слова кн. Васильчикова, «что германскій общественный организмъ силенъ внутреннимъ своимъ духомъ, разумомъ не законодательства, а людей, приводящихъ законъ въ дѣйствіе. Самыя учрежденія, узаконенія и уставы далеко отстали отъ движенія умовъ, отъ успѣха современныхъ обществъ, такъ далеко, что на нихъ мало обращаютъ вниманіе», авторъ говоритъ: «Но такимъ разумомъ людей общественный организмъ можетъ быть силенъ лишь тогда, когда эти люди не переживали такого тяжелаго прошлаго, какое пришлось пережить нашему городскому обществу съ его «излюбленными выборными людьми»; такимъ разумомъ общество можетъ быть сильно лишь тогда, когда его отдѣльные члены стоятъ на извѣстной высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія; когда оно успѣю выработать здоровое, могучее общественное мнѣніе. А это послѣднее вырабатывается лишь тамъ, гдѣ признается нѣкоторое право, не только закономъ, но и самою жизнію, за мыслью и ея выраженіемъ—печатью. Но такое положеніе печати возможно лишь тамъ, гдѣ знаніе и образованіе признаются силой въ лучшемъ смыслѣ этого слова и пользуются тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ» (50—51).

Русскія историческія одежды. Составлено и рисовано С. Стрекаловымъ, съ введеніемъ Н. Костомарова. Выпускъ I. Спб. 1877. Ц. 23 р.

Первый выпускъ указаннаго изданія обнимаетъ исторію русской одежды съ X по XIII вѣкъ и состоитъ изъ текста и приложеній. Въ текстѣ, занимающемъ 25 стран., помѣщены какъ объясненія самаго костюма, такъ и изображенія разныхъ предметовъ его (числомъ 25), заимствованныя изъ древнихъ рукописей (харатейнаго сборника Святослава 1073 г., Евангелія XII в., принадлежащаго Имп. публ. библ., Еванг. XIII в. въ Румянц. музеѣ, Еванг. XIII в. Спб. дух. акад.,

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

ЧЛЕНЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА, КАЗНЕНЪ 26 ОКТЯБРЯ 1739 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 27 МАРТА 1878 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

XXXV [1]).

ВЪ РИМѢ ПОСЛѢ ОТЪѢЗДА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

1845—1846 гг.

6-го декабря 1845 г. въ день тезоименитства императора, графъ Ѳ. П. Толстой съ нашими пансіонерами поѣхалъ къ герцогу Ольденбургскому,—поздравить его съ общимъ праздникомъ русскихъ, а отъ герцога къ князю Петру Михайловичу Волконскому; вездѣ они были приняты отлично. Волконскій послѣ продолжительнаго разговора съ графомъ и пансіонерами, обратясь къ послѣднимъ, сказалъ: «государь остался вами совершенно доволенъ; благодарю васъ за то, что трудитесь съ успѣхомъ, и за то, что ведете себя какъ прилично благовоспитаннымъ молодымъ людямъ».

Раскланившись съ княземъ, они пошли въ церковь; туда же пріѣхалъ и князь Волконскій.

Во все время пребыванія императора Николая Павловича въ Римѣ погода стояла ясная; со дня же его отъѣзда полилъ дождь, сдѣлалась слякоть, холодъ. Не смотря на это, нѣкоторые изъ художниковъ отпраздновали этотъ день за городомъ. Вечеромъ они разсказали графу, что праздникъ ихъ былъ самый скромный,—что они выпили только по бокалу шампанскаго за здоровье государя, пѣли «Боже царя храни» и церковныя кантаты, затѣмъ съ факелами и пѣніемъ прошлись по сосѣднимъ горамъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670; томъ XVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682; томъ XIX, стр. 431—474; томъ XX, стр. 277—300. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 205—236; томъ XXII, стр. 93—116.

На другой день имянинъ императора, утромъ, къ графу Ѳ. П. пріѣхалъ князь Григорій Петровичъ Волконскій, съ секретаремъ Киля — Сомовымъ, чтобы свѣрить и привести въ порядокъ списокъ заказовъ, сдѣланныхъ государемъ. Графу Ѳ. П. было до крайности непріятно это вмѣшательство въ дѣло, касавшееся единственно его.

Художники наши продолжали по прежнему часто собираться у графа Ѳ. П. и сообщили ему, что дали между собою слово не пировать, а работать какъ можно усерднѣе: такъ благотворно отразилось на нихъ милостивое отношеніе къ нимъ государя. Кромѣ разговоровъ, у графа, вечерами, происходили и чтенія; на одномъ изъ вечеровъ Рамазановъ читалъ написанную имъ сказку «Красота и искусство»; онъ развивалъ въ ней довольно вѣрно идею, какъ отъ дѣйствія красоты вызвалось къ жизни искусство; мысль эта, замѣчаетъ графъ Ѳ. П., не новая: ее проводили и древніе греки, какъ живописцы, такъ и скульпторы—въ образѣ юнаго грека, очерчивающаго профиль лица любимой женщины, по тѣни, отбрасываемой луною на стволъ дерева.

Также какъ и до прибытія въ Римъ императора, графъ и графиня Толстые продолжали посѣщать студіи художниковъ, и съ величайшимъ вниманіемъ и подробностію осматривали все достойное примѣчанія въ Римѣ. Посѣщая знакомыхъ, графъ бывалъ и у антикварія Висконти; однажды Висконти сказалъ графу, что онъ получилъ въ подарокъ прекрасную бронзовую медаль, по его мнѣнію, сдѣланную въ Парижѣ, и чрезвычайно хвалилъ ее. Показывая медаль, сталъ объяснять Ѳедору Петровичу, что̀ она изображаетъ. Графъ тотчасъ узналъ въ ней одну изъ своихъ бронзовыхъ медалей—изображающую освобожденіе Москвы. Висконти былъ чрезвычайно изумленъ, и даже выразилъ нѣкоторое сомнѣніе, что эта медаль была сдѣлана въ Россіи. Когда же графъ сказалъ ему, что медаль эта одна изъ коллекціи, состоящей изъ двадцати такихъ же медалей, сочиненныхъ и рѣзанныхъ имъ по случаю войны 1812—1814 годовъ, то Висконти разсыпался въ востоженныхъ привѣтствіяхъ. При этомъ графъ показалъ Висконти слѣпки съ своихъ барельефовъ изъ Одиссеи Гомера; онъ долго разсматривалъ ихъ и сказалъ, что ему извѣстно все выходившее въ этомъ родѣ, но подобнаго не встрѣчалось, какъ по идеѣ, вѣрности рисунка, вполнѣ античнаго стиля, такъ и по красотѣ и искусству въ выполненіи. Съ восторгомъ и изумленіемъ онъ разсматривалъ выгравированные рисунки «Душеньки», осыпалъ похвалами рисунокъ всѣхъ фигуръ, вкусъ, съ какимъ все трактовано, драпировку, мебель, вазы и прочіе аксессуары, дивился обширному знанію графа древняго греческаго міра, и съ этого времени измѣнилъ свой взглядъ на искусства

въ Россіи. Вскорѣ послѣ того Висконти привелъ къ графу лучшаго рѣзчика на твердыхъ камняхъ въ Римѣ, италіанца Бонтинчіо Боканино, чтобы показать ему вырѣзанные графомъ въ мѣди барельефы Одиссеи. Боканино былъ не художникъ, онъ самъ не сочинялъ, не лѣпилъ, какъ и прочіе медальеры въ Европѣ, а только рѣзалъ съ вещей на стали, на твердыхъ камняхъ, а больше на раковинахъ—чисто и хорошо; занимался также и гальванопластикой въ небольшомъ объемѣ. Его поразили барельефы графа, какъ сочиненіемъ и рѣзьбой въ металлѣ, такъ и отлитые съ нихъ въ мѣди слѣпки гальванопластическимъ способомъ. Онъ долго разспрашивалъ графа объ этомъ искусствѣ, и никакъ не предполагалъ, чтобы было возможно гальванопластикой дѣлать такіе сложные барельефы, со множествомъ фигуръ, греческихъ зданій, внутреннихъ украшеній, съ драпировками, вазами, канделябрами и другими украшеніями, вырѣзанными на барельефахъ графа. Они еще не знали гальваническаго способа осаждать, изъ раствора синяго купороса, мѣдь, въ мѣдныя формы, а производили это только въ восковыя, стеариновыя или гипсовыя формы, напитанныя тѣмъ или другимъ, съ медалей и другихъ небольшихъ вещицъ, натертыхъ графитомъ. Графъ показалъ ему какъ онъ дѣлаетъ свои слѣпки простымъ способомъ въ стеаринѣ, воскѣ и глинѣ, покрытой графитомъ, но не открылъ какъ это дѣлаютъ въ мѣдныя формы, оставляя имъ самимъ догадаться. Италіанскій медальеръ не хотѣлъ вѣрить, когда графъ сказалъ ему, что у насъ этимъ способомъ отливаютъ большія античныя статуи.

Въ праздникъ Рождества Христова, графъ Ѳ. П. былъ съ поздравленіемъ у кн. Волконскаго. Между прочими разговорами князь попросилъ Ѳедора Петровича поторопиться отливкою формъ съ отмѣченныхъ царемъ статуй, снятіемъ копій, и работами, назначенными имъ нашимъ художникамъ.

Вмѣстѣ съ этимъ просилъ опредѣлить плату за ихъ работы, прибавляя: «вѣдь нельзя же имъ работать даромъ; назначьте такую плату, за которую взялись бы здѣсь посторонніе художники». Графъ Ѳ. П. никакъ не ждалъ этого и былъ чрезвычайно обрадованъ.

Въ этотъ же день праздника всѣ наши пансіонеры пригласили графа и графиню Толстыхъ съ ними отобѣдать. Обѣдъ былъ устроенъ въ квартирѣ Рамазанова. Всѣхъ было 22 человѣка, считая въ томъ числѣ и четырехъ не пансіонеровъ: Бецкаго, Розенберга, Сокольскаго и Моллера; первые два даже и не художники. Когда графъ и графиня вошли въ комнату, ихъ встрѣтили съ пѣніемъ подъ фортепіано написанныхъ на этотъ случай Рамазановымъ слѣдующихъ стиховъ:

Въ день славы Бога, славы русскихъ,
Мы празднуемъ здѣсь, въ Рождество,
Изгнанье вражьихъ силъ французскихъ
И славы русской торжество.

***

Хвала защитникамъ Россіи,
Ура! сынамъ ея всегда,
Мы подъ защитою Мессіи
Не посрамимся никогда!

***

Гремите битвы за отчизну,
Лети, герои, по полямъ:
Толстой по васъ исправилъ тризну,
Безсмертью предалъ васъ вѣкамъ.

***

Хвала тебѣ, художникъ славный,
Сердца ты славой весели,
Тебѣ вѣнецъ, безсмертью равный,
За трудъ и подвиги твои.

***

Идеей грека восхищенный,
Взявъ карандашъ волшебный свой,
Красою «Душеньки» плѣненный,
Стяжалъ ты вновь вѣнецъ другой,

***

Хвала тебѣ, повсюду чтимый,
Хвала и «Душенькѣ» твоей,
Живи еще—всѣми любимый
На славу родины твоей!

— «Встрѣча такимъ привѣтствіемъ,—говоритъ въ «путевыхъ запискахъ» графъ,—чистосердечіе, любовь пріема, до того сильно тронули меня, что я не могъ передать полноты чувствъ, тѣснившихся въ моей душѣ; но увѣренъ, что на лицѣ моемъ они прочли мою радость и признательность за ихъ драгоцѣнную мнѣ дружбу и привязанность. Затѣмъ сѣли всѣ за столъ—обѣдъ былъ простъ, но хорошо приготовленъ, вино—римскихъ виноградниковъ». Графу Ѳ. П. это было пріятно, ему было бы тяжело, если бы они ради его вошли въ лишнія издержки. Сверхъ того, устраивая этотъ пиръ, они держались сдѣланнаго ими условія избѣгать всякаго рода роскоши и излишествъ. Единственная роскошь этого обѣда состояла во множествѣ прекрасныхъ, у насъ очень дорогихъ цвѣтовъ, только что нарванныхъ съ грядъ. Надъ каминомъ была развѣшана гирлянда изъ миртъ, цвѣтовъ и зелени, а надъ ней изъ розъ и лилей сплетенныя буквы Ѳ. Т. Въ это время цвѣты въ Римѣ стоили бездѣлицу. Тамъ, гдѣ

было защищено отъ вѣтра Montano, цвѣты распускались на воздухѣ, и при свѣтѣ солнца можно было сидѣть у раствореннаго окна.

Въ срединѣ обѣда Резановъ всталъ и прочелъ сочиненные имъ стихи:

Здѣсь, друзья, мы собралися,
Въ праздникъ Рождества Христова,
Пой, ребята, веселися:
Съ нами видимъ мы Толстаго!

***

Онъ ребятами насъ зналъ,
Нянчилъ насъ какъ дѣтокъ рóдныхъ,
И всегда въ насъ помогалъ,
Чувствъ развитью благородныхъ.

***

Каждый выросъ, и путь свой
По призванію направилъ,
Здравствуй, батюшка Толстой!
Ты насъ всѣхъ на путь поставилъ.

***

Вотъ куда тотъ путь привелъ
Твоихъ дѣтокъ, слава Богу!
Въ Римѣ насъ отецъ нашелъ,
Тамъ—куда казалъ дорогу!

***

Славно, если бы годъ весь
Было Рождество Христово,
Лишь бы намъ его провесть
Возлѣ батюшки Толстаго!

***

Вотъ и намъ пришла пора,
Въ праздникъ Рождества Христова,
Грянуть дружное ура!
Здравью батюшки Толстаго.

Когда Резановъ сѣлъ на свое мѣсто, послѣ общаго громкаго «ура», всталъ Бецкій и экспромтомъ сказалъ:

Намъ Богдановичъ милую поэму написалъ,
Но Пушкина стихи ее убили;
Къ ней графъ Толстой рисунки начерталъ,
И «Душеньку» рисунки воскресили.

Въ концѣ обѣда пили за здоровье графа и графини Толстыхъ и ихъ дѣтей, остававшихся въ Россіи. Когда встали изъ-за стола, художники подошли къ фортепіано и хоромъ пропѣли графу «многая лѣта». Тронутый графъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: «къ несчастію моему, я не владѣю искусствомъ краснорѣчія, и не берусь выразить

ни моихъ чувствъ, ни моей благодарности за высказанныя мнѣ пожеланія; пусть отъ искреннаго сердца, отъ полноты души моей, обниму каждаго изъ васъ—это выразитъ вамъ то, что̀ я чувствую». Тогда всѣ одинъ за другимъ обошли кругомъ стола съ пѣніемъ «многая лѣта», и, поочередно подходя къ графу, обнимали его. Послѣ обѣда подъ фортепіано повторили стихи Рамазанова и поднесли графу огромный лавровый вѣнокъ. Затѣмъ, пропѣвши еще разъ стихи Рамазанова, затянули «чарочки по столику похаживаютъ». Бецкій взялъ перо, тутъ же написалъ и прочиталъ:

Пойте, братцы, веселитесь,
Пришла славная пора,
Вы Толстому поклонитесь,
Гряньте дружное «ура!»
Академья воспитала
Русскихъ добрую семью,
Хоть меня она не знала,
Въ вашемъ не былъ я раю,—
Но я чувствовать умѣю,
И привѣты вамъ даю;
Предъ талантомъ я нѣмѣю,
А художниковъ люблю.
Пойте, братцы, веселитесь,
Пришла вамъ на то пора,
Всѣ—Толстому поклонитесь,
Гряньте генію «ура!»

Многократное,. усердное «ура» раскатилось по комнатѣ, гдѣ было все полно искренности и теплоты души собесѣдниковъ.

Послѣ обѣда пѣли русскія и италіанскія народныя пѣсни, и, такъ же какъ бывало въ домѣ у графа въ Петербургѣ, начались разныя затѣи, переодѣванья въ различные костюмы, танцовали національные танцы, разыгрывались каррикатурныя представленія; въ нихъ особенно были прелестны Монигети и Вени, и смѣшили всѣхъ до слезъ. Толстые пробыли на этомъ праздникѣ до десяти часовъ вечера. Художники, всей толпой, проводили ихъ на улицу съ зажженными свѣчами и фонарями, а когда онѝ спустились съ лѣстницы, то, по образцу карнавала, осыпали ихъ множествомъ розъ и другихъ цвѣтовъ.

Вечеромъ, на своей квартирѣ, графъ записалъ этотъ праздникъ. Онъ сдѣлалъ на него такое же радостное, свѣтлое впечатлѣніе, какъ и тотъ, который данъ былъ ему при его прибытіи въ Римъ.

Посѣщая студіи художниковъ, графъ, въ мастерской Бенуа и Резанова, не могъ налюбоваться прелестными произведеніями этихъ

молодыхъ талантливыхъ архитекторовъ. Ими сдѣлано было множество превосходныхъ рисунковъ, акварелью, всѣхъ деталей церкви Орвіетскаго собора, какъ его внутренности, такъ и наружности, и мастерски нарисованный видъ главнаго фасада какъ Орвіетскаго собора, такъ и многихъ другихъ древнихъ церквей.

Резановъ, Бенуа и Эпингеръ прожили въ Орвіетѣ почти три года втроемъ. Начальство монастыря поручило имъ реставрировать въ церкви мѣста, пострадавшія отъ времени. Они исполнили это съ такимъ успѣхомъ, что заслужили всеобщую благодарность и расположеніе. Въ память сдѣланнаго ими, начальствомъ города вырѣзана была медаль, и каждому изъ нихъ поднесено по медали.

Въ студіи Шурупова вниманіе графа обращала имъ сочиненная и вылѣпленная ванна съ прекрасными культурными украшеніями; она была до половины вырублена изъ мрамора. Чаще всѣхъ графъ посѣщалъ студіи Ставассера, Иванова и Рамазанова.

Въ студіи Макрицкаго, между прочимъ, графа заинтересовали этюды Штернберга, доставшіеся Макрицкому по смерти его товарища, и Ѳ. П. очень жалѣлъ, что ничего не было конченнаго, особенно, что онъ не успѣлъ окончить начатой имъ большой картины, изображающей «рынокъ въ Неаполѣ».

Мастерская Солнцева привлекала графа множествомъ прелестныхъ этюдовъ — пейзажей съ натуры, костюмовъ, чертежей и проч. Въ эскизахъ Ломтева, различнаго содержанія, графъ находилъ дарованіе, умъ и воображеніе въ композиціи. Этотъ молодой человѣкъ много читалъ и хорошо зналъ исторію. Къ большому сожалѣнію графа, онъ повелъ себя не такъ какъ слѣдовало.

Изъ иностранныхъ художниковъ, гр. Ѳедоръ Петровичъ посѣщалъ иногда знаменитаго акварелиста Вернера. Онъ не могъ насмотрѣться на его превосходную картину, изображающую внутренность паллацо мавританской постройки, находящагося въ двухъ миляхъ отъ Палермо. Солнечный лучъ, проникающій въ окно, освѣщаетъ яркимъ лучомъ сидящія за шахматной доской двѣ мужскія фигуры въ средневѣковой одеждѣ; одинъ изъ нихъ, постарше, углубленъ въ игру, другой — молодой человѣкъ, пьетъ изъ рюмки вино, поднесенное ему женщиной, и засматривается на нее. Въ тѣни видны пирующіе солдаты; посрединѣ комнаты дверь мавританской формы. Подобной акварели,—замѣчаетъ графъ,—я еще не видывалъ. Въ студіи вѣнскаго живописца Амерлинга, лучшаго портретиста того времени, графу больше всего нравилась картина, представляющая, въ настоящую величину, двухъ спящихъ прелестныхъ дѣтей, дѣвочку и мальчика. Сонъ ихъ такъ натураленъ,—говоритъ графъ,—что боишься громко говорить,

чтобы не разбудить ихъ и не нарушить сладкаго покоя, въ который они погружены.

У живописца Ридели его заинтересовала одна картина, содержаніе которой взято было изъ индійской поэмы «Locconda». Изображена пустыня, гдѣ юношѣ-отшельнику является нимфа подъ вуалемъ, сіяющимъ лучами солнца, даннымъ ей Вишну. Вѣтеръ распахнулъ вуаль, отшельникъ плѣняется нимфой, вслѣдствіе чего является на свѣтъ ребенкъ, котораго мать отдаетъ на воспитаніе орлу, называемому Loccondа.

Довольно часто графъ и графиня посѣщали театръ. Видѣли въ балетѣ Фанни Эльслеръ и Тальони, слушали въ оперѣ нашего пѣвца Иванова и находили голосъ его выше и пріятнѣе любимца римской публики — Колини. Сверхъ того Ивановъ зналъ хорошо музыку и въ пѣніи обладалъ прелестною методой. Игра драматической артистки Ристори восхищала графа—любителя и знатока сценическаго искусства. «Все, что я до сихъ поръ видалъ въ драматическомъ мірѣ,—говоритъ графъ въ Запискахъ,—не можетъ и приблизиться къ Ристори. Что за грація, что за изумительная правда въ ея игрѣ! она не играетъ роль, она въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ, она чувствуетъ, она вся жизнь и благородство; простота игры, всѣ ея движенія, всѣ позы прелестны, сложена она дивно хорошо, въ миломъ лицѣ доброта и самодостоинство.

Здоровье князя Волконскаго не поправлялось, болѣзненное состояніе отражалось въ характерѣ—нерѣшительностію и крайней робостью, доходившими до того, что, говоря въ одинъ день одно и согласившись на предъявленное ему предложеніе, на другой день говорилъ совсѣмъ противное. Самъ ни на что не рѣшаясь, не давалъ й графу Ѳ. П. Толстому формальнаго права дѣйствовать по его убѣжденію, что навлекало графу пропасть хлопотъ и непріятностей.

Однажды князь Волконскій сообщилъ графу, что секретарь Киля скрылся. Когда у него отобрали всѣ бумаги по дѣламъ директорства, онъ уѣхалъ въ Тиволи. Какъ-то понадобилось послать почему-то на его квартиру—къ удивленію, она оказалась совершенно пустою, все, до послѣдней мебели изъ нея было вывезено; это нашли страннымъ, но, по безпечности, оставили безъ вниманія. Когда же для понадобившихся справокъ послали къ Сомову въ Тиволи, то его тамъ уже не было, и куда онъ скрылся—никто не зналъ. Вскорѣ открылось, что директорство Киля задолжало банкиру Торлони около 50-ти тысячъ рублей серебромъ. О Килѣ составилось общее мнѣніе, что онъ не способенъ занимать мѣсто директора русскихъ художниковъ. Постъ этотъ, оставшись свободнымъ, сдѣлался предметомъ происковъ и интригъ.

Между искателями этого мѣста находился первый секретарь русскаго посольства Устиновъ, и даже Григорій Петровичъ Волконскій. Увидавшись съ Григорьемъ Петровичемъ, графъ высказалъ, что, по его мнѣнію, въ Римѣ никакихъ директоровъ воспитанникамъ академіи не надобно, тѣмъ болѣе, что нерѣдко на такія мѣста назначаются люди, которые не имѣютъ никакого понятія ни объ искусствахъ, ни о нуждахъ художниковъ, и заботятся не о пользѣ нашихъ пансіонеровъ, а только о своихъ удовольствіяхъ, между тѣмъ правительству становятся чрезвычайно дорого. Князь сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе.

11-го января 1846 г., графъ съ первымъ курьеромъ отправилъ герцогу Лейхтенбергскому заранѣе приготовленный имъ рапортъ, въ которомъ сдѣлалъ подробное описаніе образа жизни и поведенія нашихъ пансіонеровъ въ Римѣ и всѣхъ поступковъ съ ними и клеветъ на нихъ бывшаго ихъ директора и его секретаря. Къ рапорту своему онъ приложилъ поступавшія къ нему просьбы воспитанниковъ нашей академіи, находившихся въ Римѣ.

1-го февраля, верховые въ курткахъ малиноваго цвѣта, обшитыхъ желтымъ басономъ, играя на трубахъ, объявили на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ и передъ всѣми паллацами вельможъ о начатіи карнавала. Семь вершниковъ, по числу дней карнавала, везли на длинныхъ значкахъ большія куски матерій, назначенныя для призовъ за тѣхъ лошадей, которыя останутся на скачкѣ побѣдителями. Скачками начинался каждый день карнавала. Издержки по карнавалу возложены были на евреевъ. Въ старину, несчастные евреи были жестоко угнетены и унижены въ Римѣ, и во время карнавала служили безчеловѣчной забавой римской черни: изъ среды евреевъ избиралось нѣсколько человѣкъ, которыхъ по горло завязывали въ мѣшки изъ грубой парусины, и заставляли бѣжать въ перебѣжку по Корсо отъ piazza del popoli до Капитолія; тѣхъ же, которые отставали, жестоко били палками. Наконецъ, евреи за огромную сумму откупились отъ этого безчеловѣчнаго униженія. Бѣгъ евреевъ по Корсо замѣнили бѣгомъ лошадей. «Не смотря на нравы, смягченные цивилизацией», говоритъ графъ Ѳеодоръ Петровичъ, «звѣрская кровь римскаго народа и въ христіанствѣ не перецѣдилась въ болѣе благородную; они и теперь готовы гонять несчастныхъ евреевъ, въ мѣшкахъ, по Корсо. Но такъ какъ въ послѣдствіи уже нельзя было всенародно оскорблять націю, ни въ чемъ не виноватую, то они допустили жестокое оскорбленіе въ Капитоліѣ. Наканунѣ карнавала, въ полномъ присутствіи сенаторовъ въ Капитоліѣ, евреи обязаны приносить, согласно постановленію, по случаю праздника, подарки папѣ и разнымъ начальственнымъ лицамъ. Въ

присутствіи всего сената, евреи церемоніально приносили подарки, и, преклонивши колѣна, вручали ихъ старшему изъ сенаторовъ. Сенаторъ, принявши подарки, представителю евреевъ ставилъ на голову ногу, въ знакъ ихъ покорности и униженія, и этотъ обрядъ совершался въ XIX вѣкѣ, по постановленію папы, главы католическаго христіанства! и это дѣлалось передъ огромнымъ стеченіемъ народа, въ виду всей Европы!» Когда въ Римѣ былъ графъ Толстой, то, при депутаціи евреевъ, президентъ-сенаторъ уже не ставилъ ноги на голову представителю евреевъ Рима. Онъ ожидалъ депутацію сидя на тронѣ, окруженный свитою и пажами. Глава евреевъ, въ черномъ фракѣ, войдя въ залу аудіенціи, низко кланялся, давалъ клятву исполнять вѣрно постановленія по договору, и просилъ позволенія евреямъ остаться еще на годъ въ Римѣ. Президентъ далъ разрѣшеніе, начертанное на мѣдной дощечкѣ,—тѣмъ и кончилась вся церемонія; приношенія и подарки доставлены были заранѣе.

Затѣмъ открывается карнавалъ.

Улица Корсо—преображается. Дома, окна, балконы драпируются розовыми, бѣлыми, пурпуровыми, голубыми, оранжевыми матеріями съ серебряными и золотыми бахромами, шнурками, кистями, убираются дорогими коврами, цвѣтами; въ устроенныхъ для карнавала ложахъ прелестныя женщины—въ домино и безъ домино—въ легкихъ полумаскахъ и съ открытыми лицами. Веселыя группы масокъ затопляютъ широкую улицу—музыка, пѣсни, жизнь—слышатся шутки, остроты,—сыпятся мука, цвѣты, маколети.

«Чтобы узнать, чтобы оцѣнить Римъ—надобно въ него вжиться,—говорилъ графъ Ѳедоръ Петровичъ.—Чѣмъ дольше остаешься въ немъ, тѣмъ больше сосредоточиваешься на его природѣ, на хранящихся въ немъ великихъ художественныхъ произведеніяхъ, на протекшей по немъ жизни. Многія неудобства новаго Рима—становятся все незамѣтнѣе, величественныя стороны Рима древняго—все яснѣе. Поражаешься царственнымъ отпечаткомъ, лежащимъ на его каменныхъ остаткахъ,—что за фантазія, что за розмахъ, что за широта жизни, такъ цѣльно, такъ полно выразившей все свое содержимое. Полустертый слѣдъ міра языческаго еще могущественно выдвигается изъ-за міра христіанскаго, внесшаго въ жизнь обновляющее начало, совершенно противоположное всему древнему порядку вещей».

«Древній міръ», говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, сравнивая міръ языческій съ міромъ христіанскимъ, «чувственный, художественный, все принимавшій съ легкостію, съ юношескою улыбкой, вездѣ пробивался къ мысли, и нигдѣ не умѣлъ идти до крайнихъ выводовъ. Его наука была поэма, его художество было — религіей, его

понятіе о человѣкѣ не раздѣлялось съ понятіемъ гражданина, его республика поддерживалась страшно-задавленной каріатидой невольничества; его нравственность состояла изъ юридическихъ обязанностей. Онъ уважалъ въ согражданинѣ монополію, привиллегію, но не человѣческую личность его [1]); юношескій міръ этотъ былъ увлекательно прекрасенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ непростительно легкомысленъ; философствуя, онъ отталкивалъ важнѣйшіе вопросы, потому что они не такъ легко разрѣшались, или удовлетворялся легкими рѣшеніями ихъ; утопая въ роскоши и наслажденіяхъ, онъ не думалъ о темномъ подвалѣ, въ которомъ стонутъ въ колодкахъ рабы, возвратившіеся съ поля. Вдругъ прелестныя декораціи, ограничивавшія горизонтъ древняго міра, исчезли, открылась безконечная даль, которой и не подозрѣвалъ міръ гармонической соразмѣрности; основы его показались мелки въ этомъ безбрежіи, а лицо человѣка, потерянное въ гражданскихъ отношеніяхъ древняго міра, выросло до какой-то недосягаемой высоты, искупленное словомъ Божіимъ. Непосредственныя и гражданскія опредѣленія оказались второстепенными; личность христіанина стала выше сборной личности города; ей раскрылось все безконечное достоинство ея. Евангеліе торжественно огласило права человѣка, и люди впервые услышали что они такое».

Какъ было не измѣниться всему!

Христіанство запечатлѣло себя въ Римѣ пролитою кровью мучениковъ, храмами, базиликою святаго Петра, великими художественными произведеніями; но стѣсняемое жесткой, сухой схоластикой, волнуемое борьбой съ отходящимъ духомъ древности, нашедшимъ средство пробраться въ станъ побѣдителей,—не могло раскрыться во всей широтѣ своей, и стало развиваться въ народахъ новыхъ—въ формахъ болѣе свободныхъ, болѣе соотвѣтственныхъ своему внутреннему содержанію.

Великіе памятники, оставленные въ Римѣ протекшими по немъ вѣками, безчисленныя произведенія искусствъ, художническій образъ жизни, все больше и больше привлекали, привязывали графа Ѳ. П. къ Риму. Все было ему тамъ понятно, всему онъ сочувствовалъ. Самая природа возбуждала въ немъ поэтическое настроеніе, смѣшанное съ картинами протекшей жизни, какъ это видно изъ его многихъ очерковъ природы и изъ сравненія Италіи съ Швейцаріей. «Италіанскими видами любуешься,—говоритъ графъ, оканчивая картину природы Италіи,—съ чувствомъ чего-то величественнаго, но

---

[1]) Изъ числа мыслителей, перешедшихъ предѣлъ древняго воззрѣнія о нравственности, Сенека стоитъ на самомъ краю древняго міра.

земнаго, въ нихъ главную роль играютъ памятники древности, а природа—второстепенную. Память представляютъ воображенію дѣйствія людей міра древняго, и ослабляетъ впечатлѣніе природы. Въ природѣ же Швейцаріи, съ ея мирными долинами, съ горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, съ морями льдовъ, съ скалами, какъ бы упирающимися въ небо, съ низвергающимися въ бездны потоками водъ, съ отвѣсными утесами, на вершинахъ которыхъ, какъ бы подъ облаками, виднѣются развалины мрачныхъ, страшныхъ средневѣковыхъ рыцарскихъ замковъ,—природа преобладаетъ; развалины замковъ, крѣпостей, разсыпаныхъ по горамъ Швейцаріи—аксессуары, они теряются за красотами, за величіемъ природы—смотришь на нихъ и забываешь все земное».

Перечитывая эти очерки, вспомнилось мнѣ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, спускались мы съ Сенъ-Готарда. Ночь была ясная. Альпы, покрытыя снѣгами, подъ лучами полнаго мѣсяца, сіяли алмазами, отбрасывая рѣзкія тѣни. Кругомъ—скалы, пропасти, лѣсъ, водопады, рѣка рвется черезъ громады камней. Съ каждымъ шагомъ внизъ виды мѣняются, то ѣдешь краемъ пропасти, то подъ арками скалъ, тамъ—подъ ногами тихая долина и та же рѣка мирно журчитъ по камушкамъ, и новая цѣпь горъ открывается, на высотѣ алѣетъ альпійская роза; еще шагъ ниже—селенье, групы кленовъ и тополей, что ниже—то природа пышнѣй, роскошнѣй; вотъ повѣяло тепломъ, влагой—и передъ нами Лаго-Маджіоре—неподвижное какъ зеркало, обрамленное восхитительными виллами, потонувшими въ група́хъ ацалій, въ розахъ, миртахъ—въ нашихъ оранжерейныхъ растеніяхъ. Что за утро зазолотилось надъ озеромъ! что за темно-синее небо! что за упоительный воздухъ! Такіе виды, такое утро наполняютъ сердце счастіемъ, душу—небомъ и любовью!

Т. П. Пассекъ.

ГЕОРГІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НОВИЦКІЙ

Біографическій очеркъ.

1800—1877.

III [1]).

Въ царствованіе Николая Павловича наша дѣйствующая армія состояла изъ четырехъ пѣхотныхъ корпусовъ и была расквартирована въ губерніяхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ западной границѣ. Каждый корпусъ имѣлъ свой постоянный раіонъ; центрами раіоновъ были города: Вильна, Варшава, Кіевъ и Гомель. Чтобы войска не сживались съ жителями и не утрачивали навыкъ къ походной жизни, корпуса чрезъ каждые три года передвигались изъ одного раіона въ другой: корпусъ изъ Варшавы шелъ въ Кіевъ, изъ Кіева въ Гомель, изъ Гомеля въ Вильну и изъ Вильны въ Варшаву. Въ 12 лѣтъ исполнялся полный круговоротъ и корпуса возвращались на первоначальныя ихъ квартиры. Передвиженіями корпусовъ, равно раззорительными и для края и для арміи, тяготились всѣ; они даже получили особую кличку «вальса войскъ вокругъ Полѣсья»; но ими еще не исчерпывалась вся суть походной жизни тогдашней нашей арміи. Передвиженіе корпусовъ изъ одного раіона въ другой бо́льшею частію производилось въ осеннее время; раннею же весною, войска двигались въ лагерные сборы и для того совершали не менѣе значительные марши. Вообще, передвиженія въ нашей арміи того времени, для перемѣщенія на новыя квартиры, послѣ каждаго трехлѣтія, и ежегодно для лагерныхъ сборовъ и смотровъ, для содержанія карауловъ и для государственныхъ работъ, имѣли столь сильный перевѣсъ въ служебномъ быту войскъ, что иные полки, въ теченіе зимняго періода, который считался временемъ отдохновенія

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 271—300.

войскъ, съ ноября до апрѣля, въ полномъ составѣ не оставались и одной недѣли. Невѣроятно какъ много тогда ходила и караулила наша армія! Переводъ Георгія Васильевича въ дѣйствующую армію втянулъ его въ круговоротъ походовъ и занятій этихъ войскъ, и вотъ полковникъ Новицкій, въ званіи оберъ-квартирмейстера сперва 3-го, а потомъ 2-го пѣхотныхъ корпусовъ, ведетъ переписку о передвиженіи войскъ и нарядахъ въ караулъ и на работы, составляетъ сложные, встрѣчные и пересѣчные маршруты корпусамъ, разбиваетъ лагеря, ставитъ корпуса для парадовъ и смотровъ, участвуетъ во всѣхъ церемоніяхъ, строевыхъ ученіяхъ и маневрахъ, руководитъ образованіемъ и съемками топографовъ и молодыхъ офицеровъ, составляетъ планы маневровъ и описанія ихъ и удостоивается многихъ высочайшихъ благоволеній и наградъ.

Но качество и количество наградъ, какъ-бы послѣднія ни были разнообразны и обильны, не всегда совпадаютъ съ правомъ и достоинствомъ лица; по наградамъ можно только судить, что служба складывалась для одного благопріятнѣе, чѣмъ для другаго; одинъ попадалъ подъ ливень, а другой подъ бездождіе; одному по положенію о наградахъ ничто не препятствовало украшать себя чрезъ каждые два года, а другому истеченіе двухъ и даже трехъ двухлѣтій не давало случая на нее. Новицкій относительно наградъ вовсе не былъ баловнемъ случая....

Въ служебной его дѣятельности видимо выдвигались нравственныя стороны—это его безусловная честность, прямота, переходившая, по рѣзкости рѣчи, иногда въ грубость, наконецъ, твердость, недопускавшая уступчивости и кончавшаяся упорствомъ. Что качества эти иногда цѣнились, и лицъ, обладающихъ ими, не легко было найти, доказательствомъ тому служитъ переписка литовскаго генералъ-губернатора Мирковича съ княземъ Варшавскимъ, въ 1840 г. Новицкій тогда квартировалъ со штабомъ 2-го пѣхотнаго корпуса въ Вильнѣ; тамъ же находилась слѣдственная коммисія по дѣлу извѣстнаго эмисара Канарскаго, разстрѣляннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Слѣдственная коммисія привлекла къ слѣдствію много лицъ и до того затянула дѣло, что правительство вынуждено было, отстранивъ бывшаго предсѣдателя коммисіи князя Трубецкаго, поручить окончаніе дѣлъ флигель-адъютанту полковнику Назимову. Но, какъ извѣстно, дѣла, особенно въ началѣ, не шли отъ этого такъ скоро и правильно, какъ было желательно генералъ-лейтенанту Мирковичу. Озабоченный этимъ, онъ, по совершенному недостатку благонадежныхъ и опытныхъ лицъ между русскими чиновниками ввѣренныхъ его управленію губерній (выраженіе официіальной бу-

маги), просилъ генералъ-фельдмаршала разрѣшить полковнику Новицкому заниматься въ слѣдственной коммисіи въ качествѣ члена, хотя въ свободное время отъ прямыхъ его занятій по должности оберъ-квартирмейстера корпуса. Князь Варшавскій, зная Новицкаго, представленіе Мирковича уважилъ, вслѣдствіе чего Георгій Васильевичъ, въ началѣ декабря 1840 года, вошелъ въ составъ коммисіи, предсѣдателемъ которой былъ Назимовъ.

Какъ человѣкъ нравственно-религіозный, къ самому себѣ строгій, соглашавшій каждое свое дѣйствіе съ долгомъ службы, совѣстію и присягою, полковникъ Новицкій, съ первыхъ же засѣданій въ коммисіи, разошелся во взглядѣ и протестовалъ противъ ея дѣйствій. Протестъ свой онъ изложилъ на бумагѣ и представилъ предсѣдателю и генералъ-губернатору. Онъ возсталъ противъ передопросовъ нѣкоторыхъ арестантовъ, которые отрекались отъ прежнихъ своихъ показаній, а особенно противъ того, что коммисія, требуя разъясненій на показанія, отобранныя прежними ея членами, ставила вопросы въ тонѣ и формѣ, которые явно наводили на отвѣты въ томъ направленіи, какъ желала коммисія, побуждаемая своими цѣлями, несогласными съ раскрытіемъ истины. Онъ возсталъ противъ того еще, что вторично отбираемыя отъ арестантовъ показанія записывались членами коммисіи, тогда какъ показанія, данныя тѣми же арестантами коммисіи прежняго состава, писались ими собственноручно. «Гдѣ же,—спрашивалъ Новицкій предсѣдателя,—для насъ ручательство, что арестантъ не откажется отъ своихъ показаній, излагаемыхъ на бумагу вами? не скажетъ-ли онъ, что отвѣты, данные мною словесно, дѣлались сообразно желанію коммисіи, и излагались не мною, а самими членами? не повлечетъ-ли такая неправильность къ третьему передопросу?»

Назимовъ, слыша отъ Новицкаго такія истины, однажды прервалъ его на словѣ—что онъ не вѣритъ показаніямъ арестанта Заливака и боится за его отвѣты. «На вашемъ мѣстѣ, если-бъ я боялся,—отвѣчалъ Назимовъ,—то вышелъ-бы изъ коммисіи!» Новицкій, воздержась отъ объясненія внутренняго смысла фразы Назимова, который былъ довольно прозраченъ, поставилъ вопросъ генералъ-губернатору: не лишній-ли онъ, Новицкій, въ коммисіи?

Разъ, Назимовъ въ засѣданіи коммисіи высказалъ, что въ здѣшнемъ краѣ русскіе чиновники имѣютъ злой умыселъ—сѣять вражду между правительствомъ и его подданными-поляками, и что такой-то (названъ совѣтникъ А.) есть только орудіе тѣхъ, которые приводятъ въ исполненіе свой умыселъ. По словамъ предсѣдателя выходило такъ, что въ Литвѣ заговоры вели не поляки, а русскіе про-

тивъ поляковъ. Новицкій тутъ-же сказалъ, что идея эта не нова и не русская, что ему часто приходилось слышать ее отъ здѣшнихъ поляковъ высшаго класса, ищущихъ его знакомства съ той поры, какъ онъ сдѣлался членомъ слѣдственной коммисіи:

«Они и меня убѣждали не допускать мысли о возможности заговора въ здѣшнемъ краѣ, объясняя самую мысль о заговорѣ изобрѣтеніемъ неблагонамѣренныхъ людей съ цѣлію сѣять вражду между правительствомъ и поляками. Соображая эти, по видимому, благонамѣренные совѣты съ содержаніемъ «журнала 3-го мая», издаваемаго въ Парижѣ эмигрантами, понимая подъ неблагонамѣренными людьми насъ-же, русскихъ, такъ какъ никто другой—ни полякъ, ни еврей—ими быть не могутъ, и взвѣшивая поведеніе пановъ и шляхты западныхъ губерній, нельзя не убѣдиться, что идея принадлежитъ польской эмиграціи и по обстоятельствамъ принимаетъ у заговорщиковъ то оборонительный, то наступательный характеръ. Нынѣ она пропагандируется въ оборонительномъ значеніи, а вотъ и наступательный ея смыслъ: «журналъ 3-го мая» наполненъ порицаніями, клеветою, насмѣшками, ложью и бранью на русскихъ людей; въ немъ отведено значительное мѣсто статьямъ о злоупотребленіяхъ властей и русскихъ чиновниковъ западнаго края, о партизанской противъ насъ войнѣ, о народномъ возстаніи и о подготовленіи къ нему края. Всѣ эти статьи, какъ притоки большой рѣки, сливаются въ общую пропаганду такого содержанія: польское дворянство, духовенство и шляхта, хотя рожденныя и вырощенныя въ ненависти къ православію и русскому имени, ничего не могутъ сдѣлать одни, имъ нужно увлечь крестьянъ на свою сторону; достигнуть этого, по ученію эмиграціи, слѣдуетъ: угнетеніемъ народа посредствомъ чиновниковъ, арендаторовъ, экономовъ изъ поляковъ, корчмарей и торговцевъ изъ евреевъ, распространеніемъ въ народѣ мысли, что весь гнетъ исходитъ отъ правительства. Шляхтѣ, духовенству и евреямъ эмиграція совѣтуетъ прибрать къ своимъ рукамъ администрацію западныхъ губерній отъ высшихъ до низшихъ инстанцій; случайно попавшаго въ этотъ кругъ русскаго благонадежнаго чиновника—выжить или развратить; угнетенію и раззоренію преимущественно подвергать крестьянъ православнаго исповѣданія; крестьянъ католиковъ или православныхъ, живущихъ на земляхъ, принадлежащихъ костелу, ласкать и совращать въ католицизмъ.—Таково наступательное движеніе идеи; но та же идея, при обнаруженіи замысла, или при неудачѣ заговора, обязываетъ поляковъ, которые еще не разорвали связей съ русскими, неустанно имъ говорить то самое, что я слышалъ отъ Назимова. Даже настоящіе толки поляковъ въ Вильнѣ о медленности слѣдственной коммисіи, о привлеченіи къ слѣдствію невинныхъ, о мнимыхъ страданіяхъ арестованныхъ, пущены въ оборотъ съ расчетомъ, конечно, на наше легкомысліе, или тѣ же, которые виновны, предвидятъ открытіе истины и угрожающую

конфискацію ихъ имѣній, или толки тѣ есть приложеніе къ дѣлу той же идеи: иначе нельзя объяснить горячее участіе и состраданіе поляковъ къ положенію арестованныхъ».

Въ одномъ изъ засѣданій слѣдственной коммисіи, предсѣдатель выразилъ мнѣніе, чтобы изъ бывшихъ членовъ коммисіи—однихъ арестовать, а другихъ отдать подъ надзоръ полиціи [1]); Новицкій, не согласившись и на тотъ разъ съ мнѣніемъ предсѣдателя, рѣзко возразилъ:

— «Арестъ бывшихъ слѣдователей, безъ сомнѣнія, былъ бы лучшимъ тріумфомъ для заговорщиковъ и жестокою насмѣшкою надъ русскими. Судить о дѣйствіяхъ прежнихъ членовъ есть дѣло генералъ-губернатора, а новые члены призваны для большаго труда открыть злоумышленниковъ и заговоръ».

Заявляя предсѣдателю коммисіи свое мнѣніе словесно, Новицкій то же мнѣніе изложилъ на бумагѣ, въ двухъ экземплярахъ—одинъ передалъ въ коммисію, а другой генералъ-лейтенанту Мирковичу. Послѣдній былъ очень благодаренъ и мнѣніями Новицкаго пользовался, чтобъ удерживать слѣдователей на пути истины и правды. Рѣзкость и прямота сужденій Новицкаго были очень кстати: Назимовъ, по видимому, подпалъ подъ польское вліяніе въ Вильнѣ съ перваго его шага. Онъ, казалось, проводилъ въ слѣдственной коммисіи мысли, навѣянныя изъ стана, противу котораго ратовалъ полевой судъ, и становился невѣрно и относительно обществъ русскаго и польскаго и относительно дѣйствій коммисіи въ прошедшемъ и настоящемъ. Все это было видимо и различно объясняемо: одни полагали, что предсѣдатель получилъ внушеніе въ Петербургѣ кончить какъ нибудь и чѣмъ нибудь; другіе въ своеобразныхъ сужденіяхъ предсѣдателя видѣли заискиваніе популярности между поляками; бо̀льшая же часть знавшихъ Назимова объясняли воззрѣніе его на слѣдственный процессъ добротою сердца, гуманностію и непониманіемъ натуры польской. Съ послѣднимъ, кажется, слѣдуетъ согласиться скорѣе всего; Назимовъ, человѣкъ, безспорно, весьма честный и добрый, въ званіи, потомъ, генералъ-губернатора былъ очень любимъ поляками и самъ къ нимъ былъ расположенъ.

Расходясь въ воззрѣніи со своимъ предсѣдателемъ, Георгій Васильевичъ, въ то же время, тщательно изучалъ добытыя виленскою

---

[1]) Одновременно съ прибытіемъ изъ Петербурга флигель-адъютанта Назимова въ Вильну, въ качествѣ предсѣдателя слѣдственной коммисіи, признано необходимымъ перемѣнить весь ея составъ; почему прежніе члены удалены, а на мѣсто ихъ назначены другіе. П. С.

слѣдственною коммисіею факты и свѣдѣнія со дня ареста Канарскаго, а, сопоставляя направленіе дѣлопроизводства первой коммисіи дѣйствіямъ настоящей, онъ уяснилъ себѣ планъ заговора въ его пропагандѣ, средствахъ, цѣли и дѣятеляхъ, что̀ много способствовало освѣщенію пути, по которому было направлено дальнѣйшее дѣлопроизводство коммисіи.

Слѣдственныя дѣла и эмиграціонные журналы, особенно «журналъ 3-го мая», открыли Новицкому весь планъ войны, замышленной заговоромъ. По плану сему, въ общихъ чертахъ, Полѣсье должно было служить плацъ-дармомъ для мятежныхъ силъ, а борьба—ограничиться только партизанскими дѣйствіями. Мятежному плану Новицкій противопоставилъ свой, а проектированнымъ заговоромъ партизанскимъ дѣйствіямъ составилъ карту; и то и другое, въ 1842 году, было представлено императору Николаю I. Его величество на полѣ текста помѣтилъ: «Читалъ съ удовольствіемъ».

Чтобы читателю составить понятіе, какъ Новицкій сильно любилъ русскій народъ, какъ онъ съ основательнымъ изученіемъ исторіи и быта западныхъ губерній глубоко прослѣдилъ всѣ извороты польской пропаганды и мѣтко указалъ на мѣры, къ которымъ правительству было необходимо обратиться для водворенія въ краѣ спокойствія и парализованія замысловъ мятущейся части населенія,—приводимъ въ подлинникѣ письмо его виленскому генералъ-губернатору И. Г. Бибикову, въ 1853 году. Илья Гавриловичъ Бибиковъ обратился къ нему съ просьбою—ознакомить его съ содержаніемъ записки, представленной имъ императору Николаю I, въ 1842 году, о мятежѣ польскомъ и противодѣйствіи ему. Новицкій, посылая Бибикову шесть тетрадей, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

«Къ тетради № 1-й принадлежитъ карта, на которой ясно видны опорные пункты поляковъ и наши, видны также базисы и пути дѣйствій. Тетради 2, 3 и 4-я содержатъ въ себѣ полныя статьи: наставленіе іезуита, мысли о народной войнѣ и мысли о народномъ возстаніи. Статья подъ № 2-мъ, должно полагать, написана вскорѣ послѣ измѣны русскихъ епископовъ на брестскомъ соборѣ; слѣдовательно, она должна быть современна водворенію уніи въ западныхъ губерніяхъ Россіи, а послѣднія двѣ статьи—1839 года.

«Тетрадь подъ № 5-мъ содержитъ въ себѣ двѣ полныя статьи; первая даетъ отвѣтъ на вопросъ: что̀ будетъ по смерти всѣхъ эмигрантовъ? а вторая объясняетъ способъ сохраненія польской народности. Остальная рукопись содержитъ въ себѣ собственно мой разборъ польскихъ журналовъ и переводъ мелкихъ журнальныхъ статей, замѣчательнѣйшихъ по своему содержанію.

«Наконецъ, тетрадь безъ номера есть рукопись, составленная мною въ

1841 году, по высочайшему повелѣнію, и содержитъ въ себѣ мысли для противодѣйствія польскимъ эмигрантамъ.

«Приговоръ правительства этому ничтожному моему труду, полагаю, долженъ быть въ мою пользу, потому что многія мои мысли сдѣлались обязательными для западнаго края Россіи,—однѣ изъ нихъ приведены уже, а другія приводятся въ исполненіе. Напримѣръ, шоссе отъ Кіева къ Бресту и Михайловская крѣпость на притокахъ р. Припети, видимо, устраиваются по мысли, изложенной въ моемъ трудѣ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю; пустой эгоизмъ мой въ этомъ отношеніи служитъ для меня единственною наградою: и моя лепта принесена на жертвенникъ отечества.

«Впрочемъ, по нахожденію моему въ послѣдніе два года въ литовскихъ губерніяхъ, я не могъ не замѣтить, что многія изъ мыслей моихъ, изложенныхъ въ тетради безъ №, или вовсе не приведены или въ половину приведены въ исполненіе.

«Въ 1839 году или около того времени, офиціально объявлено было отъ правительства объ устройствѣ постоянныхъ штабовъ. На основаніи этого объявленія, я проектировалъ мои опорные пункты для противодѣйствія польскимъ эмигрантамъ; но устройство штабовъ, не знаю почему, отложено и опорными пунктами нашими остались только крѣпости и штабы гарнизонныхъ баталіоновъ. Очень жаль, что мысль объ этомъ предметѣ забыта.

«Статья о безсрочно-отпускныхъ не окончена, въ моей запискѣ я не смѣлъ высказать моего мнѣнія объ нихъ, но предъ в. пр—мъ, какъ русскимъ вельможею и съ русскою любовью къ престолу и отечеству, я позволяю себѣ сказать: безсрочно-отпускные въ настоящее время составляютъ въ Россіи status in statu и угрожаютъ современемъ обратить всю производящую Русь въ тунеядцевъ или классъ непроизводящій. Вопросъ: чѣмъ можно отклонить эту опасность отъ Россіи? Поселеніемъ безсрочно-отпускныхъ или въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, если на это помѣщики будутъ согласны, или въ казенныхъ имѣніяхъ—съ такимъ условіемъ, чтобы дѣти безсрочно-отпускныхъ обращались въ крестьянъ, но отнюдь не въ кантонистовъ. Безъ этого безсрочные и кантонисты современемъ сдѣлались бы для Россіи, чѣмъ были преторіанцы для Рима (!).

«По почтовому вѣдомству ничего не сдѣлано; я и въ настоящее время—по прошествіи слишкомъ десяти лѣтъ, какъ написана тетрадь безъ номера, убѣжденъ, что приведеніе въ исполненіе мысли по этому предмету, допустивъ даже нѣкоторыя измѣненія, полезно-бы было для правительства.

«По министерствамъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ мысли приведены въ исполненіе на половину; чиновники чисто русскіе—усилены, инвентари обезпечили быть крестьянъ; по словамъ ихъ самихъ: «только теперь, т. е. послѣ изданія инвентарей, начали чувствовать, что мы живемъ». Арендаторы—эти кровопійцы бѣдныхъ земледѣльцевъ—неистов-

ствуютъ и употребляютъ всѣ мѣры парализовать благодѣтельныя мѣры правительства. Имѣя въ виду позволеніе министра государственныхъ имуществъ отдавать излишнія земли безъ крестьянъ въ арендное содержаніе, они воспользовались этимъ и забираютъ лучшія и плодороднѣйшія нивы въ свое распоряженіе, отдавая ничтожныя, невознаграждающія труда—земледѣльцамъ. Этимъ способомъ они могутъ привести казенныхъ крестьянъ въ зависимость отъ себя, снабжая ихъ въ нуждахъ средствами къ пропитанію. Эта статья требуетъ полнаго вниманія мѣстныхъ властей министерства государственныхъ имуществъ.

«Лѣсная стража приняла видъ согласно съ мыслію, начертанною мною въ противодѣйствіяхъ полякамъ, но замѣчательно, что между чиновниками ихъ преобладаютъ лютеране.

«Не могу при этомъ скрыть предъ вашимъ высокопр—мъ моего недоумѣнія: почему дозволено извѣстному въ литовскихъ губерніяхъ помѣщику князю Огинскому ввести въ своихъ имѣніяхъ администрацію, совершенно противодѣйствующую видамъ правительства? Правительство имѣетъ въ виду слить западныя губерніи въ одно цѣлое съ великороссійскими губерніями; Огинскій же своею администраціею породилъ status in statu. Правда, Огинскій, не позволяя размѣщать русскихъ войскъ въ селахъ, деревняхъ, устроилъ для нихъ казармы, даетъ имъ порціи и вообще содержитъ ихъ, по наружности, съ роскошью; но развѣ допускаются въ монархіяхъ status in statu? Скажу болѣе: у него всѣ крестьяне не знаютъ другихъ законовъ, кромѣ воли своего помѣщика. Оба пола по сигналу начинаютъ работу и оставляютъ ее, ложатся и пробуждаются отъ сна, однимъ словомъ, по моему понятію, у него все приготовляется, подъ благовидностію порядка, по идеи, изложенной въ статьѣ подъ названіемъ—мысли о народномъ возстаніи: «Если ты искренный, истинный и усердный патріотъ, такъ употребляй всѣ имѣющіяся у тебя средства, ибо за каждое изъ нихъ, какъ казначей за всякую копѣйку, отдашь отчетъ Богу и отечеству. Тутъ употребляй деньги, тамъ дѣйствуй умомъ, тутъ опять золотомъ, а тамъ снова хитростью и искусствомъ; гдѣ идетъ дѣло обо всемъ, не жалѣй ничего,—ставь ва-банкъ!! Отечество все и все для него». Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же самый журналъ говоритъ: «Деньги въ ящикъ и будьте готовы, ибо не вѣсте ни дня ни часа, въ онь же раздастся возстаніе!»

«Я того мнѣнія, что всѣ поляки (съ небольшимъ исключеніемъ) строго сочувствуютъ своему «журналу 3-го мая», но не всѣ они одарены такимъ умомъ и коварствомъ, какъ Огинскій. Молва объ Огинскомъ извѣстна была и въ 1839 году; онъ былъ арестованъ, но изъ-подъ ареста вышелъ съ большими наградами и еще съ большею энергіею къ своему дѣлу. Въ прошед-

шемъ году, я объѣзжалъ литовско-прусскую границу, и убѣдился новыми данными, что Огинскій опасный человѣкъ.

«Пограничная стража сформирована сообразно съ духомъ времени и обстоятельствами, но и здѣсь, къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что между офицерами тевтонская стихія преобладаетъ.

«Приняты-ли мѣры министерствомъ просвѣщенія и по бѣлорусскому округу, для образованія новаго поколѣнія въ духѣ исторической правды? Объ этомъ въ настоящее время не имѣю положительныхъ данныхъ. Въ послѣдніе два года проживая въ Бѣлостокѣ и Брестѣ, я имѣлъ случай наблюдать за образованіемъ въ брестскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ бѣлостокскомъ институтѣ. Что касается до перваго, то ничего нельзя желать лучшаго. Генералъ-маіоръ Назимовъ, проникнутый святостію идеи о своей великой обязанности, ведетъ дѣла такъ, что воспитанники, образующіеся подъ его истинно отеческимъ надзоромъ, непремѣнно будутъ добрыми и честными слугами своего государя и отечества. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же самаго про бѣлостокскій институтъ. Отдавая полную справедливость уму и любезности г-жи Д., нельзя не согласиться, что она можетъ быть начальницею института въ Парижѣ, Лондонѣ и гдѣ угодно за моремъ, но только не въ Россіи. Не сочувствуя ничему русскому, безъ сомнѣнія, она не можетъ насадить въ сердцахъ своихъ воспитанницъ и тѣхъ правилъ, которыхъ въ правѣ ожидать отъ нихъ правительство, столь пекущееся о воспитаніи матерей для новаго поколѣнія въ духѣ отечественномъ. Остальныя мѣстныя власти института, всѣ—тевтоно-поляки; буквально ни одного русскаго лица въ администраціи института, въ то время, какъ цѣль этого института—развить въ краѣ русскую народность. Какой выводъ можно предвидѣть изъ подобнаго управленія институтомъ? Безъ сомнѣнія, не въ пользу правительства и тѣмъ болѣе если къ мѣстнымъ его администраторамъ присоединить тамошняго католическаго ксендза, который угрожаетъ дѣвицамъ и здѣсь и за гробомъ страшной карой, если которая нибудь изъ нихъ выдетъ замужъ за русскаго-православнаго».

Изъ приведеннаго письма несомнѣнно видно, что Г. В. Новицкій являлся предвѣстникомъ тѣхъ идей, которыя, двадцать лѣтъ спустя, легли въ основаніе возрожденія западной Россіи и освобожденнаго изъ-подъ крѣпостнаго ярма сельскаго ея населенія.

IV.

Въ январѣ 1846 года Новицкій назначенъ командиромъ несуществовавшаго Ставропольскаго егерскаго полка. Полкъ предстояло формировать; Новицкій прибылъ въ Ставрополь, въ распоряженіе начальника кавказской линіи и Черноморіи; но до своего еще назначенія, онъ описываетъ одному изъ бывшихъ своихъ наставниковъ [1]) впечатлѣнія:

— «И по долгу и по чувствамъ души, питомецъ, обязанный благодарностію своему достойному наставнику, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи хоть изрѣдка побесѣдовать съ тѣмъ, чья память для него незабвенна. Вотъ и я, одинъ изъ многочисленныхъ вашихъ учениковъ, побуждаемый тѣмъ-же долгомъ и тѣмъ-же чувствомъ, привѣтствую васъ, Константинъ Ивановичъ, и ваше семейство самыми искренними пожеланіями на наступающій новый 1846 годъ. Съ 8-го сентября я въ Тифлисѣ и любуюсь громадою поднебесныхъ кавказскихъ льдовъ, окружающихъ долину Куры. Созерцая природу, я сравниваю прошедшее съ настоящимъ, удивляюсь мелочности пролетѣвшаго здѣсь пятнадцатилѣтія и спрашиваю себя: что̀ будетъ дальше?

«Въ самомъ дѣлѣ, періодъ времени отъ 1832 по 1845 годъ канулъ въ вѣчность безвозвратно и безъ пользы для здѣшняго края, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется: куда ни обратишь свой взоръ, повсюду застой, нѣтъ! скажу болѣе: мы подвинулись назадъ!

«Общественныя зданія, возведенныя еще А. П. Ермоловымъ—единственные памятники нашего владычества здѣсь; кое-что прибавилось къ нимъ, но эта прибавка, можно сказа̀ть, сдѣлана временемъ; частныя зданія, преимущественно подрядчиковъ въ Тифлисѣ, Владикавказѣ и Ставрополѣ, подвинулись впередъ много, въ нихъ только-то и заключается дѣятельность прошедшихъ администраторовъ на поприщѣ государственной здѣсь службы. Нельзя не подивиться смѣшнымъ, дѣтскимъ усиліямъ начальствовавшихъ здѣсь лицъ увѣковѣчить свои имена названіями улицъ: Баронской, Головинской, и даже Гановской! Какъ будто эти нарицательныя могутъ замѣнить доблестныя гражданскія и военныя дѣла, которыя безмолвно говорятъ сами за себя потомству. Остальное все покрыто тьмою непроницаемою и этуто тьму развѣять и облечь въ формы хоть основной гражданственности предстоитъ великодушному ветерану князю Воронцову. Согласитесь: вельможа по роду и по средствамъ жизни, заслужившій прошедшею службою

---

[1]) Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, читавшій лекціи статистики и исторіи въ артиллерійскомъ училищѣ. П. С.

престолу и отечеству всеобщее уваженіе и право на безмятежный покой, въ преклонныхъ лѣтахъ принимаетъ на свои рамена тягчайшую службу, требующую юной дѣятельности и самоотверженія,—заслуживаетъ названія великодушнаго изъ великодушныхъ!

«Вотъ мой взглядъ на теперешній Кавказъ: населеніе вообще Кавказа можно раздѣлить на три разряда: первый разрядъ составляютъ открытые наши враги—непокорные горцы и покорные, но мечтающіе о своей самобытности. Второй разрядъ составляютъ чиновники наши—космополиты и туземный торговый народъ—армяне. Третій разрядъ составляютъ чиновники—наши патріоты. Выводъ изъ этого раздѣленія: первый разрядъ не страшенъ для насъ какъ явный непріятель; второй разрядъ составляетъ самыхъ лютыхъ нашихъ враговъ. Любимая и неизмѣнная его идея: безпорядки, мутная вода, въ которой ловятъ рыбу въ видѣ крестовъ, чиновъ и вообще наградъ отъ правительства, но главное—въ наполненіи кармановъ. Третій классъ составляютъ добряки; они любятъ Россію и ея славу, но ихъ бьютъ, или по крайней мѣрѣ били, унижали и ихъ голосъ былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ до прибытія сюда кн. Воронцова. Это статистическое раздѣленіе, кажется, понято княземъ намѣстникомъ, и предварительныя распоряженія его сіятельства уже въ полномъ ходу: механическія орудія своекорыстія частныхъ начальниковъ уже высланы изъ городовъ къ своимъ мѣстамъ на службу, монополія армянъ по продовольствію кавказскихъ войскъ рушена, заглохшія дороги исправляются и новыя разрабатываются, источники доходовъ открываются и вскорѣ примутъ свой ходъ, хотя для посильнаго покрытія огромныхъ расходовъ казны по управленію Кавказомъ. Рыбари мутной воды устраняются и получаютъ достойную ихъ награду. Однимъ словомъ, всѣ увидѣли, что наконецъ явился хозяинъ среди огромнаго кавказскаго семейства и этотъ хозяинъ—кн. Воронцовъ. Съ вѣчною улыбкою на устахъ и съ привѣтомъ ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь, ветеранъ-намѣстникъ—въ непрерывныхъ разъѣздахъ для личнаго осмотра края; во время нахожденія своего въ Тифлисѣ, онъ каждый день тамъ, гдѣ его не ожидаютъ; все воспрянуло отъ сна, даже добряки-патріоты выползли изъ своихъ кануръ и начали дышать свободнѣе и отраднѣе. Экспедиція противъ Шамиля, хоть не имѣвшая прямой цѣли, принесла значительную пользу; въ Ичкеринскихъ лѣсахъ, войска увидѣли въ маститомъ старцѣ прежняго Краонскаго героя, воспрянули духомъ и убѣдились въ проходимости тѣхъ мѣстъ, которыя до того времени почитались непроходимыми. Свѣдѣнія, повременно появляющіяся въ русскихъ газетахъ, справедливо выражаютъ современный бытъ Кавказа въ военномъ отношеніи; но что̀ будетъ дальше—топоромъ или перомъ придется ратовать, это извѣстно одному намѣстнику.

«Съ нетерпѣніемъ и я жду моего назначенія командиромъ Ставропольскаго егерскаго полка для принесенія моей лепты на жертвенникъ моему

императору и отечеству; полагаю, что жизнь моего полка на бумагѣ начнется новымъ 1846 годомъ, а дѣйствительная—съ февраля мѣсяца; по странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ придется имѣть дѣло съ моими любезными черкесами, съ тѣми обществами, которыя я изучалъ».

Къ 15-му апрѣля 1846 г., Ставропольскій полкъ былъ окончательно устроенъ и хозяйство его обставлено съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Новицкій привѣтствовалъ его задушевнымъ, мастерски написаннымъ по полку приказомъ и предрекалъ полку боевую славу [1]).

Самому Новицкому не довелось однако побывать съ своимъ полкомъ въ бою.

Въ началѣ 1850 года, по ходатайству князя Варшавскаго, Георгій Васильевичъ (съ 1847 г.—генералъ-маіоръ) назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи въ 1-мъ пѣхотномъ корпусѣ, квартировавшемъ, послѣ Венгерской кампаніи, въ сѣверной части Польши и Ковенской губерніи, и имѣвшемъ корпусную квартиру въ Сувалкахъ.

Въ концѣ 1854 года князь Паскевичъ предоставилъ Новицкому постъ коменданта Иванъ-Городской крѣпости; въ этомъ званіи онъ, 26-го августа 1856 года, произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 30-го сентября 1861 г. уволенъ отъ службы.

Назначеніе Георгія Васильевича Иванъ-Городскимъ комендантомъ было для него неожиданностію; по надвинувшейся въ то время политической тучи надъ Русью, крѣпость Иванъ-Городъ могла со дня на день подвергнуться осадѣ. Новицкій, осмотрѣвъ ее, прибылъ въ Варшаву, откровенно изложилъ фельдмаршалу Паскевичу слабыя стороны обороны крѣпости и просилъ дать ему другое назначеніе, гдѣ бы онъ могъ, на случай войны, умереть съ честью, но услышалъ такой отвѣтъ: «Теперь не время разсуждать; я тебя назначилъ туда съ тѣмъ, чтобы ты собою и своею распорядительностію замѣнилъ слабыя стороны и усмотрѣнные тобою недостатки Иванъ-Городской крѣпости». Начатое же тогда приведеніе привислянскихъ крѣпостей въ оборонительное состояніе, скоро послѣ сего объясненія, вызвало пріѣздъ фельдмаршала Паскевича въ Иванъ-Городъ. Князь принимая отъ Г. В. рапортъ, снова спросилъ: «Какова же Иванъ-Городская крѣпость?»—Ваша свѣтлость, это не крѣпость, а загонъ,—отвѣчалъ комендантъ. Фельдмаршалъ вспылилъ и вскрикнулъ: «Суду предамъ, если ваше превосходительство не докажите мнѣ этого, что сказали!» Отвѣтъ коменданта былъ дерзокъ: приравниваніе крѣпости къ загону было, конечно, оскорбительно для строителей-инженеровъ и непріятно

---

[1]) Слово его оправдалось: ставропольцы обезсмертили себя въ войну 1877 г. геройскою защитою Баязета. П. С.

фельдмаршалу и, по видимому, лишено всякаго смысла. Не смотря на то, князь Паскевичъ открылъ состязаніе между Новицкимъ и инженерами. Одинъ доказывалъ недостатки крѣпости, другіе его оспаривали. Фельдмаршалъ слушалъ, молчалъ и наконецъ сказалъ: «Что-же, онъ правъ; фронтъ, обращенный къ Вислѣ, не имѣетъ обороны, прикрытъ стѣнкою, которую непріятель, по овладѣніи фортомъ «Князь Горчаковъ», свалитъ въ нѣсколько часовъ и откроетъ всю внутренность крѣпости. Овладѣть фортомъ «Князь Горчаковъ» тоже не трудно—онъ не имѣетъ фланговой обороны. Что касается слабости обороны крѣпости съ этой (правой) стороны Вислы, то ваши предложенія насыпать укрѣпленія, вывести контръ-апроши, строить батареи тамъ и тамъ—доказываютъ, что вы ее признаете: значитъ, Новицкій говоритъ дѣло и онъ правъ!» При этомъ, бывшій тогда начальникъ инженеровъ замѣтилъ, что комендантъ не спеціалистъ. «Да!—возразилъ Паскевичъ,—хотя бы и такъ, но онъ все же лучше васъ понимаетъ дѣйствительную оборону!» Позднѣе, когда Паскевича уже не было въ Варшавѣ, и Западною арміею командовалъ графъ Сумароковъ, вопросъ о Иванъ-Городской крѣпости снова возбудился. Сумароковъ, выслушавъ мнѣніе коменданта и инженеровъ, спросилъ Новицкаго, докладывалъ ли онъ о своихъ замѣчаніяхъ фельдмаршалу и какое было мнѣніе его свѣтлости? Новицкій отвѣчалъ, что князь Варшавскій приказалъ его замѣчанія имѣть въ виду и не давать ни одного рабочаго на возведеніе укрѣпленій, предлагаемыхъ инженерами. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Сумароковъ сказалъ: «Я совершенно раздѣляю мнѣніе фельдмаршала и подтверждаю его приказаніе». Въ послѣдствіи, вмѣсто горжевой стѣнки, возведенъ казематированный валъ, а для фланкированія форта «Князь Горчаковъ» насыпаны люнеты на тѣхъ мѣстахъ, которыя были указаны комендантомъ.

Откровенность Новицкаго на счетъ недостатковъ крѣпости была началомъ всѣхъ послѣдующихъ неудовольствій; неудовольствія эти разростались съ теченіемъ времени болѣе и болѣе: то комендантъ заявляетъ офиціально объ упущеніяхъ, сдѣланныхъ при возведеніи крѣпости, то находитъ безпорядки и злоупотребленія; такъ, онъ, однажды, присутствуя при осмотрѣ крѣпости Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, слышитъ слова, обращенныя Его Высочествомъ къ строителямъ: «Отецъ мой браковалъ въ Кронштадтѣ кирпичъ во сто разъ лучше этого, который я вижу, а вашъ изъ-рукъ-вонъ дуренъ!»—и послѣ этого случая Новицкій офиціально заявляетъ, что въ доставленномъ къ мѣсту работъ кирпичѣ непропорціонально много оказывается невыжженнаго. По бывшимъ тогда правиламъ, для комендан-

товъ крѣпостей было обязательно свидѣтельствованіе актовъ исполненныхъ работъ; въ актахъ оговаривалось, что все сдѣлано прочно и согласно со смѣтою; Новицкій проситъ: или предъявлять ему смѣту и предварять о началѣ работы, дабы, слѣдя за послѣднею, могъ онъ потомъ подписать актъ не рискуя отвѣтственностію, или совсѣмъ освободить его отъ свидѣтельствованія актовъ. Само собою, подобное заявленіе, какъ выходившее изъ нормальнаго хода вещей и не основанное на законѣ, не было уважено, а между тѣмъ, эти случаи и имъ подобные, по внутреннему порядку, хозяйству, службѣ и дисциплинѣ въ крѣпости, какъ мелки они ни были, отъ времени до времени подливали масло на огонь и разжигали вражду: съ одной стороны, требованія и заявленія коменданта оставались неудовлетворенными, съ другой—и комендантъ, усматривая въ отказахъ и молчаніи на его запросы и требованія личное къ себѣ неуваженіе, ожесточался и въ выраженіяхъ своихъ о лицахъ и корпусѣ инженеровъ не щадилъ ни самолюбій, ни корпоративной связи. Новицкій выражался такъ: «Комендантъ ни что иное, какъ офиціальное лицо, уполномоченное закономъ скрѣплять своею подписью—чужіе грѣхи».

Немалымъ также поводомъ къ раздраженію и лживымъ доносамъ на Новицкаго были слѣдующія обстоятельства: съ прибытіемъ его въ крѣпость, въ 1854 году, онъ нашелъ, что монополія на продажу продуктовъ нижнимъ чинамъ гарнизона исключительно находилась въ рукахъ евреевъ; главнѣйшій изъ нихъ—капуста пріобрѣталась по 80 коп. ведро. Новицкій доложилъ о семъ фельдмаршалу; тотъ спросилъ: «Какъ пособить горю?»—Прикажите интендантству одолжить меня 1,000 рублями, я устрою огородное заведеніе и монополія исчезнетъ.—Такъ и сдѣлано, огородное заведеніе понизило цѣну на капусту до того, что нижніе чины могли ее пріобрѣтать по 10 коп. за ведро; затѣмъ, когда, въ 1858 воду, въ крѣпость привезенъ былъ транспортъ сушеной капусты (консервы), въ огородѣ не было уже болѣе надобности, онъ упраздненъ и въ интендантство возвращено 1,250 рублей. По заключеніи Парижскаго мира, Новицкому поручено было продать всѣ запасы, искупленные на случай осады крѣпости; запасы эти были куплены, до пріѣзда Новицкаго, по цѣнамъ чрезвычайно высокимъ, продавать же ихъ приходилось весьма дешево; не менѣе того, Новицкій, при содѣйствіи ему въ продажѣ нѣкоторыхъ обывателей форштадта, сбылъ ивангородскіе запасы очень выгодно для казны, по цѣнамъ выше другихъ крѣпостей, чтó главнокомандующимъ и было поставлено въ примѣръ для другихъ крѣпостей; въ благодарность за содѣйствіе ему въ этой трудной операціи, онъ позволилъ

одному изъ тѣхъ обывателей занять зерномъ свободной сарай, предназначенный для крѣпостнаго офицерскаго собранія. Оба эти обстоятельства сильно возбудили противъ коменданта торговцевъ и аферистовъ-евреевъ, и умножили личныхъ его недоброжелателей въ различныхъ слояхъ общества Иванъ-Города и Варшавы; факты и дѣйствія извращались и подводились подъ масштабъ стяжанія и поборовъ; молва оглашала Новицкаго интересаномъ, корыстолюбцемъ; служебныя его требованія истолковывались придирчивостію къ тѣмъ, кто не дѣлалъ приношеній; слухъ этотъ разростался, какъ снѣжная лавина, скатывающаяся съ Казбека въ долину Терека, и далъ поводъ въ 1861 году одному изъ тогдашнихъ сановниковъ, С*, сказать Георгію Васильевичу: «генералъ, я слышалъ, что вы любите вотъ это!» причемъ сановникъ поднялъ руку и, показывая ладонь, сжималъ и разжималъ её—что означало: любите взятки! Не вытерпѣлъ Новицкій такой оскорбительной выходки сановника и тутъ же возразилъ ему: «говорить такъ, какъ ваше высокопр-во мнѣ рѣшились, право принадлежитъ мнѣ, а не вамъ: вы меня оскорбляете съ голоса клеветы моихъ недоброжелателей, я же васъ давно знаю, что любите это!» и Новицкій тотъ-же жестъ сдѣлалъ рукою: «припомните—не я ли изъ мѣстечка В. привозилъ бочонки съ виномъ отъ батарейныхъ командировъ къ вамъ въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ!»—«А, такъ вы бывшій артиллеристъ», возразилъ сановникъ. На этомъ разговоръ прервался, но, немного спустя, Новицкій былъ включенъ въ списокъ генераловъ, уволенныхъ отъ службы 30-го сентября 1861 г.

Не прошло и одного года какъ Георгій Васильевичъ снова принятъ на службу, въ апрѣлѣ 1862 года, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и въ запасныя войска, а въ маѣ 1863 года назначенъ предсѣдателемъ полеваго военнаго суда, открытаго въ Кіевѣ надъ польскими мятежниками.

V.

Въ Кіевѣ служба въ третій разъ ставитъ Георгія Васильевича лицомъ къ лицу съ польскими замыслами. Въ Вильнѣ онъ изучаетъ пропаганду мятежа, въ Иванъ-Городѣ намѣстники Царства поручаютъ ему слѣдить и сообщать о всѣхъ происшествіяхъ, которыя ему сдѣлаются извѣстными, и вотъ Новицкій пишетъ, что манифестаціи по случаю закрытія агрономическаго общества явно свидѣтельствуютъ, что движеніе развивается по программѣ, напечатанной въ эмиграціонномъ «журналѣ 3-го мая» еще въ 1839 году; причемъ препровождаетъ и переводъ свой съ польскаго тѣхъ статей. Ссылаясь на тотъ же журналъ, онъ указываетъ на то, что мятежу, прежде чѣмъ онъ будетъ поднятъ, надобно «короля во плоти», который могъ бы врагамъ Польши сказать: «Я власть, у меня 20 милліоновъ храбрыхъ (??), трактуйте со мною!!!» Прежде королемъ былъ Адамъ Чарторижскій, а теперь Андрей Замойскій. Мятежу надобны деньги и для того тамъ же повелѣвается: «Деньги въ ящикъ! и будьте готовы, ибо не вѣсте ни дня ни часа, когда раздастся слово: возстаніе!» Затѣмъ онъ доставляетъ свѣдѣнія о манифестаціи въ Городло, о манифестаціи 27-го сентября (9-го октября) въ имѣніи Замойскаго Маціевицы—мѣстѣ плѣна, въ 1794 году, Костюшки, и о чествованіи какого-то старца, бывшаго свидѣтелемъ пораженія поляковъ Ферзеномъ и плѣненія Костюшки; между прочими его свѣдѣніями есть и такія, что народу внушаютъ, что крестьяне получили вольность не отъ императора, а отъ пановъ; что шляхта ставитъ кресты съ національными эмблемами у костеловъ, но крестьяне, въ отсутствіе помѣщика изъ села, переносятъ кресты на ихъ дворы и вкапываютъ ихъ передъ окнами помѣщичьихъ домовъ; что въ густыхъ лѣсахъ тѣ же паны избираютъ большіе дубы, украшаютъ разными мятежными знаками—деревья эти должны служить пунктами собранія, и, наконецъ, что народъ не вѣритъ панамъ, посмѣивается надъ ихъ затѣями и расположенъ скорѣе на борьбу противъ пановъ, чѣмъ съ ними противъ насъ.

Въ Кіевѣ пришлось судить, и эти-то три съ половиною года службы, въ званіи судьи, едва ли не были самыми тяжкими во всей жизни Георгія Васильевича. Сколько испытано потрясеній, какія пережиты впечатлѣнія, какія приходилось видѣть сцены—раздирающія сердце и исполненныя истиннаго драматизма! Пришлось выслушать

проклятіе сыномъ матери, отреченіе матери отъ сына, обличеніе сына отцомъ, жениха невѣстою, брата сестрою! На его обязанность выпало раскрыть всю интригу мятежа въ юго-западныхъ губерніяхъ, прослѣдить его развѣтвленія по городамъ и весямъ, ознакомиться со всѣмъ персоналомъ бунтовавшихъ и помогавшихъ мятежу лицъ, сострадать обманутому, увлеченному и сбитому съ толку юношѣ, возмущаться кощунствомъ и ложью, совершеннымъ во имя религіи, презирать театральность и фарсы агитаторовъ мятежа, негодовать надъ пародированіемъ польскою интеллигенціею самой идеи патріотизма, скорбѣть за оскорбленія, нанесенныя имени русскому, укрощать фанатизмъ, привитый утопіями и парадоксальными теоріями въ родѣ мессіянизма, товянизма и другихъ.

Зная изъ опыта по виленскому дѣлу, что, въ его положеніи судьи, необходимы осторожность, сдержанность и хладнокровіе, Новицкій принялъ всѣ нужныя къ тому мѣры: никто изъ родственниковъ и близкихъ подсудимыхъ лицъ не принимался на квартирѣ, ни съ кѣмъ изъ этихъ лицъ онъ съ глазу на глазъ не говорилъ, никакихъ писемъ, прошеній, записокъ, не принималъ иначе какъ въ судѣ. Всѣ опросы подсудимыхъ и разговоры съ ними производились въ судѣ; при допросахъ наблюдалась сдержанность, никто не имѣлъ права возвысить голосъ, всякаго рода крикъ, брань, угрозы—не были допущены. Словомъ: разбирательства дѣлались чисто, по совѣсти, гуманно, терпѣливо, христіански; подсудимые на написанные вопросы отвѣчали письменно.—Казалось бы, что при такомъ способѣ дѣйствій никакое нареканіе не могло имѣть мѣста, а между тѣмъ нѣтъ клеветы, которая не была бы брошена въ лицо предсѣдателя полеваго суда. Говорили, что Новицкій бранитъ, неистовствуетъ, женщинъ сѣчетъ розгами, мужчинъ бьетъ по лицу, дѣлаетъ истязанія, пытки. Его сдѣлали не только взяточникомъ, но грабителемъ; нѣкоторыя польки врывались къ нему въ квартиру, и хотя были тотчасъ удаляемы, не видѣвъ иногда Новицкаго, но эти случаи и давали поводъ къ оклеветанію. Поляки, испытавшіе твердость и неподкупность Георгія Васильевича, съ намѣреніемъ распускали множество невыгодныхъ толковъ, расчитывая молвою поколебать довѣріе кіевскаго генералъ-губернатора Н. Н. Анненкова къ Новицкому и достигнуть того, что на мѣсто его назначатъ другаго. Но они ошиблись. Н. Н. Анненковъ, по отозваніи его изъ Кіева, писалъ Новицкому, 20-го января 1865 года: «Разставаясь съ Кіевомъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи изъявить вашему превосходительству мою искреннюю

душевную благодарность, за честное, добросовѣстное исполненіе тяжкой обязанности, на васъ лежащей».

До генералъ-адъютанта Безака, заступившаго мѣсто Н. Н. Анненкова, доходятъ тѣ же клеветы на Новицкаго, но и его онѣ не поколебали, а напротивъ, во множествѣ памятныхъ записокъ, хранящихся у жены Георгія Васильевича и писанныхъ рукою самого Безака, онъ постоянно съ именемъ Новицкаго связываетъ эпитеты честнаго, добросовѣстнаго, твердаго и нелицепріятнаго судьи и проситъ къ себѣ посовѣтоваться по дѣлу то одного, то другаго подсудимаго. Одинъ даже разъ, Безакъ, будучи въ оживленномъ настроеніи, сказалъ Новицкому: «васъ не любятъ, на васъ Богъ знаетъ что̀ плетутъ, и знаете—почему? Вы не берете и другимъ мѣшаете брать!»

Въ ноябрѣ 1866 года Новицкій назначенъ кіевскимъ комендантомъ, съ сохраненіемъ должности предсѣдателя суда.

Въ 1870 году, по случаю 50-ти лѣтняго юбилея существованія артиллерійскаго училища (нынѣ Михайловская артиллерійская академія), Новицкій, какъ ученикъ перваго выпуска, удостоенъ особаго вниманія Государя Императора и задушевнаго привѣта отъ военнаго министра и артиллеристовъ, между которыми уже немного было сверстниковъ по службѣ Георгія Васильевича. Младшія поколѣнія артиллеристовъ на торжествѣ юбилея артиллерійскаго училища (академіи) оказали радушный, дружескій пріемъ маститому ихъ собрату по оружію. Георгій Васильевичъ въ воспоминаніе торжества того дня и въ назиданіе молодымъ поколѣніямъ о его службѣ въ артиллеріи, генеральномъ штабѣ и въ пѣхотѣ, произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи. Въ 1873 году, въ день юбилея его 50-ти лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ, награжденъ табакеркою съ вензелемъ Государя Императора.

Георгій Васильевичъ былъ великимъ народолюбцемъ и безпредѣльнымъ патріотомъ. Принимая въ судьбѣ государства самое живое, пылкое участіе, онъ ко всѣмъ явленіямъ текущей жизни относился горячо, глубоко и впечатлительно. Нынѣшняя война немало повліяла на ускореніе его смерти: Георгія Васильевича мучила мысль, что онъ не участвуетъ въ ней.

При отъѣздѣ генералъ-адъютанта Дрентельна, въ августѣ 1877 г., изъ Кіева въ Бухарестъ для начальствованія въ тылу арміи и организованія различныхъ управленій, Новицкій, останавливаясь на важности поста и обширности представлявшихся Дрентельну разнообразныхъ занятій, — прощаясь съ Александромъ Романовичемъ, перекрестилъ его три раза, и просилъ вызвать его къ себѣ, хотя въ

качествѣ писаря. Затѣмъ, каждая телеграмма объ успѣхѣ и неудачѣ нашихъ войскъ на театрѣ войны производила на него сильное впечатлѣніе. Неудачныя атаки Плевны 8-го и 18-го іюля и 30-го августа отозвались Новицкому припадками приливовъ крови къ головѣ; паденіе Плевны 28-го ноября 1877 г. такъ сильно потрясло ослабленный уже его организмъ, что нервная раздражительность не прошла для больнаго безслѣдно: чрезмѣрная радость вызвала сильный къ головѣ приливъ, и больной, съ 29-го ноября, съ каждымъ днемъ видимо ослабѣвалъ, не теряя однако ни здраваго смысла, ни способностей мышленія. Онъ ежедневно слушалъ газеты и книги, которыя ему читала дочь, вступалъ въ разговоръ и высказывалъ свое мнѣніе; только за четыре дня до смерти, Георгій Васильевичъ переставалъ вставать съ постели, отказался принимать пищу и лекарства, и лежалъ тихо съ закрытыми глазами; иногда слышны были отдѣльныя слова, имъ тихо произносимыя: «Батумъ». Слово Батумъ было послѣднее, которое онъ выговорилъ и затѣмъ уснулъ на вѣчныя времена.

Послѣ Георгія Васильевича въ семействѣ его осталось много статей и замѣтокъ, имъ самимъ писанныхъ о Кавказѣ и польскомъ мятежѣ. Какъ историческій матеріалъ, свѣдѣнія эти драгоцѣнны [1]). Георгій Васильевичъ даже началъ составлять свои записки, но болѣзнь прервала эту интересную работу при самомъ ея началѣ. Писалъ онъ легко, скоро и недурно; изъ печатныхъ его трудовъ извѣстны: «Го-

---

[1]) Всѣ эти матеріалы сохраняются у вдовы покойнаго — Марьи Демьяновны Новицкой. Въ этомъ обширномъ собраніи, въ числѣ прочихъ, находятся слѣдующіе труды Г. В. Новицкаго: 1. Исторія Кавказа и присоединенія его къ Россіи. — 2. Военно-географическій взглядъ на Кавказъ, 1833 г.—3. Проектъ водворенія Дунайскаго казачьяго полка въ окрестностяхъ крѣпости Анапы, 1829 г. — 4. Топографическія свѣдѣнія о землѣ, обитаемой народами Адиге и Абадзе; тутъ же мнѣніе о занятіи юговосточнаго берега Чернаго моря подъ укрѣпленія (мнѣніе это приведено въ исполненіе). Свѣдѣнія объ управленіи Черноморскимъ войскомъ, 1831 г. (Свѣдѣнія эти были причиною совершеннаго преобразованія Черноморскаго войска).—5. Переписка объ Аббаты, 1831—1834 гг.), бывшихъ проводниками шт.-к. Новицкаго во время проѣзда его въ 1830 г. чрезъ земли немирнихъ черкесовъ. Тутъ-же переписка и мнѣнія генер. штаба капитана Новицкаго во время нахожденія его при войскахъ на Кавказской линіи и Черноморіи, 1830—1833 гг.—6. О крѣпостяхъ и заселеніи восточнаго берега Чернаго моря.—7. Выписки и матеріалы для исторіи польской эмиграціи и отношеній ея къ Россіи, 1831—1841 гг. и 8. Историческій взглядъ на западную Россію и доказательство русской народности въ западныхъ ея предѣлахъ.

лось служиваго царствованія Николая I», статья напечатана въ январьской книжкѣ журнала «Югозападный Вѣстникъ Россіи» 1863 года, и «Воспоминанія воспитанника перваго выпуска изъ Артиллерійскаго училища».

Георгій Васильевичъ Новицкій погребенъ въ семейной усыпальницѣ Аскольдовой могилы, на высокомъ утесѣ надъ Днѣпромъ, откуда видъ долинъ Днѣпра и Дисны и заднѣпровской дали губерній Полтавской и Черониговской величественъ, живописенъ и сливается съ горизонтомъ.

15-го января 1878 г.
г. Кіевъ.

П. М. Савовичъ.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXII [1]).

Отставка.—Поиски новой службы.—Штаденъ.—Пожаръ на тульскомъ заводѣ.—Поѣздка въ С.-Петербургъ.—Кн. А. С. Меншиковъ.—П. А. Колзаковъ.—Д. Н. Блудовъ.—Причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.—Присяга въ сенатѣ.—Занятія при министерствѣ.

1833—1834.

Въ первыхъ числахъ декабря 1833 г. (sic) вышла мнѣ отставка съ чиномъ генералъ-маіора, съ мундиромъ и пенсіономъ $^2/_3$ жалованья. Командуя, въ отсутствіе Философова, тульскимъ оружейнымъ заводомъ, я надѣялся, что меня ни часу не задержатъ; между тѣмъ, положеніе мое было вовсе не завидное. Ни гроша денегъ въ карманѣ, долгу, по роспискамъ казначея, до 2,500 р. и помощи ни откуда въ виду. Жена въ третьемъ мѣсяцѣ беременности, со всѣми признаками чахотки, такъ что проѣзжавшій въ то время чрезъ Тулу докторъ Буковскій, вернувшись въ Смоленскъ, объявилъ роднымъ нашимъ, что онъ не полагаетъ ее болѣе въ живыхъ. Ни экипажа, ни средствъ экипироваться, однимъ словомъ—не могу сказать, что̀ могло меня въ то время поддерживать, хотя нисколько я не упалъ духомъ! На мое мѣсто былъ назначенъ полковникъ Михаилъ Тагайчиновъ, совоспитанникъ мой по корпусу, служившій въ конной артиллеріи, который принялъ мою должность

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Напечатанная здѣсь глава написана И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его помѣты: «8-го іюня и 31-го авг. 1844 г. въ с. Новинцы».

въ январѣ мѣсяцѣ. Узнавъ отъ брата своего о моемъ критическомъ положенiи, онъ обратился къ капиталистамъ изъ оружейниковъ братьямъ Лялинымъ, Короткову и къ одному изъ старыхъ подрядчиковъ, убѣдилъ ихъ сдѣлать для меня складчину, что составило до 1,800 р., а въ остальной суммѣ положили за меня собственную росписку, и кромѣ того ссудили меня 200 рублями. За квартиру, я предоставилъ хозяину всю мою мебель, а своякъ мой, Ф. Н. Гальцовъ, пригласилъ меня и все мое семейство къ себѣ, въ деревню Новинцы.

Генер. Вельяминовъ, узнавъ изъ приказовъ о моей отставкѣ, съ первою почтою прислалъ мнѣ ругательное письмо, въ которомъ пишетъ, что я разрушаю всѣ его расчеты, которые имѣлъ относительно меня и, приводя какъ мое настоящее положенiе, такъ равно и тѣ затрудненiя, которыя я неминуемо встрѣчу отыскивая опять службу, безъ которой не могу существовать, прилагаетъ въ своемъ письмѣ другое на имя начальника морскаго штаба князя Меншикова и копiю съ онаго, предоставляя на мою волю—доставить князю лично, или переслать по почтѣ, или и вовсе уничтожить. Содержанiе сего письма, на сколько теперь могу припомнить, заключалось въ слѣдующемъ: «Любезнѣйшiй адмиралъ! Думаю, что ты не помнишь общаго нашего сослуживца Жиркевича, о которомъ я хочу просить тебя. Я знаю его вполнѣ. Человѣкъ безкорыстный, умный и распорядительный. Онъ теперь въ отставкѣ и состоитъ на пищѣ св. Антонiя. Доставь ему твое покровительство и мѣсто, ты сдѣлаешь истинное благодѣянiе и полезное для службы» и проч.....

Здѣсь не могу умолчать о двухъ обстоятельствахъ, выказывающихъ душу и характеръ бывшаго моего главнаго начальника, инспектора заводовъ Штадена. Зная всю подноготную, что дѣлается на заводѣ, онъ зналъ, что я многимъ оружейникамъ состоялъ должнымъ по роспискамъ и векселямъ, чего, впрочемъ, я даже и не скрывалъ, то, по полученiи отставки и по принятiи Тагайчиновымъ отъ меня, по вѣдомости, завода, онъ созвалъ къ себѣ моихъ заимодавцевъ, объяснилъ имъ, что у меня нѣтъ собственности, слѣдовательно, и возможности заплатить имъ, предложилъ, чтобы они, меня не выпуская изъ завода, представили бы ему жалобу, а онъ распорядится уже удовлетворить ихъ изъ моей пенсiи. Но благородство темныхъ людей превысило низость на-

чальника! Ни одинъ изъ нихъ не только не согласился на это предложеніе, но даже объявили ему рѣшительно, что въ настоящую минуту и требовать грѣшно. «Соберется съ деньгами,— сказалъ кто-то изъ нихъ,—тогда и заплатитъ, а такъ нельзя дѣлать. Мы памятуемъ его добро».

По сдачѣ моей, въ январѣ, завода, я вполнѣ могъ узнать чувства къ себѣ бывшихъ моихъ товарищей, подчиненныхъ и вообще оружейниковъ. Я прожилъ, послѣ отставки, въ Тулѣ 4 мѣсяца и не смотря, что всѣ знали тамъ личное нерасположеніе ко мнѣ Штадена, не проходило не только ни одного праздника, но даже простаго воскресенья, чтобы первые чиновники завода и старшіе оружейники не приходили ко мнѣ съ поздравленіемъ, и даже жившіе на другой сторонѣ простые и послѣдніе оружейники приходили къ моему дому и ожидали по нѣскольку часовъ, подъ окнами, чтобы увидать меня и привѣтливо со мной раскланяться. Наконецъ, самъ Штаденъ, при всей злобѣ ко мнѣ, не могъ не отдавать мнѣ справедливости и одинъ разъ, отлучаясь на недѣлю, безъ дозволенія, въ Ефремовъ къ своей замужней дочери, оставляя по канцеляріи своей важныя не доложенныя дѣла, просилъ Тагайчинова привести ихъ къ концу, посовѣтовавшись первоначально со мной, и просить моего совѣта, предваряя его, чтобы онъ только то бы и отвѣчалъ начальству, что̀ заслужитъ мою апробацію.

23-го іюня я выѣхалъ изъ Тулы, а 29-го того же мѣсяца, во время обѣдни, сгорѣло тамъ 600 домовъ и весь оружейный заводъ. За нѣсколько дней предъ моимъ выѣздомъ, сидя у себя, подъ окномъ, въ квартирѣ, занимаемой въ домѣ оружейника Родіона Лялина, до котораго только и дошелъ пожаръ, я, какъ будто предчувствуя что либо, говорилъ своимъ: «Представьте себѣ, вотъ сколько времени я замѣчаю постоянно, всякій день, поутру съ 9-ти часовъ подымается вѣтеръ съ юга и съ необыкновенной силой дуетъ въ этомъ направленіи до 6-ти часовъ пополудни. Боже сохрани, если въ это время, на горѣ, загорится хоть одинъ домъ—ни города, ни завода не останется!» Не думалъ я, чтобы слова мои такъ скоро оправдались. Въ день Петра и Павла, Штаденъ, купившій не задолго предъ тѣмъ новое имѣніе въ 25-ти верстахъ отъ Тулы, праздновалъ тамъ свое пріобрѣтеніе; и Философовъ, только что вернувшійся изъ Петербурга, наканунѣ отправился туда, а равно и другіе старшіе чиновники, въ

томъ числѣ и заводскій полиціймейстеръ, приглашенные на это торжество, уѣхали на заводскихъ пожарныхъ лошадяхъ.... Пожаръ продолжался цѣлый день и всѣ, которымъ бы слѣдовало озаботиться о безопасности завода, были въ деревнѣ и никто не могъ порядочно распорядиться. А спасти его было такъ легко, что утвердительно могу сказать, не уѣзжай я—заводъ былъ бы цѣлъ. Замѣчаніе мое о постоянствѣ южнаго вѣтра положительно бы къ тому способствовало. Чулковская слобода, въ которой живутъ рабочіе оружейники, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, оставалась совершенно въ сторонѣ отъ огня и отъ вѣтра. Распорядись какъ слѣдуетъ, возьми изъ слободы 500 или 1,000 рабочихъ, разставь ихъ по вточнымъ жолобамъ для дѣйствій машинами, а служащихъ съ шайками и ведрами, съ приказаніемъ обращать вниманіе на падающія головни на крыши завода—можно было бы удержать стремленіе пламени, тѣмъ болѣе, что ближайшіе дома отъ города и завода находились за каналомъ, на разстояніи болѣе чѣмъ въ 70-ти саженяхъ, какъ я слыхалъ въ послѣдствіи. На заводѣ изъ начальниковъ никого не было, а кто и были, изъ младшихъ, такъ и тѣ растеряли головы. Оружейники вообще думали лишь о своей собственности; только малое число употреблялось для спасенія дѣлъ изъ правленія и тамъ не спасли многаго. Это послѣднее обстоятельство послужило для начальства въ вящшей ихъ пользѣ, такъ какъ всѣ темныя дѣла и по нимъ отчетности были якобы истреблены огнемъ. Такъ зло и въ самомъ гнѣвѣ Божіемъ ищетъ всегда себѣ ограды!

Пріѣхавши въ Смоленскъ, я нашелъ уже къ себѣ письмо отъ кн. Долгорукаго, писанное еще въ январѣ, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что в. к. Михаилъ Павловичъ предлагаетъ мнѣ вновь вступить на службу, командиромъ Ижевскаго оружейнаго завода. Я тотчасъ отвѣчалъ: «что взявши отставку съ чиномъ генералъ-маіора, я уже не предполагалъ вовсе служить по военной части, но если его в—во принимаетъ на себя исходатайствовать для меня изъятіе изъ общаго правила — удержать чинъ со вступленіемъ въ службу, то онъ можетъ располагать мною совершенно по своему усмотрѣнію». Чрезъ недѣлю я получилъ отвѣтъ: «что Нероновъ проситъ оставить его на службѣ, а великій князь будетъ имѣть меня въ виду на будущее время». Догадавшись, что все это штуки г. Штадена, я написалъ Долгорукому, что я въ службу

самъ не напрашиваюсь и прошу не считать меня уже кандидатомъ по артиллеріи.

Въ концѣ августа мѣсяца я пріѣхалъ въ Петербургъ..... Вскорѣ по пріѣздѣ я явился къ кн. Меншикову.

Князь А. С. Меншиковъ встрѣтилъ меня на верху, въ первой комнатѣ и, взявъ подъ руку, повелъ къ себѣ въ кабинетъ, куда мы шли чрезъ 3 или 4 комнаты. Въ это время у насъ шелъ слѣдующій разговоръ:

— «Простите меня, ваше пр—во, я очень виноватъ предъ вами, что я не отвѣчалъ вамъ. Вотъ истинная причина: я помню имя ваше—Иванъ, а отчество право позабылъ».

— «Напротивъ, ваша свѣтлость, я много виноватъ предъ вами, что взялъ смѣлость адресоваться къ вамъ. Не думайте, князь, чтобы я дерзнулъ полагаться на прежнее сотоварищество, я просто искалъ вашего покровительства!» Тутъ мы дошли до кабинета, въ которомъ стояли два стола: большой посреди комнаты, а маленькій возлѣ окна и у сего съ одной стороны кресла, а съ другой—стулъ. Князь, взявъ меня за руку, насильно посадилъ на стулъ, а потомъ, перейдя на другую сторону стола, сѣлъ, и нашъ разговоръ продолжался слѣдующимъ образомъ:

— «Вы писали ко мнѣ, что желали бы получить мѣсто. Скажите теперь—какое? и въ чемъ я могу вамъ быть полезенъ?»

— Теперь, князь, ни въ чемъ. Я чувствую, что невольно провинился предъ вами моею дерзостью писать вамъ и желаю одного—слышать отъ васъ, что вы на меня не гнѣваетесь за это.

— «Напротивъ, я еще разъ повторяю: извините меня и дайте мнѣ случай доказать вамъ, что я желаю быть вамъ полезенъ. Вы, я думаю, знаете Бѣловодскаго [1]), который служилъ вмѣстѣ со мною въ Турціи, въ ротѣ Засядко; вотъ онъ недавно писалъ ко мнѣ и мы уладили. Я доставилъ ему мѣсто, по флоту, а вамъ ничего предложить не могу. Надо мной и такъ смѣются, говоря, что я не знаю что̀ такое брамсель!... По хозяйственной части потому боюсь вамъ предложить, что я, зная лично васъ и дружбу къ вамъ Вельяминова, желаю навсегда сохранить мое расположеніе къ вамъ и ваше ко мнѣ, а тамъ непремѣнно поссоримся! Скажите мнѣ откровенно—нѣтъ ли у васъ въ виду какого нибудь

---

[1]) Артиллерійскій офицеръ и товарищъ мнѣ по корпусу. И. Ж.

мѣста, о которомъ я могъ бы попросить кого нужно? У меня, слава Богу, найдутся люди, которые уважатъ, быть можетъ, мою просьбу».

— Я адресовался къ графу Чернышеву. Тотъ мнѣ не отказалъ и не обѣщалъ однакоже ничего.

— «Самое вѣрное средство у Чернышева не получить мѣсто— это просить чрезъ меня [1]). Нѣтъ, этого я не беру на себя. А вотъ что пришло мнѣ въ голову: не знакомы ли вы съ Блудовымъ, и не хотите ли вы быть губернаторомъ?

— Съ Блудовымъ,—отвѣчалъ я,—не знакомъ, а губернаторомъ не мечтаю и не могу! Многое надобно! Безъ шести тысячъ руб. жалованья я никакого мѣста не приму, ибо менѣе этого для содержанія моего семейства и себя будетъ мало, а для званія губернаторскаго и тѣмъ болѣе. Взятокъ я брать не стану!....

— «Знаю и вѣрю. Но всетаки можно будетъ поговорить съ Блудовымъ или съ другимъ кѣмъ нибудь. А для памяти и новаго знакомства мнѣ нужно имѣть по крайней мѣрѣ записку о службѣ вашей!»

Въ эту минуту отворилась дверь и безъ доклада вошелъ въ кабинетъ дежурный генералъ морскаго штаба, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Колзаковъ; я тотчасъ всталъ, чтобы уступить свой стулъ, но и князь всталъ и, взявъ меня подъ руку, слегка кивнулъ вошедшему головой, началъ ходить со мной по кабинету, продолжая начатый разговоръ, въ который вмѣшался и Колзаковъ.

— Здравствуйте, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.—А! кого я вижу! это тоже мой знакомецъ. Съ его прев—мъ мы видѣлись

---

[1]) Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ весьма часто служилъ мишенью для насмѣшекъ Меншикова, который славился своимъ остроуміемъ и злостью своихъ каламбуровъ. Не задолго предъ моимъ посѣщеніемъ князя, сей послѣдній, въ одномъ многочисленномъ собраніи, прошелся весьма зло на счетъ Чернышева. Графиня Чернышева, супруга его, рожденная графиня Зотова, разсказывала какъ «Alexandre», т. е. ея мужъ, графъ Александръ Ивановичъ, отличался въ партизанахъ, какъ его боялся самъ Наполеонъ и что появленіе его предъ какой нибудь крѣпостью или городомъ съ горстью казаковъ немедленно вынуждало къ сдачѣ, и одно изъ замѣчательныхъ «faits d'armes Alexandre'a», о которомъ онъ и теперь съ гордостью вспоминаетъ, было взятіе города... Тутъ графиня, вѣроятно, забывши названіе города, обратилась къ Меншикову, рядомъ съ нею сидѣвшему и внимательно все время ее слушавшему, съ вопросомъ: «Prince, aidez moi! Quelle ville a pris Alexandre?»—Babylone, Comtesse! серьезно отвѣтилъ тотъ. И. Ж.

въ Тулѣ. Вотъ человѣкъ, котораго Штаденъ боялся какъ чортъ ладона!...

— Изъ чего это ваше пр—во изволите заключать?

— Это я знаю точно, отъ брата,—сказалъ Колзаковъ.

— Скажите мнѣ, Жиркевичъ,—спросилъ князь,—что̀ вы думаете о Штаденѣ?

— Князь! послѣ замѣчанія адмирала, мнѣ положительно трудно отвѣчать на вопросъ вашъ. Если его пр—во полагаетъ, что я скажу что нибудь особенно дурное о Штаденѣ—онъ ошибется, хотя я не увѣренъ, чтобы Штаденъ былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія, и скажу откровенно, что Штаденъ необходимъ при оружейныхъ заводахъ. Онъ уменъ и хитеръ и такъ устроился, что его замѣнить не кѣмъ и нельзя. Что Штаденъ любитъ деньгу—это всѣ знаютъ! Но если ему будутъ давать каждые шесть мѣсяцевъ награду, я ручаюсь за него, что онъ и брать не станетъ. А оружейниковъ, послѣ Воронова, онъ воскресилъ и сталъ въ полномъ смыслѣ ихъ благодѣтелемъ. Правда, было два или три оружейника, но это подрядчики, которые чрезъ него погибли—изъ интересовъ, это исключеніе. Вообще же оружейники его любятъ и боятся; а если смѣстятъ его по какому нибудь случаю, то, ей-ей, станутъ плакать...

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ лакеемъ, который доложилъ о прибытіи вице-адмирала Рикорда и сенатора Поливанова. Князь ихъ принялъ какъ знакомыхъ, но нѣсколько холодно, и занялся съ ними разговоромъ, а Колзаковъ, взявъ меня подъ руку, завелъ какой-то незначущій разговоръ и между прочимъ звалъ къ себѣ—возобновить съ нимъ «старое» знакомство! Я его видѣлъ всего одинъ разъ у Философова, въ Тулѣ, и въ это единственное наше свиданіе его прев—во даже почти не удостоилъ меня поклономъ, когда насъ познакомили. Хорошо старое знакомство!... Видя, что князь занятъ, я пожелалъ уйти не замѣченнымъ, но онъ остановилъ меня у дверей, сказавъ: «Прошу не забыть о запискѣ; пришлите ее ко мнѣ сегодня или завтра».

— Въ буквальномъ смыслѣ, князь, «прислать»,—спросилъ я,—или принести самому?

— «Повторяю, пришлите съ человѣкомъ и будьте увѣрены, что ее тотчасъ же отдадутъ мнѣ; до свиданія!» А потомъ, когда я уже былъ въ другой комнатѣ, онъ закричалъ мнѣ вслѣдъ: «ваше пр—во! чрезъ три дня милости просимъ опять ко мнѣ!»...

Я въ тотъ же вечеръ отправилъ къ нему требуемую записку.

Знакомые мои ожидали меня съ нетерпѣніемъ, чтобы узнать результатъ свиданія моего съ Меншиковымъ, и вѣрить не хотѣли моему разсказу! Они утверждали серьезно, что я вѣрно имѣю какой нибудь талисманъ, или знаю такое «слово», что могъ удостоиться такого ласковаго пріема отъ гордаго и недоступнаго человѣка, каковъ Меншиковъ, который давно уже никого не хочетъ знать изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ.

Чрезъ три дня я поѣхалъ опять къ князю, послѣ обѣда, въ 8 часовъ, и, войдя въ дежурную комнату, просилъ адъютанта доложить обо мнѣ, и я былъ немедленно принятъ съ прежнимъ радушіемъ. Разговоръ начался тѣмъ, что обо мнѣ уже было говорено съ Блудовымъ, который имѣетъ теперь же одно мѣсто, кажется, сходное съ моимъ желаніемъ, а именно: главнаго начальника калмыковъ. «Это,—прибавилъ Меншиковъ,—въ родѣ подвижнаго губернатора, шесть тысячъ руб. жалованья и еще кой какіе аксессуары. Но совсѣмъ тѣмъ, Блудовъ желалъ бы прежде съ вами познакомиться лично, а потому не возьмете ли вы на себя доставить отъ меня Блудову, лично, записку? Только предваряю васъ, къ Блудову рано ѣхать не нужно, такъ часу во второмъ или третьемъ: онъ поздно ложится и поздно встаетъ».

На другой день, въ назначенный княземъ часъ, явился я къ министру внутреннихъ дѣлъ Блудову и былъ тотчасъ имъ принятъ въ кабинетѣ. Прочитавъ записку Меншикова, которую я ему передалъ, онъ началъ разспрашивать о прежней моей службѣ и пожелалъ знать—не имѣю ли съ собой бумагъ, относящихся къ оной. Я вручилъ ему мой указъ объ отставкѣ, два письма кн. Долгорукова съ приглашеніемъ и обнадеживаніемъ меня на службу и копію съ представленія обо мнѣ вел. князю отъ директора артиллерійскаго департамента, относившагося къ производству меня въ полковники. Взглянувъ бѣгло на всѣ эти бумаги, онъ приказалъ мнѣ явиться къ себѣ, ровно чрезъ недѣлю, въ 9 часовъ вечера. Ровно чрезъ недѣлю, въ 9 часовъ, я находился уже въ пріемной, гдѣ познакомился, или, лучше сказать, возобновилъ свое одесское знакомство съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лексомъ, правителемъ канцеляріи министра.

—«Очень радъ васъ опять видѣть,—началъ Блудовъ, посадивъ меня на кресло,—и благодарю за аккуратность. Я все это время,

признаюсь вамъ откровенно, употребилъ на то, чтобы покороче съ вами познакомиться. Простите меня за мое любопытство—оно служитъ для васъ доказательствомъ, что я желаю искренно быть вамъ полезнымъ и вмѣстѣ угодить кн. Меншикову, настоятельно мнѣ васъ рекомендовавшему».

— Позвольте мнѣ спросить ваше высокопр—во, какой-же результатъ изъ собранныхъ свѣдѣній обо мнѣ?

— «Къ полному моему удовольствію и совершенно согласный съ моимъ ожиданіемъ. Я разспрашивалъ о васъ старыхъ вашихъ товарищей и моихъ хорошихъ пріятелей; всѣ единогласно отдаютъ вамъ должную справедливость, но вмѣстѣ указали мнѣ въ чемъ можно упрекнуть васъ!»...

— Въ чемъ же именно?—довольно рѣзко спросилъ я.

— «Именно въ томъ, съ какимъ тономъ произнесли вы настоящій вопросъ вашъ,—улыбаясь сказалъ Блудовъ, — въ горячности вашей!... Я вамъ отнюдь этого не вмѣняю въ порокъ! Горячность ваша всегда проявлялась, какъ я узналъ, тамъ, гдѣ вы встрѣчали зло. Благородной души человѣкъ, и обладающій хладнокровіемъ, не всегда терпѣливо выноситъ тѣ гадости, которыя творятся у него предъ глазами, а вы это, болѣе нежели кто другой, принимаете къ сердцу! Вотъ видите, какъ, при первомъ нашемъ знакомствѣ, я съ вами откровененъ и это вамъ вѣрное доказательство, что я искренно желаю добра и случая быть полезнымъ государю на службѣ. Познакомившись съ вами поближе, поговоримъ теперь о вашемъ дѣлѣ. Я предполагалъ, какъ о томъ говорилъ князю, дать вамъ мѣсто главнаго калмыцкаго пристава. Но какъ должность эта находится подъ непосредственнымъ начальствомъ астраханскаго военнаго губернатора Темирязева, человѣка тоже съ пылкимъ характеромъ, то я, разсудивъ, что у васъ легко могутъ выйти столкновенія, рѣшился лучше обождать немного и доставить вамъ такое мѣсто, въ которомъ вы были бы въ прямыхъ сношеніяхъ со мной. Узнаемъ другъ друга покороче — увѣренъ, что не поссоримся! Я думаю имѣть васъ въ виду на первую открывшуюся губернаторскую вакансію. Знаю вашъ отзывъ по сему предмету, князь мнѣ передалъ (о взяткахъ), и цѣню его какъ слѣдуетъ. Скажу вамъ, хотя еще не утверждено, но это почти вѣрно, что съ 1-го января будущаго года содержаніе губернаторамъ будетъ удвоено: они будутъ получать по

12-т. въ годъ и это содержаніе, какъ мнѣ кажется, будетъ весьма достаточно; но въ случаѣ какого нибудь непредвидѣннаго обстоятельства, я всегда буду радъ позаботиться о васъ»...

— Позвольте мнѣ поблагодарить ваше высокопр—во за вашу ко мнѣ милость и просить о переименованіи и сопричисленіи меня къ министерству, съ сохраненіемъ моего пенсіона, впредь до дѣйствительнаго поступленія къ мѣсту, ибо, безъ того, чрезъ два дня я умру съ голоду!...

— «Согласенъ! Будьте покойны»—и Блудовъ протянулъ мнѣ руку, отпустивъ меня совершенно дружески.

Я нарочно такъ подробно описалъ первое наше свиданіе и знакомство съ Дмитріемъ Николаевичемъ, чтобы ближе обрисовать характеръ этого благороднаго человѣка, вѣрнаго въ своихъ словахъ и въ своихъ привязанностяхъ, въ которомъ я всегда находилъ моего защитника и покровителя, пока онъ не оставилъ своего высокаго поста.

Это происходило 22-го ноября 1834 г., а 24-го того же мѣсяца состоялся высочайшій указъ о переименованіи меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Еще въ Тулѣ я присягнулъ на чинъ генералъ-маіора и заплатилъ священнику положенную за это дань; но, по переименованіи моемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, я получилъ изъ сената экстренную повѣстку—явиться туда для присяги. Для любопытства неопытныхъ разскажу этотъ эпизодъ.

Явясь поутру, къ 12-ти часамъ, въ 1-й департаментъ, предварилъ о себѣ экзекутора. Тотъ доложилъ оберъ-секретарю, который просилъ меня обождать. Прошло часа 1½, надоѣло страшно, спрашиваю—почему такъ долго? Говорятъ: не всѣ съѣхались еще сенаторы. Жду еще съ часъ, наконецъ, приглашаютъ меня въ присутствіе. При входѣ моемъ, всѣ гг. сенаторы, человѣкъ болѣе 20-ти, привстали съ мѣстъ своихъ, удостоивъ меня поклономъ. Оберъ-секретарь, ставъ у предсѣдательскаго кресла—возгласилъ: «имянный высочайшій указъ!» сенаторы опять всѣ встали и указъ былъ прочтенъ. Съ послѣдними словами, когда произнесено было: «подписано Николай»—двери въ церковь, противъ предсѣдательскаго мѣста, отворились на обѣ половины, священникъ сталъ у аналоя, въ полномъ богатомъ облаченіи, цар-

скія двери отверзлись. На аналоѣ лежали крестъ и евангеліе, а въ сторонѣ стоялъ столъ съ присяжнымъ листомъ, покрытый, какъ и аналой, пунцовымъ бархатомъ. Во время присяги сенаторы не садились. Присяжный листъ подписанъ мною и оберъ-секретаремъ. 25 рублей священнику уплачены. При выходѣ изъ присутствія, вновь удостоенъ привѣтствіемъ, т. е. поклономъ гг. сенаторовъ. Экзекуторъ поздравилъ меня въ другой комнатѣ и провожалъ до ближнихъ дверей—заплатилъ. У каждой двери, до самаго подъѣзда, стоявшій курьеръ, а ихъ было около 9-ти дверей, отворяя оную предо мной, повторяли одинъ за другимъ: «честь имѣю поздравить ваше пр—во съ монаршей милостью!»—вездѣ заплатилъ; швейцаръ, подавая плащъ, поздравилъ—заплатилъ, наконецъ, сторожъ, отворявшій, послѣднюю, при входѣ, дверь, поздравилъ—и тому заплатилъ, такъ что взявши изъ дома 40 руб. и расчитывая на нихъ прожить недѣли двѣ, долженъ былъ занять у знакомаго 25 коп., чтобы расплатиться съ извощикомъ. Въ столь высокомъ мѣстѣ непростительно и вовсе неумѣстно такое поведеніе, и вотъ прямая цѣль—для чего я рѣшился измарать цѣлый листъ бумаги.

Желая испытать меня, министръ чрезъ Лекса далъ мнѣ, для разсмотрѣнія, новый проектъ объ управленіи колонистовъ, составленный коллежскимъ совѣтникомъ Фадѣевымъ, съ тѣмъ, чтобы я, прочтя оный, изложилъ мое мнѣніе. Проектъ сей заключалъ въ себѣ до 500 листовъ писаной бумаги. Я тщательно занялся симъ порученіемъ и чрезъ недѣлю представилъ записку. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, не видя еще себѣ назначенія, я рѣшился просить Блудова дозволенія отправиться въ Смоленскъ къ женѣ и тамъ ожидать онаго. Дмитрій Николаевичъ объявилъ мнѣ, что онъ въ это время успѣлъ уже прочесть мою записку, благодарилъ меня за мои замѣчанія, ибо они есть какъ бы отголосокъ его собственнаго мнѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ никакъ не уѣзжать изъ Петербурга, обѣщая скоро пристроить меня окончательно къ мѣсту.

Послѣ представленія мною упомянутой записки, я былъ назначенъ членомъ коммисіи, подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика покойнаго государя, Вилліе, производившей слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ по хозяйственному управленію медико-хирургической академіи. Коммисіи сей мною положено было

только начало, ибо я былъ первенствующимъ членомъ; Виллie же въ оной ни разу не присутствовалъ. Занятія въ коммисіи меня съ нимъ познакомили.

XXIII.

Назначеніе симбирскимъ губернаторомъ.—Представленіе министрамъ и служебныя знакомства.—Министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ.—Вопросъ о передачѣ казенныхъ крестьянъ въ Симбирской губ. въ удѣльное вѣдомство.—Перовскій.—Представленіе мое Государю Императору.—Рѣчь Его Величества.—Отзывъ Государя о полякахъ.—Танѣевъ.—Гр. Бенкендорфъ.—Министръ юстиціи Дашковъ.—Пріемъ у кн. Меншикова.—Кн. П. М. Волконскій.

1834—1835 гг.

5-го марта ввечеру, часу въ 10-мъ, когда я, мучимый флюсомъ, лежалъ на постелѣ, фонъ-Дервизъ, войдя ко мнѣ, объявилъ, что отъ министра присланъ ко мнѣ курьеръ съ запиской. Записка была отъ Лекса; онъ въ короткихъ словахъ извѣщалъ меня, что я назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, а курьеръ словесно доложилъ мнѣ, что министръ приказалъ просить меня къ себѣ на-завтра, въ 2 часа по полудни. Извѣстіе сіе такъ потрясло чувства мои, что жестокая боль, меня одолѣвавшая, въ ту минуту миновала совершенно и я шесть лѣтъ послѣ того не страдалъ уже флюсомъ! Всю ночь до утра провели мы въ разговорахъ о новомъ моемъ назначеніи и при тостахъ за здоровье мое, моего семейства и моего благодѣтеля—министра.

Не имѣя денегъ, первая моя забота была подумать какъ бы приступить къ экипировкѣ себя, и утромъ самые ранніе визиты мои были къ теткѣ, И. Ф. Гедеоновой, и къ брату А. М. Гедеонову. Сынъ первой, А. Д. Гедеоновъ, офицеръ Преображенскаго полка и адъютантъ Исленьева, самъ вызвался ссудить меня 1,000 р. денегъ и онъ первый объявилъ мнѣ, что каждый вновь назначенный губернаторъ получаетъ изъ казны на подъемъ по 5,000 р. Но сіе послѣднее обстоятельство въ отношеніи меня не вдругъ вполнѣ оправдалось, ибо положеніе на сей счетъ заключалось въ томъ, что если новый губернаторъ назначается въ такую губернію, отъ которой мѣстопребываніе его было не далѣе 1,500 верстъ, то получалъ только 3,000 р., а далѣе—получалъ 5-т. руб. и сверхъ того прогоны. А какъ Симбирскъ нахо-

дится отъ Петербурга въ 1,450 верстахъ, то я долженъ былъ получить пособіе въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Когда я прибылъ въ назначенное время къ министру, онъ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Привѣтливо поздравилъ съ монаршею ко мнѣ довѣренностью, объявилъ, что онъ надѣется совершенно, что мы будемъ подвизаться на новомъ для меня поприщѣ въ совершенномъ согласіи съ нимъ, повторивъ, что всѣ тѣ собранныя имъ свѣдѣнія обо мнѣ довершаютъ довольно и его личное ко мнѣ довѣріе, ибо достаточно было уже и одной рекомендаціи обо мнѣ кн. Меншикова, чтобъ положиться совершенно на меня. Къ сему присовокупилъ: «Я бы совѣтовалъ вамъ познакомиться хорошенько съ Жмакинымъ, знающимъ подробно и совершенно Симбирскую губернію». На вопросъ мой: кто такой Жмакинъ? Блудовъ съ удивленіемъ сказалъ: «Теперь я вижу, что вы истинный чудакъ! Жмакинъ—директоръ департамента исполнительной полиціи, съ которымъ всѣ губернаторы состоятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и даже въ нѣкоторой зависимости по дѣламъ». (Я состоялъ съ ноября при министерствѣ и не зналъ этого). «Я вамъ указываю потому на Жмакина, что онъ лѣтъ пять былъ симбирскимъ губернаторомъ, и хорошимъ губернаторомъ, т. е. дѣловымъ. Прибавлю откровенно, что въ примѣръ вамъ его не поставлю во всѣхъ отношеніяхъ! Между нами будь сказано: кто безъ грѣха! Но повторяю, что губернію вашу онъ знаетъ совершенно. Теперь же, вотъ еще одно обстоятельство: по Симбирской губерніи, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, всѣ казенные крестьяне обращены въ удѣльное вѣдомство. Это дѣло весьма важное и требуетъ особеннаго и большаго вниманія. Вамъ необходимо нужно будетъ явиться къ кн. Волконскому, министру императорскаго двора, но предварительно побывайте у гр. Перовскаго, вице-президента департамента удѣловъ; онъ объяснитъ вамъ весь ходъ сей операціи и всю важность, которую она въ себѣ заключаетъ при совершеніи оной; вы тогда сдѣлаетесь извѣстнымъ и государю. А какъ вы должны непремѣнно представиться его императорскому величеству, то можете ли мнѣ теперь назначить день, когда вы будете къ тому готовы?»

Получивъ отъ меня отвѣтъ, что я еще не имѣю мундира и не могу отвѣчать ему на сіе опредѣлительно, дополнилъ: «нельзя-

ли къ вашему старому мундиру пришить воротникъ? ибо чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше!» А между тѣмъ замѣтилъ мнѣ, что ежели я буду готовъ хотя бы до субботы (это была середа), то, чтобъ ночью, въ первомъ, во второмъ и даже въ третьемъ часу, прислалъ бы къ нему сказать объ этомъ: его разбудятъ и онъ пошлетъ тотчасъ же нарочную обо мнѣ докладную записку.

Отъ министра я отправился къ товарищу его, графу Строганову, генералъ-адъютанту и артиллерійскому генералъ-маіору. Отъ него я тоже получилъ подтвержденіе о важности случая обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, съ наставленіемъ, чтобы, по прибытіи моемъ въ Симбирскъ, я даже не затруднялъ бы себя подробностями пріема губерніи, прежде нежели вникну подробно и совершенно въ ходъ сего важнѣйшаго государственнаго дѣла, окончаніемъ котораго я успокою государя и ихъ всѣхъ... Однимъ словомъ, сила общихъ выраженій министра и его товарища на сей разъ необыкновенно меня озадачила. До того времени я даже и понятія не имѣлъ, что̀ такое казенный и что̀ удѣльный крестьянинъ? Я даже не полагалъ никакой разницы между ними и помѣщичьими вообще, но соединялъ ихъ въ одно общее названіе «казенныхъ».

Потомъ посѣтилъ я Лекса и наконецъ явился къ Жмакину. Первый объявилъ мнѣ, что о назначеніи мнѣ по положенію 3,000 руб. распоряженіе уже сдѣлано, а послѣдній, отрекомендовавшись мнѣ, сказалъ, что его министръ особенно просилъ со мною познакомиться.

Выходя отъ Лекса, изъ канцеляріи, встрѣтился я тамъ съ дѣйств стат. сов. Жемчужниковымъ, товарищемъ моимъ по корпусу и по артиллеріи, бывшимъ уже въ Рязани губернаторомъ, но оставившимъ сіе званіе и теперь числившимся по министерству внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ Перовскимъ, а именно былъ женатъ на его родной сестрѣ, но въ то время уже былъ вдовъ. Поздравивъ меня съ назначеніемъ въ губернаторы, онъ объявилъ мнѣ, что эта участь была предназначена прежде для него; но зная совершенно своего роденьку, онъ просилъ гр. Бенкендорфа, при которомъ прежде служилъ, устранить его отъ сего назначенія и именно указалъ на меня, говоря, что я вѣрно буду въ состояніи устроить дѣла удѣльныхъ крестьянъ лучше его и согласнѣе съ Перовскимъ!... Когда же я сказалъ

ему, что думаю на-завтра ѣхать знакомиться съ Перовскимъ, то онъ просилъ меня прежде побывать у него, увѣряя, что онъ многое можетъ сообщить мнѣ впередъ, что̀ нужно для моей же пользы и спокойствія, и взялъ съ меня слово вмѣсто Перовскаго быть на-завтра у него.

Когда я пріѣхалъ къ нему, по назначенію, въ четвергъ, и сказалъ, что отъ него прямо отправляюсь къ Перовскому, онъ сказалъ мнѣ, что тотъ сегодня рано отправился въ земледѣльческую удѣльную школу, откуда хотя и вернется часу въ первомъ, но рѣшительно убѣждалъ меня въ этотъ день съ нимъ не видаться, ибо посѣщеніе сей школы всегда оставляло за собою сильнѣйшее раздраженіе у Перовскаго и безъ того уже желчнаго по характеру, и первое знакомство съ нимъ, въ минуты подобнаго расположенія, неминуемо должно было оставить навсегда за собой слѣды непріязни, а совѣтывалъ отправиться къ нему завтра, часовъ въ 8 и никакъ не позже 9-ти утра, когда онъ еще ничѣмъ и никѣмъ не разсерженъ.

Въ пятницу, въ осьмомъ часу, Перовскій принялъ меня весьма благосклонно, объявилъ, что Жемчужниковъ наканунѣ предварилъ его уже о моемъ посѣщеніи. Разсказалъ мнѣ текущій ходъ дѣла передачи крестьянъ, просилъ до отъѣзда моего еще разъ съ нимъ повидаться и, ежели желаю представиться кн. Волконскому, то именно въ тотъ день, чтобы онъ могъ приготовить князя къ моему пріему.

Въ тотъ же день, въ 10 часовъ, я явился къ Жмакину; познакомивъ меня съ мѣстностью, промышленностію Симбирской губерніи, нравами ея разнородныхъ обитателей, онъ далъ мнѣ обѣщаніе познакомить короче и съ главнымъ общественнымъ ея сословіемъ—дворянами, прося для сего дня три срока, а по истеченіи сего времени онъ далъ мнѣ списокъ съ именами и прозваніями до 250 дворянъ и съ отмѣтками. Здѣсь я долженъ отдать полную справедливость Жмакину. Отмѣтки его были такъ вѣрны и такъ добросовѣстны, что въ послѣдствіи ни въ одномъ изъ объясненій, мнѣ данныхъ, я не имѣлъ случая ошибиться. Это обнаруживаетъ внимательный взглядъ, проницательность и совершенное знаніе людей Жмакинымъ.

Рѣзче всѣхъ онъ указалъ мнѣ характеръ и свойства коллежскаго совѣтника Андрея Васильевича Б......ва, управляю-

щаго удѣльными имѣніями, съ которымъ судьба прежде всѣхъ и короче всѣхъ доставила мнѣ случай состязаться. «Вотъ человѣкъ, — говорилъ мнѣ Жмакинъ, — души низкой, пронырливый, но ума утонченнаго! Изъ своихъ видовъ,—А. В. Б......въ не только пожертвуетъ своими родными, женою, дѣтьми, и, ежели вѣра есть въ немъ, даже самимъ Богомъ! Онъ имѣетъ большія связи въ губерніи и въ столицѣ. Дай Богъ, чтобы у васъ не вышло съ нимъ какого либо непріятнаго столкновенія; но опасаюсь рѣшительно, что это должно случиться. Нѣтъ мѣръ осторожности, которыхъ бы его хитрая душа не ниспровергла!»

Увы! Пророчество сіе сбылось не въ долгій срокъ времени...

Въ воскресенье, за нѣсколько минутъ до полудня, явился я во дворецъ и, въ покояхъ предъ кабинетомъ государя, я нашелъ другаго начальника губерніи, вновь назначеннаго начальника Бѣлостокской области, статскаго совѣтника Гоноропуло, также для представленія. Я былъ одѣтъ сообразно рисункамъ, какъ указано быть во дворцѣ, т. е. въ короткомъ исподнемъ платьѣ, въ чулкахъ и башмакахъ. Гоноропуло же былъ въ ботфортахъ. Разнообразіе нашихъ костюмовъ навело безпокойство на моего товарища и я, съ своей стороны, отъ всей души желалъ бы единообразиться съ нимъ въ одеждѣ, но оставалось ровно ¼ часа до полудня и къ тому не предстояло никакой возможности. По прибытіи моемъ, тотчасъ вышелъ, въ военной формѣ, камердинеръ государя и спросилъ: «не представляться-ли я прибылъ?» подалъ мнѣ листъ бумаги, прося записать мое имя въ докладъ государю, который въ это время находился еще въ церкви, у обѣдни. Чрезъ пять минутъ въ этотъ покой вошли два флигель-адъютанта, Курутовъ (?) и Рамзай, также для представленія, но они пошли далѣе во внутренніе покои, а за ними прошли туда же военный генералъ-губернаторъ Эссенъ, комендантъ Мартыновъ и оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ.

Видно было какъ государь изволилъ пройти по корридору въ кабинетъ, возвращаясь изъ церкви, и тотчасъ послѣ сего вышелъ другой камердинеръ и спросилъ: «кто г. Жиркевичъ?» На отвѣтъ мой, сказалъ: «государь проситъ извиненія, что нѣсколько минутъ заставитъ обождать». Всѣ пятеро, прежде прошедшіе во внутренніе покои—вышли. На часахъ стрѣлка вступила ровно на полдень и двери распахнулись на обѣ половинки. «Государь проситъ васъ, гг.!» сказалъ камердинеръ.

Пройдя одинъ покой, мы вступили вмѣстѣ въ кабинетъ. Государь стоялъ впереди письменнаго стола, въ сюртукѣ Семеновскаго полка, но безъ полусабли. Сдѣлавъ шагъ впередъ къ намъ, онъ привѣтствовалъ насъ словами: «Прошу пожаловать, господа. Г. Жиркевичъ, хочу съ вами познакомиться. Гдѣ вы прежде служили?»

— На Тульскомъ оружейномъ заводѣ, помощникомъ командира по хозяйственной части, В. И. В—во.

— «А передъ тѣмъ?»

— По полевой артиллеріи и при артиллерійскомъ департаментѣ, В. И. В—во.

— «Начали службу?»

— По гвардейской артиллеріи.

— «Когда вы вышли изъ гвардіи?»

— Въ 1816 году.

— «Вмѣстѣ служили, но не припомню. Мнѣ васъ рекомендовали и я очень радъ, что могу теперь съ вами покороче познакомиться. Я полагаю, что вамъ извѣстны обстоятельства, по которымъ я счелъ нужнымъ перемѣнить въ Симбирскѣ губернатора Загряжскаго. Я имъ былъ, впрочемъ, доволенъ, но онъ занемогъ,—политически, разумѣется! (Государь улыбнулся). У него вышли какія-то дрязги съ губернскимъ предводителемъ княземъ Баратаевымъ. Личности, о которыхъ я и знать бы не хотѣлъ. Они могли между собою развѣдаться, какъ имъ было бы угодно. Мы бы сквозь пальцы посмотрѣли бы на это, но, къ несчастію и моему неудовольствію, вмѣшалось тутъ дворянство—симбирское дворянство! Я не скажу, чтобы ими я былъ бы недоволенъ совершенно! Оно готово на все и много дѣлаетъ полезнаго, но на этотъ разъ поступило крайне неосмотрительно, вмѣшавшись не въ свое дѣло. До той минуты, когда я назначилъ васъ въ Симбирскъ губернаторомъ, оно въ Загряжскомъ должно было знать своего прямаго и настоящаго начальника. Загряжскій не умѣлъ поддержать званія своего какъ слѣдуетъ. Теперь вашему пр—ву предстоитъ трудъ поставить званіе сіе на ту точку, съ которой оному не слѣдовало спускаться. Я увѣренъ вполнѣ, что вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность! Теперь о другомъ: въ Симбирскѣ около 300,000 казенныхъ крестьянъ по волѣ моей обращаются въ удѣлъ. Дѣло новое и обширное. Это дѣлается къ собственному ихъ благополучію, но, какъ въ дѣлѣ новомъ, конечно, могутъ

встрѣтиться разныя недоразумѣнія, а болѣе всего толки, несообразные съ дѣломъ. Я возлагаю въ особенности на васъ обратить все ваше вниманіе на сей предметъ. Я получилъ отъ гр. Протасова донесеніе, что переверстка идетъ безъ затрудненія»...

— Я читалъ донесеніе гр. Протасова,—сказалъ я.

— ......«И такъ хорошо,—продолжалъ государь начатую рѣчь, не смотря на мой неумѣстный перерывъ,—что крестьяне даже просили дозволенія служить молебенъ за ихъ обращеніе въ удѣлъ. Такъ и быть должно! Это дѣлается собственно къ добру ихъ! Мнѣ остается присовокупить, что я ввѣряю вамъ спокойствіе болѣе чѣмъ милліона людей, а на этомъ спокойствіи основано мое собственное. Вы будете цѣнить это, я вполнѣ увѣренъ въ томъ!»...

Потомъ государь, обратясь къ Гонoропуло, привѣтствовалъ его—«что онъ уже давно знакомъ съ нимъ, но что въ настоящую минуту онъ долженъ ему напомнить, что въ Бѣлостокѣ назначилъ его губернаторомъ по представленію кн. Долгорукаго» (тамошняго генералъ-губернатора). Тутъ глаза государя заблистали, станъ выпрямился и онъ, возвыся голосъ, сказалъ:

— «Мнѣ нечего тебя учить, какъ слѣдуетъ обращаться съ поляками. Долгорукій тебѣ живой примѣръ. Имѣй на рукахъ желѣзныя рукавицы! Къ тебѣ они полѣзутъ въ душу, будутъ изгибаться, кланяться, но помни мои слова: полякъ—всегда полякъ: не помнитъ благодѣяній и даже не чувствуетъ ихъ! Онъ будетъ виться змѣею у ногъ твоихъ, будетъ лизать ихъ, пока не доберется до шеи—а тамъ задушитъ тебя! Повторяю опять: держи ухо остро!»....

И потомъ, съ прежнимъ ласковымъ взглядомъ обратясь ко мнѣ, спросилъ: «скоро вы располагаете ѣхать?» На отвѣтъ мой, что дня, чрезъ два, прибавилъ: «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Желаю вамъ хорошаго пути. А съ тобой,—продолжалъ государь, обратясь къ Гонoропуло,—еще увидимся—не прощаюсь».

Когда же мы оба вышли изъ кабинета, то государь. сдѣлавъ шага два въ слѣдующій покой, изволилъ сказать: «прощайте, ваше пр—во, желаю вамъ счастливаго пути и исполненія вашихъ желаній! Увѣренъ, что они совершенно согласны съ моими. Прощайте!»...

Не умѣю выразить съ какимъ духомъ я приступилъ къ сей первой аудіенціи и съ какимъ вышелъ изъ оной! До прибытія моего во дворецъ я все еще размышлялъ и готовилъ себя какъ предстать предъ государемъ, но войдя я ничего не видѣлъ, кромѣ

благосклоннаго взора царева и его милости, забывшись даже до того, что въ одномъ мѣстѣ прервалъ рѣчь его. Выйдя изъ кабинета, я чувствовалъ, что не было такой жертвы, которую я не былъ-бы въ готовности принести для исполненія священной воли его [1]).

Изъ дворца поѣхалъ я прямо къ Танѣеву, съ которымъ я былъ уже знакомъ прежде, по службѣ его при гр. Аракчеевѣ. Возобновивъ наше забытое знакомство и вспомнивъ прежнее, онъ просилъ меня обратить вниманіе на дѣло о размежеваніи не-

---

[1]) По прибытіи моемъ въ Симбирскъ, я узналъ, что Загряжскій прежде служилъ тоже по удѣльному вѣдомству и былъ рекомендованъ въ губернаторы Перовскимъ. Съ губерн. предводителемъ Баратаевымъ онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, но, къ несчастію, былъ нескромень въ рѣчахъ и часто, безъ размышленія о послѣдствіяхъ, велъ разговоры съ каждымъ лицомъ, не соображая тѣхъ связей, съ которыми то лицо было въ сношеніяхъ. Кн. Баратаевъ помолвилъ старшую дочь за сослуживца Загряжскаго по гвардіи кн. Дадьяна. Въ разговорахъ съ симъ послѣднимъ, Загряжскій съ усмѣшкой намекалъ ему, что для него могла бы найтись болѣе выгодная партія, и даже коснулся короткости въ домѣ Баратаева, съ дѣтьми его и въ особенности со старшей дочерью, одного изъ учителей, преподававшихъ тамъ уроки. Это, конечно, дошло до свѣдѣнія Баратаева и поссорило его съ Загряжскимъ. Когда подошли дворянскіе выборы по Симбирской губерніи, то Баратаевъ, бывши губернскимъ предводителемъ болѣе 20-ти лѣтъ, на предстоящее трехлѣтіе отказался отъ занятія сей должности. Дворянство, зная, что виною этому была размолвка его съ Загряжскимъ и не уважая какъ слѣдуетъ сего послѣдняго, придумало дать обѣдъ князю, не приглашая губернатора, о чемъ и были сильные толки и сужденія въ залѣ дворянства. Баратаевъ, получивъ приглашеніе на обѣдъ, спросилъ: «будетъ ли на обѣдѣ Загряжскій?» и когда ему объявили, что его не намѣрены звать, изъявилъ свое согласіе быть на обѣдѣ, ставя условіемъ отсутствіе губернатора. Пошли опять новые толки и рѣшили звать того и другаго. Обѣдъ назначили въ 3 часа. Загряжскій прибылъ въ назначенное время, а Баратаевъ въ 4 часа. Въ этотъ промежутокъ времени, каждый избѣгалъ, какъ будто, разговора съ Загряжскимъ. За обѣдомъ предложены были тосты: за государя, императорскую фамилію, князя Баратаева, архіерея и дворянство—и этимъ кончили. Но когда уже хотѣли вставать изъ-за стола, Баратаевъ напомнилъ о губернаторѣ и какъ будто въ насмѣшку, вмѣстѣ со стукомъ стульевъ и посторонними разговорами, человѣка четыре провозгласили тостъ сему послѣднему. Это пустое обстоятельство подробно и даже съ излишествомъ, чрезъ жандармовъ, а въ особенности чрезъ Андрея Бестужева, дошло до Петербурга. Бестужевъ былъ въ домѣ Загряжскаго самымъ короткимъ приближеннымъ, но когда пошла передача казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, на чемъ-то они размолвились между собою. Бестужевъ, опираясь на жандармскаго полковника Флиге, сталъ съ каждою почтою писать что нибудь о Загряжскомъ, а Флиге началъ посылать къ самому Загряжскому бумаги самаго дерзкаго содержанія. Все сіе вынудило государя смѣнить его съ должности начальника губерніи. И. Ж.

большаго имѣнія его въ Симбирской губерніи, которое совершенно хотятъ обрѣзать въ пользу сосѣдей, по крайней мѣрѣ такъ пишетъ ему управляющій,—и о продолженіи прежней нашей дружбы... Затѣмъ совѣтовалъ мнѣ долго не засиживаться въ Петербургѣ, а спѣшить скорѣе выѣхать, ибо онъ увѣренъ, что государь еще не одинъ разъ объ этомъ будетъ спрашивать и его и другихъ.

На другой день я представлялся, уже въ мундирѣ, гр. Блудову, Строганову, Бенкендорфу, Чернышеву и Дашкову, министру юстиціи. Сей послѣдній меня не принялъ, но вечеромъ прислалъ ко мнѣ визитную карточку и просилъ меня быть у него еще разъ на слѣдующій день, вечеромъ.

Когда я пріѣхалъ представиться гр. Бенкендорфу, то я нашелъ тамъ начальника 1-го округа жандармовъ Полозова, гораздо младшаго товарища мнѣ по корпусу и по гвардейской артиллеріи, но въ это время весьма уже опередившаго меня по службѣ. Имѣя бездокладный доступъ къ графу, онъ, по всей вѣроятности, предупредилъ его обо мнѣ, такъ что когда онъ вошелъ въ пріемную, гдѣ стояло насъ нѣсколько представляющихся лицъ, Бенкендорфъ, услышавъ мою фамилію, сказалъ: «съ вами, ваше пр—во, я уже очень знакомъ и для меня пріятно было-бы, если и вы меня такъ же хорошо узнали, какъ я уже васъ знаю! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ случай лично познакомиться съ собою, и скажу, что я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые васъ рекомендовали государю для настоящаго званія. Вы оное достойно получили!» Затѣмъ, взявъ меня за руку, отвелъ меня въ сторону, къ окну, и продолжалъ: «Мнѣ нечего говоритъ вамъ, что работы будетъ много и какія теперь обстоятельства по Симбирской губерніи. Я васъ прошу о двухъ вещахъ: тамъ теперь находятся моихъ два штабъ-офицера, которыхъ прошу принять подъ свое покровительство и еще—чтобы вы обо всемъ экстренномъ и о различныхъ недоразумѣніяхъ, могущихъ случиться, были бы въ прямыхъ сношеніяхъ со мной. Письмо ваше будетъ доказательствомъ ко мнѣ довѣрія, а я могу и даже желаю быть вамъ полезнымъ»...

На другой день, вечеромъ, въ 8 часовъ, я поѣхалъ къ Дашкову и безъ минуты ожиданія былъ допущенъ къ нему. Пройдя комнатъ восемь, меня ввели къ нему въ кабинетъ, гдѣ я нашелъ его лежащимъ на диванѣ, съ книгой въ рукахъ, одѣтымъ въ сѣрый,

фризовый сюртукъ. Привставъ, подалъ мнѣ руку и, усадя возлѣ себя, сказалъ: «Дмитрій Николаевичъ, мой искренній другъ, мнѣ особенно рекомендовалъ васъ. Душевно желаю познакомиться съ вами. Я самъ симбирскій дворянинъ, а потому вашъ покорный слуга и прошу вашего покровительства!»... Послѣ обыкновенныхъ возраженій на подобныя привѣтствія, онъ коснулся, въ разспросахъ, моей прежней службы. Хвалилъ моихъ предшественниковъ, Жмакина и Загряжскаго; о послѣднемъ жалѣлъ очень, и подъ конецъ прибавилъ: «у меня въ Симбирскѣ есть два имѣнія, въ разныхъ уѣздахъ, и особенно ими никто не управляетъ. Я иногда бываю самъ тамъ, наѣздомъ. Но поверхностно завѣдуетъ ими старшій управляющій имѣніемъ княгини Вяземской, послѣдняя станція предъ Симбирскомъ. Я напишу къ нему, чтобы въ проѣздъ вашъ онъ явился къ вамъ. Взгляните добрымъ окомъ на старика. Онъ человѣкъ добрый, но немного крутенекъ съ крестьянами и они иногда на него даже жалуются, а потому я особенно его поручаю вашей милости!» Я отвѣчалъ, что, конечно, готовъ все сдѣлать для него угодное, но чтобы это было только вполнѣ согласно съ закономъ и справедливостью. Дашковъ сказалъ: «Болѣе и не требую. Знаю, что, видя во мнѣ помѣщика, вы тоже будете видѣть и министра».—Юстиціи!—прервалъ я,—и въ этомъ отношеніи ваше высокопр—во, я увѣренъ, отдадите должное мнѣ одобреніе!... На этомъ мы разстались весьма привѣтливо. На другой день Жмакинъ сказывалъ мнѣ, что Дашковъ, увидѣвшись съ нимъ, сказалъ: «Ну, Блудовъ далъ теперь въ Симбирскъ настоящаго губернатора!»...

Ужасно не понравилось мнѣ одно обстоятельство, во время посѣщенія Дашкова: это то, что, когда я вышелъ отъ него, камердинеръ, провожая меня до лѣстницы, отворивъ двери, ровно шесть разъ сказалъ: «поздравляю ваше пр—во съ монаршею милостью!» Я благодарилъ судьбу, что захватилъ съ собою деньги—ему далъ 25 руб., а швейцару, за такое-же привѣтствіе, 5 рублей.

Отъ Дашкова поѣхалъ я прямо къ кн. Меншикову, который на сей разъ принялъ меня не по прежнему, но—какъ служащаго чиновника—холодно и гордо, обратясь ко мнѣ съ указаніями на корабельные лѣса въ губерніи.

Въ пятницу утромъ, въ мундирѣ, былъ я у Перовскаго, прося

его представить меня кн. Волконскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ снабдить меня нужными наставленіями, относительно удѣльныхъ крестьянъ. Перовскій объявилъ, что у князя умерла наканунѣ внучка, по каковому случаю онъ даже и его не принимаетъ къ себѣ, а взялся доложить только о моемъ намѣреніи представиться. На счетъ удѣльныхъ крестьянъ просилъ: принять подъ особое покровительство ихъ дѣла и въ особенности тамошняго управляющаго удѣльной конторы, коллежскаго совѣтника Бестужева, рекомендуя его какъ отличнаго и усерднаго чиновника, благородно мыслящаго человѣка, котораго онъ вполнѣ знаетъ и на котораго совершенно полагается. «Онъ явится къ вамъ по моему приказанію,—сказалъ Перовскій,—и будетъ просить вашихъ наставленій и руководства, въ которыхъ прошу васъ и я лично ему не отказывать, а также дозвольте мнѣ иногда самому прямо и откровенно относиться къ вамъ!»

Когда я явился къ министру двора, то онъ, кн. Волконскій, усадилъ на диванъ съ собою и продержалъ меня ровно часъ, разговаривая о прежней моей службѣ, и разными подробностями, относящимися до нея, показалъ, что меня знаетъ. Между прочимъ выразился, что очень радъ, что судьба ставитъ насъ въ близкія сношенія! (?). Но сколько ни порывался я спросить его приказаній или наставленій, относящихся къ дѣлу, т. е. до удѣльныхъ крестьянъ – не могъ добиться ни одного слова! Наконецъ, всталъ, пожалъ мнѣ руку и, поцѣловавъ меня, пожелалъ счастливаго пути. Тѣмъ и кончилась моя аудіенція!

Изъ Петербурга выѣхалъ я 17-го марта.

Вышеизложенныя подробности укажутъ въ послѣдствіи характеры лицъ, съ коими я встрѣтился на поприщѣ сей важной службы моей—и что̀ значатъ ложныя слова случайныхъ людей.

Сообщ. С. Д. Карповъ и В. И. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АИВАЗОВСКІЙ

и его художественная XLII-хъ лѣтняя дѣятельность

1836—1878.

IV [1]).

Первый годъ пребыванія за границею

1840—1841.

Путь молодымъ художникамъ—Айвазовскому и Штернбергу—лежалъ черезъ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну и Тріестъ; изъ послѣдняго города Айвазовскій прибылъ въ Венецію. Развѣнчанная царица морей, спящая непробуднымъ сномъ на берегу чудеснаго своего залива, была, какъ нельзя болѣе кстати—первымъ городомъ Италіи, въ которомъ на время остановился Айвазовскій. Въ Венеціи проживалъ тогда нашъ незабвенный Гоголь, вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ Боткинымъ; Айвазовскій познакомился съ ними и впервые въ жизни увидѣлъ тогда автора «Ревизора», уже обдумывавшаго свои безсмертныя «Мертвыя Души». Какъ художникъ, Иванъ Константиновичъ былъ пораженъ оригинальною наружностію геніальнаго писателя.

«Низенькій, сухощавый, съ весьма длиннымъ заостреннымъ носомъ, съ прядями бѣлокурыхъ волосъ, часто падавшими на маленькіе прищуренные глазки (припоминаетъ художникъ), Гоголь выкупалъ эту неприглядную внѣшность любезностью, неистощимою веселостью и проблесками своего чуднаго юмора, которыми искрилась его бесѣда въ пріятельскомъ кругу. Появленіе новаго незнакомаго лица, подобно дождевой тучѣ, мгновенно набрасы-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674.

вало тѣнь на сіяющее доброю улыбкою лицо Гоголя: онъ умолкалъ, хмурился, какъ-то сокращался, какъ будто уходилъ самъ въ себя. Эту странность характера замѣчали въ немъ всѣ его близкіе знакомые. Со мною, однако-же, онъ довольно скоро сошелся и я не разъ наслаждался его милою бесѣдою. Онъ, Боткинъ и Пановъ предложили мнѣ ѣхать съ ними во Флоренцію, на что я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился. Ѣхали мы въ наемной четверомѣстной коляскѣ и — каюсь въ нашемъ общемъ грѣхѣ! — дорогою мы играли въ преферансъ, подмостивъ экипажныя подушки вмѣсто стола. Впрочемъ, это прозаическое занятіе не мѣшало намъ восхищаться красивыми мѣстностями, попадавшимися на дорогѣ.

«По прибытіи во Флоренцію, я осмотрѣлъ художественныя сокровища столицы Тосканы, посѣтилъ палаццо Питти и т. д. Здѣсь встрѣтилъ я Александра Андреевича Иванова, на время пріѣхавшаго изъ Рима. Отъ природы не слишкомъ общительный, Ивановъ сказалъ, что прибылъ во Флоренцію, чтобы скопировать нѣсколько деревьевъ съ пейзажей Сальватора-Розы для помѣщенія ихъ на своей картинѣ: «Явленіе Мессіи народу». При всемъ моемъ уваженіи къ памяти Александра Андреевича, я, признаюсь, до сихъ поръ не могу ни понять, ни объяснить себѣ: зачѣмъ ему понадобились—на мѣстности береговъ Іордана, изображенной на его картинѣ,—деревья съ пейзажей Сальватора-Розы? ужели ихъ недостаточно натуральныхъ въ окрестностяхъ Рима?»

Изъ Флоренціи, разставшись съ Гоголемъ, Иванъ Константиновичъ отправился на берега Неаполитанскаго залива. Проживъ мѣсяцъ въ Неаполѣ, Айвазовскій, вмѣстѣ съ Штернбергомъ, отправился на родину Тассо, въ Сорренто, гдѣ жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ пѣвцу «Освобожденнаго Іерусалима». Изъ Сорренто художники отправились въ Амальфи, гдѣ прожили также цѣлый мѣсяцъ. Изъ Сорренто, 2-го сентября 1840 года, они прибыли въ Римъ. По отзыву Ивана Константиновича, его разъѣзды по берегамъ Неаполитанскаго залива вполнѣ ознакомили его съ колоритомъ италіанскихъ небесъ, воды и тайнами тамошней воздушной перспективы. Дань обязательному копированію съ натуры безжизненныхъ зданій и каменныхъ стѣнъ Иванъ Константиновичъ заплатилъ, написавъ виды нѣсколькихъ прибережныхъ

городовъ, но сдѣлалъ это почти скрѣпя сердце, въ угоду взыскательнымъ классикамъ, требующимъ отъ художника, живущаго въ Италіи, видовъ тамошнихъ городовъ, неминуемаго Везувія и неизбѣжнаго Рима. Здѣсь приводимъ подлинныя слова Ивана Константиновича:

— «Когда я уѣзжалъ въ Италію, мнѣ твердили всѣ, въ видѣ напутствія: «съ натуры, съ натуры пишите!» Живя въ Сорренто, я принялся писать видъ его съ натуры съ того-же самаго пункта, съ котораго въ былые годы писалъ С. Щедринъ, и, начиная съ неба до перваго плана, воспроизвелъ съ самой фотографической точностью рѣшительно все, что было предъ моими глазами. Писалъ я ровно три недѣли. Затѣмъ, точно такъ же написалъ видъ Амальфи. Въ Вико написалъ двѣ картины на память: закатъ и восходъ солнца. Эти двѣ картины вмѣстѣ съ видомъ Сорренто были выставлены мною—и что-же оказалось? Толпы посѣтителей выставки, обходя видъ Сорренто, какъ мѣсто давно знакомое и приглядѣвшееся, толпились предъ картинами, изображавшими живую природу, и весьма лестно отзывались о нихъ. Между тѣмъ, видъ Сорренто я писалъ три недѣли, а эти двѣ картины—не долѣе, какъ по три дня каждую; но я писалъ ихъ подъ наитіемъ вдохновенія, а оно-то и необходимо художнику. Живописецъ, только копирующій природу, становится ея рабомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Человѣкъ, не одаренный памятью, сохраняющей впечатлѣнія живой природы, можетъ быть отличнымъ копировальщикомъ, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, но истиннымъ художникомъ—никогда! Движенія живыхъ стихій неуловимы для кисти: писать молнію, порывъ вѣтра, всплескъ волны—немыслимо съ натуры. Для этого-то художникъ и долженъ запоминать ихъ, и этими случайностями, равно какъ и эффектами свѣта и тѣней, обставлять свою картину. Такъ я писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ пишу и теперь; писать тихо, корпѣть надъ картиною цѣлые мѣсяцы—я не могу. Сюжетъ картины слагается у меня въ памяти, какъ сюжетъ стихотворенія у поэта; сдѣлавъ набросокъ на клочкѣ бумаги, я приступаю къ работѣ и до тѣхъ поръ не отхожу отъ полотна, покуда не выскажусь на немъ моею кистью.

«Набросавъ карандашомъ на клочкѣ бумаги планъ задуманной мною картины, я принимаюсь за работу и, такъ сказать, всей

душой отдаюсь ей. Обдумывая картину, я не отвлекаю отъ нея моего вниманія не только праздными разговорами, но даже и видомъ предметовъ посторонних; не выхожу на улицу, не смотрю ни на горизонтъ, ни на окрестную мѣстность. Непремѣнное условіе моей мастерской—гладкія стѣны, не обвѣшанныя ни картинами, ни эскизами. Удаленіе отъ мѣстности, изображаемой на моей картинѣ, заставляетъ лишь явственнѣе и живѣе выступать всѣ ея подробности въ моемъ воображеніи. Въ Крыму я пишу виды балтійскаго прибережья, лѣтомъ—пейзажи зимніе, въ пасмурные дни—ясное, безоблачное небо съ восходомъ солнца. Вдохновенный видомъ живописной мѣстности при эффектномъ ея освѣщеніи, либо какимъ нибудь моментомъ бури—я сохраняю воспоминаніе о нихъ многіе годы. Таково же точно свойство и чувствовательныхъ моихъ способностей: горе и радость я сознаю сильнѣе, когда они переходятъ въ область минувшаго. Воспоминаніе о горѣ давно прошедшемъ скорѣе заставитъ меня прослезиться, нежели минута постигшаго меня горя. Мое воображеніе сильнѣе воспріимчивости дѣйствительныхъ впечатлѣній. Они записываются въ памяти моей, какъ будто какими-то симпатическими чернилами, проступающими весьма явственно отъ времени, или отъ теплаго луча вдохновенія. Въ теченіе сорока лѣтъ моей художественной дѣятельности я написалъ очень много картинъ, на которыхъ сосредоточены воспоминанія о живой природѣ разныхъ мѣстностей и разныхъ эпохъ моей жизни. Бурю, видѣнную мною у береговъ Италіи, я на моей картинѣ переношу на какую нибудь мѣстность Крыма или Кавказа; лучомъ луны, отражавшемся въ Босфорѣ, я освѣщаю твердыни Севастополя. Таково, повторяю, свойство моей кисти и характерная особенность моей художественной складки.

«Подобнымъ образомъ, помнится мнѣ, Орасъ Верне писалъ, на моихъ глазахъ, портретъ графа Моле. Французскій художникъ скопировалъ сначала съ натуры въ нѣсколькихъ экземплярахъ носъ, глаза, ротъ и лобъ—а потомъ, какъ-бы набивъ руку на изображеніи частей лица, соединилъ ихъ на портретѣ въ одно цѣлое, придавъ разительное сходство съ выраженіемъ обычной физіономіи графа. Здѣсь, къ слову, замѣчу особенность взгляда нѣсколькихъ лицъ на одного и того же человѣка. Почему, весьма часто, въ портретѣ, написанномъ съ натуры и весьма талантливымъ

художникомъ, не всѣ безусловно находятъ сходство? Причина весьма простая: художникъ не придалъ портрету того выраженія лица, которое свойственно живому оригиналу. Выраженіе улыбки на лицѣ, которое мы привыкли видѣть угрюмымъ, или, наоборотъ, серьезность на лицѣ, часто улыбающемся—отнимаютъ у портрета сходство съ живымъ лицомъ. Я знавалъ многихъ не художниковъ, любителей, обладавшихъ даромъ улавливать карикатурныя стороны выраженія лица, и карикатуры эти поражали сходствомъ. Это, пожалуй, своего рода талантъ, хотя и весьма сродный способности подмѣчать смѣшныя стороны нравственной складки человѣка. Но, по моему мнѣнію, на сколько портретистъ долженъ умѣть схватывать въ своемъ портретѣ сходство съ оригиналомъ, на столько пейзажистъ долженъ умѣть улавливать физіономію и характеръ изображаемой природы. Внимательно изучивъ атмосферическія перемѣны, игру свѣта и тѣни на волнахъ моря, на вершинѣ горъ, на купахъ деревьевъ—я могу воспроизводить ихъ, какъ нѣчто давно мнѣ знакомое, съ той быстротою, за которую укоряютъ меня нѣкоторые строгіе судьи» [1]).

Пребываніе въ Венеціи, во Флоренціи и на берегахъ Неаполитанскаго залива не могло ослабить того обаятельнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на Айвазовскаго царь италійскихъ городовъ—Римъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ «вѣчный городъ», молодой художникъ писалъ въ Россію, къ одному изъ близкихъ своихъ знакомыхъ:

«Я видѣлъ творенія Рафаэля и Микеля Анджело; видѣлъ Колизей, церковь Петра и Павла, и проч. и проч. Смотря на произведенія геніевъ и громады—чувствуешь свое ничтожество! Здѣсь—день стóитъ года. Я, какъ пчела, сосу медъ изъ цвѣтника, чтобы принести благодарную дань царю и матушкѣ Россіи!»

Къ чувству удивленія и благоговѣйнаго восторга при видѣ

---

[1]) Быстрота работъ—свойство, присущее таланту И. К. Айвазовскаго, явленіе не рѣдкое въ исторіи живописи. Изъ великихъ мастеровъ разныхъ старинныхъ школъ укажемъ на Караваджіо (1569 † 1609), на Рубенса (1577 † 1640), на Рембрандта (1606 † 1674); наконецъ, на Луку Джіордано (1632 † 1705), прозваннаго «скорописцемъ (fa presto). Картину свою (Умирающій Сенека) онъ написалъ въ одни сутки. И. К. Айвазовскій, въ академіи художествъ, въ мастерской художника Орловскаго, въ теченіе 2½ часовъ написалъ большую картину (въ 1875 г.), а въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1877—1878 гг. съ 5-го ноября по 1-е марта написалъ до двадцати картинъ.

художественныхъ сокровищъ, находящихся въ Римѣ, примѣшалось, въ душѣ Айвазовскаго, благородное чувство признательности къ человѣку, которому онъ былъ обязанъ вступленіемъ на блестящее свое поприще. Мысленно, съ береговъ Тибра, художникъ перенесся на родные берега Чернаго моря, въ Ѳеодосію; вспомнилъ тотъ день—за двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ который онъ впервые былъ принятъ А. И. Казначеевымъ въ его домѣ и получилъ отъ него въ подарокъ краски... Живо представилась памяти Айвазовскаго картина перваго его посѣщенія добраго Александра Ивановича Казначеева и онъ воспроизвелъ ее акварелью и послалъ въ подарокъ первому своему покровителю ко дню его рожденія. Черта—дѣлающая честь сердцу талантливаго художника.

Зима 1840—1841 года въ Римѣ промелькнула для Айвазовскаго незамѣтно, такъ какъ онъ прилежно занялся, къ предстоящей выставкѣ, двумя картинами: «Буря» и «Хаосъ»; третья его картина, «Неаполитанская ночь», была имъ написана еще мѣсяца три тому назадъ.

V.

Пребываніе и первые успѣхи за границею.—Король неаполитанскій и папа Григорій XVI.—Статья Векки и стихи Торнера.—Венеція.—Гавріилъ Айвазовскій.—Романическій эпизодъ.—Парижъ.

1841—1843.

Двухлѣтній періодъ 1841—1842 гг. пребыванія Айвазовскаго въ Италіи обиловалъ событіями, для него достопамятными, такъ какъ выставки картинъ художника въ Неаполѣ и въ Римѣ снискали ему громкую славу въ чужихъ краяхъ и обезпечили его извѣстность въ будущемъ. Наша «Художественная газета» (1841 г., № 11), за пять лѣтъ передъ тѣмъ предрекавшая Айвазовскому его грядущій завидный жребій, сообщила теперь на своихъ страницахъ о его успѣхахъ въ странѣ изящныхъ искусствъ:

— Въ Римѣ и Неаполѣ всѣ говорятъ о картинахъ Гайвазовскаго. Въ Неаполѣ такъ полюбили нашего художника, что домъ его цѣлый день наполненъ посѣтителями. Вельможи, поэты, ученые, художники и туристы наперерывъ ласкаютъ его, угощаютъ и, воспѣвая въ стихахъ, признаютъ въ немъ

генія. Даже король неаполитанскій [1]) изъявилъ желаніе, чрезъ нашего посланника Гурьева, увидѣть русскаго художника и его чудесныя картины. Его величество долго разговаривалъ съ Гайвазовскимъ и купилъ у него картину, изображающую неаполитанскій флотъ. Въ честь его явилось въ Неаполѣ множество импровизацій. Въ Римѣ, на художественной выставкѣ, картины Гайвазовскаго признаны первыми. «Неаполитанская ночь», «Буря» и «Хаосъ» надѣлали столько шуму въ столицѣ изящныхъ искусствъ, что залы вельможъ, общественныя сборища и притоны (sic) артистовъ огласились славою новороссійскаго пейзажиста; газеты гремѣли ему восторженными похвалами и всѣ единодушно говорили и писали, что до Гайвазовскаго никто еще не изображалъ такъ вѣрно и живо свѣта, воздуха и воды. Папа [2]) купилъ картину его «Хаосъ» и поставилъ ее въ Ватиканѣ, куда удостоиваются быть помѣщенными исключительно произведенія первѣйшихъ въ мірѣ художниковъ [3]). Изображеніе «Хаоса», по общему мнѣнію, отличается новою идеею и признано чудомъ искусства. Любопытно было-бы получить описаніе этой картины, чтобы судить до какой степени нашъ художникъ умѣлъ воспользоваться этой смутною и грандіозною идеею. Его святѣйшество пожелалъ непремѣнно видѣть Гайвазовскаго; видѣлъ его и въ знакъ отличнаго своего благоволенія пожаловалъ золотую медаль. Посланники: французскій—дюкъ-де-Монтебелло и нашъ — графъ Гурьевъ купили у Гайвазовскаго картины и богато заплатили за нихъ.

Считаемъ не лишнимъ пополнить эту рецензію по воспоминаніямъ самого Ивана Константиновича.

При изображеніи «Хаоса» онъ руководствовалъ фантазію художественную словами бытописца: «земля же была безвидна и пуста и тьма надъ бездною; и Духъ божій носился надъ водою» (Кн. Бытія, гл. 1, ст. 2). Мрачное смѣшеніе стихій озаряетъ комета, которая, при пристальномъ на нее взглядѣ, являетъ въ себѣ очертаніе божественнаго облика Саваоѳа. До представленія картины папѣ Григорію XVI она была съ глубочайшимъ вниманіемъ осмотрѣна многими прелатами и кардиналами... разумѣется, не безъ тайной мысли строго процензуровать произведеніе русскаго художника. Но и клерикальные ценсоры, при ихъ инквизиторской точкѣ зрѣнія, были очарованы картиною Айвазовскаго, точно

---

[1]) Фердинандъ II Карлъ (род. 12-го января 1810 года) царствовалъ съ 8-го ноября 1830 г. по 22-е мая 1859 года.

[2]) Предмѣстникъ Пія IX—папа Григорій XVI († 1-го іюня 1846 г.) наслѣдовалъ папѣ Пію VIII въ 1831 году.

[3]) Это невѣрно: «Хаосъ» составлялъ собственность папы, а не принадлежалъ къ коллекціи рѣдкихъ картинъ, хранящихся въ Ватиканѣ.

такъ же какъ и самъ Григорій XVI. Когда же былъ поднятъ вопросъ о вознагражденіи художника, то Иванъ Константиновичъ весьма скромно отклонился отъ всякой платы, предлагая «Хаосъ» въ даръ владыкѣ католическаго міра и Рима. Большая золотая медаль была наградою художнику, какъ за его искусство, такъ и за безкорыстіе.

Изъ многихъ сотень поклонниковъ Айвазовскаго въ Неаполѣ и въ Римѣ, самыми восторженными были нѣкто Векки, уроженецъ Рима, богатый неаполитанскій патрицій, и англійскій пейзажистъ Торнеръ. Первый (въ послѣдствіи другъ и адъютантъ Гарибальди), страстный любитель и знатокъ живописи, написалъ о картинахъ Айвазовскаго въ одной изъ неаполитанскихъ газетъ слѣдующій отзывъ:

— Безпристрастно оцѣнивая произведенія Италіи и прочихъ земель, спѣшу извѣстить о присутствіи въ Неаполѣ русскаго живописца морскихъ видовъ, г. Ивана Гайвазовскаго. Получивъ, благодаря своему генію и художественному дарованію, всѣ награды въ Императорской академіи художествъ, гдѣ онъ былъ пансіонеромъ, Гайвазовскій путешествуетъ теперь на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ своемъ искусствѣ; онъ посѣтилъ Венецію, Миланъ, Флоренцію, Римъ и нашъ роскошный Неаполь, внушившій ему болѣе восторга, чѣмъ всѣ другія земли.

Пользуясь дружбою Гайвазовскаго, я посѣтилъ его студію (мастерскую), которую менѣе нежели въ мѣсяцъ онъ обогатилъ пятью картинами. Вдохновенный прелестнымъ цвѣтомъ нашего неба и нашего моря, онъ, въ каждомъ взмахѣ своей кисти, обличаетъ свой восторгъ и свое очарованіе. Игра луннаго свѣта, въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить Неаполь ночью, полна истины и блеска и приводитъ въ такой восторгъ, что наблюдатель, очарованный волшебными переливами красокъ, среди бѣла дня переносится какъ бы въ ночь, смотря какъ луна свѣтитъ на горизонтѣ и, придавая особый оттѣнокъ предметамъ, блещетъ на полосѣ озаряемаго моря. Между картинами, уже оконченными, есть изображеніе бури. Небо тамъ—цѣлая масса мрачныхъ облаковъ; въ остальной части—ужасающіе бѣгуны моря; въ глубинѣ виднѣется только корабль, вполовину закрытый бунтующими волнами и близкій къ крушенію. Художникъ уловилъ это мгновеніе съ такою истиной и съ такою поэзіей, что вчужѣ обдаетъ трепетомъ за участь судна, такъ что, кажется, чувствуешь брызги плещущей воды!

Гайвазовскій пишетъ тогда только, когда вызываетъ его къ тому пламенное его воображеніе; когда въ мысляхъ его, какъ въ сновидѣніи, образуется весь очеркъ задуманной картины: тогда, увѣренный въ эффектѣ своихъ красокъ, онъ набрасываетъ ихъ на холстъ—и картина готова.

Еслибы не препятствовали мнѣ условія этого журнала, я желалъ бы поговорить подробнѣе о прелести этихъ картинъ, теперь же ограничиваюсь тысячами искреннихъ похвалъ даровитому творцу ихъ, который такъ полно соотвѣтствуетъ искусствомъ своей кисти и пылкимъ геніемъ своимъ—надеждѣ, внушенной имъ художеству и своимъ соотечественникамъ.

Торнеръ (о которомъ мы упомянули выше), пейзажистъ-англичанинъ, воспѣлъ картину Айвазовскаго италіанскими стихами—довольно посредственными, но проникнутыми искреннимъ восторгомъ. На картинѣ этой,—говоритъ Торнеръ,—вижу: «луну съ ея золотомъ и серебромъ, стоящую надъ моремъ и въ немъ отражающуюся... Поверхность моря, на которую легкій вѣтерокъ нагоняетъ трепетную зыбь, кажется полемъ искоровъ, или множествомъ металлическихъ блестокъ на мантіи великаго царя!.. Прости мнѣ, великій художникъ, если я ошибся (принявъ картину за дѣйствительность), но работа твоя очаровала меня и восторгъ овладѣлъ мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновлялъ геній!» [1]).

[1]) Для читателей, знакомыхъ съ италіанскимъ языкомъ, приводимъ стихотвореніе Торнера въ подлинникѣ:

Come tenda che si lieva
E si ferma alla metà
Come duol che mezzo allieva
La speranza di piacer;
Si la notte il cielo abbruma
Della placida città
Ed il raggio della luna
Ne rischiara ogni sentier!
Dalla via ch'a Margellina
Sta sa dosso a cavalier,
Guarda tutta la marina
Ed un sogno ti parra:
Quelle case, quel Vulcano,
Taciturne quel pensier
Distuanno un senso arcano
Che anchó il dì non cacciera!
Quella luna d'oro e argento
Sopra il mar' si specchia e stà,
Onde il mar' ch'un leggier vento
Va incessando innanzi a té
Sembre un campo di scintille
Che la spuma accende e va,
O metalliche faville
Sopra il manto d' un gran' rè...
Ma di giorno che raggiona

Стихотворенія, посвящаемыя русскому художнику, были, такъ сказать, данью,—приносимою живописи поэзіею; но не оставалась въ долгу и проза. Вспоминая о времени пребыванія своего въ Италіи, Иванъ Константиновичъ разсказалъ забавный эпизодъ о вознагражденіи его за написанную имъ картину—не лаврами, не золотомъ—а превосходными произведеніями колбаснаго мастерства.

— «Въ Венеціи познакомился со мною одинъ маркизъ, восхищавшійся моими картинами и осыпавшій ихъ самыми восторженными похвалами. Отъ похвалъ маркизъ перешелъ къ прозрачнымъ намекамъ на страстную любовь къ живописи его брата, имѣвшаго богатую колбасную фабрику въ Болоньи. «Еслибы онъ осмѣлился предложить вамъ,—сказалъ наконецъ маркизъ,—за картину вашей работы что-либо изъ своихъ издѣлій»....

— Почему-же и нѣтъ?—отвѣчалъ я смѣясь,—я очень люблю ветчину, колбасы и сосиськи, особенно болонскаго произведенія!..

— «Per Baccho!—воскликнулъ маркизъ,—стало быть, вы не отказываетесь порадовать моего брата?»

Я написалъ въ тотъ же день небольшую картину, которую маркизъ переслалъ своему брату въ Болонью. Черезъ нѣсколько времени, благодарный колбасникъ прислалъ мнѣ огромный запасъ всякаго рода своихъ издѣлій, дѣйствительно превосходныхъ. Не знаю—обмѣнивался ли еще болонскій фабрикантъ своими произведеніями съ кѣмъ-либо изъ художниковъ».

Изъ Рима, въ 1842-мъ году, Айвазовскій на время отправился въ Венецію. Здѣсь выставилъ онъ картину «Шквалъ на Средиземномъ морѣ въ виду неаполитанскаго мола», по поводу которой въ журналѣ «Il Voglio» (1842 г., № 34) сказано было, что по одному этому образцу можно признать въ русскомъ художникѣ несомнѣнную геніальность. Не менѣе «Шквала» возбудила всеобщее восхищеніе написанная Айвазовскимъ въ Венеціи «Лунная ночь». Эту картину художникъ подарилъ монастырю св. Лазаря (San Lazzaro), въ которомъ воспитывался старшій братъ его

Quella luna è bassa ognor!
Somma artista, mi perdona
Se un artista s' ingannó!..
Nel delizio della mente
Mi sedusse il tuo lavor
L' arte tua ben' e potente
Perche il genio t' inspiró!..

Гавріилъ. Вотъ нѣкоторыя біографическія подробности о почтенномъ іерархѣ, сообщенныя Иваномъ Константиновичемъ.

«Старшій братъ мой Гавріилъ родился въ 1813-мъ году. Въ армянскій монастырь св. Лазаря онъ былъ опредѣленъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, однимъ армяниномъ-уніатомъ, хорошимъ знакомымъ нашего отца, который, по неимѣнію средствъ, не могъ дать брату моему воспитанія, соотвѣтствовавшаго его способностямъ. Въ Венеціи Гавріилъ пробылъ 25 лѣтъ, вступилъ въ монашество и прилежно занимался восточными языками, богословіемъ и исторіею. Въ бытность свою въ монастырѣ онъ перевелъ исторію Россіи на турецкій, а исторію Турціи—на армянскій языкъ. Въ 1849-мъ году онъ удостоенъ степени доктора въ Парижской уніато-католической академіи. Въ Парижѣ продолжалъ издавать журналъ, начатый имъ еще въ Венеціи, на армянскомъ и французскомъ языкахъ. Духъ журнала былъ враждебенъ ультрамонтанамъ; Гавріилъ былъ ревностнымъ защитникомъ армянской народности и обрядовъ восточныхъ, отстаивая ихъ отъ происковъ пропагандистовъ-католиковъ, въ особенности—іезуитовъ. Эта борьба, въ которой Гавріилъ озощрялъ всѣ силы ума, истощалъ богатѣйшій запасъ долговременныхъ научныхъ изслѣдованій и убѣдительнѣйшихъ доводовъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ,—не могла, разумѣется, окончиться въ пользу армянъ-грегоріанцевъ. Не довольствуясь ожесточенною полемикою, ультрамонтаны прибѣгнули къ обычному ихъ оружію—извѣтамъ и доносамъ. Они съумѣли выставить Гавріила въ глазахъ папы Пія IX какъ человѣка злонамѣреннаго, колеблящаго самую власть папы надъ армянами-католиками, а потому и не терпимаго во главѣ духовной академіи въ Парижѣ. Въ 1857 году папа сдѣлалъ монастырю св. Лазаря строгое замѣчаніе объ избраніи на этотъ постъ человѣка недостойнаго,—съ приказаніемъ смѣнить его. На послѣднее лазариты не могли рѣшиться, но въ угоду Пію IX старались убѣдить Гавріила измѣнить своимъ убѣжденіямъ и писать въ защиту католицизма. Гавріилъ и вѣрные сподвижники его, Хоренъ и Саркизъ, отвѣчали, что скорѣе готовы отложиться отъ римской церкви, нежели измѣнять правому дѣлу. Какъ-бы то ни было, но ультрамонтаны цѣли своей достигли: Гавріилъ оставилъ каѳедру парижской академіи и жилъ въ столицѣ Франціи внѣ дѣлъ. Въ бытность мою (Ивана Константино-

вича) въ Парижѣ, въ 1858-мъ году, я предложилъ брату вмѣстѣ со мною ѣхать въ Россію. Какъ русскій подданный, проведшій 45 лѣтъ за границею, Гавріилъ выразилъ опасеніе – будетъ-ли онъ принятъ въ имперіи; но утвердительный отвѣтъ графа Киселева, тогдашняго нашего посланника въ Парижѣ, и самыя ободрительныя обѣщанія содѣйствія Ивана Матвѣевича (въ послѣдствіи графа) Толстаго разсѣяли тревожныя опасенія брата: онъ поѣхалъ со мною. Въ Константинополѣ, который я посѣтилъ проѣздомъ, тамошніе армяне предложили Гавріилу званіе попечителя всѣхъ учебныхъ заведеній, съ жалованьемъ въ 25.000 франковъ. Братъ былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, предлагаемое ему попечительство вполнѣ согласовалось съ его способностями и характеромъ его ученой дѣятельности; съ другой — вниманіе къ нему двухъ нашихъ сановниковъ, послѣ котораго возвращеніе въ Россію казалось ему почти обязательнымъ. Гавріилъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, отвѣчалъ константинопольскимъ армянамъ, что приметъ ихъ предложеніе въ такомъ только случаѣ, если ему, по прибытіи въ Россію, не удастся занять должности, въ которой онъ можетъ быть существенно полезенъ своимъ единовѣрцамъ и государству.

«По пріѣздѣ нашемъ въ Россію, братъ, милостиво принятый Государемъ Императоромъ, былъ назначенъ управляющимъ Херсонскою эпархіею. Разсказъ о дальнѣйшей служебной его дѣятельности уже не входитъ въ кругъ личныхъ моихъ воспоминаній. Возвращаясь къ нимъ—и именно къ пребыванію моему въ Венеціи въ 1842-мъ году, я принужденъ сдѣлать рѣзкій переходъ—отъ лица духовнаго званія къ эпизодическому разсказу изъ быта чисто житейскаго.

«Осенью 1842 года, я долженъ былъ ѣхать на выставку, въ Парижъ. Зайдя въ Генуѣ въ контору дилижансовъ, я встрѣтилъ тамъ очень красивую молодую даму, лицо которой показалось мнѣ какъ будто знакомымъ. Всматриваясь, я вспомнилъ, что видѣлъ эту даму въ Римѣ, во время карнавала. Тутъ-же, въ конторѣ дилижансовъ, узналъ я, что дама эта — австрійская полька, графиня П—цкая. Она, точно также какъ и я, ѣхала въ Миланъ и, совершенно случайно, намъ пришлось ѣхать въ одномъ отдѣленіи дилижанса. Третьимъ попутчикомъ былъ какой-то французскій педагогъ. Дорогою, графиня (очень любезная и умная собе-

сѣдница) завела рѣчь о политикѣ и, какъ истая полька, не слишкомъ-то сочувственно отзывалась о насъ, русскихъ, и тѣмъ рѣзче была въ своихъ сужденіяхъ, что не знала къ какой націи принадлежу я. Французъ, какъ и слѣдовало ожидать, держалъ ея сторону, и мнѣ пришлось отстаивать родину отъ яростныхъ нападокъ двухъ ея враговъ, болѣе говорливыхъ, нежели послѣдовательныхъ и разсудительныхъ въ ихъ нападкахъ на Россію. Пріѣхали мы въ Миланъ; французъ исчезъ, а спутница моя весьма любезно спросила меня, въ какой гостинницѣ я намѣренъ остановиться? Я сказалъ и она заняла себѣ помѣщеніе въ ней-же, этажемъ выше или ниже. На слѣдующій день графиня чрезъ прислужника пригласила меня къ себѣ на утренній кофе. Послѣ завтрака мы отправились осматривать Миланскій соборъ, въ которомъ она своею красотой обратила на себя вниманіе весьма многихъ бывшихъ тутъ италіанцевъ и иностранныхъ туристовъ. Послѣ осмотра собора графиня очень любезно пригласила меня отобѣдать съ нею. «Отъ хлѣба-соли грѣхъ отказываться»—я принялъ приглашеніе. Имѣя, по видимому, намѣреніе записать меня въ свои чичисбеи или cavalierc-servente, ея сіятельство пригласила меня и на послѣ-обѣда сопутствовать ей на гулянье, въ наемной коляскѣ... И это можно, подумалъ я. Часа два—три промелькнули на гуляньи незамѣтно; затѣмъ графиня распростилась со мною и въ тотъ-же вечеръ отправилась въ Вѣну, а я, дня черезъ два—въ Парижъ, гдѣ нашелъ моего римскаго пріятеля Векки, который съ удовольствіемъ согласился быть моимъ путеводителемъ въ столицѣ Европы. Гуляя съ нимъ по какому-то бульвару, я встрѣтилъ общаго нашего знакомаго, поляка Т—цкаго, съ которымъ довольно часто вмѣстѣ обѣдывали въ Неаполѣ. Тамъ Т—цкій былъ со мною очень ласковъ и разговорчивъ; здѣсь-же, въ Парижѣ, не отвѣтилъ на мой поклонъ.

— Что̀ съ нимъ сдѣлалось? спросилъ я Векки.

— Онъ сердитъ на васъ,—смѣясь отвѣчалъ италіанецъ,—и намѣренъ сдѣлать вамъ вызовъ на дуэль.

— За что, про что?

— Богъ вѣсть, отъ кого онъ узналъ, что вы увезли изъ Генуи въ Парижъ ту самую женщину, за которою онъ уже нѣсколько лѣтъ ухаживаетъ, для которой нарочно ѣздилъ въ Италію. Да, онъ серьезно думаетъ о дуэли, но не знаетъ какъ приступить...

«Ревность польскаго Отелло разсмѣшила меня до слезъ. На другой-же день, встрѣтивъ Т—цкаго въ кафе, я ласково спросилъ его о причинѣ негодованія на меня. Полякъ прямо отвѣчалъ, что я увезъ П—цкую въ Парижъ. Убѣдить его въ заблужденіи было мнѣ тѣмъ легче, что въ Парижѣ я остановился въ одной гостинницѣ съ Векки, а съ графиней доѣхалъ въ дилижансѣ лишь изъ Генуи до Милана. Т—цкій обрадовался и успокоился; мы съ Векки отъ души посмѣялись комической развязкѣ этого романическаго, невиннаго приключенія—единственнаго за все время пребыванія моего за границею. Пламенная любовь моя къ искусству охраняла меня отъ всякихъ искушеній».

VI.

Выставка въ Луврѣ.—Путешествіе въ Англію и въ Португалію.—Испанія.—Бомбардировка Барцелоны.—Статья парижской газеты.—Отъѣздъ въ Россію.—Опрятная домохозяйка.

1843—1844.

Изъ картинъ Ивана Константиновича, въ Парижѣ, въ 1843 году, выставлены были: «Море въ тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанскаго залива» («Островъ Капри») и «Буря у береговъ Абхазіи» съ изображеніемъ русскаго корабля, останавливающаго черкесскую кочерму.

При всемъ пристрастіи къ своимъ отечественнымъ талантамъ, при свойствѣ ихъ національнаго характера—свое, родное считать за образецъ изящнѣйшимъ иноземнымъ произведеніямъ—парижане съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись къ произведеніямъ русскаго художника. Французскія газеты—эти чуткіе отголоски общественнаго мнѣнія, осыпали ихъ восторженными похвалами; ни одна изъ газетъ не дозволила себѣ даже и самаго прозрачнаго намека на то, что Айвазовскій, девять лѣтъ тому назадъ, «числился» ученикомъ Таннера; ни одинъ рецензентъ, ради умаленія достоинствъ русскаго мариниста, не упомянулъ о знаменитомъ въ то время французскомъ пейзажистѣ Гране. Предъ картинами Айвазовскаго толпились многія тысячи любопытныхъ зрителей: онъ былъ единственнымъ представителемъ русской живописи на выставкѣ въ Луврѣ. Присужденная Айвазовскому французскимъ институтомъ золотая медаль 3-го класса была достойною и справедливою ему наградою.

Въ бытность свою въ Парижѣ Иванъ Константиновичъ пользовался самымъ любезнымъ вниманіемъ тогдашняго нашего посланника графа Киселева и проживавшихъ въ Парижѣ: княгини Голицыной, графовъ Гейдена, Баранова и мн. др. Изъ французскихъ художниковъ Гране и Орасъ Верне оказывали Айвазовскому особенную ласку и расположеніе.

Изъ Парижа художникъ нашъ отправился въ Англію, откуда на пароходѣ поѣхалъ въ Португалію и Испанію. Плаваніе по Атлантическому океану обогатило запасъ впечатлѣній Айвазовскаго новыми данными, въ послѣдствіи послужившими ему сюжетами для многихъ картинъ. Посѣтивъ Лиссабонъ, Мадритъ, Гренаду, Севилью, Малагу, Кадиксъ и Гибралтаръ, Иванъ Константиновичъ написалъ множество эскизовъ. Испанія, для насъ, русскихъ, была тогда чѣмъ-то въ родѣ страны невѣдомой; посѣщали ее весьма не многіе. Изъ именъ соотечественниковъ своихъ Иванъ Константиновичъ встрѣтилъ въ гостинницѣ, въ Гренадѣ, въ книгѣ путешественниковъ, имена: князя Дмитрія Ивановича Долгорукова и братьевъ Петра и Платона Чихачевыхъ.

По собственнымъ разсказамъ нашего художника, его путь отъ береговъ Англіи до Испаніи обошелся не безъ приключеній.

«Въ Бискайской бухтѣ (припоминаетъ Иванъ Константиновичъ) пароходъ нашъ выдержалъ жестокую бурю; капитанъ нашелся вынужденнымъ пожертвовать мачтами; дымовую трубу сильно повредило и пароходъ съ великимъ трудомъ достигъ Лиссабонской гавани. Страхъ не подавилъ во мнѣ способности воспринять и сохранить въ памяти впечатлѣніе, произведенное на меня бурею, какъ дивною, живою картиною. Слухъ о штормѣ, которому подвергся нашъ пароходъ—съ необыкновенною быстротою и неизбѣжными прикрасами распространился по континенту: досужіе вѣстовщики въ списокъ небывалыхъ жертвъ, будто-бы погибшихъ въ волнахъ, включили и мое имя. Этой напраслиной ловко воспользовался парижскій продавецъ картинъ Дюранъ-Рюэлль (Durand Ruelle), у котораго были оставлены мною на коммисію двѣ мои картины: онъ, поддерживая слухъ о моей гибели, продалъ ихъ со значительнымъ барышомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, по прибытіи моемъ въ Парижъ, самъ Дюранъ Рюэлль разсказывалъ мнѣ объ этомъ, смѣясь своей находчивости и умѣнью ажіотировать.

«Другое приключеніе въ бытность мою въ Испаніи было нѣсколько романическаго свойства.

«Тогдашніе пути сообщенія въ Испаніи отличались патріархальною простотой, о желѣзныхъ дорогахъ еще не было и помину; сообщенія между городами поддерживались въ наемныхъ колясках, каретахъ, «корриколахъ» (родъ крытыхъ линеекъ, какъ въ Неаполѣ), а въ иныхъ, горныхъ мѣстностяхъ—на мулахъ и на ослахъ. Изъ Гренады въ Малагу я поѣхалъ на долгихъ, въ колясkѣ, нанятой пополамъ съ однимъ испанскимъ купцомъ. Дорога по горному хребту Альпухаррасъ была очень скучна и утомительна. Плетясь шагомъ, мы были настигнуты обозомъ на волахъ, нагруженнымъ какими-то путниками обоего пола съ дѣтьми. Обозъ сопровождали три вооруженные человѣка, довольно мрачной наружности. При первомъ-же взглядѣ на нихъ, мнѣ пришла мысль о бандитахъ, которая почти перешла въ убѣжденіе, когда одинъ изъ этихъ молодцовъ безъ церемоніи взобрался на козлы нашей коляски, а двое другихъ пошли по бокамъ ея, съ улыбкою поглядывая на меня и моего спутника.

— Это бандиты? шепнулъ я ему по италіански.

«Пожавъ меня за локоть, онъ съ улыбкою покачалъ головою.

— Однако, зачѣмъ-же они пристали къ намъ?

— Такъ, — отвѣчалъ испанецъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.—Но вы не тревожьтесь—это не бандиты!

«Успокоительнымъ рѣчамъ моего попутчика рѣзко противорѣчили пистолеты и широкіе ножи за поясами этихъ горныхъ «махо» (щеголей). Сидѣвшій на козлахъ перешептывался съ нашимъ возницею, а послѣдній тихонько вручилъ ему нѣсколько серебряныхъ таллеровъ. Желая поддержать любезныя отношенія наши съ непрошенными спутниками, я было взялся за кошелекъ, но товарищъ остановилъ меня.

— Не дѣлайте этого, не нужно!

— Да что-же это за люди? Бандиты?

— Говорю вамъ, что нѣтъ.

«Такъ мы проѣхали нѣсколько времени; наконецъ, сидѣвшій на козлахъ соскочилъ на землю и сдѣлалъ знакъ одному изъ своихъ товарищей. Тотъ перелѣзъ черезъ плетень, окаймлявшій въ этомъ мѣстѣ дорогу, и, черезъ нѣсколько минутъ, принесъ намъ и подалъ съ весьма любезною улыбкой нѣсколько кистей превос-

ходнаго винограда. Я хотѣлъ отблагодарить за этотъ гостинецъ деньгами, но и на этотъ разъ спутникъ мой шепнулъ, что не надо.

«Это было на зарѣ, не доѣзжая спуска съ горы на долину, въ которой бѣлѣлся городъ. Ласково раскланившись съ нами, наши конвойные отъ насъ отстали. По пріѣздѣ въ Малагу, я пригласилъ моего попутчика отобѣдать со мною, и здѣсь-то, войдя въ столовую, онъ съ веселой улыбкой объявилъ мнѣ, что я въ догадкахъ моихъ не ошибся и что насъ, дѣйствительно, сопровождали бандиты.

— Однако, они у васъ очень миролюбивые! замѣтилъ я.

— Если хотите—да; они, какъ видите, не грабятъ, не убиваютъ путешественниковъ, но пользуются поборами съ извощиковъ. Нашъ заплатилъ имъ извѣстную сумму и мы разстались дружелюбно. Дѣло могло принять дурной оборотъ, если бы извощикъ заупрямился.... но этого не случается. Прямая выгода извощика отдѣлаться нѣсколькими эскудо, нежели подвергать опасности своихъ сѣдоковъ и вредить своей репутаціи: извощикъ, допустившій ограбить сѣдока, дѣлается сказкою всего околодка и ни одинъ трактирщикъ уже не рекомендуетъ его путешественникамъ. Правительство наше подобныхъ продѣлокъ не преслѣдуетъ и весьма умно дѣлаетъ. Поборъ, собираемый бандитами,—нѣчто въ родѣ шоссейнаго или заставнаго сбора.

«Честь и слава великодушію испанскихъ бандитовъ: волки сыты и овцы цѣлы!»

Третій случай, бывшій съ Иваномъ Константиновичемъ въ Испаніи, также довольно любопытенъ. Художнику нашему послѣ бури на морѣ, послѣ сопутствія бандитовъ, довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ бури политической, которая не грозила ему ни малѣйшею опасностью, но дала лишь возможность убѣдиться, что талантливый художникъ, какъ космополитъ, пользуется правами уваженія и неприкосновенности даже въ минуты сильнѣйшаго волненія народныхъ страстей.

Во время плаванія изъ Гибралтара въ Барцелону, въ числѣ различныхъ пассажировъ на пароходѣ находился одинъ приверженецъ Эспартеро, родомъ швейцарецъ, старый генералъ, съ молоденькою дочерью. Въ день мытья палубы, пароходный юнга нечаянно замочилъ ноги генеральской дочери. Отецъ поднялъ шумъ и съ бранью накинулся на неловкаго малаго, который весьма

основательно замѣтилъ, что генералу и дочери его, во время мытья палубы, удобнѣе было бы находиться въ каютѣ. Генералъ отвѣтилъ грубостями. Капитанъ (испанецъ) угомонилъ задорнаго пассажира угрозою высадить его на берегъ, если онъ не перестанетъ хозяйничать на чужомъ пароходѣ. Угроза эта была тѣмъ внушительнѣе, что надъ Барцелоною, занятою королевскими войсками, взвивались бомбы, бросаемыя на городъ стоявшими подъ его стѣнами инсургентами. Гулъ канонады явственно доносился до слуха путешественниковъ. Намѣреваясь самъ посѣтить берегъ, капитанъ предложилъ Айвазовскому—не желаетъ-ли онъ быть его спутникомъ.

«Это любезное предложеніе (разсказываетъ Иванъ Константиновичъ) въ первую минуту не слишкомъ-то мнѣ понравилось и прогулка подъ выстрѣлами была далеко не привлекательна. «Вамъ опасаться нечего,—возразилъ капитанъ,—вы русскій художникъ и особа ваша неприкосновенна!» Захвативъ съ собою портфель, я сошелъ въ лодку, спущенную съ парохода, и мы съ капитаномъ поплыли къ берегу. Здѣсь встрѣтила насъ толпа вооруженныхъ карлистовъ, полагавшихъ, что на пароходѣ находятся ихъ единомышленники, но капитанъ отвѣчалъ, что пароходъ коммерческій, а онъ самъ и я, его спутникъ,—люди, не имѣющіе ничего общаго ни съ карлистами, ни съ христиносами. Этотъ отвѣтъ нимало не охладилъ радушіе инсургентовъ: предложивъ мнѣ стаканъ вина, начальникъ отряда, для личной нашей охраны, далъ мнѣ вооруженнаго проводника. Въ теченіе двухъ часовъ, проведенныхъ нами на берегу, я срисовалъ видъ моря со стоящимъ на якорѣ нашимъ пароходомъ. Положеніе Барцелоны удивило меня: городъ и его окрестности были въ рукахъ инсургентовъ; королевскія войска занимали цитадель. Затѣмъ, возвратясь на пароходъ, мы поплыли въ дальнѣйшій путь, къ берегамъ Италіи; отсюда черезъ нѣсколько времени я отправился на Мальту, по возвращеніи съ которой остался зимовать въ Римѣ. Со времени прибытія моего въ чужіе края до исхода 1843 года мною было написано свыше пятидесяти большихъ картинъ.

«Въ началѣ 1844 года я вторично отправился въ Парижъ, но поѣздка эта была невольною причиной ускоренія возврата моего на родину. Въ одной изъ газетъ, вскорѣ по моемъ пріѣздѣ, была напечатана статья, въ которой какой-то непрошенный добро-

желатель замѣтилъ, что меня привлекли въ столицу Франціи радушіе, ласки и внимательность парижанъ и что я, по видимому, намѣренъ водвориться въ Парижѣ на все время пребыванія моего въ чужихъ краяхъ. Эта выдумка газетнаго фельетониста могла набросить на меня весьма невыгодную тѣнь въ мнѣніи покойнаго государя Николая Павловича. Имѣя предубѣжденіе къ Парижу, признавая исключительно Италію страною усовершенствованія художниковъ, государь могъ въ переселеніи моемъ въ Парижъ видѣть желаніе вести разсѣянный, праздный образъ жизни. Во вторыхъ, по тону газетной статьи можно было заподозрить во мнѣ другое, уже совершенно преступное желаніе—принять французское подданство: примѣръ пѣвца Иванова былъ такъ свѣжъ въ памяти моихъ соотечественниковъ. Для уясненія подобныхъ недоразумѣній, я счелъ долгомъ, въ частномъ письмѣ на имя графа Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго, опровергнуть выдумку французскаго газетчика. На письмо мое графъ отвѣчалъ, что на подобные пустяки не стоитъ обращать вниманія; но что ускореніемъ моего возврата въ Россію я сдѣлаю угодное императору, такъ какъ его величество желаетъ сдѣлать мнѣ нѣсколько заказовъ по моемъ возвращеніи. Эти слова графа Віельгорскаго побудили меня сократить время пребыванія моего за границею на два года. Возвращаясь изъ Франціи чрезъ Нидерланды, я былъ удостоенъ званія члена амстердамской академіи, за картины, мною выставленныя и пріобрѣтенныя покойнымъ королемъ Вильгельмомъ II, супругомъ великой княгини Анны Павловны [1]).

«Осенью 1844 года я уже былъ въ Петербургѣ.

«Къ массѣ впечатлѣній, сохранившихся въ моей памяти за четырехлѣтній періодъ пребыванія моего за границею, примѣшивалось, конечно, отрадное сознаніе въ томъ, что не безплодно прошли для меня эти счастливѣйшіе годы молодости; что я, по мѣрѣ силъ моихъ и способностей, оправдалъ монаршую ко мнѣ милость и тѣ ожиданія, которыя на меня возлагали соотечественники. Римъ, Неаполь, Венеція, Парижъ, Лондонъ и Амстердамъ удостоили меня самымъ лестнымъ поощреніемъ и внутренно я не могъ не гордиться моими успѣхами въ чужихъ краяхъ, предвкушая

---

[1]) Король нидерландскій Вильгельмъ II родился 6-го декабря 1792, † 17-го марта 1849 года.

сочувственный пріемъ и на родинѣ. Я чуждъ предразсудковъ; но еслибы на моемъ мѣстѣ былъ человѣкъ болѣе самолюбивый, какъ жестоко поразилъ бы его смѣшной случай, бывшій со мною въ первые же дни возвращенія въ Петербургъ.

«Отправился я искать себѣ квартиры, преимущественно въ центрѣ города и такой, въ которой могъ-бы устроить себѣ удобную мастерскую. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, мнѣ, наконецъ, удалось найти подобную квартиру въ одномъ изъ домовъ Караванной улицы. Рѣшаясь нанять ее, я хотѣлъ уже дать задатокъ дворнику, который спросилъ предварительно—кто я такой, чтобы доложить домовой хозяйкѣ.

— Живописецъ Айвазовскій,—отвѣтилъ я.

— Тэкъ-съ,—угрюмо отозвался дворникъ,—это дѣло неподходящее и, какъ угодно, но фатеры я вамъ сдать не могу.

— Это почему?

— А потому, что хозяйка домовая строго-на-строго запретила пущать въ домъ мастеровыхъ. Еще вчера портному отказала.

— Да я не мастеровой, а живописецъ.

— Понимаемъ мы это,—внушительно отвѣчалъ дворникъ,—а все-же, значитъ, мастеровые, по малярному цеху: фатеру загрязните, такъ что послѣ и не отчистишь. Нѣтъ, ужъ извините, а сдать фатеры не смѣю!—закончилъ строгій блюститель опрятности.

«Пускаться въ объясненія съ хозяйкою я не счелъ нужнымъ, изъ опасенія, чтобы и она не причислила меня къ малярному цеху. Такъ я и не нанялъ себѣ квартиры въ Караванной улицѣ».

VII.

Пребываніе въ Петербургѣ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Поѣздка въ Крымъ и въ Европейскую Турцію.—Плаваніе по Архипелагу и къ берегамъ Малой Азіи.—Дальнѣйшіе успѣхи въ Россіи и за границею.

1844—1847.

По возвращеніи въ Петербургъ, Айвазовскій былъ принятъ государемъ Николаемъ Павловичемъ чрезвычайно милостиво. Картины Ивана Константиновича, бывшія на выставкѣ въ Парижѣ, доставили ему въ Петербургѣ званіе академика и орденъ св. Анны 3-й степени. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ ему написать виды нашихъ первоклассныхъ портовъ и примор-

скихъ городовъ: С.-Петербурга, Петергофа, Ревеля, Свеаборга и Гангеуда. 21-го сентября 1844 года, Айвазовскій былъ удостоенъ званія «живописца главнаго морскаго штаба Е. И. В—ва». Зиму 1844—1845 гг. Айвазовскій провелъ въ Петербургѣ, занимаясь выполненіемъ картинъ, заказанныхъ ему государемъ императоромъ. Высшій кругъ и всѣ классы столичнаго общества относились къ художнику съ живѣйшимъ сочувствіемъ; картины его возбуждали истинный восторгъ какъ въ просвѣщенныхъ знатокахъ, такъ и въ простыхъ любителяхъ живописи.

Весною 1845 года Н. В. Кукольникъ предпринялъ изданіе своей «Иллюстраціи,» удѣливъ въ ея программѣ обширное мѣсто художественной критикѣ. Благодаря статьямъ этого изданія (1845—1846 гг.), мы имѣли возможность прослѣдить неутомимую художественную дѣятельность Ивана Константиновича. Сочувственные отзывы Кукольника о произведеніяхъ нашего талантливаго художника тѣмъ болѣе имѣли значенія, что редакторъ «Иллюстраціи» за десять лѣтъ передъ тѣмъ угадалъ въ Айвазовскомъ задатки великаго его дарованія и предсказалъ ему блестящую будущность. Упомянувъ о Кукольникѣ, не можемъ умолчать о кружкѣ «братіи», который въ 1845 году почти распался. М. И. Глинка былъ за границею; Кукольникъ, занятый своимъ изданіемъ, а К. П. Брюлловъ—работами по Исаакіевскому собору, перестали собираться въ веселые пріятельскіе кружки, одушевляя ихъ остроумными бесѣдами. Раннею весною того-же 1845 года, Иванъ Константиновичъ Айвазовскій (по его собственнымъ словамъ) почувствовалъ непреодолимое влеченіе ѣхать на югъ, на родину. «Это чувство или привычка (говоритъ онъ)—моя вторая натура. Зиму я охотно провожу въ Петербургѣ, работаю, развлекаюсь, дѣля досужее время съ моими добрыми знакомыми; но чуть повѣетъ весной —и на меня нападаетъ тоска по родинѣ: меня тянетъ въ Крымъ, къ Черному морю... Это свойство моей души, или, если хотите, требованіе организма, не разъ вызывало милостивыя замѣчанія со стороны покойнаго государя Николая Павловича. «Ты излѣнишься,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—будешь тамъ сидѣть сложа руки». На отвѣтъ мой, что пребываніе на югѣ не ослабляетъ моего трудолюбія, императоръ съ улыбкою замѣтилъ: «впрочемъ, живи гдѣ хочешь, только пиши и не лѣнись. Ты—по пословицѣ: «сколько волка ни корми, а онъ все въ

лѣсъ глядитъ». Милость и благосклонное ко мнѣ вниманіе императора были для меня велики и останутся навсегда незабвенны. По высочайшей волѣ, мнѣ, когда я писалъ виды морскихъ сраженій, давались всевозможныя пособія отъ адмиралтейства: чертежи кораблей, рисунки оснастки судовъ, вооруженіе и т. д. Для доставленія мнѣ случая видѣть полетъ ядра рикошетомъ по водной поверхности, государь повелѣлъ однажды произвести при мнѣ, въ Кронштадтѣ, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ боевыми зарядами. Для ближайшаго ознакомленія моего съ движеніями военныхъ кораблей во время морскихъ сраженій, государь всемилостивѣйше предложилъ мнѣ однажды присутствовать на морскихъ маневрахъ на Финскомъ заливѣ. Глубоко врѣзались въ мою память эффекты отраженія солнечныхъ лучей въ клубахъ пороховаго дыма, быстро взвивавшихся къ небу, или плавно разстилавшихся по поверхности залива. Помню, какъ государь, осматривая одну изъ оконченныхъ мною картинъ, изволилъ замѣтить, что изображенные на ней волны и всплески отъ ядеръ, падающихъ въ воду, не совсѣмъ согласны съ дѣйствительностью, а потому его величество желалъ-бы, чтобы я сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія. Я позволилъ себѣ отозваться, что предпочитаю, вмѣсто исправленій, написать новую картину. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, строгій блюститель экономіи по министерству двора, поспѣшилъ предупредить меня, что вторую картину я обязанъ написать безъ всякаго за нее вознагражденія... Даже безъ этого предваренія я, конечно, и самъ не упомянулъ бы о вторичной платѣ; но покойный императоръ Николай Павловичъ, съ свойственною ему истинно царскою щедростью, приказалъ выдать мнѣ и за вторую картину точно такое-же вознагражденіе, какъ и за первую. Прибавлю ко всему этому, что обхожденіе Государя со мною всегда отличалось тою обаятельною благосклонностью, съ которою онъ вообще относился къ художникамъ и артистамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЗЫВЪ РОССІИ НА БОРЬБУ СЪ ТУРЦІЕЙ

1684 г.

Обращаю вниманіе читателей «Русской Старины» на весьма рѣдкую брошюру: «Beschreibung des Schau- und lasswürdigen Moscowitischen Hinzugs und Tractements derer bei der. Römisch-Kaiserlichen Gross-Gesandten an die Moskowitischen Zaaren als der Hochwohlgebohrenen Herrn, Herrn von Blumenberg» etc (брошюра эта напечатана въ 1684 г.). Во главѣ посольства, отправленнаго въ 1684 г. римскимъ императоромъ въ Москву, состоялъ баронъ Блюменбергъ (или Блюмбергъ). Произнесенная имъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, по поводу приглашенія царей Іоанна и Петра примкнуть къ союзу противъ Турціи, была сообщена однимъ изъ служившихъ тогда при дворѣ московскихъ царей иностранцевъ его пріятелю въ Гамбургѣ. Сообщаю выдержки изъ этой рѣчи, весьма интересной, особенно въ настоящее время. К. В.

Во второй половинѣ XVII-го столѣтія, въ Европѣ родилась мысль составить коалицію противъ Турціи. Римскій императоръ, одержавъ надъ турками блистательную побѣду, разгромившую ихъ полчища, и желая воспользоваться этою побѣдою, отправилъ къ европейскимъ дворамъ пословъ съ приглашеніемъ образовать союзъ для освобожденія христіанъ отъ жестокаго турецкаго ига. Заключивъ союзъ съ Венгріею и Польшею, римскій императоръ въ началѣ 1684 года отправилъ посольство въ Москву, съ цѣлью убѣдить царей Іоанна и Петра Алексѣевичей принять участіе въ предстоявшей войнѣ съ турками.

Посольство это, во главѣ котораго находились бароны Блюмбергъ и Цировскій, направило свой путь черезъ Польшу. Но, приблизившись къ

русскимъ границамъ, оно встрѣтило такіе глубокіе снѣга, что было принуждено отложить на нѣкоторое время въѣздъ свой въ предѣлы Россіи, и лишь 24-го мая прибыло въ Москву, а 27-го числа имѣло первую аудіенцію у юныхъ царей. Въ этотъ разъ посольство ограничилось лишь поздравительною рѣчью по случаю бракосочетанія царя Іоанна Алексѣевича. Во второй аудіенціи, происходившей два дня спустя, баронъ Блюмбергъ, въ присутствіи обоихъ царей, сказалъ рѣчь, въ которой, изобразивъ въ самыхъ черныхъ краскахъ тогдашнее положеніе Турціи, приглашалъ Москву къ союзу противъ общаго врага христіанства. По окончаніи рѣчи, былъ собранъ совѣтъ изъ семи бояръ, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Васильевича Голицына. На этотъ разъ въ совѣтѣ обсуждались лишь главныя основанія предложеннаго союза. На слѣдующій день происходило новое совѣщаніе, которое однако не привело ни къ какому результату, такъ какъ бояре настаивали на томъ, чтобы прежде присоединенія Россіи къ союзу былъ заключенъ вѣчный миръ съ Польшею, причемъ послѣдняя обязывалась навсегда уступить Россіи Смоленскъ и Кіевъ.

На совѣщаніи, происходившемъ 3-го іюля, со стороны бояръ была сдѣлана уступка и вступленіе Россіи въ союзъ противъ Турціи обусловливалось лишь заключеніемъ мира съ Польшею, при чемъ Москва обязывалась отправить войско противъ крымскихъ татаръ, съ цѣлью отнять у послѣднихъ возможность оказать помощь Турціи, въ случаѣ нападенія на нее со стороны другихъ государствъ Европы.

7-го іюня происходила послѣдняя и прощальная аудіенція австрійскихъ дипломатовъ, на которой посламъ было положительно объявлено, что Москва готова вступить въ союзъ, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы Польша уступила Кіевъ и затѣмъ заключила съ Московскимъ государствомъ прочный миръ. Посланники остались этимъ совершенно довольны, расчитывая, что вліяніе папы подвинетъ Польшу удовлетворить требованіямъ московскихъ царей.

Рѣчь, произнесенная барономъ Блюмбергомъ, замѣчательна тѣмъ, что она даетъ ясное понятіе о томъ, какъ Европа смотрѣла въ то время на положеніе Турціи. Негодуя на турокъ, представитель Австріи употреблялъ выраженія, поражающія своею мѣткостью, хотя выраженія эти, быть можетъ, и не обычны въ правилахъ дипломатическаго краснорѣчія. Чрезвычайно интересно ознакомиться съ содержаніемъ этой рѣчи. Коснувшись восточнаго вопроса и представивъ въ живыхъ краскахъ тогдашнее положеніе Турціи, баронъ Блюмбергъ уподобилъ положеніе этого государства состоянію «неизлечимо больнаго человѣка»,—выраженіе, которое въ XIX-мъ вѣкѣ западная туркофильская печать постоянно приписывала и приписываетъ русской дипломатіи.

Вотъ какъ описываетъ тогдашнее состояніе Турціи австрійскій дипломатъ, приглашая Москву стать противъ поработителей христіанства.

«Нынѣ,—говоритъ онъ,—настало самое удобное время для выполненія желанной цѣли. Швеція находится въ состояніи полнѣйшаго мира. Польша, вслѣдствіе заключеннаго перемирія, совершенно спокойна и безопасна; мертвенное лицо Оттоманской имперіи и ея полное безсиліе, присущее лишь тѣлу, обреченному къ смерти, и въ скоромъ времени долженствующее превратиться въ трупъ, суть предвѣстники полнаго разложенія.

«Пораженіемъ при Вѣнѣ она лишилась силы и могущества; овладѣвшій ею страхъ уничтожилъ въ ней бодрость; быстрота постыднаго бѣгства въ конецъ сломила ее; для нея насталъ часъ гибели и разрушенія. Съ разбитіемъ при Баракань ея лучшихъ войскъ исчезла и ея сила. Пучины Дуная поглотили ея крѣпкія кости и мозги; что же осталось? Мясо безъ костей, тѣло безъ души, голова безъ разума. Обѣ руки, изъ которыхъ одну образовали моравы, кроаты и албанцы, а другую Молдавія и Валахія, отрублены венеціанцами и сарматами [1]). Турція подавлена собственною тяжестью и силится освободиться, не безъ потрясенія своего внутренняго организма, отъ всего, что отягощаетъ ея желудокъ, переполненный множествомъ властей, нагруженныхъ накраденными богатствами страны. Теперь представляется удобный случай проложить путь къ водамъ Евксинскаго моря. Преграды на пути не большія, на воротахъ виситъ мало крѣпкихъ запоровъ. Еще меньшія преграды представляетъ дорога къ Меотійскому болоту и Черному морю, а Красное море съ нетерпѣніемъ жаждетъ обнять васъ съ распростертыми руками. Вся Греція и Азія ожидаютъ васъ. Насталъ часъ идти въ Крымъ, куда до сихъ поръ путь представлялъ вамъ столько затрудненій. Крымскихъ татаръ, отъ хищническихъ набѣговъ которыхъ страдали всѣ народы, должно заставить уважать вашу державу. Долго ли еще они будутъ злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ! На зубастаго волка надо наложить намордникъ, чтобы не кусалъ. Чигиринъ вашъ уже проглоченъ, Азовъ опустошенъ, и теперь онъ жаждетъ только добраться до вашихъ низовьевъ. Берите—дабы у васъ не взяли. Турокъ хватается то одною рукою за востокъ, то другою за западъ, не вѣдая гдѣ должно закрѣпить блескъ его далеко распространившагося могущества. Если бы небу вздумалось придать его тѣлу величину, равную его алчности, то весь міръ не въ состояніи былъ бы обхватить это чудовище. Послѣ войны съ венграми оно безчестно напало на Кандію, не успѣло еще переварить ее, какъ уже бросилось на Подолію; едва оно покончило съ нею, какъ разгромило не малую часть вашихъ земель; не истекъ еще срокъ перемирія, какъ оно опустошило мечомъ и огнемъ плодородную Панонію и цвѣтущую Австрію. Наконецъ, настала пора затмить его блескъ и разрушить кумиръ его могущества. Свѣтъ полулунія уже погасъ передъ солнцемъ Леопольда. Анаграмма луны

[1]) Поляками.

(luna)—ульна (ulna) [1]); такъ какъ въ настоящее время существуетъ только половина луны, то ее и легче измѣрить. Полулуніе незнакомо съ затмѣніями, но для луны существуетъ полное исчезновеніе. Уменьшите эту половину и отрѣзанною частью пополните то, что принадлежитъ уже вамъ. Приступайте же, протяните ваши могучія длани, и оттоманскому чудовищу придется ограничиться пядью земли въ полъ-локтя. Льдина уже треснула. Левъ уже готовится въ пищу орламъ, султановъ мечъ притупился. Увѣряю васъ, что теперешній султанъ—старая баба, не знающая прясть, а умѣющая только плакать [2]). Сломите же Турцію вашими могучими руками. Мечъ вашъ откроетъ путь къ обладанію обширными землями».

Эти слова австрійскаго дипломата доказываютъ, что придаваемое Турціи названіе больнаго человѣка существовало уже 200 лѣтъ тому назадъ и что выраженіе это, въ послѣднее время постоянно приписываемое русскому правительству, принадлежитъ австрійской дипломатіи, и было употреблено ея представителемъ въ Москвѣ въ то именно время, когда Россія въ первый разъ должна была принять участіе въ политическихъ дѣлахъ Европы.

Сообщ. К. А. **Висковатовъ.**

---

[1]) Ulna, по латыни—локоть.

[2]) Не умѣетъ затыкать прорѣхи и ихъ исправлять, а можетъ только оплакивать ихъ.

ОВЛАДѢНІЕ ДАРДАНЕЛЛАМИ

въ 1783 г.

I.

Представленіе адмирала Самуила Грейга.

Всемилостивѣйшая Государыня! На разные члены, каковые ваше императорское величество всемилостивѣйше благоволили мнѣ поручить и требовать мои мысли и изъясненіи на оные,—на 6-й членъ я упомянулъ, что главнымъ предметомъ морскаго вооруженія долженствуетъ быть завладѣніе Дарданелловъ и открытіе пути къ самому Царю-Граду.

При семъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь положить предъ стопы вашего императорскаго величества планы расположенія Дарданелльскаго пролива, съ изображаемыми на ономъ крѣпостями [1]).

Осмѣливаюсь еще приложить нѣкоторыя свои скудныя размышленія о произведеніи приступа на сіи крѣпости; исповѣдуя слабость моего знанія въ сихъ дѣйствіяхъ, которыя единственно относятся къ искусству сухопутныхъ генераловъ: но какъ дѣйствія сухопутныхъ войскъ, при семъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ будутъ сопряжены съ дѣйствіями флота, и по извѣстности мнѣ положеній сихъ мѣстъ, я отважился изъяснить свои скудныя мысли, которыя только могутъ служить въ нѣкоторую помощь ихъ дальнымъ разсужденіямъ. Планы Дарданелльскихъ крѣпостей сняты были инженернымъ офицеромъ, барономъ Паленомъ, по заключеніи мира; и, по его искусству, я надѣюсь, что оные довольно сходны.

---

[1]) Плановъ этихъ у насъ не имѣется. Ред.

Припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, Всемилостивѣйшая Государыня! вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и вѣрнѣйшій рабъ Самуелъ Грейгъ.

Кронштадтъ.
Февраля 16-го дня 1783 г.

II.

Размышленія ко овладѣнію Дарданелльскими крѣпостями.

Полагая число сухопутныхъ войскъ какъ въ прежнихъ листахъ означено, т. е. 4,000 сухопутныхъ войскъ, 500 кирасиръ, 500 артиллерійскихъ и 5,000 нерегулярныхъ. По прибытіи всего вооруженія противу Дарданеллъ, оставляя нѣсколько легкихъ фрегатовъ и катеровъ курсировать между сѣверными Дарданеллами и островомъ Эмбросъ, для примѣчанія и доставленія заблаговременнаго извѣстія главному командиру, ежели непріятельскій флотъ отважится выйти изъ Дарданеллъ. Прочему вооруженію идти на сѣверную сторону Дарданеллъ, высадить весь дессантъ, подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей, на способнѣйшее мѣсто, которое найдено быть можетъ вблизи крѣпости, и немедленно стараться произвесть внезапное нападеніе и овладѣть крѣпостію Молдавиджи-паша (означенною въ планахъ литерою А [1]). Сей приступъ учинить должно или эскаладами, или пробитіемъ воротъ петардами, или посаженіемъ минёровъ въ углахъ обоихъ сѣверныхъ бастіоновъ, подъ защитою толстыхъ досокъ, для открытія прохода сквозь стѣны, что все вмѣстѣ можетъ быть предпріемлемо вдругъ, какъ окажется способнѣе по обстоятельствамъ на мѣстѣ, — ибо около сей крѣпости никакихъ рвовъ не находится, и стѣны, по видимому, не выше 16-ти или 18-ти футъ. Чрезъ овладѣніе сею крѣпостію, войска находиться будутъ въ твердомъ и безопасномъ для себя укрѣпленіи—какъ оная имѣетъ свое положеніе на высотѣ и владѣетъ всѣми окружностями, по самую европейскую крѣпость (означенную въ планѣ литерою е).

Чаятельно не трудно будетъ овладѣть крѣпостію (коя означена литерою В), поелику она оставлена за старостію и ветхостію; но высота, на которой она имѣетъ свое положеніе, совершенно владѣетъ 1-ю Дарданелльскою крѣпостію с, которая, уповательно, не долго противостоять будетъ совокупнымъ дѣйствіямъ войскъ и флота, которые

[1]) Плановъ при дѣлѣ не находится.

въ семъ случаѣ могутъ чинить другъ другу взаимное вспоможеніе, а по овладѣніи сей крѣпости, всю артиллерію въ ней разорвать, и также нѣкоторую часть укрѣпленія съ морской стороны подорвать, дабы корабли всегда могли имѣть свободный проходъ.

По раззореніи нижней Дарданелльской крѣпости, флотъ съ арміею долженъ слѣдовать противу верхней крѣпости (что въ планѣ означена литерою Д). Высокія горы, находящіяся въ близости за оною крѣпостію, совершенно ею овладѣютъ, и овладѣніе оною почти единственно зависитъ отъ сухопутныхъ войскъ: ибо, отъ узкости канала, теченіе тамъ такъ быстро, что корабль ни на малое время не можетъ стоять въ одномъ положеніи, отчего и пушки останутся безъ желаемаго дѣйствія; также и отъ близости крѣпости Абидесъ на азіатскомъ берегѣ корабль въ семъ мѣстѣ будетъ находиться въ самой большей опасности; но, по положенію сей крѣпости и высоты мѣстъ позадь оной, уповательно, что сухопутныя войска скоро оною могутъ овладѣть.

Когда сею крѣпостію Зестосъ уже овладѣли, вся въ оной находящаяся артиллерія можетъ обращена быть противъ крѣпости Абидесъ, на азіатскомъ берегѣ, которая въ разстояніи отъ оной меньше пушечнаго выстрѣла. Противъ сей крѣпости корабли также могутъ дѣйствовать, и, чрезъ совокупное ихъ дѣйствіе, стараться изъ оной выгнать гарнизонъ; а ежели въ семъ удастся, то по овладѣніи оною всѣ пушки разорвать, и крѣпость сколько можно разрушить, чтобъ мимоидущимъ кораблямъ не могъ впредь причиниться вредъ.

Командующіе флотомъ и арміею могутъ между собою учредить сигналы на всякіе случаи, во все время сего дѣйствія.

Чаятельно, что за сими крѣпостями турецкій флотъ будетъ имѣть свое расположеніе, для атаки котораго россійскій флотъ нынѣ образуетъ открытый путь, когда вѣтеръ и погода позволятъ.

Хотя сей планъ дѣйствія противъ Дарданелльскихъ крѣпостей оказывается способнымъ въ разсужденіи расположеній сихъ крѣпостей, но движенія непріятеля и разныя обстоятельства, могущія открыться тогда на мѣстѣ, могутъ причинить немалыя перемѣны въ семъ расположеніи, какъ-то, напримѣръ: по овладѣніи крѣпостію Молдавиджипаша, ежели число турецкихъ войскъ окажется невеликимъ, то 1,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ, 1,000 нерегулярныхъ и 200 человѣкъ артиллерійскихъ могутъ почесться за довольное число, для атаки 1-й Дарданелльской крѣпости, и всѣмъ прочимъ войскамъ немедленно ступать для занятія высотъ, позадь верхней Дарданелльской крѣпости Зестосъ, и укрѣпить себя ретраншаментами.

Какъ скоро обстоятельства позволятъ—нерегулярнымъ войскамъ

идти чрезъ деревни, для набиранія лошадей и лошаковъ, какъ для снабдѣнія кирасировъ, такъ и для везенія артиллеріи, аммуниціи и провіанта.

Касательно до разныхъ батарей по берегу, поелику оныя безъ защиты съ береговой стороны, то, чаятельно, оставлены будутъ по приближеніи нашихъ войскъ, и останется только находящіяся на оныхъ пушки разорвать.

Сухопутные генералы, конечно, будутъ имѣть попеченіе снабдиться всѣми нужными инструментами для всякаго рода атаки.

Ежели, по прибытіи морскаго вооруженія въ Архипелагъ, достовѣрное извѣстіе доставлено будетъ, что многочисленныя непріятельскія войска находятся въ Дарданелльскихъ крѣпостяхъ и въ окружности оныхъ, тогда все вооруженіе можетъ идти прямо въ заливъ Саросъ, и высадить дессантъ на перешеекъ неподалеку города Галлиполи, до 1,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ, 2,500 нерегулярныхъ, 100 артиллерійскихъ и 200 кирасиръ. Регулярнымъ войскамъ немедленно укрѣпить себя ретраншаментами и редутами въ способнѣйшемъ мѣстѣ, для сохраненія сообщенія съ флотомъ; а нерегулярныхъ—выслать партіями по деревнямъ—доставать лошадей для кирасиръ, и для исканія грековъ, или тамошнихъ обывателей, которые совершенно знали бы всѣ дороги и служили бы путеводителями. А потомъ употреблять нерегулярныхъ войскъ и кирасиръ на разныя маловажныя предпріятія въ семъ перешейкѣ, поколь вниманіе непріятеля не обратится противъ сего дессанта; и какъ скоро примѣчено будетъ, что непріятельскія войска изъ Дарданелльскихъ крѣпостей противъ онаго выступили, то оставить довольное число фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, для снятія сего дессанта, когда за нужное почтется; а флоту съ прочими войсками идти немедленно изъ залива Саросъ къ Дарданелламъ, высадить войска, и поступать такъ, какъ выше упомянуто, для овладѣнія крѣпостями. Самуелъ Грейгъ.

III.

Мнѣніе кн. Потемкина объ овладѣніи Дарданеллами.

Отправленіе флота въ Архипелагъ (естьли будетъ съ турками нынѣ война) послѣдуетъ не ради завоеваній на сухомъ берегу, но для раздѣленія морскихъ турецкихъ силъ. Удержавъ ихъ флотъ присутствіемъ нашего, всѣ мы будемъ имѣть свободу на Черномъ морѣ. А естьли бы что турки туда и отдѣлили, тò уже будетъ по нашимъ силамъ. Когда же нѣтъ нужды дѣлать дессантовъ, то не нужно и число столь неудобное сухопутныхъ войскъ, какое адмиралъ Грейгъ полагаетъ, а паче пѣшихъ кирасиръ. Для службы же при флотѣ прибавить къ числу ихъ солдатской команды егерей одинъ баталіонъ, а къ сему еще навербовать пять или шесть баталіоновъ албанцевъ изъ Химары и словянъ.

Такое число достаточно и для службы на островѣ Лимнѣ, естьли флотъ тутъ возьметъ свое мѣсто, и ради поисковъ гдѣ случай удобной представится.

Главной видъ для флота вашего величества притѣснять сообщеніе по морю туркамъ съ ихъ островами и Египтомъ, и чрезъ то лишать ихъ помощи въ съѣстныхъ припасахъ. Притомъ все цѣлить пройтить Дарданеллъ, что и несумнительно при благополучномъ вѣтрѣ. Препятствовать ли турки захотятъ?—тутъ они обязаны будутъ дать баталію морскую, чего намъ и желать должно.

Но чтобъ Дарданеллы форсировать съ сухаго пути, на сіе нужна армія,—ибо у турокъ достанетъ силъ ихъ оборонять; притомъ мы видѣли въ прошедшую войну, что они и тремя стами человѣками гоняли наши большіе дессанты.

Какая же разница флоту дѣйствовать единственно на водахъ? Число пятнадцати кораблей ужъ несумнѣнно превосходитъ силу морскую турецкую. Къ тому числу почтенному сколько пристанетъ катеровъ, обезпокоивающихъ вездѣ ихъ транспорты. А искусной и предпріимчивый адмиралъ вѣрно выждетъ способъ пролетѣть Дарданеллы. Усердіе мое побуждаетъ вашему величеству представить, что нуженъ испытанной впредь предпріимчивости и знаній адмиралъ. Нигдѣ столько успѣхи отъ маневра и стратагемъ не зависятъ, какъ на

море, а сихъ вещей безъ практики большой знать нельзя. А вашему величеству извѣстна практика нашихъ морскихъ.

Я не смѣю сказать, а думаю, чтó-бы мѣшало секретнѣйшимъ образомъ соединить эскадры, кои теперь въ походѣ, и послать, подъ видомъ прикрытія торговли, въ Архипелагъ и, пока турки еще не готовы, пройтить въ Черное море; тогда бы уже въ Архипелагъ нужды не было посылать другаго флота. Но сіе можетъ быть мои бредни. Только кажется, что... [1]).

Сообщ. **И. Ан—скій.**

Замѣтки о Пугачевѣ.

Слѣды его въ Самарской губерніи: 1) На третьей верстѣ отъ Новой Майны (Ставропольскаго уѣзда), по большой дорогѣ есть рощица: Дьячій кустъ. Здѣсь Пугачъ дьячка съ семействомъ повѣсилъ. Тотъ былъ переодѣтъ, долго не выдавалъ своего званія, наконецъ сознался и былъ казненъ.

2) Въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ староиъ руслѣ р. Тока, въ имѣніи Гасвицкомъ, около Грачевки, принадлежащемъ Богдановичу, пугачевцы затопили цѣлую лодку денегъ. Теперь на томъ мѣстѣ болото. По разсказамъ стариковъ, деньги завалили дубами. Позднѣйшія изслѣдованія доказали справедливость слуха, что это мѣсто завалено дубами.

Слѣды Пугачева въ Симбирской губерніи: 1) Въ с. Большой Репьевкѣ, Сызранскаго уѣзда, въ глубинѣ двора Бестужевскаго дома (С. П.), лѣтъ двадцать назадъ, былъ еще цѣлъ каменный подвалъ, въ которомъ сохранялось все добро въ смутное время пугачевщины и пугачей. Помнится разсказъ о томъ, какъ конторщикъ или управитель спрятался, заслышавъ о приближеніи шайки, въ отхожее мѣсто, а у околицы поставлена была стража съ пиками; но страхъ оказался напраснымъ.

2) Въ одномъ изъ имѣній Симбирской губерніи, старуха дворовая спасла дѣтей своей помѣщицы, прикрывъ ихъ сарафаномъ. Она была нянькой у барыни и когда пугачевцы спросили ее что она сидитъ какъ пришибленная, то получили въ отвѣтъ: «Больна, батюшки! Ноженьки мои не ходятъ!» Старуху не тронули.

3) Въ Симбирскѣ, подъ горой, гдѣ расположена мѣщанская слобода, одинъ изъ старожиловъ самъ разсказывалъ какъ его Пугачевъ высѣкъ за то, что онъ, будучи еще мальчишкой, плохо караулилъ и заснулъ. Подъ именемъ Пугачева, понятно, надо разумѣть одного изъ безчисленныхъ пугачей того времени.

Сообщ. **Дм. Садовниковъ.**

---

[1]) Этимъ прерываются собственноручныя замѣтки князя Потемкина о завладѣніи Дарданеллами.

БАЯЗИДСКОЕ СЛАВНОЕ СИДѢНЬЕ

съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.

Всей Россіи сдѣлались извѣстными своевременно изъ газетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нападеніи курдовъ на крѣпость Баязидъ [1]); теперь сообщу нѣкоторыя подробности о бѣдственномъ положеніи 1,500 человѣкъ, запертыхъ въ крѣпости въ теченіи 23-хъ дней. Большую часть свѣдѣній я имѣю отъ очевидицы, г-жи Ковалевской, очутившейся въ это время въ крѣпости вмѣстѣ съ гарнизономъ—жены полковника, получившаго двѣ пули въ животъ и тутъ же умершаго на полѣ сраженія.

5-го іюня 1877 г. засѣли 1,500 человѣкъ гарнизона въ крѣпости, успѣвъ заложить всѣ входы громадными камнями, дабы воспрепятствовать татарамъ и курдамъ ворваться къ нимъ. Тѣмъ не менѣе, курды подходили къ крѣпости и пытались силой овладѣть ею, но наши дали имъ отпоръ, положивъ 900 курдовъ на мѣстѣ, и съ тѣхъ поръ они не осмѣливались подходить и стрѣляли только съ противоположной крѣпости горы. Провизіи у нашихъ было не особенно много. Въ первые дни всѣмъ отпускали по сухарю и по одному стакану воды, затѣмъ уменьшили порцію до 1/2 сухаря и 1/2 стакана воды, и, наконецъ, выдавали по 1/4 сухаря и по двѣ ложки воды. За водой посылали солдатъ ночью, спуская ихъ на веревкѣ изъ оконъ крѣпости. Нѣсколько дней солдаты благополучно доставали воду. Но турки, замѣтивъ ихъ и смекнувъ въ чемъ дѣло, поставили у источника стражу. Съ этихъ поръ начались неудачи. Говорятъ, изъ десяти человѣкъ, отправлявшихся за водой, только двое остались въ живыхъ. Но этого мало: турки начали бросать въ воду трупы, и баязидцамъ (какъ ихъ прозвали) приходилось пить воду, состоящую изъ крови, червей и самаго маленькаго % воды; не смотря на страшную вонь, они принуждены были глотать эту жидкость, чтобы не умереть отъ жажды.

[1]) См. между прочими газетами «Моск. Вѣдомости» за 1877 годъ, № 168.

Между тѣмъ, перестрѣлка шла съ обѣихъ сторонъ съ утра до поздняго вечера. Шесть дней спустя, составили совѣтъ, и рѣшили, отнюдь не сдаваясь, какимъ нибудь образомъ дать знать эриванскому отряду о положеніи гарнизона. Тутъ вызвался одинъ армянинъ, по имени Сампсонъ Петросовъ, служившій когда-то писцомъ въ канцеляріи, идти на жизнь или смерть, но во что бы то ни стало довести о бѣдствіи крѣпости до свѣдѣнія Тергукасова. На 10-й день почти весь запасъ хлѣба истощился, принуждены были питаться тощею кониной. Какъ только замѣчали, что лошадь, за недостаткомъ воды, при послѣднемъ издыханіи, сейчасъ ее рѣзали и готовили себѣ жаркое, но вода, говорятъ, придавала такой вкусъ, что насилу можно было ѣсть. Когда лошадей не стало, начали ѣсть дохлыхъ, вслѣдствіе чего многіе, конечно, умирали. Наконецъ, стали посылать солдатъ на волю судьбы въ ближайшую деревню. Кто возвращался—приносилъ кое-какую провизію, многіе же такъ и не возвращались. Перенося баснословныя лишенія, со дня на день ожидали избавленія. Много подробностей мнѣ еще разсказывали, но всего не припомнишь; напримѣръ, какъ спасали бѣжавшихъ армянъ, подымая ихъ веревкой въ крѣпость. Разсказываютъ, что одинъ мальчикъ, лѣтъ 8-ми, все прятался у стѣны крѣпости, и, когда его подняли на веревку, узнали, что онъ изъ ближайшей деревни, что курды убили его отца, мать, двухъ сестеръ: «отецъ мой скончался и я отъ страха сталъ у крѣпости укрываться». Теперь, говорятъ, какой-то бездѣтный Шахназаровъ усыновилъ его. Далѣе, г-жа Ковалевская разсказала, какъ имъ страшно было смотрѣть на костеръ въ ближайшей деревнѣ, куда курды бросали женщинъ, мужчинъ и дѣтей всякаго возраста, которые просили помощи, крича «аманъ урусъ!»

Въ крѣпости многіе, привыкшіе къ табаку, за неимѣніемъ его курили спитой чай, или же саманъ. Такимъ образомъ баязидцы провели кое-какъ 20 дней. Они не въ состояніи бы держаться долѣе, если бы не сильный дождь, посланный имъ какъ бы на помощь; дождевую воду набиралъ каждый во что могъ: въ сапогъ, въ фуражку и т. д. Солдаты, не обращая вниманія на открытое мѣсто, утоляли свою жажду облизывая только что вымоченные дождемъ камни, и при этомъ пуля не миновала 15-ти человѣкъ. Воды этой набрали они на нѣсколько дней, и она оживила всѣхъ, а чрезъ три дня является помощь со стороны Тергу-

касова. Это было 28-го іюня. Радость, которую испытали эти многострадальцы при видѣ своихъ, пришедшихъ имъ на помощь, я не въ силахъ изобразить. Первый узнавшій о приближеніи помощи былъ простой казакъ, донесшій коменданту крѣпости и офицерамъ, что онъ ночью слышалъ дальній пушечный выстрѣлъ. 60 человѣкъ гарнизона тотчасъ рѣшили: если дѣйствительно идетъ помощь, положить по 10 рублей въ пользу казака. Разумѣется, что казакъ получилъ эти 600 рублей. До этого еще была присылаема помощь, но войско, по малочисленности, вынуждено было удалиться. Какое чувство должны были испытать находившіеся въ крѣпости, когда увидали отступающихъ, на которыхъ возлагали было всю надежду на спасеніе! Да, говорятъ, не мало слезъ было пролито въ этотъ день.

Теперь опишу похожденія нашего героя Сампсона, записанныя мною съ его словъ, когда я встрѣтилъ его въ одной лавкѣ въ Игдырѣ. «Былъ уже шестой день, какъ крѣпость была оцѣплена курдами,—разсказывалъ Сампсонъ,—и мы, конечно, были въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Чтò было дѣлать? Кто нибудь долженъ былъ рѣшиться спасать. Охотниковъ, кромѣ меня, не было. Не смотря на то, что я оставлялъ жену, я, отдавъ себя на волю Божію, вызвался донести о нашемъ бѣдствіи въ эриванскій отрядъ и сказалъ, что мы не должны унывать, что каждый изъ насъ, прежде чѣмъ быть убитымъ, въ состояніи положить десять турокъ, что я и надѣюсь доказать на дѣлѣ. Но прежде чѣмъ выпустить меня изъ крѣпости, начальствующіе чины гарнизона составили совѣтъ. Видя мою твердую рѣшимость, мнѣ предложили испытать счастіе и затѣмъ вручили записочку къ Тергукасову Радость была невыразимая, всѣ въ слезахъ бросились на колѣни, молясь за мое спасеніе. Потомъ, вставъ, они произнесли: «Спаси, спаси себя и насъ!» Для болѣе безопаснаго прохожденія между турками, мнѣ обрили голову, надѣли колозъ (феска изъ войлока), обмотавъ голову тряпками, нарядили въ курдинскій костюмъ, дали кинжалъ. Я сталъ разсматривать мѣстность, по которой мнѣ приходилось идти: это было скалистое, едва проходимое ущелье. Выждавъ такимъ образомъ ночной тишины, когда прекратилась перестрѣлка, меня сбросили чрезъ отверстіе крѣпостной стѣны, вышиною въ сажень. Я упалъ на трупы курдовъ,

которые валялись тутъ во множествѣ. Отвратительный запахъ и безобразный видъ ихъ, который я могъ разглядѣть при слабомъ свѣтѣ луны, навелъ на меня страхъ. Однако я не падалъ духомъ и прошелъ далѣе внизъ, наступая все на трупы. Собаки, рыскавшія вокругъ, увидѣвъ меня, подняли лай. Курды догадались, что кто нибудь вышелъ изъ крѣпости. Началась стрѣльба то въ крѣпость, то въ мою сторону, но, благодаря темнотѣ ночи, никто меня не могъ замѣтить и ни одна пуля меня не коснулась. Я продолжалъ пробираться ползкомъ между трупами и находился уже у края скалы, какъ вдругъ замѣтилъ нѣсколькихъ курдовъ, идущихъ по моему направленію. Я тутъ же бросился со скалы въ ущелье, въ двѣ сажени высоты, отчего и повредилъ себѣ немного ногу. Чтобы выбраться изъ этого ущелья, мнѣ предстояло много затрудненій: земля была рыхлая, и я, карабкаясь вверхъ, не могъ удержаться и катился снова назадъ. Это повторялось нѣсколько разъ, и только къ разсвѣту я заприметилъ маленькую дорожку, по которой, снявъ обувь, которая мнѣ только мѣшала, кое-какъ поднялся. Тутъ я увидалъ турецкіе пикеты, которые, какъ мнѣ показалось, замѣтили меня. Чтобы не бросить на себя и тѣни подозрѣнія, я побѣжалъ къ нимъ, закричавъ: «Спасайтесь, русскіе идутъ!»

«Поднялась тревога и въ одинъ моментъ всѣ засуетившіеся курды очутились верхомъ и ускакали по разнымъ направленіямъ; я же воспользовался этой суматохой и успѣлъ скрыться. Но скоро мною овладѣлъ ужасъ: я опять увидѣлъ на небольшомъ отъ себя разстояніи человѣкъ до 200 курдовъ. Погибъ! думалъ я въ отчаяніи; мѣсто, гдѣ я укрылся, не было надежно, оно не могло спасти меня отъ нихъ. Въ сторонѣ отъ меня была небольшая ямка съ водой; я направился туда и разлегся около нея, ожидая неминуемой смерти. Находясь въ такомъ положеніи, я взялъ немного земли, облилъ ее водою, чтобы принять это въ видѣ Причастія, если-бы пришлось мнѣ покончить съ жизнію. Но каково было мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда они проѣхали мимо, не обративъ на меня никакого вниманія и не сказавъ ни единаго слова. Я тутъ же сталъ на колѣни, помолился, возблагодаривъ Бога за спасеніе, и продолжалъ дорогу. Направился я къ армянской деревнѣ Арцанъ, въ надеждѣ взять у знакомаго хорошаго скакуна и скорѣе прискакать въ отрядъ. Но увы! что̀ представилось моимъ глазамъ при входѣ въ деревню!

Жители выходили изъ домовъ со связанными на груди, либо на спинѣ руками; видѣлъ также многихъ покоющихся вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ. Иногда цѣлое семейство я находилъ изрубленнымъ. Тѣ же, которые были только связаны, ходили взадъ и впередъ около своихъ домовъ, смотря на курдовъ, грабившихъ ихъ имущество. Кто выносилъ масло изъ дома, кто сыръ, кто сундуки и много другаго добра. Чтὸ мнѣ оставалось дѣлать? Вотъ и я, по ихъ примѣру, изображая изъ себя курда, тоже вошелъ въ какой-то порядочный домъ, взялъ огромный мѣшокъ и началъ укладывать въ него шерсть. Туда же вошли двое курдовъ, бросили на меня подозрительный взглядъ и вышли; затѣмъ вошли еще другіе. Я понялъ, что чтὸ-то подозрѣваютъ, и испугался до того, что чуть самъ себя не выдалъ. Обратившись къ нимъ, я спросилъ, можно ли и мнѣ взять мѣшокъ съ шерстью. Это меня выдало. Тутъ они схватили меня, крича: «ты лазутчикъ, мы тебя видѣли въ Баязидѣ: говори скорѣй, кто ты и откуда?» Я хоть и зналъ по курдински, но очень плохо, такъ что началъ говорить съ ними на татарскомъ языкѣ, говоря: «пощадите, я слуга Мустафа-аги (извѣстная личность въ Баязидѣ), я бѣдный хойскій татаринъ, и Мустафа послалъ меня добыть что нибудь для своего бѣднаго семейства. Чего вы отъ меня хотите? оставьте меня!» Они, не обращая вниманія на мои вопли, раздѣли меня, надѣясь найти какой нибудь признакъ, записку. Но данную мнѣ въ крѣпости записочку я давно проглотилъ, еще при видѣ тѣхъ 200 курдовъ, о которыхъ упоминалъ. Раздѣвъ меня такимъ образомъ и увидавъ, что вся моя одежда состояла изъ лоскутьевъ, да при томъ не нашедши никакихъ подозрительныхъ признаковъ, меня отпустили. Я снова, весь дрожа отъ радости и отъ чуднаго спасенія, взялъ мѣшокъ, взвалилъ его на спину и отправился далѣе. Когда же отошелъ отъ нихъ на такое разстояніе, что они уже не могли меня видѣть, я скорѣе сбросилъ съ плечъ мѣшокъ, который насилу тащилъ, и, съ больною ногою, кое-какъ побрелъ далѣе. Уходя изъ Арцана, я на пути прилегъ немного отдохнуть, какъ вдругъ проскакалъ мимо меня курдъ, и, увидавъ меня, слѣзъ и началъ разспрашивать, кто я; я ему сказалъ то же самое, что и прежнимъ. Онъ раздѣлъ меня, обратилъ особенное вниманіе на мою рубашку, которая была не курдинская. Онъ уже приложилъ было пику къ груди, желая меня заколоть, но умилостивился моимъ плачемъ и просьбами, и, взявъ

съ собою рубашку, оставилъ меня въ покоѣ и удалился. Затѣмъ я направился далѣе и, въ полной увѣренности, что иду къ Кара-Килисѣ, замѣтилъ не подалеку палатки и верховыхъ въ красномъ одѣяніи. Я обрадовался, думая, что это русскіе; прямо направился туда,—и что же? то были опять курды; тутъ была палатка шейха (какъ у насъ—армянъ—патріархъ). Я сначала сильно испугался, но скоро нашелся, и когда они подошли ко мнѣ, я сказалъ, что я бѣдный слуга Мустафы, везъ сюда изюмъ для продажи, но курды на дорогѣ ограбили меня и отняли осла; теперь я хочу пожаловаться шейху. Они выругали меня, поколотили и сказали: «теперь убиваютъ другъ друга, да никто не жалуется; скорѣе убирайся отсюда». Наконецъ, я кое-какъ добрался до армянской деревни «Сурнъ-Огонесъ». Тутъ какой-то русскій маіоръ увидалъ меня, и вообразивъ, что я курдъ и лазутчикъ, сказалъ, что меня сейчасъ разстрѣляютъ. Я ему на это отвѣтилъ, что я изъ Баязидской крѣпости, и разсказалъ ему всю свою исторію—какимъ образомъ я добрался до нихъ. и, наконецъ, въ подтвержденіе этого, я ему сказалъ: «развѣ какой нибудь курдъ можетъ такъ чисто говорить по русски, какъ я?» Онъ и слушать не хотѣлъ. Приказалъ казакамъ привязать меня къ стѣнѣ и разстрѣлять. Казаки уже было схватили меня и повели разстрѣливать, какъ вдругъ Богъ послалъ мнѣ знакомаго офицера, который, узнавъ въ чемъ дѣло, пріостановилъ казаковъ и сказалъ маіору, что онъ отлично меня знаетъ и что меня не то что надо разстрѣлять, а надо на рукахъ носить за такой подвигъ и самоотверженіе. Меня освободили и дали лошадь съ десяткомъ казаковъ. Теперь я находился въ безопасности. Ѣхали съ утра и только къ вечеру, на слѣдующій день, пріѣхали въ Драмдохъ, гдѣ стоялъ эриванскій отрядъ. Спросивъ, гдѣ палатка Ханъ-Агова, я прямо направился туда. Онъ былъ пораженъ, увидѣвъ меня. Я ему сталъ разсказывать свои похожденія, и онъ, отъ радости за мой поступокъ, чуть не расплакался. Донесли генералу Тергукасову, который немедленно принялъ должныя мѣры, и 10 дней спустя весь баязидскій гарнизонъ и всѣ томившіеся столько времени въ осадѣ были освобождены».

Сампсонъ Петросовъ теперь въ чинѣ офицера, получилъ золотой Георгіевскій крестъ, 120 полуимперіаловъ, и, кромѣ того, въ мѣсяцъ получаетъ нынѣ по 120 рублей.

Сообщ. **А. Ханъ-Аговъ.**

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Магнусъ, король шведскій.

1336—1371 гг.

На кладбищѣ Валаамскаго монастыря, при входѣ въ ворота, на правой сторонѣ, находится надгробная плита, на которой высѣчена слѣдующая надпись:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса Шведскаго короля,
Который, святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 онъ на престолъ былъ возведенъ;
Великую силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ,
И о прекращеніи войны клятву давалъ,
Но преступая клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыя волны погрузился;
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дня и три нощи Богомъ хранился;
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ брегу сего монастыря управленъ;
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ,
Потомъ, вмѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы.
Поживъ три дни, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.—

Примѣчаніе. Эта интересная надпись сообщена намъ, въ 1874 году, покойнымъ профессоромъ архитектуры, акад. И. И. Свіязевымъ.

Стеньки Разина сынокъ.

Въ славномъ городѣ во Астраханѣ
Очутился, скажемъ, проявился
Тамъ незнамый человѣкъ.
Чисто-щепетко, скажемъ, погуливаетъ,
На ёмъ бархатный кафтанъ на распашку,
На распашку въ нёмъ идётъ,
Свой персицкай кушачекъ
Въ правой рученькѣ несетъ.
Перчаточки нови съ серебромъ
На ево бѣлыхъ рукахъ,
Черна шляпа съ палюмажемъ
На его русыхъ кудряхъ.
Охъ онъ штапамъ-офицерамъ
Не кланяется—идетъ,
Для мелкіихъ господъ —
Пуховой шляпы не мнетъ,
А самому, скажемъ, губернатуру
И челомъ ему не бьетъ.
Губернатуръ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ.
Закричалъ, скажемъ, губернатуръ
Громкимъ голосомъ своимъ:
— Ой ви слуги, служки вѣрные мои,
— Вы подите, служки, приведите
— Незнамова молодца. —
Его взяли, подхватили
И къ допросу повели.
Охъ становили, скажемъ, молодца
Близь параднаго крыльца.
Охъ губернатуръ, скажемъ, господинъ
На крылечко выходилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
— Чей, откуда, разскажи, мальчишка,
— Чей незнамый молодецъ,
— Охъ не съ Москвы-ли ты купецъ,
— Не купечецкой-ли сынъ,
— Аль не съ Дону-ли казакъ,
— Не казаческой-ли сынъ?
— Охъ не съ Москвы-ли я купецъ,
— Не купечецкой я сынъ,
— А я съ Дону не казакъ,
— Не казаческой я сынъ,
— Я со матушки со Волги,
— Я со Камы со рѣки,

— Стеньки Разина сынокъ. —
— Вы возьмите только, мои слуги,
— Въ бѣлой каменной острогъ. —
— А ты послушай, скажемъ, губернатуръ,
— Одно слово мнѣ сказать:
— Будто батюшка мой родимой —
— Заутра хотѣлъ быть,
— Ты умѣй-ка ево встрѣтить,
— Умѣй потчивать ево,
— Да изъ комнаты пойдетъ,
— Умѣй двери затворить. —
Приказалъ, скажемъ, губернатуръ
Вдоль по улицѣ пустить.
Охъ на утро, рано на зарѣ,
Легка лодочка плыветъ,
Какъ во этой, во лодочкѣ
Ровно тридцать молодцовъ,
Ну, а тамъ, въ самой середкѣ,
Атаманъ-ли ихъ сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
— Вы послушайте, скажемъ, ребята,
— Что я буду говорить,
— Охъ будто чадо мое, чадо милое,
— Въ бѣлой каменной тюрьмѣ. —
— Не печалься, нашъ атаманъ-господинъ,
— Охъ бѣлой каменной острогъ
— По кирпичеку разберемъ,
— Астраханскаво, скажемъ, губернатура
— Во полонъ ево возьмемъ.

Примѣчаніе. Записано въ Харьковѣ, отъ плотника изъ Владимірской губерніи, 13-го апрѣля 1875 г.

Ив. Ив. Манжура.

Папа Пій IX.

Пій IX умеръ, мнѣ припомнился анекдотъ.—Въ 1840-хъ годахъ, когда папа вздумалъ либеральничать, тогда газеты были полны о малѣйшемъ шагѣ папы; тогда звали его Пій-нефъ, такъ и въ разговорѣ иначе его не называли, а разговоры были полны папой: только и слышались Пій-нефъ, да Пій-нефъ.—Сидѣли мы у Бибикова, въ какой-то праздникъ, и всякій что нибудь разсказалъ о Пій-нефѣ.—Приходитъ корпусный командиръ, полный генералъ [1]), вслушался въ разговоръ и съ азартомъ говоритъ: «только и слышу о Пиневѣ, куралеситъ, да и только! Эта шельма, должно быть, русскій, по фамиліи слышно: Пиневъ,—конечно, русскій подлецъ; что̀ государь его не вытребуетъ, отдалъ бы мнѣ, я бы его продернулъ! Забылъ бы о революціяхъ!» Можете представить, какъ намъ трудно было удержаться отъ смѣху. Бывало не мало въ старину генераловъ подобныхъ Чаадаеву.

Сообщ. Э.

Скитскій трапезникъ или годовой кругъ скитской трапезы.

Къ характеристикѣ Керженскихъ скитниковъ.

1) О Четыредесятницѣ:

Въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ трапезы не поставляютъ; во вторникъ и четвертокъ на братію хлѣбы бѣлые, взваръ съ медомъ, ягоды морошке, или капуста соленая, да толокно мѣшано. Въ субботу шти бѣлыя, лапша гороховая, каша соковая, все съ масломъ. Въ недѣлю (т. е. Сборное воскресенье) ко штямъ пласти [2]), да каша. На прочихъ же недѣляхъ, въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ ко штямъ двѣ ѣствы студеныя; во вторникъ же и четвертокъ шти борщовыя съ сокомъ, да сухари, да ѣства студеная, другая горячая. Въ субботу и недѣлю ко штямъ пласти, или сущи вялыя, да каша.

Въ среду четвертыя недѣли (Преполовеніе Четыредесятницы) на трапезѣ братіи три ѣствы горячихъ безъ масла.

Въ четвертокъ пятыя недѣли (стояніе) на трапезѣ ямы съ масломъ и вино піемъ, труда ради бдѣннаго.

Въ субботу праведнаго Лазаря на трапезѣ ямы вареніе съ масломъ и икру, аще есть, и вино піемъ.

---

[1]) Чаадаевъ, командиръ 4-го корпуса.

[2]) Пласти—областное слово Нижегородской губерніи,—значитъ сухую рыбу.

Въ недѣлю Цвѣтную на трапезѣ братіи утѣшеніе: ямы рыбу и вино піемъ, благодаряще Бога.

2) О Страстной седмицѣ:

Въ Страстную седмицу отъ понедѣльника даже до субботняго вечера, дней шесть, хлѣбъ съ водою точію ясти и зеліе не варено, и се съ воздержаніемъ; аще есть мощно и не на всякъ день пріимати, но якоже речено бысть о первой седмицѣ. Во святый же великій пятокъ ничто же ясти, такожде и великую субботу поститися намъ до третіяго часа нощи и тогда вкусити мало хлѣба съ водою и по единой чашѣ вина испити.

Во святый великій четвертокъ ядимъ варенія безъ масла, піемъ же вино и ино сухояденіемъ; ибо иже въ Лаодикіи соборъ о велицѣмъ четверткѣ въ правилѣ 49 глаголетъ: «Яко не достоитъ въ Четыредесятницѣ послѣдній недѣли четвертокъ разрѣшити и всю Четыредесятницу безчестити».

3) О Пасцѣ:

Отъ недѣли Свѣтлыя до недѣли Ѳомины ту всю седмицу ясти сыръ и яица и млеко, и піемъ питіе съ воздержаніемъ.

4) О Пятидесятницѣ:

Отъ недѣли Ѳомины во всю Пятидесятницу въ субботу и недѣлю, во вторникъ и четвертокъ столъ дважды съ рыбою; въ среду и пятокъ столъ единожды. Ядимъ сущи (то есть сушеную рыбу).

Въ среду Преполовенія и на отданіе Пасхи столъ единожды съ рыбою.

Отъ Сошествія Святаго Духа до недѣли Всѣхъ Святыхъ въ седмицу ту въ среду и пятокъ ясти сыръ и яица и млеко и питіе съ воздержаніемъ и ужинъ по вся дни.

5) О постѣ:

Въ постъ св. Апостолъ, Христова Рождества и Успенія Пресвятыя Богородицы во вторникъ и четвертокъ рыбы не ямы, но масло и вино точію; въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ ни масла вкушаемъ, ни вина, но постимся до девятаго часа, и ямы единою въ та дни сухояденіемъ.

Примѣчаніе. Этотъ «трапезникъ Керженскихъ скитниковъ» писанъ на 4-хъ листочкахъ въ 16-ю долю бѣглымъ полууставомъ и найденъ мною такъ же и тамъ же, какъ и гдѣ отысканъ «Плачъ на раззореніе скитовъ». (См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 342—345).

Г. Нижній Новгородъ. **Аполлонъ Можаровскій.**

СКОПЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Между многочисленными русскими сектантами, проживающими въ Галацѣ, начало лѣтъ семь тому назадъ распространяться скопчество, такъ что вскорѣ ихъ насчитывалось 217 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, тогда какъ въ 1846 г. было лишь одно семейство скопцовъ. Распространителемъ скопчества въ Галацѣ считаютъ нѣкоего Кузьму Өедосѣева, по прозванію Беспалаго, прибывшаго въ Галацъ изъ той части Бессарабіи, которая по трактату 1856 года отошла къ Дунайскимъ княжествамъ. Онъ держался молоканскаго ученія, былъ женатъ и имѣлъ дочь, но въ послѣдствіи оскопился. Человѣкъ онъ довольно еще молодой, — 39-ти лѣтъ, не больше, — небольшаго роста, слабаго сложенія (судя по его фотографической карточкѣ), настойчивый, упрямый въ богословскихъ диспутахъ, до которыхъ онъ большой охотникъ, но малознающій. Предавшись въ Галацѣ пропагандѣ скопчества, онъ пріобрѣлъ нѣсколькихъ горячихъ послѣдователей, въ числѣ коихъ самые значительные были Иванъ Филиповъ и Василій Ивановъ, галацкіе жители, русскіе выходцы, крестьяне. Съ этими приближенными своими учениками и другими послѣдователями Кузьма Өедосѣевъ совершалъ «радѣнія», для чего иногда они ходили за городъ, на холмъ, названный ими Сіономъ. Однажды Кузьма и два ученика его молились на этомъ Сіонѣ и вдругъ разверзлись небеса и слышенъ былъ гласъ, нарекшій Кузьму «сыномъ Божіимъ и искупителемъ»; Кузьма тутъ же наименовалъ своихъ спутниковъ—одного Іоанномъ Богословомъ, а другаго—Василіемъ Великимъ.

Слухъ о «чудѣ», совершившемся во время радѣнія Кузьмы съ учениками, распространился въ Галацѣ и сочтенъ былъ нѣкоторыми изъ русскихъ сектантовъ безстыдною ложью и кощунствомъ, а другіе приняли его на вѣру. Число послѣдователей Кузьмы увеличилось; полиція вознамѣрилась было остановить его, но послѣ нѣсколькихъ опросовъ оставила въ покоѣ и его самого и его «дѣтушекъ». Затѣмъ онъ началъ громко называть себя «искупителемъ», ѣздилъ (вѣроятно, съ цѣлію пропаганды) въ Тульчу, въ Яссы, въ Бухарестъ, въ Таврическую губернію и, наконецъ, сталъ дѣлать приготовленія къ вступленію въ Россію въ качествѣ учителя и просвѣтителя. Онъ говорилъ, что русскіе скопцы уже увѣровали въ него; что какъ только онъ переступитъ границу, народъ устремится къ нему на встрѣчу и что никакія силы не одолѣютъ его; что онъ будетъ въ Петербургѣ, предстанетъ предъ царемъ, сотворитъ въ его присутствіи нѣкое чудо; что царь соберетъ въ Петербургѣ всѣхъ скопцовъ и что тогда онъ, Кузьма, начнетъ дѣлать между ними сортировку,—тѣхъ, которые увѣруютъ въ него, Кузьму, наградитъ свободой (!), а прочимъ будетъ рубить головы.

Кузьма и дѣйствительно вступилъ въ Россію, но былъ арестованъ и гдѣ онъ нынѣ находится—неизвѣстно.

Все это мнѣ извѣстно изъ офиціальныхъ источниковъ. Въ числѣ данныхъ, относящихся къ исторіи галацкаго «искупителя», находились и прилагаемыя при семъ скопческія пѣсни, которыя списаны по моему порученію и повѣрены мною. Я позволилъ себѣ только исправить нѣкоторыя явно неправильныя согласованія падежей, нѣкоторые, очевидно, случайно поставленные знаки препинанія и т. п.—небольше.

П. Щ.

I.

Благослови, Создатель,
Великій Страдатель,
Духа намъ соззвати
Твоей благодати.
Чудо сотворится,
Небо растворится,
Летитъ райская птица
Въ огненныхъ языцѣхъ,
Во святые соборы,
Гдѣ Сіонскія горы.
Слушайте всѣ, други,
Катитъ Духъ на округи;
Онъ засудитъ строго,
Страдалъ Агнецъ много.
Катитъ Орелъ златый,
Гость нашъ пребогатый.
Показала мѣста
Царица небесна.
Въ Россіюшку придетъ
Короношку пріиметъ,
Скипетръ и державу,—
Всю царскую славу;
Духомъ запророчитъ
Чудо творить хочетъ.
Вся бѣла Россія
На насъ удивится,
Что такое чудо
У царя явится.
Богъ нашъ покатится,
Земля просвѣтится,
Небо просіяетъ
Солнечнымъ свѣтомъ;
Будемъ Христа славить

Весною и лѣтомъ.
Радуйся, Россія,
Съ дорогимъ товаромъ,
Который достался
Агнецу не даромъ:
Кровь Его святая
Вездѣ протекала,
Чистую правду
Всѣмъ намъ прорекала.
Слезушки катились,
Дѣтушки родились
Отъ страдовъ терпѣнья,
Отъ жалкова пѣнья.
Радуйся, Россія,
Я сѣмя засѣю,
И Я поливаю,
И Я покрываю
И въ тебѣ, Россія,
Мощи открываю.
Во всякоемъ градѣ
Вѣрны будутъ рады;
Законы уставлю,
Россію прославлю,
Царя Бога нашего
Съ мощами поздравлю.
Этому товару,
Цѣны ему нѣту,
Всѣ пойдутъ, поѣдутъ
Къ истинному свѣту.
Агнецъ слово скажетъ
Многіимъ откажетъ
Отъ своего лика:
Тутъ дѣло велико.
Вводитъ Государь нашъ
Имена всѣ въ книгу;
Которыхъ поставилъ,
И тѣхъ не оставилъ, —
На чисту дорожку,
На вѣки поставилъ.
Радуйся, Россія,
Благодать вся съ нею;
Разводилъ Спаситель,
Божество страдами,
А теперь Россія
Счастлива садами:
Сады все живыя,
Дѣтушки родныя;
Плоды все приноситъ,
За вѣкъ Его просятъ,

На долгія лѣта
Истиннаго свѣта.
Открылъ въ саду кладезь,
Ключи громовые;
Орелъ въ садъ летаетъ,
Дѣтушекъ питаетъ
Чистой водой съ неба,
Манной отъ престола.
Пророки всѣ пѣли,
Христа захотѣли,
Въ неволюшкѣ сидя,
Слухъ къ намъ скоро пріидетъ.
Небо не укроетъ
Гдѣ Богъ пребываетъ.
Духъ Святый къ намъ сноситъ,
Да кто чиста проситъ,
Душой съ тѣлесами,
Богъ-та всегда съ нами.
Не бойтеся моря,
Я не дамъ вамъ горя;
Корабль не потонетъ,
Злой міръ васъ не тронетъ.
Кровь Его святая,
За всѣхъ пролитая,
Огненное пламя
Вездѣ заливаетъ;
Завсегда Спаситель
Съ нами пребываетъ,
Всѣхъ Своимъ покровомъ
Вѣрныхъ покрываетъ,
Подъ своимъ покровомъ,
Подъ престольнымъ словомъ.
Огня не убоимся,
Въ морѣ не утонемъ.
Богъ наша надежда
Вѣчное упованье;
Страды Его знаемъ,
Всему небу вѣримъ,
Вѣримъ мы востоку,
Истинному Богу,
Агницу живому
И Духу Святому.
Аминь Царю Богу
И Духу Святому.

II.

Обновляйся, обновляйся
Новый, новый Царевъ градъ,
И радуйся, веселися,
Большой Батюшкинъ корабль
Нашъ Батюшка государь
Получилъ себѣ отрадъ,
Душевный сударь спокой,
Оставилъ престолъ златой.
Трубилъ золотой трубой,
Судилъ Божіей судьбой.
Судьба Его совершилась
Пора-время приближилась,
Неволюшка растворилась
И гдѣ птичка крушилась.
Претворилъ свои чудеса,
Всѣ Ангелы, Архангелы
Распѣвали на гласа,
Всѣ трубили во трубы.
Поднималась Райская птица
Во златыхъ своихъ крылахъ.
О надежда, судья благъ!
Тебѣ видно на дѣлахъ,
Сколько лѣтъ нашъ государь
Пребываетъ на страдахъ,
И въ болѣзняхъ, во скорбяхъ,
Во печальныхъ слéзахъ.
Теперь Батюшка ликуетъ:
За Сіонскими горами
Во Израильскихъ родахъ,
Во Турецкихъ городахъ.
Святымъ Духомъ намъ вѣстилъ,
Обѣщался государь
Россіюшку навѣстить,
До трехъ разъ перекрестить
Все пречистыми стопами
И болѣзнями-скорбями,
Да печальными слезами.
О Спаситель, нашъ Судья!
Не дали тебѣ житья,
Изогнали и распяли
И ризушку съ тебя сняли,
Головушку проломили,
На крестъ тебя распяли!
О Спаситель, Ты нашъ свѣтъ!
Пострадалъ семьдесятъ лѣтъ,

Страдамъ славы конца нѣтъ!
На головушкѣ пречистой,
Расцвѣталъ тамъ алый цвѣтъ,
Краше, бѣлѣй его нѣтъ.
Великъ вѣрнымъ былъ привѣтъ.
Какъ воспомнимъ мы любезныя
Свои прежнія времена,
Какъ нашъ Батюшка родимый
Сѣялъ свои сѣмена,
И держалъ свѣтъ знамена;
Хороша намъ жизнь была
Съ Искупителемъ Отцомъ,
Красно солнушко свѣтило
На благія и на злыя;
Какъ нашъ Батюшка родимый
Засѣвалъ сѣмя и вновь
Онъ по славной по Россіи
Нищимъ образомъ ходилъ,
Чудеса свои творилъ,
Зелены сады садилъ.
Во безбожный градъ вертепъ,
Подалъ въ ручки острый серпъ,
Во имѣніи его,
Пожинать свою пшеницу
Онъ пошлетъ къ намъ Райскую птицу.
Онъ отъ прочихъ беззаконныхъ
Двери вѣчны затворилъ:
Они не знаютъ какъ и быть,
Которымъ путемъ идтить,
Какъ до Батюшки дойтить,
Образъ Его увидать
Или гласъ его услыхать.
О Спаситель, Ты нашъ Спасъ!
Знать прогнѣвался на насъ,
Невзумѣли Тебѣ, свѣту,
Искупителю служить,
Подъ покровомъ Твоимъ жить!
А ещебъ, мои любезные,
Далеко-бъ куда пошли,
Гдѣ Батюшку нашли.
Знать быть тому не бывать,
Чтобъ Отца намъ увидать,
Кромѣ страшнаго суда,
Когда явимся туда,
Узримъ Бога на престолѣ,
Кто себѣ, други, удостоитъ;
А нашъ Батюшка свѣтъ,
Соберетъ вѣрныхъ на отвѣтъ.
Спроситъ у во всѣхъ билетъ,

А у насъ, други, его нѣтъ.
Загремятъ сорокъ громовъ,
Возбудятъ всѣхъ отъ гробовъ,
Соберетъ нашъ государь,
Во прекрасную Москву,
Оставитъ всю тоску.
Богу слава, честь, держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

Свѣтъ нашъ Батюшка родимый,
Искупитель гость единый,
Пропустилъ свой ключъ сладимый,
По всей Батюшка вселенной,
Искупитель нашъ семейный
И Отецъ всей подселенной.
О великій нашъ Страдатель,
Агнецъ Божій и Создатель!
Всѣмъ намъ грѣшнымъ оправдатель,
За насъ Батюшка страдаешь,
Плодовъ добрыхъ ожидаешь.
Пострадалъ пречистымъ тѣломъ
Завладалъ премудрымъ дѣломъ,
И престольными трубами
Заслужилъ Агнецъ трудами
И работою страдами.
Все страдаешь, отвѣчаешь,
Совершить суда не чаешь,
Самъ головушкой качаешь,
Давно, Агнецъ, отвѣчаешь,
Отъ начала до скончанья,
Страдамъ нѣту окончанья.
Взялъ такое обѣщанье,
Или, други, попеченье,
Изъ очей слезно теченье.
Взялъ такую Агнецъ игу,
Самъ складаешь тайну книгу;
Тайну книгу Агнецъ сложишь,
На престолъ ее положишь
И Царю дѣло подложишь.
Коней тайныхъ заложишь,
Спустишь, Батюшка, десницу,
Катать будешь въ колесницѣ,
По Израильскому роду,
Пейте въ сласть живую воду,
Ожидайте того году:

Покатится Искупитель
По всему Агнецъ по свѣту,
Спроситъ вѣрныхъ всѣхъ къ отвѣту:
Напередъ спроситъ Пророковъ,
На пречистое Свое око.
Станетъ Агнецъ перебирати
Въ златую трубу позирати,
А Самъ плакать и рыдати,
Какъ судъ Божій совершати,
Саваофа упрошати;
Саваофъ Отцу поможетъ,
Соберетъ Онъ всѣхъ вельможей:
Короли будутъ съѣзжаться,
Въ Москвѣ будутъ утверждаться,
Всѣмъ Царямъ будетъ извѣстно,
Соберутся въ одно мѣсто.
Они вздумаютъ Сѵнодомъ,
Скроютъ Отца отъ сиротовъ.
Хотя на малое время,
А Царь станетъ въ это стремя
Онъ пророковъ строго встрѣнетъ:
Станетъ лично говорить;
Идетъ дѣло ко Амину,
Покажите ту храмину.
Вы подайте намъ тѣ вѣсти,
Гдѣ посаженъ, въ коемъ мѣстѣ.
А пророки не убоятся
Судьбой Божей не утаятся,
Пріидетъ дѣло ко Амину,
Покажутъ тую храмину,
А которые не укажутъ,
Тѣмъ и острый мечъ покажутъ:
Будутъ головы рубить,
Что которые не могутъ
Про Батюшку протрубить.
Много будетъ убіенныхъ
Всѣму міру на удивленье;
Многіе будутъ дивоваться,
На Батюшку увѣряться;
Соберетъ нашъ Искупитель
Себѣ вѣрныхъ трубъ двѣнадцать,
До того надо стараться
Съ живымъ Богомъ познаваться,
Въ бѣлыя ризы одѣваться,
На бѣлыхъ коней садиться,
Съ Искупителемъ водиться,
Въ любви Божіей находиться.
Всѣ оплакивать пороки,
Запоютъ строго Пророки,

Будутъ громко они трубити,
Ото сна вѣрныхъ будити,
Справедливый судъ судити.
Тогда Батюшка родимый
Всѣ страды будетъ кончати,
За Христа вѣрныхъ вѣнчати,
Пересмотритъ всѣ печати.
У кого нѣту печати,
Трудно будетъ отвѣчати,
Нельзя Богу привѣчати.
Пересмотритъ всѣ знамены.
Перепишутъ всѣ имены.
Въ Спасительской будетъ воли,
Дѣлить будетъ на три доли,
Намъ молиться надо болѣ,
Пойдетъ тогда житье снова,
Вы просите всѣ покрова.
Богу слава, честь, держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Варшава. Сообщ. **П. К. Щебальскій.**

Распоряженіе по духовному вѣдомству, по случаю отправленной академіею наукъ археологической экспедиціи Грекова

1761 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Ярославскаго святѣйшаго правительствующаго синода члена преосвященнаго Арсенія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, духовнаго правленія, града Ярославля закащику Пятницкому, что въ Спасовѣ слободѣ, попу Иліи. Минувшаго февраля 15-го дня сего 1761 году въ присланномъ Ея Императорскаго Величества изъ Ростовской его преосвященства духовной консисторіи во оное Ярославское духовное правленіе указѣ написано: минувшаго-де генваря 29-го дня сего-жъ года въ присланномъ Ея Императорскаго Величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ его преосвященству указѣ написано-жъ: святѣйшему-де правительствующему синоду академія наукъ доношеніемъ представя: отъ оной-де академіи для собранія россійской иконографіи и снятія бывшихъ въ Россіи государей обоего пола и всякаго возраста, съ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ, иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ или на гробницахъ стоящихъ, точныхъ копей величиною и подобіемъ на бумагѣ водяными красками, отправляется рисовальнаго художества учитель, ранга порутческаго,

Андрей Грековъ, въ древнія столичныя государственныя и владѣтельныхъ князей города, а именно: въ Новгородъ, во Тверь, въ Москву, въ Переславль-Залѣской, въ Ростовъ, въ Ярославль, въ Нижней Новгородъ, въ Муромъ, въ Суздаль, Владиміръ, въ Переславль-Рязанской, въ Черниговъ, въ Кіевъ, въ Смоленскъ, во Псковъ,—просила, чтобъ указами изъ святѣйшаго правительствующаго синода повелѣно было показанныхъ городовъ и всѣхъ церквей, въ которыхъ есть гробницы государскія обоего пола и всякаго возраста, списать вѣрно надгробныя надписи, а притомъ и точныя копіи съ ихъ описаній, каковы въ церквахъ имѣются, а ежели таковыхъ описаній нѣтъ, то-бъ выписавъ изъ панахидныхъ по родительскимъ субботамъ книжицъ все, что есть извѣстія о почивающихъ тамъ старинныхъ княжескихъ особахъ, и прислать немедленно въ академію, ибо-де безъ такихъ извѣстей невозможно сочинить полнаго родословія россійскихъ государей, а притомъ же бы благоволено-жъ было означенного посылаемаго отъ академіи учителя Грекова для снятія бывшихъ въ Россіи государей съ имѣющихся въ церквахъ изображеній водяными красками допустить безпрепятственно. И по указу Ея Императорскаго Величества святѣйшій правительствующій синодъ приказали, по оному академіи наукъ представленію, о учиненіи о всемъ надлежащаго исполненія къ его преосвященству послать указъ, каковъ оной и присланъ. И во исполненіе оного Ея Императорскаго Величества указу, по приказанію его преосвященства, велѣно по всѣмъ епархіи его преосвященства означенныхъ городовъ Ростова и Ярославля церквамъ (не минуя ни единой) священно и церковнослужителемъ при заказныхъ старостахъ поповскихъ, а въ монастыряхъ настоятелемъ достовѣрно всеприлѣжнѣйше освидѣтельствовать и буде гдѣ въ церквахъ отъищутся гробницы государскія, обоего пола и всякаго возраста, списать вѣрно надгробныя надписи, а притомъ и точныя копіи съ ихъ описаній, каковы въ церквахъ имѣются, а ежели таковыхъ описаній нѣтъ, то-бъ выписавъ изъ панахидныхъ по родительскимъ субботамъ книжицъ все что есть извѣстія о почивающихъ тамъ старинныхъ княжескихъ особахъ, для отсылки въ означенную академію, въ реченную консисторію прислать при доношеніяхъ въ немедленномъ времени и о томъ по Ростову въ соборную церковь и въ монастыри послать указы, а для такова же вѣдома и исполненія въ Ростовскую его преосвященства экономическую канцелярію сообщить вѣдѣніе, а въ Ярославское духовное правленіе послать же указъ, каковъ оной и присланъ. И во исполненіе оного Ея Императорскаго Величества указу въ показанномъ Ярославскомъ духовномъ правленіи опредѣлено: о вышеявленномъ для надлежащаго вѣдома и исполненія по Ярославлю въ монастыри и пустыни, въ соборную церковь и къ закащику для раздачи по всѣмъ церквамъ точныхъ копіевъ съ росписками послать указы (о чемъ сей указъ къ тебѣ и посланъ). И закащику попу Иліи учинить о томъ по сему Ея Импера-

торскаго Величества указу, а о полученіи сего указу въ реченное правленіе репортовать тебѣ вскорости, при чемъ и объявленныя священно и церковнослужительскія росписки предъявить неотмѣнно.—На подлинномъ указѣ пишутъ тако: Кипріанъ архимандритъ Толгскій. Протоіерей Ѳеодоръ. Управитель Алексѣй Макинъ. Канцеляристъ Николай Карашскій. Марта 12-го дня 1761 году. Закащикъ попъ Иліа Пятницкій.

Г. Ярославль. Сообщ. **В. И. Лѣствицынъ.**

Донесеніе о неблагочиніи

въ 1810-хъ гг.

Трудно повѣрить, чтобы въ не очень давнее время, въ первой четверти XIX столѣтія, происходили въ средѣ русскаго духовенства грустные факты, изложенные въ представляемомъ мною документѣ. Всего замѣчательнѣе то, что они совершались не въ какой либо отдаленной окраинѣ Россіи, но, можно сказать, въ сердцѣ ея, въ большомъ селѣ, отстоящемъ отъ Москвы не болѣе какъ въ 150 верстахъ! Какое слѣдствіе имѣла нижеслѣдующая жалоба священника на дьяконовъ и причетниковъ, и постигла ли законная кара виновныхъ—остается неизвѣстнымъ.

Качество бумаги и почеркъ, которымъ написанъ документъ, указываютъ на конецъ десятыхъ, или начало двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Годъ и число не означены; въ подлинникѣ находятся помарки, поправки и надстрочныя приписки. **Н. Г.**

Донесеніе села Бѣлоомута, Борковской половины, протоіерею и благочинному отцу Тимоѳею Козмину о поступкахъ діаконовъ и дьячковъ того же села Бѣлоомута Комаревской половины, кои не только неприличны духовенству, но предосудительны даже и въ простомъ званіи.

Буйство, гордость, неуваженіе къ священнымъ мѣстамъ, непокорность къ священникамъ, каковые отъ нихъ бываютъ, объясняются слѣдующими поступками:

Въ одно время діаконъ Евфимій Денисовъ, по отпѣтіи литургіи съ священникомъ Николаемъ Ивановымъ, въ такомъ былъ изступленіи, что забылъ санъ свой и самого себя; въ стихарѣ шумѣлъ, прыгалъ, и дѣлалъ такія наглости, кои свойственны только съумасшедшимъ; неоднократно выбѣгалъ изъ алтаря, и въ присутствіи прихожанъ, оставшихся слушать имѣющую быть панихиду, произносилъ мерзкія и ругательныя слова. Не стерпя же укоризнъ ихъ и насмѣшекъ, азартнымъ образомъ вскочилъ въ находящійся близь святаго алтаря чуланъ, въ которомъ нѣкогда племянникъ его, находящійся при пономарскомъ указѣ, церковникъ Иванъ Ивановъ . . . . . .

о чемъ и было донесено вашему высокоблагословенію въ то время. И какъ священникъ не могъ иначе усмирить его, то, только затворивши дверь, заперъ ее задвижкою, дабы онъ, по своей природной храбрости, не спрокудилъ чего нибудь слишкомъ важнаго: и хотя по отпѣтіи панихиды онъ и выпустилъ его, и просилъ быть посмирнѣе, но онъ еще болѣе и болѣе шумѣлъ, и ругалъ священника свиньею.

Во время служенія ранней обѣдни, также съ священникомъ Николаемъ Ивановымъ, при сказываніи словъ: «Со страхомъ Божіимъ», выкатилась изъ пазухи его табакерка, и покатилась въ Царскія двери, чѣмъ произвелъ въ присутствующихъ великой смѣхъ.

Во время вечерни, чередный священникъ Иванъ Ивановъ, услышавшій въ Петропавловскомъ алтарѣ великой шумъ и хохотъ, послалъ пономаря Ивана Михайлова узнать о причинѣ онаго, который, пришедъ, нашелъ алтарь запертымъ изнутри щипцами; всматриваясь въ скважину двери, усмотрѣлъ въ ономъ бѣгающихъ ребятъ; отворивши же съ усиліемъ двери, увидалъ племянника сего діакона, съ братомъ и другими ребятами играющихъ въ гулючки, и бѣгающихъ вокругъ престола и черезъ новеръ; и когда означенный Иванъ Михайловъ повелъ ихъ изъ церкви, мальчишка, по обыкновенію своему, закричалъ во все горло; діаконъ, вмѣсто того, чтобъ усмирить наказаннаго мальчика, и какъ родственнику поучить, ругалъ пономаря Ивана Михайлова, говоря—какъ онъ смѣлъ его племянника вывести изъ церкви, о чемъ и была подана жалоба въ то же время.

Гордостію своею и необыкновеннымъ чванствомъ, до такого дошелъ неистовства и до такой степени унизилъ санъ свой, не только ругалъ, но даже билъ и выщипалъ бороду у старика, который опредѣленъ для того, чтобы топить церковь, о чемъ извольте допросить его самого, священно-церковно-служителей, и бывшаго бурмистра Полежаева.

По окончаніи литургіи въ субботу, на первой недѣлѣ сего Великаго поста, когда прихожане, причащавшіеся Святыхъ Тайнъ, слушали обыкновенный послѣ причащенія бывающій молебенъ, церковнослужители, по ихъ обыкновенію, въ алтарѣ, куда они всегда собираются нюхать табакъ, и желая одинъ передъ другимъ захватить болѣе, нечаянно вышибли табакерку изъ рукъ державшаго ее такъ сильно, что оная покатилась въ растворенныя въ то время Царскія двери, и близь стоящіе причетники не мало смѣялись сему происшествію.

Неистовство ихъ до того простирается, что во святилищѣ совершаются самыя богомерзкія нелѣпости: на горнемъ мѣстѣ, сидя на стулѣ, стригутъ волосы, руки отираютъ ризами, вызываютъ другъ друга биться на кулачки, дѣлаютъ непристойныя кривлянія и безпрестанные крики; не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ святынѣ, облокачиваются на жертвенникъ, что особенно дѣлаетъ діаконъ Евфимій, который если начнетъ что говорить, то

обыкновенно или ложится на оном заворотя руки назадъ, или бѣгаетъ по алтарю какъ съумасшедшій, и никогда не слушаютъ священника, запрещавшаго сіи непристойности.

Доказательствомъ сего послужитъ слѣдующее происшествіе: однажды діаконъ Василій, взявъ поперегъ дьячка Якова, столь сильно сжалъ его, что сей, почувствовавъ нестерпимую боль, закричалъ весьма необыкновенно, и перепугалъ всѣхъ находящихся въ то время; на упреки череднаго священника Ивана Иванова, который укорялъ ихъ въ непочтеніи святыни, дьячекъ Яковъ отвѣтствовалъ: «О вы, святоши! любите учить, а сами что̀ дѣлаете?» И послѣ сего сталъ говорить такія слова, которыя помѣщены быть здѣсь не могутъ, а объяснятся вамъ словесно; при чемъ были: священникъ Николай и дьячекъ Семенъ Михайловъ.

24-го марта, предводитель заговора на священниковъ и крамолъ, о коемъ уже вы извѣстны, діаконъ Василій, пришедши къ вечернѣ, началъ укорять череднаго священника Ивана Иванова, что-де не въ свое ты дѣло вступился, ибо оное до тебя не касалось, и угрожалъ ему не только лишеніемъ чести, но сана; когда же вышеупомянутый священникъ приказалъ пономарю Ивану Михайлову взять у него ключъ отъ кружки, то онъ закричалъ: «не отдамъ ворамъ» и повторилъ многократно слова сіи; наконецъ, съ досадою бросилъ ключъ, который и отнесенъ былъ въ то же время къ старостѣ церковному.

Сверхъ сего, множество дѣлъ ихъ, несвойственныхъ съ ихъ саномъ, могутъ быть объяснены вамъ словесно, поелику содержаніе оныхъ не только нелѣпо и богопротивно, но и для прихожанъ, которые часто намъ, священникамъ, о семъ выговариваютъ, весьма соблазнительно и нетерпимо.

И посему, церковь наша толико уничижена, толико поругана, толико обезславлена студными ихъ дѣлами, что весьма прилично сказать объ ней сіи словеса Господни: «домъ мой—домъ молитвы наречется, вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ». И святый алтарь у нихъ ни что иное, какъ торжище, гдѣ происходятъ безпрестанные счеты, повѣрки, смѣшанные крики и ругательства, что весьма обезображиваетъ сіе святое мѣсто, и дѣлаетъ презрѣннымъ для самыхъ прихожанъ.

Того ради, ваше высокоблагословеніе, покорнѣйше просимъ разсмотрѣть сіе дѣло, и очистить церковь, уничиженную ими, и оправдать санъ священства въ глазахъ ихъ, а особливо предъ діакономъ Евфиміемъ, не ставящимъ ни во что санъ іерейства; наказать же всѣхъ насъ по достоянію; на что и ожидаемъ вашего благоусмотрѣнія.

Не наблюдая нимало благопристойности, озарничаютъ всегда, бывше въ благопристойныхъ компаніяхъ, въ которыя они призываемы бываютъ по уваженію къ ихъ сану; въ одной изъ таковыхъ компаній, вышеупомянутый діаконъ Евфимій, вскруживши голову свою излишествомъ винныхъ паровъ,

между разнаго рода нелѣпостями, продавалъ публично мѣсто свое, и добровольно отрекался отъ онаго, предпочитая крестьянскую жизнь своей, и даже отъ одного въ насмѣшку получилъ за оное задатку. Когда же одинъ изъ крестьянъ, Максимъ Кѣлинъ, началъ ему представлять о твуеести его поступка, то онъ тотчасъ началъ его ругать, и наконецъ учинилъ драку, о чемъ извольте спросить его самого и вышеупомянутаго Кѣлина.

Москва. Сообщ. Н. В. Губерти.

Изъ эпохи изгнанія Наполеона изъ Россіи.

4-го февраля 1813 года.

Письмо ваше, милый другъ мой Иванъ Александровичъ (Родіоновъ), отъ 7-го января, я имѣлъ удовольствіе получить — сердечно радуясь о благоденственномъ вашемъ пребываніи. Злодѣй всей Европы, Бонапартъ отяготилъ проклятую руку свою на всѣ сословія людей, и всякое изъ нихъ—болѣе или менѣе—но почувствовало тягость злыхъ его плановъ и предпріимчивости. Но великъ Господь силъ! и славно бо прославися! — Мнѣ очень пріятны стишки:

Наполеонъ всѣ царства поглотилъ,
И никогда-бъ глотать не утомился;
Да отъ чего-жъ теперь онъ пересталъ?
Бездѣлица—Россіей подавился!

Вотъ истинно справедливо—что онъ Россіей подавился! Не только чтобъ что-либо пріобрѣсти, но всю почти армію и вмѣстѣ съ пограбленнымъ имуществомъ, и все собственное потерялъ, и бросся малую часть оставшагося войска—едва могъ спасти свою особу. Вотъ какъ Господь караетъ поругателей своихъ храмовъ! Наполеонъ ничего не успѣлъ сдѣлать,—какъ только оставилъ слѣды разбойника и вѣчное заслужилъ проклятіе.

По сей часъ, мы, слава Богу, всѣ здоровы, и поживаемъ въ селѣ нашемъ Галдинѣ, по благости Господней, благополучно. Во время нашествія въ Москву иноплеменныхъ, и мы здѣсь претерпѣли много страха и безпокойства. Сосѣди наши разъѣхались въ разныя стороны, и у меня все нужное имущество положено было на повозки, и недѣль шесть я жилъ у себя въ домѣ какъ на квартирѣ, и всякій часъ готовъ былъ, по первому увѣдомленію, въ два часа изъ деревни совсѣмъ выѣхать. Раза три закладывались лошади—по несправедливымъ слухамъ, и, по вѣрнымъ извѣстіямъ—опять откладывались. У меня до Тулы и до Зарайска разставлена была своя почта, и я всякій день

имѣлъ вѣрныя увѣдомленія; а по сему-то Господь меня сохранилъ, что я остался безвыѣздно въ своей деревнишкѣ, а чрезъ то избѣгъ тѣхъ безпокойствъ и убытковъ, которые многіе уѣхавшіе претерпѣли. Вмѣстѣ съ разореніемъ Москвы—и мы понесли болѣе 8-ми тысячъ убытку, въ остающемся тамъ имуществѣ, состоящемъ въ экипажѣ, платьѣ, посудѣ и прочая, что я не успѣлъ, по нерасторопности моей, оттуда вывезти; да и казалось — гдѣ же можно будетъ спасти имущество, когда будетъ взята Москва? а всего въ дорогу съ собою не увезешь. Такъ тому и быть! и слава въ вышнихъ Богу! что сами остались живы и здоровы и безъ выѣзда изъ своей деревнишки. Мое намѣреніе было сперва ѣхать въ Козловскій уѣздъ, гдѣ, по дружбѣ господъ Коробьиныхъ, близко ихъ селенія, въ господской деревнѣ — приготовленъ мнѣ былъ и домъ; а еслибъ и оттуда супостатъ погналъ насъ далѣе, то предполагалъ ѣхать или въ Саратовъ, или Симбирскъ, какъ-либо поближе въ сосѣдство къ другу моему Ивану Александровичу, надѣясь вѣрно, что, въ случаѣ каковой-либо крайности—онъ, конечно, въ возможномъ меня не оставитъ, по слову:— друг друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. Въ семъ случаѣ увѣренъ былъ и въ милостивой государынѣ Дарьѣ Никифоровнѣ, что и она съ своей стороны не оставитъ Софью Александровну безъ сотоварищества, и доставитъ ей своею особою утѣшеніе. Вотъ видишь, другъ мой любезный, сколь много я на васъ надѣялся.

Злодѣи хотя, по благости Господней, и истреблены, но проклятое ихъ нашествіе все еще доставляетъ много убытковъ и безпокойства, со стороны разныхъ повинностей. Наши оброчные крестьяне—въ Костромѣ, и хотя тамъ непріятель не былъ, но бѣдные мужики очень много претерпѣли убытковъ—въ поставкѣ воиновъ и прочее, и врядъ ли въ состояніи будутъ заплатить оброкъ; а въ здѣшней деревнѣ—не только что-либо продать, но по неурожаю хлѣбовъ,—а притомъ что и градъ насъ крайне обидѣлъ,—я принужденъ тысячи на двѣ хлѣба купить. Но какъ бы то ни было, по сей часъ дальней нужды еще не видимъ. Вотъ и слава въ вышнихъ Богу!

Дочери всѣ при насъ; большая жила въ подмосковной деревнѣ у своей тетки, и до входа непріятелей въ Москву успѣла къ намъ прискакать. Замужняя также пріѣхала къ намъ съ своимъ имуществомъ— съ намѣреніемъ странствовать вмѣстѣ съ нами; а мужъ ея въ Тульскомъ ополченіи; а теперь она съ нимъ въ Тулѣ. Большой сынъ, по разореніи Москвы, странствовалъ со своимъ генераломъ и со всѣмъ коммисаріатомъ по разнымъ городамъ; наконецъ, коммисаріатъ оставленъ въ Нижнемъ, а онъ съ генераломъ отправился въ Петербургъ; оттуда тотчасъ командированъ былъ въ Кострому принять два милліона

денегъ и доставить ихъ въ Нижній въ коммисаріатскую коммисію, что исполня, имѣлъ позволеніе ѣхать къ намъ и дожидаться предписанія куда ему явиться, — и онъ гоститъ у насъ недѣль уже пять. Сергѣй живетъ въ Петербургѣ, а маленькій Митя также съ нами.

Ну вотъ, мой другъ, я выполнилъ ваше желаніе,—и все о себѣ я къ вамъ написалъ. Теперь осталось пожелать вамъ здоровья и благоденствія, и увѣрить васъ о непремѣнной чистой къ вамъ дружбѣ— вѣрнѣйшаго вашего слуги Павла Черкесова.

Благодарю душевно, милостивая государыня Дарья Никифоровна, за приписаніе къ намъ, и за желаніе знать о насъ. Мы очень, очень увѣрены въ искреннемъ вашемъ къ намъ расположеніи; да продлитъ Господь здоровье и благоденствіе ваше и всего вашего милаго семейства на множество лѣтъ. Сего искренно желаетъ вѣрно покорнѣйшій вашъ слуга Павелъ Черкесовъ.

Долгомъ поставляю, милостивые государи мои, Иванъ Александровичъ и Дарья Никифоровна, изъявить вамъ мою искреннюю благодарность за приписаніе ко мнѣ и увѣрить васъ о непремѣнномъ моемъ къ вамъ почитаніи, съ коимъ останется навсегда покорнѣйшая ко услугамъ вашимъ Софья Черкесова.

Г. Корсунь, Симб. губ. Сообщ. **Дм. П. Родіоновъ.**

Мѣсто кончины гр. Дибича

† 29-го мая 1831 г.

Е. П. Карновичъ въ интересной своей монографіи «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ» ошибается, говоря, что Дибичъ скончался въ Витебскѣ. («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 260).

Я участвовалъ въ кампаніи 1831 года и помню какое потрясающее впечатлѣніе произвела на всѣхъ насъ неожиданная кончина фельдмаршала Дибича, и, будучи почти на мѣстѣ, также помню, что фельдмаршалъ скончался не въ Витебскѣ, а около Пултуска. Вѣрность сего подтверждается наведенною мною справкою, что въ Петербургѣ, на протестантскомъ кладбищѣ Волкова поля, на памятникѣ могилы Дибича, находится слѣдующая надпись:

«Фельдмаршалъ Дибичъ скончался въ Царствѣ Польскомъ, въ Клешевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Пултуска, 29-го мая (10-го іюня) 1831 года, въ четверть двѣнадцатаго часа утра, заболѣвъ въ два часа ночи, того же числа, холерою. Родился въ Прусской Силезіи, въ помѣстьѣ Гросъ-Лейна, 1-го (13-го) мая 1785 года».

Въ виду большаго историческаго значенія изданія «Русской Старины», считаю необходимымъ поправить обмолвку г. Карновича.

Г. Масальскъ, Калуж. губ. Сообщ. **П. Суходольскій.**

Фрегатъ „Княгиня Ловичъ".

Прочитавъ статью Е. П. Карновича о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, мнѣ пришло на память, что, въ честь княгини Ловичъ, заложенный на Охтѣ 1-го декабря 1827 г. и спущенный на воду 26-го мая 1828 г., 44-хъ пушечный фрегатъ былъ названъ: «Княгиня Ловичъ». Въ томъ-же году фрегатъ этотъ былъ отправленъ въ Архипелагъ для усиленія русской эскадры, которою командовалъ графъ Гейденъ, а послѣ него адмиралъ П. И. Рикордъ. Фрегатъ этотъ перечисленъ изъ балтійскаго флота въ черноморскій въ 1833 г. и обращенъ въ Николаевѣ подъ блокшифъ, въ 1837 году [1]).

Г. Гатчино. Сообщ. А. В. Фрейгангъ.

ХОЛЕРНОЕ КЛАДБИЩЕ НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ 1831.

Лѣтомъ 1830 года холера свирѣпствовала въ низовыхъ губерніяхъ; осенью пробралась въ Москву; весною 1831 года появилась въ сѣверо-восточныхъ краяхъ и въ остзейскихъ губерніяхъ; окаймила Петербургъ со всѣхъ сторонъ и быстро надвигалась на столицу, подобно громовой тучѣ. Самые недальновидные люди были въ полной увѣренности, что эпидемія, не смотря на карантины, непремѣнно появится въ Петербургѣ и найдетъ въ немъ богатую поживу. При всемъ томъ, наше русское «авось» разгоняло преждевременныя опасенія: безпечно веселились жители столицы и на масляной и на Святой (которая въ тотъ годъ была 19-го апрѣля); оживлены были гульбища, театры полны; общественное здоровье находилось въ самомъ удовлетворительномъ состояніи, смертность въ больницахъ была незначительная. Нева вскрылась 4-го апрѣля; наступила весна, такая теплая, благодатная, какой давно не было: сады и острова зазеленѣли въ половинѣ мая; воздухъ былъ чистъ, ароматенъ, не было замѣтно въ немъ и малѣйшаго атома заразы. 29-го мая, къ Калашниковой пристани, въ числѣ прочихъ судовъ, прибыла барка изъ Вытегры. Черезъ двѣ недѣли на ней заболѣлъ судорабочій припадками, похожими на холерные, но, благодаря медицинской помощи, выздоровѣлъ и на этотъ случай никто не обратилъ особеннаго вниманія; противъ обыкновенія, городская молва не воспользовалась имъ для распространенія тревожныхъ, преувеличенныхъ слуховъ. Іюнь подходилъ къ половинѣ. Весеннюю теплоту смѣнилъ зной необыкновенный. Ясное, без-

---

[1]) См. превосходно составленный «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 г.» Ѳ. Ѳ. Веселаго. Спб. 1872 г., въ 4-ю долю листа, стр. 797.

облачное небо приняло какой-то зеленоватый отливъ, горизонтъ покрылся туманомъ; солнце безъ лучей казалось раскаленнымъ ядромъ, но жгло невыносимо, при совершенномъ безвѣтріи. Термометръ доходилъ до 25° въ тѣни.... Такова была обстановка, при которой въ С.-Петербургѣ обнаружились несомнѣнные признаки появленія холеры.

17-го іюня въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 141) было напечатано первое объявленіе отъ генералъ-губернатора о томъ, что наканунѣ, въ Рождественской части холерною эпидеміею заболѣли и умерли маляръ, будочникъ, а въ Литейной—трактирный маркеръ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; 18-го числа появился первый бюллетень о заболѣвшихъ и умершихъ въ теченіе первыхъ четырехъ дней: цифры, очевидно приблизительныя, могли дать только понятіе о пропорціи умиравшихъ къ заболѣвавшимъ—24: 48—половина на половину.

Несправедливо было-бы безусловно порицать врачебно-полицейскія мѣры, немедленно принятыя. Изъ нихъ бо̀льшая часть была весьма разумна въ теоріи, но, къ сожалѣнію, не въ ихъ примѣненіи къ дѣлу. Излишнее усердіе исполнителей правительственныхъ распоряженій и неопытность докторовъ имѣли, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія. Былъ учрежденъ особый комитетъ; были въ каждую часть города назначены особые попечители; устроены больницы; отмежеваны подъ городомъ особые участки для погребенія холерныхъ; въ газетахъ ежедневно печатались діэтическія наставленія, рекомендовались лекарства, предохранительныя средства... но всѣ эти мѣры были совершенно безсильны противъ ужасной паники, обуявшей всѣ сословія столицы,—паники, которая въ простомъ народѣ вскорѣ перешла въ безумное отчаяніе. Въ горѣ народъ, какъ одинъ человѣкъ, взятый въ частности—упрямъ, раздражителенъ; кротость, разумныя убѣжденія—единственныя орудія противъ болѣзненной, нервической раздражительности. Эта простая истина была упущена изъ виду тогдашнею администраціей. Нижніе полицейскіе чины, на которыхъ была возложена тяжкая обязанность отвозить холерныхъ больныхъ въ больницы, отнеслись къ ней съ яростнымъ усердіемъ, исполняя свою обязанность съ мягкосердіемъ фурманщиковъ. Больничныя кареты разъѣзжали по городу и въ нихъ забирали заболѣвавшихъ на улицахъ и въ домахъ. Чтобы попасть въ подобную карету, жителю Петербурга, въ особенности простолюдину, достаточно было или быть подъ хмѣлькомъ или присѣсть у воротъ, у забора, на тумбу. Не слушая никакихъ объясненій, полицейскіе его схватывали, вталкивали въ карету и везли въ больницу, гдѣ несчастнаго ожидала зараза—если онъ былъ здоровъ, и почти неизбѣжная смерть—если былъ боленъ. Умирали въ больницахъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго старанія и совер-

шеннаго неумѣнія докторовъ. Съ ожесточеніемъ вступая въ борьбу съ холерой въ лицѣ больныхъ, бѣдные врачи были къ нимъ безжалостны. Мушки, горчичники, микстуры, горячія ванны—наконецъ, кровопусканія... вся эта масса средствъ рушилась на несчастныхъ больныхъ цѣлой лавиной и, разумѣется, всего чаще ихъ придавливала. Особенно неумѣстно было кровопусканіе въ болѣзни, при которой вся кровяная пасока извергается человѣкомъ! Но тогда этого не принималось во вниманіе. Фурманщики, забиравшіе больныхъ изъ домовъ, бывали къ нимъ еще безжалостнѣе нежели къ прохожимъ на улицахъ. Послѣднимъ еще удавалось иногда убѣгать, откупаться; но къ огражденію больныхъ въ домахъ (особенно въ артеляхъ) отъ усердныхъ полицейскихъ, даже деньги были безсильны. Боязнь, что «начальство взыщетъ» заглушала въ нихъ чувства и человѣколюбія и корыстолюбія. Одною изъ побудительныхъ причинъ мятежа на Сѣнной и разгрома больницы въ домѣ Таирова былъ слѣдующій, дѣйствительно возмутительный фактъ [1]).

У одного купца, на Большой Садовой, жилъ въ кучерахъ молодой, недавно женатый парень. Утромъ 23-го іюня, онъ куда-то выѣхалъ съ хозяиномъ, оставивъ свою молодую жену совершенно здоровою, а возвратясь домой часа черезъ два, съ ужасомъ услышалъ, что она захворала холерою и отвезена въ Таировскую больницу. Несчастный опрометью бросился туда и былъ встрѣченъ извѣстіемъ, что жена его скончалась и снесена въ сарай... Не мало слезъ и моленій стоило бѣдняку, чтобы ему дозволили взглянуть на покойницу. Его ввели въ «мертвушку»: трупы мужчинъ и женщинъ, совершенно нагіе, лежали на полу, въ ожиданіи гробовъ, осыпанные известью... Онъ отыскалъ трупъ жены, рыдая упалъ на него и, къ крайнему ужасу и невыразимой радости, замѣтилъ въ немъ признаки жизни. Какъ безумный, схвативъ жену на руки, онъ выбѣжалъ во дворъ, осыпая проклятіями больницу и докторовъ. Мнимо-умершая, которую немножко поторопились снести въ мертвушку, часа черезъ два дѣйствительно скончалась; но несчастный мужъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ кровавой драмѣ разгрома Таировской больницы. Замѣтимъ здѣсь, что главнымъ докторомъ ея былъ кол. сов. Земанъ (убитый разъяренной чернью), ординаторами: иностранный докторъ Тарони и надв. сов. Молиторъ, подвергшіеся, если не ошибаемся, одинаковой участи съ Земаномъ. Не распространяемся о бунтѣ на Сѣнной, о которомъ сохранилось

---

[1]) Мы слышали о немъ отъ многихъ лицъ, вполнѣ заслуживавшихъ довѣрія и, въ ихъ числѣ, отъ покойнаго И. В. Буяльскаго. П. П.

такое множество разсказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые и невѣрны и преувеличены; скажемъ только, что на другой же день посѣщенія покойнымъ государемъ этой площади, вмѣстѣ съ водвореніемъ спокойствія, послѣдовала отмѣна полицейскаго вмѣшательства въ отправленіе холерныхъ по больницамъ, о чемъ было объявлено отъ генералъ-губернатора («Спб. Вѣдомости» 25-го іюня 1831 года, № 147) съ оговоркою, чтобы трупы умершихъ отъ холеры не оставались въ домахъ долѣе сутокъ, во избѣжаніе заразы...

Въ послѣднюю недѣлю іюня мѣсяца и въ первые три дня іюля—смертность достигла крайняго предѣла. Доказательства тому не въ «Вѣдомостяхъ», въ которыхъ цифры уменьшались на половину—нѣтъ! доказательства несомнѣнныя—на холерныхъ кладбищахъ, на которыхъ донынѣ уцѣлѣли памятники, помѣченные упомянутыми числами съ 24-го іюня по 4-е іюля роковаго, ужаснаго года[1]). 3-го іюля было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что по высочайшему повелѣнію «умершіе холерою впредь имѣютъ быть хоронимы не днемъ, а по ночамъ». Памятны эти ночи петербургскимъ старожиламъ. При красноватомъ мерцающемъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, съ одиннадцати часовъ вечера тянулись по улицамъ цѣлые обозы, нагруженные гробами, безъ духовенства, безъ молитвы; тянулись за городскую черту на страшныя, отчужденныя, опальныя кладбища.... Одно изъ таковыхъ, которому посвящена наша статья, понынѣ находится на Выборгской сторонѣ, на болотистомъ полѣ, покрытомъ кочками, и невѣдомо почему называемомъ «Куликовымъ». Оно лежитъ за новымъ арсеналомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ католическаго кладбища. Не надобно обладать слишкомъ нѣжнымъ сердцемъ—достаточно быть только человѣкомъ, чтобы при входѣ на это забытое кладбище не проникнуться грустными воспоминаніями. Ветхій заборъ мѣстами повалился. Широко разрослись вербы, сирень, березы и кой-гдѣ елки. По срединѣ высится большой крестъ, которымъ означена была эта «божья нива» 47 лѣтъ тому назадъ...

И могилы межъ собой
Какъ испуганное стадо
Жмутся тѣсной чередой!

---

[1]) Кромѣ лицъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ нашемъ разсказѣ, жертвами холеры въ этотъ періодъ времени были: княгиня Куракина, графиня Завадовская; профессоры Н. П. Щегловъ, Т. О. Роговъ; генералъ-инспекторъ морскаго штаба, извѣстный мореходъ В. М. Головнинъ; герои 1812-го года графъ А. О. Ланжеронъ, В. Г. Костенецкій, тайн. сов. К. И. Баумгартенъ, П. С. Молчановъ; артистъ В. И. Рязанцевъ, книгопродавцы И. И. Глазуновъ, М. И. Заикинъ и мн. др. П. П.

Между ними видны высокіе холмы безъ всякихъ памятниковъ, густо опушенные мохомъ.

— «Тутъ общія, больничныя могилы,—объяснилъ сторожъ (когда мы посѣтили это кладбище лѣтъ двадцать тому назадъ),—подъ каждымъ холмомъ зарыто человѣкъ по пятидесяти. Это я какъ теперь помню. Подъ большимъ крестомъ была раскинута парусинная палатка; въ ней помѣщался «батюшка» съ дьячкомъ... оба выпивши (да и нельзя иначе: бодрости ради!), и тутъ-же полицейскіе. Ямы вырыты глубокія; на дно известь всыпана и тутъ-же цѣлыми бочками заготовлена... Ну, видимъ—ѣдутъ изъ города возы: гробы наставлены, какъ въ старину дрова складывали, другъ на дружку нагромождены; въ каждый возъ пара лошадей впряжена, и то еле лошадямъ подъ силу. Подъѣдутъ возы къ ямамъ: выйдетъ «батюшка» изъ палатки, горсть песку на всѣ гробы кинетъ, скажетъ: «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси»—и все отпѣванье тутъ... Гробы сразу сваливаютъ въ яму, известью пересыпятъ, зароютъ — и дѣло съ концомъ! Бывало иной гробъ тутъ-же и развалится; да не сколачивать-стать! И сказать къ слову—смраду особеннаго не было! Разъ, что покойникамъ залеживаться не давали, а два—вокругъ города лѣса горѣли, такъ, можетъ статься, дымомъ-то и воздухъ прочищало!»

Этотъ разсказъ сторожа—вѣрная картина того, что происходило на всѣхъ «холерныхъ» кладбищахъ.

Нѣсколько памятниковъ на «Куликовомъ» воздвигнуты надъ могилами людей замѣчательныхъ и мѣсто вѣчнаго ихъ успокоенія не должно быть забыто.

Влѣво отъ входа, подъ тремя раскидистыми елями, сохранилась плита съ надписью, почти смытою дождями. Двадцать лѣтъ тому назадъ явственными, черными буквами на ней было изсѣчено: «Здѣсь покоится тѣло Матвѣя Яковлевича Мудрова, дѣйств. ст. сов., доктора медиц., профес. Московскаго университета, президента центральной холерной коммисіи въ Петербургѣ—окончившаго земное свое поприще, послѣ долговременнаго служенія на пользу страждущаго человѣчества, въ христіанскомъ подвигѣ подаянія помощи зараженнымъ холерою, сраженнаго ею и павшаго жертвою своего усердія 7-го іюля 1831 г.».

Не знаемъ, до какой степени справедливъ слышанный нами разсказъ о кончинѣ покойнаго. 1-го іюля происходило открытіе временной больницы для судорабочихъ на Калашниковой пристани, при которомъ М. Я. Мудровъ говорилъ прекрасную (хотя нѣсколько витіеватую) рѣчь [1]), напоминая присутствовавшимъ о любви къ ближ-

[1]) См. «Сѣверную Пчелу» 18-го іюля 1831 г, № 159. П. П.

нему и самопожертвованіи. Это воззваніе не было фразою, такъ какъ Мудровъ самъ подавалъ примѣръ человѣколюбія и самоотверженія, проводя дни и ночи въ холерныхъ больницахъ. Дня черезъ четыре, побуждаемый любознательностью, онъ отважился на подвигъ неслыханный: выразилъ желаніе вскрыть трупъ холернаго. Молодой докторъ В. И. Орловъ [1]) вызвался помогать профессору, который безотлагательно приступилъ къ дѣлу... но едва взялъ ножъ, какъ почувствовалъ себя дурно: обнаружились признаки злѣйшей холеры и на другой день Мудровъ скончался. Точно проклятая болѣзнь не хотѣла допустить ученаго мужа проникнуть и разгадать ея тайну.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы М. Я. Мудрова похороненъ нашъ знаменитый гидрографъ—адмиралъ Гавріилъ Андреевичъ Сарычевъ (скончался въ ночь съ 29-го на 30-е іюля).

Далѣе, подъ большимъ гранитнымъ обелискомъ, покоится прахъ инженеръ-генерала графа Карла Ивановича Оппермана (скончался 1-го іюля). Нелѣпые слухи объ отравленіи, волновавшіе простой народъ, не были отвергаемы лицами образованныхъ классовъ общества. Графъ Опперманъ—человѣкъ умный, просвѣщенный, скончался отъ холеры съ той мыслію, что онъ жертва таинственныхъ отравителей. Накануне своей кончины, совершенно здоровый и бодрый, онъ былъ въ Стрѣльнѣ и имѣлъ неосторожность, будучи сильно разгоряченъ, напиться холодной воды изъ колодца. Холера не замедлила... Умирая, графъ Опперманъ требовалъ, чтобы колодезная вода была подвергнута химическому разложенію, утверждая, что она отравлена [2]).

Почти рядомъ съ его памятникомъ, на холерномъ кладбищѣ пять могилъ, обнесенныхъ особою оградою. На всѣхъ памятникахъ одно число: 24-го іюня—день, въ который (не первое и не послѣднее) цѣлое семейство исчезло съ лица земли.

Въ исходѣ двадцатыхъ годовъ, жилъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ на Выборгской сторонѣ, богатый, извѣстный всему городу купецъ Василій Ивановичъ Пивоваровъ, пользовавшійся вполнѣ

---

[1]) Въ послѣдствіи докторъ при военно-сухопутномъ госпиталѣ; скончался немного лѣтъ тому назадъ. Всѣ знававшіе его могутъ подтвердить, что В. И. былъ человѣкъ добрѣйшей души, не смотря на нѣкоторыя странности. Въ исходѣ тридцатыхъ годовъ онъ писалъ и переводилъ водевили; изъ нихъ «Гусарская стоянка» имѣла большой успѣхъ.

[2]) Въ одной статьѣ почтеннаго историческаго журнала было сказано, что гр. Опперманъ пилъ невскую воду и о ней говорилъ, будто она отравлена. Подобной нелѣпицы покойный не говорилъ, ибо, какъ человѣкъ здравомыслящій, не могъ допустить отравленія цѣлой рѣки—но допускалъ (весьма возможное) отравленіе колодца. П. П.

заслуженной репутаціей умнаго, развитаго человѣка, радушнаго хозяина и честнаго негоціанта. Въ исходѣ 1830 года, пользуясь пониженіемъ цѣнъ на деревянное масло, бывшее въ привозѣ, онъ началъ скупать его на биржѣ большими партіями. Знакомые смѣялись ему, онъ-же, имъ въ отвѣтъ, самъ усмѣхался, прибавляя, что они въ коммерческихъ дѣлахъ ничего не смыслятъ. Покойному И. В. Буяльскому, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, Пивоваровъ сказалъ, въ откровенную минуту, что отъ оборота съ деревяннымъ масломъ ожидаетъ въ будущемъ году громадныхъ барышей.—«Расчетъ вѣрный и безошибочный» сказалъ онъ. «Холера непремѣнно пожалуетъ къ намъ: въ приходѣ кораблей будетъ немного, а запросъ на масло усилится; оно и на лекарство понадобится, да—громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится—и люди богомольнѣе сдѣлаются: чаще лампады теплить станутъ»...

Расчетъ Пивоварова былъ вѣренъ: масло было распродано съ большими барышами, до послѣдней бочки... но холера за выгодную игру на биржѣ съиграла съ купцомъ злую шутку, взявъ съ Пивоварова страшный куртажъ: въ теченіе 24-го іюня она сразила его самого, его жену, старшаго сына, невѣстку и кухарку, бывшую у нихъ въ услуженіи... не пощадила даже рыбака, у котораго въ то утро жена Пивоварова торговала рыбу...

Впрочемъ, судя по разсказамъ старика-сторожа холернаго кладбища, почти съ каждой могилой сопряжены воспоминанія, отъ которыхъ дрожь пробѣгаетъ по тѣлу.

Со второй половины іюля эпидемія видимо стала ослабѣвать. Извѣстіе о совершенномъ ея прекращеніи было напечатано въ газетахъ въ достопамятный день — 7-го ноября. Этотъ день — бѣдственный семь лѣтъ тому назадъ (въ 1824 г.—наводненіе) былъ теперь днемъ общей радости: Богъ умилостивился надъ скорбящимъ городомъ.

Нельзя не замѣтить, что это страшное бѣдствіе пробудило во всѣхъ классахъ общества тѣ чувства христіанской любви къ ближнему, которыя въ дни благополучія какъ-то засыпаютъ въ человѣкѣ. Пожертвованія въ пользу овдовѣвшихъ и осиротѣлыхъ отовсюду лились дождемъ вмѣстѣ съ теплыми слезами состраданія. Совершено было много подвиговъ благотворительности; много было принесено прекраснѣйшихъ жертвъ, но въ ихъ массѣ не должна исчезнуть слѣдующая.

Въ редакцію «С.-П. Б. Вѣдомостей» прислано было безъимянное письмо, таковаго содержанія:

«Въ нынѣшнее горестное для всѣхъ время, одно весьма небогатое семейство потеряло отца и покровителя, у котораго было двое дѣтей:

сынъ и дочь. Сія послѣдняя имѣетъ девятерыхъ дѣтей, для которыхъ послѣдній былъ истинный дѣдъ и благодѣтель. Хотя имѣютъ они отца, но онъ имъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, безбѣднаго содержанія дать не можетъ. Сіе большое семейство посылаетъ 75 рублей для раздачи такимъ несчастнымъ, которые также потеряли своихъ родителей» [1]).

Въ доказательство невѣрности тогдашнихъ ежедневныхъ списковъ о холерныхъ больныхъ, прилагаемъ слѣдующую вѣдомость за первый мѣсяцъ появленія эпидеміи, составленную по тогдашнимъ газетамъ:

Іюнь.

18) Со дня появленія болѣзни (15-го числа) заболѣло 48 умерло 24.
19) заболѣло 68 умерло 25 выздоровѣло 1.
20) заболѣло 99 умерло 57 выздоровѣло 1.

21)	оставалось	102	заболѣло	152	умерло	67	выздоровѣло	2.
22)	»	185	»	223	»	106	»	1.
23)	»	301	»	240	»	119	»	11.
24)	»	414 [2])	»	212	»	100	»	8.
25)	»	554	»	234	»	113	»	10.
26)	»	665	»	399	»	157	»	11.
27)	»	887	»	525	»	177	»	14.
28)	»	1,221	»	579	»	237	»	48.
29)	»	1,515	»	570	»	277	»	54.
30)	»	1,754	»	515	»	272	»	30.

Іюль.

1)	оставалось	1,967	заболѣло	569	умерло	247	выздоровѣло	77.
2)	»	2,212 [3])	»	482	»	272	»	100.
3)	»	2,322	»	384	»	251	»	105.
4)	»	2,349	»	394	»	216	»	95.
5)	»	2,432	»	317	»	193	»	105.
6)	»	2,451	»	324	»	175	»	122.
7)	»	2,478	»	314	»	179	»	151.
8)	»	2,462	»	196	»	117	»	139.
9)	»	2,404	»	190	»	119	»	215.

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 7-го іюля 1831 г., № 157.
[2]) Въ слѣдующемъ бюллетенѣ, вмѣсто 414—450.
[3]) Опять ошибка: въ слѣдующемъ бюллетенѣ, вмѣсто 2,212—2,322. П. П.

10)	оставалось	2,260	заболѣло	174	умерло	95	выздоровѣло	124.
11)	»	2,215	»	140	»	94	»	158.
12)	»	2,103	»	104	»	60	»	158.
13)	»	1,989	»	108	»	60	»	121.
14)	»	1,916	»	99	»	108	»	161.

Въ общемъ итогѣ за весь періодъ эпидеміи заболѣло 9,245, умерла 4,757. Число—уменьшенное, по крайней мѣрѣ, на цѣлую треть. Достаточно вспомнить, что въ концѣ іюня на одномъ изъ шести или семи пригородныхъ холерныхъ кладбищъ хоронили въ одинъ день по двѣсти человѣкъ и болѣе. Могла-ли цифра умершихъ по всему городу достигать maximum — 277?

П. П.

НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ ПРОТИВЪ БОЛѢЗНЕЙ

НАЧАЛА XVIII-ГО ВѢКА.

I.

СКАЗАНІЕ ПРЕПОДОВНАГО ОТЦА НАШЕГО СИСИНІЯ О ДВУНАДЕСЯТИ ТРЕСОВИЦАХЪ.

Кирила заклинаетъ сею молитвою: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. При Черленемъ морѣ стоитъ столпъ каменный, въ томъ столпѣ сидитъ отецъ Сисиній и воззрѣвъ на море и види — въ морѣ восхищается вода до облакъ, а изъ моря идутъ двѣнадцать женъ простоволосыхъ, діавольскимъ видѣніемъ окаянныхъ. Вопроси у нихъ святый отецъ Сисиній: окаянныя, вы что за жены? И они ему рекоша: мы есмы тресовицы, дщери Филиповы, брата Ирода царя, усекшаго главу Іоанну Предтечеву; идемъ мучити родъ христіанскій; обѣдню, утреню просыпають—то есть наши угодницы.

II.

Помолися Богу святый отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскихъ людей отъ тресовицъ. И посла Господь къ нему два ангела и четыре евангелиста: Луку, Марка, Матѳія, Іоанна Богослова, идучи ихъ мучити треми зубцы желѣзными, дающе имъ по три тысячи ранъ на день, и онѣ ихъ боятся. Святые великіе отецъ Сисиній и Михаиле, Іоанне, Лука и Маркъ, Матѳей, Іоаннъ Богословъ! За что вы насъ мучите? Гдѣ мы ваши имена заслышимъ и отъ того роду бѣгаемъ за тридесять одно поприщъ. И рече святый отецъ Сисиній: а ваши имена суть?

Діявольскія:

Первая рече: имя мнѣ Тресея.

2-я рече: имя мнѣ Гнетея; ложится у человѣка въ грудяхъ,—грудицы и не даютъ ни пить, ни ѣсть.

3-я рече: имя мнѣ Ледея; та человѣка знобитъ, и не можетъ въ печи согрѣтися.

4-я рече: имя мнѣ Гнедея; а Гнедея та человѣку не даетъ спать, приступаютъ и умомъ метутъ.

5-я рече: имя мнѣ Глухія; та у человѣка ложится во главѣ, и уши закладываетъ: и голову ломитъ, и отъ того человѣкъ глухъ бываетъ.

6-я рече: имя мнѣ Пухія; та человѣка пущитъ и утробу желтитъ.

7-я рече: имя мнѣ Грудища; та у человѣка ложится въ грудяхъ и находитъ грепотаю (?).

8-я рече: имя мнѣ Желтея; та человѣка желтитъ, аки цвѣтъ будетъ.

9-я рече: имя мнѣ Огнея; та человѣка разжигаетъ, аки смоленымъ дровамъ.

10-я рече: имя мнѣ Ломея; та человѣка ломитъ, (аки) бури сухое древо.

11-я рече: имя мнѣ Корноша; та человѣка ручны и ножны жилы въ мѣсто влечетъ.

12-я рече: имя мнѣ Невея, сестра старшая плесовица, усекнула главу Іоанну Предтечу; котораго человѣка изоиметъ, тотъ человѣкъ не можетъ живъ быть.

III.

МОЛИТВА НА ВСЯКУ НЕМОЩЬ.

Владыко Вседержителю, врачи душъ и тѣлесъ, смиренные возносяй и наказуй, паки исцѣли еси брата нашего (имярекъ) немощствующаго; посети милостію Твоею, и простри мышцею Твоею исполнено исцѣленіе отъ вражды, и исцѣли его возставлена отъ одра немощи, запрети духу немощи, отстави отъ него всякую язву, всякую болѣзнь, всякую рану, всякую огневицу и тресовицу, и аще есть въ немъ согрѣшеніе, беззаконіе ослаби и остави, прости Твоего ради человѣколюбія. Ей, Господи! пощади Твое созданіе во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ же благословенно еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Ты еси окаянная Тресея.

Ты еси окаянная Гнетея.

Ты еси окаянная Ледея.

Ты еси окаянная Гнедея.

Ты еси окаянная Глухія.

Ты еси окаянная Пухія.

Ты еси окаянная Грудица.

Ты еси окаянная Желтея.

Ты еси окаянная Огнея.

Ты еси окаянная Ломея.

Ты еси окаянная Корноша проклятая.

Ты еси окаянная Невея, сестра страшная плесовица, усекнула главу Іоанну Предтечу.

Аще кто сію молитву у живота своего держитъ, дай же ему Господи подножіе его, покори всякаго врага и супостата, утверждены буди стрѣлами, стоитъ, не ходи до меня, раба Божія (имярекъ), святыми молитвами ангельскими, и архангельскими, и человѣческими, не будь и не доѣзжай меня насильствомъ раба твоего (имярекъ). Аще кто сію молитву на себѣ съ вѣрою держитъ, и не будетъ погибели ему до скончанія вѣка его.

IV.

Молитву подобаетъ творити надъ болящимъ человѣкомъ, надъ главою, отъ тресовицы.

Крестъ, Хранитель всей вселенней, крестъ красота, крестъ царемъ и княземъ держава и утвержденіе, крестъ верховныхъ крѣпость утвержденіе, крестъ немощныхъ исцѣленіе, крестъ очима просвѣщеніе, крестъ бѣсовъ на прогнаніе и хуленіе, крестъ окаяннымъ и проклятымъ тресовицамъ прогнаніе, крестъ рабу Божію (имярекъ) огражденіе, недуговъ его исцѣленіе, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ. Аминь.

V.

Молитва святаго Іоанна Златоустаго, спать ложась: О(т)ступися, сатана, отъ сего дому, и отъ всѣхъ дверей, и о(тъ) всѣхъ четырехъ угловъ, и основанія дому сего; здѣсь святые Петръ и Павелъ, здѣсь святая Богородица Христа рождаетъ,—здѣсь тебѣ, діаволе, нѣтъ мѣста, здѣсь святой Уримъ держитъ крестъ хранитель и полагаемся раба своего (имярекъ) спать,—здѣ пакости, діаволе, не наводи ни во дни, ни въ нощи и ни въ которой часъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ. Аминь. (Сіе глаголи трижды).

VI.

ПОСЛѢДОВАНІЕ.

Горе тебѣ, сатана; не бывай въ сей храминѣ, въ сей храминѣ престолъ написанъ, на томъ престолѣ четыре евангелиста—Лука, Маркъ, Матвій, Іоаннъ Богословъ, имутъ тя и введу(тъ) тя, и ввергнутъ тя въ червую пещу и огненную гору; тебе, сатана, не бывай въ сей храминѣ, въ сей храминѣ престолъ написанъ, на томъ престолѣ Іисусъ Христосъ, святая Богородица; отступися, сатана, отъ сей храмины и отъ всѣхъ предѣлъ храма сего; здѣ идутъ Михаилъ, Гавріилъ со всѣми ангелами честны, верховные апостолы. Азъ хощу жити и спасти(ся) въ вѣрѣ Христовѣ во вѣки. Аминь.

Примѣчаніе. Рукопись, въ 4-ю д., по почерку—должна быть отнесена къ началу XVIII-го столѣтія.

Г. Псковъ. Сообщ. изъ фамильнаго своего архива Н. Н. Вохинъ.

Письмо принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго къ цесаревичу Константину Павловичу [1]).

17-го (29-го) апрѣля 1815 г.—Вѣна.

(Переводъ съ французскаго). Ваше высочество! Тысячу разъ благодарю васъ за любезное письмецо, которое в. и. в. соблаговолили написать мнѣ; оно доставило мнѣ большое удовольствіе, какъ доказательство вашей обо мнѣ памяти. Боже мой, съ какимъ удовольствіемъ слѣжу, я за движеніемъ нашей дорогой арміи; вспоминаются мнѣ молодые герои, составляющіе многочисленный штабъ при главной квартирѣ; вижу отсюда провіантскихъ чиновниковъ въ ихъ изящныхъ мундирахъ, слышу воинственные крики и барабанный бой; въ самомъ дѣлѣ, сколько удовольствія доставилъ намъ великій человѣкъ, покинувъ свой островъ. Я вполнѣ понимаю, что положеніе ваше весьма критическое и тягостное, но вы должны принести нѣкоторую жертву ради общаго блага, такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ другихъ рукахъ правленіе этимъ страннымъ (singulier) государствомъ (Польшею) не пошло бы столь успѣшно. Ожаровскій разскажетъ вамъ всѣ новости лучше, нежели я съумѣю описать ихъ, но это не помѣшаетъ и мнѣ сообщить вамъ кое-что новаго. Въ Италіи дѣла подвигаются удивительно быстро; по всему видно, что ими руководитъ другъ Біанки: онъ вѣдь шутить не любитъ. Мюратъ надѣялся безъ труда разсѣять австрійцевъ, которые не успѣли еще сосредоточить своихъ силъ, въ то время

---

[1]) Братъ супруги Константина Павловича вел. к-ни Анны Ѳедоровны, принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій р. 1790, † 1865 г.

Въ спискѣ л.-гв. Измайл. полка, отъ 28-го мая 1800 г., принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій III показанъ полковникомъ 1-го полка. 1801 г. марта 14-го, л.-гв. Измайл. полка полковникъ принцъ Саксенъ-Кобургскій III переведенъ въ Конную гвардію. 1803 мая 16-го произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1810 году, вслѣдствіе требованія Наполеона, выѣхалъ изъ Россіи. Въ 1813 авг. 12-го снова прибылъ въ полкъ. Августа 14-го (26-го), при Дрезденѣ, и 18-го (30-го), при Кульмѣ, командовалъ кирасирскимъ Ея Величества полкомъ. См. Богдановичъ, IV, 171, 186, 187. Сент. 9-го кавалеръ ордена св. Георгія 4-й степени. Въ 1814 г. окт. 18-го произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1815 г. назначенъ командиромъ 1-й уланской дивизіи.

По отзыву Ванеро: «Принцъ Леопольдъ выказалъ много храбрости и таланта во время кампаніи 1813 г., въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, при Кульмѣ и въ особенности подъ Лейпцигомъ; затѣмъ подъ Бріеномъ, Arcis-sur-Aube и Феръ-Шампенуазѣ, за что и получилъ знаки отличія св. Георгія и Маріи Терезіи». Кл. Л.

когда онъ довольно быстро двинулъ свое войско; онъ расчитывалъ также на общее возстаніе въ древнемъ италіанскомъ королевствѣ, но добрые италіанцы, хотя весьма недовольные австрійскимъ правительствомъ, не стали служить чужимъ интересамъ, предоставивъ генію Мюрата освободить ихъ безъ всякой помощи съ ихъ стороны. Судя по послѣднимъ частнымъ извѣстіямъ, неаполитанцы дерутся плохо, и это подтверждается ихъ отступленіемъ; нѣсколько разъ они обращались въ бѣгство самымъ постыднымъ образомъ. Очевидно, Мюратъ, начиная кампанію, думалъ, что будетъ командовать французами, но оказалось, что его воины только носятъ французскій мундиръ. Въ настоящее время, когда его оттѣснили до Анконы, а Наженъ (Nagent) дошелъ до Витербо, и можетъ случиться, что его отрѣжутъ даже отъ Неаполя, онъ послалъ парламентеровъ просить перемирія, на томъ основаніи, что война эта была не болѣе какъ заблужденіе; ему отвѣчали, что если война была заблужденіемъ, то прокламаціи его, проповѣдывавшія возстаніе, не были таковымъ, и поэтому остается только драться. Положеніе его, вѣроятно, очень печальное, ибо—тогда какъ «Мониторъ» утверждаетъ, будто онъ захватилъ 15,000 плѣнныхъ и вступилъ въ Миланъ, привѣтствуемый восторженными возгласами народа—его очень вѣжливо выпроваживаютъ въ его наслѣдственныя владѣнія — Erbstaaten, и его любимый Неаполь, отличившійся 32-мя возстаніями противъ своихъ законныхъ властителей, найдетъ, вѣроятно, благопріятный случай совершить и 33-е, тѣмъ болѣе, что будетъ предпринята высадка въ Калабрію; къ сожалѣнію, сицилійцы дали обѣтъ никогда не покидать свой островъ, такъ что съ ихъ стороны можно быть покойнымъ—они драться не будутъ. За то найдется еще нѣсколько англичанъ и неаполитанцевъ, вѣрныхъ своему бывшему государю и которыми можно будетъ располагать съ успѣхомъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ оно болѣе сложно, нежели можно думать. Наполеонъ призванъ людьми военными, которые не желали миролюбиваго правительства, такъ какъ оно навсегда лишило ихъ сладкой надежды на грабежъ, и они на столько безумны, что надѣятся еще возвратить свои пенсіи, графства, баронства и проч. и не думаютъ объ огромномъ благоустроенномъ войскѣ, окружающемъ ихъ со всѣхъ сторонъ; для этихъ людей, такъ сказать, не существуетъ болѣе родины и у нихъ нѣтъ другой мысли, кромѣ воспоминанія о ихъ боевой жизни. Другая, столь же важная, быть можетъ, еще болѣе опасная партія—это якобинцы и цареубійцы; они видѣли, что при королевскомъ правительствѣ, среди честныхъ и религіозныхъ людей, они заслужили бы общее

презрѣніе и были бы лишены всякаго вліянія; такое положеніе казалось имъ невыносимымъ и именно они-то, вмѣстѣ съ истыми бонапартистами, такъ съумѣли обойти королевское правительство, что оно не могло противодѣйствовать ихъ проискамъ. Партія якобинцевъ опасна во всякомъ государствѣ и въ особенности была бы опасна въ Пруссіи, гдѣ она уже начинаетъ укореняться; къ счастію, имя Наполеона, стоящаго во главѣ республиканцевъ, можетъ устрашить даже тѣхъ, которые бы стали имъ завидовать. Чтобы Ожаровскій ни говорилъ вамъ о Бурбонахъ, противъ которыхъ раздается теперь много голосовъ, несомнѣнно одно, что Франція никогда еще не имѣла лучшаго правительства, какъ во время конституціи; всѣ дѣла были приведены въ порядокъ, — немногія государства могли похвастать тѣмъ же; но говоръ этотъ ни что иное какъ побѣда злыхъ языковъ надъ добрыми—вотъ все, что о немъ можно сказать, и борьба, которую мы теперь начинаемъ, можетъ считаться за рѣшеніе вопроса о господствѣ порядка, или анархіи. Французы будутъ драться хорошо, такъ какъ имъ предстоитъ выборъ между побѣдою или висѣлицею; ихъ вѣроломство было бы извинительно, если бы они просто перешли къ этому человѣку, который такъ безжалостно предоставилъ ихъ всякой случайности; но они пустили въ ходъ самую непростительную, самую низкую хитрость. Великій человѣкъ забавляется, говоритъ о свободѣ, о конституціи, подумаешь—какимъ онъ сталъ добрымъ малымъ послѣ того, какъ его проучили; словомъ, онъ вдругъ является примѣрнымъ человѣкомъ. Наши войска такъ сильны и благоустроены, что съ этой стороны нечего опасаться, но я, съ своей стороны, боюсь только, чтобы согласіе не было нарушено; это было бы всего опаснѣе. Что касается меня, то я буду нѣсколько въ затрудненіи, если дивизія моя не выступитъ въ походъ: мнѣ весьма желательно быть при дѣйствующей арміи.

Покуда я очень занятъ нашими дѣлами, которыя идутъ крайне плохо, въ особенности потому, что гнусные пруссаки (ces gueux de prussiens sont insatiables) ненасытны; отъ этого зависитъ наше политическое и денежное положеніе, а что станешь дѣлать безъ денегъ? Что касается подробностей, то податель сего письма сообщитъ ихъ лучше нежели я. И такъ, поручая себя вашему милостивому вниманію, прошу в. и. в. принять увѣреніе искренней преданности и глубокаго уваженія, съ которымъ имѣю честь быть и проч. Леопольдъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій.

Сообщ. Кн. А. В. Л.

Академикъ-медальеръ А. А. Клепиковъ.

† 13-го января 1852 г.

Отецъ мой былъ сыномъ художника, занимавшагося живописью въ академіи художествъ. Дѣдъ мой, замѣтивъ въ сынѣ необыкновенныя способности какъ въ живописи, такъ равно и въ рѣзьбѣ различныхъ фигуръ, опредѣлилъ его въ академію на 12-мъ году отъ роду. Отецъ мой учился въ академіи 11 лѣтъ. Во время пребыванія его тамъ, онъ успѣхами и талантомъ своимъ обратилъ на себя вниманіе учителя и руководителя своего Доброхотова, который рѣшился представить молодаго ученика своего вниманію начальства; оно-же, въ свою очередь, отнеслось весьма сочувственно къ юному таланту: три раза, по опредѣленію совѣта академіи, отецъ мой былъ награждаемъ серебряными медалями; когда-же, по окончаніи курса, онъ сочинилъ и вырѣзалъ на камнѣ, по заданной академіею программѣ, «Дедала и Икара», —совѣтъ академіи присудилъ ему золотую медаль.

Изъ академіи художествъ, въ 1824 г., Клепиковъ поступилъ на службу при Спб. монетномъ дворѣ, гдѣ занялся рѣзьбою на стали столь извѣстныхъ медальоновъ покойнаго вице-президента академіи художествъ графа Ѳ. П. Толстаго (числомъ 20). «Рѣзьба Клепикова,—какъ отозвались о ней всѣ знатоки,—повторила всѣ красоты геніальнаго художника!»

Въ этомъ-же родѣ, съ обычнымъ мастерствомъ, произведено было гр. Ѳ. П. Толстымъ 12 медальоновъ на событія персидской войны—и точно также Клепикову поручено было вырѣзать медальоны эти на стали, что онъ исполнилъ съ прежнимъ успѣхомъ.

Эти драгоцѣнныя коллекціи отлиты на монетномъ дворѣ изъ бронзы, а нѣкоторые экземпляры изъ серебра. Каждый изъ медальоновъ, до окончательной отливки, бывалъ представляемъ на высочайшее утвержденіе государя императора. Графъ Толстой заготовлялъ пробные свои оттиски изъ воску, а отецъ мой изъ олова.

По окончаніи первой коллекціи, его величество, въ вознагражденіе столь успѣшныхъ трудовъ отца моего, соизволилъ всемилостивѣйше наградить его драгоцѣннымъ бриліантовымъ перстнемъ. Той-же высочайшей награды художникъ удостоился и за вторую коллекцію. Произведенія эти, какъ памятники и великихъ событій, и успѣховъ художества, повсюду встрѣтили въ Европѣ лестное для нихъ одобреніе.

Работы отца моего, по отзыву художниковъ, представляютъ совершенства классическія: «правильность рисунка, живость и выразительность фигуръ, мягкость формъ и строгую отчетливость въ ихъ выпуклости». Пре-

данный вполнѣ искусству, какъ истинный художникъ, отецъ мой безпрерывно былъ занятъ своимъ дѣломъ.

Исполняя порученія по службѣ, онъ успѣвалъ удовлетворять многочисленнымъ заказамъ, увеличивая для потомства столь разнообразную, какъ и изящную коллекцію своихъ произведеній. Такъ, императрица Марія Ѳедоровна поручила ему вырѣзать на камнѣ, обронно, нѣсколько портретовъ императора Николая I. Для всѣхъ почти особъ императорской фамиліи работалъ онъ на камнѣ, отдѣлывая аллегорическія и другія фигуры по назначенію. Разсматриваніе однихъ слѣпковъ, хранившихся въ его мастерской, доставляло истинное удовольствіе любителямъ медальернаго искусства; къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени, слѣпки стали исчезать, дарились, и въ настоящее время у меня хранятся всего лишь двѣ коллекціи.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ 1844 г. академія художествъ удостоила Клепикова званіемъ академика, за исполненіе заданной ему программы: «Геркулесъ поражаетъ седмиглавую Гидру»; программа эта хранится въ Императорской академіи художествъ. Въ этомъ же году вырѣзанъ былъ имъ, обронно, на саксонскомъ топазѣ образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; также вырѣзана была медаль на возобновленіе московскаго кремлевскаго дворца съ его изображеніемъ, за что, по окончаніи постройки сего дворца въ Москвѣ, художникъ былъ награжденъ золотою медалью для ношенія въ петлицѣ.

Въ 1849 г., отецъ мой получилъ званіе главнаго медальера Спб. монетнаго двора, и въ теченіе одного мѣсяца того же года, началъ и успѣлъ окончить, по порученію лейбъ-гвардіи Московскаго полка, медаль съ портретомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, по случаю 25-ти-лѣтняго юбилея со времени назначенія его высочества шефомъ полка. Въ этотъ періодъ времени отецъ мой исполнилъ работы слѣдующимъ лицамъ: архимандриту Фотію—на большомъ топазѣ, обронно, образъ коронованія Божіей Матери, и на драгоцѣнныхъ камняхъ—ветхій и новый завѣтъ. Князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому, князю П. М. Волконскому и его семейству, князю Кочубею, князю И. В. Васильчикову, графинѣ Орловой-Чесменской, графинѣ Толстой, графу Г. А. Строганову, графу Браницкому, графу С. С. Уварову, графу П. А. Клейнмихелю, сенатору Пещурову, тайному совѣтнику В. И. Панаеву и многимъ другимъ. Изъ миѳологическихъ фигуръ особенно любопытны «Амуръ и Психея», «Юпитеръ и Леда»,—работы, произведенныя художникомъ по заказу Англійскаго магазина въ Петербургѣ.

Здѣсь кстати припомнить одинъ случай изъ жизни художника: Англійскій магазинъ поручалъ ему вырѣзывать изъ стали и изъ камней различныя гербовыя печати. Пріѣзжаетъ однажды къ моему отцу графиня N, показываетъ ему печать и спрашиваетъ—можетъ-ли художникъ сдѣлать подобную, присо-

вокупляя, что привезенная ею вещь исполнена въ Лондонѣ. Клепиковъ беретъ лупу и безъ труда различаетъ свои литеры «р. А. К.» (что онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать на всѣхъ своихъ работахъ). «Графиня,—сказалъ художникъ,—этотъ Лондонъ въ моемъ кабинетѣ, не угодно-ли взглянуть!»—и подалъ графинѣ лупу; убѣдившись въ обманѣ, графиня, заказавъ отцу моему нѣсколько вещей, вѣроятно, замѣтила Англійскому магазину наглость обмана, потому что англичане чуть было не отказали Клепикову въ заказахъ.

Послѣ этихъ работъ, въ 1850 году, были отцомъ моимъ произведены еще многія, а именно: вырѣзанъ, обронно, на топазѣ образъ Христа Спасителя, хранящійся нынѣ въ кабинетѣ Его Величества, двѣ печати для императрицы Александры Ѳедоровны; также двѣ печати для кабинета Наслѣдника Цесаревича—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Въ 1851 г. отецъ занимался вырѣзываніемъ—съ модели графа Ѳ. П. Толстаго — одной стороны медали на открытіе постояннаго Благовѣщенскаго моста черезъ Неву, съ изображеніемъ самаго моста съ парящимъ надъ нимъ двуглавымъ орломъ; въ семъ же году вырѣзалъ на ониксѣ портретъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и для его же высочества вырѣзалъ, обронно, образъ Христа Спасителя на саксонскомъ топазѣ, и исполнилъ фамильные гербы для печатей: В. Ѳ. Адлербергу и гр. Л. А. Перовскому.

Всѣ вышепоказанные и другіе труды, которыми отецъ мой занимался неутомимо и, можно сказать, съ страстною любовію истиннаго художника, истощили его силы. При слабомъ здоровьи, разстроенномъ напряженными усиліями въ этихъ трудахъ и полученною сильною простудой, Клепиковъ, умеръ на 50-мъ году отъ рожденія, 13-го января 1852 г., оставивъ въ наслѣдство семейству честное, доброе имя и..... только! Посѣщая по временамъ одинокую могилу отца на Смоленскомъ кладбищѣ и разсматривая, хранимые мною какъ святыня—превосходные его медальоны, я, какъ послѣдній оставшійся сынъ художника, пожелалъ настоящею замѣткою напомнить моимъ соотечественникамъ о многочисленныхъ трудахъ даровитаго художника.

Петръ Клепиковъ.

Кронштадтъ.
1-го октября 1876 г.

Карточный должокъ А. С. Пушкина.

(Къ матеріаламъ для его біографіи).

Благодаря обязательной предупредительности завѣдующаго архивомъ Бессарабскаго губернскаго правленія, архиваріуса Гавріила Гавріиловича Зыкова,—мы узнали, что въ этомъ архивѣ существуетъ дѣло объ А. С. Пушкинѣ, до сихъ поръ, кажется, еще неизвѣстное біографамъ нашего великаго поэта. Вотъ полное заглавіе

этого архивнаго дѣла: «Отъ 11-го ноября 1820 г. Дѣло по отношенію Екатеринославскаго губернскаго правленія о взысканіи съ коллежскаго секретаря Александра Пушкина должныхъ дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде Ѳедору Росину 2,000 р. ассигнаціями денегъ. На 18 листахъ. Кончено». Изложимъ по документамъ начало и ходъ этого дѣла, при чемъ наиболѣе существенные и важные, въ біографическомъ отношеніи, документы приведемъ цѣликомъ.

20-го ноября 1819 г., въ С.-Петербургѣ, Пушкинъ занялъ у нѣкоего барона Сергѣя Романовича Шиллинга 2,000 р. ассигнаціями, срокомъ на 6 мѣсяцевъ.—Какой это былъ заемъ, узнаемъ ниже. Но Пушкинъ далъ барону Шиллингу заемное письмо на означенную сумму — и это письмо было въ тотъ-же самый день, т. е. 20-го ноября 1819 года, заявлено у петербургскаго публичнаго нотаріуса Ларіона Іевлева.—3-го декабря 1819 г. права этого заемнаго письма баронъ Шиллингъ передалъ дворовому человѣку нѣкоего капитана Егора Карловича фонъ-Лоде—Ѳедору Михайлову Росину. Пушкинъ своею новою надписью на заемномъ письмѣ подтвердилъ такую передачу. Въ срокъ платежа, т. е. 20-го мая 1820 г.,—Пушкинъ не удовлетворилъ своего заимодавца, а потому 21-го того же мая было заявлено о неплатежѣ его тому же нотаріусу Ларіону Іевлеву. Между тѣмъ, къ этому времени Пушкина уже не было въ Петербургѣ. Онъ, какъ извѣстно, былъ отправленъ въ дальній отъ Петербурга югъ—на службу къ попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову, имѣвшему сначала свое пребываніе въ г. Екатеринославѣ. Въ половинѣ мая 1820 г. Пушкинъ уже пріѣхалъ въ Екатеринославъ. Заимодавецъ его Росинъ, узнавши о выѣздѣ Пушкина изъ С.-Петербурга и желая вѣрнѣйшимъ способомъ взыскать свои деньги, написалъ объявленіе въ санктпетербургскій приказъ общественнаго призрѣнія, въ которомъ, представляя подлинникъ заемнаго письма Пушкина, просилъ о взысканіи съ Пушкина 2,000 р. ас. съ процентами, причемъ изъ всей взысканной суммы предоставлялъ въ пользу богоугодныхъ заведеній 200 р.—С.-Петербургскій приказъ общественнаго призрѣнія, въ силу таковаго заявленія Росина, послалъ сообщеніе въ екатеринославское губернское правленіе, въ которомъ, прописывая это заявленіе Росина и прилагая копію съ подлиннаго заемнаго письма Пушкина, предоставлялъ это дѣло на законное постановленіе екатеринославскаго губернскаго правленія и о послѣдующемъ требовалъ увѣдомленія. Между тѣмъ къ этому времени Пушкина уже не было и въ Екатеринославѣ. Начальникъ его, генералъ Инзовъ, назначенъ былъ, 15-го іюня 1820 г., намѣстникомъ Бессарабской

области, съ сохраненіемъ прежней своей должности, и переѣхалъ поэтому въ г. Кишиневъ, переведши сюда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Туда-же, въ Кишиневъ, въ сентябрѣ 1820 года, прибылъ на житье и Пушкинъ. Екатеринославское губернское правленіе, въ удовлетвореніе сообщенія с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія, послало поэтому, отъ 28-го октября 1820 г., за № 26,514, отношеніе въ бессарабское областное правительство, при чемъ приложило копію съ заемнаго письма Пушкина. Вотъ цѣликомъ—съ буквальною точностію—это отношеніе екатеринославскаго губернскаго правленія, съ котораго (отношенія) собственно и начинается дѣло о Пушкинѣ въ архивѣ бессарабскаго губернскаго правленія.

«Изъ Екатеринославскаго Губернскаго Правленія. Въ Бессарабское Областное Правительство—по исполнительной Експедиціи.

«Губернское Правленіе, слушавъ сообщеніе Санктъ-Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ коемъ изъяснено объявленіе капитана Егора фонъ-Лоде двороваго человѣка Өедора Росина, при которомъ представляя подлинное заемное письмо, данное 1819 г. ноября 20-го дня Коллежскимъ Секретаремъ Александръ Пушкинымъ Барону Сергѣю Шиллингу въ 2,000 рублей и потомъ, по обоюдному между ними согласію, того же 1819 г. декабря 5-го дня, право онаго со стороны заимодавца Барона Шиллинга передано ему—съ подтвердительнымъ обязательствомъ помянутаго должника Пушкина ему заплатить оную сумму; но поелику показанный Пушкинъ ему оныхъ денегъ еще не заплатилъ и, по службѣ его въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, командированъ отъ своего начальства въ Екатеринославъ къ Г-ну Генералъ-Лейтенанту Инзову,—онъ же, не имѣя нынѣ возможности самъ къ нему ѣхать для истребованія отъ него лично упомянутыхъ денегъ съ надлежащими процентами,—(проситъ) принять законныя мѣры; родовое же должника его Г. Пушкина имѣніе, находящееся въ распоряженіи родителя его, 5-го класса и Кавалера Сергѣя Пушкина, состоитъ 1-е Нижегородской Губерніи, Арзамаскаго Уѣзда, па усадьбу Бальдино, 2-е Псковской Губерніи, Опочскаго Уѣзда, усадьба Михайловъ (sic); по взысканію же всей суммы предоставляетъ вычесть на Богоугодное Заведеніе двѣсти рублей, достальные затѣмъ выдать ему,—почему Приказъ о взысканіи съ помянутаго Пушкина на удовлетвореніе двороваго человѣка Росина 2,000 рублей съ интересы, съ прописаніемъ объявленія и съ приложеніемъ копіи заемнаго письма, сообщаетъ въ Губернское Правленіе на законное постановленіе и требуетъ о послѣдующемъ увѣдомленія,—при чемъ слушано и другое сообщеніе онаго-жъ Приказа, требующее увѣдомленія, какое учинено по означенному отношенію распоряженіе—опредѣлило: какъ Г. Генералъ-Лейтенантъ Инзовъ, при которомъ показанъ находящійся долж-

никъ Коллежскій Секретарь Пушкинъ, находится въ Бессарабской Области въ отправленіи должности Полномочнаго Намѣстника, для того копію заемнаго письма на должныя Пушкинымъ деньги къ законному поступленію препроводить въ Бессарабское Областное Правительство по Исполнительной Експедиціи, о чемъ и Санктпетербургскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія увѣдомить сообщеніемъ—съ тѣмъ, чтобы взысканы были за употребленную по сему въ Губернскомъ Правленіи не гербовую три листа бумагу, и печатно-пошлинные деньги и отосланы въ казну. Октября 28-го дня 1820 г. Совѣтникъ Борисовъ. Секретарь (нельзя разобрать). Коллежскій Регистраторъ Мищенковъ».

Считаемъ также не безъинтереснымъ привести и присланную при этомъ отношеніи екатеринославскаго губернскаго правленія копію съ подлиннаго заемнаго письма Пушкина. Вотъ она: «№ 735. Тысяча восемсотъ девятнадцатаго года ноября двадцатаго дня я нижеподписавшійся Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Барона Сергѣя Романовича Шиллинга денегъ государственными ассигнаціями двѣ тысячи рублей за указные проценты, срокомъ впредь на шесть мѣсяцевъ, то есть будущаго тысяча восемсотъ двадцатаго года маія по двадцатое число, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего не заплачу, то воленъ онъ, г. Баронъ Шиллингъ, просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ. 1819 года ноября двадцатаго дня въ С.-Петербургѣ сіе заемное письмо явлено и въ книгу подъ № семьсотъ тридцать пятымъ записано. Публичный Нотаріусъ Ларіонъ Іевлевъ».

«Обязуюсь по сему векселю дворовому человѣку Өедору Михайлову сыну Росину сполна заплатить. Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

«Права сего заемнаго письма передаю г. Капитана и Кавалера Егора Карловича фонъ-Лоде дворовому его человѣку Өедору Михайлову Росину. Декабря 3-го дня 1819 года. Баронъ Сергѣй Романовъ Шиллингъ.

«1819 года декабря 5-го дня, въ Санктъ-Петербургѣ сіе заемное письмо съ передачною надписью отъ Барона Сергѣя Шиллинга явлено и въ книгу подъ № семьсотъ шестдесятъ третьимъ записано. Публичный Нотаріусъ Ларіонъ Іевлевъ.

«1820 года Маія 21-го дня въ Санктъ-Петербургѣ. Сіе заемное письмо по срокѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № 349 записано. Публичный Нотаріусъ Ларіонъ Іевлевъ» [1]).

Отношеніе екатеринославскаго губернскаго правленія было получено въ

---

[1]) Дѣла Бессарабскаго областнаго правительства, связка 67-я, дѣло 1436-е.

Кишиневѣ 11-го ноября 1820 г. По выслушаніи этого отношенія, бессарабское областное правительство послало, 22-го декабря 1820 года, указъ кишиневской градской полиціи за № 14,887-мъ съ предписаніемъ взыскать съ Пушкина должныя имъ Росину деньги съ процентами, или же отобрать у должника и представить «отзывъ о законныхъ причинахъ неплатежа, буде онъ на опровержение сего иска таковыя предъявитъ». Кишиневская градская полиція, во исполненіе этого указа, донесла бессарабскому областному правительству, отъ 14-го января 1821 года за № 155-мъ, что «коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, съ котораго велѣно взыскать должные дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде Ѳедору Росину 2,000 р., выѣхалъ до полученія того указа въ городъ Москву». Спустя нѣкоторое время, именно 27-го апрѣля 1821 г., кишиневское областное правительство послало кишиневской градской полиціи вторичный указъ за № 5,040-мъ, въ которомъ, «по свѣдѣнію, что Коллежскій Секретарь Пушкинъ изъ Москвы уже возвратился и находится нынѣ въ г. Кишиневѣ», повторяло полиціи свое требованіе о взысканіи съ Пушкина его долга Росину. Кишиневская полиція на этотъ разъ донесла бессарабскому областному правительству, отъ 18-го іюня 1821 года за № 4,071-мъ, что на требованіе отъ Пушкина должныхъ имъ Росину денегъ 2,000 р., Пушкинъ далъ слѣдующій отзывъ: «Проигравъ заемное письмо барону Шиллингу будучи еще въ несовершенныхъ лѣтахъ, и не имѣя никакого состоянія движимаго или недвижимаго, находится не въ состояніи заплатить того заемнаго письма». Бессарабское областное правительство опредѣлило: о таковомъ исходѣ дѣла, съ препровожденіемъ въ подлинникѣ означеннаго отзыва Пушкина, сообщить въ с.-петербургскій приказъ общественнаго призрѣнія на его о томъ дальнѣйшее распоряженіе—и дѣйствительно сообщило отъ 2-го сентября 1821 г., за № 12,467-мъ.

Этимъ оканчивается дѣло о Пушкинѣ, находящееся въ архивѣ бессарабскаго губернскаго правленія. Этимъ оно кончилось, вѣроятно, и въ с.-петербургскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Пушкинъ, въ оправданіе своего неплатежа, выставилъ причину, конечно, правдивую и въ то же время законную. 2,000 рублей—это не былъ настоящій заемъ, ссуженный заимодавцемъ должнику чистыми деньгами,—это былъ картежный проигрышъ Пушкина.... Поэтому-то такъ легко и переуступилъ эти 2,000 р. баронъ Шиллингъ дворовому человѣку какого-то капитана фонъ-Лоде... Это было увлеченіе молодой, горячей натуры Пушкина, вообще заявившей себя разнаго рода увлеченіями. Это—одинъ изъ обыкновенныхъ эпизодовъ бурной молодости нашего великаго поэта.

Левъ Мацѣевичъ.

2-го февраля 1878 г.
Кишиневъ.

ЗАВѢЩАНІЕ ЮРІЯ ДЕСПОТА ЗЕНОВИЧА.

1582 г. [1]

III [2].

Стефанъ Божъю милостью король польскій итд. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашымъ кому того будетъ потреба ведати, писала и присылала до насъ Кашталяновая Смоле́нская Старостиная Дисенская пани Юрьевая Зеновичовая Ганна Ивановна Служчанка, оповедаючы, ижъ тыхъ недавныхъ часовъ в року теперешнемъ осмъдесятъ третемъ месяца сенътебря двадцать девятого дня Панъ Богъ з воли своее светое Кашталяна Смоленъскаго Старосту Дисенского пана Юрея Зеновича малжонка ее до хвалы своее взяти и поволати рачылъ, который за доброго здоровя и зуполное памети своее, не знамовы якое, одно самъ по своей доброй воли розрадилъ домъ и маетность свою, забегаючи тому, абы по зойстью его з сего света межы малжонкою и детьми, также пріятельми кревными и повинными его розницъ жадныхъ непріязни и правованья не было. Которую остаточную волю свою для лепъшое ведомости и певнейшое веры на писме зоставилъ и тестаментомъ потвердилъ. Якожъ тотъ тестаментъ до насъ Господара прислала, просечы насъ, абыхмо его огледавшы и выслухавъшы листомъ нашымъ ствердили, который тотъ тестаментъ слово отъ слова такъ се в собе маетъ.

Во име Божъе станьсе ку выполненью и скonченью всихъ речей нижей описаныхъ. Я Юрей Миколаевичъ Зеновичъ, Кашталянъ Смоленскии староста Дисенъскии, вызнаваю и явно чыню симъ моимъ тестаментомъ нинешнимъ и на потомъ будучымъ кому того потреба будетъ ведати, ижъ паметаючы я на то, же всякие речы з часомъ съ паме́ти людское споломъ з людми сплываютъ и взабытье приходятъ, и для того есть вынайдено абы писмомъ объяснены и для певности лепъшое ку ведомости на потомъ будучымъ зоставлены были. Также и я Юрей Зеновичъ, водле тогожъ заховываючыся, а звлаща бачечы то ижъ каждый чоловекъ неведаетъ часу и годины, которое стого света зойти маетъ, яко насъ писмо светое учытъ, абы кождый чоловекъ уставичъне вготовости на томъ светѣ былъ, паметаючы на то, же ништо надъ смерть кождому чоловеку певнейшого быти не можетъ, чому и я будучи подлеглый, а хотечы вдобромъ порадку, якоже чоловеку хрестиянскому годитъ домъ мой розредившы зоставить, огледаючы се на то, абы по зойстью моемъ з сего света, межы малжонкою моею пани Ганною Ивановною

---

[1] Тестаментъ пана Юрея Зеновича Кашталяна Смоленского. Acta Mag. Duc. Litv. № 68, стр. 283—289.

[2] См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 125—138.

Служъчанкою и сыномъ моимъ паномъ Крыштофомъ Зеновичомъ и дочкою моею Кнегинею Михайловою Вишневецкою пани Галшкою Зеновичовною и приятельми кровными и повинными моими розницъ жадныхъ розтырковъ неприязныхъ и правованя не было, а к тому, абы сынъ мой панъ Крыштофъ, дочка моя кнегини Галшка, внучета мои и нихто з близкихъ кровныхъ моихъ права якого по зойстью моемъ з сего света до маетности моее лежачое и рухомое надъ волю мою собе не привлащали и оное не позыскивали. Такъ же и слуги мои за службы свои то што кому водлугъ заслугъ ихъ кождаго доходитъ и то што кому водле доброе воли моее и сего тестаменту моего належати будетъ взявшы, на томъ переставали.

Стыхъ всихъ причинъ вышей описаныхъ сей тестаментъ мой чыню и учынилъ есми, будучы з милосердья божего здоровъ на умысле и на теле, и в зуполномъ розуме не з жадное намовы одно по своей доброй воли. А то штомъ водле воли своее учынить умыслилъ вызнаваючы на письме и ку ведомости лепшой певнейшой тыхъ речей на семъ тестаменте моемъ зоставую к зоставиломъ на перодъ. А гды Панъ Богъ вшехмогонцый з часомъ воли своее найсвентшое мене стого света до хвалы своее светое поволати будетъ рачылъ, я душу свою поручаю в милосердные руки и опатрность Пана Бога вшехмогонцаго в тройцы единого, маючы зуполную веру и надею, ижъ онъ, яко Богъ милосердья и ласковости своее, злости и неправости мое, здаремное ласки и доброти своее водле обетницъ своихъ бозкихъ для сына своего пана Езуса Христуса пана а збавителя нашого згладившы, мне отпустити и до хвалы королества своего светого мене приняти будетъ рачылъ. Тело мое грешное малжонка моя, пани Ганна Служчанка, с тыми паны приятельми и з детьми моими, которые за ознайменемъ ее на то прибудутъ, не ожыдаючы того хтобы за ознайменемъ ее до того не прибылъ,—почтиве погребъ учынившы в костеле сморгойньскомъ, тамъ где тела продковъ моихъ поховани суть, поховати маетъ обычаемъ збору Еванеликовъ, нечынечы жадныхъ церемоній, што у костелехъ папескихъ при погребехъ бываютъ. А тотъ погребъ тела моего маетъ быти справованъ спожытковъ двора и именя моего сморгойньского, в которомъ дворе моемъ сморгойньскомъ малжонка моя, яко до погребу тела моего мешкати, также по погребе дванадцать недель в томъ же дворе моемъ сморгойньскомъ змешкати маетъ; а черезъ тотъ увесь часъ мешканя своего маетъ собе на выхованье вшелякое брати стого двора сморгойньскаго и дворца до сморгойнь належачого Гавутевичъ, з дворцовъ, з оборъ и зо всякихъ пожитковъ и доходовъ того двора и имения сморгойньского и дворца Гавутевичъ. А сынъ мой панъ Крыштофъ, ани дочка моя, нихто иный надъ сюю волю мою никоторымъ обычаемъ ей в томъ никоторое переказы и затрудненья чынити немаютъ. А што се дотычетъ маетности моее лежачое и рухомое, тогды тая тымъ обычаемъ, яко на семъ тестаменте моемъ естъ описана, кождому водле сего тестаменту моего по зойстію моемъ з сего света належати будетъ а на-

продъ кождые доброти и учонности не только выславовать, але тежъ отъ людей богобойныхъ и учтивыхъ заделывать и отдавать се звыкли.

Ино я, Юрей Зеновичъ, вызнаваю тое, дознавшы я по малжонце моей милой паней, Ганне Служъчанце, ку мне правдивую и верную милость на всемъ цнотливое захованье и упреймое усилованье, што она з милости своее малженское мне чынила, чынитъ и чынити не переставаетъ, такъ здоровому яко и въ хоробе моей чынечы пилное staранье и поратованье здоровью моему, нелиуючы для мене подыймовати велькое працы и нарушеня здоровью своему, наклады з властное маетности своее в кождой потребе моей чынила и чынити не переставаетъ. К тому тежъ и маетъности ее властное вшелякое речии рухомыми не мало есми взялъ всего сумою яко осмъ тисечей копъ грошей литовскихъ, опрочъ сумъ пенезей позычоныхъ, въ которыхъ есми ей именя свои заставилъ и ку потребамъ своимъ то все обернулъ. Што все я на доброй бачности маючы и хотечы ей то отъ себе таковоюжъ милостью и учътивостью моею малженскою отдати и нагородити на первей, ижъ што перво сего малжонъце своей милой, паней Ганнѣ Ивановнѣ Служчанце, подавалъ есми записы, то есть яко на речы мои вшелякие рухомые на долги и заставы и на сумы пенезей, которыхъ есми у ее малжонъки своее властное мастности ее на потребы мои пилные позычывшы на властные потребы мои то обернулъ и выдалъ, а в тыхъ сумахъ пенезей именья мои лежачые в повете Ошменскомъ, прозываемые—тоесть одно именье Поставы, а другое именье Полово, третее именье Порплище, ей малжонце моей завелъ и тые именья мои, вышей описаные в моцъ, в держанье и спокойное ужыванье ей, малжонце моей, поступилъ подалъ и дожывоте есми ей натыхъ иненьяхъ описалъ. А к тому именье мое, лежачое в земли жомайтской, прозываемое Куршаны, ей же малжонце моей, паней Ганне Служчанце, листомъ добровольнымъ записомъ моимъ записалъ, ито ей дожывота ее держати и того ужывати упевнилъ, и тое именье Куршаны в моцъ, в держанье и спокойное ужыванье ей малжонце моей поступилъ и подалъ есми, што все шырей и достаточней на тыхъ всихъ листехъ заставныхъ и добровольныхъ записахъ моихъ естъ описано и доложоно, которые то листы записы мои ей малжонце моей отмене даные и симъ тестаментомъ моимъ утвержаю и утвердилъ есми. И вжо водле того яко в нихъ естъ описано и доложоно, и сего моего тестаменту зостати и у кождого права и вряду то держано и захована быти маеть ничымъ и ни откого не отменне дворъ мой въ местѣ виленъскомъ куплю свою властную, лежачый на передместью места виленъского на заречью зо всимъ на все, яко се всобе маетъ, з будованемъ и со всими пожитками, ничого з него не выймуючы, ани кому иному з него ничого не зоставуючы, симъ тестаментомъ моимъ даю, дарую, далъ и даровалъ есми тотъ дворъ мой выше описаный малъжонце моей, паней Ганне Служъчанце, не отзовнымъ правомъ на вечность. Вольна она будетъ тотъ дворъ мой, в месте виленъскомъ на заречю лежачый, по жывоте моемъ кому хотечи отдати, продати, даровати и тымъ яко власностью

своею водле воли своее шафовати на вечные часы, якожъ и право, листы купчые на тотъ дворъ виленъскій той малжонце своей до рукъ вжо есми отдалъ.

Долги што, хто мне теперъ естъ виненъ, и еще естли зостанетъ што хто виненъ, и тежъ пенезей водле аренды за пожытки зъ Староства Дисенъского мне належачые, и маетностъ мою рухомую всю што естъ во вряде моемъ в старостве Дисенскомъ и в фольваркахъ староства Дисенъского, то отписую и дарую симъ тестаментомъ моимъ описалъ и даровалъ есми малжонъце моей, паней Ганне Служчанце, на вечность, што все она отыскавшы и побравшы, тымъ яко власностью своею водле воли своее шафовати маетъ. Именье мое власное отчизное, Глубоко, лежачое в повете Ошменскомъ, дворъ з будованемъ дворнымъ, з гумнами, з житомъ, збожъемъ всякимъ, в гумне зложонымъ молоченымъ и не молочонымъ и на поляхъ засеянымъ, и въ клетяхъ зсыпанымъ, з местомъ, з мещены глубоцкими, з бояры и ихъ меньями, которые оселости свои в томъ имѣнью моемъ маютъ, з селы того имѣнья, з людьми осадными тяглыми, с платы грошовыми и медовыми, з службою з бояръ, з людей осадныхъ и тяглыхъ належачою, з огороды овощовыми, грунтами оремыми, з сеножатины, с пущою, боры, лесы, гаи, ставы, сажавъками, озеры и реками вънихъ, з ловы рыбными, з млынами и ихъ вымелками, з ловы зверыными и пташыми, бобровыми гоны и зо всимъ на все такъ, яко се само всобе тое именье в пожиткахъ и обыходехъ своихъ здавна мело и теперь маетъ. Такъ тежъ село Киселевичы, в повете Речыцкомъ лежачое, з людьми осадными и неосадными, з данью грошовою и медовою из нихъ всякими пожитками приходячыми, и со всими повинностями приналежачыми, яко они здавна полнивали и теперь полнити повинни, то есть огуломъ со всими пожитками у тыхъ помененыхъ именьяхъ, которыхъ бы пожитковъ и непоменило се в семъ моемъ тестаменте з ласки и доброе воли моее жоне моей, пани Ганне Служъчанце, такимъ обычаемъ записую. Маетъ она малжонка моя пани Ганна Служчанка тое имене Глубокое и тое село Киселевичы поживоти моемъ на себе заразомъ взяти имаючы в рукахъ своихъ и будучы в спокойномъ держанью своимъ тыхъ именей пожывоте моемъ на вдовьемъ столцы рокъ и шестъ недѣль седечы, маетъ вси пожытки оттуль приходячые выбираючы, того яко власности своей ужывати и водливоли своее тымъ справовати и шафовати, бояръ, мещанъ и подданыхъ тамошнихъ судити, редити вины ихъ водле выступу ихъ и обаченья своего карати и ими справовати. А потомъ отъ зойстья моего зъ сего света, по выйстью року и шести недель тое именье мое Глыбокое и село Киселевичы сыну моему, пану Крыштофу Зеновичу, малжонка моя поступити и отдати маетъ. А сынъ мой панъ Крышътофъ Зеновичъ маетъ и будетъ повиненъ стымъ то приняти щымъ малжонъка моя, а бо, за розказаньемъ ее, служебникъ ее поступитъ и подастъ. А надто большей ничого не въспоминаючы и не потребуючы. Ани тежъ за спустошенье, которое бы се в Глубокомъ и в селе Киселевичахъ за держанья малжонки моее стало, чего Боже уховай отъ огня, або

якимъ кольвекъ обычаемъ и еслибы тежъ бояре, мещане и подданые тамошніе за держанья малжонки моее взнищенье поняли, або прочъ зышли и розбегли се того и ничого иного на малжонце моей яко сынъ мой панъ Крыштовъ Зеновичъ, ани дочка моя Галшка Зеновичовна кнегини Михайловая Вишневецкая и нихто з близкихъ кровныхъ и повинныхъ моихъ поискивати и втомъ никоторое трудности малжонце моей задавати и ни до которого вряду и права ото ее позывати и поволокати не мають и небудутъ мочы никоди. А хотябы и позывали, тогды каждый врядъ, передъ который бы ее то приточыло, отъ того всего ее вольную учынити маетъ, гдыжемъ натымъ малжонку мою з доброе воли ласки моее на выховане черезъ тотъ рокъ и шестъ недель далъ и даровалъ. А коли вжо малжонка моя, по выдержанью року и шести недель, тое село киселевичы сыну моему пану Крыштофу поступитъ, тогды сынъ мой панъ Крыштовъ Зеновичъ, вышей описанное село, презываемое Киселевичи, з братею своею, которые тежъ до того села право прирожоное мають, спольне ужывати и держати маетъ, а я што наложылъ тое село одыскиваючы, то отпущаю и братю свою тымъ накладомъ дарую и симъ тестаментомъ моимъ даровалъ есми, и ктому тежъ з ласки и доброе воли моее позволяю пожывоте моемъ малжонце моей милой пани Ганне Служчанце со всихъ именей моихъ, гдѣ кольвекъ суть и будутъ побрати всихъ подданыхъ и подводы и чыми подводами маетность мою рухомую вшелякую, якимъ же кольвекъ именемъ названо быти можетъ, во всихъ именяхъ моихъ побравши вывозить и выпровадить куды хотечы и тымъ всимъ яко властностью своею водле воли своее шафовати, а сынъ мой панъ Крыштофъ Зеновичъ, ани тежъ дочка моя кнегини Галшка Зеновичовна кнегини Михайловая Вишеневецъкая, а по нихъ дети и потомки ихъ, и нихто з близкихъ кровныхъ повинноватыхъ моихъ до тое маетности, отъ мене ей записаное, ничого мети не мають, а яко сами черезъ себе, такъ и черезъ пріятелей, слугъ и подданыхъ своихъ малжонце моей паней Ганне Служчанце и посланцамъ ее того брати забороняти гамованя никоторого переказы и трудности жадное чынити, ани се в тое вступовати и ниякимъ способомъ того гамовати немають и не будутъ мочы.

Листы привиля на именя мои вси отчызныя и дедичные тые суть в захованю вси на певчомъ мейсцу выменью моемъ Сморгойньскомъ у клетехъ скарбныхъ, при которыхъ и якъ ихъ много реестръ подъ печатью и сподписомъ руки моею естъ, ино малжонка моя пани Ганна Служчанка сыну мому пану Крыштофу Зеновичу по смерти моей водле того реестру моего листы привиля отдати маетъ, а на имене мое, лежачое в земли жомайтской прозываемое Куршаны привилей Короля его милости естъ у малжонки моее стое прычыны, ижъ она тое именье до жывота своего въ держанью своемъ маючы, того яко власности своее водлугъ запису моего ужывати маетъ. А надтоть привилей належачый на именье Куршаны и надъ листы и привилья, на реестре моемъ высшей помененомъ пописаніе, никоторыхъ и ниякихъ ли-

стовъ привильевъ на именья мои больше у Сморнгойцехъ и нигдѣ индей немаю. Прото и в томъ никоторое трудности она, малжонка моя, отъ сына моего, дочки моее и тежъ близъкихъ повинныхъ моихъ мети и уживати не маетъ, долгу никотораго никому не естемъ виненъ, одно о кромъ записовъ на долги, которые отъ мене малжонце моей даны суть. Прото если бы се надъ тые записы якие иные листы, або записы на долги и тежъ на имени мои у когожъ кольвекъ иного надъ записы, малжонце моей подаваные, зъякое будь стороны показали и вынашли, о прочъ сумъ нѣкоторыхъ слугамъ моимъ на тые именя, на которыхъ теперъ мешкаютъ описаные, тогды таковые не правдивые али за змышленые быти бы мусели и прото никоторое моцы мети и нигде на вряде у кождого права за слушные прийиованы быти не мають, а гдѣ бы се справа показала же быхъ кому иному, што якимъ записомъ моимъ мелъ зостать виненъ, тогды долговъ моихъ всякихъ и николи не повинна будетъ малжонка моя платити, только тотъ при комъ именя мои вечностью зостануть личъбы тежъ до скарбу короля его милости никоторое на мнѣ не зостало и низчого чинити есми не повиненъ, а ведже еслибы што въ скарбе показало, в томъ сынъ мой панъ Крыштофъ Зеновичъ въ скорбе короля его милости росправовати и за то досыть чынити маетъ и будетъ повиненъ, а малжонка моя личъбы ниякое чынить не повинна и вольную ее отъ того чыню вечне.

А ижъ я, Юри Зеновичъ, уживаючы вольности водле права посполитого и статуту земского великого князтва Литовского и уфалъ сеймовыхъ, яко записы на именя свои некоторые дожывотемъ и иншое позычывшы у жоны моее пенезей заставами, и тежъ на речы рухомые вечностью к тому и даровнымъ обычаемъ малжонце моей милой паней Ганне Служчанце позаписовалъ далъ даровалъ и симъ тестаментомъ остатънею волею моею ствержаю ствердилъ, прото то все што кольвекъ ей отмене естъ записано, зоставлено, дано и даровано, и якимъ кольвекъ правомъ и записомъ заведено, и симъ тестаментомъ ствержоно, водле тыхъ всихъ листовъ и записовъ моихъ и сего моего тестаменту при паней Ганне Служчанце, малжонце моей, зостати никимъ и ничымъ не нарушно, и укожъдого права и вряду водле того держано и заховано быти маетъ вечными часы. А до того, яко сынъ мой панъ Крыштофъ Зеновичъ, такъ же и дочка моя Галшка Зеновичовна, кнегини Михайловая Вишневецкая, ани дети потомки ихъ и тежъ близкие кровные и повинные мои надто николи ничого мети немаютъ и не будутъ мочы, и противъ того ничого мовити и чынити не маютъ, але се водле тое воли моее заховати маютъ на вси пришлые потомные часы, дочце моей кнегини Галшце Зеновичовне, кнегини Михайловой Вишневецкой Кашталяновой Киевъской, а по ней детемъ и потомкомъ ее симъ тестаментомъ моимъ отписалъ, отписую и даровалъ есми вечнымъ и не отзовнымъ правомъ певную суму пенезей на селе, прозываемомъ Рудыхъ Белкахъ, в повете Мозырскомъ лежачомъ, мне заведеную и упевненую, то естъ копъ тисеча и осмъ сотъ

и тридцать копъ грошей литовскихъ таковымъ же правомъ, яко то мне отъ зошлого господаря нашого, славное памети короля его милости Жыгимонъта Августа, до отданя тое сумы пенезей заведено; на што по зойстью моемъ з сего свѣта листъ его королевское милости маеть отдати малжонка моя, пани Ганна Служъчанка, дочце моей, вышей менованой кнегини Вишневецкой, або по ней детемъ потомкомъ ее которое село Рудые бельки предреченная дочка моя, а по ней дети ее, в держанью своемъ мети, пожытковъ всякихъ ужывати, яко з власности своее до отданя тое сумы пенезей, а по отданью тою сумою пенезей, яко властностью своею водле доброе воли своее шафовати маютъ.

Слуги и коморники мои приказные, з данины которые служатъ тымъ, ижъ завжды на полъ рока напередъ заплата водле того, яко кому належытъ отъ мене, доходитъ ижъ ничого винно имъ по зойстью моемъ з сего света незостанетъ, тогды тежъ не маютъ се чого упоминати, а ижъ отъ мене досыть се имъ стало, тогды тежъ ихъ прошу, яко детей своихъ милыхъ, абы часу зойстья моего с того света телу моему остатнюю послугу выредившы, и оное водле повинности хрестиянское погребъшы, малжонку мою милую на мейсце, где будетъ воля ее, отпровадили, а потомъ водле волей своихъ, где чыя воля розъехатисе. Вязней, невольниковъ всихъ, татаръ, москву, которые у мене теперъ и отъ немалого часу служатъ, и иншихъ всихъ невольниковъ, челядь всякую невольную мужъскую и женскую рожай, тыхъ всихъ симъ тестаментомъ моимъ остаточною волею моею на веси пришлые потомные вечные часы вызваляю и вольными чыню, же тые вси позойстью моемъ з сего света вольными пущены быти маютъ; а вязнямъ малъжонка моя хтобы з нихъ подъездъка своего немелъ, таковому кождому подъездъка дати, а всимъ кождому з нихъ по пети копъ грошей литовскихъ давшы, вольно ихъ пустити маетъ, ничимъ никотораго з нихъ негамуючы, а сынъ мой панъ Крыштофъ Зеновичъ, такъже дочка моя, кнегини Галшъка Зеновичовна кнегини Михайловая Вишневецкая и дети потомки ихъ, и нихто з близкихъ кревныхъ и повинныхъ моихъ тымъ невольникомъ отъ мене на волю выпущонымъ, жонамъ детямъ и потомкомъ ихъ никоторое трудности задавати и в неволю ихъ собе приворочати не маютъ и не будуть мочы вечъными часы, а у малжонки моее и ни укого челеди моее невольное никоторымъ обычаемъ поискивати не маютъ.

Костелъ Сморгойньский опатренье маетъ, ведьже гдыбы потреба якая еще припала, жебы потребовало якого опатренья, тогды сынъ мой панъ Крыштофъ Зеновичъ водле баченя своего опатровати маетъ, жебы в томъ костеле уставичъне министеръ слово Божъе водле науки пана Хрыстусовое обычаемъ и порадкомъ збору еванеликовъ ку науце людской проповедалъ.

А ижъ се тотъ весь тестаментъ мой в добромъ здоровью и в зупол-

номъ баченью и тежъ в доброе воли моее писалъ исправовалъ кождая речь меновите кому што быти маетъ, есть написано: прото тежъ вечъне то и ни отъ кого неотменне мети хочу, ижъбы то все, яко тутъ есть помянено и написано, водле тое доброе воли моее и сего тестаменту моего на веки вечные непорушне зостало, и у каждого вряду и права по томужъ при зуполной моцы то все держано и заховано было на вси потомные пришлые вечные часы. А бачечы я Юрій Зеновичъ, ижъ все водле воли Божое деетсе, а на свете отъ пана Бога, яко инымъ паномъ хрестиянъскимъ, потомужъ и господару нашему милостивому Стефану, з ласки Божое королю его милости польскому и великому князю литовскому, есть данъ судъ справедливости, а серце его королевской милости завжды есть в рукахъ его светое милости, а оборона вдовъ сиротъ отъ пана Бога его королевской милости, есть зверона, а по его королевъской милости, паномъ радамъ его королевской милости прото, водле тое воли Божое и в томъ поступуючы, напродъ по пану Богу на преднейшымъ опекуномъ и обороною сего тестаменту моего, и тежъ малъжонки моее милое обираю его королевскую милость, нашого милостивого пана и покорне его королевское милости бъю чоломъ, и унижоными провьбами прошу господаря нашего милостивого, будучи певное надеи же Его королевъская милость, яко господаръ хрестиянскій водле пристойности своее господаръское то чынечи водле сего тестаменту моего яко сторожъ справедливости и оборонца вдовъ и сиротъ в томъ заховати се росказати рачылъ. А при томъ обралъ есми и симъ тестаментомъ моимъ обираю и назначаю опекунами и оборонцами сего тестаменту моего, и тежъ малжонки моее Ясне вельможного пана его милости пана Яна Глебовича на Дубровне, Кашталяна Менъского, Подскарбего земъского и писара его королевское милости великого князтва Литовского, державцу Радошъковскаго, к тому Ясне Вельможънаго княже его милости пана Миколая Крыштофа Радивила, княже на Олыце и Несвижу, маршалъка земского великого князтва Литовскаго, и вельможныхъ пановъ ихъ милости пана Яна Яновича Зеновича, подстолего господара короля его милости великого князтва Литовского, державцу Трокъского, пана Мартина Палецкаго, Маршалъка короля его милости державцу Ейшыского, а пана Стефана Львовича Роского, подкоморого Ошменского, якожемъ тое надеи певное, о ихъ милости, же ихъ милость с повинности своее Хрестиянское, и к тому ми то обецать рачыли то учынить и оборонцами сего тестаменту моего быти, а в каждой потребе малжонце моей милостиве допомогати и ее в ласкавой обороне своей маючы отъ всякихъ утисковъ моцъно боронить водле наибольшого преможеня своего будутъ рачыли, о што я пильне прошу, чого самъ ижъ заслужытъ не могу, ино панъ Богъ то гойне ихъ милостямъ и потомству ихъ милости ласкою своею святою отдати будеть рачылъ. И вжо я Юри Миколаевичъ Зеновичъ, Кашталянъ смоленъскій староста Дисенскій, такъ сей тестаментъ мой

водлугъ воли и умыслу моего справившы даю и зоставую его жоне и детямъ моимъ с печатью моею и сподписомъ руки моее власное писмомъ польскимъ, а к тому для лепьшого и достаточнейшого того утверженья и певности сее остаточьное воли моее, заховываючи ее в томъ водлугъ обычаю и науки статуту правъ земскихъ, везвалемъ ку справованью и осветченью сего тестаменту моего, подсудка земъского повету Ошменскаго, его милости пана Павла Михайловского и министра слугу слова Божъего казнодею Сморнгойньского, пана Сымона Жыру, к тому людей зацныхъ ихъ милости пановъ, то естъ его милости пана Миколая Юрьевича Зеновича, пана Стрета Тышкевича, дворенина его королевское милости пана Грыгорья Ивановича и пана Василья Богдановича Окушка, земянъ господарскихъ повету Ошменскаго, которые ихъ милость, будучы сведоми спровованя сего тестаменту моего, за устьною и очевистою прозьбою моею, печати свои ку тому тестаменту моему приложыти рачыли. Писанъ въ Сморнгойнехъ лета отъ нароженья Хрыста сына Божъего тисеча пять сотъ осмъдесятъ второго месяца ноября двадцать семого дня.

У того тестаменту печатей притисненыхъ семъ и подписъ руки писмомъ польскимъ тыми словы; Jerzy Zienowicz Kasztalan Smolenski starosta Dzisienski ręką własną. Которого тестаменту мы господаръ огледавшы и выслухавшы его до книгъ канцеляреи нашое и в сей листъ нашъ уписати есмо велели. На што дали есмо каштеляновой смоленской, старостиной дисенской, паней Юрьевой Зеновичовой Ганне Ивановне Служъчанце сей нашъ листъ в подписомъ руки нашое господаръское, до котораго и печать нашу притиснути есмо казали. Писанъ у Берести лета Божего нароженя тисеча пять сотъ осмдесятъ третего месеца окътебра двадцать девятого дня. Подписъ руки господаръское. Левъ Сапега писаръ.

Сообщ. С. Л. Пташицкій.

УБІЙСТВО СИНКЛЕРА

6-го (17-го) іюня 1739 г.

«Подробный разсказъ о томъ, какимъ образомъ, вслѣдствіе русскихъ происковъ, былъ убитъ шведскій маіоръ Синклеръ, въ Шлезвигѣ, близь Наумбурга, при р. Бобрѣ».

Извлеченіе изъ рукописнаго журнала Іоганна Георга Штейнбергера, въ Бреславлѣ. Сообщено проф. д—мъ Августомъ Калертъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

«Нижеслѣдующее описаніе гнуснаго дѣла, обратившаго на себя въ 1739 г. вниманіе всей Европы, заслуживаетъ этого вниманія потому, что разскащикъ, современникъ этого событія, жилъ въ Бреславлѣ, въ судахъ котораго разбиралось дѣло, и сообщаетъ нѣкоторыя по-

дробности, какихъ мы не встрѣчаемъ въ прочихъ многочисленныхъ разсказахъ объ убійствѣ Синклера. Первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ немъ появились въ печати въ видѣ мемуара, изданнаго въ Стокгольмѣ въ 1740 г., на французскомъ языкѣ (и вслѣдъ за тѣмъ появившагося въ Берлинѣ, на нѣмецкомъ). Этимъ мемуаромъ руководствовались Бюшингъ (въ восьмой части «Magazin'a») и Шлецеръ (въ четвертой тетради «Briefwechsel», дополнивъ его разсказомъ о политическихъ фактахъ, предшествовавшихъ этому возмутительному событію. Въ связи съ этими же фактами, не вдаваясь въ особенныя подробности, упоминаетъ о немъ и Шлоссеръ въ своей исторіи XVIII столѣтія. Слѣдующей замѣтки будетъ вполнѣ достаточно для уясненія нижеприведеннаго нами безъискусственнаго разсказа хроникера.

«Въ царствованіе слабаго короля Фридриха (Гессенскаго), въ Швеціи господствовали двѣ партіи, изъ коихъ одна—придворная—подчинялась вліянію русскихъ, а другая—французовъ. Это раздвоеніе повело къ многочисленнымъ интригамъ, разорившимъ страну, бывъ въ то же время и причиною гибели храбраго офицера, маіора Малькольма Синклера, ѣхавшаго по дипломатическому порученію. Французская партія желала войны съ Россіей и союза съ Портою, для чего Синклеръ былъ посланъ въ Константинополь. Придворная же партія, старавшаяся обезпечить миръ съ Россіей, тайно увѣдомила объ этомъ фельдмаршала Миниха, который стоялъ съ войскомъ на турецкой границѣ; и тотъ, при отъѣздѣ Синклера изъ Константинополя, послалъ за нимъ погоню. Преслѣдователи настигли свою жертву лишь въ Шлезвигѣ, близь Гринберга, но предпочли совершить убійство не на шлезвигской, а на сосѣдней, саксонской территоріи, между Наумбургомъ и Христіанштадтомъ, вслѣдствіе общности интересовъ Россіи и государства саксонскаго. Когда разнеслась вѣсть объ этомъ событіи, то общій говоръ былъ—что убійство совершено по повелѣнію русской императрицы Анны, хотя она въ газетахъ и опровергла гласно эти слухи. Шлоссеръ отвергаетъ ея участіе въ этомъ дѣлѣ и не сомнѣвается въ томъ, что она узнала о распоряженіи Миниха лишь по совершеніи убійства. Какъ бы то ни было, это событіе вызвало столкновеніе между Россіей и Швеціей и въ манифестѣ о войнѣ, обнародованномъ этою послѣднею державой, оно приводится какъ одна изъ причинъ къ распрѣ. Извѣстно, что война эта была гибельна для Швеціи, вслѣдствіе существовавшаго въ ней разногласія партій, которое не дозволяло принять сколько нибудь энергическихъ мѣръ.

«15-го іюня 1739 года, въ полдень, въ ту самую минуту, когда его прев-ство господинъ предсѣдатель главнаго суда (Oberambts-Director) въ Бреславлѣ, графъ Шафготшъ, садился за столъ, чиновникъ донесъ ему, что тамошній колесный подмастерье, Іоганнъ Эрнстъ Бинекъ, нынѣ торговецъ лошадьми, уѣхавшій одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ съ шведскимъ маіоромъ, только что по утру возвратился изъ Константинополя, и находится съ своею женой на прежней квартирѣ, на конномъ рынкѣ въ Мюльгофѣ (Mühlhoff).

«Такъ какъ въ Венгріи и Польшѣ свирѣпствовала въ то время чума и вѣнскій дворъ издалъ приказаніе, чтобы ни одного пріѣзжаго изъ Венгріи и Турціи не допускать въ Бреславль безъ предварительнаго осмотра и не освѣдомившись о причинѣ пріѣзда, то графъ Шафготшъ немедленно потребовалъ къ себѣ члена магистрата (Raths Syndicum) Гуцмара, сообщилъ ему о пріѣздѣ колесника, приказавъ тотчасъ арестовать его и строго допросить о выдержанномъ карантинѣ. Согласно съ этимъ, колесникъ былъ задержанъ и сообщилъ, что онъ прибылъ изъ Константинополя чрезъ русскій лагерь и Польшу, вмѣстѣ съ шведскимъ маіоромъ Синклеромъ и французскимъ купцомъ изъ Парижа, по фамиліи Гутерье, коимъ онъ прислуживалъ въ дорогѣ, и что вышеупомянутые два путешественника остановились въ гостинницѣ «Золотая шпага», у Николаевскихъ воротъ, и, вѣроятно, завтра же отправятся далѣе. Получивъ эти свѣдѣнія, графъ Шафготшъ немедленно послалъ, въ С. Клара, къ канцлеру приказаніе освѣдомиться у этихъ иностранцевъ объ ихъ имени и о цѣли ихъ поѣздки, потребовать ихъ паспорта и свидѣтельства о выдержаніи карантина; наконецъ, въ случаѣ отказа съ ихъ стороны—арестовать ихъ. Когда канцлеръ пріѣхалъ къ нимъ въ гостинницу и началъ допрашивать маіора, то послѣдній принялъ его чрезвычайно высокомѣрно и недружелюбно, сказавъ, что онъ никому не обязанъ давать отчета о своемъ порученіи; при въѣздѣ же въ городъ онъ сообщилъ свою фамилію и предъявилъ карантинное свидѣтельство и паспорты, выданные шведскимъ и французскимъ посланниками въ Константинополѣ, и съ этою цѣлью, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, останавливался даже у городскихъ воротъ. На это канцлеръ возразилъ ему, что онъ имѣетъ отъ королевскаго главнаго суда (Oberambt) приказаніе арестовать ихъ, если они будутъ уклоняться отъ болѣе обстоятельнаго отвѣта. Маіоръ выразилъ свое удивленіе по этому поводу, прибавивъ однако, что онъ не можетъ воспротивиться подобному распоряженію, такъ какъ находится совершенно въ ихъ власти, надѣется однако, что ему не запретятъ тотчасъ отправить своему королю эстафету; а такъ какъ онъ ѣдетъ по чрезвычайно важному порученію, то легко себѣ представить

съ какою отвѣтственностью связанъ его арестъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ показалъ паспорты, собственноручно подписанные королями Франціи и Швеціи, и, какъ доказательство чрезвычайной важности ихъ порученія и того, что сами они—лица не лишенныя значенія, онъ показалъ канцлеру еще два запечатанныхъ письма, сказавъ, что одно изъ нихъ посылается англійскому, а другое шведскому королю. Канцлеръ донесъ обо всемъ графу Шафготшу, который послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ къ маіору извиниться за все случившееся, объясняя свой поступокъ самымъ строгимъ королевскимъ указомъ. Теперь же, когда ему извѣстны всѣ подробности, то они могутъ безпрепятственно ѣхать куда хотятъ.

«Такимъ образомъ путешественники наняли, 16-го іюня, почтовыхъ лошадей и выѣхали въ этотъ день въ три часа по полудни. Два часа спустя, въ Бреславль прибылъ состоящій на русской службѣ, капитанъ баронъ фонъ-Кютлеръ, уроженецъ Шлезвига, съ своимъ лейтенантомъ Левицкимъ, четырьмя драгунами въ мундирахъ и двумя почталіонами; подъѣхавъ къ зданію главнаго суда, они потребовали переговорить съ предсѣдателемъ, по весьма важному дѣлу. Но такъ какъ послѣдній только что передъ тѣмъ уѣхалъ къ сыну своему, старшему судьѣ (Oberambts-Rath) графу Карлу, то они отправились въ гостинницу «Голубой олень», переодѣлись, съ цѣлью быть неузнанными, и отправились къ графу Карлу. У него они, въ свою очередь, узнали, что предсѣдатель уже поѣхалъ на вечеръ къ кардиналу фонъ-Зинцендорфъ, гдѣ они и застали его. Капитанъ Кютлеръ показалъ предсѣдателю открытое предписаніе императорскаго резидента въ Варшавѣ ко всѣмъ шлезвигскимъ инстанціямъ; въ предписаніи говорилось, что эти два офицера получили отъ своего двора приказаніе догнать и арестовать шведскаго маіора и французскаго купца, возвращавшихся черезъ Шлезвигъ изъ Константинополя, съ письмами, которыя были первой важности для вышеупомянутаго двора; такъ какъ въ этомъ дѣлѣ также былъ затронутъ интересъ императора, то этимъ офицерамъ слѣдуетъ оказать всевозможное содѣйствіе и помощь. По прочтеніи письма, предсѣдатель передалъ имъ о случившемся, вслѣдствіе чего капитанъ просилъ поспѣшить изготовленіемъ сыскныхъ (Steckbrief) и открытой подорожной, такъ какъ они должны были спѣшить за бѣглецами. Поэтому, предсѣдатель созвалъ немедленно экстренное присутствіе и такъ скоро отправилъ русскаго капитана, что тотъ въ ту же ночь, въ половинѣ двѣнадцатаго, съ девятью всадниками выѣхалъ на почтовыхъ въ погоню за шведскимъ маіоромъ.

17-го іюня, около двухъ часовъ по полудни, маіоръ Синклеръ

и французскій купецъ прибыли въ Нейштедель (Neustädtel), попросили почтмейстера не задерживать ихъ, и направились по дорогѣ въ Гринбергъ. Два часа спустя, туда же прибылъ капитанъ Кютлеръ съ поручикомъ, четырьмя драгунами, тремя почталіонами, справился тотчасъ о шведскомъ маіорѣ и купцѣ, показалъ тамошнему почтмейстеру письмо отъ почтъ-директора въ Бреславлѣ, по которому повелѣвалось немедля дать имъ все необходимое, и поѣхалъ далѣе на доставленныхъ свѣжихъ лошадяхъ, въ сопровожденіи двухъ почталіоновъ, коимъ Нейштедельскій почтмейстеръ приказалъ, въ случаѣ если они не догонятъ вышеупомянутыхъ путешественниковъ до Гринберга, сопровождать офицеровъ и драгунъ до границы и исполнять всѣ ихъ приказанія.

«Не доѣзжая полверсты до Гринберга, они завидѣли маіора Синклера; тогда капитанъ Кютлеръ послалъ своихъ двухъ почталіоновъ впередъ, чтобы задержать почталіона, ѣхавшаго съ Синклеромъ,—что и было исполнено. Когда подъѣхали офицеры съ драгунами, то русскій капитанъ сначала заговорилъ съ маіоромъ Синклеромъ весьма вѣжливо, на французскомъ языкѣ, но вслѣдъ затѣмъ приставилъ ему пистолетъ къ груди, сказавъ, что онъ долженъ сдаться или умереть. Маіоръ освѣдомился о причинѣ такого насилія, и хотѣлъ завладѣть ихъ пистолетами, но видя, что его одолѣваютъ— сдался. Тогда одинъ изъ почталіоновъ былъ посланъ въ Нейштедель къ почтмейстеру съ приказаніемъ немедленно отправить въ главный почтамтъ Бреславля эстафету съ извѣстіемъ, что офицеры настигли того, кого они искали. Русскіе офицеры приказали почталіону, везшему маіора и купца, тотчасъ вернуться назадъ и, минуя Гринбергъ, проѣхать въ Христіанштадтъ, на Саксонской границѣ; сами они поѣхали верхомъ по обѣимъ сторонамъ коляски, нѣсколько разъ приказывали почталіону остановиться, принуждали путешественниковъ выйти изъ экипажа и съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно разговаривали по четверти часа. Когда они отъѣхали ¼ версты отъ городка Наумбурга, при р. Бобрѣ, въ двухъ верстахъ отъ Сорау, то капитанъ Кютлеръ оставилъ поручика при экипажѣ, а самъ поѣхалъ съ однимъ изъ почталіоновъ впередъ въ Христіанштадтъ, чтобы освѣдомиться есть ли въ немъ гарнизонъ, и узнавъ на пути отъ двухъ личностей, ѣхавшихъ изъ города, что тамъ не стоятъ солдаты, онъ во весь опоръ примчался назадъ, принудилъ Синклера и купца выйти изъ экипажа, потребовалъ отъ перваго ключи отъ его сундука и чемодана, на что тотъ не соглашался, но долженъ былъ наконецъ уступить въ виду дѣлаемыхъ ему угрозъ; между тѣмъ капитанъ приказалъ почталіону отвязать вещи и такъ какъ, по причинѣ потай-

наго замка, не могъ самъ отпереть сундукъ, то маіоръ Синклеръ долженъ былъ отмкнуть его и указать гдѣ находились требуемыя бумаги, и будто хотѣлъ даже вручить ему письма; но капитанъ возразилъ на это, что Синклеру теперь нѣтъ дѣла до сундука, такъ какъ онъ и самъ съумѣетъ отыскать все нужное; съ этою цѣлью капитанъ началъ шарить въ сундукѣ, нашелъ въ крышкѣ два письма, а подъ прочими бумагами большую сложенную карту, которую маіоръ составилъ до начала правильныхъ военныхъ дѣйствій. Капитанъ Кютлеръ, подъ угрозою смерти, требовалъ отъ маіора Синклера, чтобы тотъ высказалъ ему все, что ему извѣстно относительно войны; когда же тотъ объявилъ, что ничего не знаетъ, кромѣ того, что говорится въ бумагахъ, находящихся въ рукахъ капитана, то послѣдній еще разъ посовѣтовалъ ему обдумать свое положеніе, такъ какъ иначе онъ лишится жизни; однако маіоръ и тутъ продолжалъ запираться; тогда поручикъ Левицкій, по знаку, данному капитаномъ, повелъ маіора Синклера въ кусты, за 80 шаговъ отъ экипажа и за 30 отъ проѣзжей дороги; вслѣдъ за тѣмъ, послѣ короткой перебранки, раздался выстрѣлъ изъ пистолета и возгласъ «о, Боже!» въ то самое мгновеніе, какъ поручикъ выстрѣлилъ ему въ спину; нѣсколько минутъ спустя, всѣ четыре драгуна бросились на мѣсто преступленія и покончили съ Синклеромъ, нанеся ему нѣсколько ранъ. Въ это время русскій капитанъ стоялъ около экипажа съ купцомъ, который въ отчаяніи ломалъ себѣ руки, и просилъ пощадить его жизнь, что и было исполнено. Одинъ изъ почталіоновъ просилъ капитана дозволить ему взглянуть на происходившее въ кустахъ, но капитанъ не допустилъ этого, сказавъ, что негодяю достается по-дѣломъ, такъ какъ онъ уже десять разъ заслужилъ висѣлицу.

«По совершеніи убійства, капитанъ сказалъ почталіону, ѣхавшему съ Синклеромъ, что онъ можетъ возвратиться домой и подробно разсказать своему почтмейстеру о всемъ видѣнномъ, для того чтобы объ этомъ было донесено предсѣдателю суда. Купца же онъ велѣлъ привязать къ лошади и повезъ съ собою въ Христіанштадтъ, а оттуда въ Сорау, гдѣ написалъ графу Шафготшу о своей счастливой находкѣ, присовокупивъ, что обстоятельства вынудили его къ нѣкоторой крайности, о которой онъ сожалѣетъ, но не можетъ сказать ничего подробнѣе; къ тому же, графу, вѣроятно, все уже извѣстно отъ Гринбергскаго почтмейстера; самъ же капитанъ долженъ какъ можно скорѣе спѣшить со своею добычею обратно. Дѣйствительно, онъ поспѣшилъ изъ Сорау въ Польшу и затѣмъ точно исчезъ съ лица земли, такъ что никто не зналъ куда онъ со своими людьми подѣвался; однако, нѣсколько времени спустя, стало извѣстно, что они

проѣхали въ Данцигъ и оттуда, вѣроятно, въ Петербургъ. Что же касается французскаго купца, то онъ, по распоряженію русскаго резидента въ Дрезденѣ, содержался шесть недѣль подъ арестомъ въ Зонненштейнѣ (aufm Sonnenstein) за то, что онъ донесъ будто убійство совершено русскими; но затѣмъ, въ видѣ удовлетворенія, получилъ отъ короля золотую табакерку, а отъ русскаго резидента—кошелекъ съ дукатами, и, по освобожденіи, поспѣшилъ въ Стокгольмъ, чтобы словесно сообщить обо всемъ шведскому королю.

«Тѣло убитаго маіора Синклера было найдено, четыре дня спустя, однимъ пастухомъ, пасшимъ въ рощѣ овецъ; онъ донесъ объ этомъ въ Наумбургскій судъ; однако вскрытіе не было произведено, такъ какъ тѣло, по причинѣ лѣтней жары, уже сильно разложилось и поэтому, 24-го іюня 1739 г., было предано землѣ, въ четырехъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ его нашли.

«Письма, отнятыя у шведскаго маіора, заключали въ себѣ весьма важную тайну, о чемъ провѣдалъ одинъ варшавскій министръ, который и подстрекнулъ русскаго генерала Миниха преслѣдовать этихъ мнимыхъ шпіоновъ и перехватить у нихъ бумаги, изъ коихъ можно бы узнать въ какихъ отношеніяхъ къ Россіи стоятъ Франція и Швеція.

«Королевскій высшій судъ (Oberambt) сообщилъ немедленно обо всемъ случившемся въ Вѣну, ожидая дурныхъ послѣдствій этого дѣла, такъ какъ всѣ по-истиннѣ удивлялись этому убійству и тому обстоятельству, что благородный Синклеръ проѣхалъ невредимъ столько пустынныхъ мѣстностей (онъ ѣхалъ до границы Шлезвига съ конвоемъ), и вдругъ, среди благоустроенной страны, на большой, почтовой дорогѣ, подвергнулся нападенію, былъ ограбленъ и убитъ.

«Добрый колесникъ былъ признанъ невиновнымъ и освобожденъ 7-го іюля отъ ареста, а хозяинъ «Голубаго оленя» очень хлопоталъ о томъ, чтобы сняли печать съ комнаты, въ которой русскіе оставили свои вещи, обѣщая хозяину скоро вернуться; но ему пришлось подождать еще нѣсколько дней. Почталіоны были допрошены какъ въ Гринбергѣ, такъ и передъ королевскимъ верховнымъ судомъ.

«Ни одна газета не рѣшалась писать объ этомъ гнусномъ дѣлѣ; наконецъ, 25-го и 28-го іюля, появилось первое извѣстіе о немъ въ «Берлинскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ нѣкоторыя подробности были напечатаны въ Регенсбургской и другихъ газетахъ, по которымъ и составленъ нашъ подробный разсказъ. Вслѣдъ затѣмъ, 1-го августа, въ «Берлинскихъ Вѣдомостяхъ» появилась изъ Петербурга слѣдующая декларація, которая, по видимому, никоимъ образомъ не могла такъ скоро быть прислана оттуда.

«Такъ какъ 28-го іюля изъ Гринберга получена реляція объ убій-

ствѣ Синклера и въ этомъ злодѣяніи безъ всякаго основанія обвиняются русскіе, что еще на дняхъ подтверждалось «Гальскими Вѣдомостями» (Hallische Zeitung), то, согласно требованію ея императорскаго величества императрицы Россійской, до всеобщаго свѣдѣнія доводится слѣдующее:

Извлеченіе изъ циркуляра ея императорскаго величества къ ея министрамъ при иностранныхъ дворахъ, даннаго въ С.-Петербургѣ 30-го іюля 1739 года.

«Божіею милостію, мы, Анна, императрица и самодержица всея Россіи и пр. и пр., получили со вчерашнею почтой донесеніе изъ Гринберга, изъ коего мы (откровенно сознаемся) съ неописаннымъ удивленіемъ узнали о случившемся съ шведскимъ офицеромъ Синклеромъ. Хотя, благодареніе Богу! наша репутація, христіанскія намѣренія и великодушіе на столько упрочены, что ни одинъ честный человѣкъ не заподозритъ насъ и народъ нашъ въ малѣйшемъ участіи въ этомъ убійствѣ, — поэтому съ нашей стороны было бы совершенно излишнимъ оправдываться въ глазахъ свѣта, но такъ какъ, къ сожалѣнію, всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, что, съ открытія послѣдняго Рейхстага въ Швеціи, вся Европа говоритъ,—хотя, мы не сомнѣваемся, совершенно неосновательно,—о замыслахъ этого государства противъ насъ, а равно и объ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ между Швеціей и исконнымъ врагомъ христіанства, въ виду чего инымъ можетъ придти на мысль будто мы—съ цѣлью узнать намѣренія, касающіяся благосостоянія и спокойствія нѣсколькихъ милліоновъ людей и въ особенности нашего государства и нашихъ подданныхъ,—могли принять участіе въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что въ донесеніи упоминается о двухъ русскихъ офицерахъ, совершившихъ будто-бы это злодѣяніе;—наша честь и совѣсть слишкомъ дороги для насъ, чтобы мы могли прибѣгнуть къ столь постыдному средству или сколько нибудь способствовать ему для открытія тайны, какъ бы важна она ни была для насъ. Такъ какъ до сихъ поръ всѣ вышеупомянутые, носящіеся въ Европѣ слухи не принимались нами на вѣру и никогда не побудили бы насъ принять какія либо мѣры, которыя не оправдывались бы здравымъ смысломъ и должнымъ благоразуміемъ, поэтому и нынѣ, тотчасъ по полученіи вышеупомянутаго донесенія, мы сочли нужнымъ всемилостивѣйше поручить всѣмъ нашимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ ко всеобщему свѣдѣнію письменно или словесно, смотря по обстоятельствамъ, отъ нашего имени объявить, что мы, въ этомъ гнусномъ (lachen) дѣлѣ, если таковое дѣйствительно совершено, и о коемъ намъ извѣстно лишь изъ вышеупомянутаго донесенія, не только не принимали ни малѣйшаго участія, но признаемъ его гнуснымъ и въ высшей степени недостойнымъ нашей чести и достоинства; мало того, мы просимъ и требуемъ даже Е. И. В—во римскаго императора и Е. К. В—во короля польскаго, во

владѣніяхъ которыхъ совершилось происшествіе, учинить повсюду розыскъ съ цѣлью найти виновныхъ, арестовать ихъ и предать заслуженному наказанію, а также печатно объявить—кто былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. И хотя мы не можемъ и не хотимъ вѣрить, чтобы кто-либо изъ нашихъ подданныхъ былъ способенъ на такой безчестный и постыдный поступокъ, но объявляемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы употребимъ всѣ усилія и не успокоимся до тѣхъ поръ, пока злодѣи не будутъ въ рукахъ правосудія, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ доказано все наше отвращеніе къ подобнымъ злодѣяніямъ и то, что мы никогда не допустили бы такого дѣла, которое можетъ нарушить дружбу, существующую между нашимъ и шведскимъ дворомъ и которую мы всегда высоко цѣнимъ и съ нашей стороны намѣрены всегда поддерживать и сохранять. Пребываемъ вамъ и пр. и пр.».

4-го октября того же 1739 года, въ Бреславль пріѣхали Антонъ Христофъ фонъ-Греннингъ, изъ Вейсмара, и маіоръ Фризе, уроженецъ Бреславля, въ качествѣ депутатовъ отъ шведскаго короля, чтобы тщательно изслѣдовать дѣло объ убіеніи Синклера; первый остановился въ гостинницѣ «Голубой олень», второй—въ «Золотомъ скипетрѣ»; въ половинѣ октября они отправились въ Нейштедель, гдѣ въ домѣ прелата, въ ихъ присутствіи, состоялось собраніе королевской верховной коммисіи (Oberambts Commission), при участіи Іоганна Вольфганга фонъ-Доршъ, королевскаго судьи (Königl. Oberambts Rath) и Карла Іосифа Сала-фонъ-Гроссе (Oberambts Concipists); почталіоны допрошены еще разъ и показанія ихъ записаны.

Нѣсколько дней спустя, они возвратились въ Бреславль; г. Греннингъ помѣстился этотъ разъ въ гостинницѣ «Золотая шпага», на улицѣ Рейшъ (Reushen Gasse), заболѣлъ лихорадкою, но вскорѣ выздоровѣлъ. Маіоръ Фризе снова остановился въ «Золотомъ скипетрѣ». Они очень желали получить письмо императорскаго резидента въ Варшавѣ, но оно было послано въ Вѣну, и оттуда его трудно было получить, а быть можетъ, оно и затерялось. Поэтому они донесли обо всемъ своему королю, и получили приказаніе привезти съ собою въ Штральзундъ трупъ убитаго Синклера. Согласно съ этимъ, они уѣхали, и маіоръ Фризе прислалъ вскорѣ хозяину гостинницы «Золотая шпага» слѣдующее письменное извѣстіе отъ 15-го дек. 1739 изъ Штральзунда:

«29-го ноября мы вырыли, въ 5 часовъ, тѣло покойнаго маіора барона Синклера, въ $^1/_4$ мили отъ Наумбурга, въ кустахъ, гдѣ его сразили убійцы. Выстрѣлъ, сдѣланный на-вылетъ, пять ранъ, нанесенныхъ въ голову и три въ животъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ безжалостно покончили съ нимъ убійцы. Въ Наумбургѣ мы заказали прекрасный дубовый гробъ съ шестью вылуженными ручками и опустили въ него гробъ, въ которомъ лежало тѣло; въ тотъ же день мы доѣхали съ покойникомъ до Кроссена (Crossen); от-

туда направились во Франкфуртъ; изъ этого города коммисаръ Греннингъ поѣхалъ въ Берлинъ, я же—съ тѣломъ—въ Штральзундъ. Со мною былъ императорскій, шведскій и прусскій паспортъ, подписанный собственноручно Е. И. В—мъ, такъ что покойника пропускали вездѣ безъ задержки. 9-го декабря (благодаря Бога), я прибылъ благополучно, не заболѣвъ, въ Штральзундъ, оставилъ гробъ въ предмѣстьѣ (Franken-Vorstadt) и донесъ объ этомъ генералу и старшему коменданту барону Цюллиху; вслѣдствіе чего онъ распорядился послать въ предмѣстье покровъ, которымъ и былъ накрытъ гробъ. 12 унтеръ-офицеровъ были командированы сопровождать колесницу, снять гробъ въ городѣ съ дрогъ и внести его въ часовню, обтянутую черным сукномъ; по стѣнамъ въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ горѣли бѣлыя восковыя свѣчи. 30 человѣкъ королевской лейбъ-гвардіи были командированы въ процессію и во всѣхъ церквахъ города звонили въ колокола. 14-го числа происходила погребальная процессія; гробъ сопровождали генералъ и всѣ военные и гражданскіе высшіе сановники. Гробъ несли 14 оберъ-офицеровъ; двѣнадцать пушекъ дали залпъ два раза и 400 человѣкъ лейбъ-гвардейцевъ салютовали изъ своихъ ружей. Гробъ поставленъ въ склепѣ Николаевской церкви, гдѣ маіоръ будетъ покоиться до послѣдняго пришествія».

25-го января 1740 г. въ Лейпцигской газетѣ было помѣщено:

«По повелѣнію двора, надъ могилою маіора Синклера, въ церкви св. Николая въ Штральзундѣ, помѣщена слѣдующая эпитафія:

«Здѣсь покоится добрый и честный шведскій патріотъ, маіоръ Малькольмъ Синклеръ, родившійся въ 1691 году отъ генералъ-маіора Синклера и госпожи Гамильтонъ. Жизнь его была рядомъ самыхъ странныхъ и замѣчательныхъ случайностей. Съ 1709 по 1722 г. онъ былъ военно-плѣннымъ въ Сибири; наконецъ, при исполненіи одного государственнаго порученія, былъ самымъ безжалостнымъ образомъ убитъ, 17-го іюня 1739 г., близь Наумбурга въ Шлезвигѣ; тѣло его, по милостивому повелѣнію Е. В—ва короля Фридриха I, вывезено изъ Шлезвига и доставлено 9-го декабря въ Штральзундъ, маіоромъ Фризе; 14-го числа того же мѣсяца оно предано землѣ съ надлежащимъ церемоніаломъ. Прохожій! пророни слезу надъ этою могилою, и уходя подумай о томъ, какъ непостижима бываетъ судьба несчастныхъ смертныхъ!»

Примѣчаніе. Заимствовано, по указанію академика А. А. Куника, изъ Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Alterthum Schlesiens. Namens des Vereins herausgegeben von Dr. Richard Roepell. Бреславль, въ 8°. Первая тетрадь, 1855 г., стр. 178—189.

Александръ Ивановичъ Селинъ

† 17-го марта 1877 г.

17-го марта 1877 года скончался А. И. Селинъ—человѣкъ, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова... Онъ былъ заслуженнымъ профессоромъ и деканомъ филологическаго факультета при университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ, гдѣ 32 года честно и полезно служилъ наукѣ и ближнимъ; былъ человѣкъ высокаго образованія, зналъ хорошо древніе языки и почти всѣ европейскіе, изучалъ и любилъ музыку и особенно поэзію; но не о томъ я хочу говорить: считая себя его истиннымъ другомъ и будучи обязана ему безконечно, нравственный долгъ заставляетъ меня познакомить съ нимъ каждаго, кому дорогъ душевный образъ человѣка.

Въ 1846 — 1848 гг. я слушала его лекціи по исторіи литературы въ кіевскомъ институтѣ. Я занималась очень усердно его предметомъ и болѣе всѣхъ обязана ему образованіемъ своей души и ума. Слушая его лекціи, въ душѣ моей впервые зажигалась искра другой, новой, духовной жизни: расширяя кругозоръ, обогащая умъ и облагороживая душу, направляя ее къ доброму, высокому, прекрасному,—онъ становился моимъ вторымъ творцомъ, ибо создавалъ во мнѣ человѣка!—Не стѣсняясь узкой институтской программой, онъ читалъ намъ исторію литературы всѣхъ вѣковъ и народовъ; знакомилъ съ лучшими ея образцами, вызывалъ передъ нами великія тѣни древнихъ классиковъ и, увлекаясь, восторгаясь самъ, невольно переливалъ свой огонь и въ насъ. Это была замѣчательная способность его поэтической натуры, сохранившаяся до самой смерти: никто лучше его не могъ дать почувствовать красотъ природы, поэзіи, искусства. Краснорѣчіе его было поразительно: это были потоки мысли и чувства, выраженные въ самомъ сильномъ словѣ, въ самой изящной формѣ; часто, доходя до паѳоса, онъ, казалось, преображался до чего-то безплотнаго, сверхъестественнаго, выше человѣческаго,—являлся намъ какъ олицетворенная идея, чувство...

По выходѣ изъ института, ровно 20 лѣтъ я ничего о немъ не знала и не слыхала, но забыть оказанное добро не могла, и только черезъ 20 лѣтъ, въ трудную минуту жизни, я въ первый разъ обратилась къ нему письменно: это было въ 1868 г. Съ душой полной сочувствія принялъ онъ мое обращеніе, вполнѣ оцѣнилъ его, какъ мою вѣру въ него, и мы обмѣнялись нѣсколькими письмами; но тутъ онъ заболѣлъ, уѣхалъ за границу и четыре года я опять ничего о немъ не слыхала. Въ 1874 году переписка наша возобновилась, а въ 1875-мъ я наконецъ поѣхала повидаться съ нимъ. Не берусь выра-

зить, что чувствовала тогда къ человѣку, которому всю жизнь поклонялась въ душѣ, тѣмъ болѣе, что увидала его уже больнымъ.

Главныя отличительныя свойства души А. И. Селина были: благодушіе, гуманность и благотворительность. Въ немъ жила всепрощающая сила добра, оттого обидъ онъ не признавалъ за обиды; онъ очень хорошо понималъ людей и то, что часто движетъ ихъ сердцами и управляетъ волей, а потому и говорилъ: «Лучше перенести, чѣмъ нанести; высказанное слово—серебряное, а невысказанное—золотое!» Родятся ли такіе люди, или постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ—достигаютъ такого нравственнаго совершенства?—Онъ былъ отцомъ студентовъ, ихъ защитникомъ и благодѣтелемъ для бѣдныхъ. Оказать помощь нуждающемуся было праздникомъ для его души и главной ея потребностью. Получая прекрасное содержаніе, онъ раздавалъ такъ много, что подъ-часъ приходилось самому нуждаться, и умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего! Это поразительно, въ наше время: «Не мнѣ, филологу, думать о сбереженіяхъ»,—говорилъ мнѣ. Онъ былъ врагъ всякаго чиновничества, равнодушенъ къ наградамъ и повышеніямъ, не искалъ популярности: любилъ науку для науки, служилъ дѣлу не изъ расчета, а изъ любви къ пользѣ: «Только и дорожу жизнью, пока знаю, что приношу пользу», и награду себѣ искалъ только въ своей совѣсти. «Всякій человѣкъ полезенъ на своемъ мѣстѣ, вокругъ себя, не только полезенъ, но даже необходимъ, а потому,—говорилъ мнѣ,—не ищите далекихъ жертвъ: если заглянете глубже въ себя, то увидите, что исканіе ихъ есть только стремленіе къ личному наслажденію». Характеръ его былъ двоякій: мягкій и кроткій какъ у агнца, и вспыльчивый, способный раздражиться, забыться—но лишь на одно мгновеніе! Натура деликатная, нѣжная—живо чувствовала и оскорблялась проявленіемъ всякой грубой силы, и гармонію его души нарушали ноты изъ міра чуждаго ей... Но чувство добра всегда брало верхъ, а потому, тотчасъ за вспышкой, слѣдовало раскаянье, а часто и упреки себѣ. Онъ свято чтилъ свободу въ человѣкѣ и слѣдовалъ словамъ евангелиста Іоанна. «благодать за благодать». Гуманность его была не только его идеаломъ, но она была его религіей! Чувство человѣчности вошло въ его плоть и кровь, надо было только послушать его разговоръ: съ слугой, извощикомъ, простою бабой... Какъ непритворно онъ уравнивалъ себя съ каждымъ! Для него не было высшихъ и низшихъ,—а всѣ равные, коль скоро это были люди; и не могъ выносить чего бы то ни было, что унижало достоинство человѣка, напримѣръ, если человѣческое существованіе ходило въ качествѣ ливрейнаго.

Интересны разсказы его домашнихъ, какъ относился къ нимъ;

да вотъ лучшій примѣръ: больной, за мѣсяцъ до смерти, писалъ мнѣ: «Человѣкъ и двѣ горничныя спятъ подлѣ моей комнаты, но я ни разу еще, со дня болѣзни, не разбудилъ ихъ звонкомъ; а они готовы вставать для меня во всякое время, а я отъ этого могу только хуже заболѣть, а потому, когда проснусь, самъ сдѣлаю для себя все, что нужно, и я во сто разъ покойнѣе, а потому и здоровѣе; даже по-истиннѣ материнскія заботы жены [1]) подъ часъ тяготятъ меня, именно потому, что я безпокою, а ей и сказать не смѣю». Это положительно былъ святой человѣкъ, истинный праведникъ. Велъ самую воздержную жизнь и былъ постоянно и серьезно занятъ; но очень любилъ бесѣду дружескую, задушевную. «Вѣчны однѣ чистыя радости духа», говорилъ мнѣ. Онъ вполнѣ былъ человѣкъ правды, самъ говорилъ ее не стѣсняясь, и отъ другихъ принималъ ее охотно: «Все это отрезвляетъ, очищаетъ человѣка, заставляетъ его вдумываться въ себя,—это все равно, что вымыть полы въ домѣ», писалъ мнѣ. Если уже случалось, что замѣтитъ что либо сказанное не прямо, то скажетъ: «Если не можемъ возлюбить правду, не будемъ по крайней мѣрѣ посягать на нее». Самъ же, высказывая ее, прибавлялъ всегда: «сказалъ и душу спасъ», такъ боялся оставить на совѣсти что-бы то ни было, что могло ее тяготить! Но отъ него все принималось легко, потому что вѣрилось въ него, потому что это была натура, отъ которой исходили и свѣтъ и тепло. Какъ чтилъ онъ всякое высокое проявленіе мысли или чувства или чего бы то ни было великаго въ духѣ, подобныя проявленія часто трогали его до слезъ. «Духъ долженъ быть выше скорби и радости», былъ его завѣтъ мнѣ. На жизнь смотрѣлъ какъ на таинство, выше всѣхъ седьми таинствъ поставленное. Любилъ ее въ пользѣ, трудѣ и свободѣ. «Грѣхъ великій выноситъ пустоту послѣ горѣнія, послѣ мукъ сердца, во всяческихъ огняхъ; а надо себя, душу свою очистить—на пользу ближняго».

Онъ былъ человѣкъ чистой вѣры и религія его была по-истиннѣ святая: какъ сестрѣ духовной, признавался мнѣ, что нѣсколько лѣтъ говѣлъ въ арестантской церкви, и, пріобщаясь съ колодниками, отъ всей полноты сокрушеннаго сердца говорилъ: «отъ нихъ же первый есмь азъ». Велико было его сознаніе ничтожества человѣческаго предъ всеблагимъ, всемогущимъ Богомъ! Никогда не изгладится изъ моей памяти нашъ разговоръ съ нимъ о религіи, а онъ писалъ мнѣ: «я и на томъ свѣтѣ желалъ бы встрѣтиться съ вами такъ, какъ въ тотъ прекрасный вечеръ, когда бесѣдовалъ съ вами о религіи». Какъ умъ свѣтлый, какъ душа возвышенная, онъ смотрѣлъ на міръ, науку и искусства не такъ какъ смотрятъ обыкновенно люди; разумный,

[1]) А. И. Селинъ по женѣ былъ своякъ А. И. Г—ца: оба они были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ.

высоко-поэтическій былъ взглядъ его на жизнь: онъ видѣлъ въ ней присутствіе высшаго разума и высшей правды. Не случайнымъ явленіемъ казался ему человѣкъ: онъ представлялся ему вѣнцомъ видимой природы. А въ жизни человѣка видѣлъ онъ высшую жизнь природы, а высшее проявленіе жизни—въ наукахъ и искусствѣ, а въ каждомъ человѣкѣ—носителя этого духа, а потому не щадилъ ни средствъ, ни силъ своихъ къ обогащенію себя познаніями, а также и возможности подѣлиться ими съ каждымъ и помочь каждому выйти на дорогу свѣта и истины.

Въ послѣдній разъ я видѣла его въ началѣ октября 1876 года, вскорѣ по возвращеніи его изъ Америки, куда пытливый умъ увлекъ его больнаго, 60-ти лѣтняго, на всемірную выставку. Съ увлеченіемъ, свойственнымъ его натурѣ, разсказывалъ онъ о всемъ видѣнномъ, перечувствованномъ. Отъ его наблюдательнаго ума не скрылось, кажется, ничто, что могло быть замѣченнымъ, и ничто, что могло возвысить душу; его мысли на океанѣ и Ніагарѣ по-истиннѣ высоки, а о выставкѣ писалъ такъ изъ Филадельфіи: «Первое впечатлѣніе, какъ вошелъ въ главное зданіе, было очень сильное, но когда я обошелъ все это первое зданіе кругомъ и поднялся на 2-й этажъ, у самаго входа, и оттуда посмотрѣлъ внизъ, то всѣ эти павильоны 38-ми народовъ, и всѣхъ штатовъ Америки, съ громадной массой посѣтителей, представились мнѣ крестовымъ походомъ всемірной цивилизаціи, и я прослезился».

Встрѣча съ опасностью на океанѣ счистила съ души его «всякую ржавчину», какъ самъ выражался, а черезъ шесть мѣсяцевъ по возвращеніи изъ путешествія его не стало!

Не можетъ исчезнуть то, что́ вѣчно, и жизнь Селина не должна уподобиться блестящему метеору, на котораго любуются только пока онъ летитъ, но должна принести истинную пользу человѣчеству, для котораго всецѣло была посвящена. Пусть же тотъ, кто зналъ его ближе и шире, воскреситъ для потомства назидательный образъ Александра Ивановича Селина, этого идеалъ-человѣка!

Безъ сомнѣнія, всѣ его лекціи и сочиненія, а также и письма его къ безчисленному множеству лицъ (такъ какъ онъ весь былъ въ перепискѣ), будутъ напечатаны, какъ то и обѣщано въ его некрологѣ; но желательно было бы, чтобы явилась полная біографія Селина; болѣе же всего желательно, чтобы стипендія, которую друзья его обѣщали устроить въ его память, было бы учреждена. Это будетъ по-истиннѣ должная дань человѣку, всю свою жизнь стремившемуся помогать бѣднымъ на пути ихъ къ образованію. Да возрадуется же его духъ, что хотя одинъ изъ этихъ бѣдныхъ пойдетъ по этому пути—имени его ради.

Г. Полтава. **М. И. М—ская.**

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ АННЕНКОВЪ

† 27-го января 1878 г.

27-го января 1878 г. смерть исторгла еще одного изъ очень небольшаго кружка оставшихся декабристовъ: Иванъ Александровичъ Анненковъ скончался въ Нижнемъ Новгородѣ, на 77-мъ году жизни.

Анненковъ началъ свою военную службу въ Кавалергардскомъ полку, въ которомъ, какъ равно въ генеральномъ штабѣ по квартирмейстерской части, служили преимущественно молодые люди съ высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, и оттого, больше чѣмъ изъ другихъ полковъ, вступали въ миролюбивый и благонамѣренный Союзъ Благоденствія. 14-го декабря 1825 года, онъ со своимъ взводомъ лейбъ-эскадрона, на Адмиралтейской площади, прикрывалъ другія бригады полковника Нестеровскаго; это обстоятельство всего яснѣе свидѣтельствуетъ, что онъ не былъ заявленнымъ революціонеромъ.

Анненковъ обращалъ на себя особенное вниманіе своею стройною и красивою наружностью, силою Геркулеса, одною рукой съ легкостью подымалъ тяжесть до трехъ пудовъ, былъ пловцомъ неутомимымъ и отличнымъ ѣздокомъ; въ этой ловкости и силѣ могъ съ нимъ равняться только другой товарищъ—Иванъ Семеновичъ Повало-Швыйковскій, который въ 1814 г., въ чинѣ маіора, первый съ своимъ баталіономъ вступилъ въ Парижъ, въ авангардѣ гвардіи.

Въ первый разъ я встрѣтился съ И. А. Анненковымъ 17-го декабря 1825 г. на кавалергардской гауптвахтѣ, гдѣ онъ занималъ караулъ, а я былъ его арестантомъ; это не помѣшало тому, что, 10-го іюля 1826 г., по приговору верховнаго уголовнаго суда, онъ сосланъ былъ въ каторгу на двадцать лѣтъ, а я только на десять. По природѣ своей онъ былъ тихъ, молчаливъ, мало сообщителенъ, и крайне сосредоточеннаго характера. Причины строгаго надъ нимъ приговора суда изложены мною подробно въ «Запискахъ Декабриста», въ VI-й и VII-й главахъ [1]).—Въ первый день моего ареста на кавалергардской гауптвахтѣ, прибѣжалъ молодой офицеръ къ штабъ-ротмистру Тимковскому, караульному офицеру, и съ торжествомъ возгласилъ: «ну, слава Богу, весь нашъ grand-genre къ ч....». Привожу это ничтожное обстоятельство для свидѣтельства,—къ какому разряду людей

---

[1]) Записки эти были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ».

однополчанинъ причислялъ своего сослуживца, но только не къ числу людей безпокойныхъ.

Въ 1828 году имѣлъ Анненковъ особенное счастье въ Читѣ, куда, по высочайшему соизволенію, пріѣхала къ нему, еще прежде въ Петербургѣ съ нимъ обрученная невѣста, Прасковья Егоровна Полинъ, и сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ въ Читинской церкви. Такое-же счастье было удѣломъ другаго товарища—Василія Петровича Ивашева.—Анненковъ былъ совершенно счастливъ въ супружествѣ и въ Читѣ, и въ Петровскомъ, и на поселеніи, и по возвращеніи на родину [1]).

Съ нами дѣлилъ онъ тюремную жизнь съ твердостью; безъ сомнѣнія, что различныя лишенія многихъ удобствъ житейскихъ были для него ощутительнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ товарищей, оттого что съ дѣтства жилъ онъ въ роскоши и долженъ былъ лишиться богатаго наслѣдства.

Въ 1856 году, Государь Императоръ милостивымъ манифестомъ возвратилъ политическихъ изгнанниковъ на родину, съ правами родоваго потомственнаго дворянства, въ томъ числѣ и Анненкова. Наслѣдовавшіе значительное его состояніе имущественное уступили ему столько, что онъ могъ прилично содержать себя и свое семейство. Съ 1861 г. занималъ онъ мѣсто нижегородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, нѣсколько трехлѣтій сряду, пока здоровье его не разстроилось совершенно, послѣ кончины любимой и добрѣйшей супруги и отъ недуговъ старческихъ. Онъ былъ заботливымъ отцомъ семейства и былъ счастливъ взаимною любовью своихъ дѣтей.

Послѣ кончины И. А. Анненкова остались восемь лицъ изъ такъ называемыхъ декабристовъ. Вотъ они:

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ	85 лѣтъ.
Николай Александровичъ Загорѣцкій	81 года.
Михаилъ Александровичъ Назимовъ.	78 лѣтъ.
Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ	78 ›
Петръ Николаевичъ Свистуновъ	76 ›
Александръ Петровичъ Бѣляевъ	76 ›
Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ.	76 ›
Александръ Филиповичъ Фроловъ.	76 ›

Баронъ Андрей Евг. Розенъ.

Викнина, 12-го февраля 1878 г.

---

[1]) Супруга И. А. Анненкова была одна изъ достойнѣйшихъ, можно сказать, идеальныхъ по нравственнымъ ея качествамъ женщинъ.—Она скончалась въ Нижнемъ Новгородѣ.

РОДОСЛОВНАЯ СКОБЕЛЕВЫХЪ.

[изъ III-го выпуска «Русской Родословной книги» приготовленнаго къ изданію].

СКОБЕЛЕВЫ.

I колѣно.

1. Никита Скобелевъ, однодворецъ, дослужился въ военной службѣ до званія сержанта. Ж. Татьяна Михайловна Корева (дочь дворянина Ставропольскаго уѣзда, бывшаго прежде въ Симбирской, а нынѣ въ Самарской губ., Михаила Корева); она † 1-го января 1828 г. и погребена въ селѣ Чернышинѣ, Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи.

II.

	№ отца.
2. Θеодоръ Никитичъ, полковникъ. Ж. княжна Ирина Игнатьевна Баюшева (Бракъ безплодный)	1
3. Михаилъ Никитичъ, поручикъ; † бездѣтнымъ . .	1
4. Иванъ Никитичъ, генералъ-отъ-инфантеріи и комендантъ С.-Петербургской крѣпости, род. 2-го іюня 1782 г., † 19-го февраля 1849 г., погребенъ въ оградѣ Петропавловскаго собора, въ крѣпости. Ж. 1) N. N. Исаева, дворянка Ставропольскаго уѣзда; бракъ этотъ былъ расторгнутъ; 2) Надежда Дмитріевна Дурова, (дочь Владимірскаго предводителя дворянства); она † въ Петербургѣ и погребена въ селѣ Чернышинѣ . . .	1

III.

№ отц.

5. Владиміръ Ивановичъ (отъ 1-го брака), утонулъ въ Калугѣ въ р. Окѣ . . . .
6. Александръ Ивановичъ } умерли въ младенчествѣ.
7. Θедоръ Ивановичъ
8. Михаилъ Ивановичъ
9. Дмитрій Ивановичъ, род. 1821 г.; генералъ-лейтенантъ. Ж. Ольга Николаевна Полтавцева (дочь гвардіи прапорщика Николая Полтавцева и Дарьи Алексѣевны, рожденной Пашковой). См. «Род. Кн.» изд. «Русской Старины», т. I, стр. 276. . . . . . .
10. Никита Ивановичъ, род. 22-го апрѣля 1827 г., † 2-го апрѣля 1828 г. и погребенъ въ селѣ Чернышинѣ.
Вѣра Ивановна, была за флигель-адъютантомъ, полковникомъ Константиномъ Θедоровичемъ Опочининымъ, внукомъ, по женской линіи, генералъ-фельдмаршала князя Мих. Ил. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго (Долгор., II, 249—250) . . . .
Анна Ивановна } † въ младенчествѣ
11. Николай Ивановичъ
12. Константинъ Ивановичъ

(№ отца: 4)

IV.

13. Михаилъ Дмитріевичъ, генералъ-лейтенантъ съ 3-го сентября 1877 г., и кавалеръ ордена св. Георгія 3-й ст.; герой войны съ коканцами и съ турками (1877—1878 гг.). Ж. (съ 1874 г.) княжна Марія Николаевна Гагарина. . . . .
Надежда Дмитріевна, за княземъ Константиномъ Эсперовичемъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ (Долг., томъ I, стр. 221, № 27). . . . .
Ольга Дмитріевна, за Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ (Долг., томъ III, стр. 505, № 86). .

(№ отца: 9)

Примѣчаніе. Родословіе это сообщено г. Н. Жемчужник[illegible] г. Жиздры, и просмотрѣно Г. И. Студенкинымъ, составителем[illegible] родословій, вошедшихъ во II-й томъ изданнаго ред. «Русской [illegible] сборника: «Русская Родословная книга». Спб. 1875 г.

рук. Ипполита XII в. (?), хранящейся въ Чудовомъ мон., Славян. псалтири XIII в., принадлежащ. А. И. Хлудову) или снятыхъ съ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, церкви Спаса въ Нередицахъ, близь Новгорода, или срисованныхъ съ предметовъ древностей, находящихся въ археологическихъ музеяхъ (Кіев. универс.), или, наконецъ, составленныхъ по описаніямъ одеждъ, сообщаемымъ древними писателями (для древнѣйшаго періода преимущественно восточными). Впрочемъ, значительная часть этихъ снимковъ была уже помѣщена въ другихъ подобныхъ изданіяхъ, послужившихъ автору источниками для составленія I-го выпуска (Древности Рос. государства, Христ. древности, Прохорова и т. п.). Въ приложеніи къ тексту помѣщено 25 таблицъ раскрашенныхъ рисунковъ (изображенія князя, воина, оруженосца, замужней женщины, дѣвицы и т. д.) и двѣ таблицы рисунковъ, изображающихъ суздальскія бармы XIII в., гривны, разныя украшенія, военные доспѣхи и т. п., изданные въ Древностяхъ Моск. арх. общ., а частью хранящіеся въ Арх. музеѣ Кіев. университета. Всѣ эти рисунки выполнены въ извѣстномъ литографическомъ заведеніи Лемерсье, въ Парижѣ.

Вообще, изданіе исполнено роскошно, но нельзя не замѣтить, что въ немъ видна наклонность къ картинности и совершенно напрасной аффектаціи. Между тѣмъ, самое назначеніе сборника указываетъ на то, что онъ долженъ служить «для историческихъ живописцевъ, для вѣрной постановки на сценѣ драматическихъ піесъ историческаго содержанія, наконецъ, для литераторовъ, избравшихъ себѣ задачею изображеніе прошедшаго быта съ его вещественными признаками», поставленныхъ, конечно, «въ связи съ научными требованіями археологіи и исторіи». Но такъ какъ при этомъ имѣлось въ виду, что это изданіе «окажетъ услугу и вообще всѣмъ изучающимъ русскую старину въ вещественныхъ памятникахъ ея быта», то можно предъявить и нѣкоторыя требованія относительно текста. Послѣдній представляетъ не систематическое изложеніе, а выборъ мѣстъ изъ памятниковъ и разныхъ описаній, относящихся къ тому или другому предмету, что имѣетъ конечно, и свою хорошую сторону. Но эти объясненія не исчерпываютъ матеріалъ вполнѣ и не всегда даютъ точное опредѣленіе. Такъ, напр., мѣсто изъ Слова о полку Игоревѣ «ортъмаши» объяснено: по Гербелю—«шубы», но, какъ извѣстно; существуютъ и другія толкованія, орты—юрты, польское ортъ—наметъ, шалашъ, слѣдовательно, вовсе не одежда; «орниче»—объяснено, по Погодину, какъ «опушка» (Карамзинъ полагалъ, что это опушка у кафтановъ отъ греческаго слова ὄρνα); но въ студійскомъ уставѣ XII вѣка (относящемся по времени къ періоду, которымъ занимается и настоящій трудъ) говорится, что инокамъ дозволяется носить одежды «толстыя, изъ чернаго орница учащены». Далѣе, гривна опредѣляется только какъ ожерелье (стр. 15—17) и ничего не говорится о медаляхъ, хотя упоминается о гривнѣ-монетѣ, а нѣкоторыя даже изъ приведенныхъ мѣстъ могутъ указывать на болѣе широкое толкованіе. Есть также указанія на «мѣсяца гривенная» какъ украшеніе. Полагаемъ, что статья о музыкальныхъ инструментахъ вошла въ описаніе случайно, какъ не относящаяся къ предмету, и потому вышла бѣдною указаніями, иначе можно было бы привести побольше мѣстъ, и притомъ болѣе характеристическихъ, изъ русскихъ памятниковъ. Вообще выборъ источниковъ не представляется полнымъ и удачнымъ. Наконецъ, замѣтимъ, что рисунки на стр. 16, помѣченные №№ 5 и 6, должны быть означены №№ 15 и 16; а рисунки №№ 8 и 9 не соотвѣтствуютъ тексту.

Мы считали необходимымъ указать на эти недостатки, въ виду важности самаго изданія и, какъ видно, значительнаго объема его. Первый выпускъ, какъ мы сказали, посвященъ только X—XIII вв., но затѣмъ должны появиться и другіе, «примѣнительно къ періодамъ русской исторіи». Нельзя не замѣтить однако, что одежда духовенства вовсе исключена изъ настоящаго изданія, почему—не объяснено. Но едва ли можно допустить въ этомъ случаѣ такія изъ возможныхъ объясненій, какъ «національность» или «неизмѣняемость» (тоже относительныя) костюма.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.— Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина“ **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1877** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. **АВГУСТЪ.** 1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ. Къ этой книгѣ прилагается: Алфавитный Указатель личныхъ именъ встрѣчающихся въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878-го года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Т. XXVII. Москва. 1877. 348. Ц. 2 р.

Въ новомъ томѣ «Исторіи Россіи», составляющемъ третій томъ исторіи царств. Екатерины II, описаніе обнимаетъ время 1766—68 гг. Первая глава его посвящена внутренней дѣятельности правительства, состоянію русскаго общества въ этотъ періодъ и приготовленіямъ къ созванію депутатовъ для составленія Уложенія. Общая картина внутренняго управленія представляется далеко не утѣшительною. И въ центрѣ управленія, и на отдаленныхъ окраинахъ, чувствуется произволъ сильнаго, подготовляющій почву пока еще смутно ощущаемому народному движенію. Отмѣтимъ нѣкоторые факты современнаго состоянія общества. Въ началѣ 1766 года, въ Петербургѣ считалось жителей мужескаго пола 39,456 чел., женскаго 24,613; къ 1-му января 1767 г. ихъ оказалось: 42,338 и 24,980 чел. Относительно Москвы подобныхъ свѣдѣній не имѣется, да и въ самомъ губернскомъ архивѣ дѣла были не описаны (стр. 13), хотя къ вѣдомству Моск. губ. относилось 50 городовъ и болѣе 2,000,000 душъ. При этомъ графъ Салтыковъ жаловался на усиленіе грабежей и разбоевъ въ самомъ городѣ (13—14). Движеніе крестьянъ принимаетъ все болѣе грозный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются побѣги и случаи нападеній на помѣщичьи имѣнія, которыя безпощадно предаются разграбленію и пламени. Извѣстный Сиверсъ писалъ Екатеринѣ: «Число бродягъ такъ увеличивается, что тюрьмы ими переполнены, какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ» (19). Крестьяне поднялись на «освободительный указъ»; малороссійскія же слободы въ Воронежской губ. открыто заявили, что онѣ не хотятъ быть за владѣльцами, а желаютъ быть государственными крестьянами. Возстаніе это, какъ и другія подобныя, было усмирено оружіемъ (18—19). Во время неурожаевъ, крестьяне примѣшивали къ ржаной и яровой мукѣ «пивной дробъ и другія масляныя изъ коноплей и льна избоины и мякину, или мякину и отруби» (19—20). Во время же путешествія Екатерины по Волгѣ, ей было подано болѣе 600 челобитенъ, изъ которыхъ бо́льшая часть принадлежала помѣщичьимъ крестьянамъ и заключала жалобы на тяжкіе поборы помѣщиковъ; но всѣ эти просьбы были возвращены, съ подтвержденіемъ, «чтобъ впредь такихъ не подавали» (64). «Вообще, Екатерина оставалась вѣрною высказанному ею въ началѣ заявленію, что она будетъ поддерживать власть помѣщиковъ надъ крестьянами, хотя въ то же время такъ рѣшительно выражалась противъ рабства въ своемъ Наказѣ, рѣзко спорила объ этомъ вопросѣ съ Сумароковымъ и въ своихъ набросках, по поводу мнѣній нѣкоторыхъ членовъ коммисіи, писала такъ: «Естьли крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣд. онъ не человѣкъ; но его скотомъ изволите признать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано» (въ Госуд. архивѣ, Соловьевъ, 329). Противъ бунтующихъ крестьянъ приходилось не разъ употреблять въ дѣло военныя команды, и хотя сенатъ, разсматривая источникъ зла, находилъ, что можетъ иногда «чрезъ мѣру строгій поступокъ помѣщиковъ подать поводъ къ неудовольствіямъ», но рѣшено было ограничиться тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ вельможъ было поручено секретно переговорить съ тѣми изъ помѣщиковъ, противъ которыхъ были направлены жалобы недовольныхъ (66—67). Не менѣе тяжки были для сибирскихъ инородцевъ управители тамошнихъ заводовъ. Изъ донесеній губернатора Чичерина видно, что управители Кругликовъ и Мельниковъ жгли ихъ юрты, самихъ мучили, хлѣбъ грабили; а когда противъ нихъ была послана команда, то они, собравъ до 200 мужиковъ своего вѣдомства, перебили посланныхъ, при чемъ Кругликовъ самъ командовалъ, сидя на лошади съ обнаженною шпагою, и затѣмъ оба ушли въ Барнаулъ. При этомъ Чичеринъ прибавляетъ: «управители, ведя происхожденіе свое отъ рядовыхъ казаковъ, подлѣйшаго въ Сибири народа, и имѣютъ чины сибирскаго дворянства, и, получая жалованья отъ 10 до 15 р. въ годъ, имѣютъ

ЗАПИСКИ СОЛДАТА ПАМФИЛА НАЗАРОВА

ВЪ ИНОЧЕСТВѢ МИТРОФАНА

1792—1839 гг.

Назаровъ поступилъ въ военную службу въ сентябрѣ великаго 1812 года, 20-ти-лѣтнимъ безграмотнымъ крестьянскимъ парнемъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, а отставку получилъ въ 1836 году. Въ теченіе этого промежутка онъ исколесилъ бо̀льшую часть Европы и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, при чемъ нѣсколько разъ былъ раненъ и даже изувѣченъ. За это онъ былъ щедро награждаемъ знаками отличія и уволенъ съ пенсіей 80 руб. асс. въ годъ; но хотя въ эпоху ланкастерскихъ школъ и выучился грамотѣ, письму и ариѳметикѣ, однако до офицерства не дошелъ. И такъ служба его не была особенно блистательна.

Но за то Назаровъ оставилъ записки о своей военной службѣ, которыя, кромѣ происхожденія отъ простаго солдата, замѣчательны тѣмъ, что нисколько не похожи на записки, веденныя лицами изъ другихъ сословій, потому что послѣднія болѣе или менѣе наполнены исторіею, государственными и военными соображеніями, вообще общественнымъ интересомъ, между тѣмъ какъ у Назарова ничего такого нѣтъ и онъ занимается исключительно разсказомъ о себѣ и своихъ обстоятельствахъ; при этомъ, такъ какъ онъ былъ «однимъ изъ толпы» солдатской, то въ запискахъ его рисуются многія черты послѣдней. Соображая же, что Назаровъ всегда отличался честностью, правдивостью надобно полагать, что и черты солдатскаго быта, имъ приводимые, точны и истинны. Въ частности же о военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ касается Назаровъ, почерпающій свѣдѣнія изъ недоступной другимъ солдатской бесѣды, сообщаетъ немало любопытнаго, а черты поля битвы послѣ сраженія, находящіяся въ тѣхъ случаяхъ, когда Назаровъ былъ раненъ, даже очень интересны.

Записокъ Назарова осталось нѣсколько списковъ. Старѣйшій по извѣстно[illegible] списокъ Корчевскій, посланный Назаровымъ въ 1839 году своимъ

деревенскимъ родственникамъ, которые сдѣлали его довольно извѣстнымъ въ своей мѣстности, такъ что наши Корчевскіе знакомые безъ большого труда могли достать его. Въ Ярославлѣ извѣстнѣйшій списокъ—собственный Назарова, который, за недавнею смертію этого старца, поступилъ въ собственность Спасскаго монастыря.

Къ запискамъ мы присоединили нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ Назарову и отъ Назарова къ нѣкоторымъ родственникамъ и знакомымъ, потому что они продолжаютъ знакомство читателя съ Назаровымъ еще на 5 лѣтъ послѣ записокъ и вмѣстѣ поясняютъ процессъ, какъ изъ стараго, закаленнаго въ бояхъ солдата, выработывается типъ книжнаго начетчика и даже ревнителя по благочестію [1]).

Ярославль. **В. И. Лѣствицынъ.**

I.

Тверской губерніи, города Корчевы, села Селихова, деревни Филимонова, экономической вотчины, крестьянинъ Памфилъ Назаровъ сынъ Назаровъ родился въ 1792 году, февраля 9-го дня, а крещенъ 16-го дня сего мѣсяца.

По смерти родителя я остался очень молодъ, имѣя отъ роду не болѣе пяти лѣтъ. До совершеннаго возраста лѣтомъ занимался крестьянскими работами, зимою пережигалъ уголья. Съ 1811 года, сентября, обучался ковать гвозди и занимался довольно хорошо до мѣсяца апрѣля 1812 года. Въ семъ году разосланы были указы о наборѣ въ рекруты. Я, услышавъ такую вѣсть, предвидѣлъ свою судьбу, что мнѣ не миновать военной службы, весьма опечалился, что настанетъ для меня время оставить мать и братьевъ, изъ которыхъ большой братъ былъ женатъ и уже имѣлъ сына, который былъ моимъ крестникомъ; второй братъ былъ также женатъ; а я третій холостой, четвертый братъ былъ еще малолѣтный. Большой братъ воспиталъ насъ вмѣсто отца, второй братъ былъ очень слабъ здоровьемъ и худъ тѣлосложеніемъ, а я былъ взрослый дѣтина, четвертый былъ малъ; оттого я нерѣдко судьбу свою оплакивалъ на единѣ. Мѣсяца сентября 1812 года десятникъ приказываетъ дѣдушкѣ идти на сходъ; я сей день ждалъ его дома и не могъ ничего дѣлать, легъ на лавку, якобы отдох-

[1]) Письма эти, какъ не имѣющія общаго интереса, опущены нами въ печати. Ред.

нуть, а самъ обливалъ свое лице горькими слезами, ожидая прискорбной вѣсти. Приходитъ дѣдушко съ дядюшкой Никономъ Ивановичемъ въ домъ, заплакалъ, говоря семейству, матушкѣ и братцамъ, что наше семейство записано четвертою семьею; съ нимъ заплакало и семейство; я молчу, притворясь крѣпко спящимъ, а самъ подушку обмочаю слезами, потомъ встаю и спрашиваю: «что такое за плачь»? Дѣдушка говоритъ, что семью нашу записали четвертою; я облился слезами и поспѣшилъ къ товарищу Ѳеодору Ивановичу. Пришедши въ домъ его, я увидѣлъ окружающее его родство плачущимъ; онъ, увидѣвши меня, бросился ко мнѣ на встрѣчу, обнялъ залился горькими слезами; и сказалъ я: «ну, братъ, вѣрно намъ въ послѣдній разъ гостить въ родительскихъ домахъ»! Его семья записана пятою. И пошли мы съ нимъ въ мой родительскій домъ; я приказалъ заложить тройку лошадей, чтобы ѣхать проститься съ родственниками въ село Селихово, Дубровки и деревни Чублово, гдѣ остановясь у товарища, нѣсколько часовъ гостили. Отправившись къ родительскому дому, всѣ мои родные у воротъ меня встрѣчаютъ, заливаясь слезами, а для меня привѣтствіе сіе было весьма прискорбно и жалостно; въ домѣ падаютъ на колѣни предо мною, братья, невѣстки и престарѣлый дѣдушко, который проситъ, чтобы я пошелъ охотою въ военную службу за братьевъ и миленькій мой крестничекъ двухъ-лѣтній припалъ, по наученію родителей, къ моимъ стопамъ. И на сіи прошенія я ничего не отвѣчалъ, ибо я зналъ, что судьба моя быть въ военной службѣ. Матушка, не внимая родственникамъ и сосѣдямъ, совѣтовавшимъ отдать меня безъ жеребья, отвѣчала: «что для меня всѣ равны». Батюшко крестный Пименъ Ивановичъ и сестрица Авдотья Назаровна совѣтовали матушкѣ кинуть жеребій, что и было исполнено; но я сказалъ матушкѣ, что кину жеребій въ Казенной Палатѣ и при семъ словѣ, упавши къ родительскимъ стопамъ, благодарилъ за оказанныя милости.

Послѣ того приходитъ десятникъ съ приказаніемъ утромъ рано быть въ деревню Марьино, откуда будутъ отправлены всѣ семейства въ Тверь; получа таковое приказаніе, мы всю ночь не спали; я матушку просилъ остаться дома, а дѣдушку и братцевъ ѣхать со мной. Собравшись поутру и получа родительское благословеніе, отправился съ ними въ путь и простясь съ про-

вожающими насъ родственниками и сосѣдями, съ плачемъ и жалостью, мы разстались. Въ Твери на постоялый дворъ, на которомъ мы остановились, приходитъ староста выборный съ приказаніемъ всѣмъ намъ немедленно быть въ Казенной Палатѣ; по выходѣ съ квартиры на дворъ, падаютъ къ ногамъ моимъ братцы и дѣдушко, просятъ меня, чтобы я пошелъ охотою за братьевъ; я облился слезами и пошелъ поспѣшно къ Казенной Палатѣ; смотрѣлъ какъ раздѣваютъ и подводятъ подъ мѣру. Вдругъ подходитъ ко мнѣ дѣдушко и зоветъ меня въ Палату, гдѣ приказано было намъ раздѣваться и быть въ рубашкахъ. И встали противъ зерцала въ присутствіи губернатора, у котораго въ рукахъ были реэстры; онъ, перекликавши по онымъ наше семейство, спросилъ: «кто изъ васъ Памфилъ?» я жалкимъ голосомъ отвѣчалъ: «я Памфилъ»; посмотрѣвъ на меня, онъ подалъ знакъ головою позади меня стоящему солдату, котораго я не замѣтилъ, чтобы онъ снялъ съ меня рубашку; рубашку сняли, что показалось мнѣ оченъ странно, и въ какой пришелъ стыдъ и робость, когда увидѣлъ окружающихъ меня нѣсколько сотъ человѣкъ, которые обратили на меня вниманіе, какъ бы на осужденнаго. Губернаторъ приказалъ привести меня къ лекарю, который, осмотрѣвъ во рту и по всей наружности, спросилъ меня: «всѣмъ ли здоровъ?», я отвѣчалъ что всѣмъ здоровъ, и лекарь доложилъ Губернатору, что я всѣмъ здоровъ. Губернаторъ приказалъ поставить меня въ мѣру и было во мнѣ два аршина, четыре вершка и пять осьмыхъ. Губернаторъ приказалъ «лобъ!», что и было исполнено; одѣваюсь въ платье и берутъ меня подъ стражу. Послѣ набора повели къ присягѣ, а потомъ поставили на квартиру. Я приказываю братцу Михайлу Назарычу ѣхать немедленно домой на 60 верстъ отъ города привести матушку и прочихъ. Онъ, отправившись съ вечера, пріѣхалъ на утренней зарѣ; поставивши лошадь у воротъ, самъ поспѣшно идетъ въ родительскій домъ, обливаясь слезами, исправляетъ поклонъ отъ меня какъ отъ новаго солдата; для матушки сей поклонъ былъ великимъ ударомъ, она сдѣлалась на нѣсколько минутъ внѣ ума; на второй день утромъ они прибыли къ намъ, когда я былъ на перекличкѣ, послѣ которой офицеръ приказалъ разойтись по квартирамъ; вдругъ я подбѣгаю къ матушкѣ, она увидѣвши меня, облилась слезами. Прибывши на квартиру, я сталъ уговаривать матушку, чтобы она, вмѣсто слезъ, проливала мо-

литвы къ Богу. Пробывъ на оной квартирѣ нѣсколько дней съ сродственниками, присланъ былъ указъ, что рекрутъ Тверской губерніи представить по почтѣ въ С.-Петербургъ. И приказано было собраться намъ на плацъ-парадное мѣсто, гдѣ и приготовлены были подводы; партіонный командиръ, сдѣлавъ перекличку, приказалъ садиться на подводы; родители мои не досмотрѣли, какъ я сѣлъ на подводу и уѣхалъ не простясь; для меня сіе было весьма прискорбно, что я въ послѣдній разъ не сподобился проститься и получить родительское благословеніе.

Прибыли мы въ С.-Петербургъ октября 3-го 1812 года въ Смольныя казармы, гдѣ и ночевали, а утромъ былъ приказъ представить насъ въ мраморный дворецъ на смотръ его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. И выстроили насъ въ большихъ залахъ, куда приходитъ его высочество и, приказавъ отступить заднимъ двумъ шеренгамъ, началъ сортовать, кого въ гвардію, кого въ армію; меня назначилъ въ армію. Лишь только я успѣлъ переступить не больше два шага, то онъ посмотрѣвши на меня сзади, схватилъ меня за плечо и назначилъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ, въ который я и былъ отправленъ въ измайловскія казармы. Служа нѣсколько дней, былъ посланъ съ товарищами за дровами для топки, гдѣ встрѣтился со мною его императорское величество Александръ I-й, шедши по берегу рѣки Фонтанки, спросилъ меня: «котораго полка и за чѣмъ пришли»? Я робкимъ голосомъ отвѣчалъ: «лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, пришли за дровами, ваше императорское величество»! Было приказано обучать насъ военному артикулу. Божьею милостію и родительскимъ благословеніемъ я понялъ весьма скоро, только отъ великой жалости объ родителяхъ и военныхъ строгостей приключилась мнѣ болѣзнь, отъ которой я нѣсколько разъ въ сутки былъ внѣ ума, каковая болѣзнь продолжалась до двухъ недѣль; во время болѣзни у меня было унесено изъ ранца: рубашки, холстъ, въ которомъ было пятнадцать рублей ассигнаціями, и прочее. Я печалился о томъ, что не успѣлъ поносить родительскихъ рубашекъ, а принужденъ былъ покупать съ рынку. Спустя немного дней, приказано было насъ посылать въ городовой караулъ; бывшій въ караулѣ у офицерскихъ вещей унтеръ-офицеръ, напившись пьянъ съ рекрутомъ въ трактирѣ, приходитъ въ караульный домъ послѣ пробитія зори, принудилъ

меня отстоять еще 3 часа за того рекрута, съ которымъ онъ былъ въ трактирѣ, каковое приказаніе я исполнилъ съ охотою; сверхъ того принудилъ меня обучать рекрута не въ указные часы, на что я ему и отвѣчалъ: «что я самъ ничего не знаю и въ непоказанные часы не могу обучать»; за каковой мой отвѣтъ онъ разбилъ меня до крови; но я не только не хотѣлъ принести жалобу, но и терпѣлъ великодушно.

Вышелъ приказъ отправить насъ въ полкъ, который преслѣдовалъ француза изъ Москвы; его императорское высочество изволилъ насъ смотрѣть въ парадѣ; мѣсяца февраля проходили мимо его императорскаго высочества взводами и колоннами. На Семеновскомъ плацъ-парадномъ мѣстѣ отслужа благодарственный молебенъ, выступили въ Московскую Заставу и его императорское высочество, и множество народа провожали насъ молодыхъ солдатъ, и были намъ даны подводы подъ ранцы и подъ ружья, а аммуниція была на насъ. Прибыли мы въ Пруссію на перемиріе, гдѣ и былъ я выбранъ полковымъ командиромъ въ 6-ю егерскую роту и приказано было насъ обучать стрѣлять въ цѣль боевыми патронами. Но какъ мое ружье осѣклось, то капитанъ приказалъ отмѣтить за неисправность моего ружья. Послѣ ученья былъ наказанъ передъ ротою двумя палками, разъ одинъ снявши аммуницію, въ мундирѣ.

II.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 г. вышелъ приказъ вступить въ дѣйствительное сраженіе противъ непріятеля, котораго гнали мы чрезъ Силезію, Богемію и Саксонію до города Дрездена, подъ которымъ непріятель началъ сраженіе, которое продолжалось двои сутки пушечною пальбою, а для ружейнаго сраженія была ненастная погода, почему армія неотступно была на одномъ мѣстѣ, при чемъ претерпѣвала недостатокъ въ провіантѣ и неудовольствіе отъ мокрой погоды; начали мы палить чиненными бомбами, отъ которыхъ загорѣлся городъ и его императорское величество приказалъ отступить гвардейскому корпусу на два тракта до города Теплица — первой дивизіи большимъ трактомъ, а нашей второй дивизіи проселочной дорогой. Для насъ сей трактъ былъ неудобенъ

по причинѣ лѣса и болотъ, а непріятель спѣшно насъ преслѣдовалъ; наша артиллерія и конница сбили насъ съ дороги и мы принуждены были идти по болотамъ и валежнику, каковой отступъ былъ для насъ очень прискорбенъ; начали мы отступать отъ города съ 9 часовъ вечера и продолжали до 8 часовъ утра; подошли къ деревушкѣ, которая была не болѣе 10 дворовъ; подъ оною расположились на полѣ для сваренія варки; не успѣвъ оную начать, какъ услышали непріятельскій выстрѣлъ, который убилъ барабанщика лейбъ-Гренадерскаго полка; командиръ тотчасъ приказалъ одѣваться и немедленно отступать; продолжая отступленіе до полуночи, многіе изъ насъ лишились обуви, въ числѣ коихъ былъ и я. Сей день былъ для войска очень прискорбенъ по причинѣ недостатка въ провіантѣ и обуви, и по причинѣ сырой погоды. Лишь только мы вышли изъ лѣса на поле, то увидѣли, что догоняетъ насъ императоръ Александръ I-й съ главнокомандующимъ Барклай-де-Толли, который показывалъ на войско, идущее босыми ногами. Увидѣвши сіе императоръ горько прослезился и вынувши изъ кармана бѣлый платокъ, началъ утираться. Я, увидѣвъ сіе, заплакалъ. Дошедши до Саксонской границы, мы остановили непріятеля, куда прибылъ армейскій корпусъ и смѣнивши насъ вступилъ въ дѣйствіе; а намъ приказано было присоединиться къ первой гвардейской дивизіи подъ городомъ Теплицемъ; мы еще не успѣли подойти какъ узнали, что первая дивизія уже начала сраженіе, то мы наиболѣе поспѣшали къ оной на помощь. Замѣтивши сіе непріятель, что мы пришли на помощь, началъ обратно отступать; его высочество напалъ на него съ конницею, пересѣкъ ему дорогу подъ Кульмою и взялъ его обозы и множество пѣхоты; но армейскому корпусу приказано было преслѣдовать его, а намъ приказано было каждой колоннѣ остановиться на своемъ мѣстѣ, гдѣ и объѣзжалъ его величество Александръ I-й со всею свитою, осматривалъ тѣла убитыхъ и поздравлялъ насъ съ побѣдою; пооокончаніи осмотра онъ поѣхалъ на квартиру въ городъ Теплицъ, куда и намъ приказано было отступить. По утру былъ отданъ приказъ всему гвардейскому корпусу быть въ парадѣ для благодарственнаго молебна, по совершеніи котораго была пушечная пальба и ружейные выстрѣлы въ присутствіи Государя; а такъ какъ въ семъ городѣ были теплыя воды, то Го-

сударь внесъ не малое количество суммы, чтобы гвардейскій корпусъ могъ мыться безъ запрещенія, гдѣ и я сподобился помыться. И въ сей же день было приказано погребать тѣла убитыхъ; а при отбитіи французскаго обоза и я имѣлъ счастіе получить башмаки и штиблеты. Въ сіи дни не доставало провіанту, то и армія питалась картофлемъ и фруктовыми плодами. Пробывши на семъ мѣстѣ нѣсколько дней намъ приказано было подступать подъ городъ Лейпцигъ, гдѣ до прибытія нашего, армія была уже одни сутки въ сраженіи; прибывши мы подъ оной, увидѣли расположеніе всей арміи, нашей и французской. Подъѣзжаетъ къ намъ его высочество, приказываетъ заряжать ружья и вступить въ сраженіе, въ которомъ я былъ раненъ пулею на вылетъ въ правую ногу по выше колѣнка съ поврежденіемъ жилъ и нѣсколько разъ прострѣлена шинель и изъ ранъ моихъ потекла кровь, столь тепла, какъ горячая вода. И немедленно пошелъ я на отступъ, не много отшедши, сдѣлалось мнѣ дурно; я упалъ ничкомъ на землю, и сколько лежалъ не помню. Подходитъ ко мнѣ раненный унтеръ-офицеръ нашей роты, и узнавши меня, началъ поднимать; спрашиваетъ меня: «могу сколько нибудь идти»? я отвѣчалъ, что нѣсколько могу, онъ повелъ. Но было еще опасно, ибо ядра летали мимо насъ, почему онъ и оставилъ меня одного и я помаленьку добирался до деревни, которая была не болѣе двухъ верстъ, въ которой находились полковыя знамена и ящики, музыканты и лекаря для перевязки раненныхъ, гдѣ и я былъ перевязанъ октября 4 дня 1813 года. Было уже поздно вечеромъ и я пошелъ по большому тракту неизвѣстно куда; дошедши до огня, увидѣлъ, что при ономъ находится прусакъ и нашей роты солдатъ раненый, отъ котораго я получилъ два огурчика соленыхъ, которые для меня были очень пріятны, дороги и подкрѣпительны. Снявши ранецъ, легъ подлѣ онаго огня, у котораго проспалъ до 6 часовъ утра; проснувшись, увидѣлъ около себя множество крови, которая текла изъ раны; перевязавъ рану и надѣвъ аммуницію и ранецъ, выхожу на дорогу, подпираясь ружьемъ вмѣсто костыля; по той же дорогѣ догоняютъ меня два раненые солдата нашей роты, съ которыми я шелъ не болѣе двухъ верстъ, до попавшейся намъ деревни, въ которой мы ночевали; а нога моя такъ распухла, что невозможно было даже снять и сапога, почему я принужденъ былъ разрѣзать для освобожденія ноги, а вмѣсто его

надѣлъ пеньковый чунъ и продолжалъ путь нѣсколько дней до назначеннаго госпиталя; а раны наши болѣе и болѣе увеличивали болѣзнь, почему мы и принуждены были просить подводу. Пріѣхавши въ Саксонскую землю въ городъ Плевы, [1]) узнали, что весь городъ былъ наполненъ ранеными, даже и дома, и намъ ни гдѣ не оставалось мѣста, гдѣ бы могли пользоваться здоровьемъ; почему и приказано насъ отвести на кладбище въ костелъ, въ которомъ было раненыхъ около 400 человѣкъ, гдѣ и я былъ положенъ 16 октября. При раненыхъ не отступно были нѣмецкіе лекаря, фельдшера и служители. Поутру даютъ мнѣ два костыля, на которыхъ бы я могъ ходить на перевязку; приходятъ лекаря, и перевязываютъ наши раны, и увидѣвши мою рану уже совсѣмъ загнившуюся, потому что не была перевязана 13 дней, лекарь беретъ иглу толщиною въ куриное перо и длиною въ 5 вершковъ и продѣваетъ сквозь рану корпію съ мазью съ такимъ мученіемъ для меня, что невозможно было терпѣть; представьте себѣ просунуть иглу съ мягкою бечевочкою въ рану смертельно опасную, между тѣмъ какъ таковое мученіе было для меня каждый день, потому что сію веревочку перемѣняли утромъ и вечеромъ каждый день, а на мѣсто ея ставили новую, намазанную пластыремъ и продолжали нѣсколько дней. Получивши совершенное выздоровленіе отъ ранъ, я не могъ ходить безъ костылей, потому что жилы у ноги свело и она не разгибалась; но товарищи мои начали смѣяться, будто бы я по лукавству хожу на костыляхъ, а не по принужденію, каковыя слова они мнѣ повторяли очень часто, что мнѣ показалось обидно; я желалъ имъ доказать безпритворство свое тѣмъ, что при ихъ видѣ ударилъ ногою о полъ и порвалъ жилы и рану сдѣлалъ еще мучительнѣе первой; почему и принужденъ былъ опять лечиться болѣе 6 недѣль въ госпиталѣ, изъ котораго вышелъ на новый, 1814 годъ, а нога моя была прямая, только коротка на полвершка въ сравненіи съ лѣвой. Постоявши нѣсколько дней на квартирѣ, я былъ присоединенъ къ командѣ, которая шла изъ прочихъ госпиталей въ армію; и получилъ отъ коменданта сапоги и утромъ отправился. Прошедши не болѣе 4 верстъ я почувствовалъ сильную ломоту и, по причинѣ опухоли въ ногѣ отъ раны, идти далѣе не могъ. Офицеръ тотчасъ прика-

---

[1]) Вѣроятно Plauen.

залъ посадилъ меня на фурманку и провезя нѣсколько дней привезъ въ Баварію и представилъ опять въ госпиталь. Сапоги съ меня сняли и лечили немного времени. Выпустили опять на квартиру, съ которой немного спустя времени былъ опять отправленъ въ армію уже безъ костылей, только немного хромалъ и даны мнѣ были казенные сапоги. Пришли подъ городъ Бауценъ, гдѣ и былъ въ дѣйствительномъ сраженіи марта 9-го и 10-го числа. Отъ сего города непріятеля мы гнали до города Парижа безъ остановки марта 19-го дня 1814 г., гдѣ и приказано было нашему полку вступить въ сраженіе. Но такъ какъ казакъ, которому отдано было сіе приказаніе, не могъ насъ найдти, то и вступилъ вмѣсто насъ Прусскій гвардейскій полкъ, который и былъ почти совершенно разбитъ, а мы уже пришли на помощь къ небольшому количеству оставшихся солдатъ и, увидѣвши такое жалкое позорище, обомлѣли отъ страха, и не знали что дѣлать; но съ помощію Божію и съ благословеніемъ священника крестомъ вступили въ сраженіе. Лишь только начали, какъ увидѣли, что отворяются ворота и выѣзжаетъ изъ крѣпости посолъ съ грамотою и ключами отъ города и объявляетъ, что городъ сдается. Генералъ отрядной командиръ, получивши ключи и пакетъ, подалъ знакъ, снявъ съ себя шляпу, кинулъ ее вверхъ, а близь его стоявшій адъютантъ сдѣлалъ тоже и мы кричали: «ура»! нѣсколько разъ. Послѣ сего приказано было намъ остаться при сей заставѣ до утра, а того дня вечеромъ приказано было приготовляться къ параду для вступленія въ Парижъ въ 6 часовъ утра.

По утру прибылъ къ заставѣ, у которой мы стояли, его императорское величество, Александръ I, австрійскій императоръ, прусскій король и главнокомандующіе; всѣ они нѣсколько минутъ совѣтовались о вступленіи въ Парижъ; эскадрону казаковъ приказано было ѣхать спереди, позади ихъ императоръ Александръ I, съ правой стороны ѣхалъ австрійскій императоръ, съ лѣвой прусскій король и Константинъ Павловичъ, нѣсколько позади ихъ главнокомандующіе, свита и конвой. Потомъ шелъ преображенскій полкъ; за нимъ австрійскій гвардейскій 1-й полкъ и послѣ него прусскій гвардейскій полкъ 1-й. Такимъ порядкомъ всѣ три корпуса шли поперемѣнно, за нимъ армейскіе корпуса. Шествіе Парижемъ продолжалось отъ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Входъ въ Парижъ былъ весьма торжественный; по коему проспекту мы

шли, то нѣсколько тысячъ народа кричали: «виватъ Александру! виватъ Россійскому войску!» каковые крики были для насъ ощутительны и пріятны, а народъ толпами стекался смотрѣть, такъ что не было ни одного окна пустаго, ни одной крыши, ни одного строенія, которое бы не было полно радостнымъ народомъ и любопытными зрителями.

Пройдя Парижъ, приказано было остановиться на полѣ до 4 часовъ утра и было приказано вступить въ казармы Парижскія; а армейскіе корпуса преслѣдовали непріятеля до моря. Стоять въ Парижѣ было для насъ не выгодно: частые парады, ученіе и караулы. Спустя нѣсколько дней пріѣхали великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи и изволили въѣхать въ заставу, гдѣ и стояли баталіоны Лейбъ-гвардіи измайловскаго полка. Привѣтствуя полки, великіе князья сказали: «охъ вы Россійскіе орлы, куда вы залетѣли!» Это привѣтствіе было для насъ весьма пріятно, и подлинно, пролетѣли 12 земель, какъ орлы.

Въ Парижѣ мы были 2 мѣсяца и 6 дней.

Получивши приказъ возвратиться въ Россійскіе предѣлы, первая дивизія отправилась прямо на Балтійское (?) море, гдѣ и были приготовлены для нихъ корабли, на которыхъ отправились въ С.-Петербургъ; а вторая дивизія продолжала путь до города Берлина, Прусской столицы, близь которой были встрѣчены торжественно прусскимъ королемъ со всею его гвардіею. Вступивши въ оный парадомъ, проходили взводами у дворца на площади, гдѣ присутствовалъ его королевское величество и расположились по квартирамъ и обывательскимъ домамъ; гостепріинствомъ были очень довольны. Въ сей же вечеръ былъ отданъ приказъ, чтобы по утру быть готовыми на обѣдъ къ его королевскому величеству всей гвардейской дивизіи, а нашему полку быть на площади противъ дворца, гдѣ были приготовлены столы съ кушаньемъ и напитками, куда и пріѣхалъ его королевское величество. Роты его величества унтеръ-офицеръ, по приказанію, поднесъ рюмку водки королю, отъ котораго и получилъ въ награду червонецъ золота и лишь только король взялъ рюмку, то поздравилъ насъ съ побѣдою, и мы прокричали «Ура!» Приказалъ кушать, а самъ, сѣвши на коня, поскакалъ къ другимъ полкамъ. Кончивши обѣдъ, мы начали забавляться съ прусскимъ полкомъ и обывательскими зрителями до вечера,

а потомъ разошлись по квартирамъ. Въ 4-й день вышли до города Любека, который стоитъ на берегу Балтійскаго моря, гдѣ были приготовлены 13 кораблей Россійскихъ; сѣли мы на оные и отправились въ путь. Плывши нѣсколько дней благополучно, вдругъ возстала сильная буря и на караблѣ «Женъ Міроносицъ» поломало мачты, на которомъ находился и я. Устрашась таковой бури, мы, бывши въ отчаяніи, бросили якорь и подали знакъ пушечнымъ выстрѣломъ, выкинули флагъ, а прочіе 12 кораблей подоспѣли къ намъ на помощь и, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, поставили новые мачты и опять пустились въ путь. Но буря день ото дня увеличивалась и корабли наши непрестанно качала, отъ чего мы лишились пищи и нѣсколько дней были не здоровы, но мертвыхъ ни одного не было. Подъѣзжая къ городу Кронштадту, мы увидѣли, что тамъ, выкинувши флагъ, привѣтствовали пасъ пушечною пальбой; равнымъ образомъ и мы подали знакъ и отвѣчали тѣми же выстрѣлами, и подъѣхавши, переправились на берегъ, въ городъ Ораніенбаумъ, 6 верстъ моремъ отъ Кронштадта, близъ котораго остановились по квартирамъ. По утру отправились подъ С.-Петербургъ, а на 4-й день вступали въ городъ въ тріумфальные вновь устроенные ворота, на которыхъ написаны были гвардейскіе полки, вступающіе въ оныя, гдѣ и встрѣтили Императоръ со всею августѣйшею фамиліею и множествомъ обывателей, и проходили мимо императора взводами, и отправились по своимъ казармамъ. Пришедши въ оныя, были награждены обществомъ по рублю серебромъ и по сайкѣ; но впродолженіи всей зимы было очень жестокое ученье; а при началѣ весны непріятель опять открылъ войну и намъ приказано было отправиться въ походъ и дошли до города Риги; расположились по фатерамъ и стояли до осени, но какъ узнали, что непріятель вторично побѣжденъ, возвратились обратно въ Россію.

III.

1816 года, мѣсяца сентября, началъ я обучаться грамотѣ и къ Рождеству уже могъ читать псалтирь и писать письма. Многіе же изъ моихъ товарищей, видя столь скорый мой успѣхъ, пожелали и сами учиться и я имъ былъ учителемъ, въ особенности же Егору Гавриловичу, который теперь (1839 г.) монахомъ на Валаамѣ. Время же свободное отъ службы я раздѣлялъ такъ: днемъ послѣ обѣда и до вечера учился писать, по вечерамъ же занимался чтеніемъ, а, между прочимъ, занимался на счетахъ и 1-ю частью ариѳметики. Въ 1824 году, ноября 7-го дня, было ужасное наводненіе въ С-Петербургѣ, которое началось въ 8 часовъ утра, а начало убывать вечеромъ, но къ полуночи совершенно обсохли всѣ проспекты, надъ которыми вода возвышалась до 2-хъ аршинъ съ половиною. Въ 1821 году, февраля 9-го дня, я уволенъ былъ въ домовой отпускъ по 1-е мая для свиданія съ родственниками; живши дома, получилъ письмо отъ товарища, который извѣщалъ меня, что войско тронулось въ походъ подъ Турку [1]); прибывши изъ домового отпуска въ Петербургъ мая 4-го, я отправился въ походъ іюня 1-го и прибылъ въ полкъ подъ городомъ Вильно; расположившись на кантониръ-фатерахъ, стояли на оныхъ нѣсколько мѣсяцевъ и прибыли въ С.-Петербургъ въ 1822 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ 1825 году, ноября мѣсяца, случилась кончина жизни Императора Александра I въ Таганрогѣ и вѣчная память его доблестямъ! Также принятіе присяги Императору Николаю I, при которой случилось ужасное кровопролитіе, гдѣ находился и я. Въ 1826 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, получили мы знаки отличія за Французскую войну и взятіе города Парижа съ портретомъ Его Императорскаго Величества Александра I и сіяніемъ Всевидящаго ока на георгіевской лентѣ; а на другой сторонѣ «за взятіе города Парижа, марта 19-го дня 1814 года.» Получивши оные знаки, мы отправились въ Москву на коронованіе Его Императорскаго Величества Николая Павловича. Пройдя Новгородъ, я уволенъ былъ, по милости начальства, въ домовой

---

[1]) Это былъ походъ не подъ Турку а въ Италію; гвардія дошла только до Вильны. Л.

отпускъ, гдѣ и былъ 20 дней, а явился въ городъ Клинъ, Московской губерніи. Вступя въ Москву, расположились въ казармахъ и спустя нѣсколько дней прибылъ Его Величество Императоръ Николай I, котораго встрѣчали парадомъ всѣ гвардейскіе батальоны и множество армейскихъ полковъ. Государь Императоръ изволилъ ѣхать верхомъ съ Михаиломъ Павловичемъ и прочая свита, а Императрица Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна и прочія княжны и княгини ѣхали въ разныхъ берлинахъ, т. е. въ украшенныхъ великолѣпныхъ каретахъ осьмеркой; срѣтеніе было оглашаемо колокольнымъ звономъ, криками народа, пушечною пальбою; и проѣхавши кремль государь остановился въ грановитой палатѣ.

Августа 22-го числа императоръ принялъ корону, и были розданы жетончики серебряные, величиною съ двугривенный, съ надписью: «Николай I-й», который и я получилъ. А сентября 21-го выступили изъ Москвы въ С.-Петербургъ; 24-го сентября пришли въ городъ Клинъ и я, по милости начальства, былъ уволенъ въ родительскій домъ на Покровъ Пресвятыя Богородицы, при которомъ праздникѣ и имѣлъ счастіе видѣться съ родтвенниками и отпущенъ былъ по 5-е октября. Сего числа, отправившись изъ дома, догналъ роту въ городѣ Валдаѣ и, прибывши въ Петербургъ, встрѣчены были императоромъ, и отправились въ казармы. 1828 года апрѣля 3-го дня выступилъ весь нашъ корпусъ гвардейскій изъ С.-Петербурга до рѣки Дуная, которая граничитъ съ Турецкою землею. Іюля 27-го перешли Дунай за границу въ Турецкія владѣнія чрезъ крѣпость Исакчи, городъ Бабадахъ, берегомъ Чернаго моря, крѣпость Кистинжа, города Монголію (!) и Коварну, крѣпость Варну, гдѣ, за лихорадкою, отправленъ 13-го сентября въ Крымскіе предѣлы въ городъ Севастополь. Когда отправились отъ крѣпости Варны на корабляхъ по Черному морю, возстала сильная буря и продолжалась мучительною болѣзнію, отъ каковой бури на кораблѣ померло 12 человѣкъ, изъ коихъ десять бросили въ море, а двоихъ вынесли на берегъ и я былъ при смерти, но Богъ избавилъ меня отъ смерти и гибели. Прибывши въ городъ Севастополь, я былъ отправленъ въ Александровскій госпиталь, гдѣ и былъ до февраля мѣсяца; а по выздоровленіи прибылъ къ полку марта 18-го дня 1829 года на кантониръ-квартиры Каменецъ-Подольской губерніи въ

мѣстечкѣ Голованевскѣ; а оттуда, въ ономъ же году мая 24-го, на кантониръ же квартиры Кіевской губерніи, въ мѣстечко Смѣло; а изъ онаго, октября съ 28-го, проходили чрезъ Кіевскую губернію въ С.-Петербургъ по 10-е февраля 1830 года. Прибыли въ Кіевъ, дневали 2 дня, въ которомъ былъ изготовленъ для насъ отъ общества обѣдъ; а въ продолженіи двухъ дней я посѣщалъ святыя мѣста—Кіевопечерскую Лавру и отстоявши раннюю—въ Лаврѣ, пожелали мы отслужить молебенъ чудотворному образу Печерскія Божія Матери и, купивши по свѣчкѣ, пошли въ 1 Антоніевы пещеры ко святымъ мощамъ съ монахомъ, который намъ показывалъ, гдѣ какіе почиваютъ; но мы, отставши отъ монаха, по любопытству, пробыли въ одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ покуда не пришелъ другой монахъ, набравши другую партію поклонниковъ, отъ котораго мы узнали, что были заперты въ пещерахъ, потому что наша партія вышла, а о насъ и не знали, что мы еще остались, но намъ казалось, что мы ходили все за ними. Таковое чудо меня удивило, потому что показалось время очень коротко, а между тѣмъ какъ товарищи уже успѣли обойти и другія пещеры, и мы находились все въ одной пещерѣ, но, къ счастію нашему, пришелъ другой монахъ съ проѣзжающимъ купцомъ, къ коимъ и мы пристали и удостоились милости поклониться Святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ и во вторыхъ пещерахъ; также былъ въ монастырѣ великомученицы Варвары и въ храмѣ Андрея Первозваннаго. Выступили изъ Кіева въ Черниговъ; отсюда въ Смоленскъ, Старорусъ и Новъ-городъ. Остановившись въ Ижорѣ по квартирамъ, получили по медали, изображающей въ сіяніи животорящій крестъ и внизу лунникъ, который служитъ вмѣсто креста на главахъ мечетей, а съ другой стороны съ надписью: «за Турецкую войну за 1828 и 1829 годы», и вступили въ С.-Петербургъ парадомъ, и были встрѣчены императоромъ Николаемъ и всѣми жителями.

IV.

1831 года мы находились въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Переправясь чрезъ границу Царства Польскаго, 24-го февраля въ предѣлахъ онаго въ экспедиціи для воспрепятствованія мятежникамъ переправиться чрезъ рѣки Бугъ и Нареву и для разгнанія ихъ партій, съ 22-го по 26-е марта отъ города Остроленка до селенія Прижетицъ, съ 28-го по 30-е марта же обратно отъ селенія Прижетицъ до города Остроленка, съ 9-го по 12-е апрѣля въ мѣстечко Вонѣево, 13 въ мѣсто Нуръ, съ 20-го по 23-е обратно въ Остроленку, съ 30-го по 1-е мая въ селеніе Прижетицы, въ отступленіи отъ села Прижетицъ чрезъ мѣсто Тыкочинъ за рѣку Наревъ, съ 4-го по 9-е мая при семъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: мая 6-го подъ селеніемъ Соколовымъ и старымъ Икацомъ, 8-го подъ деревнею Рудками въ лѣсу, гдѣ и раненъ въ правую ногу пулею навылетъ съ поврежденіемъ костей и жилъ, за что и награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія подъ № 64,665. Получивши оную рану, упалъ на землю и почувствовалъ, что нога моя совершенно была выбита изъ колѣна, такъ что не могъ перейти сажени, но увидя близь себя большое дерево, я, чрезъ силу, скрылся за него для безопасности и лежалъ тутъ до вечера и сраженіе было неотступно на томъ мѣстѣ, гдѣ я былъ раненъ. И много было нашей роты убитыхъ и раненыхъ; пушечная пальба и крикъ ура все заглушали и представляли какое-то странное и непонятное смѣшеніе природы, такъ что ужасно было смотрѣть. Вдругъ мимо меня идетъ нашей роты солдатъ и ведетъ съ собою плѣннаго поляка, увидѣвши меня остановился и спросилъ: могу ли я идти хотя сколько нибудь? Но я отвѣчалъ, что ничего не могу. Тогда онъ, снявши съ меня всю аммуницію, положивши на шинель, понесъ съ полякомъ полемъ къ селенію Рудкамъ, и увидѣвши впереди себя идущихъ двухъ солдатъ моихъ друзей, которые присоединясь къ нему понесли меня уже четверо къ деревнѣ Рудкамъ и положили на дорогѣ на моей шинели и смотрятъ, что полякъ уже палитъ впереди насъ. Потому имъ меня нести некуда и говорятъ мнѣ: «что намъ съ тобою дѣлать, нести некуда, а оставить—непріятель идетъ за нами, заколетъ

тебя штыкомъ». Я плачу и они плачутъ обо мнѣ и говорятъ: «мы тебя положимъ въ избѣ, а на дорогѣ задавятъ тебя»,—потому что время было ночное темное. Я просилъ ихъ со слезами не покинуть меня въ тяжкой моей болѣзни и бѣдѣ, и они стали со мной плакать и незнали, что со мной дѣлать? Нести меня некуда и оставить меня жалко. Рѣшился я ихъ отпустить, а себя велѣлъ внести въ избу; вдругъ гдѣ ни взялся бригадный командиръ и отрядной; у него товарищъ мой испрося позволеніе нести меня раненаго, взялъ скамью, на которой меня несли и съ позволенія, положивши на скамью, понесли. И, нѣсколько отнеся, догоняетъ насъ нашего полка 8-я егерьская рота. Фельдфебель спросилъ: «которой роты и кто раненый?» мои товарищи отвѣчали: «Памфилъ Назаровъ». Онъ услыхавши обо мнѣ, приказалъ меня нести своимъ 8-ми человѣкамъ, ибо онъ меня зналъ; а мои товарищи шли сзади; а меня несли, какъ мертваго. Отнеся нѣсколько, приказано имъ было остановиться и удержать непріятеля; поставивши меня на дорогѣ, товарищи мои не знаютъ, что дѣлать, оставить-ли, нести-ли куда. При такихъ обстоятельствахъ плачевныхъ вдругъ подходитъ капитанскій человѣкъ, искавшій капитана нашей роты и подведя лошадь, спрашиваетъ, кто раненъ, сказали, что Памфилъ Назаровъ. Онъ меня тотчасъ посадилъ на лошадь и я простясь съ своими товарищами, какъ съ мертвыми, потому что я отчаялся ихъ видѣть живыми, также они меня, и поѣхалъ въ корчму (трактиръ) разстояніе на двѣ версты отъ этого мѣста, у которой были приготовлены для раненыхъ подводы, лекаря, фельдшера, но какъ узналъ, что подводы были угнаны съ ранеными, то онъ принужденъ былъ вести меня до другой корчмы, но пріѣхавши къ другой корчмѣ, въ которой никого не было, ѣхалъ до третьей, разстояніемъ на три версты, гдѣ было множество раненыхъ и лекаря, и фельдшера, и были приготовлены подводы для отправки раненыхъ въ Бѣлостокъ; и я былъ въ одной повозкѣ положенъ; подходитъ фельдшеръ съ служителями и приказываетъ меня нести для перевязки въ корчму, но я зналъ, что нога моя будетъ отнята, я не позволилъ себя нести, почему онъ принесъ на меня жалобу лекарю, который, подошедши ко мнѣ, просилъ, чтобы я позволилъ себя внести, но я и лекарю тоже отвѣтилъ, что прикажите меня перевязать здѣсь; ибо для меня будетъ очень трудно,

чтобы переносить съ мѣста на мѣсто. Онъ, послушавши меня, прислалъ фельдшера и приказалъ меня перевязать въ повозкѣ, и отправились мы до города Тыкочина, гдѣ мнѣ отъ недостатка провіанта и истеченія крови приключился сильный жаръ и мучила жажда, потому мнѣ нѣсколько разъ подавали пить мутную и грязную воду изъ колесной колеи, потому что чистой воды нигдѣ не было. Прошедши сей городъ, зажгли мостъ чрезъ рѣку и начали съ непріятелемъ сраженіе, гдѣ и было нѣсколько убитыхъ нашего полка. Но отступя не болѣе 5-ти верстъ, приказано было сварить варку, гдѣ и наши подводы были остановлены для прокормленія лошадей и узнавши мои товарищи, приходили и со мною прощались какъ съ мертвымъ. Я этого ничего не помню, а уже узналъ послѣ. И которые были при мнѣ сапоги и тѣ были унесены, а меня оставили въ одной рубашкѣ и шинели кровавой, а ранецъ мой былъ оставленъ на мѣстѣ сраженія, въ которомъ были казенныя вещи и прочее, какъ-то: кавалерія за Турецкую войну и кавалерія за взятіе Парижа, псалтирь и рубашки. И отселѣ поѣхали въ Бѣлостокъ городъ, гдѣ и положенъ былъ въ госпиталь; пищи никакой не употреблялъ, кромѣ овсяннаго киселя съ медомъ нѣсколько ложекъ. Въ теченіи 3-хъ недѣль лежалъ я; дали мнѣ потомъ два костыля, на которыхъ-бы мнѣ можно было выдти освѣжиться чистымъ воздухомъ; но я однажды часу въ 5-мъ по утру пошелъ и поскользнувшись на костыляхъ, упалъ и разбилъ себѣ ногу болѣе прежняго, почему и принужденъ былъ лежать еще болѣе 6-ти недѣль. Раны мои залечили, а опухоль и ломота въ ногѣ болѣе усилились. Лекарь полагалъ, что эта матерія осталась, которая невышла въ раны, почему и приказалъ сдѣлать мазь съ купоросным масломъ, для растравленія раны на свѣжемъ мѣстѣ выше колѣна, и выпустить матерію, и лишь только успѣлъ приложить мазь съ купоросным масломъ, то сія мазь такъ начала дѣйствовать, какъ огонь, почему я былъ внѣ ума, мнѣ было тошно; но еще собравшись съ силами, кое какъ выбрался на улицу и сѣлъ на камень. Увидавши меня хозяинъ-солдатъ, выдающій пищу больнымъ, спросилъ: «что я не ужинаю?» но я отвѣчалъ, что мнѣ не до ужина, ибо чувствую, что ядъ сильно дѣйствовать началъ, такъ что на меня напала тошнота и круженіе въ головѣ, почему хозяинъ и присовѣтовалъ мнѣ отвязать

и бросить мазь. Пришедши въ госпиталь на свою кровать, я послушался его и отвязавши увидѣлъ, что подъ пластыремъ тѣло точно уголь все сгорѣло; я, взявши ножичекъ, вырѣзалъ, не чувствуя никакой боли, и сдѣлалъ рану величиною съ голубиное яйцо. Сіе узнавши фельдфебель егерскаго полка, давъ деревяннаго масла и сдѣлавши корпію, приложилъ къ ранѣ; почему и сдѣлалось мнѣ гораздо лучше; залечивши оную рану, болѣе 6-ти недѣль опухоль еще не отступала. Приходитъ главный докторъ, котораго я просилъ, чтобы онъ припустилъ мнѣ піявки, но онъ обидѣвшись симъ, арестовалъ меня на хлѣбъ и на воду, полагая, что я учу его, какъ лечить. Лишь только онъ вышелъ изъ комнаты, въ которой я лежалъ, то я сказалъ, что какъ пріѣдетъ его высочество въ госпиталь, принесу на него жалобу; но находившійся въ сей комнатѣ фельдшеръ, услыхавши сіе, разсказалъ доктору все, что я говорилъ. Выслушавши это докторъ тотчасъ приказалъ по утру выдать мнѣ полную порцію. Оному же доктору приказано было осмотрѣть нашу неспособность, который осмотрѣвши, отнесся бумагами къ его высочеству и его высочество меня назначилъ въ гвардейскій инвалидъ и, приказалъ расположившись на квартирахъ, пробыть до весны. Мая 28-го 1832 года присланъ былъ отъ его высочества приказъ представить насъ въ С.-Петербургъ и дана намъ была на двоихъ подвода. Прибывъ въ Царское Село, гдѣ встрѣтилъ меня раненый со мною, который уже находился въ инвалидѣ, обнявъ меня дружески, поздравляетъ меня съ монаршею милостью и говоритъ, что крестъ Георгія Великомученика присланъ тебѣ изъ полка въ здѣшній инвалидъ и лежитъ уже болѣе полугода; я ему повѣрилъ и нѣтъ, потому что сомнѣвался. Отселѣ отправили насъ въ С.-Петербургъ гвардейскаго инвалида въ бригадную канцелярію, гдѣ, узнавши объ моемъ пріѣздѣ, отдѣленный унтеръ-офицеръ пришелъ ко мнѣ и, обнявшись со мною, заливался слезами отъ радости, потому что Богъ сподобилъ насъ съ нимъ видѣться и поздравлялъ меня съ тѣмъ же, но я и сему не повѣрилъ; но онъ меня увѣрялъ и сказалъ: «что какъ Богъ Святъ, видишь на мнѣ крестъ, и тебѣ присланъ». Я облился слезами и благодарилъ Бога, что онъ сподобилъ меня заслужить такую монаршую милость. Изъ бригадной канцеляріи обратно были отправлены въ Царское Село къ полковому командиру, отъ котораго

и получилъ знакъ отличія крестъ Георгіевской; имъ же самимъ назначенъ въ гвардейскій инвалидъ 2-го нумера роту, куда былъ съ унтеръ-офицеромъ пѣшкомъ на костылѣ. Не болѣе отойдя какъ съ версту, сѣлъ на дорогѣ а далѣе идти не могъ, но, къ счастію нашему, ѣхалъ огородникъ и везъ телѣгу навозу; мы начали его просить, чтобы онъ посадилъ меня и довезъ до города Павловска; мужикъ на сіе согласился и довезъ (5 верстъ разстоянія). 1832 года, мѣсяца ноября въ городѣ Павловскѣ въ гвардейскомъ инвалидѣ 2-й роты нужно мнѣ было ѣхать въ С.-Петербургъ для того, чтобы взять оттуда сундукъ съ вещами. Тамъ на чудскомъ мосту идучи на костыляхъ и поскользнувшись, я упалъ и повредилъ раненое колѣнко, такъ что нѣсколько времени лежалъ на семъ мѣстѣ, какъ будто на жернову. Мнѣ сдѣлалось тошно и сердце замерло. Въ раненомъ колѣнкѣ я чувствовалъ ломъ и опухоль. Дошедши, хотя съ великимъ трудомъ, до Финляндскаго полка лазарету, приставилъ къ раненому колѣнку 12 піявокъ и всю ночь около меня были фельдшеръ и другъ мой любезный Иванъ Ивановичъ. Онъ весьма сожалѣлъ о моемъ несчастіи, что я получилъ такой ударъ. И въ сей день навѣстилъ своихъ товарищей, и былъ у ротнаго командира капитана Наумова, который поздравилъ меня съ полученіемъ ордена Георгія побѣдоносца и наградивъ четвертачкомъ, сказалъ мнѣ: «что ты думалъ, я тебя забылъ? Нѣтъ никогда не забуду твоей услуги, которая предо мною свята». Прибывши въ городъ Павловскъ въ роту свою, посылаютъ меня въ городовое правленіе смотрѣть за караульными вмѣсто ефрейтора и, служа въ оной ротѣ до 1834 года декабря 23-го дня, былъ представленъ къ отставкѣ въ безсрочный отпускъ. И, по прибытіи въ С.-Петербургъ, изволилъ смотрѣть его высочество, а на утро самъ императоръ—въ Михайловскомъ манежѣ, куда пріѣхала и государыня императрица Александра Ѳеодоровна и съ дочерью Маріею Николаевной. Императоръ изволилъ ѣхать подлѣ коляски верхомъ. Объѣхалъ Государь фрунтъ кругомъ; войско безпрерывно кричало: ура! Государь всталъ посреди манежа, гдѣ проходили взводами и колоннами; въ послѣдній уже разъ Его Величество приказалъ остановиться и подойдя, прощался съ нами со слезами, благодарилъ насъ за вѣрность и храбрость, и просилъ, въ случаѣ проѣзда, выходить и съ нимъ поздороваться; въ семъ собраніи было насъ

около 5000 и отпускъ сей именовался кавалерскій, ибо всѣ безъ изъятія были кавалеры при открытіи монумента вѣчной памяти Александра I. Простившись мы съ императоромъ и императрицею и дочерью ихъ, остались въ манежѣ, куда пріѣхалъ къ намъ его высочество и просилъ насъ, чтобы мы окружили его и благодарилъ насъ за храбрость и долголѣтнюю службу и простился со слезами.

V.

Получивши безсрочные билеты, мы отправились кто куда пожелалъ, но я пожелалъ остаться въ С.-Петербургѣ. Не имѣя никакой должности, я нанялъ себѣ квартиру, за 10 рублей въ мѣсяцъ, и на оной проживалъ 6 недѣль. Нашедши должность въ Казанскомъ соборѣ, прихожу туда. Я узналъ своего товарища, служившаго тутъ при ономъ болѣе двухъ лѣтъ и который меня рекомендовалъ протоіерею такъ, что я и нестою того; изъ онаго собора, послужа нѣсколько дней, я пошелъ въ высочайшій комитетъ, гдѣ и былъ осмотрѣнъ генеральскими членами и главнымъ докторомъ, и былъ награжденъ пенсіею по смерть мою 80-ти рублями ассигнаціями въ годъ. Немного спустя времени получилъ я знакъ отличія кавалерію св. Анны за двадцатилѣтнюю службу безпорочную. Потомъ я пошелъ въ храмъ праведныхъ Симеона и Анны, гдѣ благодарилъ Бога за полученіе награды отъ царя. Также получилъ польскій крестъ за военное достоинство и войну польскую съ означеніемъ латинскими буквами: Militari virtuti, т. е. за военную храбрость.

О переводкѣ изъ роты въ роту и о должностяхъ скажу вамъ что: съ рекрутства я опредѣленъ въ 8-ю егерскую роту, а въ прибытіе въ полкъ въ Пруссію на перемиріе выбранъ былъ полковымъ командиромъ въ 6-ю егерскую роту, а въ 1815 былъ выбранъ полковникомъ Ахлестышевымъ въ 2-ю карабинерную роту въ стрѣлковый взводъ; послужа въ оной не болѣе двухъ лѣтъ былъ избранъ въ должность въ отдѣленные расходчики. Постановивши унтеръ-офицеръ отдѣленіе, которое составляетъ болѣе 50 человѣкъ и спрашиваетъ оныхъ: «кого вы желаете избрать въ расходчики?» Всѣ отвѣчали: «Памфила Назарова». Услышавши сію вѣсть для меня

нежелательную, я просилъ освобожденія, зная, что сія должность весьма опасна. Прихожу къ унтеръ-офицеру и прошу освободить меня отъ сей должности. Онъ опять приказываетъ встать всему отдѣленію и спрашиваетъ, чтобы уволить, но они отвѣчали что «мы желаемъ его». Я заплакалъ и пошелъ къ своей кровати, но они, нагнавши меня, схватили на руки и качали съ крикомъ: «ура»! Сію должность я несъ 5 лѣтъ. Въ этой же ротѣ бывши я на ротномъ ученіи, которою командовалъ поручикъ другой роты и часто повторялъ мнѣ смотрѣть на право, когда онъ велъ противъ солнца. Но я не могъ смотрѣть по болѣзни моихъ глазъ, то онъ, подошедши ко мнѣ, ударилъ меня въ щеку такъ сильно, что я и теперь помню и никогда не забуду. Сей же поручикъ училъ насъ въ казармахъ ружейнымъ пріемамъ съ приступомъ, который замѣтилъ, что я не приступаю, какъ мои товарищи, по причинѣ раны, но онъ думалъ, что я не хочу дѣлать по лѣности, подошедши ударилъ меня по спинѣ такъ сильно, что я упалъ на нары и съ ружьемъ. 1826 года, мѣсяца марта, его императорское величество Николай I изволилъ насъ смотрѣть въ манежѣ и выбралъ меня во 2-ю егерскую роту въ 1-й баталіонъ. Чрезъ недѣлю приказано было намъ выступить изъ С.-Петербурга до города Ораніенбаума, разстояніемъ на 35 верстъ, для занятія караула и приказано остановиться на кантониръ квартиры. Дождавшись дня свѣтлаго Воскресенья я плакалъ не утѣшно, разлучили меня отъ друзей. И въ такой день, въ который даже птицы и животныя радуются и веселятся, но я былъ печаленъ. Пробывши до осени въ ономъ городѣ, приказано было намъ возвратиться въ С.-Петербургъ, и долженъ придти 2-й баталіонъ нашего полка, какъ оставшійся провіантъ нашего баталіона было приказано у всѣхъ ротъ снять и 2-му баталіону сдать, каковую должность поручили мнѣ. Собравши весь провіантъ, было приказано караулить мнѣ, покуда не придетъ баталіонъ и, во время моего тамъ пребыванія, я имѣлъ страхъ и ужасъ, потому что былъ оставленъ въ казармахъ одинъ и въ отдаленіи отъ города, въ лѣсу. Сдавши провіантъ, отправился, по желанію, въ городъ Кронштадтъ, въ которомъ пробылъ сутки и отправился на машинѣ въ С.-Петербургъ. Заплатилъ 80 копѣекъ, разстояніемъ 25 верстъ въ 2 часа. Прибывши въ роту и спустя нѣсколько дней былъ уволенъ ротный староста и расходчикъ ротный по недостатку здоровья, для

которой должности и нужно было избрать такого солдата, который бы былъ достоинъ. Почему капитанъ Румянцевъ, собравши роту, спросилъ: «кого они пожелаютъ въ такую должность, вмѣсто бывшаго уволеннаго отъ должности старосты?» Они отвѣчали: «Памфила Назарова». Я ихъ началъ просить объ освобожденіи отъ должности, но они нѣсколько разъ повторяли: «Памфила Назарова», на что я и рѣшился и правилъ оную должность до исключенія въ инвалидъ.

1836 года января 4-го дня получилъ я слѣдующій паспортъ и пробывши въ Казанскомъ соборѣ до мѣсяца апрѣля, нанявши подводу, отправился въ родительской домъ и пріѣхалъ въ 4-мъ часу по полудни въ Лазарево воскресенье; родительницею и родственниками былъ принятъ весьма пріятно, у которыхъ гостилъ Пасху, а Николинъ день гостилъ у родственниковъ, Вознесенье у сестрицы, Троицынъ день у дядюшки и нѣсколько бывши дней открываю имъ свое намѣреніе и говорю, что я съ вами не много времени буду, потому что я намѣренъ исполнить свой обѣтъ, именно: желаю посвятить себя иноческому чину. Они, услышавши отъ меня такую вѣсть, опечалились; а я, погостивши у нихъ до 1-го іюня, отправился въ Москву и изъ оной къ Сергію преподобному. Подвозили меня: матушка и братъ Михайло, двѣ племянницы Василиса Михайловна и Матрена Ивановна и миленькая моя крестница Настасья Михайловна. Отслушавши Божественную литургію, я проводилъ ихъ обратно болѣе двухъ верстъ и нѣсколько поплакавши, разстались съ великою горестію и для меня и для нихъ; но миленькая моя племянница, прощаясь со мною сказала: «жизнь наша! какъ намъ тебя забыть!» Каковыя слова тронули меня до глубины души и, отойдя отъ нихъ не болѣе съ четверть версты, обратился и сдѣлалъ имъ послѣдній поклонъ; но они отъ горести пали на землю. И шедши полемъ до Лавры, я чувствовалъ сильную печаль и просилъ угодника Божія, чтобы онъ облегчилъ мою печаль. Пришедши на квартиру, я не могъ долго быть, но взявши чемоданъ, пошелъ къ монастырю и увидѣвши тройку лошадей, спросилъ извощика: «куда онъ ѣдетъ?» Онъ сказалъ: «что прямымъ трактомъ по большой дорогѣ къ городу Переславлю, разстояніемъ на 35 верстъ. Доѣхавши и переночевавши у него, я, поутру вставши, пошелъ

пѣшкомъ и прибылъ въ городъ Переславль, въ позднія обѣдни, въ Федоровскій дѣвичій монастырь, гдѣ было освященіе храма, при которомъ священнодѣйствіи находился архимандритъ Фотій, пріѣхавшій изъ Новгорода съ графиней Орловою, отъ котораго я и получилъ благословеніе, и отправился въ путь и, отойдя 12 верстъ, ночевалъ. Вставши поутру и нѣсколько верстъ отойдя, перебѣгаетъ мнѣ волкъ дорогу, котораго я не замѣтилъ, и подошелъ къ нему разстояніемъ на двѣ сажени; но Богъ избавилъ меня отъ опасности и я пошелъ далѣе до города Петрова, гдѣ купилъ лапти и, надѣвши оныя, удивился, видя себя въ такой странной обуви, каковою не обувался болѣе 25-ти лѣтъ. Пришедши въ городъ Ростовъ въ Яковлевскій монастырь въ 8 часовъ вечера, ночевалъ въ гостинницѣ и сильно уставши, не могъ ни пить ни ѣсть, но легъ спать. Вставши поутру и отстоявши утреню и отпѣвши молебенъ угодникамъ Божіимъ Іакову и Димитрію, пошелъ въ соборъ за раннюю обѣдню, и послѣ оной отслужилъ молебенъ угодникамъ Божіимъ Леонтію и Игнатію и купивши калачикъ перекусить, увидѣлъ тройку лошадей съ сѣдоками въ городу Ярославлю, съ коими сѣлъ и отправился въ Ярославль 9-го числа іюня вечеромъ и ночевалъ на постояломъ дворѣ, что на Которосли. Вставши поутру пошелъ въ Спаскій монастырь и увидѣлъ отца Адріана, съ коимъ поздоровавшись и отстоявши утреню, пошелъ къ нему въ келейку и прогостилъ у него до 13-го числа. Обо всемъ я распросивши его, узналъ, что вакансіи праздной нѣтъ, и послушаніе здѣсь очень тяжелое, но я какъ калѣка, то неспособенъ переносить послушаніе, почему и пошелъ немедленно искать подводу до Москвы. Нашедши и давши задатокъ 80 копѣекъ, пошелъ проститься къ отцу Адріану во время поздней обѣдни, съ которымъ и пошелъ въ келейку, чтобы взять чемоданъ, но не успѣли еще взойти, какъ присылаетъ архіепископъ Авраамъ своего келейника и требуетъ насъ обоихъ къ нему. Увидѣвши меня, владыко сказалъ мнѣ: «лицо твое знакомо». Я ему отвѣчалъ, что нѣсколько разъ сподоблялся получить благословеніе отъ васъ владыко святый, когда вы были въ С.-Петербургѣ на чередѣ. Онъ опять обратился къ отцу Адріану: «объ этомъ-ли ты мнѣ говорилъ?» Объ этомъ, отецъ Адріанъ отвѣчалъ. И спрашиваетъ меня владыко: «куда желаешъ? »Я отвѣчалъ, что по моей неспособности я не могу переносить тяжелыхъ послушаній и такъ какъ здѣсь

нѣтъ праздной вакансіи, то и хочу обратно отправиться въ Москву. Но онъ мнѣ сказалъ смиреннымъ голосомъ: «послужи ты у меня Богородицѣ Печерской». Услышавши сіи слова, я облившись слезами, палъ въ ноги и воображалъ себѣ, что кто меня проситъ, и кому служить! я считалъ себя недостойнымъ толикаго архипастырскаго великодушія, и ставилъ для себя очень дорого здѣсь остаться, почему и рѣшился. Вдругъ владыко потребовалъ письмоводителя и приказываетъ, взявши паспортъ, написать съ онаго прошеніе и къ оному подписаться мнѣ съ надеждою монашества. Въ тотъ же часъ и отослано было въ консисторію; и какъ сей день суббота, а на утро въ воскресенье я занималъ должность свѣчника у Преображенія за второю раннею обѣднею и стоялъ у ящика, также ходилъ съ блюдомъ, и сбиралъ на церковное строеніе, и входилъ въ алтарь подавать кадило, каковымъ поступкомъ я удивилъ предстоящихъ за ранней обѣдней; всѣ на меня смотрятъ и удивляются, что солдатъ въ кавалеріяхъ и стоитъ у свѣчь вмѣсто старосты; каковыя разныя послушанія проходилъ до 28-го сентября. Сего дня, послѣ ранней обѣдни, приходитъ архимандритъ и приказываетъ мнѣ снять должность свѣчника, который былъ назначенъ въ Толгу, а вмѣсто его приказано было заступить мнѣ. Въ 1839 году, мѣсяца іюня, архимандритъ приказываетъ мнѣ подавать прошеніе владыкѣ Евгенію, которое было подано и отослано въ С.-Петербургъ въ святѣйшій синодъ, который и разрѣшилъ приготовляться мнѣ къ постриженію. Но получивши въ мѣсяцѣ сентябрѣ, 23-го числа, указъ изъ С.-Петербурга, владыкѣ разсудилось отложить до Филиппова поста по той причинѣ, что по уставу святыхъ отцевъ, по принятіи монашескаго чина, должно поститься 40 дней и, по немощи моей, отложено было до 23-го ноября.

VI.

22-го ноября 1839 г., обойдя всю братію и прося прощенія и благословенія, пришелъ архимандриту, который приказалъ мнѣ идти къ владыкѣ для полученія пастырскаго благословенія. Прихожу во владыкѣ, который выходитъ ко мнѣ и я, падши къ ногамъ, просилъ прощенія и благословенія для принятія ангельскаго чина и просилъ его излить о мнѣ грѣшномъ теплыя молитвы Господу Богу, чтобъ онъ укрѣпилъ меня въ подвигахъ, каковые я воспринялъ для спасенія души своей. Владыко, взявши икону преподобнаго Геннадія и благословивъ меня оною, сказалъ: «давно я желалъ тебя видѣть въ ангельскомъ чинѣ» и даетъ книгу преподобнаго Варсонофія, и сказалъ мнѣ: «что подарилъ бы я тебѣ ее, но она для меня самого нужна, но даю тебѣ пользоваться полгода, а потомъ возвратить мнѣ». Пришедши въ свою келію, я обливался слезами отъ радости и приготовлялся къ постриженію. А на утро во время поздней обѣдни предъ малымъ входомъ былъ постриженъ архимандритомъ Никодимомъ въ теплой крестовой большой церкви. А владыко стоялъ у окна праваго клироса, и смотрѣлъ на мое постриженіе. И окружающіе меня 4 іеромонаха (Өеоктистъ, Өеодоритъ, Серафимъ, Макарій), закрывали меня своими мантіями отъ зрителей. Прочитавши правило святыхъ отецъ, надѣваетъ на меня кипарисный крестъ съ парамантомъ, потомъ подрясникъ и ременный поясъ, потомъ ряску и мантію, и обувши въ сандаліи и надѣвши клобукъ, и давши въ лѣвую руку четки, поставили меня предъ иконою Спасителя, и дали въ правую руку крестъ, а въ лѣвую—свѣчку, съ которыми я и стоялъ всю литургію неподвижно. Послѣ литургіи приходитъ духовникъ и беретъ у меня свѣчку, и подводитъ меня для принятія Божественныхъ Даровъ; а по принятіи Святыхъ Таинъ, я отдалъ поклонъ престолу и, подошедши къ архимандриту, просилъ благословенія, который благословивши меня, подаетъ мнѣ просфору и цѣлуетъ съ привѣтствіемъ: «Христосъ посреди насъ, брате!» каковому примѣру послѣдовала и вся братія. И послѣ повелъ меня къ архіерею, который благословивши меня, даетъ мнѣ наставленіе: «молись Господу Богу и спасайся, и повторяй чаще молитву сію: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!» И взявши меня, архиман-

дритъ повелъ обратно въ церковь, въ которой было довольное число зрителей, и приказываетъ духовнику отвести меня въ келейку, который давши мнѣ свѣчку и крестъ и приведши меня въ келью, благословилъ крестомъ и я, падши къ ногамъ, просилъ его не оставить меня въ своихъ молитвахъ. Ради пострижения отъ меня приготовленъ былъ братіи обѣдъ во утѣшеніе. Послѣ обѣда благодарили меня за угощеніе, и разошлись по келіямъ, а во время обѣда я самъ въ мантіи читалъ житія святыхъ отецъ и было приказано отъ владыки освободить меня отъ послушанія на 7 дней и быть при каждой службѣ въ мантіи. По исполненіи сего срока мнѣ приказано было вступить въ свое послушаніе.

Дрожайшая моя родительница! не желалъ бы я вамъ открыть моего подвига, каковый я перенесъ во время моей жизни, но побудила меня къ тому только единственно любовь къ вамъ и моимъ родственникамъ и уваженіе къ твоей старости, еще побуждали меня и друзья открыть мои подвиги, каковые открываю и вамъ. Сынъ твой и братъ, вашъ богомолецъ монахъ Митрофанъ, 1839 года, мѣсяца ноября 28-го дня.

VII.

Еще запишу: будучи мальчикомъ, я однажды по неосторожности упалъ съ полатей на полъ и ушибъ голову такъ больно, что нѣсколько минутъ былъ безъ памяти и на головѣ на самомъ темѣ до сихъ поръ остался отъ ушиба признакъ довольно ощутительный. Еще во второй разъ провалившись съ полатницею, которая была коротка, больно ушибся грудью. Въ третій разъ, когда стоя на голубцѣ смотрѣлъ чрезъ брусъ, оборвавшись упалъ и ушибъ голову.

Не могу и сего умолчать, сколько я благодаренъ своею матушкою. Въ юности моихъ лѣтъ я былъ наказанъ ею жестоко за мое упрямство. Сколько для меня сіе наказаніе было велико, столько всегда остаюсь благодаренъ за исправленіе моего непослушанія. Кромѣ сего наказанія я болѣе никогда отъ нея не по-

лучалъ. Весьма нужно родителямъ своихъ дѣтей исправлять въ самыхъ юныхъ лѣтахъ къ повиновенiю. Умѣренное наказанiе вселяетъ въ юношѣ страхъ и любовь къ родителямъ. Это я на себѣ испыталъ, узнавъ пользу наказанiя родительскаго; поэтому я никогда не премину возблагодарить ихъ. Желаю вамъ и всѣмъ моимъ родственникамъ о Господѣ нашемъ Iисусѣ Христѣ спастися. Помолитеся и о мнѣ грѣшномъ, а вы у меня всегда на памяти моей. Простите. 1839 г. Монахъ Митрофанъ.

Ярославль, 1875 г. Сообщ. В. И. Лѣстницынъ.

ЗАПИСКИ ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА ВИНОГРАДОВА.

1800—1836 гг.

Посвящено М. И. Платоновой.

Записки придворнаго протоіерея Виноградова занимаютъ три довольно объемистыя тетради въ 8-ю д., и сообщены намъ въ 1874 г. дочерью покойнаго, М. И. Платоновой. Такъ какъ «Записки» эти заключаютъ въ себѣ большею частью подробности чисто личнаго и семейнаго характера, то, оставляя значительнѣйшую часть ихъ въ рукописи, мы, соединили здѣсь только такія выдержки, которыя сколько нибудь имѣютъ общій интересъ и значеніе.

Глава первая обнимаетъ воспитаніе І. Виноградова, до окончанія курса въ семинаріи, т. е. съ 1800 до 1819 года, вторая—содержитъ описаніе тѣхъ событій, которыя случились во время службы его въ званіи учителя и діакона, до поступленія въ Гатчино, т. е. съ 1819 по 1826 годъ, и, наконецъ, третья глава—остальное время жизни до 1836 года.

Ред.

I.

Родители Виноградова происходили изъ духовнаго званія и жили въ Старой Ладогѣ болѣе 25-ти лѣтъ. У нихъ было 17 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ три дѣвочки умерли вскорѣ послѣ рожденія. Всѣ дѣти были пристроены благополучно, не смотря на то, что отецъ Виноградова, священникъ, въ теченіи всей своей многолѣтней службы, получалъ «только 40 р. годоваго оклада».

Въ началѣ 1800-хъ гг., родители отдали Виноградова въ ученье. «По простотѣ тогдашняго времени, — разсказываетъ Виноградовъ,—болѣе же по бѣдности отца моего и по недостатку просвѣщенныхъ людей на моей родинѣ, я отданъ былъ староладожскому мѣщанину Борису Силичу, въ наученіе читать по церковному: ибо еще въ ту пору почиталось ересью читать по граж-

дански, а духовные люди даже и писали славянскимъ почеркомъ, большею частію. Наставникъ сей былъ старикъ добрый и грамотный между невѣждами[1]): читалъ хорошо, а писать, не помню, умѣлъ ли хорошо. У него-то позналъ я таинственные до того мнѣ знаки: азъ, буки, вѣди и проч., тяжелые и страшные склады: азъ—нашъ—глаголь—есть—ге—люди-еръ—ангелъ! Изучилъ апострофы, кавыки, срокъ, запятую, двоеточіе, прошелъ священный часословъ и, кажется, началъ псалтирь, для продолженія и окончанія которой перевели меня въ высшее училище къ новоладожскому Клишентовскому діакону. По окончаніи псалмовъ Давидовыхъ, я началъ здѣсь писать, или лучше малевать буквы со старинныхъ прописей, которыя весьма далеки были отъ нынѣшняго совершенства каллиграфіи. Въ сіе время, особенно при началѣ ученія, я испытывалъ справедливость словъ: «нужно ангельское терпѣніе и учителю, и ученику, чтобы сложить слово: ангелъ». При обученіи необходилось дѣло безъ плети, лишенія обѣда, земныхъ поклоновъ, стоянія на колѣнахъ и др. наказаній. Вознагражденіе упомянутымъ педагогамъ было слѣдующее: «діакону платили, кажется, по 7 руб. за выучку псалтиря и писанія, а Борисъ Силичъ бралъ по полутора рубля мѣдью съ души, кажется, тоже не менѣе, какъ за 6 мѣсяцевъ». Въ продолженіи ученья, другія занятія Виноградова, заключались въ разныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, въ разсылкахъ на колокольню звонить, въ укачиваньи дѣтей въ ночное время и т. п.

Какъ бы то ни было, но первоначальное воспитаніе кончилось и «приближалось время перерожденія», какъ называетъ автобіографъ свое образованіе въ семинаріи. Передъ поступленіемъ въ нее, отецъ возилъ Виноградова въ Валаамскій монастырь, на Ладожское озеро. Въ продолженіи этого путешествія, они чуть не погибли на Ладожскомъ озерѣ отъ бури, которыя здѣсь такъ часты. Самый монастырь представлялъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образецъ монашеской жизни и благочестія. «Замѣ-

---

[1]) «Кто бы повѣрилъ почтенной старинѣ, которую иногда выхваляютъ предъ новыми временами: тогда и въ клиросѣ трудно было сыскать чернильницу, о бумагѣ и перьяхъ не говори. Я помню, какъ въ судебномъ дѣлѣ священникъ просилъ кабатчика росписаться за неумѣніемъ его грамотѣ. Помню, какъ матери попадьи дрались съ мужьями за то, что имъ не хотѣлось отдавать дѣтей въ семинарію». I. В.

тить при семъ надобно,— говорится въ воспоминаніяхъ,—что Александръ I посѣтилъ однажды сіе благоговѣйное убѣжище и былъ плѣненъ всѣмъ противуположнымъ тутъ міру и земной суетѣ. Говорили, что онъ пробылъ тутъ около трехъ сутокъ и когда въ первый вечеръ принесли для него пуховикъ, то онъ отвергъ оный, сказавъ: «не хочу покоиться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ тамъ, гдѣ святые почивали на каменіи; постелите для меня солому!» И это было исполняемо во дни присутствія его величества. Память сего славнаго посѣщенія ознаменована брилліантовымъ крестомъ, который высочайше пожалованъ всѣмъ безъ изъятія игуменамъ онаго. Вскорѣ послѣ возвращенія съ Валаама, Виноградовъ долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургскую семинарію. «На родинѣ моей, - разсказываетъ автобіографъ въ заключеніе воспоминаній о своемъ дѣтствѣ,—много чудесностей, самихъ по себѣ значительныхъ, но разсказами старожиловъ и преданіемъ стариковъ украшенныхъ. Кому захочется полюбопытствовать, исчисляю ихъ: Въ крѣпости Рюрика найдете тайникъ или подземный ходъ подъ рѣку Волховъ; на дорогѣ къ Новой Ладогѣ увидите высокую сопку, изъ коей, говорятъ, по видному и теперь провалу, выкатилась въ рѣку бочка съ золотомъ, которую тотъ поймаетъ, кто можетъ сплести шелковый неводъ; не подалеку отъ оной, на обоихъ берегахъ рѣки представятся вамъ противуположно двѣ часовни съ могилами, на коихъ стояли большіе, неуклюже высѣченныя, безъ надписей, кресты, будто тутъ погребены какіе-то богатыри, убившіе другъ друга палицами, не смотря на то, что рѣка въ томъ мѣстѣ шириною около четверти версты; выше по Волхову, за мужскимъ монастыремъ, кровавый ручей, здѣсь во время литовскаго нашествія, я думаю при Баторіи, текло множество крови убитыхъ въ пораженіи; по обоимъ берегамъ нѣсколько сопокъ—мѣста погребенія тѣлъ убитыхъ, которыхъ не зарывали, какъ нынѣ въ землю, но складывали въ кучи и обсыпали землею».

По пріѣздѣ въ Петербургъ и послѣ представленія митрополиту Амвросію, Виноградовъ былъ принятъ въ семинарію [1]) своекоштнымъ воспитанникомъ. Сначала ему сильно не хотѣлось учиться; но потомъ «заботливость учителей, примѣры товарищей,

---

[1]) Т. е. собственно въ академію, какъ это видно будетъ ниже.

поощренія и самыя наказанія порождали и усугубляли» въ немъ охоту къ занятіямъ, такъ что скоро онъ сдѣлался хорошимъ воспитанникомъ и «достигъ чиновъ школьныхъ (censor, auditor, prior, senior). Не всякому такъ счастливо удалось пройти поприще ученія, какъ мнѣ,—говоритъ о. Виноградовъ.—Я миновалъ наказанія ликторскаго (т. е. розогъ), между тѣмъ какъ почти ни одинъ изъ товарищей не избѣгъ сего столь употребительнаго тогда средства въ образованіи юношества духовнаго. Два или три раза поставленъ былъ на колѣни и то за защиту соучениковъ». Вмѣстѣ съ успѣхами въ ученьи, Виноградовъ заботился объ усовершенствованіи внѣшнихъ пріемовъ, выговора и т. п. «Мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ,—замѣчаетъ онъ,—что научился я и ходить, и говорить, и стоять по питерски... Старые пріемы во всемъ я старался покинуть; въ самой походкѣ старался подражать какому нибудь протопоповичу».

Изъ начальствующихъ лицъ въ академіи, въ первое время ученія, замѣчателенъ былъ префектъ ея—архимандритъ Израиль, который былъ въ то же время и намѣстникъ Лавры. «Въ его префектство академисты имѣли всегда прекрасную пищу, присмотръ за поведеніемъ ихъ былъ исправный, чистота соблюдалась въ жилищѣ и въ одѣяніи опрятность, вообще болѣе заботились о физическомъ и о нравственномъ усовершенствованіи юношества. Послѣ Израиля экономія и мораль потерпѣли знатный упадокъ. При немъ академія имѣла своихъ отмѣнныхъ пѣвчихъ, прекраснѣйшихъ музыкантовъ, часто бывали собранія въ залѣ, куда съѣзжались изъ столицы люди знатные и богатые. Самъ митрополитъ Амвросій нерѣдко присутствовалъ на оныхъ... Примѣтить не излишне, что кромѣ строгаго надзора префекта надъ состояніемъ стола нашего, самъ митрополитъ частехонько въ подрясничкѣ, въ камилавочкѣ, тихонько заходилъ и въ кухню. Что тутъ дѣлать эконому!»

Въ то время всѣмъ академистамъ давался каждогодно 1-го мая праздникъ, называемый «рекреація». Въ этотъ праздникъ воспитанниковъ раздѣляли на особыя части, въ родѣ ротъ, каждому давалась деревянная шпага, знамена были бумажныя; упомянутыми ротами командовали, заставляли другъ у друга отнимать позиціи и проч., «словомъ дѣйствія сіи похожи были на военныя».

«Въ Александровъ день, 1818 года, Израиль нарядилъ насъ въ новые, синяго сукна, казакины (родъ сюртуковъ, со стоячимъ воротомъ чернаго бархата, обшиты по оному и по полю краснымъ снуркомъ), въ башмаки, намазалъ волоса помадою и въ семъ убранствѣ поставилъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, что отъ собора до келлій митрополита, гдѣ государь Александръ изволилъ проходить съ высочайшею фамиліею послѣ обѣдни. Не поразитъ ли зрѣлище сіе послѣ простыхъ сельскихъ церемоній?... А цесаревичъ Константинъ,—тотъ, посмотрѣвъ на строй студентовъ, сказалъ: «молодцы! всѣхъ бы въ уланы».

«Къ сему времени надобно отнести слѣдующее, въ Старой Ладогѣ, обстоятельство: это странное перевезеніе по сухому пути яхты «Голубка», которую пожаловалъ въ даръ государь Александръ Павловичъ графу Аракчееву. Ее надобно было провести по Волхову до Грузина. Но двинувшись до порога ладожскаго, она остановилась: дно рѣки не позволяло такому судну шествовать. Что было дѣлать? Да и чего не сдѣлали бы для Аракчеева? Крутые берега близь пороговъ не позволили морякамъ искуснымъ приступить къ необыкновенному явленію. И такъ, спустясь верстъ 8 въ низъ, у деревни Извоза вытащили «Голубку» на отлогій берегъ, поставили на огромныя полозья, устлали дорогу насаленными горбылями и сотъ пять человѣкъ тянули ее болѣе 12 верстъ, отрубая углы домовъ и часовенъ, гдѣ оные шествію сему препятствовали. Наконецъ пушечная пальба увѣдомила жителей, что судно сіе сошло съ берега благополучно. Помнится, въ день двигалось оно не болѣе 60-ти саженъ».

По удаленіи изъ академіи Израиля, «въ должность ректора вступилъ любезный начальникъ, ученый мужъ, богословъ и физикъ Порфирій, архимандритъ. При немъ (говоритъ автобіографъ) произошла реформа духовныхъ училищъ. Въ самомъ дѣлѣ страннымъ покажется, когда разскажу я: меня отдали въ академію и я считался ея ученикомъ, потомъ сдѣлали семинаристомъ, а послѣ ученикомъ уѣзднаго училища. Въ сіе время начала рождаться новообразованная академія наша, навезли къ намъ студентовъ старыхъ и учителей умныхъ; для бо̀льшаго ума явились изъ Москвы платоники: іеродіаконъ Филаретъ, игуменъ Иннокентій—свѣтильники церкви русской. Два мужа сіи были образователями и насадителями, и первыми трудолюбивыми

дѣлателями новаго духовнаго разсадника, изъ коего теперь исходятъ служители отечеству и церкви полезнѣйшіе». На первыхъ порахъ новообразованной академіи произошелъ такой случай: «студенты пошумѣли за пищу съ инспекторомъ-экономомъ». Вслѣдствіе этого одни изъ зачинщиковъ шума, были «отданы въ солдаты безъ выслуги», другіе—«навсегда въ дьячки. Митрополитъ Амвросій сильно оскорбленъ былъ такимъ оборотомъ дѣла противу студентовъ и академіи».

Черезъ два года послѣ того, т. е. въ 1811 году (?) старшій братъ Виноградова, священникъ артиллерійскаго госпиталя, «пошелъ въ походъ съ петербургскимъ ополченіемъ». Виноградовъ проводилъ браťа съ глубокою скорбію, такъ какъ онъ помогалъ ему не только во всемъ матеріально, но и руководилъ имъ въ умственно-нравственномъ развитіи. По этому понятно, что извѣстія отъ брата были крайне желательны и пріятны. «Письма отъ него,—говоритъ автобіографъ,—проливали отраду въ сердцѣ моемъ: помнится, были онѣ изъ Полоцка, Юрбурга, Кенигсберга, Данцига. Которое-то изъ нихъ было писано на гербовой наполеоновской бумагѣ; письмо обрадовало, но бумага ввела насъ въ печаль и отчаяніе—мы подумали, что братъ въ плѣну, не внимая закону войны, что плѣнные не имѣютъ сей отрады до размѣна». Но, напрасно плакали мы о братѣ; не брата потерю чуяло боязливое сердце; дома носилась надъ нами грозная туча: батюшка хворалъ и неизлѣчимо». Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ритора Виноградова (онъ былъ въ это время въ риторикѣ) домой, въ Старую Ладогу, отецъ его скончался. Положеніе оставшихся членовъ семейства было въ высшей степени печально: по случаю продолжительной болѣзни покойнаго домашнее хозяйство разстроилось; были долги; а въ наличности оставалось 6 коп., вдова и четверо дѣтей. Въ числѣ послѣднихъ была дочь, взрослая дѣвушка; ее просватали за одного студента семинаріи, который долженъ былъ заступить священническое мѣсто покойнаго. Скоро, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благотворителей и при денежной помощи брата Виноградова, бывшаго въ походѣ, сыграли свадьбу. «Такимъ образомъ, говорится въ воспоминаніяхъ, совершилось въ домѣ нашемъ два противоположныя одно другому происшествія и почти въ теченіе 10-ти дней: погребеніе родителя и бракъ сестры. Сія послѣдняя статья, хотя сдѣлана противу обычая

нашей родины, но съ благословенія и даже по приказанію умершаго. Да не знаю—исполненіе обычаевъ не есть-ли принадлежность довольства и богатства? Кажется, тамъ нѣтъ мѣста этимъ причудамъ человѣчества, гдѣ царствуетъ нужда, которой служители приличій не видали и не вѣдаютъ. При обоихъ случаяхъ мы съ братомъ (среднимъ) были дома и просрочили. Позднее прибытіе братьевъ въ семинарію вызвало суровыя замѣчанія со стороны «добрѣйшаго и приснопамятнаго ректора Иннокентія», который былъ въ это время вмѣсто Порфирія».

Разнеслась вѣсть о приближеніи ополченія 1812 г. къ Петербургу. Виноградовъ не утерпѣлъ и отправился на Петергофскую дорогу встрѣтить любимаго брата. Однако же здѣсь онъ его не засталъ, а встрѣтилъ его уже на Исакіевской площади, гдѣ у собора происходило приготовленіе къ торжественной встрѣчѣ ополченія. Собраніе было многочисленное, митрополитъ съ духовными, военные, гражданскіе чины и все въ движеніи ожидало ратниковъ отечества. Напослѣдокъ приблизилось, но что? Частица той огромной массы народа, которая за два передъ симъ года двинулась противу непріятелей. Устроились около собора и приготовились къ молебствію....

«Бѣжавши за братомъ отъ Ульянки, мимоходомъ примѣтили мы, что многіе ополченные офицеры возвращались въ крайней бѣдности. Я видѣлъ офицеровъ въ рваныхъ сюртукахъ, въ неприличной и не цѣлой обуви,—и сіи бѣдные добровольные воины, можетъ быть, въ ранахъ, для укрытія себя отъ стыда, шли по сторонамъ дороги, опушкою лѣса. Сколько тутъ представлялось картинъ и радости, и неутѣшной скорби! Тѣ, срѣтясь съ родными возвратившимися, обнимались, лобызались, не помнились отъ внутренняго утѣшенія. Другіе, идучи срѣтить, не находили жданыхъ, и, узнавъ о смерти ихъ, предавались стѣнанію и воплями своими оглашали воздухъ. Въ томъ и другомъ случаѣ и постороннему зрителю невозможно было равнодушно переносить сцены сіи»!...

Въ бытность Виноградова уже въ богословскомъ классѣ семинаріи митрополитъ Амвросій оставилъ каѳедру и на его мѣсто поступилъ митрополитъ Михаилъ, а чрезъ нѣсколько времени послѣ этого, удаленъ былъ отъ должности ректора уважаемый Иннокентій. «Давно хотѣлъ онъ,—разсказываетъ Виноградовъ, воевать противу массоновъ и надѣялся остаться по-

бѣдителемъ, будучи увѣренъ въ чистотѣ ученія своего и святости своего замысла. Мы видѣли все сіе изъ открытыхъ его словъ въ классѣ. Открылся случай и по его сердцу. Нѣкто Станевичъ издалъ книгу: «плачь матери» и проч. Описалъ въ оной нестроенія и заразу, кои вноситъ Западная церковь въ Восточную и разительно изобразилъ жалкое состояніе православія. Поборникъ вѣры не долго думалъ и рѣшилъ, какъ цензоръ: «печатать позволяется»,—непредвидя хитростей эхидны, давно уже зіяющей противъ него злобою за смѣлыя его выходки, и не соразмѣряя силъ своихъ съ могуществомъ множества знатныхъ, покровительствовавшихъ массонамъ. Книга вышла въ свѣтъ съ разрѣшенія Иннокентія, и вышла скоро, между тѣмъ, какъ около пяти лѣтъ Станевичъ ходилъ съ нею по Москвѣ и Питеру, и ни тамъ, ни здѣсь цензора не позволяли ее обнародовать. Возстало массонское общество противъ смѣлаго цензора и дерзкаго сочинителя; обвинили ихъ въ нарушеніи мира церкви; донесли и рѣшено: сочинитель сосланъ, цензоръ удаленъ отъ должности, яко возмутитель церковнаго спокойствія. Что-то тутъ послѣ происходило тайно; потомъ назначили Иннокентія епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, вѣроятно по ходатайству вельможъ, его уважавшихъ.... Въ одинъ день приходитъ онъ въ классъ въ примѣтномъ смущеніи, въ необыкновенномъ парадѣ, со всѣми орденами и крестами, и, окончивъ членъ (membrum) тогдашнимъ урокомъ, сквозь слезы сказалъ намъ: «симъ членомъ оканчиваются мои уроки; новаго члена начинать не буду, чтобы не оставить головы безъ туловища». Мы остолбенѣли отъ словъ его; страхъ и отчаяніе овладѣли нами; слезы полились у всѣхъ горькія. Примѣтя все сіе, Иннокентій продолжалъ къ намъ: «да, братцы! учитесь терпѣнію,—я примѣръ вамъ. Если любите меня, благодарите Господа, что меня удаляютъ, но епископомъ; а по доносу долженъ былъ лишиться званія». Въ день его отъѣзда всѣ мы—студенты богословія пошли къ нему проститься, получить благословеніе и посмотрѣть на него, увы! въ послѣдній на землѣ разъ. Цѣлуясь съ каждымъ изъ насъ искренне и братски, «прощайте,— говорилъ онъ,—прощайте; братцы! Не поминайте лихомъ собаку (?) Иннокентія! Да возмите на память отъ меня по подарку». Съ сими словами вынесъ каждому по нѣскольку книгъ, присказавъ про свои сочиненія: «когда сочините лучше, сожгите

сіи негодныя». Два мѣсяца не болѣе жилъ онъ на епархіи. Смерть пресѣкла златые дни его, ко всегдашнему воспоминанію церкви и въ вѣчную укоризну мірской кривды..... Ибо что послѣ случилось? Годъ одинъ прошелъ послѣ блаженной кончины его, какъ Станевича, яко невиннаго автора, возвратили въ отечество, книгу, за которую пострадалъ праведный цензоръ, напечатали, яко полезную церкви и пустили во всеобщее употребленіе» [1]).

Послѣ Иннокентія ректоромъ назначенъ былъ архимандритъ Поликарпъ, при которомъ «кончилось ученое въ семинаріи поприще.» Но для Виноградова кончилось оно не совсѣмъ благополучно. Дѣло въ томъ, что прежде, во время экзаменовъ, воспитанниковъ спрашивали по билетамъ и каждый могъ обдумать напередъ свой отвѣтъ. На послѣднемъ же выпускномъ экзаменѣ поступлено было иначе. Митрополитъ Михаилъ, присутствовавшій на экзаменѣ, руководствуясь только краткимъ конспектомъ, задавалъ столь общіе вопросы, что на нихъ приходилось «читать цѣлую часть богословія.» «Такъ и мнѣ,—разсказываетъ автобіографъ, - въ удѣлъ досталось de angelis. И сіи angeli boni et mali перерядили меня изъ перваго, въ которомъ былъ у Иннокентія, во второй разрядъ.» Второразряднымъ воспитанникомъ онъ и закончилъ курсъ.

«Признаюсь, заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія о семинарской жизни, я много, весьма много обязанъ семинаріи. Благодарность заставляетъ молчать о чемъ нибудь на счетъ ея обидномъ. Но цѣль моя—воспоминаніе не запрещаетъ описывать и черную и бѣлую стороны. А потому скажу, что знаю, что замѣтилъ. Въ семинаріи, какъ и въ другихъ заведеніяхъ, три разные предмета встрѣчаются, на которые начальство должно обращать особенное свое вниманіе: нравственность, наука и экономія.

---

[1]) Вотъ одинъ случай бывшій съ Иннокентіемъ. Однажды Иннокентій съ Филаретомъ возвращались въ комнаты перваго; Иванъ (юродивый изъ инвалидовъ, брадобрѣй студентовъ) взявъ штофъ сивухи, которую употреблялъ иногда не умѣренно, сталъ въ дверяхъ, гдѣ должно было идти симъ знаменитымъ мужамъ, поднялъ штофъ и закричалъ: «два дурака въ одни ворота!» Симъ поступкомъ такъ разсерженъ былъ Иннокентій, что разбилъ штофъ и хотѣлъ непремѣнно наказать грубаго солдата. Но что сдѣлалъ юродъ? Онъ нарѣзалъ пропасть прутьевъ и принесъ къ Инокентію, когда сей былъ уже въ спокойномъ расположеніи духа, сказавъ: «На, сѣки, да знай, что здѣсь мало лѣсу, чтобы меня достойно за грѣхи наказать. Но бей, пожалуй, только не гнѣвайся». Иннокентій простилъ его. І. В.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи были вь дни наши сіи значительныя и достойныя вниманія обстоятельства.

«Мораль. Правда, безъ умолку кричатъ наставники во услышеніе питомцевъ: начало премудрости есть страхъ Господень! Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость. Но какъ далеки отъ достиженія сей прекраснѣйшей цѣли средства, ими употребляемыя. Они пріучаютъ любить добродѣтель не увѣщаніями трогательными и описаніемъ красотъ ея, но только страхомъ наказанія. И что пользы отъ сей неумѣстной палки на поприщѣ благочестія? Извѣстно, что рабъ не сынъ. Водясь страхомъ неключимаго раба, мы не только во младенчествѣ дѣлаемся рабами, но и въ жизни и службѣ—навсегда, касательно своихъ начальниковъ. Чрезъ сей значительный недостатокъ сколько теряетъ священникъ русской церкви, при всей своей образованности, предъ какимъ нибудь финскимъ или лютеранскимъ!.... Въ самомъ свѣтскомъ быту не много и немногіе выгадали наши, которымъ вздумалось въ кругу смѣлыхъ и оборотливыхъ смиренничать по монашески. Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость у насъ величается названіемъ смиренія. Низко кланяться, робѣть, трястись отъ страха предъ лицемъ ректора или инспектора, отвѣчать имъ не смѣло — вотъ признаки сей вредной добродѣтели. Теперь я не могу надивиться деспотизму семинарскому, когда узналъ корпуса и кадетовъ. Здѣсь не видалъ и, надѣюсь, не увижу никогда сему подобнаго. Кадетъ или питомецъ, видя начальника, отдаетъ ему честь должную, но говоритъ ему, какъ отцу, о своихъ нуждахъ прямо и смѣло,—здѣсь я вижу, что учащійся не забываетъ, что онъ человѣкъ. Не скажу, что въ корпусахъ все святость, да правда. Нѣтъ. И тутъ не безъ грѣховъ,—но мѣры къ истребленію другія, лучшія, благороднѣйшія и дѣйствительнѣйшія. Слыхалъ я, какъ какой нибудь генералъ въ звѣздахъ и крестахъ начнетъ выставлять вредъ шалостей и пользу благонравія; право, другому доктору богословія, со всею огромною теоріею, и въ голову не пришло бы такое сильное поученіе! Св. инокамъ довольно, кажется, что они носятъ имя попечителей нравственности, довольно что могутъ при семъ и пожить въ свое удовольствіе, и какъ имъ хочется. Невольно, а спросишь послѣ сего: сіи начальники не суть ли наемники, имъ же овцы не своя? Имѣя мало дѣла, и важнѣйшій своего званія предметъ

нравственность врученныхъ имъ дѣтей считаютъ они лишнимъ, или маловажнымъ. Отъ сего то небреженія что дѣлается съ тѣми, кои обречены на санъ священный съ дѣтства? Невинные, въ теченіе 6 или 7 лѣтъ, послѣ надзора родительскаго, чѣмъ становятся они въ училищѣ благочестія? Боже! Морозъ простирается по тѣлу, когда представлю себѣ прошедшее!...

«Науки. Извѣстно, что въ семинаріи преподаются науки, для духовнаго званія необходимыя. Учатъ здѣсь хорошо, основательно. Родила и она много людей отечеству и церкви полезныхъ. Способъ преподаванія все еще старый, исключая obiectiones et defensiones, которыми въ древности не только во время М. В. Ломоносова, но и въ 1807 году заставляли наполнять публичныя испытанія, а посѣтителей сидѣть и глядѣть на ученую брань. Схоластизмъ не вывелся. Богъ знаетъ не умѣютъ, или не хотятъ монахи передавать познаній своихъ? Кажется, они не нѣмцы, симъ только странникамъ на землѣ русской сродно таить отъ учениковъ своихъ многое, дабы не остаться имъ въ ней впослѣдствіи безъ куска и пріюта. Можетъ быть и правы: поелику ихъ самихъ такъ учили. Слава Богу! съ тѣхъ поръ, какъ ввелось новое образованіе по части духовной, покрайней мѣрѣ, примѣтно прекращаются варварства въ наказаніяхъ учащихся. Право, безъ ужаса и омерзѣнія нельзя вспомнить, какъ жестоко казнили ученика за erгог въ склоненіи.

«Экономія. Въ наше время часть сія столько же была худа, сколько совершенна и хороша при Израилѣ. Непонятно, отъ чего и отъ кого произошелъ такой упадокъ оной. Положеніе отъ казны было увеличено, оклады съ своекоштныхъ возвышены, а столовая и кухня были весьма въ непріятномъ тонѣ: неопрятность, дурной вкусъ, качество дешевыхъ и порченыхъ припасовъ—отличали оныя; все дурно, худо, чуть не скверно. Посмотрѣлъ бы кто на одѣяніе семинариста-студента, удивился бы убранству его. Мухояровой сюртукъ, шляпа кожаная, сапоги повисшія, штаны и куртка толстаго сѣраго сукна, очень похожія на уборъ тогдашнихъ будочниковъ—вотъ что украшало наружность нашу! Сюртукъ суконный только походилъ кое на что. О ближайшемъ же къ тѣлу, сиречь о бѣльѣ и говорить нечего. Если было цѣло оное, то такъ тонко и такъ нѣжно, какъ холстъ, что у добрыхъ людей по поламъ разстилается. О поношенномъ же скажу только:

часто въ банѣ видишь, какъ иной казеннокоштный студентъ какія нибудь лоскутки на тесемкѣ опоясываетъ кругомъ себя. Сознаюсь, что, пришедъ въ возрастъ, часто съ завистію глядѣли мы на слугъ богатыхъ господъ, одѣтыхъ лучше каждаго изъ насъ. Кажется, здѣсь нѣтъ мѣста пословицѣ: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ! Да, умъ дѣло скрытое... Но пословицу сію приводили намъ въ нравоученіе тѣ, кои одѣваются богато, не какъ отшельники міра сего; равно какъ о пощеніи и воздержаніи говорили часто намъ, а сами всегда ѣдятъ и пьютъ лучше, нежели міряне, и даже во дни поста великаго, держа питомцевъ на сухоядѣніи, сами питаются стерлядями и шампанскимъ. Deus sit cum illis.

«Такимъ образомъ, унизительное состояніе по наружности и убитый рабствомъ духъ—не были причиною добра будущаго. Не касаясь многаго, себя разсматриваю... А товарищи? У насъ порокъ гнуснѣйшій Sobrietas—былъ въ похвальбѣ. Qui plus bibat, молодецъ,—какъ въ древности у Грековъ, во времена варварства и геройскихъ подвиговъ! De cauponis, de... taceo. И это—то дѣется подъ надзоромъ святыхъ въ мірѣ ангеловъ! Господи! сколько потеряно тутъ первой младенческой доброты!... Но я по гробъ мой соблюду мою благодарность къ семинаріи, которая, конечно, не виновна въ такомъ превращеніи. Ибо почему же она не имѣла сихъ бѣдъ при Израилѣ? Почему Иннокентій умѣлъ употреблять мѣры сильныя къ истребленію золъ подобныхъ? Теперь, (1836 г.) говорятъ, все улучшилось. Но кто придумалъ, кто изъ монаховъ озаботился перемѣною? Никто. Самъ царь-батюшка узналъ, послалъ, велѣлъ.»

II.

Вскорѣ по окончаніи курса, Виноградовъ назначенъ былъ учителемъ въ ямбургское уѣздное училище; при этомъ ему выдано было изъ казны 50 р. «на обзаведеніе». Сборы въ дорогу были не продолжительны: «кромѣ скуднаго гардероба, я взялъ,—говоритъ автобіографъ—мои шпаргалы, мои книжечки, да сообразуясь съ назначеніемъ мнѣ учительской должности, у знакомыхъ и друзей выпросилъ географію, катихизисъ пространный Платона, Cornelium Nepotem и прочей учебной рухляди. Груст-

но было разставаться съ семинаріей и товарищами, съ которыми 12 лѣтъ слишкомъ проведены въ дружбѣ, ссорахъ, занятіяхъ, забавахъ, секретахъ единодушныхъ.»

По пріѣздѣ въ Ямбургъ, новоопредѣленный учитель встрѣченъ былъ радушно и ласково ректоромъ училища. «Послѣдній, былъ не изъ ученыхъ, но опытомъ умудренъ, аккуратенъ во всѣхъ дѣлахъ, скроменъ и воздерженъ отъ пустословія, благодѣтеленъ и милосердъ къ проступкамъ подчиненныхъ. Въ 37 лѣтъ правленія его уѣздомъ симъ не было въ консисторіи 37 дѣлъ по оному. Какая рѣдкая черта. Ночевали въ ассигнованныхъ квартирахъ, въ большомъ училищномъ домѣ, противу фабриканта Либа, которыя послѣ и скоро перемѣнены, по указу государя,[1]) въ новый и прекрасный домъ, собственно для училища духовнаго».

Придя въ классъ, новый учитель замѣтилъ въ числѣ учениковъ довольно пожилаго человѣка, съ бородкою. «Еще невѣжество противляется благотворнымъ мѣрамъ просвѣщенія,— замѣчаетъ по этому случаю автобіографъ,—и сіи бѣдные, полустарые дѣти чрезъ полицію выведены изъ тьмы домосѣдства въ свѣтъ ямбургскаго образованія, чтобы постигнуть тутъ премудрость чтенія и пѣнія, а чрезъ сіе не быть извергнутыми изъ своего званія и взятыми властью гражданской въ военную службу. Такое добро не пахнетъ для солдатства доброхотствомъ властей духовныхъ.» Виноградовъ былъ законоучителемъ, преподавалъ географію, латинскій языкъ и занималъ должность библіотекаря; жалованья получалъ 400 руб. въ годъ. Впрочемъ, денежныя средства его скоро увеличились, такъ какъ онъ, по случаю трехъ сказанныхъ имъ проповѣдей, «успѣлъ снискать расположенность у первостепенныхъ города Ямбурга»,—и вслѣдствіе этого, получилъ нѣсколько частныхъ уроковъ. При всемъ томъ, скромное хозяйство Виноградова какъ-то не клеилось: расходу и хлопотъ много, а толку мало... «Неудобство сіе, замѣчаетъ автобіографъ,—и напрасное хлопотанье о необходимости, и частыя неудовольствія заставили помянуть русскую пословицу: люди для щей женятся.» Виноградовъ женился.

---

[1]) «Замѣчательно, что когда Либъ просилъ государя Александра объ освобожденіи того дома отъ училища для занятія фабрикою, его величество написалъ: «фабрикъ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ церкви пастырей, а безъ фабрикъ можно обойтись.» І. В

Вспоминая о жизни въ Ямбургѣ, Виноградовъ указываетъ на нѣкоего Кошкина. «Старикъ Яковъ М.... Кошкинъ привиллегированный механикъ, золотой медали на шеѣ кавалеръ, лицо замѣчательное. Родомъ онъ изъ Олонца, ремесломъ по началу плотникъ. Сдѣлавъ первый столярной работы ящичекъ швейный для какой-то купчихи, получилъ за оный мѣдными пятаками 25 коп. Съ симъ богатствомъ онъ началъ жить, нажилъ себѣ домовъ семь, между коими два были каменные въ столицѣ, прочіе деревянные, но при мельницахъ—его занятіи. Медаль и званіе получилъ онъ случаемъ, въ коемъ открылись его отличные таланты—именно: когда въ александровской мануфактурѣ иностранцы предполагали устроить новыя машины и на сей случай пожаловала государыня Марія Өедоровна, то Кошкинъ, бывшій въ артели у подрядчика плотникомъ, узнавъ о совѣтѣ семъ, побѣжалъ въ собраніе; его не пускали; онъ началъ толкаться и наконецъ закричалъ: «Матушка! тебя обманываютъ»! государыня велѣла его допустить, выслушала его резоны, подала ему руку, а онъ, вмѣсто того, чтобы лобызать оную, сжалъ своею рукою; ея величество приказала объяснить ему, какъ бы поправить машину, которую предполагали передѣлать, что составляло около 100-т. рублей издержки. Кошкинъ, при ней же, пошелъ, поправилъ винты и что находилъ нужнымъ—машина двинулась. Огорченная обманами государыня потрепала его по плечу, назвавъ механикомъ и присовокупила, что она поручаетъ ему дѣлать другую новую машину. Все это Кошкинъ сказывалъ мнѣ самъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать; но всегда лучше и прочнѣе строилъ мельницы и машины, нежели «ученые дураки», какъ онъ именовалъ сыновей своихъ-механиковъ. Если что хотѣлъ имѣть онъ въ памяти, то писалъ въ биркахъ: это было его pro memoria.»

Небезъинтересенъ также и слѣдующій разсказъ Виноградова: «отецъ Александры Максимовны Медвѣдевой—близкой родственницы моей жены,—былъ оффиціантомъ при дворѣ Екатерины II. Въ его дежурство учинилась пропажа нѣсколькихъ серебрянныхъ сервизовъ, и бѣдный дѣдъ (послѣ мой былъ), котораго я видывалъ, разжалованъ въ солдаты, лишившись всего своего имѣнія, которое записали въ казну. Семейство пришло въ крайность. Однажды сынъ дѣда—мальчикъ, самъ-ли, или посланъ кѣмъ изъ домашнихъ, взявъ кота, пошелъ продать его на рынкѣ, чтобы хотя

немного купить хлѣба. Ему встрѣтился баринъ, спросилъ его—куда и зачѣмъ несетъ онъ кота? Узнавъ же цѣль путешествія малютки и все, взялъ его къ себѣ, привелъ и куда? въ зимній дворецъ. А кто былъ баринъ? императоръ Александръ! За кота дано 25 руб, генералъ-адъютантъ посланъ въ квартиру бѣдности для освидѣтельствованія;—послѣ семейство призрѣно, а продававшій кота, за бойкость и расторопность предъ государемъ, принятъ въ придворную службу.»

Послѣ трехъ-лѣтняго учительства въ Ямбургѣ, Виноградовъ опредѣленъ былъ діакономъ къ Андреевской церкви, на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ.

Въ 1823 году Виноградовъ имѣлъ случай познакомиться съ В. Е. Клоповымъ, который доставилъ ему потомъ учительское мѣсто въ Горномъ корпусѣ, съ жалованьемъ по 250 руб. въ годъ за преподаваніе свящ. исторіи. «Клоповъ былъ преобразователемъ всего хода учености въ Горномъ корпусѣ. Онъ основалъ новый прекрасный порядокъ по сей части, самъ избирая и учителей, вмѣсто бывшихъ староманерныхъ.»

«1824 года марта 18-го. Получилъ я еще кондиціи во вновь открытой Горнозаводской школѣ, основанной графиней Софьей Владиміровной Строгоновой. При открытіи говорилъ я рѣчь, которая напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина.» Въ упомянутой школѣ Виноградовъ получалъ жалованья по 600 руб., а въ корпусѣ, съ августа мѣсяца, въ званіи законоучителя, по 1,200 руб.

«Къ сему времени отнести должно изданіе двухъ указовъ: первый изъ нихъ былъ о небритіи усовъ духовенсту; второй касательно платья и одѣянія женъ и дѣтей духовныхъ. Оба по настоянію митрополита Серафима.»

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12-го часа по полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ, посѣтилъ Петербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ. Кратко было оное; но ужасно и гибельно. Съ означеннаго часа до двухъ по полудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день ранѣе, лилась быстро и обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи, и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ, было оной до цѣлой печатной сажени; между тѣмъ, какъ 1747-го года наводненіе помнив-

шіе увѣряли, что тогда въ семъ дворѣ воды было менѣе ¼ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обоихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошади тонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе укрыться куда нибудь, цѣплялись по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпряженныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и наконецъ какимъ-то инстинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исканное спасеніе. Корова, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Домы и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ жившіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопяхъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библія, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣлѣла, какъ бы на устроенныхъ для каждаго тома столбикахъ. Ломберный столъ — выѣхалъ изъ зала чрезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ цѣлости, угнѣздилась въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которыя въ тотъ день были топлены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» «Я пришелъ, в. с—во, поплакать о участи согражданъ»,—отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ

же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ разсказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣстъ сюда. Не по далеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ преширокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напослѣдокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицемъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый почти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ, дровъ и проч. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и недостало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши —что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемыя утраты».

«Можно ли при семъ съ душевною благодарностію не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личностію своею утѣшалъ несчастныхъ, въ самую грозу переплывъ Неву и жилъ на островѣ около четырехъ сутокъ; по мановеніи его явились средства къ облегченію участи разорившихся. Паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, у насъ на острову открылись дома для пріюта и питанія; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го мать всѣхъ бѣдныхъ - императрица Марія — открыла новыя убѣжища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспитателей.

«Прибавлю нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

«Покойникъ, похороненный за два дня до наводненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробѣ въ свою квартиру, гдѣ жилъ.

«На чердакѣ дома, плававшаго по взморью, найдены два младенца въ люлькѣ, преспокойно спящіе.

«Діаконъ Ал. Андреичъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, коею былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головою сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда съ женою, гдѣ и дождался убыли водной».

III.

Въ маѣ 1825 г. діаконъ Виноградовъ посвященъ былъ въ санъ священника къ церкви при императорской академіи художествъ.

«Въ 1825 г. ноября 27-го, въ два часа пополудни столица наполнилась горестію и воплемъ, по причинѣ кончины единственнаго изъ царей Россіи Александра Павловича, послѣдовавшей 19-го сего мѣсяца въ Таганрогѣ, куда отъѣхалъ онъ для поданія облегченія болящей супругѣ своей государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

«28-го дали мы присягу великому князю цесаревичу Константину Павловичу, яко императору. Церемоніалы сіи вездѣ прошли тихо и смирно; но передъ грозою, о которой слѣдующее, яко видѣнное, разскажу:

«Съ 28-го ноября по 14-ое декабря, продолжалась сія сомнительная страшная тишина. 14-го декабря пребудетъ незабвеннымъ для столичныхъ жителей и для Россіи. Отъ утра до ночи темной въ сей день было вотъ что. Мы все ждали на тронъ царя Константина и не помышляли о предстоявшей грозѣ. Утромъ рано прислана изъ консисторіи повѣстка о томъ, чтобы духовные собрались въ свои церкви въ 9-ть часовъ и ждали тутъ распоряженія свѣтскаго начальства (Слава ангелу-хранителю Россіи, что о такомъ распоряженіи не знали мятежники!). Смущаемый какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, въ 5-ть часовъ сего злополучнаго утра, отправился

я къ нашему президенту [1]), въ надеждѣ узнать отъ него, когда онъ, какъ начальникъ нашего заведенія, будетъ въ церковь. На берегу Невы, близь Исаакіевскаго моста, настигъ меня унтеръ-офицеръ Финляндскаго полка и подъ рукою разсказалъ мнѣ, что ночью офицеры ихъ были собраны генераломъ Шеншинымъ и что-то шумѣли. Это усугубило мое разстройство. Не видѣвши бѣдъ подобныхъ, но изъ исторіи зная оныя, я боялся и молилъ Промыслителя, да несетъ онъ мимо отечества горести!... Алексѣй Николаевичъ поздравилъ меня съ новымъ государемъ Николаемъ, объявивъ, что цесаревичъ отрекся отъ престола. Послѣ сего, поговоривъ не много, приказалъ мнѣ въ церкви ожидать его. Возвратясь домой, я приводилъ въ исполненіе приказанія сіи, не думая ничего, кромѣ присяги, подобной Константину; но было не такъ: мятежники воспользовались случаемъ. Всѣ служащіе въ академіи, равно какъ и всѣ воспитанники собрались въ церковь въ 9-ть часовъ и ожидали начальника до половины втораго,—его не было: онъ въ числѣ вельможъ остался во дворцѣ, по причинѣ смутности, происшедшей въ войскѣ, какъ послѣ о томъ узнали. Между тѣмъ мы, въ сомнѣніи и нетерпѣливости, пошли на берегъ, въ надеждѣ узнать, что дѣлается на той сторонѣ? Страшный шумъ народа на Петровской площади, у памятника Петрова, раздающійся во всѣ концы столицы, былъ отвѣтомъ нашему печальному любопытству. Переходящіе съ той стороны на нашу, изъяснялись предъ нами разно: напримѣръ, одинъ говорилъ: «цесаревичъ прибылъ, народъ у Сената кричитъ, чтобы и жена его Конституція была царицей», другой: «Михаилъ Павловичъ поѣхалъ въ Сенатъ; народъ поздравляетъ его съ царствомъ!» Такъ понимала чернь тотъ обширный замыселъ, который затѣвали образованные мятежники! Наконецъ, нѣкоторые изъ нашихъ рѣшились пойти на ту сторону узнать яснѣе и подробнѣе, нежели слушать такое странное и разнородное плетеніе. Но любопытнымъ досталось было: иныхъ потащили въ каре бунтующихъ, а одному почетному чиновнику за ослушаніе попался сильный толчекъ, болѣе бы получилъ, да Рылѣевъ закричалъ: «не тронь,—это артистъ». Шумъ становился сильнѣе; вмѣсто прибытія своего г. Оленинъ прислалъ приказаніе идти по квартирамъ, запереть окна

[1]) Начальнику академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину.

и двери. Вслѣдствіе чего, торопясь домой, на улицѣ встрѣтился я съ женою и дьяконицею, при коихъ было по дочери; онѣ шли на церемонію къ Сенату, гдѣ, какъ имъ сказано, народъ поздравлялъ в. кн. Михаила! Вечерѣло и темнѣло уже, какъ дошла до насъ печальная вѣсть, что военный генералъ-губернаторъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтовщиками, что усовѣщивали безумцевъ митрополиты и возвратились безъ успѣха; говорили также, что въ толпахъ сихъ народовъ командуютъ люди странно одѣтые, что ранили адъютанта Я. Ив. Ростовцева, Фридерихса, Шеншина и проч. и проч. При сихъ новостяхъ овладѣли нами слезы, страхъ и боязнь. Приближавшаяся темнота страшила всѣхъ вящимъ несчастіемъ и губительствомъ. Разсыпались картечи, и гдѣ безумцы!! Ихъ не стало, только площадь, только Галерная улица, стѣны Сената... обличали ихъ, укоряли ихъ и оставили вѣчную память о мятежѣ! Несчастные солдаты! можно сказать—они невинны. Мнѣ самому клялись они (нѣкоторые), что ничего не знали, и даже не понимали, куда и на что вели ихъ начальники. У меня во дворѣ было ихъ много; не знаю, какъ они забѣжали, когда началась стрѣльба; я уговорилъ ихъ возвратиться къ своему мѣсту — и добренькіе послушались совѣта. Не забуду, что въ канунъ славной, но горькой смерти графа М. А. Милорадовича, я видѣлъ его въ Казанскомъ соборѣ, на панихидѣ по Александрѣ I-мъ, онъ горько плакалъ. Увы! на другой день и объ немъ сограждане проливали горькія слезы. По разсѣяніи крамольниковъ, ночью загорѣлись костры по Острову, устроились пикеты. Страшенъ былъ день сей, не радостна была и ночь сія!...

«15-го декабря была новая присяга нынѣ (1836 г.) царствующему государю Николаю Павловичу. Сердца успокоились. Въ этотъ день на Петровской площади видѣлъ я sanguinis multa signa и смотрѣлъ какъ щекатурили сенатскую стѣну, испещренную пулями.

«1826 г., марта 6-го, встрѣтили мы тѣло государя Александра въ Чесмѣ и оттуда провождали оное до Казанскаго собора. Отселѣ 13-го числа вынесено оное въ Петропавловскій соборъ, гдѣ и погребено. Сто пушечныхъ выстрѣловъ огласили городъ сею печальною вѣстію въ тотъ день; но біеніе сердца русскаго

ручается, что имя Благословеннаго будетъ долго въ Россіи и другихъ съ оною соединенныхъ странахъ».

16-го марта О. Виноградовъ прекратилъ уроки въ горномъ корпусѣ, а въ іюнѣ опредѣленъ былъ къ Гатчинской придворной церкви, «какъ священникъ ученый, честный, могущій сдѣлать честь мѣсту».

1827 года, іюня 21-го лично объявлена была о. Виноградову отъ митрополита благодарность по поводу присланнаго къ нему отъ государынина имени письма, въ которомъ было сказано: «за опредѣленіе къ Гатчинской предворной церкви достойнаго священника, коимъ Ея В. очень, очень довольна». Владыка восхищенъ былъ; «да,—сказалъ онъ мнѣ,—вѣдь это пишетъ не простая барыня, царица, мать императора». 9-го октября о. Виноградовъ былъ произведенъ въ протоіерейскій санъ.

«1828 г. октября 1-го въ послѣдній разъ служилъ я при лицѣ государыни литургію, съ пѣвчими воспитательнаго дома, подносилъ ей просфору и слышалъ драгоцѣнныя слова ея: «покорно благодарю васъ, батюшка! Вы служите очень хорошо. Я не прощаюсь съ вами; скоро увижусь опять, черезъ пять дней буду сюда».

«24-го октября, въ 3 часа по полуночи, переселилась въ вѣчность государыня Марія Ѳеодоровна, благодѣтельница общая, которая много чаянія и надеждъ нашихъ унесла съ собою. Примѣчательно: генералъ Шпенгеръ мнѣ говорилъ, что государыня дѣла милосердія окончила мною, именно подписавъ сто рублей на похороны жены моей (умершей 2-го октября), болѣе уже ничего не писала. А въ канцеляріи узналъ, что и начала она благодѣянія тоже со священника.

«1829 г., января 14-го, имѣлъ я счастіе встрѣчать государя Николая Павловича въ придворной церкви и съ нимъ говорить. Это было въ первое его посѣщеніе Гатчины по смерти родительницы. Послѣ сего случая высочайше пожалована намъ крестовая ризница.

«1830 г. Въ семъ году появилась въ Россіи губительная холера. И по сю пору (1836 г.) никто кажется не далъ яснаго понятія о заразѣ сей, хотя мудрая медицина многая множества написала умствованій. Умирали скоро въ страшныхъ мукахъ, сопровождавшихся рвотою, поносомъ и корчами. Итакъ умерло очень много какъ въ столицѣ нашей, такъ и въ иныхъ мѣстахъ отечества...

«Но, къ удивленію и сожалѣнію, въ умахъ чернаго народа родилась ядовитѣйшая зараза: они не видѣли и не хотѣли видѣть въ столь всеобщемъ несчастіи руки Божіей, карающей за грѣхи; напротивъ, они были увѣрены, что смертность сія происходила отъ враговъ, истребляющихъ ихъ сословіе какими-то зеліями, въ водѣ и въ пищѣ, ими употребляемыхъ; никто не могъ разувѣрить ихъ въ мнѣніи, будто колодцы наполнялись ядомъ, будто рѣки текущія имѣли заразительные способы отъ враговъ сихъ. Такая страшная мысль, такое умственное омраченіе превратилось скоро въ возмущеніе и люди изъ черни, превратясь въ сущихъ извергõвъ, мученически сгубили многихъ начальниковъ и благодѣтельныхъ врачей. Такое приключеніе сотворилось въ поселеніи,—и въ бѣдной столицѣ почти тоже начиналось. Вообще въ холерѣ замѣчена болѣзнь не столько тѣлесная, сколько нравственная. Какъ бы тутъ кстати были проповѣди!... Но... всѣ златоусты, говоруны и хвастуны—ораторы духовные и свѣтскіе молчали, будто какъ нѣмота овладѣла ими. Правда, они не привыкли пользоваться такими случами. Это обстоятельство не столь выгоднымъ для нихъ казалось, какъ написать проповѣдь или стишки, или иное что на рожденіе... За то большую пользу принесло всеобщее увѣщаніе [1]), отъ синода посланное. Право, три раза прочитавъ сіе прекрасное, (но весьма позднее) сочиненіе, поневолѣ прекратили чтеніе, которое должно было продолжаться около нѣскольких мѣсяцевъ. Одинъ умный человѣкъ, выходя изъ церкви нашей, слышалъ разговоры трехъ разнаго сорта людей о сей проповѣди, именно вотъ что:—первый говорилъ: «что это протопопъ читалъ? Кажется, проповѣдь,—да не свою, печатную и что-то поминалъ холеру; видно она была не въ шутку, вишь и въ церкви-то читаютъ»; другой: «локоть близко, да не укусишь; сначала пощупали по военному, потомъ въ церкви начали»; третій: «точно, братъ, въ колодцы кидали ядъ, слышалъ ли ты, какъ и въ проповѣди о томъ говорено?» Какъ бы, прибавлю, полезны были предварительныя слова въ самомъ началѣ эпидеміи. Нѣтъ, у насъ догадки не было! Вспомнишь, то же было и во время потопа: точно какъ всѣ проповѣдники утонули!

«1831 г., іюля 31-го, церемоніально встрѣтили мы тѣло госу-

---

[1]) Оно наслано по утушеніи бунтовъ, и почти послѣ холеры. І. В.

даря цесаревича Константина Павловича, скончавшагося въ Витебскѣ, отъ холеры».

«Въ семъ же году явился въ Гатчину преобразователь старой пономарской, и послѣ оной бывшей въ употребленіи ландкастерской методы обученія, на методу Жакото. Въ газетахъ было пропечатано, что случай вдохнулъ ему мысль сію: онъ въ ночи прочелъ цѣлую книгу, принадлежавшую какому-то его знакомцу, отправлявшемуся въ путь, и это скороспѣшное прочтеніе явило міру гатчинскому удивительное свѣтило. Но... кажется не удалась выдумка. Метода Жакото, по мнѣнію моему, есть то же, какъ еслибы можно было жидкость мірской мудрости всю перелить сквозь воронку, поставленную въ темя учащагося! По ней ребенокъ сначала судитъ, потомъ читаетъ, а послѣ буквы познаетъ. Сія метода есть варварство учащимъ, мука страшная учащимся. Незнаю долго ли будетъ существовать оная? Но продолженіе ея не соотвѣтствуетъ громкому и славленному началу: et finis coronat opus.»

«Октября 1-го великій государь [1]), узнавъ о побѣдѣ надъ поляками, послѣ уже обѣдни, въ радости сказалъ: «мы сегодня въ гостяхъ у русскихъ солдатъ»,—и съ симъ велѣлъ подать то, что пьютъ воины, и самъ всѣхъ, даже дамъ, подчивалъ онымъ.

«1833 г., 22 іюля, погода была довольно сырая и студеная въ ночи, не смотря на то, государь не ночевалъ во дворцѣ, а въ своей лагерной палаткѣ, недалеко отъ конюшенъ кирасирскихъ, на углу площади, по которой 60 тысячъ войска бивуаками расположено было. Утромъ вышедъ въ сюртукѣ, и перекрестясь, привѣтствовалъ воиновъ поклономъ, безъ фуражки, сказавши: «холодненько, ребята!» «Нѣтъ, В. И. В., рады стараться»,—раздалось въ отвѣтъ.

«Въ 1835 году, послѣ присутствія на маневрахъ въ Гатчинѣ, 7-го іюля, государь инкогнито сдѣлалъ домикъ деревенскій гдѣ-то у Петергофа, самъ перерядился въ бѣднаго отставнаго старика воина, одѣвъ въ рубища своихъ сыновей и дочь, и принималъ тутъ царицу-супругу, которая совсѣмъ не узнала его!»

Въ концѣ этого года протоіерей Виноградовъ отправился на родину, въ Старую Ладогу.

---

[1]) Въ это время государь былъ въ Гатчинѣ. І. В.

Повидавшись съ нѣкоторыми родными и знакомыми, онъ со своими спутниками отправился обратно. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новой Ладоги, въ селеніи Дубнѣ, они остановились у родственниковъ. Въ этомъ селеніи посѣтили они домикъ съ надписью: «здѣсь безсмертной славы знакъ». Дѣйствительно, въ немъ хранятся вещи достопамятныя: 1) ботикъ со всею оснасткою, на которомъ Петръ Великій по прокопанному началу канала изволилъ кататься и 2) двѣ лопатки, простыя желѣзныя, съ деревянными палками, одна—его же государя Петра Алексѣевича, другая—цесаревны Анны Петровны. Сими инструментами особы сіи, показывая примѣръ подданнымъ, начали, какъ говориться, своеручно рыть Ладожскій каналъ. Домикъ, хранилище сихъ вещей, довольно хорошо отдѣланъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Затѣмъ въ Орѣшкѣ (Шлисельбургѣ), разсказываетъ автобіографъ, ходили мы въ соборъ, гдѣ видѣли рѣдкости: св. евангеліе и крестъ. Первое напечатано и обложено при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ, и оба подарены церкви сей великимъ завоевателемъ Ключа города (Shlüsselburg). Недоѣзжая до Аннинскаго, одно мѣсто замѣтили мы: нѣсколько сосенъ, обнесенныхъ чистенькою оградою, мѣсто нарицаемое «красная сосна». Говорятъ, что побѣдитель шведовъ, Петръ I, здѣсь сидѣлъ въ ожиданіи извѣстія о рѣшительной сдачѣ Орѣшка».

Воспоминанія свои протоіерей Іоаннъ **Виноградовъ** заканчиваетъ разными религіозно-нравственными размышленіями по поводу своей жизни.

Сообщ. въ 1874 г. **М. И. Платонова.**

(Рожд. **Виноградова**).

ДНЕВНИКЪ ПАСТОРА ГУБЕРА

съ 6-го по 31-е августа 1830 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

6-го августа 1830 г., въ одиннадцатомъ часу ночи, я только что воротился домой (въ Саратовъ) съ официальной поѣздки въ N. Въ это время, въ домѣ у меня находился пасторъ Конръ, легшій уже спать, онъ преполагалъ на другое утро отправиться въ обратный путь. Жена моя еще не ложилась, да и Конръ всталъ, чтобы еще поговорить со мною. Вскорѣ мы заговорили о сильно занимавшемъ насъ официальномъ извѣстіи, что болѣзнь cholera morbus появилась въ Астрахани и страшно свирѣпствуетъ. Потребованы были врачи. Послѣ этого извѣстія пришло другое, что болѣзнь подвигается вверхъ по рѣкѣ Волгѣ, съ юга, какъ въ прошломъ году она двигалась съ востока, и съ быстротою молніи приближается къ нашей губерніи, къ тому-же характеръ ея самый злокачественный. Были уже извѣстія, что эпидемія открылась въ Царицынѣ и въ Дубовкѣ. Тотчасъ-же отправились туда вице-губернаторъ, инспекторъ по врачебной части, операторъ и госпитальный докторъ. Но уже 6-го числа вечеромъ прошелъ слухъ, что трое пріѣзжихъ изъ Астрахани заболѣли холерою и отправлены въ госпиталь. 7-го числа говорили, что всѣ эти больные умерли, а за тѣмъ нѣсколько другихъ заболѣли такъ жестоко, что очень скоро умерли, отчего обыватели приведены въ какой-то тупой ужасъ, особенно живущіе во 2-мъ кварталѣ Саратова, по близости Волги. Но на слѣдующій день эпидемія перешла и въ 3-й и въ 1-й кварталы, а госпиталь, говорили, такъ переполненъ заболѣвшими, что уже негдѣ ихъ класть и всѣ они, въ промежутокъ времени отъ 6 до 12 часовъ, умираютъ отъ рвоты, поноса и судорогъ, отъ которыхъ тѣло синѣетъ. Бѣдствіе это грянуло такъ быстро и неожиданно, что нельзя было и помыслить о принятіи какихъ либо мѣръ. Исправляющій должность губернатора и почти всѣ врачи были въ отсутствіи, отправившись на встрѣчу злу, которое думали отвратить отъ Саратова; а оно уже было

тутъ, прежде нежели успѣли принять мѣры противъ него, хотя никому не было извѣстно, какія должны быть мѣры. Сначала не вѣрили ни въ большую опасность, ни въ прилипчивость болѣзни; теперь-же сила эпидеміи обнаружилась множествомъ жертвъ и всѣ доктора утверждаютъ: эта болѣзнь не чужда заразительности, она не только эпидимическая, но и прилипчивая; иначе отчего-бы цѣлымъ деревнямъ и не слышать о болѣзни, а въ Саратовѣ мало мальски больной человѣкъ непремѣнно страдаетъ нѣкоторыми холерическими припадками?

Сначала всякаго заболѣвшаго изъ простонародья, не давая опомниться, тащили въ госпиталь. Госпитальный докторъ находился въ командировкѣ; замѣнившій его врачъ былъ незнакомъ съ расположеніемъ больницы, мало что смыслилъ; не было ни помощниковъ, ни фельдшеровъ, ни даже приготовленныхъ медикаментовъ, наконецъ не хватало и помѣщенія для ежеминутно прибывавшаго числа заболѣвающихъ. Врачи вѣроятно знали самый родъ болѣзни, но въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась у насъ и какъ ее лечить, это было для нихъ темно, потому что средства, помогавшія въ другихъ случаяхъ больнымъ, тутъ не имѣли никакого дѣйствія. Употребляли кровопусканіе, давали пріемы merc. dulc. или laudan. liquid., пускали въ ходъ втиранія всякаго рода, но сначала ни что не спасало больнаго отъ смерти. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ употребленія надъ больными и во время, и съ величайшею точностью всѣхъ предписанныхъ средствъ; но пока болѣзнь еще усиливалась, и больной былъ пораженъ ею въ высшей степени, то ему положительно ни чѣмъ нельзя было помочь. Когда вскорѣ заболѣли всѣ четыре бывшіе на лицо доктора (два умерли здѣсь, а другіе два на пути въ Царицынъ и въ самомъ этомъ городѣ), и не смотря на кровопусканіе, подверглись судорогамъ, поносу и т. д., и одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ, не смотря на поданную ему всевозможную помощь,—тогда все исполнилось ужаса, страха, боязни и уныния. Кто только могъ бѣжалъ изъ города; этому никто и не мѣшалъ, потому что болѣзнь не считали заразительною. Помѣщики, не состоявшіе на службѣ, бѣжали въ свои деревни; туда же—слуги и разный рабочій людъ; также случайные обыватели изъ русскихъ, нѣмцевъ, татаръ и др. Такимъ образомъ приходъ мой, считавшій 7-го августа до 550 человѣкъ, къ къ 10-му числу убавился на полтораста. Ничто такъ не пугало нашихъ колонистовъ, какъ образъ дѣйствія полицейскихъ служителей, которые исполняли данныя имъ приказанія не только буквально, но и грубо. Переходя изъ дома въ домъ, розыскивая больныхъ, силою хватали заболѣвшихъ простолюдиновъ и тащили ихъ въ больницу, гдѣ ожидала ихъ смерть, за недостаткомъ помощи и ухода. Колонисты

бѣжали въ свои деревни. Говорятъ, многіе изъ нихъ умерли на дорогѣ, другіе далѣе распространили болѣзнь.

Съ 7-го до 20-го августа болѣзнь усиливалась невѣроятнымъ образомъ, сохраняя свой смертельный характеръ. Жертвы ея съ каждымъ днемъ увеличивались отъ 4-хъ до 5-ти, до 12-ти, 40, 80, 120 и 200 человѣкъ, наконецъ въ одинъ день умерло до 260. Въ обратномъ же отношеніи число жертвъ стало потомъ уменьшаться. Всего по 30-е августа умерло до 2170 человѣкъ. Не ранѣе 26-го числа люди могли нѣсколько вздохнуть при видѣ уступающей опасности. Но еще сегодня, 31-го августа, смерть напомнила о себѣ; все же она удаляется (1-го и 4-го сентября умерли еще двое дѣтей). Весь іюль мѣсяцъ, вплоть до августа, погода стояла жаркая до чрезмѣрности, а ночи на открытомъ воздухѣ были прохладныя; за то въ домахъ мы все также потѣли, какъ въ банѣ; днемъ и ночью мы находились въ испаринѣ и мучились жаждою, не говоря уже объ общемъ разслабленіи. Грозы были рѣдки, еще рѣже дожди, да и тѣ не прохлаждали, потому что зной солнечный въ одну минуту изсушалъ землю. Подготовленные такимъ образомъ, мы заразились холерою первоначально отъ бурлаковъ, прибывшихъ съ Каспійскаго моря въ Астрахань, отсюда въ Царицынъ, Дубовку и Саратовъ. Такіе же бурлаки, изъ которыхъ двое были высажены, впослѣдствіи занесли эпидемію въ нижнюю колонію нагорной стороны Волги, гдѣ умерли Давидъ Квинтъ и другіе. (Такимъ же образомъ въ прошломъ году, болѣе обильнымъ дождемъ, холера была занесена изъ Бухаріи въ Оренбургъ; а еще увѣряютъ что она не заразительна). Но по причинѣ-ли лучше устроеннаго карантина, эпидемія не распространилась далѣе. Говорятъ также, что врачъ колоніи пустилъ въ той мѣстности кровь 400 колонистамъ, которые его о томъ просили. Эпидемія занесена также въ Вольскъ, въ казацкую слободу напротивъ Саратова и въ Лѣсной Карамышъ заѣзжими лицами, и все-таки увѣряютъ, что болѣзнь не заразительна. Однако страшные слухи объ опустошеніяхъ въ той мѣстности, къ счастію, не оправдались въ такой высокой степени, а въ Сарептѣ, гдѣ устроены надежные карантины, не было ни одного смертнаго случая. Теперь слышно, что холера снова появилась въ Оренбургѣ и сильно свирѣпствуетъ. Дай Богъ, чтобъ это были ложные слухи. И въ наши сосѣднія деревни бѣдствіе проникло, но тамъ оно дѣйствовало тише, нежели здѣсь у насъ сначала.

По возвращеніи моемъ домой, ночью 6-го августа, простудившись не много и разсерженный медленной ѣздой, я заболѣлъ, но отдѣлался легкимъ поносомъ. До 11-го числа въ приходѣ моемъ я не имѣлъ ни одного больнаго, хотя кругомъ насъ смертные случаи становились все чаще и чаще, потому что болѣзнь распространилась уже по всему городу.

11-го августа, въ десятое воскресенье послѣ Троицы, я сказалъ слово на текстъ евангелія, гдѣ Іисусъ печалится о Іерусалимѣ. А какъ и мы находились подъ вліяніемъ бѣдствія и страха, то мы также плакали не о себѣ только, но и о дѣтяхъ нашихъ. Потомъ я прочелъ 91-й псаломъ, исполненный упованія на Господа и старался внушить прихожанамъ бодрость и твердость въ ожиданіи того, что угодно будетъ Богу послать намъ. Самъ же я почувствовалъ, сколько опасности, но вмѣстѣ и сколько священнаго долга связано съ моимъ призваніемъ. Душа во мнѣ трепетала и я молилъ Бога сохранить меня для паствы и для семейства, хотя я готовъ былъ пожертвовать своею жизнью, живо помня изрѣченіе Христа. (Мате. гл. 16, ст. 25).

11-го августа около полудня, я въ первый разъ былъ призванъ къ заболѣвшему церковному сторожу. Поносъ, рвота, страшные судороги мучили его. Я далъ ему св. причастіе, утѣшалъ его, ободрялъ и приказалъ немедленно пустить ему кровь, растирать его и дать пріемъ merc. dulc. Но я зналъ, что собственно у него сдѣлалось воспаленіе отъ простуды, оттого кровопусканіе и лекарство помогли, такъ что нашъ старикъ сторожъ поправился и остался живъ. Потомъ меня позвали къ молодой беременной женщинѣ; и въ отношеніи ея я употребилъ все, что приказывалъ мнѣ долгъ; ей пустили кровь, растирали ее, однако она умерла. Такимъ же образомъ въ то же время занемогли еще четверо человѣкъ, двѣ женщины и двое мужчинъ. Они умерли въ теченіи сутокъ, въ продолженіи которыхъ я навѣстилъ ихъ четыре раза. Всѣ страдали рвотою, поносомъ, судорогами (а желчи не было и слѣда); руки и ноги у нихъ холодѣли и синѣли, все тѣло обливалось холоднымъ потомъ, подъ ложечкой давило, жажда была нестерпима и ничѣмъ неутолима; во рту и въ горлѣ жгло, очевидно всѣ кровяные сосуды были полны сгущенной крови. Въ такомъ видѣ проявлялась здѣсь болѣзнь; сначала она, на первыхъ же порахъ, была смертельна. При лучшемъ уходѣ, больной развѣ только нѣсколькими часами дольше жилъ, но конецъ былъ одинъ. Въ одно время, съ означенными лицами, умерли два годовыя ребенка отъ судорогъ. Сегодня, 12-го августа, я ходилъ изъ дома въ домъ, навѣщалъ здоровыхъ и больныхъ, увѣщевалъ, ободрялъ, совѣтовалъ уповать на Бога, и въ то же время не поддаваться страху унынію, которые сами по себѣ убійственны. Нѣкоторые снова заболѣвали и эпидемія росла.

13-го августа. Сегодня меня позвали къ 18-ти лѣтнему колонисту, потомъ къ портному Гартману, потомъ къ госпожѣ Плокъ, потомъ къ служанкѣ. Всѣ они причастились св. таинъ и умерли, кромѣ служанки, легче заболѣвшей и не похолодѣвшей. Было еще довольно рано, когда меня позвали къ одному изъ этихъ больныхъ. Въ предыдущую ночь, вѣроятно, нѣсколько человѣкъ были захва-

чены болѣзнью, потому что я, проходя по переулкамъ, мимо домиковъ нечаянно наступилъ на всякаго рода испражненія. Съ трудомъ могъ я пересилить свое отвращеніе. Помоги, Боже! прошепталъ я. На что и религія, если она не во власти все покорять, заставить человѣка усердно исполнять долгъ свой и поддерживать въ немъ бодрость духа! Ободрясь такимъ образомъ, я вошелъ къ больнымъ; жена портнаго лежала на полу на соломѣ, а онъ на сѣнѣ; около нихъ все было выпачкано испражненіями. Снова я исполнился отвращенія; я не зналъ, куда ступить, такъ все было изгажено; священный сосудъ я держалъ въ рукахъ; совершивъ надъ больными духовный обрядъ, я вышелъ изъ зачумленной атмосферы на чистый воздухъ, едва сдерживая тошноту. Такого рода случаи съ тѣхъ поръ часто повторялись, особенно въ бѣдной средѣ. Мало по малу я закалилъ себя противъ подобныхъ явленій и выносилъ ихъ мужественнѣе.

14-го августа. Я навѣстилъ нѣсколькихъ больныхъ; другіе только мучили себя страхомъ и опасеніемъ. Къ этимъ я отнесся серьезно. «Бойтесь Бога, говорилъ я, вѣдь вы не больны, чего-же вы заранѣе пугаетесь. Берегите себя для дѣтей и для семьи. Богъ дастъ, будете живы и здоровы». Нѣкоторые ободрялись, но было тоже изъ чего и сердиться. Напримѣръ, пришелъ къ одному сосѣдъ и говоритъ: «ахъ, да на что ты похожъ? Вѣдь ты боленъ, ты умрешь». Другой сосѣдъ подтверждаетъ это. «Пошли, говоритъ, за пасторомъ, тебѣ не жить». Приходитъ пасторъ и уже видитъ, кому жить, кому умирать. Вѣрными признаками смерти были, вмѣстѣ съ судорогами, рвотою и поносомъ, посинѣвшія и похолодѣвшія руки и ноги. Если-же больной не холодѣлъ, а напротивъ лежалъ въ сильнѣйшей испаринѣ, то онъ почти всегда выздоравливалъ, если только не подвергался простудѣ или не возбуждалъ въ себѣ досаду и страхъ. Смотря по этимъ признакамъ, я и обращался къ больному, или съ утѣшеніемъ, или съ надеждою, что онъ выздоровѣетъ, что онъ еще не такъ боленъ, чтобы спѣшить принятіемъ св. таинъ; совѣтовалъ только беречся, ходилъ бы по комнатѣ и оставался бы спокоенъ и, обѣщая еще разъ придти, я уходилъ къ другимъ больнымъ. Во второе посѣщеніе, я засталъ больнаго въ лучшемъ положеніи и онъ остался живъ. Сегодня я отпѣвалъ пятерыхъ покойниковъ и провожалъ ихъ на кладбище. По дорогѣ туда встрѣтились мы съ 60-ю гробами.

15-го августа. Прошлою ночью я былъ призванъ къ семи господамъ и еще къ другимъ больнымъ. Всѣ они умерли въ теченіи однихъ сутокъ и менѣе. Съ однимъ изъ нихъ, г. Штуцъ, я говорилъ еще сегодня вечеромъ въ 6 часовъ, онъ былъ веселъ и здоровъ. Я возвращался отъ больныхъ, когда увидалъ его у открытаго окна: (потомъ мнѣ передали, что онъ сказалъ обо мнѣ: какъ Губеръ по-

худѣлъ, однако онъ все также бодръ). Я зашелъ и стаъ разсказывать о больныхъ и о собственномъ своемъ нездоровьѣ. Онъ принялъ во мнѣ самое дружеское участіе и между смѣхомъ спросилъ меня, сколько-же разъ я бѣгаю?—А сколько успѣваю, отвѣчалъ я, что и была сущая правда. Съ 7-ми до 12-ти часовъ я не отходилъ отъ больныхъ и умирающихъ, тутъ ужъ не время было ходить; но только я съ часъ времени побылъ дома, какъ и бѣганью не было конца. Мы весело разстались съ Штуцемъ. Около 10-ти часовъ онъ заболѣлъ судорогами, рвотою и поносомъ. Послали за докторомъ, ни одинъ не отыскался, всѣ были больны. Наконецъ пришелъ какой-то бывшій лекарскій ученикъ (тотъ самый, который впослѣдствіи такимъ же образомъ пользовалъ барона Крюденера). Онъ нашелъ кровопусканіе лишнимъ, но и въ противномъ случаѣ негдѣ бы было достать фельдшера; отъ этого больной сталъ холодѣть; въ 6 часовъ утра я причастилъ его св. таинъ; въ 9 часовъ 16-го числа я снова навѣстилъ его; онъ былъ веселъ, спокоенъ и покоренъ волей Божьей, и ледяною рукою своею пожалъ мою руку. Къ 11-ти часамъ его уже не стало. Отъ него я отправился причастить г-жу Эбергардтъ. У ней была холера въ сильнѣйшей степени, но при этомъ тѣло ея горѣло какъ въ огнѣ, она сильно потѣла, ей стало легче и теперь она жива. Я совѣтовалъ крѣпче оттирать больную, поддерживать испарину и предчувствовалъ, что она выздоровѣетъ! Не то было съ матерью ея, баронесою Гойенъ; она вся была холодная и умерла вскорѣ по принятіи св. таинъ. Впрочемъ ей было за 80 лѣтъ.

Похоронивъ въ эту субботу еще нѣсколькихъ умершихъ, навѣстивъ нѣкоторыхъ больныхъ и здоровыхъ, которыхъ по своему утѣшалъ и ободрялъ, я принялъ просьбу многихъ о томъ, чтобы 17-го числа совершить въ церкви таинство причащенія надъ прихожанами. Побывавъ еще ночью у нѣсколькихъ больныхъ, изъ которыхъ иные звали меня, другихъ я самъ желалъ видѣть, я въ 10 часовъ началъ воскресную службу; причастниковъ было до ста человѣкъ. Можно было это принять за предсмертную трапезу. Сегодня я уже нѣсколькихъ похоронилъ; трупы не выдерживаютъ и сутокъ, такъ скоро они разлагаются. Сегодня-же ночью снова многіе заболѣли, просили и получили причастіе. Изъ нихъ очень немногіе выздоровѣли. 17-го числа вечеромъ одинъ случай страшно на меня подѣйствовалъ. Ткачъ, по имени Гергетъ, чью жену и одного ребенка я похоронилъ, а трое прочихъ дѣтей страдали холерою, хотѣлъ было тоже причаститься сегодня въ церкви, но принужденъ былъ оставаться при дѣтяхъ. Подъ вечеръ онъ пришелъ ко мнѣ и просилъ дать ему причастіе, предчувствуя, какъ онъ говорилъ, что ему надо умереть. И въ самомъ дѣлѣ отъ него несло какъ отъ трупа. «Хорошо, сказалъ я

ему, теперь мы одни, кругомъ тихо, время у меня свободное и если ты расположенъ я сейчасъ-же причащу тебя».—«Какъ-же, я весьма буду радъ», отвѣчалъ онъ въ какомъ-то сильномъ волненіи. Я всячески успокоивалъ его, принялъ его исповѣдь, отпустилъ ему грѣхи, потомъ, подготовивъ его приличными размышленіями, далъ ему причастіе. Я самъ былъ какъ то печально настроенъ. Но едва я произнесъ надъ нимъ благословеніе, какъ онъ поспѣшно выбѣжалъ въ другую комнату и, не успѣвъ пройти дальше, схваченъ былъ сильнѣйшею рвотою. Ужасъ и отвращеніе хотя и овладѣли мною въ высшей степени, но я видѣлъ тоже, какъ этотъ бѣднякъ тревожился, воображая, что онъ обидѣлъ и меня, и Бога, выплюнувъ причастіе. Я старался его успокоить. Въ передней его снова рвало, потомъ еще сильнѣе за наружными дверями. Наконецъ, собравшись съ духомъ, я съ участіемъ и любовью сталъ говорить ему: «любезный другъ, ты не виноватъ, не тревожься, не бойся ни за себя, ни за меня, ни за причастіе. Св. тайны не для желудка служатъ, а для души: ты принялъ ихъ духомъ своимъ, а выплюнулъ только хлѣбъ, да вино, а для Бога это все равно, что все прочее, молоко ли, мука, масло или вода. Ты ни въ чемъ не виноватъ, а нѣтъ вины, такъ нѣтъ и грѣха. Успокойся-же, ступай домой и ложись, тебѣ полегчаетъ!» Мои слова казалось успокоили его, онъ пошелъ домой, ему стало лучше, теперь онъ живъ и здоровъ. Мнѣ оставалось велѣть у себя убирать чистить и провѣтривать комнаты, и самому уйти на чистый воздухъ; но отвращеніе было еще такъ сильно, что не обошлось безъ рвоты. Это меня облегчило, я пришелъ въ прежнее спокойное состояніе духа.

18-го августа. Ночью былъ призванъ къ нѣсколькимъ больнымъ; днемъ навѣстилъ другихъ больныхъ и также здоровыхъ, но боязливыхъ; послѣ чего былъ на погребеніи Штуца, баронесы Гоинъ и другихъ, которыхъ только на дому отпѣвалъ. Потомъ навѣстилъ я добраго Ивана Карловича Линдегренъ, котораго я еще ранѣе причастилъ. Смерть уже витала надъ нимъ, но онъ былъ спокоенъ и веселъ, и покорился волѣ Божіей. Онъ предчуствовалъ свою смерть и на другой день его не стало. Онъ умеръ, не зная о смерти своего пріятеля Штуца. Въ одинъ часъ съ нимъ скончался и Крюденеръ. Мой кистеръ и регентъ тоже заболѣлъ. Прошлую ночь меня звали ко многимъ умирающимъ. Въ эти сутки смерть косила съ небывалою еще яростью.

19-го августа. Рано утромъ вышелъ я навѣстить больныхъ, а въ 9 часовъ я располагалъ, какъ и жену предупредилъ, зайти къ Линдегрену. Подлѣ него живетъ и Крюденеръ. По дорогѣ туда встрѣчаются мнѣ ѣдущія вскачь дрожки, которыя догнали меня въ ту минуту какъ я входилъ къ Линдегрену, который только что скончался.

Тутъ меня отозвали причастить Крюднера. Жена моя выслала впередъ слугу съ св. дарами. Когда же я вошелъ къ больному, то до слуха моего дошли плачъ и рыданія дѣтей и жены. Покойникъ лежалъ на постели, постланной на полу. (Вообще всѣ больные холерою бросались съ кровати на полъ). Еще вчера онъ былъ здоровъ и веселъ, а сегодня, не смотря на крѣпкое дюжое сложеніе, уже мертвъ. Жена его въ отчаяніи звала его по имени. Какъ не здѣшняя уроженка, она жаловалась на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, будто мужа ея убили, будто докторъ былъ подкупленъ. Но его лечилъ не докторъ, а лекарскій ученикъ, о которомъ я выше упоминалъ. Доктора были кто откомандированъ, кто боленъ, а многіе уже не въ живыхъ. Этотъ лекарь прописывалъ какіе-то порошки, да какую-то микстуру. Впрочемъ, извѣстно, что и при самомъ раціональномъ леченіи, самомъ заботливомъ уходѣ болѣзнь не поддавалась въ эпоху сильнѣйшаго своего свирѣпствованія. Такъ было до 20-го августа. Когда-же эпидемія начала ослабѣвать въ такой же постепенности, тогда какъ будто все помогало. Многіе больные вылечивались тогда отъ простой бани и отъ втираній. Свойства холеры таковы, что слѣдовало бы обратить серьозное вниманіе на способы леченія ея и на мѣры противъ зараженія, такъ какъ она, я убѣжденъ, прилипчива.

Начиная съ 19-го августа, я сталъ съ каждымъ часомъ слабѣть, до того, что уже не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Поносъ истощалъ мои жизненные соки. Ночью меня мучили сны, воскресавшія въ памяти всѣ сцены ужаса, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это холерное время.

20-го августа. Я уже сегодня долженъ былъ отпѣвать Крюднера, ранѣе назначеннаго дня, потому что тѣло его сильно разложилось. Потомъ отпѣвалъ еще нѣсколькихъ покойниковъ, навѣстилъ больныхъ и нѣкоторыхъ здоровыхъ; а въ 9 часо̀въ вечера я почувствовалъ какое-то необыкновенное подергиваніе въ рукахъ и ногахъ и давленіе подъ ложечкой. Настроеніе моего духа было похоже на ощущеніе осужденнаго къ смерти преступника; но мысль о смерти какъ-то не приходила мнѣ въ голову; я чувствовалъ въ себѣ еще много силы. Я легъ въ постель и принялся за втиранія, при этомъ я потѣлъ и горѣлъ какъ въ огнѣ, что̀ не мѣшало мнѣ однако накрыться двумя одѣялами, сверхъ которыхъ жена моя разостлала еще шубу. «Ну, теперь отлично,—сказалъ я,—а только въ самый разъ тепло: не мало и не слишкомъ». Спустя полтора часа испарина отошла, мнѣ стало легче и я даже началъ пошучивать. «Только бы скорѣе день насталъ»,—сказалъ я. «А что тогда?»—спросила жена. «Тогда я обсушилъ бы себя, всталъ, теплѣе одѣлся бы и вышелъ бы на воздухъ стряхнуть съ себя тяжелыя думы». Въ это самое время кто-то

постучался: пришли звать меня къ больной, которой сынъ только что умеръ. «Что же,—сказалъ я,—я располагалъ выйдти по утру, а Господь зоветъ меня теперь, пойду!» Теплѣе одѣвшись, я отправился къ больной, тутъ въ жаркой комнатѣ снова вспотѣлъ; исполнилъ свой священническій долгъ, и закутавшись, возвратился домой; здѣсь снова легъ въ постель и тихо какъ дитя проспалъ около трехъ часовъ. Я чувствовалъ въ себѣ какую то крѣпость и настроеніе духа моего было необыкновенно бодрое. Какъ усердно благодарилъ я Бога за свое спасеніе. Какъ цѣнилъ жену свою за ея кротость и терпѣніе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ! Вскорѣ потомъ меня снова отозвали. Я выпилъ чашки двѣ травянаго чаю, принялъ мятныхъ капель, повторивъ это и днемъ, избавился отъ поноса; тогда какъ раньше ничѣмъ нельзя было его унять. На икры я положилъ еще горчичники, для отвращенія судорогъ, а какъ они пролежали довольно долго, то произвели пузыри, въ родѣ натуральныхъ фантанель, до сихъ поръ (31-го августа) не зажившихъ.

Чрезъ нѣсколько дней припадокъ повторился, но слабѣе и самъ я легче его выдержалъ, даже съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ. Значитъ и эпидемія, и угрожающая смерть имѣютъ свое обаяніе; и какъ смирится строптивое человѣческое сердце, когда Господь даетъ почувствовать свою кару, а затѣмъ и милосердіе, и любовь свою! Такъ Іаковъ справедливо восклицаетъ: «Господи, я недостоинъ твоего милосердія». Я могу сказать, что въ это печальное время я испыталъ также много блаженныхъ часовъ, въ которые видимо поддерживалъ меня Господь своею благостью.

21-го августа. По желанію вдовы Крюднера, я долженъ былъ вчера же похоронить тѣло ея мужа. Ни одинъ трупъ не издавалъ такого зловонія, какъ этотъ. Хотя и надо быть снисходительну къ горести и отчаянію, однако тяжело видѣть упрямство, которое настаиваетъ на мысли объ умышленномъ убійствѣ, когда смерть въ то же время похищаетъ столько другихъ жертвъ. Отца Линдегрена и 11-ти-лѣтняго сына его Николая я похоронилъ сегодня въ одну и ту же могилу. Потомъ навѣстилъ нѣсколькихъ больныхъ. Между тѣмъ, къ величайшему моему утѣшенію, въ моемъ приходѣ число заболѣвшихъ замѣтно начало убавляться. Это позволяло мнѣ чаще навѣщать каждаго изъ прихожанъ отдѣльно.

Сегодня скончался мой второй пѣвчій; заболѣлъ было и третій, да выздоровѣлъ и звалъ меня на крестины своего ребенка.

22-го августа. Сегодня въ моемъ приходѣ умерли только двое, изъ нихъ новорожденный ребенокъ, прожившій только двое сутокъ. Послѣдній случай тѣмъ замѣчателенъ, что этотъ новорожденный очевидно спасъ жизнь своей матери. У матери, до родовъ, были всѣ признаки

холеры, а въ самый день рожденія ребенка я засталъ мать совершенно здоровою, а подлѣ нея новорожденнаго, о которомъ бабушка говорила, что онъ долженъ умереть. «Такъ мы его окрестимъ», сказалъ я и совершилъ надъ нимъ обрядъ крещенія. Матери сказалъ: «если Богу угодно взять у васъ жертву, такъ это еще легкая». И дѣйствительно ребенокъ посинѣлъ и умеръ, а мать осталась жива.—Сегодня умерло еще двое.

23-го августа. Похоронилъ нѣсколькихъ; умеръ въ Царицынѣ нашъ докторъ Мейеръ. Ни о комъ такъ не жалѣли, какъ объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ, безкорыстномъ и скромномъ докторѣ, любимомъ своими согражданами, за его истинныя достоинства. Противъ воли откомандированный въ Царицынъ, онъ садился въ дорожную бричку, блѣдный, говоря провожавшей его матери: «кто довольно пожилъ, тому и въ гробъ пора!»

24-го августа. Сегодня было нѣсколько погребеній, но смертныхъ случаевъ и заболѣвшихъ не было. Смерть какъ будто удаляется. Сегодня, по желанію прихожанъ, совершалъ обрядъ причащенія въ церкви. Было 70 причастниковъ, большая часть въ траурѣ по умершихъ близкихъ.

Съ 25-го по 31-е августа было нѣсколько смертныхъ случаевъ и заболѣвшихъ, но изъ послѣднихъ большая часть выздоровѣли. Всего въ продолженіе этого мѣсяца я похоронилъ 35 покойниковъ. Еще 15 человѣкъ больны, но поправляются. 30-го августа, я служилъ благодарственный молебенъ и можно себѣ представить съ какимъ чувствомъ послѣ прожитаго ужаснаго времени! Разъ пережить его—можно и не пожалѣть, но вторично—я не желалъ бы.

Въ это время мой образъ жизни былъ таковъ: я одѣвался какъ въ холодную зиму, мало ѣздилъ, а больше бѣгомъ шелъ къ больнымъ, для поддержанія испарины и отвращенія простуды; передъ тѣмъ, какъ выдти со двора, утромъ-ли, ночью, я вытирался уксусомъ, выпивалъ рюмку горькой водки или чашку горячаго чаю съ виномъ и держалъ у рта и носа платокъ, пропитанный дегтемъ или уксусомъ. Апетиту у меня во все не было; ѣлъ только мясное, пилъ воду и вино. Жажда была такъ велика, что я съ 12-го по 26-е августа выпилъ столько вина, сколько прежде не выпивалъ въ теченіе года. Потомъ жажда унялась. Слава Богу, что страшное время миновало, и такъ благополучно для меня и для моего семейства.. Пасторъ Губеръ [1]).

Сообщ. П. П. фонъ-Гецъ.

[1]) Пасторъ Іоаннъ Самуилъ Губеръ (Huber) род. 28-го декабря 1778 г., служилъ до 1807-го года лютеранскимъ пасторомъ въ приволжской нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ, Саратовской губерніи, гдѣ въ 1814 г. родился у него сынъ Эдуардъ—впослѣдствіи русскій поэтъ и переводчикъ «Фауста» Гете. Въ 1823 году Іоаннъ Губеръ переведенъ въ Саратовъ членомъ лютеранской консисторіи, а въ 1834 г. назначенъ суперъ-интендентомъ Московской консисторіи. 20-го марта 1857-го онъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей служенія своего въ духовномъ званіи. Іоаннъ Губеръ умеръ въ Москвѣ 3-го января 1858 года, переживши своего сына, поэта Эдуарда (умершаго въ Спб. въ 1847 г.). Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРЕЛАТА БУТКЕВИЧА.

Польское возстаніе 1831 года.

[Переводъ съ польскаго].

I.

Въ началѣ мятежа меня не было въ Варшавѣ и потому я не могъ быть очевидцемъ начала и распространенія возстанія въ главномъ городѣ края. Не смотря на это, я несогласенъ съ мнѣніемъ, что студенты университета и воспитанники школы подпрапорщиковъ побудили жителей Варшавы къ мятежу, и что ихъ энергія заставила русскія войска удалиться изъ города. Не въ краѣ родилось это несчастіе, но за границею, гдѣ поляки являются легкомысленнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ дипломатовъ.

Какъ только разнеслась молва, что составляется союзъ противъ Франціи, и какъ только приготовлено было въ краѣ помѣщеніе для арміи въ 200,000 солдатъ, а польское войско предположено было двинуть впередъ, въ Парижѣ начали думать о томъ, какъ бы произвести возстаніе на берегахъ Вислы, тѣмъ болѣе, что русское правительство уже распорядилось наборомъ дополнительныхъ баталіоновъ и эскадроновъ польской арміи и заказало два воза орденовъ (virtuti militari) для будущихъ героевъ [1]). Отправленные изъ Парижа агенты находили вообще холодный пріемъ у лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, такъ какъ они, видя повсемѣстное благосостояніе страны, не хотѣли подвергнуть ее опасности; только тѣ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій, которые ничего не могли потерять въ случаѣ безпорядковъ въ краѣ, такъ какъ у нихъ за душой часто ни копѣйки не было, раздѣляли вполнѣ мнѣніе агентовъ;

---

[1]) Этими орденами впослѣдствіи были украшены русскіе солдаты за оказанную храбрость противъ возставшихъ поляковъ.

многіе изъ нихъ думали, что во время мятежа будутъ въ состояніи поживиться и, такъ сказать, выйдти въ люди. Словомъ, только подонки общества оказывали радушный пріемъ эмиссарамъ и вмѣстѣ съ ними распространяли мятежъ въ краѣ. Собственно говоря, ни малѣйшаго повода не было въ то время къ возстанію: никогда еще страна по берегамъ р. Вислы не была въ такомъ счастливомъ состояніи, какъ за нѣсколько лѣтъ до описываемаго мятежа; все въ ней процвѣтало: и торговля, и промышленность, и просвѣщеніе; при этомъ многіе имѣли полную надежду, что свобода въ краѣ еще болѣе распространится послѣ незадолго предъ тѣмъ (въ 1829 г.) совершившейся коронаціи государя въ Варшавѣ. Не храбрость и выдержанность подпрапорщиковъ и одной роты пѣхоты; не усердіе и распорядительность студентовъ заставили русское войско удалиться изъ Варшавы и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти городъ отъ разоренія, но образъ дѣйствій цесаревича, не желавшаго проливать кровь какъ своихъ солдатъ, такъ и возставшихъ жителей, къ которымъ, какъ извѣстно, такъ благосклонно относился онъ до возстанія, былъ причиною того, что въ началѣ мятежа городъ не постигло страшное бѣдствіе. Извѣстно, что войско до послѣдней минуты было предано своему вождю; а если принять во вниманіе то, что въ городѣ не было ни единства, ни порядка, то безъ особеннаго труда городъ могъ быть разрушенъ до основанія. Особенныя обстоятельства имѣли большое вліяніе на успѣхъ революціоннаго движенія въ самомъ началѣ возстанія.

Въ то время между государемъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ были холодныя отношенія по поводу новыхъ гвардейскихъ мундировъ и въ особенности по той причинѣ, что государь далъ почувствовать великому князю, что вызоветъ изъ Варшавы въ С.-Петербургъ гвардію. Носились слухи въ Варшавѣ, что цесаревичъ былъ весьма недоволенъ такимъ отношеніемъ и въ довѣренномъ кружку будто выразилъ слѣдующую мысль: «я уступилъ въ Его пользу престолъ, а Онъ не хочетъ оставить сапоговъ прежняго образца для моихъ гренадеръ.» На основаніи только этого обстоятельства можно объяснить полнѣйшее отсутсвіе распорядительности и холодное отношеніе мѣстнаго начальства къ дѣйствіямъ мятежниковъ, которыми отличались первые моменты вспыхнувшаго возстанія. За нѣсколько недѣль до начала возстанія намѣстникъ не обращалъ напр. вниманія на различные пасквили, которые ходили по рукамъ горожанъ, между прочимъ, что Бельведеръ [1]) отдается въ на-

[1]) Мѣстопребываніе великаго князя одинъ изъ царскихъ Варшавскихъ дворцовъ.

емъ и что школѣ подпрапорщиковъ поручается главное начальство надъ польскимъ войскомъ. Когда же разнесся въ Бельведерѣ слухъ, что дѣйствительно вспыхнулъ въ городѣ мятежъ и когда самъ великій князь принужденъ былъ оставить свой дворецъ, посланъ былъ въ городъ полкъ гвардейскихъ конныхъ егерей, чтобы занять Варшаву; но когда полкъ по Новому-Свѣту [1]) пробрался до церкви св. Креста и горожане встрѣтили гвардейцевъ выстрѣлами, то Константинъ Павловичъ отдалъ приказъ двинуться гвардейскому полку назадъ въ окрестности Бельведера. Вслѣдъ за тѣмъ отпущена въ городъ часть польскаго войска, окружавшаго своего главнокомандующаго. Собравъ два пѣхотныхъ, три кавалерійскихъ полка и одну батарею гвардейской артиллеріи, великій князь двинулся въ Брестъ и оттуда отпустилъ адъютантовъ польскаго происхожденія въ Варшаву. Такимъ образомъ въ Варшавѣ, благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, безъ особеннаго труда могло образоваться революціонное правительство. Въ первые дни возстанія въ городѣ распоряжались молодые люди всякаго званія; по истеченіи нѣкотораго времени стали принимать участіе въ бунтѣ и другіе Варшавскіе жители. Разсказываютъ, что отставной генералъ графъ Пацъ первый сталъ разъѣзжать верхомъ по улицамъ въ конфедераткѣ [2]) и тѣмъ самымъ подалъ примѣръ другимъ панамъ открыто принять участіе въ возстаніи.

II.

Многіе утверждали, что Хлопицкій былъ избранъ въ диктаторы сначала студентами, затѣмъ войскомъ и наконецъ всѣмъ народомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ необходимое дѣло; но быть хорошимъ солдатомъ еще не даетъ ручательства въ томъ, что тотъ-же солдатъ можетъ быть хорошимъ правителемъ, такъ какъ въ настоящее время правитель долженъ имѣть ясное понятіе вообще о ходѣ современныхъ политическихъ событій. Хлопицкій ни въ какомъ отношеніи не удовлетворялъ послѣднему условію. Съ молодости, служа подъ италіанскими, германскими и испанскими знаменами, онъ вовсе не зналъ своей родной земли, былъ чуждъ нравовъ и обычаевъ той страны, въ которой предстояло ему дѣйствовать въ качествѣ диктатора. Въ политическихъ вопросахъ, въ первые же дни своей верховной власти, онъ пе обнаружилъ ни

[1]) Названіе улицы.
[2]) Четыреугольная шапка.

малѣйшей сообразительности и ловкости. Когда совѣтовали Хлопицкому двинуться въ Литву и Волынь и воспользоваться общимъ революціоннымъ взрывомъ, который господствовалъ въ началѣ мятежа, онъ завелъ сношенія съ с.-петербургскимъ кабинетомъ. Отправилъ депутацію въ С.-Петербургъ; во главѣ ея былъ князь Любецкій, который, думалъ о своей личной безопасности и желая уйти изъ взволнованной Варшавы, посовѣтовалъ диктатору отправить депутацію къ Государю, а въ руководители ея предложилъ свою особу. Легко можно было предвидѣть, что Государь не будетъ договариваться съ своими взбунтовавшимися подданными. Депутація не была принята и возвратилась въ Варшаву; но глава ея, князь Любецкій, остался въ С.-Петербургѣ. По истеченіи нѣкотораго времени полученъ указъ, по которому полякамъ предписывалось положить оружіе и просить милосердняго прощенія государя императора. Диктаторъ рѣшился собрать 100,000 армію и выступить противъ русскаго войска.

Прежде нежели разскажу о встрѣчѣ русскаго войска съ польскимъ, сообщу еще нѣсколько словъ читателю, относящихся къ жизни и публичной дѣятельности Хлопицкаго, съ которымъ я былъ знакомъ за нѣсколько еще лѣтъ до избранія его въ диктаторы. Хлопицкій былъ пѣхотнымъ дивизіоннымъ генераломъ польскаго войска во время намѣстничества великаго князя Константина Павловича, который всякій разъ послѣ парада на Саксонской площади[1]) невполнѣ одобрялъ дивизію Хлопицкаго, какъ служившаго когда-то въ Наполеоновской арміи, такъ какъ Великій Князь неблагосклонно относился ко всѣмъ подобнаго рода офицерамъ. Получая выговоръ Хлопицкій отвѣчалъ, что не на Саксонской площади заслужилъ военную славу и что не думаетъ онъ потерять ее на той-же площади. Но когда впослѣдствіи цесаревичъ сталъ обращаться къ нему съ болѣе серьезными выговорами, Хлопицкій сказался больнымъ и не являлся болѣе на Саксонскую площадь. Желая убѣдиться въ дѣйствительности болѣзни генерала, великій князь послалъ къ нему своего врача Кучковскаго. Исполняя приказаніе князя, врачъ явился къ генералу и желалъ по пульсу ознакомиться съ состояніемъ его здоровья; но Хлопицкій сильно ударилъ въ лице доктора и приказалъ вывести его вонъ. Послѣ такого случая оставалось Хлопицкому только просить объ отставкѣ. Цесаревичъ нашелъ удобный случай избавиться отъ самаго рѣзкаго наполеониста, а потому немедленно представилъ государю объ исключеніи Хлопицкаго навсегда изъ списка служащихъ по военному вѣдомству. Но сверхъ всякаго ожиданія, вмѣсто отставки полученъ былъ приказъ, по которому выданъ

[1]) Въ городѣ Варшавѣ.

былъ Хлопицкому безсрочно-отпускной билетъ, приказано ему выдавать полный окладъ жалованья и уволенъ онъ былъ отъ должности съ мундиромъ и съ тою оговоркой, что не имѣетъ права выѣзда за границу и поступленія въ иностранную службу. Хлопицкій отказался отъ жалованья и мундира. Окруженный молодыми князьками, графами и знатнѣйшими шляхтичами онъ гордо расхаживалъ по варшавскимъ улицамъ. Всѣхъ поражала благосклонность монарха къ Хлопицкому, такъ какъ было извѣстно, что великій князь не щадилъ генерала въ представленіи объ увольненіи отъ службы. Многіе старались узнать причину благосклоннаго вниманія къ провинившемуся генералу. Приближенные къ Хлопицкому разсказывали по этому поводу слѣдующее: во время пребыванія императора Александра въ Парижѣ въ 1814 году князь Велингтонъ рекомендовалъ Хлопицкаго Государю какъ отличнаго генерала и вспоминалъ о томъ, что нѣсколько разъ въ Испаніи, Хлопицкій побѣдилъ его (Велингтона). Свидѣтельство, данное такимъ замѣчательнымъ полководцемъ, высоко поставило Хлопицкаго во мнѣніи императора Александра, и потому желалъ принять его на службу въ ту часть своей арміи, коей главнокомандующимъ назначенъ былъ августѣйшій братъ Государя. Но Хлопицкій еще долго оставался во французской арміи, живя во Франціи, гдѣ получилъ нѣсколько майоратовъ и орденовъ отъ Наполеона I-го. Только впослѣдствіи онъ согласился служить въ рядахъ бывшей польской арміи въ должности начальника дивизіи. На этомъ только основаніи; т. е. въ виду лишь отзыва Велингтона, можно объяснить, почему императоръ Александръ I такъ благосклонно отнесся къ Хлопицкому, несмотря на представленіе намѣстника о совершенномъ исключеніи его изъ службы. Но въ скоромъ времени Хлопицкаго ожидала другая участь.

Въ началѣ италіанской революціи регентъ Неаполитанскаго королевства, дѣдъ Неаполитанскаго короля Фердинанда, рѣшился вызвать Хлопицкаго въ Италію и поручить ему главное начальство надъ неаполитанской арміей; предлагалъ ему право гражданства, большое жалованье и значительное вознагражденіе по окончаніи войны. Въ то время на Варшавской почтѣ умѣли ловко вскрывать подозрительныя письма. Тогдашній почтъ-директоръ Суминскій, вскрывъ пакетъ отъ неаполитанскаго регента къ Хлопицкому, увѣдомилъ сего послѣдняго о предложеніи регента и своимъ порядкомъ препроводилъ пакетъ при рапортѣ въ канцелярію намѣстника. Это было сдѣлано по той причинѣ, что пакетъ былъ отправленъ изъ Неаполя, гдѣ въ то время началось революціонное движеніе. Великій князь, прочитавъ пакетъ, приказалъ въ надлежащемъ видѣ передать по принадлеж-

ности. Но генералъ зналъ, что о пакетѣ было доведено до свѣдѣнія намѣстника и потому, играя комедію, отправляется къ великому князю и докладываетъ, что хотя онъ и получилъ письмо, но боится распечататать, такъ какъ пакетъ полученъ изъ страны, въ коей свирѣпствуетъ возстаніе. Цесаревичъ приказалъ сей часъ-же прочесть письмо. Когда это было исполнено, великій князь обращается къ Хлопицкому, будто не зная содержанія письма, съ вопросомъ, что заключается въ пакетѣ. Хлопицкій разсказалъ о предложеніи регента, но на вопросъ намѣстника, останется-ли онъ въ краѣ, или отправиться въ Италію? отвѣтилъ, что великому князю извѣстно, на какихъ условіяхъ государю угодно было уволить его отъ службы, и что безъ особаго высочайшаго соизволенія не можетъ оставить своей родины. Тогда великій князь присовокупилъ: «а если-бы испросить высочайшее соизволеніе?»—«Я не пользовался бы монаршею милостью, такъ какъ я не намѣренъ командовать итальянцами, которые давно уже прославились своею трусостью, да и дѣло, за которое пришлось бы мнѣ сражаться въ Италіи, я вовсе не знаю». И на этотъ разъ великій князь не удалилъ изъ города человѣка, котораго не любилъ болѣе другихъ генераловъ. Но Хлопицкому самому надоѣла варшавская жизнь. Быть безъ всякаго опредѣленнаго занятія; жить не на виду въ городѣ, гдѣ почти былъ всѣмъ извѣстенъ, это въ высшей степени смущало гордаго генерала. Поэтому онъ рѣшился переселиться въ Парижъ, имѣя надежду, что французское правительство, помня заслуги, оказанныя имъ когда-то Франціи, не оставитъ его въ нищетѣ, напротивъ того, будетъ выдавать ежегодно извѣстную сумму денегъ; тѣмъ болѣе, что Хлопицкій, уѣзжая изъ Франціи въ Варшаву за нѣсколько лѣтъ до того времени, отказался отъ майоратовъ, дарованныхъ ему французскимъ правительствомъ. Если-бы даже и не состоялись его планы, то и въ такомъ случаѣ онъ расчитывалъ на то, что въ Парижѣ еще можно кое-какъ прожить, получая 10,000 франковъ, которые выдавало Хлопицкому французское правительство за ордена, полученные имъ когда-то отъ того-же правительства. Хлопицкій подалъ прошеніе о выдачѣ заграничнаго паспорта и государь приказалъ выдать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ своему посольству въ Парижѣ позаботиться о томъ, чтобы французское правительство не приняло Хлопицкаго въ службу. Это объясняется тѣмъ, что государь, какъ въ то время многіе утверждали, желалъ воспользоваться опытностью стараго генерала въ случаѣ надобности. Хлопицкій, уѣзжая за границу, оставилъ между окружавшими его память вполнѣ польскаго пана: почти все движимое имущество роздалъ прислугѣ; между прочимъ лошадей и экипажи по-

дарилъ кучеру, а своему повару Стадницкому далъ денежную сумму на открытіе въ Варшавѣ кухмистерской, которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ.

Въ Парижѣ многіе не хотѣли узнавать гордаго генерала; нерѣдко прежніе, даже близкіе его знакомые отворачивались отъ него при встрѣчѣ на улицѣ. Такое равнодушіе и неблагодарность французовъ поразили Хлопицкаго; еще болѣе онъ былъ пораженъ въ то время, когда замѣтилъ, что два маршала и нѣкоторые генералы, бывшіе его подчиненные, отказывали ему въ пріемѣ, когда являлся къ нимъ въ квартиру. Гордость и честолюбіеХлопицкаго не могли перенести подобнаго обращенія съ нимъ и поэтому онъ рѣшился оставить неблагодарный Парижъ и возвратиться снова въ Варшаву. При первой встрѣчѣ великій князь съ насмѣшкой обратился къ нему, что несмотря на то, что Хлопицкій при отъѣздѣ изъ Варшавы обѣщалъ жить и умереть въ Парижѣ, однакожъ снова прибылъ въ свое отечество, когда оно вовсе не нуждается въ его мечѣ. На это, какъ мнѣ передавалъ самъ Хлопицкій, будто-бы отвѣтилъ: «лучше ждать на родинѣ, чѣмъ за-границей, той минуты, когда Господу Богу угодно будетъ распорядиться нашей судьбой».

По пріѣздѣ въ Варшаву, Хлопицкій совершенно перемѣнилъ образъ жизни: не поддерживалъ сношеній съ аристократіей, которая въ то время еще болѣе заботилась о томъ, чтобы имѣть его въ своемъ обществѣ; рѣдко принималъ приглашенія на обѣдъ къ магнатамъ; завелъ знакомство со многими, принадлежавшими къ среднему сословію; не держалъ лошадей и экипажа, почти каждый день можно было его видѣть гуляющимъ по варшавскимъ улицамъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ ѣздилъ въ извощичьемъ экипажѣ, который предлагалъ ему даромъ бывшій его кучеръ; обѣдалъ въ кухмистерской пана Стадницкаго въ особой комнатѣ, въ которой я именно и свелъ съ нимъ знакомство. Хотя мы обѣдали за однимъ столомъ, однакожъ долгое время не говорили другъ съ другомъ ни одного слова. Впослѣдствіи когда онъ узналъ отъ содержателя кухмистерской, что я не фанатикъ и не невѣжа, началъ со мною бесѣдовать и иногда бесѣда продолжалась послѣ обѣда нѣсколько часовъ. Сначала не рѣшался онъ со мною говорить, какъ впослѣдствіи оказалось, по той причинѣ, что привыкъ въ Испаніи и Италіи считать каждаго католическаго священника фанатикомъ и необразованнымъ человѣкомъ; нерѣдко разсказывалъ мнѣ разнообразные случаи изъ жизни духовенства этихъ странъ, которые изображали патеровъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Онъ передавалъ мнѣ, что многихъ приказалъ разстрѣлять будучи, напримѣръ, комендантомъ города Мурино (близъ

Рима). Объ этомъ случаѣ какъ-то разъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: въ городѣ разнеслись слухи, что патеры подговариваютъ жителей къ мятежу; тогда Хлопицкій, взявъ отрядъ гренадеръ, вошелъ въ церковь, приказалъ казнить проповѣдовавшаго священника, собрать другихъ патеровъ, сидѣвшихъ въ клиросѣ, вывести ихъ на площадь передъ церковью и разстрѣлять публично въ присутствіи собравшейся толпы городскихъ жителей. Въ дѣйствительности описаннаго факта я лично убѣдился, такъ какъ, будучи въ Римѣ, я нарочно ѣздилъ въ Мурино съ этою цѣлью. Вспоминалъ Хлопицкій еще и о другомъ фактѣ, доказывающемъ, до какой степени практиковались варварскіе обычаи въ началѣ текущаго столѣтія въ южной Европѣ. Будучи губернаторомъ провинціи [1]) и начальникомъ дивизіи и узнавъ, что революціонеры въ большомъ числѣ собрались въ тамошней церкви, и что во главѣ ихъ патеръ поетъ Te Deum laudamus, держа въ рукахъ Св. Дары, Хлопицкій двинулъ въ церковь отрядъ пѣхоты, приказалъ положить на надлежащее мѣсто Св. Дары, всѣмъ революціонерамъ оставить церковь и на площади велѣлъ избить всѣхъ до одного человѣка. Разсказывая это, онъ еще прибавилъ, что такъ какъ площадь была небольшая, а революціонеровъ была масса, то изъ крови убиваемыхъ образовалась настоящая лужа; чтобы не ходить по ней, приказалъ онъ бросить на землю каменную статую, изображавшую какого-то святаго, помѣщенную въ углубленіи церковной стѣны; тогда, стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде помѣщался святой, продолжалъ командовать отрядомъ при избіеніи вожаковъ возстанія. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, когда генералъ окончилъ свой разсказъ. Замѣтивъ это, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой: «не иначе бы и вы сами сдѣлали, если-бы были на моемъ мѣстѣ: въ Италіи и Испаніи до того господствуетъ фанатическое настроеніе умовъ, что только самыя строгія мѣры могутъ произвести нѣкоторое вліяніе на чернь. Пускай-же она поблагодаритъ своихъ патеровъ за жестокости, которыя ей приходится иногда переносить отъ военачальниковъ во время безпорядковъ». Нерѣдко онъ говорилъ тоже о Римѣ, въ который прибылъ съ французскимъ корпусомъ для занятія Церковной области; онъ-то во главѣ своего баталіона окружилъ Ватиканъ, арестовалъ папу Пія VI и доставилъ его въ Авиньонъ. Часто острилъ, что выпало на долю поляковъ привести Римъ въ порядокъ, такъ какъ генералъ Домбровскій, будучи губернаторомъ Рима, получилъ предписаніе отъ командовавшаго корпусомъ, чтобы пронумеровать дома, снабдить городъ фонарями, вымостить улицы. Эта работа стоила много труда: чтобы про-

[1]) Кажется въ городѣ Кампостели. В.

нумеровать дома, надо было каждый изъ нихъ брать штурмомъ и затѣмъ еще долго караулить, чтобы горожане не снимали нумеровъ. Суевѣрные италіанцы думали, что губернаторъ и вообще всѣ исполнители закона посягаютъ на ихъ совѣсть, на ихъ домашнее спокойствіе и ни какъ не могли составить себѣ понятія, что надлежащій порядокъ составляетъ, такъ сказать, душу всякаго благоустроеннаго государства. Однакожъ, благодаря энергіи генерала Домбровскаго, по истеченіи года, вѣчный городъ былъ пронумерованъ, вымощенъ и освѣщенъ. Дѣйствительность этого факта подтвердилъ очевидецъ, съ которымъ я познакомился, будучи въ Римѣ: то былъ французскій монахъ Бонифратеръ, домашній врачъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главный докторъ польскихъ легіоновъ, состоявшихъ подъ командою генерала Домбровскаго. Монахъ разсказывалъ, что ни одно сраженіе въ Италіи не доставило въ то время въ больницу столько раненыхъ солдатъ, сколько операція приведенія въ порядокъ Рима: горожане лили съ крышъ кипятокъ, бросали камнями въ отряды, окружавшіе дома, бросались даже съ ножами въ рукахъ на солдатъ и такимъ образомъ послѣ каждой такой встрѣчи цѣлый контингентъ раненыхъ доставляли въ больницу. Въ награду за приведеніе города въ порядокъ римскій сенатъ (городская дума) поднесъ генералу Домбровскому знамя, отнятое у Турокъ Яномъ Собѣсскимъ при осадѣ Вѣны и хранившееся до того времени въ римскомъ Капитоліи. Это знамя Домбровскій препроводилъ въ Варшаву и оно нѣкоторе время хранилось въ этомъ городѣ въ церкви Св. Іоанна, откуда, по усмиреніи мятежа въ 1831 году, послано въ С.-Петербургъ.

III.

Въ началѣ возстанія я жилъ въ Сувалкахъ и управлялъ Августовскою епархіей, а епископъ мой пребывалъ въ Варшавѣ. По истеченіи нѣкотораго времени онъ потребовалъ меня въ Варшаву. Въ первыхъ числахъ января 1831 года прибылъ я въ Варшаву, которая представилась моимъ глазамъ въ видѣ настоящаго хаоса: на что я ни взглянулъ, вездѣ было полное отсутстіе порядка и плана. Многимъ, гордо расхаживавшимъ по Варшавѣ, казалось, что русское войско до того напугано первыми событіями возстанія въ Варшавѣ, что долго не явится въ предѣлы Царства Польскаго. По этому, вѣроятно, поводу вожаки мятежа вовсе не заботились о томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать надлежащія приготовленія для защиты страны. Правда, много бѣгало офицеровъ, роскошно одѣтыхъ, вхо-

дившихъ въ составъ будто бы сформированныхъ новыхъ полковъ, но нельзя было видѣть ни одного солдата этихъ полковъ; если они и были, то, по всему вѣроятію, существовали только на бумагѣ. Всѣ отъ мала до велика веселились, придумывали всевозможныя развлеченія; но если бы спросить въ то время вполнѣ серьезнаго человѣка, что заставило варшавянъ предаваться такой особенной радости, вѣроятно бы отвѣтилъ, что горожане чувствуютъ, что въ скоромъ времени и городъ ихъ, и вся страна будутъ разорены и, вмѣсто прежняго общаго благосостоянія, многіе сдѣлаются нищими. По цѣлымъ днямъ кофейни были переполнены и въ особенности кофейня «Honoratki» [1]), въ которой собирались сливки, какъ говорили въ то время, варшавскихъ патріотовъ; къ числу такихъ принадлежали редакторы газетъ и издатели различныхъ брошюръ, которыхъ въ то время выходило множество; собирались тоже авторы пѣсни, начинающейся словами: «Po bruku huczałeś» [2]), въ которой каждая строфа составляла произведеніе другаго автора. Въ кофейнѣ авторъ становился на столъ, пѣлъ свой куплетъ, а публика послѣ каждой строфы припѣвала: а ку! ку! куку! Въ этой кофейнѣ произносились политическія и патріотическія рѣчи, отличавшіяся особеннымъ фанатизмомъ; сообщались всѣ новости и сплетни, неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ. Диктаторъ занимался наборомъ паничей, происходившихъ изъ богатыхъ шляхетскихъ фамилій, для образованія гвардіи. Въ составъ ея вошли и студенты университета, извѣстные тогда подъ названіемъ «академиковъ», которыхъ самъ диктаторъ обучалъ военному искусству на Саксонской площади. У поляковъ, по обыкновенію, не было единства, согласія и необходимой въ такихъ случаяхъ выдержанности. Въ составѣ главнаго правленія почти съ перваго дня обнаружились споры изъ-за мелочей; господствовала зависть и взаимное недовѣріе между военными и гражданскими властями; повсюду въ городѣ говорили объ интригахъ самаго нисшаго качества вожаковъ возстанія. Диктаторъ, доведенный до крайности подобнаго рода поступками, приказалъ ночью арестовать члена революціоннаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ министра исповѣданій и просвѣщенія Лелевеля. Эта мѣра сильно подѣйствовала на многихъ революціонеровъ и она не только имъ не понравилась, но даже считали ее нарушеніемъ своей «золотой вольности». По этому поводу въ городѣ носились слухи что скоро въ Варшавѣ вспыхнетъ контръ-революція противъ диктатора. Войску приказано было быть на готовѣ въ

---

[1]) Имя содержательницы кофейни.

[2]) На мостовой ты шумѣлъ.

случаѣ новаго бунта и всѣми силами приказано водворить порядокъ въ городѣ. Студенты караулили помѣщеніе диктатора и къ собиравшейся около зданія толпѣ обращались съ слѣдующими словами: «только по нашимъ трупамъ проберетесь къ нему; смерть каждому, кто осмѣлится посягнуть на жизнь его». Князь Адамъ Чарторижскій и еще нѣкоторые другіе представители тогдашняго правительства обратились къ диктатору съ просьбой объ освобожденіи Лелевеля. Дурно принялъ депутацію диктаторъ, а князю Чарторижскому поставилъ на видъ, что онъ самъ нарушаетъ порядокъ и вѣроятно самъ врагъ единства и закона. При этомъ прибавилъ, что впредь ни кому не позволитъ вмѣшиваться въ предоставленныя ему права и въ противномъ случаѣ всякаго подвергнетъ смертной казни. Хлопицкій, дѣлая наставленіе депутаціи, такъ громко говорилъ, что каждое его слово можно было легко слышать на улицѣ. Видя, что въ Варшавѣ начинается настоящій терроръ, я поскорѣе постарался убраться изъ города и отправился въ Сувалки.

IV.

Оставляя Варшаву со всѣми ея тогдашними порядками, я постараюсь описать революціонное движеніе въ той части края, въ которой я былъ очевидцемъ возстанія, именно въ бывшемъ Августовскомъ воеводствѣ [1]).

Уже въ то время многіе утверждали, что Осипъ Годлевскій, извѣстный депутатъ отъ Маріямпольскаго округа на варшавскомъ сеймѣ и владѣлецъ обширныхъ помѣстій, исходатайствовалъ для себя должность Августовскаго региментарія или военнаго начальника Августовскаго воеводства не для блага страны, но ради матеріальной своей выгоды. Забота о личныхъ интересахъ обнаруживалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ: въ началѣ движенія въ Августовскомъ воеводствѣ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ главный городъ воеводства и заниматься наборомъ солдатъ для сформированія Августовскаго пѣхотнаго полка, что̀ ему было предписано варшавскимъ революціоннымъ правительствомъ, онъ отправился въ г. Ломжу, чтобы составить смѣту для постройки шоссе и условиться на счетъ доставленія соли въ магазины [2]). Эта послѣдняя работа производилась руками его крестьянъ, за которую Годлевскій получалъ значительныя деньги. Изъ Ломжи отправился съ такою же цѣлью въ Августовъ, гдѣ пре-

---

[1]) Сувалкская и Ломжинская губерніи.

[2]) Въ то время еще была монополія продажи соли.

бывалъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что русское войско уже переправилось черезъ Нѣманъ въ дер. Штабинѣ. Тогда ушелъ въ Сувалки, гдѣ были собраны вновь сформированные баталіоны, Маріямпольскій и Сеймскій, съ тою цѣлью, чтобы ихъ двинуть по направленію къ Варшавѣ; но такъ какъ дорога въ Варшаву уже была занята русскими войсками, то баталіоны принуждены были двинуться назадъ въ сѣверную часть воеводства. Эти два отряда отличались различными злоупотребленіями: нападали на дома, грабили имущество мирныхъ жителей; не рѣдко даже грозили сжечь и села, и города, если приказанія ихъ не будутъ въ точности исполнены. Региментарій собиралъ только отовсюду деньги, давалъ распоряженія въ казначейство о выдачѣ членамъ воеводской коммисіи денегъ и собирался ежедневно, въ случаѣ появленія русскаго войска, пріискать себѣ, вмѣстѣ съ своими сподвижниками болѣе покойное мѣсто въ предѣлахъ Пруссіи. Замѣтивъ это, я просилъ Годлевскаго указать мнѣ лице, которому будетъ поручено исправленіе обязанности региментарія въ случаѣ его бѣгства за границу. «Ибо, хотя русское войско не будетъ нуждаться въ регимента̀ріи и само съумѣетъ собрать все необходимое для продовольствія арміи, однако-жъ для жителей мѣстный авторитетъ въ подобныхъ случаяхъ необходимъ, въ особенности при распредѣленіи налоговъ».

На это мнѣ региментарій отвѣтилъ: «вмѣсто того, чтобы заботиться о здѣшнихъ порядкахъ, будетъ цѣлесообразнѣе, если ксендзъ-оффиціалъ, вмѣстѣ съ нами, отправится за границу».

Таковъ былъ отвѣтъ одного изъ тѣхъ вожаковъ мятежа, которые, сбунтовавъ народъ, искали для себя безопаснаго мѣста за предѣлами края. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я сдѣлалъ намекъ воеводѣ, что неблагородно оставлять въ такихъ случаяхъ подчиненныхъ и прибавилъ, что я останусь въ Сувалкахъ и не покину порученной мнѣ, хотя только временно, паствы. Региментарій во́-время убрался изъ Сувалокъ: до побѣга его изъ города были присланы диктаторомъ изъ Варшавы агенты: Стравинскій и Бржостовскій, сыновья помѣщиковъ, для наблюденія за всѣми дѣйствіями Годлевскаго и въ случаѣ, если обнаружится, что региментарій заботится только о своихъ интересахъ, поручено было сказаннымъ эмиссарамъ покончить съ воеводой. Въ моемъ присутствіи и въ присутствіи еще нѣсколькихъ лицъ Бржостовскій зарядилъ пистолеты и побѣжалъ въ квартиру Годлевскаго, но его уже не было, онъ былъ уже далеко...

Русское войско вошло въ предѣлы царства, соблюдая строго дисциплину и не дѣлая ни малѣйшаго вреда жителямъ. Назначенный военнымъ губернаторомъ, генералъ-маіоръ Фончрикенъ (?) управлялъ воевод-

ствомъ вмѣстѣ съ воеводской коммисіей, которой члены поодиночкѣ возвращались изъ Пруссіи, видя порядокъ въ краѣ. Губернаторъ былъ до того доволенъ августовскимъ воеводствомъ, что сдѣлалъ даже представленіе главнокомандующему Дибичу объ исходатайствованіи передъ Государемъ Императоромъ какой нибудь милости для жителей ввѣреннаго ему воеводства. Но едва успѣлъ отправить представленіе въ главную квартиру, какъ уже получено извѣстіе о вспыхнувшемъ возстаніи въ Маріампольскомъ округѣ подъ предводительствомъ арендатора бывшаго казеннаго имѣнія Антонòво, Пушета. Такъ какъ объ этомъ возстаніи въ то время много было написано и въ особенности въ тогдашнихъ газетахъ, то я нахожу необходимымъ, хотя вкратцѣ, разсказать о немъ.

Тѣ, которые знали Пушета, когда онъ еще былъ въ военной службѣ, за тѣмъ лѣсничимъ и наконецъ помѣщикомъ, утверждали, что трусъ, взяточникъ и плохой сосѣдъ никогда не можетъ честно руководить какимъ бы то ни было дѣломъ. И Пушетъ, подобно Годлевскому, взялся за оружіе, имѣя въ виду только свои личные интересы. Нисколько не помогъ дѣлу возстанія, но напротивъ того, нанесъ много вреда той части царства, въ которой началъ свое дѣйствіе: погибло не мало людей, до того времени мирно занимавшихся обработываніемъ своего участка земли и не мечтавшихъ о какомъ бы то ни было возстаніи. Если принять во вниманіе то, что жители, вслѣдствіе мятежа Пушета, должны были впослѣдствіи давать продовольствіе значительному отряду русскаго войска и были лишены на долгое время многихъ рабочихъ рукъ, такъ какъ Пушетъ въ качествѣ казеннаго арендатора насильно бралъ крестьянъ въ службу, то получимъ ясное понятіе о пользѣ пресловутаго «Пушетскаго» возстанія. Возстаніе началось битвой при городѣ Маріамполѣ. Пушетъ, какъ только услыхалъ пушечные выстрѣлы, ушелъ съ поля сраженія, оставивъ на произволъ судьбы маіора Мадейскаго и капитана Шока, желавшихъ ворваться въ городъ съ правой и лѣвой стороны. Мадейскій и Шокъ были взяты въ плѣнъ и, по приказанію полковника Анненкова, первый былъ разстрѣлянъ, а второй былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ другими революціонными офицерами. Вмѣстѣ съ тѣмъ попало въ плѣнъ около 4-хъ тысячъ литовскихъ крестьянъ, которые были отправлены на работу на строившееся въ то время шоссе между С.-Петербургомъ и Москвою.

Когда прибылъ въ Литву генералъ Гелгудъ, Пушетъ не отправился съ нимъ вмѣстѣ на правый берегъ Нѣмана, но остался въ Пильвишкахъ [1]) для безопасности воеводской коммисіи, которая изъ

[1]) Посадъ Маріампольскаго уѣзда Сувалкской губерніи.

Сувалокъ переѣхала въ Пильвишки. Пушету снова удалось собрать около 400 пѣхотинцевъ, которыхъ черезъ нѣкоторое время отдалъ безъ выстрѣла въ руки русскихъ уланъ. Объ этомъ разсказываютъ слѣдующее: во главѣ своего отряда Пушетъ рѣшился напасть на гор. Сувалки, чтобы изгнать оттуда гвардейскую кавалерію; но, прибывъ въ Шиплишки [1]) и узнавъ, что отрядъ той кавалеріи находится въ Пунскѣ (въ 7-ми верстахъ отъ Шиплишекъ), двинулъ туда свою пѣхоту подъ начальствомъ отставнаго капитана Мадалинскаго; самъ же, по своему обычаю, не принялъ участія въ предстоящемъ сраженіи и остался на станціи въ Шиплишкахъ, ожидая результата дѣйствій. Неоднократно передавали мнѣ, что Пушетъ, невполнѣ надѣясь на свой отрядъ, сидѣлъ все время въ печи на станціи, пока не узналъ, что кавалерія вмѣстѣ съ его отрядомъ двинулась по направленію къ Сувалкамъ. Мадалинскій, приближаясь къ Пунску, замѣтилъ купавшихся гвардейцевъ въ озерѣ. Вмѣсто того, чтобы броситься на нихъ и отнять у нихъ лошадей и оружіе, онъ останавливается на ближайшемъ холмѣ, поднимаетъ на саблѣ бѣлый платокъ и требуетъ сдачи всего отряда. Гвардейцы немедленно садятся на коней и, думая, что революціонеры желаютъ сдаться, окружаютъ ихъ. Тѣ, ошеломленные, не зная, что дѣлать, такъ какъ и командиръ потерялъ присутствіе духа, даже незащищаются; гвардейцы между тѣмъ успѣваютъ отнять оружіе и какъ стадо барановъ гонятъ мятежниковъ въ Сувалки. Однако, не смотря на это, Пушетъ еще держался нѣкоторое время и даже успѣлъ сформировать отрядъ кававалеріи, состоявшій изъ 50 хорошо вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ бо̀льшую половину потерялъ ради удовольствія начальника своего штаба. Этотъ послѣдній, подъ тѣмъ предлогомъ, что будтобы отправляется въ Пруссію за покупкой пороху, между тѣмъ какъ онъ желалъ только повидаться съ своею любовницей, жившей въ городкѣ Бакаларжевѣ, взялъ съ собою 20 человѣкъ кавалеристовъ; на обратномъ пути напалъ на него отрядъ Донскихъ казаковъ, отъ которыхъ онъ одинъ только ушелъ пѣшкомъ. Солдаты всѣ до одного погибли.

Пушета съ тѣхъ поръ постоянно преслѣдовали русскіе отряды: ежедневно онъ переходилъ изъ одного города въ другой, наконецъ въ болотистой мѣстности между Райгродомъ и Граевомъ былъ разбитъ и отправился пѣшкомъ съ своимъ штабомъ въ Варшаву, гдѣ его долго считали весьма заслуженнымъ вожакомъ возстанія. Онъ оставилъ по себѣ весьма незавидную память въ тѣхъ мѣстахъ, въ

---

[1]) Почтовая станц. между Сувалками и Кальваріей.

которыхъ дѣйствовалъ во время мятежа: любилъ безпощадно вѣшать своихъ личныхъ враговъ, между которыми первое мѣсто занималъ вышеупомянутый Годлевскій. За нѣсколько лѣтъ до возстанія Годлевскій, имѣя помѣстья близъ Ковна (въ Маріямпольскомъ уѣздѣ) и желая увеличить ихъ новыми пріобрѣтеніями, нападалъ съ своими крѣпостными людьми на казенныя земли и въ особенности на лѣса, принадлежащіе казнѣ. Старшимъ лѣсничимъ этихъ лѣсовъ былъ Пушетъ. Между Годлевскимъ и Пушетомъ началась настоящая распря: нерѣдко были въ лѣсу кровавыя схватки между лѣсными стражниками и людьми Годлевскаго, грабившими казенное имущество. Съ тѣхъ поръ почти еженедѣльно Годлевскій и Пушетъ посылали доносы въ Варшаву другъ на друга, такъ какъ Пушетъ не отличался чистыми руками во время отправленія служебныхъ обязанностей. Въ концѣ концовъ лѣсничій замѣтилъ, что за различныя продѣлки по службѣ придется, чего добраго, попасть въ тюрьму, можетъ быть, даже вмѣстѣ съ Годлевскимъ; это заставило его за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія подать въ отставку и затѣмъ онъ охотно сдѣлался однимъ изъ вожаковъ возстанія въ бывшемъ августовскомъ воеводствѣ. Въ началѣ мятежа главная его цѣль была перевѣшать всѣхъ тѣхъ, на которыхъ Годлевскій указывалъ въ своихъ доносахъ, какъ на лицъ, желавшихъ доказать справедливость его донесеній. Поплатились въ особенности несчастные крестьяне Годлевскаго и многіе евреи. Сколько Пушетъ могъ повѣсить крестьянъ, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что, по свидѣтельству многихъ моихъ знакомыхъ, однихъ только жидовъ повѣшено имъ болѣе 90. Вотъ патріотическая цѣль возстанія, которое вожаки его называли народнымъ.

Съ тѣхъ поръ, когда въ Сувалки прибыли отряды русскаго войска, я, сидя почти безвыходно въ своемъ домѣ, такъ какъ строжайше было запрещено отлучаться каждому жителю изъ дому, дождался прибытія въ городъ революціоннаго генерала Гелгуда, который торжественно въѣхалъ въ городъ, сопровождаемый съ одной стороны католическимъ ксендзомъ, а съ другой лютеранскимъ пасторомъ. Послѣ въѣзда въ городъ генералъ прислалъ ко мнѣ своего полковника V len'in d'Ottrive, чтобы сдѣлать мнѣ внушеніе за то, что я не встрѣтилъ его торжественно у городской заставы и не приказалъ бить въ колокола. Чтобы извиниться передъ нимъ, я отправился въ его квартиру; я былъ знакомъ съ нимъ, такъ какъ нерѣдко встрѣчался въ одномъ изъ варшавскихъ женскихъ монастырей, извѣстномъ подъ названіемъ Камоничекъ [1]), гдѣ была

[1]) Аристократическій монастырь, существующій до настоящаго времени.

его сестра монахиней. Онъ принялъ меня ласково и нашелъ мое оправданіе вполнѣ справедливымъ, такъ какъ я объяснилъ, что въ городѣ ни кто не зналъ, кто именно приближался къ заставамъ Сувалокъ, русскіе-ли, или поляки. Онъ уговаривалъ меня двинуться съ нимъ вмѣстѣ въ Вильно. Но когда я не согласился на это предложеніе, ссылаясь на то, что не могу отлучиться изъ Сувалокъ, по поводу служебныхъ обязанностей (я тогда управлялъ Августовской епархіей), онъ посмотрѣлъ на меня сердито и прибавилъ, что напрасно я забочусь о томъ, чтобы поддержать порядокъ въ краѣ, который снова достанется русскимъ. Однако былъ настолько любезенъ, что, по моей просьбѣ, приказалъ дать стражу одной еврейкѣ, которую солдаты уже ограбили и хотѣли повѣсить за то, что ея мужъ, за нѣсколько часовъ до того времени, будто бы былъ шпіономъ въ русскомъ отрядѣ.

Поражало меня то обстоятельство, что Гелгуду порученъ былъ 20,000 корпусъ, отлично вооруженный, такъ какъ поляки не довѣряли ему и всегда считали его подозрительнымъ лицемъ. Вышеупомянутый полковникъ Valentin, который былъ въ моемъ домѣ на квартирѣ, объяснилъ это тѣмъ, что Гелгудъ отличился тогда въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, въ особенности, находчивостью и распорядительностью во время отступленія его дивизіи изъ города Калушина [1]. Во время этого отступленія, какъ увѣрялъ полковникъ, Гелгудъ отличился не только замѣчательною личною храбростью, но и особеннымъ знаніемъ военнаго искуства. За это отличіе главнокомандующій Скржинецкій поручилъ Гелгуду лѣвое крыло арміи, которая выступила противъ русской гвардіи, собранной въ окрестностяхъ мѣстечка Снядовъ [2]. Скржинецкій ошибся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ гвардія двинулась обратно на правый берегъ Нѣмана близъ города Тикоцина, а между тѣмъ дошли до него слухи, что фельдмаршалъ Дибичъ безъ всякаго сопротивленія перешелъ рѣку Бугъ, не смотря на то, что поручено было защищать переправу Янковскому и Уминскому, командовавшимъ значительными отрядами. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, Скржинецкій оставилъ Тикоцинъ, поспѣшно прибывъ въ Остроленку и въ Шельковѣ [3]) расположился лагеремъ. Тогда то началось кровавое сраженіе, которое фельдмар-

---

[1]) Городокъ въ Варшавской губ., Ново-Минскаго уѣзда.

[2]) Правымъ крыломъ этой арміи командывалъ Ѳома Лубенскій, а центромъ — главнокомандующій Скржинецкій.

[3]) Въ 14 верстахъ отъ Остроленки.

шалъ Дибичъ въ своемъ рапортѣ называетъ кровавою купелью. Но описаніе этой страшной битвы не относится къ моему разсказу. Возвращаюсь къ Гелгуду, который во время Остроленкскаго сраженія находился въ Ломжѣ и прислушивался къ гулу орудій, не двигаясь съ мѣста и даже не думая о томъ, чтобы отправиться на помощь остальной части арміи, не смотря на то, что окружавшіе его офицеры совѣтовали непремѣнно это сдѣлать. Онъ могъ соединиться съ главной арміей безъ особеннаго труда, такъ какъ мостъ на рѣкѣ Наревѣ (противъ Вислы) былъ еще цѣлъ; но онъ порѣшилъ остаться въ Ломжѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ дальнѣйшихъ распоряженій отъ Скржинецкаго; а между тѣмъ въ Ломжѣ предоставилъ полную свободу дѣйствія своимъ солдатамъ, которые грабили магазины императорской гвардіи, оставшіеся въ городѣ. Скржинецкій, думая, что Гелгудъ не можетъ съ нимъ соединиться, такъ какъ предполагалъ, что лѣвое крыло окружено со всѣхъ сторонъ русскими войсками, послалъ къ Гелгуду отрядъ кавалеріи, извѣстной подъ названіемъ Познанской, подъ начальствомъ генерала Дембинскаго и приказалъ двинуться въ Ковенскую и Виленскую губерніи, чтобы поддержать въ нихъ вспыхнувшій мятежъ. Уже въ Ломжѣ начали подозрѣвать Гелгуда въ измѣнѣ. Это мнѣніе еще болѣе усилилось и даже распространилось по всему корпусу, когда послѣ побѣды, одержанной имъ надъ русскимъ отрядомъ подъ городомъ Райгродомъ, въ которой попали въ плѣнъ 2 баталіона полка имени извѣстнаго Аракчеева, и тяжело былъ раненъ начальствовавшій генералъ (имени его не помню), онъ не желалъ воспользоваться результатомъ ея. Вмѣсто того, чтобы отправиться кратчайшимъ путемъ въ гор. Сувалки, гдѣ онъ могъ взять въ плѣнъ русскій отрядъ, оставшійся безъ предводителя въ полномъ разстройствѣ, шелъ черепашьимъ шагомъ на Августовъ, наводя мосты на каждой рѣчкѣ, которые были сожжены отступавшимъ русскимъ отрядомъ. Только по истеченіи трехъ дней онъ прибылъ въ Сувалки, вслѣдствіе чего не успѣлъ отнять у разстроеннаго отряда болѣе 15 милл. рублей сер., 100 повозокъ, наполненныхъ различными военными предметами, нѣсколько орудій и нѣсколько десятковъ солдатъ. Губернаторъ Фончрикенъ, какъ только замѣтилъ, что отрядъ отступаетъ и что командиръ его тяжело раненъ, принялъ начальство, отправилъ деньги и повозки въ Ковно, а па слѣдующій день двинулъ по направленію къ тому же городу и разстроенный отрядъ. Самъ-же съ нѣсколькими казаками оставилъ городъ только тогда, когда замѣтилъ, что польскій корпусъ находится въ разстояніи только 2—3-хъ верстъ отъ города. Прощаясь со мною у крыльца моего дома, губернаторъ совѣтовалъ мнѣ не

оставлять паствы и выразилъ надежду, что онъ возвратится въ городъ въ самое непродолжительное время.

Генералъ Гелгудъ цѣлый день пробылъ съ своимъ корпусомъ въ Сувалкахъ. Можно было тогда повсюду слышать, какъ солдаты жаловались на своего предводителя и публично называли его измѣнникомъ. Особенно поразило меня то обстоятельство, что у меня во время обѣда, когда за столомъ сидѣли нѣсколько десятковъ офицеровъ, между которыми былъ и генералъ Дембинскій, адъютантъ Гелгуда, Скульскій, публично давалъ честное слово, что измѣннику генералу, какъ собакѣ, пуститъ въ лобъ пулю, если онъ и на будущее время будетъ обманывать корпусъ. Никто изъ присутствовавшихъ не сказалъ ни слова и послѣ обѣда офицеры разошлись по квартирамъ въ глубокомъ молчаніи. Когда русскій отрядъ переходилъ Нѣманъ по мосту въ Алексотѣ (предмѣстье Ковна), Гелгудъ далъ приказъ въ Сувалкахъ преслѣдовать его. Спустя четыре дня Гелгудъ прибылъ на берегъ Нѣмана; въ Алексотѣ приказалъ выстрѣлить нѣсколько разъ изъ орудій, поставленныхъ на Алексотскихъ возвышенностяхъ. Какое значеніе было этихъ выстрѣловъ, едва-ли понималъ самъ командовавшій генералъ. На слѣдующій день, вмѣсто того, чтобы двинуться въ Вильно, гдѣ въ то время вовсе не было русскаго войска и занять этотъ важный стратегическій пунктъ, онъ направилъ свой путь въ Гелгудишки [1]), мѣсто его родины. Переправившись на правый берегъ Нѣмана, онъ всѣми силами старался ослабить вспыхнувшій бунтъ: не принялъ предложенія помѣщиковъ Ковенской губерніи сформировать нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ отрядовъ. Въ Вильно двинулся онъ въ то время, когда городъ былъ наполненъ войскомъ и когда генералъ Толстой принялъ надлежащія мѣры къ его оборонѣ. Гелгудъ хотѣлъ взять городъ съ той стороны, съ которой не могло быть ни малѣйшей надежды на вѣрный успѣхъ: потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ отступить. Тогда онъ двинулся въ Шавли, гдѣ ожидала его такая же участь, какъ на Виленскихъ высотахъ. Видя полнѣйшую невозможность продолжать борьбу съ русскими войсками, онъ направилъ свой путь къ прусской границѣ, гдѣ адъютантъ Скульскій и сдержалъ свое слово: выстрѣлилъ ему въ лобъ изъ пистолета въ то время, когда Гелгудъ на конѣ появился передъ рядами войска. Корпусъ перешелъ границу и положилъ оружіе въ предѣлахъ Пруссіи, Скульскій, переправившись на лѣвый берегъ Нѣмана, отправился въ Варшаву.

---

[1]) Имѣніе на берегу Нѣмана недалеко отъ Прусской границы. Теперь собственность барона Кейделя.

Разсказывая о возстаніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я считаю необходимымъ упомянуть объ одномъ происшествіи, которое достаточно характеризуетъ образъ мыслей и обычаи многихъ нашихъ (польскихъ) дѣвицъ. Слѣдующій примѣръ послужитъ доказательствомъ, какъ многія дѣвицы уклоняются отъ обязанностей, назначенныхъ имъ самимъ Богомъ: быть примѣромъ семейной добродѣтели, любящей матерью и женою; быть чуждой всякихъ политическихъ вопросовъ и вообще всего того, что несообразно съ ихъ врожденной скромностью. Странно смотрѣть на молодую барышню, которая, наговоривъ массу нелѣпостей на русскихъ и побывавъ во всевозможныхъ псевдопатріотическихъ притонахъ, ухаживаетъ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ, за русскими офицерами и выходитъ за любаго изъ нихъ за мужъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ согласится со мною, что военный мундиръ и вообще военное ремесло не идетъ къ лицу молодой дамѣ. А между тѣмъ подобными примѣрами можно было вдоволь налюбоваться въ 1831 году. Достаточно только вспомнить дѣйствія m-lle Плятеръ, которая, будучи совершеннолѣтнею и поэтому имѣя право распоряжаться своимъ громаднымъ имѣніемъ, сформировала на свой счетъ уланскій полкъ, сдѣлалась его командиромъ и, надѣвъ полковничій мундиръ, окружила себя адъютантами, набранными изъ дѣвицъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ семействамъ Ковенской и Виленской шляхты. Сначала этотъ странный полковникъ пользовался большимъ авторитетомъ; но впослѣдствіи, когда замѣчены были интимныя отношенія графини-полковника къ подчиненнымъ офицерамъ, имя m-lle Плятеръ сдѣлалось предметомъ насмѣшки. Послѣ неудачнаго сраженія подъ стѣнами Вильны, m-lle-полковникъ не послѣдовалъ примѣру Гелгуда, двигавшагося съ своимъ корпусомъ, какъ уже сказано, къ предѣламъ Пруссіи; но, бросивъ свой полкъ, графиня переправилась на берегъ Нѣмана въ бывшее Августовское воеводство съ однимъ офицеромъ такъ называемаго познанскаго отряда, сыномъ богатаго помѣщика теперешней Ломжинской губерніи. Офицеръ въ одну прекрасную ночь похитилъ у нея значительную сумму денегъ, большое множество драгоцѣнностей, которыя постоянно она таскала съ собою и ушелъ, неизвѣстно куда; нѣкоторые тогда-же толковали, что бѣжалъ за-границу. Графиня, замѣтивъ, что у нея нѣтъ ни лошадей, ни копѣйки за душою, поняла свое безвыходное положеніе и помѣстилась, на нѣкоторое время, у корчмаря-жида за оставшійся у нея еще на пальцѣ драгоцѣнный перстень. Будучи у еврея, она узнала, что недалеко живетъ знакомый ей викарный ксендзъ, котораго нѣсколько разъ видѣла въ Ковенскомъ доминикан-

скомъ монастырѣ, когда онъ еще былъ монахомъ. Она рѣшилась отправиться къ нему и просить совѣта, что дѣлать въ такомъ положеніи. Три дня она шла пѣшкомъ въ Метеле (село Сейнскаго уѣзда), гдѣ жилъ упомянутый священникъ; впродолженіи этого времени ничего не ѣла и утромъ четвертаго дня отъ полнаго истощенія силъ пала въ обморокъ въ хатѣ какого-то крестьянина. Мужикъ сжалился надъ несчастнымъ положеніемъ этой женщины, накормилъ ее и отвезъ въ Метеле къ ксендзу Доманскому. У небогатаго викарнаго ксендза графиня не могла найти для себя соотвѣтствующаго ея званію пріюта и, по его совѣту, рѣшилась отправиться въ дер. Юстьяновъ къ помѣщику Игнатію Абламовичу, извѣстному своимъ честнымъ и благороднымъ характеромъ. Въ домѣ его она нашла радушное гостепріимство и была окружена возможною заботливостью; но по истеченіи нѣсколькихъ дней эта жертва заблужденія скончалась; тѣло ея похоронено на кладбищѣ въ Концевѣ [1]). Передъ смертью въ присутствіи всѣхъ, окружавшихъ ее она раскаялась въ своихъ поступкахъ, которые могутъ послужить только примѣромъ, до какой степени заблужденія можетъ довести крайній фанатизмъ.

V.

Чтобы дать читателю хоть сколько нибудь вѣрное понятіе о безпорядкахъ 1831 года, я считаю необходимымъ разсказать вкратцѣ о томъ, что происходило въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, послѣ того, какъ Хлопицкій приготовился къ встрѣчѣ русскаго войска. Хотя я и не былъ очевидцемъ событій, происходившихъ въ то время въ Варшавѣ, но, живя впослѣдствіи долгое время въ этомъ городѣ и имѣя сношенія съ лицами, участвовавшими въ революціонномъ правительствѣ, я составилъ себѣ ясное понятіе о положеніи края во время мятежа.

Въ началѣ движенія многіе близко знавшіе Хлопицкаго, толковали, что, если онъ заупрямится, что случится навѣрно, когда ему не понравится въ Варшавѣ составъ революціоннаго правительства, то онъ готовъ будетъ бросить все на произволъ судьбы и уйти за границу. Это предположеніе вполнѣ осуществилось во время Гроховскаго сраженія. Уже въ началѣ битвы онъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями генерала Круковецкаго, который началъ самостоятельно распоряжаться

---

[1]) Въ 30-ти верстахъ отъ Сейнъ.

на лѣвомъ крылѣ. На второй день битвы диктаторъ, разсердившись на генерала Жимирскаго за то, что сей послѣдній не сумѣлъ взять какую-то рощу, весьма важный стратегическій пунктъ, не смотря на то, что Жимирскій геройски погибъ на полѣ битвы, бросилъ Гроховское поле и, подъ предлогомъ раны, ушелъ въ Варшаву, откуда, по истеченіи самаго непродолжительнаго времени, отправился въ Краковъ. Главнокомандующимъ былъ избранъ князь Радзивиллъ; но когда онъ отказался отъ предводительства, назначенъ былъ командующимъ полковникъ Скржинецкій. Тогда бой въ Гроховѣ продолжался еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ цѣлый день и цѣлую ночь. Но какое значеніе могла имѣть храбрость солдатъ, оказанная въ Остроленкѣ, Гроховѣ, въ Ваврѣ и другихъ мѣстахъ, когда между вельможами, составлявшими революціонное правительство, не было ни малѣйшаго единства дѣйствія, ни строго опредѣленнаго плана. Сеймъ составленъ былъ не на основаніи закона изъ представителей отъ воеводствъ, составлявшихъ Царство Польское, но выписаны были депутаты изъ Украйны, Волыни, Литвы, Бѣлой Руси и Жмуди. Сеймъ забавлялся вопросами, которые вовсе не могли быть предметомъ его дѣйствій и которые были совершенно противоположны тогдашнимъ обстоятельствамъ. Можно было слышать голоса на сеймѣ: «долой безбрачіе духовенства! прочь съ католическимъ Богомъ и съ католической религіей!» Въ началѣ собранія сейма прославляли шляхту, какъ лучшую и необходимую часть народа, какъ фундаментъ всего существовавшаго въ краѣ; впослѣдствіи начали осмѣивать ее, приписывая ей все несчастье, постигшее отечество. Нѣкоторые даже отказывались отъ своего шляхетскаго происхожденія. Тогда все спасеніе видѣли въ простомъ сословіи, которому обѣщаны были золотыя льготы, что, конечно, не было бы приведено въ исполненіе. Это мое искреннее убѣжденіе могло-бы быть подтверждено различными фактами изъ прежнихъ дѣйствій польскихъ вельможъ [1]). Чтобы завер-

[1]) Прежнія дѣйствія польскихъ вельможъ не вполнѣ подтверждаютъ огульное мнѣніе автора воспоминаній. Еще въ концѣ XVIII ст. многіе польскіе вельможи надѣлили крестьянъ землею на чиншевыхъ условіяхъ, такъ напримѣръ: Бржостовскій, Хрептовичъ, Понятовскій, Малаховскій, Замойскій, Потоцкій (См. Korzon. Экономическое состояніе Польши, въ Ateneum 1877 г., томъ II, стр. 599). Извѣстный польскій экономистъ Сташицъ даже устроилъ образцовую крестьянскую общину въ своемъ громадномъ имѣніи у Грубешова, Люблинской губерніи. О начинаніяхъ поляковъ въ Литвѣ вотъ что пишетъ Лелевель въ своей запискѣ о крестьянахъ:

«На виленскомъ сеймикѣ 1818 г. помѣщики Литвы порѣшили немедленно обдумать средства для обезпеченія свободы крестьянамъ. Князь губернаторъ (Любецкій) вмигъ явился въ Вильно и пригрозилъ вице-губернатору, что вступитъ въ

шить нѣкоторые свои сумасбродные замыслы, сеймъ постановилъ низверженіе съ польскаго престола государя Николая Павловича, что было поводомъ къ окончательному разладу между двумя единоплеменными народами и отняло всякую надежду на великодушіе Государя, который, въ противномъ случаѣ, не отнесся бы строго къ провинившимся полякамъ. Тогдашнее наше (польское) дѣло не было такого рода, которое можно было выиграть на полѣ битвы,—странно даже было мечтать объ этомъ; но просьбой и ходатайствомъ у иностранныхъ державъ можно бы было сдѣлать много. При всемъ томъ, такъ называемая красная партія, руководимая Лелевелемъ, произвела контръреволюцію, которой злодѣянія, совершенныя въ день начала ея и въ слѣдующую затѣмъ ночь, превзошли всякія ожиданія. Въ тоже время въ арміи господствовало полнѣйшее отсутствіе единства, согласія, повиновенія и недовѣріе къ главнокомандующему; все это предвѣщало печальную катастрофу, тѣмъ болѣе, что начальство надъ русскими войсками ввѣрено было опытному въ военномъ дѣлѣ, извѣстному фельдмаршалу Паскевичу, назначенному на мѣсто Дибича, умершаго, какъ извѣстно, отъ холеры въ помѣстьѣ, лежащемъ близъ города Пултуска. Не буду подробно расказывать о томъ, какъ Паскевичъ переправился на лѣвый берегъ Вислы, какъ штурмомъ взялъ укрѣпленное предмѣстье Варшавы, Волю; упомяну только о томъ, что послѣ кровопролитнаго сраженія при взятіи этого предмѣстья армія Паскевича надѣялась на то (??), что будетъ обильно вознаграждена добычею, найденной въ Варшавѣ. Но, когда русская армія находилась въ Варшавѣ, отданъ былъ Паскевичемъ приказъ по войскамъ о соблюденіи строжайшаго порядка, такъ какъ Варшава сдалась на капитуляцію. Объ этой капитуляціи, въ свое время, были самые разнообразные толки. Одни приписывали ее измѣнѣ генерала Круковецкаго, который называлъ себя не главнокомандующимъ, но только губернаторомъ Варшавы; другіе утверждали (по моему мнѣнію вполнѣ основательно), что доброе обращеніе арміи съ завоеваннымъ городомъ, можно оправдать только великодушіемъ великаго князя Михаила Павловича, сражавшагося въ рядахъ русской арміи. Когда Паскевичъ вошелъ въ городъ, польское войско, собранное въ предмѣстьѣ Прагѣ, имѣя во главѣ революціонное правительство, двину-

---

исполненіе своей обязанности, если онъ не уйметъ сеймикующихъ. Вице-губернаторъ, исполняя должность губернатора и его порученія, опечаталъ сеймиковую залу, чтобы по крайней мѣрѣ удержать публичный соблазнъ. Затѣмъ явился указъ, запрещающій шляхтѣ говорить на сеймикахъ о свободѣ подданныхъ. (Лелевель. Polska dzieje jej. томъ VII, стр. 36 и 178). С. П.

лось въ городъ Закрочимъ (Плоцкой губерніи). По распоряженію фельдмаршала Паскевича въ городѣ объявлено было, что всѣ тѣ, которые не пожелаютъ остаться въ краѣ, могутъ впродолженіи трехъ дней оставить городъ и отправиться вслѣдъ за своими вожаками. Вслѣдствіе продолжительной осады Варшавы и отсутствія всякаго порядка въ городѣ началъ свирѣпствовать голодъ и была ужасная дороговизна. Великій князь приказалъ выдавать бѣднѣйшимъ жителямъ города хлѣбъ изъ магазиновъ своей арміи, а также принять нѣсколько злотыхъ (15 коп. сер.) кредитными билетами революціоннаго правительства, потерявшими тогда всякое значеніе.

VI.

Какія преобразованія были введены въ краѣ по усмиреніи возстанія, опишу впослѣдствіи, если не помѣшаютъ мнѣ обстоятельства; а теперь вкратцѣ разскажу то, что я видѣлъ въ Варшавѣ, куда я прибылъ, по повелѣнію моего пастыря, нѣсколько дней спустя послѣ взятія ея русскими.

Я нашелъ въ Варшавѣ прежній порядокъ, за исключеніемъ только того, что во главѣ присутственныхъ мѣстъ были поставлены новыя лица и что представителемъ верховной власти былъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Городъ принялъ свой прежній видъ: на улицахъ можно было встрѣтить не мало такъ называемой золотой молодежи; въ домахъ барышни пѣли «Jeszcze polska nie zginęła» (еще не погибла Польша), а мужчины хвастались своею храбростью и негодовали на полицію, которая запрещала появляться имъ на улицѣ въ мундирѣ національной гвардіи. Но бѣдствія и крайняя нищета господствовали въ нисшемъ сословіи: мастерскія были закрыты по неимѣнію совершенно работы; купецъ иногда впродолженіи цѣлаго дня не продавалъ ни на одну копѣйку, такъ какъ покупать было некому; поденщикъ ходилъ изъ одного конца города въ другой, не находя нигдѣ работы. Не смотря на такое ужасное положеніе, какъ богатые, такъ и бѣдные тратили послѣднія копѣйки на пріобрѣтеніе мелкихъ вещицъ, напоминавшихъ революцію, которыми начали торговать мелочные лавочники и въ особенности жиды. Продавали деревянные крестики, игольники и другіе тому подобные предметы; матеріалъ для нихъ будтобы брали въ рощѣ, находившейся на Гроховомъ полѣ, такъ какъ многіе тогда утверждали, что вокругъ этой рощи были громадныя лужи русской и польской крови. Дорого продавали ящики съ революціонными деньгами: червонецъ, золотой 30-ти копѣечникъ, сере-

бряный 5-ти копѣечникъ, мѣдная монета въ 1½ копѣйки и кредитный билетъ въ 75 коп. Продавали разнообразныя гравюры, между которыми въ особенности часто попадались изображавшія вновь сформированные кавалерійскіе полки, которые отличались прекрасными мундирами. Жадно расхватывали также книги, газеты, пѣсни и ноты, изданныя во время возстанія. Нерѣдко покупали эти предметы и офицеры русской арміи, желая, повидимому, привести съ собою ихъ на родину, чтобы показать своимъ соотечественникамъ, чѣмъ забавлялись степенные патріоты въ Варшавѣ. Но на обратномъ пути арміи подобные предметы конфискованы были у офицеровъ по распоряженію высшаго начальства.

Будучи въ Варшавѣ, я много слышалъ разсказовъ, относившихся къ битвѣ, бывшей на Гроховомъ полѣ. Жители Варшавы принимали въ свои дома всѣхъ раненыхъ во время этого сраженія. Бывали иногда сюрпризы для домохозяевъ, которыхъ характеръ и нравственность въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ обнаруживались. Между прочимъ разсказываютъ, что однажды ночью поднятъ былъ на улицѣ офицеръ, весь израненный въ той же битвѣ и былъ помѣщенъ въ домѣ одного зажиточнаго господина. На слѣдующее утро хозяинъ узналъ въ немъ бывшаго любовника своей жены, котораго за два года до начала возстанія едва не вызвалъ на дуэль. Хозяйка была въ двусмысленномъ положеніи, такъ какъ опасалась подозрѣній своего стараго мужа. Но ему нечего было относиться подозрительно къ своей красавицѣ, такъ какъ она уже имѣла сношеніе съ другимъ молодымъ кавалеристомъ. Непріятно было положеніе и мужа, который скорѣе желалъ бы видѣть своего соперника погибшимъ въ битвѣ, чѣмъ ухаживать за нимъ, что обязанъ былъ дѣлать по необходимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ могъ подвергнуться большой опасности. Этого офицера я лично знаю; онъ живъ до настоящаго времени [1]) (арендаторъ одного имѣнія въ Люблинской губерніи). Тогда онъ былъ весьма извѣстенъ въ Варшавѣ, такъ какъ благодаря только его храбрости и энергіи его баталіона, корпусъ Лубенскаго не попалъ въ плѣнъ при переправѣ черезъ Наревъ. Не называю его имени; но я убѣжденъ, что историкъ возстанія 1831 г. не оставитъ его дѣйствій безъ надлежащей оцѣнки, въ особенности, разбирая ужасный бой на Остроленскомъ мосту.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній, относящихся къ этой эпохѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что многіе весьма серіозные люди удивлялись тому, какъ государь могъ позволить отправиться за гра-

---

[1]) Эта часть записокъ была составлена въ апрѣлѣ 1869 г. Г.

ницу такой массѣ людей, которыхъ единственною цѣлью было произведеніе новаго вооруженнаго возстанія въ краѣ. Уже тогда предсказывали дурныя послѣдствія такого дѣйствія правительства. До того времени было распространено за границей о Россіи мнѣніе, какъ о государствѣ большомъ, могущественномъ и справедливомъ. Съ появленіемъ за границей столь многочисленной эмиграціи, въ числѣ которой было много смѣлыхъ и не безъ дарованій личностей, мнѣніе о Россіи между французами и отчасти въ Германіи начало принимать совершенно другой оборотъ. Доказательствомъ того можетъ служить походъ эмигрантовъ черезъ Германію, гдѣ ихъ встрѣчали во многихъ городахъ почти торжественно. Съ тѣхъ поръ появились газеты, брошюры и даже довольно объемистыя книги, въ которыхъ подвергались критикѣ дѣйствія русскаго правительства, распространяли объ немъ самые нелѣпые слухи, жаловались на его несправедливость и жестокость по отношенію къ полякамъ. Эмиграція 1831 года сдѣлалась для Россіи какимъ-то паразитомъ, отъ котораго трудно было отдѣлаться. Она была готова, при всякомъ случаѣ, произвести смуты въ краѣ и вообще во всякомъ уголкѣ Европы, гдѣ революціонеры желали произвести движеніе. Революція служитъ для нея ремесломъ; чтобы поддержать и доставить въ будущемъ контингентъ для нея, эмиграція основала въ Парижѣ Батиньольскую школу, въ которой исторія и Законъ Божій преподавались сыновьямъ и внукамъ выходцевъ въ революціонномъ направленіи. Само собою разумѣется, что при подобныхъ обстоятельстаахъ, не можетъ ни коимъ образомъ водвориться въ краѣ надлежащій порядокъ.

Буткевичъ.

Перевелъ съ польскаго г. **Гилюсъ** Сообщ. **П. К. Щебальскій.**

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э...... .....ВА.

II [1])

Ссыльно-каторжные въ Охотскѣ.

Я началъ разсказъ о каторжныхъ на солеваренномъ заводѣ въ Охотскѣ, сдѣлалъ поверхностный очеркъ заводу, вмѣсто подробностей о жизни каторжныхъ, я увлекся біографіей Ивана Мединцева.

Солеваренный заводъ въ Охотскѣ имѣлъ каторжныхъ отъ 250 до 300 человѣкъ; хотя это всѣ отверженные преступники, но они люди, между ними много разнообразныхъ характеровъ, разныхъ наклонностей, были свирѣпѣе Мединцева и были тихіе, добрые, покорные судьбѣ. Разскажу о нѣкоторыхъ личностяхъ по необходимости съ моимъ участіемъ, разскажу съ цѣлью выяснить общій характеръ этихъ гражданскихъ покойниковъ. Вотъ припомнился никѣмъ неразсказанный фактъ: каторжные за вѣру.

Еще лѣтомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ, въ каторжную работу, посылаются пять человѣкъ, называющихъ себя одинъ Христомъ, а четыре Евангелистами. Всѣ пятеро нераскаянные богохульники, весьма вредны, требуютъ особеннаго надзора.—Изъ флотскихъ офицеровъ, я одинъ оставался при портѣ и, какъ уже говорилъ, былъ исполнителемъ по всѣмъ министерствамъ безъ исключенія.—Октябрь. Начались морозы; являются только четверо; конвойные и каторжные объяснили, что Христосъ умеръ на семи хребтахъ (яблоновой хребетъ).—Начальникомъ въ Охот-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 301—316.

скѣ былъ У....., человѣкъ злой, недоброжелательный, не любимъ всѣми безъ исключенія, къ этому, былъ дурной офицеръ—какъ морякъ, служба его прошла въ Астрахани. Онъ былъ малороссіянинъ, должно быть началъ ученіе въ какой нибудь бурсѣ, любилъ говорить о Богословіи. Начальникъ думалъ диспутировать съ апостолами, но это были такіе начетчики, что скоро поставили его втупикъ, начальникъ разсердился и постращалъ кобылой! но не на трусовъ напалъ, они отвѣчали:

— «Ну, чтожъ, вмѣсто креста, будемъ носить кобылу и молиться ей».

Я посовѣтовалъ, предоставить протопопу и священнику вразумить ихъ. Пришли священники, каторжные сказали имъ:

«Не срамитесь, ваши владыки отошли со срамомъ».

Дѣйствительно священники не сбили ихъ, а они такъ и сыпятъ текстами изъ всего Священнаго писанія. Священники, находя закоснѣлость и извращенное изувѣрство, отказались. Я только слушалъ—бо не разуменъ бысть, но старался понять этихъ фанатиковъ—по своему. Я сообразилъ, что если эти закоснѣлые изувѣры попадутъ на заводъ, то легко увлекутъ нѣкоторыхъ въ свою секту. Я попросилъ начальника отдать ихъ пока мнѣ. Была отдѣльная казарма парусная и такелажная; въ это время стояла она пустая. Я приказалъ къ казармѣ принести дровъ, а въ казарму муки и что нужно для печенія хлѣба и помѣстилъ тамъ апостоловъ. Навѣщая ихъ, я не говорилъ ни одного слова. Ночью былъ порядочный морозъ; по утру арестанты жаловались, что имъ холодно. Я сказалъ, что на дворѣ есть дрова и топоръ, могутъ топить печь. Я не упомянулъ, что я долго и подробно распрашивалъ конвойныхъ объ этихъ изувѣрахъ и удостовѣрился, что всякій тѣлесный трудъ, они считаютъ грѣхомъ для себя, потому что они призваны молиться за весь міръ православный и ни разу не принесли полѣна и не сходили заводой—исполняли это конвойные. Это упорство я и взялъ въ основаніе съ цѣлью побѣдить ихъ. Прошло три дня и холодно и голодно. На просьбу ихъ приказать истопить, испечь хлѣбъ и принести воды, я спросилъ: а почему вы сами не истопите печи и не сходите за водой?—Отвѣчали!

— «Не подобаетъ двумъ господамъ работать, мы работаемъ Богу».

— Хорошо, пусть Богъ согрѣетъ и накормитъ васъ.

Упрашивали меня поговорить съ ними, побесѣдовать, я отвѣчалъ: «куда мнѣ, я человѣкъ неученой, сѣмя вашей мудрости упадетъ на камень». Принимались стращать меня отвѣтомъ Богу, обѣщали въ будущей жизни рай и проч..... Четыре дня терпѣли, я рѣшился выдержать молча. На пятый—молили, стращали, просили наказать ихъ за ослушаніе и наконецъ заплакали, сокрушаясь, что Господь оставилъ ихъ и въ видѣніи, повелѣлъ покориться. Принялись за дрова, принесли воды, испекли лепешки и бросили дурь. Чтобы не остыло рѣшеніе, я въ тотъ же день употребилъ ихъ на работу при портѣ, пошли и работали. Пропала ихъ святость!

А то спрашиваю, отъ чего ты называешься Іоаннъ Богословъ? Отвѣчаетъ:

— «Я Иванъ и Бога славлю».

Ну и толкуй съ нимъ!

Въ 1837 году, пріѣхавъ на службу въ Кіевъ, я нашелъ многихъ, которые разсказали мнѣ, что въ 1815 или 1816 году, въ Кіевской тюрьмѣ содержался христосъ, около него были апостолы, ученики; христосъ творилъ чудеса—исцѣлялъ больныхъ, предсказывалъ. Одну старушку, изъ купчихъ, я видѣлъ исцѣленною и она продолжала вѣрить. Въ тюрьму много сходилось народу, несли приношенія; христосъ сидѣлъ обставленный зажженными восковыми церковными свѣчами. Тогда митрополитомъ былъ ученѣйшій Евгеній; онъ посылалъ богослововъ вразумить, наконецъ приказалъ привести къ себѣ и не убѣдилъ этихъ начетчиковъ. Сдѣлалась слишкомъ гласна эта исторія, ихъ сослали въ каторжную работу. По губернскимъ городамъ, они упорно выдерживали диспутъ съ архіереями. Всѣ заводы боялись этой язвы и сослали ихъ въ ссылку, куда ссылались изъ каторжной уже работы. Кто же былъ христосъ?—Это былъ пожилой дьячекъ, сдѣлавшій какое-то преступленіе онъ-то и подобралъ въ тюрьмѣ грамотныхъ и ловкихъ арестантовъ. Мнѣ удалось вылечить ихъ. Наказаніе могло бы испортить все дѣло, это я и тогда понималъ. Послѣ, это были смирные и кроткіе люди.

Какихъ націй, какихъ народовъ не было на заводѣ! Чтобы незабыть, разскажу, по какому случаю я узналъ разнообразіе этого сброда.

Черезъ Охотскъ, отправлялся въ Ситху Фердинандъ Врангель правителемъ въ Американскую русскую компанію. Врангель вышелъ изъ корпуса однимъ годомъ раньше меня, а лѣтами я былъ старше его. Врангель—капитанъ 1-го ранга, увѣшанъ орденами, а я—лейтенантъ. Мы и въ корпусѣ были довольно дружны. Увидѣвъ меня лейтенантомъ и безъ орденовъ, онъ руками схлопнулъ—ты только лейтенантъ! Какъ бывшему товарищу, я далъ ему обѣдъ. Во время веселаго обѣда нашла небольшая дождевая тучка, гдѣ-то не большой ударъ грома, Врангель помертвѣлъ; ѣхавшій съ нимъ докторъ—Врангеля въ постель, мѣшки съ горячимъ пескомъ, Врангель видимо страдалъ, но когда онъ успокоился, я безжалостно надъ нимъ пошутилъ;

— Ну, за то у тебя чины и кресты!

Онъ сердито отвѣчалъ: «возьми все, а мнѣ отдай свое здоровье».

Врангель получилъ страшныя ревматизмы, ѣздивъ къ Ледовитому океану.

Хотѣлъ я говорить о докторѣ, пріѣхавшемъ съ Врангелемъ, да и заговорился—болѣзнь стариковъ!—Докторъ Беневскій, болѣе съ азіатской физіономіей, чѣмъ русской, по русски говорилъ отличнымъ книжнымъ языкомъ—очень щеголевато, чисто, безъ малѣйшаго затрудненія. Ученость его по всѣмъ отдѣламъ наукъ была изумительна! Это—ходячая энциклопедія! Замѣтивъ, что докторъ безъ затрудненія говоритъ на разныхъ языкахъ, я спросилъ его: вѣроятно онъ много путешествовалъ и много знаетъ языковъ? онъ отвѣчалъ—много и тутъ какимъ-то метромъ сказалъ не понятное и перевелъ.

— Это на какомъ-же діалектѣ?

— «На арабскомъ».

— Такъ вы и азіатскіе языки знаете?

— «Знаю».

Подумалъ я, надуваетъ докторъ меня невѣжу! Я захотѣлъ сдѣлать ему экзаменъ и пристыдить хвастуна. Приказалъ на солеваренномъ заводѣ отобрать сколько найдется разныхъ національностей. Доктора заинтересовавъ нашимъ заводомъ, я предложилъ ему прокатиться на катерѣ. Докторъ съ радостію согласился. Пріѣхали на заводъ; на площади, во фронтѣ стояло человѣкъ 18 или 20; я подвелъ Беневскаго и предложилъ ему поговорить.

Не сконфузясь, спросилъ перваго, какой націи?—Персіанинъ.—Изъ какой провинціи?—Изъ Мендезерана (это помню). Беневскій заговорилъ по персидски, сказалъ нѣсколько поговорокъ и запѣлъ пѣсню тамъ народную. У персіанина загорѣлись глаза и онъ послѣ увѣрялъ, что Беневскій его землякъ. Слѣдующій былъ армянинъ; докторъ и съ нимъ продѣлалъ тоже. Съ старикомъ изъ Аравіи, онъ говорилъ много и даже стихами. Съ евреями—былъ еврей. Полякамъ пропѣлъ мазурочку и тѣ хохотали,—нѣмецъ, испанецъ—словомъ сказать прошелъ весь фронтъ и не затруднился ни одного раза! Это чуть ли не посильнѣе Мецофанти! Вмѣсто того, чтобы пристыдить его, я внутренно чувствовалъ себя пристыженнымъ и только изумлялся. Осматривая заводъ, онъ нашелъ устройство не современнымъ и онъ былъ правъ. Научилъ пользоваться морозомъ въ плоскихъ резервуарахъ и подготовлять сгущенный разсолъ. Училъ очищенію—но его не поняли, толковалъ—о магнезіи, глауберовой соли, содѣ и о многомъ, но некому было понимать его.

Чтобы кончить съ Беневскимъ, скажу, что черезъ два года я слышалъ разсказъ, какъ онъ въ одну ночь сошелъ съума и вдругъ заговорилъ на всѣхъ языкахъ—его никто не понималъ—настоящее столпотвореніе: на разныхъ языкахъ по одному слову! Беневскаго отправили кругомъ свѣта на кораблѣ изъ Ситхи. Теперь, хорошо ознакомясь съ евреями и припомнивъ, я увѣренъ, что докторъ Беневскій—еврей изъ Варшавы или Вильны.

Не смотря на разноплеменность каторжныхъ, въ общей массѣ трудно было замѣтить, только отдѣлялись рѣзко поляки, ихъ было сначала 6-ть, потомъ 9-ть человѣкъ. Поляковъ постоянно чуждались всѣ каторжные на заводѣ, презирали ихъ, полякъ могъ быть самъ виноватъ, но вмѣстѣ съ другими—никогда: поляка не примутъ ни въ какую затѣю. Работа для нихъ была тяжела, потому что они не умѣли приладиться. Не помню, я ли понялъ ихъ, или они вразумили меня, что они могутъ быть моею тайною полиціею, т. е. доносчиками. Дѣйствительно, къ этому они были весьма способны и за то, часто получали облегченіе въ работѣ. Но сношенія съ ними были постоянно такъ скрытны, что ихъ никто и неподозрѣвалъ; узнай каторжные—только бы они и жили! Поляки вообще были смирны, иногда и ругнутъ

ихъ за то, что не успѣваютъ кончить урока и тѣмъ задерживаютъ другихъ, но поляки отдѣлывались молчаніемъ. Одного пожилаго, всѣ звали «губернаторомъ»; я полюбопытствовалъ—Раковскій (кажется помню), подъ именемъ губернатора, объѣхалъ всѣ уѣздные города Смоленской губерніи и изъ всѣхъ казначействъ, при повѣркѣ забралъ деньги, попался на послѣднемъ пограничномъ съ Бѣлоруссіею городѣ и усвоилъ себѣ прозвище «губернатора».

Самые тихіе, всегда послушные, можно назвать вполнѣ нравственные каторжные, были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій; ихъ было сначала 6-ть потомъ 8-мь человѣкъ. Ссылка ихъ въ Охотскъ, вѣроятно была изъ опасенія, чтобы на другихъ заводахъ, они не устроили бы новыхъ фабрикъ: въ Охотскѣ и нельзя, да и сбыта не могло быть. Вѣроятно, ссылались въ Охотскъ лучшіе искусники заправляющіе «фабрикой».—Я всегда жалѣлъ этихъ скромныхъ людей, на нихъ замѣтенъ былъ нѣкоторый лоскъ. Чтобы облегчить ихъ участь, когда зимовалъ въ Охотскѣ, то по два, по три «монетчика» бралъ къ себѣ и поручалъ имъ разрисовывать комнаты. Нѣкоторые изъ нихъ, были замѣчательные рисовщики. Помню, разъ, въ пустой комнатѣ нарисовали полную мебель и съ такимъ знаніемъ свѣта и тѣни, такъ рельефно, что пріѣхавшій ко мнѣ правитель Американской компаніи Ланже, будучи самъ хорошимъ рисовальщикомъ, сѣлъ на нарисованный диванъ и очутился на полу. Бывало лежу на диванѣ и слушаю откровенный разсказъ ихъ—тамъ все начистоту, секретовъ о прошломъ не существуетъ! Какая была привольная жизнь, денегъ много, за деньги все!

Куда же вы сбывали свою работу?

— «Продавали на вѣсъ, охотниковъ много» и говорили кому сбывали, но я забылъ.

Замѣчательно одно, всѣ попались по доносу любовницъ изъ ревности—исключенія не было! Разсказывая, вспоминали съ наслажденіемъ о времени пребыванія въ острогѣ; говорили, что еслибъ человѣкъ захотѣлъ птичьяго молока—и то явилось бы. Бывало, утромъ пройдетъ по острогу начальство—кандалы долой, бѣлье батистовое, фракъ, сюртукъ съ иголочки перваго мастера, шинель или шуба—генералу не стыдно, у воротъ коляска съ лакеемъ и вся Москва покорна! Театры, концерты—все открыто!

денегъ не нужно—за все заплочено! Понятно, купцы удовлетворяли, чтобы не быть замѣченными.

Въ 1833 году въ Москвѣ я пилъ чай у одного богача-купца и разсказывая про неизвѣстную страну, упомянулъ имя и фамилію одного фабриканта ассигнацій и что онъ разсказалъ мнѣ, кому сбывалъ свой товаръ; надобно было видѣть, какъ поблѣднѣлъ купецъ! но я назвалъ другаго купца—а этого купца фамилію тоже забылъ—плоха стариковская память.

Получено извѣстіе, что ссылается въ заводъ бывшій Тамбовскій помѣщикъ Алмазовъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Вещь обыкновенная въ той сторонѣ, но всѣ обратили вниманіе, когда случайно узнали, что въ заводѣ находится бывшій его камердинеръ, сосланный имъ напрасно. Послѣ объяснилось такъ: помѣщикъ дѣлалъ ассигнаціи въ бесѣдкѣ сада, въ которую никто не входилъ. Однажды, помѣщикъ подмѣтилъ, что камердинеръ былъ въ бесѣдкѣ и все видѣлъ. Боясь доноса, силою денегъ, камердинера сослалъ въ каторжную работу и почему-то онъ попалъ въ нашъ солеваренный заводъ, хотя былъ всегда кротокъ и послушенъ. Всѣхъ интересовало, не отплатитъ ли теперь невинный камердинеръ своему барину—судьба сравняла обоихъ! Пришелъ бывшій помѣщикъ—еще не старый, худенькій, тощій, безсильный. При встрѣчѣ барина съ камердинеромъ я не былъ, но—говорятъ—камердинеръ, увидавъ барина, горько заплакалъ. Я слышалъ и самъ видѣлъ, что камердинеръ былъ почтителенъ къ бывшему барину, послѣдній по безсилію не успѣвалъ окончить урокъ работы, камердинеръ помогалъ ему, починивалъ барину платье, обувь. Это всѣхъ тронуло въ пользу камердинера. Скоро смотритель завода донесъ, что Алмазовъ совершенно не способенъ къ работѣ и болѣзненъ. Алмазова перевели въ Охотскъ и поручили ему подметать канцелярію и присутствіе и что-то еще не тяжелое. Алмазовъ скоро устроился, надѣлалъ куколъ, сочинялъ, и иногда удачно, разныя комедіи, что-то вставлялъ себѣ въ ротъ, вечеромъ ходилъ по домамъ и куклами разыгрывалъ свои піесы; нельзя было не замѣтить, что комедіи его всегда были расчитаны на вкусъ слушателей: у матросъ въ казармѣ—чортъ судилъ Іуду и глоталъ его, русскій матросъ дерется съ англичаниномъ и непремѣнно прибьетъ его, насмѣшки надъ полиціей и проч. У молодаго чиновника—любовная

сцена, похищеніе. Купцу—богатство, почести. Алмазовъ дѣйствительно былъ способенъ и находчивъ—вошелъ въ славу.

По представленію смотрителя завода за отличное усердіе и за безпорочное поведеніе, испрошено было камердинеру увольненіе изъ завода на «вольное пропитаніе», а какъ онъ былъ холостъ, то назначили его въ одну изъ караулокъ, а барина его—помощникомъ ему. Баринъ продолжалъ сочинять новыя комедіи и заработывалъ маленькія деньги.

Прежде постоянно, а при мнѣ не всякій годъ, составлялись на заводѣ шайки и бѣжали на дорогу отъ Якутска въ Охотскъ, грабили купеческіе товары и иногда тиранили непокорныхъ прикащиковъ. Я засталъ еще знаменитость въ этомъ родѣ—Карцева; онъ былъ изъ поручиковъ гвардіи; я засталъ его уже очень старымъ—лѣтъ за 70-ть; то былъ громаднаго роста, когда то могучій, но еще не сгорбленный старецъ, онъ былъ извѣстенъ въ краѣ подъ именемъ «атамана». При мнѣ онъ уже не бѣгалъ, но прежде—всякій годъ господствовалъ на семи хребтахъ. О немъ извѣстный разсказъ:

Лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ, служившіе въ Американской компаніи, за какое-то оскорбленіе, на двухъ маленькихъ судахъ, напали на Японскій городъ, кажется Хакодаке, и ограбили его. Японскія пушки, я самъ еще видѣлъ. Начальникъ Охотска, капитанъ 1-го ранга Бухаринъ, арестовалъ молодцевъ, но это были друзья и анекдотическіе хваты; они бѣжали изъ подъ ареста, лошадей легко было достать, но безъ всякой провизіи. Увидали на пути, на горѣ палатку и обрадовались; съ ними былъ якутъ, тотъ перепугался, зная, что это разбойники. Это была шайка Карцева. Какъ только увидалъ Карцевъ Хвостова, съ полнымъ почтеніемъ отнесся:

— «Батюшка, Николай Александровичъ, какими судьбами?»

Хвостовъ разсказалъ въ чемъ нуждается. Карцевъ снабдилъ Хвостова всѣмъ съ избыткомъ. Пока хлопоталъ Карцевъ объ угощеніи Хвостова, къ послѣднему подошелъ одинъ изъ разбойниковъ; любуясь пистолетами, хотѣлъ взять, но Хвостовъ хорошо оттолкнулъ его; разбойникъ злобно подошелъ къ Хвостову и говорилъ, что «здѣсь не въ портѣ!» и похлопалъ по плечу Хво-

стова. Въ эту минуту вышелъ Карцевъ и узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ начальнически:

— «Варнакъ, ты забылъ, что это государевъ лейтенантъ; какъ ты смѣлъ дотронуться»,—и съ этимъ словомъ пистолетный выстрѣлъ положилъ на мѣстѣ варнака—и никто ни слова не промолвилъ.

«Этотъ замѣчательный случай подтвердилъ мнѣ самъ Карцевъ».

Спрашиваю, разскажи, какъ же ты грабилъ?

— «Я никогда не грабилъ; вижу идетъ транспортъ вьюковъ съ купеческими товарами; я отъ прикащика требую накладную и по накладной выбираю, что мнѣ нужно».

— Ну, а если прикащикъ не дастъ накладной?

— «Ну, какъ не дастъ, по неволѣ дастъ! Купца жаль, если мы расшвыряемъ весь товаръ».

— Велики у тебя были шайки?

— «Никогда болѣе пяти, мало дѣльныхъ и такихъ, чтобы были въ одну душу. Я—атаманомъ, эсаулъ—мнѣ подручный и трое рядовыхъ, на что больше!»

Пришелъ я съ моря въ концѣ іюня, смотрю, мой милый начальникъ нѣмецъ въ тревогѣ. Узнаю, какія-то канальи, вечеромъ являются за рѣкою, всѣ видятъ, что они болѣе сажени ростомъ (на ходуляхъ) и стрѣляютъ. Я—на солеваренный заводъ. Моя полиція сообщила мнѣ, что изъ завода бѣжало пятеро; атаманомъ Алексѣй Ивановъ, который по другимъ заводамъ и здѣсь, наказанъ кнутомъ 18-ть разъ и всѣмъ извѣстно, что онъ знаетъ заговоры отъ пуль и проч. Возвратясь, нарядилъ изъ своей команды бойкихъ 10-ть человѣкъ, начальникомъ назначилъ приготовленнаго мною ученика въ родѣ помощника, всякому—лошадь и ружья съ боевыми патронами. Бѣглые вѣрно имѣли сношенія съ портомъ; съ этого вечера пропали. Обѣдаю у начальника, докладываютъ—возвратились посланные.

— Привели бѣглыхъ?

— «Нѣтъ».

Загорѣлось мое молодое сердце, на половинѣ бросилъ обѣдъ. Узнаю: посланная команда застала бѣглыхъ спящими въ кедровникѣ; команда была растянувшись; разбойники проснулись и бѣ-

жали на глазахъ матросовъ и никто не выстрѣлилъ, шептали, что «напрасно стрѣлять, пуля пожалуй прилетитъ назадъ, извѣстно, Алексѣй Ивановъ знаетъ заговоръ и не разъ доказывалъ, бросая пулю назадъ, когда въ него стрѣляли». Дураки! Мнѣ было болѣе стыдно, чѣмъ досадно.

Я взялъ унтеръ-офицера Шкулева, матросовъ:—Хоботова, Полуектова, Гагарина и Яковлева—всѣ были хорошіе стрѣлки; на каждаго и себѣ—по двѣ лошади; двухъ якутовъ—проводниками. Самъ я безъ сабли и безъ пистолета—хвастунъ былъ. Хоботовъ указалъ мѣсто, гдѣ спали бѣглые, для якутовъ этого было довольно; лучше всякой гончей—якутъ не потеряетъ слѣда. Выѣхали мы на рѣку Уракъ, верстъ 75-ть отъ Охотска—лѣса первобытные, не была и нога человѣка. Погода долго была ясная, каменное дно рѣки отъ берега отсохло; бѣглые, чтобы скрыть слѣды, шли по камнямъ, но якуты чуяли слѣдъ и разъ показали мнѣ кровь на камнѣ. Находили горѣвшіе сучья, не успѣли потушить завидя насъ.

Меня удивляли якуты; ѣдемъ между кустами, якуты говорятъ: «тутъ пробѣжала лисица, тутъ волкъ, а тутъ прошелъ медвѣдь»—для насъ малѣйшаго знака не было! Но я добился у якутовъ, почему они это знаютъ? Они указали мнѣ цвѣтокъ бѣленькій, въ кошелькѣ, который отъ прикосновенія отваливается. Съ какой высоты отвалился цвѣтокъ, они заключаютъ о ростѣ прошедшаго тутъ звѣря.

Подумалъ я, чтобы не было со мною того же, что съ моимъ ученикомъ. Матросы вѣрятъ въ заговоры, а съ вѣрою шутить нельзя! Признаки близости бѣглыхъ увеличивались, я остановилъ свою команду и объявилъ, что мнѣ извѣстно—Алексѣй Ивановъ знаетъ заговоръ отъ пуль, какая же польза стрѣлять въ него?

Отвѣчали: «точно такъ-съ»!

— «Ну—видно Богъ посылаетъ ему конецъ, не поѣхалъ бы и я безъ вѣрной надежды—дѣло въ томъ, что въ нашемъ родѣ сохраняется секретно отговоръ. Сообщить вамъ, я не имѣю права, но мнѣ дано право подъ клятвою сообщить одному. Шкулевъ, поди ко мнѣ и поклянись, что ни кому не скажешь». Шкулевъ, чистосердечно поклялся. «Давай ружье, заряжай порохомъ и пыжемъ, давай пулю!»—грѣшный человѣкъ, думаю, какъ-бы по ловчѣе солгать.—«Становись на востокъ, бери пулю и крестомъ на

дуло говори: «царь Іудеи, Іисусъ Назареви,» обведи по дулу по солнцу, повтори три раза и заряжай»: Сильно сбивался Шкулевъ, выговаривая надпись на крестѣ, но я имѣлъ терпѣніе наблюсти, чтобы всѣ ружья были заряжены безъ ошибки. Команда вѣрила въ меня, какъ католикъ въ непогрѣшимость папы. Надобно было видѣть, отъ куда взялся куражъ! гдѣ нибудь пошевелится кустъ, уже матросъ тамъ, хочется попробовать отговоръ! Вѣра, могучая нравственная сила!

Уже два съ половиною дня мы гнались по слѣду за бѣглыми, все по рѣкѣ Ураку противъ теченія; по примѣтамъ Якутовъ, завтра догонимъ бѣглыхъ. Удивительно, какъ скоро и какіе большіе переходы дѣлали бѣглые, мы на перемѣнныхъ лошадяхъ не могли догнать ихъ! Рѣка давно ушла въ горы, которыя уже два дня были въ облакахъ, должно быть шли тамъ дожди. Поздній вечеръ, мы выбрали близкой къ берегу островъ съ превосходною травою. Караулъ по очереди, а остальные спали. Ночью будитъ меня Якутъ.

— Что?

— «Бу тоёнъ, рѣка дуритъ, спасаться надо—слышишь?»

Слышу, какой-то громъ по рѣкѣ, еще нѣсколько минутъ—во все русло рѣки идетъ вертикальною стѣною масса воды и въ ней крутятся множество бревенъ, пней, а громъ происходитъ отъ катящихся по дну камней. Въ одну минуту островъ, соединяющійся сухою протокою съ берегомъ, окруженъ водою; переѣзжая на берегъ, лошади уже плыли. Ударилъ проливной дождь. По утру мы увидѣли себя на сухой вершинѣ холма, по сторонамъ—долины полныя воды. Погоня наша за бѣглыми прекратилась. Но я былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы отказаться отъ предпріятія, если была еще малѣйшая возможность, хотя воображаемая. Слушая разсказы бывалыхъ «атамановъ», я изучилъ ихъ тактику. Если бѣглые чуяли за собою погоню, тогда они употребляли всѣ силы достичь рѣки Алдана прежде погони и если успѣвали упредить однимъ часомъ, тогда они спасены.

Рѣка Алданъ отъ Охотска къ Якутску верстахъ въ 250-ти, течетъ поперегъ пути, рѣка очень глубока и широка. На берегу со стороны Охотска построенъ домикъ—караулка, въ ней постоянно живетъ «вольнопропитанный». Охотское адмиралтейство построило надежную большую лодку. Изъ Якутска въ Охотскъ—

казенныхъ, компанiйскихъ и частныхъ грузовъ проходило въ лѣто на осьмнадцати тысячахъ вьючныхъ лошадяхъ. Транспорты, подъѣзжая къ Алдану, кричатъ перевощику и тотъ переправляетъ лодку на другой берегъ; пришедшiе вьюки грузятъ на лодку и перевозятъ сами, а лошади переплываютъ; лодка всегда находится при караулкѣ. Бѣглые, дойдя до Алдана прежде погони, переѣзжаютъ въ лодкѣ черезъ рѣку, лодку выталкиваютъ на тотъ берегъ и смѣются надъ опоздавшей погоней. Погоня прекращается и бѣглые свободны.

Эту тактику я принялъ въ соображенiе, но гдѣ я? гдѣ Алданъ? далеко-ли?—рѣшительно ничего не зналъ! Даже не умѣлъ бы возвратиться въ Охотскъ, видя всѣ долины залитыя водою. Якуты, конечно, знали Алданъ, но знали по пути изъ Якутска въ Охотскъ и обратно, а мы забрались въ страну не извѣстную для географiи. Я предложилъ Якутамъ по 5 руб. награжденiя, если они найдутъ возможность довести меня до Алдана. Якуты сѣли подъ дерево и болѣе часа разсуждали, наконецъ подошли ко мнѣ и предложили мнѣ вопросъ: они поведутъ, но если завтра окажется невозможнымъ ѣхать далѣе, что имъ за это будетъ?

— Ничего, поѣдемъ въ Охотскъ!

— «А гнѣваться, бу тоенъ, не будешь»?

— Нѣтъ, не буду!

— «Видишь, дождь, горъ не видать, этихъ мѣстъ ни кто не знаетъ, коли не будешь гнѣваться—поѣдемъ»!

Якуты поѣхали впереди, а мы за ними гусемъ. Соображенiя мои были безплодны, но полагалъ, что до Алдана должно быть не менѣе 400 верстъ, оставалось—отдать руль и компасъ Якутамъ и повиноваться. Что за инстиктъ у этихъ дикарей: мы ѣхали по вершинамъ холмовъ не высокихъ горъ; при переѣздѣ черезъ долины залитыя водою, Якуты разъѣзжались въ разныя стороны и переводили черезъ долины, казавшiяся глубокимъ озеромъ— по какому то подводному гребню — рѣдко по брюхо лошадямъ. Дождь проливной день и ночь, хотя теплый, но мы выѣхали на легкѣ, надѣясь на хорошую погоду и на то, что скоро догонимъ бѣглыхъ. Ѣхали мы перемѣняя лошадей и болѣе небольшой рысцой. Останавливались ночевать, думая только о добромъ кормѣ, невѣроятно сносныхъ лошадей.

Трое сутокъ, мы не знали гдѣ мы. Якуты безумолку гово-

рили между собою, мы ни слова не понимали. Если не ошибаюсь, на четвертые сутки къ вечеру подъѣхали къ Алдану и прямо къ караулкѣ. Я закричалъ во все горло:

Лодка здѣсь?

Отвѣтъ—«Здѣсь»!

Не были?

— «Не были»!

Я и теперь не безъ удивленія вспоминаю о звѣриномъ инстинктѣ Якутовъ!—Какая провизія была съ нами, вся размокла, сутокъ полторы мы не имѣли и размокшаго хлѣба.— Прежде всего, вычистили замокшія ружья и зарядили—опять съ отговоромъ».—У «вольнопропитаннаго» нашлась пойманная и сбереженная въ сѣткѣ рыба, нашлось два хлѣба, ужинъ былъ превосходный.—Поочередный караулъ и—я спалъ, какъ убитый.

Утро было великолѣпное, ни облачка, тихо.— Съ берега Алдана, шла глубоко протоптанная одно-конная тропа, по обѣ стороны дороги густо росли кусты. Часу въ 10-мъ утра, позавтракавши, мы засѣли за кусты съ лѣвой стороны дороги, я съ праваго фланга, возлѣ унтера Шкулева, а на лѣвомъ флангѣ—Хоботовъ.—Командовать небезопасно, командующему первая пуля, а потому, я учредилъ знаки: возьмусь за козырекъ—одно, сжатая рука—другое, открытая—третье и проч.—Мои соображенія были: бѣглые знали гдѣ засталъ насъ разливъ и дождь; послѣ говорили, что они всякій день видѣли насъ съ горъ, но бѣглые знали и то, что намъ не извѣстенъ путь къ Алдану. Бѣглые, хотя и знали кратчайшіе пути, но не упредя насъ, все таки, по чувству самосохраненія, должны торопиться перебраться за Алданъ, гдѣ они безопасны.—Дождь и дождь вѣроятно замочилъ ихъ ружья; припомните, тогда пистоновъ и во снѣ не видала не только Сибирь, но и Европа.

Сидѣли мы часа четыре. Тишина, даже слышно падающіе капли съ деревъ.—Слѣдовало бы описать красивую мѣстность и дѣвственную природу, но я люблю природу—подметенную. Наконецъ, Хоботовъ, прикладывая ухо къ землѣ, объявилъ, что вѣрно идетъ медвѣдь, хрустятъ сучья по землѣ.—Спустя долго, Хоботовъ слышитъ шопотъ. Еще и еще—слышенъ говоръ. Долго слышались въ лѣсу шаги и разговоръ. Наконецъ показались изъ лѣса. Алексѣй Ивановъ впереди и за нимъ гусемъ

остальные; третій хромалъ; у всѣхъ за спиною ружья, идутъ и говорятъ съ полною безпечностію—видно всѣ мокрешеньки.—Мы замерли, ни шолохнулись и осторожно дышали. — Ружья осмотрѣны, кремни новые, заряжены «съ отговоромъ», бояться нечего.

Они миновали первые кусты, не замѣтивъ матросовъ. Алексѣй Ивановъ ровнялся со мною, тогда я далъ знакъ—встать. Я громко сказалъ атаману: «сдавайтесь!» Я и глазомъ не успѣлъ мигнуть, какъ ружье атамана направлено въ меня и не далѣе сажени, ружье двухствольное и оба замка щелкнули—осѣчки!— Трое передовыхъ спустили курки и у всѣхъ осѣчки. Атаманъ присѣлъ на корточки, счисщаетъ порохъ съ полки и держитъ порошницу, чтобы насыпать свѣжаго. Я крикнулъ Шкулеву—спусти его!

Выстрѣлъ и—ружье у Атамана упало на землю. Въ это время, Полуектовъ и Яковлевъ спрашиваютъ: «прикажите?»

— Валяй!

Два выстрѣла и двое бѣглыхъ бросили ружья.

— Гдѣ еще двое?

Одинъ удиралъ по полянѣ. - Я приказалъ Хоботову догнать его пулею, но въ моментъ выстрѣла, бѣглый запнулся за пенекъ въ травѣ и пуля, вмѣсто спины, сорвала фуражку и часть волосъ—одурѣлъ бѣглый, упалъ, тутъ его и взяли.

— Гдѣ пятый?

Онъ спрятался за кустъ, стоялъ на колѣнахъ и два указательныя пальца сложилъ крестомъ.

По осмотрѣ оказалось: атаману перешиблены обѣ руки между локтями и плечомъ. Второму перешиблено бедро на 1/4 отъ колѣна выше. Третьему—на вылетъ въ тазъ и поясницу. Матросы находили, что отлично дѣйствовалъ «отговоръ», безъ котораго, пожалуй и не взяла бы пуля. Признаюсь, я ожесточился; трудно сохранить хладнокровіе, когда два дула, противъ груди, видѣлъ не далѣе сажени!—Приказалъ сдѣлать носилки и раненыхъ отнести на покатый бугоръ, покрытый роскошною травою и цвѣтами—отъ дороги полверсты; приказалъ распорядиться, чтобы не ушли.—Раненые просили, чтобы ихъ убили. Но я имѣлъ жестокость отказать, сказавъ, что они играли въ азартную игру; помилованія не будетъ. Матросы отнесли, атаману перебили ноги и около каждаго положили по куску хлѣба.

для брода лошадямъ. Хорошо—не знаю, но странно видѣть рѣку въ ледяныхъ берегахъ, съ гладкимъ, бѣлымъ ледянымъ дномъ. Для охотника видовъ, для поэта, что шагъ, то новая картина! Но я прежде оговорился и повторю, что я люблю только природу подметенную.

Рѣку Алданъ можно назвать красавицей: въ широкой, ровной, зеленой долинѣ, въ невысокихъ, но круто обрѣзанныхъ берегахъ, рѣка не уже половины Невы, но можетъ и нѣсколько болѣе, говорятъ очень глубокая, вода свѣтлая и повидимому безъ движенія, гладкая какъ зеркало, но теченіе рѣки не менѣе отъ $2^1/_2$ до 3-хъ узловъ. Гдѣ родится Алданъ не знаю, а умираетъ въ Ленѣ. Рыбы разнообразной въ рѣкѣ множество и рыба чрезвычайно вкусна, можетъ быть оттого, что я былъ очень голоденъ. Старикъ «вольнопропитанный» матросъ надѣлилъ табакомъ, а меня напоилъ чаемъ, хотя чай приготовленъ былъ въ котелкѣ, но послѣ дождя былъ очень вкусенъ. Невольно явился вопросъ:

— Отъ куда у тебя такая роскошь?

Старикъ отвѣчалъ, что его всѣмъ надѣляютъ купцы, которымъ онъ помогаетъ перевозить товары, онъ и зиму безъ запаса не живетъ.

— Не скучаешь ты здѣсь одинъ?

— Одинъ бываю только зимою и то разъ въ мѣсяцъ проходитъ почта въ Охотскъ и обратно; зимой тунгусы съ оленями кругомъ, они и почту возятъ; зимой ловушки ставлю, лисицы попадаютъ и другіе звѣри, а лѣтомъ всякій день гости: другой дороги нѣтъ, Алданъ не объѣдешь.

Старикъ одѣтъ и обутъ былъ хорошо, караулка большая, вездѣ чисто, съ перваго взгляда было видно, что старику живется хорошо.

Э.... .....въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАХИМЪ ЛЕЛЕВЕЛЬ

КАКЪ КРИТИКЪ «ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО» СОЧ. КАРАМЗИНА.

Переписка съ Ѳ. В. Булгаринымъ.

1822—1830 гг.

Въ февралѣ 1877 года варшавскій журналъ «Biblioteka Warszawska» напечаталъ письма Булгарина къ Лелевелю [1]). Редакція «Русской Старины», располагая нынѣ письмами Лелевеля къ Булгарину, сообщенными изъ архива Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгариныхъ — Т. А. Сосновскимъ, считаетъ возможнымъ подѣлиться ими съ читателями. Приводя ихъ въ переводѣ, мы, по принятому у насъ обыкновенію, считаемъ необходимымъ предпослать сообщаемымъ нами письмамъ небольшую замѣтку о самомъ авторѣ писемъ.

I.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появились въ Вильнѣ два не большія сочиненія — «Историка» и «Науки, способствующія изученію историческихъ памятниковъ» — сочиненія, обратившія на себя вниманіе тогдашнихъ польскихъ ученыхъ. Молодой ихъ авторъ вошелъ въ славу и, впослѣдствіи, сдѣлался основателемъ строго-историческаго направленія, по которому критеріемъ историческихъ извѣстій лѣтописцевъ были государственные грамоты и акты. Это случилось почти одновременно съ появленіемъ труда Ранке, составившаго эпоху въ исторической наукѣ, но независимо отъ него. Авторомъ этихъ сочиненій былъ молодой профессоръ исторіи въ

---

[1]) Эти письма были переведены на русскій языкъ и напечатаны въ Варшавскихъ Губ. Вѣд. 1877 г. №№ 16 и 17. Оттискъ обязательно доставленъ ред. «Рус. Старины», и мы приводимъ письма Булгарина, придерживаясь этого перевода.

Виленскомъ университетѣ Іоахимъ Лелевель. Родился онъ въ Варшавѣ 22-го марта 1786 года. Родители его, не бѣдные помѣщики, обучали его первоначально дома. Уже съ самаго ранняго дѣтства проявлялась его оригинальная натура, не дающая себя связать рутиной. Восьмилѣтній мальчикъ постоянно былъ чѣмъ нибудь занятъ, но его работы, какъ онъ самъ разсказываетъ, вызывали только смѣхъ и шутки. Это его не устрашало, онъ даже сталъ подѣтски философствовать, такъ «замѣтилъ я, говоритъ Лелевель въ своихъ воспоминаніяхъ, что нѣтъ основанія называть послѣдній день недѣли субботой, это скорѣе послѣ пятницы (пятокъ—piątek) шестокъ (szóstek). Сразу стали смѣяться, послѣ выговаривать, грозить, наказывать за упрямство. Я же раздумываю слѣдуетъ ли быть наказываемымъ за настаиваніе на вѣрномъ взглядѣ. Волей неволей, послѣ небольшаго размышленія, пришлось замолчать и тайкомъ оставить для себя «шестокъ». Избѣгая же выговорить слово суббота, я говорилъ: послѣ завтра, завтра, вчера, позавчера. Лишь бы поставить на своемъ».

Вотъ этотъ то упрямый мальчикъ на десятомъ году жизни получилъ отъ одного знакомаго, въ подарокъ, ариѳметику, грамматику, географію и маленькую энциклопедію. Давай же составлять, въ тихомолку, различныя таблицы, изъ которыхъ должна была образоваться сравнительная грамматика; «но, говоритъ Лелевель, стала оправдываться французская пословица, что, если хочешь чему выучиться, напиши сочиненіе; помогло это ученію, но не грамматикѣ». Желаніе быть авторомъ сильно у него возрастало и онъ постоянно что нибудь маралъ—въ 1800 году изобразилъ планъ осады Пскова Баторіемъ. Наконецъ пятнадцатилѣтняго юношу родители помѣстили въ училище піяровъ въ Варшавѣ. Тамъ ему ужасно не понравились латынь и греческій языкъ; онъ тогда полагалъ, что это напрасная трата времени, что языкамъ можно выучиться на практикѣ. Ученье шло посредственно, потому что Іоахимъ съ жаромъ занимался однимъ только предметомъ—исторіею. Въ пятомъ классѣ принялся онъ уже писать исторію XVIII вѣка. Неудивительно, поэтому, что на экзаменѣ исторіи онъ всѣхъ очаровалъ до того, что ректоръ училища поручилъ ему дополнить хронологическія таблицы Блера событіями изъ польской исторіи, имѣя въ виду издать ихъ по польски. Мы съ умысломъ остановились на этихъ мелочахъ, которыя засвидѣтельствованы самимъ Лелевелемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо обрисовываютъ его характеръ.

Не долго былъ Лелевель у Піяровъ. Въ 1804 году повезъ его отецъ въ Вильно, въ университетъ. И тутъ опять несчастная латынь. Иностранцы профессора, пока выучились по польски, читали по

латыни. Пришлось ему слушать только польскія чтенія. Любимую Лелевелемъ исторію читалъ старикъ Гусаржевскій. Съ нимъ онъ сблизился. Въ частныхъ бесѣдахъ распрашивалъ профессора о методѣ, объ общихъ историческихъ принципахъ. Но профессоръ самъ не былъ знакомъ съ нѣмецкими изслѣдованіями; упомянувъ въ первомъ разговорѣ о французскихъ сочиненіяхъ, онъ прибавилъ: «нѣмецкія не принесутъ никакой пользы, но можешь съ ними познакомиться, самъ же, однако, поищи и обдумай». Послушался совѣта Лелевель. Не заглянувъ въ нихъ, боясь, чтобы не навели его помысловъ и понятій на свой путь, пустилъ свободно свою мысль по разнымъ направленіямъ. Вышла изъ этого историка. Этотъ трудъ былъ напечатанъ десять лѣтъ спустя. Между тѣмъ не мало принесъ пользы Левелелю профессоръ греческой словесности Гродекъ, котораго онъ слушалъ, какъ самъ говоритъ, изъ вѣжливости, такъ какъ вначалѣ онъ имѣлъ всего двухъ слушателей. Гродекъ знакомилъ его съ новыми нѣмецкими сочиненіями по исторіи, указалъ и на Шлецероваго Нестора. «Познакомился я съ нимъ и во «Взглядѣ на Геруловъ», изданномъ въ 1808 году, въ іюлѣ, просвѣчиваетъ шлецеровская docta ignorantia. Такимъ образомъ, говоритъ онъ дальше, открылся я сочинителемъ и мое положеніе однообразное и весьма простое до сихъ поръ, начинаетъ запутываться среди людей; изъ студенческаго уединенія выхожу я въ свѣтъ, часто весьма обманчивый». Явились разнаго рода покровители, въ числѣ ихъ оказался извѣстный Чацкій, который сначала поручилъ ему держать корректуру своего сочиненія о евреяхъ, а послѣ предложилъ мѣсто учителя исторіи въ Кременецкомъ лицеѣ. Это положеніе, въ которое непонятнымъ для себя образомъ Лелевель впутался, тяготило его и онъ очень радуется, что обстоятельства позволили ему выпутаться. Въ Кременецъ онъ опоздалъ и потому нашелъ курсъ исторіи занятымъ другимъ, а пока Левелелю предложено преподавать географію древней исторіи. Долго онъ здѣсь не высидѣлъ и распростившись съ огорченнымъ Чацкимъ, выѣхалъ въ Варшаву съ намѣреніемъ оставить педагогическую дѣятельность и поступить на государственную службу. Легко себѣ представить каковымъ Левелель могъ быть чиновникомъ и неудивительно, что и здѣсь ему не усидѣлось. Онъ удалился въ «домашнее уединеніе» своего отца. За это время успѣлъ онъ напечатать нѣсколько мелкихъ сочиненій, нѣсколько экземпляровъ которыхъ продалъ по двугривенному, а остальные перемѣнилъ у виленскаго книгопродавца Завадскаго на книги. Самъ же послѣ покупалъ свои-же брошюры по 1 р. 20 коп... Въ этихъ своихъ сочиненіяхъ «разсматривая исторію Польши, говоритъ Левелель, я старался отыскать разницу ея исторіи отъ исторіи другихъ наро-

довъ, чтобы выдвинуть собственный народный элементъ, отличая его отъ иноземнаго. Старался я видѣть Польшу не выдѣленную, а въ связи со всѣми народами и государствами Европы. Мало обращая вниманія на то, что видѣли до меня, я развивалъ все свои понятія». Въ это время ему предложили поступить въ члены Варшавскаго общества любителей наукъ. Даже его баллотировали, но безъ хлопотъ съ его стороны онъ не былъ выбранъ, а хлопотать было противъ его убѣжденія.

Въ 1815 г. Лелевель получилъ приглашеніе отъ Виленскаго университета на кафедру исторіи. Отдаваясь серьезно своимп занятіямъ, онъ весь былъ поглощенъ своимъ курсомъ, «читая, я самъ учился вмѣстѣ съ слушателями. При серьезныхъ занятіяхъ шло хорошо; я чувствовалъ, что подвигаюсь съ учениками. Крѣпился я духомъ, вговаривая въ себя, что во всемъ я обязанъ себѣ, своей усидчивости и труду. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе исправляющаго должность профессора казалось нѣсколько страннымъ. Молодежъ спрашивала меня: обязателенъ ли мой курсъ? Не знаю, спрашивайте ректора. Что же касается меня, то я не спрашиваю, дорогъ мнѣ ученикъ, который слушаетъ не изъ обязанности, а только для самаго предмета. И такъ у меня были старшіе и младшіе слушатели; слишкомъ сорокъ человѣкъ являлось къ экзамену на бесѣду, хотя навѣрно не было извѣстно обязателенъ ли курсъ или нѣтъ». Въ Вильнѣ однако, онъ не долго пробылъ. Вновь открывшійся Варшавскій университетъ пригласилъ его занять каѳедру библіографіи и мѣсто библіотекаря. Левелель не отказалъ и опять переѣзжаетъ въ Варшаву, гдѣ чтенія по библіографіи и приведеніе въ порядокъ библіотеки не мало отнимало у него времени. Вскорѣ юридическій, а затѣмъ и филологическій факультеты предложили ему читать спеціальный курсъ исторіи. Лелевель избралъ предметомъ исторію XVI вѣка и начала XVII. Но онъ самъ не понималъ какое имѣетъ въ университетѣ значеніе его курсъ. Не знали и студенты. Это были чтенія для желающихъ и приходилось довольствоваться тремя-четырьмя студентами. «Такимъ образомъ это былъ курсъ полезный не Варшавскому университету, а моей собственной наукѣ», заключаетъ Лелевель.

Варшавская атмосфера показалась ему тяжелою: онъ не могъ никакъ помириться съ тою рутиной, которая тамъ царила, не могъ онъ преклониться предъ тогдашними авторитетами, членами общества любителей наукъ. Въ обществѣ тогда задумали докончить трудъ Нарушевича общими силами. По плану каждое царствованіе досталось одному изъ членовъ. Этотъ планъ не нравился Лелевелю. «Уговаривали для этого охотниковъ, говоритъ онъ, сановитыхъ

и знаменитыхъ. Не спрашивали меня, что объ этомъ думаю, хотя я и присутствовалъ въ собраніяхъ. Я же не навязывался самъ въ совѣщаніяхъ, думая себѣ: индюкъ кучею водитъ индѣекъ, а левъ, братецъ ты мой, самъ ходитъ»... Онъ представилъ всю несостоятельность предпріятія одному изъ членовъ, но это мало помогло, на его мнѣніе мало обратили вниманія. «Продолжая идти одиноко въ моихъ розысканіяхъ и трудахъ, я скорѣе напоминалъ не льва, а блудную овцу, которая скитается по оставленнымъ и забытымъ пастбищамъ, лишь бы найти пищу».—Неудивительно, что не найдя себѣ здѣсь душевнаго удовлетворенія, съ радостью принялъ онъ извѣстіе о назначеніи конкурса для занятія каѳедры исторіи въ Вильнѣ. Онъ представилъ разсужденіе, которому дано предпочтеніе передъ другимъ, но для занятія этой должности у него не было докторской степени. Хлопотать объ этомъ онъ не хотѣлъ, да и чувствовалъ къ этому нѣкоторое «отвращеніе, такъ какъ степени получались послѣ латинскихъ диспутовъ». Однако, дѣло уладилось тѣмъ, что краковскій университетъ прислалъ ему дипломъ на званіе почетнаго доктора. «Для литовской благосклонности оставилъ не совсѣмъ выгодное положеніе въ родной мѣстности. Всѣ поздравляли, мало кто сказалъ зачѣмъ подвергаешь себя опасности? Университетъ ожидалъ бури изъ Петербурга, но я, говоритъ Лелевель, предупреждалъ, что она грозитъ изъ Варшавы»..

Было это въ январѣ 1822 года. Лелевель долженъ былъ прочесть вступительную лекцію. Слушателей набралось столько, что обширная аудиторія не могла ихъ вмѣстить. Открыли залу. По окончаніи лекціи громъ рукоплесканій покрылъ чтеніе. Въ то время былъ въ Вильнѣ Мицкевичъ, нарочно пріѣхавшій изъ Ковна. По поводу этого дня онъ написалъ стихотвореніе, которое скоро разошлось по рукамъ. Имя Лелевеля было у всѣхъ на устахъ. Пріемъ превзошелъ ожиданія.—Здѣсь онъ издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Науки способствующія изученію исторіи».—Въ этомъ трудѣ онъ даетъ первыя необходимыя понятія объ археологіи, эпиграфикѣ, палеографіи, сфрагистикѣ, геральдикѣ. Разсматривая такъ названную имъ дипломатику, которую бы мы назвали палеографіей, онъ даетъ понятіе объ ея историческомъ развитіи и приводитъ словарь сокращеній. Теперь послѣ такихъ сочиненій, какъ Фикера, она не имѣетъ значенія, но тогда, когда пользовались Монфокономъ, Мабильономъ, Гушемъ или Гаттереромъ и Вальтеромъ, трудъ Лелевеля дѣлалъ большой шагъ впередъ, а главное поощрялъ и научалъ занятіямъ рукописями. Приложенныя таблицы снимковъ знакомили наглядно съ развитіемъ письма и его измѣненіями.

Главнымъ же образомъ въ Вильнѣ Лелевель занимался обязанностями по службѣ, такъ что за это время онъ мало издалъ сочиненій. Въ 1822 г. началъ печатать въ «Сѣверномъ Архивѣ», который издавалъ Булгаринъ, критику на исторію Карамзина, печатаніе которой продолжалось до половины 1824 года. Лелевель лично вовсе не былъ знакомъ съ Булгаринымъ. Всѣ ихъ отношенія ограничивались перепиской и то только по поводу критики. Эти то письма находятся теперь въ распоряженіи ред. «Русской Старины» и ихъ мы представляемъ вниманію читателей.

II.

Первое письмо Лелевеля относится къ концу 1822 года и написано по отпечатаніи введенія въ критику. Письма эти насъ лучше всего познакомятъ съ отношеніями въ какихъ находился Лелевель къ Булгарину, а также и со взглядомъ Лелевеля на Карамзина.

Лелевель, лично никогда незнавшій Булгарина, обѣщалъ ему, черезъ своихъ друзей, помѣстить въ «Сѣверномъ Архивѣ» критику на Исторію Карамзина. Получивъ это обѣщаніе, Булгаринъ не переставалъ торопить Лелевеля его исполненіемъ. Въ Варшавскомъ изданіи писемъ Булгарина находимъ два, помѣченныя 1821 годомъ. Навѣрно можно сказать, что одно изъ нихъ относится не къ 8 декабря 1821 года, а къ 8 декабря 1822 года, такъ какъ оно написано немедленно по выходѣ въ свѣтъ декабрьской книжки «Сѣвернаго Архива» за 1822 годъ, въ которой помѣщено введеніе Лелевеля въ критику, а въ немъ говорится о пріемѣ, оказанномъ этому введенію. Ошибки этой не исправилъ и русскій переводчикъ писемъ Булгарина. Первое же письмо, отнесенное къ 15 октября 1821 года, съ большою вѣроятностью, даже вѣрностью, можно считать написаннымъ въ 1822 году. Вотъ характернѣйшія мѣста изъ этихъ писемъ:

15-го октября 1821 (1822 г.?) года. «Хотя я и не имѣю чести знать васъ лично, но неоднократно оглашая, на все россійское государство, заслуги ваши въ литературѣ и такимъ образомъ пріобрѣтенную славу, нынѣ осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ наипокорнѣйшею просьбою. Г. Казиміръ Контрымъ уже съ годъ льститъ меня надеждою, что вы помѣстите въ моемъ журналѣ «Сѣверный Архивъ» критику на Карамзина. Г. Контрымъ объяснитъ вамъ *какую честь это принесетъ вамъ и какъ украситъ этотъ мой журналъ*, потому что вся партія въ министерствѣ, которая называется Dominante, весьма сочувственно смотритъ на выставленіе ошибокъ человѣка, ставящаго себя выше всѣхъ писателей, называющаго и Тацита и Ѳукидида глупцами, а Грековъ и Римлянъ дикими людьми... Простите мою смѣлость, но будьте увѣрены, если пожелаете исполнить обѣщаніе Контрыма и мою просьбу, я записываю всю мою душу на ваше прославленіе и уваженіе и всѣ минуты на отысканіе средствъ отблагодарить васъ».

Примѣчаніе. Контрымъ Казиміръ (1772—1836), секретарь правленія Виленскаго университета и библіотекарь, извѣстенъ, какъ издатель и сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ, выходившихъ въ Вильнѣ. Имъ организовано литературное общество подъ названіемъ «Шубравцы» и основано общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. На членскіе взносы (по 30 коп. въ мѣсяцъ) содержалось до сотни студентовъ и болѣе даровитые посылаемы были за границу. По старанію Контрыма собраны были, по подпискѣ, деньги для отправленія за границу Сенковскаго. Всякій недостаточный студентъ находилъ въ немъ покровителя такъ, что знакомые не называли его иначе какъ отцомъ. Такъ называлъ его въ письмахъ и Булгаринъ. Этимъ объясняется, непонятое русскимъ переводчикомъ писемъ Булгарина, слово отецъ при имени Контрыма. Онъ подалъ проектъ, и содѣйствовалъ его осуществленію, образованія акціонернаго товарищества изданія дешевыхъ книгъ. Большихъ ученыхъ трудовъ онъ послѣ себя не оставилъ. Въ 1824 году, послѣ отъѣзда Лелевеля въ Варшаву, Контрымъ вынужденъ былъ оставить виленскій университетъ. Сенковскій по этову поводу писалъ Лелевелю[1]): «Нашъ добрый Контрымъ подалъ, какъ знаешь, въ отставку и, по рѣшенію Пеликана, получилъ ее безъ всякой пенсіи, — это послѣ двадцати двухъ лѣтней усердной службы. На старость оставленъ безъ хлѣба и крова—самъ незнаетъ куда дѣваться».—Вскорѣ, однако, онъ получилъ мѣсто въ польскомъ банкѣ въ Варшавѣ.

22 Октября 1822 года, по полученіи отъ Лелевеля начала критики, Булгаринъ, разсыпаясь тысячами благодарностей, прибавляетъ:

«Смѣю еще просить уважаемаго земляка объ одной милости, т. е. не подарить гордому исторіографу ни малѣйшей ошибки въ историческихъ фактахъ. Здѣшняя публика по преимуществу обращаетъ вниманіе на это и жадно ловитъ ошибки человѣка, котораго приверженцы почитаютъ непогрѣшимымъ, какъ католики папу. Министерство просвѣщенія и всѣ значительныя лица въ государствѣ давно уже желали и ожидали дѣльной и ученой критики и имя ваше сдѣлается славнымъ въ Россіи и навѣрно эта критика доставитъ вамъ еще болѣе и, во всякомъ значеніи, окажетъ помощь; будутъ говорить: это тотъ Лелевель, который писалъ критику на Карамзина, и живя въ столицѣ и имѣя различныя связи, могутъ быть въ чемъ либо вамъ полезными».

8 Декабря 1821 (1822) года. «Критика или лучше вступленіе къ критикѣ произвело здѣсь сильный шумъ. Всѣ не могутъ нахвалиться. Имя ваше переходитъ изъ устъ въ уста у самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Голицынъ, Сперанскій, Оленинъ и др. отдающихъ дань вашей учености и таланту, и вмѣстѣ со всей публикой ждутъ продолженія. Гдѣ я ни покажусь, ко мнѣ обращаются съ вопросами о васъ и просятъ поскорѣе продолженія. Нѣсколько фанатичныхъ карамзинистовъ морщится, хотя и они вамъ отдаютъ справедливость. Карамзинъ молчитъ, ибо нечего сказать. Я для уврачеванія его раны печатаю въ 24-мъ нумерѣ глупѣйшую похвалу ему, взятую изъ нѣмецкихъ газетъ, присланныхъ мнѣ его горячимъ приверженцемъ, а потомъ разобью эти глупости, чтобы очистить отъ пятна мой журналъ. М. Г. и мой уважаемый землякъ, постарайся осчастливить меня и вышли безъ замедленія продолженіе. Сооружая свою собственную славу, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаешь

---

[1]) Письма Сенковскаго къ Лелевелю напечатаны въ фельетонѣ варшавской газеты «Эхо» за февраль и мартъ 1878 года (Echo, 1878 №№ 41—72).

и меня, дѣлаешь мой журналъ классическимъ и упрочиваешь его существованіе. Что могу я сдѣлать, чтобъ отблагодарить тебя? Скажи, я на все готовъ. Я предложилъ васъ въ члены двухъ здѣшнихъ ученыхъ обществъ. Вы окажете намъ честь, если согласитесь вступить въ наше общество, гдѣ всѣ васъ прославляютъ».

Не только Булгаринъ не понялъ Лелевеля, но и тогдашній его любимецъ, Сенковскій. Имъ казалось, что, дѣйствуя на самолюбіе автора, скорѣе всего побудятъ его окончить критику. Сенковскій, 9 Декабря 1822 года, писалъ къ Лелевелю:

«Второй уже разъ пишу къ тебѣ, но теперь главнымъ образомъ съ цѣлью извѣстить тебя объ успѣхѣ твоей критики въ Петербургѣ. Булгаринъ отлично ее перевелъ, а общій голосъ говоритъ, что это первый трудъ, написанный по русски такою умѣлою рукою и такъ философски. Съ другой, однако, стороны партія автора, т. е. его домашніе друзья, бѣсятся съ досады. Славный поэтъ Жуковскій даже плакалъ. Самъ авторъ такъ опечалился и пришелъ въ такое худое расположеніе духа, что жена и дочь принуждены были выѣхать на время изъ дому. Хотя они и бѣсятся, нечего на это обращать вниманія, такъ какъ это люди безъ всякой основательной науки. Рѣдко который изъ нихъ знаетъ по латыни и то весьма мало, это поверхностные беллетристы, нѣтъ ни одного, котораго бы можно назвать ученымъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и авторъ, который, какъ говорятъ, хорошо его знающіе, не знаетъ по латыни. Наконецъ, на сколько я его знаю, у него нѣтъ никакихъ идей, кромѣ такихъ, какія могутъ войдти въ романъ. Можетъ быть думаешь, что онъ прочиталъ все, относящееся къ его предмету? Совсѣмъ нѣтъ: онъ не знаетъ и не хочетъ знать двухъ самыхъ для него необходимыхъ языковъ—польскаго и шведскаго. Я потороплю Булгарина, чтобы онъ прислалъ тебѣ критики, уже написанныя на эту книгу, т. е. казанскаго профессора Арцыбашева и пастора Гиппюса, шведа, который разобралъ его описаніе войнъ Новгорода. Эта послѣдняя, говорятъ, весьма важна. Теперь, многоуважаемый Іоахимъ, постарайся прислать вторую статью, какъ можно скорѣе, и распредѣли твои занятія такъ, чтобы каждый мѣсяцъ написать одну статью. Здѣсь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Я буду тебѣ сообщать вѣрно всѣ подробности. Въ началѣ статьи я самъ написалъ о тебѣ краткую замѣтку, которая напечатана въ журналѣ Булгарина. Извини, если найдутся неточности, такъ какъ намъ шло не о точности, а о томъ, чтобъ дать извѣстіе, которое имѣло бы характеръ точности».

По полученіи столькихъ писемъ Лелевель собрался наконецъ отвѣтить Булгарину [1]).

---

[1]) Письма Лелевеля мы переводимъ буквально. Лелевель былъ извѣстенъ своимъ тяжелымъ слогомъ, между тѣмъ критика написана весьма легко и изящно. Сопоставленіе имѣющихся въ письмахъ отрывковъ изъ критики съ соотвѣтсвующими мѣстами покажетъ въ какой мѣрѣ Булгаринъ точно переводилъ статьи Лелевеля. С. П.

Письма эти Лелевеля сообщены на страницы «Русской Старины» — Т. А. Сосновскимъ. По напечатаніи писемъ у насъ въ переводѣ, мы копію съ оригинала передадимъ В. Д. Спасовичу для помѣщенія ихъ въ его почтенномъ журналѣ «Ateneum», издаваемомъ имъ въ Варшавѣ. Ред.

I.

31-го декабря 1822 г. Вильно.

М. Г. [1]) Изъ писемъ Г. Сенковскаго я вижу, что вы негодуете на меня за то, что я не отвѣчалъ на ваши неоднократныя ко мнѣ обращенія. Ваше негодованіе справедливо, но все таки я полагалъ, что на время можетъ успокоить ваше нетерпѣніе то, что я принялся за разборъ Карамзина, равно какъ и письма г. Контрыма и мое письмо къ г. Сенковскому. Поэтому то я и не торопился съ отвѣтами даже на заданные мнѣ вопросы. Я не надѣюсь, чтобы мнѣ удалось гдѣ нибудь найти о времени рожденія Марины. На это надо случай или розысканія въ семейныхъ документахъ. Точно также не могу вамъ ничего опредѣленнаго сказать объ имени Теребовльской героини [2]) Мнѣ кажется, что Елеонора. Искалъ я и тамъ и сямъ, но напрасно: не могу припомнить, гдѣ я читалъ объ ней. Пожалуй я и отыскалъ бы ея имя, еслибъ не холодъ въ библіотекѣ и не ежедневныя занятія, которыя дѣлаютъ рѣшительно невозможными розысканія и писаніе писемъ безъ существенной надобности.

Разборъ Карамзина будетъ—только, сударь, терпѣніе! Припоминайте мнѣ, чтобы я сдержалъ слово, но, впрочемъ и это не весьма нужно, только не выдумывайте безполезныхъ поощреній. Я стараюсь ознакомиться съ довольно обширнымъ трудомъ Карамзина, съ трудомъ, содержащимъ столько подробностей, столько мелочей, да и написаннымъ на малоизвѣстномъ мнѣ языкѣ.—Для этого мнѣ нужно не мало времени и тѣмъ его больше, что этимъ я могу заниматься только урывкою; такъ какъ у меня есть постоянное и ежедневное занятіе, которое для меня не такъ легко, какъ вы себѣ можете полагать. Уже давно я задумалъ познакомиться съ Карамзинымъ и взяться за его разборъ. Разбиралъ я много нашихъ сочиненій, но всѣ они были короче Карамзина. Надѣюсь, что совладаю и съ бо̀льшимъ. Принялся я за разборъ изъ тѣхъ же побужденій, изъ какихъ я брался за разсмотрѣніе столькихъ иныхъ трудовъ, т. е. для собственнаго удовольствія, потребности, наконецъ для того, чтобы чѣмъ нибудь подѣлиться съ публикой. Будь увѣренъ, сударь, что не иныя побужденія склонили меня къ этому. Ускорилъ я мое предпріятіе и ускоряю, потому что вы этого желаете. Отъ души и сердца я радъ

---

[1]) Письма, которыя мы начинаемъ со словъ М. Г. въ подлинникѣ имѣютъ обычное польское начало: Wielmożny Mci Dobrodzieju.

[2]) Хржановская, жена коменданта крѣпости въ Теребовлѣ, мужествомъ своимъ воодушевившая мужа и войско къ храброй защитѣ крѣпости во время осады ея турками въ 1675 году.

бы угодить вамъ, и особенно твоему, сударь, усердію,—не для славы, которою вы мнѣ уже сильно надоѣли, а еще менѣе для того, чтобы причинить автору какое нибудь горькое чувство. Я знаю и сильно убѣжденъ и г. Контрымъ согласенъ въ этомъ со мною, что г. Сенковскій разсказываетъ вамъ сказки о худомъ расположеніи духа автора: но съ другой стороны, помимо этихъ шутокъ г. Сенковскаго, наблюдая не только человѣческую природу, но и зная по опыту и разнымъ отношеніямъ, въ какихъ мнѣ приходилось находиться съ разными личностями, я сильно убѣжденъ, что голосъ писаки изъ присоединеннаго края, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пріятнымъ для знаменитаго и столь много значущаго въ Россіи писателя. Поступилъ бы я противъ своихъ желаній, еслибы мнѣ вдругъ пришлось раздражать, чьи либо непріятныя чувства. Время ихъ охлаждаетъ и дѣлаетъ людей болѣе снисходительными. Надѣюсь, что медленно подвигаясь, я заслужу лучшее вниманіе у Карамзина, въ которомъ я тѣмъ болѣе нуждаюсь, чѣмъ болѣе осмѣливаюсь о немъ говорить.—Мѣсяцъ одинъ, другой промедленія ничего не значитъ при постоянномъ существованіи вашего благороднаго предпріятія. Будь только, сударь, снисходительнымъ. Я не удивляюсь, что г. Сенковскій горячится, такъ какъ онъ посѣтилъ Египетъ, согрѣтый холодными муміями.—Если дѣйствительно могу вамъ сдѣлать какое нибудь одолженіе разборомъ Карамзина, то пожелай же, сударь, вознаградить меня снисхожденіемъ, зная, что я дѣйствительно не могу торопиться (Chciejże mi panie wynagrodzić wyrozumiałością, na niemożność moją). Что касается до меня, то я благодаренъ за милостивое принятіе моего разбора въ «Сѣверный Архивъ», и, по возможности, буду стараться удовлетворить вашимъ желаніямъ.

Переводъ хвалятъ всѣ. Лобойко, [1]) читая его въ слухъ, постоянно прерывалъ чтеніе, говоря, что ясенъ, легокъ, чистъ, что отличенъ и въ словахъ и строѣ, что невозможно, чтобы такъ писалъ по русски иностранецъ, что должно быть помогалъ кто нибудь изъ природныхъ русскихъ.

Много вамъ обязанъ за присылку экземпляра «Архива»; не помню въ какомъ журналѣ и въ какихъ номерахъ былъ разборъ Ходаковскаго [2]). Въ Петербургѣ должно быть извѣстно, вышелъ ли IX томъ Карамзина на французскомъ языкѣ?

---

[1]) Лобойко Иванъ (ум. 1863 г.), малоросъ, профессоръ русскаго языка и литературы въ виленскомъ университетѣ, а затѣмъ, до 1840 г., въ тамошней медицинской академіи. Оставилъ нѣсколько сочиненій на русскомъ языкѣ.

[2]) Извѣстный Зорьянъ Доленга Ходаковскій (1784—1835). Дѣйствительная его фамилія Чарноцкій Адамъ.

Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, можетъ скорѣе, пришлю слѣдующій отдѣлъ замѣтокъ о Карамзинѣ. Я намѣренъ сравнить его съ нашимъ Нарушевичемъ и остановиться на характерѣ его сочиненія и истинѣ (prawda), на сколько онъ ей удовлетворяетъ. Дальше, не указывая прямо автору чего бы слѣдовало желать, чтобы было въ его сочиненіи, думаю разсмотрѣть характеръ и смыслъ (nafura) той части исторіи, которую обнялъ онъ въ 8—9 томахъ. Уже подъ конецъ приступлю къ отдѣльнымъ подробностямъ, въ которыхъ и критическіе споры хотя и безъ отдѣльныхъ набѣговъ (dorywczych podjazdów), кое гдѣ могутъ появиться. Объемъ неопредѣленъ. Будете торопить, выйду изъ терпѣнія, не хватитъ мнѣ времени, сокращу и коротко закончу (kuso wykończę). Медленнѣе двигаясь, я найду возможнымъ дополнить, а тогда будетъ и нѣсколько лучше, и точнѣе, и обширнѣе. Во всякомъ случаѣ (если не помѣшаютъ сверхчеловѣческія препятствія) все окончу къ пасхѣ.—Прошу только терпѣнія, довѣрія и спокойствія.

На этотъ разъ пусть будетъ достаточно этого писанія. Поручаю себя благосклонному вниманію, взаимному доброжелательству и доброму сердцу. Слуга Лелевель.

Вотъ вамъ доказательство, что докучаю и докучать неперестаю, кстати, что стоитъ въ Петербургѣ французскій экземпляръ Карамзина? Будьте здоровы. Вашъ К. Контрымъ.

Докучаніе (kuczenie) напрасно. Даромъ этимъ хвастается г. Казимиръ (Контрымъ). Чаще всего онъ долженъ радоваться тѣмъ, что я когда нибудь упомяну о Карамзинѣ, такъ какъ самъ боится надоѣдать.—Сильно докучалъ (kuczył), что сталъ искать значенія этого слова въ словарѣ Линде. Впрочемъ обыкновенно молчитъ спокойно и тихо ведетъ себя. Пусть бы?! Но онъ хвастался... Онацевичъ посылаетъ свой поклонъ.

Примѣчанія. 1) Нарушевичъ Адамъ Станиславъ (1733—1796), поэтъ и историкъ. Еще во время пребыванія своего въ іезуитской коллегіи онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ отправленъ для усовершенствованія за границу. По возвращеніи на родину онъ, какъ болѣе выдающійся, былъ назначенъ въ Варшавскую коллегію, гдѣ ему скоро представился случай показать свои поэтическія дарованія при дворѣ. По закрытіи ордена іезуитовъ, Нарушевичъ получилъ богатый приходъ, недалеко отъ Вильны. До этого времени онъ напечаталъ переводъ Тацита. Король Станиславъ, часто припоминая слова Руссо, что тотъ кто хорошо пойметъ Тацита,—и самъ скоро сдѣлается историкомъ, поручилъ ему написать исторію Польши. Нарушевичъ согласился, пріѣхалъ въ Варшаву, но, нуждаясь въ уединеніи, среди городскаго шума не могъ ничего сдѣлать, поэтому удалился въ родное Полѣсье, получивъ Смоленскую коадъюторью съ титуломъ епископа эмаускаго. До 1779 года онъ собиралъ матеріалы, просматривалъ хроники, розыскивалъ акты, грамоты. Ему были открыты всѣ архивы; всѣмъ польскимъ

посланникамъ при иностранныхъ дворахъ поручено было добывать изъ иностранныхъ архивовъ историческіе матеріалы.—Матеріалы собранные Нарушевичемъ еще до сихъ поръ неисчерпаны и извѣстны подъ названіемъ «портфелей Нарушевича». Нѣсколько этихъ портфелей хранится въ библіотекѣ нашего генеральнаго штаба. Когда первый томъ былъ уже готовъ, Нарушевичъ вернулся въ Варшаву и до 1786 года издалъ шесть томовъ исторіи Польши, доведенной до 1386 года.—Этимъ онъ и закончилъ. Событія до того его убили, что онъ не могъ заниматься начатымъ трудомъ и засѣлъ въ Яновѣ, своей позднѣйшей епископской резиденціи. Когда ему послѣ Гродненскаго сейма пришлось встрѣчать въ Сѣмятичахъ (мѣстечко Гродненской губ., Бѣльскаго уѣзда) короля, то на предложеніе короля продолжать заниматься далѣе исторіей онъ, въ волненіи, сказалъ: «Что? я теперь этимъ буду заниматься? Не для кого. Пусть оканчиваетъ кто хочетъ, я уже не возьму пера въ руку.»—И дѣйствительно, послѣдніе три года жизни онъ провелъ въ деревенскомъ уединеніи, находя единственное утѣшеніе въ обществѣ работниковъ—крестьянъ, занимаясь съ удовольствіемъ полевыми работами и прилагая ко всему свою руку. Во время каневскаго свиданія Императрицы Екатерины съ королемъ Станиславомъ, Нарушевичъ находился въ свитѣ короля и, по желанію его, поднесъ императрицѣ свое сочиненіе «Таврида», описаніе Крыма, за что получилъ перстень, крестъ и жалованье. Нарушевичъ еще извѣстенъ, какъ сатирикъ.

[2]) Онацевичъ Игнатій (1780—1845), профессоръ статистики и дипломатіи. Первоначально воспитывался въ Бѣлостокской гимназіи, а затѣмъ въ лицеѣ въ Лыкѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе прусскаго короля и былъ переведенъ въ университетъ въ Кенигсбергъ. По окончаніи курса, сдѣланъ былъ преподавателемъ. Случай съ русскими купцами, задержанными прусскими властями во время войны 1812 года, за которыхъ поручился Онацевичъ, сблизилъ его съ канцлеромъ Румянцевымъ и онъ былъ вызванъ въ Россію. По выдержаніи экзамена на степень магистра получилъ мѣсто учителя въ Бѣлостокѣ, а въ 1818 году назначенъ и. д. профессора всеобщей исторіи въ виленскомъ университетѣ и читалъ до 1822 г., когда эта каѳедра досталась по конкурсу Лелевелю. Тогда Онацевичъ сталъ читать статистику и дипломатію. Въ 1829 г. вызванъ въ Петербургъ, гдѣ занимался исторіей Литвы и много собралъ матеріаловъ. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ большихъ сочиненій по исторіи Польши и Литвы.—Въ Петербургѣ онъ былъ помощникомъ библіотекаря Румянцевскаго музея.

II.

Безъ означенія числа [1]).

Г. Контрымъ, хотя и не хорошо исполняетъ свою обязанность докучайки, говоритъ однако, что въ Петербургѣ желали бы, чтобы я наѣзди-

[1]) Это письмо безъ числа, но очевидно, что оно написано между первымъ и третьимъ письмомъ. Въ первомъ Лелевель обѣщалъ выслать вторую часть критики, при настоящемъ же посылаетъ, въ третьемъ дѣлаетъ уже дополненія къ посланной статьѣ.—При томъ оно писано вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ декабрьской книжки 1822 года «Сѣв. Архива», въ которой помѣщена біографія Лелевеля, которую онъ пополняетъ и исправляетъ въ настоящемъ письмѣ. Кромѣ того оно пролежало у автора почти мѣсяцъ, вслѣдствіе полученія письма Сенковскаго отъ 3-го января 1823 г.

чески относился къ Карамзину, цитировалъ его страницы, его слова, противорѣчія, (помѣщалъ) небольшія ругательства. Убѣждаетъ меня, что вы сами этого желаете и не перестаетъ убѣждать, хотя я и говорилъ ему, что на такое наѣздническое отношеніе я вовсе не думаю посвящать моего труда, что это вовсе не въ моемъ вкусѣ, что если только этого съ меня требуютъ, жаль, что такъ много обо мнѣ разболтали.— Подробностей я не оставлю, для этого у меня много замѣтокъ, но ими придется воспользоваться на сколько онѣ находятся въ связи съ порядочнымъ разборомъ. То, что посылаю теперь, является плодомъ ускоренія. Если вы желаете получить мои замѣтки о мелочахъ, то извѣстите меня объ этомъ, сохраните эту часть на дальнѣйшее время, а я труду моему придамъ иной порядокъ; но для того чтобы получить хотя часть наѣздническихъ мелочей, вамъ придется подождать до пасхи. — Пока посылаю вамъ продолженіе моихъ замѣтокъ. Онѣ являются ускореннымъ плодомъ, какъ это показываютъ помарки болѣе частыя, чѣмъ въ первой части, а эти помарки доказываютъ что мои мысли не были, какъ слѣдуетъ переварены.—Я бы предпочиталъ, чтобы это не было такъ быстро—но чтожъ дѣлать!—Если угодно можешь, сударь, этимъ немедленно воспользоваться, а можешь и нѣсколько продержать, покрайней мѣрѣ съ мѣсяцъ, такъ какъ, предупреждаю, что до пасхи не успѣю ничего приготовить. Помни это хорошо, сударь, и напрасно не настаивай на меня объ этомъ, не ищи безполезныхъ докучаній (kuczeń), не печалься и не сердись, ибо трудно сердиться на дождь, когда онъ идетъ. Можетъ быть посланная вамъ статья покажется слишкомъ обширною, можетъ быть при спокойномъ размышленіи я нашелъ бы что повыбросить, но ваша торопливость не позволяетъ мнѣ ограничиться должнымъ предѣломъ. По крайней мѣрѣ займетъ болѣе мѣста. Переводъ этого отрывка будетъ труднѣе первой статьи, между тѣмъ много зависитъ отъ хорошаго пониманія моихъ мыслей и словъ и отъ удачной передачи многихъ мѣстъ. На переводъ первой статьи, на сколько я понялъ, мнѣ нечего пенять. Дабы и съ этой вамъ посчастливилось. Два приведенныя текста, нѣмецкій и французскій, если придется перевести, пожалуй, не дурно было бы сохранить въ подлинникѣ въ примѣчаніи. Написавъ ихъ, я хотѣлъ вычеркнуть, но Онацевичъ и другіе наши, которымъ я читалъ, велѣли оставить, говоря, что важны и умѣстны. Можетъ быть у васъ есть кому сообщить эту статью до напечатанья, именно кому нибудь изъ русскихъ, знакомыхъ съ сочиненіемъ Карамзина, чтобы выпытать его мнѣніе: можетъ быть сообщенное мнѣ предъ напечатаніемъ исправило бы нѣкоторыя мои мысли. Мнѣ бы это весьма было пріятно. Въ одномъ мѣстѣ этой статьи есть указаніе на выноску

(а), выноски же нѣтъ. Это предоставлено на ваше усмотрѣніе, если пожелаете отъ вашего редакторскаго имени прибавить, что объ этихъ столбахъ Болеслава храбраго я писалъ и царствованіе этого Болеслава объяснялъ въ сочиненіяхъ: 1) Завованія Болеслава великаго, съ двумя географическими картами, соч. это помѣщено въ 1816 г. въ Виленскомъ Еженедѣльникѣ, выходящемъ въ Вильнѣ, въ типографіи Жулковскаго, во II томѣ, въ номерахъ 27—34. 2) Объ отношеніяхъ польскихъ королей къ нѣмцамъ и о королевскомъ титулѣ до времени раздѣла между сыновьями Кривоустаго. Сочиненіе помѣщено въ 1826 г. въ Варшавскихъ Ученыхъ Запискахъ.

Что это вы (т. е. Булгаринъ и Сенковскій) написали обо мнѣ въ «Сѣверномъ Архивѣ» (такъ какъ г. Сенковскій бо̀льшую часть этого приписываетъ себѣ), жаль, что не по болѣе вѣрнымъ свѣдѣніямъ и не съ большею достовѣрностью [1]); я скорѣе готовъ былъ бы прочесть, что я ученикъ Гродека [2]), такъ какъ я ему немного обязанъ, чѣмъ то, что я прочиталъ, что я ученикъ Чацкаго который устно мнѣ ничего не помогъ и никого никогда не училъ. Для вашего свѣдѣнія присоединяю здѣсь двѣ три замѣтки о себѣ.

Родился я въ Варшавѣ въ 1786 году, въ мартѣ; съ начала я получилъ домашнее воспитаніе въ помѣщичьемъ домѣ моихъ родителей. Высшіе класы прошелъ въ Варшавѣ въ Конвиктѣ collegii nobilii Піаровъ, откуда отправился въ Вильно въ университетъ съ цѣлью посвятить себя наукамъ и учительскому званію. Впродолженіи моего четырехлѣтняго пребыванія въ виленскомъ университетѣ, исторія сдѣлалась моимъ единственнымъ затрудненіемъ. Прибывъ въ Вильно, я еще засталъ послѣдній годъ чтеній по исторіи старца, священника Ѳомы Гуссаржевскаго, который охотно мнѣ помогалъ своими совѣтами, на сколько у него въ эти два года оставалось еще жизни. Среди многихъ благосклонныхъ ко мнѣ въ виленскомъ университетѣ лицъ, особенною благосклонностью и дружбою почтилъ меня Эрнестъ Готфридъ Гроддекъ, проф. греческой и латинской словесности, нынѣ статскій совѣтникъ. Онъ былъ моимъ руководителемъ и учителемъ не только въ дружескихъ бесѣдахъ, но и въ долголѣтней перепискѣ. Ѳаддей Чацкій, новогродскій староста, съ герой-

---

[1]) Булгаринъ въ 1822 году въ 23-мъ номерѣ «Сѣв. Архива» помѣстилъ краткую біографію Лелевеля, которую онъ исправляетъ.

[2]) Гроддекъ Готфридъ Эрнестъ (ум. 1826 г.) родился въ Гетингенѣ. Профессоръ греческой и латинской словесности въ Виленскомъ университетѣ. Первоначально былъ домашнимъ учителемъ у князя Адама Чарторижскаго, виленскаго попечителя. Съ 1803 переѣхалъ въ Вильно. Издалъ весьма много сочиненій по классической филологіи на латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

скимъ самопожертвованіемъ преданный просвѣщенію земляковъ, слыша о моихъ упражненіяхъ въ исторіи, призвалъ меня въ Кременецъ. Нѣсколько промедливъ, я явился въ Кременецъ, гдѣ въ 1810 году короткое время преподавалъ исторію географіи. Въ это время моего пребыванія на Волыни я познакомился съ упомянутымъ мужемъ. Его сочиненіе могло всегда руководить въ трудахъ. Открытыя имъ для меня собранія его книгъ мгновенно были мною просматриваемы, но и одно уже лицезрѣніе его могло побудить къ общественной службѣ. Однако, теченіемъ обстоятельствъ я былъ перенесенъ въ Варшаву, гдѣ въ частной домашней жизни наука дѣлалась для меня забавой [1]). Въ 1815 г. весною я былъ присланъ (przysłany) въ Вильно для занятія каѳедры исторіи, которая была вакантною со смерти Гуссаржевскаго. Курсъ этотъ я читалъ три года слишкомъ. Въ 1818 году я былъ приглашенъ на должность библіотекаря въ Варшавскій университетъ, а также для преподаванія библіографіи, и затѣмъ спеціальныхъ отдѣловъ исторіи. Въ 1821 г. по конкурсу я получилъ каѳедру исторіи въ виленскомъ университетѣ, а съ 1822 года я вступилъ въ должность, которую до сихъ поръ исполняю.

Исчисленіе сочиненій. При 3-мъ номерѣ можетъ была бы полезна замѣтка, что Замѣтка о Холевѣ была первымъ отдѣломъ наблюденій моихъ въ отношеніи народной исторіи, что второй отдѣлъ былъ законченъ въ Виленскомъ Еженедѣльникѣ, выходившемъ въ 1816 г. и содержалъ слѣдующія сочиненія:

1. Просвѣщеніе и науки въ Польшѣ до введенія книгопечатанія.
2. Разборъ шести разсужденій Яна Викентія Бандтке по вопросамъ польскаго права.
3. Нагробная надпись Болеслава великаго въ Познани.
4. Пріобрѣтенія Болеслава великаго.
5. Винульская Славянщизна по баварскому географу.

Можетъ быть не лишняя и та замѣтка, а при ней и поправка, что въ 1818 г. вышло болѣе всего моихъ сочиненій и при томъ самыя обширныя; помѣщенныя подъ № 7 изслѣдованія заключаютъ листовъ 591, географическихъ картъ въ полъ листа 19 и одна маленькая. Съ этимъ отдѣломъ въ связи сочиненіе:

Открытія кареагенянъ и грековъ на Атлантическомъ океанѣ. Изд. въ Варшавѣ 1821 г. въ піярской типографіи 8°, стр. 177 съ географическою картою въ полъ листа.

---

[1]) Объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія находятся въ моихъ изслѣдованіяхъ древности въ географич. отношеніи стр. 22. 23. Авт.

Что помѣщено подъ № 8, Древняя Исторія.... XVI вѣка, то это не такъ, ея заглавіе: Древняя Исторія отъ начала историческихъ временъ до второй половины шестаго вѣка христіанской эры. Вильно 1818 г., стр. 505, историческихъ гравированныхъ картъ 16 и четыре литографированныя иголкой картинки, изображающія развалины построекъ разныхъ народовъ.

Въ этомъ же году вышло:

Θеодора Ваги Исторія князей и королей польскихъ, вторично просмотрѣнная и дополненная. Вильно 1818 г., 8°. Первую половину этого сочиненія я сильно передѣлалъ. Къ ней принадлежитъ:

Прибавленіе къ Θеодора Ваги Исторіи князей и королей польскихъ. Царствованіе Станислава Августа. Въ Варшавѣ 1819. Небольшая брошюра въ 66 стр.

Неизвѣстно ли вамъ: сохраняетъ ли Гавеншильдъ въ нѣмецкомъ переводѣ Карамзина примѣчанія цѣликомъ или обрѣзываетъ ихъ подобно французскимъ переводчикамъ?

Выраженіе—прагматическая исторія, которое употребляю, есть техническое въ наукѣ исторіи. Не знаю переведено ли оно на русскій яз. Исторія Медицины Рихтера озаглавлена исторія прагматическая, не знаю какъ это переведено въ русскихъ экземплярахъ. Но это не та прагматическая исторія, про которую я говорю въ моей рецензіи. Это злоупотребленіе словомъ прагматическій, который употребляется для общаго обозначенія причинъ и слѣдствій, равно какъ и нѣкотораго философствованія. Прагматическая исторія, о которой я упоминаю, есть, именно, исторія извѣстная грекамъ и римлянамъ, т. е. съ политическимъ характеромъ... Поливій первый развилъ свои замѣчанія и наблюденія, на которыя стали обращать вниманіе позднѣйшіе писатели. Италіянскіе историки XV ст.—прагматическіе. Поливій считается первымъ прагматическимъ историческимъ писателемъ, хотя до него были такими Θукидидъ и другіе. Однимъ словомъ прагматическая исторія есть политическая исторія [1]).

И статья приложенная къ этому письму и письмо готовы почти мѣсяцъ, и я хотѣлъ ихъ сей часъ послать, чтобы сдѣлать вамъ сюрпризъ. Когда, однако, я собирался ихъ отправить, я получилъ письмо Сенковскаго, въ которомъ въ числѣ мотивовъ къ ускоренію выставленъ тотъ, что друзья Карамзина, которые не очень мною довольны, говорятъ, что я испугался. Задержалъ я отправленіе, чтобы имъ сдѣлать болѣе удовольствія отъ моего испуга. Въ примѣча-

[1]) Вся эта замѣтка о прагматической исторіи вставлена въ видѣ примѣчанія въ критику. «Сѣв. Архивъ» ч. 8. 1823 года № 29 стр. 73.

ніи или такъ гдѣ, мимоходомъ, можешь, сударь, предупредить публику, что по крайней мѣрѣ три или четыре отрывка рецензіи соч. Карамзина въ свободное, но свободное время, помѣстишь въ своемъ «Архивѣ», и еще рецензія не будетъ окончена... Г. Контрымъ въ эти времена худо себя велъ, такъ какъ не только не докучалъ, но даже, часто ударялъ себя въ грудь, потому что провинился: но не говоритъ въ чемъ?...

Памяти меня и благосклонному сердцу слуга Лелевель Іоахимъ.

Уже здѣсь въ Вильнѣ приходилось мнѣ слышать, какъ говорили, что это за рецензія (говорятъ о введеніи), которая не ссылается на русскихъ писателей! Послѣ этого отдѣла предчувствую, что и въ Петербургѣ появятся подобные вздохи (utyskiwania). Это ничего, хотябъ и долго продлилось».

Примѣчаніе. Сенковскій дѣйствительно извѣщалъ Лелевеля о тріумфѣ карамзинистовъ по поводу пріостановки печатанія критики, по порученію Булгарина онъ писалъ ему 3-го января 1823:

...Умоляю тебя поторопись съ рецензіей, такъ какъ я серьезно опасаюсь, чтобы Булгаринъ изъ безпокойства не пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Здѣшняя публика все спрашиваетъ про твою рецензію. Карамзинисты торжествуютъ; говорятъ, что ты или испугался, или пожалѣлъ о начатомъ. Во имя твоей чести, чести Польши, Литвы, Мазовіи, чести насъ живущихъ въ Петербургѣ, насъ твоихъ истинныхъ почитателей, друзей и земляковъ; во имя редакторской чести, славы и кармана Булгарина; наконецъ уже не знаю во·имя чего тебя умолять, развѣ во имя красоты и невинности Лоты господина профессора Лобойки (если ее знаешь)... умоляю тебя поторопись прислать продолженіе... Vale et nos ama!...

III.

30-го января 1825 года. Вильно.

Сильно меня мучитъ то, что во второй статьѣ о Карамзинѣ, которую я вамъ послалъ, слишкомъ раздѣляю мнѣнія Карамзина и дѣлаюсь соучастникомъ нѣкоторыхъ его недостатковъ. Поэтому я спѣшу съ этимъ письмомъ и просьбою, чтобы вы, въ русскомъ переводѣ, соблаговолили исправить два мѣста, которыя указываю по памяти и присовокупляю проектъ перемѣны:

1. Гдѣ говорится о придачѣ характера новаго времени, тамъ конецъ того параграфа: «Если кому кажется, что истина не совсѣмъ вѣрно передана, тотъ пусть не... приписываетъ, но ищетъ иныхъ причинъ» (или какъ тамъ въ этомъ родѣ иначе это выражено), этотъ конецъ надо выбросить и на мѣсто его помѣстить:

«Придавать старымъ фактамъ характеръ новыхъ обыкновенное свойство писателей. Самые опытные писатели не были достаточно способны избѣжать этого, болѣе же всего при этомъ подвергаются опасности тѣ, которые являются съ болѣе изящнымъ и высшимъ изложеніемъ. Извѣстно, какъ холодное размышленіе критиковъ (ile zimna krytyków rozwaga, troszczy się oprzytomienie rzeczywistości, blaskiem liwjuszowskich wyrazów), хлопочетъ прикрыть дѣйствительность блескомъ фразъ Ливія; какое къ этому чувствовалъ отвращеніе сварливый Шлецеръ [1]), котораго самого тонъ, при его критическихъ дарованіяхъ, совсѣмъ не историческій. Онъ скорѣе способенъ оскорбить историческое достоинство, чѣмъ удовлетворить честную правду. Проникнуться духомъ минувшихъ вѣковъ и изложить это новыми словами вотъ одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ трудныхъ обязанностей. Сколь много по этому мы должны быть обязаны Карамзину, это видитъ всякій читатель, когда читая—постепенно дышетъ выраженіями минувшихъ вѣковъ [2])».

2. Второе мѣсто, которое надо измѣнить находится дальше, поближе къ концу, гдѣ рѣчь о придаваніи политическаго характера (o nadaniu powłoki politycznej), какой придаетъ Карамзинъ... Тамъ въ одномъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ... «Я этого не считаю оскорбленіемъ истины, а тѣмъ болѣе ея искаженіемъ». Вмѣсто этого я хотѣлъ помѣстить нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

«Не считая этого оскорбленіемъ истины»—и довольно: слова—искаженіе не надо. Впрочемъ хорошо не помню какъ тамъ. Будьте столь любезны на этотъ манеръ свернуть такъ, чтобы не было столь ясной моей собственной поблажки, но характеръ общаго снисхожденія.

Надѣюсь, что эта моя просьба поспѣетъ еще во время и что упомянутая статья еще не напечатана.

---

[1]) Z. B. über die halbe Zeile, «Jgor heiratete die Olga» machter 65 Zeilen (Schl. Несторъ 1 Th. p. III). На это у Шлецера есть нѣкоторое основаніе и онъ приводитъ отталкивающіе примѣры, гдѣ справедливо подшучиваетъ (III Th p. 63—64). Artig und beinahe rürend ist's zu lesen, wie lebendig... darstelt... mahlt, und mahlt nicht blos, sondern moralisirt und polemisirt auch. Шлецеръ требовалъ отъ посредственнаго (mierny) и худаго (nędzny) писателя, чтобы говорилъ въ его вкусѣ безвкусно и запинаясь. Между тѣмъ живость, художественное перо, нравственный и политическій характеръ необходимы хорошему писателю, хотя подъ неловкимъ перомъ они и дѣлаются обоюдоострымъ мечомъ въ рукахъ бѣшеннаго, которымъ убиваетъ правду. **Авт.**

[2]) См. Сѣверный Архивъ ч. 8. 1823 годъ № 22, стр. 289 и слѣд.—Здѣсь Булгаринъ вмѣсто «сварливый (opryskliwy) Шлецеръ» перевелъ «знаменитый Шлецеръ».

Если вы увидитесь съ г. Блотницкимъ [1]) искренне поблагодарите отъ меня за присылку мнѣ досокъ (гравировальныхъ, blachy). Поблагодарите его за всѣ его хлопоты и столь старательную пересылку, пока я соберусь къ нему написать и прямо отъ себя поблагодарить. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Подчашинскій [2]) присылалъ безъ столькихъ хлопотъ, обвязалъ бичевкой, обшилъ клеенкой и отдалъ на почту.

Если вамъ пріятна досылка моей рецензіи, то пожелаете сообщить мнѣ:

1. Есть ли надежда, что скоро появится нѣмецкій переводъ Карамзина, и будутъ ли въ этомъ переводѣ примѣчанія?

2. Какова цѣна въ Петербургѣ французскаго экземпляра. Хотя я взялъ для моего употребленія экземпляръ у Завадскаго [3]) и заплатилъ, но мнѣ весьма необходимо знать петербургскую цѣну. И то мнѣ надо знать весьма скоро.

Г. Контрымъ убѣдительно васъ проситъ соблаговолить докучать и докучать г. Сенковскому: отъ чего онъ не присылаетъ своего разсужденія о турецкомъ происхожденіи славянъ и леховъ? Я хотѣлъ письмо г. Сенковскаго, извѣщающее меня объ этомъ разсужденіи о Лехахъ, помѣстить въ Виленскомъ Дневникѣ. Чортъ послалъ какого то стараго хрыча, шубравца [4]) (шалуна), не знаю такого ли адскаго отца, который скоментировалъ письмо г. Сенковскаго слѣдующимъ образомъ: «подаетъ противъ этого заявленіе въ градъ»— когда нѣтъ града ни въ Петербургѣ, ни вблизи Каспійскаго моря. «Находится народъ Лехъ, носитъ платье безъ малѣйшаго различія польское»—неясно сказано или нынѣшнее новое, сюртуки, фраки синіе съ малиновыми воротниками, или старинное, которое нынѣ носятъ евреи—съ ермолками и пейсами, точь въ точь (dycht) какое

---

[1]) Личность мало извѣстная: не онъ ли писалъ стихи въ подражаніе Горацію? Одно стихотвореніе напечатано въ Виленскомъ Еженедѣльникѣ, 1816 г.

[2]) Одновременно съ Лелевелемъ въ Вильнѣ было два Подчашинскихъ: Карлъ (1790—1860) профессоръ архитектуры въ Виленскомъ университетѣ и его двоюродный братъ Михаилъ (1797—1835), редакторъ Варшавскаго дневника и авторъ нѣсколькихъ сочиненій. О которомъ изъ нихъ упоминаетъ Лелевель—мы не знаемъ.

[3]) Завадскій Осипъ (1778—1838). Основалъ въ 1805 г. въ Вильнѣ книжный магазинъ, который существуетъ до сихъ поръ. Своею издательскою дѣятельностью сдѣлался извѣстенъ во всей Польшѣ. Отличался предпріимчивостью, честностью и трудолюбіемъ.

[4]) Именемъ шубравецъ (шалунъ) были прозваны въ Вильнѣ члены литературно-юмористическаго общества. Впослѣдствіи они и сами назывались этимъ именемъ и въ числѣ шубравцевъ были такіе люди какъ Снядецкій.

носили при королѣ Локоткѣ. «Въ главныхъ чертахъ характера сходны съ польскимъ дворянствомъ»—въ ногтяхъ, бородавкахъ, коренастости. «Теперь составляю словарь»,—который легче всего составить изъ словарей Линде и Троца,—«изъ котораго явствуетъ, что слова собственныя польскія», какъ хамъ взятый изъ еврейскаго, панъ, жупанъ, былъ, буду «изъ этого же общаго начала, изъ котораго происходятъ слова извѣстныя въ. другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ». И съ такими замѣтками возвратили мнѣ письмо. Лобойко счастливѣе меня, такъ какъ его письма принимаютъ, а мое отклоняютъ.

Въ свободное время я пришлю г. Сенковскому еще одну легенду съ монеты. На той, которая у него есть и онъ хочетъ криптографически прочесть, пусть не ищетъ Витовта, такъ какъ онъ жилъ 1409, а монета—несомнѣнно штемпель 1500. Безъ подписи.

Примѣчаніе. Издатель писемъ Сенковскаго полагаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что коментаріи къ этому письму сдѣлалъ самъ Лелевель. Вопросъ можно рѣшить сопоставленіемъ почерковъ. Письмо напечатанное въ «Эхо» (№ 58) не буквально точно съ нашимъ. Видно, что Лелевель цитировалъ его по памяти. Сенковскій, однако, не остался въ долгу у Лелевеля. и самъ отвѣтилъ на это 3-го апрѣля 1823 года, письмомъ, въ которомъ доказываетъ, что подобная шутка совсѣмъ не умѣстна въ письмѣ Лелевеля.

Какова была посланная Лелевелемъ Сенковскому монета—не знаемъ. Изъ писемъ Сенковскаго почти ничего не узнаемъ, но по нимъ можемъ только возстановить связь между письмами Лелевеля. 13-го января 1823 года Сенковскій, между прочимъ, пишетъ:

Благодарю за сообщеніе надписи вокругъ орла, найденнаго въ Кременцѣ. Она писана криптографическими буквами, что было въ большомъ употребленіи на Руси въ XVI вѣкѣ. Надѣюсь ее прочитать; но теперь я потерялъ ключъ отъ конторки, въ которую положилъ и потому еще ничего не сдѣлалъ... Мнѣ кажется, на угадъ, не будетъ ли это гербъ Витовта?

Вопросомъ о судьбѣ этой монеты и начинается слѣдующее письмо Лелевеля.

IV.

12-го февраля 1823. Вильно.

Я вижу, что изъ за г. Сенковскаго мнѣ придется сойти съ ума (zajść w głowę). Впуталъ меня въ такое несносное положеніе, что трудно изъ него выйти. Умоляю его на черную тафту (kitajka), которую отецъ Поклюсъ[1]) носитъ на пальцѣ, чтобы исполнилъ хотя одно свое обѣщаніе. Будь, сударь, столь любезенъ и докучай ему (kuczyć). Я разболталъ, что лишь бы нашелъ ключикъ и выяснитъ ту литовскую монетку, съ которой я ему послалъ легенду, и до сихъ поръ нѣтъ ничего? Право придется посѣдѣть съ досады. Вся Литва и Рудскій, усердный консерваторъ нумизматическаго кабинета въ Кременцѣ, настаиваютъ на меня, чтобы я изъ зависти (zazdrośnie) не укрывалъ того, что г. Сенковскій такъ торжественно обѣщалъ. Между тѣмъ отъ г. Сенковскаго ничего нѣтъ (ani dudu). Но еще хуже. По поводу тюрковъ оскорблена г. Сенковскимъ не только Литва и Волынь, но все Царство Польское, расположенное по Вислѣ, и его столица Варшава и отличный санскритологъ Скороходъ Маевскій[2]). Лишь только узнали, что будто происходятъ отъ турковъ, такимъ воспламенились любопытствомъ, что пишутъ объ этомъ и противъ этого во всѣхъ журналахъ, которые издаетъ въ Варшавѣ Гурхо Гржимала[3]) и бранятъ меня за то, что не очень надоѣдаю

---

[1]) Миѳологическое божество литовцевъ, третье лицо тройцы. Символомъ его три черепа—человѣческій, бычачій и лошадиный. Подъ этимъ именемъ въ Обществѣ Шубравцевъ былъ извѣстенъ Контрымъ, онъ же и подразумѣвается здѣсь.

[2]) Скороходъ Маевскій—Валентинъ (1764—1835). Страстный любитель санскритскаго языка. На свой счетъ основалъ въ Варшавѣ санскритскую типографію, печаталъ санскритскія книги и граматики, которыхъ никто не покупалъ. На это онъ потратилъ до 30,000 р. с. Изъ его трудовъ укажемъ. 1) Санскритская грамматика. Варшава, 1828. 2) Brahmawaiwarta Puranam. По рукописи берлинской королевской библіотеки съ переводомъ. 3) Граматика турецкаго языка. 4) Введеніе во вторую часть санскритской граматики. 1823 года. Есть нѣсколько его сочиненій о славянахъ, ихъ происхожденіи, разсужденія объ архивахъ и палеографіи.

[3]) Гржимала Францискъ—варшавскій публицистъ и литераторъ. Издавалъ въ 1821 г. политическій журналъ «Привислинская Сивилла», который скоро былъ закрытъ. Въ 1821—1825 гг издавалъ ежемѣсячный журналъ «Астрея». Въ 1831 году удалился въ Парижъ. Именемъ Гурхо (литовское языческое божество) онъ назывался какъ членъ Общества Шубравцевъ.

г. Сенковскому. Я прошу, я плачу, ночью не хорошо сплю, на половину оплешивѣлъ, а г. Сенковскій и не отзовется (ani mrumru). Видите, господа, какъ вы поступаете съ людьми болѣе честными. Я не хочу ни на кого намекать и говорю только про г. Сенковскаго и то самаго г. Сенковскаго. Однако я полагаюсь на васъ (господа) и, надѣясь на ваше столичное вниманіе, прилагаю при этомъ письмо къ г. Блотницкому, которое, полагаю, пожелаете, какъ можно скорѣе передать.

Когда я былъ занятъ этимъ письмомъ и прервалъ его, получаю ваше письмо отъ 13-го февраля. Сообщилъ я его г. Казиміру (Контрыму), который посылаетъ вамъ свой поклонъ и поцѣлуй. Я хорошо понимаю, какъ васъ могутъ утруждать ваши хлопоты. Я догадывался, что должно было что-нибудь случиться, когда послѣ большаго безпокойства сначала и штурмовъ, такъ послѣ все притихло. Лишь бы счастливо кончилось.

Прошу мнѣ не присылать французскаго экземпляра Карамзина, такъ какъ у меня есть свой собственный и въ другомъ не нуждаюсь. Объ этомъ пишу уже во второй разъ, прошу это хорошо замѣтить.

Такъ какъ мы лично не знакомы, то я не могу оскорбляться вашими подозрѣніями въ томъ, что вамъ хочется явно видѣть и клясться честью, что меня дуракъ Лобойко (какъ его величаете), наклонилъ къ похваламъ Карамзину. Я за себя не стою, но за что же бѣдняга Лобойко долженъ страдать? Вижусь я съ нимъ часто; но, если вы такъ цѣните честь, что ее такъ торжественно подчеркиваете, то тою же честью и простымъ словомъ, если оно заслуживаетъ довѣрія незнакомаго, увѣряю, что ни я не совѣтуюсь съ Лобойко, ни онъ мнѣ не совѣтуетъ. О трудѣ Карамзина ничего я съ нимъ не говорилъ, и только слыхалъ какъ онъ читалъ переводъ моего введенія и восхищался имъ, да показывалъ мнѣ письмо поляка, который въ грязь топталъ Карамзина.

Вы думаете, что въ этой моей второй статьѣ находятся большія похвалы Карамзину? Мнѣ кажется, что Карамзинъ почешетъ затылокъ. Конечно, не мѣшало бы прибавить тамъ и сямъ нѣсколько фразъ для болѣе точной отдѣлки части, но зачѣмъ слишкомъ оскорблять. Я говорю о чувствительности, что могло бы быть замѣнено выраженіемъ романтическаго писателя, а это бы сразу низвергло Карамзина съ ряду историковъ. Пусть себѣ читатель, пусть себѣ издатель сдѣлаютъ болѣе ясное объясненіе. Что — изложеніе, новшество, сохраненіе въ чистотѣ правды, безъ придачи ненужнаго лоску, у Карамзина не отвѣчаетъ требованіямъ истиннаго историка, это должно бы чувствоваться; а кто недостаточно чувствуетъ пусть про-

чтеть приведенную главу изъ Блера [1]). Надѣюсь, что въ него заглянетъ Карамзинъ. Я хотѣлъ вѣжливо говорить обиняками. А когда вы считаете похвалами нѣкоторый подборъ словъ, надѣюсь, что не забудете этихъ двухъ измѣненій и прибавки съ цитатою изъ Шлецера, которую вамъ послѣ въ особомъ письмѣ отправилъ. Если пришло во время весьма для меня важно; не забудьте объ этомъ прибавленіи съ цитатою изъ Шлецера и о малой поправкѣ. Сильно обязываю васъ не забыть.

Одна часть въ этой второй статьѣ наброшена нѣсколько на удачу, пожалуй, уже слишкомъ вѣжливо—это тамъ гдѣ говорю о критикѣ. Незнаніе мое русскаго языка главною тому причиною, такъ какъ вслѣдствіе этого я не такъ легко сразу могу понять критическія дарованія Карамзина. Я подмѣтилъ, что онъ цитируя въ обиліи слова хорошо не зналъ, что оставить, что задержать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, онъ съ умысломъ не совсѣмъ точенъ, да и взглядъ его не совсѣмъ вѣренъ! но изъ всего этого я не могъ заключить о его слабости. Кажется, у него нельзя найти той прославленной проницательности и таланта; только хорошо цитируетъ страницы, широко выписываетъ тексты и т. д. и т. д. По благодарилъ бы я, еслибъ получилъ такія похвалы.

О перемѣнѣ судьбы вашего журнала мы уже слышали нѣсколько времени тому назадъ [2]).

Еслибъ я могъ гдѣ найти годъ рожденія Мнишекъ, не замѣдлилъ бы извѣстить васъ, но мало надежды. И Онацевичъ въ этомъ ничего не можетъ помочь. Я совѣтовался съ Онацевичемъ на счетъ Карамзина и онъ меня сильно побуждалъ противъ исторіографа.

Что тамъ случилось съ г. Сенковскимъ? Точно провалился въ Ебсамбольскую (?) пропасть. Безъ подписи.

---

[1]) Вотъ что говоритъ Лелевель въ самой критикѣ: «чувствительность вездѣ управляетъ его (Карамзина) умомъ и сердцемъ; онъ негодуетъ или сострадаетъ, утѣшается или жалуется, и въ различныхъ движеніяхъ души испещряетъ повѣствованіе нравственными изреченіями... Особенно французскіе писатели любятъ сей родъ изложенія, который не только что позволенъ въ исторіи, но даже сообщаетъ оной пріятность, если сіи изреченія и разсужденія (употреблены) съ умѣренностію... Требуя отъ историка глубокаго поучительнаго разсмотрѣнія предмета, мы не хотимъ, чтобъ онъ часто прерывалъ свое повѣствованіе собственными размышленіями и разсужденіями. Blair. Lectures on rhetoric and belles lettres T. III. p. 50. (Сѣв. Арх. 1823 г. ч. 8, № 19 стр. 75, и слѣд.).

[2]) Булгаринъ извѣстилъ Лелевеля, что его журналъ сдѣланъ офиціальнымъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ письмѣ отъ 13-го февраля 1823 г. столь сильно огорчившемъ Лелевеля, Булгаринъ, между прочимъ, пишетъ: «Становлюсь предъ вами на колѣна и извиняюсь, что не писалъ. Нашъ семейный процессъ, отъ котораго зависитъ участь моя и моихъ родныхъ, въ настоящее время уже въ докладѣ [1]. Кажется, что онъ вскорѣ кончится, настоящее же время я бѣгаю какъ шальной съ утра до вечера, пишу просьбы, экстракты и чортъ знаетъ что. Только вчера взялся за переводъ вашей статьи и то, увѣряю васъ, по ночамъ. Не знаю выдержитъ ли это мое здоровье. Вамъ (историку) вѣроятно извѣстно, что такое процессъ въ Россіи... Я увѣренъ, что за переводъ статьи вы не будете сердиться. Переводилъ я самъ, а глупецъ Лобойко лжетъ, говоря, что ее переводилъ природный русскій. Я шести лѣтъ былъ привезенъ въ Россію, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и знаю русскій языкъ лучше польскаго, которому выучился въ польскомъ войскѣ... Прошу васъ не вѣрьте этому петербургскому писчику. По похваламъ, разсѣяннымъ въ статьѣ, Карамзину, явно вижу, что онъ что-либо вамъ налгалъ. Здѣсь Воейковъ издатель «Инвалида» и туфля Карамзина хвастаетъ, что онъ велѣлъ Лобойкѣ настращать Васъ. Клянусь честью, что это правда.... Ожидаю вашего подробнаго разбора и надѣюсь, что вы перестанете хвалить Карамзина, въ которомъ я ничего не вижу кромѣ трескучихъ фразъ. Но это какъ вамъ угодно, я беру, что вы мнѣ даете и за все благодаренъ.

С. Л. Пташицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Рѣчь о процессѣ, который послужилъ матеріаломъ для Ивана Выжигина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXII ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1878 г.

(МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ).

А.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Р.

С.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1878 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Историко-біографическіе очерки.

Акты, переписка, разсказы и замѣтки.

Время до Петра I.

Царствованіе Анны.

Царствованіе Елисаветы.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра II.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

Родословія.

Портреты, рисунки и снимки.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Архивъ князя Воронцова. Книга XII. Москва, 1877 г. 486 стр. (На обертк̌ѣ 5-й и 6-й книгъ «Русской Старины» 1878 года).
2. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. XXI. Спб. 1877 г. 490 стр. (На оберткѣ 6-й книги «Русской Старины» 1878 г.).
3. Городское самоуправленіе въ Россіи. Т. II. И. Дитятина. Ярославль 1877 г. 563 стр. (Тамъ-же).
4. Наше городское самоуправленіе. Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Демидовскаго лицея 30-го авг. 1876 г. И. Дитятинымъ. Ярославль, 1876 г. 51 стр. (Тамъ-же).
5. Русскія историческія одежды. Составлено и рисовано С. Стрекаловымъ, съ введеніемъ Н. И. Костомарова. Выпускъ I. Спб. 1877 г. (На оберткѣ 7-й книги «Русской Старины» 1878 г.).
6. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Т. XXVII. Москва. 1877 г. 348 стр. (На оберткѣ 8-й книги «Русской Старины» 1878 г.).

ОПЕЧАТКИ ВЪ XXII-МЪ ТОМѢ.

Стр.	74	4-я стр.	съ низу:	горетѣмъ	читай:	горе тѣмъ.
»	79	3-я »	съ низу:	продакали	»	продавали.
»	111	8-я »	съ верху:	Ивакомымъ	»	Ивановымъ.
»	120	10-я »	съ низу:	«Бѣстникалюбви»	»	«Вѣстника любви»
»	121	18-я »	съ низу:	нам ѣревался	»	намѣревался.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**.— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриллiанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабря 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. **Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч. и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Карабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ **1870** г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ Академикомъ Сѣряковымъ рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

12 кн. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“. 1876 года.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.— Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.— Беседы Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Θедора Григорьевича Солнцева: Академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова. Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волынскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича. а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Θ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголѣ—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Къ „Русской Старинѣ“ 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг. Портреты Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго — гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, восемь рублей съ доставкою и пересылкою.

---

12 книгъ „Русской Старины“ 1877 г.

съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, а именно:

Княгиня Екатерина Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича; кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: **Турецкая неволя**—историческій очеркъ;—**Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II**;—**Сельскій священникъ** въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка;—**Россія сто лѣтъ назадъ**—путешествіе англійскаго историка Кокса;—Записки берлинскаго профес. академика **Тьебо** о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.;—герцогиня **Кингстонъ** въ Россіи;—бракоразводное дѣло **Евдокіи Ганнибалъ**.—**Екатерина II и Густавъ III**;—**Невѣсты** цесаревича **Павла Петровича**;—**Русское войско** въ царствованіе Павла Петровича;—Цесаревичъ **Константинъ Павловичъ**—историко-біографическій очеркъ;—**Отечественная война 1812 года**—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ;—**Посольство Ермолова** въ Персію въ 1817 году;—Записки **Шуазель-Гуфье**—объ императорѣ Александрѣ I и его времени;—**Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи**,—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.;—Записки **П. А. Каратыгина**;—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Дневникъ барона **Л. П. Николаи**: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.;—**Кн. Меншиковъ** въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта **А. А. Панаева**;—Воспоминаніе о **Т. Н. Грановскомъ**—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—**Россія и Турція** въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ;—**Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ**, біографическій очеркъ и переписка;—**Воспоминанія о Восточной войнѣ**, 1853—1855 гг., доктора **А. Генрици**;—**Шамиль и его семья въ Калугѣ**, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго;—**К. В. Чевкинъ**: первыя главы его біографіи и проч. Вообще въ вышедшихъ, перваго числа каждаго мѣсяца, книгахъ «Русской Старины» 1877 г., между другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. **Н. И. Барсова**, **Ад. П. Берже**, **М. И. Богдановича**, проф. **М. И. Горчакова**, акад. **Я. К. Грота**, **И. Е. Забѣлина**, профес. **В. С. Иконникова**, **Д. И. Иловайскаго**, **Е. П. Карновича**, **Н. И. Костомарова**, **П. А. Кулиша**, **П. С. Лебедева**, **И. И. Ореуса**, **А. Н. Попова**, **Д. Д. Рябинина**, **В. И. Семевскаго**, проф. **В. И. Сергѣевича**, акад. **С. М. Соловьева**, **В. В. Стасова**, **А. Н. Сѣрова**, **И. И. Шамшева**, **Н. К. Шильдера**, и многихъ другихъ.

Кромѣ упомянутыхъ Записокъ, Воспоминаній, историческихъ изслѣдованій, очерковъ и біографій, въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ изд. 1877 г. помѣщено болѣе 70-ти небольшихъ историческихъ разсказовъ, замѣтокъ и отдѣльныхъ документовъ.

РУССКАЯ

РОДОСЛОВНАЯ КНИГА

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, 90—1.
1878.

ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА

„РУССКОЙ РОДОСЛОВНОЙ КНИГИ“

ИЗД. РЕД. «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1873 И 1875 ГГ.

цѣна за оба тома 5 руб. съ пересылкою.

Въ первые два тома вошли, между многими другими, родословія слѣдующихъ фамилій: Абамелики кн.—Адашевы.—Алабышевы кн.—Алачевы кн.—Алексѣевы.—Аленкины кн.—Алмазовы.—Алымовы.—Альтести.—Ангальтъ гр.—Апостолы.—Апухтины.—Аракчеевы гр. — Архаровы.—Аршеневскіе.—Балашовы. — Балкъ-Полевы, Бантышъ и Бантышъ-Каменскіе.—Баратаевы кн.—Барбашины кн.—Бекетовы.—Бироны, герц., принцы, гр.—Бородуличи.—Броневскіе.—Броуны гр.—Брюсы гр.—Бѣлецкіе-Носенки.—Байковы.—Беклешевы.—Берги гр.—Бокеевы.—Бородины.—Боровскіе кн.—Бритые-Ростовскіе кн.—Брюхово-Морозовы.—Бунаковы.—Бутковы.—Бычковы-Ростовскіе кн.—Бѣлевскіе кн.—Веселовскіе.—Вильбуа.—Вишневецкіе кн.—Вожжинскіе.—Волынскіе.—Воротынскіе кн.—Вилламовы. — Владиславичи-Рагузинскіе гр.—Всеволожскіе. — Гантимуровы кн.—Глюки.—Гогели.—Гоголи.—Горбатые-Шуйскіе кн.—Горленки.—Грибоѣдовы.—Грушецкіе.—Глинки.—Глинки-Маврины.—Глинскіе кн.—Годуновы.—Голенины-Ростовскіе кн.—Голубые-Ростовскіе кн.—Горенскіе-Оболенскіе кн.—Гундоровы кн.—Демезонъ бар.—Демидовы.—Донецъ-Захаржевскіе.—Дубянскіе.—Данилевскіе.—Девіеры гр.—Дорогобужскіе кн.—Желтухины.—Желябужскіе.—Жижемскіе кн.—Жихаревы. — Жуковы. — Золотые-Оболенскіе кн.—Загоскины. — Загряжскіе.—Заславскіе кн.—Захаржевскіе.—Збаражскіе кн.—Зиновьевы.—Ивановы.—Измайловы.—Капнисты.—Каръ—Кикины.—Колокольцовы. — Косаговскіе. — Кубенскіе кн. — Курлятевы-Оболенскіе кн.—Каменскіе. — Камынины.—Кантемиръ кн.—Карабановы.—Карновичи.—Катыревы-Ростовскіе кн.—Кашины кн.—Кашкины.—Квитки.—Кёне бар.—Кіевскіе кн.—Кисловскіе.—Корецкіе кн.—Корkодиновы кн.—Косинскіе.—Кудашевы кн.—Курбскіе кн.—Лазаревы.—Ласткины-Ростовскіе кн.—Литвиновы-Мосальскіе кн.—Ланскіе гр.—Левашовы гр.—Левенвольде гр. и бар.—Левшины.—Леонтьевы. — Лихачевы.—Лыковы кн.—Лубяновскіе. — Ляшевичъ-Бородуличи.—Макаровы.—Марины.—Мезецкіе (Мещовскіе) кн.—Меллесино.—Микулинскіе кн.—Михайловскіе-Данилевскіе.—Моденъ гр.—Морозовы.—Морозовы (-Брюхово). — Мосальскіе-Литвиновы. — Максимовичи.—Манвеловы кн.—Мансуровы.—Маркевичи.—Матвѣевы гр.—Матюшкины гр.—Милославскіе.—Минины.—Михельсоны. — Мстиславскіе кн.—Муравьевы

гр.—Муравьевы-Апостолы.—Нагоевы-Оболенскіе кн.—Нахимовы. — Ноготковы кн.—Ногтевы-Оболенскіе кн.—Ноздроватые-Токмаковы кн.—Нагіе.—Нартовы.—Нарышкины.—Нащокины.—Нелединскіе-Мелецкіе.—Ногтевы кн. — Овчинины-Оболенскіе кн.—Ознобишины. — Ордыны-Нащокины. — Острожскіе кн.—Пеньковы кн.—Петрово-Соловово.—Пещуровы. — Повало-Швейковскіе.—Погожіе.—Полторацкіе.—Порховскіе кн. — Пріимковы-Ростовскіе кн. — Прончищевы.—Пужбольскіе-Ростовскіе кн.—Пѣнинскіе-Оболенскіе кн.—Палецкіе кн.—Палицыны.—Пассеки. — Пашковы. — Пинскіе кн.—Пожарскіе кн.—Полевы.—Полевы.—Полуботки.—Приклонскіе.—Пронскіе кн.—Протасовы гр.—Русалкины.—Разумовскіе кн. и гр.—Рённе бар. — Румянцевы гр. — Собакины.—Селеховскіе кн.—Серебряные-Оболенскіе кн.—Скалоны. — Собакины. — Стахіевы.—Стригины-Оболенскіе кн.—Стурдзы, господари, кн.—Самойловы гр.—Свистуновы.—Свѣчины.—Сенявины.—Сицкіе кн.—Скавронскіе гр.—Скоропадскіе. — Скопины-Шуйскіе кн.—Слуцкіе кн.—Соймоновы.—Соллогубъ гр.—Степановы.—Стороженки.—Судцкіе кн.—Сумароковы гр.—Сушковы.—Татевы кн.—Твердышевы и Мясниковы.—Тевяшевы.—Троекуровы кн. — Тростенскіе кн.—Тюфякины кн.—Телепневы-Оболенскіе кн.—Телятевскіе кн. — Темкины-Ростовскіе кн.—Тулуповы кн.—Туренины кн.—Туркестановы кн.—Тучковы.—Тюменскіе кн.—Фонъ-Визины.—Хотетовскіе кн.—Хворостины кн.—Хитровы.—Холмскіе кн.—Хохолковы-Ростовскіе кн.—Хрептовичи гр.—Чевкины.—Чулковы.—Чернышевы кн. и гр.—Чертковы.—Шастуновы кн.—Шестовы.—Шарогородскіе.—Шафировы.—Шепелевы.—Шодуаръ бар.—Штрандманы.—Шубины.—Шуйскіе-Глазатые кн. — Щетинины кн. — Щенятовы кн. — Энгельгардты. — Яновы-Ростовскіе князья.—Ярославовы-Оболенскіе кн.—Ягужинскіе гр.—Яковлевы.

Родословіемъ фамиліи — Романовы-Юрьевы-Захарьины—редакція „Русской Старины" начинаетъ третій томъ „Русской Родословной книги" [1]).

Всѣ родословныя, имѣющія войдти въ составъ этой книги,—совершенно готовы и будутъ печататься постепенно въ приложеніи къ книгамъ „Русской Старины" изд. 1878 и 1879 годовъ.

---

[1]) Первые два тома можно получить въ редакціи «Русской Старины» и въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Невскій, д. № 46). Цѣна I-го тома—3 р., Цѣна II-го тома—2 руб. съ пересылкою.

РОМАНОВЫ-ЮРЬЕВЫ-ЗАХАРЬИНЫ

съ XIII в. по 1655 г.

РОМАНОВЫ-ЮРЬЕВЫ-ЗАХАРЬИНЫ.

[Составилъ Г. И. Студенкинъ].

I.

1. **Андрей Ивановичъ**, прозваніемъ Кобыла (Долгор., III, 495, № 1) бояринъ Московскихъ великихъ князей Іоанна Даниловича Калиты (1328—1340) и его сына Симеона Іоанновича Гордаго (1340—1353), былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ своего времени и пользовался особенною благосклонностію в. к. Симеона, по порученію котораго ѣздилъ, въ 1347 г., посломъ въ Тверь за невѣстою великаго князя (Примѣч. 1). По словамъ Кампенгаузена, онъ былъ единственнымъ сыномъ Гланды-Камбилы Дивоновича, князя Прусскаго, выѣхавшаго съ нимъ въ Россію въ послѣдней четверти XIII вѣка и принявшаго св. крещеніе съ именемъ Ивана въ 1287 г. Отъ Андрея Ивановича произошли многія знаменитыя дворянскія фамиліи, частію угасшія, частію существующія до нашего времени (Примѣч. 2). Между ними, по значенію въ исторіи, первое мѣсто занимаетъ донынѣ благополучно царствующая въ Россіи фамилія Романовыхъ.

II.

	№ отцовскій.
2. **Өедоръ Андреевичъ**, прозваніемъ Кошка (Долгор., III, 495, № 6), пятый сынъ предъидущаго, бояринъ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго (1363 — 1389) и его наслѣдника. Въ походъ перваго изъ нихъ противъ Мамая (1380), онъ блюлъ Москву и семейство государя; намѣстникъ новгородскій (1393) . . . . Жена Анастасія N. N..	1

№ отцовскій.

III.

3. **Иванъ Θедоровичъ Кошкинъ** (Долгор., III, 496, № 18), первый сынъ предъидущаго, бояринъ великаго князя Василія Дмитріевича (1389—1425). . . . .

Анна Θедоровна Кошкина, съ 1391 г. за княземъ Θедоромъ Михаиловичемъ Тверскимъ, сыномъ великаго князя Михаила Александровича. Время кончины ея неизвѣстно; погребена же она въ Архангельскомъ соборѣ, села Микулина-Городища, на р. Шошѣ, Старицкаво уѣзда Тверской губерніи. Князь Θ. М. былъ удѣльнымъ княземъ Микулинскимъ (Алф. Справочн. переч. рус. князей, Хмырова, стр. 37, № 374. Родосл. книга, изд. «Русской Старины», изд. 1875 г., томъ II, 123, № 6) 2

IV.

4. **Захарій Ивановичъ Кошкинъ** (Долгор., III, 496, № 38), четвертый сынъ предъидущаго, бояринъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1425—1462); участникъ войны съ литовцами (1445) 3

V.

5. **Юрій (Георгій) Захарьевичъ** (Долгор., III, 497, № 64), второй сынъ предъидущаго. Служилъ великому князю Іоанну III Васильевичу; упоминается въ межевой граматѣ этого государя съ братомъ его Борисомъ Васильевичемъ (20-го окт. 1488 г.); бояринъ съ 1493 г.; участвовалъ въ походахъ на Казань (1485 и 1499) и въ побѣдѣ русскихъ надъ литовцами на берегахъ Ведроши, 14-го іюня 1500 г.; † 1505 г.

Жена Ирина Ивановна Тучкова, дочь Ивана Борисовича Тучко. (См. «Русск. Род. книгу» изд. «Русск. Стар.», томъ II, стр. 125 и 129) 4

VI.

№ отцовскій.

6. **Василій Юрьевичъ Захарьинъ,** † 15-го іюля 1497 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 3).

7. **Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ,** воевода въ 1494 г.; ѣздилъ посломъ въ Литву въ 1511 г.; окольничій въ 1514 г.; участникъ войны съ литовцами въ княженіе Василія III Іоанновича; бояринъ въ 1521 г. На свадьбѣ государя съ княжною Еленою Вас. Глинскою, 28-го янв. 1526 г., былъ дружкомъ новобрачнаго и «ходилъ предъ нимъ», а на свадьбѣ брата его, князя Андрея Ивановича Старицкаго, 22-го февр. 1533 г, «сидѣлъ противъ боярынь». Близость этого боярина къ своему государю доказывается присутствіемъ его при кончинѣ послѣдняго; когда великій князь уже не могъ креститься, то бояринъ Михаилъ Юрьевичъ «подносяше ея» (правую руку), а на другой день, 4-го дек. 1533 г., «повелѣ ископати гробъ подлѣ отца его, противъ Симеона Лѣтопроводца, и послаша постельничаго Русина, снемъ съ него мѣру, ему гробъ привезти каменный» (328 и 331 примѣч. къ VII т. Ист. Карамз.). † 1538 г. . . .

Жена Ирина N. N. На свадьбѣ Василія III, 28-го янв. 5
1526 г., сидѣла за столомъ; упоминается и въ чинѣ свадьбы кн. Андрея Ив. Старицкаго, 22-го февр. 1533 г. (Примѣч. 4). Въ день погребенія перваго, 4-го дек. 1533 г., находилась при вдовѣ его (331 примѣч. къ VII т.). (Примѣч. 5) . .

8. **Иванъ Юрьевичъ Захарьинъ,** † 6-го іюля 1503 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 6). .

9. **Романъ Юрьевичъ Захарьинъ,** окольничій; (Примѣч. 7); воевода въ походѣ 1531 г., † 12-го февр. 1543 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 8). .

Жена Ульяна Өедоровна N. (въ иночествѣ Анастасія). Находилась на свадьбѣ брата Іоанна Грознаго, князя Юрія Васильевича, 3-го ноября 1547 г., гдѣ показывается «у постели». Домъ ея въ Москвѣ посѣтилъ св. Геннадій Костромскій, предсказавшій дочери ея Анастасіи царственное супружество (Ист. Соловьева т. VI, примѣч. 23). Время кончины неизвѣстно; погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ Москвѣ (Примѣч. 9) . . . .

№ отцовскій.

10. **Григорій Юрьевичъ Захарьинъ** (въ иночествѣ Гурій); воевода въ 1531 г., бояринъ въ 1547 г. Онъ былъ противникомъ князей Глинскихъ и однимъ изъ виновниковъ возстанія противъ нихъ черни, 26-го іюня 1547 г. (Ист. Соловьева т. VI, гл. II). † 1-го марта 1567 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 10 и 11). . . . 5

Жена Ульяна (въ схимѣ Евпраксія) N. N., † 20-го марта 1563 г. и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ (Примѣч. 12) . . . .

11. **Семенъ Юрьевичъ Захарьинъ** . . . . . .

VII.

12. **Иванъ (большой) Михаиловичъ Юрьевъ**. На свадьбѣ Василія III, 1526 г., «несъ зголовье въ церковь»; дворецкій въ 1540 г., бояринъ въ 1547 г. На 1-й свадьбѣ Іоанна Грознаго, 3-го февраля 1547 г., съ Анастасіею Романовною, былъ дружкомъ новобрачнаго; упоминается и въ чинѣ свадьбы князя Юрія Васильевича, 3-го ноября 1547 г.; † 1-го іюня 1548 г. . . . .

Жена N. N. N. (Примѣч. 13) находилась также на свадьбѣ 3-го февраля 1547 г. . . . .

13. **Василій Михаиловичъ Юрьевъ**, тверской дворецкій и бояринъ въ 1547 г. На свадьбѣ брата Іоанна Грознаго, князя Юрія Васильевича (1547) показывается у постели и «постелю стлалъ», а на свадьбахъ князей Влад. Андр. (31-го мая 1550) и шурина своего Ив. Дм. Бѣльскаго (8-го ноября 1555 г.) былъ дружкомъ новобрачныхъ. По разряднымъ книгамъ упоминается въ числѣ бояръ, остававшихся на Москвѣ (1559); показывается въ боярской записи о продолженіи впредь, въ случаѣ государевой кончины, своей вѣрной, усердной и неизмѣнной службы царскому дому (1561 г.), въ поручной записи по шуринѣ своемъ, кн Бѣльскомъ (20-го марта 1562 г.) и въ отвѣтной граматѣ 2-го іюля 1566 г. посламъ польскаго короля объ отказѣ въ перемиріи и о продолженіи войны. † 3-го апр. 1567 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 14) . . . 7

№ отцовскій.

Жена княжна Анастасія Дмитріевна Бѣльская, дочь кн. Дм. Өедоровича Бѣльскаго-Гедеминовича. На свадьбѣ кн. Влад. Андреевича (31-го мая 1550 г.) и брата кн. Ив. Дм. Бѣльскаго (1555) была свахою и кромѣ того на послѣдней «голову князю и княгинѣ чесала, и осыпала». † 24-го мая 1571 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 15). Она приходилась родною сестрою боярынѣ Евдокіи Дм. Морозовой. (См. Родосл. кн., изд. «Русск. Стар.,» т. II, 126, № 54). 7

14. **Иванъ (меньшой) Михаиловичъ Юрьевъ** (въ иночествѣ Іосафъ), на первой свадьбѣ Іоанна Грознаго (1547) «несъ свѣчу къ мѣсту изъ церкви». † 1-го іюня 1552 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 16). . .

15. **Михаилъ Ивановичъ Юрьевъ**, † 1565 г. 8

16. **Даніилъ Романовичъ-Юрьевъ - Романовъ-Захарьинъ**, окольничій въ 1547 г., бояринъ и дворецкій въ 1548 г. На первой свадьбѣ Іоанна Грознаго, 3-го февр. 1547 г., «предъ великимъ княземъ ходилъ», а на свадьбѣ роднаго брата царя, князя Юрья Вас. (3-го ноября 1547 г.) «вино несъ въ скляницѣ». Воевода въ походахъ 1551 и 1552 г.; участникъ взятія Арскаго острога и вѣстникъ покоренія Казани (2-го октября 1552 г.); воевода въ разныхъ полкахъ въ войнахъ 1556—57, 59 и 64 гг.; упоминается въ записи бояръ, данной ими государю, о продолженіи впредь, въ случаѣ кончины его, своей вѣрной, усердной и неизмѣнной службы царскому дому, въ 1561 г. † 27-го октября 1561 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 17). 9

Жена—1) Анна N. N., на свадьбѣ кн. Юрія Васил. (1547) находилась у постели. † 8-го іюля 1552 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 18). . . .

2) Анна N. N., † 24 мая 1571 г., при нашествіи и сожженіи Москвы крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и погребена въ томъ же монастырѣ (Примѣч. 19). . . . . .

17. **Долматъ Романовичъ Юрьевъ-Романовъ-Захарьинъ**, † 5-го сент. 1545 г. и погребенъ въ томъ же монастырѣ (Примѣч. 20). . . . .

№ отцо-скій.

18. **Никита Романовичъ Юрьевъ-Романовъ-Захарьинъ.** На свадьбахъ Іоанна Грознаго и брата его Юрія (1547) «спалъ у постели и въ мыльнѣ мылся» (Примѣч. 21). Воевода въ шведскомъ походѣ (1551 г.) и воевода въ разныхъ полкахъ (1559), дворецкій и бояринъ въ 1563 гг., воевода въ разныхъ полкахъ и походахъ 1564—1577 гг. Упоминается въ мѣновыхъ граматахъ между Іоанномъ Грознымъ и двоюродн. братомъ его Влад. Андреевичемъ объ уступкѣ послѣднимъ первому городовъ Старицы и Вереи въ замѣнъ Дмитрова и Звенигорода, 15-го янв. и 11-го марта 1566 г., и въ отвѣтной граматѣ, 2-го іюля 1566 г., посламъ короля польскаго. На свадьбѣ Арцымагнуса (1573) «сидѣлъ за столомъ»; ходилъ въ отвѣтъ къ цесарскому послу въ 1575 г.; былъ участникомъ въ правленіи государствомъ съ марта 1584—1585 гг., когда вступилъ въ монашество съ именемъ Нифонта. † 23-го апрѣля 1586 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 22). . . . .

Жена 1) Варвара Ивановна Ховрина, дочь Ивана Дмитріевича Ховрина и внука казначея при Іоаннѣ III и Василіѣ Іоанновичѣ Дмитрія Владиміровича Ховрина-Овцы (Примѣч. 23). На свадьбѣ князя Юрія Васильевича (1547) показывается у постели; † 18-го іюня 1552 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч 24). 9

2) Княжна Евдокія Александровна Горбатая-Шуйская (дочь князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго), † 4-го апрѣля 1581 г. и погребена въ томъ же монастырѣ. (Примѣч. 25). Отъ перваго брака одинъ сынъ, № 26, отъ втораго всѣ остальныя дѣти . . . .

Анна Романовна Юрьева-Романова-Захарьина, упоминается въ чинѣ свадьбы Арцымагнуса, 12-го апр. 1573 г., гдѣ она была свахою новобрачной; была за бояриномъ княземъ Василіемъ Андреевичемъ Сицкимъ. † 22-го окт. 1578 г., подъ стѣнами Вендена. (Русск. Род. кн. I изд. «Русск. Стар.», стр. 17, № 12). . . . .

Анастасія Романовна Юрьева-Романова-Захарьина, род. около 1530 г.; вступила въ бракъ съ Іоанномъ Грознымъ 3-го февр. 1547 г., † въ Москвѣ, 7-го августа

№ отцовскій.

1560, и погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Она была первою женою царя. 9

19. **Михаилъ Семеновичъ Юрьевъ**, служилъ головою въ крымскомъ походѣ, 1565 г. 11

VIII.

20. **Протасій Васильевичъ Юрьевъ**, по разряднымъ книгамъ показывается рындою царевича Іоанна Іоанновича съ большимъ саадакомъ въ походахъ 1567—68 и 1571 гг.; голова въ походѣ 1573 г. † 24-го окт. 1575 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 26) . . . . . .

21. **Иванъ Васильевичъ Юрьевъ**, † 24-го мая 1571 г. (при нашествіи Девлетъ-Гирея) и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 27 и 28). 13

22. **Θедоръ Васильевичъ Юрьевъ**, † 24-го мая 1571 г. и погребенъ тамъ же (Примѣч. 29) . . . .

23. **Михаилъ Даниловичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, † 1555 г. въ младенчествѣ и погребенъ тамъ же (Примѣч. 30) . . . .

24. **Иванъ Даниловичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ** † 24-го мая 1571 г. и погребенъ тамъ же (Примѣч. 31) . . . .

25. **Θедоръ Даниловичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ** † 24-го мая 1571 г. и погребенъ тамъ же (Примѣч. 32). 16

Анна Даниловна Романова-Юрьева-Захарьина, † 1571 г. и погребена тамъ же (Примѣч. 33). . . . .

Θеотинья (Θитинья) Даниловна Романова-Юрьева-Захарьина, † 15-го іюня 1596 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 34). Она была за бояриномъ княземъ Θед. Дм. Шестуновымъ, † 1597 г. (См. Русск. Род. кн., томъ II, изд. «Русск. Стар.», № 20) . . . . . .

26. **Θеодоръ (въ монашествѣ Филаретъ) Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, отъ перваго брака отца съ Варварою Ивановною Ховриной, род. около 1550 г., † 1 октября 1633 г. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. (Примѣч. 35). 18

№ отцовскій.

Жена Ксенія (въ монашествѣ Марѳа) Ивановна Шестова, дочь костромскаго помѣщика Ивана Васильевича и жены его Маріи N. N.; † 28-го января 1631 г. и погребена въ Новосспаскомъ монастырѣ (Примѣч. 36 и 37). .

27. **Александръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, находился во дворцѣ въ день пріема литовскаго посла, въ февралѣ 1585 г.; рында у саадака въ 1586 г., кравчій и намѣстникъ Каширскій, въ томъ же году; показывается въ большомъ полку въ 1591 г., когда крымскій ханъ Казы-Гирей, «бѣгучи отъ Москвы до Серпухова, металъ лошади многія, и рухляди, и запасъ, и прибѣжалъ въ Серпуховъ къ рѣкѣ Окѣ, іюля въ 6-й день» (Синб. Сбор.) Находился во дворцѣ въ день пріема цесарскаго посла Авраама Донавскаго (Abraham Burggraf zu Dohna), 22-го мая 1597 г.; бояринъ въ 1598 г. При Борисѣ Годуновѣ лишенъ званія и сосланъ въ Усолье-Луду, въ іюнѣ 1601 г., гдѣ вскорѣ и скончался. По указу Лжедимитрія I, прахъ его перевезенъ въ Москву и положенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, 12-го марта 1606 г. (Примѣч. 38) 18

Жена 1) княжна Евдокія Ивановна Голицына (дочь князя Ивана Юрьевича Голицына), † 1-го августа 1597 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 39) .

— 2) Ульяна (въ иночествѣ Юлія) Семеновна Погожая (Погожева). (Примѣч. 40) Въ іюнѣ 1601 г. была сослана съ дѣтьми на Бѣлоозеро, а въ концѣ 1602 г. переведена на жительство, вмѣстѣ съ другими опальными изъ Романовыхъ, въ Клинъ, Юрьево Польскаго уѣзда, Костромской губерніи, въ имѣніе Ѳеодора (Филарета) Никитича, гдѣ, какъ нужно полагать, и оставалась до вступленія на престолъ Лжедимитрія I. † 5-го декабря 1624 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Дѣти ихъ, неизвѣстныя по именамъ, вѣроятно умерли во младенчествѣ во время ссылки на Бѣлоозеро или въ Юрьево-Польскомъ имѣніи Филарета Никитича . . .

28. **Михаилъ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, показывается въ числѣ стольниковъ въ день пріема цесарскаго посла Авраама Донавскаго, 22-го мая 1597 г., окольничій въ 1598 г.; лишенъ званія въ іюнѣ 1601 г. и

№ отцовскій.

сосланъ въ Ныробъ, гдѣ скончался въ царствованіе Бориса Годунова. При Лжедимитріѣ I прахъ его перевезенъ въ Москву и положенъ, 18-го марта 1606 г., въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 41). . . . .

29. **Никита Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, стольникъ, † 1598 г. . . . .

30. **Василій (Никифоръ) Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, въ день пріема цесарскаго посла Авраама Донавскаго, 22-го мая 1597 г., показывается въ числѣ стольниковъ. По указу Бориса Годунова, 1-го іюля 1601 г., сосланъ въ Яренскъ, (Примѣч. 42); по другому, 9-го августа, перевезенъ въ концѣ того же года въ Пелымъ, къ брату Ивану Никитичу, гдѣ сначала держали ихъ прикованными къ стѣнѣ цѣпями, въ разныхъ углахъ избы; по третьему, 15-го января 1602 г., раскованъ; † 15-го февраля того же года. Вслѣдствіе граматы Лжедимитрія I, 31-го декабря 1605 г., прахъ его вырытъ изъ земли, отданъ присланнымъ для того бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ людямъ, привезенъ въ Москву и положенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 43 и 44) 18

31. **Иванъ Никитичъ**, прозваніемъ Каша (Времен., X, 161), **Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, стольникъ въ 1591 г.; «правилъ отъ государя поклонъ» войскамъ въ Серпуховѣ, 10-го іюля того же года; находился во дворцѣ въ день пріема Авраама Донавскаго, 22-го мая 1597 г., а въ день пріема шведскаго королевича Густава, 19-го августа 1599 г., былъ чашникомъ у Бориса Годунова. По указу его, 30-го іюня 1601, сосланъ въ Пелымъ, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ Никитичемъ, держали его въ особой избѣ прикованнымъ цѣпью къ стѣнѣ; по другому, 15-го января 1602 г., раскованъ; по третьему, 28-го мая, перевезенъ на службу въ Нижній Новгородъ, 25-го іюля, а вслѣдствіе указовъ 17-го сент. и 14-го октября возвращенъ въ Москву. Въ день коронованія Лжедимитрія I, 30-го іюля 1605 г., пожалованъ въ бояре; воевода въ Козельскѣ и побѣдитель кн. Масальскаго—сторонника Лжедимитрія II, на берегахъ Вырки, 1607 г. На свадьбѣ царя Василія Шуйскаго, 17-го января 1608 г., находился въ числѣ

№ отдовскій.

поѣзжанъ, а въ ноябрѣ 1612 г. былъ въ Московскомъ Кремлѣ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, будущимъ царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ. Подписался подъ окружною граматою о избраніи на россійскій престолъ царемъ и самодержцемъ перваго изъ Романовыхъ, въ маѣ 1613 г. (Примѣч. 45). Въ день коронованія Михаила Өеодоровича на царство, 11-го іюля того же года, держалъ шапку Мономаха; въ 1613 и 1614 гг. мѣстничалъ съ бояриномъ княземъ Борисомъ Михаиловичемъ Лыковымъ, мужемъ родной сестры его Анастасіи (Дворц. Разр., I, 109, 129—130). Показывается при царѣ въ дни пріема англійскаго и кизылбашскаго пословъ, 27-го января 1614 г. и 8-го января 1615, и вмѣстѣ съ другими былъ «на Москвѣ въ осадѣ» въ походъ королевича Владислава на столицу, 1618 г. На первой свадьбѣ царя, 19-го сен. 1624 г., былъ посаженымъ отцомъ государя, «за столомъ сидѣлъ, отдавалъ государю царицу и раскрывалъ ее, покровъ поднявъ стрѣлою». На второй свадьбѣ его, 5-го февраля 1626 г., «сидѣлъ за столомъ на большой лавкѣ въ золотномъ платьѣ», посылалъ къ царю боярина кн. Мезецкаго и велѣлъ ему говорить рѣчи государю. Въ это же время онъ участвовалъ въ пріемѣ пословъ; въ періодъ времени съ 1631—1634 гг. перевезъ на своихъ подводахъ подъ Смоленскъ 300 четей государевыхъ запасовъ для войскъ. † 18-го іюля 1640 г. и погребенъ 19-го числа въ Новоспасскомъ монастырѣ (Примѣч. 46). 18

Жена—княжна Ульяна Өедоровна Литвинова-Мосальская (Примѣч. 47). На обѣихъ свадьбахъ царя Михаила Өеодоровича, 19-го сентября 1624 г. и 5-го февраля 1626 г., была посаженою матерью со стороны новобрачнаго, и кромѣ того, на послѣдней, «подлѣ ее, государыни для береженья шла съ правую сторону, сидѣла подлѣ мужа за столомъ на большомъ мѣстѣ въ лавкѣ, а какъ государь пришелъ къ сѣннику, и боярина Иванова жена Никитича Романова, что во материно мѣсто, положа на себя шубу соболью шерстью вверхъ, осыпала царя и великаго князя и его царицу осыпаломъ». Она упоминается въ чинѣ первой свадьбы царя Алексѣя Михаиловича, 16-го января 1648 г. † 23-го октября 1649 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 48) . . . .

№ отцовскій.

32. **Иванъ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ**, прозваньемъ Левъ, † 5-го февраля 1595 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 49). . . .

Ульяна Никитична Романова-Юрьева-Захарьина † 24 августа 1565 г. въ млад. и погребена тамъ же (Примѣч. 50) . . . .

Анна Никитична Романова-Юрьева-Захарьина † 2-го (6-го) дек. 1585 г. и погребена тамъ же (Примѣч. 51). Она была за княземъ. Иваномъ Ѳедоровичемъ Троекуровымъ, † 29-го мая 1621 г. (Русск. Род. кн., I, изд. «Русск. Стар.», стр. 26-я, № 11). . . . .

Евфимія Никитична (въ иночествѣ Евдокія) Романова-Юрьева-Захарьина. Вмѣстѣ съ другими родственниками была сослана въ 1601 г. въ сумскій острогъ, гдѣ пострижена въ иночество и † 8-го апрѣля 1602 г. Въ послѣдствіи, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, прахъ ея перевезенъ въ Москву и положенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, 28-го марта 1617 г. (Примѣч. 52). Она была за княземъ Иваномъ (Софроніемъ) Васильевичемъ Сицкимъ, который вмѣстѣ съ женою подвергся ссылкѣ, постриженъ въ монашество съ именемъ Сергія и † 23 марта 1608 г.; погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 53) 18

Марѳа Никитична Романова-Юрьева-Захарьина, † 28-го февраля 1610 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ (примѣч. 54); она была за княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ. Въ іюнѣ 1601 г. оба они были сосланы на Бѣлоозеро; по указу 5-го сентября 1602 г., по смерти мужа, Марѳа Никитична перевезена на жительство въ имѣніе брата Клинъ, въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ, и освобождена изъ-подъ надзора при Лжедимитріѣ I. Князь Б. К. Черкасскій † въ заточеніи 29-го апрѣля 1602 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ . . . . . .

Ирина Никитична Романова-Юрьева-Захарьина † 6-го іюня 1633 (1635) и погребена тамъ же (Примѣч. 55). Мужъ ея былъ послѣднимъ окольничимъ изъ рода Годуновыхъ, Иванъ Ивановичъ Годуновъ, † 1610 г. (№ 69 росписи Годуновыхъ во II ч. „Рус. Род. кн.“ изд. „Рус. Стар.“).

№ отцовскій.

Она одна изъ всѣхъ Романовыхъ избѣжала царской опалы, вѣроятно, по родству съ домомъ царя Бориса. Ирина Никитична упоминается въ чинѣ второй свадьбы царя Михаила Θеодоровича, 5-го февр. 1626 г., гдѣ она показывается «у царицы и великой княгини въ комнатѣ». Въ 1629 г. марта 22-го она несла къ купели и принимала изъ нея царевича, будущаго царя Алексѣя Михаиловича. (Примѣч. 56) . .

Анастасія Никитична (въ схимѣ Анисія) **Романова-Юрьева-Захарьина**, была за бояриномъ княземъ **Борисомъ Михаиловичемъ Лыковымъ-Оболенскимъ** (Русск. Род. кн. т. I, изд. «Русск. Стар.» стр. 8, № 26). Въ 1601 г., еще дѣвицей, была сослана на Бѣлоозеро, гдѣ и жила до конца 1602 г., когда перевезена съ другими находившимися тамъ ссыльными женщинами изъ Романовыхъ и Черкасскихъ въ вотчину брата своего Θеодора Никитича и освобождена изъ подъ надзора при Лжедимитріѣ I. Она упоминается въ чинѣ второй свадьбы царя Михаила Θеодоровича, 5-го февр. 1626 г.; находилась и на свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича, 16-го января 1648 г.; † 9 октября 1655 г. и погребена въ Пафнутьево-Боровскомъ монастырѣ. (Примѣч. 57). 18

IX.

33. **Борисъ Θеодоровичъ Романовъ**, † 29-го ноября 1592 г.

34. **Никита Θеодоровичъ Романовъ**, † 29-го ноября 1592 г.

35. **Левъ Θеодоровичъ Романовъ**, † 21-го сентября 1597 г.

36. **Іоаннъ Θеодоровичъ Романовъ**, † 7-го іюня 1599 г.

(33–36:) Погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 58).

37. **МИХАИЛЪ ΘЕОДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ**, первый царь изъ дома Романовыхъ. О немъ и его потомствѣ, см. въ Родословной царствующаго дома Романовыхъ, при XXI-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г. 26

№ отцовскій.

Татьяна Өеодоровна Романова, † 21-го іюля 1611 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч. 59). Она была за княземъ **Иваномъ Михаиловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ**, † 1641 г. (Русск. Род. кн. т. I, изд. «Русск. Стар.,» 30, № 5). Находясь въ дѣвичествѣ сослана на Бѣлоозеро, въ 1601 г., откуда перевезена съ другими ссыльными въ имѣніе отца, гдѣ, какъ нужно полагать, жила подъ надзоромъ до воцаренія Лжедимитрія I. (Акты Историч., т. II. 48) 26

38. **Никита Ивановичъ Романовъ**, послѣдній бояринъ и дворецкій нецарственной линіи дома Романовыхъ. Показывается на дворцовыхъ службахъ какъ стольникъ въ день пріема датскаго королевича Вольдемера, 21 янв. 1644 г., когда онъ «предъ государя пить носилъ».Въ день своего коронованія, 28-го сент. 1648 г., царь Алексѣй Михаиловичъ, «идучи въ соборную церковь», былъ въ золотой палатѣ и пожаловалъ его изъ стольниковъ въ бояре. Во время коронаціи новый бояринъ «осыпалъ государя золотыми въ дверяхъ соборовъ и на золотой лѣстницѣ». Онъ находился также при царѣ въ день объявленія, 18-го мая 1654 г. похода «на царскаго недруга польскаго и литовскаго короля Яна-Казиміра» † «идучи съ государевой службы» 11-го декабря 1654 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. (Примѣч.60). 31

39. **Андрей Ивановичъ Романовъ**, † 25-го апрѣля 1609 г., въ младенч., и погреб. въ Новоспасск. монаст. (Примѣч. 61). . . . .

40. **Дмитрій Ивановичъ Романовъ**. † 4-го ноября 1611 г., въ млад., и погребенъ тамъ же. (Примѣч. 62) . .

41. **Иванъ Ивановичъ Романовъ**, † 30-го іюля 1625 г., въ млад., и погребенъ тамъ же. (Примѣч. 63) . . . .

Прасковья Ивановна Романова, старшая, † 27-го декаб. 1612 г., въ млад., и погребена тамъ же (Примѣч. 64).

Ирина Ивановна Романова, † 10-го мая 1615 г., въ млад., и погребена тамъ же. (Примѣч. 65) . . . . . .

Прасковья Ивановна Романова, младшая, † 25-го окт. 1621 г. и погребена тамъ же. (Примѣч. 66) . . . .

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣч. 1—къ № 1-му. Княжна Марія Александровна, дочь великаго князя тверскаго Александра Михаиловича († 28-го окт. 1338) и Анастасіи. По смерти супруга, она постриглась въ монашество съ именемъ Ѳеотиньи (Ѳитиньи), † 27-го марта 1399 г. и погребена въ монастырѣ св. Спаса, въ Москвѣ, что нынѣ церковь Спаса-на-Бору, въ Кремлѣ. Она была третьею женою Симеона Гордаго; вдовѣла 46 лѣтъ. (Ист. Карамз., IV и V).

Примѣч. 2—къ № 1-му. Кобылины, Кошкины, Юрьевы, Захарьины, Яковлевы, Шереметевы, Бобарыкины, Колычевы, Жеребцовы, Хлуденевы, Беззубцовы, Синіе, Коновницыны, Лодыгины, Голтяевы, Кокоревы, Образцовы, Неплюевы, Ляцкіе, Горбуновы, Стербѣевы. По Долгор. (III, 495) и Времен. (X, 86—90), у Андрея Ивановича былъ братъ Ѳедоръ Ивановичъ, прозваніемъ Шевлягa, вѣроятно родившійся уже въ Россіи, отъ котораго произошли: Мотовиловы, Грабежевы, Трусовы и Воробьины.

Примѣч. 3—къ № 6-му. «Лѣта 7006 (1497) іюля въ 15-й день преставился рабъ Божій Василій Юрьевичъ Захарьинъ» (Новоспасскій монастырь, Снигирева, Москва, 1843 г., стр. 126).

Примѣч. 4—къ № 7-му. «А за столомъ сидѣти боярынямъ.... да Михаиловѣ женѣ Юрьева Иринѣ». «А подъ ними сидѣли боярыни, кои съ княжую сторону:.. Юрьева жена Захарьевича Орина» (Рос. Вивліоѳ., XIII, 15 и 27).

Примѣч. 5—къ № 7-му. Въ этомъ примѣчаніи она названа Ѳеодосіею.

Примѣч. 6—къ № 8-му. «Лѣта 7011 (1503) іюля 6-го преставися рабъ Божій Іоаннъ Юрьевичъ Захарьинъ» (Новоспасскій монастырь, Снигирева, Москва, 1843 г. стр. 126).

Примѣч. 7—къ № 9-му. По боярскому списку (Рос. Вивліоѳ., XX) въ числѣ окольничихъ не значится; у Карамзина (VIII, 58) и у Сол. (VI, гл. II) окольничій.

Примѣч. 8—къ № 9-му. «Лѣта 7051 (1543) февраля въ 16-й день преставися рабъ Божій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ» (Новоспас. монастырь, Снигирева, стр. 127). «Лѣта 7051 (1543) февраля 12-го дня преставись Романъ Юрьевичъ Захарьевъ съ субботы на воскресенье въ 1-мъ часу нощи, на память св. Мелетія архіепископа Антіохіи великія» (Опис. Новосп. мон. 1802 г. 27). Такъ какъ церковь наша празднуетъ св. Мелетію 12-го февраля, то слѣд. вторая запись вѣрнѣе, т. е. † 12-го февраля.

Примѣч. 9—къ № 9-му. На свадьбѣ вел. князя Василія III Іоанновича съ княжною Еленою Васильевною Глинской (28-го января 1526 г.) при-

сутствовала Варвара, жена Юрьева-Захарьина. «Да съ ними жь быти въ свахахъ . . . . да Юрьевѣ женѣ малова Варварѣ». «А за столомъ сидѣти боярынямъ.... да Юрьевѣ женѣ Захарьина Варварѣ» (Рос. Вивліоѳ., XIII, 15).

Чья именно жена была эта Варвара? Она не могла быть и не была женою №№ 7, 10 и 13 потому, что имена женъ этихъ лицъ намъ извѣстны; она не могла быть женой и № 12 потому, что Иванъ Михаиловичъ Юрьевъ въ эпоху свадьбы государя съ княжною Глинской, не занималъ виднаго мѣста при великокняжескомъ дворѣ, исполняя на свадьбѣ 1526 г. весьма скромную роль: «несъ зголовье въ церковь». Между тѣмъ Варвара, о которой мы говоримъ, была въ числѣ свахъ, т. е. занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ свадебномъ чинѣ, и сидѣла за столомъ между боярынями. Если приведенный нами текстъ отнести къ первой женѣ № 18—Никиты Романовича (Варварѣ Ив. Ховриной), появляющихся въ свадебныхъ чинахъ спустя 21 годъ, въ 1547 г., то принявъ во вниманіе, что сестра Никиты Романовича, Анастасія Романовна, въ 1547 г., при выходѣ въ замужество за Іоанна Грознаго имѣла 16 или 17 лѣтъ, слѣдовательно, родилась около 1530 г,; что старшій ея братъ, Данило Романовичъ, родился даже 20-ю годами раньше сестры, т. е. около 1510 г., и могъ имѣть въ годъ свадьбы Василія Іоанновича (1526) только 16 лѣтъ, и что Никита Романовичъ былъ моложе брата, слѣдовательно не могъ быть женатъ въ 1526 году, остается сдѣлать почти вѣрное предположеніе, что эта Варвара была первою женою ихъ отца, т. е. Романа Юрьевича, окольничаго, который могъ называться малымъ въ отношеніи № 7, боярина Михаила Юрьевича, начавшаго службу за 30 лѣтъ раньше 1526 г.

Не она ли погребена рядомъ съ мужемъ? «Подлѣ оной (гробницы Ром. Юр. Захар.) гробница безъ надписи» (Опис. Новосп. мон. 1802 г.).

Примѣч. 10 — къ № 10. «Лѣта 7075 марта въ 1-й день преставился рабъ Божій Григорій Юрьевичъ Захарьевъ, во иноцѣхъ Гурій» (Новосп. мон. 1843).

Примѣч. 11 — къ № 10-му. По Родословной книгѣ Новикова, кромѣ представленныхъ нами Юрьевыхъ и Захарьиныхъ, были еще другіе Юрьевы и Захарьины или Захаровы, происходившіе, первые отъ татарскаго выходца, по имени Юрія (II, стр. 301 и 423), вторые—отъ одного изъ потомковъ касожскаго князя Редеги (II, стр. 301—302 и проч.).

Такимъ образомъ подобные Юрьевы, какъ Долматъ Юр., помѣщикъ, о которомъ говорится во второй духовной вел. кн. Вас. Вас. Темнаго, подъ 1462 г. (Собр. гос. грам. и догов., I, стр. 207) и Неуголъ Ѳедоровичъ Юр., поручитель по князѣ Вас. Сем. Серебряномъ въ 1565 г. (тамъ же, стр. 519, 522 и 524) могли принадлежать къ потомкамъ означеннаго татарскаго выходца. Точно также Семенъ Захаровъ, помѣщикъ въ 1504 г.

(тамъ же, стр. 367), Иванъ Алексѣевичъ З. и Өедоръ Тимофѣевичъ Захар., дворяне и поручители по князѣ Ив. Петр. Охлябининѣ, въ 1566 г. (тамъ же, стр. 588), Пантелей Зах., бывшій «на разсылкѣ» въ день первой свадьбы Іоанна Грознаго, 3-го февр. 1547 г. (Рос. Вивл., XIII, стр. 33), Иванъ З., намѣстникъ въ Мценскѣ въ 1566 (тамъ же, стр. 259) и Елизарій Недобраго сынъ Захарьина, годовавшій въ Казани въ 1559 г. (тамъ же, стр. 284) ближе могли принадлежать къ потомкамъ Редеги, такъ какъ среди поколѣнія Андрея Ивановича Кобылы съ фамиліями Юрьевыхъ и Захарьиныхъ, появившимися въ XVI вѣкѣ, нѣтъ ни одного лица съ именами Өедора Ю., Алексѣя, Тимофея и Недобраго Захарьиныхъ или Захаровыхъ.

Но можно ли сказать то же о слѣдующихъ Захарьиныхъ (Захаровыхъ) и Юрьевыхъ?

1) Василій Григорьевичъ З., приближенный дьякъ Іоанна Грознаго, которому царь въ 1546 г. поручилъ разслѣдованіе буйства новгородскихъ пищальниковъ и послѣдствіемъ коего разслѣдованія была казнь кн. Ивана Кубенскаго и Воронцовыхъ. (Ист. Солов., VI, гл, II). Дьякъ этотъ упоминается въ чинахъ свадебъ Іоанна Грознаго и брата его Юрія, 3-го февр. и 3-го ноября 1547 г. и сопутствовалъ царю въ походѣ 1562 г. (Рос. Вивліоө., XIII, 31, 32, 41, 45 и 331).

2) Яковъ Григорьевичъ З., дьякъ Іоанна Грознаго, бывшій на свадьбахъ царя и его брата, въ 1547 г., и сопутствовавшій первому въ походахъ 1556, 1559 и 1562 г. (Рос. Вивліоө., XIII, 33 и 38) Въ описаніи свадебъ онъ называется Захарьинымъ, а въ перечнѣ дьяковъ, бывшихъ при государѣ въ походахъ означенныхъ нами годовъ,—Захаровымъ (Рос. Вивл., XIII, стр. 254, 294 и 331). Въ послѣднемъ, на стр. 331, оба они стоятъ рядомъ: «Яковъ да Василей Захаровы», изъ чего можно заключить, что они были родные братья. Не были ли они съ тѣмъ вмѣстѣ сыновьями № 10 представленной нами росписи, т. е. Григорья Юрьевича Захарьина? Самое положеніе ихъ, близкое къ царю, могло быть послѣдствіемъ родства ихъ съ Романовыми-Юрьевыми-Захарьиными.

3) Анастасія N. N.—жена котораго нибудь изъ этихъ двухъ братьевъ. Она присутствовала на свадьбахъ царя Семіона и кн. Ив. Дм. Бѣльскаго-Гедиминовича, 5-го ноября 1554 г. и 8-го ноября 1555 г. (Рос. Вивліоө. XIII, 63, 69, 75 и 79).

4) Иванъ Юрьевъ, дьякъ (см. примѣч. 28—къ № 21).

Примѣч. 12—къ № 10-му. «Лѣта 7071 (1563) марта въ 20-й день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ, иже во обители св. Саввы избіенныхъ, преставися раба Божія Уліана Григорьева жена Юрьевича, инока схимница Евпракса.» (Рос. Вивліоө., XIX, 301).

Примѣч. 13—къ № 12-му. «А въ дружкахъ были съ великаго князя сторону.. да бояринъ Ив. Мих. Юрьевъ съ женою» (Рос. Вивлиѳ., XIII, 30).

Примѣч. 14—къ № 13-му. «Лѣта 7075 апрѣля въ 3-й день преставися рабъ Божій бояринъ Василій Мих. Юрьевъ-Захарьинъ». (Новосп. монастырь Снигирева. 1843, 128).

Примѣч. 15—къ № 13-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися раба Божія Анастасія, болярина князя Димитрія дщерь Ѳед. Бѣльскаго, а жена болярина Вас. Мих. Юрьева» (Тамъ же, 129). Нужно замѣтить, что 24-го мая 1571 г.—день нашествія на Москву и сожженія города крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, когда погибло множество народа.

Примѣч. 16—къ № 14-му. «Лѣта 7060 іюня въ 1-й день преставися рабъ Божій Іоаннъ Михаиловичъ Юрьевъ, а во иноцѣхъ Іоасафъ» Тамъ же, 127).

Примѣч. 17—къ № 16-му. «Лѣта 7070 (1561) октября въ 27-й день, на память св. мученика Нестора, преставися рабъ Божій Даніилъ Романовичъ, въ пятницу на первомъ часу дни» (Опис. Новосп. мон. 1802 г.) «Лѣта 7073 ноября въ 27-й день преставися рабъ Божій бояринъ Даніилъ Ром. Юрьевъ» (Новосп. монастырь, Снигирева, 1843 г., 128). Церковь наша празднуетъ муч. Нестору 27-го октября, потому мы считаемъ первую запись вѣрною.

Примѣч. 18—къ № 16-му. «Лѣта 7060 (1552) іюля въ 8-й день, преставись Анна Данилова жена Романовича Юрьева» (Опис. Новосп. м. 1802) «Лѣта 7065 мая въ 8-й день, преставися раба Божія Анна, болярина Даніила, жена Романовича-Юрьева первая». (Новосп. монастырь, Снигирева, 1843 г., 127).

Примѣч. 19—къ № 16-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися раба Божія болярыня Анна, болярина Данилова, жена Романовича Юрьева другая» (Новосп. мон. 1843 г.)

Примѣч. 20—къ № 17-му. «Лѣта 7054 (1545) сент. 5-го дня, преставись рабъ Божій Долматъ Романовичъ, на память св. пророка Захаріа» (Опис. Новосп. мон. 1802). Запись эта совершенно сходна съ Опис. Новосп. монастыря по Снигиреву.

Примѣч. 21—къ № 18-му. На послѣдующихъ свадьбахъ Іоанна Грознаго о Романовыхъ не упоминается: тамъ первенствовали Годуновы.

Примѣч. 22—къ № 18-му. «Лѣта 7094 апр. въ 23-й день преставися рабъ Божій бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ, во иноцѣхъ Нифонтъ схимникъ» (Новосп. мон., Снигирева, 1843).

Примѣч. 23—къ № 18-му. У Долгор. (Ш, 105—106, дочь № 13); во Времен., X, 89—90, она названа Дарьей.

Примѣч. 24—къ № 18-му. «Лѣта 7060 (1552) іюня въ 18-й день,

на память св. муч. Леонтія, преставись раба Божія Варвара Никитина жена Романовича Юрьева» (Опис. Новосп. м. 1802 г.) То же у Снигирева.

Примѣч. 25—къ № 18-му. «Лѣта 7089 апр. въ 4-й день преставися раба Божія болярыня Евдокія, болярина Никитина жена Романовича Юрьева...» (Новосп. м. Снигирева).

Примѣч. 26—къ № 20-му. «Лѣта 7084 окт. въ 24-й день преставися рабъ Божій Протасій Вас. Юрьевъ» (Тамъ же).

Примѣч. 27—къ № 21-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися рабъ Божій Іоаннъ, болярина Василья сынъ Михаиловича Юрьева» (Тамъ же). Не онъ ли дьякъ Иванъ Юрьевъ, который упоминается по разряднымъ книгамъ въ походѣ съ царемъ въ 1556, 57, 59, 60 и 62 гг. и въ отвѣтной грамотѣ 2-го іюля 1566 г.? Объ этомъ дьякѣ говорится въ синодикѣ Іоанна Грознаго подъ № 26.

Примѣч. 28—къ № 21-му. Иванъ Юрьевъ, дьякъ. Не былъ ли онъ сыномъ № 13, т. е. боярина Василія Юрьевича? Правда, объ немъ, какъ равно о его потомствѣ и о потомствѣ Захаровыхъ (см. примѣч. 11—къ № 10-му) нигдѣ не говорится, но это могло быть потому, что они принадлежали къ боковой линіи Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, а не къ той, которая породнилась съ домомъ Рюрика выходомъ въ замужество Анастасіи Романовны за Іоанна Грознаго и дала Россіи перваго царя въ лицѣ Михаила Өеодоровича.

Примѣч. 29—къ № 22-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися рабъ Божій Өеодоръ боярина Васильевъ, сынъ Михаиловича Юрьева» (Тамъ же).

Примѣч. 30—къ № 23-му. «Преставися рабъ Божій Мих. Дан. сынъ Романовича, не великъ» (Тамъ же).

Примѣч. 31—къ № 24-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися рабъ Божій Іоаннъ, болярина Даниловъ сынъ Романовича Юрьева» (Тамъ же).

Примѣч. 32—къ № 25-му. «Лѣта 7079 мая въ 24-й день преставися рабъ Божій младенецъ Өеодоръ, болярина . . .» (Тамъ же).

Примѣч. 33—къ № 25-му «Лѣта 7079 (1571) погребена раба Божія Анна Данилова дочь Ром. Юр.» (Опис. Новосп. м. 1802).

Примѣч. 34—къ № 25-му. «Лѣта 7104 (1696? слѣдуетъ 1596) іюня въ 15-й день на память св. пророка Аммоса, преставись раба Божія князя Өедорова князь Дм-ча Шестунова Өетинья Данилова дочь» (Опис. Новосп. м. 1802). По записи Сниг. она † 15-го іюля 1546 г. Празднованіе пр. Аммоса 15-го іюня.

Примѣч. 35—къ № 26-му. «А на отпускѣ у государя (Михаила Өеодоровича) свейской посланникъ Гоканъ Шкутъ не былъ, потому что въ нынѣшнемъ въ 142 году (1633), октября въ 1-й день, праведнымъ судомъ Бо-

жінѣ, великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи не стало» (Дворц. Разр., III, 346).

«Того-жъ году (7142—1633), октября въ 1-й день, преставися великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи» (тамъ же, 348—349).

«Лѣта 7142 (1634, слѣдуетъ 1633) октября въ 1-й день, во вторникъ, въ послѣдній часъ дни, на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, преставися великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи самодержца, по плотскому рожденію отецъ, а по духовному чину отецъ и богомолецъ, великій господинъ и государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію патріархъ Московскій и всеа Русіи». (Москва. Подробное истор. и археологическое описаніе города, изд. Мартынова, т. II, 139).

(Примѣч. 36-къ № 26). «Подъ помянутою соборною церковью погребено тѣло: великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, самодержца всея Россіи матери, а великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича патріарха Московскаго и всея Россіи посестріи государыни великія старицы инокини Марфы Іоанновны. У гроба ея въ головахъ надпись слѣдующая: «Лѣта 7139 (1631 г.) января въ 27-й день, на память возвращенія мощей, иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго патріарха Царя-града, съ четверга противъ пятницы, въ седьмомъ часу нощи, преставися великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи мать, великая государыня инока Марфа Ивановна» (Опис. Новосп. м. 1802, 7—8).

«Лѣта 7139 января въ 27-й день преставися великая государыня царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи мать, великая государыня, инокиня Марфа Ивановна» (Новосп. м. Снигирева, 1843, 133).

Примѣч. 37—къ № 26-му. Иванъ Васильевичъ Шестовъ, по разряднымъ книгамъ показывается полковымъ головою въ походѣ 1559 г. у боярина Михаила Яковлевича Морозова и полковымъ же головою съ служилыми татарами въ 1562 г; упоминается въ отвѣтной грамотѣ 2-го іюля 1566. Жена его Марія, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ и другими Романовыми, подверглась опалѣ Бориса Годунова, и по указу его 1-го (3-го) іюля 1601 г. сослана въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій монастырь, гдѣ и пострижена 2-го августа того же года (Акт. Истор., II, родословіе Шестовыхъ см. Русск. Род. книга II, 197—198).

Примѣч. 38—къ № 27-му. «Лѣта 7114 (1606) марта въ 12-й день, на память преподобнаго Феофана Исповѣдника, погребенъ рабъ Божій Александръ Никитичъ Романовъ» (Опис. Новосп. м-ря. 1802 г., 44).

«Лѣта 7114 марта въ 15-й день погребенъ рабъ Божій бояринъ Александръ Никитичъ Романовъ, а преставися въ заточеніи отъ царя Бориса, Кирилова монастыря въ вотчинѣ на Лудѣ» (Новосп. м. Снигирева, 131).

Вѣроятно, на основаніи этихъ надписей кончину Александра Никитича относятъ къ 1606 г. По нашему мнѣнію, онъ умеръ при Борисѣ Годуновѣ. Если бы онъ былъ живъ, то Лжедимитрій не оставилъ бы его въ заточеніи, но какъ его уже не было, то ему оставалось только приказать перевезти прахъ опальнаго въ Москву, на что и указываетъ Карамзинъ въ IV гл. XI части Ист. Госуд. Россійскаго.

Примѣч. 39—къ № 27-му. «Лѣта 7105 (1697? слѣдуетъ 1597 г.) августа въ 1-й день на происхожденіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня, преставись раба Божія Александра жена Никитича Романова Евдокія, князь Иванова дочь Голицына» (Опис. Новосп. мон. 1802).

«Лѣта 7105 августа въ 1-день преставися раба Божія болярыня Евдокія, болярина Александра жена Никитича Романова первая, а дщерь князя Іоанна Юрьевича Голицына» (Новосп. мон-рь 1843).

Примѣч. 40—къ № 27-му. «Вотъ основанія, почему мы причисляемъ Ульяну Семеновну къ роду Погожихъ или Погожевыхъ: «Лѣта 7133 (1625) марта въ 22-й день, далъ вкладу Іоаннъ Семеновичъ Погожей, по сестрѣ своей Ульянѣ (Іуліанѣ) Семеновнѣ,, во инодѣхъ Улей (Іуліѣ) 150 р.» (Опис. Новоспаск. мон. 1802. 83). «Лѣта 7133 (1624 г.) декабр. въ 5-й день, на память преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго, преставись раба Божія Іуліана Семеновна боярина Александровская жена Никитича Романова, а во инодѣхъ Іулія (или Юлія) схимница» (Тамъ-же, 30). «Лѣта 7133 декабря въ 5-й день преставися раба Божія болярыня Іуліанія Симеоновна, болярина Александровская жена Никитича Романова, а во инокиняхъ Іуліа схимница» (Новосп. мон. 1843 г.). Братья Ульяны Семеновны (см. «Русск. Род. кн.» изд. «Русск. Стар.» т. II, 145—148) упоминаются въ войскѣ, въ дворцовыхъ службахъ и на воеводствѣ. Слѣдующая выписка указываетъ на особыя отношенія между Погожими и Стрѣшневыми: «7140 (1631) декабря въ 5-й д. далъ вкладу бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ (Долгор., IV., № 45) по Іоаннѣ Семеновичѣ Погожемъ за шапку и за лошадь 100 р.» (Опис. Новосп. м. 1802, 84).

Примѣч. 41—къ № 28-му. Въ отношеніи кончины Михаила Никитича слѣдуетъ сказать то же, что сказано въ примѣч. объ Александрѣ Никитичѣ. Вотъ надписи: «Лѣта 7114 (1606) марта въ 15-й день на память Кирилла Іерусалимскаго, погребенъ рабъ Божій Михаилъ Никитичъ Романовъ» (Тамъ-же, 44), Лѣта 7114 марта въ 18-й д. погребенъ рабъ Божій окольничій Михаилъ Никитичъ Романовъ; преставися въ заточеніи отъ царя Бориса въ Перми, у Николы Чудотворца въ Нырпу на погостѣ» (Новосп. м. 1843).

Примѣч. 42—къ № 30-му. Когда Вас. Никитича привезли въ Яренскъ, 22-го іюля, тамъ находился на службѣ князь Александръ Андреевичъ Репнинъ-Оболенскій, и при немъ жена и дѣти. Онъ былъ другомъ Ѳеодора Никит.

Романова и товарищемъ его по походамъ. Объ этихъ отношеніяхъ между Репнинымъ, Романовымъ и кн. Ив. Вас. Сицкимъ—мужемъ Евфиміи Никит. Романовой, указываетъ 137 ст. Симб. Сборн. По указу царя Бориса, какъ Романовы и Сицкіе, такъ и Репнины, подлежали ссылкѣ. По этому Репнина увезли въ Уфу, въ концѣ іюля 1601 г. Онъ † 3-го янв. 1612 г. и погребенъ въ Пафнутьево-Боровскомъ монастырѣ (Рос. Вивліое., XIX, 348).

Примѣч. 43 къ—№ 30-му. «Лѣта 7109 (1601) февраля въ 15-й день, на память св. апостола Онисима, преставися рабъ Божій Василій Никитичъ Романовъ» (Опис. Новосп. м. 1802).

«Лѣта 7109 февруарія въ 15-й день преставися рабъ Божій Василій Никитичъ Рамановъ, молитвенное имя ему Никифоръ, въ заточеніи отъ царя Бориса въ сибирскомъ городѣ на Пелымѣ. (Новоспасск. м. 1843, 130).

Очевидно, въ обѣихъ записяхъ допущена ошибка въ годѣ; допустивъ кончину Вас. Ник. въ 1601 г., нужно отвергнуть приговоръ, состоявшійся лишь въ концѣ іюня 1601 г., и ссылку его въ Яренскъ и Пелымъ, а то и другое составляютъ фактъ историческій.

Примѣч. 44—къ № 30-му. «Отъ царя и великаго князя Димитрея Ивановича всеа Руси въ Пелынь Олексѣю Ивановичу Зюзину, да голове Максиму Ивановичу Радилову. Какъ къ вамъ сія наша грамата придетъ, и боярина нашего Ив. Никит. Романова люди въ Пелынь пріѣдутъ; и вы-бъ Васильева тѣло Романова велѣли, выкопавъ, отдать боярина нашего Ив. Никит. Романова людямъ, кто къ вамъ съ сею нашею граматою пріѣдетъ, и отпустили ихъ въ намъ къ Москвѣ. Писана на-Москвѣ, лѣта 1605 г., дек. 31-го дня» (Собр. гос. грам. и догов., II, 250). Вѣроятно подобныя граматы были даны другимъ воеводамъ въ отношеніи перевозки тѣлъ Александра и Михаила Никитичей.

Примѣч. 45—къ № 31. Вмѣстѣ съ нимъ подписались подъ этою граматою и другіе родственники Романовыхъ, какъ-то: бояринъ кн. Алексѣй Юр. Сицкій, внукъ Анны Романовны, по мужѣ Сицкой, стольникъ кн. Өед. Алексѣевичъ Сицкій—сынъ предъидущаго, бояринъ Өед. Ив. Шереметевъ, мужъ Ирины Борисовны, дочери кн. Бор. Камб. Черкасскаго и Мареы Никит. Романовой, бояринъ кн. Ив. Бор. Черкасскій—сынъ послѣдней, кн. Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій—мужъ Татьяны Өедоровны, Дементій и Өедоръ Погожіе; но ни одного изъ Годуновыхъ нѣтъ (Собр. гос. грам., I, 637-639).

Примѣч. 46—къ № 31-му, «Лѣта 7148 (1640) іуля въ 18-й день, въ субботу, преставися рабъ Божій Іоаннъ Никитичъ Романовъ» (Опис. Новосп. мон. 1802 г., 45). «Лѣта 7148 іюля въ 18-й день преставися рабъ Божій бояринъ Іоаннъ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ» (Новосп. м. 1843).

«Того-жъ (1640), году іюля въ 19-й день, ходилъ государь въ Спасу на Новое погребать боярина Ивана Никитича Романова» (Дворц. Разр. II, 636).

Очевидно, тѣ вклады, которые даны были въ ноябрѣ 1640 г., въ 1642 и 1643 г. въ Новосп. мон. (Опис. 45) и Хуттынскій (Арх. опис. церковн. древн. въ Новгородѣ и его окрести. II) внесены послѣ его смерти, вѣроятно, отъ его имени.

Примѣч. 47—къ № 31-му. Вотъ почему мы причисляемъ Ульяну Өедоровну къ княжеской фамиліи Литвиновыхъ-Мосальскихъ:

«1624 г. марта въ 9-й день, государь царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ указалъ быть въ украинскомъ розрядѣ воеводамъ, по полкамъ: въ сторожевомъ полку, на Кропивнѣ, стольникъ и воевода князь Андрей княжъ Өедоровъ сынъ Литвиновъ-Мосальскій. Въ сторожевомъ полку, въ Пронску, воевода Петръ Тимофѣевъ сынъ Пушкинъ» (Дворц. Разр. I, 583—584).

«И Петръ Пушкинъ билъ челомъ на князя Андрея Мосальскаго о мѣстѣхъ, что ему въ сходъ итти ко князю Андрею Мосальскому и меньши его быть не вмѣстно, по многимъ ближнимъ и точнымъ случаямъ. И бояре челобитья его не послушали, и Петръ службы писалъ и списковъ не взялъ, для князя Андрея Мосальскаго. И бояре приговорили, для Ивана Никитича Романова, что ему князь Андрей свой по женѣ: будетъ Петръ списковъ не возметъ, и Петра Пушкина посадить въ тюрьму безъ сыску» (Тамъ же, 2 примѣч. къ стр. 586). Она была дочерью кн. Өедора Ивановича, воеводы при Іоаннѣ Грозномъ и Өеодорѣ Іоанновичѣ (О ней см. Русск. Род. кн. изд. Русск. Стар. II, 74).

Примѣч. 48—къ № 31-му. «Лѣта 7158 (1649) окт. въ 23-й день, во вторникъ, на память св. апостола Іакова братія Господня по плоти, преставися раба Божія Иванова жена Никитича Романова Ульяна Өедоровна,» (Опис. Новосп. м., 45-46, и Новоспасск. м. 1843 г., 133).

Примѣчаніе 49—къ № 32-му «Лѣта 7103 февраля въ 5 день, преставися рабъ Божій Іоаннъ Никитичъ Романовъ прозваніемъ Левъ» (Новосп. м. 1843).

Примѣч. 50—къ № 32-му. «Лѣта 7073 (1565) августа въ 24-й день, на память св. священномученика Евтиха, ученика св. Іоанна Богослова, преставись Никитина дочь Романова Юрьева младенецъ Іуліанія» (Опис. Новосп. м. 1802). «Лѣта 7073 августа въ 27-й день, преставися раба Божія младенецъ Іуліанія, дщерь боярина Никиты Романовича Юрьева» (Новосп. мон. 1843) Первая запись вѣрнѣе.

Примѣч. 51—къ № 32-му. «Лѣта 7074 (1565) декабря во 2-й день, преставись раба Божія князь Иванова жена Өедоровича Троекурова княгиня Анна Никитична дочь Романовича Юрьева» (Опис, Новосп. м. 1802 г.). «Лѣта 7094 дек. въ 6-й день, преставися раба Божія княгиня Анна, болярина Никитича дщерь Романовича Юрьева, а князя Іоанна княгиня Өедоровича Троекурова» (Новосп. мон. 1843).

Примѣч. 52—къ № 32-му. «Лѣта 7109 апрѣля въ 8-й день, преставися раба Божія княгиня Евфимія болярина кн. Ивана Васильевича Ситскаго, во инокиняхъ Евдокія; уморилъ въ заточеніи повелѣніемъ царя Бориса Михаилко Внуковъ; а погребена была Соловецкаго монастыря въ вотчинѣ въ Сумскомъ острогѣ, и повелѣніемъ вел. государя царя и вел. князя Михаила Θеодоровича всея Россіи принесены многострадальныя мощи ея въ монастырь къ Спасу на Новое и погребены въ 125 г., марта въ 28-й день, подъ церковію Пресвятыя Богородицы честнаго ея знаменія» (Новосп. м. 1843, 130-131).

Примѣч. 53—къ № 32-му. «Лѣта 7116 марта въ 23-й день, погребенъ рабъ Божій кн. Іоаннъ Вас. Ситскій, а въ крещеніи имя его Софроній, во инокѣхъ Сергій, а преставися въ заточеніи отъ царя Бориса въ Кожеозерскомъ монастырѣ» (Тамъ же).

На страницѣ 86 Опис. Новосп. монастыря 1802 г. говорится о вкладѣ царя Михаила Θеодоровича,—25-го сент. 1644 г. «для тернѣнія боярина князь Іоанна Васильевича Ситскаго, и по душамъ бояръ: его жъ князь Іоанна Васильевича да князь Алексѣя Юрьевича Ситскаго».

Примѣч. 54—къ № 32-му. «Лѣта 7118 (1610) февраля въ 28-й день, на память отца нашего Василія Исповѣдника, преставися раба Божія боярина князь Бориса Камбулатовича Черкасскаго жена княгиня Марθа Никитична» (Опис. Новосп. м. 1802 г., 44). «Лѣта 7118 февраля въ 28-й день, преставися раба Божія княгиня Марθа Никитична, боярина Никиты Романовича Юрьева дщерь, а княгиня князя Бориса Камбулат. Черкасскаго» (Новосп. м. 1843, 132).

«Лѣта 7109 (1601?), апрѣля въ 29-й день, напамять отца нашего Мемнона чудотворца, преставися рабъ Божій князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасскій» (Опис. Нов. м.). «Лѣта 7109 апрѣля въ 25-й день, преставися бояринъ князь Бор. Камб. Черкасскій на Бѣлѣозерѣ, въ заточеніи отъ царя Бориса» (Новосп. м. 1843).

Сынъ его и Марθы Никитичны, кн. Иванъ Бор. Ч., по указу 1-го іюля 1601 г. сосланъ въ Малмыжъ, по указу 28-го мая 1602 г. переведенъ на службу въ Нижній Новгородъ, по указамъ 17-го сент. и 14-го окт. 1602 г. возвращенъ въ Москву (Акты. Истор., II). Дочь ихъ Ирина Бор. Ч. была за бояриномъ Θед. Ив. Шереметевымъ; она † 1-го марта 1616 и погребена въ Новосп. монастырѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Θед. Θед. Шер. † 2 марта 1616 г. (Опис. Новосп. м.).

Примѣч. 55—къ № 32-му. «Лѣта 7141 (1639?) іюня въ 6-й день, въ четвергъ, на память преподобнаго отца нашего Іларіона Новаго обители Далматскія, преставися раба Божія боярина-Иванова жена Ивановича Годунова боярыня Ирина Никитична» (Опис. Новосп. м. 1802).

«Лѣта 7143 іюня въ 6-й день, преставися раба Божія Ирина Никитична, жена боярина Ивана Ивановича Годунова» (Новосп. м. 1843).

Примѣч. 56—къ № 32-му. «А воспріемница Ирина Никитична». «А и каптаны къ крещенію и отъ крещенія въ каптанѣ царевича несла Ирина Никитична, да съ нею два боярина, а за ними боярынь съ 30» (Дворц. Разр., II, 5).

Примѣч. 57—къ № 32-му «Лѣта 7164 (1655) октября въ 9-й день, на память св. апостола Іакова Алфеова, преставися раба Божія боярина князя Бориса Михайловича Лыкова жена боярыня вдова княгиня Анастасія Никитична, во иноцѣхъ схимница Анисія» (Рос. Вивл., XIX, 354-355). Тамъ же похоронены: мужъ ея († 8-го іюня 1646 г.) и дѣти: княжна Акулина († 9-го апр. 1615 г.), княжна Ульяна († 10-го дек. 1617 г.) и кн. Иванъ († 23-го дек. 1624).

Примѣч. 58—къ №№ 33, 34, 35 и 36-му. «Подъ оною церковью (Преображенія Господня) великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича старшихъ четырехъ братьевъ, въ исходѣ XVI столѣтія и сестры въ 1611 г. и прочихъ его царской фамиліи родственниковъ скончавшихся тѣла погребены» (Опис. Новосп. м., II стр. предисловія). «Подъ прежде бывшею первоначальною, подъ нынѣшнею же соборною церковью погребены тѣла великаго царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича старшихъ братьевъ, во младенчествѣ скончавшихся» (Тамъ же, 11 стр.).

«Лѣта 7101 ноембрія въ 29-й день, преставися рабъ Божій младенецъ Борисъ, болярина Ѳеодоровъ сынъ Никитича Романова» (Новосп. м. 1843).

«Лѣта 7101 ноембрія въ 29-й день, преставися младенецъ Никита Ѳеодоровичъ Романовъ» (Тамъ же). «Лѣта 7106 сентября въ 21-й день, преставися рабъ Божій младенецъ—Левъ Ѳеодоровичъ Романовъ» (Тамъ же).

«Лѣта 7107 іюня въ 7-й день, преставися рабъ Божій младенецъ Іоаннъ Ѳеодоровичъ Романовъ» (тамъ же).

Примѣч. 59—къ № 37-му. «Лѣта 7119 (1611 г.) іюля въ 21-й день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Симеона Христа ради юродиваго, и Іоанна спостника его и св. пророка Іезекіиля, преставися раба Божія, князь Іоанна Михайловича Катырева (супруга) княгиня Татіана Ѳедоровна, Ѳеодора Никитича (кой былъ патріархъ Филаретъ Никитичъ) дочь Романова» (Опис. Новосп. мон. 1802 г. II). На гробницу ея царь Михаилъ Ѳеодоровичъ положилъ шитый серебромъ покровъ, 21-го іюля 1631 г. (Тамъ же).

«Лѣта 7119 іюля въ 21-й день преставися раба Божія благовѣрная княгиня Татіана Ѳеодоровна, болярина Ѳеодора Никитича Романова дщерь, а княгиня князя Іоанна Михайловича Катырева» (Новосп. м. 1843).

Примѣч. 60—къ № 38-му. «Лѣта 7164 (1655, а слѣдуетъ 1654 г.) декабря въ 11-й день на память преподобнаго отца нашего Даніила Столпника, пре-

ставися рабъ Божій Никита Ивановичъ Романовъ, идучи съ государевой службы» (Опис. Новосп. м., 46). Мы принимаемъ 1654 г. за годъ смерти его потому, что уже въ слѣдующемъ 1655 г., въ мартѣ и іюлѣ, царь Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ по немъ вклады въ монастырь (Тамъ же, стр. 79 и 80).

«Лѣта 7164 декемврія въ 11-й день преставися рабъ Божій болярин Никита Іоанновичъ Романовъ» (Новосп. м. 1843, 133).

Прошло 10 лѣтъ послѣ смерти Никиты Ивановича, и вотъ что читаемъ подъ 1666 годомъ:» мая въ 25-й день, въ четвертомъ часу дни, на послѣдней чети того часа, великій государь (Алексѣй Михайловичъ) изволилъ итти въ походъ въ монастырь къ Спасу на Новое, слушать по бояринѣ по Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ понахиды» (Двор. Разр., III, 623). Нужно замѣтить, что церковь наша празднуетъ 24-го мая преподобнаго Никиты Столпника.

Примѣч. 61—къ № 39-му. «Лѣта 7117 апрѣля въ 25-й день, преставися рабъ Божій младенецъ Андрей, сынъ болярина Іоанна Никитича Романова» (Новосп. мон. 1843, 131).

Примѣч. 62—къ № 40-му. «Лѣта 7119 ноембрія въ 4-й день, преставися рабъ Божій младенецъ Димитрій Іоанновичъ Романовъ» (Тамъ же).

Примѣч. 63—къ № 41-му. «Лѣта 7133 іюля въ 30-й день, преставися рабъ Божій младенецъ Іоаннъ Іоанновичъ Романовъ, болярина Іоанна Никитича Романова сынъ» (Тамъ же).

Примѣч. 64—къ № 41-му. «Лѣта 7120 декембрія въ 27-й день, преставися раба Божія младенецъ Параскева, дщерь болярина Іоанна Никитича Романова» (Тамъ же).

Примѣч. 65—къ № 41-му. «Лѣта 7123 мая въ 10-й день, преставися раба Божія младенецъ Ирина Іоанновна, болярина Іоанна Никитича Романова дщерь. (Тамъ же).

Примѣч. 66—къ № 41-му. «Лѣта 7130 октября въ 25-й день, преставися раба Божія дѣвица Параскева, дщерь болярина Іоанна Никитича Романова» (Тамъ же). «Лѣта 7130 (1621) октября въ 25-й день, на память святыхъ мученикъ и нотарей Маркіана и Мартирія, преставись раба Божія Праскева, дѣвица, Иванова дочь Никитича Романова» (Опис. Новосп. монастыря 1802).

Примѣч. 67. Матеріалами для настоящей родословной, между прочимъ, служили: Родословн. Кн. Новикова. II, Родосл. кн.. Долгор. III, Временникъ X, «Родословн. Кн.» изд. «Русской Старины,» Исторія Карамзина, Исторія Соловьева, Собраніе государствен. грам. и договоровъ, Россійская Вивліоѳика XIII, XIV, XIX и XX, Акты Историч., Дворцовые Разряды, Книги разрядныя, Опис. Новосп. монастыря 1802, Новоспасскій монастырь 1843, Алфавитно-

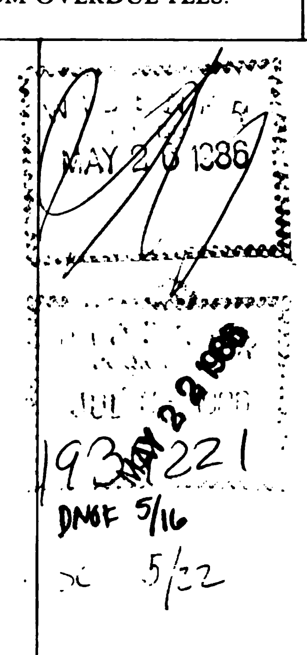
справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови Хмырова, Родословная дома Романовыхъ Ѳ. Туманскаго, Родословное древо 1864 г. Москва, изданіе Мартынова, Симбирскій Сборникъ, Genealogisch-Hronologische Geschichte des Allerdurchluuchtigsten Hauses Romanow, von Balthasar Campenhausen. Leipzig. 1805, Galerie de la maison des Romanoff, par le baron B. de Kohne. 1866.

400—500 лошадей и множество всякаго скота и богатства» (24—26).

Изъ своего путешествія по Волгѣ Екатерина писала новгород. митрополиту относительно нижегород. области, что эта епархія заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что число иновѣрныхъ и раскольниковъ тамъ весьма велико, и потому необходимо, чтобъ тамошнее духовенство обладало образованіемъ, духомъ кротости и доброю жизнію, а между тѣмъ въ ней, наоборотъ, «примѣчался во всемъ духовенствѣ духъ гоненія» (60). Но до какихъ безобразій доходило насильственное обращеніе въ христіанство сибирскихъ инородцевъ православнымъ духовенствомъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ донесеніе того же спб. губернатора Чичерина: спаиванье инородцевъ ради крещенія, вымогательство взятокъ, ложныя обвиненія въ нарушеніи христіанства новообращенными (причемъ подбрасывали имъ лошадиныя кости и посуду, намазанную молокомъ, или ставили въ потаенныхъ мѣстахъ болвановъ), наконецъ, истязанія, — были обычными явленіями у тогдашнихъ миссіонеровъ. Вслѣдствіе этого донесенія митр. Павелъ (Конюскевичъ, почивающій въ Кіевской лаврѣ) былъ смѣненъ и образована была коммисія для составленія миссіонерской инструкціи, въ которой были предложены правила, написанныя въ совершенно противоположномъ духѣ, и выражены мысли, что «проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка, не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго; проповѣдники отнюдь не должны прямой вѣры пополнять суевѣріемъ, разсказами о ложныхъ чудесахъ и откровеніяхъ; три обязанности проповѣдника: учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть насиліе совѣсти и злочестіе» (159—160). Но духъ такой широкой терпимости далеко не былъ общимъ. Такъ, когда среди однодворцевъ Тамбовскаго уѣзда проявилась ересь, направленная противъ церковной обрядности, то всѣ мущины были зачислены въ солдаты, дѣти ихъ отданы въ гарнизонныя школы, откуда должны были также быть размѣщены по полкамъ, а вдовы и дѣвицы отданы въ работницы однодворцамъ и крестьянамъ (68).

Возвратившись изъ путешествія, Екатерина съ радостью заявила въ сенатѣ, что изъ 600 поданныхъ ей челобитенъ ни одной не оказалось противъ воеводъ и управленія вообще, ни одной жалобы на взятки, значитъ—правосудіе находится въ хорошемъ состояніи, а правители и судьи ведутъ дѣло безкорыстно (64). Но при этомъ историкъ дѣлаетъ вполнѣ основательный вопросъ: «А жалоба казанскихъ татаръ на сборъ для подарка губернатору?» (62 примѣч.). Не задолго же до того производилось обширное дѣло о взяткахъ по винокуренію въ Бѣлгородской губерніи, къ которому привлечено было 39 человѣкъ и въ томъ числѣ губернаторъ кн. Григорій Шаховской и его товарищъ Безобразовъ, за что первый былъ сосланъ на четыре года въ деревню и удаленъ отъ всякихъ дѣлъ на будущее время (12) и т. п., а послѣ того снова производилось дѣло о взяткахъ на нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ (65). Купечество продолжало вести борьбу съ губернаторами и воеводами, вмѣшивавшимися въ дѣла магистратовъ и насильно бравшихъ съ нихъ товары, или безчестившихъ ихъ побоями (14—15). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ подобные случаи сопровождались тогда открытою карою виновныхъ.—Грубость нравовъ еще давала себя сильно чувствовать. Такъ, бѣлевскій воевода былъ избитъ въ день коронаціи собственными подчиненными; тамбовскій прокуроръ жаловался сенату, что попы Никольской церкви, по злобѣ на него епископа, во время обѣдни требовали отъ него или оставить бывшую у него въ рукахъ трость, или выйти изъ церкви (16—17). Еще въ 1763 г. правительствомъ былъ сдѣланъ шагъ къ уничтоженію пытки, но администрація не легко свыкалась съ этими понятіями (8—9, 37), и сенату приходилось давать наставленія, чтобы дѣла оканчивались въ опредѣленный срокъ безъ пытокъ (9). Проведенію новыхъ началъ въ жизнь общественную долженъ былъ содѣйствовать Наказъ Екатерины и новое Уложеніе. Этому вопросу посвящена часть первой и вторая глава настоящаго тома. **В. И.**

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**


193221
DNOF 5/16
5/22